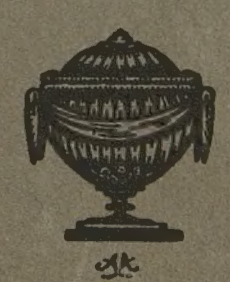
ПИСЬМА

ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ КЪ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ II

АК

ЭР1 / 1018

ПИСЬМА

ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ КЪ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ II

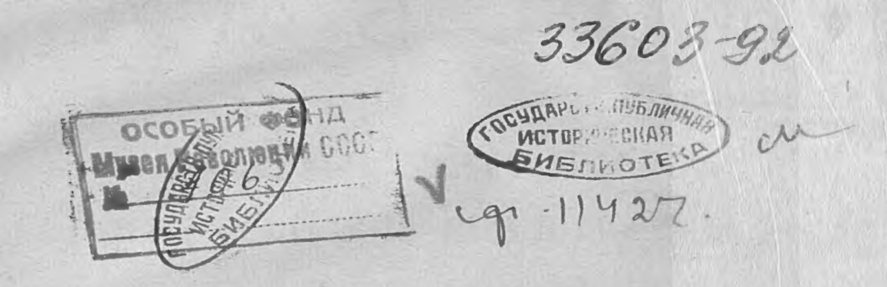
ТОМЪ I

Переводъ съ англійскаго
В. Д. Набокова

1 9 2 2

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО» БЕРЛИНЪ

Всѣ права, въ томъ числѣ и право перевода, принадлежатъ Издательству «СЛОВО», Берлинъ.

2

ПРЕДИСЛОВІЕ

Содержащіяся въ настоящемъ изданіи письма Императрицы Александры Федоровны къ Николаю II, числомъ четыреста, обнимаютъ періодъ съ іюля 1914 года по 17 декабря 1916 года. Въ подлинникѣ всѣ письма тщательно перенумерованы, начиная съ № 231. Такимъ образомъ, за эти четыре года число писемъ вдвое превышаетъ количество написанныхъ за все предыдущее время, составляющее свыше двадцати лѣтъ. Объясняется это тѣмъ, что Государю приходилось весьма рѣдко разлучаться съ Государыней, между тѣмъ какъ во время войны Николай II бывалъ большей частью въ отсутствіи и Александра Федоровна писала ему ежедневно, помимо часто посылаемыхъ телеграммъ. Письма обрываются на 17-мъ декабря, днѣ убійства Гр. Распутина. Получивъ извѣстіе объ этомъ, Николай II немедленно выѣхалъ въ Царское Село и возвратился въ Ставку лишь въ послѣднихъ числахъ февраля, когда въ Петербургѣ уже началось революціонное броженіе.

Письма Императрицы найдены были въ Екатеринбургѣ послѣ убійства царской семьи въ черномъ ящикѣ съ выгравированными на немъ иниціалами Н. А. Они хранились тамъ вмѣстѣ съ письмами Императора Вильгельма, уже опубликованными. Письма къ Государю всѣ написаны по англійски, но нѣкоторыя фамиліи, отдѣльныя слова, а иногда и цѣлыя фразы написаны по русски. То, что написано по русски, выдѣлено какъ въ англійскомъ текстѣ, такъ и въ русскомъ переводѣ курсивомъ.

Въ виду огромнаго политическаго значенія писемъ они дополнены многочисленными примѣчаніями, составленными на основаніи показаній лицъ, близкихъ къ царской семьѣ, нѣкоторыхъ появившихся въ печати книгъ (какъ то Воспоминаній б. гувернера Наслѣдника Жильяра, Воспоминаній б. французскаго посла въ Петербургѣ Палеолога, и др.), а также тщательныхъ газетныхъ справокъ, относящихся до событій, о которыхъ въ письмахъ упоминается. Примѣчанія имѣли цѣлью всесторонне освѣтить ту яркую картину состоянія русскаго двора и бюрократическаго Петербурга, которую письма весьма детально рисуютъ, устраняя вмѣстѣ съ тѣмъ массу накопившихся легендъ, сплетенъ и небылицъ.

Ко второму тому приложенъ еще указатель встрѣчающихся въ письмахъ именъ, игравшихъ какую либо политическую роль въ тѣ годы.

3

№ 1.

Ливадія, 27 апрѣля 1914 г.

Мое милое сокровище, мой родной,

Ты прочтешь эти строки, когда ляжешь въ кровать въ чужомъ мѣстѣ, въ незнакомомъ домѣ. Дай Богъ, чтобы путешествіе было пріятнымъ и интереснымъ, и не слишкомъ утомительнымъ и чтобы не было слишкомъ много пыли. Я такъ рада, что у меня есть карта, такъ что я могу за тобой слѣдить ежечасно. Ты мнѣ будешь страшно недоставать, но я рада за тебя, что ты два дня будешь въ отсутствіи и получишь новыя впечатлѣнія, и ничего не услышишь объ исторіяхъ Ани. [1] Мое сердце болитъ, мнѣ тяжело: Неужели доброта и любовь всегда такъ вознаграждаются? Сперва черная семья, [2] а теперь вотъ она... Всегда говорятъ, что нельзя достаточно любить: здѣсь мы дали ей наши сердца, нашъ домашній очагъ, даже нашу частную жизнь, а что мы отъ этого пріобрѣли? Трудно не испытывать горечи, такъ это кажется жестоко и несправедливо.

Пусть Богъ смилостивится и поможетъ намъ. У меня такая тяжесть на сердцѣ. Я въ отчаяніи, что она (Аня) причиняетъ тебѣ безпокойство и вызыватъ непріятные разговоры, не дающіе тебѣ отдохнуть. Ну, постарайся забыть все въ эти два дня. Благословляю и крещу тебя, и крѣпко держу тебя въ своихъ объятіяхъ. Цѣлую всего тебя съ безконечной любовью и нѣжностью. Завтра утромъ, часовъ въ 9, я буду въ церкви и попробую опять пойти въ четвергъ. Мнѣ помогаетъ молиться за тебя, когда мы въ разлукѣ. Я не могу привыкнуть хотя бы на короткое время не имѣть тебя здѣсь, въ домѣ, хотя при мнѣ наши пять сокровищъ.

Спи хорошо, мое солнышко, мой драгоцѣнный, тысячу нѣжныхъ поцѣлуевъ отъ твоей старой женки.

Господь благословитъ и охранитъ тебя.

---

[1] Аня — А. А. Вырубова, рожденная Танѣева, другъ Императрицы и ближайшая поклонница Г. Распутина.

[2] Очевидно, «черногорки», жены Вел. Князей Петра и Николая Николаевичей.

№ 2.

Петергофъ, 29 іюня 1914 г.

Мой любимый,

Очень грустно мнѣ не сопровождать тебя, но мнѣ казалось, что мнѣ лучше остаться спокойно здѣсь съ дѣтками. Душа и сердце всегда съ тобой: съ нѣжной любовью и страстью окружаю тебя своими молитвами. Я рада, поэтому, что какъ только ты завтра уѣдешь, я могу пойти ко всеночной, а утромъ въ 9 часовъ къ обѣднѣ. Я буду обѣдать съ *Аней*, Маріей и Анастасіей[1] и рано лягу спать. Мари Барятинская будетъ завтракать съ нами и проведетъ со мной послѣдній день. Я надѣюсь, что у тебя будетъ спокойный морской переѣздъ и что поѣздка будетъ тебѣ пріятна и дастъ тебѣ отдыхъ. Ты въ немъ нуждаешься, такъ какъ казался такимъ блѣднымъ сегодня.

Ты мнѣ будешь больно недоставать, мой собственный, дорогой. Спи хорошо, мое сокровище. Моя постель будетъ, увы, такъ пуста.

Благословляю и цѣлую тебя. Очень нѣжные поцѣлуи отъ твоей старой женки.

№ 3.

Царское Село, 19 сентября 1914 г.[2]

Мой родной, мой милый,

Я такъ счастлива за тебя, что ты въ концѣ концовъ можешь поѣхать, такъ какъ я знаю, какъ глубоко ты страдалъ все это время. Твой безпокойный сонъ доказывалъ это. Я нарочно не касалась этого вопроса, такъ какъ знала и прекрасно понимала твои чувства и въ то же самое время понимала, что тебѣ лучше не быть сейчасъ во главѣ арміи. Это путешествіе будетъ для тебя крошечнымъ утѣшеніемъ, и я надѣюсь, что тебѣ удастся увидѣть много войскъ. Я могу себѣ представить ихъ радость при видѣ тебя и также всѣ твои чувства, и горюю, что я не могу быть съ тобой и видѣть все это. Болѣе, чѣмъ когда либо, тяжело проститься съ тобой, мой ангелъ. Пустота послѣ твоего отъѣзда такъ чувствительна, и тебѣ также, я знаю, несмотря на все, что тебѣ придется дѣлать, будетъ недоставать твоей маленькой семьи и дорогого

---

[1] Марія и Анастасія — Великія Княжны, дочери.
[2] Первое письмо послѣ начала войны.

«Агунюшки».[1] Онъ скоро поправится теперь, разъ что нашъ Другъ[2] его видѣлъ; и это для тебя будетъ облегченіемъ.

Только бы были хорошія извѣстія, пока тебя нѣтъ, такъ какъ у меня сердце обливается кровью при мысли о томъ, что тебѣ приходится въ одиночествѣ переносить тяжелыя извѣстія. Уходъ за ранеными — мое утѣшеніе, и вотъ почему я даже хотѣла въ послѣднее утро туда отправиться, пока ты принималъ, чтобы сохранить свою бодрость и не расплакаться передъ тобой. Облегчать хоть немного ихъ страданія — помагаетъ болящему сердцу. Помимо всего, что мнѣ приходится испытывать вмѣстѣ съ тобой и съ нашей дорогой странсй, и народомъ нашимъ, я страдаю за мой «небольшой старый домъ» и за его войска, и за Эрни и Ирину[3], и многихъ друзей, испытывающихъ тамъ горе. Но сколько теперь проходитъ черезъ это! А потомъ, какой стыдъ, какое униженіе думать, что нѣмцы могутъ вести себя такъ, какъ они себя ведутъ! Съ эгоистической точки зрѣнія я страшно страдаю отъ этой разлуки. Мы не привыкли къ ней, и я такъ безконечно люблю моего драгоцѣннаго милаго мальчика. Вотъ уже скоро двадцать лѣтъ, что я принадлежу тебѣ, и какое блаженство это было для твоей маленькой женки!

Какъ хорошо будетъ, если ты увидишь дорогую Ольгу.[4] Это ее подбодритъ и будетъ хорошо и для тебя. Я тебѣ дамъ письмо и вещи для раненыхъ для передачи ей.

Любовь моя, мои телеграммы не могутъ быть очень горячими, такъ какъ онѣ проходятъ черезъ столько военныхъ рукъ, но ты между строками прочтешь всю мою любовь и тоску по тебѣ.

Мой милый, если ты какъ нибудь почувствуешь себя не въ порядкѣ, непремѣнно позови Федорова[5], неправда ли, и присматривай за Фредериксомъ[6].

Мои усердныя молитвы слѣдуютъ за тобой днемъ и ночью. Пусть Господь хранитъ тебя, пусть онъ оберегаетъ, руководитъ и ведетъ тебя, и приведетъ тебя здоровымъ и крѣпкимъ домой.

Благословляю и люблю тебя, какъ рѣдко когда либо былъ кто любимъ, и цѣлую каждое дорогое мѣстечко, и прижимаю тебя нѣжно къ моему сердцу. Навсегда твоя собственная старая женка.

Образъ будетъ лежать эту ночь подъ моей подушкой, прежде чѣмъ я перешлю тебѣ его съ моимъ горячимъ благословеніемъ.

---

[1] Наслѣдникъ.
[2] Григ. Распутинъ.
[3] Принцъ и принцесса Гессенскіе, братъ и сестра императрицы.
[4] Сестру царя, Ольгу Александровну, жену принца Петра Ольденбургскаго.
[5] Лейбъ-хирургъ.
[6] Министръ Двора.

№ 4.

Царское Село, 20 сентября 1914 г.

Мой собственный, дорогой,

Я отдыхаю въ кровати передъ обѣдомъ, дѣвочки пошли въ церковь, а Беби [1] кончаетъ обѣдъ. У него только изрѣдка легкія боли. Ахъ, любовь моя, было тяжело прощаться съ тобой и видѣть твое одинокое блѣдное лицо, съ большими грустными глазами, въ окнѣ вагона. Мое сердце говорило: возьми меня съ собой. Если бы только былъ *Н. П. С.* [2] съ тобой или *Мордв.*, [3] если бы около тебя было молодое любящее лицо, ты бы чувствовалъ себя менѣе одинокимъ, и тебѣ было бы «теплѣй». Я пришла домой и потомъ не выдержала: расплакалась, молилась, потомъ легла и курила, чтобы оправиться. Когда глаза мои стали болѣе приличными, я пошла къ Алексѣю и лежала нѣкоторое время около него на диванѣ, въ темнотѣ. Отдыхъ успокоилъ меня, такъ какъ я была утомлена во всѣхъ отношеніяхъ. Въ четверть пятаго я спустилась, чтобы видѣть *Лазарева* и дать ему маленькую икону для полка. Я не сказала, что это отъ тебя, такъ какъ въ такомъ случаѣ ты долженъ былъ бы дать (такія иконы) всѣмъ вновь сформированнымъ полкамъ. Дѣвочки работали въ *складѣ*. Въ четыре съ половиной Татьяна [4] и я принимали Нейдгардта [5] по дѣламъ ея комитета. Первое засѣданіе будетъ въ Зимнемъ Дворцѣ въ среду послѣ *молебна*. Я опять не буду принимать участія. Это утѣшительно видѣть, какъ дѣвочки работаютъ однѣ. Ихъ лучше узнаютъ, и онѣ выучатся быть полезными. Во время чая я читала *доклады* и потомъ получила, наконецъ, письмо отъ Викторіи [6] съ датой 1/13 сентября. Оно долго шло съ курьеромъ. Я выписываю то, что можетъ тебя интересовать:

«Мы пережили тревожные дни во время продожительнаго отступленія союзныхъ армій во Франціи. Совершенно между нами (такъ что, милая, не разсказывай объ этомъ), французы вначалѣ предоставили англійской арміи выдержать весь напоръ сильной нѣмецкой атаки съ фланга, и, если бы англійскія войска были менѣе упорны, не только они, но и всѣ французскія силы были бы разгромлены. Теперь это поправили, и два французскихъ генерала, которые были въ этомъ дѣлѣ виновны, смѣщены Жоффромъ и замѣнены другими. Одинъ изъ нихъ имѣлъ въ своемъ

---

[1] Наслѣдникъ.

[2] Н. П. Саблинъ, морской офицеръ, флигель-адъютантъ, командиръ Имп. яхты «Штандартъ».

[3] Мордвиновъ.

[4] Великая Княжна.

[5] Завѣдывавшаго дѣлами «Татьянинскаго комитета».

[6] Англійская Королева.

карманѣ шесть нераспечатанныхъ записокъ отъ англійскаго главнокомандующаго Френча. Другой въ отвѣтъ на призывъ о помощи все время сообщалъ, что лошади его слишкомъ устали. Это уже, однако, исторія, но она стóила намъ жизни и свободы многихъ хорошихъ офицеровъ и солдатъ. Къ счастью, удалось скрыть это, и здѣсь большей частью не знаютъ о случившемся». «500.000 новобранцевъ, которые требовались, почти добраны и цѣлый день усердно упражняются. Многіе представители высшихъ классовъ поступили въ войска и даютъ хорошій примѣръ. Говорятъ о томъ, чтобы призвать еще 500.000, включая контингенты изъ колоній. Я не увѣрена въ томъ, чтобы планъ перевозки индійскихъ войскъ, чтобы драться въ Европѣ, мнѣ нравился, но это отборные полки и, когда они служили въ Китаѣ и Египтѣ, они держали прекрасную дисциплину, такъ что свѣдущіе люди увѣрены, что они будутъ себя прекрасно вести, не будутъ грабить или совершать убійства. Всѣ высшіе офицеры — англичане. Другъ Эрни, магараджа Бисканира прибываетъ съ своимъ собственнымъ контингентомъ. Въ послѣдній разъ я его видѣла въ качествѣ гостя у Эрни въ Вольфсгартенѣ. Джорджи [1] написалъ намъ отчетъ о своемъ участіи въ морскомъ дѣлѣ подъ Гельголандомъ. Онъ командовалъ на передней башнѣ и выпустилъ цѣлый рядъ снарядовъ. Его начальство говоритъ, что онъ дѣйствовалъ хладнокровно и разсудительно. С. [2] говоритъ, что попытка разрушить доки Кильскаго канала (однихъ мостовъ едва ли достаточно) посредствомъ аэроплановъ постоянно обсуждается въ Адмиралтействѣ. Но это очень трудно выполнить, такъ какъ все хорошо защищено, и приходится ждать благопріятнаго случая, иначе попытка не можетъ удаться. Большое несчастіе, что единственный проходъ въ Балтійское море для броненосцевъ, которымъ можно пользоваться, — это черезъ Зундъ, недостаточно глубокій для броненосцевъ и большихъ крейсеровъ. Въ Сѣверномъ морѣ нѣмцы разбросали мины на большомъ разстояніи, причиняя опасность нейтральнымъ торговымъ судамъ, и теперь, когда подули первые крѣпкіе осенніе вѣтры, онѣ поплывутъ, такъ какъ онѣ не на якоряхъ, и будутъ прибиваться къ голландскимъ, норвежскимъ и датскимъ берегамъ (будемъ надѣяться — также и къ германскимъ).»

Викторія шлетъ любовный привѣтъ. Солнце свѣтитъ такъ ярко сегодня послѣ полудня, но только не въ моей комнатѣ. За чаемъ было грустно и странно и кресло казалось печальнымъ, въ немъ не сидѣлъ мой дорогой. Мари и Дмитрій [3] обѣдаютъ у насъ, такъ что я перестану писать и немного закрою глаза, и кончу письмо сегодня вечеромъ. —

Мари и Дмитрій были въ духѣ, они ушли въ 10 часовъ, чтобы

---

[1] Принцъ Баттенбергскій.
[2] Вѣроятно, Churchill.
[3] Дочь и сынъ В. К. Павла Александровича.

поспѣть къ Павлу. Беби тревожился и заснулъ только послѣ 11, но сильныхъ болей не было. Дѣвочки пошли спать, а я сдѣлала сюрпризъ Анѣ, лежавшей на диванѣ въ большомъ дворцѣ. У нея теперь закупорка венъ, такъ что княжна Гедройцъ опять была у нея и сказала ей, чтобы она полежала нѣсколько дней. Она ѣздила на моторѣ въ городъ, чтобъ видѣться съ нашимъ Другомъ [1], и это утомило ея ногу. Я вернулась въ 11 и легла спать. *Инженеръ механикъ*, кажется, недалеко [2]. Мое лицо завязано, такъ какъ челюсть слегка болитъ, глаза все еще болятъ и распухли и сердце тоскуетъ по драгоцѣннѣйшемъ существѣ на землѣ, принадлежащемъ старой Sunny [3]. Нашъ Другъ счастливъ за тебя, что ты поѣхалъ, и былъ такъ радъ увидѣть тебя вчера. Онъ всегда боится, что Bonheur [4], т. е. *галки,* хотятъ, чтобы онъ досталъ тронъ п. [5] или Галицкій. Это ихъ цѣль. Но я сказала Анѣ, чтобы она его успокоила, что даже изъ чувства благодарности ты бы этого никогда не рискнулъ. *Гр.* (игорій) любитъ тебя ревниво и не выноситъ, чтобы Н. [6] игралъ какую либо роль. Ксенія [7] отвѣтила на мою телеграмму. Она груститъ, что не видѣла тебя до твоего отъѣзда. Ея поѣздъ пошелъ. Я ошиблась: Шуленбургъ не можетъ быть здѣсь ранѣе завтрашняго дня или вечера, такъ что я встану, чтобы только пойти въ церковь, немного позднѣе. Посылаю тебѣ шесть маленькихъ предметовъ, чтобы кое кому сдѣлать подарки. Можетъ быть Иванову [8], Рузскому или кому ты захочешь. Ихъ придумалъ Ломанъ. Эти блестящіе мѣшки должны защищать отъ дождя и отъ грязи. Милушка, я теперь кончаю и оставляю письмо за дверью, оно должно быть отправлено утромъ въ половинѣ девятаго. Прощай, моя радость, мое солнышко, Ники, дорогое сокровище. Беби тебя цѣлуетъ, и женка покрываетъ тебя нѣжными поцѣлуями. Богъ благословитъ, охранитъ и укрѣпитъ тебя. Я цѣловала и благословляла твою подушку, все, что у меня въ мысляхъ и въ молитвахъ, нераздѣльно съ тобой. Твоя собственная Alix.

Поговори съ Федоровымъ [9] о докторахъ и студентахъ.

Не забудь сказать генераламъ, чтобы они оставили свои ссоры.

Всѣмъ привѣтъ, надѣюсь, что бѣдный старый Фредериксъ въ порядкѣ. Посмотри, чтобы онъ ѣлъ только легкую пищу и не пилъ вина.

---

[1] Гр. Распутинымъ, см. выше.
[2] Повидимому, условное выраженіе, касающееся здоровья императрицы.
[3] По англійски «солнышко».
[4] Повидимому, условное имя.
[5] Польскій?
[6] В. кн. Николай Николаевичъ.
[7] Сестра Государя, жена В. Кн. Александра Михайловича.
[8] Генералъ Н. І. Ивановъ.
[9] Лейбъ-хирургъ.

№ 5.

Царское Село, 21 сентября 1914 г.

Мой родной, любимый,

Какая радость была получить твои двѣ дорогія телеграммы. Благодарю Бога за хорошія извѣстія. Такое было утѣшеніе получить телеграмму тотчасъ послѣ твоего прибытія. Да благословитъ Богъ твое присутствіе тамъ. Я такъ надѣюсь и вѣрю, что ты увидишь всѣ войска. Беби провелъ довольно тревожную ночь, но не было настоящихъ болей. Я поднялась, чтобы поцѣловать его до того, какъ пойти въ церковь въ 11 часовъ. Завтракала съ моими дѣвчурками на диванѣ. Пріѣхала Беккеръ[1]. Потомъ лежала возлѣ кровати Алексѣя въ теченіе цѣлаго часа и потомъ прямо къ поѣзду. Привезли не слишкомъ много раненыхъ. Два офицера изъ одного полка и *роты* умерли по дорогѣ и такъ же одинъ солдатъ. Ихъ легкія очень пострадали послѣ дождя и перехода черезъ Нѣманъ въ водѣ. Знакомыхъ не было — все армейскіе полки . Одинъ солдатъ вспомнилъ, что видѣлъ насъ въ Москвѣ въ это лѣто на *Ходынкѣ. Парецкому* стало хуже вслѣдствіе сердечной болѣзни и переутомленія, онъ выглядитъ очень плохо, лицо осунулось, выпученные глаза, борода посѣдѣла. Бѣдняга производитъ тяжелое впечатлѣніе, но онъ не раненъ. Потомъ мы впятеромъ отправились къ Анѣ и тамъ рано пили чай. Въ три мы отправились въ нашъ маленькій госпиталь, чтобы надѣть наши *халаты*, а оттуда — въ большой госпиталь, гдѣ мы усердно работали. Въ половинѣ шестого мнѣ пришлось вернуться съ М(аріей) и А(настасіей), такъ какъ прибылъ *отрядъ* съ братомъ Маши *Васильчиковой* во главѣ. Потомъ — обратно въ маленькій госпиталь, гдѣ дѣти работали, и я перевязала трехъ вновь прибывшихъ офицеровъ. Потомъ показывала *Карангозову и Жданову*, какъ слѣдуетъ по настоящему играть въ домино. Послѣ обѣда и молитвы съ Беби отправилась къ Анѣ, гдѣ уже были всѣ четыре дѣвочки, и видѣла *Н. П.*, который съ ней обѣдалъ. Онъ былъ очень радъ насъ видѣть, такъ какъ чувствуетъ себя очень одинокимъ и безполезнымъ. Княжна Гед. (ройцъ) пришла, чтобы посмотрѣть Анину ногу, которую я потомъ перевязывала. Мы дали ей чашку чая. Довезла *Н. П.* въ моторѣ и выпустила его около станціи. Яркая луна, холодная ночь. Беби крѣпко спитъ. Вся маленькая семья нѣжно цѣлуетъ тебя. Мой ангелъ, ты мнѣ страшно недостаешь, и каждую ночь, когда я просыпалась, я старалась не шумѣть, чтобы не разбудить тебя. Такъ грустно въ церкви безъ тебя. Прощай, милушка, мои молитвы и думы слѣдуютъ за тобой

[1] Условное выраженіе, касающееся здоровья императрицы.

повсюду. Благословляю и цѣлую тебя безъ конца, каждое дорогое любимое мѣстечко.

Твоя старая женка.

Кн. Орлова[1] завтра отправляется въ *Барановичи* на два дня на свиданіе съ мужемъ. Аня имѣла извѣстіе отъ *Сашки*[2] и два письма отъ своего брата.

№ 6. *Царское Село*, 23 сентября 1914 г.

Дорогая моя душка,

Мнѣ было такъ грустно, что я не могла тебѣ написать вчера, но у меня безумно болѣла голова, и я цѣлый вечеръ лежала въ темной комнатѣ. Утромъ мы отправились въ *пещ. храмъ* на половину службы. Было прелестно. Раньше я пошла посмотрѣть на Беби. Потомъ мы заѣхали за княжной Г. къ Анѣ.

Голова моя уже болѣла, и я теперь не могу принимать лекарства также и противъ болей сердечныхъ.

Мы работали съ 10 до 1 часу, такъ какъ была операція, которая продолжалась долго.

Послѣ завтрака у меня былъ Шуленбургъ, который сегодня опять уѣхалъ, такъ какъ Ренненкампфъ сказалъ ему, чтобы онъ поспѣшилъ обратно. Потомъ я пошла наверхъ, чтобы поцѣловать Беби, и спустилась, и полежала на кровати до чая, послѣ чего я принимала отрядъ *Сандры Шуваловой*[3]. А потомъ пошла спать съ адской головной болью. Аня обидѣлась, что я къ ней не зашла, но у нея была масса гостей, и нашъ Другъ оставался три часа. Ночь была не ахти какая, и я цѣлый день чувствую свою голову и также расширеніе сердца. Обыкновенно я принимаю капли три или четыре раза въ день, такъ какъ иначе я не могу выдержать, а эти дни мнѣ это не удается. Я читала *доклады* въ кровати и перешла на диванъ къ завтраку. Потомъ я принимала чету Ребиндеръ изъ *Харькова* (у нихъ тамъ мой *складъ*), а она пріѣхала изъ *Вильны*, куда она ѣздила, чтобы проститься съ братомъ своимъ *Кутайсовымъ*. Онъ показалъ ей икону, которую я послала батареѣ отъ Беби. Она казалась уже совсѣмъ выцвѣтшей. Повидимому, они каждый день выставляютъ ее для молитвы и передъ каждымъ сраженіемъ они передъ ней молятся. Такъ трогательно!

Потомъ я пришла къ Беби и лежала возлѣ него въ сумеркахъ пока *Влад. Ник.*[4] ему читалъ. Теперь они оба играютъ вмѣстѣ, также и

---

[1] Жена кн. Орлова, ур. кн. Бѣлосельская-Бѣлозерская.
[2] Графъ Воронцовъ-Дашковъ, сынъ намѣстника на Кавказѣ.
[3] Граф. А. И. Шувалова, рожд. гр. Воронцова-Дашкова.
[4] Д-ръ Деревенько.

дѣвочки. Мы здѣсь наверху пили чай. Погода ясная, ночью почти морозило.

Слава Богу, извѣстія продолжаютъ быть хорошими, пруссаки отступаютъ. Къ этому ихъ принудила непроходимая грязь. *Меккъ* пишетъ, что есть много случаевъ холеры и дизентеріи во *Львовѣ*, но они принимаютъ санитарныя мѣры. Тамъ пришлось пережить нѣсколько трудныхъ минутъ, судя по газетамъ. Но я вѣрю, что ничего серьезнаго не будетъ. Этимъ полякамъ нельзя довѣрять, въ концѣ концовъ они наши враги, и католики должны насъ ненавидѣть.

Я кончу письмо вечеромъ, не могу много писать заразъ. Милый ангелъ, душой и сердцемъ я всегда съ тобой.

Я пишу на бумагѣ Анастасіи. Беби тебя крѣпко цѣлуетъ. У него совсѣмъ нѣтъ болей. Онъ лежитъ потому, что колѣно еще распухло. Я такъ надѣюсь, что онъ встанетъ къ твоему возращенію. Я получила письмо отъ старухи *Орловой*, которой *Иванъ* писалъ, что онъ хочетъ продолжать военную службу послѣ войны. Онъ мнѣ говорилъ тоже самое. Онъ «*летчикъ Орловъ 20-го корпуса дѣйствующей арміи.*» Онъ получилъ Георгіевскій крестъ, имѣетъ право на другой орденъ, но можетъ быть слѣдовало бы произвести его въ *прапорщики* или *подпоручики.* Онъ дѣлалъ *развѣдки подъ сплошнымъ огнемъ непріят.* Однажды онъ полетѣлъ одинъ особенно высоко и былъ такой холодъ, что онъ не зналъ, что дѣлать. Руки мерзли, машина перестала работать, ему уже было все равно, что бы ни случилось съ нимъ, до того онъ озябъ. Тогда онъ началъ молиться и вдругъ машина принялась опять правильно работать. Когда льетъ, летать нельзя, приходится спать и спать. Онъ молодецъ, что такъ часто летаетъ одинъ; какіе должны быть нервы! Въ самомъ дѣлѣ, его отецъ могъ бы имъ гордиться, и потому его бабушка за него проситъ. Я пишу сегодня ужасно, но у меня мозгъ усталъ и голова тяжела. — О, милый мой, какая была огромная радость, когда мнѣ принесли твое драгоцѣнное письмо. Благодарю тебя за него отъ всего сердца. Какъ хорошо, что ты мнѣ написалъ. Я прочла отрывки изъ письма дѣвочкамъ и Анѣ, которой позволили прійти обѣдать. Она оставалась до половины одиннадцатаго. Какъ все должно было быть интересно! *Рузскій* [1] навѣрное былъ глубоко тронутъ, что ты его произвелъ въ генералъ-адъютанты. А какъ «Агунюшка» будетъ счастливъ, что ты написалъ ему. У него, слава Богу, больше нѣтъ болей. Ты, вѣроятно, уже дальше ѣдешь въ поѣздѣ, но какъ мало времени ты остаешься съ Ольгой [2]. Какая награда для храбраго гарнизона *Осовца,* если ты туда поѣдешь! Или, можетъ быть, въ *Гродно,* если тамъ еще есть войска. *Шуленбургъ* видѣлъ уланъ, ихъ

[1] Генералъ Рузскій, ком. арм. сѣв. фронта.
[2] Сестра государя.

лошади совершенно измучены, спины набиты до крови, люди часами оставались въ сѣдлахъ, лошади совсѣмъ ослабѣли. Такъ какъ поѣздъ стоялъ около *Вильны*, нѣсколько офицеровъ приходило, и они спали попеременно по нѣсколько часовъ въ его кровати, наслаждаясь этой роскошью поѣзда и постелью. Для нихъ было исключительной радостью, что они нашли настоящее W. C. *Княжевичъ* не хотѣлъ выходить оттуда, такъ ему тамъ было удобно (жена Ш. разсказала это *Анѣ*).

И дорогой муженекъ скучаетъ по своей маленькой женкѣ. А я-то по тебѣ! Но у меня есть милая семья, утѣшающая меня. Заходишь-ли ты когда либо въ мое отдѣленіе вагона? Пожалуйста, передай Фред. мои сердечныя привѣтствія. Говорилъ ли ты съ Федоровымъ о военныхъ студентахъ и докторахъ? Отъ тебя не было сегодня телеграммы. Я думаю — это значитъ, что ты ничего особеннаго не дѣлалъ.

Теперь, мой драгоцѣнный, милый мой Ники, мнѣ надо постараться уснуть. Я положу это письмо за дверь, оно будетъ взято въ половинѣ девятаго.

У меня больше не было чернилъ въ перѣ, такъ что пришлось взять другое.

Прощай мой ангелъ, Богъ сохранитъ и защититъ тебя, и вернетъ тебя здоровымъ. Всякіе нѣжные поцѣлуи и ласки отъ твоей любящей и искренно преданной маленькой женки

Аликсъ.

Аня благодаритъ тебя за твой привѣтъ и шлетъ свою любовь.

№ 7.

Царское Село, 24 сентября 1914 г.

Дорогая моя душка,

Отъ всего сердца благодарю тебя за твое милое письмо. Твои нѣжныя слова глубоко меня тронули и согрѣли мое одинокое сердце. Для меня было глубокимъ разочарованіемъ за тебя, что тебѣ совѣтуютъ не ѣхать въ крѣпость. Это было бы истинной наградой для этихъ удивительныхъ храбрецовъ. Говорятъ, что «Ducky[1]» пошла туда на благодарственный молебенъ и слышала пушечные выстрѣлы вдалекѣ. Въ Вильнѣ отдыхаетъ много войскъ, такъ какъ лошади такъ измучены. Я надѣюсь, что ты ихъ сможешь увидѣть. Ольга прислала такую полную счастья телеграмму, послѣ того, какъ она тебя видѣла. Милое дитя, она такъ храбро работаетъ и сколько благодарныхъ сердецъ унесутъ съ собой

[1] В. Кн. Елена Владиміровна, замужемъ за греческимъ принцемъ Николаемъ.

обратно въ строй воспоминаніе объ ея оживленной, милой наружности, а другіе унесутъ это воспоминаніе домой въ свои деревни, и то, что она — твоя сестра, укрѣпитъ связь между тобой и народомъ. Я читала такую прекрасную статью въ англійской газетѣ! Они такъ хвалятъ нашихъ солдатъ и говорятъ, что ихъ глубокая религіозность и благоговѣніе передъ миролюбивымъ монархомъ побуждаютъ ихъ такъ храбро сражаться за святое дѣло. Какъ позорно, что нѣмцы заперли маленькую герцогиню Люксембургскую въ замкѣ возлѣ Нюренберга. Это такое оскорбленіе! Представь себѣ, я получила письмецо отъ Гретхенъ безъ подписи и безъ начала, написанное по англійски и посланное изъ Англіи съ адресомъ, написаннымъ другимъ почеркомъ. Я не могу себѣ представить, какъ ей удалось его послать. Нога Ани сегодня гораздо лучше, и я вижу, что она разсчитываетъ встать къ твоему возвращенію. Я такъ бы хотѣла, чтобы она теперь была здорова, а нога бы болѣла на слѣдующей недѣлѣ, тогда бы у насъ было нѣсколько милыхъ спокойныхъ и уютныхъ вечеровъ, которые мы бы провели вдвоемъ. Мы только въ 11 часовъ отправились въ госпиталь, захватили княгиню и Аню. Мы принимали участіе въ двухъ операціяхъ, она ихъ дѣлала сидя, такъ чтобы я могла ей передавать инструменты тоже сидя. Одинъ изъ раненыхъ былъ такой забавный, когда онъ опять пришелъ въ себя въ постели. Онъ все время пѣлъ и во весь голосъ, и очень хорошо, размахивая рукой, изъ чего я заключила, что онъ былъ запѣвало. Такъ оно и оказалось. Онъ былъ очень веселъ и сказалъ, что надѣется, что не употреблялъ грубыхъ словъ. Онъ хочетъ быть героемъ и скоро опять пойти на войну, какъ только его нога заживетъ. Другой лукаво усмѣхнулся и сказалъ: «*Я былъ далеко, далеко, ходилъ-ходилъ, хорошо тамъ было, Господь Вседержитель — всѣ вмѣстѣ были. Вы не знаете, гдѣ я былъ.*» И хвалилъ Бога и благодарилъ Его. Онъ, должно быть, видѣлъ удивительныя видѣнія, пока мы вынимали пулю изъ его плеча. Она (княжна Гед.) не дала мнѣ перевязывать, чтобы я оставалась спокойной, такъ какъ я чувствовала голову и сердце. Послѣ завтрака я лежала въ комнатѣ Беби до пяти. Mr. G.[1] читалъ ему, и я думаю, что я на короткое время задремала. Потомъ Алексѣй прочелъ пять строкъ пофранцузски вслухъ, совсѣмъ хорошо. Потомъ я принимала дядю Мекка, послѣ чего слетала на полчаса съ Ольгой[2] къ Анѣ, такъ какъ нашъ Другъ проводилъ у нея вторую часть дня и хотѣлъ меня видѣть. Онъ спрашивалъ о тебѣ и надѣялся, что ты поѣдешь въ крѣпость. Потомъ у насъ была наша лекція съ кн. Г. Послѣ обѣда дѣвочки пошли къ Анѣ, гдѣ былъ *Н. П.*, и я послѣ молитвы пошла за ними. Мы работали,

[1] Жильяръ, воспитатель наслѣдника.
[2] Великая княжна, дочь.

она клеила, а онъ курилъ. Она эти дни не слишкомъ любезна и только думаетъ о себѣ и своемъ удобствѣ и заставляетъ другихъ лазить подъ столъ, чтобы устраивать ея ногу на горѣ изъ подушекъ, и ей въ голову не приходитъ подумать, удобно ли сидѣть другимъ. Она избалована и дурно воспитана. Къ ней приходитъ много народу цѣлый день, такъ что у нея нѣтъ времени чувствовать себя одинокой, а когда ты вернешься, она будетъ плакаться, что она все время чувствовала себя несчастной. Она окружена нѣсколькими большими твоими фотографіями — ея собственные увеличенные снимки. Онѣ — въ каждомъ углу, и есть еще множество маленькихъ. Мы высадили *Н. П.* возлѣ станціи и были дома около 11. Я хотѣла каждый день ходить въ церковь, а попала только разъ. Это такъ грустно, такъ какъ церковь такая помощь, когда на сердцѣ печально. Мы всегда ставимъ свѣчки, прежде чѣмъ идемъ въ госпиталь, и я люблю молиться, чтобы Богъ и Святая Дѣва благословили дѣло рукъ нашихъ и помогли намъ помочь больнымъ. Я такъ рада, что ты себя чувствуешь лучше. Такія поѣздки полезны, такъ какъ ты все таки чувствуешь себя ближе ко всѣмъ, ты могъ видѣть начальниковъ и слышать все отъ нихъ непосредственно и передать имъ свои мысли.

Какая радость для Келлера! Онъ въ самомъ дѣлѣ заслужилъ свой крестъ и теперь онъ намъ отплатилъ за все. Это было его горячее желаніе всѣ эти годы. Какъ страшно утомлены должны быть французскія и англійскія войска. Они вѣдь безъ перерыва бились двадцать дней и больше. А мы имѣемъ противъ себя большія орудія изъ Кенигсберга. Сегодня Орловъ не посылалъ никакихъ извѣстій, такъ что я думаю, что ничего особеннаго не случилось.

Тебѣ должно быть полезно, что ты далекъ отъ всѣхъ мелкихъ сплетенъ. Здѣсь всегда такія розсказни и обыкновенно безъ всякаго основанія. Бѣдный старый Фредериксъ — другой — умеръ[1]. Какъ грустно, что нашему бѣдному старику опять стало хуже. Я такъ боялась, что это случится, когда онъ будетъ въ отъѣздѣ съ тобой, и было бы деликатнѣе, если бы онъ остался дома, но онъ такъ глубоко преданъ, что онъ не могъ вынести мысли о томъ, чтобы ты отправился одинъ. Я боюсь, что мы не долго будемъ его имѣть между нами. Его срокъ близокъ. Какая это будетъ потеря! Такихъ типовъ больше найти нельзя и такого честнаго друга трудно замѣнить.

Милушка, я надѣюсь, что ты теперь лучше спишь. Я не могу этого сказать о себѣ. Мозгъ какъ будто все время работаетъ и никогда не хочетъ отдохнуть. Сотни мыслей и комбинацій тревожатъ меня. Я перечла твои дорогія письма нѣсколько разъ и старалась представить

[1] Рѣчь идетъ о двоюродномъ братѣ Министра Двора.

себѣ, что моя душка говоритъ со мной. Мы какъ то такъ мало видимъ другъ друга, ты такъ занятъ, и не хочется тревожить тебя вопросами, когда ты устаешь послѣ твоихъ *докладовъ*, а потомъ мы никогда не бываемъ вдвоемъ, одни. Но теперь я должна постараться уснуть, чтобы чувствовать себя крѣпкой завтра и быть полезнѣе. Я думала, что я буду такъ много работать въ твое отсутствіе, а Беккеръ[1] испортила всѣ мои планы и добрыя намѣренія. Спи хорошо, мой маленькій. Святые ангелы пусть охраняютъ твой сонъ и пусть молитвы и любовь твоей женки окружаютъ тебя глубокой преданностью и любовью.

25. Здравствуй, мое сокровище. Сегодня фельдъегерь возьметъ письмо позднѣе, и я могу еще немного написать. Это можетъ быть послѣднее письмо, если Фредериксъ правъ, говоря, что ты возвращаешься завтра. Но мнѣ кажется, что этого не будетъ, такъ какъ ты, навѣрное, захочешь посмотрѣть гусаръ, уланъ, артиллерію и другія войска, отдыхающія въ Вильнѣ. Сегодня ночью было два градуса мороза, теперь опять яркое солнце. Мы будемъ въ 11 въ госпиталѣ. Я все не могу принимать лекарство. Это очень непріятно, такъ какъ у меня каждый день болитъ голова, хотя и не очень сильно, и я чувствую свое сердце, хотя оно не расширено. Но все же я сегодня не должна утомляться. Я по настоящему не дышала свѣжимъ воздухомъ съ тѣхъ поръ, какъ ты уѣхалъ. Сергѣю немного лучше. Княгиня Орлова тоже чувствуетъ себя совсѣмъ хорошо, она только слаба. Беби спалъ и чувствуетъ себя хорошо. Продолжаютъ говорить объ этомъ имѣніи въ Балтійскихъ провинціяхъ, гдѣ есть отмѣченное бѣлымъ мѣсто, и на озерѣ находился гидропланъ. Наши офицеры, переодѣтые въ штатское, видѣли его. Туда никому не позволяютъ пройти. Я бы хотѣла, чтобы объ этомъ произвели серьезное разлѣдованіе. Вездѣ такъ много шпіоновъ, что, можетъ быть, это и правда. Но это очень грустно, такъ какъ все же много лойяльныхъ подданныхъ въ балтійскихъ провинціяхъ. Эта злосчастная война, когда же она кончится! Я увѣрена, что William[2] долженъ временами переживать ужасныя минуты отчаянія, когда онъ сознаетъ, что это онъ и, особенно, его антирусская клика начали войну и тащатъ его страну къ гибели. Всѣ эти маленькія государства годами будутъ продолжать страдать отъ послѣдствій. Мое сердце обливается кровью, когда я думаю, какія употребляли усилія Папа и Эрни, чтобы поднять нашу маленькую страну до ея теперешняго состоянія, цвѣтущаго во всѣхъ отношеніяхъ. Съ Божьей помощью здѣсь все пойдетъ хорошо и кончится со славой. Война подняла духъ, очистила много застоявшихся умовъ, объединила чувства. Это «здоровая война» въ мо-

[1] Условное выраженіе, см. выше.
[2] Германскій Императоръ.

ральномъ смыслѣ. Одного бы только я хотѣла, чтобы наши войска вели себя примѣрно во всѣхъ отношеніяхъ, не грабили бы и не разбойничали, пусть эти гадости творятъ только прусскія войска. Онѣ деморализуютъ, и потомъ теряешь настоящій контроль надъ людьми. Они дерутся для личной выгоды, а не для славы своей родины, когда они достигаютъ уровня разбойниковъ на большой дорогѣ. Нѣтъ основанія слѣдовать дурнымъ примѣрамъ. Тылъ, обозы — проклятіе. Въ этомъ случаѣ всѣ говорятъ о нихъ съ отчаяніемъ. Нѣтъ никого, чтобы держать ихъ въ рукахъ. Во всемъ всегда есть уродливыя и красивыя стороны, то же самое и здѣсь.

Такая война должна была бы очищать душу, а не осквернять ее, неправда ли? Въ нѣкоторыхъ полкахъ очень строги, я это знаю. Тамъ стараются поддерживать порядокъ, но слово сверху не повредило бы. Это моя собственная мысль, душка, такъ какъ я хотѣла бы, чтобы имя нашихъ русскихъ войскъ вспоминалось впослѣдствіи во всѣхъ странахъ со страхомъ и уваженіемъ, и съ восхищеніемъ. Здѣсь люди не всегда проникаются мыслью, что чужая собственность священна и неприкосновенна. Побѣда не означаетъ грабежа. Пусть священники въ полкахъ скажутъ объ этомъ слово.

Ну вотъ я пристаю къ тебѣ съ вещами, которыя меня не касаются, но я это дѣлаю изъ любви къ твоимъ солдатамъ и къ ихъ репутаціи.

Милое сокровище, я должна кончать и вставать. Всѣ мои молитвы и нѣжнѣйшія мысли слѣдуютъ за тобой. Пусть Богъ дастъ тебѣ мужество и силу, и терпѣніе. Вѣры у тебя больше, чѣмъ когда либо, и это то, что тебя поддерживаетъ. Да, молитва и непосредственная вѣра въ милосердіе Бога однѣ даютъ силу все переносить. И нашъ Другъ помогаетъ тебѣ нести твой тяжелый крестъ и большую отвѣтственность. Все будетъ хорошо, такъ какъ право на нашей сторонѣ. Благословляю тебя, цѣлую твое дорогое лицо, милую шейку и дорогія любимыя ручки со всею горячностью большого любящаго сердца. Какая радость, что ты скоро возвращаешься.

Твоя собственная старая женка.

№ 8.

Царское Село, 20 октября 1914 г.

Мой любимый изъ любимыхъ,

Опять приближается часъ разлуки и сердце болитъ отъ горя. Но я рада за тебя, что ты уѣдешь и увидишь другую обстановку, и почувствуешь себя ближе къ войскамъ. Я надѣюсь, что тебѣ удастся этотъ разъ увидѣть побольше. Мы будемъ съ нетерпѣніемъ ждать твоихъ

телеграммъ. Когда я отвѣчаю въ *Ставку,* я чувствую робость, потому что увѣрена, что масса офицеровъ читаетъ мои телеграммы. Тогда нельзя писать такъ горячо, какъ бы хотѣлось. Что *Н. П.* съ тобой въ этотъ разъ — для меня утѣшеніе. Ты почувствуешь себя менѣе одинокимъ. И онъ — часть всѣхъ насъ. И ты съ нимъ одинаково понимаешь очень много вещей и одинаково на многое смотришь, а онъ безконечно благодаренъ и радуется, что можетъ съ тобой отправиться, такъ какъ онъ чувствуетъ себя такимъ безполезнымъ въ городѣ, когда всѣ его товарищи на фронтѣ. Слава Богу, что ты можешь уѣхать, чувствуя себя совершенно спокойнымъ насчетъ дорогого Беби. Если бы что нибудь случилось, я буду писать: *ручка,* все въ уменьшительномъ, тогда ты будешь знать, что я пишу все про Агунюшку. Ахъ, какъ ты будешь мнѣ недоставать. Я уже чувствую такое уныніе эти дни и на сердцѣ такъ тяжело. Это стыдно, такъ какъ сотни радуются, что скоро увидятъ тебя, но когда такъ любишь, какъ я, нельзя не тосковать по своемъ сокровищѣ. Завтра двадцать лѣтъ, что ты царствуешь, и что я стала православной. Какъ годы пробѣжали, какъ много мы вмѣстѣ пережили! Прости, что я пишу карандашомъ, но я на диванѣ, а ты еще исповѣдуешься. Еще разъ прости свое солнышко, если она чѣмъ нибудь тебя огорчила или причинила тебѣ непріятность, повѣрь, что никогда это не было умышленно. Слава Богу, мы завтра вмѣстѣ примемъ святое причастіе, это дастъ намъ силу и покой. Пусть Богъ дастъ намъ успѣхъ на сушѣ и на морѣ и благословитъ нашъ флотъ. Ахъ, любовь моя, если ты хочешь, чтобы я съ тобой побыла, пошли за мной и Ольгой, и Татьяной. Мы какъ то такъ мало видимъ другъ друга, а есть такъ много, о чемъ хотѣлось бы поговорить и разспросить, а къ ночи мы такъ устаемъ, а къ утру мы торопимся. Я кончу это письмо утромъ.

21. Какъ было очаровательно вмѣстѣ пойти въ этотъ день къ святому причащенію, и это яркое солнце пусть оно сопутствуетъ тебѣ во всѣхъ смыслахъ. Мои молитвы и мысли, и нѣжнѣйшая моя любовь сопровождаютъ тебя на всемъ пути. Дорогая любовь моя, Богъ да благословитъ и охранитъ тебя и пусть Святая Дѣва защититъ тебя отъ всякаго зла. Мои нѣжнѣйшія благословенія. Безъ конца цѣлую и прижимаю тебя къ сердцу съ безграничной любовью и нѣжностью. Навсегда, мой Ники,

твоя собственная маленькая женка.

Я переписываю телеграмму Гр.[1] тебѣ на память.

«Послѣ принятія св. тайнъ изъ чаши умоляя Христа, вкушая отъ его плоти и крови, было духовное видѣніе небесной прекрасной радости. Сдѣлай, чтобы небесная сила была съ тобой на пути, чтобы

[1] Гр. Распутина.

ангелы были въ рядахъ нашихъ воиновъ для спасенія нашихъ мужественныхъ героевъ съ радостью и побѣдой».

Благословляю тебя.

Люблю тебя.

Тоскую по тебѣ.

№ 9.

Царское Село, 21 октября 1914 г.

Дорогой мой, любимый,

Было такой неожиданной радостью получить твою телеграмму. Благодарю тебя за нее отъ всего сердца. Это хорошо, что ты и *Н. П.* прокатились на одну изъ этихъ маленькихъ станцій: тебя это, должно быть, освѣжило. Мнѣ было такъ грустно, когда я видѣла твою одинокую фигуру, стоящую въ дверяхъ вагона. Казалось такъ не естественно, что ты одинъ уѣзжаешь. Все здѣсь такъ странно безъ тебя, ты нашъ центръ, наше солнце. Я подавила свои слезы и поспѣшила въ госпиталь, и работала усиленно въ теченіе двухъ часовъ. Очень тяжкія раны. Въ первый разъ я выбрила у солдата ногу возлѣ и кругомъ раны. Я сегодня работала совсѣмъ одна безъ сестры или доктора, только *княжна* пришла посмотрѣть каждаго изъ раненыхъ и посмотрѣть, въ чемъ дѣло, и я просила ее сказать мнѣ, правильно ли то, что я хотѣла сдѣлать. Надоѣдливая М-ль Анненкова дала мнѣ вещи, которыя я просила. Потомъ мы вернулись въ нашъ маленькій госпиталь и сидѣли въ разныхъ комнатахъ съ офицерами. Оттуда мы отправились посмотрѣть маленькій *пещерный храмъ* подъ *дворцовымъ госпиталемъ*. Во времена Екатерины тамъ была церковь. Это соорудили въ память 300-лѣтняго юбилея. Вышло очаровательно. Все выбрано *Вильчковскимъ*, чистѣйшій древне-византійскій стиль, абсолютно правильно. Ты долженъ это увидѣть. Освященіе храма будетъ въ воскресенье въ 10 часовъ, и мы поведемъ туда нашихъ офицеровъ и солдатъ, которые могутъ двигаться. Тамъ есть доски съ именами раненыхъ, умершихъ во всѣхъ нашихъ госпиталяхъ въ *Ц(арскомъ) С(елѣ)*, а также офицеровъ, получившихъ георгіевскіе кресты или *золотое оружіе*. Послѣ чаю мы отправились въ госпиталь М. и А. [1] У нихъ нѣсколько очень тяжело раненыхъ. Наверху находится четыре офицера въ очень уютныхъ комнатахъ. Потомъ я принимала трехъ офицеровъ, возвращающихся въ *д(ѣйствующую) армію*. Одинъ лежалъ въ нашемъ госпиталѣ, а два другихъ въ моей краснокрестной *общинѣ* здѣсь. Потомъ я отдыхала. Беби молился здѣсь внизу, такъ какъ

[1] Маріи и Анастасіи Николаевны.

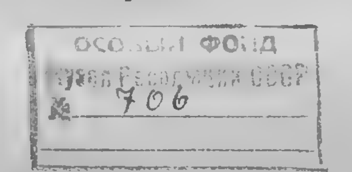
БИБЛИОТЕКА МУЗЕЯ РЕВОЛЮЦИИ С.С.С.Р.

я слишкомъ устала, чтобы подняться. Теперь Ольга и Татьяна — въ Ольгинскомъ комитетѣ. До этого *Татьяна* принимала Нейдгардта одна въ теченіе получаса съ его *докладомъ*. Это такъ хорошо для дѣвочекъ: онѣ учатся самостоятельности и онѣ разовьются гораздо больше, разъ имъ приходится самостоятельно думать и говорить безъ моей постоянной помощи. Я жажду извѣстій съ Чернаго моря. Дай Богъ, чтобы нашъ флотъ имѣлъ успѣхъ. Я предполагаю, что они не даютъ свѣдѣній для того, чтобы непріятель не могъ узнать ихъ мѣстонахожденія посредствомъ безпроволочнаго телеграфа.

Сегодня ночью опять очень холодно. Хотѣлось бы знать, играешь ли ты въ домино. О милый, какъ одиноко безъ тебя! Какое счастье, что мы причастились до твоего отъѣзда. Меня это укрѣпило и успокоило. Какая это великая вещь, въ такія минуты пріобщиться Св. Тайнъ, и хочется помогать другимъ, чтобы они тоже вспоминали, что Богъ далъ эту радость для всѣхъ, не какъ вещь, которую нужно обязательно дѣлать каждый годъ въ посту, но всегда; душа этого жаждетъ и нуждается въ укрѣпленіи. Когда я имѣю дѣло съ людьми, относительно которыхъ я знаю, что они очень страдаютъ, и остаюсь съ ними наединѣ, я всегда касаюсь этой темы, и съ Божьей помощью мнѣ много разъ удавалось заставить ихъ понять, что это можно дѣлать и что это хорошо, и утѣшаетъ, и успокаиваетъ усталое сердце. Я говорила также съ однимъ изъ нашихъ офицеровъ, и онъ согласился, и потомъ былъ такъ счастливъ, и мужественъ, и ему было гораздо легче переносить свои страданія. Мнѣ кажется, что это одна изъ главныхъ нашихъ женскихъ обязанностей, — стараться приводить больше людей къ Богу, давать имъ понять, что онъ доступнѣе и ближе къ намъ, и ждетъ нашей любви и довѣрія, и обращенія къ нему. Многихъ удерживаетъ застѣнчивость и ложная гордость. Поэтому надо помочь имъ пробить эту стѣну. Я только что говорила прошлый вечеръ съ священникомъ, что мнѣ кажется духовенство должно было бы больше говорить съ ранеными въ этомъ смыслѣ. Очень просто и непосредственно, не какъ проповѣдь.

Ихъ души совершенно дѣтскія и только временами нуждаются въ нѣкоторомъ руководствѣ. Съ офицерами гораздо труднѣе по общему правилу.

22. Здравствуй, мое сокровище. Я такъ молилась за тебя въ маленькой церкви сегодня утромъ. Я пришла на послѣднія 20 минутъ. Было такъ грустно тамъ преклонить колѣни одной безъ моего сокровища. Я не могла удержать слезъ. Но потомъ я подумала, какъ ты долженъ быть радъ оказаться поближе къ фронту и съ какимъ нетерпѣніемъ тебя сегодня утромъ ожидали раненые въ *Минскѣ*. Мы перевязывали офицеровъ съ 10 до 11, а потомъ отправились въ большой

ОСОБЫЙ ФОНД Музея Революции СССР № 706

госпиталь для трехъ операцій довольно серьезныхъ: пришлось отнять три пальца, такъ какъ начиналось зараженіе крови, и они совсѣмъ сгнили. У другого пришлось вынуть *осколокъ*, еще у одного — множество кусочковъ раздробленной кости въ ногѣ. Я прошла черезъ нѣсколько *палатъ*. Въ большой госпитальной церкви шла служба, и мы только на минуту стали на колѣни на верхнихъ хорахъ во время молитвы передъ образомъ Казанской Божьей Матери. Твои *стрѣлки* скучаютъ безъ тебя. Теперь я должна отправиться въ свой *складъ* въ поѣздъ № 4.

Прощай, милый Ники, благословляю и цѣлую тебя еще и еще разъ. Я плохо спала, цѣловала твою подушку и много думала о тебѣ.

На всегда твоя собственная маленькая женка. Я всѣмъ кланяюсь, особенно *Н. П.* Я рада, что онъ съ тобой — Тебѣ съ нимъ теплѣй.

№ 10.

Царское Село, 22 октября 1914 г.

Мой любимый,

Уже семь часовъ, а отъ тебя нѣтъ извѣстій. Ну, я отправилась смотрѣть мой *поѣздъ-складъ* № 4 съ *Меккомъ*. Онъ сегодня вечеромъ отходитъ въ *Радомъ*, кажется, а оттуда *Меккъ* поѣдетъ повидаться съ *Николашей*, къ которому у него нѣсколько вопросовъ. Онъ мнѣ говорилъ по секрету, что Элла[1] хочетъ отправиться осмотрѣть мой *складъ* во *Львовѣ*, но такъ, чтобы никто объ этомъ не зналъ. Она сюда пріѣдетъ такъ, чтобы Московская публика ничего не знала. Въ первые дни ноября. Мы страшно завидуемъ ей и Ducky, но мы все-таки надѣемся, что ты пошлешь за нами, чтобы съ тобой повидаться. Будетъ трудно разстаться съ Беби, съ которымъ я никогда надолго не разлучалась, но пока онъ здоровъ и М. и А. тутъ, чтобы держать ему компанію, я могла бы уѣхать. Конечно, я хотѣла бы, чтобы это была полезная поѣздка. Лучше всего, если бы я могла поѣхать моимъ поѣздомъ, однимъ изъ санитарныхъ, къ мѣсту его назначенія, чтобы посмотрѣть, какъ они берутъ раненыхъ, и привезти ихъ обратно, и ходить за ними. Или встрѣтиться съ тобой въ *Гроднѣ*, *Вильнѣ*, *Бѣлостокѣ*, гдѣ есть лазареты. Но это я все оставляю въ твоихъ рукахъ, ты мнѣ скажешь, что надо дѣлать, гдѣ тебя встрѣтить, въ *Ровнѣ* или въ *Харьковѣ*, какъ тебѣ будетъ удобно. Чѣмъ меньше будутъ знать, что я пріѣзжаю, тѣмъ лучше. Я принимала *Шуленбурго*. Онъ завтра уѣзжаетъ. Мой поѣздъ, который устраивали *Ломанъ* и К-о, отходитъ, кажется, 1-го. Потомъ княжна читала намъ лекцію. Мы

[1] В. Княгиня Елизавета Θедоровна, сестра Императрицы.

прошли полный хирургическій курсъ, съ большимъ числомъ предметовъ, чѣмъ обыкновенно, а теперь пройдемъ анатомію и внутреннія болѣзни, такъ какъ хорошо все это знать такъ же и дѣвочкамъ.

Я сортировала теплыя вещи для раненыхъ, возвращающихся домой и опять отправляющихся на фронтъ. *Ресинъ* былъ у меня, и мы устроились, чтобы поѣхать въ *Лугу* завтра послѣ полудня въ мою «*Свѣтелку*». Это была *дача,* подаренная *Алексѣю,* за которую я взялась и устроила ее, какъ отдѣленіе моей «*школы народнаго искусства*». Тамъ дѣвочки работаютъ, сами ткутъ ковры и обучаютъ этому деревенскихъ бабъ. Потомъ онѣ получатъ коровъ и куръ, и овощи и будутъ учиться *домохозяйству.* Теперь онѣ устроили 20 кроватей и смотрятъ за ранеными. Намъ пришлось взять скорый поѣздъ, такъ какъ обыкновенные поѣзда идутъ медленнѣе и въ неудобные часы. Аня, Настенька [1] и *Ресинъ* будутъ насъ сопровождать. Никто ничего объ этомъ не знаетъ. Только м-ль Шнейдеръ знаетъ, что А. и М. ѣдутъ, иначе она могла бы случайно отлучиться. Мы возьмемъ простыхъ *извозчиковъ* и поѣдемъ въ нашей формѣ сестеръ милосердія, чтобы привлекать поменьше вниманія, такъ какъ мы ѣдемъ осматривать лазаретъ. М-мъ Бекеръ [2] мнѣ надоѣла, мнѣ было бы гораздо свободнѣе безъ нея. — Какъ гнусно было сбрасывать бомбы съ аэроплана на виллу короля Альберта, гдѣ онъ сейчасъ живетъ. Слава Богу, вреда не причинили, но я никогда не слыхала, чтобы кто нибудь постарался убить главу государства потому, что онъ вашъ непріятель во время войны.

Мнѣ нужно отдохнуть четверть часа передъ обѣдомъ съ закрытыми глазами. Буду продолжать сегодня вечеромъ.

Какія хорошія извѣстія! *Сандоміръ* опять взятъ нами и множество плѣнныхъ, тяжелыя орудія и пулеметы. Твое путешествіе принесло удачу и Божье благословеніе. Беби спустился опять, чтобы помолиться, такъ какъ я чувствовала себя очень утомленной во всѣхъ отношеніяхъ. Моя икона была въ церкви сегодня утромъ, а теперь опять виситъ на своемъ мѣстѣ. Сегодня вечеромъ теплѣе; я открыла окно. Аня въ великолѣпномъ настроеніи и радуется своему молодому оперированному другу. Она принесла ему твоего «*Скопина Шуйскаго*» для чтенія. «Агунюшка» для меня выписывалъ во время обѣда на меню — «j'ai, tu as», и т. д., такъ хорошо! Какъ тебѣ долженъ недоставать маленькій человѣчекъ! Это такая отрада, когда онъ здоровъ. Я по обыкновенію мысленно пожелала тебѣ доброй ночи, поцѣловала подушку и такъ хотѣлось мнѣ, чтобы ты былъ со мной. Въ мысляхъ представляю

[1] Фрейлина Гендрикова.
[2] Условное выраженіе, см. выше.

себѣ тебя лежащимъ въ твоемъ отдѣленіи, наклоняюсь надъ тобой, благословляю тебя и нѣжно цѣлую все милое лицо. Ахъ, мой милый, какъ безконечно ты мнѣ дорогъ. Если бы только я могла помочь тебѣ нести твою тяжкую ношу, такъ много такихъ ношъ давятъ тебя. Но я увѣрена, что все представляется и ощущается по другому теперь, что ты тамъ, это тебя освѣжитъ, и ты услышишь массу интересныхъ вещей. Что дѣлаетъ нашъ черноморскій флотъ? Жена моего прежняго «крымца» Лихачева писала Анѣ изъ гостиницы «Киста»,[1] что снарядъ разорвался совсѣмъ близко оттуда. Она увѣряетъ, что одинъ изъ нашихъ выстрѣловъ попалъ въ нѣмецкое судно, но что наши мины его не взорвали потому, что Эберхардтъ ихъ (какъ это сказать?) «ausgeschaltet». Я не могу найти слова, голова моя одурѣла. Вѣроятно, наша эскадра собиралась выйти. По ея словамъ, они разогрѣвали котлы, когда начались выстрѣлы. Ну, это можетъ быть дамская болтовня, можетъ правда, а можетъ и нѣтъ. Я вкладываю телеграмму отъ Келлера, посланную черезъ *Иванова* на имя Фредерикса для меня. Вѣроятно, отвѣтъ на мою телеграмму, поздравляющую его съ Георгіемъ. Въ какомъ нервномъ состояніи долженъ быть *Боткинъ* теперь, что *Сандоміръ взятъ*. Хотѣла бы знать живъ ли еще теперь его бѣдный сынъ. Аня посылаетъ тебѣ бисквиты, письмо и раскрытыя газеты. У меня не будетъ времени писать завтра днемъ, такъ какъ мы на полчаса идемъ въ церковь, потомъ въ лазаретъ и къ половинѣ второго въ Лугу, а назадъ къ семи. Я буду лежать въ поѣздѣ, ѣзды два часа туда и два обратно. Прощай, мое Солнышко, мой собственный, спи хорошо, пусть святые ангелы охраняютъ твою постель и пусть св. Дѣва оберегаетъ тебя. Мои нѣжныя мысли и молитвы всегда витаютъ надъ тобой. Тоскую по тебѣ и жажду тебя, и остро переживаю минуты твоего одиночества. Благословляю тебя.

23. Здравствуй, любовь моя. Свѣтло и солнечно. Намъ сегодня утромъ было мало дѣла, такъ что я могла сидѣть почти все время и не устала. Мы пошли на минуту къ М-ме Левицкой, чтобы взглянуть на ея 18 раненыхъ. Все наши старые друзья. Теперь намъ надо поѣсть и отправляться.

Какая досада! Графиня Адлербергъ узнала, что мы ѣдемъ и тоже хочетъ съ нами. Но я сказала Изѣ [2] отвѣтить, что она ничего не знаетъ и что разъ я ничего не говорю, значитъ, я хочу, чтобы никто не зналъ, чтобы я могла лучше все увидѣть, а то будутъ все для меня подготовлять. Прощай, милый, благословляю и цѣлую тебя еще и еще разъ.

Твоя собственная женка.

Привѣтъ Н. П., которому мы посылаемъ эту карточку.

---

[1] Въ Севастополѣ.
[2] Фрейлина баронесса Буксгевденъ.

№ 11.

Царское Село, 23 октября 1914 г.

Дорогая любовь моя,

Благодарю Бога за хорошія извѣстія о томъ, что австрійская армія отступаетъ по всему фронту отъ рѣки Сана. Какія хорошія вѣсти про Турцію. Едигаровъ съ ума сходитъ отъ радости, также мой «Крымецъ». Прошу у тебя прощенія, что забыла послать тебѣ отъ Ани бисквиты, но мнѣ пришлось такъ торопиться при запечатываніи письма передъ нашимъ отъѣздомъ, что я забыла ихъ послать. Пошлю ихъ завтра. Наша экспедиція въ Лугу была очень удачна. Когда мы пріѣхали на станцію, насъ встрѣтила старая м-ль Шереметьева (сестра г-жи Тимашевой). Она мнѣ сказала, что тамъ есть два лазарета, и она думала, что мы пріѣхали нарочно для нихъ. Я ей сказала, что мы туда поѣдемъ послѣ «Свѣтелки». Мы поѣхали на трехъ извозчикахъ, съ начальникомъ полиціи впереди, въ прелестной таратайкѣ. Три госпиталя были очень далеки одинъ отъ другого, но мы наслаждались этой примитивной ѣздой по улицамъ и песчанымъ дорогамъ въ сосновомъ лѣсу, совсѣмъ близко отъ того мѣста, гдѣ мы гуляли возлѣ озера когда то. М-ль Шнейдеръ была страшно поражена при видѣ насъ, такъ какъ она не получила телеграммы Ани, и она смѣялась нервно и возбужденно въ теченіе всѣхъ 20 минутъ, что мы тамъ были. Двадцать солдатъ лежатъ въ маленькой дачѣ; они были ранены около Сувалокъ въ концѣ сентября; только легкія раны; ихъ эвакуировали изъ Гродно. Они всѣ пріѣхали въ томъ же поѣздѣ. Всего 80 человѣкъ, большею частью кавказскіе полки. Одинъ эриванецъ, который насъ видѣлъ въ Ливадіи. Одна дочь Тимашевой была въ одномъ госпиталѣ сестрой, а другая — младшая сестра Шереметьева — во главѣ другого — возлѣ артиллерійскихъ казармъ. Тамъ я неожиданно нашла Фриде. Многіе изъ солдатъ собирались скоро вернуться на фронтъ. На станціи уже два мѣсяца имѣется кухня, а между тѣмъ ни одинъ санитарный или военный поѣздъ тамъ не останавливался. На обратномъ пути мы пили чай. Мы массу навязали, и Ресинъ насъ развлекалъ. Погода была хорошая, не слишкомъ холодно. Теперь же почти часъ ночи. Я думаю, я должна была бы постараться заснуть. Всѣ эти ночи я очень мало спала, хотя держала окно открытымъ до 3 часовъ утра. Милый Беби ѣздилъ на моторѣ въ саду. М(арія) и А(настасія) катались съ Изой, ѣздили въ свой госпиталь и потомъ работали въ складѣ. Я принимала Алю [1], которая въ воскресенье ѣдетъ со своимъ мужемъ до того мѣста, гдѣ находится Миша. Прощай, мое солнышко, мой сладкій, спи спокойно и чувствуй близость твоей женки около себя.

---

[1] Сестра А. Вырубовой.

24. Я должна кончить письмо, потомъ завтракъ, переодѣваюсь и отправляюсь въ городъ, въ мой складъ. И если головѣ моей не будетъ хуже, то — въ мою Крестовоздвиженскую общину. Мы работали все утро, и было очень грустно проститься съ моими пятью «крымцами» и съ уланомъ Эллисъ, которые отправляются съ тремя другими въ вагонѣ съ сестрой и однимъ санитаромъ въ Симферополь и Кучукъ-Ламбатъ. М-мъ Муфти-Заде вернулась изъ Крыма и привезла мнѣ розы и яблоки. Да благословитъ тебя Господь, мой милый ангелъ. Цѣлую тебя такъ нѣжно.

Твое собственное «Солнышко».

Слава Богу, мой Александровскій эскадронъ объявился. Я такъ о нихъ безпокоилась. Привѣтъ Н. П.

№ 12.

Царское Село, 24 октября 1914 г.

Мой милый, драгоцѣнный,

Ну, мы очень удачно все продѣлали въ городѣ. У Татьяны былъ ея комитетъ, который продолжался полтора часа. Она потомъ присоединилась къ намъ, въ моей *Крестовоздвиженской общинѣ,* куда я отправилась съ Ольгой послѣ *склада.* Масса народу работала въ Зимнемъ Дворцѣ и многіе приходили за работой, а другіе приносили обратно сработанныя вещи. Я тамъ видѣла жену одного доктора, которая только что получила письмо отъ своего мужа изъ Ковеля, гдѣ онъ находится въ военномъ госпиталѣ. Тамъ у нихъ очень мало бѣлья и нечѣмъ одѣть выписывающихся изъ лазарета. Я поспѣшила сказать имъ, чтобы они приготовили побольше бѣлья и *фуфаекъ* къ отправкѣ въ *Ковель,* и довольно большой образъ Христа, писаннаго на полотнѣ и принесеннаго въ подарокъ въ *складъ,* въ виду того, что это маленькій еврейскій городъ, и у нихъ нѣтъ иконы въ лазаретѣ, помѣщающемся въ казармахъ. Хотѣлось бы мнѣ знать, какъ ты проводишь свои дни и вечера и какіе твои планы. Нашъ Другъ былъ очень доволенъ, что мы ѣздили въ Лугу, и въ формѣ сестеръ, и хочетъ, чтобы я побольше разъѣзжала и не ждала бы твоего возвращенія, чтобы ѣхать въ *Псковъ.* Поэтому я пущусь въ путь еще разъ; только на этотъ разъ, я думаю, придется предупредить губернатора, такъ какъ этотъ городъ побольше. Но я тогда буду больше стѣсняться. Я возьму съ собой бѣлья для военнаго госпиталя, о которомъ Мари говорила, что тамъ нуждаются въ немъ, или же я его пошлю попозже.

Было много раненыхъ въ *общинѣ* сегодня. Одинъ офицеръ провелъ четыре дня въ госпиталѣ у Ольги и говоритъ, что такой второй

сестры нѣтъ. У нѣкоторыхъ очень тяжелыя раны. Большая часть была ранена около *Сувалокъ,* или же они лежали уже нѣкоторое время въ *Двинскѣ.* Мы читали описаніе твоего посѣщенія Минска въ газетахъ. Я получила телеграмму отъ губернатора съ благодарностью за иконы и Евангелія, которыя ты тамъ передалъ отъ моего имени. Теперь мнѣ надо постараться заснуть. Я всѣ эти ночи очень плохо сплю. Не могу заснуть ранѣе трехъ или четырехъ. Прощай, мое солнышко, благословляю и цѣлую тебя со всей возможной нѣжностью и любовью.

25. Здравствуй, любовь моя. Эту ночь я спала гораздо лучше. Только я чувствую, что надо принимать больше сердечныхъ капель, такъ какъ грудь и голова болятъ. Термометръ сегодня утромъ на нулѣ. Аня на этотъ разъ очень въ духѣ. Нашъ Другъ предполагаетъ уѣхать къ себѣ домой около 5 и хочетъ къ намъ прійти сегодня вечеромъ. Павелъ[1] просилъ позволенія прійти пить чай, и Фредериксъ хотѣлъ меня видѣть. Мы съ нимъ будемъ завтракать, а потомъ надо ѣхать на освященіе госпиталя въ *Сводномъ полку,* уже получившаго раненыхъ изъ госпиталя М. и А. Этимъ раненымъ уже было лучше и имъ надо было выписываться, чтобы очистить мѣсто для тяжело раненыхъ. Теперь я должна вставать и одѣваться для лазарета. А до того поставить свѣчку у *Знаменія.*

Господь да благословитъ и охранитъ тебя, мое сокровище. Больше нѣтъ времени писать. Цѣлую безъ конца.

Навсегда твоя собственная женка.

Дѣвочки тебя нѣжно цѣлуютъ. Привѣтъ *Н. П.*

№ 13.

Царское Село, 25 октября 1914 г.

Милое мое сокровище,

Теперь ты выѣхалъ въ Холмъ. Это пріятно и напомнитъ тебѣ о томъ, что было 10 лѣтъ тому назадъ. Спасибо за твою телеграмму — навѣрное, было пріятно тебѣ увидѣть своихъ дорогихъ гусаръ и кавалергардовъ въ Ревелѣ. — Послѣ лазарета сегодня утромъ мы были въ двухъ частныхъ домахъ, смотрѣли раненыхъ, всѣхъ нашихъ старыхъ паціентовъ. Фредериксъ пришелъ къ завтраку, ему собственно нечего было сказать. Онъ принесъ показать мнѣ нѣсколько телеграммъ и выглядѣлъ довольно хорошо. Въ четверть второго мы были въ казармахъ *Сводного полка,* осматривали устроенный госпиталь и служили *молебенъ,* благословляли комнаты — солдаты казались очень довольными,

[1] Великій Князь Павелъ Александровичъ.

и солнце ярко свѣтило въ палаты. Оттуда мы отправились въ *Павловскъ* и захватили Мавру[1], которая показала намъ болѣе четырехъ лазаретовъ. Павелъ пришелъ къ чаю. Ему очень хочется на войну, и вотъ я тебѣ пишу объ этомъ съ его вѣдома, такъ чтобы ты могъ обдумать прежде, чѣмъ ты его опять увидишь. Онъ все время надѣялся, что ты его возьмешь, но теперь онъ видитъ, что есть мало шансовъ, а оставаться дома безъ дѣла — доводитъ его до бѣлаго каленія. Онъ не хотѣлъ бы отправиться въ штабъ *Рузскаго,* такъ какъ это было бы неудобно, но если бы онъ могъ начать съ того, чтобы отправиться къ своему прежнему товарищу *Безобразову,* онъ былъ бы въ восторгѣ. Не переговоришь ли ты по этому вопросу съ *Николашей?*[2].

Потомъ мы отправились ко всенощной въ новый пещерный храмъ подъ существующимъ въ большомъ *Дворцовомъ* госпиталѣ. Тамъ была церковь во времена Екатерины. Послѣ этого мы сидѣли съ нашими ранеными. Многіе изъ нихъ, и всѣ сестры и дамы были въ церкви. *Гогоберидзе «эриванецъ»* только что прибылъ. — Нашъ Другъ вечеромъ приходилъ на часъ. Онъ подождетъ твоего возвращенія и потомъ уѣдетъ на нѣкоторое время домой. Онъ видѣлъ г-жу *Муфти-Заде.* Она въ ужасномъ состояніи. Аня тоже была у нея — повидимому, *Лавриновскій*[3] все разоряетъ — высылаетъ хорошихъ татаръ въ Турцію и чрезвычайно несправедливъ къ нимъ ко всѣмъ. Такъ вотъ, они уговорили ее отправиться къ ихъ «Валидэ», чтобы изложить ихъ жалобы, такъ какъ они въ самомъ дѣлѣ преданные подданные. Они хотѣли бы, чтобы *Княжевичъ* замѣнилъ *Лавриновскаго,* и нашъ Другъ хочетъ, чтобы я поскорѣе поговорила съ *Маклаковымъ*[4], такъ какъ онъ находитъ, что не надо терять времени до твоего возвращенія. Такъ я пошлю за нимъ, прости, что я вмѣшиваюсь въ то, что меня не касается, но это для блага Крыма, и *Маклаковъ* можетъ сейчасъ же написать *докладъ*, который ты подпишешь — если ты не можешь позволить *Княжевичу* оставить армію теперь (хотя я думаю, что онъ будетъ полезнѣе въ Крыму), тогда надо найти кого нибудь другого. Я скажу *Маклакову,* что мы съ тобой уже говорили насчетъ *Лавриновскаго.* Повидимому, онъ крайне жестокъ по отношенію къ татарамъ, а теперь, когда у насъ война съ Турціей, конечно, не время такъ себя вести. Пожалуйста, не сердись на меня и дай мнѣ какой нибудь отвѣтъ по телеграфу, словами *«одобряю»* или *«жалѣю»* по поводу моего вмѣшательства. И думаешь ли ты, что *Княжевичъ* хорошій кандидатъ. Это меня успокоитъ, и я буду знать, какъ говорить съ Mme *Муфти-Заде.* — Ты помнишь, онъ былъ недо-

[1] В. Кн. Елизавета Маврикіевна, жена Константина Константиновича.
[2] В. Кн. Николай Николаевичъ.
[3] Таврическій губернаторъ.
[4] Министръ вн. дѣлъ.

воленъ, что она хотѣла меня видѣть насчетъ посылки вещей въ полкъ, и находилъ, что татары не должны показываться въ своихъ костюмахъ и т. д., постоянно ихъ обижалъ. Можетъ быть, онъ будетъ лучше въ другой губерніи. Я знаю, что *Апраксинъ* того же мнѣнія и былъ глубоко огорченъ той перемѣной, которую онъ нашелъ.

Уже почти часъ. Я должна постараться заснуть. Я видѣла Алю и ея мужа въ половинѣ одиннадцатаго. Онъ ѣдетъ къ Хану и къ Мишѣ.

26. Мы только что вернулись изъ двухъ лазаретовъ, гдѣ видѣли раненыхъ офицеровъ и стараго священника отъ твоихъ стрѣлковъ. Онъ переутомился и былъ посланъ обратно. Я вкладываю письмо отъ *Ольги*[1] для твоего прочтенія (наединѣ) и, если ты ее увидишь, пожалуйста, верни ей его. Я еще получила отъ нея сегодня милое письмо полное любви. Милое дитя, она такъ усиленно работаетъ. Поѣздъ *Ломана* (моего имени) будетъ готовъ только попозже. Мнѣ это такъ грустно. Хотѣлось бы знать, пошлешь ли ты за нами куда нибудь или, можетъ, мы могли бы сѣсть въ поѣздъ Шуленбурга? кажется, онъ скоро долженъ вернуться. — Сегодня погода мягкая, идетъ тихій снѣгъ. Беби ѣздилъ на моторѣ и потомъ раскладывалъ костеръ, что доставило ему удовольствіе. — Дѣти, навѣрное, тебѣ все разсказали объ освященіи церкви (ты долженъ ее увидѣть), и о томъ, какъ мы потомъ посѣщали офицеровъ. *Егоръ* сообщилъ мнѣ, что ты его видѣлъ. — Слава Богу, что все идетъ хорошо въ Турціи — такъ хотѣла бы, чтобы нашъ флотъ имѣлъ успѣхъ. — Я принимала г-жу *Княжевичъ* (жену улана), она предложила мнѣ деньги для десяти кроватей на счетъ женъ моихъ уланъ, и черезъ ея мужа я получила деньги отъ всѣхъ эскадроновъ и буду получать ежемѣсячно на содержаніе шести кроватей — такъ трогательно.

Потомъ приходила г-жа *Дедюлина* благодарить за мою записку и тебя за телеграмму, которой она не ожидала и была ею глубоко тронута.

Теперь должна кончать, мое сокровище. Прощай, да хранитъ тебя Господь, дорогой, ты мнѣ такъ недостаешь. Покрываю твое дорогое лицо нѣжными поцѣлуями.

Твоя жена Аликсъ.

Привѣтъ *Н. П.*

---

[1] Сестра царя.

№ 14.

Царское Село, 26 октября 1914 г.

Мой драгоцѣнный,

Боюсь, что мои письма немного скучны, потому что сердце и мозгъ у меня какъ то утомлены и мнѣ все приходится говорить тебѣ тоже самое. Ну, такъ вотъ, сегодня я писала, что мы дѣлали. Послѣ чая мы отправились съ Алексѣемъ и Аней въ госпиталь и сидѣли тамъ полтора часа. Нѣсколько офицеровъ отправились въ городъ, не зная, что мы пріѣдемъ. Только что Тюдельсь принесъ мнѣ телеграмму отъ *Боткина.* Слава Богу, онъ получилъ извѣстіе, что его сынъ хорошо поправился и что за нимъ хорошо смотрятъ, но что его 1 октября увезли въ Будапештъ. Боткинъ сюда возвращается черезъ *Холмъ.* — Какъ хорошо, что ты тамъ былъ въ церкви. Такъ хотѣлось бы знать, можешь ли ты заѣхать посмотрѣть *Люблинъ* или въ какое нибудь другое мѣсто повидать войска. — Я такъ довольна, что *княжна* и Цейдлеръ рѣшили, что *Шестерикова* и *Руднева* не нужно оперировать, можно не вынимать пули. Это безопаснѣе, такъ какъ онѣ сидятъ очень глубоко и не причиняютъ боли. Оба въ восторгѣ, опять разгуливаютъ и отправились на освященіе маленькой церкви сегодня утромъ. Мы нашли, что *Кулиневъ* выглядитъ хуже, онъ сталъ блѣднѣе и больше жалуется на голову, бѣдняжка. Молодой Крузенштернъ вернулся въ свой полкъ. Генюгъ лежитъ въ Краснокрестной *общинѣ.* Онъ тоже контуженъ въ голову, лежитъ съ темными очками, въ полутемной комнатѣ. *Эриванецъ Гогоберидзе* теперь къ намъ пришелъ. Беби читаетъ свои вечернія молитвы здѣсь внизу, чтобы мнѣ не подыматься наверхъ, такъ какъ я сейчасъ много работаю и чувствую, что надо поберечь сердце. Наконецъ, *инж.-мех.*[1] меня сегодня оставилъ. Это былъ безконечный визитъ. Сегодня недѣля, что мы разстались, и тоска по тебѣ наполняетъ сердце мое. Мнѣ страшно недостаетъ мой ангелъ, но я черпаю силы, вспоминая радость всѣхъ, кто тебя видитъ, и какъ ты доволенъ, что тамъ находишься. Играешь ли ты въ домино по вечерамъ, хотѣла бы я знать. Мы предполагаемъ поѣхать къ *Георгію* завтра, чтобы посмотрѣть его раненыхъ. Онъ знаетъ только, что старшія дѣвочки будутъ, о себѣ я не говорила. Потомъ я попрошу повидаться на минутку съ Сергѣемъ и осмотрю нѣсколько госпиталей поменьше. Теперь благословляю и цѣлую нѣжно въ мысляхъ. Я должна потушить лампу и лечь спать. Я очень устала.

27. Я такъ рада, что ты доволенъ твоей экспедиціей. У насъ былъ очень занятой день — три операціи сегодня утромъ и при томъ трудныя, такъ что у меня не было времени быть съ нашими въ малень-

[1] Условное выраженіе, см. выше.

комъ домѣ. Днемъ сегодня были въ городѣ, навѣстили *Георгія* — раненые лежатъ въ большой комнатѣ, кажется, они довольны. Сидѣла съ Сергѣемъ, нахожу въ немъ большую перемѣну, сѣроватый цвѣтъ лица, одутловатое лицо, глаза странные, ему немного лучше, было очень плохо. Тамъ я видѣла стараго Зандеръ. Потомъ мы отправились въ *Дворцовый госпиталь*, гдѣ лежатъ раненые и обыкновенные больные. Нашла тамъ г-на Стюарта. Онъ тамъ лежитъ уже шесть недѣль. У него былъ тифоидъ. Оттуда отправилась въ *Констан(тиновское) училище* на Фонтанкѣ. Тамъ 35 человѣкъ, нѣсколько *измайл(овскихъ)* офицеровъ. Я устала. У меня *Танѣевъ*[1] будетъ въ 6 часовъ и Свѣчинъ съ докладомъ въ половинѣ седьмого. — Ты мнѣ всегда не достаешь, мое солнышко, думаю о тебѣ съ нѣжной любовью. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя, милый Ники, большой мой Агунюшка, цѣлую тебя много разъ.

Всегда твоя жена «Солнышко».

Всѣ дѣвочки посылаютъ тебѣ свою любовь.

Нашъ привѣтъ Н. П.

№ 15.

Царское Село, 27 октября 1914 г.

Милый мой, дорогой Ники,

Я легла пораньше въ постель, такъ какъ очень устала. Былъ занятой день, и когда дѣвочки пошли спать въ одиннадцать, я тоже простилась съ Аней. Она сегодня утромъ была настроена ко мнѣ не очень любезно. Можно даже сказать, что она была груба, и сегодня вечеромъ она пришла на много позднѣе того часа, въ который ее просили прійти, и странно обходилась со мной. Она усиленно флиртируетъ съ молодымъ *украинцемъ*, но ты ей недостаешь, она тоскуетъ по тебѣ — временами колоссально весела. Она отправилась съ цѣлой партіей нашихъ раненыхъ въ городъ (случайно) и очень веселилась въ поѣздѣ. Она не можетъ не играть какой нибудь роли и потомъ всегда разсказываетъ о себѣ безъ перерыва и о тѣхъ замѣчаніяхъ, которыя дѣлались на ея счетъ. Вначалѣ она каждый день просила операцій, а теперь онѣ ей надоѣдаютъ, такъ какъ ей приходится уходить отъ молодого друга, хотя она навѣщаетъ его каждый день и опять вечеромъ.

Нехорошо, что я ворчу на нее, но ты знаешь, какой она можетъ быть невыносимой. Вотъ увидишь, когда ты вернешься, она тебѣ будетъ разсказывать, какъ страшно она страдала безъ тебя, хотя она

[1] Отецъ А. Вырубовой, главноуправляющій I отд. Соб. Е. И. В. Канцеляріи.

очень любитъ оставаться одной со своимъ другомъ, кружить ему голову и при томъ ни на минуту не забывая тебя. Будь милъ и твердъ, когда ты вернешься, не позволяй ей наступать на ногу и т. д. Иначе она потомъ становится хуже, ее всегда нужно обливать холодной водой.

Отецъ ея пришелъ съ *докладомъ*, а потомъ *Свѣчинъ* по поводу моторовъ, которые онъ досталъ для нашихъ поѣздовъ. Хотѣлось бы знать, какія сегодня извѣстія. Она (Аня) говоритъ, что нашъ Другъ нѣсколько тревожится. Можетъ быть завтра онъ увидитъ все въ лучшемъ свѣтѣ и еще болѣе помолится за успѣхъ. Мой Беккеръ телеграфировалъ мнѣ изъ Варшавы, разсказывая о томъ, какъ мои эскадроны пять недѣль были среди враговъ. Они потеряли офицера и 23 солдата. Я всегда цѣлую и благословляю твою подушку вечеромъ и тоскую по моему дорогому.

Я хорошо понимаю, что у тебя не было времени написать, и была благодарна за твои ежедневныя телеграммы. Я знаю, что ты обо мнѣ думаешь и что ты занятъ весь день. Дорогое сокровище, это мое седьмое письмо. Надѣюсь, ты всѣ получилъ. Занимается ли *Н. П.* фотографіей; кажется, онъ взялъ съ собой аппаратъ. — Мы опять получили письмо отъ Келлера. — Вторая дочь графини Карловой, Мерика просватана за кавалергарда Оржецкаго, которому только 22 года. Мать недовольна.

Я видѣла въ газетахъ, что греческій Джорджи [1] съ женой выѣхалъ въ Грецію изъ Копенгагена черезъ Германію, Францію, Италію. Удивляюсь, какъ ихъ пропустили.

Что дѣлаетъ Эберхардтъ? Они бомбардировали Поти.

Ахъ, эта злосчастная война. Временами нѣтъ силъ объ ней слышать. Ужасы кровопролитія терзаютъ сердце; поддерживаютъ только вѣра, надежда и довѣріе въ безконечную Божью справедливость. Во Франціи дѣла идутъ очень медленно — но когда я слышу объ успѣхѣ и что у нѣмцевъ большія потери — сердце такъ содрогается при мысли объ Эрни и его войскахъ и многихъ знакомыхъ именахъ.

По всему свѣту потери. Ну, что нибудь хорошее изъ всего этого должно выйти, и они всѣ не пролили свою кровь даромъ. Жизнь трудно понять. «*Такъ и надо — потерпи*». Это все, что можно сказать.

Такъ хотѣлось бы, чтобы вернулись спокойныя счастливыя времена, но придется долго ждать, прежде чѣмъ мы вернемъ себѣ миръ во всѣхъ отношеніяхъ. Нехорошо унывать, но есть минуты, когда тяжесть такъ велика и она давитъ на всю страну, и тебѣ приходится нести ее всю.

[1] Братъ греческаго короля Георгъ.

Мнѣ такъ хотѣлось бы уменьшить для тебя эту тяжесть, помочь тебѣ выносить ее, погладить твой лобъ, прижаться къ тебѣ. Но когда мы вмѣстѣ, а это случается такъ рѣдко, мы не показываемъ другъ другу то, что мы чувствуемъ. Каждый подбадривается ради другого и молча страдаетъ. Но мнѣ такъ часто хочется крѣпко сжать тебя въ моихъ объятіяхъ и успокоить твою усталую голову на моей старой груди. Мы вмѣстѣ такъ много пережили въ эти двадцать лѣтъ, и безъ словъ мы понимали другъ друга. Храбрый мой мальчикъ, да поможетъ тебѣ Богъ, да дастъ онъ тебѣ силу и мудрость, утѣшеніе и успѣхъ.

Спи хорошо, да благословитъ тебя Богъ, пусть молитвы святыхъ ангеловъ и твоей женки охраняютъ твой сонъ.

28. Здравствуй, милый, я спала очень плохо. Заснула только послѣ четырехъ и потомъ постоянно снова просыпалась. Это такъ утомительно, особенно, когда нуждаешься въ томъ, чтобы хорошенько отдохнуть. Сегодня теплѣе, погода сѣренькая. Какъ разъ передъ тѣмъ, чтобы отправиться въ госпиталь, я получила твое дорогое письмо. Какъ мило, что ты такъ обрадовалъ мое сердце. Благодарю тебя отъ всего любящаго сердца. Конечно, мы пріѣдемъ съ величайшимъ удовольствіемъ. Пусть Воейковъ [1] все устроитъ и точно скажетъ, когда намъ встрѣтить тебя. Можетъ быть, мы могли бы по дорогѣ остановиться и осмотрѣть какой нибудь лазаретъ въ *Двинскѣ* или какомъ нибудь другомъ мѣстѣ — я послала за *Ресинымъ*, чтобы обо всемъ переговорить. Итакъ, мы завтра отправимся въ *Псковъ*, будемъ спать эту ночь въ поѣздѣ и завтра къ обѣду вернемся. Поѣздъ Беби прибудетъ, вѣроятно, въ четвергъ. Мы видѣли поѣздъ Мари на Александровской станціи — большая часть была ранена въ ноги — они прибыли изъ Варшавскихъ госпиталей и Гродно.

Мы сейчасъ отправляемся въ другой лазаретъ. Я думаю, если возможно, остановиться въ *Двинскѣ* по дорогѣ къ тебѣ, если будетъ время. Р. выясняетъ вопросъ о госпиталяхъ (по секрету). Туда мы отправимся какъ сестры (нашему Другу нравится это) и завтра также. Но пока мы будемъ съ тобой въ Гроднѣ, будемъ иначе одѣваться, чтобы ты не конфузился, разъѣзжая съ сестрой.

М. (Маклаковъ) приходитъ въ 9 часовъ. Я ему сообщу также о твоемъ желаніи насчетъ Лавриновскаго.

Я чувствую себя, какъ заведенная машина, которая нуждается въ лекарствѣ, чтобы продолжать работать — увидѣть тебя очень мнѣ поможетъ.

Я хочу взять завтра Аню и Изу и *О. Евг.* [2] и, можетъ быть, горничную для двухъ дочерей и для меня, и одну — для дамъ (чтобы тебя встрѣ-

[1] Дворцовый комендантъ.
[2] О. Е. Бюцова, фрейлина.

тить), чѣмъ меньше людей, тѣмъ лучше, чтобы поменьше обременять твой поѣздъ впослѣдствіи. Я думаю, что лучше взять *Ресина,* такъ какъ онъ военный. Теперь я должна кончить. Благословляю и цѣлую безъ конца. Радость свиданія съ тобой будетъ очень велика, но тяжело разставаться съ моимъ солнечнымъ лучемъ. — Вмѣсто *Пскова* можетъ быть мы могли бы еще побыть съ тобой въ какомъ нибудь другомъ городѣ. Благословляю тебя еще и еще. Сегодня уже цѣлая недѣля. Работа — единственное лекарство.

Всегда твоя старая
«Солнышко».

Привѣтъ *Н. П.*

№ 16.

Царское Село, 17 ноября 1914 г.

Мой любимый,

Когда ты прочтешь эти строки, поѣздъ будетъ тебя увозить далеко отъ насъ. Еще разъ пришелъ часъ разлуки, его всегда одинаково тяжело переносить. Когда ты уѣзжаешь, одиночество такъ тягостно, хотя у меня мои дорогія дѣти. Все же уходитъ часть моей жизни — мы, вѣдь, съ тобой одно.

Богъ да охранитъ и благословитъ тебя на твоемъ пути, и пусть у тебѣ будутъ хорошія впечатлѣнія, и ты дашь радость всѣмъ кругомъ, и принесешь силу и утѣшеніе страдающимъ.

Ты всегда приносишь «*обновленіе*», какъ говоритъ нашъ Другъ. Я рада, что пришла Его телеграмма. Такъ успокаиваетъ знать, что Его молитвы слѣдуютъ за тобой.

Хорошо, что ты могъ имѣть основательный разговоръ съ Н.[1] Скажи ему свое мнѣніе о нѣкоторыхъ людяхъ и дай ему нѣкоторыя мысли. Пусть твое присутствіе принесетъ опять пользу. Дай Богъ успѣха нашимъ храбрымъ войскамъ.

Наша работа въ госпиталѣ — мое утѣшеніе, также посѣщеніе особенно страдающихъ въ Большомъ Дворцѣ. Я только страшусь настроенія Ани — прошлый разъ былъ нашъ Другъ, потомъ больная нога и потомъ ея молодой другъ.

Будемъ надѣяться, что она сумѣетъ сдерживаться. Я теперь ко всему отношусь гораздо хладнокровнѣе, и меня не огорчаетъ ея грубость и капризы, какъ прежде. Разрывъ наступилъ вслѣдствіе ея поведенія и словъ въ Крыму. Мы друзья, я ее очень люблю и всегда буду любить, но что то пропало, разорвана связь ея поведеніемъ по от-

[1] В. Кн. Николаемъ Николаевичемъ.

ношенію къ намъ обоимъ. Она никогда не будетъ такъ близка ко мнѣ, какъ она была. Стараешься скрывать свою печаль, а не хвастать ею. Въ концѣ концовъ мнѣ тяжелѣе приходится, чѣмъ ей. Она съ этимъ не согласна, такъ какъ ты будто бы для нея все, а у меня есть дѣти. Но, вѣдь, она имѣетъ меня и увѣряетъ, что любитъ меня. — Не стоитъ объ этомъ говорить, неправда ли. Это, вѣдь, для тебя совсѣмъ не интересно.

Это будетъ радостью — поѣхать и повидаться съ тобой, хотя мнѣ очень не хочется оставлять Беби и дѣвочекъ. И я буду такъ робѣть во время поѣздки. Я никогда одна не ѣздила ни въ какой большой городъ. Я надѣюсь, что я все сдѣлаю какъ слѣдуетъ и что твоя жена не оскандалится.

Дорогая душка, мой собственный. Двадцать лѣтъ ты мое милое сокровище. Будь здоровъ, да благословитъ и охранитъ тебя Господь Богъ, и защититъ отъ всякаго зла.

Мой свѣтъ, мое Солнышко, моя жизнь и все мое существо. За всю твою любовь будь благословенъ, за всю твою нѣжность спасибо тебѣ, благословляю и цѣлую тебя всего, и нѣжно прижимаю къ моему любящему старому сердцу.

Навсегда, Ники, мой собственный.
Твоя собственная женка.

Я такъ рада, что Н. П. сопровождаетъ тебя, мнѣ спокойнѣе знать, что онъ возлѣ тебя, а для него это такая огромная радость.

Вспоминаю нашу послѣднюю ночь. Такъ ужасно одиноко безъ тебя и такъ плохо. Въ этомъ этажѣ никто не живетъ.

Да охранятъ тебя святые и да прострегъ на тебя Св. Дѣва покрывало любви своей.

«Солнышко».

№ 17.

Царское Село, 18 ноября 1914 г.

Мой любимый,

Такъ какъ фельдъегерь сегодня вечеромъ отправляется, я пользуюсь случаемъ, чтобы написать и сказать тебѣ, какъ мы провели утро. У меня такое горе на сердцѣ, когда здѣсь нѣтъ моей душки. Такъ тяжело видѣть, какъ ты все одинъ переносишь. — Мы отправились прямо въ госпиталь послѣ того, какъ Фредериксъ далъ мнѣ на станціи бумагу съ подписью. Дѣла было очень много, но я долго сидѣла пока дѣвочки работали. А. (Аня) была въ глупомъ нелюбезномъ настроеній. Она раньше ушла, чтобы видѣться съ Алей, которая пріѣзжаетъ,

и вернется только къ 9, и не будетъ на лекцiи. Она и не спросила, что я стану дѣлать — разъ тебя нѣтъ, она рада уйти изъ дому. Убѣгать отъ собственной печали — не дѣло. Но я рада, что ее меньше вижу, когда она такъ нелюбезна.

Какая скверная погода. Я иду въ дѣтскiй лазаретъ и потомъ въ Большой Дворецъ.

Мари и Ольга бѣгаютъ по комнатѣ, у Татьяны урокъ, Анастасiя сидитъ съ ней. Беби выходитъ послѣ отдыха. Гувернеръ меня зоветъ.

Я только что принимала г-жу *Муфти-Заде*, потомъ завѣдующаго лазаретомъ моей Царскосельской общины въ *Сувалкахъ*. Онъ прiѣхалъ за вещами и проситъ два мотора.

Дорогой мой, любимый муженекъ, хочу цѣловать тебя, прижаться къ тебѣ и чувствовать себя уютно.

Теперь дѣти меня также зовутъ въ лазаретъ, такъ что надо отправляться. Фельдъегерь отправляется въ пять. Прощай, мой дорогой, Господь да благословитъ и охранитъ тебя навсегда. Всѣ дѣти нѣжно тебя цѣлуютъ.

Твоя собственная женка.

№ 18.

Царское Село, 19 ноября 1914 г.

Мой любимый,

Твое письмо было для меня такой глубокой радостью, такимъ утѣшенiемъ. Спасибо тебѣ за него тысячу разъ. Я люблю читать всѣ милыя слова, которыя ты пишешь, они меня грѣютъ, потому что я не могу не чувствовать твоего отсутствiя, «суть» во всемъ недостаетъ въ жизни моей семьи. Я теперь всегда завтракаю на диванѣ, когда мы одни. Какъ удачно, что убрали Ренненкампфа[1] до твоего прiѣзда. Я рада. Пусть только найдутъ кого нибудь хорошаго на его мѣсто. Не будетъ ли это, можетъ быть, *Мищенко?* Его такъ любятъ войска. Это такая умная голова, неправда ли? Говорятъ синiе кирасиры въ восторгѣ, что у нихъ *Арсеньевъ*. Охотно этому вѣрю. Въ самомъ дѣлѣ, это была съ твоей стороны отличная мысль устроить свою палку для гимнастики. Это хорошее упражненiе, когда ты будешь такъ надолго запертъ, и тебѣ придется только стоять въ лазаретахъ, что страшно утомительно. — Въ 9 ч. Ольга, Анастасiя, Беби и я отправились встрѣчать его поѣздъ. На этотъ разъ у насъ есть очень тяжело раненые. Поѣздъ былъ въ *Сухачевѣ*, въ шести верстахъ отъ поля сраже-

[1] Послѣ пораженiя въ Вост. Пруссiи.

нія, и окна тряслись отъ артиллерійскаго огня. Аэропланы тамъ летали, также и надъ Варшавой. *Шуленбургъ* разсказываетъ, что 13 и 14 сибирскіе были безобразно перепуганы и думали, что Богъ на сторонѣ нѣмцевъ, такъ какъ они не понимали, что такое аэропланъ и т. д. И нельзя было заставить ихъ итти впередъ, — все новыя войска, не настоящіе сибиряки. Отыскались шесть моторовъ его поѣзда, которые исчезли съ 1-го числа. Они находятся въ *Лодзи,* не могутъ оттуда уйти, такъ какъ могутъ быть захвачены, но они продолжаютъ возить раненыхъ. Теперь многіе приходятъ пѣшкомъ, такъ что ихъ легкія въ безотрадномъ положеніи. Пріѣхалъ *нижегородецъ Ягминъ.* Я не получила извѣстій — въ городѣ говорятъ, вчера было плохо — въ газетахъ масса бѣлыхъ мѣстъ, не отпечатанныхъ. Вѣроятно, мы отступили вблизи *Сухачева.* Нѣкоторые изъ этихъ раненыхъ были захвачены нѣмцами, а потомъ наши взяли ихъ обратно, четыре дня спустя. Боже мой, какія страшныя раны. Я боюсь, что нѣкоторые не могутъ быть спасены. Но я рада, что они у насъ и что мы по крайней мѣрѣ можемъ сдѣлать все, что въ нашей власти, чтобы имъ помочь. Я должна была бы теперь отправиться, чтобы посмотрѣть остальныхъ, но я слишкомъ устала, такъ какъ у насъ, кромѣ того, были двѣ операціи, а въ четыре я должна отправиться въ Большой Дворецъ, такъ какъ хочу, чтобы княжна также осмотрѣла бѣднаго мальчика и офицера изъ 2-го Стрѣлковаго полка, чьи ноги уже совсѣмъ почернѣли, такъ что боятся, что ампутація будетъ необходима.

Я была вчера при мальчикѣ, пока его *перевязывали.* Было страшно смотрѣть, онъ прижимался ко мнѣ и оставался спокойнымъ, бѣдняжка. — У насъ нѣсколько тяжелыхъ случаевъ въ Большомъ Дворцѣ.

Вчера была сѣрая и дождливая погода и было тепло. Сегодня свѣтило солнце, но теперь облачно. А. (Аня) отправилась погулять, а потомъ придетъ ко мнѣ — она была въ непріятномъ настроеніи весь вечеръ, и потому я пошла спать въ одиннадцать. Сегодня утромъ она продолжала, но намъ удалось ее урезонить. Это вдвойнѣ мучительно, когда чувствуешь себя грустной, а она притворяется, что она «главная плакальщица» передъ всѣми другими. Я бодрюсь и разговариваю, она могла бы дѣлать то же самое. Иногда она разспрашиваетъ насчетъ фельдъегеря. Я предполагаю, что она намѣрена писать. Я не знаю, разрѣшилъ ли ты это ей. Ольга и Татьяна отправились въ городъ принимать подарки въ Зимнемъ Дворцѣ. — *Борисъ* въ Варшавѣ на недѣлю: *Шуленбургъ* взялъ его, чтобы вымыться и почиститься такъ какъ у него *чесотка.*

Вчера мы отправились также въ дѣтскій лазаретъ, сидѣли съ *Николаевымъ и Лазаревымъ.* Сегодня въ поѣздѣ лежалъ «волынецъ».

По всемъ полку осталось только двѣнадцать офицеровъ и немного солдатъ.

Всѣ дѣти тебя нѣжно цѣлуютъ, ежедневно кто нибудь будетъ тебѣ писать. Мари только что начала. Пожалуйста, передай *Н. П.* мой привѣтъ. — Слышалъ ли ты, что кто то изъ «*великановъ*» [1] раненъ. Столько идетъ слуховъ по городу. — О да, было бы въ самомъ дѣлѣ прелестно, если бы мы вмѣстѣ поѣхали, но я думаю, что въ такое время, какъ теперь, тебѣ лучше поѣхать на Кавказъ одному. Бываютъ моменты, когда мы женщины не должны существовать. — Да, Богъ помогъ мнѣ съ моимъ здоровьемъ, и я держусь, хотя временами просто до смерти устаю. Сердце болитъ и расширено. Но моя воля крѣпка. Все только бы не думать.

Мой милый, мое сокровище, я должна кончить. Сегодня курьеръ уѣзжаетъ раньше. Когда ты вернешься, ты долженъ дать мнѣ мои письма, чтобы ихъ перенумеровать, такъ какъ у меня нѣтъ никакого представленія, сколько я написала. Еще разъ безконечное спасибо за твое дорогое письмо. Оно было очень хорошо написано, хотя поѣздъ двигался.

Прижимаю тебя къ моей тоскующей груди. Цѣлую всѣ дорогія мѣста. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя отъ всякаго зла.

Навсегда, Ники, мой ангелъ, мое сокровище, мое солнце, моя жизнь.

Твоя старая женка.

Кланяюсь *Дм(итрію) Шерем(етьеву)*. [2]

№ 19.

Царское Село, 20 ноября 1914 г.

Дорогой мой любимый Ники,

Запоздалый комаръ летаетъ вокругъ моей головы, пока я пишу тебѣ. — Ну, я отправилась въ Большой Дворецъ на перевязку этого бѣднаго мальчика, и мнѣ какъ то показалось, словно края большого пролежня стали плотнѣе. Княжна находитъ, что ткань не имѣетъ омертвѣлаго вида. Она осмотрѣла ногу стрѣлка и нашла, что ее слѣдовало бы тотчасъ же отнять, пока еще не поздно. И придется это сдѣлать очень высоко. *Владиміръ Ник.* и *Эберманъ* находятъ, что надо сперва попытаться сдѣлать другую операцію аневризма венъ и, если это не поможетъ, то тогда ампутировать ногу. Его семья хотѣла бы посовѣтоваться съ какой нибудь знаменитостью, но всѣ отсутствуютъ, кромѣ Цейдлера, который не могъ пріѣхать раньше пятницы. Я хочу

[1] Особая рота.
[2] Графъ Д. С. Шереметевъ, фл.-адъют., приближенное лицо.

переговорить съ *Влад. Николаевичемъ.* Сегодня вечеромъ я читала бумаги Рост.[1] до десяти часовъ. До обѣда я принимала м-мъ Зизи[2], а потомъ задремала. Аня хочетъ, чтобы мы отправились въ *Ковно*, такъ какъ мы не можемъ воспользоваться санитарнымъ поѣздомъ на этотъ разъ къ нашему сожалѣнію и къ радости *Воейкова,* но это значитъ — также въ *Вильну*. Я не могу проѣхать, не остановившись тамъ. Дѣвочкамъ нравится эта мысль, такъ какъ онѣ надѣются увидѣть своихъ «друзей». Она говоритъ, что тамъ масса раненыхъ. Элла пріѣзжаетъ въ понедѣльникъ. Право, не знаю, что дѣлать. Хотѣла бы, чтобы ты былъ здѣсь, чтобы спросить тебя. А это письмо ты получишь самое раннее въ субботу и тогда намъ уже придется уѣзжать. Я еще объ этомъ подумаю . Я такъ устала и не очень хотѣла бы сейчасъ уѣзжать, и къ тому же тутъ такъ много работы и дѣти мои, которыхъ я должна оставить перваго числа. Но можетъ быть было бы хорошо туда поѣхать? Аня хочетъ перемѣны и *«дѣ(йствующей) арміи»,* какъ она всегда говоритъ. Милый, дорогой, цѣлую твою подушку утромъ и вечеромъ и благословляю ее, и тоскую по ея драгоцѣнномъ хозяинѣ. Я прилагаю открытку, изображающую насъ въ *Двинскѣ.* Думаю, тебя позабавитъ имѣть ее для твоего альбома. Погода совсѣмъ мягкая. Беби выѣзжаетъ въ своемъ моторѣ, а потомъ *Ольга,* которая сейчасъ гуляетъ съ Аней, поведетъ его въ Большой Дворецъ повидать офицеровъ, которымъ не терпится увидѣть его. Я слишкомъ устала, не могу ѣхать. У насъ еще въ четверть шестого ампутація (вмѣсто лекціи) въ Большомъ лазаретѣ. Сегодня утромъ мы присутствовали (я всегда помогаю, передаю инструменты, а Ольга продѣваетъ нитки въ иглы) при первой нашей большой ампутаціи (цѣлая рука была отрѣзана), потомъ мы всѣ дѣлали ***перевязки*** (въ нашемъ маленькомъ лазаретѣ) и очень серьезныя въ большомъ. У меня были несчастные люди съ ужасными ранами... почти ничего не осталось «мужского», просто на части разстрѣляны. Можетъ быть придется отрѣзать........ такъ почернѣло, но надѣются спасти. Страшно смотрѣть. Я мыла и чистила, и мазала іодомъ и вазелиномъ, и завязала, и перевязала ихъ всѣхъ. Шло совсѣмъ хорошо, и я чувствую себя счастливѣе, когда дѣлаю это спокойно одна подъ руководствомъ доктора. Я перевязала трехъ такихъ. У одного пришлось оставить маленькую *трубочку.* Сердце обливается кровью за нихъ. Я не буду больше описывать деталей, такъ это печально, но, будучи женой и матерью, я имъ сочувствую особенно. Одну молодую сестру (дѣвушку) я выслала изъ комнаты. М-ль Анненкова уже постарше. Молодой докторъ такъ добръ. Аня смотрѣла совершенно хладнокровно. Она говоритъ, что уже совсѣмъ закалена.

[1] Гр. Ростовцева, секретаря Императрицы.
[2] Гофмейстерина Нарышкина.

Она постоянно меня удивляетъ своимъ обращеніемъ. Въ ней нѣтъ ничего любящаго и женственнаго, какъ въ нашихъ дѣвочкахъ. Она небрежно перевязываетъ; когда ей надоѣстъ, уходитъ, а когда дѣла мало, она ворчитъ. Едигаровъ замѣтилъ, что они уже ей надоѣли. И она суетится и торопитъ всѣхъ. Я въ ней разочаровалась. Ей всегда нужно что нибудь новое, какъ *Ольгѣ Евгеніевнѣ*. Въ четыре она уходитъ къ своей сестрѣ вмѣсто того, чтобы итти на ампутацію, разъ мы туда идемъ. Она могла бы проводить вечеръ съ сестрой. Княжна Гедройцъ мнѣ сказала, что она скоро замѣтила, до какой степени Аня не хочетъ и не умѣетъ дѣлать вещи à fond, и она боялась, что мы тоже будемъ такими, но она рада, что это не такъ и что мы дѣлаемъ все основательно. Это вѣдь не игра. Она хотѣла имѣть крестъ и хлопотала объ этомъ. Теперь она его получила, и ея интересъ значительно упалъ, тогда какъ мы теперь вдвойнѣ чувствуемъ отвѣтственность и серьезность всего этого и хотѣли бы дать все, что только можемъ всѣмъ бѣднымъ раненымъ съ легкими или тяжкими ранами одинаково любовно. Мари видѣла офицера своего полка. Передай *Н. П.* нашъ привѣтъ и сообщи ему новости, о которыхъ мы пишемъ, такъ какъ его интересуетъ все, что мы дѣлаемъ. — У меня носъ полонъ ужасныхъ запаховъ отъ этихъ разложившихся ранъ. — Одинъ изъ офицеровъ въ Большомъ Дворцѣ показалъ мнѣ германскія пули «думъ-думъ», очень длинныя, суженныя, въ концѣ какія то штуки, словно изъ красной мѣди. — Ты мнѣ недостаешь, мнѣ хочется твоихъ поцѣлуевъ. Дорогое дитя мое, я думаю и молюсь за тебя непрестанно, мой сладкій. Прощай. Да благословитъ и охранитъ тебя Господь. Нѣжно прижимаю тебя къ своему сердцу, цѣлую и остаюсь навсегда

твоя глубоколюбящая старая женка, Солнышко.

Всѣ дѣти тебя цѣлуютъ.

№ 20.

Царское Село, 21 ноября 1914 г.

Моя милая птичка,

Я не хочу, чтобы фельдъегерь завтра уѣхалъ безъ письма отъ меня. Вотъ телеграмма, которую я только что получила отъ нашего Друга: «*Ублажишь раненыхъ, Богъ имя твое прославитъ, за ласкоту и за подвигъ твой*». Такъ трогательно, и это дастъ мнѣ силу превозмочь мою застѣнчивость. Грустно оставлять маленькихъ.

У Изы вдругъ 38 температура и внутреннія боли, такъ что *Вл. Ник.* не хочетъ ее отпустить. Мы тотчасъ же телефонировали Настенькѣ, чтобы она приготовилась и пріѣхала.

Мы беремъ пакеты и письма отъ всѣхъ женъ моряковъ для *Ковно*.

Мы ѣдимъ, а дѣвочки болтаютъ, какъ водопады, такъ что писать довольно трудно.

Теперь, свѣтъ жизни моей, прощай. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя, и защититъ отъ всякаго зла. Я не знаю, когда и гдѣ это письмо тебя достигнетъ. Благословляю безъ конца и шлю нѣжные поцѣлуи отъ всѣхъ насъ.

Твое Солнышко.

Мы всѣ шлемъ привѣтъ *Н. П. и Дм(итрію) Шеремет(ьеву)*.

№ 21.

Царское Село, 21 ноября 1914 г.

Мое дорогое сокровище,

Это пріятно, что мы были въ *Смоленскѣ* вмѣстѣ два года назадъ (съ Келлеромъ), такъ что я могу себѣ теперь представить, гдѣ ты находишься. Алексѣевская *община* телеграфировала мнѣ послѣ того, какъ ты тамъ былъ, чтобы ихъ осмотрѣть. Я помню, что они дали Беби икону во время знаменитаго чаепитія тамъ. — Все еще нѣтъ извѣстій о войнѣ отъ толстаго Орлова, съ тѣхъ поръ какъ ты уѣхалъ. Втихомолку говорятъ, что Іоахимъ [1] былъ взятъ нашими войсками — если это такъ, куда его послали, хотѣла бы я знать. Если это правда, то можно было бы извѣстить Дону черезъ Вики изъ Швеціи, что онъ здоровъ и невредимъ (не говоря гдѣ онъ), но тебѣ лучше знать, не мнѣ давать тебѣ совѣты. Это только одна мать жалѣетъ другую.

Я оставалась дома вчера послѣ полудня и лежала въ кровати до обѣда, такъ какъ смертельно устала. Дѣвочки отправились въ лазаретъ вмѣсто меня. Послѣ обѣда я принимала *Шуленбурга* довольно долго. Онъ опять уѣзжаетъ въ субботу. Надъ Варшавой ежедневно бросали бомбы и во всѣхъ другихъ мѣстахъ и также ночью. Бебинъ поѣздъ застрялъ на полтора часа на мосту (переполненный ранеными больше 600) и не могъ войти на станцію (направляясь изъ *Праги)* изъ за другихъ поѣздовъ, и онъ каждую минуту боялся, что ихъ взорвутъ. Потомъ я принимала *Ресина* — молодецъ! Онъ въ одинъ часъ все устроилъ. Сегодня вечеромъ мы въ девять выѣзжаемъ и будемъ въ *Вильнѣ* въ субботу утромъ въ четверть одиннадцатаго. Потомъ ѣдемъ въ *Ковно* въ 2 ч. 50; въ 6 — назадъ; въ *Ц(арское) С(ело)* въ воскресенье утромъ въ девять. *Ресинъ* только извѣщаетъ виленскаго губернатора изъ за моторовъ и экипажей, но онъ не долженъ дальше распространять. Оттуда онъ извѣститъ ковенскаго губернатора (а можетъ быть — это

[1] Одинъ изъ сыновей Вильгельма.

одинъ и тотъ же). Аня по секрету телефонировала *Родіонову*. — Я надѣюсь, мы можемъ гдѣ нибудь ихъ увидѣть на минутку. — Аня очень горда, что уговорила меня не итти въ лазаретъ, такъ какъ это утомительно, но утомительно не это, а то, что она участвуетъ въ этой экспедиціи. — Двѣ ночи въ вагонѣ и два города съ посѣщеніемъ лазаретовъ. Если мы увидимъ дорогихъ моряковъ, это будетъ наградой. Я рада, что мы можемъ продѣлать это такъ скоро и не будемъ долго въ разлукѣ съ дѣтьми. — Прости эту грязную страницу, но я совсѣмъ рамоли, и у меня слаба голова. Я даже попросила немного вина. Сотня вопросовъ, бумагъ, начиная съ *Вильчковскаго*, лазаретъ, каждое утро вопросы, на которые приходится отвѣчать, обязательныя рѣшенія и т. д. А мой мозгъ не такъ крѣпокъ, свѣжъ, какимъ онъ былъ, прежде чѣмъ мое сердце за эти годы такъ ослабѣло. Я представляю себѣ, что ты чувствуешь по утрамъ, когда одинъ за другимъ приходятъ надоѣдать тебѣ разными вопросами. — Въ госпиталѣ я приняла «*ханшу*», которая дала г-жѣ *Мдивани* моторы и собиралась послать *отрядъ* для кавказскихъ войскъ на германской границѣ. Теперь она проситъ моего позволенія перемѣнить и имѣть этотъ отрядъ на Кавказѣ, гдѣ санитарная помощь еще больше недостаетъ. — Я эту ночь не могла уснуть и въ два часа написала Анѣ, прося ее увѣдомить женъ моряковъ, что есть оказія вѣрной передачи писемъ и пакетовъ. Потомъ я сортировала книжки, евангеліе (одинъ апостолъ), молитвы, которыя везу къ морякамъ, сладости и кіевское варенье для офицеровъ. Можетъ быть я найду еще какія нибудь теплыя вещи. — За твое второе дорогое письмо благодарю безконечно. Было радостно его получить, мой милый. Такъ мучительно думать о нашихъ огромныхъ потеряхъ. Нѣсколько раненыхъ офицеровъ, оставившихъ насъ мѣсяцъ назадъ, вернулись вновь раненые. Дай Богъ, чтобы эта отвратительная война поскорѣе кончилась, но конца не видно. Понятно, австрійцы въ бѣшенствѣ, что ихъ ведутъ прусаки. Кто знаетъ, не будетъ ли у нихъ опять исторіи между собой. — Я получила письма отъ Торы, королевы Елены и тети Беатрисы. Всѣ шлютъ тебѣ привѣтъ и глубоко сочувствуютъ тебѣ. Онѣ пишутъ то же самое о своихъ раненыхъ и плѣнныхъ. Имъ говорили ту же самую ложь. Онѣ увѣряютъ, что ненависть къ Англіи сильнѣе всѣхъ. Судя по телеграммамъ, Джорджи[1] сейчасъ во Франціи посѣщаетъ своихъ раненыхъ. — Нашъ Другъ надѣется, что ты долго не останешься такъ далеко. Посылаю тебѣ газеты и письмо отъ Ани. Можетъ быть, ты въ своей телеграммѣ упомянешь, что благодаришь за газеты и письмо и шлешь привѣтъ. Я надѣюсь, что ея письма не въ прежнемъ старомъ елейномъ стилѣ. — Очень мягкая погода . Въ половинѣ десятаго мы

[1] Англійскій король.

отправились къ концу обѣдни въ *пещерный храмъ,* потомъ въ лазаретъ, гдѣ у меня была масса работы, а у дѣтей никакой, а потомъ на операцію въ Большой лазаретъ. И мы показывали нашихъ офицеровъ Цейдлеру, чтобы съ нимъ посовѣтоваться. Ольга и Татьяна въ отчаяніи отправились въ городъ на концертъ въ циркѣ въ пользу Ольгинскаго Комитета. Безъ ея вѣдома пригласили всѣхъ министровъ и пословъ, такъ что она вынуждена была поѣхать.

М-мъ Зизи, Иза и Настенька ихъ сопровождали, и я просила Георгія также поѣхать и помочь имъ. Онъ сейчасъ же согласился, такой хорошій. — Я должна еще написать Ольгѣ при посылкѣ пищевыхъ продуктовъ. Ея другъ туда отправился на короткое время, такъ какъ онъ нездоровъ, какъ и *Борисъ,* боленъ чесоткой и нуждается въ хорошей дезинфекціи. Аня говоритъ, что она просмотрѣла газету и что она очень скучна. Она извиняется, что послылаетъ ее. Она думала, что это хорошій номеръ. Только что я вернулась изъ Большого Дворца и съ *перевязокъ.* Я смотрѣла, какъ ихъ дѣлали, и сидѣла съ офицерами.

Теперь *Малама* приходитъ къ чаю, чтобы проститься.

Прощай, мой ангелъ муженекъ, Богъ да благословитъ и охранитъ тебя. Тысячу нѣжныхъ поцѣлуевъ отъ

твоей старой женки.

Дѣти тебя цѣлуютъ. Мы шлемъ массу привѣтствій *Н. П.* Тоскую по тебѣ.

№ 22.

Царское Село, 23 ноября 1914 г.

Моя дорогая душка,

Мы сюда вернулись благополучно въ четверть десятаго и нашли маленькихъ здоровыми и веселыми. Дѣвочки отправились въ церковь — я отдыхаю, такъ какъ очень устала. Такъ плохо спала обѣ ночи въ поѣздѣ. Послѣднюю ночь мы просто мчались, чтобы нагнать одинъ часъ. Ну, я постараюсь начать сначала. Мы туда выѣхали въ девять, сидѣли и болтали до десяти и потомъ легли спать. Я выглянула въ *Псковѣ* и видѣла санитарный поѣздъ, а позднѣе мнѣ сказали, что мы также встрѣтили мой поѣздъ, прибывшій сюда сегодня въ половинѣ перваго. Въ *Вильну* мы пріѣхали въ четверть одиннадцатаго. На станціи былъ губернаторъ и военное начальство и красно-крестные служащіе. Я замѣтила два санитарныхъ поѣзда и сейчасъ же ихъ обошла. Они очень хорошо содержатся, принимая во вниманіе, что они совсѣмъ обыкновенные. Нѣсколько очень тяжелыхъ случаевъ,

но всѣ веселые, прямо изъ подъ огня. Осматривала я *питательный пунктъ* и амбулаторію. — Оттуда въ закрытыхъ моторахъ мы поѣхали (меня сейчасъ прервали — Митя *Денъ* приходилъ прощаться) въ соборъ, гдѣ лежатъ трое святыхъ, потомъ къ образу Богоматери (подъемъ чуть не убилъ меня). У иконы чудесное лицо (такъ жалко, что ее нельзя поцѣловать). Потомъ въ польскій дворецъ — лазаретъ — огромная зала съ койками, на сценѣ помѣщены самые тяжелые больные, а наверху, на хорахъ офицеры. Масса воздуху и полная чистота. Вездѣ въ обоихъ городахъ меня вносили наверхъ по лѣстницамъ, которыя были очень круты. Вездѣ я давала иконы и дѣвочки такъ же. Потомъ — въ лазаретъ Краснаго Креста въ женской гимназіи, гдѣ ты нашелъ, что сестры-хорошенькія. Масса раненыхъ. Обѣ дочери *Веревкина* сестрами. Его жена не могла показаться, такъ какъ у ихъ маленькаго сына заразная болѣзнь. Ее замѣняла жена его помощника. Нигдѣ никакихъ знакомыхъ. Сестры пѣли гимнъ, пока мы одѣвались. Польскія дамы не цѣлуютъ руки. Потомъ отправились въ маленькій госпиталь для офицеровъ (гдѣ Малама и Эллисъ раньше лежали). Тамъ одинъ офицеръ сказалъ Анѣ, что онъ видѣлъ меня 20 лѣтъ назадъ въ *Симферополѣ* и слѣдовалъ за нашимъ экипажемъ на велосипедѣ и что я ему протянула яблоко. (Я очень хорошо помню этотъ эпизодъ). Такъ жалко, что онъ мнѣ самой этого не разсказалъ. Я помню его молодое лицо 20 лѣтъ тому назадъ, такъ что я не могла его узнать. Оттуда мы вернулись на станцію. Больше нельзя было оставаться, такъ какъ два санитарныхъ поѣзда взяли много времени. *Валуевъ* хотѣлъ показать мнѣ ихъ лазаретъ въ лѣсу, но было слишкомъ поздно. *Арцимовичъ* появился на станціи, думая, что я посѣщу лазаретъ, гдѣ были сестры изъ его губерніи. Я завтракала и обѣдала всегда въ кровати. Въ *Ковнѣ* очаровательный *комендантъ крѣпости* (тамъ губернаторъ не идетъ въ счетъ, такъ какъ это *дѣйствующій фронтъ)* и военныя власти, нѣсколько офицеровъ, Ширинскій и Щепотьевъ также тамъ стояли. Другіе только что отправились въ городскія экспедиціи поблизости отъ Торна, чтобы взорвать мостъ или какое то другое мѣсто, которое я забыла. Такая жалость, что я ихъ не застала. Въ *Вильнѣ* мы на улицѣ проѣхали мимо *Воронова.* Опять въ моторахъ помчались въ соборъ (изъ *Вильны* мы предупредили о своемъ пріѣздѣ): «коверъ на ступенькахъ», выставлены деревья въ горшкахъ, всѣ электрическія лампы горѣли въ Соборѣ и епископъ привѣтствовалъ насъ длинной рѣчью. Короткій *молебенъ*, приложились къ чудотворной иконѣ Богородицы, и онъ далъ мнѣ образъ Петра и Павла, во имя которыхъ названа церковь. Онъ трогательно говорилъ о насъ, называя *милосердными сестрами*, и назвалъ твою женку новымъ именемъ «*милосердная мать*». Потомъ — въ Красный Крестъ, — простыя сестры, въ синихъ сит-

цевыхъ платьяхъ. Старшая сестра, только что прибывшая туда дама, говорила со мной по англійски. Она была сестрой десять лѣтъ назадъ и видѣла меня въ Англіи, такъ какъ мой старый другъ *Кирьева* [1] просила меня принять ее. Потомъ — въ другой флигель лазарета на другой улицѣ. Потомъ — въ большой лазаретъ, примѣрно на 300 человѣкъ, въ банкѣ — казалось такъ странно видѣть раненыхъ въ прежней обстановкѣ банка. Тамъ былъ одинъ изъ моихъ уланъ. Потомъ мы отправились въ большой военный лазаретъ, слушали короткую службу и маленькую проповѣдь. Масса раненыхъ, въ двухъ комнатахъ нѣмцы. Я разговаривала съ нѣкоторыми изъ нихъ. Оттуда — на станцію, тамъ на платформѣ стояли «*роты*» (я просила, чтобы они были, должна сознаться). Ихъ такъ трудно узнать, и не было много знакомыхъ, ты ихъ видѣлъ. *Симонинъ* выглядѣлъ очень мило. Боцманъ «Петергофа» съ Георгіевскимъ крестомъ — всѣ здоровы. Ширинскій также выглядитъ хорошо. *Комендантъ* такой милый, пріятный, простой, не суетливый человѣкъ. Онъ просилъ меня послать еще 3.000 иконъ или библій. Онъ благословилъ насъ, когда отошелъ поѣздъ; трогательный онъ. Кто бы могъ подумать нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, что на станціи Крѣпости насъ встрѣтитъ ура нашихъ матросовъ, — они, въ формѣ солдатской, а мы одѣтыя сестрами. Въ *Ландваровѣ* мы остановились и осматривали *питательный пунктъ* и казарменный госпиталь на станціи и были на службѣ въ крошечной церкви. Нѣсколько тяжелыхъ случаевъ. *Лифляндскій комитетъ — княгиня Четвертынская* во главѣ (ихъ имѣніе поблизости), дочь сестрой. Въ два мы остановились на станціи. Я обнаружила санитарный поѣздъ, мы быстро вышли, поднялись на вокзалъ. 12 человѣкъ лежало удобно, пили чай при свѣтѣ свѣчки. Я всѣхъ видѣла и дала иконы — 400. Тамъ былъ также больной священникъ — «земскій поѣздъ», двѣ сестры (одѣтые не въ формѣ), два брата милосердія, два доктора и много санитаровъ. Я извинялась, что разбудила ихъ. Они поблагодарили насъ, что мы зашли, были въ восторгѣ, веселыя, улыбающіяся, оживленныя лица. Такимъ образомъ, мы опоздали на часъ и нагнали этотъ часъ въ теченіе ночи, такъ что меня бросало взадъ и впередъ, и я боялась, что мы потерпимъ крушеніе.

Только что я видѣла Ирину [2], послѣ чего я должна встрѣтить мой санитарный поѣздъ. Элла пріѣзжаетъ завтра вечеромъ. Богъ да хранитъ и благословитъ тебя. — Съ пятницы нѣтъ извѣстія. Нѣжные любящіе поцѣлуи тебѣ отъ Твоей старой женки

«Солнышко».

Викторія шлетъ привѣтъ. Она живетъ въ Kent House на островѣ Уайтъ. Привѣтъ *Н. П.*

---

[1] О. Кирѣева, Новикова.

[2] В. кн. Ирину Александровну, замужемъ за кн. Юсуповымъ.

№ 23.

Царское село, 24 ноября 1914 г.

Мой родной, любимый,

Я такъ рада, что ты имѣлъ трогательный пріемъ въ *Харьковѣ*. Тебѣ это должно быть было полезно и подбодрило тебя. Извѣстія съ фронта такъ тревожны. Я не слушаю городскихъ сплетенъ: онѣ бы совсѣмъ разстраивали нервы, я вѣрю только тому, что сообщаетъ *Николаша*. Тѣмъ не менѣе я просила А. (Аню) телеграфировать нашему Другу, что положеніе очень серьезно и что мы просимъ его молиться. Да, противъ насъ сильный и упорный врагъ.

Сашка будетъ у насъ пить чай передъ отправленіемъ на Кавказъ. Говорятъ, что онъ женился на актрисѣ и потому оставляетъ полкъ. Онъ отрицалъ это въ разговорѣ съ Аней и сказалъ, что его слабое здоровье заставило его просить отпуска и что онъ хочетъ повидать родителей. *Малама* тоже пилъ у насъ чай передъ отъѣздомъ. Элла пріѣзжаетъ сегодня вечеромъ. У насъ сегодня утромъ въ Большомъ лазаретѣ было четыре операціи и потомъ перевязывали офицеровъ. Мои два «*крымца*» изъ Двинска прибыли. Они къ счастью выглядятъ лучше, чѣмъ тогда. Почти ежедневно я принимаю офицеровъ, возвращающихся въ армію или уѣзжающихъ въ отпускъ, чтобы продолжать отдыхать въ своей семьѣ. Теперь мы помѣстили также офицеровъ на противоположной сторонѣ въ Большомъ Дворцѣ. Генералъ Танкрей (отецъ моего) также тамъ лежитъ. Я собираюсь посѣтить ихъ въ четыре. Бѣдный паренекъ съ страшной раной всегда проситъ меня прійти.

Погода сѣрая и унылая. — Удается ли тебѣ когда побѣгать на станціяхъ? Фредериксъ опять былъ боленъ двѣ ночи назадъ и харкалъ кровью, потому его держатъ въ кровати. Бѣдный старикъ, это такъ тяжело для него, и онъ нравственно страшно страдаетъ. — Цѣлыя массы II-го сибирскаго полка твоей мамаши приходили въ мой поѣздъ. Семь ея офицеровъ лежатъ здѣсь въ различныхъ поѣздахъ. Вчера мы принимали трехъ *павловцевъ*, приходившихъ поздравлять насъ въ свой полковой праздникъ, а *Борисъ* телеграфировалъ изъ Варшавы отъ имени *атаманцевъ*. — *Петя*[1] выглядитъ хорошо, массу намъ разказывалъ; отъ него пахнетъ чеснокомъ, такъ какъ ему дѣлали вспрыскиваніе мышьяка. — Дѣти здоровы и веселы. Такъ жаль, что я не могу къ тебѣ отправиться въ санитарномъ поѣздѣ. Мнѣ хочется быть поближе къ фронту, такъ какъ ты такъ далекъ — чтобы они чувствовали нашу близость и мужались. — У тети Евгеніи[2] сто раненыхъ въ залѣ и въ сосѣдней комнатѣ.

---

[1] Принцъ П. А. Ольденбургскій.

[2] Принцесса Ольденбургская, жена Александра Петровича.

Ты такъ мнѣ недостаешь, мое сокровище. Завтра недѣля, что ты насъ покинулъ. Сердцемъ и душой я всегда съ тобой. Цѣлую тебя такъ нѣжно, какъ только могу, и крѣпко держу въ своихъ объятіяхъ.

Богъ да благословитъ и укрѣпитъ тебя и дастъ тебѣ утѣшеніе и вѣру.

Навсегда, мой родной Ники,

Твоя глубоко любящая старая женка
Аликсъ.

Хотѣлось бы знать, видѣлъ ли ты мой *складъ* въ К. Губернаторъ въ плохихъ отношеніяхъ съ *Ребиндерами* и, увы, не даетъ ни копѣйки моему *складу*. — Пожалуйста, передай *Н. П.* нашъ сердечный привѣтъ. Дѣти цѣлуютъ тебя тысячу разъ. Гдѣ то ты получишь это письмо?

№ 24.

Царское село, 25 ноября 1914 г.

Мой любимый,

Очень спѣшу, посылаю нѣсколько строкъ. Мы были заняты все утро. Одинъ солдатъ умеръ во время операціи. Было страшно грустно. Это въ первый разъ случилось съ княжной, а она уже сдѣлала тысячу такихъ операцій. Произошло кровотеченіе. Всѣ держались хорошо, никто не потерялъ головы, и дѣвочки были храбры. Онѣ и Аня никогда не видѣли смерти. Онъ умеръ въ одну минуту. Ты можешь себѣ представить, какъ это насъ всѣхъ опечалило. Какъ смерть всегда близка! Мы продолжали другую операцію. Завтра у насъ опять такая же, она тоже можетъ кончиться фатально, дай Богъ, чтобы это не случилось, надо постараться спасти его.

Элла пришла къ завтраку. Она остается до завтра. Мы имѣли ея докладъ и два доклада *Мекка*, Ростовцева и *Апраксина* въ теченіе двухъ часовъ, вотъ почему у меня не было времени написать настоящее писмо. Едигаровъ уютно обѣдалъ съ нами вчера. Онъ уѣзжаетъ дня черезъ два и уже выписался изъ лазарета. Подумай, какъ я была смѣла, что пригласила его. Онъ былъ очень милъ и очень простъ.

Погода очень мягкая. Надо кончать, посланный ждетъ. Другіе кругомъ меня пьютъ чай. Благословляю и цѣлую тебя.

Твоя старая женка
«Солнышко».

Передай мой привѣтъ *Воронцову и Н. П.*

Элла и дѣти тебя цѣлуютъ. Элла говоритъ, что генералъ *Шварцъ* тебя обожаетъ.

№ 25.

Царское Село, 26 ноября 1914 г.

Мой родной, драгоцѣнный,

Поздравляю тебя съ Георгіевскимъ праздникомъ. Сколько у насъ теперь новыхъ кавалеровъ героевъ! Но, Боже мой, какія сердцераздирающія потери, если только вѣрить тому, что говорятъ въ городѣ. *Амбразанцевъ* убитъ. Г-жа Кнорингъ (его большой другъ, рожденная Гейденъ) получила извѣстіе. Говорятъ, у гусаръ страшныя потери. Но я не могу вѣрить, чтобы это была правда. Но я не имѣю права наполнять твои уши всѣми «on dit». Молю Бога, чтобы они были невѣрны. Ну что же, мы всѣ знаемъ, что такая война будетъ самая кровопролитная и ужасная изъ всѣхъ, которыя когда либо были. И такъ оно и вышло, и какъ жаль геройскихъ жертвъ, павшихъ мучениками за родное дѣло. Аня дважды посѣщала Сашку. Я ей говорила, что это очень дурно, но она ни малѣйшаго вниманія на меня не обращаетъ. Элла днемъ заходила съ Ольгой и со мной въ Большой Дворецъ и разговаривала со всѣми ранеными. Одинъ изъ нихъ былъ раненъ въ послѣднюю войну и лежалъ въ Москвѣ и помнитъ, какъ она его навѣщала. Трудно найти время, чтобы писать въ тѣ два дня, что она здѣсь. — Дорогое сокровище, Богъ знаетъ, какъ давно ты уѣхалъ, и мнѣ недостаетъ моего большого Агунюшки. Мы были на ранней обѣднѣ въ *пещерномъ* храмѣ, а оттуда Элла уѣхала въ городъ до трехъ, а мы до часу были въ маленькомъ лазаретѣ. Необычайная операція и 19 перевязокъ, т. е., я хочу сказать, 19 человѣкъ, такъ какъ у нѣсколькихъ было много ранъ, которыя пришлось перевязать. Снова очень тепло. Въ четыре я отправляюсь въ Большой Дворецъ, потому что они ежедневно ждутъ мотора и очень разочарованы, если мы не пріѣзжаемъ, что рѣдко случается. Раненый мальчикъ просилъ меня пораньше сегодня прійти. Я чувствую, что мои письма очень скучны, но я рамоли и устала, и никакія мысли не приходятъ въ голову. Сердце мое полно любви и безграничной нѣжности къ тебѣ. Я жадно жду обѣщаннаго письма, хочу знать о тебѣ побольше и какъ ты проводишь время въ поѣздѣ послѣ всѣхъ пріемовъ и осмотровъ. Надѣюсь, что у тебя хорошая погода и много солнца. Здѣсь такъ сыро и мокро. Я не выходила съ тѣхъ поръ, какъ ты уѣхалъ, иначе, какъ въ закрытомъ моторѣ. Мой ангелъ, прощай, благослови тебя Богъ. Пусть св. Георгій принесетъ свои особыя благословенія и побѣду нашимъ войскамъ. Дѣти и я цѣлуемъ тебя нѣжно. Графъ *Databaseиродъ* сейчасъ долженъ прійти, чтобы поговорить о рождественскихъ подаркахъ для войскъ. Аня посылаетъ тебѣ смѣшную газету.

Нѣжные поцѣлуи, Ники, дорогой,

от твоей собственной женки.

Дѣти и я шлемъ Н. П. нашъ привѣтъ. Ну, вотъ, рождественскіе подарки не могутъ быть во время приготовлены, такъ что мы устроимъ на Пасху. Десять лѣтъ тому назадъ на 300.000 потребовался 3—4 мѣсячный сборъ, а теперь нужно гораздо больше.

№ 26.

Царское Село, 27 ноября 1914 г.

Мой любимый,

Второпяхъ нѣсколько строкъ. — Мы сейчасъ отправляемся на *молебенъ* нашихъ *нижегородцевъ* и будемъ вмѣстѣ съ ними, нашими ранеными и другими офицерами, генераломъ Багратіономъ, старымъ *Наврузовымъ* и полковыми дамами Мы работали все утро. Была одна большая операція. Въ половинѣ десятаго была *служба* у *Знаменья*, такъ какъ сегодня храмовой праздникъ. Льетъ и очень темно. Мы всѣ здоровы. Мы беремъ всѣхъ 5 дѣтей въ церковь, такъ какъ Беби записанъ въ полку.

Ну, все обошлось хорошо. Оттуда мы отправились въ Большой Дворецъ ко всѣмъ раненымъ. Они ежедневно ждутъ мотора, такъ что невозможно не пріѣхать. Я нахожу, что раненому мальчику ежедневно хуже, температура медленно падаетъ, но пульсъ остается слишкомъ быстрымъ. По вечерамъ онъ бредитъ и такъ слабъ. Рана гораздо чище, но говорятъ, что запахъ прямо ужасенъ. Онъ постепенно угаснетъ. Я только надѣюсь — не въ наше отсутствіе. Потомъ мы навѣстили помѣщеніе моей *краснокрестной общины*. Теперь мы напились чаю. *Горемыкинъ*[1] ждетъ, а потомъ княгиня. Не могу больше писать. Цѣлую и благословляю безъ конца.

Навсегда, мой милый,

Твоя собственная «Солнышко».

Льетъ во всю.

№ 27.

Царское Село, 28 ноября 1914 г.

Мой драгоцѣнный, родной,

Мнѣ не удалось тебѣ сегодня написать съ курьеромъ, у меня было такъ много дѣлъ. Мы были все утро въ лазаретѣ и по обыкновенію я тамъ выслушала *докладъ Вильчковскаго*. Потомъ быстро переодѣлись,

[1] И. Л. Горемыкинъ — предсѣдатель совѣта министровъ.

позавтракали и поѣхали въ городъ въ Покровскую общину на *Вас(ильевскомъ) островѣ.* Трое Бьюкененъ[1] и еще нѣсколько англичанъ изъ комитета, и сестры принимали насъ. Большое отдѣленіе для офицеровъ и пріятная гостиная для нихъ, обитая кретономъ, три комнаты для солдатъ, совсѣмъ простыя и уютныя. Потомъ мы обошли *общину*, видѣли еще раненыхъ и во дворѣ большое зданіе, принадлежащее *общинѣ, Городская больница.* Въ верхнемъ этажѣ было 130 раненыхъ. — Оттуда мы помчались въ мой *складъ* — тамъ работала масса дамъ. Мнѣ было пріятно видѣть цѣлыя груды приготовленныхъ вещей. Потомъ въ *Аничковъ* къ чаю. Мамаша[2] выглядитъ хорошо (мнѣ кажется, мои путешествія въ одиночку удивляютъ ее), но я чувствую, что теперь время такъ поступать. Богъ далъ мнѣ лучшее здоровье, и я считаю, что всѣ мы женщины большія и малыя должны все дѣлать для нашихъ трогательно храбрыхъ раненыхъ. Временами я чувствую, что больше не могу, и тогда накачиваюсь сердечными каплями и опять работа идетъ. И Другъ нашъ, кромѣ того, желаетъ, чтобы я разъѣзжала, такъ что я должна спрятать свою застѣнчивость. Дѣвочки мнѣ помогаютъ. Потомъ мы вернулись домой. Я лежала и читала массу бумагъ отъ Рост(овцева). Душка, милый, я надѣюсь, что ты не будешь недоволенъ изъ за телеграммы Фредерикса *Воейкову.* Мы о ней переговорили по телефону, такъ какъ онъ еще не можетъ выходить. Видишь ли, эта выставка военныхъ трофеевъ національное дѣло, такъ что лучше, чтобы входъ былъ безплатный. Можно поставить *кружки* возлѣ двери, тогда никто не вынужденъ платить.

Я не желаю *Сухомлинову*[3] зла, наоборотъ, но его жена въ самомъ дѣлѣ очень mauvais genre и всѣхъ, въ особенности военныхъ, очень озлобила, такъ какъ она меня «подвела» своимъ 26-го. Она говорила, что этотъ день очень подходитъ и что пѣвцы хотятъ даромъ пѣть въ ресторанахъ, чтобы собрать деньги для ея *склада.* И я позволила. Къ моему ужасу я увидѣла въ газетахъ объявленіе, что во всѣхъ ресторанахъ и кабарэ (съ дурной репутаціей) будутъ продавать напитки въ пользу отдѣла ея *склада* (мое имя помѣщено большими буквами) до трехъ часовъ утра (теперь всѣ рестораны закрываются въ 12) и что будутъ танцовать танго и другіе танцы въ ея пользу. Это произвело убійственное впечатлѣніе. Ты запрещаешь (слава Богу) вино, а я, выходитъ, способствую пьянству ради склада. Это ужасно, и всѣ имѣли право быть въ ярости, раненые также. А адъютанты министра должны были собирать деньги. Уже не было возможности остановить

---

[1] Англійскій посолъ, его жена и дочь.
[2] Вдовствующая императрица.
[3] В. А. Сухомлиновъ — военный министръ.

это — такъ что мы просили Оболенскаго[1] приказать, чтобы рестораны были закрыты въ 12, за исключеніемъ только приличныхъ.

Эта дура вредитъ своему мужу и ломаетъ себѣ шею. Она принимаетъ деньги и вещи на мое имя и выдаетъ ихъ отъ своего имени. Она грубая женщина, у нея вульгарная душа, отъ того такія вещи случаются, хотя она много работаетъ и дѣлаетъ много добра. Но она ему очень вредитъ, такъ какъ онъ ея слѣпой рабъ. И всѣ это видятъ. Я хотѣла бы, чтобы кто нибудь его уговорилъ держать ее въ рукахъ. Когда Ростовцевъ сказалъ имъ о моемъ неудовольствіи, онъ былъ въ отчаяніи и спрашивалъ, не слѣдуетъ ли ей закрыть свой *складъ*. Но Рост(овцевъ) сказалъ, конечно, нѣтъ и что я знаю, какъ много добра она дѣлаетъ, а только здѣсь поступила очень неправильно.

Довольно объ этомъ. Я только хотѣла, чтобы ты зналъ эту исторію, такъ какъ о ней были сильныя статьи въ газетахъ. Поэтому теперь новый сборъ для нея ухудшилъ бы дѣло. Хотѣли, чтобы мой *складъ* собиралъ въ Рождество, но я отклонила эту мысль. Нельзя же вѣчно просить милостыни. Это некрасиво.

Командиръ моего 21-го Сибирскаго полка сегодня прибылъ. Къ счастью у него только легкія раны. — Теперь я должна лечь спать. Уже часъ ночи. Сегодня въ первый разъ два градуса мороза.

29-го. Какъ мнѣ благодарить тебя за твое милѣйшее письмо отъ 25-го, полученное мною сегодня утромъ. Мы съ интересомъ слѣдимъ за всѣмъ, что ты дѣлаешь. Должно быть большимъ утѣшеніемъ видѣть эти массы преданныхъ, счастливыхъ подданныхъ. Я рада, что тебѣ удалось посѣтить еще два города, гдѣ находятся казаки. — Мы отправились въ *мѣстный лазаретъ,* и тамъ я дала четыре медали ампутированнымъ солдатамъ. Другихъ тяжелыхъ случаевъ не было. Потомъ мы отправились въ Большой Дворецъ, чтобы видѣть всѣхъ нашихъ раненыхъ. Они уже горюютъ, что не долго будутъ насъ видѣть. Сегодня утромъ оба *нижегородца — Наврузовъ и Ягминъ* — были оперированы, такъ что мы хотимъ вечеромъ заглянуть и посмотрѣть, какъ они себя чувствуютъ. Они сума сходили отъ радости, прочитавъ въ газетахъ твою телеграмму[2]. Что ты ихъ назвалъ «безподобными» — это величайшая награда, такъ какъ это слово никогда раньше не употреблялось.

---

[1] Спб. градоначальникъ.

[2] Въ телеграммѣ изъ Тифлиса на имя командира полка Государь поздравлялъ «безподобныхъ нижегородцевъ съ полковымъ праздникомъ» и выражалъ увѣренность, что «одолѣетъ въ концѣ концовъ русская сила могущественныхъ и коварныхъ враговъ своихъ».

Княжевичъ приходитъ сегодня вечеромъ по дѣлу. Мы отправляемся въ церковь, такъ что надо кончать. Я хочу до того отдохнуть. Нѣжныя благословенія и поцѣлуи, мой Ники, отъ

твой собственной женки.

Привѣтъ Н. П. Я рада, что вы, два грѣховодника, могли глядѣть на хорошенькія лица. Я больше вижу другія части тѣла, менѣе идеальныя.

№ 28.

Царское Село, 1 декабря 1914 г.

Мой возлюбленный,

Это послѣднее письмо тебѣ до нашего свиданія. — Дай Богъ черезъ 6 дней. Завтра двѣ недѣли, что ты уѣхалъ, и я болѣе, чѣмъ могу сказать, тосковала по моей душкѣ. Радость встрѣчи будетъ велика, только жаль оставлять маленькихъ на цѣлую недѣлю. Я не могу привыкнуть къ разлукѣ — милый Агунюшка — слава Богу, онъ здоровъ, это мое утѣшеніе.

Охъ, я такъ устала. Столько надо было дѣлать и видѣть столько народу эти послѣдніе дни, потому я вчера не могла писать. Потомъ я отправилась въ *мѣстный лазаретъ* въ субботу, вчера къ инвалидамъ, вчера въ нашъ Большой лазаретъ (взяла Алексѣя) и дала медали отъ твоего имени. Они были такъ страшно счастливы и благодарны, эти бѣдные несчастные. Наши больные будутъ намъ недоставать, имъ было грустно проститься съ нами.

Петя завтракалъ, а вчера Павелъ пилъ чай. Онъ жаждетъ назначенія. — Ростовцевъ приходитъ сейчасъ. Я хочу выяснить, почему *Маклаковъ* не позволяетъ американцамъ посмотрѣть, какъ содержатся у насъ плѣнные. Ихъ посылали въ Германію, во Францію, въ Англію, и я нахожу неправильнымъ, что нашихъ имъ не показываютъ. Я больше не могу писать. Благословляю и цѣлую безъ конца.

Навсегда, дорогой Ники, твоя глубоколюбящая старая

«Солнышко».

Нашъ Другъ телеграфировалъ: *увѣнчайтесь земнымъ благомъ, небеснымъ вѣнцомъ во пути съ вами.*

№ 29.

Москва, 12 декабря 1914 г.

Мой дорогой ангелъ,

Еще разъ мы разстаемся, но съ Божьей помощью опять встрѣтимся черезъ пять дней. Я хочу напомнить тебѣ, чтобы ты переговорилъ съ

Николашей, чтобы офицерамъ было позволено уѣзжать домой лечиться и чтобы ихъ не держали во всѣхъ городахъ, куда ихъ случайно привезъ санитарный поѣздъ. Они гораздо скорѣе поправятся, если они могутъ быть близко къ своимъ семьямъ, а нѣкоторые должны кончать свое леченіе на югѣ, чтобы вернуть себѣ силы, особенно тѣ, кто ранены въ грудь. — Я рада, что у тебя будетъ одинъ день отдыха въ поѣздѣ, а пребываніе въ *Ставкѣ* освѣжитъ тебя послѣ этого страшнаго утомленія и безконечныхъ пріемовъ. Одно утѣшеніе: ты безконечно осчастливилъ тысячу раненыхъ. — Я постараюсь немножко отдохнуть эти дни, болѣе или менѣе, такъ какъ должна прійти М. В.[1], и сердце эти дни очень расширено.

Душка, милый, почему ты не назначаешь Гротена къ своимъ гусарамъ. Они очень нуждаются въ настоящемъ командирѣ.

Прощай, мое сокровища, спи хорошо, ты мнѣ будешь страшно недоставать. Богъ да благословитъ и хранитъ тебя.

Если можно, переговори съ *Воейковымъ* и Бенкъ на счетъ рождественскихъ елокъ для раненыхъ, а я переговорю съ *Вильчковскимъ.* Прижимаю тебя къ сердцу и цѣлую тебя еще и еще съ глубокой нѣжностью.

Навсегда твоя женка.

Въ моемъ стекляномъ шкафу надъ письменнымъ столомъ находятся свѣчки, на случай, если онѣ тебѣ понадобятся.

№ 30.

Царское Село, 14 декабря 1914 г.

Мой родной, любимый,

Уѣзжаетъ фельдъегерь, и я тороплюсь послать тебѣ нѣсколько строкъ. Нога Агунюшки въ самомъ дѣлѣ поправилась, ему только больно наступать, такъ что онъ предпочитаетъ не утруждать ее и изъ предосторожности остается на диванѣ. Ангина Мари лучше, она хорошо спала, и у нея 37. У *Татьяны* г-жа Беккеръ[1], такъ что она встаетъ только къ завтраку. *Боткинъ* уложилъ меня въ кровать, такъ какъ сердце еще очень расширено и болитъ, и я не могу принимать лекарствъ, и чувствую себя все таки страшно усталой, и все болитъ. Вчера я оставалась на диванѣ, только поднималась къ Мари и къ Беби. Аля пришла ко мнѣ на полчаса вечеромъ, такъ какъ она чувствуетъ себя грустной и одинокой безъ своего мужа. Она провела ночь у Ани. Дѣвочки отправились въ лазареты послѣ завтрака и катанія въ саняхъ,

[1] M-me Becker, условное выраженіе.

и еще вечеромъ. Сегодня онѣ опять туда пойдутъ, а завтра начнутъ свою работу. Я, увы, еще не могу. Это меня очень огорчаетъ, такъ какъ нравственно мнѣ помогало. Нашъ Другъ пріѣзжаетъ завтра и говоритъ, что у насъ будутъ лучшія извѣстія съ фронта. Аня отправляется въ городъ встрѣчать его. Михенъ[1] въ городѣ съ инфлуэнцей. Павелъ, говорятъ, также нездоровъ. А. (Аня) получила два письма отъ *Чахова,* два отъ Едигарова и *Маламы.* Всѣ такія трогательныя. Я ихъ просила всегда давать намъ свѣдѣнія черезъ А. — Я завтра увижу *Афросимова.* Онъ возращается въ свой полкъ, который скоро идетъ въ *ставку,* и жаждетъ увидѣть своего любимаго *шефа* (и семью) тамъ. Не поговоришь ли ты о Кириллѣ съ *Николашей* и потомъ не скажешь ли своей мамашѣ, что было бы въ самомъ дѣлѣ хорошо все привести въ порядокъ и что теперь во время войны это всего легче сдѣлать[2]. — Гдѣ теперь собраны всѣ моряки. Бѣдный *Боткинъ* продолжаетъ очень волноваться по поводу своего старшаго сына. Все продолжаетъ надѣяться, что онъ можетъ быть живъ. — Говорятъ, что сестры (дамы) въ *отрядѣ Сандры* получили медали на георгіевской лентѣ, такъ какъ онѣ работали подъ огнемъ, вынося раненыхъ, кажется. — Sunbeam[3] только что выѣхалъ въ санкахъ, запряженныхъ осликомъ. Онъ цѣлуетъ тебя. Онъ можетъ теперь наступать на ногу, но старается быть осторожнымъ, чтобы поскорѣе поправиться. Какъ ужасно было прощаться съ тобой въ Москвѣ и видѣть тебя стоящимъ тамъ среди кучи народа (всѣ такъ непохожіе на тебя во всѣхъ отношеніяхъ), и мнѣ приходилось кланяться имъ и смотрѣть на нихъ также, и улыбаться, и я не могла смотрѣть только на тебя, какъ мнѣ бы хотѣлось. Знаешь, до нашего пріѣзда въ Москву три военныхъ лазарета съ нѣмецкими и австрійскими ранеными были вывезены въ Казань. Я читала описаніе одного молодого русскаго, который ихъ повезъ. Многіе были уже при смерти и умерли въ пути, и ихъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало бы двинуть, съ страшными ранами, отъ которыхъ пахло гнилью, безъ перевязокъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. И какъ разъ во время ихъ Рождества они подвергались такимъ пыткамъ въ плохихъ санитарныхъ вагонахъ. Изъ одного лазарета ихъ отправили даже безъ сопровожденія доктора — только санитары. Я послала письмо Эллѣ, чтобы выяснить эту исторію и хорошенько намылить голову: это отвратительно и для меня совершенно непонятно. Въ *Петроградѣ,* говорятъ, нѣтъ почти ни одной пустой койки. Поѣздъ Беби сегодня приходитъ изъ *Варшавы. Ломанъ* тамъ не нашелъ раненыхъ,

---

[1] В. Кн. Марія Павловна.

[2] Рѣчь идетъ о бракѣ В. Кн. Кирилла Владиміровича, заключенномъ безъ согласія царя.

[3] «Солнечный лучъ» — наслѣдникъ.

такъ что отправился за поисками въ другое мѣсто. Значитъ ли это, что теперь въ теченіе этихъ дней все тише (ихъ Рождество, и мы, какъ христіане, этимъ не пользуемся) и потому теперь меньше потерь. Хотѣлось бы узнать что нибудь яснѣе. — Теперь я должна остановиться, такъ какъ у меня голова болитъ отъ насморка, хотя носъ больше не течетъ. — Сашка [1], говорятъ, опять вернулся съ Кавказа. — Здѣсь такъ одиноко безъ тебя, мое сокровище, нѣжно любимый. Всегда ждешь, что откроется дверь и что ты войдешь, возращаясь съ прогулки. Идетъ снѣгъ. Передай нашъ привѣтъ Н. П. Я такъ счастлива, что онъ съ тобой. Дѣти тебя безконечно цѣлуютъ, также и твоя женка. Надѣюсь, что ты теперь чувствуешь себя болѣе отдохнувшимъ. Говорятъ, *синодъ* издалъ указъ, что не должно быть рождественскихъ елокъ [2]. Я хочу выяснить, правда ли это и тогда подыму скандалъ. Это не ихъ дѣло и не касается церкви. Зачѣмъ же отнимать удовольствіе у раненыхъ и дѣтей на томъ основаніи, что елка первоначально была перенята изъ Германіи. Эта узость взглядовъ прямо чудовищна. — Я видѣла *Ольгу Евгеніевну.* Она совершенно убита смертью брата. Ея нервы сдали и физическія силы оставили ее, несчастную. Поэтому она нуждается въ хорошемъ отдыхѣ на мѣсяцъ и надѣется потомъ опять приняться за работу. Богъ да благословитъ и сохранитъ тебя, мой дорогой Ники, цѣлую и прижимаю тебя нѣжно къ сердцу, и глажу тебя по усталому лбу.

Навсегда твоя старая «Солнышко».

Не можешь ли ты выяснить, правда ли, что маленькій Алексѣй Орловъ раненъ. Можетъ быть, это опять болтовня. Я не знаю, гдѣ полкъ находится и который полкъ сейчасъ въ *ставкѣ.* Не попросишь ли ты *Шавельскаго* [3] послать священникамъ въ полки больше запасныхъ Даровъ и вина, такъ чтобы больше народу могло принимать св. причастіе. Я посылаю то, что могу, съ нашимъ поѣздомъ — складомъ. Элла тоже.

№ 31.

Царское Село, 15 декабря 1914 г.

Дорогая моя душка,

Фредериксъ сообщаетъ мнѣ, что ты возвращаешься только въ пятницу, такъ какъ ѣдешь смотрѣть полки. Я въ восторгѣ за тебя и

---

[1] См. стр. 8.

[2] Въ засѣданіи училищнаго совѣта при Св. Синодѣ было принято постановленіе объ отмѣнѣ елокъ, устраиваемыхъ на Рождество въ церк.-приходскихъ школахъ, въ виду того, что обычай этотъ воспринятъ у нѣмцевъ.

[3] Протопресвитеръ арміи и флота.

за нихъ. Это великое утѣшеніе для васъ всѣхъ и дастъ имъ новую силу. Сегодня утромъ Зеленецкій сообщилъ мнѣ, а потомъ Кириллъ телеграфировалъ изъ города, что нашъ милый *Бутаковъ* убитъ. Это такъ печально, такой добрый и хорошій человѣкъ, всѣми любимый. Какое горе для его маленькой жены. Она и такъ была голымъ нервомъ. Вотъ и другой изъ нашихъ друзей по яхтѣ погибъ. Сколько еще потребуетъ эта страшная война! А теперь Боткинъ получилъ извѣстіе изъ полка, что сынъ его былъ убитъ, такъ какъ не хотѣлъ сдаться. Извѣстіе получено отъ германскаго плѣннаго офицера. Бѣдный *Боткинъ* совсѣмъ раздавленъ горемъ. Я видѣла Афросимова. Онъ скоро возвращается на фронтъ, но я думаю, что это слишкомъ рано. Онъ давно былъ контуженъ и видно, что его глазъ мигаетъ и что онъ страдаетъ отъ головокруженія. Дѣти сегодня начали работать, у нихъ были тяжелые случаи. Мое сердце все еще расширено и болитъ, также болитъ голова, и я чувствую головокруженіе. Мнѣ пришлось перейти на диванъ, такъ какъ тетя Ольга [1] пріѣзжаетъ въ половинѣ пятаго. Мари и Димитрій [2] хотѣли прійти обѣдать, но я не могу ихъ принять, все еще чувствую себя совсѣмъ никуда негодной. Мари еще не спустилась, такъ какъ ея горло еще не совсѣмъ поправилось, температура нормальна. Беби каждый день два раза выѣзжаетъ въ своихъ маленькихъ ослиныхъ санкахъ. Мнѣ много приходится думать относительно рождественскихъ подарковъ для раненыхъ. Это трудно, когда чувствуешь себя никуда негодной.

Я рада, что ты можешь гулять. Это тебѣ будетъ полезно. — Элла писала въ отчаяніи, стараясь выяснить до конца исторію на счетъ поѣздовъ и лазаретовъ. Она полагаетъ, что приказаніе пришло изъ *Петрограда*. Приказанія оттуда часто очень жестоки по отношенію къ раненымъ въ военныхъ госпиталяхъ. Когда она все узнаетъ, она напишетъ Алеку [3]. Въ городѣ почти нѣтъ вакантныхъ мѣстъ. Я не знаю, куда я пошлю свои поѣзда, если я не получу Финляндіи. Сегодня яркій солнечный день. Должно быть Онъ [4] пріѣхалъ. А. (Аня) отправилась его встрѣчать. Я ее видѣла только на секунду. Она была съ дѣтьми въ лазаретѣ и потомъ съ ними завтракала. Ольга и Анастасія катаются въ саняхъ съ Изой. Татьяна учится. *Шура* читаетъ Мари, Беби гуляетъ, а я чувствую себя никуда не годной. Дорогой мой, какъ уныло безъ тебя, но я рада за тебя, что ты тамъ и что ты увидишь войска. Я такъ хочу быть у святого причастія въ этотъ *постъ*, если мнѣ удастся справиться съ моимъ здоровьемъ. Дорогой мой, теперь

---

[1] Ольга Константиновна, вдовствующая греческая королева.
[2] См. выше стр. 5.
[3] Принцу Александру Петровичу Ольденбургскому.
[4] Гр. Распутинъ.

прощай. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя и защититъ отъ всякаго зла. Прижимаю тебя къ своему сердцу и цѣлую тебя еще и еще съ нѣжной лаской.

Навсегда твоя собственная женка.

Передай мой привѣтъ Н. П. Его огорчитъ извѣстіе о *Бутаковѣ*. Заставь Федорова посѣтить внезапно маленькіе лазареты и сунуть свой носъ повсюду.

№ 32.

Царское Село, 16 декабря 1914 г.

Мой любимый,

Сегодня великолѣпная солнечная погода. Дѣвочки въ лазаретѣ, Беби только что вышелъ. У Анастасіи урокъ, Мари еще не позволили спуститься. Я плохо спала, чувствую головокруженіе и слабость, хотя сейчасъ сердце не расширено. Я должна лежать какъ можно больше, поэтому я только послѣ завтрака перейду на диванъ, какъ вчера. Тетя Ольга пила чай со мной. Она была очень мила и пріятна. Она тебя цѣлуетъ. Я читала массу бумагъ и чувствую себя совсѣмъ идіоткой. — Вотъ теперь я на диванѣ. У меня былъ *Вильчковскій съ докладомъ*. Масса вопросовъ, такъ какъ онъ мнѣ все разсказываетъ насчетъ эвакуаціоннаго Царскосельскаго комитета, во главѣ котораго онъ стоитъ. Потомъ вопросы насчетъ рождественскихъ елокъ.

Мавра[1] посылаетъ тебѣ письмо отъ Опог къ Вики (Шведской) съ просьбой передать намъ привѣтъ и сказать, что Эрни послѣ трехъ мѣсяцевъ вернулся на очень короткое время, потомъ уѣхалъ и совсѣмъ здоровъ. Я вкладываю письмо отъ Келлера. Тебѣ будетъ интересно прочитать, что онъ пишетъ. Къ счастью, кажется, онъ раненъ не тяжело.

Имѣю хорошія извѣстія отъ моихъ поѣздовъ-*складовъ*. Тамъ все просятъ еще послать вещей, такъ какъ войска уже ихъ знаютъ и, когда есть нужда, обращаются къ нимъ. Я рада, что отъ моего письма хорошо пахло, когда ты его получилъ. Это должно было тебѣ особенно напомнить о твоей собственной женкѣ, которой ты страшно недостаешь.

Наконецъ, Ксенія вышла изъ карантина, она мнѣ о томъ сообщила.

Я все еще неважно себя чувствую. Такъ обидно, что нельзя работать, но я продолжаю дѣлать дѣла, работая мозгомъ. У меня

[1] В. Кн. Елизавета Маврикіевна.

ничего нѣтъ интереснаго сказать тебѣ, увы. Жажду извѣстій съ фронта. Такъ волнуетъ.

Повидимому, масса санитарныхъ поѣздовъ были присланы сюда въ городъ вмѣсто Москвы, пока мы были въ Москвѣ, а въ *Петроградѣ* больше нѣтъ вакансій. Что то неладное въ этомъ вопросѣ объ эвакуаціи. Элла страется со своей стороны выяснить дѣло. Ломанъ еще не вернулся, такъ какъ, слава Богу, въ настоящій моментъ раненыхъ немного. Дѣти цѣлуютъ тебя нѣжно, жена прижимаетъ тебя любовно къ своему одинокому сердцу и горячо тебя благословляетъ.

Навсегда твоя старая женка.

Привѣтъ Н. П. и маленькому адмиралу[1]. — Я минутку говорила съ Гр.[2] по телефону. Онъ передаетъ: «*крѣпость духа. — Буду на дняхъ у Васъ. Переговоримъ обо всемъ*».

№ 33.

Царское Село, 17 декабря 1914 г.

Мой драгоцѣнный,

Это будетъ, вѣроятно, моимъ послѣднимъ письмомъ, разъ ты возвращаешься въ пятницу. Теперь ты съ войсками. Какая радость для тебя, хотя больно видѣть, какое множество знакомыхъ лицъ недостаетъ.

Дѣти работаютъ, а потомъ отправляются въ *Аничковъ* на завтракъ передъ полученіемъ подарковъ въ Зимнемъ Дворцѣ. Поѣздъ съ тѣломъ бѣднаго *Бутакова* опоздалъ на 24 часа, такъ что похороны могутъ быть только завтра утромъ.

Я еле спала эту ночь, можетъ быть отъ 4 до 5 и отъ 6 до 7. Остальную часть ночи не могла спать и въ отчаяніи все посматривала на часы; сотни печальныхъ мыслей пробѣгали въ моемъ усталомъ мозгу и не давали ему отдыха. Сердце опять расширено сегодня утромъ. Завтра я надѣюсь опять начать принимать свои лекарства, тогда я быстро опять поправлюсь.

Сегодня утромъ шесть градусовъ. *Ольга* черезъ паркъ идетъ въ *Знаменье*, а оттуда пѣшкомъ въ лазаретъ. *Татьяна* послѣдуетъ за ней въ моторѣ по окончаніи урока. Ольгѣ лучше, когда она утромъ пользуется воздухомъ и немного упражняется физически. Соня[3] вчера со мной сидѣла и массу болтала, пока я лежала на диванѣ и нанизывала образа. Братъ Ани возвращается завтра и просилъ меня завтра въ четыре на минутку повидаться. Анастасія и *Аня* отправились на прогулку. Онѣ говорятъ, что сегодня страшно холодно и вѣтрено.

---

[1] К. Д. Нилову, адмиралу, флагъ-капитану Е. В.

[2] Распутинъ.

[3] Фрейлина, кн. С. И. Орбеліани-Джамабкуріанъ.

У Беби нога чуть-чуть болитъ. Мари наконецъ спускается. Мои мысли такъ много съ тобой. — Какая радость увидѣть дорогія храбрыя войска. Сегодня утромъ нашъ Другъ сказалъ ей[1] по телефону, что Онъ немного спокойнѣе по поводу извѣстій. По словамъ газетъ мы захватили германскіе пулеметы. Это въ самомъ дѣлѣ кажется страннымъ. Прости мнѣ это крайне скучное письмо, но я чувствую себя совсѣмъ одурѣвшей и никуда негодной. — Еще чуточку духовъ опять, чтобы тебѣ особенно напомнить твою женку, которая нетерпѣливо ожидаетъ твоего возвращенія. Ты помнишь, я оставила тебѣ свѣчки въ моемъ отдѣленіи въ стекляномъ шкафу, надъ моимъ письменнымъ столомъ. Теперь, мое милое сокровище, прощай, Богъ да благословитъ и охранитъ тебя. Цѣлую тебя нѣжно,

навсегда, мой Ники, твоя собственная, нѣжно любящая

«Солнышко».

Аня цѣлуетъ твою руку. Всѣ дѣти тебя цѣлуютъ.

№ 34. *Царское Село,* 21 января 1915 г.

Мой любимый,

Опять я принимаюсь писать тебѣ письмо, которое ты прочтешь, когда поѣздъ будетъ тебя уносить отъ насъ завтра. Ты уѣзжаешь не надолго, а все же это больно, но я не стану ворчать, зная, что для тебя это утѣшеніе и перемѣна, и приноситъ другимъ живую радость. Я надѣюсь, что Бебина нога совсѣмъ поправится къ твоему возвращенію. Она выглядитъ такъ, какъ тогда въ Петергофѣ, а тогда, увы, оно продолжалось долго. Я всегда буду тебѣ давать извѣстія о *ножкѣ* и объ Анѣ, обозначая ее «А.» или «больная[2]». Можетъ быть ты какъ нибудь вспомнишь въ телеграммѣ ко мнѣ спросить объ ея здоровьѣ, это ее тронетъ, такъ какъ твои посѣщенія будутъ больно ей недоставать. Я попробую завтра утромъ добраться до лазарета, такъ какъ я встаю, чтобы съ тобой пойти въ церковь и проводить тебя (ненавижу эту минуту и не могу къ ней привыкнуть). Милый, ты не забудешь переговорить насчетъ офицеровъ различныхъ полковъ, чтобы они не потеряли своихъ мѣстъ, и переговоришь обо всѣхъ этихъ различныхъ вопросахъ съ *Николашей.* Можетъ быть ты захочешь упомянуть въ разговорѣ съ нимъ о Манифестѣ. Если ты хочешь сдѣлать еще одно доброе дѣло, телеграфируй сейчасъ же Фредериксу или передай Воейкову, который ежедневно ему телеграфируетъ, чтобы онъ передалъ твой привѣтъ.

---

[1] «Анѣ».

[2] Между Петербургомъ и Царскимъ произошло столкновеніе поѣздовъ, во время котораго А. Вырубова сильно пострадала.

Въ молитвахъ и мысляхъ я буду слѣдовать за тобой, увы, не въ дѣйствительности. Чувствуй мое присутствіе и непрестанную любовь, витающую вокругъ тебя съ нѣжностью и лаской.

Прощай, душка, сокровище моей души, Богъ да благословитъ и охранитъ тебя, и вернетъ тебя здоровымъ и благополучнымъ къ намъ. Горячо тебя цѣлую и остаюсь, дорогой мужденекъ, твоей старой женкой.

Алиса.

Въ стекляномъ шкафу ты найдешь свѣчки, въ случаѣ, если тебѣ онѣ понадобятся. Представь себѣ, что я лежу тамъ ночью, и ты не будешь чувствовать себя такимъ одинокимъ.

№ 35.

Царское Село, 22 января 1915 г.

Мой любимый,

Мнѣ сейчасъ сказали, что отправляется фельдъегерь. Потому спѣшу послать тебѣ нѣсколько строкъ. Беби хорошо провелъ день, у него нѣтъ жара, но теперь онъ начинаетъ слегка жаловаться на ногу и боится наступленія ночи. — Со станціи я отправилась къ нему и пробыла до 11, а потомъ въ лазаретѣ до часу. Сидѣла съ Аней, которая поправляется. Она проситъ меня сказать тебѣ то, что она позабыла сказать, когда была у тебя вчера, отъ имени Нашего Друга: чтобы ты ни въ какомъ случаѣ не упомянулъ ни разу имени *главнокомандующаго* въ Манифестѣ. Онъ долженъ быть обращенъ къ народу исключительно отъ тебя. Потомъ я пошла посмотрѣть рану нашего *прапорщика.* Ужасно, кости совсѣмъ раздроблены. Онъ страшно страдалъ во время *перевязки,* но не сказалъ ни слова, только поблѣднѣлъ, и потъ струился по лицу и по тѣлу. — Въ каждой палатѣ я фотографировала офицеровъ. Послѣ завтрака я простилась, а потомъ отдыхала немного и заснула, послѣ чего отправилась наверхъ къ Алексѣю, читала съ нимъ, потомъ играла съ нимъ и пила чай возлѣ его кровати. Я остаюсь дома сегодня вечеромъ. На одинъ день довольно. Милое сокровище, я пишу въ кровати послѣ шести. Комната кажется большой и опустѣлой, такъ какъ елку убрали. Грустно безъ тебя, мой ангелъ, и нехорошо было видѣть твой отъѣздъ.

Скажи *Федорову,* что я просила *Вильчковскаго* выяснить, не хотѣлъ ли бы г. (генералъ) *Мартыновъ* лежать въ Большомъ Дворцѣ, такъ какъ онъ не будетъ въ состояніи двигаться очень долго. А здѣсь мы можемъ въ хорошую погоду даже въ постели выносить его въ садъ. Я хотѣла бы, чтобы больные могли лежать на воздухѣ, я думаю, что для нихъ это будетъ полезно.

Курьеръ ждетъ, я должна кончать. Тоскую по тебѣ и люблю тебя, мой дорогой Ники. Богъ благословитъ и охранитъ тебя. Тысячу поцѣлуевъ отъ дѣтей и отъ старой женки. Беби тебя цѣлуетъ. Онъ днемъ не жаловался.

№ 36.

Царское Село, 23 января 1915 Г.

Дорогой, любимый мой, Ники,

Я лежу на диванѣ возлѣ бебиной кровати въ солнечномъ углу комнаты. Онъ играетъ съ г. Жильяръ. Бенкендорфъ пришелъ ко мнѣ, а до него г-жа Скалонъ *(Хомякова).* Она сказала мнѣ, какая нужда въ сестрахъ для передовыхъ летучихъ отрядовъ, такъ какъ наши бѣдные раненые часто остаются безъ хорошаго ухода, не имѣя настоящихъ докторовъ и въ виду того, что нѣтъ возможности отсылать раненыхъ. На востокѣ и на сѣверѣ хорошо все устроено, но въ Галиціи и въ десятомъ армейскомъ корпусѣ еще многое остается сдѣлать. Сегодня утромъ я сидѣла съ Беби, у него была неважная ночь. Онъ спалъ отъ одиннадцати до двѣнадцати и потомъ часто просыпался, къ счастью не отъ очень большихъ болей. Такъ вотъ я сидѣла съ нимъ вечеромъ. Пока дочери были въ лазаретѣ, Иза пришла навѣстить меня. Утромъ я передавала инструменты во время операціи и чувствовала себя счастливой, что опять могу работать. Потомъ я немного наблюдала за дѣвочками во время работы, послѣ чего сидѣла съ Аней и встрѣтила тамъ ея брата и его хорошенькую невѣсту. Солнце ярко свѣтитъ, и я послала дочерей на часовую прогулку. — Судя по агентскимъ телеграммамъ, опять начались многочисленные и тяжелые бои, а я такъ надѣялась, что они немного утихнутъ. Аня лучше спала. Вчера вечеромъ было 38,2, сегодня утромъ 37,8. Но это не имѣетъ значенія. Она надѣется, что ты передашь извѣстіе о ея здоровьи Н. П. Я думаю, вы оба должны быть рады, что не слышите больше воркотни.

Милый мой, ты мнѣ очень недостаешь, и я тоскую по твоей нѣжной любви. Такъ тихо и пусто безъ тебя. Дѣти учатся или находятся въ лазаретахъ. Я должна просмотрѣть массу бумагъ отъ *Ростовцева.* Прости мнѣ это скучное письмо, но мозгъ мой усталъ. Беби тебя много разъ цѣлуетъ, но женка еще больше. Прощай, да благословитъ тебя Богъ, мое сокровище. Мои самыя нѣжныя мысли окружаютъ тебя. Я рада, что ты немного пользуешься воздухомъ на станціяхъ.

Благословляю и цѣлую тебя. Остаюсь твоя собственная старая «Солнышко».

Привѣтъ *Н. П.* и *Мордвинову.* Если есть какія либо интересныя новости, скажи, пожалуйста, толстому Орлову, чтобы онъ сообщилъ мнѣ.

№ 37.

24 января 1915 г.

Моя дорогая душка,

Сегодня опять великолѣпное солнечное утро. Приходится спускать бѣлыя занавѣски, такъ какъ солнце свѣтитъ прямо мнѣ въ глаза, когда я лежу. Беби, слава Богу, хорошо спалъ, пять разъ просыпался, но потомъ скоро опять засыпаль и веселъ. Аня такъ же спала съ перерывами — 37,4, вчера вечеромъ 38,6. Дѣвочки были въ лазаретѣ вечеромъ, но ей хотѣлось спать и потому она ихъ не задерживала. Теперь я ложусь раньше, такъ какъ раньше встаю изъ за Алексѣя и лазарета. Теперь я опять возлѣ кровати Беби. — Вчера у меня былъ безконенный *докладъ Ростовцева.* Потомъ Иза съ разными дѣлами, а до этого Георгій завтракалъ. Утромъ я сдѣлала двѣ *перевязки* и сидѣла съ Аней, которая всегда находитъ, что одного часа мало, и проситъ меня прійти вечеромъ, но я осталась дома изъ за Беби, и это она поняла. Кромѣ того, я все чувствовала себя такой утомленной по вечерамъ. Видѣть одни только страданія немного утомляетъ. — Такая солнечная погода, и *Воейковъ* телеграфировалъ Фредериксу, что у васъ такая же. Это пріятно. Я увѣрена, что *Веселкинъ* разсказалъ тебѣ много интересныхъ вещей. Я послала тебѣ полученное мною письмо отъ Эллы. Беби лучше, и онъ проситъ меня тебѣ объ этомъ сказать. Въ комнатѣ возятся собаки.

Нѣсколько нашихъ офицеровъ уѣхали въ Крымъ, чтобы окрѣпнуть.

Дѣти гуляли и отправились въ Большой Дворецъ. Мари стоитъ въ дверяхъ и, увы, ковыряетъ въ носу. *Владиміръ Николаевичъ* и Беби играютъ въ карты, пока я кончаю письмо. Я чувствую, что мои письма страшно скучны, но я не слышу ничего, чтобы стоило повторять. Сейчасъ придетъ мой поѣздъ. — Сокровище мое, ты мнѣ такъ недостаешь, но я надѣюсь, что ты будешь имѣть возможность дѣлать хорошія прогулки, которыя тебя подбодрятъ, дадутъ аппетитъ и сонъ. Я на минутку зашла въ *Знаменье* до лазарета и поставила за тебя свѣчку, мой муженекъ.

Неужели ты въ самомъ дѣлѣ назначишь къ твоимъ гусарамъ этого скучнаго *Шипова?*

Мой эксъ-*Шиповъ* получилъ Георгіевскій крестъ. — Сандра Т. телефонировала Татьянѣ, чтобы сообщить объ этомъ намъ.

Всѣ дѣти цѣлуютъ тебя нѣжно. Я вкладываю письмо отъ Ольги и Алексѣя. Привѣтъ нашъ Н. П. и Мордвинову. Прощай, мой дорогой. Господь да благословитъ и охранитъ тебя.

Твоя собственная старая женка.

№ 38.

25 января 1915 г.

Мой любимый,

Опять великолѣпное солнечное утро. Десять градусовъ. Я заснула только послѣ четырехъ и потомъ просыпалась нѣсколько разъ. У Ани вчера вечеромъ было 38,8, нога болѣла. Она лучше спала и сегодня 37,3. Теперь она вдругъ полюбила сестру *Шевчукъ* и хочетъ, чтобы она оставалась у нея въ комнатѣ ночью, чтобы ее убаюкать. Дѣвочки были тамъ вчера вечеромъ, но она хотѣла спать, такъ что имъ пришлось сидѣть въ другой палатѣ. Милый Беби вчера былъ совсѣмъ веселъ и заснулъ раньше десяти. Мамаша огорчена, что не получаетъ извѣстій съ фронта съ тѣхъ поръ, какъ ты уѣхалъ. Такая огромная радость была вчера получить твое дорогое письмо. Спасибо тебѣ за него отъ всего любящаго сердца. Не безпокойся обо мнѣ. Я очень осторожна, и сердце мое хорошо себя ведетъ эти дни, такъ что *Боткинъ* приходитъ только по утрамъ. Представь себѣ, я сейчасъ слышала, что г-жа *Пурцеладзе* получила письмо отъ своего мужа изъ Германіи — слава Богу, что онъ не былъ убитъ. Она такъ его обожаетъ, бѣдняжка. — Могу себѣ представить, какъ онъ интересенъ былъ — *Веселкинъ*. Дай Богъ, чтобы его экспедиціи имѣли успѣхъ. Такъ Пятеркинъ остается. Будемъ надѣяться, что онъ его используетъ вполнѣ и будетъ его посылать туда и сюда, чтобы онъ поправился. Да, это удачно, что окружающіе тебя въ хорошихъ отношеніяхъ другъ съ другомъ. Это имѣетъ большое значеніе. — Я скажу Анѣ объ успѣхѣ, который имѣла ея книга. Мы были на свадьбѣ. Я сидѣла съ Аней (которая послылаетъ эту записку) съ часу до двухъ и потомъ опять, а затѣмъ въ Большомъ Дворцѣ. Беби дважды былъ въ саду, въ маленькихъ санкахъ, очень этимъ наслаждался. Шлю тебѣ мой нѣжнѣйшій привѣтъ, поцѣлуи и благословеніе, мой единственный, мое все, мое дорогое сокровище.

Твоя навсегда собственная

«Солнышко».

Привѣтъ Н. П. и М.

№ 39.

26 января 1915 г.

Мой любимый,

Какъ счастлива должна быть Ольга, что ты сегодня съ ней. Это для нея солнечный день и награда ей за ея упорную работу. Фредериксъ посылаетъ мнѣ копіи телеграммъ *Войекова*, такъ что я получаю свѣдѣнія обо всемъ, что ты дѣлаешь и кого ты видишь. Сегодня утромъ я была въ *Знаменьи* и въ лазаретѣ, сдѣлала нѣсколько перевязокъ и немного посидѣла съ Аней. У нея былъ куаферъ, чтобы распутать ей волосы, завтра онъ придетъ снова, чтобы ихъ вымыть. Зина опять больна, такъ что никто не можетъ это сдѣлать какъ слѣдуетъ. Она выглядитъ хорошо, но всегда жалуется на правую ногу. Ей очень хочется переѣхать къ себѣ домой и, если температура будетъ совсѣмъ нормальна, княжна ничего противъ не имѣетъ. Какъ утомительно это будетъ для насъ, но, душка, съ самаго начала ты тогда долженъ ей сказать, что ты не можешь приходить такъ часто, что это беретъ слишкомъ много времени. Такъ какъ, если теперь мы не будемъ тверды, у насъ будутъ исторіи и любовныя сцены, и скандалы, какъ въ Крыму [1]. Теперь, такъ какъ она безпомощна, она надѣется получить больше ласки, и что вернутся прежнія времена. Такъ ты съ самаго начала поставь границы такъ, какъ ты сдѣлалъ теперь. Такъ, чтобы этотъ несчастный случай принесъ пользу и имѣлъ въ результатѣ миръ. Ей гораздо лучше въ моральномъ отношеніи. У меня куча прошеній, которыя нашъ Другъ принесъ ей для тебя. Я включаю телеграмму, которую ты получилъ передъ отъѣздомъ. Толстый Орловъ могъ бы узнать черезъ Бьюкенена, что за человѣкъ этотъ сынъ Стэда.

Борисъ пріѣзжаетъ сюда на три дня, чтобы захватить Михенъ. Она не можетъ пріѣхать ко мнѣ, такъ какъ она еще не выѣзжаетъ, а тамъ въ Варшавѣ теплый воздухъ ей поможетъ. Она ѣдетъ осмотрѣть свой лазаретъ и поѣздъ, и моторы. Это очень жаль, такъ какъ полякамъ непріятна ея манера напрашиваться къ нимъ на домъ на обѣды. Это такъ безтактно съ ея стороны устраивать себѣ второй Парижъ. *Татьяна* К. получила Георгіевскую медаль за то, что якобы была подъ огнемъ въ своемъ моторѣ, когда она отправилась, чтобы отвезти подарки *эриваницамъ*. Генералъ далъ ей эту медаль. Это неправильно, такъ какъ роняетъ цѣну ордена. Если бомба или граната взрывается возлѣ мотора, и просто ѣдешь случайно съ подарками и не работаешь подъ огнемъ — получаешь орденъ, а другіе, которые работаютъ мѣсяцами, какъ Ольга, спокойно въ одномъ мѣстѣ и потому случайно не попа-

[1] А. Вырубова добивалась удаленія фрейлины кн. Оболенской, въ чемъ и успѣла.

даютъ подъ огонь, ордена не получатъ. Подожди еще, Михенъ вернется съ орденомъ, ты увидишь. Потомъ Элленъ и Мари заслуживаютъ его гораздо больше за свою работу въ Пруссіи въ началѣ войны. Беби дважды выходилъ. У него розовыя щеки, и онъ не жалуется на свою ногу или на руку, но онъ лежитъ въ кровати. Мы тамъ пьемъ чай. Это уютно и не такъ печально, какъ внизу, въ моей сиреневой комнатѣ безъ тебя. Ты страшно недостаешь мнѣ, любовь моя. У меня такія тяжелыя ночи, я засыпаю только послѣ четырехъ всѣ эти три ночи. И опять постоянно просыпаюсь. Но сердце пока ведетъ себя прилично.

Сейчасъ получила твою телеграмму изъ Ровно и радуюсь за васъ обоихъ, милыхъ. Я надѣюсь, что все пройдетъ благополучно въ *Кіевѣ и въ Ровно.*

Дорогой мой, мои самыя нѣжныя мысли всегда окружаютъ тебя тоской о тебѣ и любовью. Я радуюсь за тѣхъ, кто видитъ тебя и кому ты приносишъ энергію и мужество. Ты всегда всѣхъ ободряешь своимъ спокойствіемъ. Будемъ надѣяться, что каждый день ты будешь имѣть болѣе теплую солнечную погоду и вернешься загорѣлый. Пожалуйста, передай нашъ сердечный привѣтъ Н. П. и М. — Сидишь ли ты когда нибудь въ моемъ отдѣленіи?

Теперь я должна отдать письмо, такъ какъ курьеръ долженъ повезти его въ городъ, а потомъ я немного отдохну передъ обѣдомъ.

Не волнуйся, что у тебя нѣтъ времени писать. Я это прекрасно понимаю и ни на минуту не обижаюсь. Прощай, мой дорогой, цѣлую и благословляю тебя еще и еще разъ, такъ нѣжно.

Всегда твоя старая женка.

№ 40.

27 января 1915 г.

Мой дорогой Ники,

Сейчасъ я получила твою телеграмму изъ *Кіева.* Я увѣрена, что ты провелъ утомительный день. Какъ грустно что Бреслау [1] стрѣлялъ по *Ялтѣ.* Только изъ злобы. Слава Богу, что нѣтъ жертвъ. Я увѣрена, что ты захочешь туда поѣхать на моторѣ, чтобы увидѣть, какой причиненъ вредъ. На фронтѣ опять упорные бои и тяжкія потери съ обѣихъ сторонъ. Все эти адскія «думъ-думъ».

Я видѣла Бетси Шувалову, она устраиваетъ *передовой отрядъ* для Галиціи. Она все еще полна твоимъ посѣщеніемъ лазарета и той радостью, какое это посѣщеніе принесло всѣмъ сердцамъ.

[1] Германскій крейсеръ обстрѣлялъ 27 января Ялту.

У насъ сегодня утромъ была операція, довольно продолжительная, но все прошло благополучно.

Съ Аней благополучно, хотя ея правая нога болитъ, но температура по вечерамъ почти нормальна. Она только и говоритъ о томъ, чтобы вернуться домой. Предвижу, какая будетъ тогда моя жизнь. Вчера вечеромъ я, въ видѣ исключенія, къ ней пошла и такъ, чтобы хоть немножко потомъ посидѣть съ офицерами, такъ какъ это мнѣ никогда не удается. Она только и говоритъ о томъ, какъ она похудѣла, хотя я нахожу, что ея животъ и ноги колоссальны (и крайне неаппетитны). Ея лицо розовое, ея щеки менѣе толсты, подъ глазами тѣни. У нея масса гостей, но, Боже мой, какъ она отъ меня ушла далеко со времени своего гнуснаго поведенія, особенно осенью, весной и зимой 1914 г. Отношенія наши никогда не могутъ стать прежними. Въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ она постепенно разорвала эту связь. Я не чувствую себя съ нею легко, какъ прежде. Хотя она говоритъ, что она такъ меня любитъ. Я знаю, что она меня гораздо меньше любитъ, чѣмъ прежде, и у нея все сосредоточено въ ея собственной личности, — и въ тебѣ. Будемъ осторожны, когда ты вернешься. Какъ мнѣ хотѣлось бы потопить этотъ ненавистный маленькій Бреслау.

Погода по прежнему великолѣпна. Беби каждый день лучше: завтракалъ съ нами и спустится къ чаю; теперь у него французскій урокъ, такъ что я опять пришла внизъ.

Прибыло еще два моихъ сибиряка, славные офицеры. У меня нѣтъ отвѣта отъ *Мартынова.* Передай мой привѣтъ *Н. П.* Аня получила его телеграмму изъ *ставки,* но все возилась съ отвѣтомъ. Я ей передамъ твой привѣтъ. У дѣвочекъ сегодня вечеромъ комитетъ. Я спала три часа, отъ половины пятаго до половины восьмого, сегодня ночью. Такъ досадно, что я не могу рано засыпать.

Теперь я должна кончать, мое сокровище, мое солнце, моя жизнь, моя любовь. Цѣлую и благословляю тебя.

Навсегда твоя «Солнышко».

Беби хочетъ, чтобы мы поднялись наверхъ къ чаю.

Подумай обо мнѣ въ Севастополѣ и во всѣхъ знакомыхъ мѣстахъ.

Я знаю, *Ялта* тебя соблазнитъ. Не безпокойся изъ за насъ, что ты на день опоздаешь.

№ 41.

28 января 1915 г.

Мой любимый,

Любовно благодарю тебя за твою милую телеграмму. Съ большимъ интересомъ я читаю телеграммы *Воейкова* Фредериксу, такъ какъ онѣ

въ подробностяхъ описываютъ, гдѣ ты былъ. Какъ ты долженъ чувствовать себя утомленнымъ послѣ всего, что пришлось сдѣлать въ *Кіевѣ.* Но какія солнечныя воспоминанія ты оставляешь за собой у всѣхъ. Ты наше солнце, а Беби нашъ солнечный лучъ. Я только что была въ Большомъ Дворцѣ съ Маріей и Анастасіей. Два моихъ сибиряка прибыли и два въ нашемъ лазаретѣ, потомъ еще офицеръ второго сибирскаго полка *(товарищъ Мацнева)*, съ отрѣзанной ногой, и священникъ четвертаго С. полка ранены въ мягкія части ноги. Онъ произвелъ очаровательное впечатлѣніе и говорилъ о солдатахъ съ такой любовью и глубочайшимъ восхищеніемъ. Утромъ я сдѣлала три перевязки. Одинъ маленькій *крымецъ*, котораго я осенью принимала послѣ его производства, раненъ въ руку. Это уже произошло въ Карпатскихъ горахъ. У Ани легкія совсѣмъ въ порядкѣ, но она слаба и у нея головокруженіе, такъ что ее нужно питать каждые два часа. Я ее лично кормила, и она съѣла хорошій завтракъ, больше чѣмъ я ѣмъ.

Я прочла ей два краткихъ житія святыхъ. Я думаю — ей это было полезно и у нея осталось что-то, о чемъ она могла подумать, — не только о себѣ. Въ этомъ моя цѣль.

Большія дѣвочки были въ городѣ, посѣщали маленькій лазаретъ графини Карловой въ ея домѣ, а потомъ въ Зимнемъ Дворцѣ принимали подарки. У Беби урокъ, онъ дважды въ день выѣзжаетъ въ своихъ ослиныхъ санкахъ. Онъ говоритъ, что твоя башня [1] немного уменьшилась. Мы пьемъ чай въ его комнатѣ, онъ это любитъ, и мнѣ непріятно пить чай здѣсь безъ тебя. Нѣкоторые полки ужасно поздно получаютъ свои награды. Какъ бы мнѣ хотѣлось поторопить это. Они такъ жалуются по поводу этихъ «шести недѣль». По словамъ *Вильчковскаго*, они такъ много изъ за этого теряютъ, и это ихъ огорчаетъ, потому что, если они слишкомъ скоро возвращаются, они совершенно теряютъ свое здоровье, а если они остаются долѣе шестинедѣльнаго срока, они такъ много теряютъ.

Длинная телеграмма *Николаши* наполняетъ сердце восхищеніемъ и глубокимъ волненіемъ. Какая храбрость — отразить двадцать двѣ атаки въ одинъ день.

Право, они всѣ святые и герои. Но какія чудовищныя потери у нѣмцевъ, а имъ какъ будто все равно. Я такъ благодарна, что ты позволилъ сообщить мнѣ эти телеграммы.

Говорятъ, рѣчь *Родзянко* была великолѣпна, особенно конецъ. У меня не было времени еще прочесть ее [2].

Мать Изы у меня будетъ сегодня днемъ, такъ какъ она уѣзжаетъ въ Данію, хотя мужъ ея вовсе не ждетъ. — Представь себѣ, что мнѣ

[1] Снѣжная.

[2] 27 января состоялось открытіе сессіи Гос. Думы.

разсказала Мадленъ. Она слышала отъ знакомыхъ, чьи знакомые только что вернулись изъ Іены, гдѣ они жили нѣсколько лѣтъ. На границѣ чету раздѣли въ двухъ разныхъ комнатахъ и потомъ обыскали ихъ з . . ., чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ спрятаннаго золота. Какой стыдъ и какое безуміе! Въ золотыхъ рудникахъ негры тамъ прячутъ золото, но какъ можно себѣ представить, чтобы европейцы это дѣлали? Это было бы смѣшно, если бы не было такъ позорно.

Я ежедневно ставлю свѣчи у *Знаменья.* Вчера я легла въ четверть двѣнадцатаго и заснула послѣ двухъ. Спала до восьми съ перерывами. Оренбургскій платокъ вокругъ головы помогъ мнѣ заснуть. Но такъ долго ждать сна немного скучно. На это, однако, не слѣдуетъ жаловаться, такъ какъ у меня нѣтъ болей. Слава Богу, сердце ведетъ себя прилично, и я могу опять больше работать, хотя и съ предосторожностями.

У Мари палецъ болитъ уже нѣсколько дней, и *Влад. Николаевичъ* разрѣзалъ его сегодня въ моей комнатѣ. Она была очень храбра и не двигалась. Эти операціи болѣзненны. Это мнѣ напомнило княжну Гедройцъ, у которой мнѣ пришлось рѣзать два пальца и перевязывать ихъ, пока офицеры смотрѣли сквозь дверь.

Дорогой мой муженекъ, любимый мой, мое сокровище, прощай. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя. Цѣлую тебя такъ нѣжно и любовно и благословляю тебя.

Твоя старая

«Солнышко».

Ты получишь это письмо уже на своемъ обратномъ пути. Привѣтъ *Н. П.* и *Морд.* Сегодня продолжается великолѣпная солнечная погода.

Прощай, маленькій мой, я жду тебя съ открытыми объятіями. Вкладываю письмо отъ Мари.

№ 42.

29 января 1915 г.

Мой возлюбленный,

Нѣжно благодарю за твои двѣ милыя телеграммы. Могу себѣ представить, какъ волновало тебя посѣщеніе нашихъ дорогихъ судовъ и какъ твое драгоцѣнное присутствіе должно было дать имъ новую отвагу для ихъ труднаго дѣла. Какъ хотѣлось бы, чтобы они поскорѣе захватили Бреслау, прежде, чѣмъ онъ еще навредитъ. Какъ удачно, что въ лазаретѣ оставалось такъ мало раненыхъ. Еще и еще разъ благодарю тебя за твое милое письмо изъ *Ровно.* Оно было большимъ и пріятнымъ сюрпризомъ. Я его получила еще лежа въ постели. Какъ

удивительно представить себѣ, что Ольга будетъ старшей сестрой въ *общинѣ* тамъ. Съ Божьей помощью я увѣрена, что она хорошо справится. *Петя*[1] вернулся и завтра придетъ къ завтраку. Мнѣ придется повидать его сумасшедшаго отца, такъ какъ я посылала Ломана дважды къ нему съ вопросами насчетъ нашихъ поѣздовъ, и онъ его принялъ въ присутствіи другихъ, и кричалъ на него, и ругалъ его, и все понималъ шиворотъ на выворотъ, хотя ему была передана бумага, которую я прочла прежде, чѣмъ онъ ее получилъ. Онъ такъ невозможенъ, бѣгаетъ по комнатѣ, не даетъ другимъ ничего сказать и кричитъ на всѣхъ. Сегодня ночью я уснула послѣ половины пятаго и опять рано проснулась. Такія скучныя ночи. Потомъ у насъ была операція *Троицкаго*. Она прошла хорошо, слава Богу — *грыжа*, а потомъ пришлось сдѣлать разныя перевязки, такъ что я еле видѣла Аню. Нашъ Другъ пришелъ туда, такъ какъ Онъ хотѣлъ видѣть меня на секунду. Фредериксъ и Эмма[2] завтракали. Я ихъ фотографировала. Ольга и Татьяна вернулись только около двухъ, у нихъ было много дѣла.

Днемъ я отдыхала и спала полчаса. Потомъ мы пили чай съ Алексѣемъ наверху, потомъ видѣла *Ломана*. *Докладъ Вильчковскаго* всегда дѣлается въ госпиталѣ. Беби можетъ стоять и, надѣюсь, ко времени твоего возвращенія онъ будетъ въ состояніи опять ходить. У Мари еще не поправился палецъ. Анѣ лучше, но настроеніе неважное. Я кормила ее, такъ что она хорошо ѣла, и теперь она спитъ совсѣмъ удовлетворительно. Большей части раненыхъ я сегодня не могла видѣть, не было времени. Я такъ рада, что у тебя были пріятныя бесѣды съ Н(иколашей). Фредериксъ немного въ отчаяніи (и справедливо) отъ многихъ приказаній, которыя онъ отдаетъ неразумно и которыя только ухудшаютъ дѣло и касательно предметовъ, о которыхъ лучше бы теперь не говорить. Другіе на него вліяютъ, и онъ старается играть твою роль, что крайне неправильно, — за исключеніемъ военныхъ вопросовъ. Это бы слѣдовало остановить. Никто не имѣетъ права передъ Богомъ и людьми узурпировать твои права, какъ онъ это дѣлаетъ. Онъ надѣлаетъ бѣды, а потомъ тебѣ будетъ очень трудно исправить дѣло. Меня это очень огорчаетъ. Никто не имѣетъ права такъ злоупотреблять исключительно большими правами, какъ онъ дѣлаетъ.

Продолжается великолѣпная погода, но я не могу рѣшиться выйти въ садъ. Помнишь ли ты одного изъ нашихъ первыхъ раненыхъ, Страшкевича, у котораго была завязана голова и который такъ долго съ тобой говорилъ, пока тебѣ чуть не сдѣлалось дурно. Бѣдняга, онъ

---

[1] Принцъ Петръ Александровичъ Ольденбургскій.
[2] Дочь гр. Фредерикса.

вернулся въ свой полкъ и былъ убитъ. Какъ грустно за его бѣдную семью.

Онъ служилъ въ банкѣ. Я сказала *Ломану*, что нѣкоторые больные могли бы также съ нами придти въ церковь и тамъ съ нами причаститься. Это было бы для нихъ такимъ утѣшеніемъ. И я надѣюсь, что ты не возразишь. *Ломанъ* поговоритъ съ *Вильчковскимъ*, а ты можешь предупредить Воейкова, если не забудешь. Какъ сегодня ночью «шумы» напомнятъ тебѣ яхту. Этотъ *севастопольскій* clang, clang.

Милый мой, какая радость, что ты черезъ четыре дня возвращаешься. Теперь я должна послать письмо. Прощай, Богъ да благословитъ, защититъ тебя, мое драгоцѣнное сокровище. Нѣжно цѣлую тебя и заключаю въ свои любящія объятія.

Навсегда, милый, твоя собственная женка.

№ 43.

30 января 1916 г.

Мой любимый,

Это, вѣроятно, мое послѣднее письмо. Какъ интересны всѣ извѣстія о Севастополѣ. Я жалѣю, что меня не было съ тобой. Какъ интересно все, что ты видѣлъ. У тебя будетъ много, о чемъ разсказывать. Слава Богу, что такъ мало раненыхъ, но тебѣ долженъ былъ казаться сномъ этотъ осмотръ эскадры на паровомъ катерѣ. И такъ должно было волновать тебя. Богъ да благословитъ дорогихъ и дастъ имъ успѣхъ. Темнота ночью должна быть доволно жуткой, я думаю. Увы, извѣстія изъ восточной Пруссіи не такъ хороши. Намъ пришлось вторично отступить. Ну что же, наши сосредоточенныя войска тогда будутъ сильнѣе. Я полагаю, что наши на всякій случай укрѣпили свои позиціи въ тылу. Я сейчасъ читала очень интересное письмо, которое Соня получила отъ Линденбаума съ благодарностью за вещи, которыя имъ послали. Онъ любитъ свой полкъ, который существуетъ только полгода. *Коротоякцы*, кажется. Онъ былъ въ Пруссіи и писалъ 22-го во время боя. *Николаша* прислалъ сюда *Петю*, чтобы полечить ногу. *Карпинскій* думаетъ, что была контузія и что его надо соотвѣтственно лечить. Но *Петя* не можетъ себѣ представить когда, такъ какъ онъ очень давно не чувствовалъ болей. У Алека болитъ поясница, такъ что онъ не могъ придти и прислалъ *Петю* съ бумагами, а я дала ему свои и послала *Вильчковскаго*, чтобы помочь ему все отнести. Потомъ у меня былъ Ростовцевъ и баронесса Витте насчетъ Ксеніинскаго комитета. Утромъ я присутствовала на *молебнѣ* передъ иконой *Знаменья*. Это было пріятно. Потомъ я сдѣлала нѣсколько *перевязокъ* и сидѣла

съ Аней. Дочери нашего Друга пришли туда навѣстить насъ. Ея горлу гораздо лучше, 37,1, а вчера вечеромъ 38,5, не знаю почему. Я у нея не была, такъ какъ слишкомъ устала. Она говоритъ умирающимъ голосомъ и очень скучаетъ, бѣдняжка, еле открываетъ ротъ, только чтобы ѣсть. Это она дѣлаетъ хорошо. Она себѣ опять натрудила спину отъ лежанія. Сегодня четыре недѣли, что она лежитъ. Я сегодня вечеромъ должна пойти туда, такъ какъ не видѣла всѣхъ раненыхъ. Завтра у насъ операція. Сегодня въ первый разъ не было солнца.

Теперь прощай, и Богъ да благословитъ тебя, мое сольнышко. Цѣлую тебя нѣжно, съ любовью и тоской по тебѣ.

Навсегда твоя старая женка.

№ 44.

31 Января 1915 г.

Мой любимый,

Это бумага Мари, потому что я начинаю писать у Беби на диванѣ и не принесла наверхъ свои письменныя принадлежности. Только что получила твою милую телеграмму изъ *Екатеринослава*. Совершенно забыла, что ты тамъ останавливаешься. Могу себѣ представить, какъ интересно тебѣ было осмотрѣть *бронедѣлательный заводъ*. Твое послѣщеніе подбодритъ ихъ, и они будутъ работать быстрѣе.

Операція сегодня прошла благополучно. Этотъ офицеръ *Кубатовъ* изобрѣлъ *пулеметъ*, за изготовленіемъ котораго онъ наблюдалъ въ *Тулѣ*. Флотъ уже далъ заказъ. Днемъ мы отправились въ Большой Дворецъ и нѣкоторое время сидѣли съ моими *стрѣлками*. Двое изъ нашего лазарета также пришли съ нами повидаться.

Ксенія и Ducky завтракали. Обѣ здоровы. Въ шесть я принимала м-ль Розенбахъ, завѣдующую домомъ инвалидовъ. Я простилась съ пятью офицерами, которые возвращаются на фронтъ; между ними *Шевичъ*, ему было грустно, что онъ не могъ дождаться твоего возвращенія. Онъ уѣзжаетъ завтра, такъ какъ иначе онъ боится потерять полкъ. Цейдлеръ говорилъ, что онъ можетъ ѣхать, но онъ еще даже не попробовалъ ѣздить верхомъ, и я увѣрена, что его нога навсегда останется слабой, такъ какъ мускулы были разорваны. Спрыгивать съ лошади всегда будетъ для него рискованно, такъ же и ходьба по неудобному грунту. Его нога крѣпко перевязана. Но ему было стыдно еще дольше оставаться здѣсь. Сегодня гораздо мягче погода, утромъ шелъ сильный снѣгъ. Беби и *Владиміръ Николаевичъ*, О(льга)

и А(настасія) стрѣляютъ въ цѣль. Аня съ нетерпѣніемъ ожидаетъ твоего возвращенія. Она въ самомъ дѣлѣ очень похудѣла, и такъ какъ она лучше сидитъ, это замѣтнѣе.

Теперь, дорогой мой, я должна кончать, такъ какъ курьеръ рано уѣзжаетъ. Прощай, Богъ да благословитъ тебя, дорогой Ники, такая радость думать, что черезъ два дня ты будешь здѣсь. Цѣлую тебя еще и еще и остаюсь

Твоей любящей
«Солнышко».

Ты понимаешь, что я не могу такъ рано быть на станціи.

№ 45.

27 Февраля 1915 г.

Мой дорогой, глубоко любимый,

Богъ да благословитъ тебя въ этомъ путешествіи и дастъ тебѣ возможность поближе увидѣть наши храбрыя войска. Твое присутствіе дастъ имъ силу и мужество и будетъ такой наградой для нихъ и утѣшеніемъ для тебя.

Дѣло не въ *Ставкѣ*. Ты — со своими войсками гдѣ и когда возможно. И благословеніе и молитвы нашего Друга помогутъ.

Такое было мнѣ утѣшеніе, что ты Его увидѣлъ и былъ Имъ благословленъ сегодня вечеромъ. Мнѣ грустно, что я не могу поѣхать вмѣстѣ съ тобой, но я должна присмотрѣть за маленькими. Я буду хорошей и разъ поѣду въ городъ до прихода М-me В. [1] и посѣщу какой нибудь лазаретъ, такъ какъ они меня тамъ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ. Мой ангелъ, дорогой, я не люблю прощаться, но я не буду эгоисткой,— ты имъ нуженъ и тебѣ нужна перемѣна. Мои молитвы и моя работа должны помочь мнѣ перенести разлуку. Ночи такъ одиноки. И все же ты еще болѣе ощущаешь одиночество. Бѣдный Агунюшка!

Прощай, душка, благословляю тебя и цѣлую безъ конца. Люблю тебя больше, чѣмъ могу высказать.

Вся душа моя послѣдуетъ за тобой и будетъ всюду окружать тебя.

Нѣжно прижимаю тебя къ моему старому любящему сердцу и остаюсь

твоя собственная женка.

Ахъ, какъ больно было прощаться. Мнѣ такъ грустно сегодня вечеромъ. Я люблю тебя такъ крѣпко. Богъ съ тобой.

---

[1] Условный терминъ.

№ 46.

28 февраля 1915 г.

Мой собственный,

Было грустно видѣть тебя при отъѣздѣ такимъ одинокимъ. У меня сердце болѣло. Ну, я прямо отправилась къ Анѣ на десять минутъ, а потомъ мы работали въ лазаретѣ до десяти минутъ второго. Послѣ завтрака мы принимали шесть офицеровъ, возвращающихся въ армію. Тѣ, которыхъ мы послали въ Крымъ, выглядѣли великолѣпно, округлились и загорѣли. Потомъ *Іоанчикъ*[1] позвалъ Ольгу къ телефону, чтобы сказать ей, что бѣдный *Струве* убитъ. Онъ ужасно огорченъ, потому что это былъ его большой другъ. Онъ сказалъ Іоанчику, что если онъ будетъ убитъ на войнѣ, то пусть Іоанчикъ непремѣнно скажетъ тебѣ, что онъ ни разу не снялъ своихъ *аксельбантовъ* съ тѣхъ поръ, какъ ты ихъ ему далъ. Бѣдный, хорошій, веселый, красивый мальчикъ. Его тѣло привозятъ домой. Потомъ я отправилась въ Большой Дворецъ и нѣсколько времени сидѣла съ наиболѣе тяжело ранеными. Я взяла прелестныя открытки ливадійскія, чтобы показать имъ, они ими очень восхищались. Потомъ дѣти присоединились ко мнѣ, и мы прошли черезъ всѣ палаты. Я на короткое время пойду въ церковь. Это мнѣ помогаетъ. Это — и работа. Уходъ за этими храбрецами наше утѣшеніе. Вечеромъ мы пойдемъ къ Анѣ. Она находитъ, что я слишкомъ мало у нея бываю, хочетъ, чтобы я сидѣла подольше (и одна), но намъ не о чемъ много говорить. А съ ранеными всегда можно разговаривать.

Мой ангелъ, я должна кончать, потому что курьеръ уѣзжаетъ.

Благословляю и цѣлую тебя еще и еще разъ, мой дорогой Ники. Одинокая ночь ожидаетъ насъ.

Твоя навсегда собственная женка.

Дѣти тебя крѣпко цѣлуютъ. Надѣюсь, что крошечный адмиралъ хорошо себя ведетъ.

№ 47.

1 Марта 1915. г.

Мой дорогой муженекъ,

Что за неожиданная радость, — твое дорогое письмо. Спасибо тебѣ за него отъ всего любящаго стараго сердца. Да, дорогой мой, я видѣла, что ты былъ счастливъ провести дома эти два дня и я также жалѣю, что мы не можемъ больше быть вмѣстѣ, теперь, что А(ни) нѣтъ въ домѣ. Это напоминаетъ о прошлыхъ вечерахъ, такихъ мирныхъ и

[1] Кн. Іоаннъ Константиновичъ.

покойныхъ, когда не было чужихъ капризовъ, которые надоѣдали намъ и разстраивали нервы.

Я вчера вечеромъ въ семь часовъ была въ церкви. Казаки хорошо пѣли, и было успокоительно ихъ слушать, и я думала и молилась о моемъ дорогомъ Ники. Мнѣ всегда кажется, что ты тамъ стоишь рядомъ со мной. Беби безумно наслаждался твоей ванной и заставилъ всѣхъ насъ придти и посмотрѣть на его прыжки въ водѣ. Всѣ дочери просятъ разрѣшить имъ это удовольствіе какъ нибудь вечеромъ. Можно ли? Потомъ мы пошли къ Анѣ. Я работала, Ольга клеила свой альбомъ, Татьяна работала. М. и А. отправились домой послѣ десяти, а мы остались до одиннадцати. Я пошла въ комнату, гдѣ находилась *странница* (слѣпая) со своимъ фонаремъ. Мы разговаривали, а потомъ она прочла свой *акаѳистъ*.

Комендантъ О.[1] крѣпости *Шульманъ* зналъ насъ, когда онъ былъ въ Кронштадтѣ, чтобы тамъ навести порядокъ, а потомъ въ *Севастополѣ* онъ командовалъ *Брестскимъ* полкомъ, который такъ хорошо велъ себя во время тѣхъ исторій. Я очень хорошо помню его лицо. Послѣ завтрака я кончу, теперь должна одѣваться. Ортипо[2] прыгалъ по всей моей кровати, какъ сумасшедшій, и смялъ *доклады Вильчковскаго*, которые я читала. Погода совсѣмъ мягкая, температура на нулѣ.

У меня была Ольга Е., чтобы проститься. Она уѣзжаетъ въ спокойную санаторію возлѣ Москвы на два мѣсяца. Потомъ мы отправились на кладбище, такъ какъ я тамъ уже долго не была, а потомъ въ нашъ маленькій лазаретъ и Большой Дворецъ. По возвращеніи я нашла твою милую телеграмму, за которую нѣжно благодарю. Мы всѣ цѣлуемъ и благословляемъ еще и еще разъ.

Привѣтъ нашъ *Н. П.*

Навсегда, мое сокровище, твоя собственная женка, которой ея душка очень недостаетъ.

№ 48.

2 марта 1914 г.

Мой любимый,

Такой солнечный день! Беби отправился въ садъ, онъ чувствуетъ себя хорошо, хотя у него опять немного воды въ колѣнѣ. Дѣвочки катались, а потомъ пришли ко мнѣ въ Большой Дворецъ. Мы осмотрѣли санитарный поѣздъ 66. Онъ безконечно длинный, но хорошо устроенный. Онъ принадлежитъ къ *У. С. району*.

[1] Осовецкой.
[2] Имя собаки.

Утромъ мы оперировали *грыжу* у одного солдата. Вчера вечеромъ мы были у Ани, также *Шведовъ* и *Зобор*. Я получила письмо отъ графини Ослуфьевой (при Эллѣ). Она поставлена во главѣ шестнадцати благотворительныхъ комитетовъ, двадцати двухъ московскихъ лазаретовъ. Имъ нужны деньги, и она спрашиваетъ, можетъ ли она получить Большой театръ для большого представленія 23 мая (второй день праздника Пасхи). Она думаетъ, что они могутъ выручить до двадцати тысячъ (я сомнѣваюсь) для этихъ госпиталей. Они даютъ имъ вещи, которыхъ министерство (военное) не можетъ имъ давать. Если ты согласенъ, я скажу Фредериксу, и онъ тебѣ пошлетъ оффиціальное прошеніе. На афишахъ они напечатаютъ, что театръ сданъ въ видѣ особой твоей милости. Мысль о томъ, чтобы ѣхать въ городъ смотрѣть лазаретъ, нѣсколько меня страшитъ, но все же я знаю, что я должна поѣхать. Такъ завтра днемъ мы соберемся. Утромъ у Карангозова будетъ оперированъ апендицитъ. Какъ я рада, что ты можешь каждый день гулять. Богъ дастъ, ты будешь въ состояніи въ самомъ дѣлѣ увидѣть очень много и поговоришь тамъ съ генералами. Я сказала *Вильчковскому*, чтобы онъ послалъ толстому Орлову печатную бумагу, которую одинъ изъ раненыхъ получилъ отъ своего начальника. Слишкомъ строгія приказанія, совершенно несправедливыя и жестокія. Если офицеръ не возвращается въ назначенное время, онъ можетъ быть наказанъ въ дисциплинарномъ порядкѣ и т. д. Я всего не могу выписать, ты увидишь самъ въ бумагѣ. Приходишь къ выводу, что тѣ, кто раненъ, подвергаются вдвойнѣ тяжелому обращенію. Лучше оставаться въ тылу или прятаться, чтобы не получить раны. Я нахожу, что это крайне несправедливо. И я не могу повѣрить, чтобы вездѣ было также; — только въ нѣкоторыхъ арміяхъ. Прости меня, что я къ тебѣ пристаю, дорогой мой, но ты тамъ можешь помочь, и не хотѣлось бы, чтобы горечью переполнялись ихъ бѣдныя сердца. Я должна кончать. Благословеніе и поцѣлуи безъ конца.

Навсегда твоя «Солнышко».

№ 49.

2 марта 1915 г.

Мой сладкій,

Я начинаю это письмо сегодня вечеромъ, такъ какъ хочу поговорить съ тобой. Твоя женка чувствуетъ себя ужасно грустно. Мой бѣдный раненый другъ скончался. Богъ взялъ его мирно и тихо къ себѣ. Я по обыкновенію была съ нимъ утромъ и болѣе часа днемъ. Онъ очень много говорилъ — все шопотомъ, все о своей службѣ на Кав-

казѣ. Страшно интересно и такъ остроумно. И его большіе глаза сіяли. Я отдыхала до обѣда, и меня преслѣдовала мысль, что ему можетъ вдругъ сдѣлаться гораздо хуже ночью и что меня не позовутъ и т. д. Такъ что, когда *старшая сестра* позвала одну изъ дочерей къ телефону, я сказала имъ, что я знаю, что случилось, и сама полетѣла, чтобы услышать печальную вѣсть. Послѣ того, какъ М. и А. отправились къ Анѣ, (чтобы увидѣть золовку Ани, *Ольгу Воронову)* Ольга и я отправились въ Большой Дворецъ взглянуть на него. Онъ лежалъ тамъ такъ мирно, покрытый моими цвѣтами, которые я ежедневно ему приносила, съ прелестной мирной улыбкой. Лобъ еще былъ совсѣмъ теплый. Я не могла успокоиться, такъ что послала Ольгу къ нимъ и вернулась домой вся въ слезахъ. Старшая сестра также не можетъ понять, какъ это случилось. Онъ былъ совсѣмъ покоенъ, веселъ, говорилъ, что чувствуетъ себя чуть, чуть неуютно, а когда сестра черезъ десять минутъ послѣ того, какъ она выходила, вернулась къ нему, она нашла его съ выпученными глазами, совсѣмъ посинѣвшимъ, онъ дважды вздохнулъ и все было кончено. Былъ покоенъ до конца. Онъ никогда не жаловался, никогда ни о чемъ не просилъ. Сама *кротость,* какъ она говоритъ. Всѣ его любили, и эту сіяющую улыбку. Ты, моя душка, можешь понять, что это значитъ, когда каждый день навѣщаешь и думаешь только о томъ, чтобы доставить ему удовольствіе, и вдругъ — все кончено. И еще послѣ того, какъ нашъ Другъ говорилъ о немъ, ты помнишь, и что «онъ скоро не уйдетъ отъ тебя». Я была увѣрена, что поправится, хотя и очень медленно. И ему такъ хотѣлось вернуться въ свой полкъ. Онъ былъ представленъ къ золотому оружію и Георгіевскому кресту, и къ производству въ слѣдующій чинъ. Прости меня, что я такъ много о немъ пишу, но посѣщеніе его и все прочее было мнѣ опорой въ твое отсутствіе, и я чувствовала, что Богъ далъ мнѣ возможность доставить ему немного радости (солнечнаго свѣта) въ его одиночествѣ. Такова жизнь. Еще одна храбрая душа покинула этотъ міръ, чтобы соединиться съ сіяющими звѣздами тамъ, наверху. А какъ много горя кругомъ! Слава Богу, что мы имѣемъ возможность, по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ, облегчить ихъ страданія и можемъ дать имъ въ ихъ одиночествѣ чувство домашняго уюта. Такъ хочется согрѣть ихъ и помочь имъ, этимъ храбрымъ малымъ, и замѣнить имъ любимыхъ близкихъ, которые не могутъ быть съ ними.

То, что я написала, не должно тебя опечалить, но мнѣ было невыносимо тяжело. Мнѣ надо было высказаться.

Бенкендорфъ попросилъ разрѣшенія сопровождать насъ завтра въ городъ, такъ что я должна была согласиться, хотя я предполагала только взять Ресина и Изу. У милаго Беби нога лучше. Онъ ѣздилъ на

саняхъ въ *Павловскъ* сегодня. *Нагорный*[1] и кучеръ ослиныхъ санокъ одни работали, устраивая гору.

Если тебѣ случится какъ нибудь оказаться поблизости моихъ *поѣздовъ складовъ* (которыхъ у меня пять въ разныхъ направленіяхъ), было бы очень мило, если бы ты могъ заглянуть въ нихъ или повидалъ бы *коменданта* поѣзда и поблагодарилъ его за его работу. Они въ самомъ дѣлѣ великолѣпные работники и были постоянно подъ огнемъ. Я пишу тебѣ въ постели, я уже лежу цѣлый часъ, но не могу уснуть и не могу успокоиться, такъ что мнѣ помогаетъ бесѣдовать съ тобой. Я благословила и поцѣловала твою милую подушку, какъ всегда. Говорятъ, *Струве* будетъ похороненъ въ своемъ имѣніи.

Завтра мы принимаемъ шесть офицеровъ, возвращающихся на фронтъ, два моихъ сибиряка, *Выкрестовъ* и докторъ *Меншуткинъ* и *Кратъ* во второй разъ. Дай Богъ, чтобы онъ опять не былъ раненъ. Въ первый разъ правая рука, второй разъ — лѣвая и черезъ легкое. Крымъ ему оказалъ огромную помощь. *Нижегородцы* недоумѣваютъ, не будетъ ли ихъ дивизія послана обратно, такъ какъ имъ сейчасъ нечего дѣлать. Шульманъ думаетъ о своемъ *Осовцѣ* съ тоской и стремится туда. На этотъ разъ снаряды больше и причинили больше вреда. Всѣ офицерскіе дома уже совсѣмъ разрушены. Такъ хотѣлось бы имѣть подробныя извѣстія.

Я слышала, что *Амилахвари* раненъ, но только легко. Игорь[2] отправился въ свой полкъ, хотя докторъ находилъ, что онъ еще недостаточно поправился, чтобы уѣзжать. Теперь я должна постараться заснуть, такъ какъ завтра будетъ утомительный день. Но я сомнѣваюсь, чтобы это мнѣ удалось. Спи хорошо, мое сокровище. Цѣлую и благословляю тебя.

3-е марта. Мы сейчасъ вернулись изъ города. Были въ лазаретѣ М. и А., въ новомъ зданіи Института *Рухлова*. *Зедлеръ* повелъ насъ по палатамъ. Тамъ 180 солдатъ и въ другомъ зданіи 30 офицеровъ.

Операція *Карангозова* прошла благополучно. — У него было нагноеніе отростка, и операція была сдѣлана какъ разъ во время. Въ половинѣ перваго мы пошли на *панихиду* въ маленькой госпитальной церкви внизу. Тамъ стоитъ гробъ бѣднаго офицера. Такъ жаль, что никакихъ не было родственниковъ. Какъ то такъ одиноко. Идетъ сильный снѣгъ. Я должна кончать. Богъ да благословитъ и защититъ тебя. Безконечно цѣлую тебя, мое сокровище.

Навсегда твоя собственная женка.

Привѣтъ Н. П.

---

[1] Нагорный, второй дядька Наслѣдника.
[2] Кн. Игорь Константиновичъ.

№ 50.

4 марта 1915 г.

Моя дорогая душка,

Съ какой радостью я получила твое дорогое письмо. Спасибо тебѣ за него много разъ. Я его уже читала дважды и нѣсколько разъ цѣловала его.

Какъ тебя должны утомлять всѣ эти сложные разговоры. Дай Богъ, чтобы угольный вопросъ былъ скоро и удовлетворительно разрѣшенъ, также вопросъ о пушкахъ. Но они (нѣмцы) тоже должно быть скоро во всемъ будутъ нуждаться. Насчетъ Миши я такъ счастлива. Напиши объ этомъ мамашѣ. Ей будетъ пріятно это узнать. Я увѣрена, что эта война сдѣлаетъ изъ него настоящаго человѣка. Если бы только можно было удалить ее [1] отъ него. Ея деспотическое вліяніе для него такъ дурно. Я скажу дѣтямъ, чтобы они достали свою бумагу и послали ее съ этимъ письмомъ. Беби написалъ по французски. Я ему сказала сдѣлать такъ, и онъ пишетъ гораздо естественнѣе, чѣмъ съ *Петромъ Васильевичемъ* [2]. У него нога почти поправилась. Онъ больше не хромаетъ. Правая рука завязана, такъ какъ она нѣсколько опухла, такъ что онъ, вѣроятно, нѣсколько дней не будетъ въ состояніи писать. Но онъ каждый день дважды выходитъ. Четыре дѣвочки ѣдутъ въ городъ. У Татьяны ея комитетъ, М. и А. будутъ смотрѣть, пока *Ольга* будетъ получать деньги, а потомъ онѣ всѣ пойдутъ къ Мари. Маленькія никогда не видѣли ея комнатъ. *Боткинъ* уложилъ меня въ кровать, сердце очень расширено, у меня что то вродѣ кашля. Я чувствую себя никуда негодной во всѣхъ отношеніяхъ эти дни, а теперь пріѣхала г-жа Беккеръ [3], и я не могу поэтому принимать мои капли. Я рада, что могла вчера поѣхать въ городъ осмотрѣть лазаретъ. Мы сдѣлали это такъ скоро, всего часъ съ четвертью, и меня носили вверхъ по лѣстницѣ. Четыре дѣвочки помогали при раздачѣ иконъ и при разговорахъ и Ресинъ все хорошо устроилъ, выстроивъ всѣхъ, кто могъ стоять въ рядъ въ коридорѣ. Скажи объ этомъ *Н. П.*, такъ какъ онъ думалъ, что я переутомлюсь въ городѣ. Это напряженіе этихъ недѣль — два раза въ день къ Анѣ, которая всегда находитъ, что это недостаточно. Теперь она написала, что хотѣла бы больше меня видѣть, чтобы разговаривать (мнѣ нечего ей сказать, я слышу только печальныя вещи, Нини [4] гораздо больше ее оживляетъ своей болтовней и сплетнями), и хочетъ, чтобы я ей читала. Я кашляю эти дни, такъ что не могла. И она не можетъ понять, что эта смерть

---

[1] Графиню Брасову, жену, В. Князя Михаила Александровича.
[2] П. В. Петровъ, русскій гувернеръ Наслѣдника.
[3] Условный терминъ.
[4] Г-жа Воейкова, рожд. Фредериксъ.

меня такъ разстроила. Зизи понимаетъ, такъ мило написала мнѣ. Я не могу дѣлать что либо наполовину. И я видѣла его радость, когда я приходила дважды въ день. И онъ былъ совсѣмъ одинъ, другихъ не было. У него здѣсь не было семьи. Она ревнуетъ меня къ другимъ, я это чувствую; а они всегда такъ трогательно просятъ меня не утомляться: Вы однѣ у насъ, а насъ много. Онъ говорилъ мнѣ еще въ прошлый разъ, когда я его видѣла, что я переутомляюсь и т. д. — страшно мило. Такъ какъ же мнѣ не постараться и не дать имъ все, что я могу, теплоту и любовь. Они такъ страдаютъ и не испорчены. А у нея все есть, хотя, конечно, ея нога очень ее безпокоитъ и никакого сращенія еще нѣтъ. Вчера ее осматривала княжна. Но Аню никогда нельзя удовлетворить, и это страшно утомительно. Она совсѣмъ не понимаетъ намековъ Боткина насчетъ меня.

Солнце сіяетъ, слегка идетъ снѣгъ. Я просила *сестру Любушу* (старшую сестру Большого Дворца) придти и посидѣть со мной на полчаса. Она уютная, говорила со мною о раненыхъ и разсказала много деталей о томъ, другомъ. Завтра его хоронятъ. Нашъ Другъ написалъ мнѣ трогательное письмецо объ этой смерти. Я могу себѣ представить, что *Свѣчинъ* приводитъ тебя въ неистовство, меня онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Крыму чуть не свелъ сума этими полуфранцузскими анекдотами. Говорятъ, что онъ сынъ стараго *Галкина-Враскаго.* Пошли его осматривать моторы или госпитали по близости. Теперь я хотѣла бы знать, что ты собираешься дѣлать. Не говори, куда ты намѣренъ ѣхать. Тогда ты можешь проѣхать неожиданно, и я увѣрена, что онъ гораздо меньше освѣдомленъ о томъ, куда можно проѣхать, чѣмъ когда ты самъ уже по близости въ поѣздѣ. Завтра день смерти N. Willy. Два года.

Мой драгоцѣнный, мой любимый, я должна кончать. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя, и защититъ отъ всякаго зла. Еще и еще тебя цѣлую съ глубокой нѣжностью.

Твоя собственная женка

Поклонъ твоимъ. «Солнышко».

№ 51.

5 марта 1915 г.

Мой любимый,

Прилагаю бумагу отъ Эллы, которую ты можешь послать *Мамантову*[1] или толстому *Орлову* и потомъ письмо отъ Ани. Она очень разстроена, что я вчера у нея не была вторично, но *Б.* (Боткинъ) меня

[1] Завѣд. канцеляріей по принятію прошеній на Выс. Имя.

держитъ въ кровати опять до обѣда, какъ вчера. Сегодня утромъ сердце не расширено, но я чувствую себя никуда негодной и слабой, и печальной. Когда здоровье измѣняетъ, еще труднѣе держать себя въ рукахъ. Сейчасъ его[1] хоронятъ Я не знаю, оставятъ ли его тутъ или нѣтъ, такъ какъ полкъ намѣренъ похоронить всѣхъ офицеровъ послѣ войны на Кавказѣ. Они уже отмѣтили вездѣ могилы. Но нѣкоторые умерли въ Германіи. Я получила телеграмму отъ моего *Веселовскаго*, что они всѣ только что насладились поѣздомъ *баней* и чистымъ бѣльемъ и отправились въ *окопы*. Потомъ я получила докладъ отъ него (согласно моему желанію). Онъ вернулся 15 февраля. Но изъ массы, которые должны получить награды, только *князь Гантимуровъ* пока получилъ *Георгіевское оружіе*. Онъ самъ не представленъ ни къ чему, «*за отсутствіемъ начальниковъ, въ подчин. коихъ находился: нач. див. ген.-лейт. фонъ Генигсъ отчисленъ отъ должности, а ком. бригады ген. М. Быковъ въ плѣну*». — Страшно неудобно и грустно, что у нихъ нѣтъ знамени, они умоляютъ тебя дать имъ новое. «*Представл. объ этомъ уже сдѣлано воен. мин. главнокомандующ. 7 февраля за № 9850.*» У нихъ были просто колоссальныя потери. Полкъ четыре раза вновь пополнялся «*за время боевъ подъ д.-Б.*» — Но лучше я все это напишу на отдѣльной бумагѣ, чтобы не заполнять этимъ моего письма. Я для тебя выпишу отдѣльныя мѣста. Моя икона была ими получена тотчасъ же послѣ тридцатаго. Они — подполковникъ Сергѣевъ — сожгли свое знамя. Послѣ того какъ онъ тогда былъ раненъ, *нач. хоз. части подполк. Сергѣевъ* принялъ полкъ и въ теченіе трехъ мѣсяцевъ великолѣпно со всѣмъ справлялся. Боюсь, что это письмо страшно скучно. Я отпустила Мадлэнъ на сегодня въ городъ. Уже шесть недѣль Тюделсъ не показывался. Опять солнечно. У меня была Иза по дѣламъ, а потомъ Соня. Только что получила твою милую телеграмму. А.(ня) пишетъ что Фредериксъ безконечно счастливъ, получивъ твое письмо. Понятно — она ему завидуетъ. Можетъ быть, ты въ своей телеграммѣ ко мнѣ упомянешь, что ты благодаришь ее за вложенное письмо и шлешь привѣтъ. Она сказала мнѣ, чтобы я сожгла ея письмо, если мнѣ покажется, что оно тебя разсердитъ. Какъ я могу знать? Я ей отвѣтила, что я пошлю письмо, — надѣюсь, что она тебѣ этимъ не надоѣдаетъ. Она не можетъ понять, что ея письма для тебя представляютъ такъ мало интереса, если для нея самой они имѣютъ такое большое значеніе. Я къ ней посылала маленькихъ — она хотѣла ихъ видѣть вечеромъ, но онѣ сказали, что хотятъ остаться со мной, такъ какъ я ихъ цѣлый день не вижу. Ты не говори

[1] Молодого офицера, о которомъ выше была рѣчь.

Н.[1] и поѣзжай туда, куда тебѣ нравится — и гдѣ никто тебя не можетъ ожидать. Понятно, онъ постарается тебя удерживать, такъ какъ ему не даютъ разъѣзжать, но если ты отправишься, я знаю, что Богъ охранитъ тебя, и что ты и войска почувствуютъ успокоеніе.

Теперь, мое солнышко, мое дорогое сокровище, я запечатаю письмо. Богъ да благословитъ и сохранитъ тебя теперь и навсегда. Покрываю дорогое лицо нѣжными поцѣлуями и остаюсь навсегда

Твоя собственная женка.

Какъ хотѣлось бы быть около тебя, я увѣрена, что ты переживаешь много трудныхъ минутъ, не зная, кто говоритъ точно правду, кто пристрастенъ и т. д., и личныя обиды и т. д., все, что не должно было бы въ такое время существовать сейчасъ, я боюсь, обнаруживается какъ разъ въ тылу. Гдѣ наши дорогіе матросы? Что они дѣлаютъ и находится ли съ ними Кириллъ?[2]

№ 52.

6 марта 1915 г.

Моя душка,

Опять яркій солнечный день, но 12 градусовъ мороза. Сегодня утромъ сердце не расширено, но оно сдвинулось вправо, такъ что чувство одно и то же. Вчера вечеромъ оно опять было расширено. Я перехожу на диванъ къ обѣду до половины одиннадцатаго или одиннадцати. Чувствую себя такой слабой. А.(ня) пристаетъ ко мнѣ, чтобы я къ ней приходила, но *Боткинъ* собирается къ ней, чтобы сказать ей, что для меня это пока невозможно и что мнѣ нуженъ покой еще на нѣсколько дней. Слава Богу, раненые офицеры въ обоихъ лазаретахъ довольно благополучны, такъ что я не безусловно необходима въ этотъ моментъ, а дѣвочки были на солдатскихъ операціяхъ вчера. Они такъ трогательно просили дѣвочекъ, Зизи и *Боткина*, чтобы я приходила. Мнѣ недостаетъ мое дѣло, тѣмъ болѣе что тебя, мой ангелъ, со мной теперь нѣтъ.

Такъ хотѣлось бы знать, куда и когда ты будешь въ состояніи отправиться. Оставаться такъ долго въ Ставкѣ должно быть довольно невыносимо. Милая душка, разные люди хотѣли бы послать евангелія нашимъ плѣннымъ, они (германцы) не позволяютъ пересылать въ Германію молитвенники. *У Ломана* 10.000, можетъ ли онъ послать ихъ съ надписью, что они отъ меня, или лучше не надо. Будь добръ, отвѣть телеграммой: «евангелія» «да» или «нѣтъ». Тогда я пойму, какъ ихъ

[1] В. Кн. Николаю Николаевичу.
[2] В. Кн. Кириллъ Владиміровичъ.

послать. Соня сидѣла со мной вчера днемъ три четверти часа. Сегодня я попрошу м-мъ Зизи, такъ какъ дѣтямъ надо выѣхать и побывать въ лазаретахъ. Пожалуйста, передай приложенное письмо *Н. П.* черезъ твоего слугу. Это письмо общее отъ меня, О(льги) и Т(атьяны).

Мой уланъ *Апухтинъ* въ настоящее время командуетъ пѣх. полк. (не помню какимъ), потому что тамъ за старшаго остался только *штабсъ-кап.* Только что получила твое дорогое письмо, такая неожиданная, большая радость. Нѣжно благодарю тебя. Твои теплыя слова успокаиваютъ мое усталое сердце. Какъ хорошо, что ты себя назвалъ *шефомъ*, и *Георгій* также. Съ какимъ мужествомъ и бодростью эти храбрые *пластуны* теперь отправятся. Богъ да благословитъ путь и дастъ успѣхъ.

Твои прогулки навѣрное освѣжаютъ тебя. И различныя паденія во время прогулки должны нарушать ихъ однообразіе (если только ты не слишкомъ ушибаешься). Мой душка, твои письма совсѣмъ какъ лучъ солнца для меня.

Вчера похоронили бѣдняжку [1], и *сестра Любуша* сказала, что у него оставалась его счастливая улыбка. Только немного измѣнился въ цвѣтѣ лица, но то выраженіе, которое мы такъ хорошо знали, не исчезло. Постоянная улыбка, и онъ говорилъ ей, что онъ былъ такъ счастливъ и что ему ничего больше не надо. Его сіяющіе глаза всѣхъ поражали, и послѣ жизни, полной радостей и невзгодъ и цѣлаго романа со всякими переживаніями, слава Богу, что онъ былъ счастливъ съ нами.

Сколько отправляется *пластунскихъ* полковъ? Мнѣ бы хотѣлось поскорѣе послать имъ образа. Сколько офицеровъ въ каждомъ полку? Попроси *Дрентельна* [2] послать мнѣ шифрованную депешу черезъ *Киру* [3], пожалуйста. Мать А(ни) была очень больна, колоссальный припадокъ камней въ печени, но теперь ей лучше. Другой такой приступъ, по словамъ нашего Друга, былъ бы концомъ. Она (Аня) опять пристаетъ, чтобы я ей телефонировала и приходила вечеромъ, хотя мы каждый день объясняемъ, что я еще не могу. Она такъ надоѣдаетъ, и каждый день куча писемъ, — это вѣдь не моя вина, мнѣ надо созсѣмъ поправиться, и это возможно только, если спокойно лежать (такъ какъ я пока не могу еще принимать лекарство) — она думаетъ только о себѣ и сердится, что я такъ много остаюсь съ ранеными. Мнѣ съ ними хорошо, и ихъ благодарность меня укрѣпляетъ, тогда какъ съ ней и съ постоянными жалобами по поводу ея ноги, я еще болѣе устаю. Каждый день

[1] См. выше, мол. офицеръ.

[2] Флигель-адъютантъ А. Р. фонъ-Дрентельнъ, одно изъ приближенныхъ лицъ.

[3] Флигель-адъютантъ Кириллъ Анат. Нарышкинъ, близкое къ Николаю II лицо.

морально и физически такъ много отдаешь себя, что къ вечеру ничего почти не остается.

Я опять получила любящее письмо отъ нашего Друга, Онъ хочетъ, чтобы я выходила на солнце, увѣряетъ, что это мнѣ принесетъ больше пользы (моральной), чѣмъ лежаніе. Но сейчасъ очень холодно, я все еще кашляю, борюсь съ насморкомъ. Потомъ опять меня лихорадитъ, и я такъ слаба и утомлена. Я получила телеграмму отъ моего *Тучкова* изъ *Львовскаго* склада-поѣзда. Онъ устроилъ (у меня ихъ четыре) одинъ летучій, такъ чтобы оказывать большую помощь. Это будетъ нашъ пятый. «*Летучій поѣздъ окончилъ поѣздку, обслужилъ районъ Стрыя, Сколе и Выгоды, при чемъ нѣкоторыя части войскъ и санитарныхъ частей снабжались вблизи позиціи Тухлы, Либохоры и Козювки, одновременно раздавъ подарки и образки» отъ моего имени. «Вниманіе оказываемое В. В. всюду вызывало искр. восторгъ и безгран. радость. На обратномъ пути въ пустые вагоны, оборудованные переносными печами, были погр. въ Выгодѣ около 200 раненыхъ, эвакуація которыхъ значительно облегчила работу лазар.*» и т. д. Такъ что, чѣмъ ближе эти маленькіе поѣзда подходятъ къ фронту, тѣмъ лучше. *Меккъ* — маленькій геній, все придумываетъ и все налаживаетъ. Все, что онъ дѣлаетъ, въ самомъ дѣлѣ хорошо и быстро сдѣлано, и ему посчастливилось получить хорошій личный составъ для этихъ *поѣздовъ-складовъ*. Зизи сидѣла со мной часокъ и была очень мила.

Дѣвочки гуляли и теперь отправились въ Большой Дворецъ.

Отправляется курьеръ къ Ольгѣ, должна ей послать нѣсколько строкъ. Пожалуйста, скажи *Дрентельну*, что мы шлемъ привѣтъ и надѣемся, что его ногѣ лучше. Кланяемся *Граббе*[1] и *Н. П.* и крошечному адмиралу и моему другу *Федорову*. Прощай, мой дорогой, мой милый муженекъ, мое солнышко, покрываю тебя нѣжнѣйшими поцѣлуями. Беби также.

Дѣвочки въ восторгѣ, что могутъ купаться въ твоемъ бассейнѣ.

Богъ да благословитъ и защититъ тебя отъ всякаго зла.

Мои молитвы и мысли всегда съ тобой. Привѣтъ членамъ семьи.

Всегда твоя собственная
«Солнышко».

№ 53

7 марта 1915 г.

Мой любимый,

Сегодня недѣля, что ты отъ насъ уѣхалъ. Кажется, что гораздо больше. Твои телеграммы и драгоцѣнныя письма для меня такое утѣ-

[1] Флигель-адъютантъ гр. А. Н. Граббе, команд. конвоемъ.

шеніе, я постоянно ихъ читаю. Ты видишь, я старая, усталая опять берегусь, и сегодня опять встала только къ восьми. Аня не хочетъ это понять. Докторъ, дѣти и я ей это объясняютъ, и все же каждый день по пяти писемъ и просьбъ, чтобы я приходила — она знаетъ, что я лежу въ кровати, и все же притворяется, что это ее удивляетъ. Такой эгоизмъ. Она знаетъ, что я никогда не упускаю случая навѣстить ее, когда это для меня возможно, даже когда я страшно устала, и все же она ворчитъ, почему я дважды въ день навѣщала незнакомаго офицера, и не обращаетъ вниманія на замѣчанія *Боткина*, что этотъ офицеръ во мнѣ нуждался, а у нея гости почти цѣлый день. Кажется, она думаетъ, что мой долгъ — ее посѣщать, и потому она часто какъ будто вовсе моихъ посѣщеній не цѣнитъ, межъ тѣмъ какъ другіе благодарятъ за всякую секунду, которую я имъ отдаю. Очень хорошо, что она меня не видитъ нѣсколько дней. Хотя прошлый вечеръ въ шестомъ письмѣ она жаловалась, что такъ давно она не получала вечерняго поцѣлуя и благословенія. Если бы она имѣла любезность вспомнить, кто я такая, то можетъ быть сумѣла бы понять, что у меня есть другія обязанности, кромѣ нея. Сто разъ я говорила ей и о тебѣ, о томъ, кто ты, и что И. (Императоръ) никогда не навѣщаетъ каждый день больного. Что бы въ противномъ случаѣ могли подумать? И что тебѣ приходится прежде всего думать о твоей странѣ и потомъ, что ты утомляешься отъ работы и нуждаешься въ воздухѣ, и что тебѣ полезно выходить съ Беби и т. д. Все это словно говоришь камню. Она не хочетъ понимать потому, что она считаетъ, что ея мѣсто впереди всѣхъ другихъ. Она предлагаетъ приглашать офицеровъ по вечерамъ для дѣтей, думая, что такъ она меня залучитъ, но дѣти отвѣтили, что они предпочитаютъ оставаться со мной, такъ какъ это единственное время, когда мы спокойно остаемся вмѣстѣ. Мы ее слишкомъ избаловали, но я по совѣсти нахожу, что, будучи дочерью нашихъ друзей, она должна была бы лучше понимать вещи, и болѣзнь должна была ее исправить. Ну, теперь довольно о ней. Это скучно. Я уже перестала этимъ мучиться, какъ прежде. Меня только изводитъ этотъ эгоизмъ.

Сегодня холодно, сѣро, идетъ снѣгъ. Дѣвочки съ восторгомъ наслаждались твоимъ купальнымъ бассейномъ. Сперва двѣ маленькія, а потомъ старшія. Я не могла быть тамъ. Я спала плохо и чувствую себя слабой и усталой. Сердце пока не расширено, оно расширяется каждый день послѣ полудня. Я думаю никого не принимать и хочу остаться совершенно покойной. Тогда можетъ быть оно придетъ въ порядокъ. У меня была масса бумагъ сегодня утромъ отъ *Ростовцева. Шульманъ* былъ такъ благодаренъ за сообщеніе насчетъ *Осовца*, я просила дѣвочекъ сказать ему. Бебины «*московскіе*» недалеко оттуда, такъ писалъ *Гальфтеръ*. Надѣюсь, что ногѣ *Дрентельна* лучше. Кла-

няйся ему и Н. П. Прощай, да благословитъ и защититъ тебя Господь, мой ангелъ дорогой. Цѣлую безъ конца.

Твоя женка. Аликсъ.

№ 54.

8 Марта 1915 г.

Мой родной, любимый,

Надѣюсь, ты получаешь мои письма правильно. Я пишу и нумерую ихъ ежедневно, такъ же вписываю въ мою маленькую лиловую книгу. Прости, что я тебѣ надоѣдаю, пересылая прошенія, но такъ хотѣлось бы помочь этимъ бѣднымъ людямъ. Кажется, они пишутъ второй разъ. Будь добръ, напиши резолюцію и пошли ее министру юстиціи.

Я переписала телеграмму, которая тебя, думается, позабавитъ, съ благодарностью нашему *складу* за подарки. Не нужно ее возвращать. Потомъ посылаю записку отъ Мари къ *Дрентельну*.

Какъ это хорошо, что Мемель взятъ. Они (нѣмцы) навѣрное этого не ожидали, и для нихъ это будетъ хорошій урокъ. И вездѣ, слава Богу, хорошія новости. Я имѣла время все прочесть, лежа въ кровати. Я теперь перехожу на диванъ уже на четыре съ половиной часа. Понемножку все больше и больше. Хотя каждый вечеръ сердце расширено и каждый день Аня проситъ меня придти. Чудное солнце, но говорятъ, очень холодно. У Ducky былъ корреспондентъ и очень интересно описалъ все, что она дѣлала въ *Прасныщѣ*. Она въ самомъ дѣлѣ дѣлаетъ страшно много со своимъ *отрядомъ* и въ самомъ дѣлѣ подвергается огню. Михенъ [1] парадируетъ со своимъ орденомъ на всѣхъ выставкахъ и т. д. Ты долженъ былъ бы въ самомъ дѣлѣ выяснить, какъ она его получила, и принять мѣры, чтобы такія вещи не повторялись, такъ же и то, что случилось съ Татьяной. Ducky конечно его заслуживаетъ.

Какъ печально, что погибли «Bouvet», «Irresistible» и «Ocean», — такъ ужасно быть потопленнымъ плавучими минами [2] и при томъ такъ скоро — словно будто не въ бою.

Я получила письмо отъ Викторіи изъ Kent House, — въ немъ ничего новаго. Увы, я ничего интереснаго не могу тебѣ разсказать. Дѣти завтракаютъ въ сосѣдней комнатѣ и страшно шумятъ.

Что за радость, моя душка, получить еще письмо отъ тебя. Только что его мнѣ принесли, и также хорошенькія открытки и дѣтскія открытки — мы всѣ благодаримъ много разъ и глубоко тронуты, что ты находишь время намъ писать.

---

[1] Вел. Княгиня Марія Павловна старшая.
[2] Названные три броненосца потоплены минами въ Дарданеллахъ.

Теперь я понимаю, почему ты не можешь продвинуться больше впередъ, но навѣрное, ты могъ бы всетаки поѣхать въ какой нибудь пунктъ, прежде чѣмъ вернуться. Тебѣ бы это было полезно и подбодрило бы другихъ. Все равно куда. Эта поѣздка навѣрное была очень пріятна, но я понимаю тяжелое впечатлѣніе отъ этихъ пустыхъ домовъ, вѣроятно, многіе изъ нихъ никогда не будутъ населены прежними обитателями. Такова жизнь — такая трагедія!

Произвелъ ли Сергѣй Л. на тебя лучшее впечатлѣніе, менѣе самоувѣренное и простое? Я сейчасъ же послала Анѣ твой привѣтъ, онъ ей навѣрное доставилъ удовольствіе. Она думаетъ вѣроятно, что только она одна *«скучаетъ»* безъ тебя. Ахъ, она очень ошибается.

Но я знаю, что тебѣ слѣдуетъ быть тамъ и что перемѣна тебѣ полезна, я бы только хотѣла, чтобы больше народу этимъ воспользовалось и повидало тебя.

Вѣроятно сегодня ты былъ на богослуженіи. Дѣти сегодня были въ церкви. Я только что слышала, что *Ирина*[1] родила дочь (я ожидала, что это будетъ дѣвочка) — я рада, что все кончилось. Бѣдная Ксенія[2] все время очень тревожилась. Мнѣ бы показалось болѣе естественнымъ, если бы я услышала, что сама Ксенія родила ребенка[3].

Какое солнце. Дѣвочки катались, теперь отправились въ мою Краснокрестную *общину*, потомъ къ Анѣ, а послѣ чая старшія идутъ къ Татьянѣ. У Алексѣя въ гостяхъ три сына Ксеніи. Я встану въ три четверти пятаго.

Прощай, мое солнышко, — не волнуйся, что ты не можешь писать ежедневно, у тебя много дѣла, и надо также немножко отдохнуть, а писаніе писемъ беретъ столько времени. Богъ да благословитъ тебя, Ники, мое сокровище, мой собственный муженекъ. Цѣлую и благословляю тебя и непрестанно люблю.

Навсегда твоя собственная женка

Аликсъ.

№ 54 а.

9 марта 1915 г.

Мой муженекъ, ангелъ дорогой,

Какая радость узнать, что послѣзавтра я буду держать тебя крѣпко въ своихъ объятіяхъ, слушать твой дорогой голосъ и смотрѣть въ

[1] В. Кн. Ирина Александровна, вышедшая замужъ за кн. Юсупова, впослѣдствіи участника въ убійствѣ Распутина.

[2] Мать Ирины Алекс.

[3] Повидимому, въ семьѣ ожидали, что бракъ съ кн. Юсуповымъ будетъ бездѣтнымъ.

твои любимые глаза. Только ради тебя я жалѣю, что ты ничего не видѣлъ. Если бы я только могла чувствовать себя прилично къ тому времени, когда ты вернешься. Въ эту ночь я могла заснуть только послѣ пяти, чувствовала такое давленіе на сердцѣ и такое головокруженіе, и это продолжается вмѣстѣ съ серцебіеніемъ сегодня утромъ, и сердце довольно сильно расширено. Вчера оно было нормально, и я была на диванѣ отъ пяти до шести и отъ восьми до одиннадцати. *Ирина* и ея беби здоровы. Она очень мучилась, но была храбра. Она любитъ свое имя и хотѣла, чтобы ребенка также назвали, такая смѣшная. Дмитрій, Ростиславъ и *Никита*[1] были у Алексѣя и послѣдній съ нами обѣдалъ.

Холодно, но яркое солнце. Я вкладываю письмо отъ Маши[2] (изъ Австріи), которое ее просили тебѣ написать въ интересахъ мира. Я никогда теперь, понятно, не отвѣчаю на ея письма. Потомъ письмо отъ Ани. Я не знаю, согласенъ ли ты, чтобы она писала, но я не могу сказать нѣтъ, разъ она меня проситъ, и лучше, чтобы она такъ пересылала, чѣмъ черезъ прислугу. Она послала вчера за *Кондратьевымъ* — такъ глупо болтать съ прислугой. Въ лазаретѣ она уже хотѣла ихъ видѣть. Только для того, чтобы поднимать скандалъ. По совѣсти говоря, это не совсѣмъ благородно. Теперь она будетъ посылать за твоей прислугой, это уже будетъ совсѣмъ неприлично. Почему она не можетъ чаще справляться насчетъ бѣдныхъ раненыхъ, съ которыми она не хочетъ имѣть никакого дѣла.

Только что получила твою телерамму, она пришла черезъ пятнадцать минутъ. Слава Богу, Перемышль взятъ, поздравляю всѣмъ моимъ любящимъ сердцемъ. Это такъ хорошо! Какая радость для нашихъ любимыхъ войскъ! Это продолжалось такъ долго и, по совѣсти говоря, я рада за бѣдный гарнизонъ и населеніе, которое, навѣрное, почти умирало отъ голода. Теперь мы можемъ освободить нѣсколько корпусовъ, чтобы перебросить ихъ на болѣе слабыя мѣста. Я такъ счастлива за тебя.

Отъ *Ольги* хорошія извѣстія. Ей нравится *Львовъ* (городъ). Ей грустно, что Миша тамъ съ женой. Она его не видѣла вотъ уже четыре года.

Теперь прощай, мое сокровище, благословляю и цѣлую тебя еще и еще.

Твоя собственная

«Солнышко».

---

[1] Сыновья В. Кн. Александра Михайловича.

[2] Извѣстная своей посреднической дѣятельностью фрейлина М. А. Васильчикова, потомъ была выслана изъ Петербурга. См. ниже.

№ 55.

4 апрѣля 1915 г.

Мое дорогое сокровище,

Еще разъ ты насъ покидаешь и, я думаю, съ радостью, потому что жизнь, которую ты тутъ долженъ былъ вести, за исключніемъ только работы въ саду, болѣе чѣмъ тяжела и утомительна. Мы почти другъ друга не видѣли, такъ какъ мнѣ приходилось лежать. О многомъ я не имѣла времени спросить и, когда мы поздно вечеромъ оказывались вмѣстѣ, половина моихъ мыслей улетучивалась. Да благословитъ Богъ твое путешествіе, мой любимый, и да принесетъ оно снова успѣхъ и воодушевленіе твоимъ войскамъ. Надѣюсь, что ты побольше увидишь, прежде чѣмъ доберешься до *Ставки* и, если бы *Николаша* что нибудь сказалъ *Воейкову,* какъ бы въ формѣ жалобы, сейчасъ же положи этому конецъ и покажи, что ты хозяинъ. Прости меня, мой драгоцѣнный, но ты знаешь, что ты слишкомъ добръ и мягокъ. Иногда хорошій громкій голосъ и строгій взглядъ дѣлаютъ чудеса. Дорогой мой, будь рѣшительнѣй и увѣреннѣй въ себѣ. Ты прекрасно знаешь, что слѣдуетъ дѣлать, и, когда ты несогласенъ и правда на твоей сторонѣ, открыто выскажи свое мнѣніе и заставь его перевѣсить чужія. Они должны лучше помнить, кто ты такой, и что имъ слѣдуетъ прежде всего обращаться къ тебѣ. Твоя личность чаруетъ каждаго въ отдѣльности, но я хочу, чтобы ты держалъ ихъ въ повиновеніи умомъ и опытомъ. Хотя Н(иколаша) такъ высоко поставленъ, все же ты выше его. Нашего Друга, какъ и меня, одинаково поразило, что Н. составляетъ телеграммы, отвѣчаетъ губернаторамъ и т. д. въ твоемъ стилѣ. Онъ долженъ былъ быть проще, скромнѣе и т. д. Ты найдешь, что я вмѣшиваюсь не въ свое дѣло и надоѣдаю, но женщина чувствуетъ и видитъ вещи порою яснѣе, чѣмъ мой слишкомъ скромный душка. Скромность есть высшій даръ Бога — но верховный повелитель долженъ показывать свою волю чаще. Будь увѣреннѣе въ себѣ и дѣйствуй — не бойся, ты никогда не скажешь лишняго. Милый старый Фредериксъ, надѣюсь, что съ нимъ все будетъ благополучно — я чувствую, что онъ ѣдетъ только ради тебя, такъ какъ только онъ одинъ рѣшается что либо сказать Н(иколашѣ). *Граббе* тебя позабавитъ за игрой въ домино, а когда съ тобой *Н. П.,* я всегда себя чувствую спокойнѣй. Онъ совсѣмъ нашъ, и ближе къ тебѣ, чѣмъ всѣ остальные. Онъ молодъ и не такъ тяжелъ, какъ Дмитрій Ш.[1] Это напоминаетъ мнѣ, — что будетъ съ Дмитріемъ П.[2]? Неужели онъ навсегда тутъ будетъ торчать?

---

[1] Гр. Д. С. Шереметевъ.

[2] Вел. Кн. Дмитрій Павловичъ, другой участникъ (впослѣдствіи) убійства Распутина.

Смотри, какое длинное письмо, но мнѣ кажется, что я просто цѣлую вѣчность не говорила съ тобой (а Аня воображаетъ, что мы говоримъ ежечасно).

Можетъ быть, ты найдешь время осмотрѣть какой нибудь лазаретъ въ *Бѣлостокѣ*, такъ какъ тамъ очень много проходитъ раненыхъ, и пріими мѣры, чтобы Фредериксъ не настаивалъ на томъ, чтобы сопровождать тебя по сквернымъ дорогамъ, *Федорову* надо строго за нимъ слѣдить.

Какъ одиноко будетъ безъ тебя, мое солнышко. Хотя у меня дѣти — но лежать безъ дѣла теперь тяжелю. И мнѣ хочется вернуться въ лазаретъ. Завтра докторъ не придетъ (развѣ бы я себя почувствовала хуже), такъ какъ онъ хочетъ быть на похоронахъ одного ихъ своихъ друзей. Отдыхаешь, не видя бѣдной Ани и не слыша ея ворчанья.

Открывай хорошенько окна въ моемъ отдѣленіи, тогда въ твоемъ не будетъ такъ душно.

Душка, ты найдешь на своемъ письменномъ столѣ цвѣты (я ихъ цѣловала). Отъ нихъ въ отдѣленіи веселѣе.

Прощай, да благословитъ тебя Богъ, моя душка, мой дорогой, нѣжно прижимаю тебя къ моему сердцу и цѣлую тебя, и обнимаю такъ крѣпко.

Навсегда твоя женка

Аликсъ.

№ 56.

4 апрѣля 1915 г.

Мой драгоцѣнный,

Фельдъегерь сегодня уѣзжаетъ въ пять часовъ вчера, такъ что должна тебѣ написать, хотя мнѣ нечего сказать. Спасибо, милый, что ты отослалъ Беби, чтобы побыть со мной, такъ что мнѣ пришлось удержать слезы, чтобы его не огорчить. Я опять легла въ постель, и онъ полчаса лежалъ около меня. Потомъ вернулись дочери.

Это такъ тяжело каждый разъ. Сердце разрывается, и остается такая боль и безконечная тоска. Ортипо также чувствуетъ себя печальнымъ и вскакиваетъ при каждомъ шумѣ, и ждетъ тебя. Да, милушка, когда въ самомъ дѣлѣ любишь — дѣйствительно любишь.

Погода тоже хмурая. Я просматриваю массу открытокъ отъ солдатъ. Аня прислала мнѣ прелестныя красныя розы, посланныя на прощаніе *Н. П.* Онѣ стоятъ около моей кровати и чудно пахнутъ. Поблагодари его за это страшно милое вниманіе и скажи, что я была очень огорчена, что не могла съ нимъ проститься. Она дала ему письмо для

тебя, такъ какъ поздно его написала, и онъ отправлялся отъ нея прямо въ церковь. Всѣ дѣвочки отправились въ лазаретъ М. и А. на концертъ, устроенный другомъ Мари — Д. Беби собирался играть возлѣ бѣлой башни съ дѣтьми Д.

Каждая изъ дочерей принесла мнѣ твой привѣтъ. О, дорогой мой, я плачу теперь, какъ большой ребенокъ — и вижу твои милые грустные глаза, полные такой любви.

Будь здоровъ, мое сокровище. Твоя женка всегда около тебя въ мысляхъ и молитвахъ. Тысяча поцѣлуевъ. Богъ да благословитъ и защититъ тебя и охранитъ отъ всякаго зла.

Всегда твоя старая

«Солнышко».

№ 57.

5 апрѣля 1915 г.

Милый мой муженекъ,

Сейчасъ получила твою телеграмму. Это удивительно, ты уѣхалъ въ два и прибылъ въ девять. Когда ты уѣзжаешь въ десять, ты обыкновенно прибываешь туда только къ двѣнадцати. Сегодня яркая солнечная погода. Я слышу какъ чирикаютъ птицы. Хотѣла бы знать, почему ты перемѣнилъ свои планы? Дѣвочки только что отправились въ церковь. Беби лучше двигаетъ руками, хотя, по его словамъ, въ локтяхъ все еще вода. Вчера онъ пошелъ съ *Вл. Ник.* къ Анѣ, она сума сошла отъ радости. Онъ сегодня опять идетъ, чтобы повидать *Родіонова* и *Кожевникова.* Теперь у нея *Вл. Ник.,* онъ долженъ показать какъ электризовать ея ногу — каждый день новый докторъ. *Татьяна* и *Анастасія* были тамъ днемъ и нашли у нея нашего Друга. Онъ повторялъ старую исторію, что она плачетъ и горюетъ, такъ какъ получаетъ такъ мало «*ласки*». *Татьяну* это очень удивило, и она отвѣтила, что она (Аня) получаетъ много ласки, но для нея все кажется мало. Ея настроеніе, повидимому, неважное (главная плакальщица). Ея записки холодны, такъ что и я также холодно пишу.

Я спала недурно, такъ какъ страшно устала — но чувствую себя покамѣстъ по-прежнему. Вчера опять 37,3, сегодня утромъ 36,7 и утренняя головная боль. Пустая подушка около меня, ахъ, какъ она меня печалитъ. Дорогой мой, милый, какъ все устраивается! Вечеръ я провела спокойно, лежа, дѣвочки каждая читала книжку. Ольга и Татьяна на полчаса были въ лазаретѣ, чтобы всѣхъ повидать. Я слышу, какъ «Чотъ»[1] лаетъ передъ домомъ. Я послала тебѣ твой об-

[1] Имя собаки.

разъ отъ *«Св. Іоанна воина»* отъ нашего Друга. Я забыла тебѣ его дать вчера утромъ. Я еще разъ перечитывала то, что писалъ нашъ Другъ, когда онъ былъ въ Константинополѣ, это теперь вдвойнѣ интересно — совершенно короткія впечатлѣнія. О, что за день будетъ, когда снова будутъ служить обѣдню въ св. Софіи! Только дай приказаніе, чтобы ничего не разрушали и не портили изъ того, что принадлежитъ магометанамъ. Пусть они опять всѣмъ воспользуются для своего богослуженія. Мы же вѣдь христіане, а не варвары, слава Богу. Какъ хотѣлось бы быть тамъ въ такую минуту. Количество церквей, которыя вездѣ использованы или разрушены турками, ужасно — греки вѣдь были недостойны служить, и у нихъ такіе храмы! Пусть православная церковь теперь будетъ достойнѣе и вновь очистится. Эта война можетъ имѣть такое колоссальное значеніе для нравственнаго возрожденія нашей страны и церкви — только бы найти людей, которые бы исполняли всѣ твои приказанія и помогли тебѣ во всѣхъ твоихъ неизмѣримыхъ задачахъ.

Вотъ опять пишу — лежала два часа на диванѣ. Полчаса сидѣла у меня М-мъ Зизи съ прошеніями. Чувствую себя отвратительно слабой и утомленной, и она нашла, что я плохо выгляжу. Дорогой мой, Аню *«Жукъ* [1]» везъ въ колясочкѣ до самаго дома *Воейкова*. Около нея былъ докторъ *Кореневъ*, она ни капельки не устала — теперь она хочетъ завтра пріѣхать ко мнѣ. О, Господи, а я была такъ рада, что долгое время мы ее не будемъ имѣть въ домѣ, я эгоисткой стала, послѣ девяти лѣтъ, и хотѣла бы наконецъ имѣть тебя для меня одной; а это значитъ, что она готовится совершать къ намъ частыя нашествія, когда ты вернешься, или она будетъ умолять, чтобы ее катали въ саду, такъ какъ паркъ запертъ (чтобы встрѣчаться съ тобой), и меня тамъ не будетъ, чтобы помѣшать. Я прикажу *Путятину* впускать ее въ большой паркъ. Ея колясочка не испортитъ дороги. Я бы въ такомъ видѣ никогда не рѣшилась выѣхать. Закутанная въ шубу и съ шалью на головѣ — я сказала, что тенисская кепка и гладко причесанные волосы произвели бы менѣе поражающее впечатлѣніе. Служитель нуженъ въ *Фед.* лазаретѣ, а она имъ пользуется постоянно. Я ей сказала побывать у *Знаменья,* прежде чѣмъ ко мнѣ придти — предвижу массу возни съ ней, все истерія. Она притворяется, что падаетъ въ обморокъ, если только толкнуть кровать, но готова переносить, когда ее въ креслѣ съ шумомъ раскатываютъ по улицамъ.

Дѣти вышли до часу, и я ихъ не увижу до пяти и только на короткое время. Потомъ они отправляются къ Анѣ, чтобы повидать нашихъ

[1] Фельдшеръ А. Вырубовой.

офицеровъ. Беби я увижу послѣ обѣда. Я была наверху съ часу до трехъ. Какъ удивительно, что у васъ шелъ снѣгъ ночью. Дорогое сокровище, какъ ты мнѣ не достаешь. Долгіе и одинокіе дни, такъ что, когда голова меньше болитъ, я переписываю письма нашихъ друзей, и тогда время идетъ скорѣе. Пожалуйста, передай мой привѣтъ *Н. П.* *и Граббе.*

Какую массу плѣнныхъ мы опять взяли! Теперь надо отправлять письмо. Прощай, милый Ники, благословляю и цѣлую тебя много разъ со всей нѣжностью, на которую я способна.

Навсегда твоя старая женка.

№ 58.

6 апрѣля 1915 г.

Милая моя душка,

Шлю тебѣ нѣжную благодарность за твое драгоцѣнное письмо, которое я только что получила. Это такая огромная радость получать отъ тебя извѣстія, моя душка, и это такое утѣшеніе, такъ какъ я страшно по тебѣ тоскую. Такъ вотъ почему ты не ѣхалъ такъ, какъ предполагалъ. Но мысль объ Л.[1] и П.[2] уже теперь меня тревожитъ. Не рано ли, такъ какъ настроеніе еще не очень за Россію — въ деревнѣ можетъ быть да, но въ самомъ Л. боюсь, что нѣтъ. Ну, такъ я попрошу нашего Друга особенно помолиться за тебя, когда ты тамъ будешь — но прости меня, что я это говорю. Не Н-ѣ[3] сопровождать тебя. Ты долженъ быть на первомъ мѣстѣ, когда ты въ первый разъ туда ѣдешь. Ты навѣрное считаешь меня старой дурой, но если другіе не хотятъ думать о такихъ вещахъ, приходится мнѣ. Онъ долженъ остаться и работать, какъ всегда — право, не бери его, такъ какъ ненависть къ нему тамъ должна быть велика — увидѣть тебя одного обрадуетъ сердца, несущіяся къ тебѣ навстрѣчу съ любовью и благодарностью. Такое солнце! Маленькія дѣвочки катались между уроками — а я ожидаю визита Ани... Докторъ позволяетъ мнѣ больше вставать, приказываетъ лежать только, когда подымается температура, сердце почти нормальное, но я чувствую себя страшно слабой, и у меня голосъ, какъ у Михенъ, когда она устаетъ. Только что принесли

[1] Гор. Львовѣ.
[2] Перемышлѣ.
[3] Николашѣ, В. Кн. Ник. Ник.

мнѣ безконечное письмо отъ графини Гогенфельзенъ[1] — я посылаю тебѣ его на прочтеніе въ свободную минуту, потомъ верни мнѣ его. Поговори только съ Фредериксомъ о немъ. Конечно, не въ мои именины или рожденіе, какъ она хочетъ — но все въ ея желаніи исполнимо, за исключеніемъ титула «*княгиня*». Я думаю, что вульгарно объ этомъ просить. Увидишь, будетъ звучать хорошо, когда о нихъ будутъ докладывать совмѣстно, почти какъ В. К.[2] Но какое же основаніе позднѣе будетъ (отказать) Мишѣ[3]? У обѣихъ были раньше дѣти, пока онѣ были замужемъ за другими мужьями, хотя нѣтъ, жена Миши была уже разведена. И она забываетъ о старшемъ сынѣ — если бракъ будетъ признанъ съ 1904 года, этотъ сынъ, очевидно, для всѣхъ незаконный[4]. Для нихъ мнѣ все равно, пусть онѣ открыто несутъ свой грѣхъ. Но мальчикъ? Ты переговори со старикомъ.[5] Онъ эти вещи понимаетъ, и передай ему, что сказала твоя *мама*, когда ты объ этомъ ей упомянулъ. Быть можетъ теперь на это обратятъ меньше вниманія. Мой привѣтъ *Н. П.* и скажи ему, что розы все еще совсѣмъ свѣжи. Вотъ я опять въ кровати, три часа лежала на диванѣ — такая глупая слабость и усталость. Ну, Аня была, она напросилась къ завтраку въ одинъ изъ ближайшихъ дней. Она выглядитъ очень хорошо, но не кажется мнѣ, чтобы она была особенно рада меня увидѣть, и, слава Богу, она не жаловалась, что не видѣла меня цѣлую недѣлю. Но опять эти жесткіе глаза, которые такъ часто у нея бываютъ. Дѣти всѣ гуляютъ. Бебинымъ рукамъ лучше, такъ что онъ могъ тебѣ писать, душка. Зять Мари Васильчиковой, *Щербатовъ* (бывшій морской офицеръ) вчера внезапно умеръ. Онъ выздоровѣлъ отъ тифоида и пилъ чай со своей женой, милой Соней, когда внезапно скончался отъ паралича сердца. Бѣдная молодая вдова! Ты помнишь, ея послѣдній ребенокъ родился, когда Ducky давала garden-party[6] для англійскихъ морскихъ офицеровъ. Бабушка тотчасъ же туда пріѣхала.

Мнѣ хотѣлось бы знать, какъ прошелъ разговоръ Фр. съ Н.(иколашей). Нашъ Другъ радъ за старика, что онъ поѣхалъ, такъ какъ ему это такое огромное удовольствіе и можетъ быть это послѣдній

---

[1] Г-жа О. В. Пистолькорсъ, рожд. Карновичъ, вышедшая замужъ за Вел. Кн. Павла Александровича, разведясь съ мужемъ. Она носила сперва фамилію графини Гогенфельзенъ, а потомъ ей былъ пожалованъ титулъ княгини Палѣй. О просьбѣ въ этомъ смыслѣ здѣсь и идетъ рѣчь.

[2] Великая Княгиня.

[3] В. Кн. Михаилъ Александровичъ.

[4] Сынъ, впослѣдствіи убитый большевиками въ Алапаевскѣ, молодой кн. Палѣй родился до 1904 г.

[5] Гр. Фредериксомъ.

[6] Раутъ на открытомъ воздухѣ въ саду.

разъ, что онъ можетъ тебя сопровождать въ такой поѣздкѣ. Ну что же, пока онъ остороженъ...

Я только что выбирала, какъ каждый годъ, лѣтнія матеріи для моихъ дамъ и прислуги, и горничныхъ. Нашъ Другъ полагаетъ что было бы лучше, если бы ты послѣ войны посѣтилъ побѣжденную страну. Я объ этомъ только вскользь упоминаю.

Курьеръ ждетъ письма. Милый мой, Ники, мое собственное сокровище, благословляю и покрываю твое милое лицо и прелестные большіе глаза нѣжными поцѣлуями.

Навсегда твоя собственная
«Солнышко«.

№ 59.

7 апрѣля 1915 г.

Мой любимый,

Шлю тебѣ на завтра нѣжныя пожеланія. Это первый разъ за 21 годъ, что мы не проводимъ этой годовщины[1] вмѣстѣ. Какъ ясно все вспоминаешь! О, дорогой мой мальчикъ, сколько счастья и любви ты далъ мнѣ за всѣ эти годы. Богъ поистинѣ щедро благословилъ нашу супружескую жизнь. За все, за все благодаритъ тебя твоя женка изъ глубины большого любящаго сердца. Пусть всемогущій Богъ поможетъ мнѣ быть достойной твоей помощницей, мое милое сокровище, мое солнце, отецъ моего солнечнаго луча.

Тюдельсъ сейчасъ принесъ мнѣ твое дорогое письмо. Благодарю за него отъ всего сердца — такая радость, когда я ихъ получаю и много разъ перечитываю. Я могу себѣ представить, какое было смѣшное зрѣлище, когда *Граббе* завязъ въ болотѣ. Я увѣрена, что эти прогулки безконечно полезны. Какъ интересно все, что ты собираешься дѣлать. Когда А(ня) сказала ему[2] по секрету — такъ какъ я хотѣла Его особой молитвы за тебя — Онъ (это довольно любопытно) сказалъ тоже самое, что я, что въ общемъ это Ему не нравится.[3] *Господь пронесетъ, но безвременно (слишкомъ рано) теперь ѣхать, никого не замѣтить, народа своего не увидѣть, конечно, интересно, но лучше послѣ войны».* Ему не нравится, что Н(иколаша) съ тобой ѣдетъ. Онъ находитъ, что тебѣ вездѣ лучше быть одному — и съ этимъ я совершенно согласна. Ну, разъ теперь все устроено, я надѣюсь, что все будетъ успѣшно и въ особенности, что ты увидишь всѣ тѣ войска,

---

[1] Рѣчь идетъ о днѣ, когда Императрица стала невѣстой.

[2] Распутину.

[3] Рѣчь идетъ о поѣздкѣ въ Львовъ и Перемышль.

которыя хочешь увидѣть — они будутъ рады тебя видѣть и для нихъ это награда. Богъ да благословитъ и охранитъ эту твою поѣздку. Вѣроятно, ты увидишь и Ксенію, и Ольгу, и *Сандро*[1]. Если ты увидишь гдѣ нибудь сестру, одѣтую всю въ черномъ, это — г-жа Гартвигъ (фонъ Визинъ)[2] — она во главѣ моего *склада* и часто бываетъ на станціи. Я чувствую себя болѣе или менѣе по прежнему, 37,2 вечеромъ, 36,6 сегодня утромъ и тамъ еще есть маленькая краснота.

Я такъ рада, что ты посылаешь Фред. по желѣзной дорогѣ въ Л. Утро сѣрое, довольно дождливое. Мои письма такія скучныя, мнѣ только приходится читать *«докладъ»* и это все. Видѣть людей меня слишкомъ утомляетъ, хотя мнѣ очень хотѣлось бы на минутку увидѣть *Кож.*, *Род.* и *Кубл.* — они будутъ у Ани отъ трехъ до четырехъ, они уѣзжаютъ сегодня вечеромъ въ О. Скажи Фред., что я посылаю ему привѣтъ и прошу его быть очень хорошимъ и осторожнымъ и помнить, что онъ уже пересталъ быть разнузданнымъ молодымъ *«корнетомъ»*. — Посылаю тебѣ нѣсколько ландышей, я ихъ цѣловала, они должны наполнить твое маленькое отдѣленіе благоуханіемъ. Записку къ *Ольгѣ* пошли черезъ прислугу въ Львовѣ, такъ какъ ты не будешь имѣть времени объ этомъ подумать. Я видѣла *Род.* и *Кубл.*, оба выглядятъ хорошо и загорѣли — кажется мнѣ, что они очень хотѣли бы отправиться съ *пластунами* и не только къ концу (говорятъ, что ихъ слѣдуетъ щадить), но этого они мнѣ не говорили. Теперь всѣ и Беби пьютъ чай у Ани. Она приходила сегодня утромъ. Мои благословенія и нѣжнѣйшія молитвы окружаютъ тебя. Тысяча поцѣлуевъ.

Навсегда твоя старая женка.

Понятно, я не буду удивлена, если ты на день или на два опоздаешь возвращеніемъ. Можетъ быть тебѣ также захочется слетать въ Ливадію. Всѣ дѣти тебя цѣлуютъ. Они и я посылаютъ привѣтъ *Н. П.*

Послала тебѣ *ропшинской* земляники.

№ 60.

8 апрѣля 1915 г.

Мой любимый мужъ,

Мои молитвы и признательныя мысли, полныя глубочайшей любви, витаютъ вокругъ тебя въ эту дорогую годовщину. Какъ годы проходятъ! Уже 21 годъ. Ты знаешь, я сохранила сѣрое платье princesse, которое я носила въ это утро. И я буду носить твою дорогую брошку.

---

[1] В. Кн. Александръ Михайловичъ.

[2] Рожденная Карцева, вдова незадолго до того умершаго русскаго посланника въ Сербіи (по первому браку фонъ-Визинъ).

Боже мой, какъ много мы прожили вмѣстѣ въ эти годы — вездѣ тяжкія испытанія, но дома, въ нашемъ гнѣздѣ, яркое солнце.

Посылаю тебѣ на память образъ *св. Симеона В.* Оставляй его всегда въ своемъ отдѣленіи какъ ангела хранителя — тебѣ понравится запахъ дерева.

Такой солнечный день. *У* бѣдной *г-жи Вильчковской* будетъ вырѣзанъ апендицитъ — она лежитъ въ нашей маленькой палатѣ, гдѣ Аня была въ первую ночь. Говорятъ, что она выглядитъ такой чистенькой и аппетитной въ бѣломъ и въ кружевахъ съ красивыми лентами въ кофточкѣ и волосахъ. *Наврузовъ,* который опять тамъ, приходитъ и смотритъ за ней, записываетъ ея температуру и очень трогателенъ съ ней. Я въ отчаяніи, что меня съ ней нѣтъ. Душка моя, какъ мнѣ поблагодарить тебя за этотъ идеально прелестный крестъ. Ты меня балуешь, я ни на секунду не думала, что тебѣ придетъ въ голову мнѣ что либо подарить. Какъ онъ прелестенъ! Я его буду носить сегодня — какъ разъ то, что я люблю, и мы этого еще не видѣли. И твоя записка и дорогое письмо — все пришло вмѣстѣ послѣ визита доктора. Онъ меня выпускаетъ на балконъ, такъ что я попрошу Аню туда придти. Я теперь вижу, зачѣмъ ты берешь съ собой Н(иколашу). Спасибо за объясненія, милушка.

Милый, цвѣтокъ я спрятала себѣ въ евангеліе. Мы рвали всегда эти цвѣты весной на лугу въ Wolfsgarten, передъ большимъ домомъ. Я увѣрена, что ты вернешься съ пріятнымъ загаромъ. У меня горло почти совсѣмъ въ порядкѣ, но сердце еще невполнѣ нормально, хотя и принимаю капли, и остаюсь очень покойной.

Я слышу, какъ звонятъ церковные колокола, и мнѣ хочется отправиться къ *Знаменью* и тамъ за тебя помолиться. Ну, что же, моя свѣча тамъ горитъ за тебя, мое сокровище. Кончаю письмо къ тебѣ на диванѣ. Большія дѣвочки въ городѣ, маленькія — гуляли, потомъ были въ лазаретѣ, и теперь у нихъ урокъ, Беби въ саду. Я лежала три четверти часа на балконѣ — такъ странно быть на воздухѣ. Это случается такъ рѣдко, что я попадаю на свѣжій воздухъ. Птички пѣли во-всю — вся природа воскресаетъ и хвалитъ Господа. Это вдвойнѣ даетъ чувствовать страданія войны и кровопролитія. Но подобно тому, какъ вслѣдъ за зимой шествуетъ лѣто, такъ послѣ страданій и битвы пусть миръ и утѣшеніе найдутъ свое мѣсто въ этомъ мірѣ и пусть вся ненависть прекратится, и наша возлюбленная страна разовьетъ свою красу во всѣхъ смыслахъ слова.

Это новое рожденіе — новое начало, очищеніе души и разума. Только надо ихъ вести по прямому пути и по правильной дорогѣ. Такъ много работы, пусть всѣ храбро работаютъ рука въ руку, помогая, а не препятствуя работѣ во имя единаго великаго дѣла, а не ради лич-

наго успѣха и славы. Только что получила твою дорогую телеграмму, за которую нѣжно цѣлую. Операція г-жи *Вильчковской* благополучно прошла. Моя глупая температура уже теперь 37,1, но я думаю, что это не имѣетъ значенія. Я ношу твой крестъ на моемъ сѣромъ капотѣ, онъ выглядитъ такъ красиво. Также я надѣла твою дорогую брошку, подаренную 21 годъ назадъ. Милое сокровище, я теперь должна кончать.

Богъ да благословитъ и защититъ тебя на твоемъ пути. Ты безъ сомнѣнія получишь это письмо въ Львовѣ. Передай мой привѣтъ Ксеніи, Ольгѣ и *Сандро*. Посылаю тебѣ крошечную фотографію, которую я сняла съ Агунюшки на яхтѣ въ прошломъ году. Нѣжно благословляю и тысячу разъ цѣлую тебя.

Навсегда, милый Ники, твоя старая женка.

№ 61.

9 апрѣля 1915 г.

Моя душка,

Сегодня опять такое солнечное утро. Плохо спала, сердце еще расширено. Вчера въ шесть температура 37,3½, въ одиннадцать — 37,2. Сегодня утромъ 36,5 — такая «инфекція» обыкновенно дѣйствуетъ на не очень крѣпкое сердце и, такъ какъ мое сердце опять такъ устало, понятно я это сильнѣе чувствую. *Боткинъ* къ моему удивленію появился. Завтра *Сиротининъ*[1] приходитъ въ послѣдній разъ. Посылаю тебѣ французское письмо отъ Алексѣя и письмо отъ *Анастасіи*. Я носила твой прелестный крестъ также вечеромъ, лежа въ постели. Мои мысли все время съ тобой, и мнѣ такъ хочется знать, что ты дѣлаешь и какъ поживаешь. Какая интересная поѣздка! Надѣюсь, что кто нибудь будетъ дѣлать снимки.

Я получила извѣстіе отъ моего *летучаго склада* № 5, что *Брусиловъ* его осматривалъ и былъ очень доволенъ принесенной имъ помощью. Они привозятъ подарки, лекарства, бѣлье, сапоги и возвращаются съ ранеными. У болѣе крупныхъ имѣется кухня и священникъ. Все это благодаря маленькому Мекку. Сейчасъ было такъ темно, и потомъ былъ сильный ливень и еще пойдетъ дождь, такъ что я не пойду на балконъ, а кромѣ того вѣтрено. Аня по прежнему собирается придти, хотя я ей настойчиво совѣтовала этого не дѣлать — она только промокнетъ, и «*Жукъ*» также насквозь вымокнетъ (только для того, чтобы быть у меня); это эгоизмъ и глупо. Она могла бы провести одинъ день, не видавъ меня, но она хочетъ большаго и говоритъ, что одного

[1] Извѣстный врачъ, лейбъ-медикъ проф. В. Н. Сиротининъ.

часа и такъ уже мало. Но мнѣ хотѣлось бы поменьше за разъ, такъ какъ я все еще такъ устаю. Спасибо тебѣ за твое письмо изъ *Бродъ*. Какъ я была рада узнать, что у тебя хорошая погода. Нашъ Другъ благословляетъ твою поѣздку. Я продолжаю думать о тебѣ все время. Сегодня послѣ полудня погода поправилась, но я слишкомъ устала, чтобы выйти. Я принимала *Хлѣбникова*, моего эксъ-улана, который служитъ на гражданской службѣ въ Крыму изъ-за своего здоровья. Я помогла ему попасть въ полкъ, какъ только началась война. (Онъ выглядитъ и чувствуетъ себя превосходно.) Говорилъ мнѣ о пропавшемъ *взводѣ* шестого эскадрона. Десять человѣкъ убѣжало и вернулось въ полкъ послѣ блужданій по лѣсамъ въ крестьянской одеждѣ. Потомъ былъ Апраксинъ, котораго не видѣла четыре мѣсяца. Аня просидѣла часъ. Теперь у нея нашъ Другъ, и дѣвочки послѣ прогулки и катанія отправились въ Большой Дворецъ. Беби въ саду. Я ношу твой чудесный крестъ.

Богъ да благословитъ тебя, да охранитъ и руководитъ тобой. Нѣжные поцѣлуи отъ твоей собственной женки.

Мой привѣтъ старику и *Н. П.* Сообщи ему свѣдѣнія о моемъ здоровьи. Сейчасъ у меня опять 37,1.

№ 62.

10 апрѣля 1915 г.

Мое собственное сокровище.

Я хотѣла бы знать, гдѣ и когда это письмо дойдетъ до тебя. Я такъ благодарю тебя за телеграмму вчера вечеромъ. Въ самомъ дѣлѣ, твое путешествіе должно быть очень интересно — и такъ должно волновать зрѣлище всѣхъ дорогихъ могилъ нашихъ храбрыхъ героевъ. Навѣрное, ты мнѣ массу разскаешь по возвращеніи. Навѣрное, трудно тебѣ писать свой дневникъ, когда столько различныхъ впечатлѣній. Какъ счастлива будетъ милая *Ольга* тебя увидѣть. Ксенія прислала такую хорошую телеграмму послѣ твоего пріѣзда.

Хотѣла бы знать, взялъ ли ты съ собой Шавельскаго.

Аня передала нашему Другу то, что ты телеграфировалъ. Онъ благословляетъ тебя и такъ доволенъ, что ты счастливъ. Сегодня утромъ погода будетъ лучше, я думаю, такъ что я могу лежать на воздухѣ. Сердце все еще расширено, температура поднялась до 37,2 Теперь 36,5, и все же я такъ слаба. Они собираются давать мнѣ желѣзо.

Гр.[1] нѣсколько разстроенъ исторіями съ «мясомъ». Торговцы не

[1] Распутинъ.

хотятъ спустить цѣну, хотя правительство этого желало, и произошло нѣчто вродѣ мясной забастовки, какъ говорятъ. Онъ думаетъ, что кто нибудь изъ министровъ долженъ былъ бы вызвать нѣсколькихъ главныхъ торговцевъ и объяснить имъ, что это очень дурно — въ такую тяжелую минуту во время войны подымать цѣны, — и устыдить ихъ.

Я прочла газеты и не нашла ничего интереснаго. Мари идетъ на кладбище, чтобы возложить цвѣты на могилу бѣднаго *Грабового.* Сегодня 40 дней, что онъ скончался. Такъ проходитъ время. Г-жа *Вильчковская* поправляется. Я видѣла *Алейникова* (и жену), пять мѣсяцевъ онъ лежалъ въ Большомъ Дворцѣ — ему хочется продолжать службу, но его рука все еще такъ болитъ (правая рука отрѣзана у самаго плеча) и ему надо принимать грязевыя ванны. Потомъ *Роблева,* который возвращается въ свой полкъ, а затѣмъ Грюнвальда [1] съ привѣтствіями отъ тебя, моя душка. Я лежала полчаса на балконѣ; было совсѣмъ тепло. Теперь Аня приходитъ, итакъ, прощаюсь, да благословитъ тебя Господь. Осыпаю твое лицо нѣжнѣйшими поцѣлуями.

Милый Ники, остаюсь твоя навсегда

старая женка.

№ 63.

11 апрѣля 1915 г.

Моя дорогая душка,

Вчера твоя милая телеграмма насъ такъ осчастливила. Слава Богу, что у тебя такія прекрасныя впечатлѣнія — что ты могъ видѣть *Кавк. корп.*(усъ) и что для твоей поѣздки Богъ послалъ лѣтнюю погоду. Въ газетахъ я читала короткую телеграмму Фред. изъ Львова съ сообщеніемъ насчетъ собора, крестьянъ и т. д., обѣда и назначенія Бобр. [2] въ твою свиту. Какія большія историческія минуты! Нашъ Другъ въ восторгѣ и благословляетъ тебя. Теперь я прочла въ «*Новомъ Времени*» все про тебя. Я такъ тронута и горжусь моимъ душкой. И твои нѣсколько словъ на балконѣ — какъ разъ то, что надо было сказать. Богъ да благословитъ и объединитъ въ глубокомъ историческомъ и религіозномъ смыслѣ слова эти славянскія страны съ ихъ старой матерью Россіей. Все приходитъ во время, и теперь мы достаточно сильны, чтобы ихъ удержать за собой, прежде мы не могли бы это сдѣлать — тѣмъ не менѣе мы должны «внутри» стать еще сильнѣе и болѣе объединенными во всѣхъ отношеніяхъ, такъ чтобы управлять крѣпче и съ бо́льшимъ авторитетомъ.

---

[1] Ген. Грюнвальда, завѣдующаго придв. конюшенной частью.
[2] Гр. Г. А. Бобринскій, ген.-губ. Галиціи.

Какъ будетъ радоваться И. Н. I[1]! Онъ видитъ, какъ его правнукъ вновь завоевываетъ эти провинціи далекаго прошлаго, и видитъ мщеніе за предательство Австріи по отношенію къ нему. И ты лично покорилъ тысячу сердецъ, навѣрное, твоимъ милымъ, нѣжнымъ, кроткимъ существомъ и сіяющими чистыми глазами — каждый покоряетъ тѣмъ, чѣмъ Богъ его одарилъ — каждый своимъ путемъ. Богъ да благословитъ твою поѣздку. Я увѣрена, что она укрѣпитъ силу нашихъ войскъ — если они въ этомъ нуждаются. Я рада, что Ксенія и Ольга увидѣли этотъ великій моментъ. Какъ хорошо, что ты посѣтилъ Ольгинъ лазаретъ — это награда за ея неутомимую работу.

Только что я получила твою телеграмму изъ *Перем.*(ышля) и планы на сегодня. А теперь твое милое письмо отъ 8-го, за которое тысячу разъ нѣжно благодарю. Такая радость получать письма отъ тебя, я такъ ихъ люблю. Прилагаю расшифрованную телеграмму отъ Эллы. Я ее посылаю на случай, что ты бы захотѣлъ о ней какъ нибудь упомянуть или выяснить у желѣзнодорожнаго начальства, правда ли это. Мнѣ пришлось прочесть массу *докладовъ*, а теперь я должна вставать и окончить ихъ попозже.

Я получила страшно трогательную телеграмму отъ Бебинаго *Грузинскаго* полка.

Ахмизуры вернулся и сказалъ имъ, что онъ тебя видѣлъ, и передалъ нашъ привѣтъ, и благодарилъ за то, что я ходила за ихъ офицерами и т. д.

М-мъ Зизи послѣ завтрака пришла съ бумагами — потомъ мой Сибирскій «*желѣзный*» приходилъ прощаться. Потомъ я лежала на балконѣ три четверти часа, и старшая сестра *(Любуша)* изъ Большого Дворца сидѣла со мной. Аня пришла съ двѣнадцати до часу, какъ всегда. Мой поѣздъ № 66 только что былъ въ *Бродахъ*, чтобы привезти раненыхъ — массу солдатъ, свыше 400, и только два офицера.

Прощай, моя душка, — мнѣ такъ хотѣлось бы знать, гдѣ ты собираешься увидѣть *Иванова*[2] и *Алексѣева*[3], и можешь ли ты въ этотъ разъ до нихъ добраться. Прощай, Богъ да благословитъ и охранитъ тебя. Нѣжные поцѣлуи отъ

твоей собственной женки.

Дѣти всѣ тебя цѣлуютъ и шлютъ привѣтъ старику и Н. П.

---

[1] Императоръ Николай I.
[2] Ген. Н. I. Иванова.
[3] Ген. М. В. Алексѣева.

№ 64.

12 апрѣля 1915 г.

Любимый,

Гдѣ-то ты? Ксенія телеграфировала, что вы вмѣстѣ обѣдали передъ твоимъ отъѣздомъ. Я должна взглянуть въ газеты. До сихъ поръ я ложусь въ кровать въ шесть и больше не встаю, и не лежу съ двѣнадцати до шести. Дѣти отправились въ церковь. У Беби нога не совсѣмъ въ порядкѣ, такъ что его носятъ и возятъ, но онъ не страдаетъ. Онъ игралъ въ «колорито» на моей постели сегодня утромъ до прогулки. Погода очень солнечная, хотя по временамъ черныя тучи все закрываютъ. Я надѣюсь, что мнѣ можно будетъ опять лежать на воздухѣ. Я принимаю массу желѣза и мышьяку, и сердечныя капли и теперь, наконецъ, чувствую себя немного сильнѣе.

Мы видѣли милую маленькую г-жу *Пурцеладзе* и ея очаровательнаго беби вчера. Она такое храброе маленькое существо — она получаетъ письма отъ него, но не знаетъ, тяжело ли онъ раненъ и какой за нимъ уходъ, объ этомъ онъ не смѣетъ писать, но слава Богу онъ живъ.

Я лежала два часа на балконѣ, и Аня сидѣла со мной. Беби катался на своемъ моторѣ, а потомъ въ маленькомъ экипажѣ.

Я принимала моего *Княжевича*, онъ намѣренъ вернуться къ уланамъ — черезъ *Ставку* — но бѣдняга сомнѣвается, чтобы онъ могъ продолжать командовать полкомъ, такъ какъ онъ боится, что не можетъ ѣздить верхомъ изъ за своихъ почекъ. Если это такъ, то онъ вернется и будетъ искать другой службы, такъ какъ считаетъ, что было бы по отношенію къ полку непорядочно (поступить иначе). Дорогой мой, сегодня совсѣмъ весна, такъ прелестно.

Благословляю и цѣлую тебя безъ конца, отъ всей глубины моей великой любви. Прощай душка,

Навсегда твоя собственная старая

«Солнышко».

Около 16 уланъ спаслось — двое сѣли на лошадей нѣмецкихъ офицеровъ и помчались обратно — съ ними хорошо обращались.

Много привѣтствій старику, маленькому адмиралу, *Граббе* и *Н. П.*

Всѣ дѣти тебя нѣжно цѣлуютъ. Ты мнѣ такъ недостаешь, дорогое солнышко нашего маленькаго дома.

Правда ли, что *Мдивани* получилъ другое назначеніе, и кто его преемникъ?

№ 65.

13 апрѣля 1915 г.

Моя жизнь,

Такое великолѣпное солнечное утро. Вчера я лежала два часа на воздухѣ. Сегодня буду лежать въ двѣнадцать и потомъ, думаю, опять послѣ завтрака. Сердце не расширено, воздухъ и лекарство помогаютъ, и я рѣшительно чувствую себя лучше и сильнѣе, слава Богу. Завтра шесть недѣль, что я въ послѣднiй разъ работала въ лазаретѣ. Командиръ Бебиныхъ «*грузинцевъ*» сидѣлъ со мной вчера полчаса — такой прiятный человѣкъ. Раньше онъ былъ въ Генеральномъ штабѣ, нач. *пограничной стражи*» на Кавказѣ и громко восхваляетъ свой полкъ и бѣднаго *Грабового* — повидимому *Мищенко* дважды упомянулъ о молодомъ офицерѣ въ своихъ *приказахъ* (онъ долженъ былъ получить Георгiевскiй крестъ и оружiе, командиръ представилъ его къ тому и другому). Я къ обѣду перешла на диванъ и оставалась до одиннадцати.

Представь себѣ, въ лазаретѣ Ольги Орловой[1] былъ подростокъ *Шведовъ* съ Георгiевскимъ крестомъ. Въ концѣ концовъ въ немъ было что то сомнительное (louche). Какъ могъ *вольноопредѣляющiйся* имѣть офицерскiй крестъ? Мнѣ онъ сказалъ, что онъ никогда не былъ *вольноопредѣляющимся*, на видъ совсѣмъ былъ мальчикъ. Онъ выписался. На его столѣ нашли нѣмецкiй шифръ — и теперь мнѣ говорятъ, что его повѣсили. Какъ ужасно! И я помню, онъ просилъ дать ему наши фотографiи съ автографами! Какъ можно было запутать такого мальчика? Беби только что принесъ одну изъ этихъ нѣмецкихъ стрѣлъ, которыя сбрасываютъ съ аэроплана. Какая она страшно острая. Ее привезъ Романовскiй (развѣ онъ летчикъ?) и просилъ Бебину карточку. Аэропланъ лежитъ гдѣ то здѣсь. Беби забылъ, откуда его привезли.

Такъ теперь ты ѣдешь на Югъ. Не удалось добраться до твоихъ генераловъ? Сегодня ты, можетъ быть, уже въ Одессѣ. Какъ ты загоришь! Я шопотомъ передаю просьбу Кирилла, которую онъ сообщилъ *Н. П.*, а этотъ повторилъ мимоходомъ Анѣ (ибо онъ думалъ, что не можетъ объ этомъ сказать тебѣ). Онъ надѣется, что ты его возьмешь въ *Николаевъ* и *Севастополь*. Я объ этомъ только такъ упоминаю, потому что думаю у тебя для него не будетъ мѣста.

Наши дорогiе матросы, какъ я рада, что ты ихъ увидишь. Теперь ты узнаешь, сколько имѣется пластунскихъ батальоновъ и когда я могу послать образа.

[1] Княгиня О. Э. Орлова, рожд. княжна Бѣлосельская-Бѣлозерская.

Нашъ Другъ доволенъ, что ты поѣхалъ на Югъ. Онъ такъ усердно молился всѣ эти ночи, еле спалъ. Такъ за тебя тревожился. Первый попавшійся, гнусный, поганый еврей могъ бы сдѣлать скандалъ.

Только что получила твою телеграмму изъ Проскурова, это хорошо, что ты увидишь *Заамурскихъ пограничниковъ* въ *Каменецъ-Подольскѣ*. Въ самомъ дѣлѣ это путешествіе, наконецъ, даетъ тебѣ возможность побольше увидѣть, и ты общаешься съ войсками.

Я люблю знать, что̀ ты дѣлаешь и видишь неожиданныя вещи, не все то, что напередъ распланировано и размѣчено — à la lettre — но неожиданныя вещи (когда они возможны) болѣе интересны. Какую массу тебѣ придется писать въ своемъ дневникѣ и только во время остановокъ.

Мы оставались только полчаса на балконѣ, стало слишкомъ вѣтряно и свѣжо. Я принимала двухъ офицеровъ послѣ завтрака, потомъ Изу, потомъ Соню больше часа, потомъ м-мъ Зизи и въ четыре съ половиной *Наврузова,* такъ какъ мнѣ такъ хочется его еще увидѣть.

Я надѣюсь, что остальная часть поѣздки пройдетъ благополучно.

Прощай, Богъ да благословитъ и охранитъ тебя, мой ангелъ. Осыпаю твое дорогое лицо поцѣлуями и остаюсь

твоя навсегда горячо любящая старая жена

Аликсъ.

Поклонъ твоей свитѣ.

16 го день рожденія *Н. П.* Спроси *Н. П.:* тотъ *Николай Ивановичъ Чагинъ,* который умеръ, братъ ли онъ Иванъ Ивановича *генерала-отъ-инфантеріи),* который, говорятъ, въ *Петроградѣ.* Я только знаю, что у него былъ братъ въ Москвѣ и былъ одинъ, который умеръ, архитекторъ.

№ 66.

14 апрѣля 1915 г.

Мой любимый,

Представь себѣ, идетъ легкій снѣгъ при сильномъ вѣтрѣ. Я такъ благодарю за твою дорогую телеграмму. Это былъ сюрпризъ, что ты видѣлъ моихъ *крымцевъ.* Я такъ рада и буду съ нетерпѣніемъ ожидать извѣстій о нихъ и объясненія, зачѣмъ они тамъ были. Какая радость для нихъ. У бѣдной Ани опять флебитъ въ правой ногѣ и сильныя боли, такъ что пришлось прервать массажъ, и она не можетъ ходить. Но ее можно катать въ креслѣ, такъ какъ воздухъ ей полезенъ. Бѣдная дѣвушка, она теперь въ самомъ дѣлѣ ведетъ себя хорошо и все переноситъ терпѣливо — и это какъ разъ, когда надѣялись снять парижскій пластырь *(гипсъ).*

Вчера утромъ въ первый разъ она прошла на своихъ костыляхъ въ столовую безъ чужой поддержки. Страшно не везетъ.

Наврузовъ сидѣлъ у меня вчера съ полчаса и былъ милъ. Сегодня *князь Геловани* придетъ, такъ какъ я только разъ его видѣла мимоходомъ, и мнѣ полезно ихъ видѣть. Это освѣжаетъ.

Чувствую себя лучше и въ первый разъ надѣну корсетъ. Ну, Аня пришла на два часа, а теперь *князь Геловани* приходитъ ко мнѣ, это устроила Татьяна. Очень вѣтряно, но солнечно. Моя любовь и нѣжныя мысли слѣдуютъ за тобой. Господь да благословитъ и охранитъ мое солнышко. Нѣжные поцѣлуи отъ твоей старой

«Солнышко».

Всѣмъ кланяюсь.

Посылаю тебѣ нѣсколько ландышей, чтобы поставить на письменный столъ. Тамъ есть стаканы, которые всегда приносили для моихъ цвѣтовъ. Я поцѣловала нѣжные цвѣты, и ты ихъ также поцѣлуй.

№ 67.

15 апрѣля 1915 г.

Мое дорогое сокровище,

Вѣтряный холодный день. Ночью былъ морозъ, идетъ *Ладожскій* ледъ, такъ что мнѣ нельзя будетъ лежать на воздухѣ. Вчера вечеромъ опять температура 37,2, но это ничего не значитъ, такъ какъ я себя чувствую значительно крѣпче, потому я сегодня днемъ пойду къ Анѣ и тамъ увижу нашего Друга, который хочетъ со мной повидаться. Въ одиннадцать съ половиной у меня *Вильчк.* съ *докладомъ*, который продлится навѣрное часъ, потомъ Шуленбургъ съ его бумагами въ половинѣ перваго, а въ два *Витте* со своими дѣлами, посланный Раухфусомъ [1].

Вчера *Геловани* сидѣлъ полчаса со мной. Много говорилъ о полкѣ.

Ты навѣрное почувствовалъ большое утомленіе въ Одессѣ, такъ какъ въ такое короткое время сдѣлалъ такъ много. И наши дорогіе матросы, и два госпиталя — это въ самомъ дѣлѣ хорошо и должно было обрадовать всѣ сердца.

Я хотѣла бы знать, что это за *женск. легіонъ*, который формируется въ *Кіевѣ*. Если только для того, чтобы какъ въ Англіи выносить раненыхъ и помогать имъ въ качествѣ санитаровъ, тогда можетъ быть это хорошо — но я лично не позволила бы женщинамъ отправляться туда en masse — форма сестры милосердія есть все же защита, и онѣ держатся иначе. Но чѣмъ будутъ эти?

---

[1] Лейбъ-педіаторъ, извѣстный врачъ.

Если онѣ не будутъ въ очень строгихъ рукахъ и подъ хорошимъ надзоромъ, онѣ много могутъ надѣлать. Съ санитарными *отрядами* небольшое ихъ число могло бы принести пользу, но цѣлой группой — нѣтъ — это не ихъ мѣсто. Пусть онѣ тамъ ухаживаютъ за ранеными, образуютъ *отряды* сестеръ. Есть англійская дама, которая дѣлаетъ чудеса въ Бельгіи, нося военную форму и короткую юбку — она ѣздитъ и подбираетъ раненыхъ, летаетъ повсюду, чтобы найти повозки для доставленія ихъ въ ближайшій лазаретъ, перевязываетъ ихъ раны и разъ даже читала молитвы надъ могилой молодого англійскаго офицера, который умеръ на чердакѣ въ бельгійскомъ городѣ, взятомъ нѣмцами, гдѣ не смѣли служить настоящую погребальную службу. Наши женщины менѣе хорошо воспитаны, и у нихъ нѣтъ дисциплины, такъ что я не знаю, какъ онѣ будутъ дѣйствовать en masse — я недоумѣваю, кто позволилъ имъ формироваться.

Я думаю, ты можешь получить эти строки до отъѣзда изъ *Севастополя*. Дорогое Черное море!

И плодовыя деревья всѣ въ цвѣту. Слетать на короткое время въ *Ливадію* и *Ялту* было бы прелестно, я увѣрена. У Ани ногѣ совсѣмъ нехорошо. Такія красныя пятна. Я боюсь, что этотъ флебитъ можетъ продлиться нѣкоторое время. Ея мать тоже опять больна, и Аля, и дѣти.

Ну, это былъ сюрпризъ, твое дорогое письмо и милый цвѣтокъ въ письмѣ. Такъ тебя благодарю! Очень интересно все твое путешествіе и все, что ты писалъ — словно все это видишь. Отъ *Ольги* я тоже получила письмо съ ея впечатлѣніями — какъ она счастлива, что видѣла тебя.

Такъ холодно. И вѣтеръ воетъ въ каминѣ. Беби ѣздилъ кататься утромъ и теперь опять поѣдетъ. У его мотора болѣе сильная машина, и онъ идетъ очень быстро; mr. Жильяръ и *Дер.*[1] слѣдуютъ за нимъ въ большомъ моторѣ.

Дорогой мой, я думаю, ты въ *Николаевѣ* теперь — интересно все, что ты увидишь. Вдохни въ людей энергію, чтобы они скорѣе строили и закончили наши суда. Прощай, мой милый муженекъ, Богъ да благословитъ и защититъ тебя. Цѣлую тебя нѣжно и съ глубочайшей любовью.

Навсегда твоя старая женка.

Привѣтъ Фредериксу.

[1] Деревенько.

№ 68. 16 апрѣля 1915 г.

Моя душка,

Я только что пожирала газеты съ длинными телеграммами Фредерикса о твой поѣздкѣ. Ты сдѣлалъ и видѣлъ массу. Я въ восторгѣ. И также былъ въ лазаретахъ. Нѣкоторые изъ нашихъ раненыхъ офицеровъ теперь въ Одессѣ и навѣрное тамъ тебя увидѣли. Но ты долженъ быть очень утомленъ.

Какъ жаль, что ты не можешь имѣть одинъ спокойный день для отдыха на Югѣ, чтобы спокойно насладиться солнцемъ и цвѣтами. Жизнь по возвращенiи сюда такъ ужасно утомительна и всегда суетлива для тебя, мое бѣдное сокровище. Я хотѣла бы, чтобы погода опять стала теплой и хорошей къ твоему возвращенiю, и Бебина нога (бы поправилась).

Онъ очень осторожень съ нею. Я думаю, сознательно.

Сегодня утромъ онъ катается съ м-ръ Гиббсъ [1].

Я надѣялась пройти въ нашъ лазаретъ, тамъ посидѣть немного, но сердце опять немного расширено, такъ что приходится оставаться дома.

Нашъ Другъ былъ недолго у Ани вчера, но былъ очень добръ. Массу о тебѣ разспрашивалъ. Сегодня я принимаю двухъ офицеровъ, возвращающихся на фронтъ, твоего *Кобылина* также и потомъ Данини, и двухъ другихъ, которыхъ я послала въ *Евпаторiю,* чтобы выбрать санаторiю. Мы взяли одну на годъ — деньги, которыя ты мнѣ далъ, покрываютъ издержки. Тамъ есть грязи, солнце, море, песочныя ванны, Цандеровскiй институтъ, электричество, водяное леченiе, садъ и пляжъ поблизости. 170 человѣкъ, а зимой 75 — это великолѣпно.

Я хочу попросить *Дувана,* который тамъ выстроилъ театръ, улицы и т. д., быть зав. хоз. *Княжевичъ* думаетъ, что онъ можетъ также помогать матерiально. Ксенiя также вернулась, говорятъ.

Какъ радъ ты будешь увидѣть своихъ *пластуновъ* сегодня! Ну, мое сокровище, я должна теперь проститься. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя. Цѣлую тебя еще и еще съ нѣжностью и остаюсь твоя

любящая старая женка.

Какъ-то Фредериксъ поживаетъ! Кланяюсь ему и *Н. П.*

№ 69.

17 апрѣля 1915 г.

Мой милый,

Сегодня ярко, солнечно, но холодно. Я часъ лежала на балконѣ и нашла, что слишкомъ свѣжо. Вчера Павелъ приходилъ къ чаю. Онъ

[1] Англичанинъ-воспитатель Наслѣдника.

сказалъ мнѣ, что только что получилъ письмо отъ Мари[1] съ сообщеніемъ о твоемъ разговорѣ въ поѣздѣ относительно Дмитрія[2]. Онъ послалъ за мальчикомъ вчера вечеромъ и собирался съ нимъ имѣть серьезный разговоръ. Онъ также крайне возмущенъ поведеніемъ мальчика въ городѣ и т. д.

Вечеромъ въ 8 час. 20 мин. произошелъ этотъ взрывъ[3] — посылаю тебѣ донесеніе Оболенскаго[4]. Теперь я телефонировала Сергѣю[5], чтобы освѣдомиться — говорятъ, полтораста тяжело раненыхъ. Сколько убитыхъ никто не можетъ сказать, такъ какъ собираютъ кусочки. Когда оставшіеся рабочіе будутъ собраны, тогда узнаютъ, кого недостаетъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ городѣ и на улицахъ абсолютно ничего не было слышно. Здѣсь кое кто почувствовалъ этотъ взрывъ очень отчетливо, такъ что думали, что это случилось въ Царскомъ. Слава Богу, что это не былъ пороховой складъ, какъ сначала было сказано.

Я получила длинное милое письмо отъ Эрни. Покажу тебѣ его по возвращеніи. Онъ говоритъ, что «если есть кто либо, кто понимаетъ его (тебя) и знаетъ черезъ что онъ проходитъ, то это я». Онъ меня нѣжно цѣлуетъ. Онъ хотѣлъ бы найти выходъ изъ этой дилеммы и полагаетъ, что кто нибудь долженъ былъ бы начать строить мостъ для переговоровъ. Вотъ отчего у него появилась мысль совершенно частнымъ образомъ послать довѣреннаго человѣка въ Стокгольмъ, чтобы встрѣтиться съ какимъ либо лицомъ, посланнымъ тобою — (частнымъ образомъ), чтобы содѣйствовать улаженію многихъ временныхъ затрудненій. У него возникла эта мысль, въ виду того, что въ Германіи нѣтъ настоящей ненависти къ Россіи. Такъ вотъ онъ послалъ одно лицо съ тѣмъ, чтобы оно было тамъ 28-го (уже прошло два дня, а я объ этомъ узнала только сегодня), которое должно вернуться черезъ недѣлю. Въ виду этого я сейчасъ же написала письмо (все черезъ Daisy) и послала его этому лицу, говоря ему, что ты еще не вернулся, такъ что ему лучше не дожидаться, — и что, хотя всѣ жаждутъ мира, но время еще не настало.

Я хотѣла покончить съ этимъ до твоего возвращенія, такъ какъ я знала, что тебѣ это будетъ непріятно.

W.[6], понятно, ничего рѣшительно объ этомъ не знаетъ.

Онъ (Эрни) говоритъ, что во Франціи (германскія) войска стоятъ

---

[1] Дочь В. Князя.
[2] Сынъ В. Князя.
[3] На Охтенскихъ пороховыхъ заводахъ.
[4] Петербурскаго градоначальника.
[5] В. Кн. Сергѣю Михайловичу, генералъ-инспектору артиллеріи.
[6] Вильгельмъ, Герм. Императоръ.

твердой стѣной и, по словамъ его друзей, на сѣверѣ и въ Карпатахъ тоже. Они думаютъ, что у нихъ 500.000 нашихъ плѣнныхъ.

Все письмо очень милое и любящее. Я была безконечно благодарна получить его, хотя, конечно, вопросъ о посланномъ, дожидавшемся тебя, пока ты отсутствуешь, былъ сложенъ — и для Эрни это будетъ разочарованіе.

У меня сердце опять расширено, такъ что я не выхожу изъ дома. *Лили Д.*[1] придетъ ко мнѣ на полчаса. Надѣюсь, что у васъ сегодня болѣе теплая погода. Севастополь оба раза былъ непривѣтливъ.

Ксенія завтра придетъ къ завтраку.

Аня со мной сидѣла сегодня утромъ въ теченіе часа. Двѣ дочери ѣздятъ верхомъ, а двѣ катаются. Алексѣй катается на моторѣ. Я хотѣла бы знать, возвращаешься ли ты 21 или 22?

Ресинъ поѣхалъ въ городъ, чтобы осмотрѣть мѣсто (взрыва) и привезти мнѣ подробности. Какъ бы я хотѣла помочь бѣднымъ пострадавшимъ[2]!

Теперь, моя дорогая птичка, я должна кончать, такъ какъ мнѣ нужно писать для англійскаго курьера и сестрѣ Ольгѣ. Богъ да благословитъ и да охранитъ тебя. Цѣлую тебя еще и еще разъ съ нѣжнѣйшей любовью; навсегда, дорогой Ники,

Твоя старая

«Солнышко».

№ 70.

18 апрѣля 1915 г.

Мой дорогой, любимый,

Сегодня сѣрое, холодное, сырое утро. Навѣрное барометръ упалъ. Я чувствую такую тяжесть въ груди. Вчера вечеромъ Гагенторнъ[3] снялъ у Ани гипсъ съ живота, такъ что она въ восторгѣ, можетъ прямо сидѣть, и спина больше не болитъ. Потомъ ей удалось поднять лѣвую ногу въ первый разъ за три мѣсяца, это показываетъ, что кость срощается. Флебитъ на другой ногѣ очень сильный — такъ что нельзя ни одну ногу массировать. Это очень жаль. Она лежитъ на диванѣ, имѣетъ менѣе больной видъ. Она ко мнѣ приходитъ, такъ какъ я остаюсь дома изъ за своего сердца.

Сегодня утромъ я принимаю *Мекка* — онъ, между прочимъ, разскажетъ мнѣ про Львовъ, гдѣ онъ тебя видѣлъ въ церкви. Мои маленькіе *летучіе поѣзда-склады* выполняютъ тяжелую и полезную ра-

---

[1] Денъ.
[2] Государыня пожертвовала 3 тыс. р. для раздачи семьямъ пострадавшихъ.
[3] Петербургскій хирургъ.

боту въ Карпатахъ, и наши мулы носятъ необходимый грузъ въ горахъ. Тяжелые бои — у меня сердце болитъ — и на сѣверномъ фронтѣ также возобновились. Ну, вотъ, показалось ласковое солнышко. Твое маленькое растеніе стоитъ на фортепіано, и я люблю смотрѣть на него. Оно напоминаетъ мнѣ Розенау 21 годъ тому назадъ.

Нашъ Другъ говоритъ, что если распространится извѣстіе о томъ, что эта катастрофа случилась отъ *поджога*, ненависть къ Германіи усилится.

(А тутъ еще эти проклятые аэропланы въ Карпатахъ). Я собираюсь послать деньги бѣднѣйшимъ семьямъ и иконы раненымъ.

Ольга написала тебѣ подробности и, вѣроятно, другія также писали оффиціально, такъ что я больше не буду (писать объ этомъ).

Моя темп. поднялась до 37,3 вечеромъ и сегодня утромъ 37. Сердце сейчасъ не расширено. Кончу это письмо днемъ. Ксенія и Ирина съ нами завтракаютъ и, можетъ быть, къ тому времени я найду, что нибудь болѣе интересное, о чемъ тебѣ написать.

Ну, теперь онѣ ушли, Ирина похорошѣла, но только черезчуръ худа. Оказывается, у Ани въ домѣ былъ пожаръ, упала свѣчка въ комнатѣ маленькой слѣпой женщины, и вещи загорѣлись, такъ что сгорѣла часть пола въ задней комнатѣ и два ящика съ книгами. Аня очень перепугалась. Всегда та же неудача.

Теперь прощай, Богъ да благословитъ тебя. Скоро, скоро ты ко мнѣ вернешься, какая радость... Тысяча нѣжныхъ поцѣлуевъ.

Навсегда твоя старая женка.

№ 71.

19 апрѣля 1915 г.

Мой милый, дорогой муженекъ,

Такое великолѣпное солнечное утро. Наконецъ я опять могу лежать на балконѣ. Вчера г-жа *Янова* послала намъ цвѣтовъ изъ милой *Ливадіи* — глициніи, «*золотой дождь*»[1], лиловые ирисы, которые сегодня утромъ распустились, и лиловые и красные итальянскіе анемоны, которые я прежде рисовала и хочу теперь опять зарисовать, *Іудино дерево*, маленькія вѣтки, — одинъ піонъ и тюльпаны. Увидѣть ихъ въ нашихъ вазахъ, прямо наводитъ меланхолію. Неправда ли, это кажется страннымъ, ненависть и кровопролитіе, и всѣ ужасы войны, — а тамъ просто рай, солнце и цвѣты, и тишина. Это утѣшеніе, но какой контрастъ! Я надѣюсь, что тебѣ удалось хорошенько прокатиться за *Байдары*[2].

[1] Душистая желтая акація.
[2] Знаменитыя «байдарскія ворота» на дорогѣ Севастополь—Ялта.

Ну, Беби и я въ половинѣ двѣнадцатаго пошли въ церковь и пришли какъ разъ во время «*Вѣрую*» — такъ пріятно опять быть въ церкви, но ты мнѣ страшно недоставалъ, мой ангелъ. И я была утомлена и чувствовала сердце. Слѣпая Анисья причащалась св. таинъ — это она опрокинула фонарь у Ани въ домѣ и подожгла комнаты. Послѣ завтрака я вязала, лежа въ теченіе часа на балконѣ, но солнце ушло и стало холодно. Аня сидѣла со мной съ половины второго до четверти четвертаго. Такъ нѣжно благодарю тебя за дивную сирень — какое благоуханіе!

Еще и еще спасибо отъ насъ всѣхъ. Я дала немного также и Анѣ.

Дѣти раздаютъ медали въ лазаретѣ (съ Дрентельномъ), а потомъ онѣ и Беби идутъ къ Анѣ, чтобы повидаться съ двумя казаками и другомъ Мари.

Какъ хорошо, что ты сдѣлалъ Беби шефомъ одного изъ этихъ чудныхъ баталіоновъ, *Воронцовъ* послалъ мнѣ восторженную телеграмму. Жадно жду твоего возвращенія. Одиноко безъ тебя, мой дорогой, и тебѣ будетъ многое о чемъ разсказать.

Швибзигъ[1] спитъ рядомъ со мной.

Теперь прощай, мой дорогой. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя и принесетъ тебя невредимымъ домой. Нѣжные поцѣлуи отъ твоей

«Солнышко».

Привѣтъ всѣмъ.

№ 72.

20 апрѣля 1915 г.

Моя дорогая душка,

Это мое послѣднее письмо. За твое неожиданное и драгоцѣнное письмо и прелестные цвѣты нѣжно благодарю тебя. Я тоскую по чудному Крыму. Это земной рай весной. Все, что ты пишешь, такъ интересно. Какую массу ты сдѣлалъ, ты навѣрное усталъ, мой драгоцѣнный, мой муженекъ.

Да, мое сердце, я знаю, что ты одинокъ, и меня всегда такъ печалитъ, что Sunbeam недостаточно взрослый, чтобы тебя всюду сопровождать. Семья[2] — это очень хорошо, но никто изъ нихъ тебѣ не близокъ и никто по настоящему не понимаетъ тебя. Какая радость, когда ты вернешься.

---

[1] Ласкательное имя для младшей дочери Анастасіи Николаевны.
[2] Царская фамилія, въ широкомъ смыслѣ слова.

Тетка Ани очень поспѣшно вернулась изъ *Митавы,* и губернаторъ уѣхалъ со всѣми документами — паника, наступаютъ нѣмцы. У насъ тамъ нѣтъ войскъ. Германскіе *развѣдчики,* я думаю, около *Либавы.* Я увѣрена, что они хотятъ сдѣлать *дессантъ* со своими массами моряковъ (бездѣйствующими) и другими войсками, чтобы оттуда протолкнуться къ югу и взять Варшаву въ тылъ или вдоль по берегу, чтобы имѣть своихъ нѣмцевъ съ фронта. Это все время у меня было въ головѣ съ осени. Нашъ Другъ находитъ, что они страшно хитры, онъ на все смотритъ серьезно, но говоритъ, что Богъ намъ поможетъ. Мое скромное мнѣніе: почему не послать нѣсколько казачьихъ полковъ вдоль по берегу или продвинуть нашу кавалерію немного къ сѣверу по направленію къ *Либавѣ,* чтобы помѣшать имъ все разрушить и найти базу, гдѣ бы они могли закрѣпиться со своими дьявольскими аэропланами? Мы не хотимъ, чтобы они разрушали города, не говоря уже объ убійствѣ невинныхъ людей.

Беби наслаждался вчера у Ани. Сегодня молодая чета *Вороновыхъ* приходитъ пить чай, они на нѣсколько дней пріѣхали изъ Одессы. Я принимаю семь офицеровъ, возвращающихся (на фронтъ); въ числѣ другихъ генераловъ, командира Бебиныхъ *грузинцевъ,* потомъ «*батюшку*» со «Штандарта»[1], чтобы проститься передъ отъѣздомъ, потомъ Бенкендорфа и потомъ Аню.

Наконецъ, я на три четверти часа была въ лазаретѣ. Къ нашему удивленію внезапно появился *Гогоберидзе.* Онъ только провелъ одинъ мѣсяцъ въ полку и потомъ отправился въ *Батумъ,* и былъ совсѣмъ боленъ. Теперь онъ загорѣлъ какъ орѣшекъ. Онъ возвращается въ полкъ черезъ нѣсколько дней.

Опять шелъ дождь, такъ что я не буду лежать на воздухѣ. Мой милый, я должна теперь принимать всѣхъ этихъ людей, такъ что больше не могу писать. Всѣ дѣти и я цѣлуемъ тебя такъ нѣжно и горячо, любимый мой.

Дастъ Богъ, черезъ два дня ты опять будешь въ моихъ нѣжныхъ объятіяхъ. Дѣти завтра идутъ на выставку, а потомъ пьютъ чай въ *Аничковомъ.* Богъ да благословитъ и охранитъ тебя навсегда, твоя нѣжно любящая старая жена Аликсъ.

№ 73.

4 мая 1915 г.

Мой любимый,

Ты прочтешь эти строки прежде, чѣмъ лечь спать. Вспомни, что твоя женка будетъ о тебѣ молиться и думать, такъ много думать. Ты

[1] Имп. яхта.

страшно мнѣ не достаешь. Такъ грустно, что мы не проведемъ дорогой день твоего рожденія вмѣстѣ. Это въ первый разъ. Пусть Богъ тебя щедро благословитъ, дастъ тебѣ крѣпость и мудрость, утѣшеніе, здоровье, спокойствіе духа, чтобы продолжать мужественно нести тяжелый вѣнецъ, который Онъ возложилъ на твои плечи. Ахъ, это нелегкій и неудобоносимый крестъ! Какъ бы я хотѣла помочь тебѣ нести его! Въ мысляхъ и молитвахъ я всегда это дѣлаю. Я хотѣла бы облегчить твое бремя — столько тебѣ пришлось выстрадать за эти двадцать лѣтъ. И ты еще родился въ день Іова многострадальнаго, моя бѣдная душка. Богъ поможетъ тебѣ, я увѣрена, но сердце еще много будетъ болѣть и будутъ тревоги и тяжкій трудъ, который придется храбро переносить съ вѣрой въ милосердіе и безграничную мудрость Бога. Тяжело не быть въ состояніи нѣжно поцѣловать и благословить тебя въ день рожденія. По временамъ такъ устаешь отъ страданій и отъ тревоги и такъ жаждешь мира. Ахъ, когда онъ придетъ? хотѣла бы знать! Сколько еще мѣсяцевъ кровопролитія и страданій. Послѣ дождя появляется солнце, и также въ нашей дорогой странѣ наступятъ золотые дни благополучія послѣ того, какъ ея почва напоена кровью и слезами. Богъ не несправедливъ, и я къ нему питаю непоколебимое довѣріе. Но это такая мука видѣть всѣ эти страданія, — знать, что не всѣ работаютъ такъ, какъ бы слѣдовало, что мелкія личности часто портятъ великое дѣло, для котораго онѣ должны были бы работать въ униссонъ. Будь твердъ, мой дорогой, настой на своемъ, пусть другіе почувствуютъ, что ты знаешь, чего хочешь. Помни, что ты императоръ, и что другіе не смѣютъ брать на себя такъ много. Начиная съ маленькой детали, какъ было въ исторіи Ностица[1]. Онъ въ твоей свитѣ и потому Н. (Николаша) абсолютно не имѣетъ права отдавать приказанія, прежде чѣмъ не спроситъ твоего разрѣшенія.

Если бы ты сдѣлалъ что нибудь въ этомъ родѣ съ какимъ либо изъ его адъютантовъ, не предупредивъ его, какой бы онъ поднялъ скандалъ и разыгралъ бы оскорбленнаго и т. д. Не имѣя твердой увѣренности, нельзя такъ разрушить карьеру человѣка. Потомъ, милушка, если нужно назначить новаго ком. *Нижегор.*, не предложишь ли ты *Ягмина?*

Я вмѣшиваюсь въ вещи, которыя меня не касаются, но это только намекъ, — (и это, вѣдь, твой полкъ, такъ что ты можешь назначить, кого ты хочешь).

Позаботься, чтобы еврейскія исторіи были внимательно выяснены безъ излишнихъ скандаловъ, чтобы не вызвать смутъ во всей области[2].

---

[1] Ностицъ былъ удаленъ Николаемъ Николаевичемъ по подозрѣньямъ въ германскихъ симпатіяхъ, возникшимъ противъ жены его.

[2] Въ газетахъ сообщалось о выселеніи евреевъ изъ прифронтовыхъ губерній. Черезъ нѣсколько дней сообщено было о пріостановкѣ выселеній.

Постарайся, чтобы у тебя не выманили ненужныя назначенія и *награды* къ 6-ому[1]. Еще много мѣсяцевъ впереди. Не можешь ли ты слетать въ *Холмъ,* чтобы повидать *Иванова,* или остановиться на пути, чтобы повидать солдатъ, ожидающихъ отправки для пополненія полковъ.

Хотѣлось бы, чтобы каждая твоя поѣздка была не только радостью для ставки (безъ войскъ) — но для солдатъ или раненыхъ. Они больше нуждаются въ томъ, чтобы ты ихъ укрѣпилъ, и тебѣ это полезно. Дѣлай то, что ты хочешь, а не то, что хотятъ генералы. Твое присутствіе вездѣ подымаетъ бодрость.

№ 74.

5 мая 1915 г.

Мой любимый,

Посылаю тебѣ мои очень, очень нѣжныя пожеланія и благословенія по случаю дорогого дня твоего рожденія. Пусть всемогущій Богъ тебя возьметъ подъ свою святую защиту. Надѣюсь, что подсвѣчники и увеличительное стекло[2] будутъ тебѣ полезны въ поѣздѣ. Я не могла ничего найти болѣе подходящаго. Аня посылаетъ тебѣ прилагаемую карточку. Сегодня утромъ я была въ *Знаменьѣ,* а потомъ у нея на полчаса. Въ десять въ лазаретѣ операціи и *перевязки,* — времени нѣтъ писать подробности. Вернулась въ часъ съ четвертью, въ два уѣхала въ городъ. Ксенія и Георгій[3] также были въ комитетѣ. Засѣданіе продолжалось часъ десять минутъ, потомъ была въ «*складѣ*», вернулась домой въ половинѣ шестого. Теперь должна принимать крестьянъ изъ *Дудергофа* и *Колпина* съ деньгами. Фельдъегерь долженъ уѣхать въ шесть. Погода солнечная и хорошая. Я рамоли и потому не могу писать много и страшно тороплюсь.

Я спала плохо, такъ одиноко.

Мой ангелъ дорогой, цѣлую и благословляю безъ конца. Страшно грустно не проводить дорогого дня 6-го вмѣстѣ. Прощай, моя любовь, мой любимый муженекъ.

Навсегда твоя старая

«Солнышко».

---

[1] День рожденія Государя.
[2] Подарки на рожденье.
[3] В. Кн. Георгій Михайловичъ.

№ 75.

6 мая 1915 г.

Мой драгоцѣнный,

Поздравляю тебя съ сегодняшнимъ дорогимъ днемъ. Дай Богъ, чтобы мы могли его провести въ будущемъ году мирно и радостно и чтобы кошмаръ войны тогда прошелъ. Осыпаю тебя нѣжными поцѣлуями — увы, только въ мысляхъ — и молю Бога охранить и особенно благословить тебя во всѣхъ твоихъ начинаніяхъ.

Такое солнечное утро — (хотя свѣжо). Да будетъ это хорошимъ предзнаменованіемъ. Очаровательная телеграмма нашего Друга навѣрное доставила тебѣ удовольствіе — могу ли я поблагодарить Его за тебя? и за карточку Ани? Пошли мнѣ телеграмму съ благодарностью, чтобы я могла ей передать. Мы сидѣли съ ней вечеромъ, такъ какъ она провела одинокій день, случайно никто у нея не былъ, за исключеніемъ *Карангозовыхъ,* матери и сына. У насъ былъ утомительный день, такъ что я не взяла Ольги въ городъ изъ за ея простуды и визита м-мъ Беккеръ[1]. Татьяна ее замѣнила въ комитетѣ. Въ *складѣ* Мари Барятинская и Ольга вязали чулки, тѣ же самые, какіе вязали до сихъ поръ въ Москвѣ.

Всѣ спрашиваютъ, какія извѣстія. Мнѣ нечего сказать, но на сердцѣ тяжело. Телеграммы Мекка даютъ болѣе или менѣе представленіе о ходѣ дѣлъ. *Наврузовъ* говорилъ съ нами по телефону, этотъ грѣшникъ уѣзжаетъ только сегодня вечеромъ — какъ онъ сказалъ мнѣ, онъ постился шесть мѣсяцевъ, теперь онъ долженъ насладиться городомъ. Я его назвала хулиганомъ, что ему не понравилось, — злодѣй, онъ говоритъ, что мое здоровье теперь лучше потому, что онъ пилъ за мое здоровье. Княжна Гедройцъ, которая его очень любитъ, называетъ его нашимъ enfant terrible. Потомъ я говорила съ *Амилахвари* по телефону. Онъ придетъ проститься сегодня. Бобринскій спѣшно уѣхалъ въ *Львовъ.*

Въ церкви пѣли великолѣпно. Къ завтраку были всѣ наши дамы, Бенкендорфъ и Ресинъ, потомъ я принимала *Кочубея, Княжевича, Амилахвари,* потомъ отправилась къ Анѣ и читала ей, а послѣ этого въ Большой Дворецъ на десять минутъ. Теперь Ксенія и Павелъ приходятъ пить чай, такъ что должна кончать. Всегда тороплюсь. Благословляю и цѣлую тебя безъ конца. Нѣтъ извѣстій, я такъ тревожусь, Милушка.

Твоя любящая женка.

---

[1] Условный терминъ.

№ 76.

7 мая 1915 г.

Мой ангелъ дорогой,

Я опять пишу второпяхъ, нѣтъ спокойствія. Вчера вечеромъ были у Ани. Спала неважно — на сердцѣ тяжелая тревога. Очень тяжко не быть съ тобой въ эти трудныя времена. Сегодня утромъ послѣ *Знаменья* заглянула въ Анѣ. Ея милыя племянницы и Аля переночевали въ ея домѣ, чтобы дышать хорошимъ воздухомъ. Потомъ у насъ была операція, тревожная, такъ какъ тяжелый случай, и работали до второго часа. Передъ двумя часами прошлась съ *Карангозовымъ* и *Гординскимъ,* потомъ Татьянинъ комитетъ — большое собраніе съ четверти третьяго до четырехъ.

Была у Ани до пяти, видѣла тамъ нашего Друга. Онъ много о тебѣ думаетъ, молится. «*Сидѣли вмѣстѣ бесѣдовали — а все таки Богъ поможетъ*». Ужасно не быть съ тобой въ такое время, когда сердце такъ болитъ и тревожится. Боже мой, какъ я хотѣла бы помочь тебѣ. Одно утѣшеніе, что *Н. П.* около тебя, тогда я спокойнѣе. Простое теплое сердце и добрый взглядъ помогаютъ, когда сердце полно тревогъ. Не какой нибудь толстый О(рловъ) или *Дрент.(ельнъ).* Такъ какъ казаки каждый разъ такъ просили, я сказала, что одинъ или два офицера могутъ поѣхать съ нами. Я боюсь, что это будетъ все таки очень оффиціально, но нашъ Другъ желаетъ, чтобы я совершала такія поѣздки [1].

Сокровище души моей, мой дорогой ангелъ, Богъ да поможетъ тебѣ, да утѣшитъ и укрѣпитъ, и поможетъ нашимъ храбрымъ героямъ. Цѣлую тебя еще и еще и благословляю безъ конца. Должна кончать.

Навсегда твоя собственная женка.

№ 77.

8 мая 1915 г.

Мой любимый,

Арцимовичъ увидитъ тебя въ *Двинскѣ* завтра и предложилъ отвезти тебѣ письмо. Но я чувствую, что если будутъ продолжаться дурныя извѣстія, то ты все еще останешься въ *Ставкѣ.* Такая чудная погода и все зелено возлѣ *Царскаго.* До сихъ поръ все шло отлично, и мы теперь три часа отдыхаемъ, что очень хорошо, такъ какъ у меня сильно болитъ спина. Мы были въ Соборѣ — *молебенъ* на пять ми-

[1] Рѣчь идетъ о поѣздкѣ въ Витебскъ.

нутъ, епископъ *Кириллъ* показался мнѣ, я должна сказать, рамоли. Потомъ мы осмотрѣли четыре госпиталя. Въ одномъ изъ нихъ сестры моей *Крестовоздвиженской общины* работаютъ съ августа. Въ другой сестры и врачи изъ Ташкента — вездѣ хорошій воздухъ, чисто и пріятно, и нѣтъ суеты. Въ саду насъ снимали группой съ массой раненыхъ. Масса евреевъ и поѣздовъ, нагруженныхъ ими, прибываютъ изъ *Курляндіи* — печальное зрѣлище, со всѣми ихъ узлами и крошечными дѣтьми.

Городъ красивъ, когда переѣдешь рѣку. У дѣтей былъ губернаторъ и *Мезенцевъ* къ завтраку, а потомъ послѣдній былъ у меня и сидѣлъ со мной. Какой хорошій человѣкъ и какъ хорошо работаетъ, это видно.

Теперь мы отправляемся осматривать одинъ изъ его *складовъ* и три госпиталя, и во дворецъ, гдѣ живетъ губернаторъ, такъ какъ тамъ есть *складъ* подъ моимъ покровительствомъ. Мы опять уѣзжаемъ въ семь. Я спала не очень хорошо. Хотѣла бы знать, какія извѣстія, такъ тревожусь вдали отъ тебя. Теперь, милый мой, прощай, Богъ да благословитъ тебя.

Цѣлую тебя изъ глубины любящаго сердца.

Навсегда твоя старая женка.

Дѣвочки тебя цѣлуютъ.

Я получила твою телеграмму о томъ, что ты отложилъ твое возвращеніе, что болѣе, чѣмъ понятно — легче быть ближе (къ фронту) въ эти тяжкіе дни. Дай Богъ, чтобы этотъ «лучъ свѣта» превратился въ настоящій солнечный свѣтъ, — такъ жажду успѣха. И теперь еще смерть Эссена[1], умеръ тотъ, котораго боялись нѣмцы. Ахъ, какія Богъ посылаетъ испытанія! Хотѣла бы я знать, кого ты назначишь на его мѣсто, у кого была бы такая же энергія, какъ у него во время войны. Мнѣ тяжело не быть около тебя, зная, какъ ты страдаешь. Но всемогущій Господь поможетъ, всѣ наши потери не будутъ напрасны, всѣ наши молитвы будутъ услышаны, какъ бы ни было теперь тяжело. Но быть вдали со скудными извѣстіями — это тяжко, и все же ты не можешь быть ближе. Дорогой мой, я знаю, какъ ты вѣришь въ Бога и полагаешься на него. Завтра Николинъ день, пусть этотъ великій святой заступится за наши храбрыя сражающіяся войска. Мое желаніе исполнилось, я видѣла санитарный поѣздъ, привезшій новыхъ раненыхъ четыре дня тому назадъ изъ *шестой пѣхотной дивизіи, Муромцевскіе* серьезныя. Многимъ я сказала, что передамъ тебѣ, что видѣла ихъ, и

[1] Адмиралъ Эссенъ скончался 7-го мая отъ крупознаго воспаленія легкихъ.

ихъ лица просiяли. Мы осматривали мой *складъ* Краснаго Креста, которымъ завѣдуетъ *Мезенцевъ,* еще три лазарета и складъ въ дворцѣ губернатора, и я выпила чашку кофе, которая дала мнѣ новыя силы. У меня спина страшно болитъ — почки, я думаю опять камни, отъ нихъ всегда больно. Мостовая ужасная, я рада, что у насъ были наши моторы. Ортипо вскочила мнѣ на колѣни, я нѣсколько разъ безуспѣшно ее прогоняла, — такъ что еще труднѣе писать у нея на спинѣ въ тряскомъ вагонѣ. Всѣ «*выздоравливающiе*» стояли вблизи станцiи, когда мы вернулись, и школьныя дѣти.

Чудный закатъ — совсѣмъ лѣто. Такая пыль. Окончу это письмо завтра въ Царскомъ.

9-го мая. Мы благополучно сюда добрались по *Павловской* вѣткѣ, такъ какъ возлѣ *Гатчины* былъ взрывъ въ поѣздѣ, нагруженномъ снарядами — такой ужасъ. Двѣнадцать вагоновъ удалось спасти; видно, что это было сдѣлано нарочно, (погибло) какъ разъ то, въ чемъ такъ сильно нуждаются, право это безжалостно. Маленькiя встрѣтили насъ на станцiи. По обыкновенiю работали въ лазаретѣ, я была у Ани, поставила свѣчку въ церкви. Послѣ завтрака принимала *Апраксина, Гартмана* — командира *эриванцевъ,* и раненаго офицера.

Твой *Таубе* все еще лежитъ въ *Ломжѣ* и, увы, пришлось ампутировать ему ногу выше колѣна. Теперь я жду прихода Ани. Соня съ нами завтракала. Говорятъ, что извѣстiя сегодня чуть чуть лучше?

Адъютантъ синихъ кирасиръ привезъ намъ цвѣтовъ. Они любятъ *Арсеньева* и высоко цѣнятъ его.

Жена одного изъ *грузинскихъ* офицеровъ будетъ у меня, такъ какъ сегодня ихъ полковой праздникъ. А позже я собираюсь отнести цвѣты на могилу *Грабового.*

Господь съ тобой, мое солнышко, покрываю твое дорогое лицо поцѣлуями.

Навсегда твоя собственная
«Солнышко».

Мнѣ попалось отвратительное перо.

Надѣюсь пойти въ церковь. Такъ печально, что завтрашнiй большой праздникъ мы будемъ не вмѣстѣ.

Кланяюсь всѣмъ твоимъ.

№ 78.

10 мая 1915 г.

Мой дорогой,

Прелестное, солнечное, теплое утро. Вчера также было хорошо, но такъ холодно лежать на балконѣ послѣ лѣтней погоды въ *Витебскѣ.*

Наша церковь такъ красиво разукрашена зеленью. Помнишь ли ты въ прошломъ году въ *Ливадіи,* какъ прелестна была наша маленькая церковь, и однажды также въ этотъ день мы были на яхтѣ въ Финляндіи. Боже мой, какъ много случилось со времени этой мирной уютной жизни въ *шхерахъ.*

Едигаровъ пишетъ мнѣ, что у нихъ 35 градусовъ тепла. Сестра Ольга писала, что всѣхъ ихъ раненыхъ пришлось очень поспѣшно эвакуировать, всѣ глубоко жалѣли. Самыхъ тяжелыхъ пришлось перевезти въ другой лазаретъ, гдѣ они должны остаться. Богъ дастъ, все же можетъ быть П.[1] и Л.[2] не будутъ взяты, и эти большіе праздники принесутъ намъ счастье. Въ эту твою поѣздку я не получаю телеграммъ, увы, такъ что должна искать извѣстій въ газетахъ. Переживаешь время тяжелой тревоги — такъ что рада, что тебя здѣсь нѣтъ, здѣсь, гдѣ все воспринимается совсѣмъ въ другомъ тонѣ, за исключеніемъ раненыхъ, которые все понимаютъ гораздо нормальнѣе.

Я ѣздила съ Аней въ *Павловскъ* — это моя первая прогулка съ осени. Прелестно, только чувствуешь себя такой печальной. И моя спина ужасно болитъ уже три дня. Потомъ я оставалась на балконѣ, и мы теперь тамъ пьемъ чай. Спасибо за твою телеграмму, милушка, слава Богу, что извѣстія лучше. Я видѣла трехъ дамъ отъ Ольги. Сегодня полковой праздникъ. Потомъ Костю[3] и командира Измайловскаго полка. *Сестру Иванову* (тетку Сони) изъ Варшавы. Интересно все, что она разсказала о лазаретахъ тамъ.

Михенъ слышала отъ княгини Огинской и просила Мавру передать мнѣ, что плѣнные (раненые) католики получили позволеніе исповѣдываться у (русскихъ) священниковъ (въ *Вильнѣ*), но не могутъ причащаться — это совсѣмъ неправильно, но это приказъ *Туманова.* Если они боятся священниковъ, тогда зачѣмъ позволять имъ исповѣдываться. Предполагаю, что это баварцы, я не знаю какъ обращаются съ лютеранами. Можешь ли ты переговорить съ кѣмъ нибудь, чтобы выяснить это? Поблагодари отъ меня старика[4] и кланяйся ему, кланяйся также Н. П. Аня шлетъ тебѣ привѣтъ и цѣлуетъ твою руку. Благословляю и цѣлую безъ конца, любимый мой.

Всегда твоя собственная женка.

---

[1] Перемышлъ.
[2] Львовъ.
[3] В. Кн. Константина Константиновича.
[4] Гр. Фредерикса.

№ 79.

11 мая 1915 г.

Мой дорогой Ники,

Опять совсѣмъ свѣжая и сѣрая погода и ночью только одинъ градусъ — удивительно для мая. Мы провели вечеръ у Ани вчера. Нѣсколько офицеровъ было приглашено отъ восьми до половины одиннадцатаго. Они играли въ разныя игры. Алексѣй былъ съ девяти съ четвертью и очень веселился. Я вязала. Она дала мнѣ письма отъ несчастной четы Ностицъ на прочтеніе — повидимому, объ этой отвратительной интригѣ было написано ея родственникамъ въ Америку, кѣмъ то изъ американскаго посольства, котораго подстрекнули ея враги. Самъ посолъ ихъ пріятель. Она думаетъ, что все это сдѣлала г-жа *Арцимовичъ* (американка по рожденію) — исторія на почвѣ ревности. Но было тяжело читать ихъ отчаянныя письма, разсказывающія про ихъ разрушенную жизнь. Да, я увѣрена, что ты позаботишься объ удовлетворительномъ разъясненіи этой исторіи и о томъ, чтобы съ ними поступили справедливо. Мнѣ нѣтъ дѣла ни до того, ни до другой, но вся эта исторія глубоко постыдна, и Н. (Николаша) не имѣлъ права поступить такъ, какъ онъ поступилъ съ членомъ твоей свиты, не спросивши сперва твоего разрѣшенія — такъ легко разрушить репутацію и болѣе чѣмъ трудно ее возстановить. Теперь я должна одѣваться. Я заказала службу въ половинѣ десятаго въ *пещерномъ храмѣ Дворцоваго лазарета,* такъ что мы можемъ сейчасъ же приняться за работу въ лазаретѣ какъ только служба окончится. Сердце мое ведетъ себя прилично (всегда принимаю капли), но спина очень сильно болитъ — навѣрное почки.

У насъ былъ сегодня *Енгалычевъ,* онъ мнѣ разсказалъ много интереснаго . Я была въ Большомъ Дворцѣ, а потомъ лежала на балконѣ и читала Анѣ, несмотря на холодъ. Нашъ Другъ цѣлыхъ два часа видѣлся съ Баркомъ [1], они дружески побесѣдовали. Слава Богу, что извѣстія лучше, пусть такъ продолжается. Какая радость, что ты мнѣ пишешь. Сегодня недѣля, что ты отъ насъ уѣхалъ. Дѣти всѣ тебя цѣлуютъ, и я также, моя любовь. Шлю благословенія безъ конца.

Навсегда, милый муженекъ, твоя старая

«Солнышко».

Кланяюсь старику и Н. П.

[1] Министромъ Финансовъ.

№ 80.

12 мая 1915 г.

Мой любимый,

Когда мы вернулись изъ лазарета я нашла твое дорогое письмо. Благодарю тебя за него изъ глубины любящаго сердца. Такая радость получить отъ тебя извѣстія, милушка. Спасибо за всѣ подробности. Мнѣ такъ хотѣлось получить отъ тебя настоящія точныя свѣдѣнія. Какъ тяжело было пережить эти дни, и меня не было съ тобой, и такъ много пришлось тебѣ перенести тяжкой работы. Слава Богу, что теперь все лучше, и Италія, навѣрное, оттянетъ нѣкоторое количество войскъ [1]. Я помню *Савича*, не былъ ли онъ въ Крыму? Я не помню лица новаго адмирала, онъ двоюродный братъ *Н. П.* Правда ли, что всѣ *эриванцы*, а также вся кавказская дивизія, посланы въ Карпаты?.. Они меня объ этомъ спрашиваютъ.

Енгал(ычевъ) говоритъ, что ближайшіе тяжкіе бои ожидаются близъ Кавказа, но онъ находитъ, что наши два генерала (именъ не помню) слабы, и что это не тѣ типы, которые могутъ выдержать тяжкіе *натиски*. Онъ такъ сказалъ Н. (Николашѣ) и *Янушк(евичу)*.

Я такъ рада была прочесть бумагу, которую ты мнѣ послалъ насчетъ моихъ *крымцевъ* — такъ они опять въ другой дивизіи! Мои *Алек*(сандровцы) также вели себя хорошо подъ *Шавлями*. Хотѣла бы знать, какъ здоровье моего *Княжевича*, у меня не было извѣстій со времени его отъѣзда. Сейчасъ принимала одиннадцать офицеровъ. Большая часть отправляется въ *Евпат* (орію) — это правило о восьми или девяти мѣсяцахъ страшно сурово, у нѣкоторыхъ переломы костей, которые могутъ срастись только послѣ года, раньше невозможно. Но тогда они будутъ совсѣмъ пригодны для службы, — и такъ какъ они теперь не могутъ вернуться въ свои полки, они теряютъ жалованье — а нѣкоторые изъ нихъ такіе бѣдняки, что не имѣютъ собственныхъ средствъ. Это въ самомъ дѣлѣ кажется несправедливымъ. Изувѣченные не навсегда, на всю жизнь, но на время, храбро выполняющіе свой долгъ, раненные и потомъ брошенные, какъ нищіе, — ихъ моральныя страданія должны быть велики. Другіе слишкомъ скоро торопятся обратно, только чтобы не потерять всего, и изъ за этого они, можетъ быть, совсѣмъ потеряютъ свое здоровье. Конечно, нѣкоторые типы (немногіе) должны быть отправлены въ свои полки, потому что они уже годятся въ дѣло.

У меня спина все еще болитъ и теперь немного выше поясницы, нѣчто вродѣ Hexenschuss (прострѣла), и нѣкоторыя движенія очень болѣзнены — все же мнѣ удалось исполнять мою работу. Теперь я

[1] Тогда Италія вступила въ войну на сторонѣ союзниковъ.

буду лежать на балконѣ и читать Анѣ, такъ какъ ѣздить и трястись для спины хуже.

Какая радость, если мы въ самомъ дѣлѣ въ четвергъ свидимся.

Прощай, моя любовь. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя отъ всякаго зла. Нѣжные поцѣлуи отъ насъ всѣхъ

твоя собственная.

№ 81.

10 іюня 1915 г.[1]

Мой драгоцѣнный,

Съ тяжелымъ сердцемъ я тебя провожала этотъ разъ — все такъ серьезно, и сейчасъ такъ особенно тяжело, и мнѣ такъ хочется быть съ тобой, чтобы раздѣлять твои заботы и тревоги. Ты все это переносишь такъ мужественно и въ одиночествѣ. Позволь мнѣ помочь тебѣ, мое сокровище. Навѣрное есть какой либо способъ для женщины помогать и быть полезной. Мнѣ такъ хочется облегчить тебѣ твою задачу. И всѣ эти министры, которые между собой ссорятся, тогда какъ всѣ должны были бы въ такое время дружно работать и забывать свои личныя обиды, — имѣть цѣлью благо своего царя и народа; — это приводитъ меня въ бѣшенство. Попросту говоря, это предательство, потому что народъ объ этомъ знаетъ, народъ чувствуетъ, что въ правительствѣ раздоры, и лѣвые этимъ пользуются. Если бы только ты могъ бы быть строгимъ, мой дорогой, это такъ необходимо. Они должны слышать твой голосъ и видѣть неудовольствіе въ твоихъ глазахъ. Они слишкомъ привыкли къ твоей мягкой, всепрощающей добротѣ.

Иногда даже тихо сказанное слово далеко доходитъ, но въ такое время, какое мы сейчасъ переживаемъ, необходимо, чтобы послышался твой голосъ, громко звучащій протестомъ и упрекомъ, когда они продолжаютъ не повиноваться твоимъ приказаніямъ, когда они медлятъ въ ихъ выполненіи. Они должны выучиться дрожать передъ тобой. Ты помнишь, Mr. Ph.[2] и Гр(игорій)[3] говорили тоже самое. Ты долженъ просто приказать, чтобы то или другое было выполнено,

---

[1] За время пребыванія Государя въ Петербургѣ умеръ (2 іюня) В. Кн. Константинъ Константиновичъ, уволенъ (5 іюня) мин. вн. д. Маклаковъ и назначенъ на его мѣсто кн. Щербатовъ.

[2] Mr. Philippe, извѣстный французскій авантюристъ, предшественникъ Распутина, имѣвшій въ началѣ 1900хъ гг. большое вліяніе. О немъ см. воспоминанія гр. Витте.

[3] Распутинъ.

не спрашивая, возможно ли это (ты, вѣдь, никогда не потребуешь ничего нелѣпаго или безумнаго), — напримѣръ, приказать, какъ во Франціи (республикѣ), чтобы тѣ или другіе заводы производили снаряды, патроны (если пушки или винтовки слишкомъ сложная работа) — пусть большіе заводы пошлютъ инструкторовъ. Тамъ гдѣ есть воля, тамъ есть и способъ осуществленія, и они всѣ должны понять, что ты настаиваешь на томъ, чтобы твое желаніе было быстро выполнено. Они должны найти людей, фабрикантовъ, чтобы все наладить, пусть они всюду побываютъ и примутъ мѣры сами, чтобы работа была выполнена. Ты знаешь, какой талантливый нашъ народъ, какъ онъ даровитъ — только онъ лѣнивъ и безъ иниціативы. Надо ихъ только пустить, и они все сдѣлаютъ, только не спрашивай, а прямо отдавай приказанія, будь энергиченъ, ради твоего собственнаго государства.

То же самое съ вопросомъ, который нашъ Другъ такъ принимаетъ къ сердцу и который является самымъ серьезнымъ изъ всѣхъ въ интересахъ внутренняго мира — отмѣна призыва второго разряда.[1] Если приказаніе уже отдано, скажи Н. (Николашѣ), что ты настаиваешь на его отмѣнѣ — чтобы отъ твоего имени «*повременить*». Это милостивое распоряженіе должно исходить отъ тебя — не слушай никакихъ отговорокъ. (Я увѣрена что это было сдѣлано ненамѣренно, вслѣдствіе незнанія положенія въ странѣ.) Поэтому нашъ Другъ боится твоего присутствія въ *Ставкѣ*, такъ какъ всѣ приходятъ къ тебѣ со своими объясненіями, и невольно ты имъ уступаешь, тогда какъ твое собственное чувство было какъ разъ вѣрно, но для нихъ неподходяще. Вспомни, что ты долго царствовалъ и имѣешь г о р а з д о больше опыта, чѣмъ они. Н. (Николашѣ) приходится думать только объ арміи и объ успѣхѣ — ты несешь внутреннюю отвѣтственность уже годами. Если онъ дѣлаетъ ошибки, — послѣ войны онъ обратится въ ничто, а тебѣ придется все опять исправлять. Нѣтъ, слушайся нашего Друга, вѣрь Ему, у Него твой интересъ и интересъ Россіи лежатъ близко къ сердцу. Богъ для чего же нибудь послалъ Его намъ — только мы должны обращать больше вниманія на то, что Онъ говоритъ. Его слова не легкомысленно сказаны. И очень важно, что мы имѣемъ не только Его молитвы, но и Его совѣтъ. Министры не подумали сказать тебѣ, что эта мѣра — роковая, но Онъ сказалъ. Какъ тяжело не быть съ тобою, чтобы обо всемъ спокойно переговорить и помочь тебѣ быть твердымъ. Я буду слѣдовать за тобой и буду близка тебѣ въ мысляхъ и молитвахъ все время. Пусть Богъ благословитъ и защититъ тебя, мой храбрый, терпѣливый, кроткій. Осыпаю твое милое лицо безконечными, нѣжными поцѣлуями. Люблю

[1] Рѣчь идетъ о призывѣ ополченья 2-го разряда.

тебя выше словъ, мое собственное солнце и радость. Благословляю тебя. Грустно не молиться вмѣстѣ, но *Боткинъ* находитъ, что для меня благоразумнѣе оставаться спокойной, чтобы поскорѣе совсѣмъ поправиться.

Твоя собственная женка.

Нашей Мари исполнится 16 лѣтъ 14-го числа. Такъ подари ей отъ насъ брилліантовое ожерелье такое же, какое получили двѣ старшія.

№ 82.

11 іюня 1915 г.

Мой дорогой,

Всѣ мои нѣжнѣйшія мысли окружаютъ тебя любовью и тоской по тебѣ. Это было прелестнымъ сюрпризомъ, когда ты вдругъ опять появился, — я молилась и плакала, и чувствовала себя несчастной. Ты не знаешь, какъ тяжело быть безъ тебя и какъ ужасно я всегда чувствую твое отсутствіе. Твоя дорогая телеграмма была такимъ утѣшеніемъ, такъ какъ я чувствовала себя очень подавленной, а возмутительное настроеніе Ани по отношенію ко мнѣ (не къ дѣтямъ), конечно, не способствовало оживленію моего дня и вечера. Мы обѣдали и пили чай на балконѣ. Сегодня утромъ опять великолѣпно. Я все еще въ кровати, отдыхаю, какъ видишь, такъ какъ сердце не вполнѣ въ исправности, хотя не расширено. Я сортировала фотографіи для наклейки въ альбомы для здѣшней выставки базара. Представь себѣ, мужъ большой Мари *Барят(инской)* умеръ отъ удара 9-го въ *Бережанахъ*, въ имѣніи по названію «Рай». Его тѣло отвозятъ въ *Тарнополь*. Онъ былъ *уполномоченнымъ* Краснаго Креста при *11-ой арміи*. Я могу себѣ представить отчаяніе Мари и Ольги, онѣ такъ любили своего брата Ивана. Потомъ старый графъ Ольсуфьевъ умеръ — они жили какъ голубки; для нея это такой ударъ. Мнѣ кажется, слышишь только о смертяхъ. Подумай, что я сдѣлала прошлой ночью, лежа въ кровати. Я выкопала твои старыя письма и перечла многія изъ нихъ и тѣ немногія, которыя ты написалъ прежде, чѣмъ мы обручились, и всѣ твои слова глубокой любви и нѣжности согрѣли мое болящее сердце, и мнѣ стало казаться, что я слышу, какъ ты со мной говоришь. Я перенумеровала твои; послѣднее 176-ое изъ *Ставки*. Ты поставь на моемъ вчерашнемъ № 313, пожалуйста, — я надѣюсь, что мое письмо не огорчило тебя, но я не могу отдѣлаться отъ желанія нашего Друга и я з н а ю, что будетъ фатально для н а с ъ и для страны, если оно не будетъ исполнено. Онъ знаетъ, что онъ говоритъ, когда Онъ говоритъ такъ

серьезно. Онъ былъ очень противъ твоей поѣздки въ Л.[1] и П.[2] — она была преждевременна, теперь мы это видимъ. Онъ былъ очень противъ войны — былъ противъ созыва *Думы.* Это некрасивый поступокъ *Родз*(янко), и рѣчи не должны были бы быть напечатаны[3] (я нахожу).

Пожалуйста, мой ангелъ, заставь Н.(Николашу) смотрѣть твоими глазами. Не позволяй, чтобы кто либо изъ второго *разряда* былъ призванъ, — откладывай какъ только можно дольше. Имъ надо работать въ поляхъ, на фабрикахъ, на пароходахъ и т. д. Лучше возьми теперь призывныхъ будущаго года — пожалуйста, прислушивайся къ Его совѣту, когда Онъ высказывается такъ серьезно, и не спитъ ночей изъ за этого. Разъ ошибешься, и мы должны будемъ за это поплатиться. Хотѣла бы знать, какое настроеніе ты засталъ въ *Ставкѣ* и велика ли жара.

Феликсъ[4] сказалъ Анѣ, что (тогда)[5] бросали камнями въ карету Эллы и плевали въ нее, но она не хотѣла объ этомъ говорить намъ — опять боялись безпорядковъ въ теченіе этихъ дней неизвѣстно почему. Большія дѣвочки въ лазаретѣ. Вчера всѣ четыре работали въ *складѣ бинты,* а позже отправились къ *Иринѣ.* Какъ ты себя чувствуешь, моя любовь, твои дорогіе грустные глаза все меня преслѣдуютъ. Дорогая Ольга написала милое письмо и цѣлуетъ тебя, и ласково спрашиваетъ, какъ ты все переносишь, хотя она знаетъ, что ты всегда съ виду бодръ и ты скрываешь глубоко все тяжелое. Я часто боюсь за твое бѣдное сердце. Такъ много пришлось перенести. Выскажись откровенно твоей старой женкѣ, — твоей когда-то невѣстѣ — дѣлись всѣмъ со мной, можетъ быть будетъ легче — хотя иногда легче носить горе одному, не давая себѣ размякнуть. Но физически для сердца это очень плохо, я это слишкомъ хорошо знаю. Моя птичка, я цѣлую тебя безъ конца, благословляю и осыпаю твое дорогое лицо поцѣлуями и хотѣла бы успокоить твою дорогую головку на моей старой груди, полной несказанной любви и нѣжности.

Твоя навсегда старая
Аликсъ.

Я сегодня принимаю г-жу Гартвигъ, Раухфуса, четырехъ дочерей Трепова[6] (двѣ замужнія). Не забудь сказать, что бы раненымъ офи-

---

[1] Львовъ.

[2] Перемышль.

[3] 10 іюня состоялось частное совѣщаніе членовъ Гос. Думы для обсужденія вопросовъ о серьезномъ положеніи.

[4] Кн. Юсуповъ (отецъ), бывшій кратковременно московскимъ ген.-губернаторомъ.

[5] Во время анти-нѣмецкихъ безпорядковъ въ Москвѣ.

[6] Дмитрія Федоровича, извѣстнаго по своей роли въ 1905—6 гг.

церамъ было позволено оканчивать свое леченіе дома, прежде чѣмъ возвращаться во второй, третій или четвертый разъ на фронтъ, иначе это жестоко и несправедливо. Николаша долженъ отдать Алеку распоряженіе.

Привѣтъ старику и *Н. П.*

№ 83.

12 іюня 1915 г.

Мой драгоцѣнный,

Съ такой тревогой я ожидаю извѣстія и такъ жадно читаю утреннія газеты, чтобы знать, что случилось.

Опять великолѣпная погода — сегодня во время обѣда (на балконѣ) былъ колоссальный ливень, повидимому, каждый день долженъ идти дождь. Лично я ничего противъ не имѣю, такъ какъ всегда боюсь жары. И вчера было очень жарко. Аня въ отвратительномъ настроеніи, что не улучшаетъ моего самочувствія. Ворчитъ противъ всего и противъ всѣхъ и скрытыми намеками сильно язвитъ тебя и меня. Сегодня днемъ я, можетъ быть, покатаюсь, а завтра я надѣюсь (послѣ недѣльнаго отсутствія) поѣхать въ лазаретъ, такъ какъ одному изъ офицеровъ надо сдѣлать операцію апендицита.

Нога Дмитрія [1] положена въ *гипсъ*. Сегодня будутъ изслѣдовать рентгеновскими лучами, чтобы увидѣть, сломана ли въ самомъ дѣлѣ нога или кость треснула, или вывихъ; — какая неудача всегда.

Милый мой, пожалуйста, не забудь поставить вопросъ о *Тобольскихъ татарахъ* — они великолѣпные и преданные люди и, навѣрное, отправились бы (на фронтъ) съ радостью и гордостью. Я нашла бумагу старой Маріи Феод., [2] которую ты однажды мнѣ принесъ, и, такъ какъ она забавная, тебѣ ее посылаю.

Вчера я видѣла м-мъ Гартвигъ, она разсказала мнѣ много интересныхъ вещей о томъ, какъ они оставили Львовъ — и печальныя впечатлѣнія о солдатахъ, пріунывшихъ и говорившихъ, что они больше не вернутся, чтобы драться съ врагомъ голыми руками. Ярость офицеровъ противъ Сухомлинова прямо безмѣрна — бѣдняга — они ненавидятъ самое его имя и жаждутъ, чтобы его прогнали. Ну, въ его собственныхъ интересахъ, прежде чѣмъ подымется скандалъ, было бы лучше такъ и сдѣлать. Это его авантюристка жена совершенно разрушила его репутацію. Онъ страдаетъ изъ за ея взяточничества и т. д. Говорятъ, что это его вина, что нѣтъ снарядовъ, — а теперь это наша ги-

[1] В. Кн. Дмитрія Павловича.
[2] Рѣчь идетъ не объ Императрицѣ.

бель (проклятіе). Я тебѣ это говорю, чтобы показать тебѣ, какія впечатлѣнія она привезла.

Какъ жаждешь чуда, чтобы былъ успѣхъ, чтобы снаряды и винтовки работали вдвойнѣ! Хотѣла бы я знать, какое *«настроеніе»* въ *Ставкѣ?* Какъ бы я хотѣла, чтобы Н(иколаша) былъ другимъ и не повернулся бы противъ человѣка, посланнаго Богомъ.[1] это всегда приноситъ неудачу ихъ дѣлу, а эти женщины не даютъ ему измѣниться[2]. Онъ получаетъ награды безъ конца и благодарность за все — но слишкомъ рано. Грустно думать, что онъ забралъ такъ много и что почти все взято назадъ.

Но Богъ всемогущій поможетъ, и придутъ лучшіе дни, я увѣрена. Такія испытанія приходится тебѣ переносить, мое солнышко. Хотѣла бы быть съ тобой, знать, какъ ты себя нравственно чувствуешь, храбро ли, спокойно, какъ всегда, скрывая свои страданія, какъ всегда. Богъ да поможетъ тебѣ, мой дорогой Страдалецъ, и дастъ тебѣ силу, вѣру и мужество. Твое царствованіе было полно тяжелыхъ испытаній, но когда нибудь должна же придти награда, Богъ вѣдь справедливъ. Птички поютъ такъ весело, и въ окно доносится мягкій вѣтерокъ. Когда я кончу свое письмо, я встану — эти спокойные дни помогли моему сердцу.

Передай мой привѣтъ старику и *Н. П.* Я рада что этотъ послѣдній съ тобой, я чувствую вблизи тебя теплое сердце, и это меня успокаиваетъ за тебя, милаго. Постарайся черкнуть словечко Мари. Въ воскресенье ея шестнадцатилѣтіе. Татьяна вчера ѣздила верхомъ. Я ее уговорила, другія, конечно, были слишкомъ лѣнивы и отправились въ школу Сестры, чтобы играть съ малышами. Какой то князь Голицынъ, *Серг. Мих.*[3] умеръ въ Лозаннѣ. Вѣроятно, это тотъ господинъ, у котораго много женъ.

Теперь, мой дорогой Ники, я должна проститься — я жалѣю, что не имѣю ничего интереснаго сказать тебѣ.

Четыре дочери *Трепова* просятъ поблагодарить отъ всего сердца за то, что ты позволилъ, чтобы ихъ мать[4] была похоронена рядомъ съ отцомъ. Онѣ видѣли его гробъ еще совсѣмъ нетронутымъ.

Безъ конца благословляю тебя, мой дорогой, осыпаю твое милое лицо поцѣлуями и остаюсь навсегда твоей

«Солнышко.»

---

[1] Распутина.
[2] Черногорки.
[3] Основатель Голицынской больницы въ Москвѣ.
[4] Вдова Д. Ф. Трепова, рожд. Блохина, въ то время умерла.

№ 84.

12 іюня 1915 г.

Мой дорогой,

Начинаю мое письмо еще съ вечера, такъ какъ завтра утромъ я надѣюсь пойти въ лазаретъ, и у меня будетъ меньше времени для писанія. Мы съ Аней пріятно прокатились въ *Павловскъ* сегодня днемъ. Въ тѣни было совсѣмъ свѣжо. Мы завтракали и пили чай на балконѣ, но вечеромъ стало слишкомъ свѣжо, чтобы можно было сидѣть на воздухѣ. Съ половины десятаго до половины двѣнадцатаго мы были у Ани, я работала на диванѣ. Три дѣвочки и офицеры играли въ игры. Я устала послѣ моего перваго выѣзда. Мой *львовскій складъ* покамѣстъ временно въ *Ровно*, возлѣ станціи. Дай Богъ, чтобы мы и оттуда не должны были уйти. Что мы должны были оставить тотъ городъ[1] — тяжело, но все же онъ еще не былъ вполнѣ нашимъ. Однако грустно, что онъ попалъ въ другія руки. Теперь Вильямъ[2] навѣрное спитъ на кровати стараго Фр(анца) І(осифа), на которой ты одну ночь проспалъ. Мнѣ это не нравится, это унизительно, но это еще можно перенести. Но подумать, что придется еще разъ дать такое же сраженіе, и поля будутъ усѣяны трупами нашихъ храбрыхъ солдатъ, — это разрываетъ сердце. Но мнѣ не слѣдовало бы говорить съ тобой въ такомъ тонѣ, у тебя и такъ достаточно горя. Мои письма должны подбадривать тебя, но это довольно тяжело, когда сердце и душа печальны. Надѣюсь увидѣть нашего Друга на минуту завтра утромъ у Ани, чтобы проститься съ Нимъ. Это мнѣ будетъ полезно. Сергѣй *Тан.*(ѣевъ)[3] долженъ былъ сегодня вечеромъ ѣхать въ *Кіевъ*, но онъ получилъ телеграмму, что *ахтырцы* отправлены въ другое мѣсто, и онъ отправляется завтра. Я хотѣла бы знать, какая это новая комбинація. Какъ жаль, что Алексѣевъ не остался съ *Ивановымъ*, тогда бы дѣла пошли лучше — *Драгомировъ* все испортилъ. Молишься и молишься, и все недостаточно. Отъ «Schadenfreude»[4] въ Германіи у меня кровь кипитъ. Богъ долженъ навѣрное услышать наши мольбы и послать намъ, наконецъ, какой нибудь успѣхъ. Теперь они повернутся противъ Варшавы, и уже много войскъ вблизи *Шавли*. О Господи, что это за ужасная война! Милая, мужественная душа моя, какъ я хотѣла бы обрадовать твое бѣдное измученное сердце чѣмъ либо свѣтлымъ, какой нибудь надеждой. Мнѣ хочется крѣпко обнять тебя и положить твою милую голову къ себѣ на плечо. Тогда я по-

[1] Львовъ.
[2] Вильгельмъ II.
[3] Братъ А.А. Вырубовой.
[4] Злорадства.

крыла бы лицо и глаза моего милаго поцѣлуями и шептала бы ему нѣжныя слова любви. Цѣлую твою подушку по ночамъ, это все, что у меня осталось, — и благословляю ее. Теперь должна ложиться спать. Отдохни хорошенько, мое сокровище. Благословляю и цѣлую тебя такъ нѣжно, и тихонько глажу твой дорогой лобъ.

13 іюня. Какъ мнѣ поблагодарить тебя за твое дорогое письмо. Я получила его по возвращеніи изъ лазарета. Такая глубокая радость получить его отъ тебя, мой ангелъ; благодарю тебя тысячу разъ. Но мнѣ грустно, что дорогое сердце твое не въ порядкѣ. Пожалуйста, покажись *Боткину*, когда ты вернешься, онъ можетъ дать тебѣ капли, чтобы отъ времени до времени принимать, когда у тебя боли. Я такъ страшно сочувствую тѣмъ, у которыхъ что либо неладно съ сердцемъ, такъ какъ сама столько лѣтъ отъ него страдаю. Скрывать свое горе, все подавлять, это такъ ослабляетъ сердце. Оно физически утомляется — это иногда видно было по твоимъ глазамъ. Только всегда говори мнѣ, такъ какъ у меня въ концѣ концовъ достаточно опыта въ сердечныхъ страданіяхъ, и я можетъ быть помогла бы тебѣ. Говори обо всемъ этомъ со мной, высказывайся, плачь даже, отъ этого иногда физически становится легче.

Слава Богу, Н. (Николаша) понялъ насчетъ *второго разряда*[1]. Прости меня, но мнѣ не нравится выборъ военнаго министра[2]. Ты помнишь, какъ ты былъ противъ него, и навѣрное былъ правъ, и Н. также, мнѣ кажется. Онъ тоже работаетъ съ Ксеніей. Но такой ли онъ человѣкъ, къ которому можно имѣть какое либо довѣріе, можно ли на него положиться? Какъ мнѣ хотѣлось бы быть съ тобой и услышать всѣ основанія, которыя были у тебя, чтобы избрать его. Я страшусь назначеній, дѣлаемыхъ Николашей, Н. (Николаша) далеко не уменъ, упрямъ и его ведутъ другіе, — дай Богъ, чтобы я ошибалась и чтобы это избраніе было угодно Богу. Но я, какъ ворона, скорѣе каркаю по этому поводу. Возможно ли, что этотъ человѣкъ такъ измѣнился, разошелся ли онъ съ *Гучковымъ?* И не врагъ ли онъ нашего Друга — это вѣдь приноситъ несчастіе! Побуди милаго стараго *Горемыкина* основательно съ нимъ переговорить и нравственно повліять на него. Ахъ, пусть эти два новыхъ министра[3] окажутся настоящими людьми на надлежащемъ мѣстѣ. Сердце такъ полно тревоги и такъ жаждетъ единенія среди министровъ, успѣха. Милый мой, скажи имъ, по возвращеніи ихъ изъ *Ставки* чтобы они просили разрѣшенія представиться мнѣ, одинъ за другимъ, и я усердно помолюсь, и употреблю всѣ усилія, чтобы въ самомъ дѣлѣ

[1] Призывъ второго разряда ратниковъ ополченія.
[2] Ген. Поливановъ назначенъ былъ Управл. военнымъ министерствомъ.
[3] Кн. Щербатовъ и ген. Поливановъ.

быть тебѣ полезной. Это ужасно, не помогать и давать тебѣ одному дѣлать всю тяжелую работу.

Нашъ Другъ обѣдалъ (кажется) опять съ *Шаховскимъ* [1], который Ему нравится. Онъ можетъ повлiять на него въ хорошую сторону. Подумай, какъ странно, *Щербатовъ* [2] написалъ крайне любезное письмо *Андронникову* [3] (послѣ того, какъ въ разговорѣ съ тобой высказывался противъ него).

Есть еще другой министръ, который мнѣ не нравится на своемъ мѣстѣ, *Щегловитовъ* [4] (для разговора онъ прiятенъ). Онъ не обращаетъ вниманiя на твои приказанiя и, когда приходитъ прошенiе, которое по его предположенiю подано черезъ нашего Друга, онъ его не исполняетъ, и не такъ давно снова разорвалъ одно изъ нихъ, отъ тебя (прошенiй посланныхъ тобою). *Веревкинъ*, его товарищъ (другъ *Гр*(игорiя) разсказалъ это, и я замѣтила, что онъ (Щегловитовъ) рѣдко дѣлаетъ то, о чемъ его просятъ. Какъ *Тимирязевъ* [5], онъ упрямъ и держится «буквы», а не души. Надо быть строгимъ, но можно было бы быть справедливѣе его и добрѣе къ маленькимъ людямъ, снисходительнѣе.

Наша операцiя апендицита окончилась благополучно. Я видѣла вновь прибывшихъ офицеровъ — бѣдному мальчику съ «*тетаносомъ*» [6] немного лучше — есть больше надежды. Какая хорошая погода, я лежу на балконѣ, и птички чирикаютъ вдали, такъ весело. А (Аня) сейчасъ сидѣла со мной, она видѣла *Гр*(игорiя) сегодня утромъ. Онъ лучше спалъ, въ первый разъ за пять ночей, и говоритъ, что на фронтѣ нѣсколько лучше. Онъ проситъ тебя самымъ настойчивымъ образомъ, немедленно приказать, чтобы въ одинъ день, по всей странѣ былъ «*крестный ходъ*», чтобы молиться о побѣдѣ. Богъ скорѣе услышитъ, если всѣ къ нему обратятся. Пожалуйста, отдай приказанiе. Любой день ты выберешь, чтобы это сейчасъ же было сдѣлано. Пошли свое приказанiе (я думаю) по телеграфу — (открыто, чтобы всѣ могли его прочесть) къ *Саблеру* [7], сказавъ, что это твое желанiе. Теперь «*Петр. постъ*» [8], такъ что это еще болѣе кстати, и это такъ подыметъ *духъ*, и будетъ утѣшенiемъ для храбрыхъ, которые сражаются. Я говорю тоже самое *Шавельскому*, милый мой. Пожалуйста, душка, сдѣлай это и такъ, чтобы это было приказанiе отъ тебя, а не отъ Синода. Я не могла видѣть Его сегодня — надѣюсь завтра.

---

[1] Министръ торговли и промышленности.
[2] Министръ Вн. Дѣлъ.
[3] Извѣстный авантюристъ, креатура кн. Мещерскаго и Распутина.
[4] Ив. Григ., Министръ Юстицiи.
[5] Бывшiй Министръ торговли и промышленности.
[6] Столбнякъ.
[7] Об.-прокуроръ Св. Синода.
[8] Петровскiй постъ.

А(ня), Аля и Нини въ моторѣ поѣхали въ *Красное,* чтобы поговорить съ *Гротеномъ.* Теперь я должна послать это письмо. Мари Барятинская обѣдаетъ съ нами и завтра уѣзжаетъ съ Ольгой, кажется, въ *Кіевъ.* Богъ да благословитъ и охранитъ тебя. Сердцемъ и душой съ тобой. Безконечныя молитвы окружаютъ тебя. Чувствую себя печальной и подавленной, ненавижу быть въ разлукѣ съ тобой, тѣмъ болѣе, когда у тебя столько заботъ.

Но Богъ поможетъ, и если эти *кр. ходы* состоятся, я увѣрена, что Онъ услышитъ молитвы всѣхъ твоихъ вѣрныхъ подданныхъ. Богъ да хранитъ и ведетъ тебя, моя любовь.

Если у тебя есть какіе либо вопросы къ нашему Др(угу), напиши сейчасъ же. Покрываю тебя нѣжнѣйшими поцѣлуями.

Навсегда твоя старая женка.

Привѣтъ старику и *Н. П.*

№ 85. 14 іюня 1915 г.

Мой любимый,

Поздравляю тебя отъ всего любящаго сердца съ шестнадцатилѣтіемъ нашей большой Мари. Что это было за холодное, дождливое лѣто, когда она родилась. Я три недѣли ежедневно чувствовала боли, пока она не появилась — жаль, что тебя здѣсь нѣтъ. Она обрадовалась всѣмъ своимъ подаркамъ. Я подарила ей первое кольцо отъ насъ, давъ оправить одинъ изъ моихъ бухарскихъ брилліантовъ. Сегодня она бодра и весела.

Я пишу на балконѣ, мы только что окончили завтракъ послѣ того, какъ были въ церкви. Беби днемъ отправляется въ Петергофъ, а попозже къ Анѣ. Сегодня такая прелестная погода и, благодаря вѣтру, не такъ жарко, но по вечерамъ свѣжо. Мари Барятинская обѣдала съ нами и оставалась до половины одиннадцатаго, а потомъ я пошла спать, такъ какъ у меня болѣла голова.

У дѣвочекъ была репетиція въ маленькомъ домѣ [1].

Любимый мой, всѣ мои мысли и молитвы съ тобой все время, и столько горя и тревоги наполняютъ сердце. Надѣюсь, ты скажешь насчетъ *кр. ходовъ.* Старый Фред(ериксъ), конечно, напуталъ и выдалъ О. Евг. по расчету ея содержанія за службу мнѣ, а не по пенсіи ея отца, что составило бы гораздо меньшую сумму, и о чемъ она просила. Она совсѣмъ сконфужена твоей большой добротой. Вчера я осматривала десять англійскихъ моторовъ. Они великолѣпны, гораздо лучше нашихъ, на четыре койки, и, кромѣ того, можетъ сидѣть сестра или санитаръ

[1] Дача въ Ц. Селѣ, купленная Государыней для А. Вырубовой.

вмѣстѣ съ больными, и можно всегда имѣть для нихъ горячую воду. Они надѣются получить еще двадцать такихъ для насъ, твоей мамаши и для меня. Какъ только она [1] ихъ увидитъ, нужно ихъ отослать, я думаю туда, гдѣ кавалерія больше всего въ нихъ сейчасъ нуждается. Я не знаю куда, можетъ быть ты спросишь, и тогда я могу намекнуть мамашѣ. Теперь она на *Елагиномъ* [2].

Павелъ [3] будетъ пить чай, а потомъ дѣвочки идутъ къ Анѣ, можетъ быть, и я также на минуту, если не слишкомъ устану. Я увижу нашего Друга сегодня вечеромъ или завтра утромъ.

Мы сегодня днемъ поѣдемъ кататься, Аня и я, дѣвочки будутъ слѣдовать въ двухъ маленькихъ экипажахъ.

Теперь я должна кончать, дорогой мой. Какъ я хотѣла бы знать, какія извѣстія. Такая тревога наполняетъ душу! Прощай, мой Ники, мой дорогой, Богъ да благословитъ и защититъ тебя. Покрываю твое дорогое лицо поцѣлуями.

Навсегда твоя «Солнышко».

№ 86.

14 іюня 1915 г.

Мой любимый Ники,

Какъ я благодарна тебѣ за твою дорогую телеграмму! Бѣдняжка, даже въ воскресенье совѣтъ министровъ! Мы хорошо прокатились въ *Павловскъ*. На обратномъ пути маленькій Георгій въ своемъ маленькомъ моторѣ (въ такомъ же, какъ у Алексѣя) наскочилъ на нашъ экипажъ, но къ счастью онъ не опрокинулся, и его машина не была испорчена. Павелъ [3] приходилъ пить чай и оставался часъ и три четверти. Онъ былъ очень милъ и говорилъ честно и просто, и благожелательно, не намѣреваясь вмѣшиваться въ то, что его не касается, но разспрашивая о разныхъ предметахъ. Съ его вѣдома я объ нихъ тебѣ и разсказываю. Ну, такъ для начала: Палеологъ [4] обѣдалъ съ нимъ нѣсколько дней назадъ, а потомъ у нихъ былъ длинный интимный разговоръ, и Палеологъ старался вывѣдать у него очень ловко, не знаетъ ли онъ, есть ли у тебя какая либо мысль о заключеніи сепаратнаго мира съ Германіей, такъ какъ онъ слышалъ, что объ этомъ разговариваютъ здѣсь, и будто бы во Франціи ходятъ объ этомъ слухи — и что тамъ они намѣрены воевать до самаго конца. Павелъ отвѣтилъ, что

[1] Имп. Марія Федоровна.
[2] Елагинскій лѣтній дворецъ.
[3] Вел. Кн. Павелъ Александровичъ.
[4] Французскій посолъ въ Петербургѣ.

онъ убѣжденъ, что это неправда, тѣмъ болѣе, что въ самомъ началѣ войны мы и наши союзники условились, что миръ можетъ быть заключенъ только сообща, но ни въ какомъ случаѣ не сепаратно. Тогда я сказала Павлу, что до тебя дошли такіе же слухи насчетъ Франціи, и онъ перекрестился, когда я сказала, что ты и во снѣ не видишь мира и знаешь, что это бы означало революцію здѣсь, и что поэтому нѣмцы и стараются раздувать эти слухи. Онъ говоритъ, что онъ даже слышалъ о безумныхъ нѣмецкихъ условіяхъ, которыя намъ предложены. Я предупредила его, что навѣрное онъ вслѣдъ за этимъ услышитъ, что я хочу заключенія мира.

Потомъ онъ меня спросилъ, правда ли, что *Щегловитова* увольняютъ и что этого противнаго *Манухина*[1] назначаютъ на его мѣсто. Я сказала, что я ничего не знаю, и не знаю, гдѣ правда, и также не знаю, почему *Щегловитовъ* выбралъ этотъ моментъ теперь, чтобы поѣхать въ *Соловецкій монастырь.* Потомъ онъ упомянулъ еще объ одной вещи, которая, хотя и очень непріятна, но все же лучше тебя о ней предупредить, — а именно, что уже шесть мѣсяцевъ, какъ говорятъ о шпіонѣ, находящемся въ *Ставкѣ,* и когда я спросила его имя, онъ сказалъ, что это генералъ *Даниловъ*[2] (черный) и что съ многихъ сторонъ ему говорили, что «ощущается» нѣчто (неладное), и что теперь въ арміи объ этомъ говорятъ. Душка моя, *Воейковъ* хитеръ и уменъ, поговори съ нимъ объ этомъ и пусть онъ хитро и ловко попытается прослѣдить за поступками этого человѣка. Почему не имѣть за нимъ слѣжки. Понятно, Павелъ говоритъ, что теперь господствуетъ шпіономанія, но такъ какъ сейчасъ же хорошо узнаются за границей разныя вещи, о которыхъ могутъ знать только близкія, посвященныя лица въ *Ставкѣ,* то и возникло это сильное подозрѣніе, и Павелъ думаетъ, что ему слѣдовало меня спросить, упоминалъ ли ты когда нибудь объ этомъ въ разговорѣ со мной. Я отвѣтила отрицательно. Только не заговаривай объ этомъ съ *Николашей* до того, какъ ты соберешь справки, такъ какъ онъ можетъ все напортить своей горячностью и можетъ прямо въ лицо объ этомъ сказать (Данилову) или совсѣмъ не повѣрить. Но я думаю, что, хотя самъ человѣкъ этотъ, можетъ быть, кажется симпатичнымъ и честнымъ, хорошо имѣть за нимъ надзоръ. Покамѣстъ ты тамъ, «желтые» и другіе могутъ использовать глаза и уши и прослѣдить за его телеграммами и за тѣми, съ кѣмъ онъ видится, и т. д. Увѣряютъ, будто онъ часто получаетъ большія суммы. Я тебѣ это только

[1] С. С. Манухинъ, б. министръ юстиціи въ кабинетѣ С. Ю. Витте, членъ гос. совѣта.

[2] Ген. Ю. Н. Даниловъ, занимавшій тогда въ ставкѣ очень отвѣтственное мѣсто и бывшій въ 1917 г. ген.-квартирмейстеромъ, — что, разумѣется, свидѣтельствуетъ о вздорности распускавшихся о немъ слуховъ.

такъ говорю, не зная вовсе, есть ли какое либо основаніе для этого, лучше только тебя предупредить. Многіе терпѣть не могутъ *Ставку* и непріятно себя чувствуютъ тамъ, такъ какъ, увы, у насъ уже были шпіоны, а также были честные люди, обвиненные Николашей. Теперь ты можешь выяснить все это тщательно, пожалуйста. Павелъ говоритъ, что назначеніе *Щербатова* было встрѣчено съ восторгомъ. Онъ его не знаетъ. Прости меня, что я такъ пристаю къ тебѣ. Моя бѣдная душка, такъ хочется помочь, и можетъ быть я могу быть полезной, передавая такія свѣдѣнія.

Мари *Васильчикова* съ семьей живетъ въ зеленомъ угловомъ домѣ, и изъ своего окна слѣдитъ за нами, какъ кошка, за всѣми людьми, которые входятъ или выходятъ изъ нашего дома, и дѣлаетъ свои замѣчанія. Она привела Изу въ бѣшенство, разспрашивая ее, почему дѣти разъ вышли изъ однихъ воротъ пѣшкомъ, а на другой день — на велосипедахъ, почему одинъ изъ офицеровъ приходитъ съ портфелемъ утромъ въ одномъ мундирѣ, а вечеромъ одѣтъ въ другую форму, — она сказала графинѣ Фред(ериксъ), что она видѣла, какъ къ намъ въѣзжалъ *Гр*(игорій) (отвратительно!). Итакъ, чтобы наказать ее, мы къ Анѣ сегодня вечеромъ отправились кружнымъ путемъ, такъ что она не видѣла нашего выѣзда. Онъ былъ съ нами отъ десяти до половины двѣнадцатаго въ ея домѣ. Посылаю тебѣ палку (рыба, держащая птицу), которая была Ему послана изъ новаго *Афона* для тебя. Онъ сперва ею пользовался, а теперь посылаетъ тебѣ ее, какъ благословеніе; если бы ты могъ отъ времени до времени пользоваться ею, было бы хорошо имѣть ее въ твоемъ отдѣленіи, возлѣ той, до которой дотронулся Mr. Ph.[1] Это тоже хорошо. Онъ говорилъ много и чудесно о томъ, что такое Русскій Императоръ и что, хотя другіе верховные повелители также помазуются и коронуются, но только Русскій Императоръ настоящій *помаз.*(анникъ) уже 300 лѣтъ. Онъ говоритъ, что ты спасешь свое царствованіе, если не будешь призывать теперь *второго разряда*. Говорятъ, что Шаховской былъ въ восторгѣ, что ты объ этомъ заговорилъ, потому что министры согласились, но если бы ты первый не началъ, они не предполагали заговорить.

Онъ находитъ, что ты долженъ былъ бы приказать фабрикамъ дѣлать *снаряды*, просто, чтобы ты приказалъ, даже выбралъ бы фабрику, если тебѣ покажутъ ихъ списокъ, вмѣсто того, чтобы отдавать приказанія черезъ комиссіи, которыя недѣлями разговариваютъ и никогда не могутъ рѣшиться.

Будь болѣе автократомъ, моя душка, покажи себя!

---

[1] **Philippe, см. выше.**

Выставка-базаръ началась сегодня въ Большомъ Дворцѣ на террасѣ. Она не очень велика (я еще тамъ не была), и наши издѣлія уже распроданы. Правда, что мы сдѣлали не очень много, и будемъ продолжать работать и посылать туда вещи. Они продали болѣе 2.100 входныхъ билетовъ по 10 коп. Солдаты (раненые) не платятъ, такъ какъ они должны побывать тамъ и посмотрѣть, какая работа имъ нравится и какую они могутъ выполнять.

Я дала нѣсколько нашихъ вазъ и двѣ чашки, такъ какъ онѣ всегда привлекаютъ публику.

Скажи старику, что я видѣла его семью на минуту вчера, когда я ѣздила за Аней къ Нини, и нашла, что всѣ три дамы [1] выглядятъ хорошо. Скажи *Воейкову*, что я нахожу его кабинетъ прелестнымъ (къ счастью, тамъ не пахнетъ сигарами).

Теперь я должна заснуть и кончу завтра.

Такъ свѣжо, мы обѣдали на воздухѣ, и было только девять градусовъ. Беби наслаждается *Петергофомъ* и потомъ играми съ офицерами.

Дмитрію лучше. Онъ надѣется выѣхать въ четвергъ, хотя бы на костыляхъ. Онъ въ отчаяніи, что остался позади.

Послѣдній Долгорукій, *Алексѣй* [2], умеръ въ Лондонѣ. Спи мирно и отдохни хорошенько, мое сокровище, я благословила и цѣловала твою подушку, такъ какъ, увы, тебя у меня нѣтъ, чтобы приласкать и прижаться къ тебѣ. Прощай, мой Ангелъ.

15 іюня. Опять очень хорошая погода, я пишу на балконѣ. Мы завтракали, потому я должна принимать нѣсколькихъ офицеровъ и послѣ того отправиться къ Маврѣ. Мы дѣлали снимки въ лазаретѣ въ саду, сидѣли на балконѣ послѣ того, какъ мы совсѣмъ покончили.

Такъ хочется имѣть извѣстія. Сколько то ты времени будешь отсутствовать?

Аня въ первый разъ поѣхала въ городъ на моторѣ къ своимъ родителямъ, такъ какъ ея мать больна, а потомъ къ нашему Другу. Теперь прощай, мое дорогое любимое сокровище, моя душка, нѣжно тебя цѣлую и молю Бога благословить, охранить и руководить тобою.

Твоя старая женка.

Хватаетъ ли у тебя терпѣнія читать такія длинныя письма?

---

[1] Жена и двѣ дочери гр. Фредерикса.

[2] «Послѣдній», т. е., изъ трехъ братьевъ: Старшій братъ, Александръ Сергѣевичъ, былъ оберъ-гофмаршаломъ. Второй, Николай, умеръ посломъ въ Римѣ.

№ 87.

15 іюня 1915 г.

Мой любимый,

Прежде чѣмъ пойти спать, я начинаю свое письмо къ тебѣ. Спасибо за телеграмму, которую я получила во время обѣда. Мы обѣдали въ комнатахъ, такъ какъ было только девять градусовъ, и я только что вымыла себѣ голову. Мнѣ грустно, что толстый О. (Орловъ) не посылаетъ мнѣ больше телеграммъ, предполагаю, что нечего особенно сказать. Когда ты не здѣсь, прямыхъ извѣстій не получается, и чувствуешь себя потерянной. Я жадно жду обѣщаннаго твоего письма.

Городъ полонъ сплетенъ, будто всѣхъ министровъ смѣнятъ, — что *Кривошеинъ*[1] будетъ первымъ министромъ, *Манухинъ* вмѣсто *Щегловитова, Гучковъ* помощникомъ *Поливанова* и т. д., и нашъ Другъ, къ которому Аня ѣздила прощаться, очень хотѣлъ знать, что правда, (какъ будто бы также *Самаринъ*[2] вмѣсто *Саблера*, котораго лучше не мѣнять, прежде чѣмъ не найти очень хорошаго, чтобы замѣнить его; конечно, *Самаринъ* пойдетъ противъ нашего Друга и будетъ заступаться за епископовъ, которыхъ мы не любимъ — онъ такой настоящій «москвичъ» и такъ узокъ). Ну, Аня отвѣтила, что я ничего не знаю. Онъ просилъ тебѣ передать, что ты долженъ меньше обращать вниманія на то, что тебѣ будутъ говорить, и не давать имъ вліять на тебя, но пользоваться твоимъ собственнымъ инстинктомъ и руководиться имъ, чтобы быть болѣе въ себѣ увѣреннымъ, и не прислушиваться слишкомъ много, и не уступать другимъ, которые знаютъ меньше, чѣмъ ты. Время такое серьезное и трудное, что вся твоя личная мудрость необходима, и твое сердце должно руководить тобой. Онъ сожалѣетъ, что ты не говорилъ съ Нимъ немного больше обо всемъ, что ты думаешь и намѣренъ сдѣлать, и о чемъ предполагаешь говорить съ твоими министрами, и о перемѣнахъ, которыя ты предполагаешь сдѣлать. Онъ такъ усердно молится за тебя и за Россію и можетъ больше помочь, когда ты откровенно говоришь съ Нимъ. Я страшно страдаю отъ разлуки съ тобой. Двадцать лѣть мы все дѣлили пополамъ, а теперь происходятъ серьезныя вещи, и я не знаю твоихъ мыслей и намѣреній; это такъ больно. Богъ да поможетъ и правильно направитъ тебя, моя дорогая душка. Я тоже гораздо спокойнѣе, когда ты тутъ. Я страшусь, что они воспользуются твоимъ добрымъ сердцемъ и заставятъ тебя дѣлать вещи, которыхъ бы ты, вѣроятно, не сдѣлалъ, если бы могъ спокойно ихъ обдумать здѣсь.

[1] А. В. Кривошеинъ — министръ земледѣлія.
[2] А. Ф. Самаринъ — московскій губ. предводитель дворянства.

Я была на часъ времени у Мавры. Она храбра и спокойна. Татьяна[1] выглядитъ ужасно и еще тоньше и зеленѣе. Какъ ужасно печаленъ этотъ случай, приключившійся съ молодой четой *Казбекъ* Они ѣхали съ безумной скоростью въ моторѣ и налетѣли на шлагбаумъ — они не видѣли, что онъ закрытъ. Онъ былъ убитъ на мѣстѣ, а у нея сломана рука. Сперва думали, что обѣ ноги сломаны и голова проломлена, но теперь говорятъ, что только рука и что ей не такъ плохо, и ей не разсказали про мужа. Несчастный отецъ, теперь потерялъ третьяго сына. Это ужасно! Мы отправились на выставку-базаръ. Намъ показали очень милыя издѣлія раненыхъ, и я надѣюсь, что это окажется полезнымъ и побудитъ всѣхъ выучиться какому нибудь ремеслу. У меня порядочно болѣла опять голова, такъ что лучше мнѣ постараться заснуть теперь. Уже половина перваго. Всѣ мои молитвы и нѣжнѣйшія мысли окружаютъ тебя глубочайшей любовью и состраданіемъ. Ахъ, какъ я хотѣла бы помочь тебѣ и дать тебѣ вѣру въ себя самого. Какъ долго ты еще останешься? Спи хорошо, спокойно и пусть святые ангелы оберегаютъ твой сонъ.

16 іюня. Только что получила твое драгоцѣнное письмо, за которое благодарю изъ глубины сердца. Я рада, что ты былъ доволенъ работой и засѣданіемъ. Да, милочка, по поводу Самарина я г о р а з д о болѣе огорчена, я просто въ отчаяніи. Это именно одинъ изъ скверной ханжеской клики Эллы, близкій другъ *Софьи Ивановны Тютчевой*[2]. У меня есть серьезныя основанія не любить этого епископа *Трифона*, такъ какъ онъ всегда говорилъ и теперь говоритъ въ арміи противъ нашего Друга — теперь у насъ опять начнутся исторіи противъ нашего Друга и все пойдетъ дурно. Я отъ всей глубины сердца и души надѣюсь, что онъ не приметъ (назначенія) — это бы означало вліяніе Эллы и приставаніе съ утра до ночи. И онъ противъ насъ, разъ онъ противъ *Гр(игорія)*. И такъ ужасно узокъ, настоящій московскій типъ — голова безъ души. Сердце у меня тяжело, какъ свинецъ. Въ тысячу разъ лучше еще на нѣсколько мѣсяцевъ оставить *Саблера*, чѣмъ имѣть *Самарина*.

Устрой *кр. ходъ* т е п е р ь, не откладывай его, милый, послушайся меня, это серьезно, сдѣлай это поскорѣй, теперь постъ, поэтому оно болѣе подходяще, выбери день Петра и Павла, но теперь же, и поскорѣе. Ахъ, зачѣмъ мы не вмѣстѣ, чтобы обо всемъ переговорить и

[1] В. Кн. Татьяна Константиновна, замужемъ за кн. Багратіонъ-Мухранскимъ.

[2] Внучка поэта, дочь Ив. Фед. Тютчева, б. воспитательница великихъ княженъ, оставившая службу изъ за несогласій съ Императрицей по поводу Распутина и допуска его въ дѣтскія комнаты.

помочь, чтобы не случались вещи, которыя, я знаю, не должны были бы быть. У меня не умная голова, но я прислушиваюсь къ своей душѣ и хотѣла бы, чтобы ты прислушивался, мой милый.

Я не хочу ворчать, но я только все тебѣ прямо говорю. Прощай, мое все, Богъ да благословитъ и поможетъ тебѣ, цѣлую тебя безъ конца.

Всегда твоя печальная женка.

№ 88.

16 іюня 1915 г.

Мой любимый,

Только нѣсколько словъ на ночь. Твой сладкій пахучій жасминъ я заложила въ евангеліе — онъ напомнилъ мнѣ Петергофъ. Не похоже на лѣто, когда не живешь тамъ. Мы сегодня обѣдали на воздухѣ, но вернулись въ комнаты послѣ девяти, такъ какъ было сыро. Днемъ я оставалась на балконѣ. Я хотѣла отправиться въ церковь вечеромъ, но чувствовала себя слишкомъ утомленной. На сердцѣ такая тяжесть и такая грусть. Я всегда вспоминаю, что говоритъ нашъ Другъ, и какъ часто мы не обращаемъ достаточнаго вниманія на его слова.

Онъ былъ такъ противъ твоей поѣздки въ *Ставку*, потому что тамъ тебя обхаживаютъ и заставляютъ тебя дѣлать вещи, которыхъ лучше было не дѣлать. Здѣсь атмосфера въ твоемъ домѣ болѣе здоровая, и ты бы видѣлъ вещи правильнѣе — если бы только ты могъ поскорѣе вернуться. Я говорю не изъ эгоистическаго чувства, но потому, что я чувствую, что здѣсь я спокойнѣе на твой счетъ, а тамъ я постоянно боюсь, не замышляютъ ли чего либо. Ты видишь, у меня абсолютно нѣтъ довѣрія къ Н(иколашѣ) — я знаю, что онъ далеко не уменъ и, такъ какъ онъ пошелъ противъ человѣка, посланнаго Богомъ, его дѣла не могутъ быть угодны Богу, и его мнѣніе не можетъ быть правильно. Когда *Гр*(игорій) вчера слышалъ въ городѣ, передъ отъѣздомъ, что *Самаринъ* назначенъ, уже тогда вся публика это знала, онъ былъ въ полномъ отчаяніи, такъ какъ онъ въ послѣдній вечеръ, здѣсь проведенный, умолялъ тебя не мѣнять Саблера сейчасъ и говорилъ, что скоро, можетъ быть, найдется настоящій человѣкъ, а не московская банда, которая опутаетъ насъ, какъ паутина. Враги нашего Друга — наши собственные враги, и *Щербатовъ*, я увѣрена, будетъ съ нимъ заодно. Прошу у тебя прощенія, что пишу все это, но я такъ несчастна съ тѣхъ поръ, какъ я объ этомъ (назначеніи) услышала, и не могу успокоиться. Я теперь вижу, почему *Гр*(игорій) не хотѣлъ, чтобы ты туда ѣздилъ. Здѣсь я могла бы тебѣ помочь. Моего вліянія

боятся, Григорій такъ сказалъ (не мнѣ) и *Воейкова* также, потому что они знаютъ, что у меня упорная воля, и что я лучше другихъ вижу ихъ насквозь и помогу тебѣ быть твердымъ. Я бы все испробовала, чтобы разубѣдить тебя, если бы ты былъ здѣсь, и я думаю, что Богъ бы мнѣ помогъ, и ты бы вспомнилъ слова нашего Друга. Когда Онъ говоритъ, что не слѣдуетъ чего либо дѣлать, и когда Его не слушаются, то всегда впослѣдствіи видишь свои ошибки. Если только онъ *(Самаринъ)* приметъ (назначеніе), Николаша постарается его обойти и востановить противъ нашего Друга. Это его тактика! Умоляю тебя, при первой же встрѣчѣ сь С. (Самаринымъ), когда ты его увидишь, говори съ нимъ очень твердо. Сдѣлай это, дорогой мой, во имя Россіи, надъ Россіей не будетъ благословенія, если ея повелитель допуститъ, чтобы человѣкъ, посланный Богомъ на помощь намъ, подвергался преслѣдованіямъ.

Скажи ему строго, твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ, что ты запрещаешь всякія интриги противъ нашего Друга или разговоры насчетъ его, или малѣйшее преслѣдованіе, иначе ты его (Самарина) не будешь держать. Скажи, что настоящій слуга не смѣетъ идти противъ человѣка, котораго уважаетъ и предъ которымъ благоговѣетъ его Государь. Ты знаешь дурную роль, которую играетъ Москва, скажи ему все это. Его другъ дѣтства *С. И. Тютчева* распространяетъ ложь насчетъ дѣвочекъ[1]. Повтори это и скажи, что ея ядовитая ложь причинила много зла, и что ты не позволишь, чтобы она продолжала. Не смѣйся надо мной. Если бы ты только зналъ, какія слезы я сегодня проливала, ты бы понялъ огромную важность всего этого. Это не женская чепуха, но прямая настоящая правда. Я тебя обожаю слишкомъ глубоко, чтобы утомлять тебя такимъ письмомъ, какъ это, въ такое время, если бы душа и сердце мнѣ не подсказывали его. Мы женщины имѣемъ иногда инстинктъ того, что правильно, дорогой, и ты знаешь, какъ я люблю твою страну, которая стала моей. Ты знаешь, что для меня эта война во всѣхъ отношеніяхъ, и что Божій Человѣкъ, который непрестанно за тебя молится, можетъ подвергнуться преслѣдованію — что Богъ не простилъ бы намъ нашей слабости и нашего грѣха, если бы мы Его не защитили. Ты знаешь, какъ велика ненависть Н. (Николаши) къ *Гр*(игорію). Переговори хоть разъ съ *Воейковымъ*, моя душка, онъ понимаетъ эти вещи, потому что онъ честно преданъ тебѣ.

С. (Самаринъ) очень самоувѣренный человѣкъ, лѣтомъ я имѣла случай въ этомъ убѣдиться, когда мнѣ пришлось съ нимъ вести этотъ разговоръ по вопросу объ эвакуаціи. Ростов(цевъ) и я вынесли очень

[1] Царскихъ дочерей.

непріятное впечатлѣніе отъ его самонадѣянности — слѣпое обожаніе Москвы и презрѣніе къ Петербургу. Тонъ, которымъ онъ говорилъ, крайне возмутилъ Рост(овцева). Это показало мнѣ его въ другомъ свѣтѣ, и я поняла, какъ непріятно было бы имѣть съ нимъ дѣло. Когда его раньше предложили для Алексѣя[1], я, не колеблясь, сказала — нѣтъ, ни за что, не хочу такого человѣка, съ такимъ узкимъ міровоззрѣніемъ. Наша Церковъ нуждается какъ разъ въ обратномъ — въ душѣ, а не въ мозгѣ.

Господь всемогущій да поможетъ намъ и да приведетъ все въ порядокъ, и да услышитъ наши молитвы, и дастъ тебѣ, наконецъ, больше увѣренности въ твоей собственной мудрости, чтобы ты не слушался другихъ, но только нашего Друга и твоей души. Еще разъ прости это письмо, написанное болящимъ сердцемъ и съ заплаканными глазами. Теперь нѣтъ ничего пустячнаго — все важно. Я уважаю и люблю стараго *Горемыкина*, если бы я его видѣла, я знаю какъ бы я съ нимъ говорила. Онъ такъ откровененъ съ нашимъ Другомъ, но не понимаетъ, что С. (Самаринъ) твой врагъ, разъ онъ принимается говорить противъ *Гр*(игорія).

Я увѣрена, что твое бѣдное милое сердце больше болитъ, что оно расширено и нуждается въ капляхъ. Пожалуйста, милушка, гуляй меньше — я надорвала свое сердце ходьбой пѣшкомъ во время охотъ и въ Финляндіи и прежде, чѣмъ обратилась къ докторамъ, испытала безумныя боли, задыхалась, страдала сердцебіеніемъ. Позаботься о своемъ здоровьѣ, Агунюшка. Я ненавижу быть въ разлукѣ съ тобой. Это мнѣ самое большое наказаніе, въ такое время особенно. Нашъ первый Другъ[2] далъ мнѣ этотъ образъ съ колокольчикомъ, чтобы предупреждать меня насчетъ тѣхъ, которые неправедны, и чтобы не дать имъ приблизиться ко мнѣ. Я его буду чувствовать и, такимъ образомъ, охраню тебя отъ нихъ. Даже семья[3] это сознаетъ, и потому они стараются добраться до тебя, когда ты одинъ, когда они знаютъ, что (добиваются) чего то неправильнаго и что я не одобрю этого. Это я по своему почину; Господь желаетъ, чтобы твоя бѣдная женка тебѣ помогала. Гр(игорій) всегда такъ говоритъ и Mr. Ph.[4] говорилъ также, и говорилъ, чтобы я тебя предупреждала во время, когда я знаю въ чемъ дѣло. Ну, теперь я могу только молиться и страдать, и молить Бога, чтобы Онъ охранилъ тебя и руководилъ тобой. Прижимаю тебя крѣпко къ моему сердцу, ласково глажу твой лобъ, прижимаю мои губы къ твоимъ глазамъ и губамъ, цѣлую съ любовью эти дорогія руки, которыя

---

[1] **Воспитателемъ Цесаревича.**
[2] **Филиппъ.**
[3] **Царская фамилія.**
[4] **Philippe.**

всегда отъ меня отрываютъ. Я люблю тебя, люблю тебя и желаю тебѣ добра, счастья и милости Божьей. Спи хорошо и покойно, я должна постараться также заснуть. Уже почти часъ.

Мой поѣздъ привезъ много раненыхъ. Поѣздъ Беби привезъ массу изъ Варшавы, гдѣ они эвакуируютъ лазареты. О, Господи, помоги!

Милушка, помни, поскорѣе *Кр. ходъ.* Теперь, во время поста, это самый благопріятный моментъ, и непремѣнно отъ тебя (приказаніе), не отъ новаго Оберъ-прок. Синода. Я надѣюсь въ этомъ посту говѣть, если Б.[1] мнѣ не помѣшаетъ. Читая это письмо, ты скажешь — видно, что она — сестра Эллы. Но я не могу все сказать въ трехъ словахъ, мнѣ нужна куча страницъ, чтобы излить все, и бѣдному Солнышку приходится читать эту длинную ахинею. Но милушка знаетъ и любитъ свою старую жену.

Мальчики изъ Реальн. училища приходятъ и дѣлаютъ бинты каждое утро въ нашемъ Складѣ здѣсь отъ десяти до половины двѣнадцатаго и теперь будутъ дѣлать новѣйшія маски, которыя гораздо сложнѣе, но могутъ употребляться нѣсколько разъ. Нашъ маленькій офицеръ, больной тетаносомъ (столбнякомъ), поправляется — онъ выглядитъ рѣшительно лучше. Мы послали за его родителями на Кавказъ, и они также живутъ подъ колоннадой. У насъ такая масса теперь тамъ живетъ.

Выставка-базаръ дѣйствуетъ очень хорошо. Въ первый день было болѣе 2.000, вчера 800. Наши вещи раскупаются прежде, чѣмъ онѣ появятся. Заранѣе уже на нихъ записываются, и каждой изъ насъ удается ежедневно изготовить подушку и покрышку. Татьяна сегодня ѣздила верхомъ съ половины шестого до семи, другія играли у Ани. Эта послѣдняя посылаетъ тебѣ прилагаемую карточку, которую она сегодня купила на нашей выставкѣ. Поручи мнѣ поблагодарить ее.

Бѣдный Митя Денъ опять совсѣмъ плохъ и совсѣмъ не можетъ ходить. Соня собирается отвезти его на лиманъ возлѣ Одессы, чтобы полечиться — такъ грустно.

17 іюня. Здравствуй, мой миленькій. Я плохо спала, и сердце расширено, такъ что сегодня утромъ лежу въ кровати на балконѣ. Увы, не будетъ лазарета, голова опять слишкомъ горитъ. Звонятъ церковные колокола. Я кончу послѣ завтрака. Большія дѣвочки отправились въ городъ. Ольга получаетъ деньги, а потомъ онѣ ѣдутъ въ лазаретъ и пьютъ чай на Елагинѣ.

Очень жарко и тяжелый воздухъ, но на балконѣ сильнѣйшій вѣтеръ, вѣроятно, въ воздухѣ гроза, оттого трудно дышать. Я вынесла розы, ландыши и душистый горошекъ, чтобы насладиться ихъ благоуханіемъ. Я каждый день вышиваю для нашей выставки-базара. Ахъ,

[1] Беккеръ, условный терминъ.

мой Мальчикъ, мой Мальчикъ, какъ я хотѣла бы, чтобы мы были вмѣстѣ — такъ устаешь по временамъ, такъ изнемогаешь отъ боли и тревоги. Уже почти одиннадцать мѣсяцевъ, — но тогда была только война, а теперь эти внутренніе вопросы, которые поглощаютъ, и неудачи на войнѣ, — но Богъ поможетъ. Когда все кажется такимъ мрачнымъ, я увѣрена, что лучшіе солнечные дни придутъ. Только бы министры серьезно работали вмѣстѣ, выполняя твои желанія и приказанія, а не свои собственныя — (пусть будетъ) гармонія подъ твоимъ руководствомъ. Думай больше о Гр., милушка, передъ всякой трудной минутой проси Его заступничества у Бога, чтобы онъ вѣрно тебя направилъ.

Нѣсколько дней тому назадъ я писала тебѣ о разговорѣ съ Павломъ. Сегодня графиня Г.[1] посылаетъ мнѣ отвѣтъ Палеолога[2]: «Впечатлѣнія, которыя Е. И. В. Вел. Кн. вынесъ изъ своего разговора и которыя Вы мнѣ любезно сообщаете отъ его имени, меня глубоко трогаютъ. Онѣ подтверждаютъ, со всѣмъ возможнымъ авторитетомъ, то, въ чемъ я былъ нравственно увѣренъ, въ чемъ я никогда не сомнѣвался и въ чемъ всегда давалъ гарантію моему правительству. Одному пессимисту, который недавно пытался подорвать мою вѣру, я отвѣтилъ: Мое убѣжденіе тѣмъ болѣе твердо, что оно не покоится ни на какомъ обѣщаніи и ни на какомъ обязательствѣ. Въ рѣдкихъ случаяхъ, когда въ моемъ присутствіи обсуждались эти серьезные вопросы, мнѣ ничего не обѣщали и ни въ чемъ не обязались, потому что всякое положительное увѣреніе было бы излишне, потому что (мои собесѣдники) чувствовали, что я ихъ понималъ также, какъ я самъ, смѣю надѣяться, что былъ понятъ. Въ нѣкоторыя торжественныя минуты бываетъ такая искренность тона, такая прямота взгляда, въ которыхъ обнаруживается совѣсть, и которыя стòятъ всѣхъ клятвъ. Я тѣмъ не менѣе придаю очень высокую цѣну прямому свидѣтельству, исходящему отъ Его Высочества Великаго Князя. Мое личное убѣжденіе въ немъ не нуждалось. Но если я еще встрѣчу невѣрующихъ, я отнынѣ буду имѣть право сказать: я не только вѣрю, но я знаю». Это было по вопросу о переговорахъ насчетъ сепаратнаго мира. Говорилъ ли ты съ Воейковымъ насчетъ Данилова, пожалуйста, сдѣлай это — только не съ толстымъ Орловымъ, который большой другъ Н.(иколаши) — они все время переписываются, когда ты здѣсь. В. (Воейковъ) это знаетъ. Это не означаетъ ничего хорошаго. Онъ, навѣрное, негодуетъ насчетъ посѣщенія нашего дома Гр.(игоріемъ) и потому хочетъ отдалить тебя отъ него, увезти въ Ставку. Если бы только они знали, какъ они вредятъ, вмѣсто того, чтобы помогать тебѣ, всѣ эти слѣпцы съ ихъ ненавистью къ Гр.(игорію). Ты помнишь въ книгѣ «Les amis de Dieu» сказано, что государство не

[1] Гогенфельзенъ.
[2] Въ письмѣ слова Палеолога приведены во франц. текстѣ.

можетъ погибнуть, если его повелитель направляется Божьимъ Человѣкомъ. О, дай Ему больше руководить тобой.

Димитрій чувствуетъ себя лучше, хотя его нога все еще болитъ. Бѣдная маленькая Казбекъ, мнѣ сказали, не очень страдаетъ отъ сломанной руки, но я думаю, что она нѣсколько пришиблена, поэтому ей еще не сказали про смерть мужа. Какъ полны жизнью они были, когда Н. П. былъ на ихъ свадьбѣ! Ну, вотъ, мое письмо разрослось въ цѣлый томъ, и тебѣ скучно его будетъ читать, такъ что я лучше кончу. Богъ да благословитъ и защититъ тебя и охранитъ отъ всякаго зла, дастъ тебѣ силу и мужество и утѣшеніе во всѣхъ трудныхъ минутахъ. Я въ мысляхъ живу съ тобой, моя любовь, мой единый, мое все. Покрываю тебя поцѣлуями и остаюсь навсегда твоей нѣжной и глубоко любящей старой

«Солнышко».

Всѣ дѣти тебя цѣлуютъ. Привѣтъ старику и Н. П. *Ханъ Нахичев(анскій)*[1] завтра придетъ прощаться.

№ 89.

17 іюня 1915 г.

Моя душка,

Я только что кончила свое письмо, когда мнѣ принесли твое, дорогое. Нѣжно благодарю тебя за него. Ты не знаешь, какую радость даютъ мнѣ твои письма, такъ какъ я знаю, что у тебя мало времени писать и что ты такъ усталъ. Женка должна была бы посылать тебѣ веселыя и добрыя письма, но это трудно, такъ какъ я чувствую себя болѣе чѣмъ подавленной и унылой въ эти дни. Столько вещей меня волнуетъ. Вотъ, теперь *Дума* собирается въ августѣ. А нашъ Другъ нѣсколько разъ просилъ тебя созвать ее какъ можно позже, а не теперь, такъ какъ они всѣ должны были бы работать по своимъ мѣстамъ — а здѣсь они захотятъ вмѣшиваться и говорить о вещахъ, которыя ихъ не касаются. Никогда не забывай, что ты есть и долженъ остаться самодержавнымъ Императоромъ. Мы не подготовлены къ конституціонному правленію. Это вина Н(иколаши) и Витте, что вообще существуетъ *Дума*, и тебѣ она причинила болѣе хлопотъ, чѣмъ радости. Ахъ, мнѣ не нравится, что Николаша участвуетъ во всѣхъ этихъ большихъ засѣданіяхъ, въ которыхъ обсуждаются внутренніе вопросы. Онъ такъ мало понимаетъ нашу страну, но импонируетъ министрамъ своимъ громкимъ голосомъ и жестикуляціей. Я временами прихожу въ бѣшен-

[1] Одно время командиръ л. гв. коннаго полка, потомъ нач. дивизіи.

ство отъ его **фальшиваго** положенія. Почему министры просили перемѣнить это[1], это былъ ихъ первый долгъ[2]. У него (Николаши) нѣтъ права вмѣшиваться въ чужія дѣла, и слѣдовало бы исправить твою ошибку и поручить ему только военные вопросы — какъ сдѣлано по отношенію къ Френчу и Жофру[3]. Никто не знаетъ, кто̀ теперь Императоръ; — ты долженъ бѣгать въ Ставку и тамъ собирать своихъ министровъ, какъ будто ты не могъ бы одинъ ихъ здѣсь собрать, какъ въ прошлую среду. Похо̀же на то, словно Н. все рѣшаетъ, выбираетъ, смѣняетъ. Это меня **совершенно** убиваетъ. Ему не понравилось, что Крив.[4] говорилъ насчетъ *Данилова*[5], а между тѣмъ, тотъ исполнилъ свой долгъ. **Должна** быть какая нибудь причина, помимо его дурного характера, что вся армія и старикъ *Ивановъ* его (Данилова) ненавидятъ. Всѣ говорятъ, что онъ держитъ Н. и другихъ великихъ князей всецѣло въ рукахъ. Прости меня, что я все это пишу, но я чувствую себя такъ безконечно несчастной, и какъ будто бы всѣ даютъ тебѣ дурные совѣты и злоупотребляютъ твоей добротой. Чортъ бы побралъ *Ставку!* Оттуда добра не можетъ быть. Слава Богу, что ты можешь провести хорошій день въ *Бѣловѣжѣ,* среди дивной Божьей природы, далеко отъ интригъ. Если бы только ты могъ на день другой слетать къ Иванову и еще на другой день куда нибудь, гдѣ находятся войска, не тамъ, гдѣ гвардія, но тамъ, гдѣ собраны другіе, ожидающіе тебя. Ты опять очень долго въ отсутствіи. *Гр(игорій)* просилъ, чтобы этого не было, — но вѣдь все дѣлается противъ Его желанія, и мое сердце обливается кровью, оно въ тоскѣ и страхѣ. Ахъ, если бы я могла охранить тебя отъ большихъ тревогъ и страданій. Приходится переносить больше, чѣмъ сердце можетъ вынести. Хотѣлось бы уснуть надолго...

Душка, не пошлешь ли ты телеграмму бѣдному старому генералу *Казбеку,* который теперь потерялъ третьяго сына. Для бѣднаго старика отца это было бы истиннымъ утѣшеніемъ. Сегодня жара колоссальная и воздухъ тяжелъ и душенъ, а вѣтеръ очень силенъ. Занавѣски на балконѣ развѣваются. Дези имѣла извѣстіе отъ Вики (шведской) изъ Карлсруэ, что, когда французы стали бросать бомбы во дворецъ, они всѣ въ пять часовъ утра убѣжали въ погреба̀.

Какъ грустно, какъ разъ попали въ дворецъ, слѣдующимъ будетъ нашъ въ Майнцѣ, и прекрасный старый музей — каждая страна по очереди. *Иванъ Орловъ* въ теченіе недѣли долженъ летать ежедневно

---

[1] Т. е., рѣшеніе созвать Думу попозже.
[2] Т. е., отстоять прежнее рѣшеніе.
[3] Въ подлинникѣ «Geoffre» вмѣсто «Joffre».
[4] Кривошеинъ.
[5] См. выше.

надъ Либавой. Я такъ рада, что въ своемъ рескриптѣ ты сказалъ, что всѣ должны помогать, работать, изготовлять снаряды и т. д. — теперь, наконецъ, они должны будутъ это дѣлать. Не изводятъ ли тебя мои длинныя, ворчливыя письма, бѣдный мой маленькій?

Но я хочу только твоего добра и пишу изъ глубины страдающаго, измученнаго сердца. Мой уланъ *Княж*(евичъ) пріѣхалъ на два дня, и я его завтра увижу. Также познакомлюсь съ кн. *Щербатовымъ*. Н. П. долженъ быть очень огорченъ изъ за бѣднаго *Казбека*.

Господи, какая масса страданій со всѣхъ сторонъ. Когда же, наконецъ, миръ и счастье снова воцарятся на землѣ?

Милая, молодая, хорошенькая *Калзанова*, работающая съ нами всегда въ лазаретѣ, должна взять двухмѣсячный отпускъ — она переутомилась, и ея всегда нездоровое сердце настолько ухудшилось, что ее послали въ деревню, а оттуда въ *Ливадію*. Добрый Гейденъ сегодня далъ *Стрѣлу*[1], чтобы отвезти госпожу *Танѣеву* въ *Петергофъ*, такъ какъ она слишкомъ больна, чтобы ѣхать моторомъ или по желѣзной дорогѣ. Нашъ Другъ сказалъ, чтобы они туда на это лѣто не ѣздили, но они не могли больше переносить городской воздухъ. Бѣдная женщина такъ страшно страдаетъ отъ камней въ печени, а теперь, я думаю, у нея желтуха. Такъ какъ Аня можетъ выносить моторъ, она завтра послѣ завтрака туда поѣдетъ и вернется въ пятницу, такъ какъ осторожнѣе провести тамъ ночь.

Не могъ ли бы ты сказать мнѣ, гдѣ сейчасъ мои *Крымцы* — я слышала, будто ихъ перевели изъ Буковины въ другое мѣсто.

Такъ я благодарю тебя за дорогую телеграмму, я тотчасъ же попросила *Горемыкина* придти завтра въ четвергъ и буду счастлива выслушать милаго старика, и съ нимъ я могу говорить совсѣмъ откровенно. Я знаю его съ тѣхъ поръ, какъ я замужемъ, и онъ такъ абсолютно преданъ тебѣ, и пойметъ меня. Сейчасъ девять часовъ, былъ такой ливень и дважды очень далекій громъ. Теперь идетъ проливной дождь уже четыре часа — это освѣжитъ воздухъ, который былъ очень душенъ весь день сегодня. *Гр*(игорій) телеграфируетъ А. (Анѣ) изъ *Вятки: «Ѣду спокойно, сплю, поможетъ Богъ, цѣлую всѣхъ»*.

Прощай, мой маленькій, спи безмятежно, святые ангелы да охранятъ твой сонъ и пусть усердныя молитвы твоей любящей женки охранятъ ея дорогую солнечную большеглазую душку.

18. Доброе утро, мое сокровище. Солнца нѣтъ, шелъ маленькій дождь, тепло, даже жарко и тяжелый грозовой воздухъ. Сердце все еще расширено, такъ что я опять не двигаюсь и перейду на балконъ около двѣнадцати, какъ и вчера. Я приказала провести электрическіе

[1] Яхту.

шнуры, тогда мы можемъ имѣть тамъ лампы и проводить наши вечера на воздухѣ, когда тепло. Подумай о насъ въ *Бѣловѣжѣ*. Столько воспоминаній о давно прошедшихъ годахъ, когда мы были моложе и всюду бывали вмѣстѣ — и о послѣднемъ страшномъ времени[1], когда бѣдный страдалецъ Беби часами лежалъ на моей кровати, и мое сердце также было плохо. Воспоминанія о страданіяхъ и тревогѣ — и вы всѣ были далеко. Безконечные дни, полные страданій. Ты найдешь мое имя на окнѣ спальни, выходящемъ на балконъ, подъ моими иниціалами изъ проволоки, наложенными на оконную раму. Милый, я видѣла моего *Княжевича*, и мы говорили о *Масловѣ*. Въ августѣ будетъ 25 лѣтъ, какъ онъ въ полку — онъ очень хорошо тамъ справлялся, пока командиръ былъ боленъ. Все же есть много вопросовъ, которые его затрудняютъ, и если бы онъ получилъ другой полкъ, онъ бы лишился уланскаго мундира и, вѣроятно, не былъ бы очень удачнымъ командиромъ. Онъ чувствуетъ, что, оставаясь въ полку, онъ мѣшаетъ производству другихъ. Не могъ ли бы ты назначить его *фл. адъют.* Это было бы милостью, такъ какъ онъ такой въ самомъ дѣлѣ хорошій человѣкъ, но тогда лучше поскорѣй. *Княж.* задержалъ всѣ бумаги, касающіяся назначенія его командиромъ полка. Это дало бы ему возможность остаться въ полку, не причиняя никому вреда. Въ Кавалергардскомъ полку есть цѣлая масса старыхъ полковниковъ. Они какъ то это устраиваютъ.

Я видѣла князя *Щербатова*. Онъ произвелъ на меня пріятное впечатлѣніе, насколько можно судить послѣ одного разговора.

Дѣвочки отправились въ инвалидный лазаретъ, а Аня въ Петергофъ, такъ что я одна. Я окружена массами розъ (только что присланными изъ *Петергофа*) и душистаго горошка — запахъ — одна мечта, я хотѣла бы ихъ переслать тебѣ.

Только что получила твою милую телеграмму, за которую нѣжно благодарю. Слава Богу, что ты чувствуешь себя лучше, только не переутомляйся, гуляя слишкомъ много. Это никогда не рекомендуется, когда сердце не вполнѣ въ порядкѣ, слишкомъ много напряженія за разъ, физическаго и моральнаго. Теперь должна отослать письмо. Я видѣла въ газетахъ, что наши миноносцы дѣйствовали хорошо.

Прощай, да благословитъ тебя Господь, дорогое солнышко, ласкаю и цѣлую съ безграничной любовью и нѣжностью.

Навсегда, мой Ники, твоя собственная женка

«Солнышко».

---

[1] Въ Бѣловѣжѣ въ 1912 г. Цесаревичъ былъ опасно боленъ.

№ 90.

18 іюня 1915 г.

Моя душка,

Настоящая лѣтняя погода, днемъ очень жарко, а вечеромъ прелестно; я надѣюсь, что завтра лампы будутъ готовы, тогда мы можемъ дольше сидѣть на воздухѣ, если только насъ не съѣдятъ комары. Дѣвочки ѣздили на моторѣ послѣ обѣда, до этого онѣ навѣщали Татьяну [1]. Милый старый *Горемыкинъ* сидѣлъ со мною въ теченіе часа, и мнѣ кажется, что мы затронули много вопросовъ. Дай Богъ ему дольше прожить. Я спрашивала его насчетъ *Поливанова*. Онъ сказалъ, что, когда его предлагали для Варшавы, Н. (Николаша) сдѣлалъ страшную гримасу, а теперь сразу его предложилъ, и когда Г(Горемыкинъ) его спросилъ, почему онъ теперь называетъ это имя, онъ отвѣтилъ, что перемѣнилъ мнѣніе. Онъ передалъ мнѣ то, что *Самаринъ* ему сказалъ и чего онъ тебѣ не написалъ, я ему сказала свое мнѣніе о немъ и о *Щеглов*(итовѣ), и тогда онъ меня пріятно удивилъ, сказавъ мнѣ, что ты ему сообщилъ о своемъ намѣреніи его смѣнить — онъ думаетъ, что *Хвостовъ* [2] будетъ хорошимъ выборомъ. Онъ видитъ и понимаетъ все такъ ясно, что говорить съ нимъ настоящее удовольствіе, — мы говорили по вопросу о нѣмцахъ и евреяхъ, и о томъ, какъ все это неправильно велось, и о приказаніяхъ, отданныхъ генералами и Н. (Николашей). Какъ они, напримѣръ, обошлись съ *Экеспарре* [3]. Я хотѣла бы, чтобы другіе обладали его [4] здравымъ сужденіемъ. Я очень устала, такъ что кончаю и постараюсь заснуть. Да благословитъ Богъ твой сонъ.

19-ое. Здравствуй, мое сокровище. Опять прелестная погода. Такой Божій даръ послѣ поздняго лѣта и дождей. *Инженеръ-механикъ* [5] ко мнѣ пришелъ, и я хотѣла бы прогнать его. Хотѣла бы знать, какія вѣсти съ войны, такъ мало слышишь. Наше упорное отступленіе, въ концѣ концовъ, очень удлинитъ и усложнитъ ихъ фронтъ, и я надѣюсь, что въ этомъ будетъ для насъ выгода. Какъ насчетъ Варшавы? [6] Изъ лазаретовъ увозятъ больныхъ и нѣкоторые даже совсѣмъ эвакуируются. Можетъ быть, это только крайняя мѣра предосторожности, такъ какъ вѣдь, навѣрное, въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ было время хорошо укрѣпить городъ. Они [7], повидимому, возобновляютъ свое осеннее дви-

[1] Кн. Татьяну Константиновну.

[2] А. А. Хвостовъ, сенаторъ, б. директоръ департамента министерства юстиціи.

[3] Членъ Гос. Сов.

[4] Т. е. Горемыкина.

[5] Обычный для Императрицы условный терминъ, касающійся ея здоровья.

[6] Въ подлинникѣ по французски «Varsovie».

[7] Нѣмцы.

женіе, только теперь они направятъ свои наилучшія войска, и имъ будетъ легче, такъ какъ они знаютъ театръ войны наизусть. Мои дорогіе сибирцы со своими товарищами должны будутъ выдержать массовое наступленіе, и пусть они еще разъ спасутъ Варшаву. Все лежитъ въ Божьей рукѣ, — и пока мы еще можемъ тянуть, до полученія достаточныхъ снарядовъ, а тогда напасть на нихъ всѣми силами. Но постоянныя крупныя потери разрываютъ сердце — они какъ мученики прямо идутъ въ свое небесное жилище, это правда, но все же это очень тяжело. Обрати вниманіе на подпись Беби въ его письмѣ — это его собственное изобрѣтеніе, и, повидимому, его настроеніе за урокомъ сегодня утромъ было немного буйнымъ, и онъ получилъ только 3. Дѣвочки берутъ кое-какіе уроки на балконѣ. У Бенкендорфа[1] внезапно былъ обморокъ въ городѣ, и онъ ушибся при паденіи. Говорятъ, что это можетъ быть отъ желудка, но я боюсь худшаго. Мы увидимъ, что скажутъ доктора сегодня утромъ. Это была бы потеря, такъ какъ онъ стоитъ гораздо большаго, чѣмъ *Валя*[2]. И онъ все же человѣкъ стараго стиля, что теперь, увы, уже не встрѣчается. Рядомъ со мной стоитъ огромный букетъ жасмина на балконѣ. Г-жа *Вильч*(ковская) нарвала его въ саду въ лазаретѣ.

Прощай, моя душка, мой свѣтъ, моя радость. Благословляю и цѣлую тебя непрестанно съ глубочайшей любовью.

Навсегда твоя собственная женка.

№ 91.

20 іюня 1915 г.

Мой любимый Ники,

Всѣ мои мысли съ тобой, съ нѣжной любовью въ твоемъ одиночествѣ. Я слышу колокольный звонъ и такъ хотѣла бы помолиться за тебя, но сердце опять расширено, такъ что я должна сохранять покой. Погода опять великолѣпная. Нашъ уголъ на балконѣ такъ уютенъ и красивъ по вечерамъ при двухъ лампахъ, мы сидимъ на воздухѣ до послѣ одиннадцати. Аня видѣла издали Александрію[3], *«Дозорный», «Развѣдчикъ» и «Работникъ»* — масса публики, музыка, все казалось прелестнымъ[4]. Грустно и странно въ первый разъ за двадцать лѣть не быть тамъ — но здѣсь еще больше работы, и я не могла бы постоянно

[1] Гофмаршалъ гр. П. К. Бенкендорфъ.
[2] Кн. В. Долгорукій, впослѣдствіи сопровождавшій царскую семью въ Сибирь и погибшій вмѣстѣ съ нею.
[3] Яхта.
[4] Рѣчь идетъ о Петергофѣ.

ѣздить изъ *Петергофа* (сюда). Можно посылать за тѣми, кто нуженъ, и скорѣе получать ихъ когда въ нихъ нуждаешься. Такъ хотѣла бы знать, что ты рѣшилъ съ *Самаринымъ*, отпустилъ ли ты его — если да, то не торопись находить другого и поговоримъ объ этомъ спокойно здѣсь. Я все сказала старику и я думаю, то онъ меня понимаетъ, хотя онъ очень религіозенъ, но лично мало освѣдомленъ насчетъ церковныхъ дѣлъ *(Горем)*(ыкинъ).

А. (Аня) сегодня получила отъ нашего Друга изъ *Тюмени* слѣдующую телеграмму: «*Встрѣтили пѣвцы, пѣли Пасху, настоятель торжествовалъ помните, что Пасха, вдругъ телеграмму получаю, что сына забираютъ. Я сказалъ въ сердцѣ неужели я Авраамъ, вѣка прошли, одинъ сынъ кормилецъ, надѣюсь пущай онъ владычествуетъ при мнѣ, какъ при древнихъ царяхъ*».

Любимый мой, что ты можешь для Него сдѣлать, кого это касается? — Его единственный сынъ не долженъ былъ быть забранъ. Не можетъ ли *Воейковъ* написать *воинск*(ому) *начальник*(у). Я думаю, что это его касается, — не скажешь ли ты, пожалуйста.

Поѣздъ съ твоимъ фельдъегеремъ запоздалъ на 8 часовъ, такъ что я получу твое письмо только въ семь. Сейчасъ *Варнава* телеграфируетъ мнѣ изъ *Кургана: Родная государыня, 17 числа въ день святителя Тихона Чудотворца во время обхода кругомъ церкви въ селѣ Барабинскомъ вдругъ на небѣ появился крестъ. Былъ виденъ всѣми минутъ пятнадцать. А т. к. святая церковь поетъ «Крестъ — царей держава, вѣрныхъ утвержденіе» то и радую Васъ симъ видѣніемъ, вѣруя что Господь послалъ это видѣніе-знаменье дабы видимо утвердить вѣрныхъ своихъ любовью. Молюсь за васъ всѣхъ.*

Дай Богъ, чтобы это было хорошее предзнаменованіе, кресты не всегда бываютъ (хорошимъ предзнаменованіемъ).

Бенкендорфъ былъ у меня, онъ выглядитъ хорошо, только чувствуетъ себя нѣсколько слабымъ. Онъ сказалъ что написали, что ты можетъ быть возвращаешься 24-го. Неужели это правда? Какая радость опять тебя имѣть здѣсь въ безопасности. Благословляю и цѣлую тебя со всей силой моей великой любви. Навсегда, душка моя,

Твоя собственная

«Солнышко».

№ 92.

21 іюня 1915 г.

Мой милый,

Такъ любовно благодарю тебя за твое дорогое письмо, которое я получила вчера передъ обѣдомъ. Беби благодаритъ за огарокъ. Я

дала своему слугѣ лишнюю свѣчку на дорогу. Возвращаю тебѣ при этомъ cascara [1]. Я рада, что твоему Drachenschuss'у [2] лучше, я постоянно имъ страдаю и обыкновенно отъ неправильнаго движенія и при томъ съ лѣвой стороны, что для сердца хуже. Сегодня мое сердце не расширено, но я не буду двигаться. Костя (чтобы проститься) и Татьяна [3] сегодня придутъ пить чай, прежде чѣмъ дѣти отправятся играть къ Анѣ. Беби поѣхалъ въ Ропшу на нѣсколько часовъ. Онъ любитъ эти экспедиціи. Такой чудный воздухъ и упоительный вѣтерокъ, и птицы поютъ такъ весело. Я буду думать о тебѣ такъ много завтра и надѣюсь, что ты насладишься нашимъ дорогимъ *Бѣловѣжемъ.* Вчера вечеромъ мы были у Ани, тамъ были 2 *Граббе,* Нини, Эмма, Аля, *Кусовъ* изъ *моск. драг. полк.* (Эксъ-*Нижегор.).* Въ первый разъ я его видѣла и чувствовала съ нимъ себя совсѣмъ свободно, точно мы знали другъ друга годами. Я лежала и работала на диванѣ, а онъ сидѣлъ совсѣмъ близко и усердно болталъ. Я собираюсь пригласить его сюда разъ — такъ пріятно поговорить о всѣхъ нашихъ раненыхъ друзьяхъ.

Поздравляю тебя съ праздникомъ твоихъ кирасиръ. Маленькій *Викъ* пришелъ съ букетомъ желтыхъ розъ отъ полка, такъ трогательно. Передача мнѣ госпожей Сухомлиновой [4] (моихъ *складовъ)* идетъ успѣшно и къ счастью съ тактомъ — потому что мнѣ не хотѣлось бы, чтобы они въ этомъ пострадали, такъ какъ на самомъ дѣлѣ дѣлали много добра. Только что я получила телеграмму отъ Романовскаго (почему онъ подписывается *Г. М. Романовъ,* я не могу понять), сообщаетъ, что онъ уѣзжаетъ въ 20 *Гал. полкъ* и получилъ назначеніе въ *штабъ арміи.* Я думаю, что это мое послѣднее письмо къ тебѣ, развѣ бы я услышала, что кто нибудь ѣдетъ тебѣ навстрѣчу. Какая радость имѣть тебя опять со мной. Дорогой мой, женка такъ одинока и ей такъ тяжело на сердцѣ. Назначеніе С(амарина) меня огорчаетъ, ничего съ этимъ не подѣлаю, такъ какъ онъ врагъ нашего Друга, и это самое худшее, что можетъ быть, — теперь болѣе, чѣмъ когда либо.

Благословляю и цѣлую безъ конца и такъ люблю, люблю.

Навсегда, мой Ники, твоя собственная старая

«Солнышко».

---

[1] Слабительное.

[2] Прострѣлъ, lumbago.

[3] Кн. Константинъ Константиновичъ (младшій) и сестра его.

[4] Е. В. Сухомлинова была освобождена отъ обязанностей предсѣдательницы отдѣла складовъ Ея Вел. при домѣ воен. министра.

№ 93.

22 іюня 1915 г.

Мой любимый,

Хотѣла бы знать, какъ ты доѣхалъ до *Бѣловѣжа* и была ли погода такъ прекрасна, какъ здѣсь. Итакъ, ты отложилъ свое возвращеніе. Ну, что же, нечего дѣлать; если бы ты могъ бы по крайней мѣрѣ этимъ воспользоваться, чтобы посѣтить нѣкоторыя войска. Не могъ ли бы ты опять слетать, какъ будто бы въ *Бѣлов.*, но только по другому пути и не говоря никому. Объ этомъ не зачѣмъ знать Н. (Николашѣ) также, какъ и моему врагу *Джунк*(овскому)[1]. Ахъ, дорогой мой, онъ не честный человѣкъ, онъ показалъ эту гнусную гряную бумагу[2] (направленную противъ нашего Друга) Димитрію, который все повторилъ Павлу, а этотъ Алѣ. Это такой грѣхъ. И будто бы ты сказалъ ему, что тебѣ надоѣли эти грязныя исторіи, и что ты хочешь, чтобы Его строго наказали.

Видишь, онъ извращаетъ твои слова и приказанія. Надо было наказать клеветниковъ, а не Его — что въ *Ставкѣ* хотятъ отъ него отдѣлаться (этому я вѣрю) — ахъ, это такъ гнусно. Всюду лжецы, враги, — я давно знаю, что *Джунк*(овскій) ненавидитъ *Гр*(игорія) и что поэтому *Преобр*(аженская)[3] клика меня ненавидитъ, такъ какъ, благодаря мнѣ и А. (Анѣ), Онъ появляется у насъ въ домѣ.

Зимою *Дж*(унковскій) показалъ эту бумагу *Воейк*(ову), прося его передать тебѣ ее, но онъ отказался сдѣлать такую гадость, вотъ почему онъ (Джунковскій) ненавидитъ *Воейк*(ова) и держится *Дрент*(ельна). Мнѣ непріятно говорить такія вещи, но это горькая правда, а теперь ко всему еще прибавился *Самаринъ*, — отъ этого добра не будетъ.

Если мы дадимъ преслѣдовать нашего Друга, и мы и наша страна отъ этого пострадаемъ. Уже разъ, годъ тому назадъ, покушались убить Его, и уже достаточно на Него наклеветали. Какъ будто бы они не позвали бы сейчасъ же полицію, чтобы застигнуть Его на мѣстѣ — такая мерзость. Пожалуйста, поговори съ *Воейковымъ* объ этомъ. Я хочу, чтобы онъ зналъ о поведеніи *Джунк*(овскаго) и о злоупотребленіи твоими словами. *Воейк*(овъ) не дуракъ, — не называя именъ, онъ можетъ лучше объ этомъ разузнать. Надо только запретить объ этомъ говорить. Я не знаю, какъ поступитъ *Щерб*(атовъ). Вѣроятно, онъ также враждебенъ нашему *Др*(угу), а поэтому и намъ. И *Дума* не смѣетъ касаться этого предмета, когда они соберутся.

[1] Ген. Джунковскій, б. тов. Мра. Вн. Дѣлъ.

[2] Протоколъ о скандалѣ, учиненномъ Распутинымъ въ Вилла Роде, на островахъ.

[3] Ген. Джунковскій служилъ въ Преображенскомъ полку.

Яоманъ говоритъ, что они попытаются, чтобы заставить отдѣлаться отъ *Гр*(игорія) и отъ А. (Ани). Я такъ устала, у меня такія головныя боли и такое страданіе изъ за всего этого, — такъ ужасна мысль, что опять распространяется грязь насчетъ того, котораго мы глубоко почитаемъ.

Ахъ, дорогой мой, когда, наконецъ, ты хватишь рукой по столу и накричишь на *Джунк*(овскаго) и на другихъ, если они неправильно поступаютъ. Тебя не боятся. А должны бояться. Ты долженъ ихъ напугать, иначе всѣ садятся на насъ верхомъ. Довольно, мой дорогой, не заставляй меня тратить попусту слова. Если *Дж*(унковскій) при тебѣ, призови его, скажи ему, что ты знаешь (не называя именъ), что онъ показалъ въ городѣ эту бумагу и что ты приказываешь ему разорвать ее и не смѣть говорить о *Гр*(игоріи) такъ, какъ онъ говоритъ, и что онъ дѣйствуетъ, какъ измѣнникъ, а не какъ вѣрный подданный, который долженъ былъ бы заступаться за *друзей* своего Государя, какъ это дѣлаютъ во всѣхъ другихъ странахъ. Ахъ, мой мальчикъ, заставь ихъ дрожать передъ тобой. Любить тебя недостаточно, надо, чтобы боялись огорчить тебя или причинить тебѣ непріятность. Ты всегда слишкомъ добръ, и всѣ этимъ пользуются. Такъ не можетъ продолжаться, милый, повѣрь мнѣ хоть разъ. Я говорю тебѣ чистую правду. Всѣ, кто въ самомъ дѣлѣ тебя любятъ, жаждутъ, чтобы ты былъ рѣшительнѣе и рѣзче показалъ свое неудовольствіе, былъ бы строже. Такъ не можетъ идти хорошо. Если бы твои министры тебя боялись, все шло бы лучше. Старикъ *Горем*(ыкинъ) также думаетъ, что ты долженъ былъ бы быть увѣреннѣе въ себѣ и говорить энергичнѣе, и сильнѣе показывать, когда ты недоволенъ. Сколько слышишь жалобъ на *Ставку*, на всѣхъ окружающихъ Н. (Николашу)!

Теперь о другомъ: — я не знаю, какъ хорошенько это объяснить, не буду называть именъ, такъ чтобы никто не пострадалъ. *Эриванцы* отличный полкъ, — тамъ, гдѣ есть опасность, ихъ посылаютъ и держатъ до конца, такъ какъ въ нихъ увѣрены. Теперь собираются брать изъ этого полка офицеровъ и опредѣлять ихъ въ другіе полки, чтобы улучшать эти послѣдніе. Это совсѣмъ неправильно и поражаетъ ихъ въ самое сердце. Если ты возьмешь этихъ старыхъ офицеровъ, то полкъ уже не будетъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ. Они потеряли достаточно убитыми, ранеными, (плѣнными) и не могутъ обойтись безъ своихъ офицеровъ. Пожалуйста, не позволяй, чтобы полкъ былъ такимъ образомъ разрушенъ, и оставь этихъ офицеровъ, они любятъ свой полкъ и поддерживаютъ его славу. Такъ уже поступили съ другими офицерами 2-ой *Бриг*(ады), и они боятся, что настанетъ и ихъ чередъ, и это безпокоитъ командира и всѣхъ. Но они не осмѣливаются что нибудь сказать, не имѣютъ права. Потому они хотятъ, чтобы ихъ *шефъ* это зналъ и не

позволилъ бы, чтобы ихъ *боевые оф*(ицеры) были переведены въ другіе полки.

«Мы сумѣемъ постоять за государево дѣло въ рядахъ родного полка, не задумаемся сложить свои головы за Него. Это дѣло настолько не отложно, что нужно торопиться, пока наше родное гнѣздо не успѣли разорить. Думаю, что на такое вниманіе полкъ имѣетъ нѣкот. права не въ примѣръ прочимъ, за свою боевую службу въ прошломъ, а о настоящемъ говорчтъ приказъ по дивизіи. Всю тяжесть аръергардныхъ боевъ съ 31 мая по 6 іюня полкъ несъ на своихъ плечахъ, что признано свыше.»

Только не давай Н. (Николашѣ) и другимъ догадаться, что полкъ объ этомъ просилъ, иначе они пострадаютъ з а э т о. Пожалуйста, постарайся и сдѣлай что нибудь, и дай мнѣ отвѣтъ, они очень волнуются. Оттуда прислали очаровательнаго младшаго офицера съ письмомъ. Я должна кончать, человѣкъ ждетъ. Благословляю и цѣлую безъ конца.

Твоя собственная женка.

А. (Аня) цѣлуетъ твою руку. Прости это безобразно скучное письмо.

№ 94.

22 іюня 1915 г.

Мой любимый

Я боюсь, что письмо, которое я такъ поспѣшно тебѣ писала сегодня, доставило тебѣ мало удовольствія, и я жалѣю, что я не имѣла времени прибавить что нибудь пріятное.

Было радостно получить твою телеграмму изъ *Бѣловѣжа.* Я увѣрена, что тебѣ стало легче, когда ты побывалъ въ этомъ великолѣпномъ лѣсу — но все же у тебя было грустное чувство при видѣ всехъ старыхъ мѣстъ и отъ сознанія, что сейчасъ свирѣпствуетъ страшная война не очень далеко отъ этого мирнаго мѣста.

Сегодня утромъ я поѣхала въ своей *дрошкѣ* съ Алексѣемъ въ нашъ лазаретъ, и мы тамъ оставались болѣе двухъ часовъ. Я говорила съ ранеными и сидѣла въ лазаретѣ за вышиваніемъ, а потомъ въ саду пока другіе играли въ крокетъ, но сердце мое чувствуетъ себя плохо и такъ болѣло. Вѣроятно, я слишкомъ рано выѣхала. Но я была рада увидѣть ихъ всѣхъ. Появился *Колѣнкинъ,* послѣ того, какъ онъ только мѣсяцъ командовалъ *Александр*(овцами). Онъ долженъ былъ уѣхать изъ за страшныхъ нарывовъ въ ухѣ. У него изъ за нарывовъ прободеніе барабанной перепонки, такъ что онъ на лѣвое ухо ничего, бѣдняга, не слышитъ.

У меня былъ на полтора часа Ростовцевъ съ разговоромъ насчетъ *Склада* госпожи *Сухомлиновой* — все устраивается удовлетворительно и безъ скандала. Завтра я прійму *Поливанова*. *Щербатовъ* даетъ очень большую волю печати — *Маклаковъ* былъ гораздо строже, а теперь выходитъ, что всѣ говорятъ и слишкомъ горячатся по поводу *Думы*, а это нехорошо.

Такъ иногда хотѣлось бы уснуть и проснуться тогда, когда все будетъ кончено и миръ — внѣшній и внутренній — снова будетъ царствовать.

Имя *Самарина* уже всюду упоминается. Такъ это непріятно, вѣдь, еще не послѣдовало его назначеніе — до какой степени это во мнѣ возбуждаетъ глубочайшую тревогу! Боюсь, что надоѣдаю тебѣ всѣмъ, что я пишу, но у меня только честныя и благія намѣренія, моя душка. Другіе никогда ничего не скажутъ. Поэтому старая женка откровенно пишетъ свое мнѣніе, когда она считаетъ себя вправѣ это дѣлать. Такъ хотѣлось бы предотвратить всякія бѣдствія, но часто слова приходятъ слишкомъ поздно, когда уже ничего нельзя сдѣлать. Теперь я должна попробовать уснуть, уже поздно. Богъ да охранитъ твой сонъ и пошлетъ тебѣ отдыхъ и силу, храбрость и мужество, спокойствіе и радость.

23 іюня. Только что получила *донес*(еніе) моихъ *Алекс*(андровцевъ), которое ты былъ добръ мнѣ прислать. Спасибо, милушка. Даже конвертъ пріятно получить съ надписью, сдѣланной милымъ почеркомъ. Я сегодня не двигаюсь, такъ какъ сердце опять расширено, пульсъ довольно слабъ и голова болитъ.

Я лежу на балконѣ. Никого нѣтъ дома, и Аня уѣхала въ *Петергофъ*.

Прилагаю письмо отъ Викторіи, которое тебѣ можетъ быть будетъ пріятно прочесть.

Графиня Гогенфельзенъ[1] написала Анѣ, спрашивая ее, думаетъ ли она, что мы съ дѣтьми приняли бы завтракъ у нихъ въ домѣ послѣ церкви — въ именины Павла, вмѣстѣ съ живущими у нихъ въ домѣ знакомыми и со всѣми, которыхъ мы бы хотѣли пригласить. Я просила ее отвѣтить, что я не знаю, когда ты вернешься и что у меня опять сердечныя боли, такъ что я сомнѣваюсь, чтобы мнѣ можно было высидѣть большой завтракъ. Такъ глупо и безтактно (насъ) звать. Если бы мы хотѣли, мы сами могли бы заѣхать къ нему, чтобы поздравить. Но не такъ — съ *Бабакой* и *Ольгой Крейцъ*[2], и съ *Графиней*[3].

[1] Жена В. Кн. Павла Александровича, см. выше.

[2] Графиня О. Э. Крейцъ, рожд. Пистолькорсъ, дочь графини Гогенфельзенъ отъ перваго брака.

[3] Гогенфельзенъ.

Милушка, такъ одиноко безъ тебя, Агунюшка.

Прощай, моя птичка, благословляю и цѣлую тебя горячо и съ любовью. Я такъ надѣюсь въ пятницу утромъ причаститься, если буду достаточно хорошо себя чувствовать, а иначе придется это сдѣлать въ одинъ изъ послѣднихъ дней этого поста. Хотѣла бы я знать, что ты рѣшилъ насчетъ дня (крестъ) [1]. Я надѣюсь, ты сказалъ, что это должно быть сдѣлано по т в о е м у приказанію.

Богъ да охранитъ и благословитъ тебя, осыпаю тебя поцѣлуями.

Навсегда твоя старая
«Солнышко».

Привѣтъ старику и Н. П.

№ 95.

24 іюня 1915 г.

Мой дорогой, любимый Ники,

Опять великолѣпная погода. Я мало спала въ эту ночь и въ три выглянула изъ окна моей сиреневой комнаты. Чудное утро, чувствовалось солнце за деревьями, надъ всѣмъ мягкая дымка, такъ тихо. Лебеди плавали въ пруду, отъ травы поднимался туманъ. Ахъ, какъ красиво! Мнѣ такъ хотѣлось быть здоровой и выйти на длинную, длинную прогулку, какъ въ прежніе дни.

Сергѣй М. [2] приходитъ къ чаю, повидимому, онъ совсѣмъ поправился, и *Петя* [3] также. Я видѣла *Поливанова* вчера — по правдѣ говоря, этотъ человѣкъ мнѣ совсѣмъ не нравится. Въ немъ что то изводящее, я не могу объяснить, что именно. Я предпочитала *Сухомлинова,* хотя этотъ умѣе, но я сомнѣваюсь, также же ли онъ преданъ. *Сух*(омлиновъ) сдѣлалъ большую ошибку, показавъ направо и налѣво твое конфиденціальное письмо къ нему [4], и другіе сняли съ него копію. Фред(ериксъ) долженъ былъ бы написать ему репримандъ. Мнѣ говорятъ, что онъ это сдѣлалъ, чтобы показать, что ты остался къ нему милостивымъ до конца, — но другіе не должны знать причины, по которой онъ ушелъ, за исключеніемъ только того, что онъ сказалъ неправду въ знаменитомъ засѣданіи въ *Петергофѣ,* когда онъ заявилъ, что мы готовы и что у насъ достаточно (снарядовъ), чтобы выдержать, когда у насъ не было достаточнаго количества — это его един-

[1] Рѣчь идетъ о крестномъ ходѣ.
[2] В. Кн. Сергѣй Михайловичъ.
[3] Ольденбургскій.
[4] При увольненіи Сухомлинова Государь написалъ ему ласковое письмо, въ которомъ выражалась надежда, что Сух. еще вернется на службу.

ственная очень большая ошибка. *Взятки* его жены довершили остальное. Теперь могутъ подумать, что общественнаго мнѣнія достаточно для того, чтобы устранить нашего Друга и т. д. Это опасная вещь, передъ *Думой.* Ты не можешь себѣ представить, какъ я страдаю отъ разлуки съ тобой. Я знаю, что я могла бы помочь и иногда кое что предотвратить и вотъ я здѣсь сижу, тоска гложетъ мнѣ сердце вдали. Я чувствую свое безсиліе принести какую либо пользу, только пишу тебѣ непріятныя письма, мой любимый. Съ самаго начала *Горем*(ыкинъ) долженъ переговорить съ *Самар*(инымъ) и съ *Щерб*(атовымъ) и сказать, какъ они должны держаться въ отношеніи нашего Друга, чтобы предотвратить всякія клеветы и исторіи. Увы, я ничего веселаго или интереснаго не могу тебѣ сказать. Я провела день и вечеръ на балконѣ сегодня, такъ какъ я не чувствую себя хорошо, хотя сердце еще не расширено, и я опять могу принимать свое лекарство. Съ нетерпѣніемъ ожидаю твоего письма насчетъ *Бѣловѣжа.*

Правда ли, что Варшаву совершенно эвакуируютъ (изъ предосторожности!)?

Надѣюсь причаститься, зависитъ отъ здоровья, въ какой день — думаю въ воскресенье, на ранней обѣднѣ, внизу съ А. (Аней). Когда ты возвращаешься? Сегодня двѣ недѣли — кажется, что по крайней мѣрѣ мѣсяцъ — (а нашъ Другъ просилъ, чтобы ты уѣхалъ на совсѣмъ короткое время, зная, что все пойдетъ не такъ, какъ слѣдуетъ, если тебя тамъ будутъ держать и злоупотреблять твоей добротой). Собираешься ли ты неожиданно уѣхать въ *Бѣлостокъ* или *Холмъ,* чтобы осмотрѣть войска? Покажись тамъ до возвращенія. Дай имъ и себѣ эту радость. *Дѣйств. армія,* это вѣдь, слава Богу, не *Ставка.* Навѣрное, ты можешь осмотрѣть нѣкоторыя войска. *Воейковъ* можетъ все устроить (не *Джунк*(овскій). Никто не долженъ знать, только тогда удастся. Скажи, что опять уѣзжаешь прокатиться; — будь я тамъ, я бы тебѣ помогла уѣхать: Милушку всегда нужно подтолкнуть и напоминать ему, что онъ есть Императоръ и можетъ дѣлать все, что ему хочется. Ты никогда этимъ не пользуешься. Ты долженъ показать, что у тебя свои рѣшенія и своя воля и что тебя не водятъ Н. (Николаша) и его штабъ, которые управляютъ твоими движеніями и у которыхъ ты долженъ просить позволенія, раньше чѣмъ куда нибудь поѣхать. Нѣтъ, поѣзжай одинъ, безъ Н. (Николаши), совершенно самостоятельно, принеси имъ радость твоего присуствія — не говори, что ты приносишь несчастье. Въ Л.[1] и П.[2] это случилось потому, что нашъ Другъ зналъ и говорилъ тебѣ, что слишкомъ рано это дѣлать, но ты вмѣсто того послушался *Ставки.*

[1] Львовѣ.
[2] Перемышлѣ.

Прости меня, что я такъ открыто говорю, но я слишкомъ много страдаю. Я тебя знаю и Николашу. Отправься къ войскамъ, не говори ни слова Н. (Николашѣ). Ты слишкомъ щепетиленъ, когда говоришь, что нечестно ему объ этомъ не сказать. Съ какихъ же поръ онъ твой менторъ, и въ чемъ ты мѣшаешь ему? *Пускай*, наконецъ, увидятъ, что ты дѣйствуешь въ свою голову, которая стоитъ всѣхъ ихнихъ, взятыхъ вмѣстѣ. Поѣзжай, душка, подбодри также *Иванова* — предстоятъ такіе тяжкіе бои! Осчастливь войска твоимъ драгоцѣннымъ появленіемъ, ради нихъ умоляю тебя поѣхать — дай имъ *подъемъ духа*, покажи имъ, за кого они бьются и умираютъ — не за Н. (Николашу), но за тебя. 1000 никогда тебя не видѣли и жаждутъ взгляда твоихъ прекрасныхъ чистыхъ глазъ. Такія массы двинуты къ югу — не могутъ же лгать тебѣ, будто ни до кого нельзя добраться. Только, если ты объ этомъ скажешь Н. (Николашѣ), шпіоны, находящіеся въ *Ставкѣ* — кто? — сразу же сообщатъ нѣмцамъ, и тогда ихъ аэропланы начнуть дѣйствовать. Но три простыхъ мотора (иначе)[1] — не будутъ видны только телеграфируй мнѣ что нибудь, что бы я могла понять, и дать знать нашему Другу, чтобы Онъ могъ за тебя помолиться. Скажи такъ: «завтра опять отправляюсь въ экспедицію», — пожалуйста, моя птичка. Повѣрь мнѣ, я хочу твоего добра — тебя всегда нужно подбадривать, — и помни: ни одного слова Н. (Николашѣ). Пусть онъ думаетъ, что ты ѣдешь, куда угодно, въ *Бѣл.*[2] или куда тебѣ захочется. Эта предательская *Ставка*, которая удерживаетъ тебя, вмѣсто того, чтобы подбодрить. Но солдаты должны тебя увидѣть, ты имъ нуженъ, а не *Ставка*, они хотятъ тебя, а ты ихъ.

Теперь прощай, мое солнышко. Поцѣлуи и благословенія безъ конца. Навсегда твоя собственная

«Солнышко».

№ 96.

25 іюня 1915 г.

Моя душка,

Благодарю тебя такъ нѣжно за твое милое, длинное письмо. Я была такъ обрадована его полученіемъ. Какъ хорошо, что твоя экспедиція была такъ удачна, хотя ты былъ одинокъ, не имѣя общества твоихъ «Benoitons»[3]. Я совсѣмъ не знала, что Неверле[4] умеръ, добрый старикъ!

[1] Т. е., если не предупреждать и выѣхать экспромптомъ.
[2] Бѣловѣжъ?
[3] Какое то условное имя.
[4] Повидимому, кто то изъ мѣстной администраціи въ Бѣловѣжѣ.

Какъ удачно, что ты видѣлъ *зубровъ* и могъ проѣхать черезъ *пущу*.

Ахъ, любовь моя, какую муку ты долженъ былъ пережить, когда Н. (Николаша) получилъ эти дурныя извѣстія! Здѣсь я ничего не слышу и живу въ тревогѣ и въ ожиданіи. Жажду знать, что тамъ происходитъ. Богъ поможетъ, но я боюсь, мы еще испытаемъ много страданій и сердечной боли. Этотъ вопрсcъ о снарядахъ можетъ заставить посѣдѣть.

Милушка, я слышала, что этотъ отвратительный *Родзянко* и другіе были у *Горемыкина*, съ просьбой, чтобы *Дума* была тотчасъ же созвана. Ахъ, пожалуйста, не надо! Это не ихъ дѣло, они хотятъ обсуждать вопросы, которые ихъ не касаются, и возбудить еще большее неудовольствіе. Ихъ не слѣдуетъ пускать. Увѣряю тебя, отъ нихъ будетъ только зло, они слишкомъ много говорятъ.

Россія, слава Богу, не конституціонное государство, хотя эти твари пытаются играть роль и вмѣшиваться въ дѣла, въ которыя они не смѣютъ вмѣшаться. Не позволяй имъ вліять на тебя — это (будетъ принято за) страхъ, если имъ уступить, и они подымутъ голову.

Ты знаешь, *Гучковъ* по прежнему другъ *Поливанова* — это была причина того, что *П.(оливановъ)* и *Сух.(омлиновъ)* разошлись. Мнѣ не нравится этотъ выборъ — мнѣ противно, что ты находишься въ *Ставкѣ* вмѣстѣ со многими другими, такъ какъ это значитъ, что ты не видишь солдатъ, но что слушаешься совѣтовъ Н.(Николаши), а это не хорошо и этого не должно быть — у него нѣтъ права такъ дѣйствовать, какъ онъ дѣйствуетъ, вмѣшиваясь въ то, что касается тебя. Всѣ возмущены тѣмъ, что министры отправляются съ *докладами* къ нему, какъ будто бы онъ теперь Государь.

Ахъ, мой Ники, все дѣлается не такъ, какъ слѣдовало-бы, и потому Н. (Николаша) держитъ тебя по близости, чтобы заставить тебя подчиняться всѣмъ его идеямъ и дурнымъ совѣтамъ. Неужели ты мнѣ до сихъ поръ не вѣришь, мой мальчикъ?

Развѣ ты не можешь понять, что человѣкъ, который сталъ просто предателемъ Божьяго человѣка, не можетъ быть угоденъ Богу, и его дѣла не могутъ быть хороши. Ну, ладно, если онъ долженъ остаться во главѣ арміи, дѣлать нечего, и весь неуспѣхъ падетъ на его голову— но за внутреннія ошибки ты поплатишься, такъ какъ кто же внутри повѣритъ, что онъ царствуетъ рядомъ съ тобой?

Это такъ абсолютно неправильно и дурно.

Боюсь, что я тебя сержу и волную моими письмами — но я одна въ моихъ страданіяхъ и тревогѣ и я не могу скрывать то, что считаю честнымъ долгомъ сказать тебѣ.

Вчера вечеромъ я пригласила *Кусова* (Эксъ *Нижег*(ородскаго) изъ Московскаго полка изъ *Твери* — и я была поражена, что онъ говоритъ буквально то, что я думаю, а онъ меня не знаетъ, это всего второй разъ, что мы видимся — такъ сколько же другихъ думаетъ такъ, какъ онъ! Онъ былъ три дня въ *Ставкѣ* и не вынесъ пріятнаго впечатлѣнія, то же самое и *Воейковъ* и *Н. П.*, которые болѣе всѣхъ тебѣ преданы. Помни, нашъ Другъ умолялъ тебя не оставаться тамъ долго. Онъ знаетъ и видитъ Николашу насквозь, а также твое слишкомъ мягкое и доброе сердце. Я здѣсь безсильна помочь, я рѣдко переживала такое ужасное время — чувствуя и понимая, что все дѣлается не такъ, какъ бы слѣдовало, — и я не могу принести никакой пользы — это страшно тяжело; а онъ, т. е. Николаша, знаетъ мою волю и боится моего вліянія на тебя (направляемаго *Гр*(игоріемъ); это все такъ ясно. Ну, я больше тебя не буду утомлять, я только хочу, чтобы совѣсть моя была чиста, что бы ни случилось. Правда ли, что у Юсупова[1] отняли половину его обязанностей, такъ что онъ играетъ только второстепенную роль?

Сергѣй выглядитъ неважно — мы не затрагивали никакихъ вопросовъ, — онъ собирается *испрашивать* позволенія поѣхать въ субботу въ *Ставку*. *Петя* полонъ секретовъ и своего «сердца».[2]

Какъ хорошо, что ты могъ выкупаться, это такъ освѣжаетъ. Здѣсь жара не очень велика, всегда есть вѣтерокъ, и на балконѣ идеально. Но я не чувствую себя достаточно хорошо, чтобы кататься. Павелъ назвался къ чаю. Дѣвочки въ лазаретѣ — уроки.

Пожалуйста, отвѣть мнѣ, состоятся ли *Кр. Ходы* 29. Это вѣдь такой большой праздникъ и конецъ поста! Прости, что я опять тебѣ надоѣдаю, но я такъ жажду знать, такъ какъ ничего не доходитъ до меня. Сегодня я принимала членовъ моего комитета по вопросу о нашихъ плѣнныхъ въ Германіи и одного американца (отъ Ассоціаціи молодыхъ Христіанъ, вродѣ нашего *Маяка)*, который беретъ на себя доставлять всѣ наши посылки лично въ тюрьмы (лагеря плѣнныхъ). Онъ путешествовалъ и снималъ фотографіи во многихъ мѣстахъ, въ особенности въ Сибири, гдѣ мы содержимъ плѣнныхъ и гдѣ все хорошо устроено, онъ выставитъ эти снимки въ Германіи въ надеждѣ, что принесетъ пользу и нашимъ плѣннымъ. Какой отвѣтъ насчетъ *Эриванцевъ?*

Теперь прощай, мой нѣжно любимый, покрываю тебя поцѣлуями и призываю на тебя Божье благословеніе;

твоя навсегда старая женка.

---

[1] Московскій ген.-губернаторъ.
[2] Неясно въ англ. текстѣ.

№ 97.

25 іюня 1915 г.

Мой родной,

Ахъ какая радость, если ты въ самомъ дѣлѣ вернешься въ воскресенье и если извѣстія лучше. Я какъ разъ чувствую себя такой несчастной, такъ какъ получилась телеграмма отъ командира моего Сибирскаго полка, что они имѣли очень тяжкія потери въ ночь съ 23 на 24-ое отъ десяти до трехъ, и я себя спрашивала, что это было за большое сраженіе — потому что телеграмма пришла изъ новаго мѣста. Ну, я видѣла этого американца изъ Ассоціаціи молодыхъ Христіанъ и была глубоко заинтересована всѣмъ, что онъ мнѣ сказалъ насчетъ нашихъ плѣнныхъ тамъ и ихъ плѣнныхъ здѣсь. Прилагаю его письмо, которое онъ собирается напечатать и показывать въ Германіи (и фотографіи, показывающія наши прекрасныя казармы). Онъ имѣетъ въ виду только разсказывать о томъ, что хорошо съ обѣихъ сторонъ, а не о плохихъ вещахъ и такимъ образомъ надѣется побудить ту и другую сторону одинаково гуманно работать. Сегодня вечеромъ я получила письмо отъ Вики, которое я тебѣ посылаю вмѣстѣ съ письмами Макса [1] (я боюсь, что я тебѣ надоѣдаю, но ты тамъ по вечерамъ свободнѣе, чѣмъ здѣсь, пожалуйста, прочитай письма и можетъ быть тебѣ захочется кое о чемъ тамъ разсказать). Я просила передать американцу, который завтра уѣзжаетъ въ Германію, что я хотѣла бы, чтобы онъ послалъ бумаги Максу и побывалъ бы у него и все бы ему разсказалъ, такъ чтобы исправить всѣ ихъ невѣрныя впечатлѣнія насчетъ того, какъ мы обращаемся съ нашими плѣнными.

Я никогда не слышала о столькихъ болѣзняхъ въ Россіи. Кажется онъ сказалъ (американецъ), что 4.000 умерли въ Касселѣ отъ *сыпного тифа*. Это ужасно. Главнымъ образомъ обрати вниманіе на англійскую бумагу (газеты?) Макса, а въ письмѣ Вики отъ Макса ты увидишь нашу бумагу, которая, дорогой мой, идіотски изложена и безъ всякаго объясненія, и на отвратительномъ нѣмецкомъ языкѣ. «Es ist befohlen die 10 ersten deutschen Kriegsgefangenen — als E r f o l g (все невѣрно) der mörderischen Thaten die sich einige deutsche Truppen erlauben zu erschiessen [2]. Можно было бы это написать на приличномъ нѣмецкомъ языкѣ, объяснивъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ будетъ найденъ кто либо со слѣдами пытокъ, будетъ разстрѣляно десять человѣкъ т о л ь к о ч т о в з я т ы х ъ. Оно дурно написано — Erfolg (означаетъ ре-

[1] Повидимому, Макса Баденскаго.

[2] Т. е. приказано разстрѣлять десять первыхъ германскихъ военноплѣнныхъ, какъ послѣдствіе убійствъ, которыя позволили себѣ нѣкоторыя германскія войска.

зультатъ — успѣхъ) говорятъ «als Folge», но это тоже звучитъ невѣрно. Пусть оно будетъ прилично изложено на правильномъ нѣмецкомъ языкѣ и болѣе вразумительно.

Кромѣ того, вѣдь не предполагается же каждый разъ разстрѣливать людей, ты этого никогда не имѣлъ въ виду, это все какъ то невѣрно, и потому они [1] не понимаютъ, что это значитъ.

Пожалуйста, не говори откуда эти письма, (только можно сказать Николашѣ насчетъ Макса, такъ какъ онъ смотритъ за нашими плѣнными) они послали письма къ Анѣ черезъ шведовъ, а не черезъ фрейлину, потому что объ этомъ никто не долженъ знать, даже ихъ миссія. Я не знаю, почему они такъ боятся. Я открыто телеграфировала Вики, что я ее благодарю за ея письмо и прошу ее поблагодарить Макса отъ моего имени за все, что онъ дѣлаетъ для нашихъ плѣнныхъ, и что онъ можетъ быть увѣреннымъ, что здѣсь дѣлаютъ для ихъ плѣнныхъ все, что возможно. Этимъ я себя не компрометирую — я ничего лично не дѣлаю, — но я намѣрена сдѣлать все для нашихъ плѣнныхъ. А этотъ американецъ повезетъ туда наши посылки и скажетъ, гдѣ и въ чемъ есть нужда и поможетъ настолько, насколько только возможно. Пожалуйста, верни бумаги или привези въ воскресенье, если ты въ самомъ дѣлѣ тогда пріѣдешь. Къ чаю у меня былъ Павелъ, и мы много болтали. Онъ спрашивалъ, будетъ ли действительно Сергѣй [2] уволенъ съ своего поста, такъ какъ всѣ противъ него — правильно или неправильно — и *Кш.* (Кшесинская) [3] опять замѣшана. Она вела себя такъ же, какъ Госпожа *Сух*(омлинова), принимая, повидимому, *Взятки* и отдавая распоряженія по артиллеріи. Объ этомъ слышишь съ многихъ сторонъ. Только онъ мнѣ напомнилъ, что это должно быть твое приказаніе, а не Николаши, такъ какъ только ты можешь дать такое распоряженіе или намекнуть, чтобы онъ попросилъ объ увольненіи. Великій Князь не мальчикъ, ты его начальство, а не Николаша — это бы очень не понравилось фамиліи [4].

Онъ такъ преданъ — Павелъ, и, оставляя въ сторонѣ его личную нелюбовь къ Николашѣ, — также находитъ, что въ обществѣ не понимаютъ его положенія, [5] — нѣчто вродѣ второго императора, который во все вмѣшивается. Какъ много народу (и нашъ Другъ) говорятъ тоже самое!

Далѣе я прилагаю письмо отъ графа Палена, который оправды-

---

[1] Т. е. германцы.
[2] В. Кн. Сергѣй Михайловичъ.
[3] Балерина, подруга Вел. Князя.
[4] Т. е., если бы Сергѣй Михайловичъ былъ уволенъ по распоряженію Ставки.
[5] Т. е. положенія Николая Николаевича.

вается — Горемыкинъ и Щербатовъ также нашли, что по отношенію къ нему поступили неправильно (кажется, *Гор*(емыкинъ) мнѣ это сказалъ — бумагу мнѣ дала Мавра).

Просмотри ее, милушка, и прости, что я къ тебѣ опять пристаю.

Ты скажешь «а ну ее!», когда получишь такое длинное письмо отъ меня, но я должна все писать. Я не видѣла сибирскаго солдата, о которомъ *Петя* мнѣ сказалъ, что ему будто бы запретили быть у меня, въ виду того, что онъ убѣжалъ изъ Германіи. Я не понимаю этой логики, понимаешь ли ты ее?

26-ое. Ну, такъ это будетъ мое послѣднее письмо тебѣ, я даже боюсь, что оно не дойдетъ до тебя до твоего отъѣзда, такъ какъ поѣзда такъ медленно идутъ. Сердце расширено, такъ что я не могу идти въ церковь, я все еще надѣюсь на завтрашній вечеръ, такъ чтобы въ субботу въ 8 или въ 9 быть у обѣдни у св. причастія въ маленькой церкви внизу вмѣстѣ съ Аней. Душка, отъ всего сердца и отъ всей души прошу твоего добраго прощенія за всякое мое слово и дѣло, которое могло тебя огорчить или обидѣть; и повѣрь, что это было неумышленно. Я жажду этой минуты, чтобы получить укрѣпленіе и помощь. Я не лишена мужества, милый мой, о нѣтъ, но только такая горечь на сердцѣ и на душѣ отъ всего того горя и страданій, которыя окружаютъ, и оттого, что я не могу помочь.

Гдѣ нибудь навѣрное горятъ лѣса, со вчерашняго дня такъ сильно пахнетъ, а сегодня очень жарко, но нѣтъ солнца. Я, какъ всегда, буду лежать на воздухѣ, если не будетъ дождя. Я боюсь, что не могу встрѣтить тебя на станціи, такъ какъ для меня будетъ уже большимъ утомленіемъ церковная служба, и я все еще чувствую себя никуда негодной.

Какое громадное счастье, что ты скоро опять возвращаешься, но я все таки дрожу при мысли, что можетъ быть это не осуществится. Богъ да подастъ успѣхъ нашимъ войскамъ, дабы ты могъ оттуда уѣхать съ болѣе спокойной душой. Удастся ли тебѣ увидѣть какія нибудь части на обратномъ твоемъ пути?

Ксенія предупредила, что будетъ къ чаю послѣ завтрака у *Ирины;* я такъ рада, наконецъ, опять съ ней повидаться.

Еще другой *Эриванскій* офицеръ привезенъ въ нашъ лазаретъ. Хотѣла бы я знать какой же отвѣтъ на мои просьбы?

Прощай, мой любимый, мой дорогой Ники, Богъ да благословитъ и защититъ тебя и благополучно доставитъ тебя въ любящія объятія твоихъ дѣтей и жаждущей тебя твоей жены.

Беби и я отправляемся, чтобы видѣть *Галфтеръ* и потомъ трехъ раненыхъ. Мнѣ недостаетъ моего лазарета и мнѣ грустно, что я не могу работать и смотрѣть за моими дорогими ранеными.

Привѣтъ мой старику, *Дм. Шер.* и *Н. П.*

№ 98.

22 августа 1915 г.[1]

Мой родной, любимый,

Я не могу найти словъ, чтобы выразить все, что я хочу — мое сердце слишкомъ полно. Я только хотѣла бы крѣпко держать тебя въ своихъ объятіяхъ и шептать тебѣ слова безконечной любви, призывая безконечное благословеніе. Болѣе чѣмъ тяжко отпустить тебя совсѣмъ одного, но Богъ очень близокъ, болѣе чѣмъ когда либо. Ты бился въ этомъ великомъ бою за свою страну и престолъ одинъ, храбро и съ рѣшимостью. Никогда раньше не видѣли въ тебѣ такой твердости, и это не можетъ не принести хорошихъ плодовъ.

Не бойся того, что остается позади — надо быть строгимъ и немедленно все прекратить. Милый, я тутъ, не смѣйся надъ глупой старой женкой, но у нея надѣты невидимые «штаны», и я могу заставить старика[2] приходить и поддерживать въ немъ энергію. Когда я могу принести малѣйшую пользу, говори мнѣ что дѣлать — пользуйся мною. Въ такое время Богъ дастъ мнѣ силу помочь тебѣ — ибо наши души сражаются за правду противъ зла. Все это гораздо глубже, чѣмъ кажется на взглядъ. Мы, которые пріучены на все смотрѣть съ другой стороны, видимъ, что̀ это за борьба, и что̀ она въ самомъ дѣлѣ собою представляетъ и что̀ означаетъ. Ты показалъ свою власть, доказалъ, что ты *Самодерж*(ецъ), безъ котораго Россія не можетъ существовать. Если бы ты теперь уступилъ въ этихъ различныхъ вопросахъ, они изъ тебя еще болѣе бы вытянули. Быть твердымъ — это единственное спасеніе — я знаю, какъ дорого это тебѣ обходится. И я страдала, страдаю безумно за тебя, прости меня, умоляю, мой ангелъ, что я тебя не оставляла въ покоѣ и та̀къ много къ тебѣ приставала, но я слишкомъ хорошо знаю твой чудесный мягкій характеръ — и тебѣ пришлось на этотъ разъ его преодолѣть, тебѣ пришлось выиграть бой одному противъ всѣхъ. Это будетъ славная страница въ твоемъ царствованіи и въ русской исторіи — лѣтопись этихъ недѣль и дней. И Богъ, который справедливъ и близокъ къ тебѣ, черезъ твою твердость спасетъ твою страну и твой престолъ.

---

[1] Первое письмо послѣ рѣшенія Государя стать Верховнымъ Главнокомандующимъ. — За время пребыванія Государя въ Царскомъ Селѣ съ 27 іюня по 22 августа уволены: об.-прокуроръ Св. Синода Саблеръ и министръ юстиціи И. Г. Щегловитовъ. Вмѣсто нихъ назначены А. Д. Самаринъ и А. А. Хвостовъ. Кн. Жеваховъ назначенъ пом. ст.-секретаря Гос. Совѣта. Кн. В. М. Волконскій назаначенъ тов. министра вн. дѣлъ. 8 іюля совершены торжественныя, съ крестными ходами, всенародныя молебствія о ниспосланіи побѣды. 9 іюля опубликованъ указъ о созывѣ Гос. Думы и Совѣта. 16 августа газеты сообщаютъ слухи о предстоящемъ роспускѣ Гос. Думы.

[2] Горемыкина.

Такой тяжкій бой, какъ тотъ, который ты далъ, рѣдко когда происходилъ, и онъ будетъ увѣнчанъ успѣхомъ, только повѣрь мнѣ.

Твоя вѣра подверглась испытанію — твое довѣріе, и ты остался твердъ, какъ скала, за это ты будешь благословенъ. Богъ помазалъ тебя на царство, когда ты короновался, Онъ поставилъ тебя туда, гдѣ ты стоишь, и ты исполнилъ свой долгъ. Будь увѣренъ, совсѣмъ увѣренъ въ этомъ. Онъ не оставляетъ своего помазанника. Молитвы нашего Друга днемъ и ночью за тебя возносятся къ небу, и Богъ услышитъ ихъ.

Тѣ, кто боятся и не могутъ понять твоихъ дѣйствій, событіями будутъ приведены къ пониманію твоей великой мудрости. Это начало торжества твоего царствованія. Онъ такъ сказалъ, и я безусловно вѣрю этому. Твое Солнце восходитъ — и сегодня оно сіяетъ такъ ярко. И также ты зачаруешь всѣхъ этихъ великихъ неудачниковъ, трусовъ, потерявшихъ дорогу, шумныхъ, слѣпыхъ, узкихъ (и безчестныхъ фальшивыхъ), и твой «Sunbeam» появится, что бы помочь тебѣ, это твой собственный ребенокъ, развѣ это не тронетъ сердца и не заставитъ ихъ понять, что ты дѣлаешь, и на что они покушаются: потрясти твой престолъ, напугать тебя внутренними черными предзнаменованіями, только маленькій успѣхъ тамъ на фронтѣ, и они перемѣнятся. Они вернутся домой на чистый воздухъ, и ихъ духъ будетъ очищенъ, они носятъ изображеніе твое и твоего сына въ своихъ сердцахъ.

Я надѣюсь, что *Горем*(ыкинъ) одобритъ твой выборъ *Хвостова*[1] — тебѣ нуженъ энергическій министръ внутреннихъ дѣлъ — если бы онъ оказался не на своемъ мѣстѣ, его попозже можно смѣнить. Въ этомъ ничего нѣтъ дурного въ такія времена. Но если онъ будетъ энергиченъ, онъ можетъ оказать огромную помощь и тогда старикъ не повредитъ.

Если ты его возьмешь, только телеграфируй мнѣ «tail (хвостовъ) alrigth[2]» и я тогда пойму.

Не смущайся разговорами. Я рада, что Димитрія уже тамъ не будетъ. Подтяни *Воейкова,* если онъ дуритъ, я увѣрена, что онъ боится встрѣтить тамъ людей, которые могутъ подумать, что онъ былъ противъ Н. (Николаши) и *Орлова,* и, чтобы сгладить впечатлѣніе, онъ тебя проситъ за Н. (Николашу) — это было бы самой большой ошибкой и уничтожило бы все то, что ты такъ отважно совершилъ. И весь большой внутренній бой оказался бы безплоднымъ[3]. Слишкомъ добрымъ

[1] Алексѣй Ник. Хвостовъ, впослѣдствіи М-ръ Вн. Д., ставленникъ Распутина.
[2] Буквально: «хвостъ въ порядкѣ».
[3] Рѣчь идетъ о предполагаемомъ рескриптѣ Николаю Николаевичу по случаю его увольненія съ поста верховнаго главнокомандующаго.

ты не долженъ быть, я хочу сказать, не спеціально, такъ какъ въ противномъ случаѣ это было бы нечестно, вѣдь все же были вещи, по поводу которыхъ ты имъ былъ недоволенъ. Напомни другимъ насчетъ Миши, брата Императора, а потомъ тамъ, вѣдь, тоже идетъ война[1].

Все это во благо, какъ говоритъ нашъ Другъ, худшее прошло. Теперь поговори съ военнымъ министромъ, онъ приметъ энергическія мѣры, какъ только онѣ понадобятся. Но *Хвост*(овъ) тоже объ этомъ позаботится, если ты его назначишь. Когда ты уѣдешь, я пошлю телеграмму *Другу* сегодня ночью черезъ Аню, и Онъ особенно будетъ о тебѣ думать. Только поскорѣе покончи съ назначеніемъ Н. (Николаши) — безъ проволочки. Это было бы дурно для дѣла и для *Алексѣева*[2] также, — а рѣшенный вопросъ успокаиваетъ умы, даже если это рѣшеніе послѣдовало вопреки ихъ желаніямъ, больше чѣмъ ожиданіе и неопредѣленность, и попытки на тебя повліять — вотъ это утомляетъ сердце.

Я чувствую совершенное изнеможеніе и только насильно держусь — пусть они не думаютъ, что я падаю духомъ или боюсь — я увѣренна и спокойна.

Какая радость, что мы вмѣстѣ посѣтили эти священныя мѣста[3] — навѣрное твой дорогой Отецъ особенно молится за тебя.

Дай мнѣ извѣстіе, какъ только ты сможешь — прежде чѣмъ я буду увѣрена, что никто не наблюдаетъ, я буду бояться телеграммъ Н. П. къ Анѣ.

Передай мнѣ впечатлѣнія, если ты можешь. Будь твердъ до конца, дай мнѣ въ этомъ увѣренность, иначе я заболѣю отъ тревоги.

Какъ больно не быть съ тобой — я знаю, что ты чувствуешь, и встрѣча съ Н. (Николашей) не будетъ пріятна — ты вѣрилъ ему, а теперь ты знаешь то, что еще мѣсяцы назадъ говорилъ нашъ Другъ, что онъ дѣйствовалъ неправильно по отношенію къ тебѣ, твоей странѣ и твоей женѣ. Не народъ повредилъ бы твоимъ близкимъ, но Н. (Николаша) и вся компанія *Гучковъ*, *Родз*(янко), *Самаринъ* и т. д.

Милушка, если ты услышишь, что я не совсѣмъ здорова, не волнуйся, я такъ страшно страдала и физически переутомилась за эти два дня, и у меня было столько волненій нравственныхъ, и я еще волнуюсь пока все не будетъ сдѣлано въ *Ставкѣ* и пока Н. (Николаша) не уѣдетъ. Только тогда я почувствую себя спокойной. Возлѣ тебя все идетъ

[1] Эти строки намекаютъ на назначеніе В. Князя Николая Николаевича намѣстникомъ на Кавказѣ, гдѣ въ то время находился В. Кн. Михаилъ Александровичъ.

[2] Ген. М. В. Алексѣевъ, назначенный начальникомъ штаба верховнаго главнокомандующаго.

[3] Говорится о посѣщеніи императорской усыпальницы въ Петропавловскомъ соборѣ.

хорошо — только когда тебя нѣтъ, всѣ сейчасъ же этимъ пользуются. Ты видишь, они боятся меня и приходятъ къ тебѣ, когда ты одинъ. Они знаютъ, что у меня есть своя воля, когда я чувствую, что мое дѣло правое. А теперь ты правъ, мы знаемъ это, такъ что заставь ихъ дрожать передъ твоимъ мужествомъ и твоей волей. Богъ съ тобой, и нашъ Другъ за тебя — все хорошо, и позже всѣ тебя поблагодарятъ за то, что ты спасъ свою страну. Не сомнѣвайся — повѣрь, и все будетъ хорошо. Все дѣло въ арміи. Нѣсколько *забастовокъ* ничто по сравненію, такъ какъ онѣ могутъ и должны быть спасены. Лѣвые въ ярости, потому что все ускользаетъ изъ ихъ рукъ, и ихъ карты для насъ ясны, и та игра, для которой они хотѣли использовать Н(Николашу); даже *Шведовъ* это знаетъ оттуда.

Теперь прощай, моя душка. Отправляйся прямо спать, не пей чая со всѣми ними, съ ихъ вытянутыми лицами. Спи долго и хорошо, ты нуждаешься въ воздухѣ послѣ этого напряженія, и твоему сердцу нужно спокойствіе. Всемогущій Богъ да благословитъ твое дѣло, святые ангелы да охранятъ и доведутъ тебя и да благословятъ дѣло рукъ твоихъ. Пожалуйста, передай этотъ маленькій образъ *Іоанна Воина Алексѣеву* вмѣстѣ съ моими благословеніями и горячими пожеланіями. У тебя есть мой образъ, которымъ я тебя благословила въ прошломъ году, — я тебѣ не даю другого, такъ какъ тотъ несетъ съ собой мое благословеніе, и у тебя есть данный *Гр*(игоріемъ) образъ св. Николая, чтобы оберегать и направлять тебя. Я всегда ставлю свѣчу передъ св. Н.(Николаемъ) въ *Знам.* за тебя — и завтра поставлю въ три часа свѣчу передъ св. Дѣвой. Ты почувствуешь мою душу возлѣ себя.

Нѣжно прижимаю тебя къ моему сердцу, цѣлую и ласкаю безъ конца — хотѣла бы показать тебѣ всю безконечную любовь мою къ тебѣ, согрѣть, ободрить, утѣшить, укрѣпить тебя и сдѣлать тебя увѣреннѣе въ себѣ. Спи хорошо, мое солнышко, Спаситель Россіи! Вспомни прошлую ночь, какъ нѣжно мы прижимались другъ къ другу! Я буду тосковать по твоимъ ласкамъ — мнѣ всегда ихъ недостаточно. И все же у меня есть дѣти, а ты одинъ. Въ другой разъ я тебѣ дамъ Беби на короткое время, чтобы тебя подбодрить. Цѣлую тебя безъ конца и благословляю, пусть святые ангелы охраняютъ твой сонъ. Я близка къ тебѣ, я съ тобой навсегда, и никто насъ не разлучитъ.

Твоя жена «Солнышко».

№ 99. 23 августа 1915 г.

Мой родной, драгоцѣнный,

Всѣ мои мысли и молитвы окружаютъ тебя нѣжнѣйшей любовью. Какой покой наполнилъ мое сердце (хотя страшно грустно), когда я

увидѣла тебя отъѣзжающимъ мирно и спокойно. *У* тебя было такое прелестное выраженіе лица, какъ когда уѣхалъ нашъ Другъ. Богъ воистину благословитъ тебя и дѣла твои послѣ этой моральной побѣды. Какъ-то ты спалъ? Я прямо легла въ постель, до смерти усталая и очень одинокая.

Дорогія дѣвочки предложили поочередно спать въ сосѣдней комнатѣ, такъ какъ я совсѣмъ одна въ этомъ этажѣ — но я просила ихъ этого не дѣлать, я къ этому совсѣмъ привыкла, и мнѣ все равно. Я чувствую, что ты близокъ, я благословляю и цѣлую твою подушку. Спала средне. Такое солнечное утро — три дѣвочки отправились въ девять часовъ въ церковь, такъ какъ Ольга и Татьяна хотятъ работать въ лазаретѣ до половины перваго. Я хотѣла бы знать, въ какомъ настроеніи лица, окружающія тебя — твое мирное настроеніе должно распространиться на нихъ. У меня былъ разговоръ съ Н. П. Я его просила не обращать вниманія на мѣняющіяся настроенія *Воейкова*. Сегодня цѣлый день эти противные поѣзда шумятъ, вѣтеръ оттуда, но мнѣ кажется, что этотъ шумъ идетъ изъ большого новаго камина (тамъ гдѣ электрическая машина), такъ какъ шумъ уже давно продолжается безъ перерыва. Звонятъ колокола, я люблю этотъ звукъ, когда окна открыты; я пойду въ одиннадцать, такъ какъ теперь, хотя сердце и грудь болятъ, сердце не расширено, и я принимаю капли. Тѣломъ я себя чувствую совсѣмъ разбитой и все болитъ. Я уговорила *Боткина* позволить Анастасіи сидѣть на солнцѣ на балконѣ, гдѣ 20 градусовъ. Это можетъ быть только полезно дѣвочкѣ. Теперь десять часовъ, Беби еще не появился, навѣрное онъ хорошо спалъ.

Такая тишина на душѣ послѣ этихъ тревожныхъ дней, и дай Богъ, чтобы ты продолжалъ себя также чувствовать. Если будетъ случай, передай Н. П. нашъ привѣтъ и сообщи ему извѣстія о насъ, такъ какъ я теперь временно не позволяю Анѣ телеграфировать, послѣ того, какъ къ намъ были такъ непріятны, а она всегда сообщала ему о моемъ здоровьѣ. Я надѣюсь, что старый *Фред*(риксъ) не слишкомъ gaga [1] и не будетъ просить о фельдмаршалствѣ [2], которое не можетъ быть дано. Не забудь причесываться передъ всякимъ труднымъ разговоромъ и рѣшеніемъ, — маленькая гребенка [3] принесетъ тебѣ помощь. Не чувствуешь ли ты себя теперь покойнымъ, разъ ты «увѣровалъ въ себя» — это не гордость или тщеславіе, но это послано Богомъ, и поможетъ тебѣ въ будущемъ, и дастъ другимъ силу выполнять твои приказанія. Я пере-

---

[1] Впалъ въ дѣтство.
[2] Для Вел. Кн. Николая Николаевича
[3] Распутина.

дала старику[1], что хочу видѣть его сегодня, и онъ долженъ выбрать время.

Ну, милушка, я только что видѣла старика въ теченіе получаса, онъ былъ такъ радъ получить отъ тебя извѣстія, что ты уѣхалъ тихо и спокойно, и также получить письмо Фредерикса (я не знала, что онъ написалъ), но онъ возмущенъ и въ ужасѣ отъ письма министровъ, написаннаго, по его словамъ, *Самаринымъ*[2]. Онъ не находитъ словъ для ихъ поведенія и говоритъ о томъ, какъ страшно тяжело ему предсѣдательствовать, зная, что они всѣ противъ него и его идей, но что онъ никогда бы не подумалъ просить объ отставкѣ, такъ какъ онъ знаетъ, что ты ему сказалъ бы объ этомъ, если бы таково было твое желаніе. Онъ долженъ ихъ увидѣть завтра и скажетъ имъ, что онъ думаетъ объ этомъ письмѣ, которое такъ фальшиво и лживо своимъ упоминаніемъ «обо всей Россіи» и т. д. Я просила его быть возможно энергичнѣе. Онъ до того также переговоритъ съ военнымъ министромъ, чтобы знать, что̀ ты ему сказалъ. Насчетъ *Хвостова* онъ говоритъ, лучше не надо. Это онъ говорилъ въ *Думѣ* противъ правительства и нѣмцевъ (онъ племянникъ министра юстиціи). Онъ находитъ его trop léger. Вѣроятно, онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не очень вѣрный человѣкъ. Онъ подумаетъ о разныхъ именахъ и пошлетъ или принесетъ мнѣ для тебя списокъ лицъ, которыя, по его мнѣнію, годились бы. Онъ находитъ, что, конечно, *Щербатовъ* не можетъ оставаться. Уже то, что онъ не сумѣлъ держать въ рукахъ прессу, показываетъ, какой онъ неподходящій человѣкъ для этого поста. Онъ говоритъ, что онъ бы не удивился, если бы *Щ.* и *Сазоновъ* просили объ увольненіи, но они не въ правѣ это дѣлать. *Сазоновъ* ходитъ повсюду и плачется *(дуракъ)*, и я сказала, что я увѣрена, что наши союзники въ высшей степени одобрятъ твой образъ дѣйствій, съ чѣмъ онъ и согласился.

Я сказала ему, чтобы онъ на все это взглянулъ какъ на міазмы, идущіе изъ *Спб.* и *Москвы*, и что всѣхъ слѣдовало бы хорошенько провѣтрить, дабы они могли видѣть все свѣжими глазами и не слышали бы сплетенъ съ утра и до ночи. Онъ говорилъ, что *Дума* не можетъ быть распущена до конца недѣли, такъ какъ они не кончили своихъ работъ — онъ и другіе особенно боятся, что лѣвые могутъ взять верхъ въ *Думѣ*. Я просила его объ этомъ не безпокоиться, такъ какъ я увѣрена, что это не такъ серьезно и скорѣе разговоры, чѣмъ что нибудь другое, и что они хотѣли тебя напугать, а теперь, когда ты обнаружилъ свою собственную сильную волю, они замолчатъ. Повидимому, Сазоновъ вчера ихъ опять всѣхъ созвалъ — дураки — я сказала

[1] Горемыкину.

[2] Рѣчь идетъ объ извѣстномъ коллективномъ письмѣ нѣсколькихъ министровъ, совѣтовавшихъ Государю не брать на себя Верховнаго Командованія.

имъ (ему?), что всѣ министры des poltrons[1], и онъ согласился, — но думаетъ, что *Поливановъ* будетъ хорошо работать. Бѣдняга — онъ былъ огорченъ, прочитавъ всѣ ереси тѣхъ, кто подписался противъ него[2], и я была такъ огорчена за него. Онъ такъ правильно говоритъ, что каждый долженъ честно сказать тебѣ свое мнѣніе, но когда ты выразишь свое желаніе, всѣ должны его исполнять и забыть свои собственныя желанія. Они съ этимъ не согласны, также былъ не согласенъ бѣдный Сергѣй[3].

Я пробовала его подбодрить и, кажется, мнѣ это чуть-чуть удалось, такъ какъ я ему показала, какъ мало серьезенъ весь этотъ шумъ. Теперь германцы и австрійцы должны быть предметомъ нашего вниманія и заботъ и больше ничего — а хорошій министръ внутреннихъ дѣлъ поддержитъ порядокъ. Онъ говоритъ, что въ городѣ хорошее настроеніе и спокойствіе послѣ твоей рѣчи и пріема — такъ оно и будетъ. Я ему передала слова нашего Друга. Онъ просилъ меня повидать *Крупенскаго*[4] и выслушать, что онъ имѣетъ сказать насчетъ *Думы*, такъ какъ онъ знаетъ всѣхъ — согласенъ ли ты? Если да, то я непремѣнно такъ сдѣлаю, но только безъ всякаго шума. Телеграфируй только «согласенъ». Я ему сказала, что *Ивановъ* также черезъ меня просилъ, чтобы ты пріѣхалъ.

Онъ находитъ, что чѣмъ больше ты покажешь свою энергію, тѣмъ лучше, съ чѣмъ я согласилась, и онъ также нашелъ удачной мысль, чтобы ты послалъ своихъ «наблюдателей»[5] на фабрики. Даже если свита не много понимаетъ, все же хорошо показать, что они посланы тобой и что не только *Дума* за всѣмъ смотритъ. Я была съ Беби въ церкви и такъ горячо молилась за тебя. Священникъ говорилъ прекрасно, и я только жалѣла о томъ, что не было тамъ министровъ, чтобы его послушать, а солдаты слушали съ глубочайшимъ интересомъ. (Онъ говорилъ) о значеніи этого трехдневнаго поста — и какъ всѣ должны соединиться и работать вмѣстѣ съ тобой и т. д., великолѣпно и такъ правдиво, и всѣ должны были это услышать. Анастасія оставалась на воздухѣ до четырехъ — а я пишу на балконѣ. Беби вернулся изъ *Петергофа* и отправился къ Анѣ, гдѣ находятся Ольга, Татьяна, Марія. Посылаю письмо отъ стараго *Даманскаго*, онъ его оставилъ у Ани, когда ея не было дома. Онъ былъ у нея со своей старой сестрой, полупарализованный и еле владѣющій языкомъ. Я такъ рада, что ты осчастливилъ этого честнаго человѣка, онъ будетъ утѣшенъ въ своемъ

---

[1] Трусы.
[2] Т. е. заявленіе министровъ.
[3] В. Кн. Сергѣй Александровичъ, повидимому.
[4] Павла Николаевича, члена Гос. Думы.
[5] Въ подлинникѣ: свои глаза.

горѣ. Выписываю для тебя двѣ телеграммы отъ нашего Друга. Если у тебя будетъ случай, покажи ихъ Н. П. — его надо больше просвѣщать насчетъ нашего Друга, такъ какъ въ городѣ онъ слышитъ слишкомъ много противъ Него и начинаетъ меньше обращать вниманіе на Его телеграммы. *Горем*(ыкинъ) спрашивалъ, будешь ли ты обратно на этой недѣлѣ (чтобы тогда распустить *Думу*). Я отвѣтила что ты не можешь пока сказать.

Дѣти со мной отправились къ *Знам.* въ четверть четвертаго, и я поставила очень большую свѣчу, которая будетъ очень долго горѣть и понесетъ мои молитвы за тебя къ престолу Божью — передъ иконой Богоматери и св. Николая. Теперь, душа моя, должна кончать. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя, и поможетъ тебѣ во всемъ, что ты предпріймешь. Цѣлую безъ конца всѣ дорогія мѣста.

Навсегда твоя довѣрчивая, гордая женка.

Только еще слово, мужъ Али вернулся и каждый разъ высказывается противъ *Брусилова*, также какъ и Келлеръ. Все же ты узнай, что о немъ думаютъ другіе. *Ставка* дала распоряженіе, чтобы всѣ офицеры съ нѣмецкими именами, служащіе въ штабахъ, были переведены въ армію, стало быть и мужъ Али, хотя *Пистолькорсъ* шведское имя, и болѣе преданный слуга у тебя едва ли найдется. *По моему*, это опять неправильно — потихоньку каждому генералу слѣдовало бы сказать, чтобы онъ этимъ (носящимъ нѣмецкія имена) намекнулъ, чтобы они возвращались въ свои полки, что нужны другіе, а эти должны въ свою очередь драться. Все дѣлается такъ неуклюже. Я тебѣ всегда буду писать все, что я услышу (если я найду, что такъ нужно), такъ какъ тебѣ можетъ быть полезно теперь же все узнать и помѣшать несправедливости. Могу себѣ представить, что напишетъ *Кусовъ* для того, чтобы помочь хорошему дѣлу.

Теперь я должна лечь, такъ какъ очень устала. Чувствую себя лучше и настроеніе бодрое, и я полна довѣрія, мужества и надежды — и гордостью за моего душку. Богъ да благословитъ и охранитъ, и ведетъ тебя.

Я надѣюсь, что *Воейковъ* тебѣ не говорилъ той чепухи, которую онъ, судя по его разговору съ Аней, собирался тебѣ сказать. Онъ хотѣлъ просить тебя получить отъ Николаши честное слово, что онъ не остановится въ Москвѣ — трусъ и дуракъ этотъ *Воейковъ*, точно ты ревнуешь или боишься. Увѣряю тебя, я жажду показать этимъ трусамъ мои *безсмертные штаны* [1].

Если Павелъ попроситъ свиданія со мной, могу ли я ему сказать, что ты хочешь въ слѣдующій разъ взять его. Это его тронетъ и напра-

[1] См. выше.

витъ его мысли въ правильное русло; онъ навѣрное придетъ. Телеграфируй насчетъ *Круп*(енскаго[1]), согласенъ или несогласенъ, я пойму, — сказать Павлу или не говорить Павлу?

Понюхай это письмо.

№ 100.

24 августа 1915 г.

Мой любимый,

Слава Богу, что все сдѣлано, и что засѣданіе прошло благополучно — это такое облегченіе[2]. Благословляю тебя, мой ангелъ, и твое правое рѣшеніе, и пусть оно будетъ увѣнчано успѣхомъ и побѣдой внутренней и внѣшней. Такъ трогательно получить телеграмму № 01 (помѣченную) *Царская Ставка.* Я сохранила также конвертъ, какъ воспоминаніе объ этомъ памятномъ днѣ; Бебичка такъ счастливъ и такъ всѣмъ интересуется. Аня также сразу перекрестилась (при полученіи извѣстія), и я сейчасъ же позвала Нини[3] къ телефону, чтобы ее успокоить, что все сошло благополучно, у нея была ея мать и Эмма, и я знала, что это ихъ успокоитъ.

Вечеръ была такъ прелестенъ, 13 градусовъ, такъ что я двадцать минутъ каталась съ двумя большими дѣвочками въ полуоткрытомъ моторѣ. Сегодня утромъ пасмурно и моросить. А. (Аня) сказала, что по словамъ Ники толстый О. (Орловъ) очень прилично принялъ (послѣдовавшее рѣшеніе)[4], это все, что я о немъ знаю, — что Эмма плакала, такъ какъ она его любитъ, а Нини боялась, что это интрига ея мужа, но А. (Аня) ее успокоила.

Пока Митя *Денъ* съ тобой, онъ могъ бы тоже работать, когда не приходится гулять. Ахъ, какъ я хотѣла бы увидѣть, какъ ты все дѣлаешь! Вообще я хотѣла бы имѣть *шапку невидимку*, чтобы заглянуть во многіе дома и посмотрѣть на лица. Беби очень наслаждался въ «маленькомъ домѣ» съ *Ириной Толстой* и *Ритой Хитрово*, они вмѣстѣ играли.

Я съ Мари была въ Екатерининскомъ соборѣ къ обѣднѣ. Такъ было хорошо, и оттуда въ двѣнадцать въ нашъ лазаретъ, чтобы поси-

[1] Членъ Гос. Думы П. Н. Крупенскій информировалъ правительство о думскихъ настроеніяхъ.

[2] Засѣданіе въ Ставкѣ, въ которомъ Государь сообщилъ В. Князю о своемъ рѣшеніи.

[3] Воейкову, дочь Фредерикса.

[4] Кн. В. Н. Орловъ былъ назначенъ къ В. Кн. Николаю Николаевичу на Кавказъ (управл. гражд. частью).

дѣть съ ранеными. Затѣмъ мы завтракали наверху въ угловой комнатѣ и оставались тамъ до пяти.

Лѣвая рука дорогого Беби болитъ и очень распухла, у него боли, съ перерывами, ночью и сегодня — это старая исторія, но у него уже очень давно не было болей, слава Богу. М-ръ Жильяръ читалъ вслухъ и потомъ показывалъ волшебный фонарь. Я принимала семь раненыхъ; и Ордина[1]. А. (Аня) была въ *Петергофѣ* на нѣсколько часовъ. На дворѣ упорно мороситъ. Я вижу, что въ газетахъ еще ничего не появилось[2], такъ что предполагаю, что ты намѣреваешься отдать распоряженіе насчетъ объявленія завтра, когда уѣдетъ Н. (Николаша). Недоумѣваю.

Оцѣнилъ ли ты успѣхъ *Володи* въ Черномъ морѣ?

Я получила прелестное письмо отъ *Николаи* по поводу того, что ты принялъ на себя командованіе, и пошлю тебѣ его завтра — сегодня вечеромъ я должна на него отвѣтить. Аня посылаетъ тебѣ привѣтъ и цѣлуетъ твою руку, и всегда о тебѣ думаетъ.

Мы всѣ шлемъ привѣтъ Н. П. Богъ да благословитъ и сохранитъ тебя, мое сокровище. Ты мнѣ очень, очень недостаешь, ты знаешь, что иначе быть не можетъ; нѣжно прижимаю тебя къ моему сердцу и покрываю тебя нѣжными поцѣлуями. Благословляю тебя и молю Божьей помощи.

Навсегда твоя старая женка.

Молитвы Эллы съ тобой — она на эти послѣдніе дни уѣзжаетъ въ *Оптину Пустынь*[3].

Хочу еще только сказать по поводу одной несправедливости, о которой мнѣ сказали *Таубе,* Кн. Гедройцъ и нашъ молодой докторъ, вернувшійся съ фронта.

Только что выяснилось, что отнынѣ доктора могутъ получить только три *военныя награды*, что несправедливо, такъ какъ они постоянно подвергаются опасности и до сихъ поръ множество ихъ получали награды. Таубе находитъ совершенно неправильнымъ, что люди изъ *интендантства*, сидящіе сзади въ тылу, получали бы то же самое, какъ тѣ, кто подъ огнемъ. Доктора и санитары дѣлаютъ чудеса, ихъ постоянно убиваютъ; — солдаты лежатъ ничкомъ, а эти ходятъ прямо (на виду у непріятеля) и носятъ раненыхъ. Мой маленькій докторъ *Матушкинъ* отъ 21-го *С. С. полка* опять командовалъ *ротой*. Нельзя достаточно вознаградить тѣхъ, которые работаютъ подъ огнемъ. Одинъ изъ твоихъ молодыхъ кирасиръ былъ раненъ офицеромъ, совсѣмъ молодой, мальчикъ, похожій на Минквица, Гессенскаго запаснаго

---

[1] Б. К. Ординъ, помощникъ гр. Ростовцева.
[2] О смѣщеніи В. Кн. Николая Николаевича.
[3] Извѣстный монастырь въ Орловской губерніи.

полка. Какъ грустно объ этомъ слышать; я увѣрена, что теперь я очень много услышу (отъ людей), которые надѣются, что я все тебѣ повторю.

Такъ жажду извѣстій отъ тебя насчетъ фронта! Богъ да поможетъ тебѣ.

Теперь пойдутъ сплетни.

24 августа 1915 г.

Только одно слово: говорятъ, что въ среду въ *Думѣ* всѣ партіи собираются обратиться къ тебѣ и просить тебя смѣнить старика[1]. Я все же надѣюсь, что когда, наконецъ, перемѣна оффиціально станетъ извѣстной, дѣла поправятся, если нѣтъ, я боюсь, что старикъ не можетъ продолжать работать, такъ какъ всѣ противъ него. Онъ никогда не осмѣлится просить объ увольненіи, какъ онъ самъ мнѣ сказалъ, но, увы, я не знаю, какъ пойдутъ дѣла. Сегодня онъ повидается со всѣми министрами и предполагаетъ съ ними тверже говорить, но это можетъ его окончательно подкосить, этого честнаго старика.

И кого же взять въ этотъ моментъ, кто былъ бы достаточно твердымъ? Военнаго министра, такъ чтобы ихъ на короткое время наказать? Мнѣ вовсе не нравится эта мысль, такъ какъ онъ ничего не понимаетъ во внутреннихъ дѣлахъ, но это будетъ имѣть видъ диктатуры. Какъ насчетъ *Харитонова?*[2]

Я не знаю. Но лучше еще подождать. Они, конечно, имѣютъ въ виду *Родз*(янко), который былъ бы гибелью и все бы испортилъ, что ты сдѣлалъ, и никогда не могъ бы заслужить довѣрія. Но *Гучковъ* стоитъ за *Полив*(ановымъ), а у тебя еще нѣтъ министра внутреннихъ дѣлъ. Прости меня, что я тебѣ надоѣдаю, но это только слухъ, и лучше о немъ знать.

№ 101.

25 августа 1915 г.

Моя душка,

Спасибо за твою дорогую телеграмму, милушка. Я рада, что мѣстность возлѣ Могилева красива. Глѣбовъ всегда говорилъ, что она очень живописна — но это естественно, такъ какъ онъ тамъ родился. Но все же я предполагаю, что ты выберешь мѣсто поближе, такъ, чтобы быстрѣе и легче можно было разъѣзжать. Когда доходятъ мои письма?

---

[1] Горемыкина.

[2] П. А. Харитоновъ, б. государственный контролеръ.

я ихъ отдаю въ восемь, и они уходятъ изъ города въ одиннадцать часовъ вечера. Я съ тревогой ожидаю объявленія о перемѣнѣ. Опять льетъ и совсѣмъ темно. Беби провелъ не важную ночь, мало спалъ, но боль была не слишкомъ сильна. Ольга и Татьяна сидѣли съ нимъ отъ половины двѣнадцатаго до половины перваго и подбадривали его. Въ газетахъ была статья о томъ, будто двухъ мужчинъ и одну женщину поймали близъ Варшавы, намѣревавшихся совершить покушеніе на жизнь *Николаши* — говорятъ, что *Суворинъ* это выдумалъ, ради сенсаціи [1] — (цензоръ сказалъ А. (Анѣ) что это *утки*). Мѣсяцъ тому назадъ редакторы изъ *Спб.* были въ *Ставкѣ* и *Янушкевичъ* далъ имъ свои инструкціи. Это сообщилъ А(Анѣ) военный цензоръ, подчиненный *Фролову*. *Саморинъ*, повидимому, продолжаетъ говорить противъ меня, но тѣмъ лучше, онъ тоже упадетъ въ яму, которую онъ для меня роетъ. Эти вещи меня ни капельки не трогаютъ и лично меня оставляютъ равнодушной (холодной), такъ какъ моя совѣсть чиста, и Россія не раздѣляетъ его мнѣнія, но я сержусь потому, что это косвенно касается тебя. Мы будемъ разыскивать ему преемника.

Какъ тебѣ нравится работа съ *Алексѣевымъ?* Навѣрное съ нимъ работается легко и быстро. У меня нѣтъ особыхъ извѣстій, только *Меккъ* сообщилъ мнѣ, что мой центральный *складъ (Львовъ-Ковно)* изъ Проскурова долженъ будетъ, вѣроятно, черезъ пять недѣль передвинуться въ *Полтаву*. Я не могу понять, зачѣмъ, и надѣюсь, что это не будетъ необходимо. Дамы Мари [2] изъ *Житоміра* спрашиваютъ, собираются ли также эвакуировать этотъ городъ, куда долженъ перейти ея лазаретъ, — мнѣ кажется, что все это немного рано рѣшать. Какое печальное извѣстіе, смерть *Молоствова*, я слышу, что ты назначилъ Велепольскаго твоимъ адъютантомъ, вѣроятно, *Воейковъ* просилъ за него — онъ не очень симпатичный человѣкъ и такой «салонный типъ», вѣроятно, его здоровье вынуждаетъ его оставить полкъ [3], потому то ты его берешь. Но Свита не должна была бы быть мѣстомъ вродѣ *поч*(етныхъ) *опек*(уновъ), куда суютъ людей. Я тоже, увы, просила за моего Маслова [4], но онъ командовалъ полкомъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ на фронтѣ. Вел. (Велепольскій) любовникъ Ольги О.... (большой секретъ, ей пришлось изъ за него нѣсколько лѣтъ тому назадъ сдѣлать выкидышъ). Онъ потомъ былъ не очень милъ съ нею — это неважный типъ, но другъ *Воейкова*, слѣдовательно— хорошій офицеръ, вѣроятно.

Приложенная картинка — для Н. П.

---

[1] Въ Нов. Времени объ этомъ сообщалось изъ Цюриха.
[2] Работающіе въ лазаретѣ В. Кн. Маріи Николаевны.
[3] **Гусарскій.**
[4] **См. выше.**

Развѣ это не безобразіе, опять кто то желаетъ навредить Н. П., — такъ что лучше скажи *Фред.*, чтобы было напечатано (не оффиціально и не отъ его имени), что *замѣстителя*[1] не будетъ, такъ какъ у тебя большая канцелярія и *Др*(ентельнъ), и *Кира*[2] остаются. Я увѣрена, что это исходитъ изъ того же источника, какъ тогдашняя исторія насчетъ телеграммы въ *Ставкѣ*. Я такъ прикрѣпила, чтобы ты могъ показать Воейкову, чтобы легко вынуть...[3]

Надо только объяснить военному цензору Виссаріонову[4], что писать, такъ какъ онъ главный цензоръ *Фрол*(ова)[5] и хорошій человѣкъ. Это дѣла Суворина, вчера вечеромъ и сегодня утромъ. Какъ безпокоюсь, что еще нѣтъ телеграммы, не могу себѣ представить почему еще не объявлено оффиціально о перемѣнѣ. Это бы прояснило и ободрило бы умы и скорѣе бы перемѣнило теченіе мыслей въ *Думѣ*. Я думала, что дольше, чѣмъ до сегодня, уже не придется ждать, такъ какъ Н. (Николаша) сегодня уѣзжаетъ. А вотъ твоя вчерашняя телеграмма опять датирована изъ *Ставки;* въ воскресенье вечеромъ было *«Царская Ставка»*, это звучало такъ красиво и многообѣщающе. Теперь съ завтрашняго дня приближается (начинается) постъ, такъ что слѣдовало раньше объявить и сдѣлать распоряженіе о *молебнахъ*, это ошибка, что все попадаетъ въ одну кучу, надо было раньше это сдѣлать, прости меня, что я такъ говорю. Кто просилъ тебя опять отложить оффиціальное извѣщеніе? Это было сдѣлано неправильно, — вреда въ томъ нѣтъ, что Н. (Николаша) теперь тамъ, такъ какъ будетъ извѣстно, что ты уже началъ работу съ *Алексѣевымъ*. Это былъ плохой совѣтъ! — онъ показываетъ, какъ извѣстная партія враждебна назначенію. Чѣмъ скорѣе оффиціально будетъ извѣстно, тѣмъ всѣ будутъ спокойнѣе, всѣхъ нервируетъ ожиданіе извѣстій, которыя не приходятъ, — такое положеніе всегда плохо и фальшиво, — и только трусы могли тебѣ это предложить, вродѣ *Воейкова* и *Фред*. Они сперва думаютъ о Н. (Николашѣ), а потомъ только о тебѣ. Неправильно держать это втайнѣ, никто не думаетъ о войскахъ, которыя жаждутъ доброй вѣсти. Я вижу, что мои черные штаны[6] нужны въ Ставкѣ, — это слишкомъ гадко, идіоты! И такъ было бы хорошо — сперва радостныя торжества, а потомъ постъ, чтобы молиться о твоихъ успѣхахъ — и вотъ приходитъ вторникъ — и ничего; съ отчаянія я сегодня утромъ телеграфировала, и не имѣю отвѣта, а уже семь часовъ. Мари, А(Аня) и я были опять въ Ека-

[1] Орлову.
[2] Нарышкинъ.
[3] Изъ послѣдующаго видно, что рѣчь идетъ о газетной вырѣзкѣ.
[4] Предсѣдатель Петербургскаго комитета по печати.
[5] Ген. Фроловъ, помощникъ военнаго министра.
[6] См. выше, упоминаніе о штанахъ.

терининскомъ соборѣ, а оттуда въ лазаретъ, гдѣ я бесѣдовала съ ранеными. Мы завтракаемъ наверху и тамъ же будемъ обѣдать. Дождь и мракъ дѣлаютъ меня совсѣмъ рамоли. У Беби гораздо меньше болей, и онъ утромъ спалъ. Елена и *Всеволодъ*[1] пришли пить чай, а потомъ я принимала моего улана Толя со снимками. Онъ сказалъ, что Княжевичъ умоляетъ о полученіи нашей бригады вмѣсто Шведова. Потомъ я послала за *комендантомъ Осиповымъ*, чтобы переговорить насчетъ кладбища и церкви, которую я строю для павшихъ на войнѣ, умершихъ въ нашихъ лазаретахъ, — хотѣла выяснить этотъ вопросъ.

Г-жа *Лопухина*, жена *Вологодскаго губ*(ернатора), мнѣ написала, что сердцу ея мужа сталю опять гораздо хуже, *Ботк*(инъ) и *Сиротининъ*[2] также находятъ, что его здоровье не можетъ выдержать ту напряженную работу, которая на немъ лежитъ. Если бы ты его назначилъ сенаторомъ[3], онъ могъ бы тамъ служить, и это было бы для него на время отдыхомъ, а потомъ можетъ быть, если его сердце поправится, онъ могъ бы получить больше работы. Онъ служилъ 25 лѣтъ. Было бы хорошо, если бы ты могъ приказать это сдѣлать. Мое солнышко, ты мнѣ очень недостаешь. Ты можешь поочередно вызывать своихъ министровъ съ докладами. Это ихъ также освѣжитъ. Я надѣюсь, что ты хорошо спишь. Не забудь телеграфировать Джорджи[4] и т. д., когда, наконецъ, все будетъ оффиціально. Прощай, мое сокровище, благословляю и цѣлую тебя безъ конца, каждое драгоцѣнное мѣстечко.

Навсегда твоя собственная, мой Ники, старая женка.

Исторіи насчетъ *Варнавы*[5] выдуманы. Монахъ оттуда прибылъ, чтобы мнѣ это сказать. *Самаринъ* хочетъ отъ него отдѣлаться. *Орловскій* имя того, котораго нашъ Другъ хотѣлъ бы въ качествѣ губ(ернатора[6]). Онъ *предсѣд*(атель) *казенной палаты Перми*. Ты помнишь, онъ поднесъ тебѣ книгу, которую онъ написалъ насчетъ *Чердыни*, гдѣ похороненъ *Романовъ*, котораго почитаютъ какъ святого.

№ 102. 26 августа 1915 г.

Моя дорогая душка,

Пишу тебѣ въ угловой комнатѣ наверху, м-сье Жильяръ читаетъ вслухъ *Алексѣю*. Ольга и Татьяна сегодня днемъ въ городѣ. Ахъ,

---

[1] Константиновичи.
[2] Профессоръ Военно-мед. Академіи.
[3] Впослѣдствіи назначенъ членомъ совѣта мин. вн. д.
[4] Англійскому королю.
[5] Другъ Распутина, епископъ. Ревизія иркутскаго архіепископа Серафима привела Св. Синодъ къ рѣшенію о необходимости уволить Варнаву на покой.
[6] Впослѣдствіи это назначеніе состоялось.

душка, такъ было чудесно прочесть сегодня утромъ извѣстіе въ газетахъ, и сердце мое радовалось больше, чѣмъ я могу сказать. Мари и я были на обѣднѣ въ здѣшней церкви, Анастасія пришла къ *молебну*. *Батюшка* великолѣпно говорилъ, и я хотѣла бы, чтобы побольше народу въ городѣ его послушали. Это для нихъ было бы чрезвычайно полезно, такъ какъ онъ такъ хорошо затронулъ внутреннія теченія. Сердцемъ и душой я молюсь за тебя, мое сокровище. Служба продолжалась съ половины одиннадцатаго до половины перваго. Потомъ мы отправились къ Анѣ, чтобы повидаться съ ея милой большой *Лили*, возвращающейся изъ церкви. Она гонялась за своей матерью, мужъ которой былъ убитъ, и которая искала его тѣло. Она уже не могла добраться до Бреста, потому что нѣмцы были въ восемнадцати верстахъ отъ того мѣста, гдѣ она находилась. Представь себѣ, Мищенко пригласилъ ее къ завтраку, — она — посреди 50 офицеровъ! Она провела ночь у Ани и опять уѣзжаетъ къ своему сыну; у нея нѣтъ извѣстій отъ мужа. Мы завтракали, пили чай и будемъ обѣдать здѣсь. Я сдѣлала короткую прогулку въ полуоткрытомъ моторѣ съ Аней и Мари, чтобы немного подышать воздухомъ. Совсѣмъ сентябрьская погода. Костя приходитъ въ шесть, а потомъ я иду въ церковь — для меня утѣшеніе быть въ церкви и молиться вмѣстѣ со всѣми за моего муженька. А добрыя вѣсти *Иванова* были въ самомъ дѣлѣ Божьимъ благословеніемъ для начала твоего великаго дѣла. Богъ да поможетъ тебѣ, душка! Все кажется теперь ничтожнымъ, такая радость царитъ въ моей душѣ. У меня не было извѣстій отъ старика[1] съ воскресенья. *Самаринъ* продолжаетъ говорить противъ меня — я надѣюсь получить для тебя списокъ именъ и вѣрю, что можно будетъ найти подходящаго преемника ему, раньше чѣмъ онъ еще больше навредитъ. Что иностранцы? Я завтра увижу Бьюкенена, такъ какъ онъ опять мнѣ привозитъ свыше 100.000 фунтовъ изъ Англіи.

Я получила письмо отъ м-мъ Бахарахтъ[2], она проситъ, чтобы ея мужъ не былъ уволенъ раньше конца войны. Онъ достигъ предѣльнаго возраста, но выполняетъ массу работы въ Бернѣ для русскихъ и проявляетъ все стараніе. Можетъ быть, ты объ этомъ вспомнишь, когда его имя будетъ упомянуто *Сазоновымъ*. Въ спальнѣ играетъ граммофонъ для Мари и Анастасіи. Беби въ общемъ спалъ нѣсколько часовъ, — съ перерывами — онъ веселъ и мало страдаетъ. Я сказала Фред(ериксу), что не надо было ничего устраивать для раненыхъ сейчасъ въ Ливадіи, такъ какъ есть еще очень много незанятыхъ мѣстъ въ *Ялтѣ* — а теперь со всѣхъ сторонъ изъ Крыма мнѣ говорятъ, что все таки что то устраивается. Пожалуйста, спроси Фредерикса, почему это? разъ я не нахожу,

[1] **Горемыкина.**
[2] **Жена нашего посланника въ Бернѣ.**

чтобы это сейчасъ было нужно; можетъ быть попозже, — скоро моя санаторія, военная санаторія и ливадійскій лазаретъ будутъ готовы — пока этого довольно.

№ 103.

27 августа 1915 г.

Мой дорогой,

Хотѣла бы знать, получаешь ли ты мои письма ежедневно — жаль, что ты такъ далеко и что всѣ проходящіе теперь поѣзда задерживаютъ движеніе. Опять только восемь градусовъ, но, повидимому, солнце хочетъ показаться. Можешь ли ты каждый день гулять или ты слишкомъ занятъ? Беби спалъ очень хорошо, только дважды просыпался на минуту, и рука его болитъ гораздо меньше, къ счастью; никакого ушиба не видно, она только распухла, такъ что, я думаю, ему сегодня можно будетъ одѣться. Когда онъ нездоровъ, я его гораздо больше вижу, а это такая радость (если только онъ не страдаетъ, такъ какъ это хуже всего). Ольга и Татьяна послѣ семи вернулись изъ города, такъ что я пошла съ Мари въ нижнюю церковь отъ половины восьмого до восьми. Сегодня утромъ я съ двумя маленькими иду наверхъ въ половинѣ одиннадцатаго, такъ какъ у другихъ обѣдня ранѣе девяти внизу. Мой постъ заключается въ томъ, что я не курю, я вновь пощусь съ начала войны и люблю быть въ церкви. Я хочу пойти къ святому причастію, и священникъ согласенъ. Онъ находитъ, что никогда не рано вновь быть у причастія и что это даетъ силу; — я посмотрю. Желающіе солдаты тоже пойдутъ. Въ субботу годовщина нашего камня [1]. Графиня *Граббе* вчера сказала Анѣ, что Орловъ и его жена въ городѣ неистовствуютъ по поводу того, что его уволили, прогнали, — это поведеніе возмутило нѣкоторыхъ, — онъ ей также сказалъ, что Н. П. долженъ его замѣнить (я увѣрена, что онъ самъ распорядился помѣстить это въ газетахъ). Некрасивая выходка послѣ того, какъ его жена просила Н. П. придти и говорила съ нимъ, — что за люди! Многіе довольны, кто зналъ его грязныя денежныя дѣла и тонъ, какимъ онъ позволялъ себѣ говорить обо мнѣ. Найдешь ли ты время, чтобы нацарапать хоть разъ строчку? Мы не получаемъ извѣстій, такъ какъ я просила Н. П. лучше не телеграфировать и не писать сейчасъ послѣ этой некрасивой исторіи въ *Ставкѣ*.

Хотѣла бы знать какія новости? Ты позволишь имъ опять посылать мнѣ телеграммы, неправда ли, моя душка? Милый Беби всталъ и полуодѣтъ, завтракалъ за столомъ съ нами и ребята были у него,

[1] — Непонятно.

чтобы играть съ нимъ. Онъ не хотѣлъ выйти, говорилъ, что не чувствуетъ себя достаточно крѣпкимъ, но выйдетъ завтра. Онъ еще не писалъ, потому что не могъ придерживать бумагу лѣвой рукой. Мы опять тамъ наверху обѣдаемъ, это уютно и не такъ одиноко, какъ здѣсь внизу безъ тебя. Ну, сегодня я съ двумя младшими въ половинѣ одиннадцатаго была у обѣдни и на *молебнѣ*, съ чудесными молитвами за тебя къ св. Дѣвѣ и къ св. Серафиму. Оттуда мы отправились въ нашъ лазаретъ. Всѣ были на молебнѣ въ маленькомъ *пещ*(ерномъ) *хр*(амѣ), такъ что мы опять ушли. А теперь уже половина седьмого — (идемъ) ко всенощной. Я очень надѣюсь въ субботу быть у св. причастія, я думаю, что многіе солдаты тоже идутъ, потому, душка, пожалуйста, прости твою маленькую женку, если она чѣмъ нибудь огорчила или обидѣла тебя, и за то, что она такъ къ тебѣ приставала въ эти трудные дни. Я пошлю телеграмму, когда буду увѣрена, что пойду, а ты тогда за меня помолись, какъ я за тебя. Это какъ то для тебя дѣлается, этотъ постъ, церковныя службы, ежедневный *молебенъ* и такимъ образомъ святое причастіе будетъ особымъ Божьимъ благословеніемъ, и я тебя почувствую единымъ со мной, мой дорогой, любимый ангелъ, мой собственный муженекъ. Здѣсь я прилагаю милую телеграмму отъ *Володи*, которую я хочу, чтобы ты прочелъ. Павелъ пришелъ къ чаю, былъ очень спокоенъ и милъ, о себѣ онъ говорилъ, и я сказала то, о чемъ мы съ тобой говорили, что ты надѣешься его взять или посылать его въ различныя мѣста. Онъ ни въ какомъ случаѣ не хочетъ проталкиваться или пробираться впередъ, но жаждетъ послужить тебѣ, не будетъ надоѣдать тебѣ письмомъ и проситъ меня все это передать тебѣ. Или, если ты хочешь послать его въ какой нибудь корпусъ въ арміи подъ начальство хорошаго генерала, — онъ готовъ на все и полонъ добрыхъ намѣреній. Не подумаешь ли ты объ этомъ и не поговоришь ли съ *Алексѣевымъ*, а потомъ, пожалуйста, сообщи мнѣ. Мы говорили насчетъ Димитрія, не повторяй этого ему — онъ страшно этимъ безпокоится и онъ такъ недоволенъ, что тотъ вѣчно торчалъ въ Ставкѣ. Онъ находитъ, что Дмитрій абсолютно не долженъ былъ тамъ оставаться, такъ какъ это для него очень нехорошо, это его портитъ, и онъ воображаетъ себя очень нужнымъ лицомъ. Павелъ былъ чрезвычайно недоволенъ, что онъ туда поѣхалъ, и жалѣетъ, что ты его поскорѣе не сократилъ вмѣсто того, чтобы позволять ему вмѣшиваться въ дѣла, въ которыхъ онъ ничего не смыслитъ.

Было бы лучше, если бы онъ вернулся въ полкъ, чей мундиръ онъ имѣетъ честь носить и гдѣ онъ служитъ. Говоря про конную гвардію, Павелъ сказалъ, что, по его мнѣнію, надо бы назначить новаго командира, такъ какъ теперешній командиръ не можетъ выздоровѣть отъ своей раны, онъ сдѣлалъ все, что можетъ, и полкъ не можетъ

дальше оставаться съ одними молодыми офицерами, безъ настоящаго командира. Онъ говоритъ, что подойдетъ каждый хорошій офицеръ фронта, все равно кто, только бы онъ годился, такъ что можетъ быть ты объ этомъ также переговоришь (не съ Дмитріемъ) съ *Алексѣевымъ*. Бьюкененъ опять принесъ мнѣ 100.000 фунтовъ. Онъ также желаетъ тебѣ всякаго успѣха. Онъ больше не можетъ выносить города. Онъ говоритъ: — такія затрудненія, чтобы получать дрова, и что онъ хочетъ получить уже теперь свои припасы и ждетъ уже два мѣсяца, а теперь узналъ, что они не прибудутъ. Слѣдовало бы заранѣе припасти крупные запасы, для этихъ массъ бѣженцевъ, которыя будутъ голодать и мерзнуть. Господи, какія страданія они переносятъ, они массами мрутъ на пути и пропадаютъ, и вездѣ подбираютъ бродячихъ дѣтей. Теперь я должна уѣзжать. Благословляю и цѣлую тебя тысячу разъ, очень, очень нѣжно, съ горячей любовью.

Навсегда твоя старая
Аликсъ.

Неужели *Думу*, наконецъ, не закроютъ — зачѣмъ тебѣ быть здѣсь для этого? Какъ эти дураки нападаютъ на военныхъ цензоровъ, это показываетъ, какъ они необходимы.

Нашъ привѣтъ Н. П.

№ 104.

28 августа 1915 г.

Мой любимый, дорогой Ники,

Какъ мнѣ поблагодарить тебя за твое драгоцѣнное письмо, которое пришло ко мнѣ въ видѣ пріятнѣйшаго сюрприза. Я его перечла уже нѣсколько разъ, цѣловала дорогой почеркъ. Ты писалъ мнѣ 25-го, я получила письмо 27-го передъ обѣдомъ.

Все насъ безконечно интересуетъ, и дѣти и А. (Аня) жадно слушали нѣкоторые отрывки, которые я вслухъ читала. Чувствовать, что ты покоенъ, это наполняетъ наши сердца радостной благодарностью. Богъ послалъ тебѣ награду за твой великій подвигъ, — да, это новая отвѣтственность, но она особенно дорога твоему сердцу, такъ какъ ты любишь и понимаешь все, что касается военнаго дѣла. И то, что ты показалъ такую твердость, принесетъ тебѣ Божью милость и успѣхъ. Тѣ, кто были такъ испуганы этой перемѣной и всѣмъ этимъ вздоромъ, теперь увидѣли, какъ спокойно и естественно все произошло, и стали тише.

Я увижу старика и услышу, что онъ имѣетъ мнѣ передать.

П.[1] *Гор. Думу* нужно прихлопнуть, какое у нихъ право подражать Москвѣ? *Гучковъ* опять стоитъ за всѣмъ этимъ и за телеграммой, которую ты получилъ — пусть бы они занимались своимъ дѣломъ, смотрѣли бы за ранеными, бѣженцами, топливомъ, продовольствіемъ и т. д.— имъ надо дать рѣзкій отвѣтъ, чтобы они занимались своимъ собственнымъ дѣломъ и заботились о страдальцахъ войны. Ихъ мнѣніе никому не нужно, пусть они прежде всего думаютъ о своей канализаціи. Я это скажу старику — я теряю терпѣніе съ этими болтунами, вмѣшивающимися во все. О, милушка, я такъ тронута, что ты хочешь моей помощи. Я всегда готова дѣлать все для тебя, но я никогда не любила вмѣшиваться безъ спроса, только здѣсь я чувствовала, что дѣло идетъ о слишкомъ многомъ...

Такое великолѣпное солнце. 18 градусовъ на солнцѣ и прохладный вѣтерокъ. Странная погода это лѣто.

Конечно, это благоразумно, что ты помѣстился въ губернаторскомъ домѣ, если въ лѣсу совсѣмъ сыро—и тамъ у тебя штабъ совсѣмъ рядомъ, но все же для тебя быть въ городѣ должно быть очень тяжело. Не переѣдешь ли ты поближе, какъ предлагалъ В. (Воейковъ)? Тогда бы ты могъ ѣздить взадъ и впередъ по мѣрѣ необходимости и вызывать своихъ министровъ — теперь ты еще дальше, чѣмъ въ Барановичахъ, неправда ли? А тамъ ты могъ бы ѣздить въ Псковъ и скорѣе доѣзжать до частей. Мы всѣ опять идемъ въ церковь, старшія дочери пойдутъ рано, мы въ половинѣ одиннадцатаго, а потомъ въ лазаретъ, если *Батюшка* не будетъ опять говорить, онъ вчера вечеромъ произнесъ проповѣдь, опять очень хорошую. Потомъ въ два мы идемъ на крестины ребенка *Прап. Ковба*, я крестила его перваго ребенка прошлой осенью (онъ былъ съ нашими ранеными, а потомъ служилъ въ поѣздѣ Маріи). Такъ вотъ, Марія и *Яковлевъ* (бывшій уланъ, командиръ ея поѣзда) крестятъ ребенка (въ нижней лазаретной церкви). Георгій встрѣтилъ поѣздъ и передалъ сестрамъ медали — я увѣрена, что *Шуленбургъ* будетъ въ отчаяніи, такъ какъ они тоже въ прошломъ году были подъ огнемъ.

Потомъ мы покатаемся и заглянемъ въ маленькій домъ, такъ какъ тамъ будетъ жена нашего Друга съ дѣвочками, которыхъ она привела на урокъ. Потомъ *Шуленбургъ*, въ три четверти шестого — церковь, — въ три четверти восьмого *Горем*(ыкинъ) передъ своимъ засѣданіемъ. У насъ въ лазаретѣ три Татьяниныхъ улана и четвертый лежитъ въ Большомъ Дворцѣ, — тамъ къ счастью опять двадцать вакантныхъ мѣстъ.

---

[1] Петербургскую городскую думу, которая въ частномъ совѣщаніи гласныхъ 20 августа присоединилась къ постановленію московской гор. думы, касательно общихъ задачъ момента. На это постановленіе, доложенное петрогр. гор. головой во всеподд. телеграммѣ, Государь отвѣтилъ выраженіемъ благодарности.

Прилагаю письмо графа Келлера, которое, можетъ быть, ты захочешь прочитать, такъ какъ оно обнаруживаетъ его точку зрѣнія на происходящее, онъ смотритъ просто и здраво, какъ большая часть тѣхъ, которые не находятся въ СПБ. или Москвѣ. Онъ не зналъ о перемѣнѣ въ *Ставкѣ* тогда. Сегодня онъ возвращается въ армію — боюсь, что слишкомъ рано. Но, конечно, онъ тамъ нуженъ. По слухамъ, «*Новикъ*» участвовалъ въ бою, имѣлъ успѣхъ, но я не знаю, насколько тутъ правды. Я надѣюсь, что я тебя не смущаю моими вырѣзками — правда ли то, что говорится въ этихъ морскихъ вырѣзкахъ, или нѣтъ? я ихъ вырѣзала. Мы сдѣлали очаровательную прогулку, дивная погода, и на сердцѣ словно пѣсни звучатъ, навѣрное это значитъ, что будутъ хорошія извѣстія. Въ деревнѣ у *Павловской* фермы мы остановились у *лавки* и купили двѣ большія *банки* съ земляничнымъ вареньемъ и *брусникой*. Потомъ встрѣтили человѣка съ грибами и купили ихъ для Ани — мы ѣхали вдоль опушки *Павловскаго* парка — такая погода, истинное удовольствіе, и мы пьемъ чай на балконѣ — и тоскуемъ по тебѣ, мой родной ангелъ. Жена *Гр*(игорія) шлетъ тебѣ привѣтъ и молится *Архангелу Михаилу*, чтобы онъ былъ съ тобой — она говоритъ, что онъ не могъ успокоиться и страшно волновался пока ты не уѣхалъ. По его мнѣнію, было бы хорошо выпустить нѣкоторыхъ людей изъ тюремъ и отправить ихъ на фронтъ, есть цѣлая категорія, я увѣрена, совсѣмъ безвредныхъ арестантовъ, для которыхъ такая отправка было бы нравственнымъ спасеніемъ; я могу объ этомъ намекнуть старику, чтобы онъ это обдумалъ[1] — онъ приходитъ въ три четверти восьмого, такъ что я должна до того отправить свое письмо. Его[2] губернаторъ совсѣмъ къ нему перемѣнился (вернулся тебѣ) — онъ говоритъ, что остановитъ нашего Друга, какъ только онъ уѣдетъ (?). Ты видишь, что другіе дали ему это приказаніе — это болѣе чѣмъ дурно и постыдно.

Теперь происходитъ *общая исповѣдь*, такъ что *Батюшка* просилъ насъ придти въ верхній храмъ, тамъ будетъ масса солдатъ, и завтра утромъ мы также будемъ со всѣми наверху. Всѣ дѣти и Беби также придутъ — ахъ какъ я хотѣла бы, чтобы ты тамъ также былъ, — но я знаю, что въ сердцахъ и помыслахъ нашихъ ты тамъ будешь. Еще разъ прости меня, мое Солнышко. Богъ да благословитъ и защититъ тебя отъ всякаго зла и поможетъ тебѣ во всемъ. Завтра день камня[3].

Цѣлую тебя съ глубочайшей любовью и преданностью,

навсегда твоя женка.

---

[1] Въ февралѣ 1916 г. соотвѣтственное положеніе опубликовано.
[2] Распутина.
[3] См. выше.

Беби надѣется завтра написать. Онъ похудѣлъ и поблѣднѣлъ, былъ цѣлый день на воздухѣ. Спалъ до четверти одиннадцатаго сегодня, очень веселъ и счастливъ, что съ нами можетъ пойти къ святому причастію. Такая милая фотографія, на которой ты снятъ во время купанья. Нѣсколько словъ тебѣ отъ Ани и отъ меня Н. П.

№ 105.

28 августа 1915 г.

Любимый мой,

Я только что видѣла старика. Онъ долженъ съ тобой видѣться, такъ что уѣзжаетъ завтра. Онъ думалъ насчетъ министра внутреннихъ дѣлъ и не можетъ никого найти, за исключеніемъ, можетъ быть, Нейдгардта[1] изъ Татьянинскаго комитета. И я думаю, что онъ не былъ бы плохъ (папа *Танѣевъ* также его называлъ). Онъ прекрасный работникъ и теперь это показалъ. Очень *распорядительный*, энергическій. Его «величественность» можетъ воздѣйствовать на *Думу* — кромѣ того, ты его хорошо знаешь и можешь говорить съ нимъ, какъ хочешь, и не долженъ съ нимъ se gêner[2] — только я надѣюсь, что онъ не въ компаніи *Джунк*(овскій)-*Дрен*(тельнъ). Мнѣ кажется, что онъ держалъ бы другихъ министровъ въ рукахъ и такимъ образомъ помогалъ бы старику. Онъ[3] находитъ почти невозможнымъ работать съ министрами, которые съ нимъ не согласны, но также и мы находимъ, что теперь ему не слѣдовало бы уходить въ отставку, потому что они этого желаютъ, и если только разъ уступить, они станутъ еще хуже. Если ты хочешь, то по твоей с о б с т в е н н о й и н и ц і а т и в ѣ (сдѣлай это) немного позже. Ты *Самодержецъ*, и они не смѣютъ это забывать. Онъ согласенъ закрыть *Думу*, но воскресенье праздникъ, такъ что лучше во вторникъ, а до того онъ тебя увидитъ. Министры мерзавцы, хуже чѣмъ *Дума:* (разсказываютъ) гнусности насчетъ цензуры, позволяютъ печатать всякую чепуху. Онъ тоже говоритъ, что два покушенія на *Николашу—утки*. Онъ находитъ, что *Щербатова* невозможно оставить, лучше его поскорѣе смѣнить. Я думаю, что Нейдгардту было бы возможно довѣриться — его нѣсколько нѣмецкая фамилія, я думаю, не имѣла бы значенія, такъ какъ его вездѣ хвалятъ по поводу (его дѣятельности въ) Татьянинскомъ Комитетѣ. Cons.-de l'Emp.[4] можетъ закончить вопросъ о бѣженцахъ. Милому старому *Горем*(ыкину) полезно

[1] См. выше. Здѣсь рѣчь идетъ о б. одесскомъ градоначальникѣ, А. Б. Нейдгардтѣ.

[2] Церемониться.

[3] Горемыкинъ.

[4] Государственный Совѣт

будетъ тебя повидать, онъ такой славный. Сейчасъ я вернулась съ *Общей Исповѣди* — очень трогательное, волнующее зрѣлище, и всѣ такъ молились, такъ усердно, за тебя. Я должна быстро отправить это письмо. Благословляю и цѣлую безъ конца, безконечно молюсь за тебя, у меня такая радость на душѣ всѣ эти дни, я чувствую, что Богъ вблизи тебя, моя душка, —

всегда твоя собственная женка.

№ 106.

29 августа 1915 г.

Мой любимый,

Только что принесли мнѣ твое милое письмо отъ 25-го. Благодарю тебя за него отъ всего сердца, милая душка. Такое успокоеніе знать, что ты доволенъ *Алексѣевымъ* и находишь, что съ нимъ легко работать. Будетъ ли *Драгомировъ* назначенъ его помощникомъ? Онъ,[1] вѣдь, можетъ заболѣть, и вѣрнѣе имѣть кого нибудь, кто немного въ курсѣ дѣла. Не будетъ ли легче тебѣ, если ты будешь поближе, тамъ, гдѣ больше желѣзнодорожныхъ путей? *Могилевъ* такъ далекъ, и тамъ проходятъ всѣ эти перегруженные поѣзда. Въ самомъ дѣлѣ, слѣдовало бы что нибудь большее сдѣлать для *бѣженцевъ* — устроить больше *питательныхъ пунктовъ* и летучихъ госпиталей. Масса дѣтей остаются безъ призора на большой дорогѣ, другія умираютъ — все возвращающіеся съ войны. Говорятъ, что страшно тяжело на это смотрѣть. Правительство разрабатываетъ вопросы, касающіеся бѣженцевъ послѣ войны, но о нихъ необходимо подумать теперь. Но Богъ дастъ, скоро непріятель не будетъ больше подвигаться впередъ, и тогда все пойдетъ глаже. Извѣстія, которыя я читала въ газетахъ, болѣе утѣшительны и гораздо лучше изложены, чувствуется, что кто то другой ихъ пишетъ. Нашъ Другъ находитъ, что больше фабрикъ и въ томъ числѣ конфетныя должны были бы выдѣлывать снаряды. Я радуюсь извѣстіямъ твоимъ. Дѣти и Аня слушаютъ съ глубочайшимъ интересомъ, такъ какъ мы издалека живемъ съ тобой и для тебя. Пусть *Митя Денъ* будетъ пока во главѣ гаража. Можетъ быть попозже можно достать ему опять мѣсто во флотѣ, такъ какъ онъ любитъ и понимаетъ это дѣло.

Да, пригласи иностранцевъ, съ ними гораздо интереснѣе и можно найти гораздо больше темъ для разговора. Я рада, что Дмитрій въ порядкѣ. Передай ему мой привѣтъ — но помни, что онъ не долженъ былъ бы тамъ оставаться, это для него нехорошо. Съ собственнаго

[1] Алексѣевъ

твоего согласія дай ему уѣхать. Для него нездорово бездѣлье, когда всѣ на войнѣ, а теперь онъ живетъ среди сплетенъ и играетъ роль. Только не говори ему, что Павелъ и я такъ думаемъ. Павелъ проситъ тебя быть построже съ нимъ, такъ какъ онъ такъ избалованъ и воображаетъ, что онъ можетъ тебѣ давать совѣты. Какъ хорошо, моя душка, что ты постишься. Можетъ быть было бы лучше тебѣ отдать *Самарину* короткое приказаніе, что ты желаешь, чтобы *Епископъ Варнава пропѣлъ величаніе святителя Іоанна Максимовича,*[1] потому что *Самаринъ* намѣренъ отъ него отдѣлаться на томъ основаніи, что мы его любимъ и что онъ добръ къ *Гр*(игорію). Мы должны выгнать *С*(Самарина) и, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Онъ не успокоится, пока онъ меня и нашего Друга, и Аню не впутаетъ въ бѣду. Это такъ гадко и такъ отвратительно-непатріотично, и узко, но я знала, что такъ будетъ, и потому они упрашивали тебя назначить его, а я писала объ этомъ съ такимъ отчаяніемъ. Бѣдный *Маркозовъ* вернулся, мнѣ надо постараться его повидать. Въ церкви было прелестно, только два часа (продолжалась служба), цѣлыя массы были у святого причастія, всякаго рода люди, массы солдатъ, три казака, Зизи, Лиза, Соня, Аня, м-мъ *Дедюлина* съ сестрой, Бебинъ другъ *Ирина, Жукъ, Шахбаговъ, Юсуповъ, Чебатыревъ, Русинъ, Перепелица, Кондратьевъ* и т. д. Мы пошли внизъ, чтобы приложиться къ иконамъ до начала службы; наверху дѣти слишкомъ конфузились. Потомъ мы получили твою телеграмму, которая насъ обрадовала, и мы чувствовали, что ты съ нами все время. Ты намъ страшно недоставалъ, и все же мы ощущали твое свѣтлое присутствіе. Пили кофе, завтракали съ Изой и Зизи и пили чай на балконѣ. Я дѣлала перевязки въ лазаретѣ, чувствовала себя такой энергичной и полной внутренней радости, ѣздила въ *Павловскъ.* Беби въ порядкѣ, онъ опять ловилъ ось. *Викт. Эраст.* сегодня уѣхалъ въ Могилевъ. Мы сегодня вечеромъ не идемъ въ церковь, такъ какъ устали, ежедневныя службы два раза въ день въ теченіе четырехъ дней были очень продолжительны, но такъ прекрасны. День нашего камня сегодня.

Я видѣла г-жу *Парецкую,* и она такъ много о тебѣ говорила

---

[1] Какъ видно изъ газетъ, въ Св. Синодѣ возникло дѣло о самовольной канонизаціи митрополита Іоанна Тобольскаго нынѣшнимъ Тобольскимъ Преосвященнымъ еп. Варнавой. 8 сентября Св. Синодъ въ полномъ составѣ съ оберъ-прокуроромъ, допрашивалъ Варнаву, который указалъ, между прочимъ, что совершилъ канонизацію по указанію свыше. Не дождавшись конца засѣданія, еп. Варнава уѣхалъ и затѣмъ отказался явиться по требованію Св. Синода на послѣдующія засѣданія.

15/IX чинамъ петроградской полиціи предложено принять мѣры къ обнаруженію мѣстожительства еп. Варнавы.

— дала ей — она на зиму опять переѣзжаетъ въ городъ — я нашу группу и сказала, что я попрошу тебя ее подписать, когда ты вернешься. Имѣешь ли ты какія либо предположенія насчетъ своихъ плановъ?

Сегодня вечеромъ недѣля, что ты уѣхалъ, и какъ съ тѣхъ поръ измѣнились ощущенія! — Миръ, довѣріе и новое свѣжее чистое начинаніе. Это мнѣ напоминаетъ — не слѣдовало ли бы поскорѣе произвести судъ надъ *Ком. Ковно Григорьевымъ?* Производитъ очень дурное впечатлѣнія, что онъ такъ разъѣзжаетъ повсюду, когда знаешь, что онъ сдалъ и покинулъ крѣпость (Шуленбургъ мнѣ объ этомъ намекнулъ); и еще другую вещь — насчетъ *Семеновцевъ*, и это достовѣрная вещь, а не болтовня. *Усовъ*, которому онъ можетъ довѣрять, ему объ этомъ сказалъ со слезами. Они просто удрали, и потому *Преоб*(раженцы) имѣли такія большія потери. Найди имъ хорошаго храбраго командира. Я надѣюсь, что ты не недоволенъ, что я тебѣ всѣ эти вещи говорю, онѣ могутъ быть полезны. Ты можешь потребовать разслѣдованія и въ общемъ произвести чистку.

Многіе чудесные храбрые молодые люди не получили никакихъ наградъ, а высокопоставленные люди получаютъ ордена. Такъ какъ Алекс(ѣевъ) не можетъ все дѣлать, мой слабый мозгъ представляетъ себѣ, что можно было бы поручить это нѣсколькимъ спеціалистамъ, чтобы они просмотрѣли огромный списокъ и наблюдали чтобы не было никакихъ несправедливостей. Въ случаѣ (такъ какъ я совершенно не знаю, одобряешь ли ты Нейдгардта), если ты его назначишь, и онъ представится, имѣй съ нимъ серьезный и откровенный разговоръ. Прими мѣры, чтобы онъ не пошелъ по направленію *Джунковскаго*. Разъясни ему положеніе нашего Друга съ самаго начала, чтобы онъ не смѣлъ поступать, какъ *Щербатовъ* и *Самаринъ*. Дай ему понять, что онъ дѣйствовалъ бы прямо противъ насъ, если бы сталъ преслѣдовать (Его) и позволилъ бы, чтобы о Немъ гадко писали или говорили. Ты можешь повлiять на него посредствомъ его amour propre [1] и запрети продолжать безжалостное преслѣдованіе Бароновъ. Не забылъ ли ты про планъ разсѣянія группъ *Латышей* среди полковъ. Съ тобой ли милый *Димка?* Я собираюсь навѣстить *Максимова*, который вернулся изъ Москвы. Душка, не забудь использовать свиту (второе мое перо высохло [2]), посылая ихъ отъ твоего имени на разныя фабрики — пожалуйста, сдѣлай это. Это произведетъ прекрасное впечатлѣніе и покажетъ, что ты за всѣмъ наблюдаешь и что не только *Дума* всюду суетъ свой носъ. Сдѣлай тщательный выборъ. А(Аня) только что видѣла *Андр.* и *Хво-*

[1] Самолюбіе.

[2] Т. е. вышли всѣ чернила.

стова. Послѣдній произвелъ на нее прекрасное впечатлѣніе (старикъ противъ него), я его не знаю и потому не знаю, что сказать. Онъ тебѣ крайне преданъ, говорилъ съ ней мягко и хорошо о нашемъ Другѣ, разсказалъ, что завтра въ *Думѣ* будетъ *запросъ* насчетъ *Гр*(игорія). Просили подписи *Хвост.*(ова), но онъ отказался и сказалъ, что если этотъ вопросъ будетъ поднятъ, то не будетъ дана амнистія — они обсудили и опять отказались отъ запроса о немъ. Онъ разсказалъ страшныя гадости про *Гучкова.* Сегодня онъ былъ у *Горем.*, говорилъ про тебя, что, взявши армію, ты себя спасъ. *Хвост*(овъ) взялъ на себя запросъ по поводу *германскаго засилія* и *дороговизны мяса*, такъ какъ лѣвые не хотѣли ихъ вносить — теперь этотъ вопросъ въ рукахъ у правыхъ, и это безопасно, — она (Аня) имъ очарована и вынесла хорошее впечатлѣніе. *Горем*(ыкинъ) хотѣлъ представить *Крыжановскаго,* но я сказала, что ты никогда не согласишься... Поговори насчетъ *Хвостова.* Я не видѣла его (Хвостова) статьи, т. е. я хочу сказать его рѣчи въ *Думѣ*, такъ что трудно дать совѣтъ. Враждебны ли къ нему также и другіе или только старикъ, который ненавидитъ всю *Думу*. Страшно трудно опять тебѣ рѣшать, бѣдное сокровище. Я ничего не могу сказать, такъ какъ не знаю этого человѣка. На нее онъ произвелъ въ самомъ дѣлѣ очень хорошее впечатлѣніе. Переговори о немъ съ *Горем*(ыкинымъ). Теперь я должна отправить это письмо. Я надѣюсь, что ты заставишь *Думу* убраться, но только кто же можетъ ее закрыть, если старикъ боится, что его будутъ оскорблять. Мнѣ такъ хотѣлось бы отхлестать почти всѣхъ министровъ и поскорѣе выгнать *Щерб*(атова) и *Сам*(арина), отославъ послѣдняго къ его серьезному вопросу объ эвакуаціи. Ты видишь, что митроп(олитъ)[1] противъ Него. Я надѣюсь послать тебѣ завтра списокъ именъ, чтобы ты могъ выбрать приличнаго человѣка. Прощай, душка. Богъ да благословитъ и защититъ тебя. Цѣлую тебя безъ конца и прижимаю къ своей груди съ безконечной нѣжностью.

Навсегда, мой Ники, твоя собственная женка.

Привѣтъ Н. П. Извини мое плохое писаніе. Я всегда тороплюсь, и перо неважное. Если бы ты могъ найти мѣсто для Павла тамъ на фронтѣ, это было бы въ самомъ дѣлѣ хорошо, и онъ бы тебѣ не надоѣдалъ, — только надо подчинить его настоящему хорошему, умному генералу.

Выяснена ли исторія *Безобразова?*[2]

---

[1] Владиміръ.

[2] Генералъ В. М. Безобразовъ, подъ командой котораго сильно пострадалъ въ бою сводный гвардейскій корпусъ.

№ 107.

30 августа 1915 г.

Моя родная душка,

Опять такое прелестное солнечное утро и свѣжій вѣтерокъ. Такъ цѣнишь хорошую погоду послѣ этихъ сѣрыхъ дней и мрака, который мы пережили. Я каждое утро набрасываюсь на *Новое Время* и каждый день благодарю Бога за хорошія извѣстія, о нашихъ храбрыхъ войскахъ. Это такое утѣшеніе; — съ самаго перваго дня, что ты туда прибылъ, Богъ въ самомъ дѣлѣ послалъ войскамъ чрезъ тебя свое благословеніе, и видно, съ какой новой энергіей они дерутся. Если бы только можно было сказать тоже самое насчетъ внутреннихъ вопросовъ! Надо было бы отдѣлаться отъ *Гучкова,* только какъ? — вотъ въ чемъ вопросъ. Теперь *Военное время,* нельзя ли было бы придраться къ чему нибудь, чтобы его запереть. Онъ стремится къ анархіи и противникъ нашей династіи, которую, по словамъ нашего Друга, Богъ будетъ защищать — отвратительно видѣть его игру, его рѣчи и его скрытую работу. Въ четвергъ появятся ихъ *Запросы* въ *Думѣ,* къ счастью, они опоздали на недѣлю — развѣ нельзя было ее распустить раньше? — Только не мѣняй старика теперь, сдѣлай это позже, когда это тебѣ будетъ угодно. *Горем*(ыкинъ) съ этимъ согласенъ, *Андрон*(никовъ) и *Хвостовъ* тоже (думаютъ), что это[1] значило бы сыграть имъ на руку. Они не могутъ переварить твою твердость, такъ какъ они поклялись, что не дадутъ тебѣ уѣхать — теперь ты продолжай въ томъ же *Духѣ.* Также ли ты полонъ энергіи и твердости, скажи мнѣ, милый?

Ужасно для меня не быть съ тобой. У меня столько вопросовъ къ тебѣ и столько хочется сказать и, увы, мы не условились насчетъ шифра. Я не могу писать черезъ *Дрент*(ельна) и также не смѣю посылать телеграммы — такъ какъ за ними наблюдаютъ, — я увѣрена, что тѣ министры, которые противъ меня дурно настроены, будутъ слѣдить за мной, и это меня нервируетъ въ моихъ письмахъ. Мы были въ церкви, а потомъ завтракали на балконѣ. Соня также. Я принимала пять моихъ *Александр*(овцевъ), такъ какъ это (день) ихъ визита, потомъ *Максимовича*[2], и мы обо всемъ имѣли длинный разговоръ — онъ былъ радъ увидѣть, что я въ бодромъ настроеніи и энергична. И я также просила его прислушиваться и, когда онъ услышитъ дурное, обратить вниманіе и быть также внимательнымъ въ клубѣ—онъ тамъ не былъ уже пять мѣсяцевъ; понятно, когда онъ тамъ, никто не осмѣливается ничего сказать, но ему говорили, что тамъ ведутъ скверные

[1] Т. е. увольненіе Горемыкина до роспуска Думы.
[2] Ген.-адъютантъ, б. атаманъ войска донского.

разговоры, и онъ на это обратитъ вниманіе. Та же самая графиня *Фредериксъ* говорила ему про *Орлова,* который въ его присутствіи тоже не посмѣетъ сказать что либо некорректное. Этотъ *Орловъ* теперь разсказываетъ, что онъ уволенъ по требованію нашего Друга— а другіе говорятъ, что Онъ живетъ въ Царскомъ Селѣ, какъ раньше говорили, что у насъ здѣсь *Эрни.*

Я видѣла госпожу *Ридигеръ,* вдову одного изъ *Грузинскихъ офицеровъ.* Онъ похороненъ въ Бромбергѣ. Я просила ее присмотрѣть за моей санаторіей въ *Массандрѣ.*[1] Вотъ телеграмма, которую А.(Аня) только что получила отъ нашего Друга. *Перваго объявленія ратниковъ вѣсти узнайте тщательно когда губернія* (его) *пойдетъ наша Воля Божья это послѣднія крохи всего міра многомилостивый Никола творящій чудеса».* Не можешь ли ты выяснить, когда будутъ взяты эти ратники въ его губерніи *(Тобольской)* и сразу дай мнѣ знать. Я предполагаю, что въ твоемъ штабѣ все точно намѣчено. Говоритъ ли Онъ про сына, но, вѣдь, онъ не *ратникъ.* Это такъ странно, когда *Прасковья*[2] уѣзжала, Онъ сказалъ, что она вовсе не увидитъ сына.

Максим(овичъ) нашелъ лазареты въ порядкѣ, но тамъ, судя по настроенію, нужна твердая рука, чтобы поддерживать порядокъ — онъ находитъ, что *Юсуповъ* долженъ былъ бы опять вернуться[3] и не торчать здѣсь, съ этимъ я согласна.

Боткинъ говорилъ мнѣ, что когда *Гардинскій* (другъ Ани) возвращался съ юга, куда онъ ѣздилъ, чтобы повидаться съ матерью, онъ въ поѣздѣ слышалъ, какъ два господина обо мнѣ дурно говорили, и онъ сразу ударилъ ихъ по лицу и сказалъ, что пусть они жалуются, если хотятъ, но что онъ исполнилъ свой долгъ и также поступитъ со всѣми, кто позволитъ себѣ такъ говорить. Понятно, они замолчали. Нужны только энергія и смѣлость и тогда все идетъ хорошо. Я тревожусь, отъ тебя нѣтъ телеграммы. Получилъ ли ты мою телеграмму вчера вечеромъ на счетъ the Tail[4]. Онъ на нее[5] произвелъ такое прекрасное впечатлѣніе, и я хотѣла бы, чтобы ты прочелъ мое письмо, прежде чѣмъ рѣшишь вопросъ съ *Горем*(ыкинымъ). Получилъ ли ты оба мои письма въ субботу? Ты слишкомъ далекъ, до тебя нельзя быстро добраться.

Только поскорѣе закрой *Думу,* прежде чѣмъ будутъ представлены ихъ *«вопросы».* Продолжай быть энергичнымъ. *Максим*(овичъ)

[1] На южномъ берегу Крыма, царское имѣніе.
[2] Жена Распутина.
[3] Въ Москву, гдѣ онъ занималъ должность ген.-губернатора.
[4] См. выше, условное имя для Хвостова.
[5] Аню.

былъ въ восторгѣ. Я сказала *Ботк*(ину) очень многое, чтобы заставить его понять то, что происходитъ, такъ какъ онъ не всегда таковъ, какимъ бы я желала, чтобъ онъ былъ — онъ видѣлъ, что я все знаю, и могла ему объяснить разныя вещи, которыя для него были неясны. Я разглагольствую, это необходимо, чтобы всѣхъ встряхнуть, или показать имъ, какъ надо думать и дѣйствовать.

Не можешь ли ты передать или переслать черезъ твоего слугу приложенное письмо Н. П., только не черезъ Димитрія, такъ какъ онъ будетъ дѣлать замѣчанія насчетъ того, что мы пишемъ. Тебя позабавитъ, какъ Анастасія ему пишетъ. Прилагаю прошеніе отъ нашего Друга, напиши на немъ свое рѣшеніе. Я думаю, что, конечно, оно могло бы быть удовлетворено. Надъ нами летятъ аэропланы, я лежу въ кровати, отдыхаю передъ обѣдомъ. Если есть что либо интересное, не можемъ ли твоя мамаша и я получать извѣстія вечеромъ, такъ какъ это такъ долго — дожидаться слѣдующаго утра. Теперь я должна кончать, прощай и Богъ да благословитъ тебя, мой любимый, мое солнышко, моя жизнь. Ты мнѣ страшно недостаешь. Цѣлую тебя еще и еще разъ. Навсегда твоя собственная женка

Аликсъ.

Кланяюсь старику. — Говорятъ, что когда здѣсь недавно былъ La Guiche [1], онъ высказывался въ клубѣ противъ замѣны Н(Николаши) (Сандро Л. [2] это слышалъ), такъ что будь нѣсколько осторожнѣе съ этимъ человѣкомъ.—Всѣ смотрятъ на твое новое дѣло, какъ на великій подвигъ. А(Аня) цѣлуетъ тебя очень нѣжно. Пожалуйста, поскорѣе дай мнѣ отвѣтъ.

№ 108.

31 августа 1915 г.

Мой милый, любимый,

Опять солнечный день — я нахожу, что погода идеальна, но Ольга зябнетъ. Правда что «le fond de l'air» свѣжій. Я рада, что у тебя былъ хорошій разговоръ съ *старцемъ*, какъ нашъ Другъ называетъ *Горем*(ыкина). Твое упоминаніе о томъ вопросѣ, который ты отложилъ до твоего возвращенія, означаетъ вѣроятно вопросъ о перемѣнѣ министра внутреннихъ дѣлъ — какъ хорошо было бы, если бы ты могъ повидать *Хвостова* и съ нимъ по настоящему переговорилъ и увидѣлъ, произведетъ ли онъ на тебя такое же благопріятное, честное, лойяль-

[1] Французскій военный агентъ.
[2] А. Г. Лейхтенбергскій, сынъ Георгія Максимиліановича.

ное, энергическое впечатлѣніе[1], какъ на Аню. Но *Дума*, я надѣюсь, будетъ сейчасъ же прикрыта.

Павелъ нездоровъ, онъ страдаетъ, у него жаръ, колика, которой у него уже не было нѣсколько мѣсяцевъ, такъ что онъ лежитъ — кромѣ того, онъ волнуется по поводу Д.[2] Не могла ли бы я получить какой нибудь отвѣтъ насчетъ его самого, можешь ли ты какъ нибудь его использовать на фронтѣ или въ *Ставкѣ*, и не собираешься ли ты отправить Д. въ его полкъ. Я могла бы пойти къ нему и разсказать ему объ этомъ. Не пошлешь ли ты за Мишей[3], чтобы съ тобой побыть немного, прежде чѣмъ онъ вернется (на фронтъ), это для тебя было бы такъ пріятно и уютно, и такъ хорошо на время его разлучить съ ней[4]. И твой братъ — это тотъ, кто долженъ былъ бы быть съ тобой. Я увѣрена, что ты чувствуешь себя болѣе одинокимъ съ тѣхъ поръ, какъ ты оставилъ поѣздъ — быть одному въ домѣ за завтракомъ и за чаемъ, должно быть грустно. Не подвинешься ли ты поближе сюда, — и когда, примѣрно, ты думаешь вернуться на нѣсколько дней. Навѣрное, это трудно сказать, но я интересуюсь въ виду необходимости смѣнить *Щербатова* и «разнести» министровъ, чье поведеніе по отношенію къ старику и чья трусость возбуждаютъ во мнѣ отвращеніе. Я сегодня утромъ была у *Знам*(енья) съ моими свѣчами, тамъ я прихватила А(Аню), и мы отправились въ Красный Крестъ. Она сидѣла въ теченіе часа съ своимъ другомъ, пока я осматривала оба дома. Радость офицеровъ по поводу того, что ты принялъ командованіе, огромна, и у нихъ увѣренность въ успѣхѣ. Гротенъ выглядитъ хорошо, но блѣденъ. Потомъ я была въ нашемъ лазаретѣ и сидѣла въ разныхъ палатахъ. Послѣ завтрака я принимала, потомъ была у А(Ани), чтобы повидать мужа Али, который завтра опять уѣзжаетъ на фронтъ, а она съ дѣтьми въ городъ. Мы хорошо прокатились, завтракали, пили чай на балконѣ.

Теперь Беби просилъ меня взять его къ Анѣ, чтобы повидать *Ирину Т. и Риту Х.*, но я не останусь тамъ и кончу письмо, когда вернусь.

Ну, я сидѣла тамъ двадцать минутъ, а потомъ отправилась помолиться и поставить за тебя свѣчу. Мое сокровище, мое милое солнышко! «Говорятъ», что ты возвращаешься четвертаго для засѣданія министровъ? Аэропланы опять летаютъ надъ головой и очень шумятъ. Беби написалъ свое письмо совсѣмъ самостоятельно, только спрашивалъ у *Петра Вас*(ильевича), когда онъ не былъ увѣренъ насчетъ орфографіи.

---

1 (Въ подл. «мнѣніе», opinion.)
2 Дмитрія, сына.
3 В. Кн. Михаиломъ Александровичемъ.
4 Т. е. его женой, графиней Брасовой.

Жена *Гр*(игорія) поспѣшно уѣхала въ надеждѣ еще застать сына. Она такъ тревожится теперь за жизнь *Гр!..*

Прощай, мой ангелъ, Богъ да благословитъ и охранитъ тебя и поможетъ тебѣ во всемъ. Очень нѣжные поцѣлуи, милый Ники, отъ твоей старой

«Солнышко.»

Какъ хорошо, что ты видѣлъ Келлера, для него это, навѣрное, такое утѣшеніе!

№ 109.

1 сентября 1915 г.

Мой родной, дорогой Ники,

Сѣро и мрачно, и я пишу при свѣтѣ лампы. Плохо спала. Просмотрѣла газеты: какая страшная задача для нашихъ войскъ, столько сосредоточено противъ нихъ силъ! Но Богъ поможетъ. Пріятно убѣждаться при чтеніи, насколько теперь извѣстія пишутся яснѣе, это всѣхъ поражаетъ. Теперь все гораздо легче понять. Будетъ ли *Дума* закрыта? Каждый день появляются статьи, что невозможно ее распустить, когда она такъ нужна и т. д., но, впрочемъ, ты тоже видишь газеты. Уже двѣ недѣли тому назадъ было давно пора ее закрыть [1].

Но они продолжаютъ преслѣдовать германскія фамиліи, *Щербатовъ*, который мнѣ говорилъ, что онъ будетъ справедливъ и не будетъ дѣлать имъ зла, теперь преклоняется передъ желаніями *Думы* и устраняетъ всѣ нѣмецкія имена. Бѣдный *Гильхенъ* въ три пріема выгнанъ изъ Бессарабіи, — онъ приходилъ къ старой М-me *Орловой* и плакалъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ *(Щербатовъ)* сумасшедшій трусъ. Всѣхъ этихъ честныхъ людей, при томъ истинно русскихъ, выгоняютъ. Почему ты, душка, далъ свое согласіе?

Поскорѣй смѣни его, мы только пріобрѣтаемъ враговъ вмѣсто лойяльныхъ подданныхъ. Тѣ глупости, которыя онъ дѣлаетъ въ одинъ день, потребуютъ отъ тебя нѣсколькихъ годовъ для исправленія. Аня получила прелестную телеграмму отъ *Кусова*, «*счастливъ безгранично узнавъ новость*» насчетъ тебя. Она видѣла *Безака* [2] у *Нини*, и онъ великолѣпно говорилъ, и въ восторгѣ, что *Дж.*, *Орл*(овъ) и *Ник*(олаша) ушли, и Николай также согласенъ и говоритъ объ этомъ направо и и налѣво, и такъ хорошо говорилъ насчетъ *Горемыкина*. Говорятъ, что перерывъ *Думы* до 15 октября, жаль, что срокъ созыва опять такъ

[1] Высоч. указомъ 3 сентября сессія Гос. Думы и Гос. Совѣта прервана до ноября.

[2] Ѳед. Ник. Безакъ, членъ Гос. Думы.

рано назначенъ, но слава Богу, что она теперь разошлась — только нужно твердо дѣйствовать, чтобы помѣшать имъ навредить, когда они вернутся. Прессу въ самомъ дѣлѣ слѣдуетъ крѣпко забрать въ руки, они собираются въ скоромъ времени выступить съ кампаніей противъ Ани — это вѣдь опять значитъ — противъ меня. Вѣдь нашъ Другъ былъ также за меня, — поэтому Аня послала сегодня *Воейкову* полученное ею письмо, прося его настоять на томъ, чтобы *Фроловъ*[1] запретилъ какія бы то ни было статьи о нашемъ Другѣ и объ Анѣ. У нихъ есть военная власть и для нихъ это легко — *Воейк.* долженъ взять это на себя, твое имя не должно быть упомянуто — на своемъ посту В(оейковъ) долженъ охранять нашу жизнь и защищать отъ всего, что можетъ намъ повредить, а эти статьи направлены противъ насъ; бояться нечего, но только слѣдуетъ принять очень энергическія мѣры — ты показалъ свою волю и ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ колебаться, разъ началъ, — легко продолжать.

Операція прошла благополучно, потомъ я дѣлала нѣсколько *перевязокъ,* маленькій *Иванъ Орловъ* былъ очень интересенъ, у него три Георгіевскихъ креста, онъ представленъ къ офицерскому кресту и имѣетъ *Станислава* съ *Мечами.* Онъ былъ слегка контуженъ, а два человѣка было убито, бомбы были брошены въ его машину, когда она была на землѣ. Онъ пріѣхалъ за другой. Онъ бросаетъ бомбы и стрѣлы и бумажки, предупреждающія ихъ. *Княжевичъ* пріѣхалъ на нѣсколько дней, выглядитъ хорошо. Потомъ мы катались, стало солнечно и хорошо. Я встрѣтила Беби въ *Павловскомъ Паркѣ* въ его большомъ моторѣ съ мальчиками.

Это хорошо, что Кириллъ[2] теперь также въ ставкѣ, ты можешь съ нимъ имѣть хорошіе разговоры. Уговори его отдѣлаться отъ Ник. Вас.

Я завтра съ взрослыми дѣвочками ѣду въ городъ, чтобы видѣть нашихъ раненыхъ, вернувшихся изъ Германіи, а потомъ будемъ чай пить на *Елагинѣ,* и я надѣюсь поставить свѣчу у *Спасителя* за тебя. Мы вчера вечеромъ были у Ани, чтобы повидать *Шурика и Юзика.* У меня ничего нѣтъ интереснаго разсказать тебѣ, моя душка, Богъ да охранитъ и благословитъ тебя, поможетъ тебѣ въ тяжкой работѣ, пошлетъ силы и успѣхъ нашимъ войскамъ. Тысячи поцѣлуевъ, мой Ники, отъ твоей глубоколюбящей старой женки.

Нашъ Другъ въ отчаяніи, что его Сынъ долженъ идти на войну, — единственный сынъ, который за всѣмъ смотрѣлъ, когда Его не было дома.

---

[1] Пом. Военнаго Министра.
[2] В. Кн. Кириллъ Владиміровичъ.

Толстый Орловъ говоритъ, что ему велѣно не уѣзжать до твоего возвращенія, и онъ все еще надѣется остаться. Его Amour propre[1] безмѣрно страдаетъ — онъ забываетъ все, что онъ говорилъ и что, навѣрное, дѣлалъ, и всѣ свои грязныя денежныя дѣла. Говорятъ, Зинаида[2] въ ярости, что эти трое[3] уѣхали, а въ сосѣдней комнатѣ папà Феликсъ[4] говоритъ Безаку, что онъ въ восторгѣ, что они удалены. Скажи старику, что я видѣла его жену и его двухъ дочерей въ дверяхъ, онѣ выглядятъ хорошо и уѣхали на *Сиверскую*[5].

№ 110.

2 сентября 1915 г.

Мой любимый.

Такое великолѣпное солнечное утро, оба окна были широко раскрыты всю ночь и теперь также. У меня теперь новыя чернила, оказывается, что прежнія кончились, они были не русскія. Меня всегда огорчаетъ, когда я вижу, какъ плохо то, что здѣсь выдѣлывается, все приходитъ изъ за границы, самыя простыя вещи, какъ напр. гвозди, шерсть для вязанія, металлическія вязальныя спицы и всякаго рода необходимыя вещи. Дай Богъ, чтобы послѣ того, какъ кончится эта страшная война, можно было добиться, чтобы фабрики производили кожаныя издѣлія и сами бы выдѣлывали мѣха. Такая огромная страна, и зависитъ отъ другихъ! Молодой Дерфельденъ (братъ знакомаго тебѣ коногвардейца), зять Павла[6] вернулся съ Г. Кауфманомъ. Онъ говоритъ, что посланные изъ Франціи снаряды — были безъ *ключа*, такъ что они не годятся и должны быть здѣсь устроены, и это возьметъ очень много времени, а французы говорятъ, что мы должны это сдѣлать. Молодой человѣкъ (Дерфельденъ) телеграфировалъ объ этомъ во Францію и получилъ именно такой отвѣтъ. *Сандро*[7] написалъ Ольгѣ такое довольное письмо, послѣ того какъ видѣлъ тебя при первомъ своемъ докладѣ. Сперва, мнѣ кажется, онъ слишкомъ тревожился и былъ противъ того, чтобы ты бралъ на себя командованіе, но теперь онъ смотритъ другими глазами. Н. П. написалъ прелестное письмо Анѣ, было пріятно видѣть, какъ онъ все понялъ, такъ какъ онъ тоже былъ

---

[1] Самолюбіе.

[2] Княгиня З. Н. Юсупова, жена гр. Сумарокова-Эльстонъ кн. Юсупова.

[3] Вѣроятно, В. Кн. Николай Николаевичъ, ген. Янушкевичъ и кн. Орловъ.

[4] Мужъ княгини.

[5] Имѣніе гр. Фредерикса на ст. Сиверской.

[6] Шт.-ротм. Дерфельденъ, былъ женатъ на дочери г-жи Пистолькорсъ, вышедшей замужъ за В. Кн. Павла Александровича.

[7] Вел. Кн. Александръ Михайловичъ.

напуганъ, хотя онъ до сихъ поръ объ этомъ не проговаривался. Какъ онъ восхищается тѣмъ, что ты пошелъ наперекоръ всѣмъ, и теперь оказалось, что ты поступилъ разумно и правильно, и онъ опять пріободрился. Конечно, быть далеко отъ П. (Петербурга) и Москвы, это самое лучшее, свѣжій воздухъ, другая обстановка, никакихъ гнусныхъ сплетенъ. Въ городѣ говорятъ, что ты возвращаешься въ субботу? Мы ѣдемъ въ городъ (аэропланъ пролетаетъ въ первый разъ сегодня утромъ) — я хочу повидать нашихъ бѣдныхъ солдатъ, вернувшихся изъ Германіи, а потомъ мы пьемъ чай на *Елагиномъ* въ четыре съ половиной. Говорятъ, Павелъ не выходитъ и въ ужасномъ состояніи. Его сынъ уѣзжаетъ, а онъ только жаждетъ быть съ тобой или въ арміи, а теперь онъ боится, что ты за нимъ пошлешь какъ разъ тогда, когда онъ чувствуетъ себя больнымъ, такъ что у него настроеніе самое мрачное. Я предполагаю заглянуть къ нему и утѣшить его, но только я хотѣла бы имѣть какой нибудь отвѣтъ для него. Снимки съ Беби, которые сдѣлалъ Ганъ[1], неудачны, этотъ идіотъ снималъ его сидящимъ на балконѣ, какъ будто бы у него нога болѣла, я запретила продавать эти снимки и собираюсь его вновь фотографировать. Моя птичка, опять хорошія извѣстія, слава Богу. Одно страшно упорное сраженіе, они подвигаются, но постоянно вынуждены отступать. Теперь *Думцы* хотятъ собраться въ Москвѣ, чтобы обо всемъ переговорить, когда здѣсь ихъ дѣло прекратилось. Слѣдовало бы это строго запретить, это можетъ только привести къ большимъ смутамъ. Если они это сдѣлаютъ, слѣдовало бы сказать, что въ такомъ случаѣ *Дума* будетъ созвана гораздо позже, — надо имъ пригрозить, также, какъ они стараются угрожать министрамъ и правительству. Въ Москвѣ будетъ еще хуже, чѣмъ здѣсь, надо быть строгимъ. Ахъ, неужели нельзя было бы повѣсить *Гучкова?!* Ты не можешь представить себѣ, какой радостный сюрпризъ получить твое дорогое письмо. Я прекрасно понимаю, какъ трудно тебѣ найти время писать, и потому это меня глубоко трогаетъ, моя милушка. Вотъ имя — *Пильцъ!*[2], по крайней мѣрѣ грибы пріятно ѣсть. Теперь я понимаю, что ты находишь *Могилевъ* удобнымъ и что тамъ не тревожатъ. Только что получила твою телеграмму, — слава Богу, извѣстія въ общемъ лучше, чувствуешь такую тревогу изъ за ихъ попытокъ отрѣзать Вильну, но, можетъ быть, мы можемъ ихъ захватить въ мѣшкѣ. А потомъ *Барановичи,* — странно думать объ этомъ мѣстѣ сейчасъ. Тамъ тоже военные находятъ, что черезъ двѣ недѣли будетъ лучше. Княжевичъ полагаетъ, что при большомъ искусствѣ можно было бы уменьшить потери, такъ какъ тамъ, гдѣ идетъ

[1] Царскосельскій придворный фотографъ.
[2] Пильцъ (Pilz — по нѣмецки грибъ), впослѣдствіи тов. министра и ген.-губернаторъ въ Сибири.

стрѣльба изъ тяжелыхъ орудій, надо быстро продвинуться внутрь, за линію обстрѣла, такъ какъ у нихъ прицѣлъ на большія разстоянія, и они не могутъ быстро перемѣнить. Теперь нѣмецкія войска принадлежатъ къ гораздо худшей категоріи. Мы только что встрѣтили поѣздъ, который уходилъ, и солдаты махали намъ фуражками, и мы имъ махали. Эти большія потери тяжки, но у нихъ (нѣмцевъ) еще хуже. Понятно, ты тамъ теперь болѣе нуженъ, и мамаша это прекрасно понимаетъ. Это хорошо, что ты выходишь днемъ. У насъ сегодня была дивная погода, совсѣмъ какъ лѣтомъ. Я съ Аней ѣздила въ своей *Дрожкѣ* на кладбище, такъ какъ я хотѣла возложить цвѣты на могилу *Груз.* офицеровъ, которые умерли шесть мѣсяцевъ назадъ въ Большомъ Дворцѣ. Потомъ привела ее къ могилѣ *Орлова*, которой она не навѣщала со времени своего несчастнаго случая[1]. Потомъ была у *Знаменья* и оставалась половину обѣдни, а потомъ, въ нашъ лазаретъ, гдѣ я сидѣла съ ранеными. Завтракала на балконѣ, а потомъ Беби снимали на лугу. Потомъ въ половинѣ третьяго поѣхала въ городъ, въ *Клиничку Елены Павловны*, чтобы повидать нашихъ плѣнныхъ, вернувшихся изъ Германіи и Австріи — послѣдніе прибыли въ теченіе этого мѣсяца. Твоя мама была тамъ сегодня утромъ. Мы видѣли нѣсколько сотъ и сорокъ изъ другого лазарета, потому что они такъ плакали, что она ихъ не видѣла. Въ общемъ они не выглядѣли слишкомъ плохо: нѣсколько бѣдныхъ ослѣпшихъ, масса безъ рукъ или ногъ, одинъ со скоротечной чахоткой, увы, — и какая радость для нихъ вернуться. Я имъ сказала, что я тебѣ напишу, что видѣла ихъ. Потомъ — на *Елагинъ*. *Федоръ* сталъ такимъ худымъ, что я его сперва приняла за *Андрюшу*, и очень похудѣлъ. *Ирина*[2] лежитъ въ постели въ Крыму, она также больна желудкомъ. Мамаша выглядитъ хорошо, Ксенія волнуется, зная, что дѣти нездоровы, и будучи въ разлукѣ. *Федоръ*, *Никита*, *Ростиславъ* и *Вася*[3] здѣсь, а три остальныхъ въ Крыму. Я такъ хотѣла бы, чтобы Юсуповъ вернулся въ Москву. Я думаю, что Зинаида его задерживаетъ изъ страха. Въ городѣ масса движенія, совсѣмъ голова кругомъ идетъ. Я чувствую себя усталой. На Елагинѣ скороходъ нашъ и твоей мамаши (эксъ морякъ) носили меня наверхъ на рукахъ. Чудный воздухъ, окно широко раскрыто. Мы всегда обѣдаемъ въ игральной комнатѣ, но сегодня я предпочитаю оставаться внизу, такъ какъ я устала и у меня болятъ всѣ члены. Я

---

[1] Ген. Орловъ, прославившійся усмиреніемъ въ Приб. Краѣ въ 1905 г., умеръ отъ чахотки и похороненъ въ Ц. Селѣ. Въ воспоминаніяхъ гр. Витте отношенія между Государыней, Вырубовой и Орловымъ характеризуются, какъ «мистеріозныя».

[2] Княгиня Юсупова.

[3] Все дѣти В. Кн. Александра Михайловича

безпрестанно думаю о тебѣ, мой ангелъ, сердцемъ и душой молюсь за тебя и тоскую по тебѣ, болѣе, чѣмъ могу сказать, но я счастлива, что ты тамъ, и что я, наконецъ, все знаю. Теперь прощай, мой душка, человѣкъ долженъ уѣзжать. Богъ да благословитъ и оградитъ тебя. Цѣлую каждое дорогое мѣстечко еще и еще, и крѣпко держу тебя въ своихъ объятіяхъ. Навсегда твоя собственная женка Алиса.

Завтра я принимаю *Куломзина*, *Игнатьева*[1], и твой Эристовъ съ нами завтракаетъ. Дона принимала нашихъ трехъ русскихъ сестеръ. Мамаша говорила, что она не пріиметъ нѣмецкихъ, а теперь она чувствуетъ, что она должна, и боится, что нагрубитъ имъ. Михенъ и Мавра также сперва отговаривались, но потомъ онѣ обѣ захотѣли. Теперь, если онѣ меня спросятъ, что мнѣ сказать. Имъ (нѣмцамъ) надо показать всякую ласку, такъ какъ это скорѣе заставитъ ихъ быть ласковыми съ нашими, и они никогда не поймутъ, если я не пріиму сестеръ по ихъ просьбѣ, а здѣсь, навѣрное, противъ меня будутъ въ ярости. Краснокрестныя сестры, мнѣ кажется, не то, что другія. Что ты думаешь, скажи мнѣ, моя душка, пожалуйста? Мнѣ кажется, я могла бы (принять ихъ), такъ какъ онѣ женщины, и я знаю, что Эрни или Онoръ нашихъ пріиметъ и великая герцогиня Баденская, навѣрное, также.

Какъ воняютъ эти новыя чернила! — я опять надушу письмо.

№ 111.

3 сентября 1915 г.

Мой любимый, дорогой Ники,

Погода сѣрая. Просматривая газеты, я увидѣла, что *Литке*[2] убитъ. Какъ грустно. Онъ былъ однимъ изъ послѣднихъ, которые ни разу еще не были ранены, и такой хорошій офицеръ. Боже мой, какія потери, сердце обливается кровью, но нашъ Другъ говоритъ, что они *свѣтильники*, горящіе предъ престоломъ Господнимъ, и это прекрасно. Чудная смерть за Царя и Родину! Объ этомъ не надо слишкомъ много думать, иначе черезчуръ больно сердцу. Сынъ Павла[3] вчера вечеромъ уѣхалъ послѣ того, какъ утромъ причастился. Теперь оба ея сына на войнѣ. Бѣдная женщина! И вотъ этотъ — такой чудесно одаренный мальчикъ, что еще болѣе тревожитъ — такъ какъ онъ скорѣе готовъ къ тому, чтобы уйти изъ этого міра скорби. Не вызовешь ли ты Юсупова, чтобы дать ему инструкціи и поскорѣе отослать его въ Москву. Это

[1] Графа П. Н. Игнатьева, Министра Нар. Просвѣщенія.

[2] Офицеръ Преображенскаго полка.

[3] Молодой кн. Палѣй, поэтъ, убитый въ 1920 г. большевиками на Уралѣ, вмѣстѣ съ членами царской фамиліи.

очень дурно, что онъ здѣсь сидитъ, когда его присутствіе можетъ понадобиться каждую минуту, — она его держитъ.

Но необходимо присмотрѣть за Москвой и заранѣе все подготовлять и быть въ гармоніи съ военными, иначе опять возникнутъ безпорядки. Такъ какъ *Щербатовъ* ничтожество, чтобы не сказать худшаго, онъ, навѣрное, не поможетъ, когда начнутся безпорядки. Только надо поскорѣе отъ него отдѣлаться, а ты долженъ повидать Хвостова, чтобы рѣшить, понравится ли онъ тебѣ или Нейдгардтъ (который такой педантъ!).

Слава Богу, что ты продолжаешь чувствовать себя энергичнымъ — пусть въ *гадкомъ тылу* это почувствуютъ во всѣхъ твоихъ приказаніяхъ.

Мы пьемъ чай у Михенъ.

Вотъ имена сыновей Маи *Плаутиной*[1] — она умоляетъ дать о нихъ извѣстія — не можетъ ли кто нибудь въ твоемъ штабѣ или *Дрентельнъ* постараться выяснить ихъ мѣстонахожденіе?

Ну, я по обыкновенію поставила мои свѣчи, заглянула къ А. (Анѣ), чтобы ее поцѣловать, такъ какъ она собиралась въ Петергофъ, потомъ лазаретъ и операція.

Твой *Эристовъ* завтракалъ съ нами, онъ постарѣлъ, слегка прихрамываетъ, былъ раненъ въ ногу и лежалъ въ Кіевѣ. Потомъ я принимала *Игнатьева* (министра) и долго съ нимъ говорила о всякихъ предметахъ, и высказала ему свое мнѣніе обо всемъ, пусть они знаютъ, что̀ я о нихъ думаю и о *Думѣ*. Я говорила о старикѣ, объ ихъ некрасивомъ поведеніи по отношенію къ нему и обратилась къ нему, какъ къ бывшему преоб.[2], и спросила, что̀-бы сдѣлали съ офицерами, которые за спиной своего командира стали бы на него жаловаться и мѣшать ему и отказались бы работать съ нимъ? — ихъ просто бы выгнали. Онъ согласился со мной. Такъ какъ я знаю, что онъ хорошій человѣкъ, то я высказалась до конца и я думаю, что онъ послѣ этого правильнѣе уразумѣетъ нѣкоторыя вещи. Потомъ у меня была графиня Адлербергъ, послѣ чего мы дѣлали *бинты* въ *Складѣ*.

О.[3], Т.[4] и я пили чай у Михенъ, Ducky тоже пришла, выглядѣла старой и даже некрасивой, у нея болѣла голова, ее знобило и она была дурно причесана. Мы много разговаривали, онѣ смотрятъ на вещи такъ, какъ слѣдуетъ. Онѣ тоже сердятся на этотъ страхъ и на трусость, и на то, что никто не хочетъ взять на себя отвѣтственности. Она (Михенъ) въ ярости противъ *Новаго Времени* и находитъ, что слѣдовало бы

---

[1] Великосвѣтская дама.

[2] Графъ П. Н. Игнатьевъ отбывалъ воинскую повинность и учебные сборы въ Преображенскомъ полку.

[3] Ольга.

[4] Татьяна.

принять строгія мѣры противъ *Суворина*. Михенъ знаетъ, что идетъ переписка между *Милицей* и *Суворинымъ*. Прикажи полиціи это выяснить, это становится предательствомъ. Посылаю тебѣ вырѣзку насчетъ *Гермогена*. Опять *Николаша* далъ насчетъ него приказанія, тогда какъ это касалось только *Синода* и тебя — какое онъ право имѣлъ позволить ему поѣхать въ Москву?[1] — ты и Фредериксъ должны были бы телеграфировать *Самарину*, что желаешь, чтобы онъ былъ немедленно отправленъ въ *Николо-Угрѣцкъ*, такъ какъ, если онъ останется съ *Восторговымъ*, они опять заварятъ кашу противъ нашего Друга и меня. Пожалуйста, прикажи Фред. это телеграфировать. Я надѣюсь, что они не будутъ дѣлать никакихъ непріятностей *Варнавѣ*. Ты владыка и хозяинъ въ Россіи, *самодержецъ*, помни это. Потомъ я видѣла *Шульмана* изъ *Осовца*, его здоровье все еще плохо, такъ что онъ не можетъ отправиться въ армію. Дядя *Меккъ* долго былъ со мной и мы много говорили о дѣлахъ и потомъ обо всемъ прочемъ. Онъ находитъ, что *Юсуповъ* никуда не годится. Михенъ сказала, что Феликсъ ей передавалъ, будто его отецъ послалъ свое прошеніе объ отставкѣ, но не получилъ отвѣта.

Въ городѣ большія *забастовки*. Дай Богъ, чтобы приказаніе *Рузскаго* было энергично выполнено. *Меккъ* также очень противъ *Гучкова*. Онъ говоритъ, что другой братъ[2] также слишкомъ много разговариваетъ.

Душка моя, запрети *съѣздъ* въ Москвѣ, это невозможно, это будетъ хуже чѣмъ *Дума* и будутъ безконечные скандалы. Есть еще другой вопросъ, о которомъ надо серьезно подумать — топлива не будетъ и будетъ очень мало мяса, такъ что въ результатѣ могутъ произойти исторіи и безпорядки.

Желѣзная дорога Мекка даетъ массу топлива городу Москвѣ, но это не достаточно и объ этомъ не думаютъ достаточно серьезно. Прости меня, что я тебѣ надоѣдаю, но я стараюсь собирать то, что можетъ быть полезно для тебя. Не забудь насчетъ статей *Суворина*, за которыми надо наблюдать и надо ихъ укротить.

Вотъ большое несчастіе, никакъ нельзя заставить *бѣженцевъ* работать, они отказываются, это очень дурно, они разсчитываютъ, что для нихъ все будетъ сдѣлано и ничего не хотятъ дѣлать взамѣнъ.

---

[1] Въ газетахъ того времени сообщалось, что въ Москву пріѣхалъ изъ Гродненской губ. преосвященный Гермогенъ, быв. саратовскій епископъ. Преосвященный Гермогенъ выѣхалъ изъ Жировицкаго монастыря (эвакуированнаго) послѣднимъ, т. к. онъ не хотѣлъ покидать его, и удалился лишь по настоянію друзей. По распоряженію Вел. Кн. Николая Николаевича еп. Гермогену были предоставлены 2 вагона. Преосвященный Гермогенъ остановился у протоіерея Восторгова и уѣзжаетъ въ Николо-Угрѣшскій монастырь, гдѣ ему назначено пребываніе.

[2] Ник. Ивановичъ, московскій гор. голова.

Теперь надо отправлять письмо. Образъ — отъ *Игумена Серафима* (отъ него былъ образъ Св. Серафима, который ты держалъ въ своей рукѣ), конфеты и тянушки — отъ Ани.

Погода сѣрая, только восемь градусовъ.

Душка, пожалуйста, пошли лицъ твоей свиты въ разные заводы и фабрики, чтобы ихъ осмотрѣть, — это твои глаза — даже если они немного смыслятъ, все же люди будутъ знать, что ты за ними наблюдаешь, исполняютъ ли они добросовѣстно твои приказанія — пожалуйста, милый.

Много нѣжныхъ поцѣлуевъ, горячихъ молитвъ и благословеній, мой муженекъ, отъ твоей собственной старой женки «Солнышко».

Богъ поможетъ — будь твердъ и энергиченъ — направо и налѣво встряхни и разбуди всѣхъ и, если нужно, рѣшительно прихлопни. Тебя не только должны любить, но должны тебя б о я т ь с я, тогда все пойдетъ хорошо. Правда ли что милый Димка также ѣдетъ въ *Тифлисъ?* Чуть ли не вся твоя свита ѣдетъ! Это слишкомъ много, и онъ тебѣ нуженъ для иностранцевъ и для порученій.

Всѣ дѣти тебя цѣлуютъ.

№ 112.

4 сентября 1915 г.

Моя родная душка,

Я оставалась сегодня утромъ въ постели, чувствовала себя смертельно усталой и спала дурно. Мой мозгъ продолжалъ работать и разговаривать, — я такъ много вчера говорила, и все на ту же тему, пока я совсѣмъ не одурѣла, а сегодня утромъ я продолжала разговаривать съ *Боткинымъ*, такъ какъ это для него полезно и помогаетъ ему вѣрно направлять свои мысли, которыя также не охватываютъ всѣхъ вещей, какъ онѣ есть. Приходится быть лекарствомъ отъ городскихъ микробовъ для спутанныхъ мозговъ — уфъ!

Она (Аня) получила его[1] телеграмму вчера. Можетъ быть ты ее перепишешь и отмѣтишь дату 3 сентября на бумагѣ, которую я тебѣ дала, когда ты уѣхалъ съ его переписанной телеграммой. «*Помните обѣтованіе встрѣчи это Господь показалъ знамя побѣды хотя бы и дѣти противъ или близкіе сердцу должны сказать пойдемъ по лѣстницѣ знамя нечего смущаться духу нашему*».

И твой духъ приподнятъ, и мой также, и я чувствую себя предпріимчивой и готовой разговаривать во всю. Дѣла должны поправиться и поправятся. Только бы терпѣніе и вѣра въ Бога. Конечно, наши по-

[1] Распутина.

тери колоссальны: гвардія совсѣмъ сведена на нѣтъ, но духъ непоколебимо храбръ. Обо всемъ этомъ легче слышать, чѣмъ про здѣшнюю гниль. Я не знаю ничего про *забастовки,* такъ какъ газеты (къ счастью) о нихъ не говорятъ ни слова.

Аня шлетъ привѣтъ — не пошлешь ли ты мнѣ телеграмму, чтобы «поблагодарить за письма, образъ, тянушки». Это ее осчастливитъ.

Вчера вечеромъ, въ 10 ½ час., мнѣ неожиданно доложили о пріѣздѣ тети Ольги [1] — у меня сердце почти остановилось, я уже подумала, что убитъ кто нибудь изъ мальчиковъ. [2] Слава Богу, ничего не случилось, но только хотѣла знать, ивѣстно ли мнѣ то, что происходитъ въ городѣ, — и тутъ мнѣ пришлось еще разъ, — въ четвертый разъ въ теченіе одного дня, начать говорить и объяснять ей все, такъ какъ она не могла понять нѣкоторыя вещи и не знала, чему вѣрить.

Она была очень мила, она славная женщина. — Вотъ бумага для *Алексѣева,* ты вспомнишь, что тотъ же самый офицеръ нѣкоторое время тому назадъ просилъ разрѣшенія сформировать дружину. Ну, ты объ этомъ подумай — можетъ быть будетъ не плохо сформировать ее и держать въ резервѣ на случай безпорядковъ, или она могла бы замѣнить другой полкъ, который можно было бы перевести подальше въ тылъ, на отдыхъ. Насчетъ *дружины* латышей, думаешь ли ты ее расформировать и распредѣлить по другимъ полкамъ, какъ ты предполагалъ, — это было бы во всѣхъ отношеніяхъ безопаснѣе и правильнѣе. Дѣти начали свои зимніе уроки. Марія и Анастасія недовольны, но Беби все равно. Онъ готовъ еще больше учиться, такъ что я сказала, чтобы уроки продолжались, вмѣсто сорока, пятьдесятъ минутъ, такъ какъ теперь, слава Богу, онъ гораздо крѣпче. Цѣлый день получаются длинныя письма и телеграммы, но я цѣлый день съ глубокимъ нетерпѣніемъ ожидаю именно твоихъ.

Аня спросила, почему мы не устроимъ телефонъ исключительно между твоей комнатой и моей — это было бы чудно, и всякое хорошее извѣстіе или вопросъ можно было бы сразу передать, — но это какъ ты хочешь — мы бы условились не надоѣдать тебѣ, такъ какъ я знаю, что ты не любишь говорить, но если бы это былъ совершенно отдѣльный проводъ и можно было быть положительно увѣреннымъ, что никто не подслушиваетъ, этотъ телефонъ могъ бы пригодиться въ случаѣ необходимости, а кромѣ того, было бы такимъ утѣшеніемъ услышать твой милый голосъ. Кто нибудь изъ твоихъ слугъ могъ бы быть у аппарата во время твоего отсутствія. Если было бы необходимо о чемъ либо переговорить съ Н. П., ты бы могъ намъ разрѣшить также говорить съ нимъ.

---

[1] Ольги Константиновны, королевы греческой.
[2] Сыновей В. Кн. Константина Константиновича.

Теперь я хочу поставить мои свѣчи у *Знаменья*, такъ что должна встать.

Сегодня вечеромъ я хочу отправиться въ церковь. Аня шлетъ тебѣ свой нѣжнѣйшій привѣтъ. Послѣ завтрака стало лучше, и мы катались. У дѣвочекъ былъ концертъ. Я такъ жажду извѣстій. Безконечно цѣлую тебя, любимый мой, ты мнѣ недостаешь. Когда ты вернешься? Я полагаю, что это будетъ только на нѣсколько дней? Увы, у меня нѣтъ ничего интереснаго разсказать тебѣ. Всѣ мои помыслы непрестанно съ тобой. Посылаю тебѣ цвѣтовъ, я обрѣзала стебли, они тогда будутъ дольше держаться.

Богъ да благословитъ тебя.

Навсегда твоя собственная старая женка.

Привѣтъ Кириллу, Димитрію и Борису [1].

№ 113.

5 сентября 1915 г.

Моя любимая душка,

Сѣрая погода. Опять у Иванова и у южной арміи былъ успѣхъ — но какъ тяжело для сѣверной арміи! Однако, Богъ поможетъ, я увѣрена. Посылаемъ ли мы туда побольше войскъ? Какое несчастье, что у насъ такъ мало желѣзно-дорожныхъ линій!

У меня нѣтъ ничего интереснаго разсказать тебѣ, вчера я была въ нашей нижней церкви съ шести съ половиной до восьми и много молилась за тебя, мое сокровище; вечеръ мы провели, какъ всегда, за вязаніемъ и скоро послѣ одиннадцати пошли спать. Я должна встать и причесаться, прежде чѣмъ придетъ *Боткинъ*, такъ какъ я послала за *Ростовцевымъ* къ десяти часамъ. Я цѣлую тебя.

Ну, у меня былъ *Ростовцевъ*, и я ему сказала, что мы ѣдемъ въ городъ и что онъ долженъ встрѣтить насъ на станціи съ *Апраксинымъ*, *Нейдгардтомъ*, *Толстымъ*, *Оболенскимъ*. Такъ и было сдѣлано, въ три часа, (и М. Д. [2] встрѣтилъ насъ съ моторомъ) и уже на станціи Р. (Ростовцевъ) сказалъ имъ, что я хочу поѣхать повидать *бѣженцевъ*. Итакъ, мы поѣхали совсѣмъ неожиданно въ пять разныхъ мѣстъ, чтобы ихъ повидать: въ одинъ трактиръ съ номерами, возлѣ Нарвской заставы, который стоитъ пустымъ (такъ какъ никто не пьетъ и такимъ образомъ бѣженцы могутъ получить ночлегъ) — и тамъ женщины и дѣти спятъ въ двухъ палатахъ — далѣе домъ, гдѣ находятся мужчины; многихъ не было дома, они ушли искать работы. Потомъ осматривали

---

[1] В. Кн. Кириллу и Борису Владиміровичамъ, и Дмитрію Павловичу.
[2] Митя Денъ.

мѣсто, куда ихъ прежде всего привозятъ: тамъ баня, ихъ кормятъ, переписываютъ и ихъ осматриваетъ докторъ. Потомъ поѣхали въ другое мѣсто, прежнюю шоколадную фабрику, гдѣ спятъ женщины и дѣти. Всѣ цѣловали мои руки, но многіе не могли объясняться, такъ какъ они латыши и поляки. Но они не выглядѣли слишкомъ плохо или слишкомъ грязно. Самое трудное, это найти для нихъ работу, когда у нихъ много дѣтей. Есть также прекрасное новое деревянное строеніе съ большой кухней, проходной комнатой, гдѣ устроена столовая, съ баней и спальнями. Оно построено въ три недѣли, вблизи пакгаузовъ, куда поѣзда могутъ прямо подходить. Но теперь я устала и не могу пойти въ церковь. Хочу знать, понялъ ли ты мою телеграмму написанную скорѣе въ стилѣ Эллы, — но Аня просила меня поскорѣе телеграфировать, такъ какъ *Мосоловъ*[1] съ ней говорилъ по телефону и сказалъ, что *Щербатовъ* тебя сегодня увидитъ. Газеты собираются писать о нашемъ Другѣ и объ Анѣ — здѣсь *Щ(ербатовъ)* обѣщалъ *Мосолову*, что онъ постарается ихъ остановить, но такъ какъ это идетъ изъ Москвы, то онъ не знаетъ хорошенько, какъ сдѣлать. Но это нужно запретить; а *Самаринъ*, навѣрное, будетъ продолжать, — такой гнусный позоръ и все только для того, чтобы и меня также запутать. Будь строгъ. А какъ насчетъ *Юсупова?* — онъ не собирается вернуться и подалъ прошеніе объ отставкѣ, хотя никто этого не дѣлаетъ во время войны. Нѣтъ ли какого нибудь способнаго генерала, который могъ бы его замѣнить? Только онъ въ самомъ дѣлѣ долженъ быть энергиченъ. Повидимому, всѣ мужчины теперь носятъ юбки.

М-мъ Зизи завтракала, такъ какъ сегодня ея именины, — и потомъ мы разговаривали, я массу объясняла, она была очень благодарна, такъ какъ это раскрыло ей глаза на много темныхъ для нея вещей. Ты знаешь, этотъ рамоли Фредериксъ сказалъ Орлову (который это повторилъ Зизи), что я замѣчаю, что онъ (Орловъ) меня не любитъ — и онъ началъ оправдываться и доказывать свою невиновность. Графиня Бенк(ендорфъ) сказала А. (Анѣ), что она въ восторгѣ, что онъ уволенъ и уже давно слѣдовало это сдѣлать, такъ какъ то, что онъ позволяетъ себѣ разсказывать, прямо ужасно. Это милая чета Бенк(ендорфъ)[2] вчера вечеромъ намекнула А. (Анѣ), что мнѣ слѣдовало бы поѣхать посмотрѣть *бѣженцевъ*, и вотъ я сейчасъ же это сдѣлала, такъ какъ я знаю, что это будетъ имѣть полезное значеніе — можетъ побудить другихъ больше интересоваться этими бѣдными людьми.

Фабрики опять начали работать — но въ Москвѣ, я боюсь, что нѣтъ. *Кусовъ* писалъ (онъ не получаетъ писемъ Ани и очень грустит,

[1] А. А. Мосоловъ, генералъ, начальникъ Канцеляріи М-ра Двора.
[2] Гофмаршалъ гр. П. Бенкендорфъ и его жена.

что мы его позабыли). Онъ весь полонъ вѣстью насчетъ тебя[1] и все толковалъ своимъ солдатамъ. Ему бы очень хотѣлось обо многомъ разсказать и о вещахъ, о которыхъ, навѣрное, ты не знаешь и которыя дѣлаются не такъ, какъ бы слѣдовало, но онъ не рѣшается откровенно писать. Зизи меня спрашивала, что такое генералъ *Борисовъ*, который находится при Алексѣевѣ, такъ какъ она слышала, что онъ во время войны тоже былъ нехорошъ.

Я была полчаса въ церкви сегодня утромъ, а потомъ въ лазаретѣ (не работала) — тамъ было восемь твоихъ стрѣлковъ, раненыхъ 30-го. Одинъ изъ нихъ — первый отъ кого я это слышала, сказалъ, что жаждутъ мира; — они очень много болтали. Теперь, мое солнышко, милый возлюбленный ангелъ, цѣлую и благословляю тебя и жажду тебя.

Навсегда твоя старая женка.

Я сказала *М. Денъ*, что ты думалъ посылать чиновъ свиты осматривать какъ можно больше фабрикъ и *заводовъ*, и онъ нашелъ, что это блестящая мысль и какъ разъ то, что нужно, такъ какъ всѣ почувствуютъ твой глазъ повсюду. Пожалуйста, начни разсылать ихъ и прикажи имъ являться къ тебѣ съ докладами — это произведетъ великолѣпное впечатлѣніе и подбодритъ всѣхъ къ работѣ и пришпоритъ ихъ. Вели приготовить списокъ незанятыхъ чиновъ твоей свиты (безъ нѣмецкихъ именъ): *Дм. Шерем*(етьевъ) (такъ какъ онъ свободенъ), *Комаровъ* (такъ какъ онъ говорилъ съ тобой), *Вяземскій*, *Жилинскій*, *Силаевъ* (— тѣ, кто менѣе «способные люди», должны ѣхать въ болѣе спокойныя и безопасныя мѣста), *Митя Денъ*, *Ник. Михайлов.* (такъ какъ онъ хорошо настроенъ), Кириллъ, — *Барановъ*. Но сдѣлай это теперь, душка. Я тебѣ надоѣдаю, прости меня, но я должна быть твоей *памятной запиской*. Теперь Михенъ пишетъ про того же самаго человѣка, о которомъ писали Максъ и Мавра, — Фрици ручается за него, что онъ не шпіонъ и настоящій «gentleman».

Бумаги, касающіяся его, кажется, находятся въ городѣ, въ Генеральномъ Штабѣ; это *Николаша* распорядился, чтобы его арестовали. Онъ съ начала войны находится въ одиночной тюремной кельѣ съ маленькимъ окномъ, словно преступникъ. Только распорядись, чтобы его прилично содержали, какъ всякаго офицера, если его не хотятъ обмѣнять на адъютанта Кости. Онъ пишетъ Адини, что онъ совершалъ научную экскурсію по Кавказу и находился въ горахъ, когда до него дошли слухи о предстоящей войнѣ, и онъ немедленно поѣхалъ назадъ по кратчайшей дорогѣ. Онъ добрался до *Ковеля* 20-го іюля и тамъ на станціи слышалъ что война объявлена. Поѣздъ пошелъ дальше.

[1] Т. е. принятія царемъ Верховнаго Командованія.

Онъ заявилъ о себѣ, какъ объ офицерѣ и просилъ позволенія проѣхать черезъ Швецію или Одессу; вмѣсто этого его посадили въ одиночное заключеніе въ Кіевѣ, гдѣ онъ сейчасъ находится и гдѣ на него смотрятъ, какъ на шпіона. Онъ даетъ честное слово Адини, что онъ «только путешествовалъ безъ всякихъ дурныхъ постороннихъ намѣреній и что онъ былъ очень далекъ отъ чего либо вродѣ шпіонства». Онъ очень страдаетъ отъ разлуки съ женой и дѣтьми и отъ невозможности исполнить свой долгъ. Онъ проситъ, чтобы его вымѣняли или по крайней мѣрѣ устроили ему лучшее положеніе. Бѣдный Photo [1], если только его неправильно посадили въ одиночное заключеніе, было бы только пристойно какъ можно скорѣе его освободить и поступить съ нимъ, какъ съ германскимъ офицеромъ, захваченнымъ въ Россіи при объявленіи войны. Когда Михенъ разспрашивала, ей сказали, что противъ него ничего нѣтъ. Только Сазоновъ сказалъ, будто онъ заявилъ о себѣ, что онъ не женатъ или что совершаетъ свадебное путешествіе. Во всякомъ случаѣ, онъ сдѣлалъ неправильное заявленіе, но это ничего не значитъ (можетъ быть у него былъ тайный романъ), и когда они опять просили о немъ, кажется Н (Николаша) или *Янушк*(евичъ) разъ отвѣтили, что не помнятъ, почему онъ арестованъ, но вѣроятно было достаточное основаніе и поэтому онъ долженъ продолжать сидѣть — это «*слабо*», какъ сказали бы дѣти. Ахъ, вотъ, Михенъ посылаетъ мнѣ письмо его жены къ Адини. Они хотѣли путешествовать, онъ собирался показать ей П(етербургъ) и Москву и отдохнуть послѣ трудной работы, и освѣжить свои знанія русскаго языка. Они уѣхали въ началѣ іюля 1914 года изъ Штеттина. Ради безопасности ея мужъ взялъ дипломатическій паспортъ (?) [2] Въ послѣднюю минуту друзья въ Курляндіи ему сказали, чтобы онъ къ нимъ не ѣздилъ, потому они провели восемь дней въ П(етербургѣ) и восемь въ М. (Москвѣ) и осматривали достопримѣчательности. Тамъ они разстались изъ за ея нездоровья, помѣшавшаго ей сопровождать его въ поѣздкѣ къ друзьямъ на Кавказъ. Она ежедневно получала отъ него извѣстія изъ Тифлиса и оттуда онъ отправился къ нѣкоему господину фонъ Кученбахъ, который во время войны былъ убитъ вмѣстѣ со своей женой. Черезъ германкаго консула въ Тифлисѣ онъ получилъ билетъ до Берлина черезъ Калишъ, но только доѣхалъ до *Ковеля.* Единственная краснокрестная германская сестра фонъ Пассау его невѣстка — она теперь здѣсь для осмотра плѣнныхъ. Пожалуйста, распорядись чтобы его хорошо помѣстили, его здоровье можетъ навсегда пострадать, и Фрици ручается за него. Если нельзя устроить, чтобы его вымѣняли, то по крайней мѣрѣ пусть его устроятъ въ свѣтломъ помѣщеніи съ хорошимъ воздухомъ. Прости меня, что я все это пишу, но тебѣ полезно

[1] Фотографъ?

[2] Вопросительный знакъ поставленъ самой Императрицей.

знать все, что пишетъ Адини, и не надо быть жестокимъ, это неблагородно, и нужно чтобы послѣ войны хорошо отзывались о нашемъ обращеніи съ плѣнными. Мы должны, показать, что мы стоимъ выше ихъ съ ихъ «Kultur».

Какъ я пристаю къ тебѣ, мнѣ такъ грустно, но за другихъ тяжело, и ты, вѣдь, не преслѣдуешь безжалостно, какъ дѣлали Н(иколаша) и *Янушк*(евичъ) въ Балтійскихъ провинціяхъ, и это, вѣдь, не мѣшаетъ войнѣ и не означаетъ мира. *Горемыкинъ* завтра будетъ у меня въ три — это неудобный часъ, но онъ только тогда свободенъ. Скажи Н. П., что мы его очень благодаримъ за его благодарственныя письма, и передай ему привѣтъ.

Богъ да благословитъ тебя. Еще разъ тысячу теплыхъ, нѣжныхъ поцѣлуевъ, моя душка.

Холодно и идетъ дождь.

Привѣтъ и пожеланія Димитрію.

Я вчера неправильно помѣтила свое письмо, должно быть 344, пожалуйста, исправь.

№ 114.

6 сентября 1915 г.

Любимый, дорогой Ники,

Каждое утро и каждый вечеръ я благословляю и потомъ цѣлую твою подушку и одинъ изъ твоихъ образовъ. Я всегда благословляю тебя, когда ты спишь, я встаю, чтобы раздвинуть занавѣски. Теперь твоя женушка спитъ здѣсь внизу одна, и вѣтеръ сегодня ночью завываетъ такъ уныло. Какъ одиноко ты долженъ себя чувствовать, мой маленькій! Не слишкомъ ли, по крайней мѣрѣ, безобразны твои комнаты? Не могъ ли бы Н. П. или *Дрентельнъ* ихъ сфотографировать? Каждый день нетерпѣливо жду твоей дорогой телеграммы, которая приходитъ или во время обѣда или около одиннадцати.

Столько желтыхъ и красныхъ листьевъ и, увы, уже многіе начинают падать — наступаетъ печальная осень — раненые чувствуютъ себя грустно, такъ какъ они рѣдко могутъ сидѣть на воздухѣ, и у нихъ члены болятъ, когда сыро. Они почти всѣ стали барометрами. Мы должны какъ можно скорѣе отправить ихъ въ Крымъ.

Таубе вчера уѣхалъ съ нѣсколькими другими въ Ялту, такъ какъ хирургъ долженъ наблюдать за его раной и также за раной моего маленькаго *Иванова*. Аня обѣдала съ нами вчера наверху. Сегодня день рожденія Изы, потому я ее пригласила вмѣстѣ съ Аней къ завтраку. Ахъ, любимый мой, — уже двѣ недѣли, что ты уѣхалъ, — я люблю тебя

такъ нѣжно и я жажду держать тебя въ своихъ объятіяхъ и покрывать твое милое лицо нѣжными поцѣлуями, и смотрѣть въ твои большіе прекрасные глаза. Теперь ты не можешь помѣшать мнѣ писать это, нехорошій мальчикъ.

Когда же хоть нѣкоторые изъ нашихъ дорогихъ войскъ будутъ имѣть радость увидѣть тебя. Это будетъ для нихъ такая награда. *Наврузовъ* писалъ, онъ наконецъ попытался вернуться въ полкъ послѣ девяти мѣсяцевъ, но только добрался до *Карса*. Его рана опять открылась, *свищъ*, и онъ нуждается въ *перевязкахъ*, такъ что его надежды еще разъ обмануты. Но онъ просилъ Ягмина дать ему работу, и тотъ послалъ его въ *Армавиръ* съ молодыми солдатами, чтобы ихъ обучать и присматривать за молодыми офицерами.

Такъ пріятно чувствовать, что дорогіе раненые помнятъ о насъ и пишутъ о насъ. М-мъ Зизи также часто имѣетъ свѣдѣнія о тѣхъ, кто лежалъ въ Большомъ Дворцѣ.

Имѣешь ли ты извѣстіе о Мишѣ [1], я не имѣю понятія, гдѣ онъ. Попроси его остаться хоть немного съ тобой, возьми его совсѣмъ къ себѣ. Н. П. пишетъ такія довольныя письма и онъ въ бодромъ настроеніи. Все лучше, чѣмъ городъ.

Оказывается, тетя Ольга, прежде чѣмъ быть у меня, полетѣла точно сумасшедшая къ Павлу, говоря, что началась революція, что будетъ кровопролитіе, что насъ всѣхъ убьютъ, что Павелъ долженъ немедленно ѣхать къ Горем(ыкину), — бѣдняжка! Ко мнѣ она пришла уже болѣе спокойная и ушла совсѣмъ успокоенная. Она и Мавра невѣроятно были напуганы — петроградская атмосфера дошла и до нихъ.

Пасмурно и только пять градусовъ. Старшія дѣвочки отправились въ церковь, а я съ другими пойду въ половинѣ одиннадцатаго. Иза простудилась и сегодня утромъ у нея 38, такъ что она должна лежать. Извѣстія съ юга опять хороши, но они (нѣмцы) совсѣмъ близко у *Вильны* — это прямо отчаяніе. Но, вѣдь, ихъ силы такъ колоссальны. Ты телеграфировалъ, что ты мнѣ написалъ, такъ что я жадно жду твоего письма, душка. Грустно имѣть только телеграммы, въ которыхъ нельзя давать извѣстій, но я знаю, что у тебя нѣтъ времени для писемъ и, когда такъ усиленно работаешь, скучно и утомительно еще садиться писать письма, а у тебя вѣдь всякая минута занята, моя душка.

У меня былъ *Маркозовъ* [2] отъ половины восьмого до восьми, такъ что я должна писать за ѣдой. Очень интересно все, что онъ разсказалъ, и это можетъ послужить къ устраненію недоразумѣній. Я ничего не могу писать объ этомъ сегодня. Старикъ былъ у меня —

---

[1] В. Кн. Михаилъ Александровичъ.

[2] Вернувшійся изъ германскаго плѣна.

ему такъ трудно, министры такъ отвратительны по отношенію къ нему, кажется, они хотятъ просить объ увольненіи — это самое лучшее. *Сазоновъ* хуже всѣхъ, кричитъ, всѣхъ волнуетъ (даже когда дѣло идетъ о чемъ нибудь, что никакого отношенія къ нему не имѣетъ), не является въ совѣтъ министровъ, что совсѣмъ неслыханно. По моему, Фред(ериксъ) долженъ былъ бы отъ твоего имени сказать ему, что ты слышалъ объ этомъ и что ты очень недоволенъ. Я это называю *забастовкой министра.* Потомъ они расходятся и разсказываютъ обо всемъ, что говорилось и обсуждалось въ совѣтѣ. Они не имѣютъ права этого дѣлать, и это его [1] такъ сердитъ. Ты долженъ былъ бы послать телеграмму старику, что ты запрещаешь разбалтывать то, о чемъ говорится въ совѣтѣ министровъ и что никого не касается. Есть вещи, о которыхъ можно и должно впослѣдствіи сообщать, но не все. Если ты сколько нибудь чувствуешь, что онъ тебѣ помѣха, тогда лучше отпусти его (онъ самъ говоритъ все это), но если ты его удерживаешь, то онъ исполнитъ всѣ твои приказанія и будетъ по мѣрѣ силъ стараться, — но онъ проситъ тебя обо всемъ этомъ подумать, и когда ты вернешься, серьезно рѣшить, и также насчетъ преемника *Щ*(ербатова) и *Сазонова.*— Онъ сказалъ *Щ*(ербатову), что онъ безусловно находитъ необходимымъ, чтобы какое нибудь лицо, избранное *Щ*(ербатовымъ), присутствовало въ Москвѣ на всѣхъ этихъ съѣздахъ и запретило затрагивать вопросы, которые ихъ не касаются. Онъ имѣетъ на это право въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ. *Щ*(ербатовъ) сперва согласился, но послѣ того, какъ повидалъ нѣкоторыхъ лицъ изъ Москвы, онъ перемѣнилъ свое мнѣніе и уже не былъ согласенъ! Онъ долженъ былъ тебѣ обо всемъ этомъ доложить. *Горемыкинъ* такъ ему сказалъ, — доложилъ ли онъ? Пожалуйста, отвѣть. Потомъ онъ проситъ, чтобы ген. *Мрозовскій* [2] поскорѣе поѣхалъ въ Москву, такъ какъ присутствіе его можетъ каждый день понадобиться. Я не очень восхищаюсь (поведеніемъ) *Ю*(супова), ушедшаго въ отставку (это ея вина), но онъ стоилъ немногаго. А вотъ теперь мы оставили *Вильну*, какое горе, но Богъ поможетъ, это не наша вина, послѣ этихъ страшныхъ потерь. Скоро праздникъ св. Дѣвы, 8-ое [3] (это мой день). Помнишь м-сье Филиппа [4]? Она намъ поможетъ.

Нашъ Другъ телеграфируетъ, вѣроятно, послѣ ея (Ани) письма, которое привезла его жена со свѣдѣніями о внутреннихъ затрудненіяхъ. «*Что васъ смущаетъ не бойтесь покровъ матери Божьей надъ вами*

---

[1] Горемыкина.

[2] Командующій войсками.

[3] Рожденіе Св. Богородицы.

[4] Очевидно, Philippe убѣждалъ Императрицу, что она особенно близка Дѣвѣ Маріи.

ѣздите во славу больницамъ враги пугаютъ вѣрьте». Ну, я не боюсь, ты знаешь. Въ Германіи меня теперь также ненавидятъ, Ма(ркозовъ) сказалъ, и я это понимаю, это только естественно.

Какъ я понимаю, что тебѣ непріятно мѣнять свое мѣстопребываніе, но, конечно, тебѣ надо быть подальше отъ большого фронта. Но Богъ не оставитъ нашихъ войскъ, они такъ храбры.

Теперь я должна кончать, моя птичка. Я согласна насчетъ Бориса [1], но во время ли это? Затѣмъ, заставь его оставаться на фронтѣ и не возвращаться сюда. Онъ долженъ вести болѣе скромную жизнь, чѣмъ въ *Варшавѣ*, и понять великую честь, оказанную такому молодому человѣку. Правда, какъ жаль, что это не *Миша*.

Нѣмецкія сестры уѣхали въ Россію, и М. [2] не имѣла времени ихъ видѣть, меня онѣ не хотѣли видѣть, вѣроятно, онѣ меня ненавидятъ.

О, сокровище мое, какъ мнѣ хочется быть съ тобой, я такъ ненавижу разлучаться и не быть въ состояніи обнять тебя крѣпко и покрыть тебя поцѣлуями. Ты одинъ переносишь страданія по поводу извѣстій съ войны. Я тоскую по тебѣ. Богъ да благословитъ и поможетъ, укрѣпитъ, утѣшитъ, охранитъ и ведетъ тебя. Навсегда

твоя собственная женка.

№ 115.

7 сентября 1915 г.

Дорогой мой муженекъ,

Холодно, вѣтрено и дождливо. Дай Богъ, чтобы это испортило дороги. Я прочла всѣ газеты — ничего не написано о томъ, что мы оставили *Вильну* — опять очень смѣшанно, успѣхи и неудачи, иначе быть не можетъ, и радуешься малѣйшему успѣху. Я не думаю, чтобы нѣмцы рѣшились продвинуться значительно дальше, было бы безуміемъ глубже входить въ страну, вѣдь, позже наступитъ наша очередь. Хорошо ли поступаютъ снаряженіе, снаряды и винтовки? Пошлешь ли ты на осмотры людей изъ твоей свиты? Твоя бѣдная милая головушка должна быть страшно утомлена всей этой работой и, особенно, внутренними вопросами. Ну, я хочу резюмировать то, что сказалъ старикъ: Надо подумать о новомъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ (я сказала ему, что ты еще не остановился на Нейдгардтѣ, можетъ быть, когда ты вернешься, ты еще разъ подумаешь насчетъ *Хвостова)*; о преемникѣ для *Сазонова*, котораго онъ находитъ совершенно невозможнымъ — онъ

[1] Рѣчь идетъ о назначеніи В. Кн. Бориса Владиміровича.
[2] Вѣроятно, «Мамаша».

потерялъ голову, кричитъ и агитируетъ противъ *Горемыкина* — и, наконецъ — о вопросѣ, намѣренъ ли ты сохранить этого послѣдняго или нѣтъ. Но, конечно, не надо министра, который былъ бы отвѣтственъ передъ *Думой,* какъ они хотятъ — мы для этого не созрѣли, и это было бы гибелью для Россіи — мы не конституціонное государство и не смѣемъ имъ быть. Нашъ народъ не подготовленъ къ этому, и, слава Богу, нашъ Императоръ *Самодержецъ* и долженъ крѣпко держаться этого, какъ ты и дѣлаешь. Только ты долженъ высказать больше силы и рѣшимости. Я бы ихъ быстро убрала, *Самарина и Кривошеина;* послѣдній очень не нравится старику, и онъ смотритъ то направо, то налѣво, и возбужденъ невыразимо.

Горем(ыкинъ) надѣется, что ты не примешь *Родзянко*[1] (если бы только можно было имѣть другого вмѣсто него; энергическій хорошій человѣкъ на его мѣстѣ держалъ бы *Думу* въ порядкѣ). Бѣдный старикъ пришелъ ко мнѣ, какъ къ «soutien»[2] и потому, что я, по его словамъ, «l'énergie». Мнѣ кажется гораздо лучше отпустить министровъ, которые бастуютъ, и не мѣнять предсѣдателя, такъ какъ онъ еще можетъ прекрасно послужить съ приличными, энергичными и благонамѣренными помощниками. Онъ только живетъ и служитъ ради тебя и твоего государства и знаетъ, что его дни сочтены, и не боится смерти отъ возраста или ножа, или пули, но Богъ и св. Дѣва защитятъ его. Нашъ Другъ хотѣлъ послать ему ободрительную телеграмму. *Маркозовъ* — нѣтъ я должна сперва кончить насчетъ *Горем*(ыкина). Онъ проситъ тебя подумать о комъ нибудь для Москвы и, кромѣ того, приказать Мрозовскому поскорѣе поѣхать, такъ какъ эти съѣзды въ Москвѣ могутъ стать слишкомъ шумными и потому глазъ и голосъ министра внутреннихъ дѣлъ должны были бы тамъ быть. И это по закону такъ, потому что Москва подчинена министру внутреннихъ дѣлъ. *Нератовъ*[3], по его мнѣнію, не годится на мѣсто *Сазонова* (я только мимоходомъ упомянула объ этомъ имени). Онъ его знаетъ съ дѣтства и говоритъ, что онъ никогда не служилъ внѣ Россіи и что онъ не подходитъ къ такому мѣсту... Но гдѣ найти человѣка? Извольскаго[4] мы достаточно имѣли. Онъ не очень вѣрный человѣкъ. Гирсъ[5] многаго не стоитъ. Бен(кендорфъ)[6] — одно уже имя противъ него. Гдѣ люди, я всегда

---

[1] Частное совѣщаніе членовъ Гос. Думы предложило Предсѣдателю испросить Высоч. аудіенцію для доклада о работахъ и настроеніяхъ Гос. Думы. Черезъ нѣсколько дней въ газетахъ появилось сообщеніе, что Предсѣдатель представитъ докладъ въ письменной формѣ.

[2] Поддержкѣ.

[3] А. А. Нератовъ, тов. м-ра Ин. Дѣлъ.

[4] Прежде м-ръ Ин. Дѣлъ, въ то время посолъ въ Парижѣ.

[5] Посолъ въ Римѣ.

[6] Посолъ въ Лондонѣ.

это повторяю. Я просто не могу понять, какъ въ такой великой странѣ случается, что мы никогда не находимъ подходящихъ людей, за рѣдкими исключеніями.

Мой разговоръ съ Маркозовымъ былъ очень интересенъ (онъ немного слишкомъ самоувѣренъ), и онъ можетъ разсказать много полезнаго и устранить недоразумѣнія. *Поливановъ* хорошо его знаетъ, и онъ уже разъяснилъ вопросъ. Повидимому, было дано приказаніе снять у плѣнныхъ офицеровъ *погоны.* Это произвело въ Германіи взрывъ бѣшенства, что для меня понятно. Зачѣмъ унижать плѣннаго?— это былъ одинъ изъ тѣхъ неправильныхъ приказовъ, отданныхъ *Ставкой* въ 1914 году. Слава Богу, что теперь это отмѣнили. Онъ также понимаетъ, что мы всегда должны стараться быть правыми, такъ какъ они сейчасъ же платятъ тѣмъ же.

И когда окончится эта безобразная война и смягчится ненависть, мнѣ такъ хотѣлось бы, чтобы говорили, что мы поступали благородно. Ужасъ быть въ плѣну уже достаточенъ для офицера, они не забудутъ жестокостей или униженія — пусть они унесутъ съ собою воспоминанія о христіанскомъ обращеніи и о благородствѣ. Никто не требуетъ роскоши. Они (нѣмцы) въ самомъ дѣлѣ улучшаютъ положеніе нашихъ плѣнныхъ, я видѣла фотографію, снятую Максомъ съ нашихъ раненыхъ въ Заалемъ (помѣстье тети Маруси [1]), въ саду возлѣ русской игрушечной избы, въ которой Максъ игралъ ребенкомъ. Они казались сытыми и довольными. Ихъ (нѣмцевъ) ненависть уже въ значительной степени прошла, а наша искусственно поддерживается поганымъ *Новымъ Временемъ.* Теперь я должна спѣшить одѣться, такъ какъ у насъ операція, а до того, я хочу поставить свѣчи и помолиться за тебя, какъ всегда. Мое сокровище, мой ангелъ, мое солнышко, мой бѣдный *многострадальный* [2], покрываю тебя поцѣлуями и оплакиваю твое одиночествво.

Операція прошла благополучно. Днемъ мы были въ большомъ Дворцовомъ лазаретѣ. *Куломзинъ* [3] былъ у меня, чтобы представиться и принести списки, чтобы показать мнѣ, что сдѣлалъ *Романовскій* комитетъ; очень интересная бесѣда о всевозможныхъ вопросахъ. Ну, душка, вотъ списокъ лицъ, очень, правда, небольшой, которые могли бы замѣнить *Самарина.* А (Аня) получила ихъ отъ *Андрон*(ни-

---

[1] Вѣроятно, Вел. Кн. Марія Александровна, сестра Александра III, замужемъ за герцогомъ Эдинбургскимъ.

[2] См. выше, намекъ на Іова.

[3] А. А. Куломзинъ, сынъ чл. Гос. Совѣта, секретарь Императрицы Маріи Ѳедоровны.

кова), который бесѣдовалъ съ *митрополитомъ*, такъ какъ онъ былъ въ отчаяніи, что *Самаринъ* получилъ это назначеніе, говоря, что онъ ничего не понимаетъ въ церковныхъ дѣлахъ. Вѣроятно онъ[1], видѣлъ въ Москвѣ *Гермогена*. Во всякомъ случаѣ онъ послалъ за *Варнавой*, дурно отзывался о нашемъ Другѣ и сказалъ что *Герм*(огенъ) былъ единственнымъ честнымъ человѣкомъ, такъ какъ не боялся сказать тебѣ все противъ *Григор.*, и что потому его заперли, и что онъ, *Самаринъ*, желаетъ чтобы В. (Варнава) былъ у тебя и сказалъ тебѣ все, что онъ знаетъ противъ *Гр*(игорія). Онъ отвѣтилъ, что онъ не можетъ это сдѣлать, развѣ бы ты ему приказалъ, и тогда это осталось бы на отвѣтственности того (Самарина). Поэтому я телеграфировала старику, чтобы онъ принялъ В. (Варнаву), который ему все разскажетъ, и я надѣюсь, что старикъ переговоритъ съ С. (Самаринымъ) послѣ этого и намылитъ ему голову. Ты видишь, онъ не обращаетъ вниманія на то, что ты ему говорилъ. Онъ ничего не дѣлаетъ въ *Синодѣ* и только преслѣдуетъ нашего Друга, т. е. прямо дѣйствуетъ противъ насъ обоихъ — это непростительно, а въ такое время даже преступно. Онъ д о л ж е н ъ уйти. Ну такъ вотъ: *Хвостовъ* (министръ юстиціи), очень религіозенъ, много знаетъ о церкви, очень преданъ тебѣ и очень сердеченъ; *Гурьевъ (директоръ канц. Синода),* очень честенъ, долго служилъ въ *Синодѣ* (любитъ нашего Друга).

Онъ также упомянулъ о *Макаровѣ*, эксъ министрѣ[2], но онъ вовсе бы не годился, это маленькій неизвѣстный человѣкъ. Но онъ продолжаетъ пѣть хвалы *Хвостову*[3] и сказалъ объ этомъ *Гр*(игорію), такъ какъ онъ хочетъ устроить между ними свиданіе, чтобы тотъ убѣдился, что *Хвостовъ* готовъ дать себя разрѣзать на части ради тебя (онъ постоитъ за нашего Друга и никогда не позволитъ о немъ упоминать). Его manque de tacte[4] (sic) въ концѣ концовъ теперь не имѣетъ такого большого значенія, когда нуждаешься въ энергическомъ человѣкѣ, который знаетъ людей во всѣхъ мѣстахъ, и у него русское имя. *Куломз*(инъ) также ненавидитъ *Новое Время* и находитъ, что *Московск.* (Вѣдомости) и *Русское Слово* гораздо лучше. Я немного безпокоюсь, что они дѣлаютъ въ Москвѣ[5]. Петроградскія *Забастовки*[6], по словамъ *Андрон*(икова), (произошли) благодаря колоссальнымъ гаффамъ[7] *Шер-*

---

[1] Т. е. Самаринъ.
[2] Внутреннихъ Дѣлъ.
[3] Это уже Н. А. Хвостовъ.
[4] Отсутствіе такта.
[5] Въ Москвѣ открылись 7 сентября съѣзды представителей всероссійскаго союза городовъ и уполномоченныхъ губ. земствъ.
[6] На нѣкоторыхъ петрогр. заводахъ возникли забастовки рабочихъ.
[7] Безтактностямъ.

батова, который арестовалъ людей, не имѣющихъ къ нимъ никакого отношенія. Я надѣюсь, что *Воейковъ* меньше слушается Щ(ербатова) — онъ такое ничтожество и слабъ, и этимъ приноситъ вредъ. Какія скучныя письма я пишу! Но я хотѣла бы отъ всей души помочь тебѣ, моя душка, и ты можешь пользоваться мной, какъ органомъ для передачи тебѣ разныхъ вещей.

Соня *Денъ* пила съ нами чай. Она уѣзжаетъ въ *Кореизъ*[1], такъ какъ ей нуженъ лучшій климатъ. Она такъ счастлива, что ты тамъ[2], и понимаетъ прекрасно, что ты туда отправился теперь, когда все такъ трудно.

Вчера мы пили чай въ Павловскѣ съ Маврой. Тетя Ольга также появилась. Она выглядитъ нехорошо, работала въ воскресенье отъ десяти до половины третьяго въ лазаретѣ — она переутомляется, но не слушается уговариваній. Я ее понимаю — я сама по опыту убѣдилась, что надо меньше работать, увы, такъ что я рѣдко работаю, чтобы сохранить силы для болѣе нужныхъ вещей.

Вчера вечеромъ мы были у Ани, также *Шурикъ, Юзикъ* другъ Мари и *Алекс. Павловичъ,* который намъ все разсказалъ насчетъ *Ставки.* Онъ завтра туда уѣзжаетъ. Я прилагаю письмо отъ Ани насчетъ ея брата, хотя я ей совѣтовала его не посылать, въ виду того, что если его имя будетъ тебѣ доложено, ты по собственному почину, я знаю, сдѣлаешь то, что нужно для мальчика, который такъ усердно работалъ.

Теперь я должна одѣться для церкви. Холодно, мокро, дождливо, пусть, — это по крайней мѣрѣ хорошенько испортитъ имъ дороги. Я страшно жажду извѣстій. Богъ поможетъ. Прощай. Да благословитъ тебя Господь, мой милый, покрываю твое дорогое лицо нѣжными горячими поцѣлуями и такъ жажду обнять тебя и хоть на нѣсколько минутъ позабыть обо всемъ на свѣтѣ. Навсегда твоя старая

«Солнышко».

Вотъ еще письмо милаго Беби.

№ 116.

8 сентября 1915 г.

Мой любимый,

Я такъ тревожусь: какія извѣстія? Уже половина одиннадцатаго, а *Новое Время* не пришло, и я не знаю, что происходитъ, такъ какъ я

---

[1] Имѣніе кн. Юсупова въ Крыму.

[2] Въ Ставкѣ.

больше никогда не получаю телеграммъ, которыя раньше посылались мнѣ, когда ты былъ въ *Ставкѣ*.

Такъ холодно, ночью было только три градуса, сѣро и вѣтрено. Старшія были у обѣдни въ девять часовъ, а младшія теперь. Я пойду вслѣдъ за ними. Я только что читала огромный толстый *докладъ* отъ Ростовцева. Въ четвертомъ стрѣлковомъ есть одинъ князь *Ухтомскій*. Его жена страшно волнуется, такъ какъ нѣкоторые изъ товарищей сказали, что видѣли, какъ онъ палъ раненый, а между тѣмъ ни одинъ санитаръ его не принесъ. Привезъ ли *Борисъ* списки? Но это могло случиться позже. Въ городѣ говорятъ, что вся гвардія была окружена, но я не хочу вѣрить ничему, что неоффиціально.

Я должна одѣваться въ церковь. Вчера была хорошая служба и пѣли прекрасно.

Дорогой мой, какъ трудно, когда случаются вещи, о которыхъ нужно тебѣ сразу разсказать, и я не знаю, не читаетъ ли кто нибудь нашихъ телеграммъ. Мнѣ опять пришлось телеграфировать тебѣ непріятную вещь, но нельзя было терять время. Я просила ее[1], чтобы она по мѣрѣ силъ записала разговоръ *Суслика*[2] въ *Синодѣ*[3].

Въ самомъ дѣлѣ маленькій человѣчекъ этотъ велъ себя съ удивительной энергіей, отстаивая насъ и нашего Друга и давая на ихъ вопросы уничтожающіе отвѣты. Несмотря на то, что *митрополитъ* очень недоволенъ С. (Самаринымъ), все же при этомъ допросѣ онъ, увы, былъ слабъ и молчалъ. Они хотятъ выгнать *Варнаву* и вмѣсто него назначить *Гермогена*, слыхалъ ли ты когда нибудь о такой наглости.

Они не с м ѣ ю т ъ сдѣлать этого безъ твоего разрѣшенія, такъ какъ онъ былъ наказанъ по твоему приказанію. Это опять продѣлки *Николаши* (подстрекаемаго женщинами). Онъ его заставилъ безъ в с я к а г о п р а в а оставить свое мѣсто и поѣхать въ *Вильну*, чтобы жить съ Агафангеломъ, и, понятно, этотъ послѣдній, С. Ф и л и п п ъ, *Никонъ* (принесшій столько зла *Афону)* въ теченіе трехъ часовъ нападали на В. (Варнаву) по поводу нашего Друга; *Сам*(升аринъ) уѣхалъ въ Москву на три дня, кажется, — безъ сомнѣнія для того, чтобы по-

---

[1] Аню.

[2] Ласкательное имя для Варнавы.

[3] См. стр. 180. Въ «Новомъ Времени» отъ 24 сентября 1915 г. сообщалось, что члены Св. Синода единодушно и согласно съ мнѣніемъ оберъ-прокурора, а также съ данными ревизіи, произведенной въ тобольской епархіи архіепископомъ иркутскимъ Серафимомъ, высказываются за увольненіе еп. Варнавы на покой.

видать *Гермогена.* Я послала тебѣ вырѣзку относительно того, что ему[1] позволили провести два дня въ Москвѣ у *Вост*(оргова) по приказанію Н. (Николаши), — съ какихъ поръ позволено ему вмѣшиваться въ такіе вопросы, когда онъ знаетъ, что *Гермогенъ* наказанъ по твоему приказанію? Какъ смѣютъ они сопротивляться твоему разрѣшенію *Величанія* — до чего они дошли!.. даже тамъ царствуетъ анархія и опять по винѣ Н(иколаши), такъ какъ онъ (нарочно) предложилъ *Самарина,* зная, что этотъ человѣкъ сдѣлаетъ все, что въ его власти, чтобы повредить *Гр*(игорію) и мнѣ, но здѣсь уже втянули тебя, и это преступно, особенно въ такое время. Нѣсколько разъ старикъ говорилъ С. (Самарину) не затрагивать этого вопроса, поэтому онъ страшно оскорбленъ и такъ сказалъ В. (Варнавѣ) и заявилъ, что, по его мнѣнію, С. (Самаринъ) долженъ сейчасъ же уйти, иначе это все огласится. Я нахожу, что эти два епископа должны были бы быть удалены изъ *Синода.* Пусть *Питиримъ* тамъ засѣдаетъ, такъ какъ нашъ Другъ боялся, что Н. (Николаша) повредитъ ему, если услышитъ, что П. (Питиримъ) почитаетъ нашего Друга. Назначь туда другихъ болѣе достойныхъ епископовъ. *Забастовка Синода* и еще въ такое время, слишкомъ непатріотична, нелойяльна. Какое имъ дѣло? Пусть они теперь поплатятся за это и узнаютъ, кто ихъ начальникъ. Вотъ еще вырѣзка. «Опять» ты скажешь, но какой то *В. Н. Гурко* говоритъ (я лучше это выпишу тебѣ вмѣсто того, чтобы посылать газету) въ Москвѣ — *Львовъ* позволилъ ему сказать — «мы желаемъ сильной власти, *мы понимаемъ власть, вооруженную исключительнымъ положеніемъ, власть съ хлыстомъ* (теперь ты покажи имъ хлыстъ вездѣ, гдѣ только ты можешь, ты ихъ *Самодерж.* хозяинъ), *но не такую власть, которая сама находится подъ хлыстомъ».* Это позорящій каламбуръ, направленный противъ тебя и нашего Друга[2]. Богъ ихъ за это накажетъ; — впрочемъ, такъ писать — не по христіански, скажу лучше, пусть Богъ ихъ проститъ, но прежде всего заставитъ ихъ покаяться.

Варн(ава) сказалъ *Гор*(емыкину) все насчетъ губернатора — какъ онъ былъ хорошъ съ *Гр*(игоріемъ) до тѣхъ поръ, пока онъ не пріѣхалъ сюда и не получилъ гадкихъ распоряженій отъ *Щерб*(атова), то есть *Сам*(арина). Обо мнѣ сказалъ *Суслику «глупая баба»,* а про Аню разныя гнусности, которыя онъ даже не смѣетъ повторить. *Гор*(еымкинъ) говоритъ, что его надо немедленно смѣнить. Просмотри мои письма дней за пять, тамъ я одного назвала, котораго хотѣлъ бы имѣть нашъ

---

[1] Гермогену.

[2] Намекъ на принадлежность Распутина къ сектѣ хлыстовъ. Въ бумагахъ В. Н. Воейкова послѣ революціи найдены подробные доклады о хлыстахъ.

Другъ [1], только все это надо сдѣлать поскорѣе, тѣмъ сильнѣе будетъ эффектъ. *Сам*(аринъ) знаетъ твое мнѣніе и твои желанія, также какъ и *Щерб*(атовъ), но имъ все равно. Въ этомъ то и есть гнусная сторона. Отдай приказанія старику, ему тогда легче выполнить. Онъ сказалъ *Варн*(авѣ), какъ тяжело имѣть всѣхъ противъ себя. Если бы только ты далъ ему новыхъ министровъ, съ которыми онъ могъ бы работать! *Сам*(аринъ) приказалъ В. (Варнавѣ) отправиться къ тебѣ — было бы хорошо, если бы онъ могъ все тебѣ разсказать, но только это отниметъ у тебя много времени, а между тѣмъ надо поспѣшить съ рѣшеніемъ. Ты видишь, онъ [2], какъ С. И. [3], неисправимъ и узокъ. Ему слѣдовало бы думать о церквахъ, о духовенствѣ и о монастыряхъ, но не о томъ, кого мы принимаемъ. Теперь у него угрызенія совѣсти. Еще разъ «кто роетъ другому яму, самъ въ нее попадаетъ», какъ Н. (Николаша). Смѣни также поскорѣе министровъ, онъ съ ними работать не можетъ — если ты ему дашь категорическое приказаніе, тогда онъ можетъ отдѣлаться отъ нихъ, это будетъ легче — но разговаривать съ ними онъ не можетъ. Было бы очень хорошо выгнать нѣсколькихъ, а его оставить, такъ имъ и надо. Пожалуйста, подумай, подумай объ этомъ.

Какое отчаяніе не быть съ тобой и не имѣть возможности обо всемъ спокойно переговорить!

По поводу военныхъ извѣстій нашъ Другъ пишетъ (прибавь это къ списку твоихъ телеграммъ) 8 сентября: «*Не ужасайтесь хуже не будетъ чѣмъ было вѣра и знамя обласкаютъ насъ*». Прилагаю телеграмму отъ Е. Витгенштейнъ, рожденной *Набоковой* (она большой-другъ Гротена и была въ поѣздѣ Мари), ей нужны медали, можетъ быть, ты дашь Фредериксу приказанія — и передашь ему телеграмму. Образà я могу сама ей послать непосредственно. Вотъ, дорогой мой, рѣчь *Хвостова* [4], читая ее, ты поймешь, почему Павелъ не одобрялъ ее за то, что онъ открыто говоритъ противъ *Джунковскаго*. Лучше оставь у себя эту рѣчь, на случай, если кто нибудь будетъ дѣлать замѣчанія на его счетъ, ты можешь всегда сослаться на эту рѣчь; она умна и честна, и энергична. Это человѣкъ, который жаждетъ быть тебѣ полезнымъ. Добьешься ли ты, чтобы въ Балтійскихъ провинціяхъ было больше справедливости. Это бы слѣдовало. Я должна сказать, что эти несчастные достаточно страдаютъ. Рѣчь *Хвостова* я только что

---

[1] Въ качествѣ оберъ-прокурора Св. Синода.

[2] Самаринъ.

[3] С. И. Тютчева.

[4] Думская рѣчь Алексѣя Хвостова, произведшая въ свое время нѣкоторый шумъ нападками на нѣмецкое засилье. См. выше.

прочла, она очень ясна и интересна, но я должна сказать, что наши собственныя лѣнивыя славянскія натуры, безъ всякой инициативы, сами виноваты, — мы должны были держать банки въ рукахъ раньше, — раньше никто не обращалъ вниманія, теперь во всѣ глаза выслѣживаютъ германское *засиліе*, но мы сами на себя его навлекли, увѣряю тебя, нашей лѣнью. Обрати вниманіе на страницѣ 21—22 насчетъ *Джунк*(овскаго), какое право онъ имѣлъ телеграфировать тебѣ такую вещь, это было возможно только въ совсѣмъ особыхъ случаяхъ — и это звучитъ отвратительно. Я думаю, что тебѣ будетъ интересна эта рѣчь, такъ какъ она обнаруживаетъ его идеи насчетъ банковъ и т. д. Затѣмъ я прилагаю записку А. (Ани) насчетъ *Варнавы* и *Синода*. Анастасія цѣлуетъ тебя и проситъ прощенія, что она не написала, но мы ѣздили на маленькую прогулку (понятно, дѣвочки зябли), а потомъ домъ инвалидовъ, гдѣ полтора часа разговаривали со всѣми. Мы опять подхватили Аню въ очаровательномъ маленькомъ коттеджѣ графини Шуленбургъ. Потомъ онѣ отправились въ лазаретъ, а послѣ чая къ Анѣ, чтобы играть съ нѣсколькими молодыми барышнями. Моя голова совсѣмъ рамоли отъ разговоровъ, но *духъ* бодръ, моя душка, и готовъ ко всему, что тебѣ можетъ понадобиться. *Варнава* завтра будетъ у меня. Продолжай быть энергичнымъ, моя душка, используй свою метлу, покажи имъ твои энергическія увѣренныя твердыя стороны, которыхъ они достаточно не видѣли. Теперь ты долженъ выдержать бой, чтобы показать имъ, кто ты, и что они тебѣ надоѣли. Ты пробовалъ дѣйствовать мягкостью и добротой, но это не вышло, теперь ты покажешь другое, противоположное — волю повелителя. *Кусовъ* писалъ Анѣ, между прочимъ, съ грустью по поводу того, что такой человѣкъ, какъ *Михѣевъ* пріѣхалъ отъ твоего имени, такъ какъ онъ ничего не представляетъ и не умѣетъ ни представлять, ни говорить.

Мой муженекъ, ангелъ мой милый, мнѣ такъ грустно каждый день надоѣдать тебѣ такими вещами, но я не могу иначе. Мнѣ хотѣлось бы цѣловать тебя и смотрѣть въ твои милые глаза. Благословляю и цѣлую тебя безъ конца съ истинной глубокой преданностью. Богъ да благословитъ и охранитъ и поведетъ и защититъ тебя.

Навсегда твоя старая женка.

Не думаешь ли ты отправить Димитрія обратно въ полкъ? Не давай ему болтаться безъ дѣла, это для него гибель, онъ никуда не будетъ годенъ, если его характеръ не будетъ сформированъ на войнѣ. Онъ былъ на фронтѣ всего одинъ или два мѣсяца.

№ 117.

9 сентября 1915 г.

Мой родной, милый,

Наконецъ, солнечное утро и «мы конечно ѣдемъ въ городъ», какъ говоритъ *Ольга;* но я должна побывать въ лазаретахъ — дѣлать нечего. Вчера мы были въ инвалидномъ госпиталѣ. Я въ теченіе полутора часовъ разговаривала со 120 людьми и со всѣми остальными en gros [1] пока они стояли въ одной комнатѣ. Да, да я вѣдь все это тебѣ вчера разсказала. Я совсѣмъ поглупѣла. Слава Богу, извѣстія немного лучше, какъ видно на сѣверѣ — т. е. *Вильно Двинскъ.* Ты писалъ, что мы оставили Вильну прошлой ночью, но они, вѣдь, еще не вступили, неправда ли? Я жадно жду обѣщаннаго письма сегодня, это всегда такая радость.

Вотъ: я получила твое дорогое письмо и благодарю тебя за него изъ глубины сердца, держу его въ лѣвой рукѣ и цѣлую его, моя душка. М-мъ *Плаутина,* навѣрное, сума сойдетъ отъ радости узнавъ, что ея сыновья благополучны. Я такъ тебѣ благодарна за выясненіе. Что за прелестная телеграмма отъ нашего Друга.

Это хорошо, что ты теперь пользуешься Кирилломъ послѣ *Георгія,* такъ что каждый имѣетъ свою очередь. Только не посылай Димитрія, онъ слишкомъ молодъ и это заставляетъ его быть о себѣ высокаго мнѣнія — я хотѣла бы, чтобы ты его отправилъ. Только не говори, что я объ этомъ просила. Ну, у тебя масса дѣлъ. У тебя было лучшее впечатлѣніе отъ *Щербатова,* но я боюсь, что онъ совсѣмъ не хорошъ, такой слабый и не хочетъ какъ слѣдуетъ работать со старикомъ. Ну, посмотри, что они говорили въ Москвѣ, опять подымая вопросы, которые они рѣшили не поднимать, и прося объ отвѣтственномъ министрѣ [2], что совершенно невозможно, даже *Куломзинъ* это прекрасно видитъ — неужели они въ самомъ дѣлѣ имѣли дерзость послать тебѣ предполагавшуюся телеграмму? Какъ имъ всѣмъ нужно почувствовать желѣзную волю и руку — до сихъ поръ твое царствованіе было царствованіемъ мягкости, а теперь оно должно быть царствованіемъ власти и твердости, — ты повелитель и хозяинъ Россіи, и всемогущій Господь тебя тамъ поставилъ, и они должны преклониться передъ твоей мудростью и *твердостью.* Довольно доброты, разъ они недостойны и думали, что тебя могутъ обернуть вокругъ

---

[1] Въ массѣ.

[2] Общегородской и общеземскій съѣзды постановили довести до свѣдѣнія Государя о тревогахъ и чаяніяхъ, волнующихъ страну и представить о необходимости немедленнаго созыва законод. учрежденій и призывѣ къ власти лицъ, пользующихся довѣріемъ страны.

пальца. То, что они говорили въ М. (Москвѣ), вчера было напечатано. Я видѣла бѣднаго *Варнаву* сегодня, дорогой мой. Это отвратительно, какъ С. (Самаринъ) поступилъ съ нимъ въ гостиницѣ и потомъ въ Синодѣ. Такой перекрестный допросъ совершенно неслыханъ, и онъ такъ подло говорилъ о *Гр*(игоріи), употребляя мерзкія слова при упоминаніи о Немъ. Онъ заставляетъ губернатора слѣдить за всѣми ихъ телеграммами и посылать ихъ къ нему. Со злобой говорилъ насчетъ *Величанія*, что ты не имѣлъ права позволить такую вещь. В. (Варнава), какъ слѣдуетъ, отвѣчалъ ему и сказалъ, что ты главный покровитель церкви, а С. (Самаринъ) дерзко отвѣтилъ, что ты ея *Рабъ*. Колоссальное нахальство и болѣе чѣмъ неприлично — развалившись на креслѣ, со скрещенными ногами онъ допрашивалъ епископа насчетъ нашего Друга. Когда Петръ Великій по собственной иниціативѣ также распорядился насчетъ *Величанія*, это было тотчасъ же исполнено на самомъ мѣстѣ и въ окрестностяхъ. Послѣ *величанія панихиды* прекращаются (какъ когда мы были въ *Саровѣ величанія и прославленія* было совершены вмѣстѣ) — а они вновь приказали служить панихиды и сказали, что они не будутъ обращать вниманія на то, что *ты* приказалъ. Душка, ты долженъ быть твердъ и дать твердое приказаніе *Синоду*, что ты настаиваешь на выполненіи твоего приказанія, и *Синодъ* долженъ распорядиться, чтобы твое приказаніе было исполнено и чтобы *величаніе* продолжалось — болѣе чѣмъ когда либо теперь нужны эти молитвы[1]. Они должны знать, что ты въ высшей степени ими недоволенъ. Пожалуйста, не позволяй имъ отсылать В(арнаву). Онъ великолѣпно заступился за насъ и за *Гр.* (Григорія) и показалъ имъ, что они намѣренно идутъ противъ насъ во всемъ этомъ. Старый *Горем*(ыкинъ) былъ болѣе чѣмъ огорченъ и въ ужасѣ, и пораженъ выше всякой мѣры, когда онъ услыхалъ, что губернаторъ, (котораго *Джунк*(овскій) заставилъ измѣнить свое мнѣніе и котораго онъ подстрекалъ, сказалъ В. (Варнавѣ), что я *сумасшедшая баба*, а Аня *мерзавка* и т. д. Какъ онъ можетъ послѣ этого остаться? Ты не можешь позволять такія вещи. Это послѣднія попытки дьявола, вездѣ надѣлать зла, и это ему не удастся. С. (Самаринъ) очень восхвалялъ *Феофана* и *Гермогена и* хочетъ назначить послѣдняго вмѣсто В. (Варнавы). Ты видишь ихъ гнусную игру. Нѣсколько времени тому назадъ я просила тебя смѣнить губернатора. Онъ шпіонитъ за нимъ, за каждымъ шагомъ В.(арнавы) въ *Покровскомъ*[2] и за всѣмъ, что

[1] Св. Синодъ, заслушавъ докладъ арх. Тихона о произведенномъ имъ по порученію Синода изслѣдованіи совершающихся у гробницы митр. тоб. Іоанна (Максимовича) случаевъ чудесныхъ исцѣленій, постановилъ обнародовать синодальное дѣяніе о прославленіи митр. Іоанна.

[2] Родина Распутина, куда онъ часто ѣздилъ.

дѣлаетъ нашъ Другъ, и какія телеграммы пишутся. Это дѣло *Джунк*(овскаго) и С. (Самарина), которыхъ подстерекаютъ Н. (Николаша) и черныя женщины[1]. *Агафангелъ* говорилъ такъ дурно (изъ *Ярославля)* его бы слѣдовало услать *на покой* и замѣнить его и *Серг.*, который долженъ быть такъ-же уволенъ и выйти изъ *Синода*. *Никона* слѣдовало бы убрать изъ *Государственнаго Совѣта*, котораго онъ членъ, и также изъ *Синода*[2]. У него, кромѣ того, на душѣ грѣхъ *Афона*. *Сусликъ* все это правильно сказалъ, чтобы дать хорошій урокъ *Синоду* и строгій репримандъ за ихъ поведеніе. Поэтому поскорѣе смѣни *Самарина*. Каждый день, что онъ остается, онъ опасенъ и дѣлаетъ зло. Старикъ такого же мнѣнія. Это не женская глупость — потому я такъ страшно плакала, когда я услышала, что они заставили тебя его назначить въ *Ставкѣ*, и я писала тебѣ въ моемъ отчаяніи, з н а я, что *Николаша* предложилъ его потому, что онъ мой врагъ и врагъ *Григорія*, а черезъ это также и твой.

Въ *разговорѣ*, когда В. (Варнава) сказалъ, что С. (Самаринъ) себѣ сломаетъ шею, если такъ будутъ поступать, и что онъ еще не *оберъ-прокуроръ*, *митр*(ополитъ) *Влад*(имиръ) *сказалъ* (онъ тоже благодаря имъ сошелъ съ ума): «*Вѣдь Государь не мальчикъ и долженъ знать, что онъ дѣлаетъ*» и что ты *долго упрашивалъ* С. (Самарина) принять назначеніе (я говорила тогда *Гор*(емыкину), что этого не слѣдуетъ дѣлать). Ну, пусть они увидятъ и почувствуютъ, что ты н е *мальчикъ* и что тотъ, кто клевещетъ на людей, которыхъ ты уважаешь, и ихъ позоритъ — оскорбляетъ тебя, и что они не смѣютъ привлекать къ отвѣтственности епископа за знакомство съ *Гр*(игоріемъ). Я не могу повторить тебѣ всѣхъ бранныхъ словъ, которыми они обзывали нашего Друга. Прости меня, что я опять къ тебѣ пристаю со всѣмъ этимъ, но это для того, чтобы показать тебѣ, ч т о т ы д о л ж е н ъ немедленно смѣнить С. (Самарина) — — —, я должна буду пострадать, если онъ останется, такъ какъ это падетъ на мою голову, ты слышалъ, что сказалъ губернаторъ, и здѣсь ко мнѣ не хорошо расположены въ нѣкоторыхъ кругахъ, и теперь не время унижать своего Государя или его жену. Только будь т в е р д ъ (онъ[3] просилъ не оставаться долго[4], ты помнишь) и не назначай его въ *Гос. Сов.* какъ бы въ видѣ конфеты послѣ того, какъ онъ поступалъ, и что говорилъ открыто насчетъ тѣхъ, кого мы принимаемъ, и въ такомъ тонѣ насчетъ тебя и твоихъ желаній, котораго н е л ь з я перенести. Ты н е имѣешь права смотрѣть на это сквозь пальцы. Это послѣдняя борьба за твою внутреннюю *побѣду*, покажи имъ свою власть.

---

[1] Черногорки.
[2] Къ присутствованію въ зимнюю сессію Св. Синода не былъ назначенъ.
[3] Самаринъ.
[4] На посту оберъ-прокурора.

Вспомни, въ шесть дней онъ выгналъ стараго *Даманскаго* (изъ за *Гр*(игорія) и далъ 60.000 его преемнику, чтобы устроить квартиру, — безобразные поступки.

Я сегодня придумала помощника для новаго — *кн. Живаха*[1]. Ты помнишь его, онъ совсѣмъ молодъ, знаетъ все насчетъ церковныхъ вопросовъ, очень лойяленъ и религіозенъ *(Бари-Бѣлгородъ)*, согласенъ ли ты?

Выгони всѣхъ, дай *Горем*(ыкину) новыхъ министровъ, чтобы онъ съ ними работалъ, и Богъ благословитъ тебя и ихъ работу.

Пожалуйста, моя птичка, (сдѣлай это) и поскорѣе. Я ему[2] написала, чтобы онъ далъ списокъ, какъ ты просилъ, но онъ проситъ тебя подумать и о преемникѣ *Сазонова*, и о *Щербатовѣ*. Онъ[3] слишкомъ слабъ, хотя этотъ разъ онъ тебѣ больше понравился. Я увѣрена, что *Воейковъ* (его близкій другъ) сказалъ ему, какъ себя вести — не слушай В. (Воейкова). Онъ въ теченіе всего этого труднаго времени ошибался, и онъ плохой совѣтчикъ. Это пройдетъ, у него много самомнѣнія, и онъ испугался за собственную шкуру. О Господи, что за люди!

Вчерашній мой образъ отъ 1911 года съ колокольчикомъ въ самомъ дѣлѣ помогъ мнѣ почувствовать людей — сперва я не обращала достаточно вниманія, не довѣряла своему мнѣнію. Но теперь я вижу, что *образъ* и нашъ Другъ помогли мнѣ быстро узнавать людей. И колокольчикъ сталъ бы звонить, если бы они пришли съ дурными намѣреніями, и не позволилъ бы имъ подойти ко мнѣ — вотъ, Орловъ, *Джунк*(овскій), *Дрент*(ельнъ), которые такъ странно боятся меня, принадлежатъ къ тѣмъ, за которыми надо особенно наблюдать.

И ты, моя любовь, постарайся обращать вниманіе на то, что я говорю. Это не моя мудрость, это извѣстный инстинктъ, данный мнѣ Богомъ помимо меня, такъ чтобы я могла быть твоей помощницей.

Дорогой мой, посылаю тебѣ прошеніе одного изъ нашихъ раненыхъ, написанное по моему предложенію, такъ какъ я боялась невѣрно передать его желаніе — было бы хорошо, если бы полкъ могъ получить этотъ кусочекъ земли, чтобы выстроить мавзолей для павшихъ офицеровъ.

Можетъ быть ты бы сказалъ Фредериксу отдать отъ твоего имени приказъ *Щерб*(атову), у тебя нѣтъ времени это сдѣлать самому. Маленькій *Образъ* отъ Ани, она сегодня была въ церкви, пока мы осматривали оба лазарета, находящіеся подъ моимъ покровительствомъ. Одинъ для 60 офицеровъ на *Конно-гв. бульварѣ*, очень хорошій, а потомъ на

---

[1] Кн. Жеваховъ, впослѣдствіи дѣйствительно назначенный.
[2] Горемыкину.
[3] Щербатовъ.

Выб. Сторонѣ между тюрьмами (новая больница для заключенныхъ), которая теперь сразу развернута на 130 кроватей. Такъ чисто и хорошо, нѣсколько *Семеновцевъ* изъ *Холма* и стрѣлки и т. д. и одинъ, который провелъ годъ въ Германіи. Мостовая была отвратительна. Ты видишь, я выбираю шикарныя и совсѣмъ бѣдныя учрежденія для осмотра — они увидятъ, что мнѣ все равно, что говорятъ, и что я буду всюду разъѣзжать, какъ всегда. Теперь, что я себя лучше чувствую, я могу это дѣлать. Такая солнечная погода. Изъ *Знам*(енья) я въ своей *дрожкѣ* проѣхала по бульвару въ лазаретъ, чтобы утромъ подышать хорошимъ воздухомъ. Есть какой либо шансъ твоего возвращенія теперь? Я думала о *Новгородѣ* (не говори В. (Воейкову), и Ресинъ собираетъ справки. Пароходомъ или даже моторомъ слишкомъ далеко отъ широкой колеи, 60 в. — такъ что надо сѣсть въ узко-колейный вагонъ. Здѣсь надо проспать въ поѣздѣ — и добраться туда утромъ, тамъ позавтракать и т. д. и назадъ около половины одиннадцатаго вечера — такъ какъ я должна осмотрѣть соборъ. Тамъ новобранцы, и это заставляетъ меня сомнѣваться, не должна ли бы я была лучше подождать твоего возвращенія. Если да, пошли мнѣ телеграмму — «подожди насчетъ *Новгорода*», и я тогда подожду. Нашъ Другъ желаетъ, чтобы я больше разъѣзжала, но куда же?

Переписалъ ли ты его телеграмму для себя на особомъ листѣ? если нѣтъ, вотъ я опять ее повторяю: *«7-го Сентября 1915. «Не опоздайте въ испытаніи прославитъ Господь своимъ явленіемъ»*. *У Ольги* сегодня вечеромъ засѣданіе комитета. Поѣздъ *Алексѣя (Шуленбургъ)* застрялъ въ *Опукликахъ*. Онъ уже четыре дня тамъ остановленъ *до вызова въ Полоцкъ*. Онъ запросилъ ком. Полоцка по телеграфу, но еще не получилъ отвѣта — развѣ мы оттуда отрѣзаны?

Мой поѣздъ вернулся, сообщили, что тамъ была масса дожидавшихся санитаровъ, не имѣвшихъ возможности передвинуться, я надѣюсь, это означаетъ, что туда перебрасываютъ наши войска? Потомъ очень много женщинъ было привезено для работъ возлѣ озеръ, но имъ не сказали на какой срокъ, такъ что у нихъ не было времени захватить теплую одежду. Они получили *суточныя* деньги на дорогу 30 копѣекъ, а дорога продолжалась пять дней — развѣ губернаторы сошли сума? Здѣсь никогда нѣтъ порядка, это меня приводитъ въ отчаяніе — этотъ урокъ мы должны были бы выучить у нѣмцевъ.

Поѣздъ сестры Ольги привозитъ много раненыхъ офицеровъ и солдатъ и 90 *бѣженцевъ*. Я сказала имъ, чтобы они всегда ихъ подбирали по дорогѣ. Боже мой, сколько можно было бы сдѣлать! Мнѣ хочется всюду совать свой носъ (Элла съ успѣхомъ это дѣлаетъ), чтобы будить людей, наводить всюду порядокъ и объединять всѣ силы. Все идетъ толчками и порывами — такъ неправильно — такъ безконечно мало

энергiи (это мое отчаянiе, такъ какъ у меня ея довольно, даже когда я себя чувствую больной, хотя, слава Богу, сейчасъ этого нѣтъ) — я благоразумна и не дѣлаю слишкомъ много. Теперь надо кончать это безконечное письмо. Не пишу ли я слишкомъ много? Храбрость — энергiя — твердость будутъ вознаграждены успѣхомъ. Ты помнишь, что Онъ сказалъ, что приходитъ слава твоего царствованiя, и мы будемъ за нее вмѣстѣ бороться, такъ какъ это означаетъ славу Россiи — ты и Россiя — одно.

Любимый мой, да, моя постель гораздо мягче твоей походной кровати. Какъ я хотѣла бы, чтобы ты былъ здѣсь, чтобы ее раздѣлить со мной. Я только тогда вижу сны, когда тебя нѣтъ. Прошло двѣ съ половиной недѣли со времени твоего отъѣзда. Благословляю тебя и осыпаю тебя поцѣлуями, мой ангелъ, и прижимаю тебя къ моему сердцу. Богъ да будетъ съ тобой.

Навсегда твоя старая
«Солнышко».

№ 118.

10 сентября 1915 г.

Моя душка,

Да, въ самомъ дѣлѣ вѣсти лучше — я только что просмотрѣла газету. Какое счастье, если подкрѣпленiе съ Юга скоро дойдетъ до назначенiя; молишься и молишься. —

Статья про Варнаву въ газетахъ лжива. Онъ далъ точные отвѣты на всѣ вопросы и показалъ твою телеграмму насчетъ *величанiя*. Въ прошломъ году *Синодъ* имѣлъ всѣ документы насчетъ чудесъ, и *Саблеръ* не хотѣлъ, чтобы *величанiе* произошло въ это лѣто. Твоя воля и твое приказанiе имѣютъ значенiе, дай имъ это почувствовать. В(арнава) умоляетъ тебя поспѣшить съ увольненiемъ *Самарина*, такъ какъ онъ и *Синодъ* намѣреваются еще надѣлать гадостей, и ему бѣднягѣ еще придется туда пойти, чтобы подвергнуться пыткѣ. *Горем*(ыкинъ) также находитъ, что надо спѣшить, (увы, отъ него еще нѣтъ списка). Хвалятъ также краснолицаго *Прутченко*[1] — только его братъ и жена говорили гадости насчетъ нашего Друга. *Горем*(ыкинъ) хочетъ поскорѣе тебя повидать и раньше, чѣмъ увидятъ тебя другiе, когда ты вернешься, но если ты скоро не вернешься — онъ хочетъ къ тебѣ поѣхать, онъ готовъ накричать на епископовъ, по словамъ *Варнавы*, и услать ихъ. Ты лучше пошли за старикомъ. Такъ какъ нужно твердое

[1] С. М. Прутченко, бывшiй попечитель петербургскаго учебнаго округа. Онъ страдалъ хронической экземой на лицѣ.

правительство, вмѣсто того, чтобы увольнять старика, выгони другихъ и достань сильныхъ. Пожалуйста, переговори серьезно насчетъ *Хвостова* въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ.

Я увѣрена, что онъ подходящій для даннаго момента человѣкъ, такъ какъ онъ никого не боится и преданъ тебѣ.

Опять некрасивая исторія насчетъ Н. (Николаши), которую я вынуждена тебѣ разсказать. Всѣ бароны послали въ *Ставку* къ *Николашѣ* одного барона Бенкерна. Онъ отъ имени всѣхъ просилъ, чтобы прекратились эти преслѣдованія, потому что они уже не могутъ дольше ихъ переносить. Н(Николаша) отвѣтилъ, что онъ совершенно согласенъ съ ними, но ничего не можетъ подѣлать, такъ какъ приказанія идутъ изъ Ц(арскаго) С(ела). Развѣ это не гадость? С. Ребиндеръ (изъ артиллеріи) сказалъ это Анѣ — Рейнтернъ былъ удивленъ, узнавъ что Суворинъ принятъ Н(Николашей). Это необходимо разъяснить. Такая ложь не должна лежать на тебѣ. Имъ слѣдуетъ сказать, что ты справедливъ къ тѣмъ, кто лойяленъ, и никогда не преслѣдуешь невинныхъ. Одно лицо, писавшее противъ Н. (Николаши), посажено теперь на восемь мѣсяцевъ, тамъ они умѣютъ остановить прессу, когда она затрагиваетъ Н. (Николашу). Когда читали за тебя молитвы, во время этихъ трехъ постныхъ дней отъ *Синода* были розданы толпѣ передъ *Каз. Соб.*(оромъ) тысяча портретовъ Н(Николаши). Что это значитъ? Они имѣли въ виду совсѣмъ другую игру. Нашъ Другъ во время разглядѣлъ ихъ карты и пришелъ, чтобы спасти тебя, умоляя тебя выгнать Н(Николашу) и самому взять командованіе. Все больше и больше слышишь про ихъ гнусную предательскую игру. М. [1] и С. [2] распространяютъ про меня гадости въ *Кіевѣ* и разсказываютъ, что меня запрутъ въ монастырь. Замужняя дочь одного изъ Треповыхъ была такъ возмущена тѣмъ, что они говорили, что она просила ихъ выйти изъ комнаты. Онъ написалъ объ этомъ графинѣ Шуленбургъ. Ахъ, милый, до арміи *Иванова* (части) дошли эти слухи — развѣ это не отвратительный скандалъ? Я вижу, что *Джунк*(овскій) выѣхалъ на неопредѣленное время на Кавказъ. Вотъ «птицы одного пера слетаются вмѣстѣ». Какой грѣхъ они теперь готовятъ? Пусть они лучше тамъ позаботятся о своей шкурѣ.

Мы, т. е. *Ольга*, *Ресинъ*, Аня и я поѣхали въ *Петергофъ*. Мы оставили ее у ея родителей и поѣхали дальше въ *мѣстный лазаретъ* — на этотъ разъ онъ былъ опрятенъ и не было слишкомъ тяжело раненыхъ. Потомъ — въ крошечную краснокрестную общину около англійскаго коттеджа, гдѣ было нѣсколько офицеровъ, потомъ въ новую ратушу возлѣ

[1] Милица.
[2] Стана.

озера, гдѣ также были раненые, ничего особенно худого. Выпила чашку кофе у *Танѣевыхъ* и вернулась домой. Потомъ *Татьяна Андр.* пришла ко мнѣ проститься, а послѣ нея Mère Cathérine и настоятельница и говорили безъ конца. Она принесла бумагу насчетъ аэроплановъ, которую изобрѣтатель раньше показывалъ въ *Ставкѣ*. Онъ былъ *одобренъ*, а теперь гдѣ то застряли бумаги, такъ что я прилагаю бумагу объ этомъ, и не можешь ли ты поторопить этотъ вопросъ? Есть нѣкій Рубинштейнъ,[1] который далъ уже деньги, готовъ дать 500.000 на сооруженіе этого аппарата, если онъ получитъ тоже самое, что получилъ Манусъ[2]. Какъ красиво это выпрашиваніе въ такое время! Нельзя добиться безвозмездной благотворительности — это такъ некрасиво! Потомъ пришла Мери, а теперь я пишу и совсѣмъ gaga[3] — поѣздка въ моторѣ меня утомила. Море, мое море, ахъ, я почувствовала такую грусть. Оно напомнило мнѣ о счастливыхъ мирныхъ временахъ, нашъ домъ безъ тебя — мы проѣхали мимо, такая боль въ сердцѣ и столько воспоминаній. Я получила милыя письма отъ Эрни, Оноръ и Frl. Тексторъ. Онъ далъ ихъ Сестрѣ, баронессѣ Икскуль, которая пріѣхала. Онъ надѣялся, что я съ ней увижусь и помогу ей — твоя мамаша ее не приняла, а меня потомъ не просили — это съ ея[4] стороны большая ошибка. Эти Сестры могли бы намъ разсказать про нашихъ плѣнныхъ. Эрни также думаетъ о тебѣ такъ много, прилагаю его письмо. Frl. Тексторъ живетъ въ W., чтобы давать дѣтямъ уроки нѣмецкаго и англійскаго языка. Цвѣтетъ верескъ, и говорятъ, что прелестно. Я покажу тебѣ его письмо, когда ты пріѣдешь. Оно ничего не проситъ, только полно любви. Твоему полку больше повезло, чѣмъ краснымъ драгунамъ, у которыхъ только одинъ офицеръ не раненъ. Младшій сынъ Морица медленно поправляется отъ своихъ ранъ. Фонъ Гидезель (который былъ съ Сандро въ Болгаріи — очень милый) потерялъ уже трехъ сыновей. Племянникъ Оноръ также убитъ. Сегодня была дивная погода, я утромъ была въ лазаретѣ, — прибываетъ еще другой Крымецъ. Теперь я должна отправить письмо, уже давно пора.

Всяческія благословенія и нѣжные, ласковые, горячіе поцѣлуи и безконечную любовь отъ твоей старой

«Солнышко».

Я рада, что ты увидишь Мишу.

Есть ли у тебя списокъ потерь гвардіи? Всѣ такъ волнуются, жены встревожены насчетъ своихъ мужей — не могъ ли бы кто нибудь ихъ

[1] Д. Л. Рубинштейнъ, извѣстный дѣлецъ, впослѣдствіи арестованный комиссіей ген. Ватюшина по обвиненію въ спекуляціяхъ.

[2] Манусъ, извѣстный дѣлецъ, получилъ чинъ дѣйств. ст. совѣтника.

[3] Одурѣла.

[4] Т. е. Императрицы Маріи Өедоровны.

переписать и прислать мнѣ. Скажи Фредериксу, что молодая госпожа *Баранова* (онъ только что былъ убитъ) страшно бѣдна, ты его содержалъ въ полку, помогая ему. Теперь она этого лишилась, и *Шульгинъ* просилъ меня, нельзя ли что нибудь для нея сдѣлать, такъ какъ онъ былъ такимъ хорошимъ офицеромъ. М-мъ Литке благодаритъ за цвѣты, которые я послала отъ насъ обоихъ. Мара *Плаутина* страшно благодаритъ тебя.

№ 119.

11 сентября 1915 г.

Мой дорогой душка,

Было такъ сѣро, что я чувствовала себя совсѣмъ грустной, но теперь солнце старается пробиться сквозь тучи. Окраска деревьевъ теперь прелестна, многіе стали желтыми, красными и мѣднаго цвѣта. Печально думать, что лѣто кончилось и что насъ скоро ожидаетъ безконечная зима. Было странно увидѣть милое море, но такое грязное — грусть наполнила мое сердце, когда я увидѣла издали Александрію [1] и вспомнила, съ какой радостью мы всегда на нее глядѣли, зная что на ней мы поѣдемъ на дорогой нашъ *Штандартъ* и въ *Шхеры*. Теперь это все сонъ. Что собираются дѣлать *болгары*, почему Сазоновъ такая квашня? [2] Кажется какъ будто народъ хочетъ быть на нашей сторонѣ, и только министръ и поганый Фердинандъ мобилизуютъ, чтобы присоединиться къ другимъ государствамъ, такъ чтобы раздавить Сербію и жадно наброситься на Грецію. Если выгнать нашего министра въ Бухарестѣ, то румыны, навѣрное, могли бы идти съ нами. Правда ли, что они [3] намѣреваются послать *Гучкова* и нѣсколькихъ другихъ изъ Москвы къ къ тебѣ депутаціей? Серьезное желѣзнодорожное несчастье, въ которомъ онъ бы одинъ пострадалъ, было бы хорошимъ Божьимъ наказаніемъ и хорошо заслуженнымъ. Они идутъ слишкомъ далеко, и этотъ дурень *Щерб*(атовъ) ничего не выгадалъ, вычеркнувъ только часть того, что они сказали. Въ самомъ дѣлѣ это гнилое правительство, — которое не хочетъ работать со своимъ вождемъ, но работаетъ противъ него. Я остаюсь въ кровати до завтрака. Поѣздка на моторѣ меня слишкомъ растрясла, и я устала отъ осмотровъ и посѣщеній лазаретовъ въ теченіе трехъ дней подрядъ. Я такъ хотѣла бы знать, когда ты будешь въ состояніи вернуться и на сколько дней? Какъ ты

---

[1] Паровой катеръ.

[2] Собственно: такой блинъ.

[3] Съѣздъ, состоявшійся въ Москвѣ, постановилъ послать депутацію. См. выше.

устроился съ Ал(ексѣевымъ), когда ты уѣдешь? Старикъ просилъ повидаться со мной сегодня вечеромъ и, такъ какъ я знаю, что онъ долженъ тебя повидать, я тебѣ уже телеграфировала. Онъ находитъ совершенно необходимымъ, чтобы С(Сазоновъ) сейчасъ же ушелъ, онъ сказалъ объ этомъ *Андр*(онникову). Еще другой, кого они предлагаютъ, это — Марковъ, но онъ не годится, такъ какъ онъ совсѣмъ не выказалъ себя хорошо въ исторіи съ *Гермогеномъ*. Теперь есть еще *Редакторъ Правит. Вѣстника Шталмейстеръ князь Урусовъ*, совсѣмъ другой человѣкъ, очень лойяльный по отношенію къ тебѣ, религіозный (познакомился съ нашимъ Другомъ) — я думаю, что это было бы лучше всего и сразу же. Я все это пишу, чтобы ты все это имѣлъ ясно въ головѣ — думаю, что онъ можетъ привести еще другихъ кандидатовъ. Исторія съ В(Варнавой) заходитъ слишкомъ далеко — онъ больше не былъ въ *Синодѣ*, потому что онъ не желаетъ слышать, какъ глумятся надъ твоими приказаніями. *Митроп*(олитъ) называетъ твою телеграмму «*Глупой телегр.*(аммой)» — такая дерзость невыносима — ты долженъ пустить въ ходъ свою метлу и вычистить всю грязь, которая скопилась въ *Синодѣ*. Весь этотъ скандалъ по поводу В. (Варнавы) устроенъ только для того, чтобы втащить имя нашего *Друга* въ Думу. Когда С. (Самаринъ) принялъ это назначеніе, онъ сказалъ своей кликѣ въ М(осквѣ), что онъ его беретъ только потому, что намѣревается отдѣлаться отъ *Гр*(игорія) и что онъ сдѣлаетъ все, что въ его власти, чтобы добиться успѣха. Въ *Думѣ* держали пари, что они помѣшаютъ тебѣ отправиться на фронтъ. Ты отправился — они говорили, что никто не посмѣетъ закрыть *Думу*, ты это сдѣлалъ — теперь они держали пари, что ты не можешь уволить С. (Самарина) — и ты это сдѣлаешь. Хороши епископы, которые тамъ сидѣли и тоже глумились надъ твоими приказаніями. У тебя навѣрное еще не было времени, чтобы прочесть статьи по поводу обвиненій противъ В(Варнавы) въ *Синодѣ* насчетъ *прославленія*. Покажи, что ты хозяинъ. Мы выгнали С. И.[1], и ея друзья также вылетятъ съ этой смѣшной, нелойяльной, безумной идеей спасать Россію. Масса громкихъ словъ. *Гор*(емыкинъ) долженъ сказать ему[2], что ты избралъ его, считая его за человѣка, который будетъ работать для тебя и для церкви, и что между тѣмъ онъ оказался шпіономъ надъ поступками и телеграммами В.(Варнавы) и *Гр.*(игорія) и началъ позировать въ качествѣ прокурора и гонителя — и сомнѣваться въ твоихъ желаніяхъ и приказаніяхъ. Ты глава и покровитель церкви, а онъ старается подорвать тебя въ глазахъ церкви. Сразу, любимый мой, выкини его, а также *Щербатова*. Сегодня вечеромъ онъ разослалъ

---

[1] С. И. Тютчеву, воспитательницу великихъ княженъ.
[2] Самарину.

циркуляръ во всѣ газеты, что они могутъ печатать все, что хотятъ противъ правительства (твоего правительства) — какъ онъ смѣетъ? — только не противъ тебя.

Но они все дѣлаютъ скрытымъ путемъ, des sous-entendus, и онъ играетъ двойную игру, настоящій дуракъ. Пожалуйста, возьми *Хвостова* на его мѣсто. Просмотрѣлъ ли ты его книгу? Онъ очень хочетъ меня повидать, смотритъ на меня какъ на ту, что спасаетъ положеніе, пока тебя нѣтъ (сказалъ объ этомъ *Андр*(онникову), онъ хочетъ излить мнѣ свое сердце и сказать мнѣ обо всѣхъ своихъ идеяхъ. Онъ очень энергиченъ, никого не боится и колоссально преданъ тебѣ, а это главная вещь въ эти дни. Его гаффы — можно же его предостеречь отъ нихъ, — онъ хорошо знаетъ людей въ *Думѣ* и не позволитъ имъ нападать на насъ, онъ умѣетъ говорить. Пожалуйста, мой душка, серьезно подумай о немъ, онъ не такой трусъ и тряпка, какъ Щ(ербатовъ). Надо правительство привести въ порядокъ, и старикъ нуждается въ хорошихъ, преданныхъ, энергичныхъ людяхъ, чтобы помочь ему въ его старческой работѣ; онъ не можетъ такъ продолжать. Ты долженъ все ему сказать, обо всемъ разспросить, онъ слишкомъ скроменъ и обыкновенно ждетъ, чтобы его спросили и тогда только говоритъ о своихъ впечатлѣніяхъ или — что ему извѣстно. Поддержи его, покажи ему, что ты въ немъ нуждаешься и вѣришь ему и дашь ему новыхъ работниковъ — и Богъ благословитъ работу. Возьми листочекъ бумаги и запиши все, о чемъ надо переговорить — въ прошлый разъ ты забылъ насчетъ *Хвостова* — и потомъ отдай этотъ листокъ старику, чтобы помочь ему помнить обо всѣхъ вопросахъ. 1) *Самаринъ*, 2) *Щербатовъ, Синодъ*, 3) *Сазоновъ*, 4) *Кривошеинъ*, который тайный врагъ и все время былъ фальшивымъ по отношенію къ старику, 5) какъ дать знать баронамъ, что *Николаша* сказалъ имъ большую неправду, будто онъ получилъ распоряженіе изъ *Царскаго* преслѣдовать бароновъ — это надо разъяснить умно и деликатно. Старикъ всегда проситъ, чтобы ты поспѣшилъ и былъ рѣшителенъ; когда ты ему даешь категорическіе отвѣты и приказанія къ исполненію, ему гораздо легче, и они вынуждены слушаться. Я тебѣ надоѣдаю, мой бѣдный маленькій, но они приходятъ ко мнѣ, и я не могу дѣйствовать иначе ради тебя, и Беби, и Россіи. Будучи тамъ вдали, твой умъ можетъ созерцать все ясно и покойно — я тоже спокойна и тверда. Только когда приходится дѣлать перемѣны, чтобы избавиться отъ дальнѣйшей гадости и грязи, какъ напримѣръ въ *Синодѣ*, возглавляемомъ soi-disant «gentleman'омъ» *Самаринымъ*, тогда я теряю голову и прошу тебя торопиться. Онъ не смѣетъ смотрѣть на твои слова, какъ на пыль, ни одинъ изъ министровъ не смѣетъ такъ себя вести, послѣ того, какъ ты съ ними такъ говорилъ. Я сказала тебѣ, что С. (Самаринъ) глупъ, *нахалъ* — вспомни какъ дерзко онъ обошелся со мной въ Петергофѣ прошлымъ

лѣтомъ по поводу вопроса объ эвакуаціи и его мнѣніе о Петербургѣ въ сравненіи съ Москвой и т. д., онъ не имѣлъ права такъ говорить съ своей Императрицей — если бы онъ желалъ мнѣ добра, онъ бы сдѣлалъ все, что въ его власти, ради меня, чтобы приняться за дѣло такъ, какъ я хотѣла, и онъ бы направлялъ меня и помогалъ бы мнѣ, и это было бы большимъ и популярнымъ дѣломъ. Но я чувствовала его антагонизмъ, какъ друга С. И. И вотъ почему его предложили тебѣ, а не ради блага церкви. Я неудобна для такихъ типовъ, потому что я энергична и стою за моихъ друзей, гдѣ бы они ни были. Когда *Дума* была закрыта, то въ частномъ засѣданіи они говорили гадости насчетъ *Гр*(игорія), Ани и ея бѣднаго отца — такъ отвратительно. Развѣ это преданность, спрашиваю тебя? Покажи имъ кулакъ, накажи ихъ, будь хозиномъ и владыкой, ты *Самодержецъ*, они не смѣютъ этого забывать, и когда они это забываютъ, какъ теперь, горе имъ! Еще и еще благодарю тебя за твое милое, дорогое письмо. Мнѣ была такая радость получить его, и я его проглотила. Какъ я рада, что ты получаешь массу хорошихъ телеграммъ, это свидѣтельство и награда. Богъ тебя благословитъ, ты спасъ Россію и тронъ этимъ поступкомъ [1].

Я хотѣла бы, чтобы ты по настоящему хорошенько переговорилъ съ *Шавельскимъ* обо всемъ, что имѣло мѣсто по поводу нашего Друга — позови его къ чаю въ два часа. Аня однажды съ нимъ говорила, но у него уши были полны гадостей, и я увѣрена, что *Николаша* продолжалъ въ этомъ смыслѣ.

Ольга благодаритъ *Мордвинова* за его письмо. Я боюсь, что Миша будетъ просить титула для своей жены. Это невозможно, она уже разошлась съ двумя мужьями — а онъ твой единственный братъ. Павелъ не имѣетъ значенія [2]. Почему *Борисъ* все еще при тебѣ, онъ долженъ былъ бы вернуться въ полкъ, неправда ли? *Гр*(игорій) написалъ отчаянную телеграмму по поводу своего сына и умолялъ, чтобы его взяли въ *Св.* [3] *полкъ*. Мы сказали, что это невозможно. Аня просила *Воейкова* что нибудь сдѣлать, какъ онъ раньше обѣщалъ, и онъ отвѣтилъ, что онъ ничего не можетъ. Я понимаю, что этотъ юноша долженъ былъ быть призванъ, но его можно было бы командировать въ поѣздъ, какъ санитара или что нибудь другое — ему всегда приходилось завѣдывать Его домами въ деревнѣ, какъ единственному сыну, это конечно страшно тяжело. Хотѣлось бы помочь, не вредя *отцу* и *сыну*. Какія прелестныя телеграммы онъ [4] опять написалъ. У меня былъ старый Раухфусъ. У насъ масса *яслей* устроено въ теченіе этихъ

[1] Принятіемъ командованія.
[2] Т. е. случай съ Павломъ не можетъ считаться прецендентомъ.
[3] Сводный.
[4] Распутинъ.

трехъ мѣсяцевъ по всей Россіи для нашего общества материнства и младенчества. Это большая радость для меня видѣть, какъ всѣ это такъ быстро восприняли и поняли важность вопроса, особенно теперь надо заботиться о каждомъ новорожденномъ, такъ какъ потери такъ велики на войнѣ. Говорятъ, что гвардія опять понесла огромныя потери.

Мы ѣздили въ Павловскъ, чудный воздухъ и такъ солнечно. Великолѣпные казаки съ георгіевскими крестами сопровождаютъ насъ.

Теперь я должна кончать, мое солнышко, мой любимый, я жажду тебя, цѣлую безъ конца и крѣпко держу тебя въ своихъ объятіяхъ.

Богъ да благословитъ и охранитъ тебя, дастъ тебѣ силу, здоровье, энергію, увѣренность въ своемъ мнѣніи, мудрость и миръ.

Навсегда, мой Ники, твоя старая женка

Алиса.

Радость дѣтей по поводу твоихъ писемъ огромна. Они всѣ здоровы, слава Богу.

№ 120.

12 сентября 1915 г.

Мой любимый,

Льетъ дождь и мрачно. Я спала очень плохо, голова порядочно болитъ, я еще устала отъ Петергофа и чувствую свое сердце, ожидаю Беккеръ[1]. Какъ я хотѣла бы, чтобы наступило время, когда я могу писать только простыя милыя письма вмѣсто утомительныхъ. Но дѣла идутъ совсѣмъ не такъ, какъ бы слѣдовало, и старикъ, который пришелъ ко мнѣ вчера вечеромъ, былъ очень грустенъ. Онъ хотѣлъ бы, чтобы ты поскорѣе пріѣхалъ, хотя бы только на три дня, чтобы все увидѣть и сдѣлать нужныя перемѣны, такъ какъ онъ находитъ болѣе чѣмъ труднымъ работать съ министрами, дѣлающими оппозицію. Надо опредѣленно рѣшить — онъ либо уходитъ, либо остается, и тогда министры смѣняются, что, конечно, лучше всего. Онъ собирается послать тебѣ докладъ насчетъ печати — они дѣйствуютъ согласно приказаніямъ, которыя отдалъ Н. (Николаша) въ іюлѣ, что можно писать все, что угодно, насчетъ правительства, только не затрагивать тебя. Когда *Гор*(емыкинъ) жалуется *Щербатову*, тотъ взваливаетъ вину на *Поливанова* и обратно. Щ(ербатовъ) солгалъ тебѣ, когда сказалъ, что не будетъ напечатано то, что говорилось въ Москвѣ. Они продолжаютъ все писать. Я такъ рада, что ты отказался принять этихъ тварей, они не смѣютъ употреблять слово конституція, но они продолжаютъ ходить кругомъ и около. Воистину, это было бы гибелью Россіи, и мнѣ кажется про-

[1] Условное выраженіе.

тиворѣчило бы твоей присягѣ при коронованіи, такъ какъ ты *Самодержецъ,* слава Богу. Измѣненія должны быть сдѣланы, я не могу понять, почему старикъ противъ *Хвостова* — его дядя его не долюбливаетъ и говорятъ, что онъ человѣкъ, который думаетъ, что онъ все знаетъ. Я объяснила старику, что намъ нуженъ рѣшительный характеръ, кто нибудь, кто не боится. Онъ — въ *Думѣ,* такъ что имѣетъ то преимущество, что знаетъ всѣхъ и будетъ знать, какъ съ ними говорить и какъ охранить и защитить твое правительство. Онъ никого au fond[1] не предлагаетъ, а намъ нуженъ «человѣкъ». Онъ просилъ меня сообщить *Варнавѣ,* что онъ не долженъ появляться въ *Синодѣ,* пусть скажетъ, что онъ боленъ, это самое лучшее, хотя газеты въ ярости, что онъ не явится. Но онъ имъ все сказалъ и отвѣтилъ на все — этимъ животнымъ, я не могу ихъ назвать иначе. Если бы только ты могъ пріѣхать и сейчасъ же повидать митрополита и сказать ему, что ты запрещаешь касаться этого вопроса и что ты настаиваешь на исполненіи твоихъ приказаній. Онъ[2] плакалъ отъ отчаянія, когда *Самаринъ* былъ назначенъ, а теперь онъ совершенно въ его рукахъ — но онъ долженъ имѣть отъ тебя строгое приказаніе. Твой пріѣздъ сюда будетъ *карательной экспедиціей,* и отдыха не будетъ, бѣдная душка, но это немедленно необходимо, они продолжаютъ писать безпрерывно, но они никого не могутъ предложить. *Макаровъ* не годится. *Арсеньевъ* изъ Москвы вопилъ противъ нашего Друга. *Рогозинъ* — ненавидитъ нашего Друга. Князь *Урусовъ* (я его не знаю) — знаетъ нашего Друга, о немъ говорятъ много хорошаго. У меня голова болитъ отъ поисковъ людей, но кто бы то ни было лучше, чѣмъ *Самаринъ,* который открыто идетъ противъ тебя своимъ поведеніемъ въ *Синодѣ.*

Не можешь ли ты въ самомъ дѣлѣ поскорѣе вернуться, душка, повидимому дѣла поворачиваются къ лучшему, слава Богу, и станутъ еще лучше. Хотѣла бы знать, какія ты пропускалъ мимо себя войска. У старика назначено засѣданіе министровъ въ воскресенье, вотъ почему онъ не можетъ сегодня уѣхать. Если ты пріѣдешь въ четвергъ, онъ говоритъ, что ему не зачѣмъ раньше туда ѣхать, но мнѣ кажется, что тебѣ было бы спокойнѣе его теперь увидѣть и переговорить съ нимъ, и все приготовить къ твоему возвращенію. Онъ говоритъ, что на Сазанова жалко смотрѣть, словно «une poule mouillée»[3]. Что съ нимъ случилось? Онъ ничего не говоритъ *Гор*(емыкину), а онъ д о л ж е н ъ знать, что происходитъ. Министры никуда не годятся, и *Крив*(ошеинъ) продолжаетъ вести подземную работу — все это такъ некрасиво и неблагородно — имъ нужна твоя ж е л ѣ з н а я в о л я, которую ты по-

---

[1] Въ сущности.
[2] Митрополитъ.
[3] Мокрая курица.

кажешь, не правда ли? Ты видишь результатъ того, что ты тамъ взялъ все на себя. Ну, такъ сдѣлай тоже самое здѣсь, т. е. будь рѣшителенъ, дай имъ очень суровый репримандъ за ихъ поведеніе и за то, что они не послушались твоихъ приказаній, данныхъ здѣсь въ засѣданіи — мнѣ болѣе чѣмъ противны эти трусы. Не можетъ ли *Алекс*(ѣевъ) обойтись безъ тебя въ теченіе трехъ дней, поскорѣе отвѣть, если можешь. Ты не можешь себѣ представить, какое это отчаяніе не быть въ состояніи телеграфировать все, что хотѣлось бы и что нужно, и не получать отвѣта. У тебя нѣтъ времени, чтобы отвѣтить на мои вопросы, которыхъ цѣлая сотня, но всегда это тѣ же самые, такъ какъ они настоятельны, и моя голова утомлена отъ мыслей и отъ того, что все представляется мнѣ въ такомъ дурномъ свѣтѣ — и начинаетъ распространяться по странѣ. Эти типы всюду разглагольствуютъ противъ правительства и т. д. и сѣютъ сѣмя недовольства. Прежде, чѣмъ *Дума* соберется черезъ мѣсяцъ, нужно образовать поскорѣе новый сильный кабинетъ, такъ чтобы они имѣли время работать и приготовить все заранѣе, всѣ вмѣстѣ. Онъ предложилъ мнѣ повидать С. (Самарина), но что толку, этотъ человѣкъ никогда меня не послушаетъ и сдѣлаетъ какъ разъ наоборотъ изъ за оппозиціи и недоброжелательства. Я его также слишкомъ хорошо знаю теперь по его поведенію, которое меня не удивило, такъ какъ я знала, что онъ будетъ такой. *Гор*(емыкинъ) хочетъ, чтобы ты вернулся и все это сдѣлалъ, но не теряй времени. Тебѣ тамъ покойно, но все же, моя душка, вспомни, что ты чуточку медлителенъ въ рѣшеніяхъ, а колебаться никогда не бываетъ хорошо. Старшія дочери отправились въ лазаретъ, три младшія учатся. А. (Аня) ѣдетъ въ городъ къ Алѣ и къ своей матери до трехъ, такъ что я опять полежу до завтрака, такъ какъ сердце немного расширено, и я чувствую себя такой усталой. Теперь *Юзикъ* долженъ быть уже въ *Ставкѣ*. Правда ли, что мы опять только въ 200 в. отъ *Львова?* Должны ли мы такъ спѣшить впередъ, не лучше ли повернуться и раздавить нѣмцевъ? Какъ насчетъ Болгаріи? Имѣть ихъ съ фланга было бы болѣе чѣмъ скверно; но они, навѣрное, купили Фердинанда.

Какъ настроеніе Миши? поцѣлуй дорогого за меня. Я еще не имѣю извѣстій отъ Ольги, ея пріѣздъ былъ какъ то печаленъ — мы едва видѣли ее, она уѣхала печальной и встревоженной.

Сейчасъ я получила раздушенное письмо отъ *Ольги Палѣй* [1]. Павлу лучше — она, наконецъ, получила извѣстіе объ ихъ сынѣ. Ему потребовалась недѣля, чтобы добраться до *обоза* его полка, а теперь онъ надѣется найти полкъ. Я думаю, что уланы недалеко отъ *Барановичей.*

[1] **Жена В. Кн. Павла Александровича.**

Говорятъ про рѣку, которая тамъ поблизости, гдѣ былъ тяжелый бой — что за бои повсюду!

Макензенъ — не тотъ, котораго мы знали? Есть князь Бентгеймъ въ *Иркутскѣ* (какой то родственникъ Мари Эрбахъ). Эрни просилъ отъ имени Макса, нѣтъ ли возможности его вымѣнять, — онъ, повидимому, послѣдній изъ своей семьи, — можетъ быть кто нибуть изъ нашихъ могъ бы быть возвращенъ въ обмѣнъ. Онъ только такъ спрашиваетъ, не зная возможно ли это. Я объ этомъ сообщу *Ростовцеву.* Я сомнѣваюсь, чтобы это было возможно, если онъ не дастъ честнаго слова не сражаться болѣе противъ кого бы то ни было изъ союзниковъ. Только подъ этимъ условіемъ его можно обмѣнять. Я напишу это *Ростовцеву,* и тотъ, кого это касается, будетъ знать, что дѣлать. Я не имѣю понятія, кого можно попросить въ обмѣнъ и даже разрѣшается ли это. По вопросу о газахъ [1] Эрни также выражаетъ отвращеніе, но онъ говоритъ, что, когда онъ былъ вблизи Реймса въ началѣ сентября прошлаго года, англичане тамъ пользовались газами, а такъ какъ германская химическая индустрія лучше, они выдѣлали болѣе сильные газы. Аня была у *Всѣхъ Скорбящихъ Радости* [2] въ городѣ и привезла тебѣ этотъ образокъ. Представь себѣ наше удивленіе, вдругъ появился *Кусовъ.* Вся его кавалерія отправлена въ *Двинскъ,* и во время этого перехода онъ сюда примчался, пріѣхалъ въ городъ сегодня утромъ, вѣроятно, ѣдетъ дальше завтра, повидается съ женой и прямо въ *Двинскъ,* чтобы встрѣтить свой полкъ. У него были тяжкія потери — онъ въ отчаяніи отъ твоего Трубецкого [3], который дѣлаетъ ошибку за ошибкой, а другіе не смѣютъ ничего сказать, потому что говорятъ, что ты особенно къ нему расположенъ (въ чемъ сомнѣваюсь). Благодаря ему люди К. были окружены, потому что Юрій убралъ три баталіона пѣхоты, которые ихъ охраняли и которые ему потребовались. Но они все же пробились, только потеряли много лошадей, такъ какъ это былъ пунктъ, гдѣ лошади всѣ были собраны вмѣстѣ. Онъ довольно опредѣленно высказалъ свое мнѣніе Тр(убецкому). Онъ примчался, чтобы узнать, какъ идутъ дѣла, такъ какъ письма никогда до него не доходили, и онъ хотѣлъ обо всемъ услышать. Городъ ему уже опротивѣлъ, и онъ въ ярости по поводу «гнилой атмосферы». Онъ былъ огорченъ, что ты послалъ Михѣева, потому что онъ такъ непредставителенъ и не умѣетъ какъ слѣдуетъ всѣхъ собрать и благодарить отъ твоего имени. Онъ видѣлъ нѣкоторое время тому назадъ, какъ проходили *кабардинцы,* разспрашивалъ безъ конца, и говоритъ, что «*духъ*» въ арміи превосходенъ. Это полезно и освѣжаетъ, когда видишь такого человѣка прямо оттуда — здѣсь какъ то ржавѣешь,

[1] Ядовитыхъ.
[2] Церковь на Шпалерной.
[3] Кн. Юрій Трубецкой, бывшій начальникъ конвоя.

хотя я вполнѣ вѣрю и думаю, что все должно пойти хорошо, если только Богъ дастъ намъ надлежащій разумъ и энергію. Не находишь ли ты, что Бебинъ почеркъ становится очень милымъ и опрятнымъ? Я спокойно оставалась дома сегодня, видѣла также м-мъ Зизи. Почему *Борисъ* не со своимъ полкомъ? Три нашихъ кавалерійскихъ дивизіи получили приказаніе пробиться черезъ нѣмцевъ, онѣ это сдѣлали и теперь въ тылу. *Татьянинъ* полкъ тамъ также находится. Благословляю и цѣлую безъ конца съ сильнѣйшей любовью, моя душка, моя любовь.

Твоя старая женка.

№ 121.

Царское Село, 13 сентября 1915 г.

Мое родное сокровище,

Я рада, что у тебя хорошая погода, здѣсь настоящая осень, часъ тому назадъ было немного солнца, а теперь опять сѣрая мгла. Четыре дѣвочки были у ранней обѣдни. Пришелъ *инж.-мех.*[1] такъ что я въ его обществѣ. Итакъ, ты не можешь пріѣхать до конца недѣли, я этого боялась, такъ какъ дѣла все таки очень серьезны возлѣ *Двинска* — но какъ храбры были съ обѣихъ сторонъ. Богъ да поможетъ и укрѣпитъ наши дорогія войска. Газеты продолжаютъ изводить меня, обсуждая и плачась по поводу того, что будетъ цензура — а это слѣдовало устроить уже мѣсяцы тому назадъ. Сегодня днемъ уѣзжаетъ курьеръ въ Англію, такъ что я должна быстро воспользоваться и написать Викторіи. Это письмо я закончу попозже днемъ, какъ обыкновенно. *Сазоновъ* говоритъ, что обмѣнъ плѣнныхъ касается *Алекс*(ѣева), такъ что я не знаю, что дѣлать по вопросу о кн. Бенгеймѣ. Я не могу просить насчетъ германца (и, кажется, не раненаго или уже выздоровѣвшаго давно) — кого бы хотѣли на него промѣнять? Я рада, что ты написалъ хорошее письмо старику, оно поможетъ ему въ его трудной задачѣ. Сегодня три недѣли, что ты прибылъ въ *Ставку*. Когда Н. (Николаша) ѣдетъ въ *Тифлисъ?* Сегодня — въ газетахъ, что *Джунк*(овскій) ѣдетъ въ армію и болѣе уже не подчиненъ *Алекс*(ѣеву) по санитарнымъ вопросамъ. Милый муженекъ, я всегда въ мысляхъ съ тобой, жажду знать, какъ ты выглядишь и какъ ты себя чувствуешь. Я увѣрена — гораздо лучше, чѣмъ когда ты тутъ былъ. Я сказала тебѣ вчера насчетъ *Ю. Тр*(убецкого) для того, чтобы можно было наблюдать за нимъ, если онъ въ самомъ дѣлѣ дѣйствуетъ такъ неважно и всѣхъ ихъ путаетъ. Это не вмѣшательство. Я не хочу вмѣшиваться, я только повторяю то, что сказалъ *Кусовъ*, такъ какъ я знаю, что онъ

[1] Условное выраженіе

говоритъ мнѣ эти вещи въ надеждѣ, что я ихъ передамъ. Какія свѣдѣнія изъ Чернаго моря и Балтики?

Я пролежала день на диванѣ въ углу большой моей комнаты, и Аня мнѣ читала. Въ четыре мы пили чай, а потомъ пятеро дѣтей отправились къ Анѣ на часъ, чтобы увидѣть другихъ дѣтей. Я забралась въ постель для того, чтобы быть въ состояніи пойти въ церковь. Сегодня служба съ шести до восьми, я пойду около семи, больше я не въ силахъ, такъ какъ не могу принимать капли и чувствую себя усталой, но сердце сегодня не было расширено. Скучный день. Въ Москвѣ г-жа *Гар*(динская) находитъ, что дѣла обстоятъ лучше, чѣмъ можно было ожидать. *Петрогр*(адъ) она находитъ отвратительнымъ сейчасъ, и я думаю, всѣ согласны. Я дала Зизи записки насчетъ Іоанна Макс., какъ они нашли его гробницу, и она была благодарна и тронута, такъ какъ это ей все показалось совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, а теперь я просила Аню послать ихъ къ *О*(тцу) *Алекс*. Я хотѣла бы, чтобы другіе поняли эту вещь и дурное поведеніе *Синода*. Если они находятъ, что ты не имѣлъ права отдать такое приказаніе, во всякомъ случаѣ тѣмъ болѣе они должны были поддержать это и съ своей стороны легализовать. Вмѣсто того они умышленно воспротивились твоимъ приказаніямъ — и все это просто изъ оппозиціи, чтобы повредить *Варнавѣ* и опять выставить нашего Друга въ дурномъ свѣтѣ. Мое письмо скучно, я никого интереснаго не видѣла. Аня на недѣлю переѣзжаетъ въ большой дворецъ, чтобы комнаты ея можно было вычистить и осмотрѣть неисправные плафоны, и замазать окна на зиму. Данини долженъ за этимъ посмотрѣть. Между тѣмъ, она можетъ пройти леченіе электричествомъ и сильнымъ свѣтомъ, которое мы имѣемъ рядомъ въ лазаретѣ, и *Вл*(адиміръ) *Ник*(олаевичъ) можетъ это сдѣлать, и ея *Феодосія Степановна* тамъ тоже работаетъ и массируетъ раненыхъ офицеровъ. Прилагаю письмо отъ Ольги и посылаю тебѣ еще цвѣтовъ. Фрезія держится очень долго и каждый бутонъ откроется въ твоей вазѣ.

Листья становятся очень желтыми и красными, я это вижу изъ оконъ моей большой комнаты. Душка, ты мнѣ такъ и не отвѣтилъ насчетъ Дмитрія, почему ты его не отсылаешь въ полкъ, какъ Павелъ надѣялся? Онъ такъ волнуется по поводу того, что мальчикъ проживаетъ свои лучшіе годы и въ такой серьезный моментъ въ бездѣліи. Это не выглядитъ хорошо. Великихъ Князей нѣтъ на фронтѣ. Бѣдные Константиновичи всегда больны. Я такъ надѣюсь, что получу твое письмо прежде чѣмъ запечатаю это, такъ я отдохну и потомъ закончу его. Ну, я должна его отправить. Цѣлую и благословляю тебя еще, мое дорогое сокровище, мое солнышко.

Покрываю тебя нѣжными поцѣлуями. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя.

Нѣжные поцѣлуи отъ твоей родной старой женки.

№ 122.

14 сентября 1915 г.

Моя родная, любимая душка,

Я нашла твою дорогую телеграмму сегодня утромъ, когда встала. Я была такъ благодарна, такъ какъ тревожилась, не имѣя извѣстій цѣлый день. Такъ какъ я очень устала, то я пошла спать въ двадцать минутъ двѣнадцатаго. Твоя телеграмма была отправлена изъ *Ставки* въ 10,31 и пришла сюда въ 12,10. Слава Богу, извѣстія лучше. Но что ты сдѣлаешь для арміи, чтобы не имѣть *Ал*(ексѣева) въ качествѣ единственнаго отвѣтственнаго. Не пошлешь ли ты сюда *Иванова*, а *Щербачева* туда, чтобы замѣнить его. Ты тогда будешь спокойнѣе, и *Ал*(ексѣеву) не придется нести одному отвѣтственность. Итакъ, въ концѣ концовъ тебѣ приходится переѣхать въ *Калугу* [1] — какъ это непріятно, хотя сюда, мнѣ кажется, разстояніе меньше чѣмъ теперь. Только ты такъ далекъ отъ войскъ. Но если Ивановъ поможетъ *Алексѣеву,* то ты могъ бы прямо отсюда проѣхать повидать хотя бы нѣкоторыя войска. Что происходило на морѣ, я ничего не знаю и прочла сегодня утромъ о гибели *кап. перваго ранга С. С. Вяземскаго (геройская кончина — палъ въ бою);* офицеры и матросы *корабля* объявляютъ объ этомъ, и его тѣло привозятъ съ *Балтійскаго вокзала.* Потомъ *кап. второго ранга А. Свиньинъ* также *палъ смертью храбрыхъ.* Что все это значитъ. *Петр. Вас.* сказалъ дѣтямъ нѣсколько дней тому назадъ, что *Новикъ* былъ въ бою, но такъ какъ морскія извѣстія не помѣщаютъ въ газетахъ, я безпокоюсь, не зная, что это значитъ. Когда тебя здѣсь нѣтъ, понятно, я могу получать извѣстія только по утрамъ изъ *Новаго Времени.* Если бы было что нибудь хорошее, пошли телеграмму, такъ какъ здѣсь часто слышишь невѣрныя вѣсти, которымъ я, конечно, всѣхъ прошу не вѣрить.

Что подѣлываетъ *Воейковъ?* Я не могу забыть его сумасшествія здѣсь и отвратительнаго поведенія по отношенію къ А. (Анѣ). Постарайся, чтобы онъ тамъ не слишкомъ забиралъ все въ свои руки и не вмѣшивался бы. Такъ какъ бѣдный старый Фред(ериксъ) старъ и становится, увы, довольно глупымъ, другой съ его властолюбивымъ духомъ и честолюбіемъ, и самоувѣренностью попробуетъ выполнять обязаннюсти, которыя его не касаются. Не нужно ли тебѣ еще кого нибудь

[1] Въ виду военныхъ неудачъ возникло предположеніе о переводѣ Царской Ставки въ Калугу.

другого для иностранцевъ или депутацій, или для отдачи приказаній, которыхъ ты не имѣешь времени самъ отдавать — генералъ-адъютантъ или что нибудь въ этомъ родѣ? Отдѣлался ли ты тамъ отъ безполезныхъ людей? Я рада, что Борисъ опять вернулся. Я надѣюсь, что онъ можетъ достать списки потерь, такъ какъ жены очень волнуются.

Говорятъ, что Лейхтенб(ергскій)[1] раненъ. Я не помню, какимъ полкомъ онъ командовалъ, но нервничаютъ особенно Преображенскія дамы. Хотѣла бы знать, какія части ты видѣлъ въ послѣдній разъ. Теперь старикъ съ тобой. Это глупо, что когда онъ приходитъ ко мнѣ, объ этомъ печатаютъ, это узнается въ городѣ, тогда какъ здѣсь даже мои близкіе объ этомъ не знаютъ, — и вотъ сердятся, что я вмѣшиваюсь — но это мой долгъ помогать тебѣ. Даже въ этомъ меня обвиняютъ милые министры и общество, которое все критикуетъ, а сами занимаются вещами, которыя ихъ совершенно не касаются. Таковъ этотъ міръ, не возбуждающій восхищенія! Все же я увѣрена, что ты слышишь гораздо меньше сплетенъ въ *Ставкѣ,* и я благодарю Бога за это. Церковь началась вчера въ шесть и до восьми. Я съ Беби пришла въ семь съ четвертью.

Я плохо спала, устала и голова порядочно болитъ, и я остаюсь въ постели до завтрака. Павелъ просилъ разрѣшенія придти къ чаю.

О, мой дорогой, благодарю и еще благодарю тебя такъ нѣжно за твое милое письмо отъ одиннадцатаго. Я его получила съ глубочайшей благодарностью и съ радостью. Я его цѣловала еще и еще и читала Богъ знаетъ сколько разъ. Да, въ самомъ дѣлѣ, когда придетъ счастливая минута, когда мы будемъ уютно сидѣть вмѣстѣ въ моей сиреневой комнатѣ! Мы продолжаемъ пить чай въ большой комнатѣ, хотя, когда Павелъ въ шесть съ четвертью ушелъ, уже было совсѣмъ темно.

Да, насчетъ перемѣны министровъ. Въ поѣздѣ *Кусовъ* ѣхалъ съ *Щербатовымъ,* и онъ назвалъ старика «*сумасшедшій старикъ*» — это заходитъ слишкомъ далеко. Нѣкоторые въ *Думѣ* хотятъ Щ(ербатова) на мѣсто *Гор*(емыкина). Я это понимаю, такъ какъ они въ такомъ случаѣ сдѣлали бы съ нимъ все, что хотѣли бы.

Павелъ былъ возмущенъ тѣмъ, что происходило въ Москвѣ и намѣреніемъ депутаціи представиться тебѣ.

За письмо старухи большое спасибо — оно мнѣ очень понравилось. Я его читала вслухъ Анѣ. Павлу не нравится *Мрозовскій.* Онъ сказалъ, что онъ такой *хамъ,* онъ помнитъ его со времени своей службы — я помню, что онъ разъ накричалъ на *Гвардейскій экипажъ,* потому что одинъ нижній чинъ не могъ наизусть сказать слова гимна, и потомъ бѣдныя гренадерскія дивизіи такъ мало отличились въ этой войнѣ.

[1] Герцогъ Николай Николаевичъ Л.

Правда ли, что *Куропаткинъ* ихъ получилъ или это сплетни? Какъ то онъ окажется на этотъ разъ. Дай Богъ, чтобы хорошо — на менѣе высокомъ мѣстѣ можетъ быть пойдетъ лучше. Павелъ спрашивалъ почему Н. (Николаша) все еще здѣсь и правда ли, что ты написалъ ему, чтобы онъ отдохнулъ на Кавказѣ въ Боржомѣ. Я отвѣтила утвердительно и сказала, что ты позволилъ ему провести десять дней въ *Першинѣ*[1]. Душка моя, вели ему поскорѣе ѣхать на югъ, всякаго рода дурные элементы собираются вокругъ него и стараются воспользоваться имъ, какъ своимъ знаменемъ. Богъ этого не позволитъ. Но вѣрнѣе, чтобы онъ поскорѣе былъ на Кавказѣ, и ты вѣдь сказалъ десять дней, а завтра будетъ три недѣли, что онъ уѣхалъ изъ *Ставки*. Будь твердъ въ этомъ также, пожалуйста. Я такъ рада, что Павелъ понялъ игру, которую Н. (Николаша) хотѣлъ играть — онъ въ ярости по поводу того, какъ адъютанты Николаши разговариваютъ. Я рада, что ты объяснилъ все В. (Воейкову) — онъ такъ упрямъ и самонадѣянъ, и другъ *Щербатова*. Какъ я счастлива, что ты видѣлъ артиллерію — какая награда для нихъ. Оставь еще Мишу при себѣ, пожалуйста. Павелъ еще разъ повторилъ, что онъ искренно надѣется, что ты отправишь Д(митрія) въ его полкъ, онъ находитъ, что та жизнь, которую онъ теперь ведетъ, его губитъ, такъ какъ ему абсолютно нечего дѣлать, и даромъ тратитъ время, что совершенно вѣрно.

Если когда либо ты получишь извѣстіе о гусарахъ, сообщи мнѣ, такъ какъ Павелъ тревожится. Его сынъ теперь въ полку. Павелъ поправился, но онъ очень слабъ, худъ и блѣденъ. Старая *тетя Саша*[2] пріѣхала въ городъ и будетъ пить чай съ нами въ среду. Ксенія и Сандро завтракаютъ съ нами въ этотъ день также.

Сегодняшнія извѣстія о нашихъ союзникахъ, если только они правдивы — чудесны. Слава Богу, что они теперь начинаютъ работать, это было трудное время. Взять 24 орудія и 1000 плѣнныхъ — это совсѣмъ великолѣпно. Я нахожу, что это такъ плохо, что министры не держатъ при себѣ всѣ сужденія, которыя происходятъ въ *Совѣтѣ министровъ*. Разъ вопросы рѣшены — тогда можно все о нихъ узнать. Но наша необразованная, — хотя она считаетъ себя интеллигентной — публика все читаетъ, понимаетъ только четвертую часть и потомъ начинаетъ обо всемъ разсуждать, а газеты всѣмъ недовольны — чортъ бы ихъ побралъ.

Михенъ писала, навѣдываясь опять насчетъ Плото[3], не сдѣлано ли чего либо, — я прямо тебѣ надоѣдаю. Въ миломъ *Петроградѣ* говорятъ, что ты тутъ былъ нѣсколько дней, а теперь, — что *Гр*(игорій) въ

[1] Имѣніе Николая Николаевича въ Тульской губ.
[2] В. Княгиня Александра Іосифовна.
[3] Нѣмецкій офицеръ, арестованный въ Ковелѣ, см. выше

Ставкѣ — они въ самомъ дѣлѣ все больше и больше дурѣютъ, и я жалѣю тебя, когда ты вернешься, но мы будемъ безумно рады твоему возвращенію, какъ бы ни было коротко твое пребываніе здѣсь — только бы слышать твой дорогой голосъ, видѣть твое милое лицо и долго, долго держать тебя въ моихъ любящихъ объятіяхъ. У меня болятъ голова и глаза, такъ что больше не могу писать. Прощай, моя душка, Ники дорогой! Богъ да охранитъ и защититъ тебя отъ всякаго зла. Осыпаю тебя поцѣлуями, навсегда твоя старая женка

Аликсъ.

Я чувствую себя совсѣмъ печальной безъ нашего лазарета, гдѣ я не была уже съ четверга.

Аня переѣхала въ большой дворецъ. Душка, посылаешь ли ты чиновъ своей свиты на фабрики. Пожалуйста, не забудь этого.

Мои *Александровцы* возлѣ *Двинска* и понесли довольно тяжкія потери.

Дѣти всѣ тебя цѣлуютъ, Мари въ восторгѣ отъ твоего письма. *Юзикъ* вовсе не поѣхалъ въ *Ставку*, это вообразили дѣти.

Мнѣ нравится исторія о томъ, какъ охотились за нѣмцами возлѣ *Орши*. Наши казаки ихъ бы довольно скоро нашли. Собираются ли они опять дѣйствовать противъ Риги? Душка моя, я жажду тебя, такъ жажду, моя дорогая. Твои письма и телеграммы теперь моя жизнь. Цѣлую дорогого Мишу, Дмитрія.

Привѣтъ старику и Н. П.

Обдумай насчетъ *Иванова*, мой милый — я чувствую, что ты былъ бы спокойнѣе, если бы онъ былъ съ Алексѣевымъ въ *Ставкѣ*, и ты былъ бы свободнѣе въ своихъ движеніяхъ. А когда ты будешь подольше въ *Ставкѣ*, онъ могъ бы объѣхать все и все осмотрѣть и сообщить тебѣ, какъ идутъ дѣла, и затѣмъ присматривать, и его присутствіе вездѣ было бы полезно. Благословляю и цѣлую тебя.

№ 123.

15 сентября 1915 г.

Моя дорогая душка,

Сѣро и дождь идетъ, и совсѣмъ холодно. Я все еще чувствую себя неважно, и голова продолжаетъ нѣсколько болѣть — тѣмъ не менѣе у меня засѣданіе по вопросу о нашихъ плѣнныхъ въ Германіи. Частное общество, дѣйствующее по всей Россіи, теперь начало этимъ заниматься, побуждаемое *Суворинымъ*, такъ какъ онъ находитъ, что князь Голицынъ не работаетъ достаточно; — мнѣ эта идея не нравится, такъ какъ это придумали только, чтобы мнѣ мѣшать, вмѣсто того, чтобы просить принять участіе въ моемъ обществѣ. Не чувствуя себя здоровой, я была не въ

состоянiи пойти на панихиду по старомъ *Арсеньевѣ*[1], но буду или завтра вечеромъ на *выносъ* и *парастазъ*[2] въ *Знаменьи*, или на похоронахъ тамъ во вторникъ утромъ. Я послала цвѣточный крестъ отъ насъ обоихъ и написала бѣдной маленькой Наденькѣ, и послала выраженiе твоего соболѣзнованiя ея братьямъ. Съ нимъ умираетъ кусочекъ старой исторiи. Я сейчасъ же передала твое приказанiе насчетъ бумагъ и писемъ, которыя у него были и которыя принадлежали твоей библiотекѣ. Сегодня было въ газетахъ по поводу морскихъ потерь, и теперь я все понимаю. И какъ хорошо, что французы и англичане, наконецъ, начали — съ успѣхомъ! Пусть они такъ продолжаютъ — это соотвѣтствуетъ ихъ обѣщанiю въ сентябрѣ. Но какое упорное сраженiе съ нашей стороны! Чувство отчаянiя вызываетъ это взятiе вновь и вновь тѣхъ же самыхъ мѣстъ и позицiй нѣсколько разъ подрядъ. Грустно, что тебѣ придется переѣхать въ Калугу. Это такой большой городъ и еще дальше — но я думаю это изъ за желѣзнодорожныхъ линiй? Какъ странно, что ты жилъ въ разныхъ мѣстахъ, и столько тамъ пережилъ, и что я этихъ мѣстъ не знаю и не принимала участiя въ твоей жизни тамъ. Душка, нельзя ли было бы наблюдать за тѣмъ, что происходитъ въ *Першино*[3], оттуда приходятъ дурные слухи.

Какъ я хотѣла бы имѣть возможность разсказать тебѣ что нибудь интересное и ободряющее вмѣсто того, чтобы всегда возвращаться къ тому же вопросу.

Не забудь опять подержать образокъ въ твоей рукѣ и нѣсколько разъ причесать волосы Его гребенкой передъ засѣданiемъ министровъ[4]. Ахъ, какъ я буду думать о тебѣ и молиться за тебя болѣе, чѣмъ когда либо, любимый мой. Аня шлетъ тебѣ привѣтъ. Говорятъ, что Тео *込Нидродъ*[5] оставилъ службу, чтобы остаться при Н. (Николашѣ). Я нахожу, что онъ беретъ съ собой слишкомъ большую свиту, адъютантовъ, твоихъ генералъ-адъютантовъ и Орлова. Не хорошо прiѣзжать съ такимъ дворомъ и свитой, и я очень боюсь, что они постараются продолжать заваривать кашу — дай Богъ только, чтобы ничего не удалось на Кавказѣ, чтобы народъ тамъ показаалъ тебѣ свою преданность и не далъ имъ разыграть крупную роль. Я боюсь Милицы[6] и ея злобы, — но Богъ поможетъ противъ зла.

Ну, засѣданiе прошло благополучно, было десять человѣкъ. Я взяла съ собой Ольгу, чтобы посидѣть рядомъ со мной, она тогда

[1] Адмиралъ, былъ долгiе годы начальникомъ Морского корпуса.
[2] Особая, очень продолжительная, надгробная служба.
[3] См. выше.
[4] См. выше.
[5] Флигель-адъютантъ, б. офицеръ л. гв. коннаго полка.
[6] Черногорки, жены В. Кн. Петра Николаевича.

болѣе привыкнетъ видѣть людей и слышать, что происходитъ. Она умное дитя, но недостаточно упражняетъ свои мозги. До этого у меня былъ Кусовъ на часъ времени, онъ не хотѣлъ уѣхать, не повидавшись еще разъ со мной.

Ему городъ опротивѣлъ, и онъ такъ всѣмъ огорченъ, — мое имя всегда упоминается, будто я убрала О(Орлова) и *Джунк(*овскаго) изъ за нашего Др(уга) и т. д. Онъ проситъ имѣть постоянно глазъ за тѣмъ, что происходитъ на Кавказѣ, чтобы они тамъ не испортили всего, и проситъ посылать людей отъ времени до времени, чтобы «нюхать воздухъ» — видно что, конечно, очень дурного мнѣнія о всѣхъ ихъ. *Щ*(ербатовъ) сказалъ ему въ поѣздѣ, что *Гор(*емыкинъ) *Рыхлый старикъ* (не «сумашедшій», какъ сказала Аня)[1] и что онъ находитъ, что нужно дѣлать *уступки,* на что К(Кусовъ) ему отвѣтилъ, что это было бы крайне опасно, такъ какъ дашь палецъ, а захватятъ всю руку. Публика хочетъ *Щ.* (ербатова) вмѣсто *Гор(*емыкина). Я ихъ понимаю, такъ какъ онъ слабъ и можно дѣлать все, что угодно и, увы, онъ настоящій флюгеръ. Бенкендорфъ сообщилъ мнѣ, что онъ посылаетъ Гебеля въ Москву по случаю déménagement[2], — это, вѣроятно, касается твоего переѣзда. Какъ грустно, что ты въ самомъ дѣлѣ долженъ быть такъ далеко и близко къ этой гнилой Москвѣ. Аня поѣхала въ городъ къ своимъ родителямъ до пяти, она взяла Гротена къ *Нат. Бр.*[3], и назадъ. Ему было пріятно перемѣнить воздухъ послѣ больничной комнаты. Я такъ тревожусь, какъ будетъ съ министрами. Теперь ты не можешь ихъ смѣнить, разъ они туда поѣхали, а это такъ существенно, только ты долженъ сперва приглядѣться къ другимъ, пожалуйста не забудь *Хвостова.*

Ты знаешь, мой комитетъ долженъ будетъ испросить у правительства крупныя суммы для нашихъ плѣнныхъ, у насъ никогда не будетъ достаточно денегъ, и расходъ, увы, дойдетъ до нѣсколькихъ милліоновъ, это крайне необходимо, ибо иначе дурные элементы этимъ воспользуются и скажутъ, что мы о нихъ не думаемъ, что они забыты, и ихъ заразятъ разными гадостями, такъ какъ среди нашихъ плѣнныхъ, навѣрное, есть много испорченной красной дряни.

Организ.(ація) *Союза Город(*овъ) также образуетъ общество для той же цѣли. Это выходитъ уже три — мы должны быть съ ними въ контактѣ. Они берутъ все въ руки для того, чтобы потомъ сказать, что правительство ничего не дѣлаетъ, а они все, тоже самое для раненыхъ и бѣженцевъ. Они лѣзутъ и помогаютъ всюду, а за ихъ делегатами надо присматривать.

---

[1] См. выше.
[2] Переѣзда.
[3] Нат. Серг. Брасова, жена В. Кн. Михаила Александровича.

Теперь прощай, моя любовь, я устала, голова и глаза болятъ.

Прощай, дорогой, любимый, милый мой мужъ, радость моего сердца — покрываю тебя нѣжными, жадными поцѣлуями.

Всегда твоя старая женка.

Пожалуйста, передай прилагаемое письмо Мишѣ.

Привѣтъ старику и Н. П. Какъ ты доволенъ *Вильной, Двинскомъ* и *Барановичами* — идетъ ли все такъ, какъ ты хочешь? Спи хорошо и чувствуй мое нѣжное присутствіе.

№ 124. 16 сентября 1915 г.

Моя любимая душка,

Шлю тебѣ столько нѣжныхъ поцѣлуевъ и благодарности за твое драгоцѣнное письмо. Ахъ, какъ я люблю получать отъ тебя извѣстія, еще и еще разъ перечитываю я твои письма и цѣлую ихъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ ты скоро будешь съ нами? Это кажется слишкомъ большимъ счастіемъ, чтобы этому повѣрить. Тогда будетъ четыре недѣли, что мы разстались, — рѣдкая вещь въ нашей жизни. Намъ въ этомъ отношеніи такъ везло, и поэтому еще сильнѣе ощущаешь разлуку. И теперь, когда времена такія тяжкія и столько испытаній, я совсѣмъ особенно хочу быть около тебя, съ моей любовью и нѣжностью, чтобы ободрять тебя, давать тебѣ мужество и поддерживать тебя въ твоей рѣшимости и энергіи. Богъ да поможетъ тебѣ, мой любимый, найти правильный выходъ во всѣхъ трудныхъ вопросахъ, — это моя постоянная усердная молитва. Но я вполнѣ вѣрю словамъ нашего Друга, что слава твоего царствованія приходитъ съ тѣхъ поръ, какъ ты твердо держишься своего рѣшенія противъ общаго желанія, и мы видимъ хорошіе результаты. Продолжай такъ, полный энергіи и мудрости, чувствуя себя увѣреннѣе въ себѣ и меньше обращая вниманія на совѣты другихъ. *Воейковъ* не выросъ въ моемъ мнѣніи въ это лѣто, я считала его умнѣе и менѣе боязливымъ. Онъ никогда не былъ моей слабостью, но я цѣню его практическій умъ, для простыхъ вещей и для поддержанія порядка. Но онъ слишкомъ самоувѣренъ, и это всегда сердило меня и его тещу. Все это должно было послужить для него хорошимъ урокомъ, будемъ надѣяться. Только онъ слишкомъ держится *Щерб*(атова), который круглый нуль, хотя онъ, можетъ быть, пріятный человѣкъ, — но я боюсь, что онъ и *Самаринъ* заодно. Сердцемъ и душой я буду молиться за тебя — чтобы засѣданіе прошло благополучно. Они прошлый разъ довели меня до сумасшествія, и когда я посмотрѣла въ окно, мнѣ не понравились ихъ лица, и я еще и еще разъ благословила тебя издали. Богъ да подастъ тебѣ силу, мудрость и способности

произвести на нихъ впечатлѣніе и заставить ихъ понять, какъ дурно они исполняютъ твои приказанія за эти три недѣли. Теперь ты, вѣдь, хозяинъ, а не *Гучковъ, Щербатовъ, Кривошеинъ, Николай III* (какъ нѣкоторые осмѣливаются называть Николашу), *Родзянко, Суворинъ*, они ничто, а ты все, *помазанникъ Божій*.

Я такъ счастлива, что Миша съ тобой, вотъ почему я должна была ему написать — это твой родной братъ, это какъ разъ его мѣсто, и чѣмъ дольше онъ будетъ съ тобой, вдали отъ ея[1] дурного вліянія, ты заставишь его смотрѣть на вещи твоими глазами. Говори съ нимъ часто про Ольгу, когда вы вмѣстѣ гуляете. Не давай ему дурно думать о ней[2]. Такъ какъ у тебя много дѣла, скажи ему просто, чтобы онъ вмѣсто тебя написалъ ей и разсказалъ ей про тебя — это можетъ разбить ледъ между ними. Скажи это совсѣмъ естественно, какъ будто ты никогда не представлялъ себѣ, чтобы могло быть иначе. Я надѣюсь, что онъ, наконецъ, хорошъ съ милымъ *Мордвиновымъ* и не обрываетъ этого преданнаго, любящаго человѣка, который нѣжно его любитъ.

Я такъ хотѣла бы знать, что писали англичане послѣ того, какъ ты взялъ на себя командованіе. Я не вижу англійскихъ газетъ, такъ что не имѣю никакого представленія. Они и французы въ самомъ дѣлѣ, повидимому, продолжаютъ наступать; слава Богу, что они, наконецъ, начали, и будемъ надѣяться, что это оттянетъ часть войскъ съ нашего фронта. Въ концѣ концовъ колоссально то, что приходится дѣлать нѣмцамъ, и нельзя достаточно восхищаться тѣмъ, какъ хорошо и систематично все у нихъ организовано — если бы наша «машина» работала также хорошо, какъ ихъ машина, которая задолго тренирована и подготовлена, и если бы у насъ было то же количество дорогъ, война, навѣрное, уже была бы кончена. Наши генералы недостаточно подготовлены, хотя многіе были на японской войнѣ, а между тѣмъ нѣмцы не были на войнѣ уже Богъ знаетъ сколько времени. Какъ много вещей, которымъ надо научиться отъ нихъ, что хорошо и полезно для нашего народа, а отъ другихъ вещей приходится отворачиваться съ отвращеніемъ. Въ газетахъ было мало извѣстій, и ты телеграфировалъ прошлой ночью, что извѣстія хороши, такъ что это значитъ, что мы твердо держимся и не подпускаемъ ихъ. Сегодня утромъ девять градусовъ, сѣро и дождливо, не заманчивая погода. Наденька Арсеньева будетъ у меня сегодня утромъ, — бѣдняжка, она была такъ тронута моимъ письмомъ и твоимъ сочувствіемъ, которое я всѣмъ передала, что она просила меня принять ее, такъ какъ никто такъ сердечно ей не написалъ. Бѣдняжка, глупенькая, что будетъ съ ней и съ ея братомъ,

[1] Графини Брасовой.

[2] Повидимому, между братомъ и сестрой произошло охлажденіе.

и со всѣми ихъ старыми няньками и гувернантками? Ея отецъ былъ для нея въ жизни все.

Всѣ мои мысли съ тобой, душка, и эти ненавистные министры, чья оппозиція приводитъ меня въ ярость. Богъ да поможетъ тебѣ воздѣйствовать на нихъ твоей твердостью и знаніемъ положенія и твоимъ рѣшительнымъ порицаніемъ ихъ поведенія — которое въ такой моментъ ничто иное, какъ предательство. Но лично я думаю, что ты вынужденъ будешь смѣнить *Щ*(ербатова) и С(амарина), можетъ быть, длинноносаго С(азонова), также и *Кр*(ивошеина). Они не могутъ измѣниться, и ты не можешь держать такихъ типовъ для борьбы противъ новой *Думы*.

Какъ утомительны всѣ эти вопросы, — войны вѣдь совсѣмъ достаточно и тѣхъ страданій, которыя она принесла, и теперь приходится думать и работать для того, чтобы все поправить и смотрѣть за тѣмъ, чтобы ни въ чемъ не нуждались войска, раненые, увѣчные, семьи и *бѣженцы*. Я буду съ нетерпѣніемъ ожидать телеграммы отъ тебя, хотя ты не будешь въ состояніи многое въ ней сказать.

Я рада, что мои длинныя письма тебѣ не надоѣдаютъ и что тебѣ уютно читать ихъ. Я не могу не разговаривать съ тобой, хотя бы на бумагѣ, иначе было бы слишкомъ тяжко, — эта разлука, и все остальное, что меня волнуетъ.

Гр(игорій) телеграфировалъ, что *Суслику* нужно возвращаться, и затѣмъ далъ намъ понять, что *Хвостовъ* былъ бы хорошъ. Ты помнишь, онъ разъ былъ, чтобы повидать его (я думаю по твоему желанію) въ *Н. Новг.* (Нижнемъ Новгородѣ [1]) — я такъ хотѣла бы, чтобы наконецъ дѣла пошли лучше, и чтобы ты почувствовалъ, что ты можешь совсѣмъ отдаться войнѣ и ея интересамъ. Что ты думаешь по поводу того, что я тебѣ писала насчетъ *Иванова*, какъ помощника, такъ чтобы *Ал*(ексѣевъ) не несъ всей отвѣтственности, когда ты разъѣзжаешь туда и сюда или инспектируешь войска, я хотѣла бы, чтобы ты скоро могъ это дѣлать, — en passant, безъ подготовки, на моторѣ, изъ какого нибудь болѣе крупнаго мѣста — никто не обратитъ вниманія на два мотора или даже на три, и ты могъ бы порадовать свое и ихъ сердце. Ксенія и *Сандро* завтракаютъ, *тетя Саша* будетъ къ чаю, а потомъ я думаю, что я должна отправиться на *выносъ тѣла Арс*(еньева), такъ какъ это не долго, а потомъ завтра — на похороны въ *Знам*(енье).

Я такъ рада, что цвѣты приходятъ свѣжими — они придаютъ столько веселости комнатѣ и они прямо берутся изъ вазъ, вмѣстѣ со всей моей любовью и нѣжностью.

---

[1] Въ бытность А. Н. Хвостова нижегородскимъ губернаторомъ Распутинъ пріѣзжалъ съ нимъ познакомиться, чтобы опредѣлить пригодность его для поста мин. вн. д.

Я хотѣла-бы знать, спросилъ-ли ты у *Шерб*(атова), что онъ имѣлъ въ виду, когда говорилъ тебѣ, что въ газетахъ ничего не будетъ напечатано по поводу рѣчей въ Москвѣ, а между тѣмъ онѣ писали все, что хотѣли. Вотъ трусъ!

Я выбираю фотографіи, которыя я сдѣлала, чтобы напечатать альбомъ на Рождество (какъ тетя *Алекс*(андра)[1] для благотворительности, и я думаю, что онъ будетъ хорошо продаваться, такъ какъ маленькіе альбомы съ моими снимками сразу были распроданы прошлымъ лѣтомъ здѣсь и въ Крыму.

Я ѣздила кататься въ Павловскъ съ А. (Анастасіей), М. (Маріей) и А. (Аней). Погода была очаровательная, сіяло солнце, и все блестѣло, какъ золото. Настоящее удовольствіе такая погода. Сперва я поставила свѣчи передъ образомъ Богоматери и Св. *Николая* въ *Знаменьи* и горячо молилась за тебя. Церковь убирали, были поставлены пальмы и постланы синіе ковры для бѣднаго *Арсеньева*.. *Тетя Саша* пила чай и много болтала, никого не бранила, я не могла долго быть съ ней, такъ какъ хотѣла отправиться съ Ольгой на *Выносъ*. Конечно, изъ за старухи мы опоздали: его какъ разъ выносили, такъ что мы съ Наденькой сопровождали тѣло до улицы и, когда гробъ былъ поставленъ на колесницу, мы отправились домой, такъ какъ завтра я иду на похороны. *Степановъ*[2] (Элла его послала), Скарятинъ, ея старый братъ, были тамъ, Балашевъ, оба сына, *Бенкендорфъ*, *Путятинъ*, *Небольсинъ* и два офицера изъ Морского корпуса. Наденька была у меня утромъ — много говорила и не плакала, была очень сердечна и признательна. Она проситъ тебя, не могла ли бы она продолжать жить въ маленькомъ домѣ со своимъ бѣднымъ братомъ, такъ какъ они жили тамъ такъ долго со своими родителями и ихъ могилы въ Царскомъ. Можетъ быть, это можно было бы сдѣлать, по крайней мѣрѣ для настоящаго времени, какъ ты думаешь? Элла писала и проситъ, чтобы я тебѣ передала, какъ много она думаетъ о тебѣ и съ какой любовью и постоянными молитвами. Я посылаю тебѣ отъ нея бумагу, прочти ее и выясни правду, пожалуйста. Воейковъ можетъ это сдѣлать, или еще лучше кто нибудь изъ твоего новаго штаба. Бумагу мнѣ не надо возвращать.

Какъ хотѣлось бы вмѣстѣ куда нибудь улетѣть и обо всемъ забыть — по временамъ чувствуешь себя такой утомленной, мой *Духъ бодръ*, но мнѣ такъ противно все, что говорятъ. Я боюсь, что *Гадонъ*[3] играетъ

---

[1] Вдовствующая Королева Англійская издала такой альбомъ въ 1915 г. и еще нѣсколько разъ.

[2] Генералъ, состоявшій при В. Кн. Елизаветѣ Ѳеодоровнѣ.

[3] Бывшій преображенецъ, приближенный В. Кн. Сергѣя Александровича, въ то время состоявшій при Имп. Маріи Федоровичѣ.

скверную роль на Елагинѣ, потому что говорятъ, что тамъ ужасные разговоры противъ нашего Друга — старая М-me *Орлова* это слышала. Она знаетъ дамъ, которыя тамъ бываютъ. Когда ты увидишь бѣдную мамашу, ты долженъ довольно рѣзко ей сказать, какъ ты огорченъ, что она слушаетъ клевету и не останавливаетъ ее, такъ какъ это вредно, и другія, я увѣрена, были бы въ восторгѣ возстановить ее противъ меня — люди такъ низки! Какъ я хотѣла бы, чтобы Миша могъ въ этомъ помочь. Дорогой мой, мы встрѣтили нѣсколькихъ казаковъ верхами въ П. (Павловскѣ), и мнѣ они были пріятны не только сами по себѣ, но потому, что они видѣли и охраняли тебя и были въ бою.

Любимый мой, я должна кончать, Богъ всемогущій да охранитъ тебя и направитъ теперь и всегда.

Цѣлую тебя съ безконечной нѣжностью и бездонной любовью. Всегда твоя собственная «Солнишко».

Ксенія выглядитъ лучше, они ничего интереснаго не разсказали.

Я такъ безпокоюсь, какъ все сошло.

№ 125. 17 сентября 1915 г.

Мой любимый, душка,

Я съ чувствомъ огромнаго успокоенія получила твою дорогую телеграмму съ сообщеніемъ, что засѣданіе[1] прошло благополучно и что ты твердо выразилъ имъ въ лицо свое мнѣніе. Богъ да вознаградитъ тебя за это, мое сокровище. Ты не можешь себѣ представить, какъ тяжело не быть съ тобой, возлѣ тебя въ такое время, не зная о чемъ говорятъ и слыша здѣсь такіе ужасы.

Дорогой, *Хвостовъ* опять былъ у А. (Ани) и умолялъ, чтобы я его приняла, такъ что я это сдѣлаю сегодня. Изъ всего, что онъ ей сказалъ, видно, что онъ насквозь понимаетъ положеніе и что съ ловкостью и умомъ, онъ думаетъ, можно было бы все опять поправить. Онъ знаетъ, что его дядя и *Горемыкинъ* противъ него, т. е. они боятся его, такъ какъ онъ очень энергиченъ. Но онъ выше всего преданъ тебѣ и потому предлагаетъ тебѣ свои услуги, чтобы ты его испробовалъ и убѣдился, можетъ ли онъ помочь. Онъ очень уважаетъ старика и не пошелъ бы противъ него. Уже разъ теперь онъ остановилъ во время вопросъ въ *Думѣ* насчетъ нашего Друга — теперь они намѣреваются вновь поднять этотъ вопросъ, однимъ изъ первыхъ. С. (Самаринъ) и Щ. (Щербатовъ) столько распространяютъ насчетъ *Гр*(игорія), и *Щербатовъ* показывалъ твои телеграммы, телеграммы нашего Друга и *Варнавы* цѣлой массѣ народа (насчетъ *Іоанна Макс.)*. Вообрази только гнусность такого поступка — частныя телеграммы! Это сказалъ

[1] Засѣданіе Совѣта Министровъ.

Хвост(овъ) и *Варн*(ава) тоже. Какъ они смѣли взять телеграммы, когда люди на телеграфѣ должны присягать, — слѣдовательно это дошло еще раньше черезъ *Джунк*(овскаго), губернатора, *Щерб*(атова) и *Сам*(арина) (какъ разъ то, что уже говорилъ мнѣ *Варн*(ава). Онъ все это остановитъ, онъ знаетъ всѣ партіи въ *Думѣ* и будетъ умѣть съ ними разговаривать. Онъ предлагаетъ своего дядю (министра юстиціи) на мѣсто *Самарина,* такъ какъ онъ очень религіозный человѣкъ и много знаетъ о церкви, а на его мѣсто *сенатора Крашенинникова,* котораго ты послалъ въ Москву для разслѣдованія, — говорятъ, что всѣ его очень хвалятъ. Теперь, что *Гр*(игорій) даетъ совѣты *Хвостову,* я чувствую, что *это правильно,* и поэтому я съ нимъ повидаюсь. Его ужасно поразило, когда онъ прочелъ въ вечернихъ газетахъ, что *Крыжановскій* (такъ ли я пишу имя?) уѣхалъ въ *Ставку.* Онъ очень скверный человѣкъ, и ты его всегда терпѣть не могъ, и я такъ сказала старику. Не дай Богъ, чтобы онъ опять посовѣтовалъ его взять.

Просмотрѣлъ ли ты книгу *Хвост*(ова)? Какъ только тебѣ будетъ возможно, пріѣзжай и поскорѣе сдѣлай всѣ перемѣны. Они будутъ продолжать работать противъ нашего Друга, и это большое зло. Онъ[1] не будетъ дѣйствовать по отношенію къ прессѣ — «и нашимъ и вашимъ», какъ Щ. (Щербатовъ), но будетъ наблюдать за ней и, когда нужно будетъ, не пропуститъ неправильныхъ статей. Меня сводитъ сума, что я не знаю, что̀ ты думаешь и что̀ рѣшаешь. Это крестъ переживать вдалекѣ эту тревогу. И можетъ быть ты не дѣлаешь никакихъ перемѣнъ до своего возрашенія, а я напрасно волнуюсь. Только протелеграфируй одно слово, чтобы меня успокоить. Если пока̀ ты не мѣняешь министровъ — просто телеграфируй «пока безъ перемѣнъ», и если ты думаешь о *Хвостовѣ* скажи «я помню хвостъ», а если нѣтъ — «мнѣ не нуженъ хвостъ», но дай Богъ, чтобы ты о немъ былъ хорошаго мнѣнія — поэтому я его принимаю, такъ какъ онъ проситъ поскорѣе, — почему онъ вѣритъ въ мой разумъ и въ мою помощь, я не знаю, это только показываетъ, что онъ хочетъ послужить тебѣ и твоей династіи, борясь съ этими разбойниками и крикунами. Ахъ, любовь моя, какъ ты мнѣ дорогъ, какъ я безконечно жажду помочь и по настоящему быть полезной. Я такъ молю Бога сдѣлать меня твоимъ ангеломъ хранителемъ и помощницей во всемъ. Нѣкоторые на меня такъ и смотрятъ сейчасъ — а другіе не находятъ достаточныхъ гадостей, чтобы обо мнѣ разсказать. Нѣкоторые боятся, что я вмѣшиваюсь въ государственныя дѣла (министры), а другіе смотрятъ на меня, какъ на ту, которая должна помочь, разъ тебя здѣсь нѣтъ *(Андрон*(никовъ),

[1] Хвостовъ.

Хвост(овъ), *Варн*(ава) и нѣкоторые другіе) — это показываетъ, кто преданъ тебѣ въ настоящемъ смыслѣ слова, — они будутъ меня искать, другіе будутъ меня избѣгать — неправда ли, душка?

Прочти тридцать шестой псаломъ, онъ такъ прекрасенъ и укрѣпляетъ и утѣшаетъ. Ахъ, я люблю мою душку такъ, такъ, такъ сильно.

Только шесть градусовъ, но такое великолѣпное солнечное утро настоящій даръ Бога. Я спала средне, заснула только послѣ трехъ, и меня преслѣдовали мысли: Почему выбрали *Калугу*, такъ далеко на югѣ? Проѣзжаешь ли ты черезъ *Псковъ* по дорогѣ сюда, такъ чтобы видѣть *Рузскаго* и, можетъ быть, нѣсколько частей?

Какъ отвратительно, что *Гучковъ, Рябушинскій, Вайнштейнъ* (настоящій жидъ, навѣрное), *Лаптевъ, Жуковскій* выбраны въ *Государственный Совѣтъ* всѣми этими мерзавцами. Въ самомъ дѣлѣ, хорошая будетъ съ ними работа. *Хвост*(овъ) надѣется, что въ два-три мѣсяца умомъ и рѣшимостью можно будетъ все привести въ порядокъ. Ахъ, если бы только онъ былъ тѣмъ, кто можетъ это сдѣлать, даже если старикъ противъ него изъ страха. Можно быть увѣреннымъ, что онъ будетъ поступать осторожно, и разъ онъ намѣренъ выступить въ защиту нашего Друга, Богъ благословитъ его дѣла и его преданность тебѣ — другіе — С. (Самаринъ) и Щ. (Щербатовъ) просто продаютъ насъ — трусы!

Я вижу также, что князь *Тумановъ* будетъ здѣсь вмѣсто *Фролова* — это навѣрное хорошій выборъ. Пожалуйста, всегда присматривай за *Поливановымъ*.

Съ художникомъ *Маковскимъ*[1] произошелъ ужасный случай: его понесла лошадь и попала подъ трамвай — онъ лежитъ въ госпиталѣ съ сотрясеніемъ мозга и съ ранами на головѣ. Теперь я должна быстро встать и одѣться для *отпѣванія* стараго *Арсеньева*. Служба начинается въ десять, такъ что мы пойдемъ къ одиннадцати. Я беру съ собой Ольгу и Татьяну.

Ну, душка, я бесѣдовала съ «хвостомъ» въ теченіе часа и полна лучшихъ впечатлѣній. По совѣсти говоря, я нѣсколько безпокоилась, такъ какъ Аня иногда способна увлекаться, — но мы переговорили о всѣхъ возможныхъ вопросахъ, и я пришла къ заключенію, что работать съ такимъ человѣкомъ было бы удовольствіемъ. У него такая ясная голова, онъ такъ прекрасно понимаетъ серьезность положенія и понимаетъ, какъ надо съ этимъ бороться. Это уже много, такъ какъ здѣсь критикуютъ, но рѣдко предлагаютъ противоядіе. Онъ также, конечно, въ ужасѣ, что *Гучковъ* и *Рябушинскій* попали въ *Гос. Сов*(ѣтъ),

[1] А. К. Маковскій, скончавшійся вслѣдствіе этого случая.

— это въ самомъ дѣлѣ скандалъ, — и вѣдь знаютъ работу *Гучкова* противъ династіи. Я такъ хотѣла бы, чтобы ты вызвалъ его[1] для хорошей бесѣды. Entre autre[2], онъ мнѣ сказалъ, что Щ. (Щербатовъ) всюду показываетъ твои телеграммы и телеграммы нашего Друга всѣмъ, кому хочетъ — многимъ онѣ противны, а другіе отъ нихъ въ восторгѣ. Какое право онъ имѣетъ вмѣшиваться въ частныя дѣла своего Императора и читать его телеграммы? Какъ мнѣ знать, не захочетъ ли онъ также слѣдить за нашими (телеграммами), послѣ этого, увы, его нельзя назвать джентльменомъ или честнымъ. *Кривош*(еинъ) также хорошо знакомъ съ *Гучк*(овымъ), такъ какъ онъ женатъ на московской дамѣ (тоже изъ купеческой семьи, а они всѣ заодно). У меня столько въ головѣ, что я не знаю, съ чего начать и что разсказать.

Во всякомъ случаѣ, онъ думаетъ, что ты долженъ поскорѣе смѣнить министровъ, прежде всего Щ. (Щербатова) и С (.Самарина), такъ какъ старикъ не можетъ вмѣстѣ съ ними сопротивляться *Думѣ*. Теперь, что я съ нимъ переговорила, я могу добросовѣстно посовѣтовать тебѣ взять его, безъ всякаго страха. Онъ хорошо говоритъ и этого факта не скрываетъ, а это плюсъ, такъ какъ нужны люди, которые могли бы легко говорить и были бы готовы сразу возразить и кстати. Онъ могъ бы помѣряться съ *Гучковымъ*, и Богъ бы его благословилъ, я думаю. Понятно — у него слишкомъ много такта, и онъ слишкомъ уменъ, чтобы намекнуть о себѣ самомъ — онъ только благодарилъ меня нѣсколько разъ за то, что я позволила ему излить то, что у него на душѣ, такъ какъ онъ возлагаетъ на меня свои надежды и свою вѣру, что я помогу правому дѣлу, тебѣ и Беби, и Россіи. Все дѣло въ Москвѣ и Петербургѣ, гдѣ плохо — но правительство должно смотрѣть впередъ и готовиться къ послѣвоенному времени, и онъ находитъ, что это одинъ изъ самыхъ серьезныхъ вопросовъ. И если онъ остается въ *Думѣ*, онъ долженъ ради своей родины сказать всѣ эти вещи. И тогда поневолѣ онъ опять долженъ будетъ показать слабость и непредусмотрительность (что за ужасный англійскій языкъ!) правительства. Когда кончится война, всѣ эти тысячи людей, работающихъ въ фабрикахъ на армію, останутся безъ работы и, конечно, это будетъ недовольная масса, поэтому уже теперь обо всемъ этомъ надо подумать, всѣ мѣста, фабрики должны быть переписаны, количество рабочихъ рукъ и т. д. и должно быть рѣшено, что имъ дадутъ дѣлать, чтобы они не остались на улицѣ — и это возьметъ много времени для подготовки и для всесторонняго обдумыванія, и имѣетъ огромную важность; все это, конечно, абсолютно вѣрно. Потомъ будетъ такъ много недовольнаго элемента, теперь у нихъ

---

[1] Хвостова.

[2] Между прочимъ.

есть деньги, потомъ войска вернутся, солдаты вернутся въ деревню, многіе больные и увѣчные, многіе, которыхъ теперь поддерживаетъ ихъ патріотизмъ и *духъ,* тогда падутъ духомъ и будутъ недовольны, и будутъ дурно вліять на рабочихъ, поэтому надо о нихъ подумать, — и видно, что онъ это сдѣлаетъ. Онъ удивительно уменъ, это ничего, что онъ немного самоувѣренъ, это не производитъ непріятнаго впечатлѣнія, — только онъ энергичный и преданный человѣкъ, который жаждетъ помочь тебѣ и своей родинѣ. Потомъ насчетъ подготовки заранѣе къ выборамъ въ *Думу* (попозже) — дурные готовятся и хорошіе должны также «canvass[1]», какъ говорятъ въ Англіи. Онъ говоритъ, что г-жа *Столыпина*[2] очень старается за Татьянинаго *Нейдгардта,* надѣясь опять самой играть роль, но онъ находитъ его совершенно неспособнымъ. Тебѣ бы доставило удовольствіе работать съ этимъ человѣкомъ, и тебѣ бы не приходилось подбадривать и подталкивать его, — тутъ ли ты будешь или тамъ, чувствуется, что онъ также бы честно работалъ. Онъ благополучно пробылъ губернаторомъ во время революціи (и въ него стрѣляли), повидимому, это онъ просилъ, чтобы была устроена *Рака Павла Обдорскаго.* Я это совсѣмъ забыла. Онъ говоритъ, что старикъ боится его, потому что онъ старъ и не можетъ воспринять новыхъ идей (какъ ты мнѣ самъ говорилъ), и не понимаетъ, что нельзя обойтись безъ новаго и съ новымъ приходится считаться, и нельзя его игнорировать. *Дума* существуетъ — съ этимъ ничего не подѣлаешь. А съ такимъ усерднымъ работникомъ, старикъ могъ бы продолжать совершенно благополучно. Отлично, что ты не видѣлъ *Родзянко.* они сразу повѣсили носы — ты закрылъ *Думу,* когда они думали, что ты не посмѣешь, — все это совсѣмъ правильно. Теперь ты, слава Богу, отказался принять московскую депутацію[3], тѣмъ лучше — они опять намѣрены просить, но ты не уступай, иначе будетъ имѣть видъ, будто ты признаешь ихъ существованіе (что бы ты имъ даже ни говорилъ). Что ты отправился на фронтъ, это было великолѣпно, и онъ въ ужасѣ, что люди смѣютъ быть такими слѣпыми и непатріотичными, и боязливыми, что возражаютъ противъ этого. Онъ понимаетъ, какъ надо дѣйствовать съ прессой, не какъ *Щербатовъ,* который просто игралъ съ нею.

Теперь я должна кончать, душка, уже семь часовъ — я это все написала въ полчаса, такъ что прости мнѣ отвратительный почеркъ. Право, мое сокровище, я думаю, что онъ подходящій человѣкъ, и нашъ Другъ такъ и намекнулъ Анѣ въ своей телеграммѣ; — я всегда

---

[1] Агитировать.

[2] Г-жа Столыпина рожд. Нейдгардтъ, вдова П. А. Столыпина.

[3] Министръ вн. дѣлъ увѣдомилъ, что Государь отказался принять депутацію. См. выше.

осторожна въ моемъ выборѣ — но у меня нѣтъ того чувства, которое у меня было къ *Щербатову*, когда онъ пришелъ ко мнѣ. И онъ понимаетъ, что надо слѣдить за *Поливановымъ*, разъ *Гучковъ* попалъ въ *Гос. Сов.* Онъ въ немъ не очень увѣренъ. Онъ видитъ и думаетъ также, какъ и мы — онъ велъ почти одинъ весь разговоръ. Попробуй его теперь, потому что Щ. (Щербатовъ) долженъ уйти. Человѣкъ, который открыто показываетъ твои телеграммы и телеграммы *Гр*(игорія), которыя онъ обманомъ досталъ, и С. (Самаринъ) также, они абсолютно недостойные министры и не лучше, чѣмъ *Макаровъ*, который показалъ другимъ мое письмо къ нашему Другу — а *Щербатовъ* тряпка и глупъ. Если старикъ будетъ ворчать, это не имѣетъ значенія — подожди и посмотри, какимъ онъ окажется. Хуже, чѣмъ Щ. (Щербатовъ), онъ не можетъ быть, но я думаю, что онъ будетъ въ тысячу разъ лучше. Дай Богъ, чтобы я не ошиблась. Но я добросовѣстно вѣрю, что я не ошибаюсь. Я молилась прежде, чѣмъ видѣться съ нимъ, такъ какъ нѣсколько боялась этого разговора. Онъ смотритъ прямо въ глаза.

Я ѣздила съ моими пятью дѣтьми въ *Павловскъ*, чудная погода.

Были полтора часа въ церкви. Наденька держалась хорошо. Петя все еще надѣется увидѣть тебя здѣсь, потомъ долженъ ѣхать на Югъ изъ за своихъ легкихъ. Благословляю и цѣлую безъ конца. X. (Хвостовъ) меня освѣжилъ; мой *Духъ* былъ бодръ, но я жаждала увидѣть «человѣка» и, наконецъ, я видѣла и слышала такого. И вы вмѣстѣ другъ друга бы поддерживали.

Благословляю тебя, мой ангелъ. Богъ и Св. Дѣва да благословятъ тебя. Осыпаю тебя любящими, нѣжными поцѣлуями. Навсегда, мой муженекъ, твоя старая

«Солнышко».

Никто не знаетъ, что я его видѣла.

Анастасія страшно горда и счастлива получить твое письмо. Кланяйся Фредериксу и Н. П. Привѣтъ Мишѣ.

№ 126.

17 сентября 1915 г.

Мой любимый ангелъ,

Только еще одно слово, прежде чѣмъ ложиться спать. Я такъ тревожилась весь вечеръ, не получая отъ тебя телеграммы, наконецъ, пока я причесывалась, она пришла, безъ пяти двѣнадцать. Подумай, какъ медленно она шла, она отправлена изъ *Ставки* въ 9,56 и получена

здѣсь 11,30, а я глупая, изнервничалась и волновалась. Я послала тебѣ двѣ телеграммы насчетъ *Хвостова* и надѣялась, что ты упомянешь о немъ хоть словечкомъ. Я въ письмѣ нѣсколько дней тому назадъ просила тебя повидать его, такъ какъ онъ этого желалъ, и ты не отвѣтилъ, а теперь онъ опять просилъ передъ отъѣздомъ въ деревню, и потому я объ этомъ телеграфировала утромъ и въ 8,30 (вечеромъ) послѣ свиданія съ нимъ. Я такъ счастлива, что, по твоимъ словамъ, продолжаются хорошія извѣстія — это имѣетъ очень большое значеніе, и духъ населенія поднимается. Миша телеграфировалъ, чтобы поблагодарить за мое письмо изъ *Орши*, это хорошо, что ты потомъ опять его будешь имѣть при себѣ. Мари сказала, что Димитрій написалъ, будто онъ сюда пріѣзжаетъ съ тобой. Зачѣмъ, душка? Павелъ убѣдительно проситъ тебя послать его въ полкъ. Онъ опять объ этомъ просилъ, когда онъ въ понедѣльникъ пилъ у меня чай. Мари[1] выглядитъ хорошо, у нея волосы уже гуще. У нея непріятности съ ея главнымъ докторомъ, она хочетъ отъ него отдѣлаться. Орловы все еще, повидимому, въ городѣ и продолжаютъ болтать. Фредериксъ долженъ это запретить, это безобразіе, только старикъ не долженъ называть никакихъ именъ. Представь себѣ, Стана уволила свою вѣрную Mlle Петерс(онъ)[2] — вѣроятно, она внезапно нашла, что имя ея слишкомъ нѣмецкое, и выберетъ кавказскую даму, чтобы помочь ей быть популярной. Вотъ, она будетъ стараться тамъ всѣхъ очаровать. Теперь я должна постараться заснуть. Я благословила и цѣловала твою пустую подушку и положила на нее свою голову по обыкновенію. Она только можетъ принимать мои поцѣлуи, но, увы, не можетъ отвѣчать. Спи хорошо, моя душка, желаю тебѣ увидѣть твою женку во снѣ и чувствовать себя въ ея нѣжныхъ объятіяхъ. Богъ да благословитъ тебя, и святые ангелы сохранятъ тебя. Прощай, мое сокровище, мое солнышко, мой «многострадальный Іовъ»[3].

18-ое. Доброе утро, мой маленькій — сѣро и льетъ — я нашла вечеръ такимъ прелестнымъ, свѣтила луна и сіяли звѣзды, я даже открыла половину окна (*форточка* всегда открыта) и теперь, когда я раздвинула занавѣски, было такое разочарованіе и опять только шесть градусовъ. Такъ какъ я чувствую себя лучше, я хочу заглянуть къ Анѣ въ Большой Дворецъ послѣ *Знам*(енья), на пути къ только что прибывшему молодому офицеру — ему только 20 лѣтъ, у него скверная рана въ ногѣ. *Влад*(иміръ) *Ник*(олаевичъ) думаетъ, что ее надо отрѣзать, такъ какъ тамъ начинается зараженіе крови, и тоже самое въ ранѣ на плечѣ — онъ

---

[1] В. Княгиня Марія Павловна младшая.

[2] Фрейлина В. Кн. Анастасіи Николаевны, Анна Карловна Петерсонъ, очень долго бывшая при ней и уволенная за нѣмецкую фамилію.

[3] См. выше.

чувствуетъ себя хорошо, не жалуется — это всегда дурной знакъ. Такъ трудно рѣшаться, когда смерть такъ близка — дать ему спокойно умереть или рискнуть операціей. Я бы рискнула, такъ какъ всегда есть лучъ надежды, когда организмъ такъ молодъ, хотя теперь онъ очень слабъ и высокая температура. Оказывается, онъ семь дней оставался неперевязаннымъ — несчастный мальчикъ, — и вотъ я хочу посмотрѣть на него. Я не была въ этой комнатѣ уже шесть мѣсяцевъ — нѣтъ, я тамъ разъ была съ тѣхъ поръ, какъ умеръ мой бѣдный *Грабовой*. Оттуда я поѣду въ нашъ лазаретъ, такъ какъ тамъ не была цѣлую недѣлю, и они мнѣ недостаютъ, и даже я, старуха, имъ недостаю. Говорятъ, что одинъ изъ моихъ уланъ *вольноопредѣляющійся Людеръ* (что то въ этомъ родѣ) прибылъ къ намъ — не раненый, но какъ то раздавленный, мнѣ не могли правильно объяснить.

Я продолжаю съ удовольствіемъ размышлять о бесѣдѣ съ *Хвостовымъ* и хотѣла бы, чтобы ты при ней также присутствовалъ — это мужчина, не юбка — и такой, который не позволитъ, чтобы насъ что нибудь коснулось, и сдѣлаетъ все, что въ его власти, чтобы остановить нападки на нашего Друга, такъ, какъ онъ ихъ тогда остановилъ, а теперь они собираются начать снова, и Щ(ербатовъ), и С. (Самаринъ) не будутъ противиться, наоборотъ — ради популярности. Я тебѣ надоѣдаю этимъ разговоромъ? — но я хотѣла бы убѣдить тебя, такъ какъ у меня добросовѣстное и спокойное убѣжденіе, что этотъ (очень толстый) молодой человѣкъ съ большимъ опытомъ, именно тотъ, котораго бы ты одобрилъ, и эта старуха, которая тебѣ пишетъ, также[1] — онъ хорошо и близко знаетъ русскаго крестьянина, такъ какъ много жилъ среди нихъ, — и другихъ типовъ также, и не боится ихъ. Онъ также знаетъ этого толстаго священника, — теперь архимандрита, кажется, друга Гр(игорія) и В. (Варнавы), такъ какъ онъ помогалъ ему четыре года назадъ, когда онъ былъ губернаторомъ въ скверные годы, и онъ такъ хорошо говорилъ съ крестьянами, и урезонилъ ихъ. Онъ находитъ, что надо пользоваться вліяніемъ хорошаго священника, и онъ правъ, и они вмѣстѣ устроили все для св. *Павла Обдорскаго* — и онъ теперь въ *Тобольскѣ* или въ *Тюмени*, и потому *Самаринъ* и компанія сказали *Варнавѣ*, что они его не одобряютъ и отъ него отдѣлаются. У него колоссальное тѣло, какъ говоритъ Аня, но его душа возвышенна и чиста.

Я сказала Х(востову), какъ грустно мнѣ убѣждаться въ томъ, что у злонамѣренныхъ людей всегда гораздо больше храбрости, и потому они скорѣе успѣваютъ, на что онъ правильно мнѣ отвѣтилъ, что другіе имѣютъ *Духъ* и чувство, которое направляетъ ихъ, и Богъ будетъ

---

[1] См. выше.

близокъ къ нимъ, когда у нихъ будутъ добрыя намѣренія, и направитъ ихъ.

Земскій союзъ, который также, по моему, слишкомъ распространился и взялъ слишкомъ много дѣлъ въ свои руки, такъ чтобы впослѣдствіи можно было говорить, что правительство недостаточно заботилось о раненыхъ, *бѣженцахъ,* нашихъ плѣнныхъ въ Германіи, а *Земство* спасло ихъ, — слѣдовало бы *Кривошеину,* затѣявшему эту организацію, держать ее въ должныхъ предѣлахъ — это была хорошая мысль, только нужно было зорко наблюдать, такъ какъ есть много скверныхъ типовъ на фронтѣ, въ лазаретахъ и питательныхъ пунктахъ. Онъ находитъ, что *Кр*(ивошеинъ) слишкомъ много въ контактѣ съ *Гучковымъ. Хвостовъ* въ своей статьѣ никогда не нападалъ на нѣмецкія фамиліи бароновъ или преданныхъ слугъ, когда они[1] говорятъ объ этомъ нѣмецкомъ *засиліи,* но обратилъ все вниманіе на банки, что было правильно, такъ какъ до сихъ поръ никто этого не сдѣлалъ (и министры увидѣли свои ошибки). Онъ говорилъ по вопросу продовольствія и топлива — *Гучковъ* даже, членъ петроградской *Думы,* забылъ объ этомъ, вѣроятно, умышленно, такъ чтобы можно было возложить вину на правительство. И это его (правительства) преступная ошибка, что оно еще мѣсяцы тому назадъ не озаботилось заготовкой большихъ запасовъ дровъ — у насъ изъ за этого могутъ быть безпорядки, это совершенно понятно — такъ нужно проснуться и засадить людей за работу. Не твое дѣло входить въ эти детали — Щ(ербатовъ) долженъ былъ объ этомъ позаботиться съ *Крив*(ошеинымъ) и *Рухловымъ* — но они занимаются политикой и стараются съѣсть старика. Ну, я была счастлива получить твое дорогое письмо отъ вчерашняго дня и благодарю тебя за него изъ глубины сердца. Я понимаю какъ трудно тебѣ найти время, чтобы писать, и я потому вдвойнѣ счастлива, когда я вижу твой дорогой почеркъ и читаю твои любящія слова. Тебѣ теперь долженъ недоставать Миша — какъ хорошо, что онъ оставался при тебѣ, я увѣрена, что это ему принесло пользу во всѣхъ отношеніяхъ. Я въ восторгѣ, если тебѣ не понадобится перемѣнить *Ставку,* я была совсѣмъ этимъ[2] опечалена именно изъ за моральной стороны этой перемѣны, и такъ какъ Богъ благословляетъ войска и въ самомъ дѣлѣ, повидимому, все идетъ лучше, и мы твердо стоимъ на своихъ позиціяхъ, тебѣ нѣтъ надобности двигаться. Но какъ насчетъ оставленія *Ал*(ексѣева) одного? Не возьмешь ли ты *Иванова,* чтобы дѣлить его работу и отвѣтственность? И тогда ты можешь быть свободнѣе въ твоихъ поѣздкахъ въ *Псковъ* или куда ты захочешь. Ну, дорогой мой, съ этими министрами нечего дѣлать, и чѣмъ скорѣе ты ихъ смѣнишь, тѣмъ лучше. *Хвостовъ* вмѣсто

[1] Въ Думѣ.
[2] Т. е. перспективой переѣзда въ Калугу.

Щ(ербатова), а вмѣсто *Самарина* есть другой человѣкъ, котораго я могу рекомендовать, преданный старый *Ник. Конст. Шведовъ,* — но, конечно, я не знаю, найдешь ли ты, что военный можетъ занимать мѣсто *оберъ-прокурора Синода.* Онъ хорошо изучилъ исторію церкви, у него извѣстная коллекція молитвенниковъ — будучи во главѣ Академіи по *востоковѣдѣнію,* онъ также изучалъ церковь — онъ очень религіозенъ и безконечно преданъ (называетъ нашего Друга Отецъ *Гр*(игорій)), и говорилъ хорошо о немъ, когда онъ видѣлся и имѣлъ случай разговаривать съ своими прежними учениками въ арміи, куда онъ ѣздилъ повидаться съ *Ивановымъ.* Онъ глубоко лойяленъ — ты знаешь его гораздо лучше, чѣмъ я, и можешь судить, вздоръ ли это или нѣтъ, — мы только вспомнили о немъ потому, что онъ очень хочетъ быть мнѣ полезнымъ, чтобы люди меня знали и чтобы быть противовѣсомъ «некрасивой партіи» — такой человѣкъ на высокомъ мѣстѣ полезенъ, но повторяю, ты знаешь его характеръ лучше, чѣмъ я; иначе (если не онъ, то) *Хвостовъ* (изъ юстиціи) и другой на его мѣсто [1], котораго я назвала тебѣ въ прошломъ письмѣ, — тотъ, который разслѣдуетъ московскія исторіи, — но кого же вмѣсто длинноносаго *Сазонова,* если онъ хочетъ все время оставаться въ оппозиціи?

Сегодня я получила прилагаемое отъ Эллы, такъ какъ она прочла въ газетахъ, что *Юсуповъ уволенъ отъ сл*(ужбы), и не сказано, что согласно прошенію, что звучало бы красивѣе, а теперь публика вѣроятно думаетъ, что онъ дѣйствовалъ плохо. Я думаю, что онъ охотно бы вернулся, если бы ему дали тѣ военныя полномочія, о которыхъ онъ просилъ, но она [2] все испортила. Ну, онъ тамъ не потеря, хотя я жалѣю, что (приказъ объ увольненіи) не изложенъ лучше, у него были хорошія намѣренія — ты могъ бы написать ему словечко, если бы у тебя было время, но правда, никто не проситъ объ отставкѣ во время войны [3]. «Только что прочла, старый Феликсъ оффиціально *уволенъ;* когда онъ просилъ объ отставкѣ, должно быть это ошибка, нельзя ли что нибудь сдѣлать, такъ какъ впечатлѣніе очень тяжелое. Даже, когда увольняютъ людей, то пишутъ — согласно прошенію.» Я тебѣ также объ этомъ телеграфировала, такъ какъ не знаю, что ей отвѣтить. Мнѣ кажется, нужно проводить разницу между *Дж*(унковскимъ) и *Юсуповымъ:* одинъ абсолютно вѣроломный — другой глупый, но честно преданный.

На жену Павла не могу пожаловаться, но она мнѣ надоѣла своими заявленіями о томъ, какъ она предана и т. д. Прелестная дочь Ладунга выходитъ замужъ въ воскресенье, она моя крестница, такъ вотъ я ее сегодня благословила. Въ теченіе дня я оставалась у себя, и Аня мнѣ

[1] Т. е. Крашенинниковъ на мѣсто министра юстиціи.
[2] Жена Юсупова.
[3] Далѣе цитата изъ письма В. Княгини Елизаветы Θеодоровны.

читала. Утромъ я была у этого бѣднаго мальчика въ лазаретѣ, сидѣла, вязала и разговаривала. Мокрый сѣрый день. У Ани былъ длинный разговоръ съ м-мъ Зизи по поводу нашего Друга и Орлова, Аня многое ей выяснила. Она заставила ее обѣщать не разсказывать дальше исторію насчетъ Орлова въ *Ставкѣ* и телеграммы Н. П. — она была въ ужасѣ и прямо позеленѣла — и сказала, что она помнитъ, что всѣ адъютанты ежедневно писали доклады съ начала войны (она хорошенько не поняла, Анпапà[1] или мамашѣ). Она опять съ ней[2] повидается и многое разъяснитъ старушкѣ, такъ какъ она[3] намъ абсолютно предана и можетъ быть полезной, если она будетъ правильно смотрѣть на вещи. Я ей объяснила на дняхъ еще нѣсколько другихъ вещей, и за это она была очень благодарна. Правда ли, что княгиня Палѣй!![4] говоритъ, будто *Баркъ*[5] телеграфировалъ, что онъ не можетъ сдѣлать *заемъ*, если *Дума* не будетъ созвана? Я боюсь, что это уловка. *Хв*(остовъ) умолялъ, чтобы не думали созывать ее ранѣе 1 ноября, какъ было указано. Онъ знаетъ, что вокругъ этого идетъ работа, но находитъ, что это было бы неправильной *«уступкой»*, такъ какъ надо имѣть время ясно подготовиться, прежде чѣмъ они соберутся, и быть готовымъ отвѣчать на всѣ нападки.

Толстый *Анд*(ронниковъ)[6] телефонировалъ Анѣ, что *Хв*(остовъ) былъ очень доволенъ моей бесѣдой, и передавалъ другія любезности, которыхъ я не стану повторять. Имѣешь ли ты время читать мои письма? Я вѣдь пишу цѣлые томы. Милый Беби опять началъ потихоньку говорить о томъ, не возьмешь ли ты его въ *Ставку*, и въ то-же время ему грустно со мной разставаться. Но ты былъ бы менѣе одинокъ, по крайней мѣрѣ, на короткое время, и если бы ты предполагалъ разъѣзжать и осматривать войска, я могла бы пріѣхать за нимъ. При тебѣ *Феодор*(овъ)[7], такъ что ему понадобился бы только Mr. Жильяръ, и ты могъ бы поручить еще кому нибудь изъ адъютантовъ сопровождать его въ моторныхъ поѣздкахъ. Онъ могъ бы каждое утро имѣть свои французскіе уроки и послѣ обѣда ѣздить съ тобой. Только онъ не можетъ гулять. Онъ могъ бы оставаться позади, съ моторомъ и

---

[1] Т. е. Дѣдушкѣ (Александру II). Рѣчь идетъ о русско-турецкой войнѣ въ 1877—78, когда на фронтѣ были Александръ III (тогда наслѣдникъ) и В. Кн. Николай Николаевичъ старшій.

[2] Т. е. Аня съ М-me Зизи.

[3] Mme Зизи.

[4] Восклицательные знаки въ подлинникѣ. Императрица была противъ пожалованія этого титула. См. выше.

[5] П. Л. Баркъ въ то время уѣхалъ въ Парижъ и Лондонъ заключать заемъ.

[6] Андронниковъ былъ очень полный человѣкъ.

[7] Лейбъ-хирургъ.

играть. Нѣтъ ли у тебя по близости комнаты свободной или онъ могъ бы раздѣлить твою спальню? Но объ этомъ ты долженъ подумать на досугѣ. Нашъ Другъ все телеграфируетъ насчетъ *Покрова* — я увѣрена, что 1 октября[1] принесетъ какую то особую милость Бога и *Богородица* поможетъ тебѣ. Завтра четыре недѣли, что ты отъ насъ уѣхалъ — будемъ ли мы имѣть огромную радость твоего возвращенія въ среду? Аня сума сходитъ отъ радости, я храню свои чувства при себѣ, и, увы, тебя ожидаетъ больше непріятностей, чѣмъ пріятныхъ переживаній; но какая радость опять держать тебя въ своихъ объятіяхъ, ласкать и цѣловать, и чувствовать твою ласку и любовь, которой я такъ жажду. Ты не знаешь, какъ ты мнѣ недостаешь, мой ангелъ дорогой!

Теперь я должна отправить письмо. Богъ да благословитъ тебя. Прощай, мой дорогой, милый Ники, мой мужъ, моя радость, мой свѣтъ, мой миръ, моя жизнь. Благословляю и цѣлую тебя еще и еще.

Всегда твоя любящая старая жена

Аликсъ.

Какъ иностранцы? Тамъ ли еще милый молодой ирландецъ? Привѣтъ старику и Н. П. Нини[2] теперь опять здѣсь, она разсудительна и умна, и все еще въ отчаяніи по поводу поведенія своего мужа въ прошлый мѣсяцъ, и безпокоится насчетъ того, какъ онъ себя ведетъ теперь, и надѣется, что онъ правильно и добросовѣстно все тебѣ говоритъ. Не говори ему объ этомъ, душка!

Всѣ дѣти тебѣ кланяются. Беби печетъ картофель и яблоки въ саду. Дѣвочки пошли въ лазареты.

Зачѣмъ здѣсь опять *Борисъ,* я не знаю.

Фроловъ былъ въ отчаяніи. Всѣ его ругали за то, что онъ разрѣшилъ статьи насчетъ нашего Друга, хотя это была вина Щ(ербатова), и онъ теперь внимательно слѣдилъ, чтобы не допустить повторенія этого, и вдругъ его смѣнили. У *Хвост*(ова) тоже свои мысли насчетъ прессы, ты, пожалуй, подумаешь, что у меня растетъ «хвостъ». *Гадонъ*[3] очень вредитъ нашему Другу, разсказывая о немъ гадости, гдѣ и когда только онъ можетъ.

Тысяча благодарностей за прекрасно написанную вырѣзку насчетъ общаго положенія. Сегодняшнія утреннія газеты съ извѣстіями изъ *Ставки* мнѣ понравились: не сухо, и хорошо объяснено все положеніе для читателей.

---

[1] Праздникъ Покрова Пресв. Богородицы.
[2] Г-жа Воейкова.
[3] См. выше.

№ 127.

19 сентября 1915 г.

Моя дорогая душка,

Сегодня четыре недѣли, что ты отъ насъ уѣхалъ, это случилось въ субботу вечеромъ 22 августа. Слава Богу, мы можемъ надѣяться скоро опять тебя увидѣть въ нашей средѣ. Ахъ, какая это будетъ радость!

Опять сѣро и дождливо.

Спасибо за немедленный отвѣтъ насчетъ *Юсупова*. Я тотчасъ же телеграфировала Эллѣ, это ее успокоитъ. Я рада что *проводы Воронцова*[1] прошли такъ хорошо. Какъ теперь все тамъ будетъ? — опять собирается тамъ это гнѣздо, — и Стана взяла туда жену *Крупенскаго* въ качествѣ своей гофмейстерины. Ея мужъ больше всего надѣлалъ вреда въ болтливой кликѣ старой *Ставки* — и онъ нехорошій человѣкъ. Надо присматривать за ихъ поведеніемъ все время, они теперь опасные враги — и такъ какъ они нехорошіе люди, нашъ Другъ заканчиваетъ телеграмму къ тебѣ: «*На Кавказѣ солнца мало*». Это грустно, что онъ[2] такъ перемѣнился, но эти женщины держатъ своихъ мужей подъ башмакомъ.

Я вижу, что Ducky была въ *Минскѣ*, чтобы осматривать лазареты и *бѣженцевъ*. Борисъ будетъ у меня пить чай сегодня. Я поставила свѣчи въ *Знаменьи* и такъ усердно молилась за моего душку, потомъ я отправилась въ нашъ лазаретъ и сидѣла за вязаніемъ въ разныхъ палатахъ. Я могу брать свою работу, такъ чтобы не имѣть соблазна оставаться въ *перевязочной*, которая меня всегда привлекаетъ. Я только перевязала одного офицера. Утромъ я закончила бумаги *Рост*(овцева), которыхъ я раньше не могла прочесть, хотя я читаю до 2 часовъ утра въ кровати. Я видѣла доктора *Пантюхина* изъ *Ливадіи*, и мы съ нимъ говорили обо всемъ по поводу лаваретовъ, санаторій, которые, онъ надѣется, могутъ начать работать въ январѣ. Это будетъ большимъ облегченіемъ, когда они будутъ готовы. Мы ѣздили въ *Павловскъ* — мягкая погода, отъ времени до времени шелъ дождь.

Борисъ разсказалъ мнѣ про свое новое назначеніе, которое его обрадовало, кажется, такъ какъ ему будетъ много работы. Потомъ у меня была Иза съ бумагами. Въ семь я иду въ церковь съ Беби. Граббе[3] написалъ своей женѣ, что засѣданіе совѣта министровъ прошло *бурно* и что они не хотятъ выполнять твои приказанія, но что ты

[1] Предшественникъ В. Кн. Николая Николаевича на посту Кавказскаго Намѣстника.

[2] Вел. Кн. Николай Николаевичъ.

[3] Гр. А. Н. Граббе, начальникъ конвоя.

былъ очень энергиченъ, держался какъ настоящій *Царь*, и я была такъ горда когда Аня мнѣ это разсказала. Ахъ, душка, чувствуешь ли ты теперь твою собственную силу и мудрость, теперь что ты самъ себѣ хозяинъ, и будешь энергичнымъ, рѣшительнымъ и не дашь себя осѣдлать другимъ. Мнѣ было пріятно, какъ Борисъ о тебѣ говорилъ и о большой перемѣнѣ въ *Ставкѣ*, и какъ теперь всегда отовсюду получаются извѣстія и что ты въ хорошемъ настроеніи. Слава Богу, — нашъ Другъ былъ правъ.

Я получила телеграмму отъ моего Веселовскаго, что онъ боленъ и долженъ былъ оставить полкъ, чтобы полечиться. Можетъ быть, въ церкви будешь одновременно съ нами, это будетъ пріятнымъ чувствомъ. Мой поѣздлъ *Складъ* № 1 находится въ Ровно и оттуда отправляется съ отрядомъ моторовъ, сформированнымъ и переданнымъ мнѣ какимъ то княземъ *Абамелекомъ* (изъ Одессы) — онъ самъ при отрядѣ — они съ собой возятъ вещи, бѣлье и т. д. по всему фронту. И они продолжали ѣздить подъ сильнымъ огнемъ, не потерпѣвъ никакого ущерба. Я такъ рада, что *Меккъ* телеграфировалъ изъ *Винницы*, гдѣ находится мой большой *складъ*.

Варн(ава) уѣхалъ въ *Тобольскъ*. Нашъ Другъ сказалъ, что мы должны его туда отправить. Старикъ[1] сказалъ, что онъ больше не долженъ показываться въ *Синодѣ*. Мнѣ сообщаютъ о возвращеніи С(амарина) изъ *Ставки*, и что онъ сейчасъ же принялся за работу по поводу *Варнавы*, домогаясь, чтобы его *уволить*. Пожалуйста, запрети это, если это правда, и если до тебя это дойдетъ. Теперь я должна кончать и одѣваться для церкви. Каждый вечеръ отъ девяти до половины десятаго Мари, Беби, я и, то Mr. Жильяръ, то *Влад. Ник.*, играемъ въ «*Тише ѣдешь, дальше будешь*». Очень уютно обѣдать посрединѣ игральной комнаты. Прощай, мой любимый, Богъ да благословитъ и защититъ, и охранитъ, и направитъ тебя. Покрываю тебя поцѣлуями.

Навсегда, мой Ники, твоя любящая женка.

Я увижу французовъ въ понедѣльникъ въ половинѣ пятаго, такъ какъ они завтракаютъ на *Елагинѣ*. Такой скандалъ — нельзя найти муки ни въ городѣ, ни здѣсь — публика стоитъ длинными рядами на улицахъ передъ магазинами.

Отвратительная организація, Обол(енскій) идіотъ — надо предусматривать вещи, а не ждать пока онѣ случатся.

---

[1] Горемыкинъ.

№ 128.

20 сентября 1915 г.

Моя любимая душка,

Я читала сегодняшнія утреннія газеты съ большимъ интересомъ — обѣщанное объясненіе нашего положенія на фронтѣ изложено ясно и также работа въ теченіе мѣсяца твоего упорнаго сопротивленія врагу.

Опять сѣрое дождливое утро, но не холодно. Сегодня днемъ у насъ *Молебенъ* въ Красномъ Крестѣ, и я раздаю дипломы дамамъ, кончившимъ курсъ и получившимъ званіе сестеръ, и знакъ краснаго креста. Мы всегда нуждаемся въ сестрахъ: многія утомляются, заболѣваютъ или хотятъ выѣхать на *передовыя позиціи,* чтобы получать медали. Здѣсь работа однообразная и непрерывная. Тамъ на фронтѣ больше возбужденія, постоянныя перемѣны, даже опасность, неизвѣстность и не всегда много работы; конечно, все это гораздо соблазнительнѣе. Одна изъ дочерей нашего Трепова[1] почти годъ работала въ нашемъ инвалидномъ госпиталѣ — но послѣ смерти своей матери она никакъ не могла успокоиться и уѣхала, — и уже получила медаль на Георгіевской лентѣ. Посылаю тебѣ письмо отъ *Булатовича,* которое онъ послалъ тебѣ черезъ Аню, и резюме ея бесѣды съ *Бѣлецкимъ.*[2] Это въ самомъ дѣлѣ, кажется, человѣкъ, который могъ бы быть очень полезенъ министру внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ онъ все знаетъ. *Джунк*(овскій) его вытѣснилъ какъ разъ тогда, когда необходимо имѣть въ рукахъ всѣ нити. Онъ говоритъ, что вездѣ жалуются на *Щ*(ербатова), на его бездѣятельность и непониманіе имъ своей работы и своихъ обязанностей. У него очень плохое мнѣніе насчетъ толстаго Орлова, и онъ увѣренъ, что мое давнымъ давно утерянное письмо Анѣ со «Штандарта» (въ К. (Крыму), адресованное ей въ деревню, находится въ рукахъ О. (Орлова). Онъ говоритъ, что *Джунк*(овскій) передалъ всѣ эти мерзкія бумаги насчетъ нашего Друга брату *Маклакова*[3], такъ какъ они намѣрены поднять этотъ вопросъ въ *Думѣ* и огласить эти бумаги. Но дастъ Богъ, если ты найдешь Х. (Хвостова) подходящимъ, онъ все это остановитъ.

Къ счастью, онъ еще тутъ и даже былъ у Гор(емыкина), чтобы изложить всѣ свои мысли старику. *Анд*(онниковъ) далъ Анѣ честное слово, что никто не будетъ знать, что *Хв*(остовъ) бываетъ у Ани (она его принимаетъ у себя дома, не во Дворцѣ, также *Бѣлецкаго),* такъ что ни мое, ни ея имя не будутъ упомянуты. Увы, *Гадонъ* и *Шерв*(ашидзе)[4],

---

[1] Дмитрія Федоровича.
[2] С. П. Бѣлецкій назначенъ 28 сентября тов. министра вн. дѣлъ.
[3] В. А. Маклаковъ, членъ Гос. Думы.
[4] Завѣдующій дворомъ Имп. Маріи Ѳедоровны.

повидимому, распространяютъ очень много скверныхъ вещей насчетъ *Григорія*. Это понятно со стороны друзей *Дж*(унковскаго) — и, зная образъ мыслей бѣдной Эллы, и желая помочь ей, они дѣлаютъ такимъ образомъ вредъ — въ глазахъ постороннихъ возстанавливаютъ «*Елагинъ*» противъ Ц(арскаго) С(ела). Это дурно и неправильно, и это они энервируютъ К. (Ксенію) и мамашу, вмѣсто того, чтобы ихъ смѣло подбадривать и раздавить сплетню.

Я съ величайшей радостью получила твое дорогое нѣжное письмо, — твои теплыя слова облегчили мое тоскующее сердце. Да, мое сокровище, разлука еще болѣе насъ сближаетъ — такъ сильно чувствуешь, что недостаетъ — и письма большое утѣшеніе. Въ самомъ дѣлѣ, Онъ[1] самымъ точнымъ образомъ предсказалъ продолжительность твоего пребыванія тамъ. Все же я увѣрена, что ты жаждалъ бы имѣть больше соприкосновенія съ войсками, и я буду рада за тебя, когда ты будешь въ состояніи немного проѣхаться. Понятно, этотъ мѣсяцъ былъ слишкомъ труденъ. Ты долженъ былъ втянуться въ свою работу и въ планы вмѣстѣ съ Алексѣевымъ, и тамъ все время было такъ тревожно, но теперь, слава Богу, все повидимому идетъ удовлетворительно.

Скажи *Граббе*, что я въ восторгѣ отъ его предложенія. *Вильч*(ковскій) очень хотѣлъ получить новыя казармы и, кажется, написалъ ему, *Воейкову* объ этомъ — я сказала, что я ничего не могу отвѣтить до твоего возвращенія. Уже давно я къ нимъ присматривалась — но скромно молчала — теперь я только могу сказать, что я въ восторгѣ — эти казармы вблизи станціи — такія обширныя и высокія и чистыя, совершенно новыя, а мы ждемъ мѣста для *общины*. Очень поблагодари его отъ меня. Старикъ просилъ повидать меня завтра въ шесть, вѣроятно, для того, чтобы просить передать тебѣ разныя вещи или чтобы сообщить результаты бесѣды съ *Хвостовымъ*. Будетъ интересно, что онъ разскажетъ насчетъ засѣданія въ *Могилевѣ*. Какая великолѣпная телеграмма отъ нашего Друга и какъ много мужества она даетъ тебѣ для рѣшительныхъ дѣйствій. Конечно, какъ только уйдетъ С. (Самаринъ), надо уволить членовъ *Синода* и назначить другихъ. Жена нашего Друга пріѣхала, Аня ее видѣла — она такъ печальна и говоритъ, что Онъ страшно страдаетъ изъ за клеветы и гнусностей, которыя о немъ пишутъ — давно пора все это прекратить, — *Хв*(остовъ) и *Бѣлецкій* для того подходящіе люди — только надо заставить двухъ *Хв*(остовыхъ) вмѣстѣ дружно работать — всѣ должны объединиться. Но что ты думаешь о *Сазоновѣ*, хотѣла бы я знать? Я думаю, что такъ какъ онъ очень хорошій и честный (но упрямый) человѣкъ, когда онъ увидитъ новую коллекцію энергическихъ министровъ, онъ можетъ подтянуться и снова

[1] Распутинъ.

стать мужчиной — окружающая атмосфера захватила и кретинизировала его. Бываютъ люди, которые дѣлаютъ чудеса въ эпохи тревогъ и большихъ затрудненій — а другіе обнаруживаютъ жалкія стороны своего характера. *Саз*(оновъ) нуждается въ хорошемъ возбудителѣ — и, если онъ увидитъ, что дѣла «идутъ хорошо», въ то же самое время — онъ опять почувствуетъ, что у него есть спинной хребетъ. Я не могу повѣрить, чтобы онъ былъ такъ зловреденъ, какъ Щ.(ербатовъ) или С(амаринъ), или даже мой другъ *Кривош*(еинъ) — что съ нимъ случилось? Я горько въ немъ разочаровалась. Душка, если у тебя будетъ случай въ поѣздѣ, поговори съ Н. П. и дай ему понять, что ты радъ пользоваться моими совѣтами. Онъ однажды писалъ мнѣ въ очень разстроенномъ тонѣ, что о моемъ имени такъ часто упоминаютъ, что *Горемыкинъ* со мною видится, — онъ не понимаетъ, что это моя обязанность, хотя я женщина, — помогать тебѣ, гдѣ я и когда я только могу, разъ что ты въ отсутствіи, тѣмъ болѣе. Не говори, что я объ этомъ упомянула, но наведи разговоръ на эту тему съ глазу на глазъ. У него есть родственникъ (мужъ кузины) въ Думѣ и, можетъ быть, тотъ иногда пытается неправильно передавать ему разныя вещи или вліять на него. Онъ сказалъ Акселю Пистолькорсу, что я даю въ подарокъ офицерамъ пояса съ молитвой *Гр*(игорія) — такой вздоръ, эти пояса съ различными молитвами очень любятъ, и я даю ихъ каждому офицеру, который уѣзжаетъ отсюда на войну, и двое, которыхъ я никогда не видѣла, упрашивали меня подарить имъ такіе пояса съ молитвой *Отцу Серафиму*. Мнѣ сказали, что тѣ солдаты, которые носили ихъ во время послѣдней войны, не были убиты.

Я такъ рѣдко вижу Н. П. и не могу съ нимъ долго разговаривать, и онъ такъ молодъ, и я всегда руководила имъ всѣ эти годы — а теперь онъ внезапно попадаетъ въ совсѣмъ новую жизненную обстановку — видитъ какія тяжкія времена мы переживаемъ и дрожитъ за насъ. Онъ жаждетъ помочь и, понятно, не знаетъ какъ. Я боюсь, что *Петрогр*(адъ) наполнитъ его уши всякими ужасами — пожалуйста, скажи ему не обращать вниманія на то, что говорятъ, потому что отъ этого можно потерять голову — и гадкіе люди всюду треплютъ мое имя.

Мы сегодня утромъ были въ церкви, потомъ катались и послѣ Краснаго Креста заѣхали къ Силаеву. Его жена такъ похожа на своего сына *Рафтополо*, это прямо забавно, — ихъ маленькія дѣти очаровательны. Теперь наши пять цыпочекъ у Ани въ большомъ дворцѣ играютъ съ *Ритой* Х(итрово) и *Ириной* Т. (Толстой). Какая огромная радость, черезъ три дня, дастъ Богъ, ты будешь опять съ нами. Это слишкомъ хорошо. Моя любовь, моя радость, я жду тебя съ такимъ нетерпѣніемъ.

Прощай, моя душка, благословляю и цѣлую тебя безъ конца съ глубокой и искренней любовью, люблю больше и больше, каждый день. Спи хорошо, Агунюшка. Я еще напишу завтра, если кто нибудь ѣдетъ тебѣ навстрѣчу, такъ какъ можетъ быть будетъ что сказать послѣ моего разговора съ *Горемыкинымъ*.

Навсегда, мой дорогой Ники, твоя нѣжно любящая жена «Аликсъ».

№ 129. 1 октября 1915 г.[1]

Мой любимый,

Ты прочтешь эти строки, когда поѣздъ уже тебя будетъ увозить отъ насъ. На этотъ разъ ты можешь уѣхать съ болѣе спокойнымъ сердцемъ, такъ какъ, слава Богу, дѣла идутъ лучше—и внутри, и внѣ, и нашъ Другъ здѣсь и благословилъ твой путь. Святой праздникъ *Покрова* пусть пошлетъ свое благословеніе на наши войска и принесетъ намъ побѣду, и пусть св. *Дѣва* покроетъ покровомъ своего *Омофора* всю страну. Всегда то же страданіе разставаться съ тобой, а теперь еще съ Беби, въ первый разъ въ жизни, это нелегко, это страшно тяжело. Но за тебя я радуюсь, по крайней мѣрѣ, ты не будешь совсѣмъ одинъ, а какъ нашъ Агунюшка будетъ гордъ, что ѣдетъ съ тобой и нѣтъ никого изъ насъ женщинъ около него. Совсѣмъ большой мальчикъ! Я увѣрена, что войска будутъ счастливы, когда до нихъ дойдетъ извѣстіе, что онъ съ тобой. Наши офицеры въ лазаретѣ были въ восторгѣ. Если ты увидишь войска за *Псковомъ*, пожалуйста, возьми его также съ собой въ моторѣ — я страшно надѣюсь, что ты увидишь хоть нѣсколько, пусть даже очень мало частей, но это всегда возбуждаетъ радость и удовлетвореніе. Телеграфируй словечко изъ *Пскова* насчетъ твоихъ плановъ, чтобы я могла слѣдить за тобой въ молитвахъ и помышленіяхъ. Душка, сердце мое! Ахъ, какъ тяжело каждый разъ отпускать тебя, хотя теперь у меня надежда скоро тебя увидѣть. Но тебѣ будетъ грустно, когда я пріѣду за Алексѣемъ, только не ранѣе десяти дней, я думаю.

Такъ одиноко безъ твоихъ ласкъ, которыя для меня все, — ахъ, какъ я люблю тебя, «больше и больше каждый день, съ безконечной искренней преданностью глубже, чѣмъ я могу сказать».[2] Но эти дни были

[1] За время пребыванія Государя въ Ц. Селѣ съ 21 сентября по 1 октября уволены отъ должностей А. Ф. Самаринъ и кн. Щербатовъ, на мѣсто коего назначенъ А. Н. Хвостовъ, а товарищемъ послѣдняго С. П. Бѣлецкій. На мѣсто Самарина назначенъ Волжинъ. Кн. Щербатовъ черезъ нѣсколько дней избранъ членомъ Гос. Совѣта по Полтавской губ., а московское деп. двор. собраніе постановило выразить Самарину скорбь по поводу оставленія имъ поста оберъ-прокурора.

[2] Кавычки въ письмѣ.

страшно утомительны для тебя, и послѣднiй вечеръ мы не могли даже спокойно провести вмѣстѣ, а это грустно. Постарайся, чтобы крошка не утомлялся на лѣстницѣ, я жалѣю, что онъ не спитъ около тебя въ поѣздѣ, но въ Могилевѣ будетъ уютно, «*Не надо*» даже,[1] такой трогательный и прелестный. Я надѣюсь, что тебѣ понравится моя фотографiя Беби въ рамкѣ. Дерев(енко)[2] взялъ съ собой наши подарки для Беби — пишущую машину, которую онъ получилъ здѣсь, и большую игру, когда онъ вернется — въ одномъ мѣшкѣ въ поѣздѣ. Ты ему дашь почтовой бумаги и серебряный жбанъ, чтобы поставить возлѣ его кровати, когда онъ вечеромъ будетъ ѣсть фрукты, вмѣсто фарфоровой тарелки. Спрашивай его отъ времени до времени, хорошо ли онъ читаетъ свои молитвы, пожалуйста, душка! Милый мой, я люблю тебя и хотѣла бы никогда съ тобой не разставаться и дѣлить все съ тобой. Какая радость была имѣть тебя здѣсь, мое солнышко, я буду жить этими воспоминанiями. Спи хорошо, мой муженекъ, твоя женка всегда возлѣ тебя, съ тобой и въ тебѣ. Когда ты вспомнишь книжки съ картинками, всегда думай о старой женкѣ. Богъ да благословитъ и защититъ, охранитъ и направитъ тебя.

Всегда твоя старая «Солнышко.»

Благословляю тебя. Цѣлую и ласкаю каждое нѣжно любимое мѣстечко и гляжу въ твои глубокiе, нѣжные глаза, которые давно меня совсѣмъ покорили. Любовь всегда растетъ.

№ 130.

1 октября 1915 г.

Милый, дорогой мой,

Оказывается, сегодня вечеромъ ѣдетъ курьеръ, такъ что я пользуюсь этимъ, чтобы послать тебѣ словечко. Ну, мы опять разлучены — но я надѣюсь, что тебѣ будетъ легче пока съ тобой Sunbeam — онъ оживитъ твой домъ и подбодритъ тебя. Какъ счастливъ онъ былъ поѣхать, съ какимъ возбужденiемъ онъ ожидалъ этой великой минуты путешествовать съ тобой одному. Я боялась, что ему можетъ быть будетъ грустно, такъ какъ, когда мы поѣхали на Югъ, чтобы встрѣтить тебя, въ декабрѣ, онъ плакалъ на станцiи, но нѣтъ, онъ былъ счастливъ. Татьяна и я очень старались быть храбрыми — ты не знаешь, что это такое, — быть безъ тебя и безъ маленькаго. Я только что посмотрѣла свою книжечку и съ отчаянiемъ увидѣла, что я буду...[3] десятаго... путешествовать и осматривать лазареты. Въ первые два дня я

[1] Передается, очевидно, какое то выраженiе наслѣдника.
[2] Матросъ, бывшiй дядька наслѣдника.
[3] Точки въ письмѣ.

право не могу, такъ какъ иначе у меня опять сдѣлается припадокъ моей безумной головной боли. Неправда ли, это слишкомъ глупо.

Мы сегодня днемъ ѣздили въ *Павловскъ*, воздухъ былъ совсѣмъ осеннiй — потомъ мы заходили въ *Знаменье* и поставили свѣчи, и я усердно молилась за моихъ дорогихъ. Послѣ этого Аня мнѣ читала. Послѣ чая я видѣлась съ Изой и потомъ пошла къ бѣдному мальчику — онъ очень перемѣнился со вчерашняго дня. Я погладила ему голову немного и тогда онъ проснулся — я сказала ему, что ты и Алексѣй шлете ему привѣтъ, это его обрадовало, и онъ такъ благодарилъ и потомъ опять заснулъ — это онъ въ первый разъ сегодня говорилъ. Когда я чувствую себя очень подавленной и несчастной, для меня утѣшенiе пойти къ тяжело больнымъ и стараться принести имъ лучъ свѣта и любви. Столько страданiя приходится переживать въ этотъ годъ, совсѣмъ изнашиваешься. Итакъ, *Кира*[1] съ тобой поѣхалъ, это хорошо и справедливо, только бы онъ не былъ глупымъ и сонливымъ. Я такъ надѣюсь, что тебѣ удастся завтра увидѣть нѣкоторыя части. Милый мой муженекъ, цѣлую и благословляю тебя безъ конца и жажду твоихъ ласкъ — на сердцѣ такъ тяжело. Господь съ тобой, пусть онъ тебѣ всегда помогаетъ.

Нѣжные любящiе поцѣлуи, любимый мой, отъ твоей собственной

женки.

Спи хорошо, пусть тебѣ приснится старое «Солнышко». Я надѣюсь, что ты будешь доволенъ Павломъ и что онъ не будетъ суетиться. Отвѣтилъ ли тебѣ маленькiй адмиралъ[2]?

№ 131. **2 октября 1915 г.**

Моя любимая душка,

Здравствуйте мои дорогiе, какъ вы спали, такъ хотѣлось бы знать. Я спала не очень хорошо, это всегда такъ, когда тебя нѣтъ, моя душка. Такъ странно было прочесть въ газетѣ, что ты и Беби отбыли на фронтъ. Я увѣрена, что тебѣ было уютно сидѣть и играть съ Беби, а не это всегдашнее одиночество; за Н. П. я тоже довольна, такъ какъ онъ самъ часто чувствуетъ себя одинокимъ, у него нѣтъ особенно близкихъ друзей, хотя онъ любитъ большинство (своихъ товарищей), и они въ хорошихъ отношенiяхъ, но мы всѣ ему недостаемъ, а теперь, что Алексѣй тамъ, ему будетъ теплѣе, и онъ будетъ чувствовать, что ты также къ нему близокъ. Mr. Жильяру все доставитъ удовольствiе, и онъ можетъ разговаривать съ французами. У тебя здѣсь было такъ

[1] Нарышкинъ, см. выше.
[2] Нидовъ.

много тяжкой работы, я рада, что все это теперь болѣе или менѣе позади и что ты сегодня видишь войска.

Ахъ, какъ я рада, сердце дочери и жены солдата радуется за тебя, — и я хотѣла бы быть съ тобой и видѣть лица этихъ храбрецовъ, когда они увидятъ, за кого и съ кѣмъ они идутъ на бой. Я надѣюсь, что тебѣ удастся взять съ собой Алексѣя. У него и у нихъ на всю жизнь останется впечатлѣніе.

Ахъ, какъ вы мнѣ оба недостаете! Въ часъ его молитвы я должна сказать, что я совсѣмъ разстроилась такъ, что поспѣшила въ свою комнату и прочла всѣ его молитвы на случай, что онъ забылъ ихъ. Пожалуйста, спроси его, помнитъ ли онъ ихъ каждый день. Что это будетъ для тебя, когда я поѣду за нимъ! Ты тоже долженъ куда нибудь поѣхать, чтобы не оставаться одному. Мнѣ уже кажется, какъ будто вы уѣхали давнымъ давно, я такъ тоскую по васъ — ты мнѣ недостаешь, мой ангелъ, болѣе, чѣмъ я могу сказать. Я была сегодня утромъ у Ани, повезла ее въ *Знаменье* и въ большой дворецъ, откуда она уѣхала въ городъ, а я пошла къ бѣдному мальчику; онъ никого не узнавалъ и не былъ въ состояніи говорить, но меня онъ сразу узналъ и даже сказалъ нѣсколько словъ. Оттуда я пошла въ нашъ лазаретъ. Прибыло два новыхъ офицера. У одного бѣдняги пуля или осколокъ въ глазу, у другого глубоко въ легкихъ и, вѣроятно, одинъ осколокъ въ животѣ. У него такое сильное внутреннее кровоизліяніе, что его сердце совершенно перемѣстилось къ правой сторонѣ, такъ что ясно видно, какъ оно пульсируетъ возлѣ его праваго соска. Это очень серьезный случай, вѣроятно, его придется оперировать завтра — у него пульсъ 140 и онъ страшно слабъ, глазныя яблоки такія желтыя и животъ вздутъ — это будетъ мучительная операція. Послѣ завтрака мы принимали четырехъ новыхъ *Алекс*(андровцевъ), только что произведенныхъ, отправляющихся на фронтъ — двухъ *Елизаветградцевъ* и четырехъ *Вознесенцевъ;* — четырехъ раненыхъ и сына *Арсеньева.* Потомъ мы катались, ѣли грушу и яблоко — и были на кладбищѣ, чтобы взглянуть на нашу крошечную *Временную Ц*(ерковь) въ память нашихъ павшихъ героевъ. Оттуда въ Большой Дворецъ на *молебенъ* передъ иконой Богоматери, которую я просила принести изъ *Знаменья* и пронести черезъ всѣ палаты — было хорошо.

Послѣ чая я видѣла *Русина* и передала ему письма для Викторіи и Торіи — потомъ *Ресина* по поводу нашего путешествія — только какой назначить день? *Беккеръ* мнѣ все испортила. Я получила твою телеграмму въ половинѣ шестого. Мы всѣ ей радовались, слава Богу, что ты видѣлъ войска, но ты не говоришь, былъ ли съ тобой крошка. Не распорядишься ли ты, чтобы войска, которыя теперь стоятъ въ *Могилевѣ,* произвели въ твоемъ присутствіи нѣсколько упражненій и тогда

они смогутъ увидѣть Беби. То, что онъ отправился на фронтъ, также принесетъ благословеніе, — нашъ Другъ такъ сказалъ Анѣ; даже Агунюшка помогаетъ. Онъ[1] въ ярости по поводу того, какъ себя ведутъ въ Москвѣ. Вотъ княгиня изъ Дворца[2] уже послала свое первое раздушенное письмо, которое я тебѣ препровождаю. Лично я думаю, что она не должна была бы просить за него, на что это будетъ похоже, оба сына Павла, живущіе лѣниво и удобно въ *Ставкѣ*, пока ихъ товарищи проливаютъ свою кровь, какъ герои. Я завтра пошлю тебѣ красивые стихи мальчика[3]. Если бы я была на твоемъ мѣстѣ, я бы сказала Павлу объ этомъ письмѣ, даже показала бы ему и объяснила бы, что слишкомъ рано требовать его обратно — достаточно скверно, что одинъ сынъ не на фронтѣ, и мальчику бы это повредило въ полку, увѣряю тебя; — послѣ нѣкотораго срока службы можетъ быть ему можно дать мѣсто *ординарца* у одного изъ генераловъ, но теперь, мнѣ кажется, еще рано. Я понимаю, что ея материнское сердце обливается кровью, — но она не должна вредить карьерѣ сына. Не говори съ Димитріемъ объ этомъ. Теперь я должна написать Михенъ и тетѣ Ольгѣ, чтобы, такъ сказать, «пригласить» ихъ на освященіе нашей микроскопической церкви — оффиціально я не могу (приглашать ихъ), такъ какъ церковь слишкомъ мала, но если я этого не сдѣлаю, Михенъ, навѣрное, обидится. *Павловское* семейство (дамъ)[4] я также должна пригласить, такъ какъ ихъ солдаты похоронены на нашей землѣ.

Прощай, моя любовь, мой милый, любимый. Цѣлую, благословляю тебя безъ конца.

Навсегда твоя женка.

Хвостовъ просилъ повидать меня послѣ пятаго.

№ 132.

3 октября 1915 г.

Моя любимая душка,

Великолѣпный, яркій, солнечный день — ночью два градуса мороза. Какъ жалко, что въ газетахъ ничего не написано о томъ, что ты обозрѣвалъ войска. Я надѣюсь, что завтра это появится. Необходимо печатать всѣ эти вещи, не обозначая, конечно, какія ты видѣлъ части. Я жадно жду подробностей, какъ все это было.

---

[1] Распутинъ.

[2] Княгиня Палѣй. Она выстроила себѣ въ Царскомъ роскошный особнякъ-дворецъ.

[3] Молодого Палѣя.

[4] В. Князя Константина Константиновича.

Такъ глупо, въ Москвѣ они хотятъ подать *Самарину* адресъ, когда онъ вернется изъ деревни. Повидимому, этотъ мерзкій *Востоковъ*[1] послалъ ему телеграмму отъ имени своихъ двухъ *Паствъ — Московской* и *Коломенской*, а потому милый маленькій *Макарій*[2] написалъ въ *Духовную Консисторію*, настаивая на томъ, чтобы была представлена копія телеграммы *Востокова Самарину* и чтобы выяснить, кто далъ ему право послать такую телеграмму[3]. Какъ хорошо будетъ, если маленькому митрополиту удастся отдѣлаться отъ *Востокова*, давно пора. Онъ дѣлаетъ безконечно много вреда, и это онъ руководитъ *Самаринымъ*. Въ Москвѣ нехорошо, но, дастъ Богъ, ничего не случится — но нужно, чтобы они чувствовали твое неудовольствіе. Моя душка, ты мнѣ такъ, такъ недостаешь, я хочу твоихъ поцѣлуевъ, хочу слышать твой дорогой голосъ и смотрѣть тебѣ въ глаза. Я такъ благодарю тебя за твою телеграмму — ну, Беби, навѣрное, было пріятно присутствовать на *смотру*. Какъ уютно должно быть, что ваши кровати въ одной и той же комнатѣ. И прогулка тоже была пріятная. Я всегда передаю по телефону все, что ты пишешь, *Влад*(иміру) *Ник*(олаевичу).

Сегодня утромъ я зашла къ маленькому мальчику — онъ быстро таетъ и спокойный конецъ можетъ наступить сегодня вечеромъ — я говорила съ его бѣдной матерью, она была такъ мужественна, все такъ хорошо понимала.

Потомъ мы работали въ лазаретѣ, и *Влад*(имиръ) *Ник*(олаевичъ) сдѣлалъ проколъ новому офицеру — вѣроятно, завтра будетъ операція. У княжны Гедройцъ температура 39 съ чѣмъ-то, и она чувствуетъ себя очень больной. Боятся, что у нея рожа головы, такъ что она просила *Дерев*(енько) замѣнить ее для серьезныхъ операцій. *Настенька* завтракала, потомъ я принимала генераловъ Князя *Туманова* и *Павлова*, Бенкендорфа, Изу. Освященіе лазарета въ Зимнемъ Дворцѣ можетъ быть только десятаго, такъ какъ Красный Крестъ еще не доставилъ кроватей и т. д. Наша роль выполнена — такъ что ты видишь — я лучше останусь спокойной послѣ этой церемоніи (и навѣрное Беккеръ 11 и 12), — и если такъ, то я буду въ *Могилевѣ* 15-го утромъ, если тебѣ это удобно. Это будетъ четвергъ, какъ разъ двѣ недѣли со дня твоего отъѣзда. Ты дай мнѣ знать. Это значитъ, что я 13-го буду въ *Твери*, 14-го въ другихъ мѣстахъ, приближаясь къ тебѣ. Чудная, яркая луна. Теперь десять минутъ шестого и уже становится довольно темно. Мы пили чай послѣ прогулки въ *Павловскъ;* такъ холодно! У маленькихъ примѣрка, а большія отправились чистить инструменты

[1] **Священникъ.**
[2] Митрополитъ московскій.
[3] Духовная консисторія послала Востокову соотвѣтствующій запросъ.

въ нашемъ лазаретѣ. Въ половинѣ седьмого мы будемъ на всенощной въ нашей маленькой новой церкви.

Вечеромъ мы увидимся съ нашимъ Другомъ у Ани, чтобы съ нимъ проститься. Онъ очень проситъ тебя послать телеграмму сербскому королю, такъ какъ онъ очень тревожится, что Болгарія съ ними покончитъ — такъ что я прилагаю Его бумажку, которою ты можешь использовать для твоей телеграммы — изложи смыслъ своими словами и, конечно, короче, напоминая имъ о ихъ Святыхъ и т. д. Пусть Беби покажетъ тебѣ конвертъ *Петра Васильевича*, онъ прелестенъ. Я также буду адресовать свои письма ему отдѣльно, онъ будетъ этимъ гордиться. Наши подарки для него у *Деревенко, и* ты можешь ихъ приготовить въ спальнѣ передъ обѣдомъ. Хотѣла бы знать, какъ ты будешь праздновать *конвой* [1].

Теперь я должна кончать мое письмо, душка. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя, и пусть Св. Дѣва защититъ тебя отъ всякаго зла. Всякія благопожеланія на именины нашего дорогого.

Цѣлую тебя безъ конца и прижимаю тебя крѣпко къ своему старому сердцу, которое всегда по тебѣ тоскуетъ. Милый Ники, твоя женка

Аликсъ.

№ 133.

4 октября 1915 г.

Моя любимая душка,

Отъ всего сердца поздравляю тебя съ именинами нашего дорогого ребенка — онъ проводитъ ихъ совсѣмъ какъ маленькій военный. Я читала телеграмму, которую посылаетъ ему нашъ Другъ, она такъ красива. Ты сегодня вечеромъ въ церкви, но я чувствую себя слишкомъ усталой, поэтому отправилась въ *Знаменье* только, чтобы поставить свѣчи за мою душку. Чудный солнечный день, утромъ на нулѣ, вечеромъ три градуса. Въ десять мы отправились на освященіе милой малой церкви — вечерняя всенощная была также очень красива — множество сестеръ въ своихъ бѣлыхъ косынкахъ придаютъ такой живописный видъ. Тетя Ольга и мы обѣ также были одѣты сестрами, такъ какъ мы тамъ молимся за нашихъ бѣдныхъ раненыхъ и убитыхъ. Были также Михенъ и Мавра, и княгиня *Палѣй*. Около 200 человѣкъ изъ *ком. выздоравл.* стояли кругомъ церкви и видѣли *крестный ходъ*. Въ часъ мы отправились въ нашъ лазаретъ, и *Вл*(адиміръ) *Ник*(олаевичъ) сдѣлалъ операцію, которая прошла благополучно, потомъ у насъ

[1] Праздникъ Конвоя.

были *перевязки*, послѣ чего я отправилась повидать бѣдную княжну Гедройцъ. У нея было 40,5, она вечеромъ причащалась и потомъ чувствовала себя спокойнѣе, говорила о смерти и отдала всѣ свои распоряженія. Сегодня она меньше страдаетъ, но все же положеніе очень серьезное, такъ какъ рожа опускается къ уху, но нашъ Другъ обѣщалъ помолиться за нее. Потомъ мы заѣхали за Аней и поѣхали въ Павловскъ. Все выглядѣло такъ красиво, и потомъ на кладбище, такъ какъ я хотѣла возложить цвѣты на могилу бѣднаго Орлова — вотъ уже семь лѣтъ, что онъ умеръ. Послѣ чая — изъ *Знаменья* въ Большой Дворецъ къ бѣдному мальчику. Онъ меня узналъ, удивительно, что онъ еще живъ. Аня и *Лили Денъ* приходятъ обѣдать. Вчера я видѣла *Гр*(игорія) у Ани — хорошо. Зина также тамъ была, — онъ такъ хорошо говорилъ. Онъ просилъ меня сказать тебѣ, что не все ладно съ новыми размѣнными почтовыми знаками [1], простой народъ этого не понимаетъ. У насъ достаточно размѣнной монеты, а это можетъ вызвать непріятности — кажется, что мнѣ хочется сказать «хвосту». чтобы онъ переговорилъ объ этомъ съ Баркомъ [2]. Понятно — не приняли Его телеграммы къ Беби, такъ что я посылаю ее тебѣ, чтобы ты прочелъ ее нашему крошкѣ. Можетъ быть, ты мнѣ протелеграфируешь, чтобы поблагодарить Его.

Какъ ты находишь извѣстія? Я была такъ счастлива получить твою телеграмму и письма отъ Беби и отъ Mr. Жильяръ сегодня. Они меня согрѣли, и я могла все себѣ представить. Такъ странно не быть съ нимъ въ его именины. Его письмо было прелестно. Я также пишу каждый день — вѣроятно, дѣлаю много ошибокъ также. Старшія дѣвочки вечеромъ идутъ чистить инструменты. Совсѣмъ курьезно не имѣть «пока» никакихъ вопросовъ, чтобы писать тебѣ и надоѣдать тебѣ ими. Уютна ли твоя спальня? Спалъ ли онъ спокойно и не мѣшали ли ему скрипучія доски? Ахъ, вы мнѣ такъ страшно недостаете оба! Теперь прощай, моя любовь. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя. Покрываю тебя поцѣлуями, мой любимый, и остаюсь твоя нѣжно любящая собственная

«Солнышко».

Душка, я не думаю, чтобы это было правильно, что жена *Замойскаго* собирается занять помѣщеніе въ *Ставкѣ*. Извѣстны ея похожденія съ *Борисомъ* въ *Варшавѣ*, въ поѣздѣ, въ *Ставкѣ* и теперь въ *Петроградѣ*, и это повредитъ репутаціи *Ставки*. Фредериксъ такъ восхищается ею, что онъ не откажетъ, но, пожалуйста, скажи *Замойскому*, что лучше,

[1] Введенными въ то время изъ за затрудненій съ серебряной монетой.

[2] Черезъ нѣсколько дней послѣ этого Баркъ заявилъ въ газетахъ, что будутъ выпущены новые боны.

чтобы дамы не пріѣзжали и не устраивались въ *Ставкѣ*, и что я потому и сама не дѣлаю этого. Аня цѣлуетъ твою руку и поздравляетъ Алексѣя.

№ 134.

5 октября 1915 г.

Моя родная душка,

Еще разъ поздравляю тебя съ сегодняшнимъ дорогимъ днемъ, Богъ да хранитъ наше дорогое дитя въ здоровьѣ и счастьѣ. Я такъ рада, что, наконецъ, напечатали, что ты смотрѣлъ войска, и рѣчь, которую ты имъ сказалъ, иначе никто бы объ этомъ не зналъ на фронтѣ, какъ было раньше. И каждое твое маленькое передвиженіе на фронтѣ, когда о немъ будутъ знать, еще болѣе подыметъ духъ войскъ, и всѣ будутъ надѣяться на такую же удачу.

Чудное солнечное, холодное утро. Мы въ десять часовъ пошли въ церковь, потомъ я переодѣлась, и мы работали въ лазаретѣ до безъ десяти двухъ. Послѣ завтрака я каталась съ дѣвочками.

Михенъ пришла къ чаю, была мила и уютна. Она такъ рада, что Плото освобожденъ — теперь его высылаютъ въ Сибирь, но это совсѣмъ другое дѣло. Она теперь ѣдетъ со своимъ поѣздомъ, Ducky вернулась со страшнымъ кашлемъ — поэтому она теперь хочетъ ѣхать, такъ какъ это недалеко и не долго. Ну, будемъ надѣяться, что никакихъ бомбъ на этотъ поѣздъ не сбросятъ. Мы только что вернулись съ *панихиды* въ новой церкви — маленькій мальчикъ въ Большомъ Дворцѣ мирно скончался прошлой ночью, а другой умеръ въ лазаретѣ М. (Маріи) и А. (Анастасіи). Такъ что тамъ стояли два гроба, я такъ рада, что у насъ тамъ устроена эта маленькая церковь. Я еще принимала нѣсколькихъ офицеровъ и теперь чувствую себя страшно усталой, потому извини краткость моего письма. *Лили Денъ* была вчера вечеромъ очень красива и мила.

Какъ славно, что ты молишься съ Беби. Онъ объ этомъ мнѣ написалъ, сокровище; его письма прелестны. Я такъ благодарна, что ты сказалъ *Григоровичу*, чтобы онъ каждый вечеръ посылалъ мнѣ бумаги — я ихъ жадно читаю и потомъ возвращаю ихъ, запечатывая сама. Душка, дорогое сокровище, я хотѣла бы имѣть крылья, чтобы перелетѣть къ тебѣ и посмотрѣть, какъ вы оба спите въ маленькихъ кроваткахъ и хотѣла бы подвернуть вамъ одѣяла и обоихъ васъ покрыть поцѣлуями . . . — очень «не надо».

Навсегда, мое сокровище, твоя собственная, нѣжно любящая, старая

женка.

Богъ да благословитъ и охранитъ тебя. Ночью два и три градуса мороза, тѣмъ не менѣе я сплю съ открытой *форточкой.* Здѣсь такъ пусто, вы мнѣ оба страшно недостаете. Какъ поживаетъ Павелъ?

Можетъ быть тебѣ интересно прочесть письмо *Путят*(ина), потому посылаю его.

№ 135.

6 октября 1915 г.

Мое дорогое сокровище,

Холодное туманное утро. Я прочла газеты. Слава Богу, извѣстія продолжаютъ быть лучше. Я была рада увидѣть, что уже говорятъ о томъ, чтобы перемѣнить почтовыя деньги, это хорошо. Княжнѣ Гедройцъ, слава Богу, лучше, температура упала.

Мы только что вернулись изъ города. Школа въ самомъ дѣлѣ прелестна — въ четвертомъ этажѣ, такъ что меня понесли наверхъ, потому что лифтъ еще не былъ готовъ, часть необходимыхъ вещей еще находится въ *Архангельскѣ* — въ самомъ дѣлѣ дѣвочки сдѣлали удивительные успѣхи. Я прошла черезъ всѣ ихъ мастерскія: ткацкую, выдѣлыванія ковровъ, вышиванія, рисовальное отдѣленіе, гдѣ онѣ готовятъ краски и красятъ шелковыя нитки и матеріи — онѣ добываютъ краски изъ растеній — прелестная лиловая краска цвѣта моего шелковаго платья добывается изъ *черники.* Нашъ *батюшка* служилъ *молебенъ*, *Баркъ*, *Хвостовъ*, *Волжинъ*[1] и *Кривошеинъ* были тамъ. Послѣдній преподнесъ намъ 24.000 рублей на содержаніе школы въ теченіе года. Потомъ мы пили чай на *Елагинѣ*, мамаша выглядитъ хорошо и собирается поѣхать въ *Кіевъ* на короткое время, чтобы повидать Ольгу пока Ксенія въ отсутствіи. Я это нахожу прекрасной мыслью. Утромъ мнѣ было много дѣла въ лазаретѣ. Душка, почему *Джунк*(овскій) получилъ *Преображенцевъ* и *Семеновцевъ?* Это ему слишкомъ много чести послѣ его подлаго поведенія, — это портитъ эффектъ наказанія — онъ долженъ былъ бы получить армейскіе полки. Онъ продолжалъ говорить мерзости по поводу нашего Друга, распространяя ихъ теперь среди дворянства — «хвостъ» завтра мнѣ принесетъ доказательства — ахъ, нѣтъ, это уже было слишкомъ хорошо, что ему дали такое чудное назначеніе — я могу себѣ представить, какую грязь онъ будетъ распространять въ этихъ двухъ полкахъ и всѣ ему повѣрятъ. Я посылаю тебѣ очень толстое письмо отъ Коровы[2], влюбленное созданіе не могло больше ждать, ей нужно излить свою любовь, иначе она лопнетъ. У

[1] Оберъ-прокуроръ Св. Синода, назначенный вмѣсто Самарина.
[2] Неизвѣстно, о комъ говорится.

меня болитъ спина, и я чувствую большое утомленіе, и тоскую по моемъ миломъ. Въ общемъ держишься, но бываютъ минуты, когда это очень трудно. Когда проходятъ санитарные поѣзда, не заглядываешь ли ты иногда въ нихъ? Осматривалъ ли ты домъ, гдѣ работаютъ всѣ мелкіе чины твоего штаба, возьми Беби съ собой и это будетъ для нихъ выраженіемъ благодарности за ихъ тяжелую работу и поддержитъ ихъ усердіе. Были ли различные офицеры твоего штаба приглашаемы къ завтраку по воскресеньямъ? Пріѣхалъ ли англійскій адмиралъ? У меня столько дѣла, столько надо повидать народа и т. д., что я чувствую себя крайне усталой и глотаю много лекарствъ. Какъ твое здоровье, мой любимый? Есть ли вблизи *Орши* или *Витебска* войска, которыя ты могъ бы посмотрѣть? Ты могъ бы отдать этому нѣсколько часовъ въ теченіе дня. Ты должно быть меня находишь надоѣдливой, но я такъ хотѣла бы, чтобы ты побольше осматривалъ войскъ. Я увѣрена, что молодые солдаты проѣзжаютъ (мимо *Ставки)* на пути къ своимъ полкамъ. Ты могъ бы ихъ пропустить мимо себя на станціи, и они будутъ счастливы. Ты знаешь — наша публика часто имѣетъ ложное представленіе, что не надо говорить тебѣ, считая что это можетъ помѣшать твоей обычной прогулкѣ, какъ будто нельзя было бы прекрасно все соединить. Что дѣлаетъ Павелъ по вечерамъ? и что рѣшилъ насчетъ Дмитрія? Ахъ, милый, какъ я жажду тебя, тоскую по васъ обоихъ, вы мнѣ страшно недостаете, но я увѣрена, что теперь все кажется по другому, когда у тебя нашъ человѣчекъ. Прикажи, чтобы полкъ продѣлалъ въ твоемъ присутствіи упражненія и дай Беби также посмотрѣть, это будетъ для васъ обоихъ пріятнымъ воспоминаніемъ, мое солнышко и мой солнечный лучъ. Письмо должно уйти. Прощай, мой собственный муженекъ, сердце моего сердца, душа моей жизни. Крѣпко обнимаю тебя и цѣлую съ такой нѣжностью, лаской и любовью. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя, и защититъ отъ всякаго зла. Тысяча поцѣлуевъ отъ

твоей старой женки.

№ 136.

7 октября 1915 г.

Мой родной,

Дорогая моя душка, я стараюсь представить себѣ, какъ ты сидѣлъ и благодарилъ за поздравленія. Я также получила нѣсколько отъ Бебиныхъ полковъ (я собираю его полковыя поздравленія во время войны), и я отвѣтила, что онъ въ *Ставкѣ*, такъ какъ я была увѣрена, что это обрадуетъ ихъ сердца знать, что отецъ и сынъ вмѣстѣ. Съ вчераш-

няго вечера идетъ снѣжокъ, но совсѣмъ почти не держится — кажется, такъ рано начинается настоящая зима. Дорогая душка, я посылаю тебѣ двѣ марки (деньги) отъ нашего Друга, чтобы показать тебѣ, что уже одна изъ нихъ поддѣльная. Публика очень недовольна — такія маленькія бумажки улетаютъ, въ темнотѣ публика обманываетъ *извозчиковъ*, и это нехорошо — онъ умоляетъ тебя сейчасъ же это прекратить. Эта подлая Болгарія [1], теперь они повернутся противъ насъ съ юга, а можетъ быть ты думаешь, что они только пойдутъ на Сербію, а потомъ на Грецію — это подло. Послалъ ли ты телеграмму старому королю Петру? Нашъ Другъ такъ этого хотѣлъ.

О милый мой, теперь безъ двадцати восемь, и я совсѣмъ одурѣла, мнѣ надо сказать множество вещей, и я не знаю съ чего начать. Отъ половины одиннадцатаго до половины перваго были операціи и накладывался гипсъ — отъ двѣнадцати три четверти до часу *Кривошеинъ,* мы только говорили о *Кустарномъ Комитетѣ,* какъ его устроить, кого пригласить и т. д. Дѣвочки пришли поздно къ завтраку, мнѣ надо было выбирать имъ верхнія платья, затѣмъ принимала офицеровъ. *Барка* на полчаса, а потомъ въ Большой Дворецъ. Потомъ получила твое драгоцѣнное письмо, за которое благодарю тебя безъ конца, милый мой. Я рада была получить его, цѣловала и перечла его и письмо крошки также. Нашъ Другъ нѣсколько опасается насчетъ *Риги,* а ты какъ?

Я говорила съ *Баркомъ* по поводу марокъ, онъ тоже нашелъ, что марки не годятся и хочетъ предложить японцамъ чеканить для насъ монету — и потомъ имѣть бумажныя деньги вмѣсто крошечныхъ марокъ, вродѣ итальянскихъ лиръ, которыя дѣйствительно настоящія бумажныя деньги. Онъ былъ очень интересенъ. Потомъ м-мъ Зизи, потомъ молодая lady Sybil de Grey, которая пріѣхала, чтобы устроить англійскій госпиталь, и Малькольмъ (котораго я раньше знала, онъ былъ на свадьбѣ Mossy и на нашей коронаціи красивымъ кудрявымъ юношей въ шотландской формѣ), оба оставались по двадцать минутъ.

Потомъ *Хвостовъ* до настоящей минуты, и у меня голова отъ всего идетъ кругомъ. Въ качествѣ замѣстителя *Джунковскаго* для жандармовъ онъ думаетъ, что *Татищевъ* (зять Зизи) могъ бы подойти; онъ скроменъ и настоящій джентлеменъ — только онъ долженъ былъ бы носить мундиръ — ты далъ мундиръ *Оболенскому* и *Курлову* и другому князю *Оболенскому,* финляндскому генералъ-губернатору, — онъ просилъ меня заранѣе тебѣ объ этомъ сказать, такъ чтобы ты могъ обдумать, подходитъ ли это тебѣ. Онъ собирается просить тебя принять его на будущей недѣлѣ и сообщилъ мнѣ тѣ вопросы, которыхъ онъ коснется.

[1] 6 октября Болгарія объявила войну.

Завтра я постараюсь написать больше, когда буду въ состояніи спокойно все выразить въ словахъ — сегодня вечеромъ я чувствую себя слишкомъ идіоткой. Нашъ Другъ былъ очень доволенъ твоимъ *указомъ* насчетъ Болгаріи. Онъ нашелъ его хорошо изложеннымъ.

Теперь я должна кончать. Благодарю тебя еще и еще за твое милое письмо, дорогой мой ангелъ. Я могу себѣ представить тебя и крошку по утрамъ и могу мысленно говорить съ тобой, пока ты еще спросонья. Гадкій мальчикъ, онъ написалъ сегодня «*папа много и долго сегодня утромъ вонялъ*». Что за шалунъ! Ахъ мои ангелы, какъ я васъ люблю, но вы мнѣ будете страшно недоставать потомъ. Только что получила твою телеграмму. Какія извѣстія, моя душка, я жажду что нибудь получить, кажется опять дѣла очень плохи!

Прощай, мое солнце, покрываю тебя нѣжными поцѣлуями. Благословляю тебя, моя любовь.

Навсегда твоя старая женка.

№ 137.

8 октября 1915 г.

Мой родной, любимый,

Сѣрое и мрачное утро. У васъ тоже холодная погода, я вижу, это грустно, зима вѣдь такая безконечная. Я рада, что крошка хорошо себя ведетъ, и я надѣюсь, что его присутствіе не мѣшаетъ тебѣ смотрѣть войска или дѣлать что либо въ этомъ родѣ. Надоѣдаю ли я тебѣ, всегда упоминая объ этомъ? Только у меня такое сильное желаніе, чтобы ты повсюду разъѣзжалъ, видѣлъ больше, и самъ показывался. Стоятъ ли какіе либо запасные полки въ *Витебскѣ*, или тамъ только держатъ лошадей? Беби пишетъ такія забавныя письма, и все что приходитъ ему въ голову. Разговариваетъ ли онъ съ иностранцами, или не рѣшается? Я рада, что его *лампадка* не мѣшаетъ тебѣ спать. Ну теперь насчетъ Хвоста. Я говорила съ нимъ по поводу муки, сахара, котораго недостаетъ, масла, котораго тоже не хватаетъ въ *Петроградѣ*, между тѣмъ какъ въ *Сибири* застряли полные вагоны. Онъ говоритъ, что все это касается *Рухлова*[1], онъ долженъ за этимъ наблюдать и давать приказанія, чтобы проходили вагоны. Вмѣсто всѣхъ этихъ необходимыхъ продуктовъ проходятъ вагоны съ цвѣтами и съ фруктами, что прямо стыдно. Этотъ милый человѣкъ старъ — онъ долженъ былъ бы самъ отправиться туда и все осмотрѣть и все наладить — правда это вопіющій позоръ, и чувствуешь себя униженной въ глазахъ иностранцевъ при мысли, что такой безпорядокъ можетъ существовать. Не могъ

[1] М-ра Путей Сообщенія, впослѣдствіи замѣненнаго Треповымъ.

ли бы ты кого нибудь выбрать и послать, чтобы все это организовать и заставить всѣхъ работать, какъ слѣдуетъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стоятъ вагоны и гніютъ продукты. *Хв*(остовъ) упомянулъ о *Гурко*[1], какъ о человѣкѣ, котораго надо послать для инспекціи, такъ какъ онъ очень энергиченъ и проворенъ во всемъ — но любишь ли ты такого типа? Правда, что съ нимъ несправедливо поступилъ *Столыпинъ*[2], но какія нибудь энергическія мѣры должны быть приняты. Я тебѣ писала насчетъ *Татищева*[3] и о жандармахъ, только я забыла сказать Х(востову), что онъ страшно противъ нашего Друга, такъ что онъ долженъ былъ бы съ нимъ прежде всего, я думаю, переговорить на эту тему. Представь себѣ, какая гадость, военное министерство имѣетъ свою собственную развѣдочную службу, чтобы разыскивать шпіоновъ[4] и теперь они шпіонятъ за *Хв*(остовымъ) и выясняютъ, куда онъ ѣздитъ и кого онъ видитъ, и бѣдняга этимъ очень разстроенъ. Онъ не можетъ поднять скандала, такъ какъ онъ это обнаружилъ черезъ посредство писаря (? кажется), который ему все это разсказалъ, его дядя *Хв*(остовъ) также слышалъ разныя вещи, идущія отъ *Поливанова* — этотъ послѣдній продолжаетъ быть другомъ *Гучкова*, и потому они могутъ вредить *Хв*(остову). Надо бы внимательно наблюдать за *Полив*(ановымъ). Баркъ его также терпѣть не можетъ и на дняхъ далъ ему очень рѣзкій отпоръ. Но, можетъ быть, ты доволенъ работой *Поливанова* въ отношеніи войны? Во всякомъ случаѣ, когда ты найдешь, что его надо смѣнить, есть его помощникъ Бѣляевъ, котораго всѣ хвалятъ, какъ умнаго, трудоспособнаго человѣка и настоящаго джентльмена, абсолютно тебѣ преданнаго. Со всѣхъ бумагъ противъ нашего Друга, которыя хранились въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, *Джунк*(овскій) снялъ копіи (онъ не имѣлъ права это сдѣлать) и показывалъ ихъ направо и налѣво въ Москвѣ среди дворянства — послѣ того, какъ его смѣнили. Жена Павла еще разъ повторила Анѣ, что Д(жунковскій) далъ ему[5] честное слово, будто ты зимой приказалъ Джунковскому отдать *Гр*(игорія) подъ судъ — онъ это сказалъ Павлу и его женѣ и повторилъ это Дмитрію и многимъ другимъ въ городѣ. Я называю этотъ поступокъ безчестнымъ нелойяльнымъ въ высшей степени, и нахожу, что человѣкъ этотъ не заслуживаетъ ни награды, ни высокихъ назначеній. Такой человѣкъ будетъ продолжать безъ стѣсненія дѣлать зло и агитировать противъ нашего Друга въ полкахъ. Гр(игорій) говоритъ, что ему

[1] В. І. Гурко, членъ Гос. Совѣта.

[2] Знаменитое судебное дѣло Гурко—Лидваль, разсматривавшееся въ Прав. Сенатѣ.

[3] Ряз. губернаторъ Татищевъ назначенъ командиромъ отд. корпуса жандармовъ.

[4] Знаменитая контръ-развѣдка.

[5] Т. е. В. Кн. Павлу Александровичу.

(Джунковскому) никогда не можетъ посчастливиться въ его работѣ также, какъ Н. (Николашѣ), потому что они пошли противъ него (тебя).

Что за прелестный сюрпризъ! Твое дорогое письмо мнѣ сегодня такъ рано принесли. Благодарю тебя еще и еще, моя душка. Это правильно, дорогой, что ты сразу распорядился смѣнить тѣхъ трехъ генераловъ, которые были виноваты; такія мѣры будутъ урокомъ для другихъ, и они будутъ внимательнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ. Я хотѣла бы знать, кто эти три. Но дай Богъ, чтобы Рига не была взята, и такъ довольно съ нихъ.

Что за идіотка я была, что неправильно нумеровала свои письма, пожалуйста, исправь ошибку. Крошка любитъ копать и работать, такъ какъ онъ такъ силенъ, и забываетъ, что онъ долженъ быть остороженъ — только наблюдай за тѣмъ, чтобы онъ не дѣйствовалъ ею (больной рукой) — при мокрой погодѣ она можетъ больше болѣть. Я рада, что онъ такъ мало застѣнчивъ, это очень важно. Я сегодня утромъ не иду въ лазаретъ и только встану къ завтраку, потому что у меня спина продолжаетъ болѣть, и я чувствую себя очень усталой, но все же я ѣду въ городъ, это необходимо, ибо публика такъ недружелюбна и такъ осуждаетъ — такъ вотъ и надо показываться, хотя это утомительно. Меня удивляетъ, что маленькій адмиралъ не отвѣтилъ на твое письмо — я думаю, что перемѣна воздуха принесетъ пользу ему и его женѣ; А. (Аня) была у нихъ, какъ я просила ее — сперва онъ былъ натянутъ — онъ не видѣлъ ее цѣлый годъ и никогда не справлялся о ея здоровьѣ послѣ ея происшествія[1]. Но послѣ этого онъ смягчился, очень много говорилъ по поводу *Ставки* и перемѣны къ лучшему съ тѣхъ поръ, какъ ты стоишь во главѣ.

Ну, я устала, въ городѣ я принимала баронессу Икскуль[2] изъ Кауфмановской общины. Я въ первый разъ ее видѣла, и у насъ была очаровательная бесѣда. Она очень любитъ нашего Друга. Потомъ я отправилась съ двумя младшими къ графинѣ Гендриковой, которой я не видѣла цѣлый годъ — въ самомъ дѣлѣ было «утомительно» съ ней бѣдняжкой. Потомъ къ намъ присоединились старшія дѣвочки, и мы отправились съ *Дворянское Собраніе*. Случайно я попала въ день, когда они всѣ были собраны на засѣданіе — *ну, пускай*, можетъ быть это къ лучшему и они станутъ любезнѣе.

Мы пили чай въ поѣздѣ. Вернувшись домой я нашла твою милую телеграмму, за которую нѣжно благодарю. Какъ я рада, что наша атака возлѣ *Барановичей* была удачна. Элла телеграфировала, что

---

[1] Жел. дор. несчастья.

[2] Варвара Ивановна Икскуль фонъ Гильденбандъ, имѣвшая большія связи въ радикальныхъ литературныхъ кругахъ Петербурга. Поэтому ея близость къ Распутину возбуждала большіе толки.

мой Гродненскій лазаретъ съ м-мъ Кайгородовой помѣстился возлѣ Москвы въ хорошемъ новомъ домѣ.

Потомъ я принимала *Волжина*, съ которымъ я бесѣдовала три четверти часа; онъ на меня произвелъ отличное впечатлѣніе. Дай Богъ, чтобы всѣ его хорошія намѣренія удались и чтобы онъ имѣлъ силу осуществить ихъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ, кажется, надлежащій человѣкъ на надлежащемъ мѣстѣ[1], и онъ очень радъ работать съ энергичнымъ молодымъ *Хвостовымъ*. Уходя, онъ попросилъ меня благословить его, что меня очень тронуло — видно, что онъ полонъ лучшихъ намѣреній и прекрасно понимаетъ нужды нашей церкви. Какъ страшно трудно было найти настоящаго человѣка — и мнѣ кажется ты его нашелъ. Мы затронули всѣ наиболѣе жизненные вопросы о нашемъ духовенствѣ, *бѣженцахъ*, *Синодѣ* и т. д. М-мъ Гюнстъ[2] приходитъ въ девять, чтобы проститься, она ѣдетъ въ *Бѣлгородъ* къ своей матери.

Теперь, моя птичка, я должна отправить письмо. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя, и защититъ отъ всякаго зла. Я цѣлую васъ обоихъ, мои сокровища, еще и еще разъ.

Навсегда твоя старая женка.

Посылаю тебѣ нѣсколько открытокъ, которыя я заказала; онѣ стоятъ 3 коп. и продаются по 5. *Мосоловъ* предлагаетъ, чтобы я отдавала эти деньги въ пользу какихъ либо благотворительныхъ организацій, и чтобы это было напечатано на оборотѣ, такъ я подумаю — для какихъ?

№ 138. 9 октября 1915 г.

Мой дорогой,

Идетъ снѣгъ — сегодня утромъ у насъ косили траву и сгребали ее подъ падающимъ снѣгомъ. Я удивляюсь, зачѣмъ они такъ долго ждали. Ну, опять выдался денекъ. Утромъ у меня были бумаги отъ *Рост*(овцева), которыя я читала до одиннадцати, потомъ одѣлась, была у *Знаменья*, заходила къ Анѣ и въ двѣнадцать была въ лазаретѣ — до часу. *Мордвиновъ* завтракалъ съ нами, потомъ у меня былъ князь Голицынъ, Раухфусъ, я должна была кое что посмотрѣть по части платья — потомъ Аня была и читала мнѣ вслухъ (такъ какъ я не могу все время разговаривать), голова такъ устала, такъ какъ надо о столькихъ вещахъ вспомнить — *икру*, вино, открытки въ лазаретъ — наши

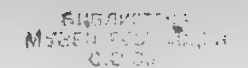
[1] Извѣстное англійское выраженіе.
[2] Акушерка, принимавшая у Императрицы.

плѣнные — грудныя дѣти и т. д. Потомъ у Ани было очень много о чемъ разсказать послѣ всѣхъ ея бесѣдъ, и ея настроеніе сегодня неважно (въ виду того, что я уѣзжаю). Потомъ послѣ чая офицеры, *Дуванъ* изъ *Евпаторіи*, опять бумаги и еще масса народу, которыхъ надо было видѣть, прежде чѣмъ уѣхать, и все должно быть улажено. Нашъ Другъ съ нею, и мы, вѣроятно, сегодня вечеромъ туда пойдемъ — онъ ее разстраиваетъ, говоря ей, что она, вѣроятно, никогда не будетъ въ состояніи по настоящему ходить, бѣдняжка, было бы лучше этого ей не говорить съ ея характеромъ.

Завтра я увижу *Жеваху* — чтобы послушать все, что онъ разскажетъ по поводу *образа*, интересно будетъ все это услышать — было бы хорошо его привлечь въ *Синодъ* какъ работника. Я хотѣла бы знать, какъ рука Беби — онъ такъ легко ее переутомляетъ, такъ какъ онъ такой сильный ребенокъ и хочетъ все дѣлать какъ другіе. Ты знаешь, душка, мнѣ кажется, я должна также привезти Марію и Анастасію, было бы слишкомъ грустно оставить ихъ однѣхъ дома. Я скажу имъ объ этомъ только въ понедѣльникъ утромъ, такъ какъ онѣ любятъ сюрпризы. М-мъ Зизи хочетъ доѣхать съ нами до *Твѣри*[1], такъ какъ это ея родной городъ и она всѣхъ знаетъ и, слѣдовательно, можетъ намъ помочь. Душка, не поѣдешь ли ты въ *Витебскъ* съ Беби прежде чѣмъ мы пріѣдемъ, чтобы повидать армейскій корпусъ, который тамъ стоитъ. *Мордвиновъ* говоритъ, что его интересно посмотрѣть, — или, можетъ быть, лучше мы всѣ туда поѣдемъ вмѣстѣ и оттуда ты поѣдешь куда нибудь на Югъ къ *Иванову*. Обдумай это — было бы страшно интересно повидать войска, отъ *Витебска* только двѣ версты моторомъ — нашъ Другъ всегда хотѣлъ, чтобы я тоже видѣла войска. Онъ говоритъ объ этомъ уже съ прошлаго года и до сихъ поръ и увѣряетъ, что это имъ принесетъ счастье. Переговори объ этомъ съ *Воейковымъ*, и поѣдемъ в с ѣ в м ѣ с т ѣ. Мы пріѣзжаемъ 15-го въ девять часовъ утра, кажется, и останемся, какъ ты говоришь, одинъ или два дня. Такая безконечная радость опять свидѣться, вы мнѣ оба такъ страшно недостаете. Вчера была недѣля, что вы уѣхали, мои драгоцѣнные, солнечные.

Бѣлецкій завтра мнѣ представляется. Повидимому, онъ говорилъ очень энергично съ *Поливановымъ*, сказалъ ему, что онъ знаетъ, что его сыщики работаютъ и шпіонятъ, и выполняютъ его развѣдочную службу, и того это нѣсколько смутило. *Мордвиновъ* былъ полонъ лучшихъ впечатлѣній отъ всего, что онъ видѣлъ — ахъ, какъ полезно быть тамъ, далеко отъ этихъ сѣрыхъ дрянныхъ сплетничающихъ городовъ. Прости, что я такъ плохо пишу, но я, какъ всегда, тороплюсь.

[1] Орфографія письма.

Сегодня вечеромъ увижу нашего Друга въ девять часовъ у нея[1] въ домѣ.

Душка, какъ идутъ дѣла возлѣ Риги, кто тѣ три генерала, которыхъ ты уволилъ?

Я не могу понять, что *Николаша* дѣлаетъ, теперь онъ взялъ *Истомина,* который ненавидѣлъ *Гр*(игорія) и былъ помощникомъ *Самарина,* въ качествѣ начальника его канцеляріи. Михенъ уѣхала со своимъ поѣздомъ. *Игорь* вернулся очень больнымъ, воспаленіе легкихъ и плевритъ — теперь онъ внѣ опасности, бѣдный мальчикъ, — онъ лежитъ въ Мраморномъ дворцѣ — какое у нихъ всѣхъ плохое здоровье! Я жалѣю бѣдную Мавру.

Теперь, мое солнышко, я должна кончать. Очень жажду тебя и нетерпѣливо считаю дни, которые еще остаются. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя и защититъ и направитъ теперь и всегда. Покрываю тебя нѣжными поцѣлуями, мое сокровище, и остаюсь твоя, глубоко любящая, собственная.

Посылаю тебѣ еще нѣсколько цвѣтовъ. Я всегда цѣлую и благословляю твою подушку утромъ и вечеромъ.

№ 139. 10 октября 1915 г.

Моя родная душка,

Снѣгъ и одинъ градусъ мороза и сѣрый день, но все же я спала съ открытой *форточкой.* Какую массу плѣнныхъ мы опять взяли! Но какія извѣстія относительно Риги, этотъ пунктъ меня смущаетъ. Нашъ Другъ, котораго мы видѣли вчера вечеромъ, въ общемъ спокоенъ насчетъ войны, но есть другой вопросъ, который Его очень волнуетъ, и Онъ въ теченіе двухъ часовъ почти ни о чемъ другомъ не говорилъ. Онъ говоритъ, что ты долженъ дать распоряженіе, чтобы вагоны съ мукой, масломъ и сахаромъ непремѣнно пропускались. Онъ ночью имѣлъ видѣніе, ему приснилась вся картина, города, желѣзнодорожныя линіи и т. д., трудно передать его разсказъ, но Онъ говоритъ, что это очень серьезно и что тогда[2] у насъ не будетъ забастовки. Только для такой организаціи надо тебѣ кого нибудь послать. Онъ хотѣлъ, чтобы я съ тобой объ этомъ переговорила очень, очень серьезно, даже строго, и дочери должны помочь, поэтому я уже пишу теперь заблаговременно, чтобы ты привыкъ къ этой мысли. Онъ считаетъ, что съ 40 старыми солдатами можно было бы въ одинъ часъ нагрузить поѣздъ и посылать одинъ за другимъ, но не всѣ въ одно

[1] Т. е. Вырубовой.
[2] Т. е. если наладить снабженіе.

мѣсто, а въ Петроградъ и Москву — и останавливать нѣкоторые вагоны въ разныхъ мѣстахъ и побочныхъ вѣткахъ, и постепенно ихъ доставлять — не всѣ въ одно мѣсто, такъ какъ это тоже было бы плохо, но къ разнымъ станціямъ, разнымъ строеніямъ — если разрѣшить только очень немного пассажирскихъ поѣздовъ и въ эти дни отмѣнить вездѣ четвертый классъ, и вмѣсто этого прицѣплять вагоны съ мукой или масломъ изъ Сибири. Тамъ пути не такъ загромождены по направленію къ Западу; и неудовольствіе будетъ расти, если положеніе не измѣнится къ лучшему. Публика будетъ кричать и говорить, что это невозможно, пугать тебя, но это можно сдѣлать, и хотя «будутъ лаять», какъ онъ говоритъ, но это необходимо, и несмотря на то, что есть рискъ — это существенно. Въ три дня можно было бы доставить количество, котораго хватитъ на о ч е н ь много мѣсяцевъ. Это можетъ казаться страннымъ въ моемъ изложеніи — но если вдуматься въ основную мысль, то видишь, что она правильна. Въ концѣ концовъ, что нибудь можно сдѣлать и нужно дать распоряженіе заблаговременно, насчетъ этихъ трехъ дней, какъ для лоттереи или сбора, такъ чтобы всѣ могли соотвѣтственно устроиться. Это слѣдуетъ сдѣлать теперь и быстро. Только ты долженъ былъ бы выбрать энергичнаго человѣка, который поѣхалъ бы въ Сибирь по главному пути, и въ его распоряженіи должны быть другіе, которые будутъ наблюдать на большихъ станціяхъ и развѣтвленіяхъ и смотрѣть, чтобы все шло, какъ слѣдуетъ, безъ ненужныхъ остановокъ. Я думаю, что ты увидишь *Хв*(остова) до меня, и потому все это пишу. Онъ мнѣ сказалъ, чтобы я объ этомъ переговорила съ *Бѣлецкимъ* и завтра со старикомъ, такъ чтобы они объ этомъ поскорѣе начали думать. *Хв*(остовъ) говоритъ, что это вина Рухлова, такъ какъ онъ старъ и самъ не ѣздитъ смотрѣть, что тамъ происходитъ. Поэтому, если бы ты послалъ кого нибудь совсѣмъ другого, чтобы позаботиться объ этомъ, то будетъ хорошо. Когда смотришь на карту, то видишь, гдѣ развѣтвляются линіи отъ *Вятки*. Также слѣдовало бы достать сахаръ изъ *Кіева*, но особенно муку и масло, которыя имѣются въ изобиліи въ *Ялутерск.* и другихъ уѣздахъ. Старые солдаты могутъ тамъ быть примѣнены, иначе недостаточно людей, чтобы упаковывать продукты и нагружать вагоны — надо раскинуть цѣлую сѣть и подталкивать всюду и заполнять — вагоновъ достаточно. Ну, п о ж а л у й с т а, с е р ь е з н о подумай объ этомъ. Теперь довольно объ этомъ вопросѣ. А. (Аня) очень разстроена, что онъ[1] не хочетъ ее никуда пускать, напримѣръ, въ *Бѣлгородъ*, пока насъ нѣтъ — а между тѣмъ, когда я ей совѣтовала поѣхать, она нашла, что у нея дома такъ уютно, что она не хочетъ уѣзжать; всегда та же

[1] Распутинъ.

исторія, ея настроеніе не улучшается, и она мнѣ портитъ удовольствіе, когда я такъ радуюсь скоро увидѣть васъ, моихъ душекъ. Онъ находитъ необходимымъ оставаться здѣсь, чтобы наблюдать, какъ идутъ дѣла, но если она уѣдетъ, то Онъ тоже, такъ какъ у Него нѣтъ никого другого, чтобы Ему помогать. Да, онъ благословляетъ тебя на устройство этихъ вагоновъ и поѣздовъ. Опять я не могу пойти въ лазаретъ, я должна принять четырехъ лицъ до завтрака и съ каждымъ придется о многомъ переговорить. Въ 2,20 мы ѣдемъ въ Зимній Дворецъ на открытіе лазарета — я беру четырехъ дѣвочекъ. Тамъ будетъ также Мамаша и масса народу — если будетъ время, я пройду черезъ *складъ*. Въ шесть я опять принимаю — это прямо сума сводитъ. Въ поѣздѣ я должна переговорить съ *Ресинымъ* по поводу нашего путешествія. Я такъ устала и М-мъ Беккеръ скоро должна придти.

Вотъ мы вернулись изъ города. Лазаретъ въ Зимнемъ Дворцѣ въ самомъ дѣлѣ великолѣпенъ. Прямо чудо, какъ скоро все было выполнено — и нельзя догадаться, гдѣ находишься, съ этими комнатами, устроенными въ другихъ комнатахъ, прямо великолѣпно, и ваннъ сколько угодно. Ты долженъ когда нибудь пріѣхать и посмотрѣть лазаретъ, онъ этого, конечно, заслуживаетъ. Оттуда мы были въ *складѣ*, прямо прошли черезъ него. *Бѣлецкій* сказалъ мнѣ, что ты сегодня или завтра уѣзжаешь въ *Черниговъ*, *Кіевъ* и *Бердичевъ*, но *Воейковъ* упомянулъ только твое имя, поэтому я запросила по телеграфу насчетъ Беби, потому что онъ можетъ оставаться въ поѣздѣ, когда нужно, и также иногда появляться. Чѣмъ болѣе ты и онъ показываетесь вмѣстѣ, тѣмъ лучше, и онъ это такъ любитъ, и Нашъ Другъ такъ счастливъ по этому поводу, и также твоя старая «Солнышко», когда sunbeam [1] сопровождаетъ солнечный свѣтъ по странѣ. Господь съ вами, мои ангелы. Мы предполагаемъ выѣхать въ понедѣльникъ вечеромъ въ половинѣ одиннадцатаго. Будемъ въ *Твери* въ девять-девять съ половиной, останемся тамъ до трехъ или пяти часовъ — слѣдующее утро въ среду въ половинѣ девятаго въ *В. Лукахъ* на нѣсколько часовъ и вечеромъ въ половинѣ девятаго въ *Оршѣ*, гдѣ мы можемъ осмотрѣть нѣсколько учрежденій Татьянинскаго Комитета — будетъ слишкомъ поздно, чтобы ѣхать дальше на *Могилевъ*, поэтому мы тамъ переночуемъ и будемъ въ половинѣ десятаго въ *Могилевѣ* въ четвергъ утромъ. Ты тогда намъ скажешь, какъ долго мы можемъ оставаться. Это будетъ такая радость! *Живаха* былъ очарователенъ, и мы съ нимъ обо всемъ подробно бесѣдовали — онъ знаетъ всѣ церковные вопросы и насчетъ духовенства и епископовъ à fond, такъ что онъ былъ бы хорошъ какъ помощникъ для *Волжина*. Послѣдній хорошо,

[1] Лучъ солнца.

повидимому, говоритъ въ *Синодѣ*. *Бѣлецкій* мнѣ понравился, вотъ еще энергическій человѣкъ. Теперь я разговаривала съ американцемъ Mr. Hearts въ теченіе часа и двадцати минутъ насчетъ нашихъ плѣнныхъ въ Германіи и Австріи, и онъ мнѣ принесъ фотографіи, которыя я тебѣ покажу. Онъ очень помогаетъ, теперь онъ ѣдетъ, чтобы осматривать германцевъ и австрійцевъ здѣсь. Ну, мое солнышко, прощай, Богъ да благословитъ тебя. Если увидишь Ольгу, нѣжно поцѣлуй ее отъ меня. Мои молитвы всюду сопровождаютъ тебя, съ нѣжностью. Много нѣжныхъ поцѣлуевъ, мой душка, отъ твоей глубоко, безконечно любящей женки.

№ 140. 27 октября 1915 г.[1]

Моя родная душка,

Вотъ опять вы уѣхали, мои два сокровища. Богъ да благословитъ ваше путешествіе и пошлетъ своихъ ангеловъ, чтобы охранять и направлять васъ. Пусть будутъ у васъ только прекрасныя впечатлѣнія и пусть все идетъ хорошо. Какъ то будетъ на морѣ[2]? Одѣнься потеплѣе, моя душка, навѣрное, будетъ страшно холодно — только бы не качало. Возьми Беби на нѣсколько судовъ — но только не въ открытое море — и, можетъ быть, къ фортамъ, въ зависимости отъ того, какъ ты найдешь его здоровье. Я чувствую себя настолько спокойной за тебя, зная, что это дорогое дитя возлѣ тебя, что бы согрѣвать и утѣшать тебя своей веселостью и своимъ милымъ обществомъ. Болѣе чѣмъ грустно безъ васъ обоихъ. Но не будемъ говорить объ этомъ. Посмотри, чтобы онъ достаточно тепло одѣвался. Я такъ хотѣла бы, чтобы старикъ[3] остался дома — я нахожу, что прямо стыдно, что онъ съ тобой ѣздитъ, такъ какъ ты изъ за него будешь нервничать — но ты долженъ настоять, чтобы *Федоровъ* былъ съ нимъ построже. Дай о себѣ извѣстіе, когда только возможно, такъ какъ я буду тревожно слѣдить за вашей поѣздкой; я знаю, что ты ни на что не рискнешь и будешь помнить, что Онъ сказалъ насчетъ Риги.

Милый ангелъ, Богъ да благословитъ и защититъ тебя — я всегда близко около васъ, мои дорогіе, это такое горе каждый разъ, и я рада, что вы, по крайней мѣрѣ, уѣзжаете по вечерамъ, когда можно прямо уйти домой въ свою комнату.

---

[1] За время пребыванія Государыни въ Ставкѣ уволенъ М. В. Кривошеинъ, рязанскій губ. гр. Татищевъ назначенъ командиромъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ; уволенъ министръ п. с. Рухловъ.

[2] Государь отправился въ Ревель, гдѣ осматривалъ флотилію подводныхъ лодокъ.

[3] Гр. Фредериксъ, у котораго къ тому времени иногда рѣзко обнаруживались симптомы старческаго слабоумія, очень смущавшіе окружающихъ.

Твои нѣжныя ласки — моя жизнь, и я всегда вспоминаю о нихъ съ безконечной нѣжностью и благодарностью.

Спи хорошо, моя птичка — пусть святые ангелы охранятъ твой сонъ. Крошка возлѣ тебя, чтобы согрѣть и утѣшить тебя.

Навсегда твоя, мой родной, безконечно любящая женка.

№ 141.

28 октября 1915 г.

Мой милый,

Съ такими нѣжными мыслями я слѣжу за вами, моими милыми, повсюду. Я рада, что ты видѣлъ столько войскъ. Я не думала, что тебѣ это удастся въ *Ревелѣ*. Какъ хотѣлось бы знать, поѣдешь ли ты дальше въ *Ригу* и *Двинскъ*. Такой сильный холодъ, но яркое солнце. Вы мнѣ оба страшно недостаете, но я чувствую себя спокойнѣе за тебя, такъ какъ тамъ Sunbeam, чтобы тебя утѣшить и дѣлать тебѣ компанію. Нѣтъ надобности теперь ѣздить на моторѣ съ Фредериксомъ и *Воейковымъ*. Устрой, чтобы за старикомъ былъ всегда надзоръ: Нашъ Другъ боится, что онъ можетъ выкинуть какую нибудь глупость передъ войсками. Пусть кто нибудь сопровождаетъ его и наблюдаетъ за нимъ. А. (Аня) дала мнѣ эту бумагу для тебя, она забыла сказать мнѣ объ этомъ, вѣроятно, не отдавая себѣ отчета, какое это для насъ бы имѣло значеніе въ вопросѣ о здоровьѣ Беби и какое страшное бремя было бы снято съ нашихъ плечъ, наконецъ, послѣ одиннадцати лѣтъ постоянной тревоги и страха[1].

Прости меня, что я уже надоѣдаю тебѣ (другой) бумагой, но *Ростовцевъ* мнѣ ее прислалъ — *Воейковъ* можетъ послать отвѣтъ *Ростовцеву*, это было бы самое лучшее. Я не оставалась долго въ лазаретѣ, такъ какъ много пришлось читать. У насъ былъ *Валя*[2] и *Иза*, м-ръ Малькольмъ, лэди Сибиль де Грэй къ завтраку — они такіе милые люди (устраиваютъ лазаретъ у Эллы въ домѣ — операціонная будетъ въ комнатѣ Эллы съ тремя лампами, на которыя ты, бывало, смотрѣлъ). Потомъ я принимала нашихъ трехъ сестеръ, отправляющихся въ Австрію, и *Казбека*, моего улана. Пожалуйста, не забудь насчетъ *Княжевича*. Вернувшись со станціи, я прямо пошла спать печальная и одинокая. Видѣла предъ собой ваши милыя лица — мои два сокровища Св. Георгія[3]. Прощай, моя душка, Богъ да благосло-

---

[1] Содержаніе и самый характеръ бумаги остаются неизвѣстными.

[2] Кн. Долгоруковъ, впослѣдствіи гофмаршалъ.

[3] Государь, въ то время получилъ георгіевскій крестъ по постановленію Георгіевской Думы; георгіевской медалью былъ награжденъ и Наслѣдникъ.

витъ и защититъ тебя теперь и всегда. Покрываю тебя поцѣлуями и жажду твоихъ объятій.

Навсегда твоя старая
«Солнышко».

Я хотѣла бы знать, идетъ ли это письмо въ *Ставку* или въ *Псковъ*, что было бы умнѣе всего. Я такъ рада, что теперь знаю, гдѣ и какъ ты живешь, и всѣ прогулки, и мѣстность кругомъ, и церковь — можно за тобой слѣдить всюду. Шлю тебѣ всю мою любовь.

№ 142.

29 октября 1915 г.

Мой любимый,

Я только что получила твою телеграмму изъ Вендена, она шла отъ десяти до 11,5, такъ что теперь, я полагаю, ты уже въ *Ригѣ*. Всѣ мои мысли и молитвы окружаютъ васъ, мои дорогіе. Какъ интересно все, что ты видѣлъ въ Ревелѣ, я могу себѣ представить, въ какомъ восторгѣ были англійскія команды на подводныхъ лодкахъ, что ты ихъ осматривалъ, они теперь знаютъ, за кого они такъ отважно воюютъ. Заводы и верфи, навѣрное, теперь будутъ работать вдвое лучше и энергичнѣе. Я хотѣла бы знать, былъ ли съ тобой Беби, и что ты сдѣлалъ со старикомъ. Здѣсь тоже немного теплѣе, пять градусовъ мороза и солнце. Я остаюсь въ кровати до двѣнадцати, такъ какъ сердце немного расширено и голова болитъ (не слишкомъ сильно) со вчерашняго дня. Затѣмъ, у меня нѣсколько господъ съ докладами, а это утомительно, когда болитъ голова. Я попозже окончу это письмо, такъ какъ можетъ быть еще кое что тебѣ придется разсказать. Душка моя, я опять къ тебѣ съ прошеніемъ, которое вдова M-me *Бѣляева* мнѣ сегодня принесла. *Гротенъ* сегодня былъ у Ани, онъ въ отчаяніи, что не имѣетъ мѣста, онъ теперь поправился и поѣдетъ въ полкъ, чтобы его повидать, а потомъ онъ долженъ поѣхать въ Двинскъ съ *резервомъ*, но быть можетъ ты подумаешь о томъ, чтобы устроить ему назначеніе. Его старшій офицеръ получилъ полкъ, а теперь уже бригаду. Я совсѣмъ рамоли послѣ всѣхъ людей, которыхъ я видѣла. М-мъ Шнейдеръ была интересна и говорила, какъ фонтанъ — мы съ ней сейчасъ устроили, чтобы оставить Кривошеина въ новомъ *куст.* комитетѣ, такъ какъ онъ можетъ быть очень полезенъ. Прости мнѣ невыносимо скучное письмо, но я не въ состояніи написать лучшее. Благословляю и цѣлую тебя еще и еще. Печальная и одинокая ночь, я сплю не очень хорошо. Богъ съ тобой.

Всегда твоя старая женка.

Не забудь насчетъ *Княжевича*.

№ 143.

30 октября 1915 г.

Моя дорогая душка,

Таетъ, идетъ дождь и страшно мрачно, и темно сегодня вечеромъ. Горячо благодарю за вчерашнюю вечернюю телеграмму изъ *Вендена*. Я такъ счастлива, что тебѣ удалось проѣхать дальше *Риги*. Это будетъ утѣшеніемъ для войскъ и успокоитъ жителей города. Былъ ли Беби возбужденъ, когда услышалъ дальніе выстрѣлы? Какъ измѣнилась теперь твоя жизнь, слава Богу, теперь никто не можетъ помѣшать тебѣ разъѣзжать повсюду и показываться солдатамъ. Н. (Николаша) долженъ теперь понять, какъ ложны были его идеи и какъ много онъ лично потерялъ тѣмъ, что онъ никогда нигдѣ не показывался. Старая M-me *Бѣляева* вчера разсказала мнѣ, что она получила письмо отъ сына изъ Англіи (всѣ шесть сыновей служатъ въ артиллеріи), онъ прикомандированъ къ Китченеру и долженъ наблюдать за исполненіемъ тамъ нашихъ заказовъ. Джорджи его принималъ и говорилъ про тебя, именно про то, что ты при войскахъ, а Китченеръ не хочетъ позволить ему также ѣздить, что для него больной пунктъ. *Бѣляевъ* отвѣтилъ ему, что есть большая разница, что мы сражаемся на нашей собственной территоріи, а онъ въ другомъ положеніи. Этотъ простой отвѣтъ, повидимому, его утѣшилъ, а Китченеръ былъ очень доволенъ, когда *Бѣляевъ* повторилъ ихъ разговоръ. Я была увѣрена, что это будетъ мучить Джорджи, но вѣдь онъ отъ времени до времени посѣщаетъ свои войска во Франціи.

Маркозовъ отправился въ Швецію, чтобы тамъ встрѣтить Макса и т. д. и переговорить по всѣмъ вопросамъ, касающимся плѣнныхъ. М(аркозовъ) только что вернулся изъ Ташкента, такъ какъ онъ хотѣлъ посмотрѣть, какъ съ ними тамъ обращаются, и нашелъ 760 австрійскихъ офицеровъ, за которыми только 15 интеллигентныхъ людей должны смотрѣть, отвѣчать на ихъ вопросы и т. д. Я думаю, онъ можетъ быть полезенъ, такъ какъ онъ очень справедливъ, а къ этому теперь люди мало склонны. Но его посылаютъ безъ всякихъ инструкцій, и это глупо, такъ какъ это обязанность Краснаго Креста, посылающаго его, давать инструкцію. Слава Богу, офицерамъ вернули погоны. Я надѣюсь, душка, что какъ только ты доѣдешь до *Ставки*, въ газетахъ будетъ напечатано, гдѣ ты былъ, что ты видѣлъ. Какъ ведетъ себя старикъ [1], я надѣюсь, что *Федор*(овъ) зорко слѣдитъ за нимъ, и что онъ не надѣлаетъ «гаффъ» [2] передъ иностранцами. А что, странно въ *Ставкѣ* безъ насъ? безъ нашихъ шумныхъ дѣвочекъ? *Эристовъ* писалъ Анѣ, что

[1] Гр. Фредериксъ.
[2] Безтактностей.

ты получишь прошеніе отъ жены *Молоствова,* которая проситъ о ежегодномъ пособіи. Оказывается, онъ ей не оставилъ почти ни копѣйки, и она въ ужасной дилеммѣ. *Онъ тратилъ свой небольшой капиталъ, продавъ имѣніе своему брату, а тѣ крохи, которыя остались, съ трудомъ покроютъ оставшіеся послѣ его смерти долги. Къ несчастью, жертвы эпидеміи не приравниваются къ павшимъ въ бою.* Онъ въ восторгѣ, что Офросимовъ произведенъ въ генералы и записанъ въ свиту, это честь для полка. Не годился ли бы *Гротенъ* для твоихъ уланъ? какъ ты думаешь? У меня былъ также *Шведовъ* на полчаса, и я ему сказала, что я какъ нибуть пойду посмотрѣть, какъ работаютъ молодые люди. Сазоновъ крайне непріятенъ, всегда jalousie de métier[1], но въ моей Императорской *Ак. Восток.*[2] мы должны подготовлять хорошихъ консуловъ, знающихъ языки, религію, нравы и пр. Востока. Иза съ нами завтракала, потомъ я принимала трехъ молодыхъ офицеровъ, возвращающихся на фронтъ, а послѣ этого мы пошли въ Большой Дворецъ. Лазаретъ существуетъ уже годъ, такъ что мы просили снять цѣлое множество группъ. Вчера я принимала *Джеи Кантакузенъ*[3], она массу разсказывала, ея мужъ въ восторгѣ, что командуетъ твоими кирасирами, потомъ княгиня *Голицына* изъ *Смольнаго,*[4] потомъ я читала — Аня уѣхала въ городъ, возвращается только въ половинѣ десятаго (съ *Гротеномъ),* такъ какъ они обѣдаютъ у M-me *Орловой* въ городѣ.

Я такъ хотѣла бы знать, доѣхали ли вы до *Ставки* сегодня, или поѣхали въ *Двинскъ.* Милый ангелъ, прощай, Богъ съ тобой и да хранитъ тебя. Много страстныхъ поцѣлуевъ отъ

твоей старой женки.

Привѣтъ старику и Н. П.

№ 144.

Я такъ рада, что ты видѣлъ великолѣпныя войска въ *Витебскѣ,* ты сдѣлалъ очень много въ эти дни — такая радость, что Беби можетъ всюду сопровождать тебя. Погода сѣрая, таетъ, идетъ дождь; я остаюсь

31 октября 1915 г.

Мой любимый,

дома, такъ какъ мое сердце болѣе расширено, и я всѣ эти дни чувствую себя неважно. Это должно было случиться рано или поздно, такъ какъ я столько передѣлала и еще впереди предстоитъ очень много работы.

---

[1] Профессіональная ревность.
[2] Академіи Востоковѣдѣнія.
[3] Княгиня Кантакузенъ, по рожденію американка.
[4] Начальница Смольнаго Института.

Ольга встала только для прогулки, а теперь послѣ чая она остается на диванѣ, и мы будемъ обѣдать наверху — это моя система лѣченія — она должна больше лежать, такъ какъ она ходитъ такая блѣдная и усталая — вспрыскиванія мышьяку будутъ тогда быстрѣе дѣйствовать. Весь снѣгъ стаялъ.

Я только что слышала отъ *Ростовцева*, что мой уланъ б. Тизенгаузенъ *скоропостижно скончался на сторожевомъ охраненіи*. Это мнѣ кажется очень страннымъ — у него не было сердечной болѣзни. Его молодая вдова умерла въ эту зиму.

Нашъ Другъ счастливъ, что ты такъ много видѣлъ. Онъ говоритъ, что всѣ ходили *на облакахъ*. Иза завтракала и простилась съ нами, она завтра рано утромъ уѣзжаетъ въ городъ, отправляясь въ Копенгагенъ, чтобы повидаться съ отцомъ послѣ двухлѣтней разлуки.

Смотришь ли ты когда нибудь на наши имена на окнѣ. Павлу лучше, но я думаю, что трудно говорить объ операціи, которой боялся *Федоровъ* изъ за его сердца. Жена говоритъ, что онъ совсѣмъ не можетъ принимать пищи, только чашку чая.

Увы, нельзя ни Ольгѣ, ни мнѣ идти въ церковь — и я не могу въ понедѣльникъ пойти въ *Верховный Совѣтъ*. Это должно было случиться, я переутомилась. Вы мнѣ такъ недостаете, мои сокровища. Ну, любимый мой, прощай, Господь съ тобой. Покрываю тебя нѣжнѣйшими поцѣлуями и остаюсь твоя старая

«Солнышко».

Что еще затѣваетъ Греція, это не звучитъ утѣшительно — чортъ бы побралъ всѣ эти Балканы. Теперь еще эта идіотская Румынія! Что она дѣлаетъ?

№ 145.

1 ноября 1915 г.

Моя дорогая душка,

Я только что получила письмо Беби и полностью имъ насладилась. Онъ въ самомъ дѣлѣ пишетъ забавно. Какъ жалко, что былъ такой дождь и такая грязь — но, по крайней мѣрѣ, *Двина* не замерзла. Я такъ волнуюсь по поводу Румыніи, если правда то, что телеграфировалъ *Веселкинъ* (бумаги *Григоровича*), будто въ Рущукѣ говорятъ, что Румынія намъ объявила войну — я надѣюсь, что это невѣрно и что они распространяютъ такія свѣдѣнія только для того, чтобы сдѣлать удовольствіе болгарамъ. Это было бы отвратительно, такъ какъ тогда, я боюсь, Греція тоже повернулась бы противъ насъ. Ахъ, провались они, эти Балканскія государства. Россія всегда для нихъ была вселюбящей,

помогающей матерью, а потомъ они предательски отворачиваются и ведутъ противъ нея войну. Въ самомъ дѣлѣ конца нѣтъ заботамъ и тревогамъ.

Я читала все описаніе твоего путешествія въ газетахъ — какъ много ты сдѣлалъ, и потомъ M-r Жильяръ такъ хорошо все объясняетъ. Вчера вечеромъ мы обѣдали наверху въ угловой комнатѣ, ужасно грустно и пусто безъ Sunbeam. Я молилась потомъ въ его комнатѣ, — нѣту маленькой кроватки. А потомъ я вспомнила, что тамъ, гдѣ онъ сейчасъ находится, у него есть другое любимое существо, которое спитъ рядомъ съ нимъ. Какая милость Божія, что вы можете все раздѣлять. Для него хорошо быть твоимъ маленькимъ товарищемъ, это его быстрѣе развиваетъ; я надѣюсь, что онъ не слишкомъ шалитъ въ присутствіи гостей [1]. Онъ пишетъ, что такъ счастливъ быть опять съ тобой въ *Ставкѣ*. Сегодня я прощалась съ моими *Крымцами*, *Губаревымъ*, *Вачнадзе* и съ сыномъ *Боткина*, которые всѣ возвращаются на фронтъ. *Крымцы* всѣ очень хотятъ вернуться въ свой полкъ, такъ какъ ихъ посылаютъ на новый фронтъ. Сѣрая дождливая погода. Сегодня утромъ сердцу лучше, но все же я чувствую себя нехорошо, такъ что я не выйду и не пойду въ церковь, мнѣ надо опять поправиться. Посылаю тебѣ трогательную телеграмму отъ грузинцевъ *Алексѣя;* я имъ отвѣчала и сказала, что я перешлю эту телеграмму тебѣ — такъ можетъ быть ты ихъ поблагодаришь опять отъ своего имени.

Какъ ты нашелъ бѣднаго *Канича* [2], надѣюсь не слишкомъ плохимъ. Сестра Ольга писала, что она счастлива своей работой. Мамаша цѣлый день бѣгаетъ по лазаретамъ и находитъ Ольгинъ особенно уютнымъ и хорошимъ.

Любимый мой, я забралась въ постель послѣ того, какъ повидала *Хвостова*, который настоятельно проситъ о пріемѣ. Ну, нашъ добрый старый Фред(ериксъ) опять сдѣлалъ совсѣмъ колоссальную гаффу, что показываетъ, что ему не слѣдуетъ говорить ничего серьезнаго или такого, что должно остаться конфиденціальнымъ. *Хв*(остовъ) получилъ письмо отъ своего прежняго шурина *Дрент*(ельна) — онъ тебѣ его привезетъ, чтобы ты могъ увидѣть, въ какихъ выраженіяхъ оно написано. *Дрентельнъ* ему говоритъ, что *Фред*(ериксъ) за нимъ послалъ и сказалъ ему, что онъ хочетъ знать, почему Х. (Хвостовъ) такъ несправедливо судитъ о *Джунк*(овскомъ) и т. д. *Др*(ентельнъ) взбѣшенъ, видитъ въ этомъ результатъ дѣйствій этой черной силы (подразумѣвается нашъ Другъ) и говоритъ, что онъ жалѣетъ тебя и Россію, если Х. (Хвостовъ) *коверкаетъ* всѣ донесенія въ этомъ родѣ. Х. (Хвостовъ)

[1] Жильяръ сообщаетъ въ своей книгѣ, что всѣ его настойчивыя указанія на вредъ пребыванія наслѣдника въ Ставкѣ, оставались безрезультатными.

[2] Адмиралъ Канинъ.

сказалъ Фредериксу, что надо остерегаться *Дж*(унковскаго) изъ за его различныхъ поступковъ, полиціи и т. д. московскихъ дворянскихъ съѣздовъ, что онъ себя выставляетъ мученикомъ изъ за *Гр*(игорія) и т. д. и находитъ, что въ обществѣ и въ клубахъ слѣдовало бы обратить вниманіе на его разговоры и воспротивиться его назначенію на Кавказъ. Ахъ этотъ ужасный гафферъ, теперь это идетъ по всему *Преображенскому* полку[1] и бывшимъ товарищамъ губернатора и страшно вредитъ *Хвостову*. Онъ проситъ тебя ничего объ этомъ не говоритъ Фредериксу, такъ какъ это еще ухудшитъ дѣло, и также *Дрентельну*, который будетъ въ ярости, что я видѣла письмо. Какая непріятная исторія, и она связываетъ руки *Хв*(остова). Полкъ, увы, неважный и ненавидитъ нашего Друга, такъ что онъ надѣется, что ты скоро произведешь *Дрентельна*, дашь ему армейскую бригаду такъ, чтобы онъ не могъ больше вліять на полкъ. *Др*(ентельнъ) пишетъ, что Орловъ послалъ за *Джунковскимъ* (якобы потому, что его братъ очень боленъ). Н. (Николаша) предложилъ ему быть *атаманомъ Терскихъ войскъ*, но *Дж*(унковскій) отказался. Судя по перлюстрированнымъ письмамъ, Н. (Николаша) разсчитываетъ предложить его въ качествѣ своего помощника. Ради Бога, не соглашайся, иначе вся компанія зловредныхъ людей будетъ тамъ замышлять зло и вредъ. Дай ему лучше любое назначеніе на фронтъ, такъ какъ онъ опасный человѣкъ и притворяется мученикомъ.

Я сказала, что на будущее время *Хвостовъ* долженъ обращаться къ *Воейкову*, а не къ старому рамольному гафферу. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, это слишкомъ, слишкомъ скверно. Разскажи объ этомъ *Воейкову*, если онъ обѣщаетъ молчать до тѣхъ поръ, пока онъ увидитъ *Хвостова*. Онъ проситъ тебя принять его въ одинъ изъ этихъ дней по дѣламъ. Онъ мнѣ пошлетъ свой отвѣтъ *Дрентельну:* я просила его хорошенько обдумать этотъ отвѣтъ, такъ какъ многіе его прочтутъ, и ему все таки нужно привести причины, о которыхъ можно упоминать гласно. Потомъ, такъ какъ нѣтъ достаточнаго количества вагоновъ въ движеніи, я думала, что будетъ хорошо, если бы ты могъ сейчасъ послать сенатора *Дм. Нейдгарда*, который часто бывалъ (на ревизіяхъ) — это ничего, что у него комитетъ Михенъ, и это вѣдь не на долго, чтобы обревизовать положеніе угля въ главномъ центрѣ. Тамъ накопились горы, которыя должны быть двинуты къ большимъ городамъ, и если ты его прямо пошлешь, это не будетъ обидой для новаго министра. Онъ не знакомъ съ *Треповымъ*[2]; многіе противъ него, считая его очень слабымъ и недостаточно энергичнымъ человѣкомъ. Нашъ Другъ очень огорченъ его назначеніемъ, такъ какъ онъ знаетъ, что онъ очень противъ Него. Его

[1] Дрентельнъ былъ офицеромъ преображенскаго полка.
[2] Новый министръ путей сообщенія, назначенный 30 октября.

дочь сказала это *Гр*(игорію), и его опечалило, что ты не спросилъ его мнѣнія. Я также жалѣю объ этомъ назначеніи. Мнѣ кажется, я тебѣ объ этомъ говорила, онъ несимпатичный человѣкъ — я его знаю довольно хорошо. Его дочери были довольно шалыя и нѣсколько лѣтъ тому назадъ пробовали отравиться. Кіевскій братъ гораздо лучше. Ну, надо заставить этого работать усердно.

400 вагоновъ должны были бы ежедневно прибывать съ мукой, а на самомъ дѣлѣ прибываетъ только 200 — надо поскорѣе и энергичнѣе исправить это положеніе — я нахожу, что идея ревизіи отлична, *Сенаторской ревизіи* для угля — если мы этого добьемся, населеніе не будетъ мерзнуть, и всѣ будутъ спокойны. Надо его послать въ главныя угольныя мѣста, откуда уголь сюда доставляютъ. Мнѣ грустно, что приходится надоѣдать тебѣ столькими вещами. Прилагаю прошеніе отъ моего *Галкина*, касающееся его сына. Онъ просилъ Аню написать нѣсколькимъ генераламъ, и они сказали всѣ, что это касается генерала (я не могу правильно написать его фамилію) кажется *Коназаровскій* [1]. Можетъ быть, ты скажешь въ Кіевѣ, чтобы онъ [2] передалъ ему [3] это прошеніе отъ меня. Онъ [4] былъ хорошимъ офицеромъ, кажется, въ артиллерійской академіи, и *Костя* о немъ знаетъ — это такъ забавно для сына *Галкчна*. Лео лучше, я рада сказать, *Волковъ* теперь при исполненіи обязанностей — мнѣ совѣстно, что я его взяла изъ *Ставки*.

Я такъ надѣюсь, что милая маленькая ручка [5] поправится къ тому времени, когда ты получишь это письмо, и не будетъ мѣшать ему спать.

Съ бѣдной Сербіей кончено — но это была ея судьба. Если бы мы дали Австріи это сдѣлать, все остальное теперь на нашу долю. Дѣлать нечего, вѣроятно, это кара странѣ за то, что они убили своего короля и королеву. Съѣдятъ ли теперь также и Черногорію или Италія поможетъ. Ахъ, а Греція, какая позорная игра происходитъ тамъ, и въ Румыніи — хотѣлось бы, чтобы можно было ясно разобраться. Мое личное мнѣніе, что нашихъ дипломатовъ слѣдовало бы повѣсить — Савинскій [6] всегда былъ лучшимъ другомъ длинноносаго Фердинанда (у нихъ, говорятъ, одни и тѣ же вкусы). Это онъ всегда говорилъ, еще раньше чѣмъ туда былъ назначенъ. Затѣмъ, *П. Козелъ* [7] также не исполнилъ своего долга, а Элима [8] я тоже считаю дуракомъ. Развѣ

---

[1] Ген. Кондзеровскій.
[2] Проситель.
[3] Ген. Конз.
[4] Проситель.
[5] Наслѣдника.
[6] А. А. Савинскій, въ то время нашъ посланникъ въ Болгаріи.
[7] Поклевскій-Козеллъ, посланникъ въ Румыніи.
[8] Элимъ Павловичъ Демидовъ, посланникъ въ Греціи.

они не могли лучше дѣйствовать? Посмотри, какъ германцы всегда все перепробуютъ ради успѣха.

Нашъ Другъ былъ всегда противъ этой войны, говоря, что изъ за Балканъ не стоило міру воевать и что Сербія окажется такой же неблагодарной, какой оказалась Болгарія. Мнѣ противно, что у тебя всѣ эти заботы, и что меня съ тобой нѣтъ. Я нахожу, что *Сазоновъ* могъ бы выяснить у греческаго правительства, почему они не держатся своего договора съ Сербіей — эти гнусно-фальшивые греки.

Какъ нравится всѣмъ иностранцамъ пребываніе на фронтѣ? Мнѣ приходится быстро кончать. Ты мнѣ недостаешь, и я жажду тебя **ужасно**, и я цѣлую, и обнимаю тебя со всею нѣжностью, на какую только я способна, и жажду чувствовать твои объятія, и отдохнуть, и забыть обо всемъ, что меня мучаетъ. Безъ конца крещу тебя. Твоя старая женка.

Во вторникъ Ольгѣ будетъ двадцать лѣтъ.

№ 146.

2 ноября 1915 г.

Моя душка,

Шлю тебѣ самыя нѣжныя поздравленія по случаю двадцатой годовщины рожденія нашей милой Ольги. Какъ время летитъ! Я помню каждую подробность этого памятнаго дня такъ хорошо, что кажется, что будто это произошло только вчера. Погода сѣрая, льетъ дождь, очень мрачно. Какъ то бѣдная Бебина ручка, надѣюсь, что не хуже и что онъ не очень страдаетъ бѣдный Агунюшка.

Какъ жадно ожидаешь извѣстій — въ Афинахъ была принята германская депутація, они упорно работаютъ для достиженія своей цѣли, а мы всегда довѣряемся, и постоянно насъ обманываютъ; за нихъ надо всегда энергически приниматься и показывать наше могущество и нашу настойчивость. Я предвижу страшныя осложненія, когда кончится война и придется разрѣшать вопросъ о балканскихъ государствахъ — тогда я боюсь, что эгоистическая политика Англіи рѣзко столкнется съ нашей — только надо все хорошенько заранѣе подготовить, чтобы не имѣть непріятныхъ сюрпризовъ. Теперь, пока у нихъ большія затрудненія, ихъ надо забрать въ руки.

Вчера *Андронниковъ* сказалъ Анѣ, что *Волжинъ* послалъ за *Живаховымъ* и сказалъ ему, что ты и я желаемъ его назначить, и далъ ему списокъ всѣхъ *чиновниковъ Синода*, говоря ему, чтобы онъ рѣшилъ, кого уволить и смѣнить,[1] одного съ восмью дѣтьми, другого

[1] Т. е., чтобы освободилось для самого кн. Ж. мѣсто.

съ шестью и т. д. — понятно *Живаха* отказался, и теперь его возьметъ министръ внутреннихъ дѣлъ, не желая терять такого превосходнаго человѣка, который знаетъ все, касающееся нашей церкви. Все это прямо трусость и очень некрасиво. Почему не взять его, какъ одного изъ своихъ помощниковъ? Онъ [1] кому то сказалъ, что онъ насъ боится, но еще больше боится *Думы*. Онъ хуже, чѣмъ *Саблеръ*, что можно подѣлать съ такимъ трусомъ? Если у тебя есть отъ него бумаги, пожалуйста, напиши, что ты хочешь знать, «назначили ли уже *Ж*(евахова)». Тебѣ это можетъ казаться *пустякомъ*, но нѣтъ, милушка, онъ [2] знаетъ все, все насквозь и могъ бы принести огромную пользу, и онъ рѣшительный, и могъ бы поддерживать и давать совѣты *Волжину*, который моложе его. Зачѣмъ увольнять бѣднаго чиновника изъ за него, зачѣмъ не взять его помощникомъ [3], неужели только потому, что мы за него просили. Это почти что первое твое желаніе, и онъ не выполняетъ и, навѣрное, онъ припишетъ вину *Жевахову*. Ахъ, человѣчество такое презрѣнное, только думаетъ о себѣ, масса красивыхъ словъ, а когда надо дѣйствовать — одна трусость!

Прилагаю прелестную телеграмму отъ *Эриванцевъ*. Я нахожу, что Ольга выглядитъ лучше съ тѣхъ поръ, какъ она больше лежитъ, она не такая зеленая, менѣе утомлена.

Теперь одновременно идетъ дождь и снѣгъ, какая гадость.

О, моя птичка, еще и еще благодарю тебя за твое милое письмо. Я была безконечно счастлива получить его. Для меня имѣетъ такое значеніе одно словечко отъ тебя, мой ангелъ. Какъ интересно все, что ты пишешь. Я только нѣсколько безпокоюсь по поводу Бебиной руки, такъ что просила нашего Друга подумать о ней. Онъ сказалъ мнѣ, чтобы я сообщила *Хвостову*, чтобы онъ не отвѣчалъ *Дрентельну* на его письмо, такъ какъ это будетъ только хуже, подастъ поводъ къ новымъ разговорамъ, будетъ всюду показано и т. д. Онъ не обязанъ отвѣчать, такъ какъ было дерзостью и оскорбленіемъ такъ писать твоему министру. Аня передала ему [4] это по телефону. Она мнѣ дала письмо отъ Келлера тебѣ на прочтеніе, когда у тебя будетъ свободная минута. И потомъ, по обыкновенію, прошеніе. Я собираюсь дать Ольгѣ ея подарки въ ея спальнѣ, такъ какъ мы обѣдаемъ наверху. *Гротенъ* черезъ два дня уѣзжаетъ въ свой полкъ, чтобы передать его, и потомъ останется въ Двинскѣ, такъ какъ онъ переведенъ въ запасъ (что его огорчаетъ). Онъ выглядитъ цвѣтуще и молодымъ, и опять можетъ ѣз-

---

[1] Волжинъ.

[2] Жеваховъ.

[3] Въ Синодѣ по сообщеніямъ газетъ возбужденъ вопросъ объ учрежденіи должности второго товарища оберъ-прокурора.

[4] Хвостову.

цить верхомъ. Завтра будетъ мой *Веселовскій, Выкрестовъ* и нѣсколько унтеръ-офицеровъ, которые убѣжали.[1] Теперь, милушка, я должна кончать, такъ какъ мнѣ до обѣда придется прочесть груды бумагъ. Прощай, мой любимый, Богъ да благословитъ и защититъ тебя. Цѣлую тебя безъ конца съ любовью и нѣжностью.

№ 147.

3 ноября 1915 г.

Мой любимый,

Поздравляю тебя съ двадцатымъ днемъ рожденія нашей большой Ольги. У насъ молебенъ въ половинѣ перваго въ моей большой комнатѣ, съ дамами, такъ какъ это менѣе утомительно и для нея, и для меня. Такое туманное утро. Татьяна отправилась въ лазаретъ. *Рита Хитрово* была вчера у Ольги и тронула меня, сказавъ, что раненымъ очень грустно, что я не дѣлаю имъ перевязокъ, такъ какъ докторъ дѣлаетъ имъ больно. Я всегда беру самые тяжелые случаи. Такъ глупо не быть въ состояніи снова работать, но я должна держаться спокойно — одинъ день сердце болѣе расширено, другой день менѣе, и я чувствую себя неважно, такъ что даже не курила уже нѣсколько дней; пріемовъ и *докладовъ* совсѣмъ достаточно.

Я видѣла бѣднаго *Мартынова* на костыляхъ, одна нога на четыре вершка короче другой — теперь уже скоро годъ, и въ маѣ надѣются, что онъ будетъ въ состояніи опять служить. Это чудо, что онъ выжилъ — какъ удивительно онъ каждый разъ спасался. Подъ нимъ, уже раненымъ, и сплющеннымъ, и съ прострѣленными костями, совсѣмъ погибавшимъ, были убиты двѣ лошади. Я говорила съ графомъ *Иродомъ* насчетъ пасхальныхъ подарковъ для арміи — мы не истратили тѣхъ трехъ милліоновъ рублей, которые ты далъ изъ удѣльныхъ суммъ и которые должны быть возмѣщены кабинетомъ. Остается немного больше милліона, и мы хотимъ на эти деньги достать и заказать вещи на Пасху. Только, конечно, каждый въ отдѣльности получитъ гораздо меньше, такъ какъ все стало гораздо дороже и даже нельзя достать въ томъ количествѣ, какое намъ нужно.

Потомъ опять пришелъ м-ръ Малькольмъ съ предложеніемъ отъ общества суффражетокъ, которыя прекрасно работали во Франціи — ходить за нашими *бѣженцами*, особенно за беременными женщинами — имъ здѣсь можно дать работу подъ главенствомъ Татьянинскаго Комитета. Бьюкененъ еще долженъ объ этомъ переговорить съ *Сазоновымъ*. Я сказала Малькольму, чтобы онъ повидалъ Ольгу. Онъ сегодня вече-

[1] Изъ германскаго плѣна.

ромъ уѣзжаетъ въ *Кіевъ,* потомъ въ *Одессу* — тебя бы интересовало его повидать, такой славный человѣкъ и готовый вездѣ помочь. Онъ написалъ домой въ Англію, прося устроить сборъ для нашихъ плѣнныхъ — онъ такой добрый, генералъ Вильямсъ его знаетъ. Меня просили быть патронессой лазарета въ домѣ Эллы, кажется, онъ будетъ названъ по имени тети Алисы. Потомъ я видѣла моихъ стрѣлковъ, прилагаю ихъ имена — четыре чудныхъ молодца — одинъ изъ нихъ уже раньше убѣжалъ и былъ снова пойманъ — 50 уже вернулось, черезъ Бельгію и Голландію — они тамъ оставили одного у консула, чтобы быть переводчикомъ — за ними хорошо ухаживали, кормили ихъ и одѣвали. Ночью они ушли, (искали путь) по компасу. Ихъ взяли въ плѣнъ 11 ноября прошлаго года — братъ *Выкрестова* также тамъ, но подъ другимъ именемъ и въ качествѣ солдата, такъ какъ такъ легче убѣжать. Одинъ изъ нихъ, знаменосецъ, говоритъ, что разные солдаты сохранили кусочки знамени, которые не были сожжены старымъ *фельдфебелемъ.* Потомъ я видѣла также командира Ольги, и Аля пришла съ двумя дѣтьми на три четверти часа, что очень меня утомило. Когда ты увидишь Н. П. наединѣ, скажи ему, чтобы онъ былъ осторожнѣе насчетъ книги *Дж*(унковскаго) изъ за *Дрентельна,* который можетъ изъ этого сдѣлать непріятную исторію, но онъ не долженъ догадываться, что это идетъ отъ Ани. Хвостъ и Бѣлецкій обѣдаютъ у Ани — я нахожу, — это жаль, точно она хотѣла играть политическую роль, и она такъ тщеславна и самоувѣренна, недостаточно осторожна, но они просили ее принять ихъ — вѣроятно, имъ надо что нибудь опять передать, и они не знаютъ, какъ это сдѣлать инымъ путемъ, и нашъ Другъ всегда желаетъ, чтобы она жила только для насъ и для такихъ вещей. Милое сокровище, я должна теперь кончать. Богъ да благословитъ и защититъ тебя, и дастъ тебѣ мудрость и помощь. Какія извѣстія насчетъ Румыніи и Греціи? Я хотѣла бы чтобы наши летчики могли что нибудь сдѣлать въ Болгаріи по желѣзнымъ дорогамъ, по которымъ столько провозится изъ Германіи и на Дунаѣ. Хотѣла бы знать, поѣдетъ ли туда Кириллъ во время и удастся ли. Это была бы большая вещь. Безконечно цѣлую съ глубокой нѣжностью и любовью.

Навсегда твоя старая

«Солнышко».

№ 148.

3 ноября 1915 г.

Мой родной,

Начинаю мое письмо сегодня вечеромъ для того, чтобы не забыть, что Хвостовъ просилъ Аню сказать тебѣ: 1. Повидимому, старикъ

предложилъ не въ любезной формѣ министерскій постъ[1] *Наумову*, такъ что тотъ нашелъ себя вынужденнымъ отклонить предложеніе. *Хвостовъ* съ тѣхъ поръ видѣлъ Н. (Наумова) и увѣренъ, что онъ приметъ назначеніе и даже будетъ счастливъ, если ты назовешь его имя. Онъ очень правый человѣкъ, намъ обѣимъ онъ нравится, мнѣ кажется, *Бѣлецкій* съ нимъ ранѣе работалъ. Онъ очень богатъ (его жена — дочь *Ушкова*, владѣльца Фороса)[2], такъ что ему нѣтъ надобности брать взятки, — а тотъ, котораго предлагаетъ *Горем*(ыкинъ), многаго не стоитъ — я забыла его фамилію. 2. Потомъ насчетъ *Родзянки*, думскаго — Х(востовъ) находитъ, что онъ долженъ былъ бы теперь получить орденъ, это бы ему польстило, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ упадетъ въ глазахъ лѣвыхъ партій, если приметъ отъ тебя награду. Нашъ Другъ также говоритъ, что было бы хорошо это сдѣлать[3]. Конечно, онъ крайне несимпатиченъ, но, увы, теперь какъ разъ такія времена, когда бываешь принужденъ изъ расчета дѣлать многое, отъ чего бы охотнѣе воздержался. 3. Потомъ онъ проситъ не мѣнять сейчасъ московскаго полицеймейстера, такъ какъ у него много нитей въ рукахъ въ виду его прежней принадлежности къ охранной полиціи. Нашъ *Спиридовичъ* тамъ бы и не подошелъ, такъ какъ, оказывается, онъ только что вторично женился на сомнительной эксъ-исполнительницѣ цыганскихъ пѣсенъ, — такъ что ему, кажется, перлагаютъ постъ губернатора подальше. 4. Онъ проситъ тебя, чтобы *Ксюнинъ*[4] не былъ сосланъ въ Сибирь, такъ какъ два генерала дали ложное свѣдѣніе о нашей высадкѣ въ Болгаріи (онъ тебѣ привезетъ ихъ имена) — этотъ человѣкъ хорошо пишетъ въ газетахъ и достаточно было бы сдѣлать ему выговоръ[5]. 5. Получилъ ли ты телеграмму отъ какой то женщины, уговаривающей тебя заточить Эллу и меня въ монастырь? Онъ объ этомъ что то слышалъ, и если это правда, онъ хочетъ устроить за ней надзоръ и убѣдиться, что это за типъ. Кажется, это все. Онъ опасается встрѣчи съ *Дрентельномъ*, находитъ, что послѣ такого письма онъ не можетъ ему подать руку (попроси его показать тебѣ письмо; если ты отъ него потребуешь,[6] онъ долженъ будетъ послушаться — а если ты этого не сдѣлаешь, то публика будетъ недовольна и будетъ о немъ говорить). Я такъ огорчена за этого бѣднаго человѣка. Онъ принесъ мнѣ твой секретный маршрутъ (полученный отъ *Воейкова)*, я о немъ не скажу ни слова никому за

---

[1] Министра земледѣлія.

[2] Великолѣпное имѣніе на южномъ берегу Крыма, между Севастополемъ и Алупкой.

[3] 6 декабря Родзянко былъ пожалованъ орденъ Анны I степени.

[4] А. И. Ксюнинъ — сотрудникъ Новаго и Вечерняго Времени.

[5] Дѣло Ксюнина по высоч. повелѣнію прекращено.

[6] Т. е. показать письмо.

исключеніемъ только нашего Друга, чтобы Онъ повсюду тебя охранялъ. Если бы только Кириллъ могъ имѣть успѣхъ! — Нашъ Другъ сказалъ одну вещь, что, если теперь будутъ предлагать большія суммы денегъ (для того чтобы получить *награды)*, надо принимать, такъ какъ есть нужда въ деньгахъ и чрезъ это помогаютъ имъ дѣлать добро, уступая ихъ слабости, и многія тысячи отъ этого получаютъ пользу — это правда, но конечно, опять нарушается всякое нравственное чувство. Но во время войны все мѣняется. Поговори съ Х(востовымъ) насчетъ *Живахи* (что̀, я попрежнему неправильно пишу фамилію? *Андронниковъ*, кстати сказать, не сообщилъ мнѣ ея совсѣмъ точно).

4-ое ноября. За ночь выпалъ обильный снѣгъ, все бѣло, термометръ на нулѣ.

Ты получишь это письмо за нѣсколько часовъ до того, какъ отправишься въ путь — Богъ да возьметъ тебя подъ Свою святую охрану и пусть ваши ангелы хранители и Св. Николай, и Св. Дѣва слѣдятъ за тобой и за милымъ Беби. Я все время сердцемъ и душой буду возлѣ васъ. Какъ будетъ интересно! Если у тебя будетъ случай, передай мой привѣтъ и благословеніе моимъ *Крымцамъ* и *Инженернымъ* офицерамъ также, если у тебя будетъ случай, черезъ *Ягмина*. Какъ бы я хотѣла быть съ тобой, это такъ меня волнуетъ.

Я прочла въ «*Новомъ Времени*» краткое описаніе, сдѣланное лицомъ, которое было свидѣтелемъ того, что происходило въ *Ригѣ* [1], я не могла читать безъ слезъ. Такъ каковы же должны быть чувства тѣхъ тысячъ, которыя ты и Беби вмѣстѣ видѣли — такъ за̀просто, такъ близко къ нимъ. Могу себѣ представить, какъ глубоко ты все это чувствуешь, мой любимый. Ахъ, какая это безконечная Божья милость, что ты командуешь и самъ себѣ хозяинъ!

Вотъ, посылаю тебѣ немного цвѣтовъ, чтобы сопутствовать тебѣ въ дорогѣ. Они стояли весь день въ моей комнатѣ и дышали тѣмъ же воздухомъ, какъ и твоя старая «Солнышко», фрезіи долго держатся въ вазѣ.

Если ты увидишь нашихъ дорогихъ матросовъ и моихъ великановъ, подумай о насъ и кланяйся имъ отъ насъ, если будетъ случай. Надѣюсь, что будетъ тепло и хорошо, что отъ твоего пріѣзда будетъ масса пользы. Навѣрное, Ольга Евгеніевна откуда нибудь будетъ наблюдать за тобой, такъ какъ она живетъ въ *Одессѣ*.

Если ты получишь какія либо достовѣрныя извѣстія относительно Румыніи и Греціи, будь ангеломъ и дай мнѣ знать. Елена [2] боится за

---

[1] Изъ Ревеля (см. выше) Государь направился въ Ригу, гдѣ осматривалъ сибирскихъ стрѣлковъ.

[2] Елена Петровна, дочь сербскаго короля, замужемъ за Кн. Іоанномъ Константиновичемъ.

своего отца потому, что, если произойдетъ худшее, онъ сказалъ, что умретъ со своей арміей или же можетъ случиться, что онъ покончитъ съ собой. *Игорь*[1] объ этомъ разсказалъ за завтракомъ — онъ говоритъ, что съ бѣдной тетей Ольгой[2] нельзя касаться вопроса о Греціи.

Васъ обоихъ мнѣ на этотъ разъ больше, чѣмъ когда либо, недостаетъ. Такая безконечная тоска по васъ, хочется слышать твой милый голосъ, смотрѣть въ твои дорогіе глаза и чувствовать тебя, мой любимый, возлѣ себя. Слава Богу, что у тебя Беби, чтобы согрѣть тебя, и что онъ достаточно взрослый и можетъ тебя сопровождать. Я ношу эту безграничную тоску одна въ моей усталой душѣ и болящемъ сердцѣ — нельзя привыкнуть къ этимъ разлукамъ, особенно когда остаешься одна дома. Но это хорошо, что ты тамъ. Здѣсь «атмосфера» такъ тяжела и угнетаетъ. Я жалѣю, что твоя мамаша вернулась въ городъ, ей прожужжатъ, бѣдной, уши всякими злыми сплетнями. Ахъ, милый, какъ я устала отъ этой жизни въ нынѣшнемъ году и отъ постоянной тревоги и страданій! Хотѣлось бы заснуть на время и позабыть обо всемъ и объ ежедневномъ кошмарѣ. Но Богъ поможетъ. Когда чувствуешь себя нездоровой, все еще болѣе угнетаетъ — но другіе того не замѣчаютъ. Нашъ Другъ находитъ, что *Хв*(остовъ) не долженъ былъ бы подать руку *Др*(ентельну) послѣ такого оскорбительнаго письма — но я думаю, что *Др*(ентельнъ) по собственному почину будетъ избѣгать его. Мнѣ такъ грустно за бѣднаго толстяка (Хвостова).

Гр(игорій) просилъ меня повидаться съ нимъ завтра въ маленькомъ домѣ, чтобы поговорить насчетъ старика, котораго я еще не видѣла.

Должна кончать, Богъ да благословитъ твое путешествіе. Спи хорошо, чувствуй мое присутствіе возлѣ тебя въ отдѣленіи, осыпаю тебя нѣжными и ласковыми поцѣлуями, каждую частицу твоего тѣла и кладу свою усталую голову на твою грудь.

Твоя любящая женка.

Нѣжно благодарю, моя душка, за твое дорогое письмо, которое меня болѣе чѣмъ обрадовало. Если ты не можешь телеграфировать подробности, я все же буду понимать. Если ты скажешь, что видѣлъ «нашихъ», это будетъ означать «гвардейскій экипажъ», если «твоихъ» — это значитъ *крымцевъ*, если «Едигарова» — нижегородцевъ. Можно всегда болѣе или менѣе понять — и потомъ сообщай, какая погода. Ты видишь я получила отъ *Хвостова* имена городовъ и числа, такъ что я могу слѣдить за вами, никому ничего не говоря.

---

[1] Константиновичъ.
[2] Греческой королевой (вдовствующей).

Я не хотѣла сказать, что ты долженъ теперь отнять у *Др*(ентельна) *Пр*(еображенцевъ), но попозже. **Прочти это прежде, чѣмъ принять** *Хвост*(ова). Онъ просилъ меня подготовить тебя къ различнымъ вопросамъ.

№ 149.

5 ноября 1915 г.

Мой родной ангелъ,

Какъ очаровательны фотографіи Алексѣя; та, гдѣ онъ стоитъ, должна была бы поступить въ продажу, какъ открытка — въ сущности, обѣ могли бы. Пожалуйста, снимись съ Беби также для публики, и тогда мы можемъ послать нѣкоторыя изъ нихъ солдатамъ. Если на Югѣ, то съ крестомъ и медалью безъ шинели и въ фуражкахъ, а если въ *Ставкѣ* или по дорогѣ туда, то возлѣ лѣса въ *шинели и папахѣ*. *Фред*(ериксъ) спрашивалъ моего мнѣнія, можно ли разрѣшить кинематографъ показывающій Беби и Джои[1] публично, такъ какъ я его не видѣла, я не могу судить, поэтому предоставляю тебѣ рѣшить. Беби сказалъ Жильяру, что было бы глупо показывать его «faisant des pirouettes»[2] и что на снимкѣ собака выглядитъ умнѣе его. Мнѣ это понравилось.

У насъ завтракала м-мъ Зизи, у нея цѣлый *докладъ* по поводу разныхъ прошеній и дамъ, которыя хотятъ меня видѣть. *Рощаковскій* былъ интересенъ. Я ему сказала, чтобы онъ писалъ для тебя *памятную записку*. Это касается желѣзнодорожной линіи въ *Архангельскъ*, которая, по его словамъ, можетъ работать въ семь разъ больше, чѣмъ сейчасъ. Угрюмовъ послалъ его по дѣламъ, касающимся въ особенности П. заводовъ, но онъ воспользовался и попросилъ представиться мнѣ, чтобы мнѣ сказать, какъ трудно Угрюмову что нибудь дѣлать, такъ какъ за всѣ эти мѣсяцы онъ не получилъ никакихъ оффиціальныхъ полномочій.

Теперь говорятъ, что тамъ вводится военное положеніе, чтобы ему облегчить задачу, но это не необходимо, такъ какъ они тамъ спокойны, нѣтъ исторій или безпорядковъ. Потомъ онъ просилъ о какомъ либо оффиціальномъ назначеніи, чтобы наблюдать за желѣзными дорогами. Военный министръ просилъ объ этомъ *Рухлова*. Если у него будетъ спеціальное назначеніе, то онъ можетъ отдавать болѣе строгія приказанія, такъ какъ онъ энергиченъ, инженеры были бы вынуждены слушаться его, онъ бы перемѣнилъ тѣхъ, кто не работаетъ, и награждалъ

---

[1] Собаку наслѣдника.
[2] Выдѣлывающимъ пируэты.

работающихъ. Онъ могъ бы добиться отправки большаго количества товарныхъ поѣздовъ, могъ бы поторопить работу широкой колеи и т. д. Онъ ни о чемъ не проситъ, но Рощ. ради пользы дѣла просилъ меня сказать тебѣ объ этомъ словечко...[1] генералъ-губернаторомъ во время войны, такъ какъ это такое существенное мѣсто теперь и много зависитъ отъ того, чтобы все было правильно регулировано и хорошо налажено и ускорено. Очень ли я тебѣ надоѣдаю со всѣми этими вопросами, мой бѣдный, милый? Затѣмъ, понятно, я прилагаю прошенія. Генералъ *Мэррей* еще не пріѣхалъ, но когда онъ пріѣдетъ, я, конечно, съ удовольствіемъ его прійму. Только что былъ у меня князь *Голицынъ* съ докладомъ насчетъ нашихъ плѣнныхъ. Четыре раза въ недѣлю мы отсылаемъ нѣсколько вагоновъ, нагруженныхъ разными предметами. Какіе скряги — этотъ *Синодъ*, я просила *Волжина* послать больше священниковъ и (походныхъ) церквей въ Германію и въ Австрію, — онъ хотѣлъ, чтобы мы платили, но такъ какъ это вышло слишкомъ много, то онъ устроилъ, чтобы средства были даны изъ военнаго фонда; — въ самомъ дѣлѣ, это просто стыдно въ такое время какъ теперь. Ихъ монастыри, въ особенности московскіе, такъ богаты, а имъ даже и въ голову не приходитъ помочь. Онъ писалъ въ Сергіевскую лавру, чтобы они дали намъ маленькіе образки, кресты и, если они не хотятъ даромъ, то мы заплатимъ — а они даже не отвѣчаютъ, я теперь попробую черезъ Эллу; — мы разослали 10.000, но вѣдь это такъ немного. Хотѣла бы знать, гдѣ это письмо застанетъ тебя?

Иза пріѣхала въ Копенгагенъ и имѣла хорошій переѣздъ. *Масловъ* прислалъ *Трубача* съ письмомъ, сообщающимъ подробности о смерти бѣднаго *Тизенгаузена*[2]. Инфлуэнца и параличъ сердца; я приказала накормить трубача и потомъ позвала его наверхъ — онъ хорошо разсказывалъ, пробылъ 21 годъ въ полку, былъ съ нами на миломъ «Штандартѣ». Я дала ему образокъ и конвертъ письма, посланнаго военной почтой съ моей надписью, чтобы возвратить его командиру. Теперь мой дорогой, мой милый, моя душа, мое солнышко, радость моей жизни, я должна кончать письмо. Тоскую по тебѣ болѣе, чѣмъ могу сказать словами, и жажду тебя, мой дорогой муженекъ, осыпаю тебя поцѣлуями и ласками и всегдашней любовью. Богъ да благословитъ тебя, мой Агунюшка,

Навсегда твоя старая женка.

Павелъ попрежнему очень боленъ. Онъ очень много потерялъ въ вѣсѣ. Доктора хотятъ оперировать его и вынуть желчный пузырь. Нашъ Другъ говоритъ, что онъ тогда умретъ, и я помню, что *Федор*(овъ)

[1] Вѣроятно: «Его слѣдовало бы назначить» и т. д.
[2] См. выше.

говорилъ, что онъ опасается операціи, потому что сердце слабо. Я думаю, онъ правъ. Она[1] говоритъ, что Павелъ слышать не хочетъ объ операціи. Мнѣ не нравится, что они хотятъ удалить (пузырь), нѣтъ ли тамъ злокачественнаго новообразованія, я бы его не оперировала въ его теперешнемъ состояніи.

№ 150.

6 ноября 1915 г.

Мой родной,

Горячо поздравляю съ праздникомъ твоего дорогого полка. Было огромной радостью получить твое дорогое письмо, которое мнѣ сегодня утромъ принесли. Я покрывала его поцѣлуями. Спасибо за то, что ты написалъ. Мнѣ отрадно имѣть отъ тебя извѣстія, когда у меня сердце печально и одиноко и жаждетъ своего друга.

Посылаю тебѣ *докладъ Рощаковскаго* — онъ совсѣмъ конфиденціаленъ, я просила его написать все подробно, такъ, чтобы тебѣ все было яснѣе, и я увѣрена, что ты будешь согласенъ съ главными пунктами. Онъ очень энергичный человѣкъ и полонъ лучшихъ намѣреній, и понимаетъ, что все могло бы идти лучше, съ маленькой помощью и небольшими перемѣнами. Такъ, пожалуйста, прочти докладъ.

Это у тебя хорошій планъ — послать попозже гвардію въ Бессарабію, послѣ того, какъ они будутъ переформированы и отдохнутъ. Они тогда будутъ вполнѣ хороши. Ну, да поможетъ Господь Богъ злосчастнымъ сербамъ. Я боюсь, что съ ними кончено, и мы не можемъ во время соединиться съ ними — эти проклятые греки такъ нечестно бросили ихъ въ бѣдѣ.

Нашъ Другъ, котораго мы видѣли вчера вечеромъ, когда онъ послалъ тебѣ телеграмму, боялся, что если у насъ не будетъ большой арміи, чтобы пройти черезъ Румынію, мы можемъ попасть въ западню съ тыла.

Алексѣевъ стоитъ цѣлой сотни долгоносыхъ *Сазоновыхъ*, котораго я нахожу довольно слабымъ, чтобы выразиться мягко. Ну, моя душка, Онъ думаетъ, что лучше мнѣ теперь повидаться съ старымъ господиномъ[2] и мягко ему сказать, (вѣдь, если Д(ума) его ошикаетъ, что же можно будетъ сдѣлать, нельзя же ее распустить по такому поводу). Ты придумалъ что то съ *Танѣевымъ* для него, неправда ли? Я увѣрена, что онъ это пойметъ. Если ты получишь отъ меня телеграмму — *все сдѣлано* и просто сдѣлано, это будетъ означать, что я съ нимъ

[1] Княгиня Палѣй.
[2] Горемыкинымъ.

говорила, и тогда ты можешь написать или, когда ты вернешься, послать за нимъ. Онъ любитъ тебя такъ искренно, что это его не обидитъ, а я буду съ нимъ говорить со всей возможной теплотой. Онъ[1] такъ огорченъ, такъ какъ Онъ почитаетъ старика.

Но онъ[2] можетъ всегда оставаться твоимъ помощникомъ и совѣтникомъ, какъ былъ старый *Мищ*(енко) — и лучше, чтобы онъ ушелъ по твоему желанію, чѣмъ вынужденный скандаломъ, который бы тебя огорчилъ, а его еще болѣе. Онъ[3] хорошо говорилъ, и мнѣ было полезно его повидать. Очень кашляетъ и волнуется по поводу Греціи. Твое пребываніе въ арміи съ Беби приноситъ всѣмъ и Россіи новую жизнь, Онъ это всегда повторяетъ. Онъ находитъ, что ты долженъ былъ высказать *Волжину*, что ты желаешь назначить ему помощникомъ Ж(евахова) — ему значительно больше сорока лѣтъ, онъ старше *Истомина*, котораго взялъ Самаринъ, и онъ знаетъ церковь гораздо лучше, чѣмъ В(олжинъ), и можетъ принести очень большую помощь.

Теперь, разъ умеръ старый *Флавіанъ*, нашего слѣдовало бы туда назначить, какъ на высшее мѣсто, а *Питирима* сюда, онъ истинный *молитвенникъ*.[4]

Я видѣла сегодня утромъ *Сенатора Кривцова*[5] — онъ далъ мнѣ свою книгу — я плакала, читая объ ужасахъ, которые дѣлали германцы по отношенію къ нашимъ раненымъ и плѣннымъ — не могу забыть эти звѣрства, подумать только, что цивилизованные люди могутъ быть такъ жестоки. Во время боя, когда люди теряютъ голову — это другое дѣло. Я знаю, они говорятъ, что наши казаки совершали звѣрства въ *Мемелѣ* — конечно, можетъ быть и были немногіе случаи изъ мести, лучше позабыть объ этомъ, такъ какъ я твердо вѣрю, что теперь они стали лучше. Но когда мы начнемъ наступать и ихъ нужды станутъ больше, я боюсь, что наши бѣдные плѣнные будутъ въ худшемъ положеніи.

Матушка Елена нѣкоторое время посидѣла со мной, она чрезвычайно признательна, что ты позволилъ ей съ ея 400 монашенками и 200 дѣтьми жить въ *Нескучномъ*, гдѣ такъ мирно и тихо. У нихъ только столовая въ среднемъ этажѣ, такъ какъ наша мебель изъ *Бѣловѣжа* хранится въ другихъ комнатахъ.

Мои нѣжныя мысли не покидаютъ тебя, мой дорогой ангелъ, и Агунюшку на твоемъ пути. Ахъ, я такъ надѣюсь, что погода будетъ

---

[1] Распутинъ.
[2] Горемыкинъ.
[3] Распутинъ.
[4] Т. е. богомолецъ.
[5] Предсѣдатель коммиссіи по изслѣдованію «нѣмецкихъ звѣрствъ».

солнечная и ясная — Беби это будетъ полезно, сырость всегда на немъ сказывается, и онъ тогда блѣднѣетъ.

Дорогой мой, цѣлую тебя съ глубокой нѣжностью и любовной лаской, страстной любовью. Богъ всемогущій да охранитъ и защититъ тебя, мой дорогой муженекъ, мое ясное солнышко. Навсегда твоя старая женка

Аликсъ.

Когда тебя нѣтъ, я всегда вижу сны — это показываетъ, что значитъ не имѣть возлѣ себя мою душку.

Кланяйся старику,[1] я надѣюсь, что онъ не помѣшаетъ твоимъ передвиженіямъ. Передай маленькому адмиралу и Н. П. также мой привѣтъ. Хотѣла бы знать, съ тобой ли Димитрій или нѣтъ.

№ 151.

6 ноября 1915 г.

Мой любимый, дорогой Ники,

Драгоцѣнный мой, мысли мои тебя не покидаютъ. Я такъ благодарна за твою телеграмму вчера вечеромъ изъ *Новомиргорода* — и утѣшительно было тебѣ видѣть прохожденіе столькихъ воинскихъ поѣздовъ. Богъ да благословитъ этихъ храбрецовъ.

Мнѣ нечего сказать интереснаго. Вчера вечеромъ мы обѣдали въ половинѣ восьмого, потому что три младшія дочери въ 8 часовъ пошли на *панихиду* по молодомъ офицерѣ, который умеръ въ Большомъ Дворцѣ. Отъ девяти до половины десятаго я была въ лазаретѣ нашемъ, чтобы повидать одного опасно больного, — я не могла допустить мысль о томъ, чтобы не повидать его хоть немного, и потомъ я прошла черезъ всѣ палаты, чтобы пожелать имъ доброй ночи. Я тамъ не была уже недѣлю и была рада найти, что всѣ другіе выглядятъ и чувствуютъ себя гораздо лучше.

У меня былъ *Вильчковскій* съ длиннымъ *докладомъ, отчетъ нынѣшняго года*, денежные вопросы и т. д.; и потомъ Аня уговорила меня покататься въ саняхъ полчаса, внутри *Бабол*(овскаго) парка,[2] гдѣ ты ходилъ рядомъ съ моей колясочкой. Три градуса мороза, мы немного ѣхали шагомъ, такъ какъ мнѣ тогда легче дышать. Только что пришла м-мъ Беккеръ.

Я жажду телеграммы изъ Одессы, всѣ мои мысли съ тобй. Я чувствую, что мое письмо страшно неинтересное, но мнѣ абсолютно нечего разсказывать интереснаго.

---

[1] Гр. Фредериксу.
[2] Въ Царскомъ Селѣ.

Милый ангелъ, мнѣ хочется много вопросовъ предложить тебѣ по поводу твоихъ плановъ, касающихся Р. (Румыніи), нашъ Другъ такъ хотѣлъ бы знать объ этомъ.

Безобразовъ сегодня производитъ смотръ молодымъ солдатамъ въ *Новгородѣ*. Теперь какъ быть съ бѣднымъ Павломъ. Я сомнѣваюсь, чтобы онъ когда либо былъ въ состояніи вернуться на службу, мнѣ сдается, что онъ конченный человѣкъ, это не значитъ, что онъ не можетъ продолжать жить, если будетъ принимать мѣры предосторожности, но только для военной службы онъ не годится. Я глубоко о немъ жалѣю.

Не пошлешь ли ты Димитрія къ *Безобразову*, чтобы онъ имъ могъ воспользоваться.

Мой муженекъ, тоскую по тебѣ и люблю тебя безконечно, съ истинной преданностью, глубже, чѣмъ я могу сказать, «больше и больше» каждый день, ты помнишь эту старую пѣсенку 21 годъ тому назадъ?

Божье благословеніе да будетъ на тебѣ, моя душка, мое солнышко, покрываю тебя поцѣлуями. Навсегда вся твоя.

Навѣрное уютно возвращаться въ поѣздѣ послѣ утомительнаго дня. Есть ли еще шансъ, чтобы ты вернулся 14-го или только позже?

№ 152.

8 ноября 1915 г.

Мой дорогой муженекъ,

Я такъ рада, что все сошло благополучно въ *Одессѣ* и что ты видѣлъ столько интересныхъ вещей и нашихъ дорогихъ матросовъ, но какая жалость, что погода не была теплѣе. Здѣсь продолжается около трехъ градусовъ и безъ солнца. Я телеграфировала тебѣ насчетъ несчастнаго случая съ бѣднымъ *Эшапаромъ*[1] и его операціи, такъ какъ я получила свѣдѣнія сегодня утромъ. Я такъ надѣюсь, что онъ выживетъ, хотя это страшно опасное мѣсто. Ахъ, эти моторы, какъ надо быть осторожнымъ! А Фредериксъ, какъ поживаетъ? Нашему Другу это очень дорого стоитъ, и онъ находитъ, что въ самомъ дѣлѣ его другой разъ брать нельзя, что угодно можетъ случиться; — кромѣ того, онъ можетъ вдругъ принять тебя за кого нибудь другого (напримѣръ за Уильяма)[2] и сдѣлать скандалъ. Я не знаю почему онъ это говоритъ.

Что то случилось съ моимъ перомъ и почеркъ получился странный. Увы, опять не могу идти въ церковь. Это благоразумнѣе изъ за Б.[3] Какъ я рада, что ты былъ такъ доволенъ всѣмъ, что ты видѣлъ

[1] Дюбрейль-Эшапаръ, офицеръ уланскаго полка.
[2] Германскаго Императора. Съ Фредериксомъ такія исторіи случались.
[3] Беккеръ.

въ Тирасполѣ, какъ полезно должно быть для нихъ увидѣть тебя, и какъ тебя это должно освѣжать и волновать. Посылаю тебѣ телеграмму, которую онъ (Распутинъ) мнѣ продиктовалъ въ прошлый разъ, когда я Его видѣла расхаживающимъ взадъ и впередъ, молящимся и крестящимся—насчетъ Румыніи и Греціи и нашихъ проходящихъ войскъ. Такъ какъ ты будешь завтра въ Рени, онъ хочетъ, чтобы ты получилъ ее пораньше. Онъ все ходитъ взадъ и впередъ и недоумѣваетъ, что ты рѣшилъ въ *Ставкѣ*, находитъ, что тебѣ нужно имѣть тамъ[1] массу войскъ, такъ чтобы нельзя было отрѣзать съ тыла. Въ тѣхъ бумагахъ, которыя посылаетъ *Григоровичъ* (я такъ благодарна, что ты позволяешь мнѣ получать ихъ, такъ какъ большею частью онѣ крайне интересны), видно, сколько пушекъ и войскъ они посылаютъ въ Болгарію. Чортъ бы побралъ эти подводныя лодки, которыя мѣшаютъ флоту! и не даютъ сдѣлать высадки, а за это время они могутъ собрать столько войскъ!

Въ тотъ день, когда наши войска войдутъ въ Константинополь, онъ хочетъ, чтобы одинъ изъ моихъ полковъ былъ первымъ, не знаю почему. Я сказала, что я надѣюсь, что это будутъ наши дорогіе матросы. хотя они не мои, но въ сердцѣ они самые близкіе намъ всѣмъ. Я жажду извѣстій о гвардіи и т. д. Братъ Ани пріѣхалъ, сегодня день рожденія ея матери и Али, такъ что я ее увижу только вечеромъ. Пожалуйста, пошли мнѣ какъ нибудь привѣтъ для нея, ей грустно не получать ничего.

Меня очень огорчила смерть *Эшапара*. Георгій будетъ страшно огорченъ и также всѣ, кто его знали, за исключеніемъ Minny. И для моего поѣзда это большая потеря, и я только что придумывала какъ устроить, чтобы его поѣздъ пошелъ на югъ, но можетъ быть я могу распорядиться, чтобы поѣздъ *Римана*, который идетъ изъ *Харькова*, направился въ *Одессу*, такъ какъ тамъ будетъ нуженъ хорошій поѣздъ. Такъ скучно, что я не могу опять выходить изъ за моего здоровья, я собиралась сдѣлать такъ много во время твоего отсутствія. У насъ къ чаю были Нини и Эмма[2] и мы много говорили объ ихъ отцѣ и о томъ, какъ его не пустить въ слѣдующій разъ. Сегодня вечеромъ я въ половинѣ девятаго иду на полчаса въ нашъ госпиталь, чтобы видѣть того, который такъ плохъ, такъ какъ мнѣ говорятъ, что ему лучше съ тѣхъ поръ, какъ онъ меня видѣлъ и, можетъ быть, это еще разъ ему поможетъ. Я думаю — это совсѣмъ естественно, что всѣ тѣ, кому такъ плохо, чувствуютъ себя спокойнѣе и лучше, когда я тамъ, такъ какъ я всегда думаю о нашемъ Другѣ и молюсь, сидя спокойно возлѣ нихъ и

---

[1] Т. е. въ Румыніи.
[2] Дочери графа Фредерикса.

тихонько поглаживаю ихъ, — душа должна приготовиться, когда сидишь съ больными, если хочешь помочь имъ. Надо постараться поставить себя въ ту же плоскость и черезъ нихъ подняться или помочь имъ подняться съ моей помощью, такъ какъ я послѣдовательница нашего Друга.

Теперь, моя птичка, я должна кончать. Богъ да благословитъ и защититъ тебя и охранитъ отъ всякаго зла. Ахъ, какъ хотѣлось бы быть вмѣстѣ въ эти тяжелыя времена, чтобы все раздѣлить съ тобой. Безконечныя благословенія и нѣжнѣйшіе любовные поцѣлуи отъ твоей нѣжно любящей старой женки.

«Солнышко».

№ 153.

9 ноября 1915 г.

Моя дорогая душка,

Сѣро, таетъ и очень темно. Ну, я вчера вечеромъ была въ нашемъ лазаретѣ, нѣкоторое время сидѣла около кровати *Смирнова*, температура все еще высока, но онъ дышетъ спокойнѣе, простилась съ другими— трое лежали на спинѣ, играли на гитарѣ и были совсѣмъ бодры.

Ксенія телеграфировала, что Ольга ѣдетъ къ ней на нѣсколько дней, я рада, такъ какъ это ей принесетъ огромную пользу, ея нервы, кажется, нѣсколько разстроены съ тѣхъ поръ, какъ она была въ Петроградѣ и ей прожужжали уши всякими гадостями, и послѣ *Кіева*, который ей М. (Милица) и Стана[1] испортили своимъ злословіемъ. Въ одной нѣмецкой газетѣ они пишутъ, что пока союзники теряли время въ разговорахъ насчетъ Румыніи, мы и болгары не теряемъ времени въ нашей подготовкѣ. Да, они никогда не мѣшкаютъ, а наши дипломаты — самымъ жалкимъ образомъ проворонили все . Хотѣла бы знать, удастся ли энергичному Китченеру что нибудь подѣлать съ Тино[2]? Нельзя ли было бы захватить германскія подводныя лодки въ Черномъ морѣ, они высылаютъ все большее число и совершенно парализуютъ нашъ флотъ. Интересно все, что Веселкину придется тебѣ разсказать. Я надѣюсь, что они все хорошо устроили, укрѣпленія и т. д. по всей румыно-болгарской границѣ. Всегда лучше разчитывать на худшее, такъ какъ германцы, повидимому, сосредоточили тамъ всѣ свои силы. Кажется нелѣпымъ, что я все это пишу, когда ты лучше меня все знаешь. Мнѣ не съ кѣмъ говорить на эту тему — но какую массу людей они туда посылаютъ, — такъ хотѣлось бы, чтобы мы немножко поторопились. Какъ

[1] Черногорки.
[2] Греческій король Константинъ.

я рада, что ты доволенъ всѣмъ тѣмъ, что ты видѣлъ въ Рени, что *Веселкинъ* хорошо работаетъ; какъ онъ долженъ былъ гордиться, что могъ показать тебѣ свою церковь, только бы она не пострадала, если ее придется убрать.

Я принимала *Альтфатера, Погребнякова, Румела* и *Семенова* изъ *Л. Гв. Перв. Арт. Бригады,* такъ какъ это ихъ полковой праздникъ, и эти трогательные люди дали мнѣ тысячу, Ольгѣ полтораста и Татьянѣ полтораста. Я была съ Татьяной на *панихидѣ* по Эшаппару. *Барановъ* былъ тамъ. *Коцебу* совсѣмъ посѣдѣлъ. *Яковлевъ, Шуленбургъ, Каульбарсъ, Княжевичъ*[1] и всѣ дамы. Такъ какъ мой поѣздъ стоитъ безъ дѣла въ *Двинскѣ* — я распорядилась, чтобы онъ привезъ тѣло.

Генералъ Мэррей въ восторгѣ отъ всего, что онъ видѣлъ. Братъ Ани его съ собой много возилъ. Прости мнѣ это скучное письмо, но я устала и у меня все тѣло ноетъ, такъ какъ я очень плохо спала эти послѣднія три ночи.

Нѣжно благословляю, любовно, горячо цѣлую, мой дорогой,

вся твоя старая женка.

№ 154.

10 ноября 1915 г.

Мой любимый,

Кажется, какъ будто каждое утро становится темнѣе — почти весь снѣгъ стаялъ и три градуса тепла. Теперь письма уходятъ гораздо раньше, повидимому, измѣнены поѣзда. Кстати, рѣшилъ ли ты что нибудь насчетъ *Сенатора* для инспекціи желѣзныхъ дорогъ и угольныхъ депо и для того, чтобы все привести въ движеніе, потому что это въ самомъ дѣлѣ позоръ. Въ Москвѣ нѣтъ масла и здѣсь недостатокъ въ очень многихъ предметахъ и очень высокія цѣны, такъ что даже богатымъ людямъ становится трудно жить — и все это извѣстно въ Германіи, и она радуется нашей дурной организаціи, что истинная правда. Какой милый сюрпризъ письмо дорогого Беби изъ *Одессы* и Mr. Жильяра. Понятно, ты не можешь писать. Могу себѣ представить, какъ даже въ поѣздѣ тебѣ надоѣдаютъ съ бумагами. Можетъ быть, если ты мнѣ напишешь словечко, ты пошлешь благодарность А. (Анѣ) за ея письмо, потому что, когда я сказала ей, что ты по телеграфу поблагодарилъ за письма, она сказала, что это относится къ н а ш и м ъ письмамъ. Думаю, что это письмо застанетъ тебя въ *Ставкѣ.* Нини думаетъ, что ты пріѣзжаешь сюда, вѣроятно, 14-го. Мнѣ

[1] Однополчане покойнаго.

это не кажется очень правдоподобнымъ, такъ какъ послѣ такого путешествія тебѣ, навѣрное, будетъ еще много разговоровъ съ *Алексѣевымъ*. Глупое сердце опять расширено, и старыя боли въ ногахъ очень усилились — тѣмъ не менѣе сегодня приходится многихъ принимать — также эксъ улана *Княжевича*. Я не знаю, что ему сказать.

Нашъ Другъ сказалъ мнѣ подождать насчетъ старика пока онъ не увидитъ дядю *Хвост*(ова) въ четвергъ, какое впечатлѣніе тотъ на него произведетъ — онъ очень огорченъ по поводу милаго старика, говоритъ, что онъ такой *праведникъ*, но онъ боится, что *Дума его* освищетъ, и тогда ты будешь въ ужасномъ положеніи. Хорошая ли вещь *земская реформа*, которую *Николаша* хочетъ осуществить на *Кавказѣ?* Населеніе и всѣ эти различныя національности могутъ ли они это понять — или ты находишь, что это хорошая реформа? Мой собственный слабый мозгъ находитъ, что еще не время. Посмотри *Новое Время* — седьмая страница внизу отъ 10-го ноября.

Какія возмутительно скучныя письма я пишу, прости меня, мой милый.

Прибыли австрійскія сестры, одна изъ нихъ хорошая знакомая Мари Барятинской изъ Италіи. М-мъ Зизи попроситъ мамашу повидать ихъ и нѣмецкихъ сестеръ, когда они вернутся. Потомъ и я также могу; надо дѣлать такія вещи, хоть для блага человѣчества, они тогда охотнѣе помогутъ нашимъ плѣннымъ; — и если она ихъ повидаетъ, то меня уже нельзя будетъ обвинять.

Тебѣ придется очень подтянуть *Волжина*. Онъ слабъ и напуганъ; — когда уже все должно было быть вполнѣ устроено насчетъ *Варнавы*, онъ вдругъ написалъ ему частнымъ образомъ, что долженъ просить объ его увольненіи — молодой *Хвостовъ* сказалъ ему, что это совершенно неправильно — но онъ трусъ и боится общественнаго мнѣнія, такъ что, когда ты его увидишь, дай ему понять, что онъ служитъ прежде всего тебѣ и церкви, что это не касается ни общества, ни *Думы*.

Княгиня *Палѣй* говоритъ, что Павелъ теперь очень много ѣстъ, но каждый день теряетъ въ вѣсѣ. Онъ теперь вѣситъ меньше, чѣмъ Анастасія, иногда по ночамъ кричитъ отъ боли, а потомъ ему опять становится лучше. *Желчный пузырь* начинаетъ *атрофироваться* и потому *желчь* распространяется повсюду, хотя онъ еще не пожелтѣлъ. Они хотятъ его оперировать немедленно послѣ твоего возвращенія въ какой нибудь *общинѣ* — они говорятъ, что это есть единственный способъ спасти его, и нашъ Другъ говоритъ, что онъ, навѣрное, тогда умретъ, такъ какъ сердце недостаточно крѣпко. Сегодня *Чигаевъ* долженъ его повидать. Его цвѣтъ лица меня напугалъ, такой же, какой былъ у дяди Владиміра въ послѣдніе мѣсяцы и у дяди Алексѣя прежде

чѣмъ онъ уѣхалъ заграницу, и такъ похожъ на Дѣдушку[1] съ провалами подъ глазами. Онъ никого не принимаетъ, не желая, чтобы видѣли, какъ онъ измѣнился, но какъ только мнѣ будетъ лучше, я хочу непремѣнно его повидать. Мнѣ такъ страшно грустно за него — по крайней мѣрѣ его желаніе будетъ исполнено — и все равно не поможешь.

Теперь прощай, моя птичка. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя. Нѣжно и страстно цѣлую тебя, мой дорогой Ники, любимый мой мужeнекъ. Твоя старая жена

«Солнышко».

Какъ поживаетъ маленькій адмиралъ, устроилъ ли ты насчетъ Дмитрія? Цѣлую мальчика.

№ 155.

11 ноября 1915 г.

Моя дорогая душка,

Я такъ рада, что ты видѣлъ кавказскую кавалерію — я потомъ получила прелестную телеграмму отъ *Ягмина*. Могу себѣ представить ихъ восторгъ, когда они наконецъ тебя увидѣли, а *Терцы* въ первый разъ увидѣли Беби.

Темно, вѣтряно, идеть снѣгъ, одинъ градусъ мороза — наступили самые короткіе дни, такъ мрачно.

Вчера днемъ милая *Лили Денъ* была у насъ къ чаю, по дорогѣ изъ Гельсингфорса въ деревню. Она видѣла своего мужа, и онъ ей разсказалъ много интересныхъ эпизодовъ изъ ихъ боевой жизни, какъ они стрѣляли съ моря на берегъ.

Ахъ, моя душка, я принимала Ольгу *Орлову*[2], нарочно просила Ольгу и Анастасію остаться въ комнатѣ, все обошлось хорошо, но когда я встала, она попросила позволенія поговорить со мной наединѣ, и тогда она все выпалила насчетъ своего мужа и стала спрашивать, что у меня противъ него, и говорила, что надѣется, что я не вѣрю тѣмъ клеветамъ, которыя противъ него распространяютъ. Мнѣ было жаль ея, но было страшно больно, такъ какъ я не могла ее огорчить. Я какъ-то отдѣлалась, но не думаю, чтобы она ушла сколько нибудь разъяснивъ себѣ вопросъ — я была любезна и спокойна, и никакой неправды не говорила — ну я не буду надоѣдать тебѣ этимъ разговоромъ. Слава Богу, что онъ прошелъ, — приходится выбирать свои слова, чтобы потомъ они не были повернуты противъ меня.

[1] Въ текстѣ «Anpapa» = «Grandpapa».
[2] Княгиню О. Э. Орлову, жену впавшаго въ немилость кн. Вл. Ник. Орлова.

Русскій санитарный моторный *отрядъ* Вероля, который находится подъ моимъ покровительствомъ, прекрасно работалъ во Франціи. Нѣкоторое время тому назадъ я получила телеграмму отъ него и м-мъ Извольской, а сегодня я прочла описаніе въ *Новомъ Времени* — одинъ изъ моторовъ былъ пробитъ насквозь. Потомъ я видѣла князя *Геловани,* чтобы поговорить насчетъ *Евпаторіи,* которую онъ осмотрѣлъ для меня. Теперь онъ на десять дней уѣзжаетъ къ своей семьѣ на Кавказъ, а оттуда прямо въ полкъ. Онъ въ восторгѣ, что убрали графиню Воронцову, такъ какъ она очень много вредила. По поводу *Земства* онъ очень доволенъ и говоритъ, что необходимо было его ввести, такъ-какъ они должны озаботиться состояніемъ путей и желѣзныхъ дорогъ и т. д.; — онъ такой милый, уютный человѣкъ, съ своимъ забавнымъ русскимъ произношеніемъ.

Бѣдный *Петровскій* сидѣлъ со мной почти цѣлый часъ, и мы говорили объ его разводѣ безъ конца, все такъ сложно.

Сегодня недѣля, что ты отъ насъ уѣхалъ, но кажется, что гораздо больше. Мнѣ такъ недостаютъ мои двѣ душки.

Вотъ-то ты намъ много разскажешь!

Я продолжаю каждый день принимать, сердце мое все еще расширено, такъ что я не выхожу, мнѣ недостаетъ мой лазаретъ, но я хочу поправиться къ твоему возвращенію.

Ольга выглядитъ лучше и менѣе утомленной, мнѣ кажется.

Ну, душка, я видѣла *Княжевича* и нашла, что онъ выглядитъ очень хорошо, посвѣжѣлъ, смотритъ хорошо и совсѣмъ не похожъ на то, чѣмъ онъ былъ въ прошломъ году, чувствуетъ себя хорошо, такъ что, понятно, я ничего не могла сказать. Онъ уѣзжаетъ одновременно съ этимъ письмомъ въ *Ставку.* *Алексѣевъ* приказалъ ему тамъ быть 14-го, онъ уже будетъ 13-го. У него хорошій видъ. Его жена также находитъ, что онъ совсѣмъ поправился, такъ что я, право, не знаю, что ты придумаешь съ нимъ сдѣлать. Можетъ быть, это была временная слабость — лично я бы не послушалась Эрдели. Онъ неважная и завистливая натура. Георгій также слышалъ такія странныя вещи. Но ты увидишь, что онъ сейчасъ выглядитъ цвѣтущимъ и бодрымъ.

Онъ думаетъ, что можетъ быть *Арсеньевъ* получитъ нашу бригаду, это было бы прелестно. Прощай, мой дорогой, Богъ сохранитъ и благословитъ тебя.

Осыпаю твое милое лицо поцѣлуями, нѣжными ласками. Навсегда, мой муженекъ, вся твоя женка

Аликсъ.

Какъ поживаетъ старикъ Фред(ериксъ)?

Въ городѣ опять такъ страшно бранятъ милаго стараго *Горем*(ыкина), прямо отчаяніе. Завтра *Гр*(игорій) увидитъ стараго *Хвост*(ова),

и потомъ я его повидаю вечеромъ. Онъ хочетъ сказать мнѣ свое впечатлѣніе, достоенъ ли тотъ быть преемникомъ *Горем*(ыкина) — старый *Хвост*(овъ) принимаетъ его въ качествѣ просителя въ министерствѣ.

№ 156.

12 ноября 1915 г.

Милый, дорогой Ники,

Хотѣла бы знать, послѣднее ли это мое письмо. Говорятъ, что *Эриванцы* готовятся къ 17-ому и что ты поѣдешь ихъ смотрѣть. Гвардія также тебя ожидаетъ — ты только сегодня вечеромъ пріѣдешь въ *Ставку*, такъ что мнѣ представляется невозможнымъ, чтобы ты могъ уѣхать 13-го. Кромѣ того, *Баркъ* ждетъ тебя въ *Могилевѣ;* у него, навѣрное, масса дѣла.

Поэтому, на случай если мы не увидимся 14-го, шло тебѣ мои самыя, самыя нѣжныя любящія мысли и пожеланія, и безконечную благодарность за глубокое счастье и любовь, которыя ты мнѣ давалъ эти 21 годъ. Ахъ, душка, трудно быть счастливѣе, чѣмъ мы были, это дало намъ силы переносить много горестей. Да ниспошлются нашимъ дѣтямъ щедрыя милости Бога — я съ мучительнымъ страхомъ думаю объ ихъ будущемъ — оно такъ неизвѣстно.

Ну, все должно быть отдано въ руки Божьи съ довѣріемъ и вѣрой.

Жизнь загадка, будущее скрыто завѣсой, и когда я смотрю на нашу большую Ольгу, мое сердце полно волненія, и я себя спрашиваю, какая судьба ей готовится, что ее ожидаетъ?..

Теперь опять о дѣлахъ. *Гротенъ* внезапно появился, онъ простился со своимъ полкомъ и былъ до слезъ тронутъ ихъ добротой и полковыми проводами. Онъ былъ въ *Ставкѣ*, представлялся генералу *Кондзеровскому*[1], который принялъ его не слишкомъ любезно и заявилъ, что онъ ему ничего не можетъ сказать, такъ какъ ты въ отъѣздѣ. Онъ, глупый, опять уѣхалъ въ деревню вмѣсто того, чтобы терпѣливо ожидать твоего возвращенія. Онъ совершенно здоровъ и можетъ служить — хотѣла бы знать, какую онъ получитъ бригаду. Изъ полковъ, кажется, свободны *Конно-Гренадеры.* Мой толстый Толль, кажется, получаетъ *Павлоградцевъ* (они не казисты, но, говорятъ, хороши). Получаетъ ли *Дробязгинъ* бригаду? *Кусовъ* ожидаетъ полка — *Сѣверцы* также свободны, кажется. Масса вопросовъ, какъ видишь; — но найди работу для *Гротена*, онъ молодъ и крѣпокъ, и для него не годится сидѣть въ деревнѣ въ резервѣ.

[1] См. выше.

Я сплю отвратительно, засыпаю только послѣ трехъ, а сегодня ночью послѣ пяти — это такъ скучно. Сердце все еще расширено. Аня прошла на костыляхъ съ поддержкой Жука отъ *Федоровскаго* лазарета черезъ нашъ садъ въ *Знаменье*, понятно, это слишкомъ много, два раза подъ рядъ и теперь она чувствуетъ себя очень усталой.

Вчера я опять принимала, сегодня у меня *Ростовцевъ*, и я утромъ уже читала его толстый *докладъ*. Въ полночь я получила вчера твою телеграмму насчетъ *Херсона* и *Николаева*. Она шла четыре часа, и я уже начинала безпокоиться, не имѣя извѣстій. Я думаю, тебѣ покажется страннымъ послѣ этихъ долгихъ скитаній опять жить въ домѣ. Представь себѣ, Ольга Орлова телефонировала своему другу Эммѣ (она порвала съ Нини за то, что эта послѣдняя находитъ, что *Воейковъ* былъ кругомъ неправъ), что она меня видѣла и не говорила ни слова о своихъ дѣлахъ — такая ложь! и послѣ того, какъ она дала мнѣ честное слово, что она никогда ничего противъ меня не говорила, старая графиня говоритъ, что она всегда говорила противъ меня, и онъ также повторялъ гадкія инсинуаціи противъ меня въ *Ливадіи* своему другу Эммѣ, а она (Ольга Орлова) говоритъ, что онъ этого никогда не дѣлалъ и никогда не сталъ бы вредить женской репутаціи — цѣлое гнѣздо лжи. Это меня не трогаетъ, потому что я знаю, что они оба лжецы, но я ненавижу, когда даютъ честное слово, и когда я не знаю что̀ на это сказать.

Теперь, моя дорогая душка, я должна кончить свое маранье. Дай мнѣ знать, когда приблизительно ожидать тебя. Богъ да благословитъ и охранитъ, защититъ и направитъ тебя. Цѣлую тебя съ глубочайшей нѣжностью, безграничной любовью и преданностью. Я хотѣла бы успокоить свою усталую голову на твоей груди.

Навсегда, мой муженекъ, вся твоя старая

«Солнышко».

Душка, я забыла сказать насчетъ *Питирима, Экзарха Грузіи*. Всѣ газеты полны его отъѣздомъ изъ Кавказа и сообщеніями о томъ, какъ его тамъ любили. Посылаю тебѣ одну изъ вырѣзокъ, чтобы дать тебѣ представленіе о той любви и благодарности, съ которой къ нему тамъ относятся. Это показываетъ, что онъ достойный человѣкъ и большой *молитвенникъ*, какъ говоритъ нашъ Другъ. Онъ предвидитъ страхъ *Волжина* и что тотъ постарается тебя отговорить, но проситъ тебя быть твердымъ, такъ какъ онъ единственный подходящій человѣкъ.

У него никого нѣтъ, кого бы Онъ могъ рекомендовать на мѣсто *Питирима* за исключеніемъ, можетъ быть, того который былъ въ *Бѣловѣжѣ*. Это вѣроятно тотъ, который въ *Гроднѣ?* Онъ говоритъ, что это хорошій человѣкъ — только не С. Ф. или А. В. или *Гермог*(енъ), они бы все испортили тамъ своимъ *Духомъ*.

Стрый Владиміръ уже съ грустью говоритъ, что его, навѣрное, назначатъ въ *Кіевъ,* такъ что было бы хорошо, если бы ты это сдѣлалъ, какъ только ты пріѣдешь, чтобы помѣшать разговорамъ и просьбамъ со стороны Эллы.

Потомъ онъ проситъ тебя прямо назначить *Жевахова,* какъ помощника *Волжину,* онъ старше *Истомина,* такъ что года ничего не значатъ, и онъ прекрасно знаетъ церковныя дѣла — это твоя воля, и ты хозяинъ. Вотъ, какой длинный постскриптумъ.

№ 157.

13 ноября 1915 г.

Дорогой мой мужъ,

21 годъ, что мы съ тобой — одно. Милый ангелъ, благодарю тебя еще разъ за то, что ты мнѣ далъ въ теченіе этихъ долгихъ лѣтъ, которыя прошли, какъ сонъ — много горестей и радостей мы вмѣстѣ дѣлили, и любовь всегда росла и становилась глубже и нѣжнѣе.

Въ прошломъ году, кажется, мы тоже не были вмѣстѣ въ этотъ день. Ты уѣхалъ въ *Ставку* и на *Кавказъ,* или нѣтъ, ты былъ съ нами въ *Аничковомъ?* Все такъ смѣшалось въ моемъ мозгу. Поздравляю тебя съ днемъ рожденія Мамаши — день крестинъ нашей Ольги. Я выберу подарокъ и дѣти его завтра отвезутъ.

Я собиралась сегодня быть у Павла, но сердце мое болѣе расширено, такъ что это было бы неразумно. Я просила *Боткина* узнать точную правду отъ *Варавки.* Я всегда боюсь рака, и французскіе доктора нѣсколько лѣтъ тому назадъ думали, что у него начало рака. По телефону мнѣ сказали, что Чигаевъ того же мнѣнія, какъ *Варавка,* и что завтра его будутъ изслѣдовать рентгеновскими лучами — это показываетъ, что они думаютъ, что тамъ есть что то, что можетъ быть обнаружено, такъ какъ питаться каждые два часа и терять въ вѣсѣ — это показываетъ, что дѣло плохо.

Нашъ Другъ умоляетъ, чтобы не дѣлали операціи, такъ какъ, по его словамъ, организмъ Павла совсѣмъ такой, какъ у маленькаго ребенка — и *Федоровъ* мнѣ тогда говорилъ, что онъ бы не хотѣлъ операціи, боясь за сердце Павла. Если у него ракъ печени, въ такихъ случаяхъ, кажется, никогда не оперируютъ — во всякомъ случаѣ я боюсь, что онъ приговоренъ, такъ зачѣмъ же сокращать его жизнь, тѣмъ болѣе, что онъ не часто страдаетъ.

Я только думаю, что слѣдовало бы дать знать маленькой Мари, какъ ему плохо, такъ какъ она ему очень предана и могла бы его подбодрить. Княгиня продолжаетъ свои продолжительныя прогулки два

раза въ день, чтобы похудѣть, такъ что я не думаю, чтобы она понимала какъ серьезно положеніе бѣднаго Павла. Сегодня я увижу *Безобразова.*

Что ты будешь теперь дѣлать, тебѣ придется подумать о комъ нибудь другомъ вмѣсто Павла, такъ какъ если бы даже онъ поправился, то во всякомъ случаѣ, увы, не было бы никакого вопроса о возможности для него служить на фронтѣ. Не забудь куда нибудь назначить *Гротена.*

Ну, я видѣла нашего Друга съ пяти съ половиной до семи вечера у Ани. Онъ не можетъ примириться съ мыслью объ увольненіи старика, Онъ надъ этимъ мучился и думалъ надъ этимъ вопросомъ безъ конца. Говоритъ, что онъ такой *премудрый* и, когда другіе шумятъ и говорятъ, что онъ сидитъ словно рамоли, опустивъ голову, — это потому, что онъ понимаетъ, что сегодня толпа воетъ, а завтра ликуетъ, и что не надо дать себя унести мѣняющимся волнамъ. Онъ думаетъ, что лучше подождать. *По Божьему* не слѣдовало бы его увольнять.

Понятно, если бы ты могъ явиться совершенно неожиданно и сказать нѣсколько словъ въ *Думѣ* (какъ ты предполагалъ сдѣлать), это могло бы все перемѣнить, это было бы великолѣпнымъ поступкомъ и это бы облегчило положеніе старика — иначе лучше, чтобы онъ за нѣсколько дней захворалъ такъ, чтобы не открывать *Думу* лично и не быть освистаннымъ, но онъ думаетъ, что лучше подождать пока ты вернешься, и когда я сказала, что подожду, у него тяжесть спала съ души, и я думаю у тебя также.

Онъ видѣлъ старый «хвостъ»,[1] — очень сухой и жесткій, но честный, но не выдерживаетъ сравненія съ *Горем*(ыкинымъ). Одно хорошо, что преданъ старику, но онъ упрямъ.

Эмма видѣла его потомъ и, какъ дитя, изливала ему всю свою душу. Онъ думаетъ, что Греція не двинется и Румынія также, тогда война продлится меньше времени — Онъ надѣется — не дальше весны; дай Богъ, чтобы это была правда.

Знаешь ли ты одного графа *Татищева*[2] изъ Москвы (банкъ) — кажется, сынъ или племянникъ стараго генералъ-адъютанта. Очень преданный тебѣ человѣкъ, говоритъ, что ты его знаешь.[3] Онъ очень любитъ *Гр*(игорія), не одобряетъ московскаго дворянства, къ которому онъ принадлежитъ — онъ уже пожилой человѣкъ. Былъ у Ани для разговора, очень ясно видитъ ошибки, которыя сдѣлалъ *Баркъ,*

---

[1] А. А. Хвостовъ, м-ръ юстиціи.

[2] Графъ Влад. Серг. Татищевъ, впослѣдствіи добивавшійся поста министра финансовъ при помощи Манасевича-Мануйлова.

[3] Графъ Т. былъ въ молодости офицеромъ гусарскаго полка.

кажется, по вопросу о займѣ и *какіе* это можетъ имѣть роковыя послѣдствія. Нашъ Другъ говоритъ, что это человѣкъ, на котораго можно положиться, онъ очень богатъ и прекрасно знаетъ банковское дѣло. Было бы хорошо, если бы ты могъ его видѣть и услышать его мнѣніе — она[1] говоритъ, что онъ чрезвычайно симпатичный. Я могу съ нимъ познакомиться, только я увѣрена, что мой мозгъ не совладаетъ съ денежными вопросами — я такъ ихъ ненавижу.

Но онъ могъ бы тебѣ все ясно разсказать и помочь тебѣ совѣтомъ.

Только что получила письмо Mr. Жильяра отъ 8-го, описывающее день въ *Одессѣ* — это хорошо, что ты ѣхалъ верхомъ, а Беби въ экипажѣ со старикомъ.[2] Онъ на радостяхъ тоже послалъ домой телеграмму.

У меня завтра будетъ *молебенъ* дома въ половинѣ перваго для Ольги и меня; другія поѣдутъ къ одиннадцати часамъ въ *Аничковъ*. Теперь должна кончать. Прощай, Богъ да благословитъ тебя, мое сокровище. Я переживаю опять эти дни 21 годъ назадъ съ нѣжной признательной любовью. Цѣлую тебя безъ конца съ глубочайшей любовью и преданностью, нѣжно ласкаю тебя, благословляю и передаю попеченію Господа и любви св. Богоматери.

Навсегда твоя старая женка.

Возьметъ ли *Безобразовъ* Дмитрія? Если мой командиръ генералъ *Веселовскій* получитъ бригаду, пожалуйста, пусть его преемникомъ будетъ *Сергѣевъ*, онъ старшій въ полку и командовалъ, когда *Веселовскій* былъ раненъ.

№ 158.

14 ноября 1915 г.

Мое дорогое сокровище,

Всѣ мои любящія мысли и молитвы съ тобой, вся моя любовь и всѣ мои ласки. Какъ грустно проводить этотъ день въ разлукѣ, но что дѣлать, мы можемъ только благодарить Бога за прошлое и за то, что до сихъ поръ мы проводили этотъ день вмѣстѣ. Глупая старая женка вчера ночью очень много плакала. Чудное утро, солнце чудесно взошло изъ за нашей кухни, десять градусовъ мороза — какъ жаль, что снѣгъ весь стаялъ. Еще разъ, мой муженекъ, благодарю тебя за всѣ эти 21 годъ. Сколько тебѣ, навѣрное, дѣла теперь послѣ твоей поѣздки — хотѣла бы знать, какъ ты проводишь этотъ день. Не слишкомъ ли усталъ Бебичка отъ продолжительныхъ прогулокъ? Письма Mr Жиль-

[1] Аня.
[2] Фредериксомъ.

яра такъ интересны, такъ какъ онъ все разсказываетъ о всѣхъ васъ — и что за чудный французскій языкъ. Я просто завидую. Отправляю трехъ младшихъ дочерей съ м-мъ Зизи въ церковь и къ завтраку въ *Аничковъ,* и Настенька также ихъ тамъ увидитъ. Мы всѣ прочіе будемъ на молебнѣ въ моей большой комнатѣ въ половинѣ перваго. Я не была у обѣдни съ тѣхъ поръ, какъ ты уѣхалъ, и это мнѣ грустно.

Я такъ рада, что ты окончательно назначилъ *Наумова*[1], и я полна надежды, что онъ будетъ подходящимъ человѣкомъ, — онъ мнѣ всегда нравился, мнѣ нравилось открытое выраженіе его глазъ, и онъ всегда съ энтузіазмомъ и горячо говорилъ о своихъ губерніяхъ и о всемъ, что нужно сдѣлать, и онъ входилъ во всѣ детали, такъ что своей личной работой пріобрѣлъ всѣ нужныя свѣдѣнія. *Безобразовъ* былъ у меня вчера, и мы съ нимъ имѣли пріятный разговоръ, — ты спасъ его, по его словамъ. Потомъ докторъ моего поѣзда, который привезъ тѣло бѣднаго *Эшапара,* представлялся, чтобы сообщить мнѣ всѣ подробности, а потомъ раненый офицеръ, возвращающійся въ свой Сибирскій полкъ № 13, который ты долженъ былъ увидѣть возлѣ Риги.

Я опять плохо спала, сердце все еще расширено и голова порядочно болитъ, все же придется съѣздить къ Павлу, такъ какъ онъ хотѣлъ и просилъ повидаться со мною. Я просила Аню пригласить Риту и *Шахбагова, Кикнадзе* и *Данелкова* для дѣтей въ половинѣ пятаго, чтобы провести уютный день, такъ какъ они сегодня не идутъ въ лазаретъ и хотѣли бы повидать своихъ друзей. Почему это *Шведовъ* опять заболѣлъ въ *Ставкѣ?* Аня телеграфировала *Зборовскому* въ его именины, спрашивая насчетъ *Шурика,* но не получила отвѣта — быть можетъ частныя телеграммы не пропускаются.

Совсѣмъ странно опять видѣть солнце послѣ этихъ темныхъ дней, это такое утѣшеніе.

Мое письмо скучное, и я должна сейчасъ кончать. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя, мой дорогой, любимый, родной, мое все. Покрываю тебя нѣжными поцѣлуями и крѣпко обнимаю тебя.

Навсегда твоя старая женка.

№ 159. 15 ноября 1915 г.

Мой любимый,

Сердце и душа были обрадованы получить твое дорогое письмо, за которое я благодарю такъ нѣжно. Все что ты написалъ было крайне интересно и было пріятно убѣдиться, какъ ты доволенъ и удовлетворенъ состояніемъ войскъ, которыя ты смотрѣлъ. Я могу себѣ пред-

[1] Сарат. губернаторъ Наумовъ назначенъ министромъ земледѣлія.

ставить восторженную радость твоихъ *Нижегородцевъ* и всѣхъ другихъ, бѣжавшихъ за тобой, — исполнилось ихъ мечтаніе увидѣть тебя во время войны.

Можетъ быть ты будешь дома въ среду? Ахъ, какъ это было бы хорошо, послѣ трехъ долгихъ недѣль. Я никогда не разставалась такъ надолго съ моимъ Агунюшкой — теперь это уже кажется цѣлый вѣкъ.

Теперь, прежде чѣмъ я забуду, должна тебѣ передать слѣдующую просьбу отъ нашего Друга, внушенную ему ночнымъ видѣніемъ. Онъ проситъ тебя приказать, чтобы начали наступленіе возлѣ Риги. Онъ говоритъ, что это необходимо, иначе нѣмцы тамъ такъ прочно утвердятся въ теченіе зимы, что потребуется безконечное кровопролитіе и много хлопотъ, чтобы ихъ оттуда заставить уйти — теперь это ихъ застанетъ врасплохъ, и намъ удастся заставить ихъ отступить. Онъ говоритъ, что это именно сейчасъ самое существенное, и проситъ тебя серьезно приказать нашимъ наступать. Онъ говоритъ, что мы можемъ и должны наступать, и чтобы я написала тебѣ объ этомъ немедленно. Потомъ отъ *Хвостова* — онъ говоритъ, что *Треповъ* очень противъ той ревизіи, которую ты возложилъ на Нейдгардта, и не хочетъ, чтобы тотъ вмѣшивался въ его дѣла, но *Хв(*остовъ) проситъ тебя настоять на своемъ приказаніи и самъ на немъ настаиваетъ, потому что благомыслящіе люди даже и въ средѣ *Думы* очень довольны, такъ какъ они понимаютъ, что это спасетъ положеніе и очень многое выяснитъ. *Хвостовъ* читалъ объ этомъ восторженную телеграмму, это затронетъ различныя комиссіи, между прочимъ, *Гучковъ* будетъ разоблаченъ, и нелѣпо со стороны *Трепова* возражать противъ этого. У меня есть бумага (копія) отъ *Шаховскаго,* который проситъ *Хв(*остова) принять энергическія мѣры, иначе онъ не можетъ гарантировать результата. *Треповъ* долженъ былъ бы быть доволенъ — ошибки его не касаются, такъ какъ онъ вновѣ и тоже старается изо всѣхъ силъ. *Хвост* (овъ) думаетъ, что было бы очень правильно, если бы ты приказалъ увеличить вознагражденіе жел. дор.,[1] какъ было сдѣлано съ почтовыми служащими, результатомъ была огромная, безмѣрная, признательность къ тебѣ, остановлены были забастовки тѣмъ, что ты лично оказалъ эту милость, прежде чѣмъ они успѣли о ней попросить. Онъ нарочно пришелъ къ обѣду, съ Аней и *Бѣлецк*(имъ), сегодня вечеромъ для того, чтобы я тебѣ это могла написать прежде, чѣмъ ты получишь *докладъ Трепова* въ понедѣльникъ. Душка, ты мнѣ написалъ, что желѣзная дорога въ Рени ветха и приведена въ негодность, пожалуйста, прикажи категорически, чтобы она немедленно была исправлена, чтобы

---

[1] Служащимъ.

избѣгнуть несчастныхъ случаевъ, такъ какъ наши санитарные поѣзда, снаряды, припасы и войска будутъ въ ней нуждаться. Не можешь ли ты приказать, чтобы поскорѣе были устланы небольшія вспомогательныя вѣтки, чтобы ускорить сообщеніе, такъ какъ намъ тамъ крайне нужно имѣть побольше желѣздорожныхъ линій, иначе въ нашемъ сообщеніи произойдетъ заторъ, и это можетъ быть ужасно во время зимнихъ боевъ. Я это пишу по собственной инціативѣ, потому что я увѣрена, что это можно сдѣлать, а ты знаешь, увы, какъ мало инціативы у нашей публики — они никогда не заглядываютъ впередъ, прежде чѣмъ не нагрянетъ прямо на насъ внезапная катастрофа, и мы тогда взяты врасплохъ. Надо провести нѣсколько короткихъ вѣтокъ къ румынской границѣ и къ Австріи, заранѣе заготовивъ шпалы для широкой колеи. Ты помнишь, какъ трудно было добраться до Львова.

Я была у Павла, онъ лежалъ въ ихъ[1] спальнѣ, ему позволяютъ немного двигаться по комнатѣ и посидѣть въ креслѣ — онъ страшно похудѣлъ, но у него больше нѣтъ этихъ темныхъ пятенъ на щекахъ, которыя мнѣ такъ не нравились, голосъ его окрѣпъ, онъ разговорчивъ и всѣмъ интересуется. Я просила его отложить рентгеновское изслѣдованіе до возвращенія *Федорова,* такъ какъ Димитрій телеграфировалъ, что *Федоровъ* объ этомъ проситъ. Она слишкомъ все торопитъ. Онъ вполнѣ довѣряется Федорову и предоставляетъ ему рѣшить насчетъ операціи, ему, понятно, эта мысль противна, но если *Федоровъ* будетъ настаивать, конечно, онъ ее сдѣлаетъ; я бы не рискнула. Весь день я себя чувствовала никуда негодной изъ за своего сердца. Принимала моего Толя(улана), который получаетъ полкъ, говорятъ, — твоихъ *павлогр. гус.*[2], но онъ навѣрное не знаетъ. *Самойловъ также* кандидатъ на полкъ, а *Арсеньевъ* на нашу бригаду. Павелъ думаетъ, по ея словамъ, что онъ достаточно поправится, чтобы поѣхать — я ей сказала, что я въ этомъ сомнѣваюсь, я говорила не очень успокоительно, когда мы остались съ ней вдвоемъ, такъ какъ она такъ спокойна насчетъ Павла, и у нея такіе жесткіе глаза. Ты знаешь, какъ странно, наканунѣ того дня, когда онъ заболѣлъ, у него былъ споръ съ *Георгіемъ* въ *Ставкѣ* по поводу нашего Друга. *Георгій* сказалъ, что въ семьѣ его называютъ послѣдователемъ Распутина, Павелъ пришелъ въ ярость и наговорилъ много рѣзкостей — и заболѣлъ въ эту же ночь. Ея племянница[3] слышала отъ нея, — разсказала объ этомъ *Гр*(игорію), который сказалъ, что, навѣрное, это его Богъ наказалъ за то, что онъ не отстоялъ человѣка, котораго ты почитаешь, и что его сердце должно было бы вспомнить, что онъ все получилъ отъ тебя;

---

[1] Супружеской.
[2] Павлоградскихъ.
[3] Г-жа Головина, одна изъ поклонницъ Распутина.

она[1] принесла письмо отъ его[2] жены, въ которомъ она проситъ *Гр*(игорія) написать мнѣ, чтобы просить за нихъ[3]. Нашъ Другъ былъ всѣмъ этимъ пораженъ.

Былъ печальный день безъ тебя — завтракали Соня и *Ирина*, Ольга кормила Соню[4], а я по обыкновенію лежала на диванѣ. Потомъ принесли мнѣ твои письма, и я ихъ нѣсколько разъ съ тѣхъ поръ перечла и нѣжно ихъ цѣловала — твои милыя руки коснулись этой бумаги и Бебины также.

Добрый старый Раухфусъ вчера утромъ скончался, это большая потеря для моего общества *Матер.* и *младенч.*, такъ какъ его голова была изумительно свѣжа для его престарѣлаго возраста.

Боткинъ нездоровъ и не могъ придти сегодня утромъ. Анѣ удается прохаживаться въ теченіе получаса на костыляхъ по нашему саду — какъ она крѣпка! Хотя жалуется, что она калѣка — почти каждый день трясется въ моторѣ въ городъ, взбирается на третій этажъ, чтобы видѣть нашего Друга, ея спина болитъ, особенно по вечерамъ. Но я чувствую, что надежда встрѣчаться съ тобой по утрамъ даетъ ей силы. *Жукъ* опять ее сопровождаетъ, такъ какъ было бы опасно давать ей ходить одной. Она могла бы упасть и тогда, по словамъ докторовъ, она, навѣрное, сломаетъ себѣ ногу. Ея братъ вернулся на шесть дней.

Мавра ѣдетъ въ деревню, такъ какъ она чувствуетъ, что ея нервы такъ разстроены, и она не можетъ совсѣмъ спать, бѣдняжка. *Татьяна* поѣхала на *Кавказъ* для полугодового дня смерти ея мужа и потомъ возвращается изъ *Мсхеда*[5].

Старикъ[6] ко мнѣ сегодня придетъ, не знаю зачѣмъ. Такое чудное солнце. Не забудь насчетъ *Риги*.

А теперь прощай, Господь съ тобой, мой дорогой мужъ, люблю тебя всей душой.

Безконечные поцѣлуи отъ твоей жены

Аликсъ.

Я заснула послѣ четырехъ.

---

[1] Племянница.

[2] Павла.

[3] Повидимому, жена Павла Александровича обращалась къ содѣйствію Распутина въ то время, когда ея мужъ былъ въ немилости изъ за своего брака.

[4] Кн. Орбеліани была парализована.

[5] Мцхета.

[6] Горемыкинъ.

№ 160.

15 ноября 1915 г.

Моя родная душка,

Я уже сегодня начала свое письмо, но я только что видѣла старика *Горемыкина* и я такъ боюсь забыть до завтра то, что нужно тебѣ передать. У него было назначено на сегодня вечеромъ засѣданіе со всѣми министрами, но пришлось его отложить, такъ какъ ты вызвалъ *Трепова* — онъ соберетъ ихъ въ среду вечеромъ и проситъ, чтобы ты его принялъ въ четвергъ. Онъ совершенно спокоенъ по поводу внутренняго положенія, говоритъ, что ничего не будетъ. Молодые министры *Хвостовъ* и *Шаховской,* по его мнѣнію, слишкомъ волнуются раньше, чѣмъ что нибудь серьезное случилось. На это я отвѣтила, что лучше предвидѣть, чѣмъ спать, какъ здѣсь обыкновенно дѣлается.

Ну, вопросъ идетъ о томъ, сзывать ли теперь *Думу* — онъ противъ этого. Имъ нечего дѣлать, бюджетъ министра финансовъ внесенъ съ опозданіемъ въ пять или шесть дней, и они еще не начали тѣхъ предварительныхъ работъ, которыя необходимы, прежде чѣмъ онъ будетъ внесенъ въ полное собраніе *Думы.* Если они будутъ сидѣть безъ дѣла, они начнутъ разговаривать насчетъ *Варнавы* и нашего Друга и вмѣшиваться въ правительственныя дѣла, на что они не имѣютъ права, между тѣмъ *Хв*(остовъ) и *Бѣл*(ецкій) сказали Анѣ, что тотъ (членъ Думы), который предполагалъ выступить противъ *Гр*(игорія), взялъ обратно свое заявленіе, и они говорятъ, что этотъ вопросъ не будетъ (затронутъ) — ну это мнѣніе старика послѣ долгаго обдумыванія вчерашней бесѣды съ членомъ *Думы,* чье имя онъ просилъ не называть. Онъ посовѣтовалъ бы тебѣ написать два рескрипта, одинъ *Куломзину* (я нахожу, что ты могъ бы его смѣнить), а другой *Родзянкѣ,* приведя какъ причину, что бюджетъ еще не прошелъ черезъ комиссіи и потому слишкомъ рано собирать *Думу* и что *Родз*(янко) долженъ тебѣ сдѣлать *докладъ,* когда они закончатъ свою предварительную работу.

Я собираюсь просить Аню совсѣмъ конфиденціально объ этомъ переговорить съ нашимъ Другомъ, который видитъ и слышитъ, и «многое знаетъ», чтобы спросить его, на что Онъ дастъ благословеніе — такъ какъ Онъ на дняхъ высказалъ другое мнѣніе. *Горем*(ыкинъ) хочетъ, чтобы я тебѣ все это написала, прежде чѣмъ онъ тебя увидитъ, такъ, чтобы подготовить тебя къ его бесѣдѣ. Онъ, какъ всегда, хладнокровенъ, только чувствуетъ себя несчастнымъ по поводу своей жены, которая ко всему прочему страдаетъ теперь астмой и еле можетъ дышать.

От *Хвостова* онъ слышалъ, что всѣ твои приказанія, отдаваемыя *Поливанову,* а также его бумаги тебѣ показываются *Гучкову* — это совершенно невыносимо, просто означаетъ играть въ руку своему врагу. Онъ сказалъ мнѣ, что ты упоминалъ ему объ *Ивановѣ* — кажется то же самое говорилъ нашъ Другъ и также *Хв*(остовъ) — особенно нашъ Другъ — тогда все было бы отлично въ *Думѣ* и все, что нужно, проходило бы. Бѣляевъ хорошій работникъ и престижъ старика[1] сдѣлалъ бы остальное. А онъ[2] усталъ на войнѣ и, если у тебя есть кто либо на его мѣсто, можетъ быть, было бы хорошо теперь же замѣнить его. Потомъ онъ затронулъ другіе вопросы, представляющіе для тебя меньше интереса. Но нашъ Другъ сказалъ прошлый разъ, что если только у насъ будетъ побѣда, *Думу* не надо сзывать, если же нѣтъ, то надо, — и что ничего особенно дурного тамъ не будетъ сказано — что старикъ долженъ на нѣсколько дней заболѣть, такъ, чтобы туда не являться, — а что ты долженъ неожиданно появиться и сказать нѣсколько словъ. Ну, послѣ того, какъ я съ нимъ увижусь, я тебѣ скажу, что Онъ теперь говоритъ.

Моя душка, въ самомъ ли дѣлѣ это послѣднее письмо, и пріѣзжаешь ли ты въ среду? Какъ чудно. Аня получила прелестное письмо отъ Н. П., въ которомъ онъ разсказываетъ про все путешествіе и свои впечатлѣнія — онъ полонъ восторга отъ чуднаго состоянія войскъ — они кажутся совсѣмъ свѣжими, словно они никогда еще не были на войнѣ. Все это должно давать тебѣ силы для твоей работы и ясное мышленіе.

16-ое. Здравствуй, душка, холодно и вѣтряно. Опять чувствую себя очень усталой послѣ довольно скверной ночи и все порядочно болитъ, такъ что я лежала утромъ съ закрытыми глазами. У меня будетъ *докладъ сенатора князя Голицына* насчетъ нашихъ плѣнныхъ, потомъ я увижу *Кольнкина,* а потомъ трехъ австрійскихъ сестеръ.

Надѣюсь, что у тебя насморкъ прошелъ и что кокаинъ хорошо помогъ. Какъ жаль, что ты не можешь дѣлать длинныхъ прогулокъ, потому что дороги покрыты глубокимъ снѣгомъ. Я думаю, что ты, вѣроятно, пріѣзжаешь только на одну недѣлю, ты вѣдь долженъ вернуться для Георгіевскаго праздника — какъ то это будетъ?

Ахъ, какая радость, если дастъ Богъ, ты будешь дома черезъ два дня — завтра три недѣли, что ты уѣхалъ. Какъ я жажду тебя, мое сокровище.

---

[1] Ген. Иванова.

[2] Ивановъ

Ну, прощай, моя любовь. Благословляю и цѣлую тебя еще и еще съ глубокой любовью и нѣжностью.

Навсегда, мой Ники, твоя старая

«Солнышко».

P. S. Я распечатала свое письмо: — она[1] говорила съ нашимъ Другомъ, который очень опечалился и сказалъ, что то, что говорилъ старикъ, совершенно неправильно. Необходимо созвать *Думу,* хотя бы на самое короткое время, особенно, если ты безъ вѣдома другихъ туда явишься, какъ ты самъ раньше думалъ, — это будетъ великолѣпно, тамъ не будетъ никакихъ скандаловъ и не произойдетъ по поводу Него никакихъ исторій. *Бѣлецкій* и *Хвостовъ* принимаютъ въ этомъ отношеніи мѣры, а если ты ихъ не созовешь, это вызоветъ ненужное неудовольствіе и всякія исторіи. Я была увѣрена, что Онъ такъ отвѣтитъ, и мнѣ это кажется совершенно правильнымъ. Вѣроятно, старика напугали, что онъ будетъ освистанъ, повидимому, это думаютъ люди, которые лично за него безпокоятся; я понимаю, что разъ ихъ распустили, когда они этого не ожидали, не слѣдуетъ опять безъ нужды ихъ обижать. Понятно, они ему отвратительны (также, какъ и мнѣ, изъ за Россіи). Ну, надо немедленно заняться ими и быстро усадить ихъ за работу надъ бюджетомъ. Я увѣрена, что ты также скорѣе согласишься съ *Гр*(игоріемъ), чѣмъ со старикомъ, который на этотъ разъ неправъ и напуганъ по поводу *Гр*(игорія) и *Варнавы.*

№ 161.

25 ноября 1915 г.[2]

Мой дорогой,

Ты будешь уже въ пути, когда прочтешь эту записку, мои нѣжнѣйшія молитвы и помыслы будутъ за тобой повсюду слѣдовать. Слава Богу, ты со мной былъ семь дней — эти дни быстро пролетѣли, и опять

---

[1] Аня.

[2] За время пребыванія Государя въ Царскомъ Селѣ съ 15 по 25 ноября: Тобольскій губернаторъ Станкевичъ смѣщенъ со своей должности, а управляющій Пермской казенной палатой Ордовскій-Танаевскій назначенъ Тобольскимъ губернаторомъ; обнародованы указъ сенату и рескрипты на имя Предсѣдателей законодательныхъ учрежденій объ отложеніи созыва послѣднихъ до окончанія разработки бюджета; предсѣдатель Государств. Думы Родзянко имѣлъ аудіенцію у Государя въ Царскомъ Селѣ; А. Н. Хвостовъ утвержденъ въ должности министра вн. дѣлъ; предполагавшіеся въ Москвѣ съѣзды — общеземскій, общегородской и промышленный не разрѣшены команд. войсками московскаго округа; Высоч. указомъ митрополитъ Петроградскій Владиміръ перемѣщенъ въ Кіевъ, и Митрополитомъ Петроградскимъ назначенъ экзархъ Грузіи Питиримъ и назначены членами Государственнаго Совѣта кн. Голицынъ, Римскій-Корсаковъ, Крашенинниковъ, Горинъ и Муратовъ.

начинается сердечное страданіе. Береги Беби, не давай ему бѣгать по поѣзду, чтобы онъ не зашибъ руки — я надѣюсь, что къ четвергу онъ будетъ въ состояніи сгибать правую руку. Меня огорчаетъ мысль о томъ, что потомъ придется ему уѣхать отъ тебя одному. Прежде чѣмъ ты рѣшишь, переговори съ Mr. Жильяръ. Онъ такой разумный человѣкъ и такъ все хорошо понимаетъ насчетъ Алексѣя.

Ты будешь радъ уѣхать отсюда со всѣми этими пріемами и *докладами* — здѣсь ты не отдыхаешь, наоборотъ.

Твои нѣжныя ласки согрѣли мое старое сердце, ты не знаешь, какъ тяжело быть безъ васъ, моихъ ангеловъ. Я рада, что я со станціи въ девять съ половиной въ темнотѣ прямо перейду въ церковь и буду за тебя молиться — возвращеніе домой всегда такъ особенно тяжело.

Спи хорошо и долго, мой единственный, мое все, свѣтъ моей жизни. Благословляю тебя и ввѣряю тебя попеченію Господа Бога. Крѣпко обнимаю тебя и цѣлую нѣжно твое милое лицо, чудные глаза и всѣ дорогія мѣста. Прощай, отдохни хорошенько.

Навсегда твоя старая женка.

№ 162.

25 ноября 1915 г.

Мой нѣжно любимый,

Твоя милая записка, которую ты мнѣ оставилъ, была для меня большимъ утѣшеніемъ, я ее читала и перечитывала, и цѣлую ее, и мнѣ кажется, будто я слышу твой голосъ. Ахъ, какъ я ненавижу эти прощанія! Мы прямо пошли въ церковь наверхъ, и я оставалась въ моей *молельнѣ,* служба уже началась и продолжалась очень короткое время. Какъ тяжело на душѣ. Пришла домой и легла спать очень рано, не могла видѣться съ Аней. Я предпочитаю быть одной, когда сердце такъ болитъ.

Сегодня утромъ десять градусовъ. Хотѣла бы знать, какъ Бебины руки, — я немного тревожусь, пока онъ совсѣмъ не поправится — пусть онъ только будетъ остороженъ въ своихъ движеніяхъ. Алекъ[1] что то устраиваетъ въ *Народномъ Домѣ* завтра для Георгіевскихъ героевъ. Теперь я также могу тебя поздравить, мой ангелъ, отъ всего сердца и отъ всей души. Ты заслужилъ крестъ всѣмъ твоимъ тяжкимъ трудомъ и тѣмъ великимъ *подъемомъ духа,* который ты возбудилъ въ войскахъ. Я жалѣю, что меня нѣтъ съ тобой и съ моимъ маленькимъ

[1] Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій.

георгіевскимъ кавалеромъ, душкой Беби, чтобы благословить и поцѣловать васъ въ этотъ день.

Я была у *Знаменья* и поставила тебѣ свѣчу; шла служба и только что была вынесена *Чаша*. Потомъ была въ лазаретѣ и говорила со всѣми. Мы завтракаемъ, и надо сейчасъ же отправить это письмо.

Прощай, моя драгоцѣнная душка, покрываю тебя нѣжными поцѣлуями.

Богъ всемогущій да благословитъ и охранитъ тебя. Прощай, мой мyженекъ, твоя старая женка.

Дѣти тебя цѣлуютъ. Получилъ ли ты отвѣтъ отъ Джорджи?[1]

№ 163.

Царское Село, 26 ноября 1915 г.

Моя любимая душка,

Хотѣлось бы знать, что сегодня совершается въ *Ставкѣ*. Навѣрное тамъ большое волненіе. Надѣюсь, что рукамъ дорогого Беби гораздо лучше.

Попозже я отправлюсь въ церковь съ Ольгой, вчера вечеромъ я пошла одна на верхъ въ свою *молельню;* — церковь — мое утѣшеніе. Глупое сердце нѣсколько меня мучитъ. Видѣла г-жу *Погуляеву*, г-жу *Маньковскую*, представь себѣ, ея сестра — мать молодого *Хвостова*[2]. Онъ просилъ разрѣшенія видѣть меня сегодня, не знаю зачѣмъ.

Нашъ Другъ съ нимъ вчера обѣдалъ и былъ очень доволенъ.

Пять градусовъ и такъ темно.

Аня только что получила письмо отъ Н. П. насчетъ его назначенія, онъ пишетъ, что уѣзжаетъ въ *Одессу*. Я ужасно огорчена, что его больше не будетъ съ тобой, я была такъ спокойна за васъ обоихъ — онъ намъ будетъ ужасно недоставать — это, конечно, чудное назначеніе — но ты будешь такъ одинокъ. Нашъ Другъ «рветъ и мечетъ» по поводу того, что онъ уѣзжаетъ, такъ какъ Н. П. одинъ изъ «его близкихъ» и долженъ былъ бы быть возлѣ тебя, такъ какъ у тебя такъ мало истинныхъ честныхъ друзей, — по его словамъ, только Аня и Н. П. Онъ хотѣлъ, чтобы я тебѣ телеграфировала, но я отказалась и просила Его также этого не дѣлать — я знаю, какое это имѣетъ значеніе для него (Саблина) и для его товарищей, хотя онъ будетъ страшно страдать отъ разлуки съ нами. Мы, по его словамъ, самые близкіе и дорогіе для него.

Какія извѣстія отъ Джорджи?

---

[1] Англійскаго Короля.
[2] Министра внутреннихъ дѣлъ.

Въ какомъ восторгѣ будутъ Орловъ и Дрентельнъ, что Н. П. уѣзжаетъ — ихъ завистливыя сердца будутъ довольны. Ты сразу лишился трехъ своихъ партнеровъ[1], кого ты теперь можешь достать?

Силаевъ спокоенъ и милъ, и безусловно преданъ. Я застала половину обѣдни и молебенъ.

Получила длинную телеграмму отъ *Мекка* насчетъ всѣхъ моихъ *подвижныхъ складовъ.* Складъ м-мъ Гартвигъ въ *Ровно;* поставили нашу *походную* церковь и тамъ дважды совершается служба для проходящихъ войскъ. Первый *дезинфек. отрядъ* и моторы также стоятъ въ *Ровно.* Наше *летучее отдѣленіе склада находится 40 верстъ сѣвернѣе на новой линіи близъ фронта.* Далѣе нашъ *бактеріолог. дезинфекц. отрядъ* для всей арміи, еще другой *поѣздъ складъ* въ *Подволочискѣ,* другой въ *Тарнополѣ,* но онъ его переводитъ въ *Каменецъ-Подольскъ,* гдѣ *бак. дез.* будетъ имѣть больше работы. Я тебѣ все это говорю на случай, что ты тамъ проѣдешь.

Прощай, моя птичка, курьеръ сегодня раньше уѣзжаетъ. Благословляю и цѣлую безъ конца. Тоскую по тебѣ. Богъ да благословитъ тебя.

Навсегда твоя старая женка.

№ 164.

Царское Село, 27 ноября 1915 г.

Мой родной муженекъ,

Я рада, что все такъ хорошо обошлось вчера — *Георгій* телеграфировалъ, что это было однимъ изъ самыхъ прекрасныхъ зрѣлищъ, которыя онъ видѣлъ въ своей жизни. Какъ это должно волновать! Говорятъ, что въ *Народномъ Домѣ* было великолѣпно — полнѣйшій порядокъ — 18 тысячъ человѣкъ — они сидѣли вмѣстѣ, соотвѣтственно войнамъ[2] — получили массу пищи и разрѣшеніе взять съ собой тарелки и кружки. Въ каждой изъ залъ былъ отслуженъ молебенъ. *Валя* былъ тамъ.

Я провела вчерашній день за чтеніемъ. Дѣти были на воздухѣ, Аня вернулась изъ города только въ 4,20. Но мнѣ нравилась тишина, только воздухъ въ моей большой комнатѣ былъ удушливъ, такъ какъ они открыли отопленіе, — а на воздухѣ одинъ градусъ тепла. Послѣ чая и повидавъ офицеровъ, я полчаса ѣздила въ саняхъ съ Ольгой — было тихо и шелъ снѣгъ.

---

[1] По карточной игрѣ.
[2] Въ которыхъ они получили Георгіевскіе кресты или медали.

Сегодня утромъ десять градусовъ — эти скачки вверхъ и внизъ такъ вредны для больныхъ.

Аня съ нами обѣдала, всѣ работали, даже, наконецъ и она сама, потомъ дѣти пѣли церковныя пѣсни и Ольга играла. *Хвостовъ* вчера не былъ, такъ какъ онъ чувствуетъ себя нездоровымъ. Мои письма скучны, мнѣ нечего тебѣ разсказать веселаго и мысли мои невеселы — одиноко безъ моей душки и Агунюшки.

Я чувствую, что мое сердце расширено, но все же я хочу пойти въ нижнюю церковь, такъ какъ маленькій митрополитъ Макарій будетъ служить, просто, безъ помпы — сегодня праздникъ *Знаменья.* Поэтому днемъ я надѣюсь туда заглянуть и поставить для тебя свѣчу, и, кажется, нашъ Другъ хочетъ повидать меня въ четыре.

Только что вернулась изъ церкви, маленькій митрополитъ чудно служилъ, такъ спокойно — онъ былъ очень живописенъ весь въ золотѣ и блескѣ, и позолота въ церкви кругомъ алтаря, и его серебристые волосы. Я ушла до молебна, Ольга пошла въ лазаретъ, а мнѣ надо было кончать письма, принять Изу и потомъ *Валю* передъ завтракомъ. Прощай, мой милый ангелъ, мое сокровище, моя птичка. Богъ да благословитъ и защититъ тебя. Тысячу поцѣлуевъ, милый Ники, отъ старой жены

Аликсъ.

Рѣшилъ ли ты что нибудь насчетъ твоихъ будущихъ плановъ? Я послала за Джои, онъ лежитъ у моихъ ногъ — выглядитъ грустно, такъ какъ ему недостаетъ его маленькій хозяинъ.

№ 165.

28 ноября 1915 г.

Дорогая душка,

Какъ нѣжно благодарю тебя за твое дорогое письмо, котораго я совсѣмъ не ожидала. Я въ восторгѣ, что праздникъ Георгіевскій прошелъ такъ великолѣпно — я только что прочла въ газетахъ описаніе и всѣ твои прекрасныя слова. Какъ странно себѣ представить, что *Наврузовъ,* мой *хулиганъ,* какъ я его всегда называю, и *Крат*(овъ) тамъ были, это такъ хорошо. Ну, твои *Нижегородцы* должны намъ обо всемъ разсказать — мы ихъ будемъ ожидать съ нетерпѣнемъ.

Я видѣла нашего Друга въ теченіе трехъ четвертей часа. Онъ много о тебѣ разспрашивалъ. Сегодня увидится со старикомъ. Говорилъ про Н. П., страшно жалѣетъ, что его не будетъ больше у тебя, но говоритъ, что Богъ его охранитъ и что послѣ войны (которая, по его

мнѣнію, кончится черезъ нѣсколько мѣсяцевъ) онъ долженъ къ тебѣ снова вернуться.

Пожалуйста, душка, не соглашайся на назначеніе *Спиридовича градоначальникомъ Петрограда* — я знаю, что онъ самъ и *Воейковъ* (котораго *Спиридовичъ*, странно сказать, держитъ въ рукахъ) хотятъ этого назначенія. Это было бы совсѣмъ неудобно — онъ недостаточно джентльменъ, вступилъ только что въ нелѣпый бракъ, и потомъ это было бы нехорошо въ виду исторіи со *Столыпинымъ* въ *Кіевѣ*[1].

Его предложили губернаторомъ *Астрахани* (ты?), и онъ отказался; есть еще одно препятствіе: почему — не знаю, но *Спир*(идовичъ) возстанавливаетъ *Воейк*(ова) противъ *Хвостова*, съ которымъ вначалѣ все шло такъ хорошо. Теперь надо устроить, чтобы *Треповъ* работалъ въ согласіи съ *Хвостовымъ*, это единственный способъ наладить все и добиться того, чтобы работа шла гладко.

Дорогой маленькій митрополитъ Макарій былъ у меня послѣ завтрака и былъ очарователенъ. *Ломанъ* угощалъ его и все духовенство. Аня и м-мъ *Ломанъ* также тамъ присутствовали. Потомъ я принимала двухъ нѣмецкихъ сестеръ; графиня Икскуль была въ Вольфсгартенѣ до своего пріѣзда, она собирается еще осмотрѣть нѣсколько мѣстъ; — другая — изъ Мекленбурга, она меня спрашивала, нельзя ли было бы отпускать домой въ Германію изъ Сибири стариковъ и дѣтей, которыхъ мы туда выслали изъ восточной Пруссіи, когда наши войска были тамъ. Касается ли это *Бѣляева* или *Хвостова?* — мнѣ кажется, послѣдняго — можешь ли ты мнѣ объ этомъ сказать? — тогда я могу объ этомъ попросить — понятно рѣчь идетъ только о совсѣмъ старыхъ и о крошечныхъ дѣтяхъ — она ихъ видѣла въ Сибири и въ *Самарѣ*. Я была у *Знаменья* и поставила за тебя свѣчу. Потомъ у меня былъ *Ломанъ*, съ которымъ надо было переговорить насчетъ крошечной *походной* церкви, которую я хочу послать *Гвард. экип.*, такъ какъ нашъ священникъ при нихъ. Сегодня утромъ я остаюсь дома и отдыхаю, такъ какъ чувствую себя неважно. Одинъ изъ нашихъ раненыхъ офицеровъ скончался вчера вечеромъ — его вчера оперировали, онъ нѣсколько разъ былъ при смерти. Я къ нему ходила по вечерамъ, когда ему было такъ плохо — но мнѣ кажется, что онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ поправиться. Его денщикъ — ангелъ.

Сегодня вечеромъ *Шавельскій* служитъ въ нашей церкви, вечеромъ *Ник. Дм.* и *Викт. Эраст.* будутъ у Ани въ девять часовъ, чтобы проститься съ ней. Такъ грустно, что мы не увидимъ *Шведова* до его отъѣзда. Всѣ дорогіе друзья одновременно уѣзжаютъ на войну.

---

[1] Спиридовичу вмѣнялось въ вину, что онъ не предотвратилъ убійства П. А. Столыпина въ Кіевѣ.

Одиннадцать градусовъ мороза и глубокій снѣгъ.

Посылаю тебѣ бумагу Ростовцева, кажется, она касается *Алексѣева*, но можетъ быть скорѣе исполнена черезъ тебя, если ты согласенъ — я видѣла несчастнаго офицера[1], и твоя мамаша также.

Ортипо лежитъ на моей кровати и крѣпко спитъ.

Я переслала твое письмо Малькольму для передачи Джорджи? онъ уѣзжаетъ завтра.

Теперь, мой дорогой, нѣжно любимый и желанный муженекъ, прощай, Богъ да благословитъ и защититъ тебя, безконечно и нѣжно цѣлую твои милыя губы и твои дорогіе глаза.

Навсегда твоя старая
«Солнышко».

№ 166.

29 ноября 1915 г.

Моя любимая душка,

Только пятый день со дня твоего отъѣзда и уже кажется, что прошелъ цѣлый вѣкъ. Идетъ снѣгъ, одиннадцать градусовъ, вчера вечеромъ было шестнадцать. Вчера вечеромъ служилъ *Шавельскій*, было такъ хорошо, я очень люблю его голосъ. Онъ любезно согласился взять съ собой *Антиминсы*, которые я посылаю гвардейскому экипажу, и четыре стрѣлковыя походныя церкви по случаю 6-го (декабря).

Мари[2] пришла къ чаю — она казалась совсѣмъ хорошенькой, когда сняла свою *косынку*; она завила себѣ свои короткіе волосы. Она стала гораздо лучше и совсѣмъ другой по сравненію съ тѣмъ, какъ она раньше была. Сегодня она опять ѣдетъ въ *Псковъ*, но не знаетъ, когда Дмитрій уѣзжаетъ — вечеромъ мы были у Ани и тамъ были, кромѣ насъ, *Деменко* и *Зборовскій*. Повидимому, *Ал. Конст.* также пріѣхалъ, такъ что мы его увидимъ до его отъѣзда на фронтъ. Сегодня утромъ *Бульпа* приходитъ, чтобы съ нами проститься. Княгиня Лоло Д. съ нами завтракаетъ, а потомъ я принимаю *Сандру Шувалову* съ *отчетомъ*.

Каждый день приходится кого нибудь принимать и дѣлать всякія дѣла и нечего сказать тебѣ интереснаго. Я свернула себѣ челюсть и ѣмъ съ трудомъ. Прилагаю письмо отъ Ани, можетъ быть ты въ своей телеграммѣ поручишь мнѣ поблагодарить ее за письмо и за подарокъ. Милый мой, я такъ хотѣла бы, чтобы пришло твое письмо! — теперь уже

[1] Очевидно тотъ, о которомъ говорится въ прошеніи.
[2] В. Княгиня Марія Павловна младшая.

человѣкъ опоздаетъ[1]. Благословляю тебя еще и еще, мой единственный, мое все, и цѣлую тебя съ горячей любовью.

Навсегда, мой Ники, твоя старая женка.

№ 167.

Царское Село, 29 ноября 1915 г.

Дорогой и любимый,

Я начинаю свое письмо сегодня, чтобы поблагодарить тебя такъ нѣжно за твое письмо, только что полученное мною. Какъ хорошо, что ты проведешь свои именины съ войсками, но грустно, что мы не будемъ вмѣстѣ. Я рада, что ты проведешь этотъ большой праздникъ съ твоими войсками, и пусть Св. *Николай* пошлетъ особое благословеніе всѣмъ и поможетъ. Мнѣ не нравится отвѣтъ Джорджи, мнѣ кажется, онъ совсѣмъ ошибоченъ.

Какъ интересно, что ты видѣлъ *К. Кручкова*[2]. Идетъ сильный снѣгъ, такъ что поѣздъ Ани опоздалъ при отходѣ отсюда на цѣлый часъ и шелъ цѣлый часъ до города, она боится что застрянетъ на обратномъ пути. *Ира, Ларька* и *Сандра*[3] сегодня вечеромъ уѣзжаютъ въ *Алупку,* такъ какъ у стараго графа ударъ. У нея[4] четыре Георгіевскихъ медали, это кажется такъ странно на нарядномъ платьѣ. М-мъ *Оржевская* собирается предложить твоей мамѣ, послать ее осмотрѣть плѣнныхъ здѣсь. Я нахожу, что это прекрасно, такъ какъ есть вещи, о которыхъ надо подумать. Наше правительство даетъ достаточно денегъ для пищи, но, повидимому, она не получается, какъ слѣдуетъ, такъ что я боюсь, что есть безчестные люди, которые ее задерживаютъ, и это не годится. Я рада, что у нея и у меня тѣ же мысли. У меня нѣтъ права вмѣшиваться, она можетъ дать совѣтъ. Слава Богу, что Беби лучше, я надѣюсь, что онъ благополучно совершитъ путешествіе. Принимаетъ ли теперь *Дрентельнъ* полкъ и какъ онъ вообще устраивается?

Вокругъ моей лампы жужжитъ муха, это напоминаетъ лѣто, но вѣтеръ воетъ въ каминѣ. О, милый мой, я такъ страшно тоскую по тебѣ. Слава Богу, что у тебя Sunbeam, чтобы согрѣвать твое сердце. Что ты дѣлаешь по вечерамъ, есть ли у тебя кто нибудь для игры въ домино?

---

[1] Подразумѣвается: «Если я буду еще ждать твоего письма и не отдамъ своего».

[2] Знаменитаго казака Кузьму Крючкова, о храбрости котораго много писалось.

[3] Дѣти графа И. И. Воронцова-Дашкова.

[4] Сандры Шуваловой.

Наврузовъ и *Чавчавадзе* уютно съ нами пили чай. Было страшно пріятно увидѣть ихъ опять послѣ столькихъ мѣсяцевъ и получить извѣстіе о васъ обоихъ. Ты представляешь себѣ насъ пятерыхъ пьющими чай съ двумя офицерами, но съ ними это какъ то кажется совсѣмъ естественнымъ. Они также въ восторгѣ, что графиня *Вор*(онцова) уѣхала съ Кавказа. Я посылаю *Граббе* во вторникъ 170 образовъ, 170 книжекъ, 200 обыкновенныхъ открытокъ со *склада*, 170 посылокъ для офицеровъ. *Збор*(овскому) и *Швед*(ову) я дамъ вещи сама. Потомъ маленькій образокъ Св. *Николая* для *сотни*. Ты можешь ихъ благословить, душка.

Ну, нашъ Другъ видѣлся со старикомъ, который очень внимательно его выслушалъ, но былъ чрезвычайно упрямъ. Онъ предполагаетъ просить тебя совершенно не созывать *Думы* (она ему ненавистна) — а *Гр*(игорій) сказалъ ему, что было бы неправильно просить тебя объ этомъ, такъ какъ теперь всѣ готовы стараться и работать, и какъ только ихъ предварительная работа будетъ готова, было бы неправильно не созвать ихъ — надо имъ показать немного довѣрія.

30 ноября. Я завтракаю и пишу. Въ десять я была на *заупокойной литургіи* за нашего офицера. Дѣти пришли къ отпѣванію. Потомъ мы сидѣли въ лазаретѣ. Появился *Наврузовъ*, онъ сегодня вечеромъ опять уѣзжаетъ въ *Армавиръ*. Появился также *Рафтопуло*, выглядитъ прекрасно.

Два градуса тепла и льетъ. Гвардейскіе офицеры слышали, что производство ихъ не касается. Возвращаешься ли ты прямо въ *Ставку* или черезъ *Минскъ*, *Эриванцы* спрашиваютъ. *Мелик. Адамов.* вернулся изъ *Евпаторіи*.

Мнѣ надо принимать, и потому я должна кончать и проглотить свою пищу. Благословляю и цѣлую тебя еще и еще съ безконечной и глубокой любовью.

Навсегда, моя душка, твоя старая

«Солнышко».

№ 168.

1 декабря 1915 г.

Мой любимый,

Темно, холодно, одиннадцать градусовъ мороза. Соня[1] заболѣла, она очень слаба, шумъ въ легкихъ и состояніе сонливости, она еле говоритъ, а когда говоритъ, то ее почти нельзя понять. Я вызвала *Влад*(иміра) *Ник*(олаевича), и онъ также привезетъ своего брата. В. Н.

[1] Кн. Орбеліани, одна изъ личныхъ фрейлинъ Императрицы.

поставилъ банки, пока я тамъ была, она и не замѣтила и висѣла какъ обрубокъ на рукахъ двухъ горничныхъ — грустно смотрѣть на это парализованное тѣло. Ночью ей стало хуже, такъ что вызвали сестру изъ Большого Дворца, чтобы сдѣлать вспрыскиванiе камфоры, и сердцу стало нѣсколько лучше. Оказывается, она просила позвать меня и священника. Я знаю, что она любитъ причащаться, когда она такъ больна, такъ что мы постараемся достать *батюшку*. Вчера она только проговорила «какъ мама», она всегда думаетъ о смерти матери, когда чувствуетъ себя больной. *Митя Денъ* и *Иза* долго сидѣли въ сосѣдней комнатѣ — я сегодня утромъ рано туда пойду. Все таки, когда она больна, она привыкла, чтобы я была по близости.

Все это случилось только со вчерашняго утра, и она сразу такъ ослабѣла, и перебои (сердца), и вчера только 37,3, а пульсъ 140, сегодня 38,7, а пульсъ 104. У меня была княжна Гедройцъ съ *докладомъ* въ теченiе полутора часа вчера насчетъ *Евпаторiи*, куда я ее послала, чтобы выяснить все, что тамъ происходило. *Шурикъ*, *Викт. Эр.* и *Рафтопуло* были вечеромъ у Ани, у Анастасьи глаза блестѣли отъ радости. Я слышу, что Эрдели далъ знать въ штабъ, что ты приказалъ моему *Андронникову* быть помощникомъ *Вильчковскаго*. Ну, такъ мы должны прибавить еще другое мѣсто, второго помощника, такъ какъ у насъ уже одинъ имѣется.

Чичаговъ былъ у Ани и сказалъ ей, что онъ сегодня докладываетъ *Максимовича*. *Чичаговъ* нашелъ бумагу въ *Синодѣ*, о которой митрополитъ и всѣ позабыли (скандалъ) и въ которой *Синодъ* просилъ тебя разрѣшить его *прославленiе* (годъ назадъ или еще немножко больше), и ты написалъ наверху — *согласенъ*, такъ что они кругомъ виноваты. Окончу это письмо во время завтрака, теперь должна пойти, когда одѣнусь, къ Сонѣ. Душка, хочу тебя. Мы завтракаемъ въ *игральной*, чтобы быть поближе къ бѣдной Сонѣ. Душка, ей очень плохо. Воспаленiе легкихъ, но что хуже еще, параличъ подходитъ къ мускуламъ сердца, которое очень ослабѣло — мало надежды, и она выглядитъ очень плохо. Въ три часа она будетъ причащаться. Сегодня она ничего не говоритъ, только слышитъ, когда я ей говорю, чтобы она пила и откашливалась. Глаза всегда закрыты, скверный цвѣтъ лица — говорятъ, что лѣвый *зрачекъ* не *реагируетъ*. Ея тетка *Иванова* и сестра изъ *Алекс. Общ.* (изъ *конвоя)* пришли, чтобы за ней ходить.

За твое дорогое письмо безконечное спасибо. Это всегда огромная радость, моя душка.

Прости это короткое письмо, но я тревожусь по поводу Сони. Нашъ Другъ говоритъ, что лучше для нея чтобы она ушла, и мы всѣ такъ чувствуемъ. Я очень спокойна, такъ какъ уже столькихъ видѣла

уходящими — умирающими, и это заставляетъ понять величіе происходящаго, и что Онъ лучше насъ знаетъ...

Солнце сіяетъ. Безконечные поцѣлуи и благословеніе отъ твоей женки.

№ 169.

Царское Село, 2 декабря 1915 г.

Мой дорогой,

Еще одно вѣрное сердце ушло въ невѣдомый край. За нее я рада, что все кончено, такъ какъ въ будущемъ жизнь могла бы быть для нея еще худшей физической пыткой. Все произошло такъ скоро, что еще трудно освоиться со случившимся. Она лежитъ вся словно восковая, я не могу иначе сказать, такъ непохожа на ту Соню, горѣвшую яркою жизнью и розовыми красками, которую мы знали. Богъ взялъ ее къ себѣ милосердно, безъ всякихъ страданій. Я тебѣ писала вчера во время завтрака, потомъ только что начался *докладъ Вильчковскаго*, когда меня позвали къ ней; сердце было очень слабое, 39,7, и въ два съ половиной она причастилась, — не могла больше открыть глаза — единственное, что она могла сказать, это были обращенныя ко мнѣ слова, — «прости», это было все, и потомъ она уже больше не слышала, когда ей говорили, чтобы она глотала. Началась агонія. Я просила *батюшку* читать молитвы и прочесть отходную. Молитвы приносятъ въ комнату миръ, и я всегда думаю, что это помогаетъ отлетающей душѣ. Она быстро измѣнилась. Въ четыре съ четвертью ея тетка просила меня пойти и отдохнуть, такъ что я полежала въ комнатѣ Изы и тамъ мы пили чай, въ пятьдесять минутъ они меня позвали — *батюшка* читалъ отходную, и она совершенно мирно уснула. Богъ дастъ ея душѣ отдохновеніе въ мирѣ и благословитъ ее за ея великую любовь ко мнѣ въ теченіе этихъ долгихъ лѣтъ. Она никогда не жаловалась на свое здоровье — даже парализованныя, она до конца наслаждалась жизнью. Не выдержало сердце, ей дали камфоры и произвели другія сильныя вспрыскиванія, но ничто уже не дѣйствовало на сердце. Какая великая тайна жизнь — всѣ ожидаютъ рожденія человѣческаго существа и потомъ всѣ также ждутъ ухода души. Есть что то во всемъ этомъ такое величественное, и чувствуешь, какъ мы малы смертные и какъ великъ нашъ небесный Отецъ. Трудно на бумагѣ выразить свои чувства и мысли. Я чувствовала, какъ будто мы ее передаемъ на Божье попеченіе и хотимъ помочь ея душѣ быть счастливой, и меня охватываетъ великое благоговѣніе, ощущеніе святости момента — это такая тайна, только т а м ъ можно въ нее проникнуть. Дѣвочки и я въ девять

часовъ пошли на *панихиду*. Теперь ее собираются положить въ гробъ въ ея гостиной, но я сегодня вечеромъ поберегу свои силы, чтобы сопровождать ее внѣ дома до *Знаменья*. Я еле спала — слишкомъ много впечатлѣній. Я спокойна, чувствую словно я застыла, потому что все приходится въ себѣ подавить. *Боткинъ* въ первый разъ появился сегодня утромъ — просилъ меня оставаться спокойной изъ за расширеннаго сердца. Я хочу причаститься завтра утромъ. Теперь *Рожд. постъ*, и это мнѣ будетъ поддержкой. Аня также пойдетъ въ *пещерный* храмъ въ девять. Итакъ, моя душка, я нѣжно съ любовью прошу твоего прощенія за каждое слово и дѣло, благослови меня, моя душка. Это будетъ утѣшеніемъ помолиться за тебя, такъ какъ ты завтра начинаешь свое путешествіе. Дай Богъ, чтобы все было хорошо. Жалко, что ты не увидишь *гвардейскій экипажъ*. Послѣ твоего вчерашняго письма мы устроились послать (непонятное мѣсто) въ *Одессу* съ моимъ (непонятное мѣсто), а *Андреева* съ тѣмъ, который предназначается для четвертаго полка въ *Жмеринку* или вообще туда, гдѣ они находятся. Интересно, какъ далеко ты ѣдешь. Посылаю тебѣ сегодня маленькій подарокъ (коробка для писемъ ждетъ твоего возвращенія), открой его пятаго вечеромъ. Это фотографія, вынутая изъ прошлогодней группы и увеличенная. Я ее посылаю сегодня на случай, если она не достигнетъ тебя шестого, и во всякомъ случаѣ посылаю тебѣ мои нѣжнѣйшія благословенія и пожеланія, и поцѣлуи по случаю твоихъ дорогихъ именинъ. Сердцемъ и душой я всегда съ тобой, мой любимый ангелъ. Посылаю также немного цвѣтовъ — взятые тобой, навѣрное, уже завяли, такъ какъ вчера была недѣля, что ты уѣхалъ. Дай Богъ, чтобы у тебя было во всѣхъ отношеніяхъ хорошее путешествіе. Аня цѣлуетъ тебя. Твоя мамаша пріѣдетъ на *панихиду*, такъ что я должна пойти, потому что Ольга и Татьяна должны ѣхать въ городъ, у нихъ большой комитетъ, котораго онѣ не могутъ отложить, и потомъ пріемъ *пожертвованій*. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя, моя любовь. Тысяча нѣжныхъ поцѣлуевъ отъ твоей старой женки.

№ 170.

3 декабря 1915 г.

Мой драгоцѣнный,

Было большимъ утѣшеніемъ сегодня утромъ пойти къ святому причастію, и я несла тебя въ своемъ сердцѣ. Было такъ мирно и красиво, и наши пѣвчіе пѣли великолѣпно — въ церкви никого не было — только пришла милая Ольга. Аня пошла со мной — но вездѣ недостаетъ Сони и думаешь о ней — какъ я ее подвозила въ колясочкѣ къ царскимъ

вратамъ. Мы выпили чашку чая, потомъ Аня поѣхала въ городъ, а Ольга со мной пошла на минуту, чтобы поставить свѣчку въ *Знаменьи*. Читала монашенка — она [1] была совсѣмъ закрыта, и только ея вѣрная горничная тамъ стояла — такъ одиноко. Такъ какъ никто не думалъ о панихидѣ на 40-й день, я ее заказала. Вчера офицеры *Своднаго полка* понесли ее въ домѣ внизъ по лѣстницѣ въ церковь, по улицѣ понесли служители, Татьяна и Марія слѣдовали пѣшкомъ, а я ѣхала сзади съ Ольгой и Анастасіей, шелъ снѣгъ, было такъ тихо и все было сдѣлано быстро. Но нельзя повѣрить, что это существо, столь полное жизни, лежитъ такъ тихо — да, душа отъ нея въ самомъ дѣлѣ отлетѣла. Аня также исповѣдывалась въ нашей спальнѣ, это было удобнѣе для *батюшки*.

Я хотѣла причащаться въ этотъ постъ, а теперь это вышло такимъ утѣшеніемъ — я немного утомлена отъ всѣхъ этихъ страданій, продолжающихся болѣе года, и это даетъ новыя силы и поддержку.

Сегодня годовщина дня смерти сына *Боткина*. Соня умерла въ тотъ же день, какъ моя мать 34 года тому назадъ; — о ней [2] очень жалѣли, ее любили и цѣлыя толпы народа пришли (на ея похороны).

Во время панихиды въ домѣ, я оставалась возлѣ дверей спальни и никого не видѣла — это мнѣ было легче. Милая, добрая Мамаша [3] была на панихидѣ, такъ какъ она хотѣла еще разъ увидѣть ее въ ея собственной комнатѣ, и потомъ она мнѣ сказала, что она хочетъ, чтобы всѣ ея картины Зичи были вынуты изъ рамокъ и положены въ папку и посланы ей, такъ какъ онѣ напоминаютъ путешествіе и, по ея словамъ, раньше были въ *Гатчинѣ*. Я попрошу *Щеглова* это сдѣлать послѣ того, какъ будутъ убраны Сонины вещи и все приведено въ порядокъ.

Холодно и идетъ снѣгъ. Хотѣла бы знать, какъ проходитъ твое путешествіе, мой любимый, дорогой. Такъ жажду тебя, но я рада, что тебя здѣсь нѣтъ въ эти грустные дни. Петя приходитъ къ чаю. У меня была M-me Зизи, такъ какъ надо было о многомъ переговорить, а также о похоронахъ.

Все время идетъ снѣгъ. Моя птичка, мое сокровище, какъ я думаю о тебѣ и люблю тебя и моего Sunbeam! Богъ да благословитъ тебя и твое путешествіе и вернетъ тебя сюда въ цѣлости. Покрываю тебя нѣжнѣйшими поцѣлуями. Дорогой муженекъ, твоя старая

«Солнышко» [4].

---

[1] Покойница кн. Орбеліани.

[2] Матери.

[3] Имп. Марія Федоровна.

[4] 3 декабря царевичъ заболѣлъ тяжелымъ кровотеченіемъ изъ носа и Государь привезъ его въ Царское Село.

№ 171.

12 декабря 1915 г.[1]

Мой родной,

Душка моя, мой любимый, съ болью въ сердцѣ я тебя отпускаю — нѣту дорогого Беби, чтобы сопровождать тебя, ты совсѣмъ одинъ. Хотя я страдала безъ моего ребенка, было большимъ утѣшеніемъ отдать его тебѣ и чувствовать, что его милое присутствіе возлѣ тебя наполнитъ свѣтомъ твою жизнь. И нѣту Н. П. больше, чтобы быть съ тобой — я была спокойна, когда я знала, что онъ съ тобой. «*Онъ нашъ*», какъ правильно говорилъ нашъ Другъ, и его жизнь такъ связана съ нашей за всѣ эти годы, онъ дѣлилъ наши радости и горести и онъ въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ нашъ, и мы для него самые близкіе и дорогіе, — онъ также страшится этой долгой разлуки съ нами всѣми, я такъ надѣюсь, что ты его увидишь съ батальонами, это было бы благословеніемъ для его новаго дѣла.

Слава Богу, твое сердце можетъ быть спокойно насчетъ Алексѣя, и я надѣюсь, что къ тому времени, когда ты вернешься, ты его найдешь такимъ же кругленькимъ и розовымъ, какъ раньше. Ему будетъ очень грустно остаться дома, онъ любилъ быть съ тобой на положеніи взрослаго. Въ общемъ разлука ужасная вещь и къ ней нельзя привыкнуть. Уже долго никого не будетъ, чтобы ласкать и цѣловать тебя. Въ мысляхъ я это всегда буду дѣлать, мой ангелъ. Твоя подушка получаетъ утренній и вечерній поцѣлуй и много слезъ. Любовь всегда растетъ, и тоска по тебѣ увеличается.

Дай Богъ, чтобы у тебя была лучшая и болѣе теплая погода тамъ къ югу. Очень жаль, что все приходится сдѣлать въ одинъ день — нельзя такъ полно насладиться тѣмъ, что видишь, и нѣтъ достаточно времени, чтобы обо всемъ переговорить такъ, какъ хотѣлось бы. Да принесетъ твое драгоцѣнное присутствіе великія милости Божьи и успѣхъ!

Я хотѣла бы знать, вернешься ли ты къ Рождеству или нѣтъ, но ты мнѣ дашь знать, какъ это будетъ рѣшено. Теперь ты не можешь знать. Мой родной, держу тебя, крѣпко прижавъ къ сердцу, и по-

---

[1] За время пребыванія Государя въ Царскомъ Селѣ съ 5 по 12 декабря:

Михаилу Родзянко въ воздаяніе особыхъ трудовъ и заслугъ, оказанныхъ въ должности почетнаго попечителя Новомосковской гимназіи пожалованъ орденъ св. Анны 1-ой степени; Вологодскій губернаторъ Лопухинъ назначенъ членомъ совѣта мин. вн. дѣлъ; экзархомъ Грузіи назначенъ архіепископъ кишеневскій Платонъ; назначены: епископъ холмскій Анастасій архіепископомъ Кишеневскимъ, настоятель Давидъ-Гареджійскаго монастыря архимандритъ Пирръ — епископомъ аллавердскимъ; архіепископъ Иркутскій Серафимъ (производившій ревизію тобольской епархіи еп. Варнавы) уволенъ на покой.

крываю тебя поцѣлуями — чувствуй меня съ тобой и возлѣ тебя, я тебя грѣю и нѣжу. Въ первые часы будетъ ужасно въ поѣздѣ безъ Беби — такая тишина, тебѣ будутъ недоставать его молитвы. Моя душка, я тебя люблю такъ нѣжно, нѣжно «съ безконечной искренней преданностью, больше чѣмъ я могу сказать» [1] — когда тебя нѣтъ, у меня чувство, что главной вещи въ моей жизни мнѣ недостаетъ — все какъ то печально звучитъ; а теперь, когда у меня Агунюшка, тебѣ еще хуже. Спи спокойно, моя любовь, пусть Богъ пошлетъ тебѣ укрѣпляющій сонъ и отдыхъ.

Я дала образъ для *Егерей* въ футлярѣ, подбитомъ лентой, которую они поднесли и которую нашъ Другъ благословилъ въ ихъ праздникъ въ 1906 году въ *Петергофѣ*. Остальную часть я оставила себѣ; но Онъ сказалъ, что эта лента будетъ на войнѣ, и что они сотворятъ великія дѣла. Теперь Онъ не можетъ точно вспомнить, но Онъ сказалъ, что надо всегда дѣлать то, что Онъ говоритъ — его слово имѣетъ глубокое значеніе. Можетъ быть ты не захочешь лично передать имъ, чтобы не обидѣть другого полка (такъ какъ этотъ полкъ не имѣетъ никакого отношенія къ Беби или ко мнѣ) — тогда отдай имъ передъ отъѣздомъ отъ моего имени, — не забудь хорошую мысль Георгія, [2] установить для всѣхъ твоихъ адъютантовъ десятидневную службу — тогда ты услышишь свѣжія новости, а они могутъ отдыхать.

Прощай, мой дорогой муженекъ, мой родной, моя жизнь, мое солнце. Богъ да благословитъ и защититъ тебя. Святой Николай да услышитъ наши молитвы. Цѣлую безъ конца, навсегда вся твоя женка.

№ 172.

13 декабря 1915 г.

Мой любимый,

Была одинокая ночь, и мнѣ тебя страшно недоставало, но тебѣ гораздо тяжелѣе и мнѣ такъ жаль тебя, мой душка. Было такъ тяжело разставаться. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя, теперь и навсегда.

Я спала средне, съ вечера идетъ снѣгъ, двѣнадцать — пятнадцать градусовъ только, это такъ удачно, и я надѣюсь, что на твоемъ пути станетъ гораздо теплѣе.

Только что получила телеграмму отъ Жука, очень трогательную, отправленную передъ ихъ отъѣздомъ, и другую отъ Н. П., изъ *Подволочиска,* что они благополучно прибыли туда, такъ что я надѣюсь,

[1] Стихи изъ англійской пѣсенки.
[2] Михайловича.

что онъ тебя еще тамъ увидитъ. Я обѣдала наверху, а потомъ принесли письмо отъ Павла и одно къ нему отъ Мари, все насчетъ *Рузскаго*, отчаяніе и т. д. Послѣ разговора ея съ *Б. Бр.* (Бонъ Бруевичемъ),[1] который, конечно, жаловался, что здѣсь покровительствуютъ баронамъ — что когда онъ выслалъ двухъ, служившихъ въ Красномъ Крестѣ, *Бѣлецкій* ихъ опять вернулъ — что *Рузскій* противникъ плана *Ал*(ексѣева) въ южномъ направленіи, и всякое поношеніе *Алекс*(ѣева) — ну, такъ вотъ, такъ какъ Павелъ предоставилъ мнѣ рѣшить, посылать ли тебѣ письма его и Мари — я ихъ ему вернула съ короткими объясненіями — такъ какъ я не согласна со всѣмъ, что она пишетъ. Будто бы просто уволили Рузскаго послѣ его письма къ Поливанову, котораго soi disant[2] этотъ послѣдній тебѣ никогда не показывалъ — масса чепухи. Крошка хорошо спалъ, 37, но лѣвая рука плохо сгибается, хотя нѣтъ боли. Такъ какъ моему сердцу нѣсколько лучше, и сегодня не такъ холодно, я въ одиннадцать собираюсь къ обѣднѣ—*Питиримъ* служитъ— и я буду рада помолиться въ церкви, хотя ты мнѣ будешь страшно недоставать.

Богъ да благословитъ тебя, душка. Я должна встать и одѣться. Я все еще чувствую твой прощальный поцѣлуй на своихъ губахъ и жажду другихъ. Прощай, мой ангелъ, мое солнце, покрываю тебя нѣжными любящими поцѣлуями. Навсегда твоя старая женка. Мои мысли и молитвы, и моя безконечная тоска по тебѣ не покидаютъ тебя.

№ 173.

Царское Село, 13 декабря 1915 г.

Моя душка,

Начинаю письмо сегодня вечеромъ, такъ какъ у меня не будетъ много времени для писанія завтра утромъ, дантистъ меня ждетъ, и Элла пріѣхала. Извини, что пишу другими чернилами, но то перо оказалось пустымъ. Беби совсѣмъ въ порядкѣ, мы завтракали, пили чай и обѣдали съ нимъ и послѣ того, какъ я видѣла Бенкендорфа и тетку Сони, сестру *Иванову*, я съ нимъ оставалась. *Митрополитъ Питиримъ* великолѣпно служилъ и въ концѣ сказалъ нѣсколько теплыхъ словъ и прочелъ молитву за тебя, моя душка. *Ломанъ* угостилъ его большимъ «клерикальнымъ» завтракомъ, на которомъ присутствовала также Аня. Было утѣшительно помолиться въ церкви съ нашими дорогими солдатами. Аня, *Вороновъ* и его жена пили чай, Беби былъ въ восторгѣ ихъ увидѣть. Онъ уѣзжаетъ въ четвергъ, чтобы присоединиться со

[1] Начальникъ штаба сѣв. фронта.
[2] Якобы.

своими 160 матросами къ *Экипажу* черезъ Москву, такъ какъ такимъ путемъ, черезъ *Кіевъ*, ѣхать ближе.

Онъ говоритъ, что бѣдный *Мелновецъ* страшно похудѣлъ, и что его легкія въ очень плохомъ состояніи. Завтра уже годовщина смерти *Бутакова*. Какъ время летитъ! Потомъ у меня былъ одинъ князь Оболенскій, братъ г-жи *Прутченко*,[1] хотя она ненавидитъ Аню изъ за нашего Друга, онъ просилъ о свиданіи черезъ Аню, чтобы принести мнѣ фотографіи фресокъ въ Ферапонтіевскомъ монастырѣ, который онъ помогаетъ реставрировать — имъ нужно еще 38 тысячъ, и я ему сказала, что надо подождать до конца войны, такъ какъ теперь всѣ суммы нужны для другого. Потомъ пришелъ князь Голицынъ съ *докладомъ* моего комитета о плѣнныхъ.

Потомъ я отдыхала часъ. Аня у насъ обѣдаетъ, такъ какъ я ее въ эти дни меньше буду видѣть, хотя Элла уѣзжаетъ опять въ среду вечеромъ и проведетъ половину дней въ городѣ, а у меня дантистъ. Увы, я не могу пойти на освященіе маленькой церкви, это слишкомъ утомительно, и я еще не гожусь; черезъ десять дней Рождество, и столько нужно сдѣлать до того. Было теплѣе, такъ что дѣти ѣздили въ *Павловскъ*, — встрѣтили графиню[2] *Палѣй* съ сыномъ и маленькими дочерьми на лыжахъ. Теперь я должна постараться заснуть.

14 декабря. Здравствуй, моя душка! 17 градусовъ мороза. Бебичка спалъ хорошо, я неважно. Хотѣла бы знать, поймаютъ ли тебя мои письма на твоемъ обратномъ пути, или же ты ихъ найдешь только по возвращеніи въ *Ставку*; ну, такъ какъ они перенумерованы, ты не спутаешься. Розовое небо позади кухни и густо покрытыя снѣгомъ деревья кажутся совсѣмъ волшебными — хотѣлось бы быть художникомъ, что бы все это зарисовать. Я сказала Бенкендорфу насчетъ Евангелій, которыя надо послать тебѣ черезъ Ростовцева.

Элла придетъ безъ четверти двѣнадцать до трехъ съ половиной, а потомъ ѣдетъ въ городъ для *Акафиста* и вечерней службы передъ завтрашнимъ освященіемъ и обѣдаетъ въ *Аничковомъ*. Изъ за этого я буду у дантиста раньше одиннадцати часовъ.

Его[3] ручка совсѣмъ поправилась, у него 36,6, и онъ веселый.

Всѣ мои мысли слѣдуютъ за тобой все время, и мои горячія молитвы, — ты мнѣ очень недостаешь, моя душка, и я жажду твоихъ нѣжныхъ ласкъ, чтобы согрѣть меня. Ну, вотъ Ортипо вскочилъ ко мнѣ на кровать, Татьяна отправилась въ лазаретъ, Анастасія была у дантиста. *Лео*[4] все еще живъ. Скачки вверхъ и внизъ, бѣдняга.

---

[1] Прутченко, см. выше.
[2] Такъ въ текстѣ вмѣсто «княгиню».
[3] Наслѣдника.
[4] Камеръ-лакей.

Я поцѣловала одинъ изъ нашихъ маленькихъ розовыхъ цвѣточковъ и кладу его въ конвертъ. Теперь я должна встать — такая скука — и закончить мое письмо.

Прощай, мой любимый, благословляю и цѣлую тебя безъ конца.

Навсегда, мой дорогой муженекъ, твоя родная женка.

№ 174.

Царское Село, 15 декабря 1915 г.

Моя дорогая душка,

Всѣ мои мысли съ тобой. Я все думаю, что тамъ дѣлается? У насъ опять 20 градусовъ мороза и чудное солнце. Такая суета съ ранняго утра, сотня вопросовъ насчетъ рождественныхъ подарковъ для раненыхъ и для персонала лазарета. Ихъ число все увеличивается. — 900 евангелій, образовъ и снимковъ на открыткахъ посланы Кирѣ [1]. Я видѣла Эллу только одну секунду въ девять, прежде чѣмъ она помчалась въ церковь — теперь часъ, и она еще не выбралась изъ города. У меня цѣлый часъ сидѣлъ зубной врачъ. Сегодня утромъ сердце еще расширено. Беби спалъ хорошо до одиннадцати, но у него все еще насморкъ. У меня была Софи Ферзенъ [2] вчера въ теченіе почти двухъ часовъ, и мы съ ней такъ пріятно говорили — она такая славная, хорошая женщина.

Посылаю тебѣ прошеніе невѣстки *Кн. Юрьевскаго*, она не хорошая личность, дѣлай съ нимъ, что тебѣ будетъ угодно.

Графиня *Ребиндеръ* изъ *Харькова* написала Анѣ, что ея братъ *Кутайсовъ* получилъ извѣстіе о своемъ назначеніи. «*Сначала онъ и вѣрить не хотѣлъ въ свое счастье, а теперь горитъ желаніемъ показать, что онъ достоинъ носить вензеля возлюбленнаго монарха, готовъ отдать ему всѣ свои силы всю свою жизнь*» [3]. Она говоритъ, что онъ съ тѣхъ поръ сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Да вознаградитъ тебя Господь за то, что ты для него сдѣлалъ, душка.

Какъ я рада, что ты также видѣлъ Ксенію. Аня шлетъ тебѣ нѣжные поцѣлуи, она уѣхала въ городъ въ часъ и переночуетъ тамъ. Должна теперь отправить это письмо. Благословляю и горячо, нѣжно, любовно цѣлую тебя, моя птичка. Твое маленькое

«Солнышко».

[1] Нарышкину.
[2] Рожд. княжна Долгорукова.
[3] Рѣчь идетъ о назначеніи флигель-адъютантомъ.

№ 175.

Царское Село, 16 декабря 1915 г.

Моя родная душка,

Я была такъ счастлива получить твою милую телеграмму вчера вечеромъ изъ *Подволочиска* и узнать, что все сошло такъ прекрасно. Нашъ Другъ молился и снова благословилъ тебя издали. Н. П. телеграфировалъ уже послѣ четырехъ, что ты его произвелъ послѣ смотра и что онъ былъ страшно счастливъ — я рада, что ты его увидѣлъ передъ батальономъ.

Мы просили Беби разсказать Эллѣ все насчетъ *Волоч*(иска) и про твои смотры тамъ, и насчетъ княгини *Волкон*(ской), онъ очень хорошо разсказалъ и съ массой подробностей. Элла тамъ была осенью годъ тому назадъ. Ея настроеніе и видъ совсѣмъ хороши, она спокойна и естественна, — понятно ей приходится каждый вечеръ мчаться въ городъ, кромѣ того, она здѣсь принимаетъ. Она опять уѣзжаетъ завтра вечеромъ — сегодня я съ ней и *Струковымъ* буду осматривать фарфоръ и рисунки съ фабрики.

Опять 26 градусовъ мороза, такъ что это и мое расширенное сердце заставляютъ меня спокойно оставаться дома. Аня вчера была у митрополита, нашъ Другъ также — они очень хорошо бесѣдовали, а потомъ онъ Ему давалъ завтракъ — всегда сажалъ *Гр*(игорія) на первое мѣсто и все время былъ удивительно почтителенъ къ Нему и глубоко подъ впечатлѣніемъ всего, что Онъ говорилъ.

Ты уѣхалъ отъ насъ всего пять дней тому назадъ, а мнѣ кажется, что уже прошла цѣлая вѣчность. Ахъ, душка, Беби и я уже думаемъ о твоемъ одиночествѣ въ *Ставкѣ*, и это насъ наполняетъ глубокой печалью. «*очень не надо*»,[1] я нахожу, дорогой мой ангелъ.

Теперь я должна одѣться и отправиться къ зубному врачу, послѣ этого я закончу свое письмо.

Ну, вотъ, я наверху, и онъ устраиваетъ мой (фальшивый) зубъ. Мы говорили о большой военной санаторіи, которую оканчиваютъ на твои средства, а теперь онъ слышалъ, что *Ялтинское врач. общество* (которому помогаетъ *Союзъ городовъ*) хочетъ, чтобы ты ему передалъ эту санаторію — онъ находитъ, что это принципіально совсѣмъ неправильно (хотя самъ принадлежитъ къ этому обществу). Поэтому я предостерегаю тебя, чтобы ты не соглашался, если ты получишь въ этомъ смыслѣ прошеніе — переговори объ этомъ со мной, когда ты вернешься, пожалуйста. Санаторія нужна для этихъ *туберкулезныхъ*, которыхъ надо держать отдѣльно, а у нихъ нѣтъ мѣста въ *Ялтѣ*, и она должна быть твоей. Теперь я сижу возлѣ кровати Алексѣя, и онъ тебѣ

[1] Какое то интимное выраженіе, постороннимъ не понятное.

пишетъ — П. В. П(етровъ) наблюдаетъ за его орфографіей — Джой лежитъ и спитъ на полу. Солнце ярко свѣтитъ. Я дала Эллѣ образъ Св. Николая для передачи князю *Шир. Шах.*[1] отъ тебя въ благодарность за его работу, — онъ былъ боленъ и не могъ быть на освященіи церкви.

Я боюсь, что мое письмо очень скучно, но мнѣ нечего тебѣ сказать интереснаго. Теперь пора идти внизъ въ завтраку.

Прощай, моя любимая душка, пустой домъ въ *Ставкѣ* опечалитъ тебя, моя бѣдная душка, и тебѣ будетъ недоставать нашего Sunbeam. Богъ да поможетъ тебѣ, душка.

Осыпаю тебя нѣжными любящими поцѣлуями и благословляю.

Навсегда твоя старая женка.

№ 176.

Царское Село, 17 декабря 1915 г.

Моя родная душка,

Опять не имѣю времени написать тебѣ сколько нибудь приличное письмо. Мнѣ пришлось прочесть массу *докладовъ,* я должна встать въ половинѣ одиннадцатаго, чтобы быть у зубного врача, потомъ *Вильч*(ковскій) съ *докладомъ,* а вечеромъ *Хвостовъ.* Я не знаю почему, но сердце мое болѣе расширено и болитъ, и мнѣ слѣдовало бы оставаться спокойной.

22 градуса мороза. Посылаю тебѣ бумагу, которую Элла привезла изъ *Курска* — она думала, можетъ быть, ты кого нибудь пошлешь съ медалями. Другая бумага должна тебѣ напомнить, кому телеграфировать на Рождество — мнѣ нѣтъ смысла посылать телеграммъ, такъ какъ мы не вмѣстѣ. Беби надѣется, что завтра ему можно будетъ встать и одѣться, если сегодня его температура останется нормальной; простуда бросилась ему на животикъ, такъ что ему приходится держать діету. Элла сегодня вечеромъ уѣзжаетъ, такъ какъ у нея много дѣлъ. Ея визитъ былъ уютенъ, спокоенъ, простъ, и я думаю, что онъ ей принесъ пользу. Получила телеграмму отъ Н. П., что онъ пріѣзжаетъ 20-го изъ *Кіева,* нѣтъ я ошибаюсь онъ собирается уѣхать 20-го, но почему то телеграмма отправлена изъ *Кіева* и онъ пишетъ *«не хорошо»,* можетъ быть онъ простудился — это нѣсколько не ясно.

Наши мысли тамъ вдали, мы хотѣли бы знать, какъ все подвигается. Мысль о твоемъ одинокомъ возвраащеніи въ пустой домъ печалитъ меня — Богъ да поможетъ тебѣ.

---

[1] Ширинскому-Шахматову.

Благословляю и нѣжно цѣлую, твоя старая женка. Прости это короткое письмо, но въ самомъ дѣлѣ у меня нѣтъ времени — когда Элла уѣдетъ и дантистъ кончитъ, я буду свободнѣе — но все труднѣе передъ Рождествомъ, которое наступитъ черезъ недѣлю. Какъ было здоровье старика и какъ онъ сейчасъ поживаетъ?

№ 177.

18 декабря 1915 г.

Моя любимая душка,

Чудное яркое солнце, восемь градусовъ мороза утромъ. Дантистъ на этотъ разъ со мной покончилъ, и зубы еще болятъ. Твое одиночество огорчаетъ насъ — мы представляемъ себѣ твои унылыя прогулки въ саду. Позови *Сил*(аева) или *Мордв*(инова), они всегда могутъ что нибудь разсказать. И пустая спальня. Скорѣе возвращайся, и мы тебя согрѣемъ и обласкаемъ, моя птичка, нѣжно любимая. Количество того, что мнѣ приходится въ эти дни сдѣлать, сводитъ меня сума, такъ что я не имѣю даже времени писать спокойно. Я курю, потому что у меня болятъ зубы и еще болѣе — нервы лица. Увы, мнѣ приходится надоѣдать тебѣ бумагами, чего ты не любишь. Прилагаю письмо Михенъ, это проще, чѣмъ писать всю исторію насчетъ Делингсгаузенъ, и когда ты прочтешь ея объясненія, ты увидишь, можно ли что нибудь для него сдѣлать. Она очень осторожна насчетъ тѣхъ, за кого она проситъ, чтобы мы помогли поправить ошибки, если это возможно и если совершена несправедливость людьми, слишкомъ поспѣшно осудившими другихъ людей.

Манусъ и не думалъ умирать, это просто былъ биржевой маневръ, чтобы поднять, а потомъ уронить бумаги — некрасивый фокусъ.

Мой разговоръ съ хвостомъ я опишу завтра, сегодня у меня нѣтъ времени, и голова слишкомъ устала.

Всегда очень утомительно и такъ сложно устраивать разныя вещи къ торжеству.

Беби всталъ и будетъ завтракать въ моей комнатѣ. Онъ выглядитъ очаровательно, похудѣлъ, глаза стали большіе. Дѣвочки въ порядкѣ. Напиши мнѣ, чтобы я поблагодарила ее[1] за письмо и за конфеты и пошли ей привѣтъ. Должна кончать. Безконечно благословляю. 10.000 нѣжныхъ поцѣлуевъ. Навсегда, мой муженекъ, твоя старая

Аликсъ.

---

[1] Аню.

№ 178.

Царское Село, 19 декабря 1915 г.

Мой родной голубчикъ,

Ты не можешь себѣ представить, какую радость, какое утѣшеніе доставило мнѣ твое дорогое письмо. Ты мнѣ страшно недостаешь и тѣмъ болѣе, когда знаешь, какъ безконечно одиноко ты себя долженъ чувствовать, и нѣтъ нѣжнаго поцѣлуя, чтобы согрѣть тебя, нѣтъ маленькаго голоса, чтобы тебя пріободрить. Это болѣе чѣмъ тяжело, знать, что ты совсѣмъ одинъ и что возлѣ тебя нѣтъ даже Н. П.

Какъ я хотѣла бы знать, какія ты имѣешь извѣстія съ фронта, удовлетворительно ли совершается движеніе — черное воронье каркаетъ съ вопросами, зачѣмъ и для чего зимой такое предпріятіе, — но я думаю, что мы не имѣемъ права судить, ты и *Алексѣевъ* имѣете ваши разсчеты и планы, и мы только должны молиться сердцемъ и душой объ успѣхѣ — и онъ придетъ къ тому, кто умѣетъ ждать. Страшно трудно и тяжело, но безъ большого терпѣнія, вѣры и довѣрія ничего нельзя совершить. Богъ всегда посылаетъ испытанія, и когда мы этого менѣе всего ожидаемъ, онъ посылаетъ награду и облегченіе. И какъ все будетъ по другому внутри страны, когда наши войска одержатъ побѣду.

Мы очень много говорили насчетъ *Продов*(ольствія) съ *Хвостовымъ*, онъ говоритъ, что министры въ самомъ дѣлѣ стараются работать дружно (оставляя въ сторонѣ *Полив*(анова) и Барка), но это вина *Думы*, которая навѣшала на нихъ комиссіи изъ 70 членовъ, и поэтому полномочія министра внутреннихъ дѣлъ значительно уменьшены, и онъ не можетъ принимать никакихъ особыхъ мѣръ, не проводя ихъ черезъ комиссію. Понятно, съ руками, такъ связанными, можно очень немногое сдѣлать, онъ это сказалъ на дняхъ въ *Думѣ*, и они промолчали. Поэтому, онъ просилъ меня напомнить тебѣ о своемъ разговорѣ съ тобой, когда онъ просилъ тебя дать указъ — совѣту министровъ, кажется, чтобы населеніе знало, что ты думаешь объ его нуждахъ и не забудешь ихъ. Это немного поможетъ, но нужна также моральная связь, что бы показать имъ, что хотя ты на войнѣ, ты не забываешь объ ихъ нуждахъ. Я боюсь, что я плохо объясняю все это, но у меня болитъ голова — мнѣ надо было прочесть такую массу — вчера я смертельно устала, два часа разбирая вещи Сони вмѣстѣ съ ея братомъ и выбирая рождественскіе подарки, и принимая. Сегодня у меня будетъ только *В. Кочубей* по поводу пасхальныхъ подарковъ и фонда, который, по его мнѣнію, мы могли бы образовать.

Есть одно лицо, противъ котораго не только хвость, но и многіе

благомыслящіе люди, которые находятъ, что онъ не на высотѣ положенія, это *Баркъ.* Онъ, конечно, не помогаетъ *Хвост*(ову) — уже такъ давно у него просили денегъ, чтобы купить часть *Новаго Времени* (министры, увы, сказали Б(арку) это сдѣлать вмѣсто Х(востова), которому, навѣрное, бы это удалось, тогда какъ Б(аркъ) мѣшаетъ изъ за личныхъ соображеній), а въ результатѣ *Гучковъ* съ евреями Рубинштейнами[1] и т. д. купилъ газету и помѣщаетъ въ ней ихъ собственныя лживыя статьи. Онъ самъ не чувствуетъ себя очень твердымъ на своемъ мѣстѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ подписалъ это письмо[2] съ другими министрами, которые къ счастью ушли съ тѣхъ поръ, и поэтому онъ старается болѣе или менѣе ладить съ партіей *Гучкова.* Они говорятъ, что умный министръ финансовъ могъ бы легко поймать *Гучкова* въ ловушку и обезвредить его, разъ онъ не будетъ имѣть денегъ отъ евреевъ: Теперь этотъ кн.[3] *Татищевъ,* котораго я видѣла (онъ былъ въ кавалерійской школѣ, нѣтъ, кажется, въ кадетскомъ корпусѣ, съ начальствомъ его большой другъ), очень компетентный человѣкъ, знаетъ и почитаетъ глубоко нашего Друга и отлично ладитъ съ *Хвост*(овымъ). Между ними, кромѣ того, нѣкоторое родство — онъ въ высшей степени лойяльный человѣкъ и только желаетъ добра тебѣ и Россіи.

Его имя у многихъ на устахъ, какъ имя человѣка, способнаго спасти финансовое положеніе и исправить гаффы, которые надѣлалъ *Баркъ.* Онъ человѣкъ съ собственнымъ мнѣніемъ, ничего личнаго не домогается, богатъ, князь и врагъ клики *Тютчева — Самаринъ — онъ свой человѣкъ, нашъ и насъ не предастъ,* какъ говоритъ *Хв*(остовъ), и то, что онъ любитъ нашего Друга, конечно, Божья милость и говоритъ въ его пользу. Подумай о немъ и, когда ты увидишь Хвостова, поговори о немъ, такъ какъ Хвостовъ, понятно, не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла, которыя его не касаются, но съ нимъ они поработаютъ дружно. Онъ ненавидитъ *Гучкова* и этихъ московскихъ типовъ — онъ произвелъ на меня въ самомъ дѣлѣ хорошее впечатлѣніе. Это *Андронниковъ* безъ всякаго основанія дурно говорилъ о Т(атищевѣ) съ *Воейковымъ,* и онъ потомъ въ этомъ сознался. Представь себѣ, княгиня *Палѣй* знаетъ даже это (Аня представилась, что она совершенно невинна и ничего объ этомъ не знаетъ) — и передавала все то хорошее, что говорятъ о кн. *Татищевѣ.* Прилагаю справку о немъ, которую я просила *Хв*(остова) для меня написать.

---

[1] Д. Л. Рубинштейнъ пріобрѣлъ большинство паевъ Нов. Времени.
[2] Противъ принятія Государемъ верховнаго командованія.
[3] Такъ нѣсколько разъ вмѣсто «графъ».

Въ своемъ *Лужскомъ* имѣніи[1] онъ только что нашелъ сѣрный (?) источникъ и уголь — это я тебѣ говорю только, какъ интересный фактъ. Право, повидай его, когда ты пріѣдешь, и имѣй съ нимъ спокойную бесѣду. Конечно, если кабинетъ будетъ все болѣе объединенъ, вся работа пойдетъ лучше, и кромѣ того, они всѣ будутъ стоять за нашего Друга изъ любви къ тебѣ и уваженія къ Нему.

Беби тебѣ написалъ французское письмо, пошли ему телеграмму, это обрадуетъ ребенка.

Теперь я должна кончать.

Прощай, мой милый мужъ, сердце моего сердца, многострадальный мой голубчикъ, я не могу спокойно о тебѣ думать, у меня сердце сжимается отъ боли. Я жажду увидѣть тебя, наконецъ, освобожденнымъ отъ волненій и тревогъ — видящимъ, какъ честно выполняютъ твои приказанія и служатъ тебѣ ради тебя самого. У тебя такъ много тяжкихъ ношъ. Богъ въ самомъ дѣлѣ возложилъ на твои плечи тяжелое бремя. Но Онъ (Богъ) тебѣ не измѣнитъ, Онъ дастъ тебѣ мудрость и силу, которыя тебѣ нужны, и вознаградитъ твое всегдашнее терпѣніе и твою кротость. Я только хотѣла бы быть тебѣ полезнѣе — все такъ трудно, такъ сложно, тяжко теперь, и мы не можемъ быть вмѣстѣ, это самая тяжелая сторона.

Думаешь ли ты, что есть перемѣна въ твоемъ планѣ скораго возвращенія?

Богъ да благословитъ и охранитъ тебя, утѣшитъ тебя въ твоемъ одиночествѣ и услышитъ твои молитвы.

Покрываю тебя нѣжными горячими поцѣлуями, прижимаю къ моему сердцу и хотѣла бы успокоиться на твоей груди и такъ остаться, забывъ обо всемъ, что рветъ сердце на части.

Навсегда, душка, вся твоя

«Солнышко».

№ 179.

20 декабря 1915 г.

Мой родной голубчикъ,

Ну, вотъ былъ сюрпризъ получить твое второе милое письмо. Благодарю тебя за него отъ всего сердца. Я рада, что ты опять уѣхалъ и у тебя будетъ меньше времени чувствовать одиночество и потомъ эти войска такъ долго тебя ждали. Теперь тоже не такъ холодно, это хорошо для смотровъ. Могу себѣ представить какъ старый грѣховодникъ[2]

[1] У гр. Татищевыхъ было родовое имѣніе въ Лужскомъ уѣздѣ.
[2] Гр. Фредериксъ, числившійся въ Л.-гв. конномъ полку.

проѣхалъ мимо тебя во главѣ своего эскадрона — слава Богу, что все прошло — но я надѣюсь, что онъ другимъ ничѣмъ не мѣшаетъ тебѣ въ твоихъ движеніяхъ.

Какая радость, что ты можешь быть здѣсь 24 — ты напейся чаю въ поѣздѣ, и мы зажжемъ дѣтскую елку, когда ты пріѣдешь. Мы къ тому времени уже покончимъ съ елкой для прислуги и для дамъ. Голова идетъ кругомъ отъ всего, что нужно сдѣлать, и я чувствую себя измученной, но все таки я собираюсь пойти на короткое время въ церковь, такъ какъ сынъ *Лили* Д(енъ) сегодня утромъ въ нижней церкви принимаетъ православіе — будетъ наверху стоять во время обѣдни и пойдетъ причащаться въ первый разъ въ своей жизни — онъ мой крестникъ. Такъ какъ *Дрентельнъ* завтракаетъ у Изы, мы просили его потомъ спуститься, чтобы съ нимъ проститься, такъ какъ онъ не подумаетъ самъ это сдѣлать.

Какъ странно себѣ представить, что ты произведенъ въ англійскіе фельдмаршалы. Это хорошо, теперь я собираюсь заказать красивый складень, изображающій англійскаго, шотландскаго и ирландскаго святыхъ, Св. Георгія, Св. Михаила и Св. Андрея, чтобы ты могъ благословить ими англійскую армію — хотя въ сущности, Св. Патрикъ покровитель Ирландіи. Я сегодня видѣла въ газетахъ то, что ты написалъ насчетъ нашего наступленія къ югу до проволочныхъ загражденій и т. д. Богъ да благословитъ войска успѣхомъ.

Я хотѣла бы знать, что Б(откинъ) тебѣ сказалъ насчетъ Мамаши.

Сегодня утромъ десять градусовъ мороза и деревья такъ густо покрыты снѣгомъ, какъ когда ты былъ тутъ. Беби уже началъ выходить, и я надѣюсь, что у него скоро опять порозовѣютъ щечки. Сегодня двадцать дней кончины Сони. Теперь теряешь представленіе о времени — кажется, что оно было вчера, а потомъ опять словно это было вѣка тому назадъ — одинъ день кажется годомъ, въ эти серьезныя времена страданій и тревогъ.

Моя птичка, я должна вставать и одѣваться въ церковь. Прощай, мой любимый, моя радость, моя жизнь, мой единственный и мое все. Благословляю и нѣжно цѣлую тебя и прижимаюсь къ тебѣ.

Навсегда, моя душка, вся твоя старая женка

Аликсъ.

Какъ будетъ хорошо, если ты увидишь *Эриванцевъ, Грузинцевъ* и другихъ кавказцевъ, можетъ быть, моихъ сибиряковъ. Я получила очень хорошую телеграмму отъ *Лейбъ-Егерей* съ благодарностью за образъ и за ленту[1].

---

[1] См. выше.

№ 180.

Царское Село, 21 декабря 1915 г.

Моя душка,

Какъ я рада, что ты былъ доволенъ всѣмъ, что ты видѣлъ вчера, и что погода была не слишкомъ холодна. Сегодня у насъ только три градуса, и Беби наслаждается своей ежедневной прогулкой по саду. Вчера я была у обѣдни — на второй половинѣ, потому что я хотѣла присутствовать при томъ, какъ сынъ *Лили Денъ* въ первый разъ причащался, онъ мой крестникъ, онъ сталъ православнымъ сегодня утромъ. Описаніе ея путешествія съ *Гротеномъ* въ послѣдній разъ отсюда въ деревню очаровательно — они спали въ одномъ отдѣленіи, онъ надъ ея головой, такъ какъ не было другого мѣста — хорошо, что это не была Аня.

Эрдели сегодня будетъ у меня, не знаю зачѣмъ, можетъ быть вслѣдствіе невѣрнаго приказанія, которое онъ далъ отъ твоего имени, и отъ котораго онъ хочетъ, вѣроятно, очиститься, но я не знаю, какъ это можетъ ему удаться. Вчера *Дрентельнъ* съ нами простился — съ глазами полными слезъ — онъ уѣзжаетъ 26 вечеромъ и надѣется имѣть шансъ до того съ тобой проститься. Здѣсь ты, навѣрное, попадешь въ безумную суматоху, цѣлыхъ три дня елки въ манежѣ, такая масса народу. Потомъ у меня былъ Митя Орбеліани, чтобы пересмотрѣть драгоцѣнности маленькой Сони и раздѣлить ихъ сообразно ея желанію — было грустно видѣть всѣ эти вещицы, которыми она такъ дорожила.

Тюдельсъ такъ изводитъ, никогда ничего не помнитъ, сто разъ переспрашиваетъ, и это не улучшаетъ моего почерка; боли головы и сердца меня мучатъ, и я страшно устала. Ради другихъ я вчера была у Ани, такъ какъ тамъ было два раненыхъ пріятеля дѣтей и толстякъ — пріятель Мари — такъ что мнѣ пришлось посидѣть съ Аней.

Дорогая душка, я теперь должна проститься. Будь здоровъ, мое сердце и душа никогда не оставляютъ тебя. Благословляю и цѣлую безъ конца, милый мой муженекъ.

Вся твоя женка.

№ 181.

22 декабря 1915 г.

Моя птичка,

Поздравляю тебя съ именинами нашей маленькой Анастасіи. Было грустно безъ тебя давать ей подарки, у насъ молебенъ въ моей комнатѣ въ двѣнадцать съ половиной, а потомъ, можетъ быть, я немного выѣду на воздухъ, такъ какъ два градуса тепла, нѣтъ вѣтра, отъ времени до времени идетъ снѣжокъ. Это первый день, что снѣгъ спалъ съ деревьевъ и они стоятъ совсѣмъ голыя.

Нашъ Другъ все думаетъ и молится о войнѣ. Онъ говоритъ, что мы должны Ему сейчасъ же сказать, если случится что нибудь особенное — поэтому она[1] сказала Ему насчетъ тумана, и Онъ ее выбранилъ за то, что она не сказала сразу, — говоритъ, что туманы больше не будутъ мѣшать.

Алексѣй и Шутъ[2] только что отправились въ садъ, эти прогулки для него такъ полезны. *Веселовскій* телеграфировалъ, что ты видѣлъ 20-го мою *роту* — я за нихъ рада. Нашъ раненый *Куновъ* можетъ былъ тамъ, или другой раненый *Малѣевъ.*

Я видѣла *Эрдели* — ну, исторія крайне не ясна, по моему, такъ какъ онъ увѣряетъ, что никогда съ тобой лично не говорилъ насчетъ *Андронникова,* и что онъ никогда не писалъ такой телеграммы: онъ думаетъ, что она была составлена на телеграфѣ, на что я возразила, что они не посмѣли бы выдумать или использовать твое имя и при томъ, какое же могло быть основаніе? Тогда онъ говоритъ, что это вина *Маслова,* можетъ быть это ему представилось по ошибкѣ — но я ему сказала, чтобы онъ выяснилъ въ штабѣ, въ городѣ, кто написалъ и кто получилъ приказаніе отъ *Эрдели* и при томъ якобы «по твоему повелѣнію» — я добросовѣстно вѣрю, что Эрдели это сдѣлалъ, потому что онъ наговорилъ мнѣ всякой всячины — разную чепуху, ты знаешь, я не люблю его и его косыхъ глазъ, и манеръ. Потомъ онъ сказалъ мнѣ разныя хорошія вещи насчетъ *Гротена* (онъ, навѣрное, смотритъ на него, какъ на протеже моего и Ани, такъ какъ Э(рдели) былъ въ послѣдніе годы страшно грубъ по отношенію къ Анѣ во время его большой дружбы со *Станой).*

Мой уланъ *Гурьевъ* сидѣлъ со мной часъ (тоже хорошо отзывался о *Гротенѣ* и *Масловѣ),* былъ милъ и интересенъ, отличный *духъ* — то что нужно въ молодомъ офицерѣ.

Какъ странно тебѣ должно было показаться увидѣть наши войска въ тѣхъ мѣстахъ, которыя тебѣ были знакомы по старой Ставкѣ. Наступаемъ ли мы тамъ хоть сколько нибудь или же мы закрѣпились со времени отступленія? Мнѣ кажется, что въ южномъ направленіи мы беремъ массу плѣнныхъ и медленно, но упорно, подвигаемся.

Я приготовила разныя вещи для Н. П. Мы сшили ему шелковую рубаху, я связала носки, потомъ достали резиновый тазъ и кувшинъ, какъ тѣ, которые я въ прошлое рождество подарила Родіонову и т. д.

Тебя долженъ освѣжить осмотръ войскъ, вѣроятно, ты ѣдешь на моторѣ и ходишь. лошадей туда доставить невозможно.

---

[1] Аня.
[2] Собака.

Душка, я теперь должна кончать. Цѣлую и благословляю тебя безъ конца, ласкаю и люблю болѣе, чѣмъ могу сказать.

Навсегда вся твоя.

Хвост(овъ) сказалъ Анѣ, что онъ, *Наумовъ* и *Треповъ* выработали планъ для *продовольствія* на два мѣсяца — слава Богу, послѣ пятнадцати мѣсяцевъ они, наконецъ, выработали планъ.

М-мъ *Антонова* вернулась изъ *Ливадіи* — я прилагаю фіалку, подснѣжникъ и другіе пахучіе цвѣтки оттуда.

№ 182. 30 декабря 1915 г.[1]

Мой любимый, драгоцѣнный,

Опять ты уѣхалъ одинъ, и я съ тяжкимъ сердцемъ прощаюсь съ тобой. Опять не будетъ надолго твоихъ поцѣлуевъ и нѣжныхъ ласкъ. Я хочу слиться съ тобой, крѣпко держать тебя въ своихъ объятіяхъ и дать тебѣ почувствовать мою безконечную любовь. Ты моя жизнь, мой милый, и всякая разлука причиняетъ мнѣ такую безконечную душевную боль, это разрывъ съ тѣмъ, что дороже и священнѣе всего. Дай Богъ, чтобы это было не надолго — другіе безъ сомнѣнія найдутъ меня глупой и сентиментальной, но я слишкомъ глубоко чувствую и слишкомъ интенсивно, и моя любовь бездонно глубока, моя дорогая птичка. И я знаю все, чѣмъ обременено твое сердце, всѣ заботы и тревоги, все, что такъ важно и серьезно, всю тяжелую отвѣтственность, которую мнѣ такъ хотѣлось бы раздѣлить съ тобой и взять бремя на мои плечи. Молишься и вновь молишься съ вѣрой, надеждой и терпѣніемъ — придутъ лучшія времена, и ты, и твоя страна будете вознаграждены за всѣ страданія и за пролитую кровь. Всѣ, кто пали «и горятъ какъ свѣтильники передъ Божьимъ престоломъ»[2], молятся за побѣду и за успѣхъ — и тамъ, гдѣ бьются за правое дѣло, достигнутъ конечнаго успѣха. Хотѣлось бы только, чтобы поскорѣе пришли какія нибудь хорошія извѣстія, чтобы успокоить безпокойные умы здѣсь и устыдить ихъ маловѣріе. На этотъ разъ мы не видѣлись спокойно, были вдвоемъ только три четверти часа въ сочельникъ и вчера полчаса — въ постели нельзя разговаривать, всегда такъ страшно поздно, а утромъ нѣту времени. Такъ что это твое посѣщеніе пролетѣло мимо, а потомъ рождественскія елки у тебя каждый день отнимали время, — но я благодарна, что ты пріѣхалъ, такъ какъ, не считая нашей

[1] За время пребыванія Государя въ Петербургѣ фрейлина М. А. Васильчикова лишена этого званія и выслана подъ надзоръ полиціи въ одно изъ своихъ имѣній на югѣ Россіи. М. В. Родзянко сдѣлалъ подробный докладъ о работахъ Гос. Думы.

[2] Слова Распутина.

собственной радости, твое милое присутствіе обрадовало нѣсколько тысячъ, видѣвшихъ тебя здѣсь. Новый Годъ не идетъ въ счетъ, но все же, не начинать его вмѣстѣ въ первый разъ за 21 годъ, немного грустно. Я боюсь, что это письмо звучитъ ворчливо, на самомъ дѣлѣ я этого не хотѣла, но только у меня на сердцѣ тяжело, и твое одиночество для меня источникъ горя. Другіе, которые менѣе привыкли къ семейной жизни, гораздо менѣе ощущаютъ такую разлуку. Хотя у меня сердце не въ порядкѣ, все же я приду, чтобы тебя проводить, а потомъ пойду въ церковь и буду искать тамъ силъ и молиться за твое путешествіе и за побѣду.

Прощай, мой ангелъ, супругъ моего сердца, завидую моимъ цвѣтамъ, которые поѣхали съ тобой. Крѣпко прижимаю тебя къ моей груди, цѣлую каждое дорогое мѣстечко съ нѣжной любовью, я твоя маленькая женщина, для которой ты все на этомъ свѣтѣ. Богъ да благословитъ и охранитъ, и защититъ тебя отъ всякаго зла, и твердо и безопасно направитъ тебя въ этомъ Новомъ Году. Пусть Онъ принесетъ славу и прочный миръ, и награду за все то, что стоитъ тебѣ эта война. Нѣжно прижимаю мои губы къ твоимъ и стараюсь все забыть, глядя въ твои прелестные глаза. Я положила свою усталую голову на твою дорогую грудь. Сегодня утромъ я пыталась успокоиться и найти силы для разлуки. Прощай, мой маленькій, моя птичка, мое солнышко, мой мужененкъ, мой собственный. Навсегда, и за гробомъ твоя жена и другъ

«Солнышко».

( ) я поцѣловала это мѣсто. Прилагаемый маленькій календарь, можетъ быть, тебѣ еще понадобится.

№ 183.

31 декабря 1915 г.

Моя душка,

Это послѣдній разъ, что я пишу тебѣ въ 1915 году. Изъ глубины сердца и души молю Бога всемогущаго особенно благословить 1916 годъ для тебя и твоего возлюбленнаго государства. Пусть онъ увѣнчаетъ всѣ твои начинанія успѣхомъ, наградитъ войска за всю ихъ храбрость, пошлетъ намъ побѣду, покажетъ нашимъ врагамъ, на что мы способны. Солнце свѣтило пять минутъ передъ твоимъ отъѣздомъ и *Шахбаговъ* замѣтилъ, что такъ было каждый разъ, что ты уѣзжалъ въ армію. Сегодня солнце ярко свѣтитъ и 18 градусовъ мороза. И такъ какъ нашъ Другъ говоритъ, что надо всегда обращать вниманіе на погоду, мнѣ вѣрится, что это въ самомъ дѣлѣ доброе предзнаменованіе.

И да будетъ спокойствіе внутри — и да будутъ раздавлены эти мятежные элементы, которые стараются разрушить государство и даютъ тебѣ только безконечныя тревоги. Я вчера вечеромъ молилась до тѣхъ поръ, пока мнѣ начало казаться, что у меня сердце разорвется, и я выплакала всѣ глаза. Я не могу подумать обо всемъ, что приходится тебѣ переносить, и ты совсѣмъ одинъ такъ далеко отъ насъ. Ахъ, мое сокровище, мое солнце, моя любовь!

Мы со станціи прямо отправились въ *Знаменье,* дорогой Беби поставилъ также тамъ свѣчи. Я не знаю, какъ мы встрѣтимъ этотъ Новый Годъ. Я люблю быть въ церкви — но дѣтямъ это скучно — сердцу моему хуже, такъ что я еще не могу рѣшиться. Во всякомъ случаѣ, грустно что мы не будемъ вмѣстѣ, и ты мнѣ страшно недостаешь — и твои пустыя комнаты безъ нашего солнечнаго луча, бѣдный ангелъ, какая безконечная жалость наполняетъ мое сердце за тебя и такое желаніе держать тебя крѣпко въ моихъ объятіяхъ и покрывать тебя поцѣлуями. Беби только что ушелъ въ садъ. Теперь я должна кончать — еще разъ благословляю и шлю пожеланія на грядущій годъ.

Богъ да благословитъ тебя, моя душка, мой возлюбленный ангелъ. Цѣлую тебя безъ конца и остаюсь твоей глубоко, глубоко любящей старой женкой

Аликсъ.

Аня посылаетъ свое благопожеланіе, любовь и поцѣлуй на Новый Годъ. Только что получила твою телеграмму. Мнѣ такъ жалко, что ты не спалъ, навѣрное, было слишкомъ жарко, ты былъ переутомленъ, измученъ и печаленъ. Мое настроеніе тоже самое грустное.

№ 184.

Царское Село, 1 января 1916 г.

Мой любимый ангелъ,

Наступилъ Новый Годъ, и я тебѣ посылаю первыя слова, написанныя моимъ перомъ. Посылаю тебѣ благословеніе и безграничную любовь. У насъ былъ молебенъ въ другой части дома въ половинѣ двѣнадцатаго, а потомъ я отвѣчала на телеграмму и сама молилась до двѣнадцати — я слышала, стоя на колѣняхъ, какъ звонили церковные колокола, и я плакала и молилась сердцемъ и душой.

Дорогая моя птичка, что то ты дѣлаешь, былъ ли ты въ церкви? Быть одному въ твоихъ пустыхъ комнатахъ — такое грустное ощущеніе.

Вчера я видѣла счастливаго человѣка. Это былъ *Волковъ,* я его назначила своимъ третьимъ камерлакеемъ, такъ какъ прочіе слишкомъ стары и такъ часто бываютъ при смерти — онъ плакалъ, когда благо-

дарилъ меня. Мы вспомнили, какъ онъ привезъ намъ подарокъ въ Кобургъ, когда мы обручились, и я помню его еще ранѣе въ Дармштадтѣ. Я не могу писать больше сегодня ночью, мои глаза слишкомъ болятъ. Спи хорошо, мой драгоцѣнный, мое солнышко.

Здравствуй, мой муженекъ. Сегодня 22 градуса мороза, яркая погода. Я плохо спала, сердце болѣло. Сегодня утромъ оно болѣе расширено, такъ что я должна провести этотъ день въ постели. Грустно за дѣтей: если мнѣ будетъ лучше, я опять перейду на диванъ сегодня вечеромъ, чтобы дать провѣтрить эту комнату.

Я получила телеграмму отъ Сандро [1] изъ города. Я рада, что бѣдная маленькая Ксенія не одна, такъ какъ она чувствуетъ себя очень плохо.

Жажду извѣстій отъ тебя, такъ какъ имѣла только телеграмму послѣ твоего пріѣзда 24 часа тому назадъ, и мои мысли тебя не покидаютъ. Такъ какъ у Беби чуть-чуть болитъ горло, онъ остался дома. Остальныя пошли въ церковь. Дорогое сокровище, я надѣюсь, что это яркое солнце принесетъ благословеніе нашимъ войскамъ и дорогой странѣ и будетъ свѣтить въ твоей жизни лучами яркой надежды, силы и храбрости. Мнѣ приходится отвѣчать на массу телеграммъ. Вчера я принимала м-мъ *Хвостову* (юстиціи) [2] и ея хорошенькую дочь, которая на будущей недѣлѣ выходитъ замужъ, прежде чѣмъ ея женихъ, молодой артиллерійскій офицеръ, вернется на фронтъ. У него было семнадцать ранъ. Потомъ я принимала трехъ раненыхъ офицеровъ *Вильчковскаго* и одного *Калмыка*, ихъ священника, который просилъ меня пораньше въ этомъ году отправить изъ лазарета раненыхъ на *кумысъ* — они хотятъ также устроить *здравницу*, что было бы великолѣпно. Ну, въ постели до меня не доберутся и, можетъ быть, это будетъ лучше и поможетъ моему сердцу скорѣе поправиться. Аня провела ночь въ городѣ, она туда отправилась уже послѣ пяти — и послѣ того какъ говорила по телефону по приказанію нашего Друга. Она мнѣ передала то, что я должна тебѣ сказать тотчасъ же по поводу трамваевъ. Я знаю, что *Алекъ* [3] разъ попробовалъ это прекратить и сразу были скандалы — какой то генералъ далъ это распоряженіе, это совсѣмъ нелѣпо, такъ какъ имъ часто приходится проѣзжать большія разстоянія, и трамвай ихъ довозитъ [4]. Повидимому, одинъ офицеръ ради порядка вытолкалъ солдата изъ трамвая, и тотъ попробовалъ его ударить; — а теперь такъ страшно холодно, — и въ самомъ дѣлѣ все это

[1] В. Кн. Александра Михайловича.

[2] Жену м-ра юстиціи.

[3] Принцъ Алдр. Петр. Ольденбургскій.

[4] Рѣчь идетъ о послѣдовавшемъ въ то время запрещеніи солдатамъ безплатно ѣздить въ трамваѣ.

вызываетъ скверныя исторіи — наши офицеры не всѣ джентльмены, такъ что ихъ способъ объясняться съ солдатами, вѣроятно, часто «съ помощью кулака» — почему люди всегда придумываютъ новыя основанія для неудовольствія и скандаловъ, когда все идетъ гладко. — *Бѣлецкій* захватилъ шайку и брошюры, которыя были напечатаны къ девятому [1], чтобы опять забросать грязью — такъ какъ они знаютъ нашего Друга, Богъ поможетъ имъ служить тебѣ.

Дѣти завтракаютъ въ сосѣдней комнатѣ и удивительно шумятъ. Неожиданно прибылъ *инж. мех.* [2] и такимъ образомъ мѣшаетъ принимать лекарство, что очень скучно.

Въ эту минуту совершенно неожиданно принесли твое письмо. Ахъ, спасибо, моя душка, нѣжно благодарю тебя за твои сладкія слова, которыя согрѣли мое больное сердце, это лучшій подарокъ для начинающагося новаго года. Ахъ, любовь моя, какъ хорошо услышать такое нѣжное слово, ты не знаешь, какое оно имѣетъ для меня значеніе и какъ ты мнѣ недостаешь. Жажду твоихъ поцѣлуевъ и твоихъ объятій. Ты, стыдливое дитя, даришь ихъ мнѣ только въ темнотѣ, а твоя женка ими живетъ; я не люблю о нихъ просить, какъ Аня, но когда я ихъ получаю, они моя жизнь, и когда тебя нѣтъ, я вспоминаю всѣ твои нѣжные взгляды и каждое слово и ласку.

Беби получилъ прелестную телеграмму отъ всѣхъ иностранцевъ въ *Ставкѣ*, на память о маленькой комнатѣ, въ которой они сидѣли и болтали во время закуски.

Аня принесла тебѣ цвѣтокъ отъ нашего Друга съ его благословеніемъ, любовью и добрыми пожеланіями. Прощай, мой дорогой ангелъ, благословляю и цѣлую тебя еще и еще разъ.

Вся твоя женка.

№ 185.

Царское Село, 2 января 1916 г.

Моя любимая душка,

Чудное яркое солнце, 20 градусовъ мороза. Я спала плохо, такъ какъ голова продолжаетъ болѣть. Поэтому прости это короткое письмо. Я лежала на диванѣ вчера отъ девяти до одиннадцати, но потомъ голова разболѣлась по настоящему, поэтому я сегодня опять остаюсь въ постели, такъ какъ голова и сердце больше болятъ, когда я двигаюсь. М(арія) и А(настасія) на часъ пошли въ церковь изъ за Ани, которая

[1] Годовщина 9-го января 1905, когда на Дворцовой площади войска стрѣляли въ рабочихъ, желавшихъ видѣть Царя и подать ему просьбу.

[2] Обычное условное выраженіе.

причащается, остальные были въ лазаретѣ и теперь завтракаютъ въ сосѣдней комнатѣ. Никакихъ извѣстій съ фронта — это показываетъ, что погода еще не улучшилась. Я ошиблась: *Сандро* здѣсь нѣту, это другой [1] телеграфировалъ мнѣ. Сергѣй тоже опять въ городѣ. *Николаша* телеграфировалъ отъ имени семьи. — Мой любимый, мой одинокій голубчикъ, мое старое сердце болитъ по тебѣ, я такъ хорошо понимаю это чувство пустоты, несмотря на то, что такъ много народу кругомъ. Нѣтъ никого, чтобы тебя приласкать. Когда Аня говоритъ о своемъ одиночествѣ, это меня сердитъ, у нея Нини, которую она нѣжно любитъ, она дважды въ день къ намъ приходитъ — каждый вечеръ она съ нами проводитъ четыре часа, — и ты ея жизнь, и она ежедневно получаетъ ласки отъ насъ обоихъ и благословеніе, а у тебя сейчасъ ничего нѣтъ, только все въ мысляхъ и издали. Ахъ, имѣть бы крылья и улетать къ тебѣ каждый вечеръ, чтобы тебя утѣшить моей любовью. Жажду держать тебя въ своихъ объятіяхъ, покрывать тебя поцѣлуями и чувствовать, что ты мой собственный. Кто бы ни посмѣлъ тебя назвать «мой собственный», ты все же мой, мое сокровище, моя жизнь мое солнце, мое сердце. 32 года назадъ мое дѣтское сердце уже пошло тебѣ навстрѣчу съ глубокой любовью. Понятно, ты прежде всего принадлежишь своей странѣ, и это ты показываешь во всѣхъ своихъ дѣлахъ, мой дорогой. Я только что прочла все, что ты пишешь арміи и флоту, какъ привѣтъ на новый годъ. — Далъ ли ты знать по поводу рожденія (Вильгельма), что они [2] могутъ его праздновать тѣмъ же способомъ, какимъ отпразднованъ былъ твой день рожденія [3]. Беби началъ писать вчера свой первый дневникъ. Марія ему помогала, его орфографія, понятно, курьезна. Я больше не могу сегодня писать, каждая моя мысль съ тобой. Благословляю тебя горячо и посылаю горячіе «мягкіе» поцѣлуи. Навсегда, мой муженекъ, твоя нѣжно любящая, глубоко преданная маленькая женка. Перечитываю твое письмо и люблю его.

№ 186.

Царское Село, 3 января 1916 г.

Моя душка,

Сегодня утромъ только пять градусовъ, какая большая перемѣна! Я еле спала сегодня ночью — послѣ четырехъ до пяти съ половиной, послѣ семи до девяти. Головѣ лучше, сердце болѣе расширено, такъ что

---

[1] Алдръ. Георгіевичъ Романовскій.
[2] Нѣмецкіе плѣнные въ Россіи.
[3] Русскими плѣнными въ Германіи; какъ видно изъ дальнѣйшаго, рѣчь идетъ не о днѣ рожденія, а объ именинахъ (6-го декабря).

опять остаюсь въ постели. Вчера я съ девяти до одинадцати вставала и опять лежала на диванѣ. Мнѣ грустно что у Маши[1] отнимаютъ шифръ[2], но разъ это сдѣлано, нужно сказать, что тутъ есть господа, которые позволяютъ себѣ говорить вещи, за которыя ихъ вышитые золотомъ мундиры и аксельбанты на будущее время также придется отъ нихъ отнимать. Дай *Максимовичу* приказаніе прислушиваться къ разговорамъ въ клубѣ. — *Хвост*(овъ) просилъ *Фредерикса* помочь ему, но этотъ послѣдній не могъ или не хотѣлъ понять необходимости. Увы, *Бор. Васильчиковъ*[3] очень измѣнился къ худшему и также многіе другіе. Ахъ, имъ нужно почувствовать твою власть, теперь надо быть строгимъ. А. (Аня) была страшно счастлива получить твою телеграмму и говоритъ, что она написала никуда негодный отвѣтъ отъ имени своихъ родителей, хотя она выпустила половину тѣхъ оффиціальныхъ вещей, которыя старикъ[4] хотѣлъ, чтобы она написала.

Посылаю тебѣ цѣлую коллекцію писемъ[5]. Прости плохой почеркъ, я не знаю почему, я не могу ровно писать этимъ механическимъ перомъ, вѣроятно, потому что оно слишкомъ твердое. Прилагаю открытку, сдѣланную изъ фотографіи Беби, которую Ганъ[6] снималъ въ *Ставкѣ*, когда вы тамъ были, она такъ хороша. Идетъ снѣгъ. — Какъ я скучно пишу. Но я подавлена, и мое настроеніе не веселое, такъ что я не могу пріятно писать. Дѣти ѣдятъ въ сосѣдней комнатѣ, болтаютъ и стрѣляютъ изъ своихъ игрушечныхъ пистолетовъ. О, мой милый ангелъ, мой родной, я такъ жажду твоихъ любящихъ объятій, чтобы ты крѣпко меня въ нихъ держалъ. Какое утѣшеніе, твое любящее письмо. Я продолжаю его перечитывать и благодарить Бога, что я въ самомъ дѣлѣ кое-что значу для тебя. Мнѣ такъ этого хочется. Я люблю тебя такъ крѣпко, каждымъ фибромъ моего сердца. Богъ да благословитъ тебя, мое солнышко, мой единственный, мое все, цѣлую и цѣлую тебя безъ конца, непрестанно молюсь, чтобы Богъ услышалъ наши молитвы и послалъ утѣшеніе, силу, успѣхъ, побѣду, миръ, миръ во всѣхъ смыслахъ — я такъ страшно устала и измучена всѣми этими страданіями.

Навсегда, мой муженекъ, ты жизнь моей жизни, я счастлива и благодарна за всякую секунду любви, которую ты мнѣ далъ. Твоя маленькая женщина, твоя женка.

---

[1] М. А. Васильчиковой, см. выше.
[2] Фрейлинскій.
[3] Князь Б. А. Васильчиковъ, б. м-ръ земледѣлія.
[4] А. С. Танѣевъ.
[5] Ходатайства, поступавшія черезъ Распутина.
[6] Придворный Царскосельскій фотографъ.

№ 187.

Царское Село, 4 января 1916 г.

Родная моя душка,

Было такой неожиданной радостью получить твое милое письмо вчера днемъ. Благодарю тебя за него отъ всей глубины моего любящаго сердца. Мой день прошелъ какъ обыкновенно. Аня немного читала мнѣ въ теченіе дня. Съ девяти до двѣнадцати я лежала на диванѣ. Н. П. пришелъ къ чаю отъ десяти до одиннадцати, я его не видѣла съ прошлаго понедѣльника — ты мнѣ недоставалъ, моя душка, такъ какъ я никогда не пила съ нимъ чай безъ тебя, но онъ уѣзжаетъ, вѣроятно, восьмого въ соотвѣтствіи съ тѣмъ днемъ, когда ему надо встрѣтиться съ *Кирилломъ.* Сегодня вечеромъ онъ уѣзжаетъ на одинъ день, чтобы проститься со своими сестрами, Онъ разсказалъ намъ, какъ трогательно мила была съ нимъ Мамаша, держала его полчаса, бесѣдовала насчетъ *экипажа*[1], политики, старика[2], котораго она находитъ честнымъ, но говоритъ, что онъ *дуракъ,* такъ какъ онъ обидѣлъ *Булыгина*[3], — сказала, какъ глубоко она жалѣетъ, что Н. П. покидаетъ ея сына, что онъ такой вѣрный и честный другъ, вытащила изъ кармана образокъ и благословила его. Онъ былъ страшно тронутъ ея добротой. Повидимому, *Саблинъ 3,* (котораго иные, увы, считаютъ его братомъ) распространилъ исторію, что онъ[4] будто бы высланъ изъ *Ставки* подальше отъ тебя за то, что говорилъ противъ нашего Друга. Такой гнусный позоръ! — и теперь онъ изъ за этого опять менѣе охотно идетъ къ *Григорію,* такъ какъ теперь это бы имѣло видъ, будто онъ къ нему идетъ просить о себѣ, а между тѣмъ онъ долженъ былъ бы повидать Его, прежде чѣмъ отправляться на фронтъ. Его[5] благословеніе можетъ спасти его[6] отъ вреда. Я его опять повидаю и опять попрошу его пойти. Это предметъ, котораго надо касаться деликатно. — Манусъ тогда во всемъ навредилъ. *Ебыкинъ* видѣлъ его нѣсколько разъ и все сдѣлаетъ насчетъ доставленія людей, кажется, они оба будутъ ихъ смотрѣть до его отъѣзда. К. (Кириллъ) просилъ *Григоровича* попросить *Канина* послать офицеровъ съ «*Олега*», они послали за *Кожевниковымъ,* чтобы приготовить людей для его *роты.* Это совпало съ трехнедѣльнымъ отпускомъ — потомъ *Род.* и такъ далѣе, они не получили отпуска до настоящаго времени съ Пасхи, такъ какъ приходилось

---

[1] Гвардейскаго.
[2] Горемыкина.
[3] М-ра вн. дѣлъ въ 1904—05 гг.
[4] Т. е. Н. П. Саблинъ.
[5] Распутина.
[6] Саблина.

всегда быть наготовѣ въ С. (Севастополѣ) и О. (Одессѣ)[1]. *Гучковъ* очень боленъ — хотѣла бы, чтобы онъ переселился на тотъ свѣтъ, — хотѣла бы ради тебя и Россіи, такъ что это не грѣховное желаніе[2]. Дѣти вчера пошли къ *Силаевымъ*, О. (Ольга) и Т. (Татьяна), имъ было очень пріятно. Я такъ плохо спала, сердце расширено и голова болитъ, такъ что я остаюсь въ постели. Аня мечется во всѣ стороны, хлопочетъ объ устройствѣ своего *убѣжища*, такъ какъ она собирается туда принять нѣсколькихъ человѣкъ 6-го. Я также для нея собираю вещи и заказываю другія, которыя ей нужны. Говорятъ, что домъ выглядитъ такъ уютно; Татьяна пошла осматривать его. 15 градусовъ мороза сегодня. Bichette[3] въ отчаяніи писала м-мъ Зизи, чтобы просить твоего прощенія, что ея сына не было въ Несвижѣ, когда ты туда поѣхалъ. 17 мѣсяцевъ оттуда не уѣзжалъ и только тогда уѣхалъ на два дня, чтобы повидать свою мать и бабушку[4], которыя были нездоровы. Если бы онѣ знали, что ты пріѣзжаешь, она бы также полетѣла туда, чтобы съ тобой повидаться.

Беби серьезно пишетъ свой дневникъ, но онъ такъ забавенъ съ этимъ дневникомъ, — у него мало времени по вечерамъ, такъ что онъ пишетъ днемъ до обѣда. Вчера въ видѣ особеннаго удовольствія онъ долго оставался со мной, рисовалъ, писалъ и игралъ на моей постели. И такъ мнѣ хотѣлось, чтобы ты былъ съ нами. Ахъ, какъ я жажду тебя, мой любимый, — но это хорошо, что тебя здѣсь нѣтъ, такъ какъ я въ постели, и я бы никогда тебя не видѣла, такъ какъ они обѣдаютъ и завтракаютъ въ сосѣдней комнатѣ. Очень вѣтряно и холодно, Беби не выходитъ изъ за своего насморка, и *Поляковъ*[5] говоритъ, что еще нѣсколько лѣтъ ему не слѣдуетъ выходить, когда морозъ свыше 15 градусовъ, хотя я его раньше выпускала до 20 градусовъ. Ольга и Анастасія тоже простудились, у нихъ насморкъ, но онѣ посѣщаютъ лазаретъ и вчера катались въ саняхъ на тройкѣ. *Папа-Федоровъ*[6] и Ольга Евгеніевна пріѣхали въ городъ и надѣются ее[7] увидѣть.

Какъ поживаетъ маленькій адмиралъ и ладитъ ли онъ съ *Мордвиновымъ* во время игры въ домино? Какія новости у Граббе о нашихъ *Конвойцахъ!* Дѣти ѣдятъ и стрѣляютъ изъ своихъ противныхъ пи-

---

[1] Сокращенное изложеніе, понятное только для посвященныхъ въ разсказанныя здѣсь перипетіи.

[2] Гучковъ опасно заболѣлъ въ это время и, по сообщеніямъ газетъ, утрачена уже была надежда на его выздоровленіе.

[3] Княгиня Радзивиллъ, владѣлица имѣнія «Несвижъ».

[4] Графиню Браницкую.

[5] Докторъ Ѳед. Петр. Поляковъ, лейбъ-отіатръ.

[6] Офицеръ Гв. Экипажа, женатый на О. Е. Бюцовой.

[7] Аню.

столетовъ. Ксенія все еще очень слаба послѣ инфлуэнцы — у Феликса [1] свинка.

Душка, въ самомъ дѣлѣ ты думаешь ли теперь серьезно о *Штюрмерѣ?* Я думаю, что стóило бы рискнуть его германскимъ именемъ, такъ какъ мы знаемъ, какой онъ настоящій человѣкъ (мнѣ кажется, твоя старая корреспондентка о немъ говорила), и онъ хорошо будетъ работать съ новыми энергичными министрами [2]. Оказывается, они всѣ разъѣхались въ разныя стороны, чтобы попытаться все увидѣть своими собственными глазами — это хорошая вещь — также хорошо, что скоро будетъ пріостановлено сообщеніе между Москвой и *Петроградомъ.* Я рада, что тебѣ нравится книга, я не увѣрена, но мнѣ кажется, что ты какъ то давалъ мнѣ ее читать, не получилъ ли ты ее отъ *Сандро?*

Теперь, мое солнышко, моя радость, мой дорогой муженекъ, прощай Богъ да благословитъ тебя и охранитъ и поможетъ во всемъ. Нѣжно и страстно цѣлую тебя, моя птичка. Навсегда твоя до смерти женка.

№ 188.

Царское Село, 5 января 1916 г.

Моя родная душка,

Какая радость, я получила твое милое письмо отъ 3-го сегодня утромъ — навѣрное, сильная мятель задержала поѣзда. Мы всѣ шесть безконечно счастливы твоими письмами и благодаримъ тебя такъ нѣжно, какъ только возможно.

Яркое солнечное утро, 15 градусовъ и очень холодный вѣтеръ. Это хорошо, что ты нашелъ лопату для работъ. Попроси *Мордвинова* придти помочь тебѣ, иначе это одиночество должно сводить сума, и я чувствую, какъ тебѣ вездѣ долженъ недоставать нашъ милый Sunbeam.

Я немного лучше спала эту ночь и сердцу моему также лучше, хотя оно очень болитъ, и я все же чувствую себя никуда негодной, поэтому остаюсь въ кровати. Я еще не была въ состояніи начать принимать лекарство. Надѣюсь, что бѣдный *Валя* [3], у котораго отнялась спина, скоро поправится — передай ему мой привѣтъ. Анастасія простудилась, 37,5 и Беккеръ [4], и она не могла уснуть до очень поздняго часа. Ольга тоже слегка простужена и Беби чуть-чуть.

Какъ хорошо идутъ дѣла на Кавказѣ! — Сообщенія *Григоровича* и изъ германскихъ и австрійскихъ источниковъ, понятно, всегда говорятъ

---

[1] Кн. Юсупова младшаго.
[2] 20 января Штюрмеръ назначенъ предсѣдателемъ Совѣта Министровъ.
[3] Кн. Долгорукій.
[4] Условное обозначеніе.

совсѣмъ другое — и будто бы они на румынской границѣ имѣли удачу, а мы понесли страшныя потери — но вѣдь это послѣднее ты зналъ, еще будучи тутъ, неправда ли, и потери не слишкомъ страшныя, потому ты остался. *Гучкову* лучше!!

Какъ хорошо, что Гардингъ телеграфировалъ отъ имени всѣхъ — да, какъ вещи мѣняются на этомъ свѣтѣ!

Три старшія ушли въ церковь. Мнѣ хочется туда пойти, получить тамъ утѣшеніе и силу. Ахъ, моя птичка, я тебя люблю. Вотъ посылаю тебѣ карточку отъ Луизы. Твои милыя письма для меня такая радость, и я ихъ перечитываю и цѣлую безъ конца. Дорогой мой, любимый, солнце моей болящей души, я хотѣла бы быть съ тобой, далеко отъ всѣхъ этихъ заботъ и горестей, совсѣмъ вдвоемъ съ маленькими, чтобы немного отдохнуть и все позабыть — ахъ, такъ устаешь!

Мита Бенкендорфъ [1] разсказывалъ у Павла, что Маша [2] привезла письма отъ Эрни, Аня сказала, что она ничего объ этомъ не знаетъ, а Павелъ сказалъ, что это правда; — кто ему сказалъ? Они всѣ нашли правильнымъ, что у нея отняли шифръ. Я лично нахожу, что *С. Ив. Т.* [3] и Лили, которыя такъ гадко себя вели и были притомъ моими личными придворными дамами, гораздо болѣе заслуживали бы наказанія (и другіе мужчины также). Повидимому, было напечатано письмо какой то княгини Голицыной, обвиняющее ее [4] въ томъ, что она шпіонка (хотя я продолжаю не вѣрить этому, несмотря на то, что она дѣйствовала очень неправильно по глупости и, я боюсь, по жадности къ деньгамъ). Павелъ попрежнему обиженъ насчетъ Рауха — когда я его увижу, я, конечно, ему объясню вещи, которыя ясны, какъ день.

Я видѣла въ газетахъ, что милый *Ткаченко* умеръ въ *Харьковѣ* — мнѣ такъ грустно — сколько воспоминаній мирнаго счастливаго прошлаго связано съ его именемъ.

Этотъ старый другъ по «Штандарту» — *Кильхенъ* (я думала, что его имя пишется съ г) умеръ — такой стыдъ, что его выслали изъ Бессарабіи изъ за его германскаго имени [5]. Я никогда не слышала раньше этого имени. Здѣсь есть нѣмецкія имена, которыя по моему, нигдѣ не существуютъ въ другихъ мѣстахъ [6].

Я читала безконечное письмо отъ Макса къ Вики, которое онъ хотѣлъ, чтобы я прочла — онъ старается быть справедливымъ, но

---

[1] Д. А. Бенкендорфъ, близкій семьѣ В. Кн. Владиміра Александровича.
[2] Васильчикова.
[3] С. Ив. Тютчева.
[4] М. А. Васильчикову.
[5] Кильхенъ былъ уволенъ съ поста бессарабскаго губернатора.
[6] Императрица хочетъ сказать, что эти нѣмецкіе имена совсѣмъ обрусѣли.

это было болѣе чѣмъ трудно, такъ какъ, увы, онъ говоритъ много правды о томъ, что здѣсь дѣлается, и о плѣнныхъ — я могу только повторить, что, по моему, слѣдовало бы послать высокопоставленнаго чиновника съ M-me *Оржевской*, чтобы осмотрѣть наши тюрьмы, въ особенности въ Сибири. Это такъ далеко, и конечно, публика, увы, въ нашей странѣ рѣдко выполняетъ какъ слѣдуетъ свои обязанности, когда она не на глазахъ. Письмо меня огорчило, въ немъ много правды, и также вещи, которыя были невѣрны, и онъ говоритъ, что наши не повѣрятъ разсказамъ, которые распространяются насчетъ обращенія съ плѣнными у насъ (и они также у себя vice-versa не вѣрятъ) — я видѣла, что имъ также разсказали сестры насчетъ *Казаковъ*. Но все это слишкомъ тяжело, только я нахожу, что онъ правъ, когда говоритъ, что у нихъ нѣтъ достаточно пищи для того, чтобы обильно кормить плѣнныхъ, такъ какъ всѣ прервали ихъ снабженіе пищей извнѣ (теперь черезъ Турцію, я думаю, они много получаютъ) — а мы можемъ дать больше нужныхъ имъ[1] жировъ. Изъ Сибири поѣзда идутъ правильно — имъ нужны болѣе теплыя казармы и больше чистоты. Ради гуманности и для того, чтобы не смѣли дурно говорить о нашемъ обращеніи съ плѣнными, хотѣлось бы отдать строгое приказаніе съ угрозой наказанія тѣмъ, кто ихъ не будетъ выполнять — я не имѣю права вмѣшиваться, такъ какъ я «нѣмка», какъ нѣкоторые мерзавцы продолжаютъ меня называть, вѣроятно, для того, чтобы помѣшать моему воздѣйствію. У насъ такъ страшно холодно. Съ большимъ количествомъ пищи можно было бы спасти имъ жизнь, тысячи умираютъ — нашъ климатъ такъ страшно суровъ. Я надѣюсь, что Георгій и *Татищевъ*[2] осмотрятъ все на обратномъ пути и внимательно — особенно въ маленькихъ городахъ — и всюду будутъ совать свой носъ, такъ какъ на первый взглядъ не все можно замѣтить. *Фредериксъ* могъ бы послать телеграмму *Георгію* съ твоимъ приказаніемъ, — только упомянуть, что твоя Мамаша и я просимъ его поѣхать и осмотрѣть. Онъ не долженъ объ этомъ говорить прежде времени, иначе все будетъ нарочно подготовлено — *Татищевъ* можетъ помочь, такъ какъ онъ хорошо говоритъ по-нѣмецки и будетъ знать, какъ обращаться съ германскими офицерами и выяснить правду насчетъ обращенія съ ними, въ самомъ ли дѣлѣ ихъ били; было бы отвратительно, если бы это была правда, а тамъ вдали это могло случиться. Это и для насъ будетъ лучше, они также начнутъ поступать гуманнѣе, такъ какъ Максъ собирается въ память своей матери помогать намъ — такъ что, если Георгій это сдѣлаетъ, это будетъ отлично; и пошли также кого нибудь

[1] Плѣннымъ.
[2] Ген. Татищевъ, близкое къ Николаю II лицо, поѣхавшій съ нимъ въ Сибирь и погибшій одновременно съ нимъ.

другого сюда, а М-me *Оржевскую* въ *Сибирь,* чтобы встрѣтиться съ Георгіемъ. Эта идея твоей женки. Разъ ты теперь свободнѣе, почему ты не приготовляешь все для смѣны старика — я увѣрена, что онъ чувствуетъ, что онъ въ послѣднее время не поступалъ разумно, потому что онъ давно уже не старался повидаться со мной — увы, онъ понимаетъ, что онъ неправъ.

Дорогой мой, я послала Беби въ церковь для водосвятія, раньше у него были уроки.

Такое яркое солнце.

Я такъ рада, что у Ани есть эта работа съ ея *убѣжищемъ.* Нѣсколько разъ въ день она туда отправляется, чтобы за всѣмъ наблюдать, дѣлать заказы и столько нужно для 50 инвалидовъ, санитаровъ, сестеръ и т. д. *Вильчковскій, Ломанъ* и *Рѣшетниковъ* (изъ Москвы) помогаютъ ей — кажется, у нея 27.000 р. — все это ей дано, она не затратила ни одной своей копѣйки. Какъ хорошо, что наконецъ у нея есть какое то дѣло въ этомъ родѣ, нѣтъ времени хандрить, и Богъ благословитъ ее за это дѣло. Она благодаря этому въ теченіе недѣли сбавила фунтъ. Жукъ отъ этого въ восторгѣ. Завтра она приметъ первую партію солдатъ.

Итакъ, ты, моя душка, тоже только сегодня утромъ получилъ мое письмо — какъ это возможно? Потому ли что столько снѣгу или это опять вина нашихъ желѣзныхъ дорогъ — когда же наконецъ будетъ порядокъ, въ которомъ наша бѣдная страна во всѣхъ отношеніяхъ нуждается и который не въ природѣ славянъ!

Я читала, что Цетинье эвакуировано и что ихъ войска сдались.

Ну, теперь король и его сыновья и здѣшнія черныя дочери [1], которыя такъ безумно хотѣли этой войны [2], расплачиваются за всѣ свои прегрѣшенія передъ Богомъ и передъ тобой, такъ какъ онѣ пошли противъ нашего Друга, зная, кто Онъ такой. Богъ воздаетъ отмщеніе, но мнѣ грустно за населеніе, они всѣ такіе герои, а итальянцы такіе мерзкіе эгоисты, что они ихъ покинули въ нуждѣ — трусы.

Беби завтра напишетъ, онъ сегодня долго спалъ.

Благословляю и цѣлую тебя безъ конца съ горячей любовью, вся твоя маленькая женка.

Мнѣ говорятъ, что священникъ придетъ благословлять комнаты, такъ что я должна надѣть капотъ, а потомъ опять заберусь въ постель — это мило, что онъ не забылъ придти. Сегодня въ домѣ нѣтъ службы.

---

[1] Милица и Стана.

[2] Опубликованный дневникъ франц. посла въ Петербургѣ Палеолога вполнѣ подтверждаетъ это.

№ 189.

6 января 1916 г.

Мое дорогое сокровище,

Была такая радость получить два письма, которыя я перечитывала вчера такъ часто и покрывала поцѣлуями. Я легла въ постель въ половинѣ двѣнадцатаго и заснула только въ половинѣ четвертаго, какъ всегда теперь, и еще ихъ перечитывала и впивалась въ каждое нѣжное слово. Сердце опять расширено, хотя я вчера дважды принимала адонисъ. Я сказала *Боткину*, что мнѣ нужно на минуту подышать свѣжимъ воздухомъ — и онъ позволилъ мнѣ выйти на балконъ, такъ какъ только пять градусовъ и нѣтъ вѣтра. У бѣдной Анастасіи сегодня утромъ 38, и она спала очень плохо. Вначалѣ я боялась, что это можетъ быть начало кори, но они говорятъ, что нѣтъ, — такъ что я думаю, что это только инфлуэнца. Мари будетъ спать сегодня со старшими сестрами. Онѣ были въ церкви въ девять, а теперь въ лазаретѣ, крошка тоже туда идетъ. Мнѣ такъ недостаетъ мой лазаретъ, но нечего дѣлать.

О да, я часто думаю, какъ было бы чудно въ твои свободные часы уютно сидѣть возлѣ тебя и спокойно болтать безъ надоѣдливыхъ министровъ — кажется, какъ будто всѣ трудности и всѣ грустныя вещи одновременно сваливаются на тебя. Нашъ Другъ огорченъ по поводу черногорцевъ и тѣмъ, что врагъ все забираетъ, и Ему тяжело, что только удачи сопутствуютъ имъ, но Онъ всегда говоритъ, что конечная побѣда будетъ нашей, но только съ большимъ трудомъ, такъ какъ непріятель такъ силенъ. Онъ жалѣетъ, что начали это движеніе, кажется, не спросивши его, — Онъ бы сказалъ, что нужно подождать — Онъ всегда молится и обдумываетъ, когда придетъ хорошій моментъ наступленія, такъ чтобы не терять людей безъ пользы. Пожалуйста, поблагодари генерала Вильямса отъ имени Беби за красивыя открытки — ему будетъ интересно имѣть коллекцію. У Анастасіи бронхитъ, голова тяжела, ей больно глотать, она кашляла ночью, она пишетъ насчетъ *Острог*(орскаго) [1] «*хотя онъ сказалъ что видъ у меня немного лучше чѣмъ вчера, но я блѣдная и видъ дурацкій по моему*». Совсѣмъ похоже на *Швибзига* [2] — говорить такія вещи; это такъ скучно, что я не могу сидѣть съ милой душкой. Я думаю о тебѣ съ такой безконечной любовью и страдаю по поводу твоего одиночества. Возлѣ тебя нѣтъ никого молодого и веселаго, а это очень нужно, чтобы сохранить бодрость, когда есть тревоги и тяжелая работа. Я только что собрала десять простыхъ образовъ для *убѣжища* Ани. Она сегодня приметъ первую

[1] Лейбъ-педіатръ С. А. Острогорскій.
[2] Ласкательное уменьшительное для Анастасіи Николаевны.

партію. Ну, я полежала четверть часа на балконѣ, славный воздухъ, слышала колокольный звонъ, но я была рада опять вернуться въ постель — все еще чувствую себя не важно. Посылаю тебѣ прошеніе отъ нашего Друга, это по военному дѣлу. Онъ его только послалъ безъ всякихъ комментаріевъ, а потомъ еще письмо отъ Ани.

Сегодня недѣля, что ты отъ насъ уѣхалъ, мнѣ это кажется гораздо дольше, женкѣ недостаетъ ея солнышко, ея единственный и все въ ея жизни, и она жаждетъ приласкать и пріободрить его въ его одиночествѣ. Мой безконечно милый, мнѣ нечего тебѣ сказать интереснаго, такъ какъ я никого не вижу. Вчера получила телеграмму отъ *Мясоѣдова-Иванова* съ благодарностью за красивыя *пол. книжки*,[1] которыя я имъ послала — они передвинулись къ *Бѣлозеркѣ*, не знаю, гдѣ это.

Малама послалъ открытку Анѣ, говоря, что они уѣзжаютъ. «*И за дѣло, и идемъ для этого на западъ, мѣсто не особенно привѣтливо, но отдыхъ въ дырѣ тоже нехорошо, но не на очень долго. Вчера зашли на танцевальный вечеръ въ эскадронѣ гдѣ собрался весь деревенскій мондъ. Я лично искренне веселился и даже устраиваю сегодня тоже самое*». Теперь, мой дорогой ангелъ, мой единственный, мое все, крѣпко держу тебя въ моихъ объятіяхъ, долго и нѣжно смотрю въ твои милые прелестные глаза, цѣлую ихъ и тебя всего. Я, вѣдь, одна имѣю на это полное право, неправда ли? Богъ да благословитъ и охранитъ тебя и защититъ отъ всякаго зла. Навсегда твоя старая

«Солнышко».

Душка, сжигай ея[2] письма, такъ чтобы они никогда не попали въ чьи нибудь руки.

№ 190.

Царское Село, 7 января 1916 г.

Моя родная, любимая душка,

Я получила твое милое письмо послѣ того какъ отослала свое, спасибо за него отъ всей души, это прелестно, что ты мнѣ можешь писать каждый день, и я пожираю твои письма съ такой безконечной любовью.

Н. П. обѣдалъ съ Аней и потомъ провелъ вечеръ съ нами. Онъ былъ въ негодованіи по поводу Москвы и всѣхъ гадостей, которыя тамъ говорятъ, и ему было очень трудно разъяснить много гнусностей, которыя слышали его сестры, и устранить невѣрныя мнѣнія. Здѣсь онъ избѣгаетъ клубовъ, но друзья ему много разсказываютъ. Поѣздъ изъ *Севастополя* опоздалъ, такъ что онъ застрялъ на московской станціи

[1] Полевыя книжки.
[2] Ани.

съ одиннадцати до четырехъ и доѣхалъ въ Петроградъ въ пять вмѣсто одиннадцати. Онъ говоритъ насчетъ Мануса, что это невѣрно, будто онъ хочетъ перемѣнить свою фамилію, его враги распространяютъ о немъ эти вещи потому что они завидуютъ, что онъ получилъ этотъ чинъ и у него была непріятность съ *Мелюковымъ*,[1] который о немъ писалъ ложь, а теперь публика хочетъ возстановить противъ него маленькаго адмирала изъ злобы. Н. П. ѣхалъ въ поѣздѣ со старикомъ *Дубенскимъ*, который откровенно говорилъ съ нимъ по поводу старой *Ставки* и о всѣхъ исторіяхъ и «пріятныхъ» вещахъ насчетъ толстого Орлова, и о планахъ, которые онъ и другіе строили, совпадающихъ съ тѣмъ, что говорилъ нашъ Другъ. Я разскажу тебѣ, когда мы свидимся.

Имѣешь ли ты въ виду какіе нибудь планы или поѣздки, такъ какъ теперь тебѣ меньше дѣла и въ *Ставкѣ* должно быть такъ скучно. Душка, я не знаю, но я в с е т а к и п о д у м а л а б ы о Штюрмерѣ. У него голова с о в с ѣ м ъ достаточно свѣжа — ты видишь, *Хвостовъ* чуточку надѣется получить это мѣсто — но онъ слишкомъ молодъ. Штюрмеръ бы подошелъ на время, а потомъ, если ты захочешь найти другого, ты можешь его смѣнить, но только не давай ему перемѣнить свою фамилію «это ему больше повредитъ, чѣмъ если онъ сохранитъ свое старое и почетное имя» — ты помнишь, *Гр*(игорій) такъ сказалъ. Онъ очень цѣнитъ Гр(игорія), а это большая вещь. Ты знаешь, что *Волжинъ* упрямая дрянь и не хочетъ помогать *Питириму*, и не хочетъ уступать, если онъ не получитъ твоего спеціальнаго приказанія — боится общественнаго мнѣнія. *Питир(*имъ) хочетъ, чтобы *Никонъ* (этотъ мерзавецъ) назначенъ былъ въ Сибирь, ты помнишь, а В(*олжинъ*) хочетъ, чтобы онъ былъ въ *Тулѣ*, а митрополитъ находитъ, что будетъ нехорошо, если онъ окажется въ центрѣ Россіи, онъ долженъ быть подальше, тамъ гдѣ онъ меньше навредитъ, потомъ у него еще другіе хорошіе планы насчетъ жалованія духовенству, а *Волжинъ* съ этимъ несогласенъ и т. д. Должна ли я попросить П(итирима) написать мнѣ списокъ мѣръ, которыя онъ считаетъ необходимыми, и тогда я могу передать этотъ списокъ тебѣ, чтобы ты приказалъ *Волжину* все исполнить. *Пит(*иримъ) такъ уменъ, и у него такой широкій образъ мыслей, а другой — какъ разъ наоборотъ, изъ страха.

У Анастасіи температура вечеромъ была 38, она со мной говорила по телефону. Алексѣй пришелъ къ нашему обѣду въ халатикѣ въ 8,20 и писалъ свой дневникъ, съ которымъ онъ очень мило возится. Твое письмо пришло во время, такъ какъ дневникъ началъ ему становиться немного въ тягость, онъ не зналъ, когда у него будетъ время писать.

[1] П. Н. Милюковымъ.

Я такъ жажду твоихъ ласкъ, такъ хотѣлось бы держать тебя въ моихъ объятіяхъ и положить свою голову на твое плечо, какъ въ кровати, и близко прижаться, и лежать совсѣмъ спокойно на твоемъ сердцѣ, и чувствовать себя спокойной и отдыхающей. Столько горя и страданій, тревогъ и испытаній — такъ утомляешься, а надо держаться и быть сильной, чтобы ко всему быть готовой. Я хотѣла бы повидать нашего Друга, но я никогда Его не приглашаю въ домъ, когда тебя нѣтъ, такъ какъ публика такъ недоброжелательна. Теперь они увѣряютъ, что Онъ получилъ назначеніе въ *Соборѣ*, и благодаря этому Онъ долженъ также зажигать всѣ *лампадки* во дворцѣ во всѣхъ комнатахъ. Понятно, что этимъ хотятъ сказать — но это такой идіотизмъ, что всякій разумный человѣкъ можетъ только смѣяться надъ этимъ, — что я и дѣлаю.

Тебѣ не непріятно, что я теперь такъ часто вижу Н. П.? Но такъ какъ онъ уѣзжаетъ черезъ нѣсколько дней (его товарищи уѣхали), онъ цѣлые дни занятъ, а по вечерамъ совсѣмъ одинокъ и падаетъ духомъ. Послѣ всѣхъ этихъ разговоровъ здѣсь и въ Москвѣ о томъ, что онъ будто бы усланъ изъ за нашего Друга, ему нелегко оставлять тебя и насъ всѣхъ, а для насъ это ужасно прощаться съ нимъ — у насъ такъ мало истинныхъ друзей, и онъ одинъ изъ самыхъ близкихъ. Онъ будетъ у нашего Друга, слава Богу. Аня очень много ему говорила, а потомъ я ему все разсказала по поводу большой перемѣны въ теченіе прошлаго лѣта — онъ не зналъ, что это былъ Онъ, который тебя и насъ заставилъ повѣрить въ безусловную необходимость [2] ради тебя, ради насъ и Россіи. Я съ нимъ не говорила наединѣ нѣсколько мѣсяцевъ и боялась говорить про *Гр*(игорія), такъ какъ я знала, что онъ въ Немъ сомнѣвается. Я боюсь, что это еще не вполнѣ прошло — но, если онъ Его увидитъ, онъ почувствуетъ себя спокойнѣе. Онъ такъ вѣритъ Манусу (я не вѣрю), и мнѣ кажется, что тотъ его возстановилъ противъ нашего Друга, и теперь онъ Его называетъ «*Распут*(инъ)», что мнѣ не нравится, и я постараюсь его отъ этого отучить.

Стало гораздо мягче, вечеромъ только 1 градусъ — эти перемѣны нехороши для здоровья.

Что ты скажешь насчетъ Черногоріи? Я не довѣряю этому старому королю и боюсь, что онъ можетъ быть задумалъ какія нибудь козни, такъ какъ онъ въ высшей степени невѣрный человѣкъ и прежде всего неблагодарный. Что случилось съ бѣдными сербскими войсками, которыя туда пошли? Италія, мнѣ кажется, поступила гнусно и такъ трусливо,

---

[1] Распутинъ.

[2] Принятія на себя званія Верховнаго Главнокомандующаго.

она легко могла спасти Черногорію. Кланяйся отъ меня милому старому По[1] и генералу Вильямсу и милому Бебиному бельгійцу. Я увѣрена, что водосвятіе было очень красиво — это такое живописное мѣсто возлѣ рѣки съ крутой улицей, и погода была мягкая.

Анастасіи лучше, у нея 36,5, голова свѣжѣе и кашель уже уменьшился — повидимому, только верхушки бронховъ были затронуты.

Я сплю очень плохо и чувствую себя одурѣвшей, такъ что выйду на балконъ. — 1 градусъ тепла. — Иза со мной посидитъ.

Мнѣ непріятно тебѣ опять надоѣдать съ прошеніями, но *Безродный* — хорошій докторъ (онъ уже давно знаетъ нашего Друга), и только ты можешь помочь, такъ что напиши словечко на его *памятной запискѣ* (прошенія не было), чтобы приказать разрѣшить ему разводъ, и пошли ее *Волжину* или *Мамантову.* Потомъ есть еще бумага отъ одного *грузина,* котораго знаютъ *Гр*(игорій) и *Питиримъ* и за котораго они просятъ. Ну, ты можешь послать ее Кочубею, хотя я сомнѣваюсь, чтобы ты могъ что нибудь сдѣлать для этого князя *Давида Багартіонъ Давидова.* А можетъ быть ты его знаешь? Потомъ есть бумага отъ *Мамантова*[2]. *Гр*(игорій) его знаетъ уже цѣлые годы, повидимому, была совершена несправедливость, не можешь ли просмотрѣть ее и сдѣлать согласно тому, что тебѣ покажется справеливымъ. Мнѣ грустно надоѣдать тебѣ, но эти бумаги для тебя. Болѣе простыя я посылаю прямо нашему *Мамантову* безъ *комментаріевъ.* Бебино горло чуточку красно, такъ что онъ не выйдетъ — въ эту погоду легче всего простудиться, съ этими рѣзкими перемѣнами.

Повторилъ ли ты приказаніе по поводу дня рожденія Уильяма[3], чтобы разрѣшили его отпраздновать также, какъ отпраздновали твои именины? Подумалъ ли ты еще разъ о томъ, что члены *Думы,* такіе какъ *Гучковъ,* не должны имѣть больше разрѣшенія ѣздить на фронтъ и говорить съ войсками? Онъ поправляется, — по совѣсти должна сказать, къ несчастію. О немъ заказывались молебны въ *Лаврѣ,* и теперь онъ становится еще больше героемъ въ глазахъ тѣхъ, кто передъ нимъ преклоняется. Вотъ письмо отъ Алексѣя.

Душка моя, я думала особенно о тебѣ въ эту безсонную ночь съ нѣжной любовью и съ состраданіемъ. Какъ *вамъ?*[4] Ну прощай, мое солнышко, мой любимый муженекъ, Богъ всемогущій да благословитъ и охранитъ тебя, и поможетъ во всѣхъ твоихъ рѣшеніяхъ, и дастъ

[1] Генералъ По?
[2] Не Мамантова, а отъ другого лица.
[3] См. выше.
[4] Какая то интимная шутка.

тебѣ большую твердость характера. Нѣжные и страстные поцѣлуи безъ конца отъ твоей нѣжно любящей женки.

Кланяюсь *Мордвинову и Силаеву.* Гдѣ Миша, никакого признака жизни отъ него съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ декабрѣ уѣхалъ?

№ 191.

8 января 1916 г.

Моя родная душка,

Очень нѣжно благодарю тебя за вчерашнее драгоцѣнное письмо — конецъ былъ такъ прелестенъ и полонъ нѣжнаго значенія — лэди благодаритъ за ласку, которую она возвращаетъ съ большой любовью.

Ну, Беби всталъ послѣ завтрака съ тяжелой головой, довольно краснымъ горломъ, ему больно было глотать, такъ что я ему сказала лечь и положить компрессъ. Попозже у него было 38,4, но головѣ стало лучше. Я больше его не видѣла, мы только говорили съ нимъ и съ Анастасіей по телефону, она почувствовала себя лучше — 37,2. Аня кашляла два дня, ее знобило, когда она вечеромъ пришла, такъ что я ее заставила измѣрить температуру, оказалось 37,9, такъ что я ее отослала домой, а не къ ея раненымъ. Акилина ночью оставалась съ ней, докторъ далъ ей лекарство, она пила горячее красное вино.

Я надѣюсь, что завтра ей будетъ лучше, она писала въ очень печальномъ настроеніи и просила сказать, что она тебя цѣлуетъ. Я оставалась на диванѣ послѣ балкона до шести и потомъ опять встала къ обѣду. Цѣлый день чувствую себя слабой и вообще неважно. Н. П. пришелъ послѣ девяти и оставался съ нами и съ дѣтьми, и пробовалъ играть разныя пьесы на граммофонахъ, которые намъ нужны для нашего и Анинаго лазарета. Онъ говоритъ, что теперь посылаютъ *Родіонова* вмѣсто *Кожевникова* и, какъ только тотъ пріѣдетъ въ субботу или въ воскресенье, онъ полагаетъ, что уѣдетъ вмѣстѣ съ Кирилломъ. Если ты будешь въ *Ставкѣ,* К(ириллъ) хотѣлъ заѣхать туда на два дня, а потомъ Н. П. думалъ, что лучше присоединиться къ нему въ *Кіевѣ,* такъ чтобы не было впечатлѣнія, что онъ навязывается въ *Могилевѣ,* но если ты будешь въ отъѣздѣ, а *Дубенскій* намекалъ на эту возможность, тогда онъ и Кириллъ прямо отсюда поѣдутъ вмѣстѣ. Онъ купилъ множество подковъ для ихъ лошадей и гвоздей и т. д., и массу разныхъ вещей, которыя другіе просили его привезти. Онъ набираетъ мичмановъ, какого то графа Гейдена (вѣроятно сына нашего [1], Кони и другіе, имена которыхъ онъ не помнитъ. Видѣть его освѣжаетъ — очень пріятно. Сегодня недѣля, что я, такъ сказать,

[1] Флигель-адъютанта, морского офицера.

въ постели и не чувствую себя оживленной или слишкомъ веселой — и ты, моя птичка, также. Шелъ дождь, и погода «грязная». Я такъ рада, что поѣздки *Трепова* и *Наумова* принесли пользу [1]. И я надѣюсь, что они всѣхъ основательно разбудили — надо самому разъѣзжать и всюду совать носъ, тогда публика лучше работаетъ и чувствуетъ, что за ней надзоръ и что она каждую минуту можетъ попасться. Какъ хорошо, что у тебя есть кинематографъ для всѣхъ дѣтей, они тогда могутъ тебя хорошо увидѣть. Анастасія спала хорошо, 36,8. Алексѣй только дважды просыпался, ночью 37,6, онъ въ игральной, въ постели и очень веселъ. Я надѣюсь сегодня днемъ пойти наверхъ, чтобы обоихъ ихъ повидать. Утромъ мнѣ надо опять лежать на балконѣ, два градуса тепла, дождь, вѣтеръ, мрачная, унылая погода — потомъ у меня опять будетъ Иза, чтобы переговорить о дѣлахъ.

Я опять спала не очень хорошо и видѣла дурные сны, голова порядочно болитъ, сердце также, хотя сейчасъ не расширено. Аня спала очень дурно, она къ этому не привыкла, много кашляла, голова болитъ и 38. Ольга туда пошла на короткое время, а Мари будетъ въ двѣнадцать — глупо, что мнѣ нельзя. Можешь быть, ты напишешь мнѣ, чтобы я передала ей отъ тебя привѣтъ, это ее пріободритъ. Кругомъ у всѣхъ инфлуэнца — такая гадость. Не могъ ли бы ты устроить, чтобы Штюрмеръ потихоньку поѣхалъ въ *Ставку,* ты видишь столько народу и могъ бы имѣть съ нимъ спокойную бесѣду, прежде чѣмъ ты что нибудь рѣшишь. Ахъ, вотъ еще, когда ты увидишь *Дубенскаго,* ловко наведи его на разговоръ о толстомъ *Орловѣ* и заставь его разсказать все о немъ — если только у него будетъ смѣлость выставить низость этого человѣка, который втягиваетъ также и другихъ высокопоставленныхъ изъ старой *Ставки. Федор*(овъ) кажется объ этомъ также всегда знаетъ. Обо мнѣ онъ всегда говорилъ «*Она*» и утверждалъ, что я, навѣрное, не дамъ тебѣ скоро вернуться въ *Ставку* послѣ того, какъ они навязали тебѣ «своихъ министровъ», — спроси также насчетъ *Дрентельна,* который намѣревался въ концѣ концовъ засадить меня въ монастырь — *Дж*(унковскаго), *Орлова* слѣдовало бы прямо сослать въ Сибирь. Послѣ конца войны ты долженъ былъ бы произвести *расправу,* — на какомъ основаніи они останутся свободными на хорошихъ мѣстахъ, когда они все приготовили для того, чтобы тебя низложить, а меня запереть, и они дѣлали все, чтобы навредить твоей женѣ — а теперь они разъѣзжаютъ повсюду, и другіе думаютъ, что они были несправедливо уволены, такъ какъ они остались совершенно безнаказанными. Гнусно думать о человѣческой фальши, хотя я давно это

[1] Министры вн. д. Хвостовъ, п. с. Треповъ и земледѣлія Наумовъ выѣзжали для ознакомленія на мѣстахъ съ положеніемъ прод. вопроса.

знала и говорила тебѣ о моихъ чувствахъ къ нимъ. Слава Богу, *Дрентельнъ* также ушелъ — теперь около тебя чистые люди, и я бы только хотѣла, чтобы Н. П. былъ въ ихъ числѣ. Мы долго говорили о Дмитріи, онъ говоритъ, что это совсѣмъ безхарактерный юноша и что его каждый можетъ повести за собой. Три мѣсяца онъ былъ подъ вліяніемъ Н. П. и держался хорошо въ *Ставкѣ*, и когда онъ съ нимъ въ городѣ, онъ слѣдуетъ его примѣру и не бываетъ въ дамскомъ обществѣ, — но когда онъ уходитъ изъ подъ надзора, онъ попадаетъ въ другія руки. Онъ находитъ, что полкъ развращаетъ его [1], такъ какъ ихъ грубые разговоры и шутки отвратительны, особенно въ присутствіи дамъ, и онъ съ ними опустился. Теперь имъ пользуются, какъ полковымъ адъютантомъ. *Швибзигъ* сейчасъ написала одну изъ своихъ забавныхъ записокъ — сегодня ей приходится оставаться въ постели.

Я провела вечеръ за писаніемъ записокъ всѣмъ больнымъ. Аня получила письмо отъ милаго *Отара Пурцеладзе* [2] — скажи объ этомъ *Силаеву*, онъ шлетъ множество добрыхъ пожеланій, чувствъ и любви всей *семьѣ*, и онъ счастливъ, что мы видѣли его жену и мальчика. Онъ изучаетъ французскій и англійскій языки — встаетъ и ложится рано и не говоритъ, какъ его содержатъ или кормятъ, и вообще не сообщаетъ подробностей, но только онъ въ отчаяніи, что находится тамъ и не можетъ служить въ такое время.

Теперь, душка, мой любимый, мой собственный, мой собственный, благословляю тебя, цѣлую, я крѣпко сжимаю въ моихъ объятіяхъ, съ безконечной любовью и признательностью за 21 годъ полнаго счастья, за которое я благодарю Бога утромъ и вечеромъ.

Ахъ, какъ я жажду тебя и твоихъ нѣжныхъ ласкъ — посылаю тебѣ все, все, все также, какъ и ты. Навсегда твоя старая

«Солнышко».

Неправда ли, какъ хорошо пахнетъ бумага!!!

№ 192. 9 января 1916 г.

Моя душка,

Мягкая погода, идетъ дождь и снѣгъ и темно. Двое маленькихъ спали хорошо, у нихъ 36,3 и 36,4, я къ нимъ опять поднимусь въ теченіе дня. Я занималась чтеніемъ *докладовъ*, и ко мнѣ пришла Иза, чтобы помочь въ нѣкоторыхъ вопросахъ, и вчера вечеромъ также. Дѣти вчера нѣсколько разъ заходили, чтобы повидать Аню, и Татьяна еще разъ поздно вечеромъ, послѣ того какъ вычистила инструменты

[1] Дмитрія Павловича.
[2] Изъ плѣна.

въ лазаретѣ. У нея цѣлый день былъ народъ, ея *отецъ*, потомъ нашъ Другъ и милая Зина, потомъ ея *мать*, потомъ Аксель П(истолькорсъ), который пріѣхалъ на три дня, и *Жукъ. Метроп.* (митрополитъ) услышавъ, что она больна, тоже хочетъ ее повидать — это страшно мило, и она не знаетъ, какъ ей быть. У ея горничной было вчера вечеромъ 40,2, *Ангина*, такъ что докторъ ее отправилъ въ лазаретъ, и ея старая *Зина* пришла, чтобы помогать *Акелинѣ*. Она ночью не спала изъ за кашля, теперь ей, навѣрное, лучше, такъ какъ она не дала мнѣ знать на счетъ своей температуры. Она просила меня поцѣловать тебя и поручаетъ себя твоимъ молитвамъ, потому я должна была тебѣ телеграфировать объ этомъ, а также о томъ, что сказалъ нашъ *Др*(угъ) насчетъ Штюрмера, чтобы онъ не мѣнялъ имени и чтобы ты его взялъ по крайней мѣрѣ на время, такъ какъ онъ такой рѣшительный и лойяльный человѣкъ и будетъ держать другихъ въ рукахъ — пускай кричатъ, если угодно, они всегда вопятъ по поводу каждаго назначенія. Н. П. говорилъ по телефону: Кириллъ его сегодня вечеромъ отправляетъ въ Гельсингфорсъ, чтобы видѣть *Канина* и штабъ, потому что Григоровичъ сказалъ Кириллу, что они дѣлаютъ затрудненія насчетъ выполненія твоихъ приказаній К(ириллу), такъ что самое быстрое и лучшее было послать Н. П., чтобы имъ выяснить положеніе и сказать, что К(ириллъ) получилъ приказаніе отъ тебя — это не *Канинъ*, но другіе въ штабѣ, и онъ боится, что *Тимиревъ* можетъ быть непріятенъ, такъ какъ онъ обиженъ по поводу *гв. эк*(ипажа), который онъ оставилъ. Аня спала съ восьми до одиннадцати, у нея 35,8 — огромная температура! — такъ что она чувствуетъ себя очень слабой. Сергѣй, говорятъ, скоро ѣдетъ въ *Ставку* — по моему, лучше не надо. Удержи его тамъ подольше, такъ какъ онъ, увы, всегда сплетничаетъ и у него такой острый критикующій языкъ, и его манеры передъ иностранцами не очень похвальны. И потомъ ходятъ разныя неясныя, нечистоплотныя исторіи про нее[1] и насчетъ *Взятокъ*, объ этомъ всѣ говорятъ, и артиллерія въ этомъ замѣшана. — Я только что получила твое письмо въ двѣнадцать часовъ, это такъ хорошо и рано, это такая безконечная радость — имѣть отъ тебя извѣстія. Ты не можешь себѣ представить, что̀ для меня значатъ твои милыя письма, какъ я ихъ цѣлую и перечитываю много разъ. Это такая радость получать ихъ теперь ежедневно, они меня согрѣваютъ, правда, я страшно тоскую о моемъ сокровищѣ, а цѣловать твою подушку и письмо, все таки не вполнѣ удовлетворяетъ голодную женку. Ахъ, мой ангелъ, Богъ да благословитъ тебя за твою чудную любовь и преданность, которыхъ я совсѣмъ не заслуживаю. Спасибо тебѣ за это, дорогой мой. Ты тоже, мой муженекъ, знаешь, что̀ ты

[1] Кшесинскую.

для меня, и на какую глубокую любовь способно мое старое сердце — эти разлуки еще болѣе раздуваютъ огонь и усиливаютъ мою большую любовь. Поѣдешь ли ты къ другимъ корпусамъ, такъ какъ у тебя теперь меньше работы? Хорошо что ты заставляешь министровъ туда ѣздить къ тебѣ. Ахъ, какъ я хотѣла бы, чтобы ты отдѣлался отъ *Поливанова*, это, вѣдь, значитъ *Гучковъ* — стараго *Иванова* на его мѣсто, если честный *Бѣляевъ* слишкомъ слабъ. Всѣ сердца въ *Думѣ* понеслись бы на встрѣчу *дѣдушкѣ*, навѣрное, но можетъ быть у тебя нѣтъ никого на его мѣсто. Сегодня сорокъ дней, что скончалась Сонечка. Черезъ нѣсколько дней именины Татьяны; сегодня знаменитое 9-ое [1]. Сколько мы прожили съ тобой, черезъ какія трудныя времена прошли, и все же Богъ никогда не оставлялъ насъ и поддерживалъ насъ — и также онъ сдѣлаетъ и теперь, хотя намъ нужно много терпѣнія, вѣры, довѣрія къ Его милости. И твоя работа, твое самоотреченіе и твоя кротость должны быть вознаграждены, и Богъ, я чувствую, ее вознаградитъ, хотя мы не можемъ угадать, когда. Вчера вечеромъ я раскладывала пасьянсы, читала, видѣлась съ Изой и играла съ Мари. Пила чай съ маленькими наверху. Елка тамъ все еще стоитъ, и ихъ кровати были посрединѣ комнаты. Анастасія выглядитъ зеленой и у нея тѣни подъ глазами, но онъ [2] — недурно. Любовь моя, посылаю тебѣ еще одну бумагу, поступи съ ней, какъ хочешь. Ты теперь долженъ вызвать старика и спокойно сказать ему твое рѣшеніе — теперь это легче, такъ какъ ты не вполнѣ съ нимъ былъ согласенъ, и онъ не напечаталъ того циркуляра (что показываетъ, что онъ немного старъ и утомленъ, и не можетъ, увы, все понять, милый старикъ). У тебя есть время, чтобы переговорить, и лучше, чтобы тотъ другой имѣлъ время до *Думы*, чтобы засѣдать съ министрами и подготовиться, а *Горемыкинъ* не будетъ обиженъ, такъ какъ *Штюрмеръ* пожилой человѣкъ, а затѣмъ ты дашь ему титулъ стараго *Сольскаго*, конечно, не графскій (который никуда не годится), но другой [3]. Я бы это спокойно сдѣлала теперь въ *Ставкѣ* и не откладывала бы этого надолго, повѣрь мнѣ, душка.

Ну, теперь прощай, мой милый, супругъ моего сердца и души, свѣтъ моей жизни — держу тебя въ своихъ объятіяхъ, крѣпко прижимаю къ себѣ, цѣлую твое милое лицо, глаза, губы, шею и руки, горячими и нѣжными поцѣлуями «люблю тебя, люблю тебя — другого не сказать». Ты помнишь эту пѣсенку въ Виндзорѣ въ 1894, въ эти вечера... Богъ да благословитъ тебя, мое сокровище.

---

[1] 9 января 1905 г. См. выше.

[2] Сынъ.

[3] Т. е. чинъ д. т. совѣтника 1-го класса, пожалованный Сольскому вмѣстѣ съ графскимъ титуломъ.

Навсегда твоя, до самой смерти. Надѣюсь что мои цвѣты прибыли свѣжими и пахучими.

( ) Здѣсь большой поцѣлуй.

№ 193.

Царское Село, 10 января 1916 г.

Мой родной,

Опять тепло и идетъ снѣгъ. Сегодня именины нашего Друга. Я рада, что благодаря принятымъ мѣрамъ все въ *Москвѣ* и въ *Петроградѣ* прошло спокойно[1] и забастовщики вели себя прилично. Слава Богу, видна разница между *Бѣлецкимъ* и *Джунковскимъ* или *Оболенскимъ*. Я надѣюсь, что тебѣ не была непріятна моя телеграмма насчетъ *Питирима,* но ему такъ бы хотѣлось спокойно тебя повидать (здѣсь у тебя никогда нѣтъ времени) и сказать тебѣ всѣ свои соображенія и мѣры къ улучшенію, которыя онъ хотѣлъ бы принять. Онъ вчера сидѣлъ возлѣ кровати у Ани, такой добрый человѣкъ. Она спала только четыре часа сегодня ночью (также какъ и я), много кашляла, 36,8 и «Беккеръ», устала, а *Гр*(игорій) хотѣлъ, чтобы она сегодня пришла, но она въ самомъ дѣлѣ не въ силахъ это сдѣлать, и съ человѣческой точки зрѣнія это было бы полнымъ безуміемъ. Анастасія спала хорошо, 36,3, Алексѣй еще спитъ. Большія дѣвочки отправились въ церковь. Я вчера лежала въ ихъ комнатѣ съ четырехъ съ половиной до шести съ половиной, Беби игралъ въ безигъ съ м-ръ Гибсъ, который провелъ съ нимъ день.

Евг. Серг.[2] появился, его ногѣ лучше. Онъ нашелъ, что мое сердце сегодня утромъ опять расширено, но это я знала — поэтому я должна принять еще адонисъ и другія капли, чтобы остановить сердцебіеніе. Мнѣ нечего тебѣ сказать интереснаго, такъ это грустно. Я никого не вижу и ни о чемъ не слышу. Ксенія все еще чувствуетъ себя слабой и только наполовину встаетъ.

Какъ хорошо наши казаки «работаютъ» возлѣ *Эрзерума.*

Анастасія можетъ встать въ своей комнатѣ только во вторникъ, это такъ скучно, но такъ будетъ осторожнѣе, она все еще выглядитъ такой зеленой.

Беби спалъ очень хорошо до послѣ десяти, проснулся только разъ, 36,2.

Ахъ, вотъ появилось солнце для нашего Друга, это въ самомъ дѣлѣ очаровательно, это должно было такъ случиться для Него. Аня

[1] 9-го января.
[2] Боткинъ.

благодаритъ тебя за твой привѣтъ и шлетъ письмо, спрашиваетъ не будешь ли ты сердиться. Я отвѣтила, что ей лучше знать, чѣмъ мнѣ, позволилъ ли ты ей часто писать.

Иза съ нами завтракала — я проведу день опять спокойно и въ одиночествѣ до того, какъ поднимусь къ моимъ душкамъ.

Только что получила милое письмо отъ тебя, безконечно благодарю, моя душка. Ты правъ насчетъ *Шт*(юрмера) и «громового удара».

Я рада, что ты будешь въ состоянiи увидѣть войска. Цѣлую и благословляю тебя безъ конца, прижимаю къ моему большому болящему сердцу, тоскую по тебѣ; — нѣжные поцѣлуи и ласки, которые такъ много значатъ для твоей родной маленькой женщины, твоей жены, твоего солнышка, которая живетъ тобой, ты ея свѣтъ и солнце, мой чистѣйшiй и лучшiй.

№ 194.

Царское Село, 11 января 1916 г.

Моя душка,

Наконецъ, болѣе ясный день и два градуса мороза и славное солнце сiяетъ. Какъ жаль, что у тебя также такая «грязная погода». Прiятенъ ли англiйскiй генералъ[1]? Вѣроятно онъ былъ посланъ къ тебѣ отъ армiи, чтобы привѣтствовать тебя какъ фельдмаршала? Но ты ничего не можешь дать Джорджи взамѣнъ, такъ какъ онъ не командуетъ, и нельзя играть такими назначенiями.

Я не совсѣмъ понимаю, что происходило въ Черногорiи — сообщаютъ, что король и Пьетро[2] выѣхали черезъ Бриндизи въ Лiонъ, гдѣ онъ долженъ встрѣтиться со своей женой и двумя младшими дочерьми, и будто Мирко[2] остался, чтобы попытаться соединиться съ черногорскими, сербскими и албанскими войсками. Только теперь Италiя высадила 70.000 человѣкъ въ Албанiи — они играютъ некрасивую игру. Но если король сдался, какъ же насчетъ его войскъ? Гдѣ Ютта[2] и Данило[2]? Почему ему не позволяютъ ѣхать во Францiю? Все это для меня совсѣмъ непонятно.

Аня въ теченiе часа вечеромъ пролежала на диванѣ и говорила совсѣмъ твердымъ голосомъ — она уже мечтаетъ о томъ, чтобы сюда придти — какое крѣпкое здоровье въ концѣ концовъ, — такъ поправиться въ одну секунду, послѣ того, какъ она думала, что она такъ страшно больна и страдаетъ.

---

[1] Генералъ Калвеллъ.

[2] Сыновья кн. Черногорскаго.

Теперь не прійми меня за сумасшедшую изъ-за моей крошечной бутылочки, но нашъ Другъ ей[1] такую послалъ къ ея именинамъ, и каждая изъ насъ выпила глотокъ, и я отлила это для тебя — кажется, это мадера,— я ее проглотила ради Него (какъ лекарство), пожалуйста, поступи также, хотя ты этого не любишь — вылей въ стаканъ и выпей разомъ за Его здоровье, также какъ мы сдѣлали. Ландышъ и корочка также отъ Него, мой милый ангелъ. Говорятъ, что у него перебывало масса народу, и Онъ былъ прекрасенъ. Я телеграфировала, поздравляя его *отъ насъ всѣхъ*, и получила такой отвѣтъ: *невысказанно обрадованъ свѣтъ Божій свѣтитъ надъ вами не убоимся ничтожества.* Онъ любитъ, когда не боятся Ему телеграфировать непосредственно. Я знаю, Онъ былъ очень недоволенъ, что она не была у Него, и это ее волнуетъ, но, кажется, Онъ у нея сегодня будетъ.

Маленькая елка сегодня такъ хорошо и сильно пахнетъ, у всѣхъ сегодня нормальная температура. Мнѣ грустно, что я пишу такія скучныя письма, но я ничего не слышу и никого не вижу. Телеграфировалъ *Василевскій*, онъ такъ счастливъ былъ получить бригаду, въ которой мой полкъ, и *Сергѣевъ* въ восторгѣ, что получилъ отъ него 21-й полкъ, такъ какъ онъ тамъ такъ долго служилъ. Мнѣ пришлось взять другое перо, такъ какъ въ томъ не было больше чернилъ. Я лучше спала, сердце пока не расширено. Пойду и полежу немного на балконѣ, такъ какъ я уже два дня не дышала воздухомъ.

Мои мысли и молитвы никогда тебя не покидаютъ, душка, и я думаю о тебѣ съ безконечной любовью, нѣжностью и тоской.

Богъ да благословитъ тебя, тысяча поцѣлуевъ отъ твоей родной женки. Аня сейчасъ пишетъ, что Н. П. вернулся изъ Гельсингфорса и что ей хотѣлось бы придти съ нимъ къ обѣду, что докторъ позволилъ ей выѣхать вечеромъ въ закрытомъ экипажѣ. Удивляюсь докторамъ, или же она въ самомъ дѣлѣ поразительно крѣпка, и когда она хочетъ чего нибудь, она всегда этого добивается, и ей какъ то удается — молодость и сила.

Много нѣжныхъ благодарностей за прелестное письмо, такая радость, если ты пріѣдешь въ концѣ недѣли домой.

№ 195.

Царское Село, 12 января 1916 г.

Мое родное сокровище,

Посылаю тебѣ нѣжныя пожеланія по случаю именинъ нашей Татьяны. Она съ Ольгой уже улетѣла въ лазаретъ, и въ двѣнадцать съ

[1] Анѣ.

половиной у насъ въ моей комнатѣ молебенъ. Какъ грустно, что тебя съ нами не будетъ, душка.

Я такъ хорошо представляю себѣ полную тоску твоихъ ежедневныхъ прогулокъ въ этомъ крошечномъ садикѣ, лучше переѣзжай черезъ мостъ на моторѣ и гуляй въ концѣ города — или вблизи желѣзной дороги по большой дорогѣ; тебѣ въ самомъ дѣлѣ нуженъ воздухъ и необходимо упражненіе, но, вѣроятно, скоро снѣгъ стаетъ въ этихъ мѣстахъ. Какая радость, если въ самомъ дѣлѣ тебѣ удастся пріѣхать въ концѣ недѣли, мой милый ангелъ. Время кажется долгимъ и скучнымъ, когда тебя здѣсь нѣтъ.

Ну, Аня и Н. П. пришли къ обѣду, она оставалась немного больше часа, выглядитъ полной, розовой, хотя подъ глазами тѣни — я ни ее, ни его не видѣла съ прошлаго четверга.

У него масса затрудненій въ Гельсингфорсѣ, они не хотятъ давать ему нужнаго количества офицеровъ, такъ что теперь Кириллъ долженъ за это приняться. Пріѣхалъ *Род*(іоновъ) и они оба придутъ въ девять часовъ, чтобы доставить Татьянѣ удовольствіе въ ея именины. Анастасіи и Алексѣю позволено одѣться и встать, но сегодня они еще не могутъ спуститься. Беби спалъ почти до десяти, у него 36,2, гораздо лучше, что онъ всталъ, такъ какъ онъ чувствовалъ себя хорошо и такъ ужасно шалилъ въ кровати, и нельзя было его усмирить.

Нѣмцы эвакуируютъ *Пинскъ?* Такъ хотѣла бы чтобы ихъ можно было «ущемить» прежде чѣмъ они успѣютъ.

Наконецъ, мнѣ удалось совсѣмъ недурно проспать двѣ ночи и сердце утромъ не расширено.

Такой сюрпризъ, оба маленькія появились и могутъ завтракать съ нами — и въ самомъ дѣлѣ имъ гораздо лучше. Оба еще выглядятъ довольно худыми и зелеными.

Теперь, моя душка, любимый мой, прощай. Богъ да благословитъ, цѣлую тебя такъ нѣжно и любовно и остаюсь, мой Ники,

твоя женка.

P. S. Только что получила твое нѣжное письмо. Спасибо тысячу разъ, мой родной, возлюбленный. Покрываю тебя жгучими поцѣлуями. Ахъ, какъ должно быть скучно сидѣть со старикомъ . . .

№ 196.

Царское Село, 13 января 1916 г.

Моя душка,

Сѣрая унылая погода, опять два градуса тепла и очень вѣтряно. Я вчера лежала на балконѣ три часа. Маленькія такъ счастливы, что могутъ придти внизъ, но они выглядятъ блѣдными.

Сегодня двѣ старшія завтракаютъ въ *Аничковомъ*, у нихъ комитеты, *пріемъ пожертвованій* и чай у Ксеніи. Оказывается, Мамаша была не совсѣмъ здорова, такъ что чувствовала себя одинокой и только разъ могла быть у Ксеніи.

Было очень уютно имѣть вчера Н. П. и В. Н. съ девяти съ четвертью до 11,50 — они много болтали о всемъ, что тамъ дѣлается. Н. П. позволяетъ ему жить въ его квартирѣ, такъ какъ это ближе къ *экипажу*. Онъ и Кириллъ уѣзжаютъ въ субботу вечеромъ. Еще есть масса дѣлъ — люди такъ упрямы и не хотятъ дѣлать то, что нужно — онъ сегодня утромъ будетъ у *Григоровича*.

Какъ скучно, мой бѣдный ангелъ, сидѣть возлѣ старика въ кинематографѣ — просто хоть на стѣну лѣзь. Я рада, что новый англійскій генералъ симпатиченъ. Что это за исторіи по поводу черногорцевъ? Будто онъ продалъ свою страну австрійцамъ и за это его[1] не хотѣли принять ни въ Римѣ, ни въ Парижѣ, или все это сплетни. Онъ способенъ на все ради денегъ и своей личной выгоды, хотя я полагала, что онъ любитъ свою страну — во всякомъ случаѣ, я ничего не понимаю.

Я хочу выѣхать въ маленькихъ санкахъ въ садъ, хотя сильный вѣтеръ, вмѣстѣ съ Мари и заглянуть въ *Знаменье* въ первый разъ въ 1916 году и поставить тамъ свѣчи и помолиться за мою милую птичку. Славная Зина, которая любитъ нашего Друга, сидѣла со мной вчера въ теченіе часа.

Теперь, мое солнышко, прощай — мой единственный, мое все. Благословляю тебя и покрываю твое дорогое лицо такими нѣжными поцѣлуями.

Твоя маленькая женка.

Какъ странно, что *Рафтопуло* въ *Могилевѣ*. Онъ писалъ Анѣ, его туда послали отъ полка.

№ 197.

Царское Село, 14 января 1916 г.

Моя дорогая птичка,

Очень вѣтряно, мягко, немного солнца. Чувствую себя никуда негодной, такъ какъ у меня были такія боли въ животѣ ночью и такая дурнота, я даже позвонила Мадленъ, чтобы она мнѣ приготовила грѣлку и дала мнѣ опій. Вѣроятно, это отъ адониса. Но я чувствую себя такой слабой сегодня. *Ольга Евгеніевна* завтракаетъ, и потомъ я принимаю *Ягмина*, который наконецъ пріѣхалъ, чтобы поторопить свою жену.

---

[1] Короля.

Какъ хорошо, что *Рафтопуло* съ тобой завтракалъ. *Силаевъ*, навѣрное, былъ въ восторгѣ. 12-го были также именины его сестры. Сегодня день рожденія Уильяма.[1] Сейчасъ пошелъ снѣгъ. Хотѣла бы знать, послѣднее ли это письмо, и возвращаешься ли ты въ субботу или нѣтъ?

Дѣти нашли, что Мамаша нѣсколько похудѣла, они съ ней завтракали наверху — потомъ послѣ своихъ комитетовъ они пили чай у Ксеніи, которая также не выглядитъ цвѣтущей. Твой другъ *Плевицкая*[2] принесла Ольгѣ деньги отъ концертовъ, которые она давала. Она пѣла для *Ольги въ Кіевѣ*, гдѣ случайно находился *Магаловъ (Розочка)*, и онъ ей аккомпанировалъ, а сюда съ ней пріѣхалъ *Родіоновъ*.

Аня прочла намъ изъ твоей книги нѣсколько разсказовъ о дѣтяхъ, пока мы раскладывали пасьянсы — она принесла для тебя новую книгу къ твоему возвращенію. Я больше не могу писать, чувствую себя одурѣвшей.

Прощай, моя душка, Богъ да благословитъ и защититъ тебя и поможетъ тебѣ въ трудные минуты твоей жизни.

Осыпаю тебя нѣжными ласковыми, жаждующими поцѣлуями и остаюсь, мой дорогой, твоя нѣжно любящая старая жена.

«Солнышко».

№ 198.

Царское Село, 15 января 1916 г.

Душка,

Только нѣсколько строкъ, такъ какъ я чувствую себя очень сверно. Спала хорошо, но голова все еще болитъ, трудно держать глаза открытыми, чувствую себя такой слабой, меня знобитъ, мнѣ нехорошо, температура 37,1, но, вѣроятно, поднимется, сердце расширено, какъ будто у меня начинается инфлуэнца, такъ что Б. (Боткинъ) сказалъ, что мнѣ надо нѣкоторое время остаться въ постели. Уже вчера я чувствовала себя нехорошо и одурѣвшей.

Ольга Евгеньевна, какъ всегда, просила меня передать ея привѣтъ. *Ягминъ* получилъ извѣстіе, что полкъ уже въ самой Персіи.

А. (Аня) и Н. П. обѣдали — я чувствовала себя слишкомъ плохо, чтобы имѣть отъ нихъ полное удовольствіе.

Солнечный день, шесть градусовъ тепла на солнцѣ.

Какое счастье, что ты пріѣзжаешь въ воскресенье, я хочу къ тому времени быть здоровой. Надѣюсь, что будетъ хорошая погода,

[1] Германскаго Императора.
[2] Извѣстная исполнительница русскихъ пѣсенъ и романсовъ.

что все пройдетъ благополучно, что ты увидишь дорогихъ казаковъ. Какъ это могло случиться, что гнусный Цеппелинъ долетѣлъ до самой *Рѣжицы?*

Дѣти здоровы, хотя Ольгу тошнило ночью безъ всякой причины.

Любимый мой, я не могу больше писать, глаза болятъ и такъ отяжелѣли.

Бѣдная графиня *Воронцова*[1] — ей будетъ недоставать ея дорогой старый супругъ — но для него это должно было быть избавленіемъ. — Какъ поживаетъ *Федоровъ?*

Благословляю и цѣлую безъ конца и сильно жажду твоего возвращенія, моя птичка, мой дорогой, нѣжно тебя прижимаю къ моему сердцу, навсегда твоя старая женка

Аликсъ.

Ты это письмо получишь, навѣрное, въ *Оршѣ.*

№ 199.

Царское Село, 16 января 1916 г.

Мой родной,

Мнѣ сказали, что даже еще сегодня тебѣ не будетъ покоя, — къ тебѣ ѣдетъ посланный — потому я пишу нѣсколько строкъ. Яркое солнце, тихо и два градуса мороза.

Я пошла спать послѣ трехъ, чувствую себя немного лучше сегодня, но все же у меня странное ощущеніе внутри, и я держу горячую бутылку на животѣ — но сердце случайно сегодня утромъ не расширено.

Я вчера встала къ обѣду и лежала на диванѣ до одиннадцати — по обыкновенію раскладываю пасьянсы, такъ какъ это менѣе утомляетъ, чѣмъ работа.

Сандра у своей матери, *Ира* и *Мая*[2] здѣсь въ городѣ.

Какое утѣшеніе, что ты возвращаешься завтра, моя птичка, твое дорогое письмо меня такъ осчастливило. Но какъ странно, что *Челноковъ*[3] былъ у тебя — я могу себѣ представить, что онъ чувствовалъ себя маленькимъ и неувѣреннымъ въ себѣ — онъ долженъ былъ бы все время стоять, двуличный этотъ человѣкъ!

---

[1] Въ эти дни гр. В. И. Воронцовъ-Дашковъ скончался въ Алупкѣ.

[2] Дочери гр. Воронцова.

[3] М. В. Челноковъ, Московскій гор. голова, представитель Союза Городовъ.

Какъ странно, что *Воейковъ* также заболѣлъ — тебѣ пришлось странствовать отъ одного къ другому. Какое скучное письмо! Прости, что я не пріѣду на станцію, но у меня нѣтъ силы тамъ стоять.

Цѣлую и благословляю тебя, моя любовь, и болѣе чѣмъ счастлива скоро тебя прижать къ моей груди.

Навсегда твоя старая женка.

ПОДЛИННЫЙ ТЕКСТЪ

No. 1.

Livadia, April 27-th 1914

My sweetest treasure, my very Own one,

you will read these lines when you get into your bed in a strange place & unknown house. God grant that the journey may be a pleasant & interesting one, & not too tiring nor too dusty. I am so glad to have the map, as then can follow you hourly. I shall miss you h o r r i b l y, but I am glad for you that you will be away for 2 days & get new impressions & hear nothing of Anias stories. My heart is heavy & sore — must one's kindness & love always be repayed thus? The black family & now she? One is always told one can never love enough — here we gave our hearts our home to her, our private life even — & this is what we have gained! It is difficult not to become bitter — it seems so cruelly unjust. —

May God have mercy & help us, the heart is so heavy! I am in despair that she gives you worries & disagreeable conversations, no rest for you either. Well try & forget all these two days. I bless you & cross you & hold you tightly in my arms — kiss you all over with boundless love & devotion. I shall be in Church to-morrow morning at 9 & try to go again on Thursday — it does me good to pray for you when we are separated — cannot get accustomed, for ever so short, not to have you in the house, tho' I have our 5 treasures. —

Sleep well my Sunshine, my own precious one & thousand tender kisses fr. yr. own old Wify.

God bless & keep you.

No. 2.

Petergof, June 29-th 1914

My beloved One,

It is very sad not to accompany you — but I thought I would better remain with the little Ones quietly here. Heart & soul are e v e r near you with tenderest love & passion, all my prayers suround you — I am therefore glad to go at once to evening service when you leave & to-morrow morning at 9 to mass. I shall dine with Anna, Marie & Anastasia & go early to bed. Marie Bariatinsky will lunch with us & spend her last afternoon with me. —

I do hope you will have a calm sea & enjoy yr. trip wh. will be a rest for you — you need it, as were looking pale to-day. —

Shall miss you sorely, my very Own precious One. — Sleep well my treasure, — my bed will be, oh, so empty.

God bless & kiss you. Very tenderest kisses fr. yr. own old

Wify.

No. 3.

Tsarskoje Selo, Sept. 19-th 1914

My own, my very own sweet One,

I am so happy for you that you can at last manage to go, as I know how deeply you have been suffering all this time — yr. restless sleep has been even a proof of it. It was a topic I on purpose did not touch, knowing & perfectly well understanding your feelings, at the same time realising that it is better you are not out at the head of the army. — This journey will be a tiny comfort to you, & I trust you will manage to see many troops. I can picture to myself their joy seeing you & all your feelings — alas that I cannot be with you to see it all. It is more than ever hard to bid goodbye to you my Angel — the blank after yr. departure is so intense! Then you, I know, not withstanding all you will have to do, will still miss yr. little family & precious agoo wee one. He will quickly get better now that our Friend has seen him & that will be a relief to you.

May the news only be good whilst you are away, as to know you have hard news to bear alone, makes the heart bleed. Looking after wounded is my consolation & that is why the last morning I even wanted to go there, whilst you were receiving, so as to keep my spirits up & not break down before you. To lessen their suffering even in a small way, helps the aching heart. Except all I go through with you & our beloved country & men I suffer for my »small old home« & her troops & Ernie & Irene & many a friend in sorrow there — but how many go through the same. And then the shame, the humiliation to think that Germans should behave as they do! — egoistically I suffer horribly to be separated — we are not accustomed to it & I do so endlessly love my very own precious Boysy dear. Soon 20 years that I belong to you & what bliss it has been to be your very own little Wify! —

How nice if you see dear Olga, it will cheer her up & do you good. — I shall give you a letter & things for the wounded for her. —

Lovy dear, my telegrams cant be very warm, as they go through so many military hands — but you will read all my love & longing between the lines. — Sweety, if in any way you do not feel quite the thing, you will be sure to call Feodorov, wont you — & have an eye on Fredericks.

My very most earnest prayers will follow you by day and night. I commend you into our Lord's safe keeping — may He guard, guide & lead you & bring you safe & sound back again.

I bless you & love you, as man was rarely been loved before — & kiss every dearly beloved place & press you tenderly to my own heart.

For ever yr. very own old

Wify.

The Image will lie this night under my cushion before I give it to you with my fervent blessing.

No. 4.

Tsarskoje Selo, Sept. 20-th 1914

My own beloved One,

I am resting in bed before dinner, the girls have gone to church and Baby is finishing his dinner. He has only slight pains sometimes. Oh my love! It was hard bidding you goodbye and seeing that lonely, pale face with big sad eyes at the waggon-window — my heart cried out, take me with you. If only you had had *N. P. S. or Mordv.* with you, a young loving face near you, you would be less lonely and »feel warmer«. I came home and than broke down, prayed, — then lay down and smoked to get myself into order. When eyes looked more decent I went up to Alexei and lay for a time near him on the sopha in the dark rest did good, as I was tired out in every sense. At 4¼ I came down to see *Lazarev* and gave him over the little Image for the regiment — I did not say it was fr. you, as then you would have to give to all the other newly formed regiments. The girls worked in the *stores.* At 4½ Tatiana and I received Neidhardt about her committee — the first will be in the Winterpalace on Wednesday after a *Te Deum,* I shall again not assist. It is a comfort to set the girls working alone and that they will be known more and learn to be useful. During tea I read *reports* and then got a letter at last from Victoria, dated the 1/13 Sep. it has taken long coming by messenger. I copy out what I think may interest you: »We have gone through anxious days during the long retreat of the allied armies in France. Quite between ourselves (so lovy don't tell on better) the French at first left the English army to bear all the brunt of the heavy german out flanking attack, alone, and if the English troops had been less dogged, not only they but the whole French forces would have been crumpled up. This has now been set right and two French generals who were to blame in the matter, have been deposed by Joffre and replaced by others. One of them had 6 notes from the English Com. in chief French, unopened in his pocket — the other kept sending as answer to an appeal to come on and help, that his horses were too tired. That is past history however, but it has cost the lives and liberty of many good officers and men. Luckily it was kept dark and people here in general dont know about it.« — »The 500 000 recruits asked for are nearly complete and hard at work drilling all day long masses of gentlemen joined the ranks and set a good example. There is a talk of raising a fourther 500 000 including the contingency from the colonies. I am not sure I like the idea of Indian troops coming to fight in Europe, but they are picked

regiments and when served in China and in Egypt kept perfect discipline so that those who ought to know best are confident they will behave perfectly well no leeting or massacring. The superior officers are all English. Ernies friend the Maharagah of Biskanir is coming with his own contingent — last time I saw him was as Ernie's guest at Wolfsgarten. — Georgie wrote us an account of his share in the naval action of Helgoland. He commands the fore-turret and fired quite a number of shots and his captain says with coolness and good judgement. S. says that the attempt to destroying the docks of the Kiel Canal (the bridges alone would be little good) by aeroplanes is always in the admiraltys mind — but it is very difficult as all is well defended and one has to wait for a favorable opportunity or the attempt has no chance of success. It is distressing that the only passage into the Baltic for men-of-war, wh. is at all possible of being used, is through the Sound, wh. is not deep enough for battleships or big cruisers. In the North Sea the Germans have strewn mines far out all over the place recklessly endangering neutral trading ships and now that the first strong autumn winds are blowing, they will drift (for they are not anchored) on the Dutch and Norwegien and Danish shores (some round the German, one must hope) «She sends much love. — The sun shone so brightly this afternoon — but not in my room — tea was sad and strange and the armchair looked mournful without my precious One in it. — Marie and Dmitri dine, so I will stop writing and shut my eyes a little — and finish to-night. — Marie and Dmitri were in good spirits, they left at 10 so as to go to Paul. Baby was restless and only got to sleep after 11, but no strong pain. The girls went to bed, and I to surprise Ania who lay on her sopha in the big palace — she has now *obliteration of veins*, so Princess Gedroytz had been again to her and told her to keep quiet a few days — she had been by motor to town to see our friend and that had tired her leg. I returned at 11 and went to bed.

My face is tied up, as the teeth, jaw ache a bit; the eyes are sore and swollen still, and the heart yearns after the dearest being on earth who belongs to old Sunny. — Our Friend is happy for your sake that you have gone and was so glad to have seen you yesterday. He always fears Bonheur, that is to say, the *crows* want him to get the P. throne for in *Galicia* that that is there aim but I said she should quieten him, even out of thanks you would never risk such a thing. *Gr.* loves you jealously and cant hear N. playing a part. — Xenia answered my wire — is sad not to have seen you before you left — her train arrived. I miscalculated, Schulenburg cannot be here before to-morrow afternoon or evening, so I shall only get up for Church, a little later too. —

No. 5. *Tsarskoje Selo,* 21th Sept. 1914

My very own beloved One,

What joy to receive your 2 dear telegrams — thank God for the good, such a comfort to receive it upon your arrival. God bless your presence there. Do so

wonder, hope and trust that you will see the troops. — Baby had a rather restless night but no real pain. I went up to kiss him before Church, at 11. Lunched with the girlies on my sopha, Bekker arrived. Then lay near Alexeis bed for over an hour and then off to the train — not very many wounded. Two officers of one regiment and *rota* died on the journey and one soldier. Their lungs are much attacked after the rain and having gone through the *Nieman* in the water — no acquaintances army regiments — one soldier remembered seeing us at Moscou this summer at the *Khodynka*. *Paretzky* got worse from his ill heart and overstrain, looks very bad, sunken in face, staring eyes, grey beard, — painful impression poor dear — not wounded. — Then we 5 went to Ania and took tea early there. At 3 went to our little hospital to put on our *chalat* and off to the big hospital, where we worked hard. At 5½ I had to return with M. and A. as received an *otriad* with Masha *Vassiltchikov's* brother at the head. Then back to the little hospital, where children were working and I did 3 new officers — then showed *Karangosov* and *Zhdanov* how to really play domino. After dinner and prayers with Baby, went to Ania where the 4 girls already were and saw *N. P.* who had dined with her. He felt comforted to see us, as very lonely and feels himself so useless. Princess Ged. came to see Anias leg wh. I then bandaged and we gave her a cup of tea. Dropped *N. P.* in the motor near the station. Bright moon, cold night. Baby is sleeping fast. All the little family kiss you ever so tenderly. Miss my Angel quite horribly, and at night whenever woke up tried to be silent not to wake you up. So sad in Church without you near me. Goodbye Sweetheart — my prayers and thoughts follow you everywhere. Bless and kiss you without end, every dearly beloved place.

Your own old

Wify.

N. Gr. Orlova is going off to morrow to *Baranovitchi* see her husband 2 days. *Ania* heard from *Saschka* — and 2 letters from her brother. —

No. 6.

Tsarskoje Selo, 23rd Sept. 1914

My own beloved Darling,

I was so sorry not to be able to write to you yesterday, but my head ached hideously & I lay all the evening in the dark. In the morning we went to the *Grotto church* for half of the service & it was lovely; I had been before to see Baby! Then we fetched the Pss. G. at Anias.

My head already ached & I cant take any medecins now, neither for the heart. We worked from 10—1, as there was an operation wh. lasted long.

After luncheon I had Schulenburg who left again to-day, as Rennenkampf told him to hurry back. Then I came up to kiss Baby & went down & lay on my bed till tea-time, after wh. I received *Sandra Schouvalov's otriad*, after wh. to bed with a splitting headache. Ania was offended I did not go to her, but

she had lots of guests, & our Friend for three hours. The night was not famous & I feel my head all day — heart enlarged — generally I take drops 3 or 4 times a day, as otherwise I could not keep up, & now I cant these days. — I read *Doklady* in bed & got on to the sopha for luncheon. Then received the couple Rebinder from *Kharkhov* they have my *stores* there & she had come from *Vilna* where she had been to bid goodbye to her brother *Kutaissov*. He showed her the Image I had sent the battery from Baby & it looked already quite used it seems they daily have it out for prayers & before every battle they pray before it — so touching. —

Then I came to Baby & lay near him in the half dark whilst *Vlad. Nik.* was reading to him, now they are playing together, the girls too, we have had tea up here too. — The weather is bright, in the night almost frost. —

Thank God the news continues being good & the Prussians retire. The mud hunted them away. *Mekk* writes that there are a good many cases of cholera & dissentry in *Lvov* but they are taking sanitary measures. — There have been difficult moments there, according to the papers; but I trust there wont be anything serious — one cannot trust those Poles — after all we are their enemies & the catholics must hate us. — I shall finish in the evening, cant write much at a time. — Sweet Angel, soul & heart a r e e v e r with you.

I am writing on Anastasias paper. Baby kisses you very much — he has no pains at all, lies, because the knee is still swollen, do hope he can be up then by your return. — I got a letter from old M-me *Orlova*, to whom *Ivan* wrote that he wants to continue the military service after war — he told me as much too — he is *Flyer Orlov, 20th Corps, active Army* — he received the St. George's cross, has the right to another decoration, but perhaps he might receive the grade of *praporstchik* (or *podporoutchik*). He did his *»reconnoitring under heavy fire of the enemy«* — one day he flew alone particularly high up & the cold was so intense, he did not know what to do — the hands freezing — machine stopped working — he did not care what would become of him, so numbed he felt — then he began praying & all of a sudden the machine went off working again alright. When it pours they cannot fly so sleep & sleep. Plucky boy to fly so often alone — what nerves one needs; indeed his father would have been proud of him therefore the Grandmama asks for him. — I write abominably to-day, but my brain is tired & heavy. — Oh my sweetheart, what an i n t e n s e joy it was when your precious letter was brought to me, & I thank you for it from all my heart. It was good of you writing — I read parts of it to the girls & Ania, who had been permitted to come to dinner & remained till 10½. How interesting it must all have been. — *Rouzsky* for sure was deeply moved that you made him general adj. Wont agoo wee one be happy you wrote! He has no more pain, thank God. You are probably now off in the train again — but how short you remain with Olga. What a recompense to the brave garnison of *Ossowetz* if you go there; — perhaps *Grodno*, if some troops are still resting there. — *Schulenburg* saw the lancers, their horses are completely done up, the backs sore to blood — hours in the saddle — & their legs quite weak. As the train stood near *Vilna* several of the officers came & slept change about several hours on his bed, & they enjoyed this

luxury of a train-bed even, & to find a real W. C. was exquisite joy to them, *Kniajevitch* did not want to come out any more he was so comfortable there! (this *Sch's* wife related to *Ania*).

And beloved huzy misses his little Wify! And do I not you too! But I have the nice family to cheer me up. — Do you go into my compartment sometimes? Please give Fred. many kind messages. Have you spoken to Feodorov about the military students & Drs? — No telegram from you to-day, that means that you did nothing in particular, I suppose. —

Now my own sweetest one my Nicky dear, I must be trying to sleep & lay this letter out to be taken at 8½. —

I had no more ink in my pen, so had to take another.

Goodbye, my Angel, God bless & protect you & bring you safe & sound back again.

Ever possible tender kiss & caress fr. yr. foundly loving & truly devoted little Wify.

Wify.

Ania thanks for your message & sends much love. —

No. 7.

Tsarskoje Selo, Sept. 24-th 1914

My beloved Darling,

From all my heart I thank you for your sweet letter. Your tender words touched me deeply and warmed my lonely heart. I am deeply disappointed for you that one advises you not to go to the fortress — it would have been a real recompense to those wonderfully brave men. One says Ducky went there for the thanksgiving Te Deum and that she heard the cannons firing in the distance. — At *Vilna* there are many troops resting as the horses are so worn out, I hope you can see them. Olga wrote such a happy telegram after having seen you — dear child, she does work so bravely, and how many grateful hearts will carry home pictures of her bright sweet being into the ranks again and others home into their villages and her being your Sister will make the link yet stronger between you and the people. — I read such a pretty article out of an English paper — they praise our soldiers so much and say that their deep religiousness and veneration for their peace-loving monarch makes them fight so well and for a holy cause. — How utterly shameful that the Germans have shut the little Grandduchess of Luxemburg in a castle near Nürnberg — such an insult! — Fancy only I got a little letter from Gretchen without signature or beginning, written in English and sent from England and the adress written in another handwriting — I cannot imagine how she got it sent. — Ania's leg is much better to-day, and I see she intends to be up for your return — I wish she had been well now and the leg next week bad, then we should have had some nice quiet evenings cosily to ourselves. — We only went at 11 to the hospital,

fetched the Pss. at Anias. We assisted at 2 operations — she did them sitting, so as that I could give her the instruments sitting too. The one man was too amusing when he came to himself again in bed — he began singing away at the top of his voice and very well, and conducting with his hand, upon wh. I concluded he was a »*Zapievalo*« — and so he was most cheery and said he hoped he had not used rude language — he wishes to be a hero and soon go back again to the war as soon as his foot heals up again. — The other one smiled mischivously and said: »*I was far, far away, I walked and walked, — it was nice over there. Almighty God, we were all together you don't know where I have been!*« and thanking God and praising him — he must have seen wonderful sights whilst one was extricating the ball out of his shoulder. She did not let me bind up anyone, so as to keep quiet, as felt my head and heart. After luncheon I lay in Babys room till 5, Mr. G. read to him and I think I took a short nap. Then Alexei read 5 lines in French aloud, quite nicely. Then I received Uncle *Mekk* after wh. I flew for a half an hour with Olga to Anias house, as our Friend spent the afternoon with her and wanted to see me. He asked after you and hoped you would go to the fortress. — Then we had our lecture with Pss. G. — After dinner the girls went to Ania where *N. P.* was, and I followed after prayers. We worked, she glued and he smoked. She is not over amiable these days and only thinks of herself and her comfort and makes others crawl under the table to arrange her leg on lots of cushions, and does not trouble her head whether others sit comfortably — spoilt and badly brought up. She has lots of poeple coming to see her all day long, so she has no time to be lonely, tho' when you return she will groan that she was wretched the whole time. — She is surrounded by several big photos of you enlarged ones of hers — in every corner and heaps of small ones. — We dropped *N. P.* near the station and were home at 11. — I wanted to go to Church every day and only got there once, such a pitty, as it is such a help when the heart feels sad. We always place candles before we go to the hospital and I like to pray for God and the holy Virgin to bless the work of our hands and to let them bring healing to the ill. — I am so glad you are feeling better again, such a journey is beneficient, as still you feel yourself nearer to all and could see the chiefs and hear all from them directly and tell them your ideas. —

What joy for Keller — he really has deserved his cross and now he has repayed us for everything, it was his ardent wish all these years. — How dead-tired the French and English troops must be, fighting without ceasing for 20 days or more. — And we have the big guns from Koenigsberg against us. To-day Orlov sent no news, so I suppose nothing in particular has occurred.

To be away from all the petty talks must do you good — here there are such rumours always, and generally without foundation. — Poor old Fredericks, the other one, had died. How sad our poor old one got worse again — I was so afraid it might happen again when out with you, and it would have been more delicate had he remained behind — but he is so deeply devoted to you, that he could not bear the idea of your going alone. I fear we shall not keep him long amongst us, his time is near at hand — what

a loss it will be — there are no more such types to be found and such an honest friend is difficult to replace. — Sweetheart, I hope you sleep better now, I cannot say that of myself, the brain seems to be working all the time and never wanting to rest. Hundreds of ideas and combinations come bothering one. — I reread your dear letters several times and try to think its Lovy speaking to me. Somehow we see so little of each other, you are so much occupied and one does not like to bother with questions when you are tired after your »*doklady*« and then we are never alone together. — But now I must try and get to sleep, so as to feel stronger to-morrow and be of more use — I thought I should do so much when you were away, and Bekker spoilt all my plans and good intentions. — Sleep well wee One, holy Angels guard your slumber and Wify's prayers and love suround you with deep devotion and love.

25-th. Good morning my treasure. To-day the Feldjeger fetches the letter later so I can write still a little. This may be the last letter if Fredericks is right, that you are returning to-morrow, but it seems to me you wont, as you are sure to be seeing the hussars, lancers, artillery and other troops resting at *Vilna*. There were 2 degrees of frost this night — now there is again glorious sunshine. — We shall be at 11 at the hospital, I still cannot take medicins wh. is a great nuisance, as my head daily aches tho' not very strongly and I feel my heart, tho' it is not enlarged, but I must keep still rather quiet to-day. I have not been for a real airing since you left. — Sergei is a little better — Pss. Orlov too feels quite alright, only weak. — Baby slept and feels well. One continues speaking of that property in the Baltic provinces where the place is marked white and a hydroplane rested upon their lake there — as tho' officers, ours, had dressed in plain clothes and seen it — nobody is allowed to go there. — I do wish one could have it seriously enquired into. — There are so many spies everywhere that it may be true, but it would be very sad, as there are still many very loyal subjects in the Baltic provinces. This miserable war, when will it ever end. William, I feel sure must at times pass through hideous moments of despair, when he grasps that it was he, and especially his antirussian set, wh. began the war and is dragging his country into ruin. All those little states, for years they will continue suffering from the after-effects. It makes my heart bleed when I think how hard Papa and Ernie struggled to bring our little country to its present state of prosperity in every sense. — With God's help here all will go well and end gloriously, and it has lifted up spirits, cleansed the many stagnant minds, brought unity in feelings and is a »healthy war« in the moral sense. Only one thing I long that our troops should behave examplarily in every sense, and not rob and pillage — leave that horror to the Prussian troops. It is demoralising, and then one looses the real control over the men — they fight for personal gain and not for the country's glory, when they reach the stage of high-way robbers. — No reason to follow bad examples — the rearguard, »*obozy*« are the curse in this case all speak in despair of them, nobody to hold them in hand. — There are always ugly sides and beautiful ones to everything, and so is it here. — Such a war ought to cleanse the spirits and not defile them, is it not so? — Some regiments are very severe I know and try to keep order — but a word

from above would do no harm, this is my very own idea, Darling: because I want the name of our russian troops to be remembered hereafter in the countries with awe and respect — and admiration. Here people do not ever quite grasp the idea that other peoples property is sacred, and not to be touched — victory does not mean pillage. — Let the priests in the regiments say a word to the men too on this topic. —

Now I am bothering you with things that do not concern me, but only out of love for your soldiers and their reputation.

Sweetest treasure, I must be ending now, and get up. All my prayers and tenderest thoughts follow you; may God give you courage, strength, and patience, — faith you have more than ever and it is this wh. keeps you up — yes prayers and implicid trust in God's mercy alone, give one strength to bear all. And our Friend helps you carry yr. heavy cross and great responsabilities — and all will come right, as the right is on our side. I bless you, kiss your precious face, sweet neck and dear loving handies with all the fervour of a great loving heart. How lovely to have you soon back again. Your very own old

Wify.

No. 8.

Tsarskoje Selo, Oct. 20-th 1914

My love of loves, my very own One,

Again the hour of separation is approaching & the heart aches with pain. But I am glad for you that you will get away, see other things & feel nearer to the troops. I hope you can manage to see more this time. We shall eagerly await your telegrams. When answering to the *Headquarters* I feel shy because I am sure — lots of officers read the telegrams & then one cannot write as warmly as one would wish to. That *N. P.* is with you this time, is a comfort to me — you will feel less lonely as he is bit of us all & you understand many looks & things together which warm one up, & he is intensely grateful & rejoicing to go with you, as he feels so useless in town, with all the camrades out at the war. — Thank God you can go away feeling quiet about Baby sweet — if there should be anything the matter, I shall write »*rutchka*«, all in the diminutive, then you will know I write about agoowee one. — Oh, how I shall miss you — I feel so low these days already & the heart so heavy — its a shame as hundreds are rejoicing to see you soon — but when one loves as I do — one cannot but yearn for ones treasure. Twenty years to-morrow that you reign & that I became orthodox! How the years have flown, how much we have lived through together. Forgive my writing in pencil, but I am on the sopha & you are confessing still. Once more forgive your Sunny if in any way she has grieved or displeased you, & believe it never was willingly done. — Thank God we shall have the blessing of Holy Communion together to-morrow

— it will give strength & peace. — May God give us success on shore & at sea — our fleet be blessed. — Oh my love, if you want me to meet you, send for me & O. & T. — Somehow we see so little of each other & there is so much one longs to talk over & ask about, & at night we are tired out & in the morning are hurrying. I shall finish this in the morning. 21-st. How lovely it was to go to Holy Communion together on this day — & the glorious sunshine — may it accompany on yr. journey in every sense. My prayers & thoughts & very, very tenderest love will follow you all the way. Sweetest of loves, God bless & protect you & the Holy Virgin guard you from all harm. My tenderest blessing.

Without end I kiss you & press you to my heart with boundless love & fondness.

Ever, Nicky Mine, yr. very own little

Wify.

I copy out *Gr.*'s telegr. for you to remember:

»Having been administered the sacred mysteries at the communion cup, beseeching Christ, tasting of His body and blood, there was a spiritual vision of Heavenly Beautiful rejoining. Grant that the Heavenly Power be with you on the road, that angels be in the ranks of our warriors for the salvation of our steadfast heroes with joy and victory.«

Bless you.
Love you.
Long for you.

No. 9.

Tsarskoje Selo, Oct. 21-st 1914

My own sweet Love,

It was such an unexpected joy to get your dear telegram, and I thank you for it with all my heart. Thats nice that you and *N. P.* took a turn at one of the little stations, it will have freshened you up. — I felt so sad seeing your lonely figure standing at the door — it seems so unnatural your going off all alone — everything is queer without you, our centre, our sunshine. I gulped down my tears and hurried off to the hospital and worked hard for two hours. Very bad wounds; for the first time I shaved one of the soldiers legs near and round the wound — I worked all alone to-day, without a sister or Dr. — only the Princess came to see each man and to what was the matter with him and I asked her if it was right what I intended doing — tiresome Mlle Annenkov gave me the things I asked for. Then we went back to our little hospital and sat in the different rooms with the officers. From there we went and looked at the little *Pestcherny Chapel* under the old *Palace Hospital* once — in Catherin's time there was a Church there. This has been done in remembrance of the 300 years Jubilee — it is quite charming all chosen by *Viltchkovsky,* purest and ancient Byzantine style, absolutely correct

— you must see it. The consecration will be on Sunday at 10, and we shall get our officers and men who are able to move, to come to it. There are tables with the names of those wounded who have died in all our hospitals of *Tsarskoje Selo,* and those officers too who received St. George's crosses or the *gold arms*. After tea we went to M. and A.'s hospital — they have several very gravely wounded men. Upstairs are 4 officers in most cosy rooms. — Then I received 3 officers who return to the *Active Army* — one lay in our hospital and the other 2 in my redcross *station* here; then I rested. Baby said his prayers down here, as I was too tired to go up. Now O. and T. are at Olga's Committee — before that *Tatiana* received Neidhardt alone for half an hour with his *report* — its so good for the girls and they learn to become independant and it will develop them much more having to think and speak for themselves, without my constant aid. — I long for news from the Black Sea — God grant our fleet may have success, I suppose they give no news, so as the ennemy should not know their whereabouts by wireless telegraphy. —

It is very cold again to-night. I wonder whether you are playing domino! Oh, my love, how lonely it is without you! What a blessing we took Holy Communion before you left — it gave strength and peace. What a great thing it is to be able to take holy Sacrement at such moments and one longs to help others to also remember that God gave this blessing for all — not as a thing that must be done obligatorily once a year in lent — but whenever the soul thirsts for it and needs strength. When I get hold of people alone who I know suffer much — I always touch this subject and with God's help have many a time succeeded in making them understand that it is a possible and good thing to do and it brings relief and peace to many a weary heart. With one of our officers I also spoke and he agreed and was so happy and courageous afterwards and bore his pains far better. It seems to me this is one of the chief dutys of us women to try and bring people more to God, to make them realise that He is more attainable and near to us and waiting for our love and trust to turn to Him. Shyness keeps many away and false pride — therefore one must help them break this wall. — I just told the Priest last night that I find the clergy ought to speak more with the wounded in this way — quite simply and straight out, not sermonlike. Their souls are like children and only at times need a little guiding — with the officers its far more difficult as a rule. —

22-nd. Goodmorning my treasure. I prayed so much for you in the little Church this morning — I came for the last 20 min: — it was so sad kneeling there all alone without my treasure, that I could not help crying. But then I thought of how glad you must be to get nearer to the front and how eagerly the wounded will have awaited your arrival this morning at *Minsk*. We bound up the officers from 10—11 and then went to the big hospital for three operations — serious ones rather, 3 fingers were taken off as bloodpoisoning had set in, and they were quite rotten. Another had an »*oskolok*« taken out of his — another lots of *fragments* (bones) out of his leg. I went through several *wards*. Service was going on in the big

hospital-church and we just knelt down on the top balkony during the prayer to the Kazan Virgin's Image. Your *Rifles* feel sad with you away. — Now I must be off to my *supply* train No. 4.

Goodbye my Nicky love, I bless and kiss you over and over again. Slept badly, kissed your cushion and thought much of you.

Ever your very own little

Wify.

I bow to all and specially to *N. P.* whom I am glad you have with you — more warmth near you. —

No. 10.

Tsarskoje Selo, Oct. 22-nd 1914

My own beloved One.

It is 7 o'clock and as yet no news from you. Well, I went to see my *supply-train* No. 4 with *Mekk* — they leave to-night for *Radom* I think and from there *Mekk* will go to see *Nikolasha*, as he must ask him some questions. He told me privately from Ella that she wants to go and see my *store* at *Lvov*, without anybody knowing about it — she will come here so as that the Moscou public should know nothing, the first days of November! We envy her and Ducky fearfully — but still hope you will send for us to meet you. It will be hard leaving Baby, whom I have never been long away from, but whilst he is well and M. and A. are there to keep him company, I could get away. Of course I should like it to be a useful journey — best if I could have gone with my train, one of the sanitary ones — out to their destination to see how they take in the wounded and bring them back again and look after them. Or meet you at *Grodno*, *Vilna*, *Bielostok* where there are hospitals. But that I all leave in your hands, you will tell me what to do, where to meet you — or to *Rovno* and *Kharkov* — whatever suits you — the less one knows I come, the better. — I received *Schulenburg* who leaves to-morrow, (my train which *Loman* and Co. arrange) leaves the 1-st I think. Then we had the P-ss. for our lecture. We have finished a full surgical course, with more things than usual, and now shall go through anatomy and interior illnesses as its good to know that all for the girls too. —

I have been sorting out warm things for the wounded returning home — and going back to the army again. *Ressin* has been to me and we have settled to go to *Luga* to-morrow afternoon to my »*Svietelka*«. It was a *country-house* given to *Alexei* which I took and arranged as a »dependance of my *school of popular art*,« — the girls work, make carpets there and teach the village women how to make them — then they get their cows and poultry and vegetables, and will be taught *housekeeping*. Now they have arranged 20 beds and look after the wounded. — We have to take a short train, as the ordinary ones go slower and at inconvenient hours — Ania, Nastinka and *Ressin* will accompany us three — nobody is to know anything about it. M-elle Schneider

only knows A. and N. are coming, — otherwise she might just be away. — We shall take simple *cabs* and go in our nurses' dresses to attract less attention and as its a hospital we visit. — M-me Becker is a bore, should be much freer without her. — How vile one having thrown bombs from aeroplans on to King Albert's Villa in which he just now lives — thank God no harm was done but I have never known one trying to kill a sovereign because he is ones enemy during the war! —

I must rest a 1/4 of an hour before dinner with shut eyes — shall continue to-night. —

What good news! *Sandomir* ours again and masses of prisoners heavy guns and quickfiring ones — your journey has brought blessings and good luck again. — Baby love came down to say prayers again, as I felt so tired in every sense. My Image was in Church this morning and hangs now in its place again. — It is warmer this evening so I have opened the window. — Ania is in splendid spirits and enjoys her young operated friend — she brought him your »*Skopin S.*« to read. — Ago wee one wrote out for me during dinner on the menu j'ai, tu as etc. so nicely; how you must miss the little man! Such a blessing when he is well!! I gave my good night kiss to your cushion and longed to have you near me — in thoughts I see you lying in your compartment, bend over you, bless you and gently kiss your sweet face all over. — oh, my Darling, how intensely dear you are to me; — could I but help you carrying your heavy burdens, there are so many that weigh upon you. But I am sure all looks and feels different now you are out there, it will freshen you up, and you will hear lots of interesting things. — What is our blacksea fleet doing? The wife of my former »Crimean« *M. Lichatchev* wrote to Ania from Hôtel Kist, that a shell had burst quite near on the place there. She pretends the German ship got one shot from us, but that he was not blown up by our mines, over which she went, because Eberh. had them (how does one say it?) ausgeschaltet, I can't find the word, my brain is cretinised. Probably our squadron was intending to go out, she said they were heating the boilers when the shots flew — well, this is lady's talk, may or may not be true. I enclose a telegram from Keller sent through *Ivanov* to Fredericks for me — an answer to mine probably of congratulations for his St. Georges Cross. — In what a state of nervousness *Botkin* must be, now that *Sandomir* is taken; — wonder whether his poor son is yet alive. — Ania sends you rusks, a letter and newspapers open. — I shall have no time to write to-morrow in the day, as we go for half an hour to Church, then to the hospital, and at 1 1/2 to Luga, back by 7 — shall lie in the train, takes 2 hours there and 2 back. — Goodnight my sunshine, my very Own one, sleep well, holy Angels guard your bed and the blessed Virgin keeps watch over you. My very tenderest thoughts and prayers hover ever around you — yearning and longing, feeling your moments of loneliness accutely. Bless you.

23-rd. Good morning Lovy mine! Bright and sunny! We had little to do this morning and so I sat nearly all the time and did not get tired. — We went a moment to Mme Levitzky to see her 18 wounded, all our old friends. Now we must eat and fly — too bad, C-ss Adlerberg has found out

we go and wants to come — but I have told Iza to answer that she knows nothing and once I say nothing, it means I wish it to be kept secret, so as better to see things than when all is prepared. — Goodbye Sweetheart, I bless and kiss you over and over again.

Your very own

Wify.

My love to *N. P.* to whom we send this card. —

No. 11.

Tsarskoje Selo, Oct. 23-rd 1914

My sweetest Love,

Thank God for the good news that the Austrian army is in full retreat from the river San, and what good news in Turkey — *Endigarov* is wild with joy and my »*Crimeans*«. — I beg your pardon for having forgotten to send Ania's rusks, but I had to seal up my letter in such a hurry before we left, that I forgot sending them, but shall forward them to-morrow. Our expedition to *Luga* was most successful. When we arrived at the station we were met by old Mlle Sheremetiev (sister of Mme *Timashev*) who told me that there were two hospitals, and she thought I had come on purpose — so I told her we should go there after the »*Svietelka*«. We went off in three *cabs,* with the *chief of police* in front in a charming cart. The 3 hospitals were very far from each other, but we enjoyed the primitive drive through the streets and sandy roads into the pinewood — quite near the place where we took a walk then near a lake years ago ... Mlle *Schneider* got an awful shock when she saw us, as she never received Ania's telegram, and laughed nervously, excitedly the whole 20 m. we were there. 20 men lie in the little *country house* — they had been wounded near *Suvalki* end of Sept., but light wounds — they were evacuated from *Grodno.* They all came by the same train, 80 men on the whole, mostly regiments from the Caucasus. One »*Erivanetz*« who had seen us at Livadia. — One *Timashev* daugther was in one hospital as nurse and a younger sister M-lle *Sheremetiev* at the head of another near the Artillery barracks. — Friede I suddenly discovered there. Many of the men were soon going off again to the army. They have a *Kitchen* at the station since 2 months and not one sanitary or military train has stopped there. On our way back we took tea. We knitted a lot and Ressin kept us company. — The weather was fine and not too cold. It is nearly 1. I think I ought to try and sleep —. I had very little sleep these nights, tho' I kept the window open till 3 o'clock in the night. — Baby sweet motored in the garden, M. and A. drove with Isa, went to their hospital and then worked in the *supply store.* I received Alia who accompanys her husband on Sunday till where Misha is. — Goodnight my Sunshine, my huzy sweet, sleep peacefully and feel wify's presence ever near you full of love.

24-th. I must finish my letter, then lunch, change and be off to town to my *store* and if headache not much worse, then to my *Krestov. Red Cross Station.* — We worked all the morning and were very sad to bid goodbye to my 5 *Crimeans,* and lancer *Ellis* who are off with 3 others in a waggon with a nurse and 1 sanitary to *Simferopol* and *Kutchuk-Lambat.* — *Mme Muftizade* returned from the Crimea and brought me roses and apples. — God bless you my Angel love.

I kiss you ever so tenderly,

your very own

Sunny.

Thank God my *Alexander* squadron has turned up. I was so anxious about them. Our love to *N. P.*

No. 12.

Tsarskoje Selo, Oct. 24-nd 1914

My own precious Darling,

Well we got through everything alright in town. Tatiana had her Committee which lasted 1½ hour; she joined us at my *Krestov. Red Cross Station,* where I went with Olga after the *supply store.* Lots of people were working in the Winter Palace and many came to fetch work and others to bring back their finished things. I saw the wife of a Dr. there, who just had a letter from her husband from *Kovel,* where he is in a military hospital, where they have very little linnen and nothing to dress the men in, when they leave the hospital. So I quickly told them to put lots of linnen and *warm undergarments* to send to *Kovel* and a biggish Image of Christ painted on linnen (and brought as a gift to the *store)* as its a little jewish town and they have no Image in their hospital which is in barracks. I wonder how you spend your days and evenings and what your plans are. Our Friend was very pleased we went to *Luga* and in sisters dresses and wants me to go about more and not to wait for your return to go to *Pskov,* so I shall spin off again, only this time must tell the Governor I suppose, as its a bigger town — but that makes it always shyer work. I shall take then linnen with me to the military hospital which Marie said needed things, or send it after. — There were many wounded at the *Red Cross Station* to-day, one officer had been 4 days in Olga's hospital and said there was not such a second sister. Some men had very serious wounds. They had mostly been wounded near *Suvalki,* or been lying since some time at *Dvinsk.* — We read the discription of your visit to Minsk in the papers; I received a wire from the Governor thanking for the Images and gospels you had left there from me. — Now I must try and sleep, which I do very badly all these nights — cannot get off to sleep before 3 or 4. Goodnight my Sunshine, I bless and kiss you as tenderly and lovingly as is only possible. —

25-th. Goodmorning my love! I slept much better this night, only need to begin more heartdrops I feel, as chest and head ache. Thermometer is on

zero this morning. — Ania is in excellent spirits this time. — Our Friend intends leaving for home about the 5-th and wishes to come to us this evening. Paul has asked to take tea and Fred. to see me, so we will lunch and then we have to go to the consecration of the hospital in the »*Mixed Regiment*«, which has got already wounded out of M. and A.'s hospital, who were already better and had to leave to give place for severely wounded. — Now must get up and dress for the hospital — and place candles at *Znamenia* before.

God bless and keep you, my Treasure. Have no time for more. Kisses without end. Ever your own old

Wify.

The girls kiss you fondly. — Our love to *N. P.*

No. 13.

Tsarskoje Selo, Oct. 25-th 1914

My own sweet Treasure,

Now you are off to *Kholm* and that will be nice and remind you of ten years ago. Loving thanks for your telegram — it was surely pleasant seeing your dear hussars, and the G. à Cheval in Reval. — After the hospital this morning we went into 2 private houses to see the wounded — always old patients of ours. Fredericks came to luncheon, really he had nothing to tell, brought several telegrams to show and looked pretty well. At 1/4 to 2 we were at the barracks of the *Mixed Regiment* looked at the hospital arranged and had a *Te Deum* and blessed the rooms — the men looked very contented and the sun shone brightly upon them. From there we went to *Pavlovsk,* picked up Mavra who showed us over four hospitals. — Paul came to tea. He longs to go to the war, and so I am writing this to you with his knowledge, so as for you to think it over before you meet him again. All along he hoped you would take, but now he sees there is little chance, and to remain at home doing nothing drives him to exasperation. He would not like to go to *Russky's* staff as would be inconvenient, but if he might begin by going out to his former comrade *Bezobrazov* he would be delighted. Wont you speak this question over with *Nikolasha?* — Then we went to the evening service in the new *Pestcherny Chapel* under the existing one in the big *Palace* hospital. There was a Church there in Catherin's time; after that we sat with our wounded; many of them and all the nurses and ladies had been in Church. *Gogoberidze* the »*Erivanetz*« had just arrived. — Our Friend came for an hour in the evening; he will await your return and then go off for a little home. — He had seen M-me *Muftizade* who is in an awful state, and Ania was with her — it seems *Lavrinovsky* is ruining everything — sending off good Tartars to Turky and most unjust to all — so that they begged her to come to their Valideh to pour out their complaints, as they are truly devoted subjects. They would like *Kniazhevitch* to replace *Lavrinovsky,* and our Friend

wishes me quickly to speak to *Maklakov,* as he says one must not waste time until your return. So I shall send for him, pardon my mixing in what does not concern me, but its for the good of the Crimea and then *Maklakov* can at once write a *report* to you to sign — if you cannot let *Kniazhevitch* leave the army now (tho' I think he would be of more use in the Crimea) then another must be found. I shall tell *Maklakov* that you and I spoke about *Lavrinovsky* already. He seems to be most brutal to the Tartars and its certainly not the moment when we have war with Turky to behave like that. Please don't be angry with me, and give me some sort of an answer by wire — that you »*approve*«, or »*regret*« my mixing in — and whether you think *Kniazhevitch* a good candidate, it will quieten me; and I shall know how to speak to *Masha Muftizade.* — You remember he was angry she wished to see me about sending things to the regiment, and founded that Tartars must not show themselves in their dresses before us, and so on offending them constantly. He may do better in another government; I know *Apraxin* is of the same opinion, and was deeply grieved by the change he found. —

Its nearly one, must try and sleep. I saw Alia and husband at 10½, he joins *Khan* and Misha. —

26-th. We just returned from 2 hospitals, where saw wounded officers and the old Priest of your rifles from here, who got overtired and was sent back. — I enclose a letter from *Olga* for you to read (privately) and if you see her, can you give it back to her. I got another sweet letter from her to-day, so full of love, Dear Child, she does work so hard. Now, *Loman's* train (my name) will only be ready later, am so sorry. Wonder whether you will send for us anywhere, or whether we can get into Schulenburg's train, think he must return soon. — The weather is mild to-day and its gently snowing. Baby motored and then made a fire which he enjoyed. — The Children told you probably all about the Consecration of the Church (you must see it) and that we visited our officers afterwards. *Egor* gave me news you had seen him. — Thank God all goes so well in Turky — would that our fleet could have success. — I received M-me *Kniazhevitch* (wife lancer) who offered me money for 10 beds from my lancer ladies — and through her husband I got money from all the squadrons and shall get monthly too, to keep up 6 beds — too touching. —

Then M-me *Dediulin* came to thank for my note and you for the telegram which came so unexpected and touched her very deeply. —

Must end now my treasure. Goodbye and God bless you, sweetest, deeply missed one. I cover your precious face with tender kisses.

Ever your very own wife. Alix.

Our love to *N. P.*

No. 14. *Tsarskoje Selo,* Oct. 26-th 1914

My very own precious One,

I fear my letters are somewhat dull, because my heart and brain are somewhat tired and I have always the same thing to tell you. Well, this after-

noon I wrote what we did. After tea we went with Alexei and Ania to the hospital and sat there for an hour and a half — several officers had gone to town as they did not know we would come. — Just this minute Tudels brought me a wire from *Botkin*, thank God he has news that his son recovered very well and was well looked after, but taken to Budapest Oct. 1-st — *Botkin* returns here over *Kholm*. — How nice that you were there for Church; do so wonder, whether you can get for a peep to *Lublin* or anywhere else to see some troops. — I am so glad it has been settled by the Princess and Zeidler that *Shesterikov* and *Rudnev* need not be operated, one can leave the bullets in them — its safer as they sit very deep in, and cause no pain. Both are enchanted, walk about again and went to the Consecration of the little Church this morning. — *Kulinev* we found less well, grown pale and suffers more from his head, poor boy. Young Krusenstern returned to his regiment. *Genig* lies in the red cross station; he is also contusioned in the head, lies with dark spectacles in a half dark-room. — The »*Erivanetz*« *Gogoberidze* has come to us now. — Baby says his prayers of an evening down here, so as for me not to go up, as I do much now and feel my heart needs caring after. — To-morrow its a week we parted, and the longing that fills my heart is great. I miss my Angel terribly, but get strength by remembering the joy of all who see you and your contentment at being out there. Do you play domino of an evening I wonder! We intend going to Georgi to-morrow to see his wounded, he only knows the big girls go, about myself I did not say — then I shall ask to see Sergei a minute — and go to some smaller hospitals. Now, after blessing and kissing you fondly in thought, I must put out my lamp and get to sleep — am very tired. —

27-th. I am so glad you are contented with your expedition. — We have had a busy day — 3 operations this morning, and difficult ones too, so had no time to be with ours in the little house, this afternoon were in town — went to *Georgi* — the wounded lie in the big room and looked contented. Sat with Sergei — find him much changed, greyish complexion, not thin face, eyes strange — is a little bit better, had been very bad; saw old Zander there. Then went to the *Palace Hospital* where wounded (and usual ill) lie — found Mr. Stuart there, lies there since 6 weeks, had typhoid. — Then off to the *Constantin School* on the *Fontanka*. There 35 men some *Izmailov* officers. — Am tired, have *Taneyev* at 6, and *Svetchin* with *report* at 6½. — Miss you always, my Sunshine, think of you with yearning love. — God bless and protect you, Nicky dear, big agoowee one. I kiss you over and over again

Ever your very own Wife

Sunny.

All the girls send you lots of love.

We also send our love to *N. P.*

No. 15.

Tsarskoje Selo, Oct. 27-th 1914

My own sweetest Nicky dear,

I have come earlier to bed, as am very tired — it was a buisy day, & when the girls went to bed at 11, I also said goodnight to Ania. her humour towards me has been not amiable this morning — what one would call rude & this evening she came lots later than she had asked to come & was queer with me. She flirts hard with the young *Ukrainian* — misses & longs for you — at times is colossaly gay; — she went with a whole party of our wounded to town (by chance), & amused herself immensely in the train — she must play a part & speak afterwards of herself the whole time & their remarks about her. At the beginning she was daily asking for more operations, & now they bore her, as they take her away from her young friend, tho' she goes to him every afternoon and in evening again.

Its naughty my grumbling about her, but you know how aggravating she can be. You will see when we return how she will tell you how terribly she suffered without you, tho' she thoroughly enjoys being alone with her friend, turning his head, & not so as to forget you a bit. Be nice & firm when you return & don't allow her foot-game etc. Otherwise she gets worse after — she always needs cooling down.

Her Father came with a *report* to me, then *Svetchin* about more motors he has got for our trains. — How is the news to-day, I wonder — she says our Friend is rather anxious — perhaps to-morrow He will see all better again, & pray all the more for success. My Becker wired from Varsovie telling about my squadrons 5 weeks amongst the enemy. They lost 1 officer & 23 men. I always kiss & bless your cushion in the evening & long for my Lovy.

I quite understand you had no time for writing & was grateful for your daily telegrams — & I know you think of me, & that you are occupied all day long. Dearest Treasure, this is my 7-th letter, I hope you get them alright. — Does *N. P.* photograph? He took his apparatus I think with him. — We had a letter from Keller again. — Css. Carlow's second daughter Merica is engaged to a Chevalier C. Orjevsky, who is only 22 — the mother is not contented. —

I saw in the papers that Greek Georgie & wife have left for Greece from Copenhagen via Germany, France & Italy — I am astonished one has let them through. —

What is Eberhardt doing? They have been bombarding Poti. —

Oh this miserable war! At moments one cannot hear it any more, the misery & bloodshed break one's heart: faith, hope & trust in God's infinite justice & mercy keep one up. — In France things go very slowly — but when I hear of success & that the Germans have great losses, I get such pang in the heart, thinking of Ernie & his troops & the many known names.

All over the world losses! Well, some good must come out of it, & they wont all have shed their blood in vain. Life is difficult to understand — »*It must be so — have patience*«, thats all one can say. —

One does so long for quiet, happy times again! But we shall have long to wait before regaining peace in every way. It is not right to be depressed but there are moments the load is so heavy & weighs on the whole country & you have to carry the brunt of it all.

I long to lessen your weight, to help you carry it — to stroke your brow, press you to myself. But we show nothing of what we feel when together, which happens so rarely — each keeps up for the others sake & suffers in silence — but I long often to hold you tight in my arms & let you rest your weary head upon my old breast. We have lived through so much together in these 20 years — & without words have understood each other. My brave Boy, God help you, give strenght & wisdom, comfort & success.

Sleep well, God bless you — holy Angels & Wify's prayers guard your slumber.

28-th. Good morning Darling! I slept very badly, only got off after 4 & then constantly woke up again, so tiresome, just when one needs a good rest. Its warmer to-day & grey weather. — Just before going to the hospital received your beloved letter — it was sweet of you to have rejoiced my heart like that — & I thank you from all my loving heart. — Certainly we shall come with greatest pleasure & let *Voyeikov* arrange all & say exactly, when to meet you — perhaps we can stop on the way out & see some hospital at *Dvinsk* or so — I have sent for *Ressin* to talk all over. — We shall then go off to *Pskov* to-morrow, sleep this night in the train, & be back to-morrow for dinner. Probably Babys train will arrive Thursday. — We saw Marie's at *Alexander* station — the most were wounded in the legs — came from Varsovie hospitals & Grodno. —

We are going to another hospital now directly. — I think, if its possible to stop perhaps at *Dvinsk* on the way to you, if there is time. R. is finding out about the hospitals (privately) — there we shall go as sisters (our Friend likes us to) & to-morrow also. But being with you at *Grodno* we shall dress otherwise, not to make you shy driving with a nurse. —

M. is coming at 9, & I shall tell him also your wish about *Lavrinovsky.*

Feeling myself a wound-up mashine which needs medicins to keep her up — seeing you, will help mightily.

I think of bringing Ania & Iza & *O. Evg.* & perhaps one maid for the 2 girls & me, & one for the ladies (to meet you) — the less people the better & to hang less on to your train afterwards. — Its best taking *Ressin* I think, as a military man. — Now must end.

Blessings & kisses without end. The joy of seeing you will be intense — but hard leaving my Sunbeam. — Instead of *Pskov,* perhaps we might stop with you still in some other town. — I bless you over & over again — a whole week already to-day! Work is the only remedy. —

Ever your

very own old

Sunny.

Love to *N. P.*

Nr. 16.

Tsarskoje Selo, Nov. 17-th 1914

My own beloved One,

The train will be carrying you far away from us when you read these lines. Once more the hour of separation has come — & always equally hard to bear. — The loneliness when you are gone, tho' I have our precious Children, is intense — a bit of my life gone — we make one.

God bless & protect you on your journey & may you have good impressions & shed joy around you & bring strength & consolation to the suffering.

You always bring »*revival*« as our Friend says. I am glad his telegram came, comforting to know His prayers follow you. —

Its good you can have a thorough talk with N. & tell him your opinion of some people & give him some ideas. May again your presence there bring goodluck to our brave troops. —

Our work in the hospital is my consolation & the visiting the specially suffering ones in the big palace. — I only dread Ania's humour — last times our Friend was there, once a bad leg, & then her little friend.

Lets hope she will hold herself in hand. I take all much cooler now & don't worry over her rudenesses & moods like formerly — a break came through her behaviour & words in the Crimea — we are friends & I am very fond of her & always shall be, but something has gone, a link broken by her behaviour towards us both — she can never be as near to me as she was. — One tries to hide one's sorrow & not pride with it — after all its harder for me than her, tho' she does not agree — as you are all to her & I have the children — but she has me whom she says she loves. — Its not worth while speaking about this, & it is not interesting to you at all.

It will be a joy to go & meet you, tho' I hate leaving Baby & the girlies. And I shall be so shy on the journey — I have never been alone to any big town — I hope I shall do all properly & your wife wont make a mess of herself. — Lovy my dear, huzy my very, very own — 20 years my own sweet treasure — farewell & God bless & protect you & keep you from all harm.

My light & sunshine, my very life & being. For all your love be blessed, for all your tenderness be thanked. I bless you, kiss you all over & gently press you to my deeply loving old heart.

Ever, Nicky my Own,

your very own

Wify.

I am so glad N. P. accompanies you, it makes me quieter knowing him near you and for him its such a colossal joy. —

Our last night together, its horribly lonely without you — and so silent — nobody lives in this story.

Holy Angels guard you and the Sweet Virgin spread her mantle of love around you. —

Sunny.

No. 17.

Tsarkoje Selo, Nov. 18-th 1914

My own beloved One,

As a Feldjeger leaves this evening, I profit to write & tell you how we spent the morning. Such pain fills the heart without my Sweetheart being here — so hard to see you having all alone. — We went straight to the hospital after Fredericks had given me a paper to sign at the station. We had a good deal to do, but I sat long whilst the children worked. A. was in a stupid, unamiable mood. She went off earlier to see Alia who arrives, & will only come back at 9 & not to our lecture. She never asked what I would do — once you are not there, she is glad to get out of the house. Its no good running away from ones sorrow. But I am glad to see less of her when she is unamiable.

What dirty weather! I am going to the Childrens' hospital & then to the big palace.

Marie & Olga go rushing about the room, Tatiana has a lesson, Anastasia sits with her — Baby is going out after resting. The Governor calls me quickly. — I just received M-me *Muftizade* & then the *business manager* of my *Tsarskoje Selo* red cross of *Suvalki.* He has come to fetch things & ask for 2 motors. —

Beloved One, my very own Huzy dear — me wants kiss you, to cudle close & feel comfy.

Now the children call me to the hospital, so I must be off. The man goes at 5. Goodbye lovy mine, God bless & keep you now & evermore.

All the children kiss you tenderly

Ever your very own

Wify.

No. 18.

Tsarskoje Selo, Nov. 19-th 1914

My very own beloved One,

Your letter was such an intense joy, consolation to me, God bless you for it and a thousand tender thanks. I love to read all the dear things you say, it warms me up because I cannot help feeling your absence greatly, the »thing« is missing in all the life of my home. I lunch now always on the sopha when we are alone. How lucky one has taken Rennenkampf away before you came, I am glad may they only find a good one instead — it wont be *Mistchenko* by any chance? He is so loved by the troops and a clever head, is he not? — One says the blue curassiers are enchanted to have my *Arseniev* and well they may be. — Really it was an excellent idea your arranging your stick for gymnastics — good excercise when you will be shut up for so long, except standing in hospitals which is horribly tiring. — At 9 Olga, Anastasia,

Baby and I went off to his train. We have very heavy wounded this time, the train was at *Sukhatchev, 6 versts* from the battle, and the windows shook from the artillery. Aeroplanes were flying there and over Varsovie. *Schulenburg* says that the 13 and 14 Sib. were hideously afraid off all and thought God was with the Germans, not grasping what the aeropl. were and so on, and one could not get them to advance — all new troops, and not real Siberians. They have discovered our 6 motors of his train, which had disappeared since the 1-st — they are at *Lodz* only cant get away, otherwise may be taken, but they do still bring wounded. Lots came on foot now so have their lungs in a precarious state. *Yagmin* arrived *(»Nizhegorodsky«)* I get no news — in town one says it was bad yesterday — in the papers lots are white, not printed; — probably we retreated near *Sukhatchev*. Some of these wounded had been taken by the Germans and then ours got them after 4 days back again. Dear me what wretched wounds, I fear some are doomed men; — but I am glad we have them and can at least do all in our power to help them. — I ought to have gone now to see the rest, but am too awfully tired, as we had 2 operations besides, and at 4, I must go to the big palace, as I want the P—ss also to have a look at the poor boy, and an officer of the 2-nd rifles whose legs are already getting quite dark and one fears an amputation may be necessary. —

I was with the boy yesterday during his *dressing* awful to see, and he clung to me and kept quiet, poor child. — We have some heavy cases in the big Palace. —

It was grey and rainy yesterday and warm, this morning the sun shone, but its grey. A. has gone for a walk and then will come to me — she was in a disagreable mood the whole evening, so I went to bed ad 11 — this morning she continued, but we succeeded in breaking her. Its doubly painful when one feels sad, and she pretends being the »chief mourner« before others. I keep up and talk — and she might do the same. She continues asking about the Feldjeger, I suppose intends writing — whether you have allowed it — I do not know. — Olga and Tatiana have gone to town to receive donations in the Winter-palace. — *Boris* is at Varsovie for a week, *Schulenburg* took him to wash and clean up, as he has the *itch* — well Miechen is in good time. — Yesterday we went also to the Children's hospital — sat with *Nikolaiev* and *Lazarev*. — A »*Volynetz*« officer lay in the train to-day — they have only 12 officers in the regiment and few men left. —

The Children all kiss you fondly, daily one of them will write, Marie has begun now. — Please give *N. P.* my love. — Did you hear whether »*Giants*« are wounded, there are such *rumors* from town. — Oh yes, it would indeed have been lovely to have gone together, but I think your journey to the Caucasus at such a time, is better undertaken alone — there are moments when we women must not exist. — Yes, God has helped me with my health and I keep up — tho' at times am simply deadtired — the heart aches and is enlarged — but my will is firm — anything only not to think. —

My Sweetheart, my very own Treasure, I must end now, the messenger leaves earlier to-day. —

When you return, you must give me my letters to number, as I have no idea how many I have written. Once more, endless thanks for your dear letter, which is very well written, tho' the train moved. —

I press you to my yearning breast, kiss all the dear places I so tenderly love. God bless you and guard you from all ill.

Ever Nicky my Angel, my own treasure, my Sunshine, my life —

your very own old

Wify.

Messages to *Dmitri Sheremetiev.*

No. 19.

Tsarskoje Selo, Nov. 20-th 1914

My own beloved Nicky dear,

There is a belated gnat flying round my head whilst I am writing to you. — Well, I went to the big Palace to that poor boy's dressing, and somehow it seems to me as tho' the border of the great bedsore wound were getting firmer — the P—ss did not find the tissue too dead looking. She looked at the rifle's leg and finds one ought at once to take it off before it is too late, and it must be done very high. Vladimir Nikolaievitch and Eberman find one must first try another operation of the veins ancurism and if that does not help, then take the leg off. His family want some celebrity to consult — but all are away except Zeidler, who could not come before Friday. I am going to have a talk still with B. v. Huk — the evening I read Rost's papers till 10 o'clock. Before dinner I received Mme Zizi and then I got a nap. Ania wants us to go off to Kovno, as we cannot menage the Sanitary train this time, to our regret, and Vojeikov's joy. But that means also Vilna. I cant pass without stopping there. The children like that idea, as hope to see our »friends« — she says there are heaps of wounded there. Ella arrived Monday — really don't know what to do — wish you were here to ask and this letter will reach you only Saturday at earliest, and then we ought to be off. I shall think it over still. Am so tired and don't much care to go off now, and then here is much work and our Children, whom I must leave on the first. But perhaps it would be good to go there. Ania wants change and »Dr. Armia« as she always says. Dearest Beloved — I kiss yr. cushion morn and evening and bless it and long for its treasured master. — I enclose a postcard of us at Dvinsk. I think it might amuse you to have for yr. album. Its quite mild weather. Baby is going in his motor and then Olga who is now walking with Ania, will take him to the big palace to see the officers, who are impatient for him. I am too tired to go and we have at 5¼ an amputation (instead of lecture) in the big hospital. This morning we were present (I help as always, giving the instruments and Olga threaded the needles) at our first big amputation (whole arm was cut off) then we all had *dressings* (in our small hospital) very serious ones in the big hospital. — I had wretched

fellows with awful wounds ...., scarcely a »man« any more, so shot to pieces, perhaps it must be cut off as so black, but hope to save it — terrible to look at. I washed and cleaned, and painted with iodine and smeared with vaseline and tied them up and bandaged all up — it went quite well and I feel happier to do the things gently myself under the guidance of a Dr. — I did three such — and one had a *little tube* in it. Ones heart bleeds for them — I wont describe any more details, as its so sad, but being a wife and mother I feel for them quite particulary — a young nurse (girl) I sent out of the room — Mlle Annenkov is already older — the young doctor so kind — Ania looked on so cooly, quite hardened already, as she says — she astonishes me with her ways constantly — nothing of the loving gentle woman like our girlies — she ties them up roughly when they bore her, goes away when she has had enough — and when little to do, grumbles. Sedigarov noticed that they already bore her — and she fidgets and hurrys one. — I am disappointed in her — must always have something new like *Olga Evgenievna.* At 4 she goes off to her sister instead of coming to the amputation, once we go — she might have spent the evening at her sister. P—ss. Gedroitz said to me she soon noticed how A. does not care doing or knowing things à fond and she feared we might be so, but is grateful its not the case and that we do all thoroughly. Its not a play — she wanted and fidgeted for the cross, now she has it, her interest has greatly slakened — whereas we feel now doubly the responsability and seriousness of it all and want to give out all we can to all the poor wounded, with slight or serious wounds, equally lovingly. — Marie saw an officer of her regiment. — You will give *N. P.* our love please, and tell him the news we give you, as all we do interest's him. — My nose is full of hideous smells from those blood-poisoning wounds. — One of the officers in the big palace showed me German frabricated dum-dums, very long, narrow at the tip, red copper like things. — Me misses you, me wan'ts a kiss badly. Lovy my child, I long for you, think and pray for you incessantly. Sweetest One, goodbye now and God bless and protect you.

I press you tenderly to my heart, kissing you fondly, and remain for ever your deeply loving own old wify Sunny.

The Children all kiss you. —

No. 20.

Tsarskoje Selo, Nov. 21-st 1914

My Lovebird,

I don't want the Feldjeger to leave to-morrow without a letter from me. This is the wire I just received from our Friend. »*When you comfort the wounded God makes His name famous through your gentleness and glorious work.*« So touching and must give me strength to get over my shyness. — Its sad leaving the wee ones! —

Iza suddenly had 38 and pains in her inside, so *Vladimir Nikolaievitch* wont let her go. Fullspeed we telephoned to Nastinka to get ready and come. —

We are taking parcels and letters from all the naval wives for *Kovno.*

We are eating, and the Children chattering like waterfalls, which makes it somewhat difficult to write. —

Now Light of my life, farewell. God bless and protect you and keep you from all harm. I do not know when and where this letter will reach you. — Blessings without end and fondest kisses from us all. Your very own

Sunny.

We all send messages to *N. P. — and Dmitri Sheremetiev.*

No. 21.

Tsarskoje Selo, Nov. 21-st 1914

My own beloved Treasure,

Its nice that we were together at *Smolensk* 2 years ago (with C. Keller) so I can imagine where you were. Alexei's »*committee*« wired to me after you had been there to see them. I remember them giving Baby an Image at that famous tea there. — Still no news of the war through fat Orlov since you left. One whispers that Joachim has been taken by our troops — if so, where has he been sent to, I wonder. If true, one might have let *Dona* know through Vicky of Sweden that he is safe and sound (not saying where) but you know better, its not for me to advise you, its only a mother pittying another mother. —

I remained at home in the afternoon yesterday, and lay in bed before dinner, being dead-tired. The girls went to the hospital instead of me. After dinner I received *Schulenburg* rather long; he leaves Saturday again. The bombs were being thrown daily over Varsovie and everywhere and at night. Baby's train stuck an hour and ½ on the bridge (full of wounded, over 600) and could not get into the station (coming from *Praga)* on account of the other trains, and he feared every minute that they would be blown up. — Then I received *Ressin* — quick man — in an hour he settled all the plans, and we leave this evening at 9, reach *Vilna* Saturday morning at 10—15. — Then continue to *Kovno* 2.50—6, back *Tsarskoje Selo* Sunday morning at 9. *Ressin* only lets the Gov. of *Vilna* know, because of motors or carriages and he is not to tell on — from there he will let the Gov. at *Kovno* know (or its the same man). Ania has telephoned privately to *Rodionov* — I hope we may catch a glimpse of them somewhere. — A. is very proud she kept me from going to the hospital as tiring — but its her doing this expedition which is tiring — 2 nights in the train and 2 towns to visit hospitals — if we see the dear sailors, it will be a recompense. — I am glad we can manage it so quickly and wont be long away from the Children. — Excuse this dirty page, but I am quite ramolie and my head is weak, I even asked for a little wine. 100 questions, papers — beginning by *Viltchkovsky* in the hospital, every morning questions to answer, resolutions to be taken and so on — and my brain is not as strong or fresh as it was before my heart got so bad all these years.

I understand what you feel like of a morning when one after the other come bothering you with questions. — At the hospital I received a »*Khansha*« who gave M-me *Mdivani* motors and was going to send an *unit* for the Caucasian troops on the German frontier — now she asked my permission to change, and have it in the Caucasus where sanitary help is yet more deficient. — I could not get to sleep this night, so at 2 wrote to A. to tell her to let the naval wives know there is an occasion safely to forward letters or packets — then I sorted out booklets, gospels (1 Apostel), prayers to take for the sailors, goodies and sugared fruits for the officers — perhaps shall find still warm things to add. — For your second dear letter, thanks without end. It was a joy to receive it, sweetheart. It is such anguish to think of our tremendous losses; several wounded officers, who left us a month ago, have returned again wounded. Would to God this hideous war could end quicker, but one sees no prospect of it for long. Of course the Austrians are furious being led by Prussians, who knows whether they wont be having stories still amongst each other. — I received letters from Thora, Q. Helena and A. Beatrice, all send you much love and feel for you deeply. They write the same about their wounded and prisoners, the same lies have been told them too. They say the hatred towards England is the greatest. According to the telegrams Georgie is in France seeing his wounded. — Our Friend hopes you wont remain too long away so far. — I send you papers and a letter from Ania. — Perhaps you will mention in your telegram, that you thank for papers and letter and send messages. I hope her letters are not the old oily style again. — Very mild weather. At 9½ we went to the end of mass in the *Pestcherny Chapel* — then to our hospital where I had heaps to do, the girls nothing and then to an operation in the big hospital. And we showed our officers to Zeidler to ask advice. — Olga and Tatiana went in despair to town to a concert in the Circus for Olga's committee — without her knowledge one had invited all the ministers and Ambassadors, so she was obliged to go.

Mme Zizi, Isa and Nastinka accompanied them, and I asked Georgi to go too and help them, — he at once agreed to go — kind fellow. — I must write still to Olga with the eatables I send her. Her friend has gone there for short, as he is unwell, like *Boris* with *the itch,* and needs a good cleaning. — A. says she has looked through the newspaper and its very dull, she begs pardon for sending it, she thought it was a nice one. Just back from the big Palace and *dressings* I looked at, and sat with officers.

Now *Malama* comes to tea to say quite goodbye.

Goodbye my Angel huzzy.

God bless and protect you.

1000 fond kisses from your own old

Wify.

The Children all kiss you. We all send heaps of messages to *N. P.* — Long for you!

No. 22.

Tsarskoje Selo, Nov. 23nd 1914, Sunday

My own beloved Darling.

We returned here safely at 9¼, found the little ones well and cheery. The girls have gone to Church — I am resting, as very tired, slept so badly both nights in the train — this last we tore simply, so as to catch up an hour. Well, I shall try to begin from the beginning. — We left here at 9, sat talking till 10, and then got into our beds. Looked out at *Pskov* and saw a sanitary train standing — later one said we passed also my train, which reaches here to-day at 12½. Arrived at *Vilna* at 10¼ — Governor and military, red cross officials at station, I cought sight of 2 sanitary trains, so at once went through them, quite nicely kept for simple ones — some very grave cases, but all cheery, came straight from battle. Looked at the *feeding station* and ambulatory. — From there in shut motors driven (I was just interrupted, Mitia *Den* came to say goodbye) to the Cathedral where the 3 Saints lie, then to the Image of the Virgin, (the climb nearly killed me) — a lovely face the Image has (a pitty one cannot kiss it). Then to the Polish *Palace* hospital — an immense hall with beds, and on the scene the worst cases and on the gallery above officers — heaps of air and cleanly kept. Everywhere in both towns one kindly carried me up the stairs which were very steep. Everywhere I gave Images and the girls too. — Then to the hospital of the red cross in the Girls gymnasium, where you found the nurses pretty — lots of wounded — *Verevkin's* both daughters as nurses. His wife could not show herself, as their little boy has a contagious illness; his aids wife replaced her. No acquaintances anywhere. The nurses sang the hymn, as we put on our cloaks; the Polish ladies do not kiss the hand. Then off to a small hospital for officers (where *Malama* and *Ellis* had layn before). There one officer told Ania he had seen me 20 years ago at Simferopol, had followed our carriage on a bicycle and I had reached him out an apple (I remember that episode very well) such a pitty he did not tell me — I remember his young face 20 years ago, so could not recognise him. From there back to the station we could not go to more, as the 2 sanitary trains had taken time. *Valuyev* wanted me to see their hospital in the woods, but it was too late. *Artsimovitch* turned up at the station thinking I would go to a hospital where sisters from his government were. I lunched and dined always on my bed. At *Kovno* the charming commandant of the fortress (no Governor counts there now, as it is the active front) and military authocraties, some officers, *Shirinsky* and *Stchepotiev* stood there too. The others had been just sent out to town expeditions, close to Thorn to blow up a bridge and the other place I forget, such a pitty to have missed them. *Voronov,* we passed at *Vilna* in the street. Again off in motors, flying along to the Cathedral (from *Vilna* we let know we were coming) — carpet on the stairs, trees in pots out, all electric lamps burning in the Cathedral, and the Bishop met us with a long speach. Short *a Te Deum,* kissed the miraculous Image of the Virgin and he gave me one of St. Peter and St. Paul, after whom the Church is named — he spoke touchingly of us »the sisters

of mercy« and called wify *a new name,* »the mother of mercy«. Then to the red cross, simple sisters, skyblue cotton dresses — the eldest sister, a lady just come there, spoke to me in English, had been a sister 10 years ago and seen me there, as my old friend *Kirejev* had asked me to receive her. Then to another little wing of the hospital in another street. Then to a big hospital about 300 in the bank — looked so strange to see the wounded amongst such surrounding of a former bank. One lancer of mine was there. Then we went to the big military hospital, tiny service and wee speech. Lots of wounded and 2 rooms with Germans, talked to some. From there to the station, on the platform stood the companies (I had begged for them, I must confess), so difficult to recognise them, and not many acquaintances, you saw them. *Simonin* looked a dear. The boatswain of the »Peterhof« with the St. George's cross — all well, *Shirinsky* too looks well. *The Commandant* is such a nice simple kind, not fussy man. Begged me to send still 3000 Images or bibles. He blessed us when the train left, touching man — to be cheered by our sailors at a fortress-station, they dressed as soldiers, we as nurses, who would have thought that possible a few months ago. At *Landvarovo* we stopped and looked at the feeding station and barracks hospital at station and service in wee Church. Some heavy cases. *The Livland committee* — (Pss. *Schetvertinskaya* at the head, her property is close by), the daugther as nurse. — At 2 we stopped at a station, I discovered a sanitary train and out we flew, climbed into the boxcars. 12 men lying comfortably, drinking tea, by the light of a candle — saw all and gave Images — 400. An ill Priest too was there — »Zemsky« train, 2 sisters (not dressed as such) 2 brothers of mercy, 2 doctors and many sanitaries. I begged pardon for waking them up, they thanked us for coming, were delighted, cheery, smiling and eager faces. So we were an hour late and cought it up in the night, so that I was rocked to and fro, and feared we should capsize.

So now I saw *Irina,* after which must meet my Sanitary train. Ella arrives to morrow evening. God bless and protect you — no news from you since Friday. Very tenderest, fondest kisses from your very own old wify

Sunny.

Victoria sends love, living Kent House Isle of Wight.

Messages to *N. P.*

No. 23.

Tsarskoje Selo, Nov. 24th 1914

My very own beloved One,

I am so glad you had such a touching reception at *Kharkov* — it must have done you good and cheered you up. The news from out there make one so anxious — I don't listen to the gossip of town which makes one otherwise quite nervous, but only beleive what *Nikolasha* lets know. Nevertheless I begged A. to wire to our Friend that things are very serious and we beg for his prayers. Yes, its a strong enemy we have facing us and a stubborn one. —

Sashka is coming to us to tea, on his way to the Caucasus — one says he married an actress and therefore leaves the regiment, he denied it to A. and said it was his bad health which obliged him to ask for leave and he wanted to see his parents. — *Malama* took tea before leaving too. — Ella arrives this evening. — We had 4 operations this morning in the big hospital and then officers dressings — My 2 »*Crimeans*« from *Dvinsk* arrived — they happily look better than they did then. — Almost daily I receive officers returning to the army or leaving to continue a restcure in their family. — Now we have placed officers in the big palace on the opposite side too; General Tancray (the father of mine) lies there too. — I am going off to see them at 4, the poor little fellow with the terrible wound always begs me to come.

The weather is grey and dull. — Do you ever manage to get a run at the stations? —

Fredericks was again ill two nights ago and spat blood — so he is kept in bed — poor old man, it is so hard for him — and he suffers morally terribly. — Masses of your Mamas IIth Siberian regiment came in my train, 7 of her officers lie here in different trains. — Yesterday we received three »*Pavlovtsi*« to congratulate us on their feast-day, and *Boris* wired from Varsovie in the »*Atamantsi*« name. — *Petia* looks alright, told us a lot, smelt of garlic, as he has injections of arsenic made him. — The Children are well and cheery. — Such a pitty I cannot get off now in a sanitary train — I long to be nearer the front, as you are so far away — that they should feel our proximity and gain courage. — A. Eugenie has 100 wounded in the hall and adjoining room. —

I do so long for you, my treasure — to-morrow a week that you left us — heart and soul are ever near you. I kiss you as tenderly as I only can and hold you tightly in my arms.

God bless and strengthen you and give consolation and trust. —

Ever, Nicky my own, your very own deeply loving old Wify

Alix.

Wonder whether you saw my *supply store* at *K.;* the Gov. is on bad terms with the *Rebinders* and so does not give a penny to my *store,* alas. — Please, give *N. P.* our best love. — The Children kiss you 1000 times. I wonder where this letter will reach you! —

No. 24.

Tsarskoje Selo, Nov. 25th 1914

My own beloved One,

In great haste a few lines. We were occupied all morning — during an operation a soldier died — it was too sad — the first time it had happened to the Princess and she has done 1000 of operations already; *Hemorrhage.* All behaved well, none lost their head — and the girlies were brave — they and

Ania had never seen a death. But he died in a minute — it made us all so sad as you can imagine — how near death always is! We continued another operation. To-morrow we have the same one again and may end fatally too, but God grant not, but one must try and save the man.

Ella came for luncheon, remains still to-morrow. We had her *report* and the 2 *Mekk's*, Rost. and *Apraxin* — for 2 hours, that is why I had no time to write a real letter. — *Yedigarov* dined cosily with us yesterday, he leaves in a day or 2 and has left the hospital already — fancy my having had courage to invite him — he was a dear and so simple. —

Weather very mild. — Must end, man waits, others drinking tea around. —

Blessings and very fondest kisses from your own old

Sunny.

Remember me to *Vorontsov* and *N. P.* Ella and Children kiss you. Ella says General *Schwartz* adores you. —

No. 25.

Tsarskoje Selo, Nov. 26-th 1914

My very own precious One.

I congratulate you with the St. George's feast — what a quantity of new cavaliers — heroes we have now. But ah me, what heartrending losses, if one can believe what town says. *Ambrazantzev* is killed, Mme Knorring (his great friend, née Heyden) got the news. One says terrible losses in the hussars, but I cannot trust to it being true. But I have no right to fill your ears with »les on dit«, I pray they may not be true. Well, we all knew that such a war would be the bloodiest and most awful one ever known, and so it has turned out to be the case, and one yearns over the heroic victims martyrs for their cause! — A. has twice been to se Sashka, I told her it was very wrong, but she does not heed me in the least. Ella went in the afternoon with Olga and me to the big palace and she spoke to all the wounded; one of them was wounded last war and lay at Moscou, and remembers her having come to see him. Its difficult finding time to write these two days whilst she is here. — Sweet Treasure, its ages since you left and me longs for »Agoobigweeone«. We went to early mass in the »*Pestcherny Chapel*« and from there Ella went to town till 3 — and we till 1 to the little hospital — a small operation and 19 dressings, people I mean, as some had many wounds to be seen after. Very warm again. At 4 I am going to the big palace, because they daily wait for the motor and are disappointed if we dont go, which happens rarely and the little boy begged me to come earlier to-day. — I feel my letters are very dull, but am ramolie and tired and the thoughts wont come. The heart is full of love and boundless tenderness for you. I eagerly await your promised letter, long to know more about you and how you spend the time in the train after all receptions and inspections. — I hope you have fine weather and lots of sun, here its so grey and wet. Have not been out since you left, only in shut motors. My Angel good-

bye now and God bless you. May St. George bring special blessings and victories to our troops. — The Children and I kiss you ever so tenderly. — Count Nirod is just coming to speak about the Xmaspresents for the troops. Ania sends you a funny newspaper.

Fondest kisses, Nicky love, from your very own

Wify.

The Children and I send *N. P.* many messages. Well, the Xmas presents cannot be got in time, so we shall do it for Easter — then 10 years ago for 300,000 it took from 3—4 months collecting and now its much more needed. —

No. 26.

Tsarskoje Selo, Nov. 27-th 1914

My own beloved One,

In great haste a few lines — we are at once off to the mass for and with the »*Nizhegorodtzy*«, our wounded and other officers, General *Bagration*, old *Navruzov* and ladies of the regiment. Worked the whole morning and had a big operation. At 9½ had a mass at *Znamensky* church, as its the feast of the Church's Image. Its pouring and very dark. All of us are well. We are taking all 5 children to Church as Baby is inscribed into the regiment. —

Well, all went off well. From there we went to the big palace to all the wounded — they wait for the motor daily, so there is no way of keeping away. I find the young boy gradually getting worse, the temp. is slowly falling, but the pulse remains far too quick, in the evenings he is off of his head and so weak. The wound is much cleaner, but the smell they say is quite awful. He will pass away gradually — I only hope not whilst we are away. Then we went to the one house of my red cross community. — Now have drunk tea and *Goremykin* waits and then the P-ss. Can't write any more. Blessings and kisses without end.

Ever Sweetheart, your very own

Sunny.

Its pouring hard.

No. 27.

Tsarskoje Selo, Nov. 28-th 1914

My very own precious One,

I could not manage to write to you by to-day's messenger, I had such a lot to do. We were at the hospital all the morning & as usual *Viltchkovsky's* report there. Then quickly changed, lunched & off to town to the *Pokrovsky Committee* on *Vasiliev Island.* The 3 Buchanans & some more English of the committee & nurses received us. A big ward for officers & a nice saloon for

them with chintz & 3 rooms for men, quite simple & nice. Then we went through the wards & saw more wounded, & in the yard there was a big building belonging to the *Committee of the City Hospital* — in the upper story were 130 wounded. — From there we rushed to my *store* — masses of ladies working I am glad to see & heaps of things prepared. Then to *Anitchkov* to tea; — Mother dear looks well, I think my journeys alone astonish her. — but I feel its the time to do such things, God has given me better health & I find that we women must all, big & small, do everything we can for our touchingly brave wounded. At times I feel I cant any more & fill myself with heart-drops & it goes again — & our Friend wishes me besides to go, & so I must swallow my shyness. The girls help me. Then we came home I lay & read heaps of papers from Rost. — Lovy dear, I hope you wont be displeased at Fred. 's telegram to *Voyeikov*, we spoke it over by telephone, as he may not go out yet. You see its a national thing this exhibition with trophies of the war, & so its better the entry should be gratis — one can stand *collection-boxes* near the door, then it obliges nobody to pay. I do not wish *Sukhomlinov* harm, on the contrary, but his wife is really most mauvais genre & has made every body, the military especially, angry with her as she »put me in« with her collect on the 26-th. The day was alright & that singers wished to sing gratis in restaurants so as to get money for her *store*. And I allowed it. To my horror I saw the anouncement in the papers, that in all the restaurants & cabarets (of bad reputation) d r i n k s would be sold for the profit of her *branch store* (my name in big letters) till 3 in the morning (now all restaurants are closed at 12) & that Tango & other dances would be danced for her profit. It made a shocking impression — you forbid (thank Heaven) wine — & I, so to speak, encourage it for the store, horrid & with right all are furious, the wounded too. — And the ministers aides de camp were to collect money. There was no possibility any more to stop it — so we asked Obolensky to order the rest- to be closed at 12 except the decent ones.

The fool harms her husband & breaks her neck. — She receives money & things in my name & gives it out in hers — she is a common woman, & vulgar soul, therefore such things happen, tho' she works hard & does much good — but she is harming him very much, as he is her blind slave — & all see this — I wish one could warn him to keep her in hand. When Rost. told them my displeasure, he was in despair, & asked whether she ought to close her *store*, so Rost. said of course not, that I know the good she does, only here acted most wrongly. — Enough of this, only I want you to know the story, as there were strong articals in the papers about it. — Therefore another collect for her now would make things worse. One wished my *store* to collect at Xmas, & I declined the project, one cannot go on begging incessantly, its not pretty. —

The Commandor of my 21-st Siberian regiment arrived to-day — happily his wounds are but slight. — Now I must get to sleep, its 1 o'clock. For the first time 2 degrees of frost to-day. — 29-th. How can I thank you enough for your sweetest letter of the 25-th which I received this morning. We follow with interest all you are doing — it must be a great consolation to see these

masses of devoted happy subjects; I am glad you managed to go to yet two other towns where the Cosacks are. — We went to the *local hospital* & there I gave 4 medals to amputated soldiers — there were no very heavy cases otherwise. —

Then we went to the big palace to see all our wounded — they are already sorrowing that they wont see us so long. — This morning both »*Nishegorodtzy*«, *Navruzov* and *Yagmin* were operated — so we want to peep in this evening & see how they feel. They were mad with joy over your telegr. which they read in the papers — that you called them »*incomparable*« is the greatest recompense, as such a word was never used before.

Kniazhevitch comes this evening about affairs. — Are going to Church, so must end, & want to rest before. — Very tenderest blessings & kisses, Nicky mine, from your very own Wify.

Our love to *N. P.* — glad, you two sinners had pretty faces to look at — I see more other parts of the body, less ideal ones!! —

No. 28.

Tsarskoje Selo, Dec. 1-st 1914

My own beloved One,

This is my last letter to you before we meet — God grant in 6 days. To-morrow its two weeks since you left & I have missed my Sweetheart m o r e than I can say. The joy to meet will be intense, only the pain to leave the little Ones for a whole week is great — I cant get accustomed to separations — sweet Agoo-weeone. — Thank God he is well, that is my consolation. —

Oh I am so tired — so much to do & people to see the last days, therefore I could not write yesterday. — Then I went to the *local hospital* on Saturday, yesterday to the Invalides, to-day to our big hospital (took Alexei) & gave medals in your name — they were so awfully happy & grateful poor miserable fellows. — We shall miss our sick & they were sad to bid us goodbye. —

Petia lunched, & yesterday Paul took tea — he yearns for a nomination.

Rostof. comes now, I want to find out why *Maklakov* wont allow the Americans to see how our prisoners are kept — they have been sent to Germany to see, France & England, & I find it wrong one does not show ours. — Cannot write any more. Blessings — kisses without end. —

Ever, Nicky love, your very own deeply loving old Sunny.

Our Friend wired: »*Be crowned with earthly happiness, the heavenly wreaths follow you.*«

No. 29

Moscou, Dec. 12-th 1914

My beloved Angel,

Once more we separate, but God grant shall meet again in 5 days. — I want to remind you to speak to Nikolasha about alowing officers to go on leave home to be treated and not to have them kept in towns, where by chance

the sanitary train has brought them. — They will recover far quicker if can be near their families and some must finish their cures in the south to get their strength back, especially those wounded through the chest. — I am glad you will get one days rest in the train and being at the »Stavka« will freshen you up after these awful fatigues and endless receptions. One consolation, you have made 1000 wounded endlessly happy. — I shall try and keep a little quiet these days, more or less — as M. B. will be coming and the heart has been much enlarged these days. —

Lovy dear, why dont you nominate Groten for your hussars, they sorely are in need of a real commander.

Goodbye my treasure and sleep well, shall miss you horribly again. God bless and keep you. —

If you can, speak with Voyeikov and Benk about the Xmas-trees, for the wounded, and I shall to Viltchkovsky. Press you to my heart and kiss you ever and ever again with deepest tenderness.

Ever yr. very own

Wify.

In my glass cupboard over the writing table are candles in case you need any.

No. 30.

Tsarskkoje Selo, Dec. 14-th 1914

My very own beloved One,

A Feldjeger is leaving, so I hasten to send you a few lines. Agooweeone's foot is really alright, only hurts him to put it down, so he prefers not using it and for prudence's sake keeps on the sopha. Marie's angina is better, she slept well and has 37, *Tatiana* has Mme Becker, so only gets up for luncheon. *Botkin* has put me to bed as heart still very much enlarged and aches and I cannot take medicins; and feel still horribly tired and achy all over. Yesterday remained on the sopha, except when went up to Marie and Baby. Alia came to me for half an hour in the evening as feels sad and lonely without her husband — she spent the night at Anias. The girls went to the hospitals after luncheon and sledging — and in the evening. To-day they will go again, and to-morrow begin their work there. — I cant, alas, as yet and am very sorry about it, as it helps me morally. — Our Friend arrives to-morrow and says we shall have better news from the war — Ania goes to meet him in town. — Miechen is in town laid up with influenza; Paul one says, neither well. —

A. received 2 letters from *Tchakhov,* 2 from Jedigarov and *Malama* so touching all of them — I begged them always to give us news through A. I shall see *Afrosimov* to-morrow he leaves back to the regiment which soon goes to the »*Stavka*«, and longs to see its beloved »*chef*« (and family) there. Won't you speak about Kirill to *Nikolasha?* and then tell your *Mama;* it wld. really be good to settle all, and now during the war its easiest being done.

— Where are all the sailors now united? — Poor *Botkin* continues being in great anguish about his eldest son — always hopes still that he may be alive. One says the sisters (ladies) in the »*otriad*« of *Sandra* have received medals on St. Georges ribbons, as were working under fire, taking out the wounded, I think. — Sunbeam has just gone out in the donkey sledge — he kisses you — he can put the foot down but prefers being careful so as to be soon quite alright again. — How horrid it was saying goodbye to you in Moscou, seeing you stand there amongst heaps of people (all so unlike you in every respect) and I had to bow and look at them too and smile and could not keep my eyes fixed on you, as should have wished to. — You know before our arrival to Moscou, three military hospitals with German and Austrian wounded were cleared out to Kazan —. I read the description of a young gentleman (Russian) who took them — many half dying who died on the road and never should have been moved with fearful wounds, smelling poisonously, not having been bandaged for several days — and just during their Xmas being tortured like that in no lovely sanitary trains. From one hospital they were sent even without a Dr. to bring them, only sanitaries. — I have sent the letter to Ella to enquire into this and make a good row, its hideous and to me utterly incomprehensible. At Petrograd one says scarcely a vacant bed. Babys train arrives from Varshau to-day — Loman found no wounded there, so has gone to look for them elsewhere. Does that mean all is quiter these days (their Xmas and we like Christians don't profit) and therefore less losses? One longs to know something clearer. — Must stop now as my head aches yet fr. the cold, tho' the nose no longer runs. — Sashka has returned fr. the Caucasus again, one says. — Its so lonely here without you my Treasure, tenderly, beloved One, always expect the door to open and see you enter from yr. walk. Its gently snowing. Give our love to N. P., so happy he is with you. — The Children kiss you endlessly and so does your wify. I hope you feel more rested now. — One says the Sinod gave an order there should be no Xmas trees — I am going to find out the truth about it and then make a row, its no concern of theirs nor the Churches, and why take away a pleasure fr. the wounded and children, because it originally came from Germany — the narrowmindedness is too colossal. — I saw Olga Evg. she has quite broken down after her brothers death, the nerves have given way and phisically her strength fails her, wretched soul — so she needs a month's good rest and hopes then to set to work again. — God bless and keep you my very own precious Nicky dear, I kiss you and press you lovingly to my old heart, and gently stroke yr. weary brow.

Ever yr. very own old

Sunny.

Can you find out whether it is true that little Alexei Orlov is wounded? It may be again gossip — I do not know where the regiment is, and wh. one is at the *General Quarter* now. — Wont you ask *Shavelsky* to send out the Priest in the regiments more *Saint Sacrements* and wine, so as that more can take Holy Communion — I send what I can with our *store* trains, — Ella too. —

No. 31.

Tsarskoje Selo, Dec. 15-th 1914

My beloved Darling,

Fredericks let me know that you are only returning on Friday as are going to see the troops — I am delighted for you and them, a great consolation for you all and will give them new strength. And this morning *Selenetzki* let me know and then Kiryll wired from town, that our dear *Butakov* had been killed — it is too sad, that kind good man, loved by all. How wretched his little wife will be, she who is only one bit of nerves already. Another one of our yacht friends gone already, how many more will this terrible war yet claim! — And now *Botkin* got the news from the regiment that his son was killed as he would not surrender — a German officer, prisoner told the news; poor man is quite broken down. — I saw Afrosimov who soon returns to the front, but I think its too soon, he was contusioned long ago and one sees his eye blinks and he suffers from giddyness. — The Children began their work to-day and had heavy cases. My heart is still enlarged and aches, as does my head and feel so giddy — I had to come over onto the sopha as Aunt Olga comes at 4½. — Marie and Dmitri wished to come to dinner, but I cant have them, feel too rotten still. — Marie has not yet come down as her throat is not quite in order, temp. normal. Baby goes out twice daily in his little donkey-sledge. — I have much to do thinking over Xmas-presents for the wounded and its difficult when one feels rotten. — I am glad you get a walk, it will have done you good. — Ella wrote in despair, trying to get to the bottom of the things about the trains and hospitals — she beleives the orders came from Petrograd. Often the orders from there are very cruel towards the wounded in the military hospitals. When she knows all, she will write to Alek. — In town there are scarcely any vacancies, don't know where I shall send my trains if they dont give me Finland. — Bright sunny day, He must have arrived, A. has gone to meet him, I only saw her a second, she was with the Children in the hospital and then lunched with them. Olga and Anastasia are sledging with Isa, Tatiana has lessons — *Shura* reads to Marie, Baby is out and I feel rotten. — Precious one, its lonely without you, but am glad for your sake that you are out and will see the troops. — I want so much to go to Holy Communion this *Lent*, if I can manage with my health. — My precious one. Goodbye now and God bless — and protect you and keep you from all harm. I press you to my heart and kiss you over and over again with gentle tenderness.

Ever your very own Wify.

Give my love to *N. P.* — he will be sad about *Butakov*. Make Feodorov go unexpected to small hospitals and poke his nose everywhere.

No. 32.

Tsarskoje Selo, Dec. 16-th 1914

My own beloved One,

A glorious, sunny day. The girls are in the hospital, Baby has just gone out, Anastasia has a lesson & Marie has not yet been let come down. — I

slept badly & feel giddy & rotten, tho' just now the heart is not enlarged — am to keep lying as much as possible, so shall only go over onto the sopha after luncheon, like yesterday. A. Olga took tea with me & was very sweet & dear — she kisses you. — Have been reading through lots of papers & feel quite idiotical. — Here I am on the sopha, had *Viltchkovsky* with a *report,* heaps of questions as he tells me everything of the evacuation committee of *Y. C.* wh. he is at the head of — then questions about Xmas-trees. —

Mavra sent you a letter of Onors to Vicky of Sweden, to give over her love to us & to say that Ernie came for quite short after 3 months, that he left again & is well. — I enclose a letter of Keller — as it will interest you to see what he says — happily he seems not badly wounded.

From my *store* trains good news & begging always for more things, as the troops know them already, & when in need, turn up. — Glad my letter smelt nicely, when you got it, it was to remind you quite especially of your very own wify, who misses you awfully. —

At last Xenia is out of quarantine she let know. —

I feel still not famous, such a nuisance not to work, but I go on with my brain doing business. — I have nothing interesting to tell you, alas. Long for news of the war — so anxious. —

It seems masses of sanitary trains were sent here to town instead of Moscou, whilst we were there & there are no more Vacancies at *Petrograd.* There is something wrong about this evacuation question, Ella is trying to clear it up on her side. — *Loman* has not returned, as thank God there are few wounded at the present moment. — The Children kiss you very tenderly, Wify clasps you fondly to her lonely heart, & blesses you with fervour.

Ever yr. own old

Sunny.

Messages to *N. P.* please & the little Admiral. — I spoke a second to *Gr.* by telephone, sends: *Fortitude of spirit, — will soon come to you, will discuss everything.* —

No. 33.

Tsarskoje Selo, Dec. 17-th 1914

My own precious One,

This will probably be my last letter, if you return on Friday. Now you are with the troops — what a joy for you and them — tho' painful to see masses of known faces missing.

The Children are working & then go to *Anitchkov Palace* to luncheon before receiving donations in the Winter Palace. The train with poor *Butakov's* body is 24 hours late, so the funeral can only be to-morrow morning.

I scarcely slept a wink this night, perhaps from 4—5 & 6—7. The rest of the time could not, & in despair kept always looking at the watch, hundred of sad thoughts coursed through my tired brain & gave it no rest. The heart

again enlarged this morning — to-morrow hope to rebegin my medicines again, then I shall get quicker right again. —

6 degrees this morning — *Olga* walks through the garden to *Znamenia* & fr. there on foot to the hospital, *Tatiana* follows in a motor after her lesson, Olga feels the better for air & short exercise in the morning. — Sonia sat with me yesterday & chattered a lot whilst I lay on the sopha & threaded Images. — Ania's brother returns to-morrow, so he asked to see me a minute at 4. — Anastasia & *Ania* have gone for a turn, they say its beastly cold & windy; Baby's foot hurts a wee bit, Marie is coming down at last. Thoughts so much with you — what joy to see the dear brave troops. — This morning our Friend told her by telephone that He is a little more quiet about the news. — The papers say we took German quickfiring guns at — it does indeed seem strange! — Excuse a mighty dull letter, but feel quite cretinised & good for nothing. — Just a wee bit of scent again to remind you quite particularly of your Wify, who is impatiently awaiting yr. return. You remember I left candles for you in my compartment in the glass cupbord over my writing-table. Now my sweet Treasure goodbye & God bless & protect you. I kiss you ever so tenderly & bless you. Ever my Nicky yr. very. own tenderly loving

Sunny.

Ania kisses yr. hand. All the Children kiss you.

No. 34.

Tsarskoje Selo, 21. Jan. 1915

My very own beloved One,

Once more I pen a letter to you wh. you will read when the train carries you away from us to-morrow. It's not for long, & yet it is painful, but I wont grumble, knowing it brings you comfort & a change & others intense joys. — I hope that Baby's leg will be alright again by yr. return — it looks like it did in Peterhof & then alas it lasted long. I shall always give you news about the *little foot* & about Ania, — either »A.« or »the invalid«. Perhaps you will think some times in yr. telegram to me to ask after her health, it will touch her, as she will miss yr. visits sorely. —

I shall try & go to the hospital to-morrow morning, as I get up to go to Church with you & see you off, hate that moment & can never get accustomed to it. — Darling, you will think of speaking about the officers of the different regiments, that they should not loose their places & speak over those different questions with *Nikolasha;* perhaps you wish to mention the Manifest to him. If you want to do another kind act, telegraph once to Fredericks, or tell *Vojeikov* who wires to him daily, to give a message from you.

In prayers & thoughts I shall accompany you, alas not in reality — feel my presence & incessent love hovering around you, tender & caressing.

Goodbye, Sweetheart, treasure of my soul, God bless & protect you & bring you safe & sound back to us again. I kiss you fervently & remain, huzy dear, yr. very own old wify

Alice.

In the glass cupboard in my compartment you will find candles, in case you need any; think I am lying there at night & then you wont feel so lonely. —

No. 35.

Tsarskoje Selo, Jan. 22-nd 1915

My beloved One,

I have just heard that a Feldjeger leaves, so hasten to send a few lines. Baby spent the day alright & has no fever, now he begins to complain a little of his leg & dreads the night. — From the station I went to him till 11 & then to hospital, to 1, sat with Ania who is alright — she begs me to tell you what she forgot giving over to you yesterday fr. our Friend, that you must be sure not once to mention the name of the *commander in Chief:* in your manifest — it must solely come from you to the poeple. — Then I went in to see the wound of our *standard-bearer* — awful, bones quite smashed, he suffered hideously during the *bandaging:* but did not say a word, only got pale & perspiration ran down his face & body. — In each ward I photographed the officers. After luncheon say goodbye & then I rested & got a wee nap, after wh. I went up to Alexei, read to him, played together & then had tea near his bed.

I remain at home this evening, enough for one day. — Sweet treasure, I am writing in bed, after 6 — the room looks big & empty, as the tree has been taken away. — Sad without you, my Angel & seeing you leave was nasty. —

Tell *Fedorov* I have told *Viltchkovsky* — to find out whether *G. Martinov* would like to lie in the big palace as he wont be able to move for very long — & here we can get him out fine days into the garden in his bed even — I want to let the sick lie out, I think it will do them much good.

Now the man waits, so I must end. — I miss you & love you, my own Nicky dear. Sleep well. God bless & keep you. 1000 kisses fr. the Children & fr. old

Wify.

Baby kisses you very much. He did not complain in the daytime.

No. 36.

Tsarskoje Selo, Jan. 23-d 1915

My own beloved Nicky dear,

I am lying on the sopha next Baby's bed in the sunny corner room — he is playing with Mr. Gillard. Benkendorf came to me & before that M-me Scalon *(Homiakova)* — she told me how much one needs sisters out in the

front flying-detachment as the poor wounded are often very badly cared for, having no real doctors & no means of sending off their wounded — its all well arranged to the east & north, but in Galicia & the *X.* armycorps much ought yet to be done. This morning I sat with Baby; he had not had a famous night — slept fr. 11—12 then woke up constantly, not from very great pain happily. So I had sat with him in the evening — whilst the girls were in the hospital, Isa came to me. In the morning I gave instruments during the operation, & felt happy to be at work again, then I watched the girls a little at work, after which I sat with Ania — met her brother & nice looking bride there. The sun is shining brightly, so I have sent the girls for an hour's walk. — According to the agency telegrams, such a heavy fighting has begun again, & I had so much hoped there would have been a little quiet. — Ania had slept better, 38.2 yesterday evening, this morning 37.8 — but that does not matter, she hopes you will give over the news of her health to *N. P.* — I think you both must be glad to hear no more grumbling.

Sweetest one I miss you very much & long for your tender love. Its so silent & empty without you. The children have lessons or are in hospitals, I have lots of papers fr. *Rostovtzev* to finish. — Forgive a dull letter, but my brain is tired. — Baby kisses you many times, but wify yet much more. — Goodbye & God bless you my treasure, my sweetest one — my tenderest thoughts suround you. I am glad you got a little airing at the stations. —

I bless you & kiss you, & remain Y. very own old

Sunny.

Give my love to *N. P.* & *Mordvinov.*

If there is any interesting news, do tell fat Orlov to let me know, please.

No. 37.

Tsarskoje Selo, Jan. 24-th 1915

My beloved Darling,

A glorious sunny morning again — I have to keep the white curtain down, as the sun shines straight into my eyes as I lie. Baby slept well, thank God, woke up 5 times, but soon went to sleep again, & is merry. Ania slept also with interruptions, 37.4 yesterday evening 38.6. The girls were in the hospital in the evening, but she was sleepy so did not keep them. I go earlier to bed now, as got up earlier too, on account of Alexei & the hospital. — Now I am next to Baby's bed again — I had an endless *report* with *Rostovtzev.* Then Isa with affairs, & before that Georgi lunched. —

In the morning I made two *bandages* & sat with Ania who finds an hour always too little & wants me in the evening, but I remained because of Baby & that she understood — besides I have been feeling so tired of an evening. — Only seeing suffering makes a bit weary. — Such sunny weather, & *Vojeikov* wired to Fred: you have it too, thats nice. I am sure *Vesselkin* tells you lots of

interesting things. I sent you a letter fr. *Ella* wh. I got. — Baby is better & wishes me to tell you so; the dogs romp in the room. —

Several of our officers are off to the Crimea to get stronger. The children walked & are off to the big palace; Marie stands at the door & alas! picks her nose. *Vladimir Nikolaievitch* and Baby are playing cards until I finish. I feel my letters are mighty dull, but I hear nothing worth repeating. My train arrives now. — My treasure, I miss you so much. But I hope you can get some good walks to brace you up, give apetite & sleep. — I went into *Znamensky church* a moment before this hospital & placed a candle for you, huzy mine. —

Are you really having that dull *Shipov* for yr. hussars?

My ex — *Shipov* has received the St. George's Cross — Sandra P. telephoned to Tatiana to share the news with us. —

All the children kiss you ever so tenderly — I enclose letters from Olga & Alexei, our love to *N. P.* & *Mordvinov*.

Goodbye my very Own, God bless & protect you — Ever yr. very own

Sunny.

No. 38.

Tsarskoje Selo, Jan. 25-th 1915

My very beloved One,

Again a gloriously sunny morning, 10 degrees. Only got to sleep after 4 & then woke up still several times. Ania had last night 38.8, leg hurt — slept better, this morning 37.3. Now she suddenly likes the sister *Shevtchuk* & wants her in the room at night to send her to sleep. The girls went there in the evening, but she wished to sleep, so they sat in the other ward. Baby sweet was quite cheery yesterday & asleep before 10. — Motherdear feels depressed getting no news of the war since you left. —

Such intense joy, I received yr. yesterdays' precious letter, thank you for it with all my loving heart. — Don't be anxious about me, I am very careful & my heart is behaving well these days, so that *Botkin* only comes in the morning. Fancy, I just heard that *M-me Pourtzeladze* received a letter from her husband fr. Germany — thank God he was not killed — she adores him so, poor little woman — I can imagine how interesting *Vesselkin* was — God grant his expeditions further success. So *Piaterkin* remains with N. lets hope he will use him thoroughly & send him about to wake him up. — Yes, its lucky your people get on well together, it makes all the difference — I shall tell Ania her book has such success. —

Were at the wedding — sat with Ania (who sends this note) from 1—2 & then again — & then to the big palace. Baby has been twice in the wee sledge in the garden & thoroughly enjoyed it. — I send you our very tenderest love, kisses & blessings, my one & all, my muchly missed treasure. —

Ever yr. very own Sunny.

Messages to *N. P.*

No. 39.

Tsarskoje Selo, Jan. 26-th 1915

My own beloved One,

How happy Olga must be to have you with her to-day a sunny day & recompense for her hard work. — Fredericks sends me the copies of *Voyeikov's* telegrams, so I got the news of all you do, & whom you see. — This morning I went to *Znamensky church* & the hospital, dressed several wounds & sat a little with Ania. She had the coiffeur so as to get her hair untangled, to-morrow he will come again & clean it. *Zina* is again ill, so nobody can do it well. She looks alright, complains only always about the right leg. Longs to go over to her house, & if the temp. gets quite normal, the Pss. has nothing against it. — How tiring it will be for us — but lovy, from the very first you must then tell her that you cannot come so often, it takes too much time — because if now not firm, we shall be having stories & love-scenes & rows like in the Crimea now, on account of being helpless she hopes to gain more caresses & old time back again — you keep fr. the first all in its limits as you did now — so as that this accident should be profitable & with peaceful results. She is much better, morally, now. — I have heaps of petitions our Friend brought her for you. — Here I enclose the telegr. you received before leaving. — Fat Orlov might find out through Buchanan what sort of a man this son of Steads is. —

Boris came here for 3 days to fetch Miechen — she cannot come to see me as she has not yet been out & there in Varsovie the warm air is to her good. She goes to see her hospital & train & motors. Its a great pitty, as the Poles neither care for the way in wh. she invites herself to their houses to meals — its so tactless of her arranging a second Paris. — *Tatiana* received the St. George's medal for having been under fire, soi disant, in her motor, when she went to bring presents to the *Erivantzy* — the General there gave it to her — that's not right, it makes the order too cheap — if a bomb, a shall burst near the motor & you are simply driving by chance with presents, not working under fire, you get it — & others who work for months, as Olga, quietly in one place, & therefore have by chance not got under fire, won't receive it. — Next Miechen will be returning with it, you will see — then Hélène & Marie deserve it much more for their work in Prussia at the beginning of the war. — Baby was out twice again & has rosy cheeks & does not complain of his leg nor of his arm — but he lies in bed. We take tea there, wh. is cosy & not so sad as down in my mauve room without you. One misses you dreadfully my love, have such bad nights — get to sleep only after 4 these three nights and wake constantly again, but the heart is keeping decent for the present.

Just got yr. telegram from *Rovno* & rejoice for you both Dears — I hope all will go off well at *Kiev* & *Rovno.*

Precious one, my tenderest thoughts always suround you longingly, lovingly & I rejoice for those that see you & to whom you bring new energy and courage. You brighten up all always by your serenity.

Lets hope you will have daily warmer, sunnier weather & will return browner, than when you went. —

Please, give kindest messages from us all to *N. P.* and *M.* — Do you sit sometimes in my compartiment?

Now I must give my letter out, as the man has to take it to town, — & then I shall get a little rest before dinner.

Do not worry, that you have no time for writing, I understand it perfectly well, & not for a moment am hurt — Goodbye my precious One, I bless you & kiss you over & over again — ever so tenderly, all the favourite places. —

Ever yr. - very own

Wify.

No. 40.

Tsarskoje Selo, Jan. 27-th 1915.

My own beloved Nicky,

I just received yr. wire from *Kiev,* am sure it is a tiring day you are having. — How disgusting the Breslau having shelled *Jalta* — only out of spite — thank God no victims. I am sure you will long to fly off by motor to see the damage done. — The fighting is strong again at the front & heavy losses on all sides; — these dum-dums are infernal! —

I saw Betsy Shuvalov, who is arranging a front detachment for Galicia, — she is still full of your visit to her hospital & the joy it brought to all hearts. —

We had an operation this morning — rather long but went off well. — Ania gets on alright tho' her right leg aches, but the temp. is nearly normal in the evening. Only speaks again of getting into her house. I foresee my life then! Yesterday evening I went as an exception to her, & so, as to sit with the officers a tiny bit afterwards, as I never have a chance. — She is full of how thin she has grown, tho' I find her stomach & legs colossal (& most unapetising) — her face is rosy, but the cheeks less fat & shades under her eyes. She has lots of guests; but dear me — how far away she has sliped from me since her hideous behaviour, especially autumn, winter, spring of 1914 — things never can be the same to me again — she broke that intimate link gently during the last four years — cannot be at my ease with her as before — tho' she says she loves me so, I know its m u c h l e s s than before & all is consecrated in her own self — & you. Let us be careful when you return. How I wish one could sink that odious little Breslau! —

The weather continues being glorious. Baby is daily better, lunched with us & will come down to tea, now he has a French lesson, so I came down again. —

Two more of my Siberians arrived, nice officers. — Have no answer fr. *Martinov.* — Give my love to *N. P.* Ania got his wire fr. the *Stavka* but dawdled about answering. Shall give her over yr. love. Girls have a committee this evening. — I slept 3 hours from after 4½ till 7½ this night, so tiresome I cannot get to sleep early. —

Must end now, Treasure, my Sunshine, my Life, my Love — I kiss & bless you. —

Ever yr. very own

Sunny.

Baby wishes us to come up to tea.

Think of me at Sebastopol & all known places. —

Feel *Jalta* will tempt you — don't mind on our account being a day late. —

No. 41.

Tsarskoje Selo, Jan. 28-th 1915

My beloved One,

Such loving thanks for yr. dear telegram. *Voyeikov's* to Fredericks I read with great interest as they tell in detail where you have been. How tired you must be after all you did at *Kiev,* but what a sunny remembrance you leave with all — you our Sunshine, Baby our Sunbeam. I was just now in the big palace with Marie and Anastasia, 2 of my Siberians arrived there & 2 in our hospital, then an officer of the 2-nd Siberian regiment *(comrade* of *Matznev)* with an amputated leg & a priest of the 4-th S. regiment wounded in the soft part of his leg, made a charming impression & spoke of the men, with such love and deepest admiration. — In the morning I made three *dressings.* A little *Crimeans,* whom I received in autumn after his promotion, is wounded in the arm — already in the Carpathian hills. — Ania's lungs are quite alright again, but she is weak & giddy, so is to be fed every two hours. I fed her personally, & she ate a good luncheon, more than I eat. —

I read two short stories of Saints to her & I think it was good & has left her something to think over, & not only of herself, wh. is my aim with her. —

The big girls went to town to Css. Carlov's small hospital in her house & to the Winter Palace to receive donations. — Baby has his lessons, goes out in the donkey sledge twice a day; he says your tower has dwindled somewhat. We take tea in his room, he likes it, & I am glad not to have it here without you. — Some regiments get their *rewards* awfully slowly, how I wish one could hurry it up. — And they do complain so, *Viltchkovsky* said about those 6 weeks as they loose so much & it makes them bitter, because if they go back too soon, they quite loose their health & if they remain over their term of 6 weeks, they loose so much. —

Nikolasha's long telegram fills one's heart with admiration & deepest emotion — what bravery to withstand 22 attacks in one day.

Really saints & heroes all of them. But what ghastly losses the Germans have & they don't seem to care. — Thanks so much for letting me get these telegrams. —

One says *Rodzianko 's* speech was splendid, especially the end, I have not had time to read it yet. —

Isa's Mother comes to me this afternoon, as she is going to Denmark, tho' her husband does not want her. — What do you think Madelaine told me, fr. people she knows, whose acquaintances returned just now fr. Jena, where they had lived several years. At the frontier one undressed the couple in separate rooms & then searched their *b* to see whether they had hidden any gold there. Too shameful & mad. — In the goldmines, niggers hide away gold there, but you see Europeans doing such a thing — ridiculous if not so degrading! — I daily place my candles at *Znamenia.* —

Yesterday I was in bed at 11¼ & got to sleep after 2 — slept till 8 with interruptions — an Orenburg shawl on my head helped me to get to sleep — but waiting so long for sleep is a wee bit dull, but not to be complained of as have no pains. — Thank God my heart keeps decent & I can do more again with care. —

Marie has a bad finger since several days, so *Vlad. Nik.* cut it to-day in my room — she was very good about it & did not move — those things hurt — it reminded me of Pss. Gedroitz whose 2 fingers I had to cut & bandage & the officers looked on through the door. —

Sweet Manny mine, beloved One, huzy my very own Treasure, goodbye. God bless & protect you. I kiss you ever so tenderly & fondly & bless you, yr. own old

Sunny.

You will receive this already on yr. homeward journey. — Many messages to *N. P.* & *Mordv.*

Glorious, sunny weather continues. —

Goodbye wee one, me's awaiting you with open, loving arms! I enclose a letter fr. Marie.

No. 42.

Tsarskoje Selo, Jan. 29-th 1915

My own beloved One,

Loving thanks for two dear telegrams. I can imagine how emotioning it was going on board our dear ships, & how your precious presence will have given them new courage for their difficult work. How one longs for them quickly to get hold of the Breslau before she does any more harm. How lucky there were only so few wounded still in the hospital. — Over & over I thank you for your dearest letter from *Rovno* — it came as a very great & most pleasant surprise whilst I was still in bed. Fancy Olga going to be the eldest sister now of the red Cross community out there — with God's help I am sure she will manage well. —

Petia has turned up & comes to-morrow to luncheon. I shall be having to see his mad father, as I sent Loman twice to him with questions about our trains, & he received before others & screamed at him & insulted him & understood everything wrong, tho' he had the paper wh. I had seen before he got

it. He is so impossible rushing about the room, giving others no time to speak & screaming at all. — This night I went to sleep after 4½ & woke up early again — such dull nights! Then we had *Troitzky's* Operation, it went off well, thank God — hernial rupture & then I had to do several pensements, so scarcely saw Ania. Our Fr. came there, as He wanted to see me a second. — Fredericksy & Emma lunched, I photographed them. Olga & Tatiana only returned near 2, they had so much to do. In the afternoon I rested & slept half an hour. Then we took tea with Alexei upstairs, then I saw *Loman*, — *Viltchkovsky's report* is always at the hospital. — Baby stands — & I hope, by the time you return, that he will be able to walk again. Marie's finger is not yet right. — Ania is better, but the humour not famous — I fed her, so she ate alright & she sleeps quite decently now. — The most of the wounded I could not see to-day, there was no time. — I am so glad you had good talks with N. Freder: is rather in despair (rightly) about many orders he gives unwisely & wh. only aggravate, & things one had better not discuss now — others influence him & he tries to play your part wh. is far from right — except in military matters — & ought to be put a stop to — one has no right before God & man to usurp your rights as he does — he can make the mess & later you will have great difficulty in mending matters. Me it hurts very much. One has no right to profit of one's unusually great rights as he does.

The weather continues being glorious, but I cannot venture out into the garden. —

Do you remember one of our first wounded officers *Strashkevitch* who had his head tied up & spoke so long to you, until you felt quite faint? Well poor man, he returned to his regiment & has been killed. Sad for his poor family — he served in a bank. — I said to *Loman* that some of the wounded might also come with us to Church & take Communion with us — it would be such a consolation for them, & I hope you do not object. *Loman* will speak with *Viltchkovsky*, & you can warn *Voyeikov*, if you don't forget. — How the »noises« this night will remind you of the Yacht — that clang clang of *Sebastopol*.

Sweetheart, what joy to have you back in four days! Now I must send off my letter. Goodbye & God bless & protect you my dearest darling Treasure.

I kiss you ever so tenderly & hold you tight in my loving old arms.

Ever, Lovy, yr. very own

Wify.

No. 43.

Tsarskoje Selo, Jan. 30-th 1915

My own beloved One,

This is probably my last letter to you. So interesting all the news of *Sebastopol*, I regret not being with you. How interesting all you saw, you will have a lot to tell us. Thank God so few wounded. But it must have

seemed to you like a dream going out in the steamlaunch round the squadron — & so emotioning — God bless the dears & may he give them success. The darkness at night must be rather uncanny I should say. — Alas! the news fr. East Prussia are not so good & we have had to go back for a second time — well we shall have all our forces stronger together then — I just read a very interesting letter Sonia received fr. Lindenbaum, thanking for the things we sent. He loves his regiment which only exists half a year — *Korotojaktsi,* I think; he was in Prussia, & wrote the 22-d whilst battles were going on. — *Nikolasha* sent *Petia* here to look after his leg — *Karpinsky* thinks it has been contusioned & so must be treatened according; but *Petia* cannot imagine when it happened as he felt no pain for ages. — Alek has a stiff back & so could not come & sent *Petia* with papers, & I gave him mine, & *Viltchkovsky* to help him explain all. — Then I had Rost: & B. Witte about Xenia's committee. In the morning I came to a *Te Deum* before the Image at *Znam.* wh. was nice — then I did several *dressing's* & sat with Ania — our Friend's girls came there to see us. Her throat is much better, 37.1 — but last night 38.5 — dont know why. I did not go, as too tired. — She speaks in an extinguished voice & is dull poor soul, scarcely opened her mouth, except to eat, wh. she did well. Her poor back is sore again from lying. To-day its 4 weeks. — I must go this evening, as did not see all the wounded. To-morrow we have an operation. No sun to-day for the first time. —

Now goodbye & God bless you my Sunshine. I kiss you very tenderly & lovingly, longingly, Ever yr. own old

Wify.

No. 44.

Tsarskoje Selo, Jan. 31-st 1915

My beloved One,

This is Marie's paper, because I am beginning on Baby's sopha & did not bring up my thing for writing. — Just received yr. dear telegram fr. *Ekaterinoslav* I had quite forgotten that you were stopping there. Can imagine how interesting the *plate workshop* must be — & yr. visit will encourage all to work quicker.

The operation went off alright this morning. — The officer *Kubatov* has invented a *machine gun,* wh. he watched being made at *Tula* & the navy has ordered. In the afternoon we went to the big palace & sat sometime with my *Rifles,* 2 fr. our hospital had also come to see them.

Xenia & Ducky lunched — both are well. At 6 I received M-elle Rosenbach, who has the Invalid house. — I said goodbye to 5 officers who are going back to the war — amongst them *Schevitch* he was sad not to be able to await your return — he leaves to-morrow, as otherwise fears loosing the regiment. Zeidler said he might leave, but he has not even tried to ride

& his foot will always I am sure remain weak, as the sinews were torn — jumping off his horse will always be risky & walking on enemi ground — his foot is tightly bandaged. But he felt tho' ashamed to remain here any longer. — Its much milder to-day & snowed hard this morning. Baby & *Vlad. Nik.* are dining O. & A. are shooting soldiers. Ania is impatiently awaiting yr. return. She has grown really much thinner, & as she sits better one notices it more. — Now my very own one I must end, as the messenger leaves early.

Goodbye & God bless you beloved Nicky dear, such joy to think that in two days you will be here. I kiss you over & over again & remain yr. very loving

Sunny.

You understand I can't come so early to the station?

No. 45.

Tsarskoje Selo, Feb. 27-th 1915

My very own deeply beloved One,

God bless you quite particularly on this journey, & give you the possibility of seeing our brave troops nearer. Your presence will give them new force & courage & be such a recompense to them & consolation to you.

The *Stavka* is not the thing — you are for the troops, when & where possible — & our Friend's blessing & prayers will help.

Such a comfort for me that you saw Him & were blessed by Him this evening. Sad I cant follow you out there — but I have the little ones to look after. I shall be good & go once to town before *M. B.* comes & visit some hospital, as they are impatiently awaiting us there. — My Angel sweet, me no likes saying goodbye — but I wont be selfish — they need you & you must have a change.

My work & prayer must help me over the separation — the nights are so lonely — & yet you are far lonelier, poor agooweeone! —

Goodbye Lovy, I bless you — & kiss you without end, love you more than word can say.

All my soul will follow & suround you everywhere. —

I press you tenderly to my old loving heart & remain yr. very own

Wify.

Oh such pain saying goodbye! Feel so sad to-night — me does love you so intensely. God be with you. —

No. 46.

Tsarskoje Selo, Feb. 28-th 1915

My very own One,

It was sad seeing you go off in the train all alone, & my heart ached. — Well I went straight to Ania for 10 minutes & then we worked in the hospital till 1. After luncheon we received 6 officers who return to the army —

those wh. we had sent to the Crimea look splendid, round & brown. — Then *little John* called Olga to the telephone to tell her, that poor *Struve* is killed — he is awfully sad, because he was his great friend. He told J. that if he should fall in war, he was to be sure to tell you, that he had never once taken off his *achselbant* since you gave them to him — poor, kind, cheery, handsome boy! His body is being brought back. Then I went to the big palace & sat for some time with the worst, I took the lovely postcards of Livadia to show & they were greatly admired — then the Children joined me & we went through all the wards. — I shall go for a little to church, it does one good; that and work, looking after those brave fellows, are one comfort. In the evening we shall go to Ania — she finds I am too little with her, wants me to sit longer, (& alone) but we have not much to speak of — with the wounded one always can. —

My Angel, I must finish because the messenger has to leave. —

I bless & kiss you over & over again, my Nicky dear — a lonely night awaits us.

Ever yr. very own

Wify.

The Children kiss you very much. Hope tiny Admiral »behaves« himself. —

No. 47.

Tsarskoje Selo, March 1-st 1915

My very own Huzy dear,

What an unexpected joy yr. precious letter was, thank you for it from all my loving old heart. Yes, lovy mine, I saw you were happy to be home these 2 days again & I too regret that we cannot be more together now that A. is not in the house. It reminds one of bygone evenings — so peaceful & calm, & no one's moods to bother & make one nervous. —

I went to Church last night at 7, the cosacks sang well & it was soothing & I thought & prayed much for my Nicky dear — I always think you are standing near me there. — Baby madly enjoyed yr. bath, & made us all come & look on at his pranks on the water. All the daughters beg too for the same treat some evening — may they? — Then we went to Ania, I worked, Olga glued her Album, Tatiana worked — M. & A. went home after 10 & we remained till 11. I went into the room where the *Strannitza* (blind) was with her lantern — we talked together & then she said her *prayer*. —

The Com. of the O. fortress *Schulman* knew us when he was at *Kronstadt* to put order there & then at *Sebastopol* he commanded the *Brest* regiment, wh. behaved so well during the stories — I remember his face very well. — After luncheon shall finish — now must dress. Ortipo has been rushing all over my bed like mad & crushed *Viltchkovsky's reports* I was reading. — The weather is quite mild, zero. —

I had *Olga E.* to say goodbye, she leaves for a quiet sanatorium near Moscou for 2 months. Then we went to the cemitry, as I had long not been there, & then on to our little hospital & the big palace. Upon our return found your dear telegram for wh. tenderest thanks. — We all kiss & bless you over & over again. Our love to *N. P.*

Ever, my Treasure, yr. very own

Wify.

Who misses her sweetheart very much. —

No. 48.

Tsarskoje Selo, March 2-nd 1915

My beloved One,

Such a sunny day! Baby went in the garden, he feels well, tho' has again a little water in the knee. The girls drove & then joined me in the big Palace. We inspected the sanitary train 66, its an endlessly long one, but well arranged — it belongs to the Ts. Selo district.

In the morning we had a hernial rupture operation of a soldier. Yesterday evening we were with Ania — *Schwedov* & *Zabor* too. — I got a letter fr. Ella's Countess Olsufiev — she has been placed at the head of 16 Comités de bienfaisance des 22 hospitaux militaires de Moscou. They need money, so she asks whether she might get the big theater for a big representation May 23-rd — (second Easter holiday) she thinks they might gain about 20,000 (I doubt) for those hospitals. They give them things the ministery (military) cannot give them. If you agree, then I shall tell Fredericks & he can send you the official paper. — On the affiches they will print that the theatre has been given by a special grace of yours. — The idea of going to town to a hospital is rather awful, but still I know I must go, so to-morrow afternoon we shall be off. In the morning *Karangosov's* appendicitis will be cut off. — How glad I am you get yr. walks daily. — God grant you will really be able to see lots & have talks out there with the Generals. — I have told *Viltchkovsky* to send fat Orlov a printed paper one of the wounded received from his chief — far too hard orders & absolutely unjust & cruel — if an officer does not return at the time mentioned he must be disciplinied punished etc.: I cant write it, the paper will tell you all. One comes to the conclusion that those that are wounded are doubly badly treated — better keep behind or hide away to remain untouched & I find it most unfair — & I dont beleive its everywhere the same, but in some armies. — Forgive me bothering you my Love, but you can help out there, & one does not want bitterness setting in their poor hearts. — Must end. — Blessings & kisses without end.

Ever yr. own

Sunny.

No. 49.

Tsarskoje Selo, March 2-nd 1915

My own sweet one,

I am beginning my letter this evening, as I want to talk to you. Wify feels hideously sad! My poor wounded friend has gone! God has taken him quietly & peacefully to Himself. I was as usual with him in the morning & more than an hour in the afternoon. He talked a lot — in a wisper always — all about his service in the Caucasus — awfully interesting & so bright, with his big shiny eyes. I rested before dinner & was haunted with the feeling that he might suddenly get very bad in the night & one would not call me & so on — so that when the *eldest nurse* called one of the girls to the telephone — I told them that I knew what had happened & flew myself to hear the sad news. After M. & A. had gone off to Ania, (to see Ania's sister in law & *Olga Voronov*) Olga & I went to the big palace to see him. He lay there so peacefully, covered under my flowers I daily brought him, with his lovely peaceful smile — the forehead yet quite warm. I cant get quiet — so sent Olga to them & came home with my tears. The elder sister cannot either realise it — he was quite calm, cheery, said felt a wee bit not comfy, & when the sister, 10 m. after she had gone away, came in, found him with staring eyes, quite blue, breathed twice — & all was over — peaceful to the end. Never did he complain, never asked for anything, *sweetness* itself as she says — all loved him — & that shining smile. — You, Lovy mine, can understand what that is, when daily one has been there, thinking only of giving him pleasure — & suddenly — finished. And after our Friend spoke of him, do you remember, & that »*he will not soon leave you*« I was sure he would recover, tho' very slowly. And he longed to get back to his regiment — was presented for golden sword & St. G. Cross & higher rank. — Forgive my writing so much about him, but going there, & all that, had been a help, with you away & I felt God let me bring him a little sunshine in his loneliness. Such is life! Another brave soul left this world to be added to the shining stars above. — And how much sorrow all around — thank God that we have the possibility of at least making some comfortable in their suffering & can give them a feeling of homeliness in their loneliness. One longs to warm & help them, brave creatures & to replace their dear ones who cant come. — It must not make you sad what I wrote, only I could not bear it any longer — I had to speak myself out.

Benkendorf has asked to accompany us to town to-morrow, so I had to say yes, tho' I had only thought of taking Ressin & Isa. — Baby dear's leg is better — he sledged to *Pavlovsk* to-day, *Nagorny* & the man of the donkey sledge worked alone at the hill. —

If by any chance you ever happen to be near one of my *stores tram* (of wh. I have 5 in all directions), it wld. be very dear if you could peep in, or see the *com.* of the train & thank him for his work — they honestly are splendid workers & constantly have been under fire — I am writing to you now in bed, I am lying since an hour already, but cant get to sleep, nor

calm myself, so it does me good talking to you. I have blessed & kissed your dear cushion as always. — One says *Struve* is going to be buried in his country place. —

To-morrow we receive 6 officers going back to the war, two of my Siberians, *Vykrestov* & the Dr. *Menschutkin* — & *Kratt* for the second time, God grant he may not be wounded again. First time the right arm — the next time left arm & through the lungs — the Crimea did him no end of good. — The *Nijegorodtzy* are wondering whether their division wont be sent back again, as they have nothing to do now. — Shulman thinks of his *Ossovets* with anguish & longing — this time the shots are bigger & have done more harm — all the officers houses are already quite ruined. — One does so long for detailed news.

I heard *Amilachvari* is wounded, but slightly only. —

Igor has gone to the regiment, tho' the Drs. found him not well enough to leave. — Now I must try and sleep, as to-morrow will be a tiring day — but I don't feel like it. You sleep well my treasure, I kiss & bless you.

March 3-rd. We have just returned from town — were in M. & A.'s hospital in the new building of the Institute of *Rucklov's*. *Zeidler* showed us over all the wards 180 men — & in another building 30 officers.

Karangozov's operation went off well — he had a rotten appendicitis & the operation was done just in time.

At 12½ we went to the *funeral service* in the little hospital Church below, where the poor officer's coffin stands — so sad no relations there — so lonely somehow. — Its snowing hard. — Must end. God bless & protect you — kisses without end, my treasure. Ever yr. very own

Wify.

Messages to *N. P.*

No. 50.

Tsarskoje Selo, March 4-th 1915

My own beloved Darling,

With what joy I received yr. dear letter, thanks over & over for it. I have read it already twice over & kissed it several times. —

How tired all those complicated talks must make you. God grant the coal question may soon be settled satisfactorily & the guns too. But they too must soon be running short of everything. — About Misha I am so happy do write it to Motherdear, it will do her good to know it. I am sure this war will make more of a man of him — could one but get her out of his reach, her dictating influence is so bad for him. — I shall tell the children to fetch your paper & send it with this letter — Baby has written in French, I told him to do so & he writes more naturally than with *Peter Vass.* His leg is almost alright, does not limp — the right hand is bandaged as rather

swollen, so wont be able to write probably a few days. But he goes out twice daily. — The four girls are going to town — Tatiana has her committee, M. & A. will look on whilst *Olga* receives money & then they will all go to Mary — the little ones have never seen her rooms. —

Botkin has put me to bed, heart a good deal enlarged & have rather a cough — I felt rotten, in every respect, these days & now Mme Becker arrived & prevents me from taking my drops. — Am glad I managed the hospital in town yesterday — we did it quickly 1 hour & 1/4 & one carried me up the stairs — the 4 girls helped giving the Images & talking, & Ressin arranged those well enough to be stood in a row in the corridor — tell this to *N. P.* as he thought I wld. overtire myself in town — its the strain of these week's, 2 a day to Ania, who never finds it enough, wrote now she had wanted to see me more to talk (have nothing to say, hear only of sad things, Nini brightens her far more up with her »bavardage« & gossip) & to read to her — have a cough these days, so could not. And she cant understand this death having upset me so — Zizi does, wrote so kindly. — I cannot do a thing by halves & I saw his joy when I came twice daily — & he all alone, others were not at in — he had no family here. — She grudges me to the others, I feel, & they so touchingly always ask me not to tire myself — *»you are only one for us, we are many«*. — He told me too still the last afternoon that I overtire myself — so on — awfully kind — so how cannot I try & give them everything of warmth & love — they suffer so & are unspoiled — she has all, tho' of course her leg is a great worry to her & does not grow a bit together yet — the Pss. looked yesterday. But A. one never can satisfy & that is the most tiring, & she does not understand Botkin's hints at all about me. —

The sun is shining & its snowing a little. — I got *nurse Liubuscha* (the eldest sister of big Palace) to come & sit with me for half an hour, she is cosy, told me about the wounded & more details about the other. To-morrow one buries him — our Friend wrote me a touching little letter about this death. — I can imagine *Svetchine* makes you wild — me he drove to distraction a few years ago in the Crimea with these half French anecdotes — one says he is the son of old *Galkine-Vrassky*. — Send him about to look at motors or hospitals close by. — Now I wonder what you will do — dont tell, where you intend going, then you can get through unawares & I am sure, he knows far less where you can go, then when you are nearer out there already in the train. — To-morrow is N. Willy's death day — 2 years!

My precious one, my muchly missed one, I must end now. — God bless & protect you & keep you safe from all harm.

I kiss you over & over again with deepest tenderness.

Ever yr. very own

Wify Sunny.

I bow to yr. people. —

No. 51.

Tsarskoje Selo, March 5-th 1915

My very own beloved One,

I enclose a paper fr. Ella wh. you can sent to *Mamantov,* or fat *Orlov* & then a letter from Ania. She is very put out, that I do not go to her again, but *B.* keeps me again in bed till dinner, like yesterday. The heart is not enlarged this morning, but I feel still rotten & weak & sad — when the health breaks down its more difficult to hold oneself in hands. Now he is being buried.

I dont know whether they will leave him here or not, because the regiment intends burying all the officers after the war in the Caucasus, — there have marked the graves every where — but some died in Germany. I got a telegr. fr. my *Vesselovsky* that they had all just enjoyed the *bania* train & clean linen & are off to the *okopi.* — Then I got a report (according to my wish) from him. He returned Feb. 15-th. But of the heaps who are to receive decorations, only one *Pr. Gantimurov* got the *Georg Sword* as yet — he himself is not presented to anything, as *in the absence of his chiefs who commanded over; the Divisionnary General von Hennings was dismissed from his post, and the Brigadier-Gen. M. Bykov is taken prisoner.*

A terrible worry & sorrow is that they have no flag, they entreat you to give them a new one, *representations regarding this have already been made to the War-Minister by the commander-in-chief on February 7, under No. 9850.* Their losses were quite colossal, 4 times the reg. has been filled up again, *during the battles above vil. B.,* but I better write this on an extra paper, instead of filling up my letter with it; I shall copy out bits for you. — My Image reached them just after 30-th, their Lieut. Colonel Sergeiev, burned their flag. After he was wounded then, *the chief of the supply service* took the regiment & during 3 months did all splendidly. — I fear this letter is mighty dull. — Have let off Madelaine for the day to town — 6 weeks Tudels has not turned up. Sunny again. — I had Isa for affairs — & then Sonia. — Just got yr. dear telegram. Ania wrote that Fredericks is intensely happy over your letter, of course she envies him. Perhaps you will put in your telegram to me that you thank for inclosed letter & send love or messages — she said I was to burn hers if I thought you would be angry — how can I know, I answered her that I would send it, so I hope she does not bother you with it — she can not grasp that her letters are of little interest to you, as they mean so much to her. — I have send the little ones to her — she wanted them in the evening; but they said they wished to remain with me then, as don't see them all day. — Dont you tell *N.* & go off where it suits you & where nobody can expect you — of course he will try to keep you back, because one won't let him move — but if you go, *I know that* God will hold you in safe keeping & you & the troops will feel comforted.

Now my very own Sunshine my treasure beloved, I will close my letter. God bless & protect you now & ever, I cover your dear face with tenderest kisses, & remain,

Ever yr. very own Wify.

I wish I were near you as I am sure you go through many difficult moments, not knowing who speaks the exact truth, who is partial & so on — & personal offenses etc., which ought not to exist at such a time, just show themselves, alas, now in the rear, I fear. — Where are our dear sailors? What are they doing & is Kirill with them? —

No. 52.

Tsarskoje Selo, March 6-th 1915

My very own Sweetheart,

A bright sunny day again, but 12 of frost. This morning the heart is not enlarged, but it has slipped to the right, so the feeling is the same. Yesterday evening it was again enlarged. I get over onto the sopha for dinner till 10½ or 11. Feel still so weak, A. fidgets for me to come to her, but *Botkin* is going there, so as to tell her, that I cannot yet, & need quiet still some days. Thank God, the wounded officers in both hospitals are pretty well, so that I am not absolutely necessary this moment & the girls were at soldiers' operations again yesterday. They so touchingly ask after me through the girls, Zizi or *Botkin.* I miss my work, & all the more so that you, my Angel, are not here. —

Do so wonder where & when you will be able to move on — standing so long at the *Headquarters* must be rather despairing. — Lovy dear, people want to send gospels to our prisoners, prayerbooks they (the Germans) do not allow to be forwarded to *Germany* — Loman has 10,000 — may they be sent with an inscription that they come from me, or better not, kindly answer by wire »gospels yes — or not«, then I will understand how to have them sent. — Sonia sat with me yesterday afternoon ¾ of an hour, shall ask Mme Zizi to-day, as children must go out & to hospitals. — Please give the enclosed letter to *N. P.* through your man, it's one from O, T. & me together. —

My lancer *Apukhtin* is for the moment commanding an infantry regiment (forget which), because only a *captain* was left eldest there. — Just got your precious letter — such an unexpected intense joy, thanks ever so tenderly! warm words comfort my tired heart. — That is nice your having named yourself »*chef*« & *Georgi* too — with what force & cheer those brave »*Plastuni*« will now be off — God bless their voyage & give them success. —

Your walks are surely refreshing, & the different falls must cheer up the monotony (when not too painful). — Lovy mine, your letters are just as a ray of Sunshine to me!

Yesterday they buried the poor fellow & *sister Liubusha* said he had still his happy smile — only a little changed in colour, but the expression we knew so well, had not faded. Always a smile, & he told her he was so happy

& wanted nothing more — shining eyes which struck all & after a life of ups & downs, a romance of changes, thank God he was happy with us. —

How many »*plastuni*« regiments go? as I might send them quickly Images — how many officers in each regiment? Make *Drenteln* cypher the wire through *Kira* to me, please. — Ania's Mother was very ill with a colossal attack of stones in the liver, but is now better — another such strong attack, our Friend said, would be her end. — Again she fidgets I am to telephone & come in the evening, when we daily explain I can't yet; so tiresome of her, & heaps of letters every day — its not my fault, & I must get quite right & only by quiet lying (as can't yet take medicine) can help me — she only thinks of herself & is angry, I am so much with the wounded — they do me good & their gratitude gives me strength — whereas with her, who complains about her leg always, it's more tiring — one gives out so much of oneself, moral & physical all day, that in the evening little is left. —

Got again a loving letter from our Friend, wants me to go out in the sun, says it will do me good (morally) more than lying. But its very cold, I have still a cough, the cold I keep down, then feverish again & so weak & tired. — Got a wire from my *Tutchkov* from *Lvov (Lemberg) supply train* who arranged (have 4) a flying one so as to help more, it will become our 5-th. »*The flying train finished its 2-nd trip by touring the region of the Stry, Skole and Vigoda, some military units and sanitary sections received their supplies in the neighbourhood of the front positions of Tukhli, Libokhori and Koziuvki, at the same time distributing gifts and images (from me). The attentions bestowed by Your Majesty everywhere provoked the sincerest enthusiasm and limitless joy. On the return trip the empty cars furnished with portable stores carried from Vigoda about 200 wounded, the evacuation of whom considerably lightened the task of the hospital, etc.*« So the nearer these little trains go in front, the better it is — *Mekk* is a wee genius, inventing & setting all this going — all he does is really well & quickly done & he had the chance of getting good gentlemen for these *supply trains*. — Zizi sat an hour & was very dear.

The girls walked & now have gone to the big palace. —

A man leaves for Olga, so must send her a line. — Please tell *Drenteln* that we send messages & hope his leg is better. Bow to *Grabbe* & *N. P.* & wee Admiral & my friend *Feodorov*. Goodbye now, my own precious one, my huzy dear, my sweet Sunshine, I cover you with very tenderest kisses, Baby too.

The girls are wild that they may bathe in your bath.

God bless & protect you & keep you from all harm — prayers & thoughts are ever with you. Messages to the family.

Ever your own Sunny.

No. 53. *Tsarskoje Selo,* March 7-th 1915

My own beloved One,

A week to-day you left us — it seems much longer. Your telegrams and precious letters are such a comfort and I constantly read them. — You see

I am looking after my tired old self, and to-day again only get up for 8. Ania won't understand it, the Dr., children and I explain it to her, and yet every day 5 letters and begging me to come — she knows I lie in bed, and yet pretends to be astonished at it — so selfish. She knows I never miss going to her when I only can, and dead tired too she still grumbles why I went twice daily to an unknown officer and does not heed *Botkin's* remark, that he needed me and that she always has guests all day long almost. My visits to her are as a duty she finds (I think) and therefore even often does not seem to appreciate them, whereas the others thank for every second given to them. It is quite good she does not see me some days — tho' last night 6-th letter complained she had had no good-night kisses nor blessings for so long. If she would kindly once remember who I happen to be, then she might learn to understand that I have other duties except her. — 100 times I told her about you too, who you are, and that an E. (Emperor) never goes daily to a sick person — what would one think otherwise, and that you have your country first of all to think of, and then get tired from work, and need air and its good you should be with Baby out, etc. It is like speaking to a stone — she won't understand, because she goes before everybody. — She offers to invite officers in the evening for the children, thinking to get me like that, but they answered that they wished to remain with me, as its the only time we are quietly together. We have too much spoiled her — but I honestly find, as a daughter of our friends, she ought to grasp things better and the illness ought to have changed her. Now enough about her, it's dull — it has stopped worrying me as it used to, and only aggravates one, because of the selfishness. — It's cold, grey and snowing. — The girls wildly enjoyed your swimming bath — first the 2 little ones and then the eldest — I could not go. — I slept badly and feel weak and tired — so far the heart is not enlarged, it becomes so every afternoon — so I think I won't see anybody and remain completely quiet, then it may behave itself! — Had heaps of papers to read this morning from *Rostovtsev* etc.: *Shulman* was so grateful to hear about *Osovetz*, I told the children to tell him. — Baby's »*Moscouits*« are not far from there. *Galfter* wrote. Hope *Drenteln's* leg is better, bow to him and *N. P.*

Goodbye and God bless and protect you my precious Angel. Kisses without end from your own wify

Alix.

No. 54.

Tsarskoje Selo, March 8-th 1915

My own beloved One,

I hope you get my letters regularly, I write and number them daily, also in my little lilac book. — Forgive my bothering you, by sending a petition, but one would like to help those poor people — I think it's the second time they write — kindly put a decision and send it to the minister of Justice. —

I copied out a telegram it might amuse you to read, thanking our *store* for presents; I don't need it returned. Then a note from Marie to *Drenteln*.

What a good thing Memel has been taken, they did not expect this, I am sure, and it will be a good lesson to them. And everywhere the news, t h a n k God, seem good, I have time to read up all now, lying in bed. — I am going over onto the sopha for 4½ already, bit by bit a little more, tho' every evening the heart is enlarged, and every day Ania asks me to come. — Glorious sunshine but very cold, they say. —

Ducky had a correspondant with her, and he wrote most interesting all she had done at *Prasnish* — she really does a lot with her *unit*, and is really under fire. Miechen promenades with her decoration to all exhibitions etc; you ought to find out really how she got it, and that such things don't happen again, and Tatiana neither. Ducky deserves it certainly. —

How sad the losses of the »Bouvet«, »Irresistible« and »Ocean«, so hideous to be sunk by floating mines and so rapidly too — not as tho' in battle. —

I had a letter from Victoria from Kent House — nothing new in it. Have, alas, nothing interesting to tell you. The children are lunching next door and making an unearthly noise. —

What joy sweetheart to have got another letter from you — it was just brought to me, and the nice postcards and the children's cards — we all thank over and over again and are very deeply touched you find time to write to us. —

I see now why you did not go more forward, but surely you could go still to some place before returning, it would do you good and cheer the others up — anywhere. That drive must have been nice, but I understand the sad impression of those empty houses, probably many of them never to be inhabited by the same people again. Such is life — such a tragedy!

Did Sergei L. make a better impression upon you, less sure of himself and simpler? I at once sent Ania your message, it will have given her pleasure. She probably thinks that she alone *is lonely* without you. — Ah, she is greatly mistaken! But I know it's right you should be there and the change is good for you, only I should have wished more people to have profited and seen you. — I suppose you had service to-day. — The children went this morning. Just heard *Irene* had a daughter (thought it would be a girl) glad it's over, poor Xenia worried about it all along. — It would have seemed more natural, had I heard that Xenia herself had borne a Baby. —

Such sunshine! The girls drove, now have gone to my red cross *community*, then to Ania and after tea the eldest go to Tatiana. Alexei has three of Xenia's boys. I am going to be up by ¼ to 5. —

Goodbye my Sunshine — don't worry if you can't write daily, you have much to do, and must have a little quiet too — and letter-writing takes you so much time.

God bless you, Nicky treasure, my very own huzy, I kiss and bless you and love you without ceasing.

Ever your very own wify

Alix.

No. 54a.

Tsarskoje Selo, March 9-th 1915

My Huzy sweet Angel,

What happiness to know, that the day after to-morrow I shall be holding you tight in my arms again, listening to your dear voice and looking into your beloved eyes. Only for you I regret, that you won't have seen anything. If I could only be decent by the time you return. This night I only got to sleep after 5, felt such pressure on the heart, and the heart rather much enlarged. Yesterday it kept normal, and I was also from 5—6 on the sofa and 8—11 — Irene and Baby are well — she suffered a good deal, but was brave — she likes her name, and so wished the child to be called by it, funny little thing. — Dmitri, Rostislav and *Nikita* came to Alexei, and the latter dined with us. —

It is cold, but bright sunshine. — I enclose a letter from *Masha,* (from Austria) which she was asked to write to you, for peace's sake. I never answer her letters, of course, now; then a letter from Ania; — I don't know whether you agree to her writing, but I can't say no, once she asks me, and better like this than through the servants. She sent for *Kondratiev* yesterday — so foolish to get the servants to talk to — in the hospital she already wanted to see them — only to make a fuss —, it's not quite ladylike, I must honestly say. Now she will be sending for your men, and that will be quite improper; — why can't she then sooner ask, after the poor wounded she knows, and with whom she won't have anything to do! —

Just got your telegram, it came in 15 min; thank God *Przmysl* taken, congratulate you with all my loving heart — this is good — what joy for our beloved troops! They did have a long time of it, and honestly speaking I am glad for the poor garrison and people who must have almost been dying of hunger. Now we shall have those army corps free to throw over to more weak places. I am too happy for you! —

From *Olga* good news, likes *Lvov (Lemberg),* she feels sad Misha is with wife there and she has never seen him for 4 years.

Now goodbye my treasure, I bless and kiss you over and over again — your very own Sunny.

No. 55.

Tsarskoje Selo, April 4-th 1915

My very own Treasure,

Once more you are leaving us, and I think with gladness, because the life you had here, all excepting the work in the garden — is more than trying and tiring. We have seen next to nothing of each other through my having been lain up. Full many a thing have I not had time to ask, and when together only late in the evening, half the thoughts have flown away again. God bless your journey my beloved One, and may it again bring success and encouragement to our troops. You will see a bit more I hope before you get to the

Headquarters and should *Nikolasha* say any thing to *Voyeikov* in form of a complaint, have it at once stopped and show that you are the master. Forgive me, precious One, but you know you are too kind and gentle — sometimes a good loud voice can do wonders, and a severe look — do my love, be more decided and sure of yourself — you know perfectly well what is right, and when you do not agree and are right, bring your opinion to the front and let it weigh against the rest. They must remember more who you are and that first they must turn to you. Your being charms every single one, but I want you to hold them by your brain and experience. Though *Nikolasha* is so highly placed, yet you are above him. The same thing shocked our Friend, as me too, that *Nikolasha* words his telegrams, answers to governors, etc. in your style — his ought to be more simple and humble and other things. — You think me a medlesome bore, but a woman feels and sees things sometimes clearer than my too humble sweetheart. Humility is God's greatest gift — but a Sovereign needs to show his will more often. Be more sure of yourself and go ahead — never fear, you won't say too much. — Dear old Fredericks, may all go well with him — I feel he goes for your cause as he alone can allow himself to say anything to *Nikolasha*. *Grabbe* will amuse you at domino and when *N. P.* is with you, I feel always quiet, as he is quite our own and nearer to you than the rest, and is young and not as heavy as Dmitri Sh: — That reminds me, what about Dmitri P. is he ever going to stick here?

Look what a letter, but it seems I have not talked to you simply for ages (and Ania imagines hourly we do)!

Perhaps you can find time to go to one of the hospitals at *Bielostok* as very many wounded pass there and see that Fredericks does not insist upon accompanying you upon bad roads, *Feodorov* must keep a severe watch over him. —

How lonely it will be without you, my Sunshine! Tho' I have the children — but lying without work now is difficult and I long to get back to the hospital. To-morrow the Dr. wont come, (unless I should feel worse) as he wishes to be at the funeral of a friend of his. — It's a rest not seeing poor Ania and hearing her grumbling.

You open the windows nicely in my compartment then yours won't be so stuffy. —

Sweetheart, you will find some flowers (kissed by me) upon your writing-table, it cheers up the compartment.

Goodbye and God bless you, Lovy my very Own dear One — I press you tenderly to my heart and kiss you all over and hold you tight, oh so tight.

Ever yr. very own wify Alix.

No. 56.

Tsarskoje Selo, April 4-th 1915

My Own precious One,

A Feldjeger leaves this evening at 5, so I must write to you, tho' have no news to give. Thanks sweety for sending Baby back to rest with me, so

I had to keep my tears back, not to grieve him — I got back into bed and he lies for half an hour near me. Then the girls returned. —

It is so hard every time — it wrenches at one's heart and leaves such an ache and endless longing — Ortipo too feels sad, and jumps up at every sound and watches for you. Yes Deary, when one really loves — one indeed loves! Dreary weather too. I am looking through masses of postcards from soldiers. — Ania sent me lovely red roses as goodbye from *N. P.* — they stand near my bed and smell too divinely, do thank him for his awfully kind thought and that I was very sad not to have been able to say goodbye to him. She gave him a letter for you, as wrote it late and he went straight to church from her. All the girls have gone to M. and A.'s hospital to the concert arranged by Marie's friend D. — Baby was going to play near the white tower with D.'s children. —

Each child brought me your message — ah lovy mine, I cry now like a big baby — and see your sweet, sad eyes, so full of love before me. —

Keep well, my treasure — wify is ever near you in thoughts and prayers. 1000 kisses. God bless and protect you and keep you from all harm.

Ever yr. very own old

Sunny.

No. 57.

Tsarskoje Selo, April 5-th 1915

My own huzy darling,

Just got your telegram. This is wonderful. You left at 2 and arrived at 9. When you leave at 10 you reach there only at 12! Bright, sunny weather, I hear the birdies chirping away. Wonder why you changed your plans. — The girls have just gone to church; baby moves the arms better, tho' water in the elbows still he says. Yesterday he went with *Vladimir Nikolaievitch* to Ania, and she was mad with joy, he goes again to-day to see *Rodionov* and *Kozhevnikov*. Now she has *Vladimir Nikolaievitch* to show how to electrify her leg — every day a new Doctor. *Tatiana* and *Anastasia* were there in the day and found our Friend with her. He said the old story that she cries and sorrows as gets so few *caresses*. So *Tatiana* was much surprised and He answered that she receives many, only to her they seem few. Her humour seems not famous (the chief mourner) and notes cold, so mine too. —

I did sleep alright, as so awfully tired — but feel the same so far. Yesterday again 37.3, this morning 36.7, and morning's headache — the empty cushion beside me makes me, oh so sad! Dear sweet One, how is all aranging itself? You will let me have telegrams through fat Orlov when there are news, won't you? — Spent the evening lying quietly and the girls each reading a book. Olga and Tatiana went for ½ an hour to the hospital to see how all were. — I hear Shot barking before the house. — I send you your Image from our Friend of *St. John the Warrior,* wh. I forgot to give yesterday morning.

I have been rereading what our Friend wrote when he was at Constantinopel, it is doubly interesting now — quite short impressions. Oh, what a day when mass will again be served at St. Sophie. Only give orders that nothing should be destroyed or spoiled belonging to the mahomedans, they can use all again for their religion, as we are Christians and not barbarians, thank God! How one would love to be there at such a moment! The amount of churches everywhere used or destroyed by the Turks is awful — because the Greeks were not worthy to officiate and have such temples. May the Orthodox Church be more worthy now and be purified again. — This war can mean so colossaly much in the moral regeneration of our Country and Church — only to find the men to fulfil all your orders and to help you, in all your immense tasks! —

Here I am back again — lay two hours on the sopha, had Mme Zizi half an hour with petition — feel rottenly weak and tired and she did not approve of my looks. — My dear, Ania has been wheeled by *Shuk* as far as *Voyeikov's* house, Dr. *Korenev* near her and was not a bit tired — now to-morrow she wants to come to me! Oh dear, and I was so glad that for a long time we should not have her in the house, I am selfish after 9 years, and want you to myself at last and this means, she is preparing to invade upon us often when you return or she will beg to be wheeled in the garden, as the park is shut (so as to meet you) and I wont be there to disturb. Shall give *Putiatin* the order to let her in to the big park, her chair wont spoil the roads. — I should never have ventured out — what a sight! Covered by a *shuba* and shawl on her head — I said better a tennis cap and her hair plaited tidily will strike less. The man is needed in the *Feodorov* hospital and she uses him constantly. I told her to go to *Znamenia* before coming to me — I foresee lots of bother with her; all hysteria! Pretends to faint when one pushes the bed, but can be banged about in the streets in a chair.

The children went out before one, and I shant see them till 5 for quite short, then they go off to Ania to see our officers, Baby after his dinner. I was up fr. 1—3. — Fancy your having had snow in the night! Sweetest treasure — how I miss you! Long and lonely days — so when head aches less copy out things of our friends, and then the time passes quicker. Please give my love to *N. P.* & *Grabbe*.

What a lot of prisoners we have taken again! Now this must go. — Goodbye, Nicky love, I bless and kiss you over and over again with all the tenderness of wh. I am capable.

Ever yr. very own old

Wify.

No. 58.

Tsarskoje Selo, April 6-th 1915

My own beloved Darling,

Ever such tender thanks for yr. precious letter, I just received. It is such an intense joy to hear from you, Sweetheart & comfort, as I miss you awfully! — So that is why you did not travel as intended! But the idea of

L. & P. already now, makes me anxious, is it not too soon, as all the spirits are not much for Russia — in the country, yes, but not at *L.* I fear. — Well, I shall ask our Friend to quite particularly pray for you there — but, forgive my saying so — its not for N. to accompany you —you must be the chief one, the first time you go. You find me an old goose, no doubt, but if others wont think of such things, I must. He must remain & work as usual — really don't take him, as the hate against him must be great there — & to see you alone will rejoice those hearts that go out to you in love and gratitude. — Such sunshine! The little girlies drove between their lessons — & I am going to have Ania's visit!! The Dr. lets me get up more, only to lie when the temp. rises, heart nearly normal, but feel horribly weak yet, & my voice like Miechens when she is tired. — One just brought me an endless letter fr. the Countess Hohenfelsen — I send it you to read through in a free moment, & then return it to me. Only speak to Fredericksy about it. Certainly not on my namesday or birthday as she wishes — but all can be alright in her wish, excepting the »*Princess*«, that is vulgar to ask for. You see it will sound well when one announces them together, almost as *Grand Duchess*. Only what reason to Misha later — both had children before, whilst married to another man, tho' no, *Misha's* wife was already divorced. And she forgets this eldest son — if one acknowledges the marriage fr. the year 1904, this Son, clear to all, was an illegal child — for them I don't mind, let them openly carry their sin — but the boy? You speak it over with the old man, those things he understands, & tell him what yr. *Mamma* said when you mentioned it to her. Now perhaps people will pay less attention. —

My love to N. P. & tell him the roses are still quite fresh. —

Here I am back into bed again, was 3 hours on the sopha — so stupidly weak & tired. Well, Ania came, & she has invited herself to luncheon one of these days. Looks very well, but did not seem so overjoyed to see me, nor that had not seen me for a week, no complaint, thank goodness — but those hard eyes again wh., she so often has now. — The Children are all out, Baby's arms are better, so he could write to you Sweetheart. — Mary Wassiltshikov's son-in-law *Stcherbatov* (ex naval officer) died suddenly yesterday. He had recovered from typhoid & was taking tea with his wife, nice Sonia, when suddenly died from a failure of the heart — poor young widow! You remember her last baby was born the day of Ducky's gardenparty for the English naval officers — the grandmother came straight there.

I wonder how Fr. conversation with N. went off. Our Friend is glad for the old man's sake that he went, as it gave such intense pleasure, & perhaps its the last time he can accompany you on such a journey — well, as long as he is prudent. —

Have been choosing, as yearly, summer stuffs for my ladies and the maids and housemaids. —

Au fond, our Friend wld. have found it better you had gone after the war to the conquered country, I only just mention this like that. —

The man is waiting for my letter. —

Beloved Nicky, my, very, very own treasure, I bless & cover yr. sweet face & lovely big eyes with the tenderest of kisses,

Ever yr. very own

Sunny.

No. 59.

Tsarskoje Selo, April 7-th 1915

My very own sweet One,

Every possible tender wish for to-morrow. The first time in 21 years we dont spend this anniversary together. — How vividly one remembers all! Ah my beloved Boy, what happiness & love you have given me all these years — God verily richly blessed our married life. For all your wify thanks you from the depths of her big loving heart. May God Almighty make me a worthy helpmate of yours, my own sweet treasure, my sunshine, Sunbeam's Father! —

Tudels just brought me your dear letter, & I thank you for it with all my heart — such joy when I receive it, & many a time it is reread. I can imagine what a funny sight *Grabbe* sticking in the bogg, must have been; those walks I am sure do all no end of good. — How interesting all you are going to do. When A. told Him in secret, because I want His special prayers for you, he curiously enough said the same as me; that on the whole it does not please Him »*God will help; but it is* (too early) *to go now, he will not observe anything, will not see his people, it is interesting, but better after the war.*« —

Does not like N. going with you, finds everywhere better alone — & to this end I fully agree. Well now all is settled, I hope it will be a success, & especially that you will see all the troops you hope to, it will be a joy to you, & recompense to them. God bless & guard this voyage of yours. Probably you will see both Xenia & Olga & *Sandro*. In case you see a sister all in black anywhere, its Mme Hartwig (von Wiesen) — she is at the head of my *stores* & often at the station. — I am feeling much the same, 37.2 in the evening, 36.6 this morning — a little redness is still there. —

I am glad you send Fred. by rail to *L.* — Grey, rainy morning rather. — My letters are so dull, have only *report* to read & that is all, seeing people tires me too much, tho' I long for a glimpse of *Koj. Rod* & *Kubl.* who will be at Anias from 3—4, they leave this evening for O. Tell Fred. I send him my love & beg of him to be very good & prudent, & to remember he is no longer a wild young *cornet!* — I send you some lilies of the valley, I kissed, & wh. are to perfume yr. little compartment. The note for *Olga* yr. man can send her at *Lvov*, as you wont have time to think about it. I saw *Rod* & *Kubl* both look well & brown — longing I think to go with the *Plastuny special force* & not only for the end (they are to be spared one says) but this they did not

tell me. Now all & Baby take tea at Anias. She came this morning. My blessings, tenderest prayers suround you. 1000 of kisses. Ever yr. old

Wify.

Of course I understand if you are a day or two later back. You also may like a fly to Livadia! — All the children kiss you — they & I send love to *N. P.* —

Have sent *Ropsha* strawberries.

No. 60.

Tsarskoje Selo, April 8-th 1915

My very own beloved Husband,

Tenderly do my prayers & grateful thoughts full of very deepest love linger around you this dear anniversary! How the years go by! 21 years already! You know I have kept the grey princesse dress I wore that morning? And shall wear yr. dear brooch. Dear me, how much we have lived through together in these years — heavy trials everywhere, but at home in our nest, bright sunshine!

I send you in remembrance an Image of *St. Simeon* — leave it for always as a guardian angel in your compartment — you will like the smell of the wood. —

Such a sunny day! — Poor Mme *Viltchkovsky* is going to have her apendicitis cut out — she lies in our little room, where Ania was the first night. They say she looks so clean & apetising in white & lace with pretty ribbons in jacket & hair — *Navruzov* who is there again — comes & looks after her, writes down her temp. & is most touching with her — am in despair not to be with her. — Lovy mine, how can I thank you enough for that ideally lovely cross? You do spoil me, I never for a second imagined you would think of giving me anything. How lovely it is! Shall wear it to-day — just what I like, & this one we had not seen. And yr. note & the dear letter — all came together after the Dr. He lets me go on the balkony, so I shall get Ania to come out there. — I see now why you take *N.* with you, thanks for explaining deary.

The sweet flower has gone into my gospel — we used to pick those flowers in spring on the meadow at Wolfsgarten, before the big house always. — Am sure you will all return nicely bronzed. — My throat is almost in order, heart still not yet quite normal, tho' I take my drops & keep so quiet.

I hear the Churchbells ring, & long to go to *Znamenia* & pray there for you — well my candle burns here too for you, my very own treasure.

I am finishing my letter to you on the sopha. The big girls are in town, the little ones walked, then went to their hospital & now have lessons, Baby is in the garden. I lay for ¾ of an hour on the balkony — quite strange to be out, as it happens so rarely I get into the fresh air. The little birdies were singing away — all nature awakening & praising the Lord! Doubly it

makes one feel the misery of war & bloodshed — but as after winter cometh summer, so after suffering & strife, may peace & consolation find their place in this world & all hatred cease & our beloved country develop into beauty in every sense of the word.

It is a new birth — a new beginning, a »Läuterung« & cleansing of minds and souls — only to lead them aright and guide them straight. So much to do, may all work bravely hand in hand, helping instead of hindering work for one great cause & not for personal success & fame. — Just got your dear telegram, for wh. a tender kiss. — Mme *Viltchkovsky's* operation went off alright. — My stupid temp. is now already 37.1, but I think that does not matter. —

I wear your cross on my grey teagown & it looks too lovely — yr. dear brooch of 21 years ago I have also got on. — Sweet treasure I must end now.

God bless & guard you on yr. journey. You will no doubt receive this letter in *Lvov*. Give my love to Xenia, Olga & *Sandro*. I send you a wee photo I took of agooweeone on board last year. A fond blessing & thousands of very tenderest kisses, ever, Nicky sweet,

yr. own old

Wify.

No. 61.

Tsarskoje Selo, April 9-th 1915

My own Sweetheart,

Such a sunny morning again. Slept badly, heart more enlarged. Yesterday at 6 temp. 37.3½ at 11. 37.2. This morning 36.5; — such an infection generally acts upon a not strong heart, & as mine was again so tired, of course I feel it more. *Botkin* turned up to my surprise, to-morrow *Sirotinin* comes for the last time. — I send you a French letter from Alexei, & one from *Anastasia*. — I wore yr. lovely cross the evening in bed still. — My thoughts are the whole time with you, & I keep wondering what you are doing & how getting along. What an interesting journey. Hope somebody will photograph.

Had news fr. my *flying stores* train No. 5, that *Brussilov* inspected it, & was very contended with the help it gives — they bring out presents, medicaments, linnen, boots, & return with wounded. The bigger ones have the kitchen & Priest; — all this is thanks to little *Mekk*. — It grew so dark & now there has been a good downpour & more to follow, so I wont go on the balkony & its windy besides — Ania still intends coming, tho' I strongly advised her not to — why get wet & have *Juk* soaked, (only so as to come to me) its selfish & foolish, she might as well be a day without seeing me, but she wants more, says an hour is too little already. But I want little at a time, as get so tired still. — Fond thanks for yr. letter from *Brody*. How glad I am you have fine weather. Our Friend blesses your journey. — I keep thinking of you the whole time. It got fine this afternoon, but I was too tired to go out. Received *Khlebnikov*, my exlancer who has civil service in the Crimea because of his health, but whom I helped to get into the regiment as

soon as the war began (he looks & feels flourishing) — told me about the lost *platoon* of the 6-th squadron. 10 men ran away & got back to the regiment after wandering about in the forests & dressed as peasants. Then *Apraxin* came, whom I had not seen for four months. — Ania sat for an hour. Now she has our Friend & the girls, after walking & driving have gone to the big Palace; Baby is in the garden. I wear your ideal cross.

God's blessing be upon you, guard & guide you. Very fondest kisses fr. yr. very own

Wify.

My love to the old man & to *N. P.* & give him news of my health. — Just now 37.1 again.

No. 62.

Tsarskoje Selo, April 10-th 1915

My very own Treasure,

I wonder when and where this letter will reach you. Such fond thanks for yesterday evening's telegram. Indeed your journey must be very interesting — & so emotioning seeing all those dear graves of our brave heroes. Wont you just have a lot to tell us upon your return. Difficult writing yr. diary, I am sure, when there are so many different impressions. How happy Olga dear will be to see you — Xenia wired upon yr. arrival so kindly. —

Wonder whether you took Shavelsky with you. —

Ania gave over what you telegraphed to our Friend, He blesses you & is so glad you are happy. — This morning the weather is going to be finer, I think, then can lie out. Heart still enlarged, temp. rose to 37.2 — now 36.5, & still so weak, they are going to give me iron to take. —

Gr. is rather disturbed about the »meat« stories, the merchants wont lessen the price tho' the goverment wished it, & there has been a sort of meatstrike one says. One of the ministers he thought, ought to send for a few of the chief merchants & explain it to them, that it is wrong at such a grave moment, during war to highten the prizes, & make them feel ashamed of themselves. —

Have read through the papers & found nothing of interest. — Marie is going to the cemetry to lay flowers on poor *Grabovoy's* grave, 40 days tódday! So the time flies by. — Mme *Viltchkovsky* is getting on nicely. I saw *Aleinikov* (& wife) 5 months he lay in the big palace — he longs to continue serving, only his arm aches still so (right to the top the right one is off) & he has to take mudbaths. Then *Koblev* who goes back to his regiment, & then Grünwald with messages fr. you, Sweetheart. I lay half an hour on the balkony, quite mild. — Now Ania is coming, so goodbye & God bless you. I cover yr. sweet face with tenderest kisses, Nicky love, & remain

Ever yr. very own

Sunny.

No. 63.

Tsarskoje Selo, April 11-th 1915

My very own Darling,

Your dear telegram yesterday made us all so happy. Thank God, that you have such beautiful impressions — that you could see the *Caucas. corps* & that summer weather blesses your journey. — In the papers I read Fred: short telegram fr. *Lvov,* telling about the Cathedral, peasants etc. dinner, and nomination of *Bobr.* into yr. suite — what great historical moments. Our Friend is delighted and blesses you. — Now I have read in the *Novoie Vremia* all about you, & feel so touched & proud for my Sweetheart. And your few words on the balkony — just the thing. God bless & unite in the fully deep, historical & religious sense of the word, these Slavonie Countries to their old Mother Russia. All comes in its right time & now we are strong enough to uphold them, before we should not have been able to — nevertheless we must in the »interior« become yet stronger & more united in every way, so as to govern stronger & with more authority. — Wont E. N. I. be glad! He sees his greatgrandson reconquering those provinces of the long bygone — & the revenge for Austria's treachery towards him. And you have personally conquered thousands of hearts. I feel, by your sweet, gentle, humble being & shining, pure eyes — each conquers with what God endows him — each in his way. God bless yr. journey on — I am sure it will revive the strength of our troops — if they need this. I am glad Xenia & Olga saw this great moment! — How nice you went to Olga's hospital — a recompense for her infatigable work! —

This moment got yr. wire fr. *Perem.* & plans for to-day — & now *yr.* sweet letter fr. the 8-th, for wh. 1000 of tender thanks; such joy to get a letter from you, love them so!! — Here is Ella's telegram unciphered; I return it, in case you wish to mention anything about it, or find out from the railway officials, whether true. — Had masses of *report* to read through, & now must get up & finish later on. —

I received an awfully touching telegram from Babys' *Georgian* regiment. *Akhmisury* arrived back & told them he had seen you, & gave over our messages — & thanking for my looking after their officers etc. —

Mme Zizi came after luncheon with papers — then my Siberian *Geleznoi* to say goodbye. Then I lay on the balkony 3/4 of an hour, & the eldest sister *(Liubusha)* of the big Palace, sat with me. Ania came from 12—1 as usual. — My train No: 66 has just been to *Brody* to fetch wounded — lots of men, over 400, but only two officers. —

Goodbye Lovy mine — I do so wonder where you are going to see *Ivanov* and *Aleksejev* & can you get at them this time. — Goodbye & God bless and keep you. Very tenderest kisses fr. yr. very own old

Wify.

The Children all kiss you, & with me send love to the old man & *N. P.* —

No. 64.

Tsarkoje Selo, April 12-th 1915

Beloved One,

I wonder where you are? Xenia wired that you had dined together before leaving. Must have a look at the papers. Till now I go to bed at 6 & dont get up any more, & am up from 12—6. — The Children have gone to Church. Baby's foot is not quite the thing, so he is carried & drives, but does not suffer — he played Colorito on my bed this morning before his walk. — The weather is very sunny, tho' at times dark clouds hide all — hope to lie out again. Take lots of iron & arsenic & heartdrops & feel a little stronger now at last. —

We saw dear little Madame *Pourtzeladze* & her adorable baby boy yesterday — brave little soul! — She gets letters fr. him, but does not know whether he is severely wounded & how treated, that he dare not write — but thank God he is alive. —

2 hours I lay on the balkony, & Ania kept me company — Baby drove about in his motor & then in a little carriage.

I received my *Kniajevitch,* who intends going back to the lancers — over the *Headquarter* — but poor man doubts he can continue commanding the regiment, as fears he cannot ride on account of his kidneys — if so, he will return & seek some other service, as finds it dishonest towards the regiment. — Precious mine, quite spring, so lovely. —

I bless you & kiss you without end from the full depth of my great love. Goodbye Sweetheart.

Ever yr. very own old

Sunny.

About 16 lancers have escaped — 2 got on German officers horses & flew back — they had been well treated.

Many messages to the old man, the little Admiral, *Grabbe* & *N. P.* — The Children all kiss you tenderly. — Miss you sorely, precious Sunshine of our little home! —

Is it true *Mdivani* receives another nomination, & who is his successor? —

No. 65.

Tsarskoje Selo, April 13-th 1915

My very own Life,

Such a glorious, sunny morning! Yesterday I lay two hours out — shall lie out at 12 & I think after luncheon again. — The heart is not enlarged, the air & medicins are helping & I decidedly am feeling better & stronger, thank goodness. — To-morrow 6 weeks I worked last in the hospital. — The Commander of Baby's *Georgian's* sat with me for half an hour yesterday — such a nice man. Was before in the General staff, over *the frontier guards* in the Caucasus, singing highly the praises of his regiment & of poor *Grabovoy* —

seems *Mistchenko* mentioned the young man 2 in his *orders* (he was to get the St. George's cross & sword, — the Commander presented him for both) — I got onto the sopha for dinner & remained till 1. —

Fancy only, there was a youngster in Olga Orlov's hospital *Shvedov* with the St. George's cross — there was something at the end louche about him, how cld. a *Volunteer* have an officer's cross, & to me he said he had never been a *Volunteer* quite a boy to look at — he left — one found german chiffres on his table — & now I hear he has been hung! Too horrid — & he begged for our signed photos. I remember; — how could one have got hold of such a mere chap! — Baby just brought one of those German arrows one drops fr. aeroplans — how hideously sharp — *Romanovsky* brought it (is he a flier?) & asked for Baby's card — the aeroplan lies somewhere out here, Baby forgot fr. where it was brought. —

So now you are off to the South — did not get hold of your Generalls? To-day perhaps in Odessa already — how brown you will get — I whisper a wish of Kirylls, wh. he told *N. P.* who repeated it, en passant to Ania (because thought he could not tell you) — that he hoped you would take him to *Nikolaiev* & *Sebastopol* — I only mention it like that, because I don't think you have any place for him.

Our dear sailors, how glad I am you will see them. —

Now you will find out how many *plastuni* battalions — & then I can send Images. —

Our Friend is glad you left for the South. He has been praying so hard all these nights, scarcely sleeping — was so anxious for you — any rotten vicious jew might have made a scandal.

Just got yr. wire fr. *Proskurovo* that is nice that you will see the *Zaamursky frontier guards* at *Kamenetz—Podolsk.* Really, this journey at last gives you more to see & brings you into contact with the troops.

I love to know you do and see unexpected things, not everything wh. is planned & marked out before — à la lettre — spontanious things (when possible) are more interesting. — What a lot you will have to write in your diary & only during stoppages. —

We only remained half an hour on the balkony, it got too windy & fresh. Received two officers after luncheon then Isa, after wh. Sonia over an hour, then Mme Zizi & at 4½ *Navruzov,* as want so much to see him again. —

I hope the rest of your journey will go off alright.

Goodbye & God bless & keep you, my Angel. I cover yr. dear face with kisses, & remain yr.

Ever very fondly loving old wife

Alix.

Bow to yr. Gentlemen.

On the 16-th is *N. P.'s* birthday.

Ask *N. P.* whether *Nic. Iv. Tchagin* who died, was brother of *Iv. Iv. (General of Infantry)* it says in *Petrogr.* I only know he had a brother in Moscou & one who died — an architect. —

No. 66.

Tsarskoje Selo, April 14-th 1915

My own beloved One,

Fancy only, it is snowing slightly & a strong wind. Thanks so much for yr. dear telegram. That was a surprise you saw my *Crimean reg.* am so glad & shall eagerly await news about them & why they were there — what joy for them! — Poor Ania has got again flebitis in her right leg & strong pain, so one has to stop massage, & she must not walk — but may be wheeled out, as the air is good for her — poor girl, she now really is good & takes all patiently & just as one was hoping to take off the plaster of Paris *(gypsum).*

Yesterday morning for the first time she walked alone on her crutches to the dining room without being held. Awful bad luck. —

Navruzov sat half an hour with me yesterday & was sweet; — to-day *Pr. Gelovani* will come, as I only saw him once en passant & it does one good seeing them — freshens one up.

Am feeling better & shall put on my stays for the first time. — Well, Ania came for 2 hours & now *Pr. Gelovani* comes to me, Tatiana arranged this. Very windy, but sunny. — All my love & tenderest thoughts follow you. God bless & protect you, my Sunshine.

Fondest kisses fr. yr. very own old

Sunny.

Bow to all. —

I send you some lilies of the valley to stand on yr. writing table — there are glasses one always brought for my flowers; I have kissed the sweet flowers & you kiss them too. —

No. 67.

Tsarskoje Selo, April 15-th 1915

My own beloved Treasure,

A windy, cold day — there was frost in the night, the *Ladoga* ice is passing, so shall not be able to lie out again. Temp. 37.2 again yesterday evening, but that means nothing, am feeling decidedly stronger, so will go to Ania this afternoon & meet our Friend there, who wishes to see me. At 11½ I have *Viltchkovsky* with a *report* wh. is sure to last an hour — then Schulenburg with his papers at 12½; & at 2 *Witte* with his affairs, sent by Rauchfuss. —

Yesterday *Gelovani* sat ½ an hour with me, spoke much about the regiment. — You must have felt very tired at Odessa doing so much in such a short time And our dear sailors! & 2 hospitals, that is nice indeed & will have rejoiced all hearts. —

I wonder, what that *woman's legion* wh. is being formed in *Kiev* is? If only to be as in England, to carry out the wounded & help them like sanitaries, then it can be alright — but I should personally not have allowed

women to go out there »en masse« — the sister's dress is still a protection & they hold themselves otherwise — but these will be what?

Unless in very severe hands, well watched they may do very different things. A few of them with sanitary *detachements* cld. be good, but as a band — no — that is not their place — let them nurse out there, from nurses *detachements*. There is an English lady who does wonders in Belgium in her warkit & short skirts — rides & picks up wounded, flies about to get vehicles to transport them to the nearest hospital, binds up their wounds — & once even read the prayers over the grave of a young English officer who died in a garret in a Belgium town taken by the Germans, & one dared not have a regular funeral. — Our women are less well educated & have no discipline so I don't know how they will manage »en masse« — wonder who allows them to form themselves. —

I think you may get these lines before leaving *Sebastopol* — the dear black sea!

And the fruit trees all in blossom — a flying visit to *Livadia* & *Jalta* would be lovely, I am sure! —

Ania's leg is not at all good, such red spots — fear this flebitis can last some time! Her Mother too is again ill, & Alia & the Children. —

Well, that was a surprise yr. precious letter & the dear little flower, thanks ever so much. Too interesting all your journey, everything you wrote — one sees it all before one. From *Olga* I also got a letter with her impressions — how happy she was to see you! —

It is so cold! And the wind howls down the chimny — Baby drove in the morning & will now again. His motor has a stronger mashine & so goes very quickly — Mr. Gillard & *Der.* follow him in a big one. —

Precious One, I suppose you are at *Nikolajev* now — interesting all you will see, & give the men energy to build on quickly & get our ships done. —

Goodbye, my own huzy love, God bless & protect you, I kiss ever so tenderly & with deepest devotion.

Ever yr. very own old

Wify.

Messages to Fred.

No. 68.

Tsarskoje Selo, April 16-th 1915

My Sweetheart,

I have just been eating up the newspapers with Freder. long telegrams about your journey. You have done & seen a lot, I am delighted — & been to hospitals too. Some of our wounded officers are now at Odessa & will surely have seen you there. But you must be very tired.

Pitty you cannot have one quiet day's rest in the South, to have quietly enjoyed the sunshine & flowers. Life once back here is so awfully tiring &

fidgety for you always, my poor treasure. I want the weather to get again warm & nice for yr. return & Baby's foot.

He is very careful with it I think on purpose.

This morning he is out driving with Mr. Gibbs. —

I had hoped to go to our hospital to sit a bit there but the heart is again a little enlarged, so have to remain at home. —

Our Friend was not long at Anias yesterday, but very dear. Asked lots about you. — To-day receive three officers returning to the war, yr. *Kobilin* too, & then Danini & two others, whom I sent to *Evpatoria* to choose a sanatorium. We have taken one for a year — the money you gave me covers the expenses. There are mud, sea, sun, sandbaths there, a Zanderroom, electricity, watercures, garden & plage close by — 170 people, & in winter 75 — its splendid.

Duvan, who has built a theatre, streets etc. there, I am going to ask to be the *Burser, Kniazhevitch* thinks he may help materially then too. — Xenia has returned one says. —

How glad you will be to see your *plastuni* to-day. —

Well, my treasure, I must say goodbye now. —

God bless & protect you — I kiss you over & over again with tenderness, & remain yr. ever fondly loving old

Wify.

How is Fred. I wonder!

Bow to him & *N. P.*

No. 69.

Tsarskoje Selo, April 17-th 1915

My own sweetest One,

Bright, sunny but cold, lay an hour on the balkony & found it rather too fresh. — Yesterday Paul came to tea. He told me he had just received a letter from Marie, telling him about your talk in the train concerning Dmitri. So he sent for the boy last night and was going to have a serious talk with him He too is greatly shocked at the way the boy goes on in town etc. —

In the evening at 8.20 there was this explosion — I send you Obolensky's paper. Now I have had telephoned to Sergei for news — one says 150 severely wounded — how many killed one cannot say, as one collects the bits — when the remaining people are assembled together, then they will know who is missing. Some parts in town & streets heard absolutely nothing — here some felt it very strongly, so that they thought it had occured at Tsarskoe. Thank God its not the powder-magazine as one at first had said. —

I had a long, dear letter fr. Erni — I will show it you upon your return. He says that »if there is someone who understands him (you) & knows what he is going through, it is me«. He kisses you tenderly. He longs for a way out of this dilema, that someone ought to begin to make a bridge for discussion.

So he had an idea of quite privately sending a man of confidence to Stockholm, who should meet a gentleman sent by you (privately) that they

could help disperse many momentary difficulties. He had this idea, as in Germany there is no real hatred against Russia. So he sent a gentleman to be there on the 28 — (that is 2 days ago & I only heard to-day) & can only spare him a week. So I at once wrote an answer (all through Daisy) & sent it the gentleman, telling him you are not yet back, so he better not wait — & that tho' one longs for peace, the time has not yet come. —

I wanted to get all done before you return, as I know it would be unpleasant for you.

W. knows of course absolutely nothing about this. — He says they stand as a firm wall in France, & that his friends tell him, in the North & Carpathians too. They think they have 500.000 of our prisoners. —

The whole letter is very dear & loving; — I was intensely grateful to get it, tho' of course the question of the gentleman waiting there & you away, was complicated; — & E. will be disappointed. —

My heart is again enlarged, so I don't leave the house. *Lilly D.* is coming to me for half an hour. — I do hope you have warmer weather to-day, *Sebastopol* is not amiable both times. —

Xenia is coming to-morrow to luncheon.

Ania sat with me this morning for an hour. — 2 Girls are riding & 2 driving — Alexei out in his motor. — I wonder whether you return 21-st or 22-d.

Ressin has gone to town to see the place & bring me details, as I should like to help the poor sufferers. —

Now Lovebird, I must end, as I have to write for the English messenger & to sister Olga. —

God bless & protect you. I kiss you over & over again in tenderest love

Ever, Nicky dear, yr. old

Sunny.

No. 70.

Tsarskoje Selo, April 18-th 1915

My own sweet precious One,

A grey, cold, damp morning — the barometer must have fallen, feel such a pressure on my chest. — Yesterday evening Hagentorn took off Ania's *gypsum* from round her stomach, so that she is enchanted, can sit straight, & back no longer aches. Then she managed to lift her left foot, for the first time since 3 months, wh. shows that the bone is growing together. The flebitis in the other leg is very strong — so massage cannot be done on either leg, wh. is a pitty. She lies on the sopha & looks less of an invalid; she comes to me, as I remain at home on account of my heart. —

This morning I receive *Mekk* — he will, entre autre, tell me about *Lvov,* where he saw you in Church. My little *flying stores* trains have hard & useful work in the Carpathans, & our mules carry the things in the mountains — hard fighting, ones heart aches, — & in the North too again. — There, the

kind sun is peeping out. Yr. little plant stands on the piano & I like looking at it — reminds me of the Rosenau 21 years ago!!

Our Friend says if it gets more known that that catastrophy happened from an *attempt to set fire,* the hatred towards Germany will be great. —

(Hang those aeroplans in the Carpathans now too?) I am going to send money to the poorest families & Images to the wounded. —

Olga wrote you the details; & I suppose others do officially, so I wont any more. —

My temp. rose to 37.3 in the evening & this morning 37; heart just now not enlarged. — Shall finish this in the afternoon, Xenia & Irina lunch with us, — & perhaps I may find something more interesting to tell you by then.

Well, now they have gone, Irina looked pretty, only much too thin. — It seems there was a fire in Ania's house, the little blind woman's candle fell down & things took fire, so the floor in the back room burned a little & two boxes with books, Ania got a nice fright — bad luck always. —

Now goodbye & God bless you — soon, soon I shall have you back, what joy!! 1000 fond kisses.

Ever yr. old

Wify.

No. 71.

Tsarskoje Selo, April 19-the 1915

My own darling Huzy dear,

Such a gloriously sunny morning! Shall lie out on the balkony at last again. Yesterday Mme *Janov* sent us flowers from beloved *Livadia* — glycinias, *golden rain-drops,* lilac iris wh. have opened this morning, lilac & red Italians anemonies wh. I used to paint & now want to again — *Judas tree* little branches, one pioni & tulips. To see them in ones vases makes me quite melancholy. Does it not seem strange, hatred & bloodshed & all the horrors of war — & there simply Paradise, sunshine & flowers and peace — such a mercy but such a contrast. Do hope you managed to get a nice drive beyond *Baidary.*

Well, Baby & I went at 11½ to Church, & came just during *the Credo* — so nice being in Church again, but missed you, my Angel, awfully — & was tired & felt my heart. — Blind Anisia took holy Communion — she upset the lantern in Ania's house & set the room on fire. After luncheon I lay knitting for an hour on the balkony, but the sun had gone & it was cold. Ania sat with me from 1½—3¼. — Such tender thanks for the divine lilacs — such perfume!

Thanks over & over again from us all — I gave Ania some too. —

The Children are giving medals in a hospital (with Drenteln) & then they & Baby go to Ania to meet the 2 cosacks & Marie's friend. —

How dear you named Baby chef of one of those splendid battalions, *Vorontzov* sent me a delighted telegram. Eagerly awaiting your return — lonely without you, my Sweetheart; & you will have such a lot to tell. —

Schwibzik is sleeping near me.

Now Goodbye, my very Own, God bless & protect you & bring you safely home to us.

Very fondest kisses fr. yr. own

Sunny.

Messages to everybody!

No. 72.

Tsarskoje Selo, April 20-th 1915

My own beloved Darling,

This is my last letter to you. For your precious & unexpected one & lovely flowers, tenderest thanks. One feels homesick for the beautiful Crimea — our earthly Paradise in spring! — All you write is so interesting — what a lot you have done — must be tired I am sure, dear precious One, Huzy mine!

Yes, my heart, I know you are lonely, and that makes me always so sad, that Sunbeam is not old enough to accompany you everywhere. The family is alright, but none of them are near to you, — or really understand you. — What a jubilation when you return. — Ania's Aunt returned full haste from *Mitave,* & the Governor with all the documents — a panic — the Germans coming! No troops of ours! — German *scouts.*

I think near *Libau* — I feel sure they want to make a *landing* with their heaps of sailors (doing nothing) & other troops, to push down from there towards Varsovie from the back, or along the coast, to get the Germans onto their side — that has all along been in my head since autumn. — Our Friend finds them awfully slie — looks at all seriously, but says God will help. — My humble opinion, why does one not get some cosack regiments along the coast, or our cavalry a little bit up more towards *Libau,* to keep them fr. ruining everything & finding basis for settling down with their devilish aeroplans. — We dont want them ruining our towns, not to say killing innocent people. —

Baby enjoyed himself at Ania's yesterday. — To-day the young couple *Voronov* are coming to us to tea, they have come for a few days from Odessa. I receive 7 officers returning, amongst others the General, Commander of Baby's *Georgians,* then *priest* fr. the Standart to say goodbye before leaving & Benkendorf, & then Ania.

I went for ¾ of an hour at last to the hospital. *Gogoberidze* suddenly appeared to our surprise, he was only a month in the regiment & then went to *Batum* as was quite ill — now he looks brown as a nut — he returns to the regiment in a few days. —

It rained again, so I shall not lie out. — Sweetest one, I have got to see all those people now, so cannot write any more. The Children all and I kiss you ever so tenderly and warmly, beloved One. —

God grant in two days I shall have you back again in my longing arms. — The Children go to an exhibition to-morrow and then take tea at *Anitchkov.*

God bless & keep you. Ever yr. very own tenderly loving old wife

Alix.

No. 73.

Tsarskkoje Selo, May 4-th 1915

My own sweetest of Sweets,

You will read these lines before going to bed — remember Wify will be praying & thinking of you, oh so much, & miss you quite terribly. So sad we shall not spend your dear birthday together — the first time! May God bless you richly, give you strength and wisdom, consolation, health, peace of mind to continue bravely bearing your heavy crown — ah it is not an easy nor light cross He has placed upon yr. shoulders — would that I could help you carrying, in prayers & thoughts I ever do. I yearn to lessen yr. burden — so much you have had to suffer in those 20 years — & you were borne on the day of the longsuffering Job too, my poor Sweetheart. But God will help, I feel sure, but still much heartache, anxiety, & hard work have to be got through bravely, with resignation & trust in God's mercy, and unfathomable wisdom. Hard not to be able to give you a birthday tender kiss & blessing! — One gets at times so tired from suffering & anxiety & yearns for peace — oh when will it come I wonder! How many more months of bloodshed & misery? Sun comes after rain — & so our beloved country will see its golden days of prosperity after her earth is sodden with blood & tears — God is not unjust & I place all my trust in Him unwaveringly — but its such pain to see all the misery — to know not all work as they ought to, that petty personalities spoil often the great cause for wh. they ought to work in unisson. Be firm, Lovy mine, show yr. own mind, let others feel you know what you wish. Remember you are the Emperor, & that others dare not take so much upon themselves — beginning by a mere detail, as the Nostitz story — he is in yr. suite & therefore N. has absolutely n o right to give orders without asking your permission first.

If you did such a thing with one of his aide de camps without warning him, wld. he not set up a row & play the offended, etc. & without being sure, one cannot ruin a man's career like that. — Then, Deary, if a new Com. of the *Nijegorodtzy* is to be named, wont you propose *Jagmin?*

I meddle in things not concerning me — but its only a hint, — (& its your own regiment, so you can order whom you wish there).

See that the story of the Jews is carefully done, without unnecessary rows, not to provoke disturbances over the country. — Dont let one coax you into unnecessary nominations & *rewards* for the 6-th — many months are yet before us! — You cant fly off to *Cholm* to see *Ivanov* or stop on the way to see soldiers waiting to be sent to refill the regiments.

One longs that each of yr. journeys should not only be the joy for the *Headquarters* (without troops) — but for the soldiers, or wounded, more need strength from you & it does you good too. Do what you wish & not the Generals — yr. presence gives strength everywhere. —

No. 74.

Tsarskoje Selo, May 5-th 1915

My own beloved One,

I send you my very, very tenderest goodwishes & blessings for yr. dear birthday. God Almighty take you quite particularly into His holy keeping. — I hope the candlesticks & magnifying glass will be useful for the train — I could not find anything else suitable, alas. — Ania sends you the enclosed card. —

This morning I went to *Znamenje,* then to her for half an hour. At 10 to the hospital, operation & *dressings* — no time to write details. Got back at 1¼ — left at 2 for town. Xenia & Georgia were also at the committee — lasted an hour & 20 m. then went to *stores* got home at 5½ — now must receive peasants from *Duderhof* & *Kolpino* with money. The Feldjeger must leave at 6. — Sunny, but cold. Am ramolie, so cannot write much & awful hurry. —

Slept badly — so lonely. —

My Angel Darling, I kiss & bless you without end — awfully sad not to spend dear 6-th together. Goodbye my love, my huzy sweet.

Ever yr. own old

Sunny.

No. 75.

Tsarskoje Selo, May 6-th 1915

My very own precious One,

Many happy returns of this dear day. God grant you may spend it next year in peace and joy, and the nightmare of this war be over. I cover you with tender kisses — alas, only in thoughts — & pray God to protect and quite particularly bless you for all your undertakings.

Such a sunny morning — (tho' fresh) may it be a good omen. — Our Friend's lovely telegram will have given you pleasure — shall I thank him for you? And for Ania's card, wire me a message to give over to her. — We

sat with her in the evening as she had spent a lonely day, by chance nobody, except mother & son *Karangozov* came to see her. — We had a tiring day, so I did not take Olga to town, because of her cold & Becker's visit; Tatiana replaced her at the Committee. At the *stores* Marie Bariatinsky & Olga were making stockings, the same as they had been doing at Moscou so far. —

Everybody asks for news — I have none to give — but the heart is heavy — through Mekk's telegrams one sees the movements more or less. — *Navrusov* spoke with us by telephone, the sinner only leaves to-night — as he said to me, he had »fasted« for six months, now he must enjoy town. I called him a hulligan, wh. he did not approve of, — too bad, he says my health is better now, because he has been drinking for my health. I told him Pss. Gedroitz who is very fond of him, calls him our enfant terrible; then I spoke with *Amilakhvari* by telephone, & he will come to say goodbye to-day. — Bobrinsky has left full speed to *Lvov*.

They sang beautifully in Church. We had all my ladies, Benkend. & Ressin to lunch, then I received *Kotchubey, Kniazhevitch, Amilakhvari* then went to Ania & read to her, after wh. to the big palace for 10 m. — Now Xenia & Paul come to tea, so must end, — always a hurry. — Blessings & kisses without end — no news, so anxious.

Sweetheart, yr. very own, longing for you Wify.

No. 76.

Tsarskoje Selo, May 7-th 1915

My very own Angel,

Again I write in full haste, no quiet time. — Yesterday evening were at Ania's.

Slept not famously — heart heavy of anxiety, hate not being with you when trying times. — This morning after *Znamenje* peeped in to Anias, her sweet nieces & Alia overnighted in her house so as to get good air. — Then we had an operation — anxious one, serious case — & worked till after 1. Before 2 said goodbye to *Karangozov* & *Gordinsky*, then Tatiana's committee — big group 2¼ to 4.

Went to A. till 5, saw our Friend there — thinks much of you, prays, »*we sat and talked together, — and still God will help.*«

Its h o r r i d not being with you at a time so full of heartache & anxiety — would to God I could be of help to you — one comfort *N. P.* is near you & then I am quieter — a natural, warm heart & kind look helps when worries fill the soul; not a fat O. or *Drent*. As the cosacks begged everytime so much, have said two or 1 officer may come with us. — Fear it will be very official still, but our Fr. wants me to go on such journeys. —

Treasure of my soul, Angel beloved, God help you, console & strengthen & help our brave heroes. —

I kiss you over & over again & bless you without end. Must finish.

Ever yr. very own Wify.

No. 77.

May 8-th 1915

My beloved One,

Artsimovitch will meet you at *Dvinsk* to-morrow, and has proposed to bring you a letter. But I have the feeling that if the news continue not being good, that you will probably be remaining on still at the *Headquarters.* Such splendid weather & all quite green, a great difference after *Tsarskoje.* — So far all has gone beautifully & we are having three hours rest, wh. is splendid, as my back aches a lot. — We went to the Cathedral, a *Te Deum* of 5 minutes, the Bishop *Cyrill* seemed ramoli, I must say. Then went to four hospitals, the sisters of my *Krestovozdvijensky Community* work in one since August — in another, sisters & Drs. from *Tashkent* — everywhere good air, clean & nice; & not fussy. A group was taken of us with masses of wounded in a garden. Masses of Jews, & trains arrive with them from *Curland* — painful sight with all their packages & wee children.

The town is pretty when one crosses the river. The Children had the Governor & *Mezentzev* to luncheon & then the latter came & sat with me — such a nice man & works well one sees.

Now we shall be going to one of his *stores* & to three hospitals & to the Palace where the Gov. lives as there is a *store* under my protection there. We leave again at 7. I did not sleep very well. Wonder what news, feel so anxious far from you. — Now my Lovy, Goodbye & God bless you.

I kiss you from the depths of my loving heart

Ever yr. very own old

Wify.

The girls kiss you. —

I got your wire, that you have put off yr. journey, wh. is more than comprehensible — easier to be nearer these trying days — would to God that that »ray of light« might brighten into sunshine — one yearns for success — & now Essen's death, the one that the German's feared has died! Ah, what trials God sends — whom do you name in his place I wonder, who has the same energy as he for the time of war? I hate not being near you, knowing your suffering. But God Almighty will help, all our losses wont be in vain, all our prayers must be heard, no matter how hard it is now — but being far away, with scarce news is trying & yet you cannot get nearer. Sweet one, I know yr. faith & trust in God. — St. Nicolas feast to-morrow may that holy Saint intercede for our brave, struggling troops. — I had my wish & saw a sanitary train wh. brought fresh wounded of four days ago, of the *sixth infantry division the Muromtzevsky and Nizovski.* There were no very severe cases, thank God, tho' bad wounds, to many I said I should tell you I had seen them & their faces lit up. — We went over my *store* of the red cross wh. *Mesentzev* has, still 3 hospitals & the *stores* in the Governor's palace & took a cup of coffee wh. gave one new strength. My back hurts awfully — kidneys, I think crystals again wh. always cause pain. The pavement vile, glad, had our motors. Ortipo climb onto my lap, have sent her off several times without

success — so yet more difficult writing on the top of her back in a shaking train. All the *convalescent* stood near the station when we returned, & school-children.

Glorious sunset — quite summer — such dust. Shall finish this at Tsarskoe to-morrow.

May 9-th. We got here alright, the *Pavlovsk* line, as near *Gatchina* their had been an explosion on the train going with ammunitions — such a horror — 12 waggons they managed to save — one sees it was done on purpose; just what one so soreley needs, it does seem cruel. — The little ones met us at the station. Worked as usual in the hospital, was at Ania's, placed candles in Church.

After lunch received *Apraxin, Hartman* the Com. of the *Erivantzi* & a wounded officer. —

Yr. *Taube* lies still at *Lomzha* & one was obliged, alas, to amputate his leg above the knee. Now I have got Ania coming, Sonia lunched with us — one says news a wee bit better? —

The a. d. c. of the blue curassiers brought us flowers — they love *Arseniev* & highly appreciate him. —

The wife of one of the *Georgian* officers is coming to me as its their feast — & later I want to take flowers to *Grabovoy's* grave.

God bless you my Sunshine I cover yr. sweet face with kisses —

Ever yr. very own

Sunny.

I have got hold of a rotten pen.

Hope to go to Church — sad to-morrow's great feast not together. —

Bow to all yr. people.

No. 78.

Tsarskoje Selo, May 10-th 1915

My own precious One,

A lovely, warm, sunny morning; yesterday too it was fine, but so cold lying on the balkony after the summerweather at *Vitebsk.*

Our Church is so prettily decorated in green — do you remember last year at *Livadia* how lovely our little Church was — & once this day on board in Finland too!

Dear me, how much has happened since the peaceful, homely life in the *fjords.*

Edigarov writes that they have 35 degrees of warmth. —

Sister *Olga* wrote that all their wounded had to be sent off in full speed with deep sorrow on both sides — the very worse were transferred to another hospital wh. must remain. — God grant still *P.& L.* wont be taken & that these great feastdays may bring us luck. This journey of yours I get no telegrams alas, & so have to hunt in the papers for news — one lives through

a time of grave anxiety — so I am glad you are not here, where everything is taken in a different tone, except by the wounded, who understand all much more normally. —

Drive with A. to *Pavlovsk* — my first drive since autumn — lovely, only one feels so sad at heart — & my back aches awfully since 3 days — then remained on the balkony & we are drinking tea there too. Thanks for yr. telegram Deary, — thank God the news are better. I saw 3 of Olga's ladies, its the regiment's feast, then Kostia & Commander of Izmail. reg. — *Sister Ivanova* (Sonia's Aunt) fr. Varsovie — interesting all she told about the hospitals there. —

Miechen heard through the Pss. Oginsky & told Mavra to tell me, that the prisoners (wounded) catholics are allowed to confess to Priests *(Vilna)* but not have holy Communion — thats quite wrong, but is *Tumanov's* order — if they are afraid of the Priests, then why allow confession — I suppose those are Bavarians, I don't know how the protestants are treated — can you speak to somebody to enquire into this? Thank old man & bow fr. me, & bow to *N. P.* — A. sends her love & kisses yr. hand. — Blessings & kisses without end, beloved One.

Ever yr. very, very own

Wify.

No. 79.

Tsarskoje Selo, May 11-th 1915

My own precious Nicky,

Again quite fresh and grey, & in the night only one degree — extraordinary for the month of May. — We spent the evening at Ania's yesterday, some officers were invited 8—10½ & they played games — Alexei came fr. — 9¼ & enjoyed himself greatly; I knitted. She gave me then letters fr. the wretched Nostitz couple to read — it seems this hideous intrigue was written to her relations to America, by a Gentleman of the American embassy, instigated by her enemies — the Ambassador is a friend of theirs. She thinks it is all done by Mme *Artzimovitch* (an American by birth) a story of jealousy. But it was sad to read their despairing letters of lives ruined — but I feel sure you will see that this story is cleared up satisfactorily & justice done them. I care for neither, but the whole thing is a crying shame & N. had no right to act as he did with a member of your Suite, without asking first your permission — so easy to ruin a reputation & more than difficult to reestablish it. — I must dress now. — I ordered service at 9½ in the *Pestcherni chapel* of the *Dv. hospital,* so that we can work at once in the hospital when mass is over. My heart keeps decent (drops always) but back aches very strongly — for sure kidneys. —

I had *Engalitchev* to-day & he told me many interesting things. — Went to the big palace & then lay on the balkony reading to Ania, tho' cold. Our

Friend saw *Bark* for 2 hours & they talked well together. — God be thanked that the news is better, may it only continue thus. What joy, you are writing to me.

To-day its a week you left us. — The Children all kiss you & so do I, my lovebird. Send blessings without end,

Ever, huzy love, yr. very own old

Sunny.

Bow to old man & *N. P.*

No. 80.

My own beloved One,

When we returned from the hospital I found your beloved letter, & thank you for it from the depths of my loving heart. Such joy to hear from you, Sweetheart. Thanks so much for all details, I was so longing to get real, exact news from you. How hard those days were, & I not near you & such hard work, much to do. Thank God that all is better now & may Italy draw some of the troops away. I remember *Savitch,* did he not come to the Crimea? The new Admiral's face I don't remember, he is a cousin of *N. P.* — Have the *Eriv.* & all the Caucasian division been sent to the Carpathans, or is it not true? They were asking me again. —

Engal. said one expects the next heavy battles will be near Varsovie, but he finds our 2 Generals (don't remember the name) weak & not the types to meet heavy *attacks* he told N. & *Janoushk.* so.

Am so glad about the paper you sent of my *Crimeans* — they are then again in another division. — My *Alexand.* have also been doing well near *Shavli.* Wonder how my *Kniazhevitch's* health is, have no news since he left. — Just now received 2 officers — the most going off to *Evpatoria* — that law of 8 or 9 months is fearfully hard — we have some with broken limbs wh. can be healed only after a year, impossible before, but then alright for service — & as they cannot possibly now return to their regiments, they loose their pay — & some are so poor, have no fortune of their own — it does seem unjust. Crippled, not always for life, but for a time, doing their duty bravely, wounded & then left like beggars — their moral sufferings becomes so great. Others hasten back too early, only not to loose all & may completely loose their health fr. that. Certainly some types (few) must be hurried off to their regiments because are fit for work already. — Its all complicated. —

My back still aches & now higher up, a sort of Hexenschuss wh. makes many movements very painful — still I managed to do my works. Now I shall lie on the balkony & read to Ania, as driving been shaken, makes the back worse. —

What joy if we meet really on Thursday!

Goodbye my Love, God bless & keep you from all harm.

Ever such tender kisses from us all. Yr. very Own.

No. 81.

Tsarskoje Selo, June 10-th 1915

My very own precious One,

It is with a heavy heart I let you leave this time — everything is so serious & just now particularly painful & I long to be with you, to share your worries & anxieties. You bear all so bravely & by yourself — let me help you my Treasure. Surely there is some way in wh. a woman can be of help & use. I do so yearn to make it easier for you & the ministers all squabbling amongst each other at a time, when all ought to work together & forget their personal offenses — have as aim the wellfare of their Sovereign & Country — it makes me rage. In other words its treachery, because people know it, they feel the government in discord & then the left profit by it. If you could only be severe, my Love, it is so necessary, they must hear your voice & see displeasure in yr. eyes.; they are too much accustomed to your gentle, forgiving kindness.

Sometimes a word gently spoken carries far — but at a time, such as we are now living through, one needs to hear your voice uplifted in protest & repremand when they continue not obeying yr. orders, when they dawdle in carrying them out. They must learn to tremble before you — you remember Mr. Ph. & Gr. say the same thing too. You must simply order things to be done, not asking if they are possible (you will never ask anything unreasonable or a folly) — for instance, order as in France (a Republic) other fabrics to make shells, cartridges (if guns & rifles too complicated) — let the big fabrics send teacher — where there is a will there is a way & they must all realise that you insist upon yr. wish being speedily fulfilled. It is for them to find the people, the fabricants, to settle all going, let them go about & see to the work being done, themselves. You know how talented our people are, how gifted — only lazy & without initiative, start them going, & they can do anything, only dont ask, but order straight off, be energetic for yr. country's sake!

The same about the question wh. our Friend takes so to heart & wh. is the most serious of all, for internal peace's sake — the not calling in the *Second class* — if the order has been given, you tell N. that you insist upon its counterordering — by your name *to wait,* the kind act must come fr. you — dont listen to any excuses — (am sure it was unintentionally done out of not having knowledge of the country). Therefore our Friend dreads yr. being at the *Headquarters* as all come round with their own explanations & involuntarily you give in to them, when yr. own feeling has been the right one, but did not suit theirs. Remember you have reigned long, have far more experience than they — N. has only the army to think of & success — you carry the internal responsabilities on for years — if he makes faults (after the war he is nobody), but you have to set all straight. No, hearken unto our Friend, beleive Him, He has yr. interest & Russians at heart — it is not for nothing God sent Him to us — only we must pay more attention to what He says — His words are not lightly spoken — & the gravity of

having not only His prayers, but His advise — is great. The Ministers did not think of telling you, that this measure is a fatal one, but He did. — How hard it is not to be with you, to talk over all quietly & to help you being firm. — Shall follow & be near you in thoughts & prayers all the time. May God bless & protect you, my brave, patient, humble one. I cover yr. sweet face with endless, tender kisses, — love you b e y o n d words, my own, very own Sunshine & joy. — I bless you. — Sad not to pray together, but *Botk.* finds wiser my remaining quiet, so as soon to be quite alright again.

Yr. own

Wify.

Our Marie will be 16 on the 14-th, so give her diamond-necklace fr. us, like the other two got. —

No. 82.

Tsarskoje Selo, June 11-th 1915

My very own precious One,

All my tenderest thoughts surround you in love and longing. It was a lovely surprise, when you suddenly turned up again — I had been praying & crying & feeling wretched. You don't know how hard it is being without you & how t e r r i b l y I always miss you. Your dear telegram was such a consolation, as I felt very low & Ania's odious humour towards me (not to the Children) did anything but enliven my afternoon & evening. — We dined out & took tea on the balkony — this morning its glorious again — I am still in bed, resting you see, as heart not quite the thing, tho' not enlarged — I have been sorting out photos to be glued into albums for the exhibition-bazar here. — Fancy, big Marie *Bariat.'s* husband died from a stroke on the 9-th at *Berejany* in a property named Raï — one carries his body to *Tarnopol.* He was *Commissioner* of the *red cross at the 11-th Army,* can imagine Marie & Olga's despair, as they loved so their brother *Ivan.* Then the old C. Olsufiev has died — they lived as turtledoves, she will be brokenhearted. — One hears of nothing but deaths it seems to me. — Fancy, what I did last night in bed? I fished out yr. old letters & read through many of them, & those few before we were engaged — & all yr. words of intense love & tenderness warmed up my aching heart, & it seemed to me, as tho' I heard you speaking.

I numbered yours, the last 176 fr. the *Head-Quarters.* You number my yesterdays please, 313 — I hope my letter did not displease you but I am haunted by our Friend's wish & k n o w it will be fatal for u s & the country if not fulfilled. He means what He says, when speaks so seriously — He was much against yr. going to *L.* & *P.* — it was too soon, we see it now — was much against the war — was against the people of the *Duma* coming, an ugly act of *Rodz.* & the speeches ought not to have been printed (I find).

Please, my Angel, make N. see with your eyes — dont give in to any of the *2-nd class* being taken — put it off as long as only possible — they

have to work in the fields, fabrics, on steamers etc.; rather take the recroutes for next year now — please listen to His advise when spoken so gravely & wh. gave Him sleepless nights — one fault & we shall all have to pay for it. — I wonder what humour you found at the Head-Quarters & whether the heat is very great. —

Felix told Ania that one threw (then) stones at Ella's carriage & spat at her, but she did not wish to speak to us about it — they feared disorders these days again — don't know why. — The big girls are in the hospital, yesterday all 4 worked in the *stores* — *bandages* — & later went to *Irina*. — How do you feel, my Love, your beloved sad eyes haunt me still. Dear Olga wrote a sweet letter & kisses you & asks sweetly how you bear all, tho' she knows you will always wear a cheery face & carry all hidden inside. I fear often for yr. poor heart — it was s o much to bear — speak out to yr. old wify — bride of the bygone — share all with me, it may make it easier — tho' sometimes one has more strength carrying alone, not letting oneself get soft — the phisical heart gets so bad from it, I know it but too well. Lovebird, I kiss you without end, bless you, cover yr. precious face with kisses & long to let your dear head rest upon my old breast, so full of unutterable love & devotion.

Ever yr. own old

Alix.

I recieve Mme Hartwig, Rauchfuss, the 4 Trepov daughters (2 married). Remember to speak about the wounded officers being allowed to finish their cures at home befor returning for 2,3 or 4 time to battle, its cruel & unjust otherwise, N. must give Alek the order.

My love to the old man & *N. P.*

No. 83.

Tsarskoje Selo, June 12-th 1915

My very own precious One,

With such anxiety I wait for news & eagerly read the morning papers so as to know what happens. —

Glorious weather again — yesterday during dinner (on the balkony) there was a colossal downpour, seems it must daily rain, personally I have nothing against it, as always dread the heat & yesterday it was very hot & Ania's temper beastly, wh. did not make me feel better — grumbling against everybody & everything & strong hidden pricks at you & me. — This afternoon I may drive & to-morrow I hope to go (after a week's absence) to the hospital, as one of the officers must have his apendicitis cut off. —

Dmitri had his leg put in plaster of Paris *Gypsum* & to-day they are going to look with Röntgen-rays to see whether the leg is really broken, crushed or strained — what bad luck always!

Sweet one, please remember the question about the *Tobolsk Tatars* to be called in — they are splendid, devoted fellows & no doubt would go with joy & pride. — I found a paper of old Marie Feod. you once brought me, & as it is funny, I send it to you. —

I saw Mme Hartwig yesterday — she told me many interesting things when they left *Lvov* — & sad impressions of soldiers being depressed & saying that they wont return to fight the enemy with empty fists — the rage of the officers against *Soukhomlinov* is quite colossal — poor man — his very name they loathe & yearn for him to be sent away — well for his sake too, before any scandle arises, it would be better to do so. It is his adventurer wife who has completely ruined his reputation — because of her bribes he suffers & so on; — one says it is his fault there is no ammunition wh. is our curse now etc. I tell you this to show you what impressions she brought back. —

How one craves for a miracle to bring success, that ammunition & rifles should do double work! —

Wonder how the *spirit* in the *Head-Quarters* is? — Would to God N. were another man & had not turned against a man of Gods, that always brings bad luck to their work & those women wont let him change; he recieved decorations without end & thanks for all — but too early — its pain to think he got so much & nearly all has been retaken.

But God Almighty will help & better days will come, I feel convinced. Such trials for you to bear my own Sunshine. I long to be with you, to know how you are feeling morally — brave & calm as usual, the pain hidden away as usual. God help you my very own sweet Sufferer & give you strength, trust & courage. Yr. reign has been one of sore trials, but the recompense must come some day, God is just. — The little birdies are singing away so cheerily & a soft breeze comes in by the window. When I finish my letter, I shall get up; — these quiet days have done my heart good.

Give many kind messages to the old man & *N. P.* I am glad the latter is near you, I feel a warm heart with you & that makes me quieter for your sweet sake. —

Try & write a wee word for Marie, her 16 birthday being on Sunday. —

Tatiana went for a ride yesterday, I encouraged her, the others were of course too lazy & went to the Nurse's school to play with the babies. —

A Pr. Galitzine *Serg. Mikh.* died at Lausanne — I suppose its the man of many wives. —

Now my own Nicky darling, I must say goodbye. I regret having nothing of interest to tell you.

The 4 *Trepov* daughters beg to thank you ever so deeply for having permitted their mother to be buried next to their Father — they saw his coffin, still quite intact. —

Blessings without end be yours, my Love, I cover yr. sweet face with kisses, & remain

Ever yr. very own

Sunny.

No. 84.

Tsarskoje Selo, June 12-th 1915

My very Own,

I begin my letter still to-night, as to-morrow morning I hope to go to the hospital & shall have less time for writing. Ania & I took a nice drive to *Pavlovsk* this afternoon — in the shade it was quite cool; we lunched & took tea on the balkony, but in the evening it got too fresh to sit out. From 9½—11½ we were at Anias, I worked on the sopha, the 3 girls & officers played games. I am tired after my first outing. — My *Lvov stores* is now at *Rovno* near the station for the time — God grant we shant be driven back fr. there too. — That we had to leave that town is hard, but still it was not quite ours yet — nevertheless its sad to have fallen into other hands — William will now be sleeping in old Fr. J's bed wh. you occupied one night — I don't like that, its humiliating, — but that one can bear — but to think that once more the same battle-fields may be strewn with the bodies of our brave men — thats heartrending. But I ought not to speak to you in this tone, you have enough sorrow — my letters must be cheery ones, but its a bit difficult when heart & soul are sad. I hope to see our Friend a moment in the morning at Anias to bid Him goodbye — that will do me good. Serge *Tan.* was to leave tonight over *Kiev* but got a telegram that the *Akhtirtzy* are being sent elsewhere & he must leave to-morrow. I wonder what new combination. — How one wishes Alexeiev had remained with *Ivanov,* things might have gone better — *Dragomirov* set all going wrong. One prays & prays & yet never enough — the Schadenfreude of Germany makes my blood boil. God must surely hearken unto our supplications & send some success at least; — now shall be having them turn towards Varsovie & many troops are near *Shavli,* oh God, what a hideous war! Sweet, brave Soul how I wish one could rejoice your poor, tortured heart with something bright & hopeful. I long to hold you tightly clasped in my arms, with yr. sweet head resting upon my shoulder — then I could cover Lovy's face & eyes with kisses & murmer soft words of love. I kiss your cushion at nights, thats all I have — & bless it. — Now I must go to sleep. Rest well, my treasure, I bless & kiss you ever so fondly & gently stroke your dear brow.

June 13-th. How can I thank you enough for your beloved letter, I received upon our return from the hospital. Such an intense joy hearing from you, my Angel, thanks thousands of times. But I am sad your dear heart does not feel right, please let *Botkin* see you upon yr. return as he can give you drops to take from time to time when you have pains. I feel so awfully for those who have anything with the heart, suffering from it myself for so many years. Hiding ones sorrow, swallowing all, makes it so bad & it gets besides phisically tired — your eyes seemed like it at times. Only always tell it me, as I have after all enough experience with heart complains & I can perhaps help you. Speak about all to me, talk it out, cry even, it makes it phisically too, easier sometimes. —

Thank God N. understood about the *second class.* — Forgive me, but I don't like the choice of Minister of war — you remember how you were against him, & surely rightly & N. too I fancy. He works with Xenia too — but is he a man in whom one can have any confidence, can he be trusted? How I wish I were with you & could hear all yr. reasons for choosing him. I dread N.'s nominations, N. is far from clever, obstinate & led by others — God grant I am mistaken & this choice may be blest — but I like a crow, croak over it rather. Can the man have changed so much? Has he dropped *Gutchkov* — is he not our Friend's enemy, as that brings bad luck. Make dear old *Goremykin* thoroughly speak with him, morally influence him. Oh may these 2 new ministers be the right men in the right place, ones heart is so full of anxiety & one yearns for union amongst the ministers, success. Lovy mine, tell them upon their return from the *Headquarters* to ask & see me, one after the other, & I shall pray hard & try my utmost to be of real use to you. Its horrid not helping & letting you have all the hard work to do. —

Our Friend dined (I think) with *Shakhovskoy* again & likes him — He can influence him for the good. Fancy how strange! *Schtcherbatov* wrote a most amiable letter to *Andronnikov* (after having spoken against him to you). —

There is another minister I don't like in his place, *Stcheglovitov,* (to speak to pleasant) he does not heed to your orders, & whenever a petition comes wh. he thinks our Friend brought, he wont do it & not long ago tore one of yours through again. *Verevkine* his aid *(Gr.'s* friend) told this — & I have noticed that he rarely does what one asks — like *Timiriasev* obstinate & »by the letter« not by the soul. Its right to be severe — but one might be more just than he is & kinder to the small people, more lenient. —

Our apendicitis operation went off well; saw the new officers — the poor boy with *tetanos* is a little better — more hopeful. — Such fine weather, am lying on the balkony & the birdies are chirruping away so gaily. — A. just sat with me, she saw *Gr.* this morning, he slept better for the first time since 5 nights & says its a little better at the war. He begs you most incessantly to order quickly that on one day all over the country there should be a *church procession* to ask for victory, God will sooner hear if all turn to Him — please give the order, any day you choose now that it should be done — send yr. order (I think) by wire (open that all can read it) to *Sabler* that this is yr. wish — now is *Petrovski Lent,* so it is yet more apropriate, & it will lift the *spirit* up, & be a consolation to the brave one's fighting — & tell the same thing to *Shavelsky* Deary — please Darling, & just that its to be an order from you, not from the Synod. — I could not see Him to-day — hope to-morrow.

A., Alia & Nini have gone by motor to *Krasnoje* to talk with *Groten.* Now I must quickly send off this letter. Marie Bariatinsky dines with us & leaves to-morrow with Olga for *Kiev* I think. —

God bless & protect you — heart & soul with you, prayers without end surround you. Feel sad & lowspirited, hate being separated fr. you, all the more so when you have so many worries.

But God will help & if these *church processions* are done, am sure He will hearken unto all prayers of your faithful people. God guard & guide you, you my very own Love.

If you have any question for our Fr. write at once.

I cover you with fondest kisses, Ever yr. own old

Wify.

Love to old man & *N. P.*

No. 85.

Tsarskoje Selo, June 14-th 1915

My own beloved One,

I congratulate you with all my loving heart for our big Marie's 16-th birthday. What a cold, rainy summer it was when she was borne — 3 weeks I had daily pains until she turned up. Pitty you are not here. She enjoyed all her presents, I gave her her first ring from us made out of one of my Buchara diamonds.

She is so cheery & gay to-day.

I am writing on the balkony, we have just finished luncheon after we had been to Church. Baby is going to Peterhof for the afternoon & later to Ania. Such lovely weather & the wind keeps it from being too hot — but the evenings are fresh. Marie Bariatinsky dined with us & remained till 10½ & then I went to bed as had a headache.

The girls had a repetition in the »little house«. —

Beloved one, all my thoughts & prayers are with you the whole time & so much sorrow and anxiety fills the heart. — I hope you will say about the *church processions*. Old Fred. of course made a confusion & gived O. Ebr. on her money she got as my lady, not her Father's pension (wh. was much less) & she asked for. She feels quite confused at. yr. great kindness. —

Yesterday I looked at the 10 English motors — quite splendid, much better than ours, for four lying & a sister or sanitary can sit inside with them & always hot water to be had for them — they hope to get yet 20 more for us, yr. Mama & me together. As soon as she has seen these, they ought to be sent off I find at once where the cavalry is most in need of them n o w, I don't know where, perhaps you could ask, & then I can hint it to Motherdear. She is now at *Elagin*.

Paul comes to tea & then the children go to Ania, perhaps I too for a bit if not too tired. I see our Friend this evening or to-morrow morning.

We are going out driving this afternoon, A. & I; the girls will follow in two small carriages.

Now I must end dear Love. How I long to know how the news really are, such anxiety fills the soul. —

Goodbye Nicky mine, my very, very own.
God bless & protect you. I cover your precious face with kisses.

Ever yr. very own

Sunny.

No. 86.

Tsarskoje Selo, June 14-th 1915

My own beloved Nicky,

So many thanks for yr. dear telegram. Poor Darling, even on Sunday a council of ministers! — We had a nice drive to *Pavlovsk,* coming back, little Georgi on his small motor (like Alexeis) flew into our carriage, but luckily he did not upset & his machine was not spoiled. — Paul came to tea & remained 1 & 3/4 hours, he was very nice & spoke honestly & simply, meaning well, not wishing to meddle with what does not concern him, only asking all sorts of things wh. I now repeat to you, with his knowledge. Well, to begin with, Paleolog dined with him a few days ago & then they had a long private talk & the latter tried to find out from him, very cleverly, whether he knew if you had any ideas about forming a seperate peace with Germany, as he heard such things being spoken about here, & as tho' in France one had got wind of it — & that there they intend fighting to the very end. Paul answered that he was convinced it was not true, all the more, as at the outset of the war we & our allies had settled, that peace could only be concluded together on no account separately. Then I told Paul that you had heard the same rumour about France; & he crossed himself when I said you were not dreaming of peace & knew it would mean revolution here & therefore the Germans are trying to egg it on. He said he had heard even the German mad conditions posed to us. — I warned him he wld. next hear, that I am wishing peace to be concluded. —

Then he asked me whether it was true that *Stcheglovitov* was being changed & that rotten *Manukhin* named in his place — I said I knew nothing, wh. is the truth, & neither why *Stchegl.* has chosen the moment now to go to the *Solov. convent.* Then he mentioned another thing to me wh. tho' painful its better to warn you about — namely, that since 6 months one speaks of a spy being at the *Headquarters* & when I asked the name, he said Gen. *Danilov* (the black one), that from many sides one has told him this »feeling« & that now in the army one speaks about it. Lovy mine, *Vojeikov* is sly & clever, talk to him about this, & let him slyly & cleverly try & have an eye upon the man & his doings — why not have him watched — of course as Paul says one has the spy mania now, but as things are at once known abroad wh. only very wellinitiated people at the *Headquarters* can know, this strong doubt has arisen, & Paul thought it honest to ask me whether you had ever mentioned this to me — I said no. — Only dont mention it to *Nikolasha* before you have taken information, as he can spoil all by his excited way & tell the man straight out or disbelieve all. But I think, it would only be right, tho' the man may

seem perfectly charming & honest, to have him watched. Whilst you are there the yellow men & others can use eyes & ears & watch his telegrams & the people he sees etc. One pretends as tho' he often receives big sums. I only tell you all this, knowing nothing whether there is any foundation in it, only better to warn you. Many dislike the *Headquarters* & have an uncomfortable feeling there & as, alas, we have had spies & also innocent people accused by *Nikolasha,* now you can find out carefully, please. — Paul says *Schtcherbatov's* nomination was hailed with delight; he does not know him. — Forgive my bothering you so, poor weary Sweetheart, but one longs to be of help & perhaps I can be of some use giving over such messages. —

Mary *Vassiltchikov* & family live in the green corner house & fr. her window she watches like a cat all the people, that go in & out of our house & makes her remarks. She drove Isa wild asking why the children one day went out of one gate on foot & next time on bicycles, why an officer comes with a portfolio in the morning in one uniform & differently dressed in the evening — told Css. Fred. that she saw *Gr.* driving in — (odious). So to punish her, we went to A. this evening by a round about way, so she did not see us pass out. He was with us fr. 10—11½ in her house — I send you a stick (fish holding a bird), wh. was sent to Him fr. *New Athos* to give to you — he used it first & now sends it to you as a blessing — if you can sometimes use it, wld. be nice & to have it in yr. compartment near the one Mr. Ph. touched, is nice too. He spoke much & beautifully — & what a Russian Emperor is, tho' other Sovereigns are anointed & crowned, only the Russian one is a real *Anointed* since 300 years. Says you will save your reign by not calling out the *2nd class* now — says *Shakhovskoy* was delighted you spoke about it, because the ministers agreed, but had you not begun, they did not intend speaking.

Finds, you ought to order fabricks to make *Ammunition,* simply you to give the order even choose wh. fabrick, if they show you the list of them, instead of giving the order over through commissions wh. talk for weeks & never can make up their minds.

Be more autocratic my very own Sweetheart, show your mind. —

The exhibition-bazar began to-day in the big Palace, on the terrace — not very big (have not yet been there) & our works are already bought up, it's true we had not done very much & we shall continue working & sending things there; they sold over 2100 entrance tickets à 10 kop., soldiers (wounded) need not pay, as they must go & see what works please them & wh. they can make.

I gave a few of our vases & two cups, as they always attract people.

Tell the old man I saw his family a moment yesterday, when I went to fetch Ania at Ninis, & found the three ladies looking well. Tell *Vojeikov;* that I find his cabinet quite charming (happily not smelling of cigars).

Now I must go to sleep & finish to-morrow. —

So fresh, we dined out & there were only 9 degrees. Baby enjoyed *Peterhof* & then the games with the officers. Dmitri is better & hopes to leave on Thursday, if even on crutches — is in despair to have remained behind.

The last Dolgoruky, *Alexei* died in London. — Sleep peacefully & rest well, my treasure — I have blessed & kissed your cushion, as alas have not you here to tenderly caress & codle. Goodnight my Angel. —

June 15-th. Very fine again, am writing on the balkony, we have lunched, then I must receive some officers & hereafter go to Mavra. We photographed at the hospital in the garden & sat on the balkony after we had finished everything. —

Do so long for news. — Wonder how long you will remain away.

Ania has gone for the first time to town by motor to her Parents, as her Mother is ill, & then to our Friend. —

Now goodbye my very own, longed for Treasure, my Sweetheart, I kiss you ever so fondly & pray God to bless, protect & guide you

Yr. own old

Wify.

Have you the patience to read such long letters?

No. 87.

Tsarskoje Selo, June 15-th 1915

My own beloved One,

Before going to sleep, I begin my letter to you. Thanks for yr. wire, I received during dinner — we dined in, as there were only 9 degrees & I had just had my head washed. I am sorry fat O. no more sends me telegrams, I suppose there is nothing particular to tell. When you are not there, one gets no direct news & feels lost. I am eagerly awaiting your promised letter. —

Town is so full of gossip, as tho' all the ministers were being changed — *Krivoshein* first minister, *Manukhin* instead of *Stcheglovitov, Gutchkov* as side to *Polivanov* & so on & our Friend, to whom A. went to bid goodbye, was most anxious to know what was true. (As though also *Samarin* instead of *Sabler,* whom it is better not to change before one has a very good one to replace him, certainly *Samarin* wld. go against our Friend & stick up for the Bishops we dislike — he is so terribly Moscovite & narrowminded.) Well, A. answered that I knew nothing. He gave over this message for you, that you are to pay less attention to what people will say to you, not let yourself be influenced by them but use yr. own instinct & go by that, to be more sure of yourself & not listen too much nor give in to others, who know less than you. The times are so serious & grave, that all your own personal wisdom is needed & yr. soul must guide you. He regrets you did not speak to Him more about all you think & were intending to do & speak about with yr. ministers & the changes you were thinking of making. He prays so hard for you and Russia & can help more when you speak to Him frankly. — I suffer hideously being away from you. 20 years we shared all together, & now grave things are passing, I do not know your thoughts nor decisions, & its such

pain. God help & guide you aright, my own sweet Darling. — I too am much quieter when you are here — I dread their profiting of yr. kind heart & making you do things, wh., when calmly thought over here, you wld. perhaps do otherwise.

I went to Mavra for an hour, she is calm & brave — Tatiana looks awful & yet thinner & greener. — How too horribly sad that accident is that occured to the young couple *Kazbek*. They were going at a terrific speed in their motor & flew against a Schlagbaum, wh. they did not see was closed. He was killed on the spot & she has her arm broken, at first they said her both legs & head, but now one says only the arm & not so bad & one has not told her about her husband. The wretched Father has now lost his third son — ghastly. — We went to the exhibition-bazar — very nice works made by the wounded were shown & I hope it will prove useful & encourage all learning some handicraft. — My head ached again rather, so I better try & sleep now — it is 12½. All my prayers & tenderest thoughts surround you in deepest love & compassion. Oh, how I long to help you & give you faith in yourself. — How long do you remain still? Sleep well & peacefully, holy Angels guard yr. slumber.

June 16-th. Just received yr. precious letter, for wh. heartfelt thanks. Glad you were contented with the work & sitting. Yes, Lovy, about Samarin I am much more than sad, simply in despair, just one of Ella's not good, very biggoted clique, bosom friend of *Sophie Iv. Tiutchev,* that bishop *Trifon* I have strong reason to dislike, as he always spoke & now speaks in the army against our Friend — now we shall have stories against our Friend beginning & all will go badly. I hope heart & soul he wont accept — that means Ella's influence & worries fr. morn to night, & he against us, once against *Gr.* & so awfully narrowminded a real Moscou type — head without soul. My heart feels like lead, 1000 times better *Sabler* a few months still than *Samarin.*

Have the *church procession* now, don't go putting it off, Lovy, listen to me, its serious, have it quicker done, now is lent, therefore more appropriate, chose Peter & Paul day, but now soon. Oh, why are we not together to speak over all together & to help prevent things wh. I know ought not to be. Its not my brain wh. is clever, but I listen to my soul & I wish you would too my own sweetest One. —

I don't want to croak, but I only say all straight out to you. — Goodbye my own & all, God bless & help you — I kiss you without end.

Ever yr. own sad

Wify.

No. 88.

Tsarskoje Selo, June 16-th 1915

My beloved One,

Just a few words before the night. Your sweet smelling jasmin I put in my gospel — it reminded me of Peterhof. Its not like summer not being

there. We dined out this evening, but came in after 9 as it was so damp. The afternoon I remained on the balkony — I wanted to go to Church in the evening, but felt too tired. The heart is, oh, so heavy & sad — I always remember what our Friend says & how often we do not enough heed His words.

He was so much against yr. going to the *Headquarters,* because people get round you there & make you do things, wh. would have been better not done — here the atmosphere in your own house is a healthier one & you would see things more rightly — if only you would come back quicker. I am not speaking because of a selfish feeling, but that here I feel quieter about you & there am in a constant dread what one is concocting — you see, I have absolutely no faith in N. — know him to be far fr. clever & having gone against a Man of God's, his work cant be blessed, nor his advice be good. — When *Gr.* heard in town yesterday before He left, that *Samarin* was named, already then people knew it — He was in utter despair, as He, the last evening here, a week ago to-day, begged you not to change him Sabler just now, but that soon one might perhaps find the right man — & now the Moscou set will be like a spiders net around us, our Friend's enemies are ours, & Schtcherbatov will make one with them, I feel sure. I beg your pardon for writing all this, but I am so wretched ever since I heard it & cant get calm — I see now why *Gr.* did not wish you to go there — here I might have helped you. People are affraid of my influence, *Gr.* said it (not to me) & *Voyeikov,* because they know I have a strong will & sooner see through them & help you being firm. I should have left nothing untried to dissuade you, had you been here, & I think God would have helped me & you would have remembered our Friend's words. When He says not to do a thing & one does not listen, one sees ones fault always afterwards. Only if he does accept, N. will try & get round him too against our Fr. thats N.'s campaign.

I entreat you, at the first talk with S. & when you see him, to speak very firmly — do my Love, for Russia's sake — Russia will not be blessed if her Sovereign lets a man of God's sent to help him — be persecuted, I am sure.

Tell him severely, with a strong & decided voice, that you forbid any intrigues against our Friend or talks about Him, or the slightest persecution, otherwise you will not keep him. That a true Servant dare not go against a man his Sovereign respects & venerates.

You know the bad part Moscou plays, tell it him all, his bosom friend *S. I. Tiutchev* spreads lies about the children, repeat this & that her poisenous unthruths did much harm & you will not allow a repetition of it. Do not laugh at me, if you know the tears I have cried to-day, you would understand the gravity of it all. Its not woman's nonsense — but straight forward truth — I adore you far too deeply to tire you at such a time with letter like this one, if it were not that soul & heart prompt me. We women have the instinct of the right sometimes Deary, & you know my love for yr. country wh. has become mine. You know what this war is to me in every sense — & that the man of God's who prays incessantly for you, might be in danger again of persecution — that God would not forgive us our weakness & sin

in not protecting Him. — You know *N's* hatred for Gr. is intense. Speak once to *Vojeikov,* Deary, he understands such things because he is honestly devoted to you.

S. is a very conceited man, in summer I had occasion to see it, when I had that talk with him about the evacuation question — Rostov. & I carried off a most unpleasant impression of his selfsufficiency — blind adoration of Moscou & looking down upon Petersburg. The tone in wh. he spoke shocked Rost. greatly. That showed me him in another light, & I realised how unpleasant it wld. be to have to do with him. — When one proposed him for Alexei before, I unhesitatingly said no; for nothing such a narrowminded man. Our Church just needs the contrary — soul & not brain. — God Almighty may He help & put things aright, & hear our prayers and give you at last more confidence in yr. own wisdom, not listening to others, but to our Friend & yr. soul. Once more excuse this letter written with an aching heart & smarting eyes. Nothing is trivial now — all is grave. I venerate & love old *Goremykin* had I seen him, I know how I should have spoken — he is so franck with our Friend & does not grasp, that S. is your enemy if he goes & speaks against *Gr.* —

I am sure your poor dear heart aches more, is enlarged & needs drops. Please deary, walk less — I ruined mine walking at the shooting & in Finland before speaking to the Drs. & suffering mad pain, want of air, heartbeating. Take care of yourself — agoo wee one I hate being away fr. you, its my greatest punishment at this time especially — our first Friend gave me that Image with the bell to warn me against those, that are not right & it will keep them fr. approaching, I shall feel it & thus guard you from them — Even the family feel this & therefore try & get at you alone, when they know its something not right & I wont approve of. Its none of my doing, God wishes your poor wify to be your help, *Gr.* always says so & Mr. Ph. too — & I might warn you in time if I knew things. Well, now I can only pray & suffer. I press you tightly to my heart, gently stroke your brow, press my lips upon yr. eyes & mouth, kiss with love those dear hands wh. always are pulled away. I love you, love you & want yr. good, happiness & blessing. Sleep well & calmy — I must try & sleep too, its nearly one oclock.

My train brought many wounded — Babys has fetched a lot from Varsovie where they empty out the hospitals. Oh God help. —

Lovy, remember, quicker the *church procession,* now during lent is just the most propicious moment, & absolutely from you, not by the new *Chief Procurator of the Synod* — I hope to go to holy Communion this lent, if B. does not prevent me. — Reading this letter you will say — one sees she is Ella's sister. But I cant put all in three words, I need heaps of pages to pour all out & poor Sunshine has to read this long yarn — but Sweetheart knows & loves his very own old wife. —

The boys from the *college* come & make *bandages* every morning at our stores here from 10—12½ & now will make the newest masks wh. are far more complicated but can be used often. — Our little officer with tetanos is reco-

vering, looks decidedly better — his parents we sent for fr. the Caucasus & they live also under the colonnades — we have such a lot living there now. —

The exhibition-bazar goes very well, the first day there were over 2000, yesterday 800 — our things are bought before they appear — *beforehand* already people write down for them & we manage to work a cushion or cover each, daily. — Tatiana rode this evening 5½—7 — the others acted at Anias — the latter sends you the enclosed card she bought to-day at our exhibition — tell me to thank her. —

Poor Mitia Den is quite bad again & cannot walk at all, Sonia is going to take him near Odessa, Liman for a cure — so sad. —

June 17-th, Good morning, my Pet. Slept badly & heart enlarged, so lie the morning on bed & balkony — alas, no hospital, head too rathen achy again. Churchbells ringing. — Shall finish after luncheon. Big girls go to town, *Olga* receives money then go to a hospital & tea at *Elagin*.

It is very hot & heavy air, but a colossal wind on the balkony, probably a thunderstorm in the air & that makes it difficult to breathe. I brought out roses, lilies of the valley & sweet peas to enjoy their perfume. I embroider all day for our exhibition-bazar. — Ah my Boy, my Boy, how I wish we were together — one is so tired at times, so weary from pain & anxiety — nigh upon 11 months — but then it was only the war, & now the interior questions wh. absorb one & the bad luck at the war, but God will help, when all seems blackest, I am sure better, sunnier days will come.

May the ministers only seriously work to-gether fulfill your wishes & orders, & not their own — harmony under your guidance. Think more of *Gr.* Sweetheart, before every difficult moment, ask Him to intercede before God to guide you aright. —

A few days ago I wrote to you about Paul's conversation, to-day the Css. H. sends me Paleologue's answer: »Les impressions que S. A. S. le Gr. D. a rapportées de son entretien & que vous voulez bien me communiquer de sa part me touchent vivement. Elles confirment avec toute l'autorité possible, ce dont j'étais moralement certain, ce dont je n'ai jamais douté, ce dont je me suis toujours porté garant envers mon Gouvernement. A un pessimiste qui essayait récemment d'ébranler ma foi, j'ai répondu: »Ma conviction est d'autant plus forte qu'elle ne repose sur aucune promesse, sur aucun engagement. Dans les rares occasions, ou ces graves sujets ont été abordés devant moi, on ne m'a rien promis, on ne s'est engagé a rien; parceque toute assurance positive eut été superflue; parceque l'on se sentait compris, comme j'ose esperer avoir été compris moi-même. A certaines minutes solennelles, il y a des sincérités d'accent, des droitures de regard, où toute une conscience se révèle & qui valent tous les serments«. — Je n'en attache pas moins un très-haut prix au témoignage direct qui me vient de S. A. S. le Gr. D. Ma certitude personnelle n'en avait pas besoin. Mais, si je rencontre encore des incrédules, j'aurai désormais le droit de leur dire, non plus seulement: »Je crois, mais je sais«. — This was about the question of a separate peace negociation. Have you spoken to *Vojeikov* about *Danilov,* please do so — only not to fat *Orlov,* who is N. colossal friend — they correspond the whole time when you are here, B. knows it.

That can mean no good. He grudges no doubt about *Gr.'s* visits to our house, & therefore wants you away from him, at the *Head-Quarters*. If they only knew how they harm instead of helping you, blind people with their hatred against *Gr.!* You remember dans »Les Amis de Dieu« it says, a country cannot be lost whose Sovereign is guided by a man of God's. Oh let Him guide you more.

Dmitri is feeling better, tho' his leg hurts him still. — The poor little *Kazbek* one answered, does not suffer from her broken arm too much, but is I think in a rather dazed state, therefore one has not yet told her about her husband's death. How full of life they were when *N. P.* was at their Wedding. — Now this letter has become volumes & will bore you to read, so I better end it. God bless & protect you & keep you from all harm, give you strength, courage & consolation in all trying moments. Am in thoughts living with you my Love, my one & all. I cover you with kisses & remain ever yr. tenderly & deeply loving old

Sunny.

All the Children kiss you. — Many messages to the old man & *N. P. Khan Nahitchevanski* comes to say goodbye to-morrow. —

No. 89.

Tsarskoje Selo, June 17-th 1915

My very own Darling,

I had just finished my letter, when yr. dear one was brought to me — thanks ever so tenderly for it. You don't know the joy yr. letters give me, as I know you have little time for writing & are so tired. Wify ought to send you bright & cheery letters, but its difficult, as am feeling more than lowspirited & depressed these days — so many things worry me. Now the Duma is to come together in August, & our Friend begged you several times to do it as late as possible & not now, as they ought all to be working in their own places — & here they will try to mix in & speak about things that do not concern them. Never forget that you a r e & m u s t remain authocratic Emperor, — we are not ready for a constitutional government, N's fault & Wittes it was that the *Duma* exists, & it has caused you more worry than joy. Oh I do not like N. having anything to do with these big sittings wh. concern interior questions, he understands our country so little & imposes upon the ministers by his loud voice & gesticulations. I can go wild at times at his f a l s e position. Why did the ministers ask that to be changed, that was their first duty. He has no right to meddle in other affairs & one ought to set ones fault to rights & give him only all the military things — like French & Geoffre. Nobody knows who is the Emperor now — you have to run to the *Head-Quarters* & assemble yr. ministers there, as tho' you could not have them alone here like last Wednesday. It is as tho' N. settles all, makes the choices & changes — it makes me u t t e r l y wretched. He did not like *Kriv.* speaking about *Danilov* & the man did his duty — there m u s t

be a reason, except his bad character, that the whole army & old *Ivanov* hate him — all say he holds N. & the other Grand Dukes completely in hand. Forgive my writing all this, but I feel so utterly miserable, & as tho' all were giving you wrong advises & profitting of your kindness. Hang the *Head-Quarters* no good broods there. Thank God you may get a good day at *Bieloviezh* in God's glorious nature, away from intrigues — could you fly off another day to *Ivanov,* another somewhere where the troops are, not to the guard again but where others are massed together waiting. You are remaining still long away, *Gr.* begged not — once all goes against His wishes my heart bleeds in anguish & fright; — Oh, to keep & protect you fr. more worries & miserys, one has enough more than the heart can bear — one longs to go to sleep for a long rest. —

Lovy, wont you wire to poor old Gen. *Kazbek* who has now lost his third son, it would be a true consolation to the poor old Father. —

The heat is colossal to-day & the air heavy & sultry & the wind very strong, the curtains on the balkony went flying about. — Daisy heard fr. Vicky of S. from Karlsruhe, that when the French threw bombs onto the palace — they all fled into the cellars in the morning at 5.

Sad, just their palace, next will be ours at Mainz & the splendid old museum; each country by turn. — *Ivan Orlov* has to fly daily for a week over *Libau* I am so glad you spoke about all helping, working to prepare ammunition etc. in yr. rescript — now at last they must do it. — Do my long, grumbling letters not aggravate you, poor wee One?

But I only mean all for yr. good & write fr. the depths of a very suffering, tormented heart. — My lancer *Kniazh.* has come for 2 days & I shall see him to-morrow, also make Pr. *Schterbatov's* acquaintance. —

N. P. must be very unhappy about poor *Kasbek.*

Dear me, what an amount of misery on all sides! When will once again peace & happiness reign in the world? —

The nice, young, pretty *Kalzanova* who works with us in the hospital always, has to leave for 2 months — she overworked herself, & her always ailing heart has become so bad that one has sent her to the country & thence to *Livadia.* Kind Heyden gave the »*Strela*« to-day to take Mme *Taniejev* to *Peterhof* as she is too ill to go by motor or rail. Our Friend said they were not to go there this summer, but they could not bear the air any longer in town, poor woman suffers so hideously fr. stones in the liver & now I think she has jaundice. As Ania can bear the motor, she will go there to-morrow after luncheon & return on Friday, as its wiser to stop the night there. —

Do you think you could tell me where my *Crimean's* are now — I heard as tho' one had sent them fr. the Bukovina elsewhere. —

Such grateful thanks for dear telegram, have at once asked *Goremykin* to come to-morrow, Thursday, & shall be happy to listen to the dear old man, & to him I can speak quite frankly, I know him ever since I married & he is so utterly devoted to you & will understand me. — Such a downpour suddenly at 9 & twice very distant thunder, now its raining steadily for four hours — it will refreshen the air wh. was so close all day. *Gr.* telegraphed

to A. from *Viatka: »I travel quietly, sleep, God will help, kiss all.«* Goodnight wee One, sleep peacefully — holy Angels guard your slumber and loving Wify's earnest prayers for her very own precious sunny, big eyed Darling.

18-th. Good morning my Treasure — no sun, grey, rained a little, warm hot & heavy thunderstorming air — heart still enlarged, so remain again quiet, shall go over onto the balkony towards 12 like yesterday. I have told them to put electric strings wires, then we can have lamps & spend the evenings out, when it is warm. — Think of us at *Bieloviezh!* Such remembrances of many years ago when we were younger & went about to-gether — & of the last awful time, when poor suffering Baby lay hours on my bed & my heart also was bad — remembrances of pain & anguish — you all away — the days endless & full of suffering. — My name you will find on the bedroom window leading out onto the balkony under my initials in wire covering the windowpane. — Lovy, I saw my *Kniazhewitch* & we spoke about *Maslov.* In Aug. it will be 25 years that he is in the regiment — he managed very well indeed whilst the commander was ill, yet there are many questions difficult to him & if he got another regiment, he wld. loose the lancer uniform & probably not be a very perfect commander. He feels sticking in the regiment, that he keeps others fr. advancing. Could you not have made him *your aide-de-camp* it would have been a kindness, as he is such a really honest & good fellow; only then better sooner — *Kniazh.* has kept the papers back all along, about whether he should accept a regiment — this wld. enable him to stay on without harming anybody. There are lots of old Colonels in the Chev. G. regiment, they manage it somehow. —

I saw Pr. *Schtcherbatov* who made me a pleasant impression, as far as I can judge after one talk. —

The girls have gone to the Invalid hospital — & Ania to Peterhof, so am alone. Am surrounded by masses of roses (just sent fr. *Peterhof)* & sweet-peas — the smell is a dream, wish I could send them to you. —

Just got yr. sweet telegr. for wh. thanks; thank heavens you feel better; only don't overdo things by walking too much, its never advisable when the heart is not quite in order, too much of a strain at a time, phisical & moral. — Must send this off. Saw in the papers our torpedoboats acted well. —

Goodbye & God bless you, beloved Sunshine, caress & kiss with unboundless love & tenderness.

Ever, Nicky mine, yr. very own wify

Sunny.

No. 90.

Tsarskoje Selo, June 18-th 1915

My own Darling,

Real summer weather very hot in the daytime, & in the evening delicious; I hope tomorrow the lamps will be ready, then we can sit out longer, if not eaten up by gnats. The girls motored after dinner, before that they went to

see Tatiana. — Dear old Goremykin sat for an hour with me & I think we touched many questions.

God grant him life! — I asked about *Polivanov,* he said when one proposed him for Varsovie, Nikolasha made an awful grimace & now at once proposed him, & when *Goremykin* asked him why he mentions his name now, he answered that he had changed his opinion. He told me what *Samarin* said to him & what he hadn't written to you, I told him my opinion about him & Stcheglovitov & then he pleasantly surprised me by saying that you had told him yr. intention to change him — he thinks Khvostov will be a good choice. — He sees & understands all so clearly, that its a pleasure speaking to him — we spoke about the question of the Germans & Jews & the wrong way all had been managed & orders given by generals & *Nikolasha.* The way they have treated *Ekesparre* for instance. — I wish others had his sound mind. — Am very tired, so will end & try to sleep. God bless yr. slumber. —

19-th. Goodmorning my Treasure. Lovely weather again, such a Godsend after the late summer & much rain. The »*Enginaer Mechanic*« has come to me, & I should like to send him flying. — I wonder what news from the war, one hears so little. Our steady retreat will in the long run make the line very long & complicated for them & that be our gain, I hope. How about Varsovie? The hospitals are being emptied out & even some quite evacuated — is that only as an extreme precaution, because surely in months one has had time to well fortify the town; they seem to be rebeginning their autumn move, only now they will bring their very best troops & it will be easier, as they know the ground by heart. My dear Siberians with their comrades will have the mass coming in upon them — & may they once more save Varsovie. All lies in God's hands — & as long as we can drag on till sufficient amunition comes & then fall upon them with full force. Only the perpetual great losses make the heart very heavy — they goe as martyrs straight to their heavenly home, its true, but still its ever so hard. —

Pay attention to Baby's signature in his letter — its his own invention & it seems his mood at his lesson this morning was somewhat wild, & he only got 3. — The girls have some of their lessons on the balkony. — Benkendorf suddenly had a fainting fit in town & hurt himself when he fell — they say it may be fr. his stomach, but I fear worse things — we shall see what the Drs. say this morning. It would be a loss, as he is far more worth than *Valia* — & one of the old style still wh. now, alas, no longer exist. —

I have an immense bunch of jasmin standing near me on the balkony — Mme *Viltchkovsky* picked it in the hospital garden. —

Goodbye Sweetheart, my light, my joy. I bless, & kiss you incessantly with deepest love.

Ever yr. very own

Wify.

No. 91. *Tsarskoje Selo,* June 20-th 1915

My beloved Nicky dear,

All my thoughts are ever near you in tender love & loneliness. I hear the churchbells & long to go and pray for you there, but the heart is again enlarged, so must keep quiet. Weather again splendid. Our corner on the balkony is so cosy & pretty in the evening with two lamps, we sat out till after 11. — Ania saw the Alexandrie, »*Dozorny*« & »*Razvedchik*« & »*Rabotnik*« from far — lots of public, music, everything looking lovely. It seems sad & strange for the first time since 20 years not to go there — but here there is more work to do & to run over fr. *Peterhof* constantly, I could not have managed. Then people can be sent for & got at quicker when one needs them. — Do so wonder what you settled with *Samarin,* whether you let him off — if so, then don't hurry getting another & lets talk it quietly over here. I told the old man all, & I think he understood me, tho' being very religious he personally knows little about Church affairs *(Goremykin).*

This wire A. got today from our Friend from *Tiumen:* »*Encountered singers, we sang in praise of Easter, the abbot was jubilant, remember it's Easter, suddenly a telegram reaches me that my son is being drafted, I said in my heart, am I like Abraham, of ages past, having one son and supporter, I hope he will be allowed to rule under me as with the ancient czars.*« Beloved One, what can one do for him, whom does it concern — his only son ought not to be taken. Cannot *Voyeikov* write to the *local military chief,* I think it concerns him — will you say, please. —

The train with your Feldjeger is 8 hours late, so shall only get your letter at 7. This moment *Varnava* telegraphs to me fr. *Kurgan.*

»*Our own empress, the 17-th on the day of the Saint Tikhon the Miracle Worker, during the procession around the church in the village of Barabinsk, there suddenly appeared on the sky a cross, which was seen altogether for 15 minutes, and as the Holy Church is praying »the Cross of the Czar is the support of the kingdom of the believers«, I felicitate you with this vision and believe that God sent this vision and sign in order to uphold visibly with love his devoted ones. I pray for all of you.*«

God grant it may be a good sign, crosses are not always. —

Benkendorf came to me, he looks alright, feels only a bit weak still. — He said one had written that you were perhaps returning the 24-th — is it really true? What joy to have you safely back again. — I bless & kiss you with all the strength of my great love.

Ever, Sweetheart, yr. very own Sunny.

No. 92. *Tsarskoje Selo,* June 21-th 1915

My sweetest One,

Ever such fond thanks for your dear letter, I received yesterday before dinner — Baby thanks for the candlestump. I gave yr. man an extracandle on

the way. Here I return you cascara. I am so glad yr. Drachenschuss is better, I have it continually & generally fr. a false movement & the left side, wh. makes the heart worse. — Today my heart is not enlarged, but I keep quiet. Costia (to say goodbye) & Tatiana come to tea before the Children go to Ania's to play — Baby has gone to *Ropsha* before for a few hours — he enjoys these expeditions. Such air, quite divine & delicious breeze & birdies singing away so brightly. — Shall think of you so much to-morrow & hope you will enjoy our dear *Bielovezh*. — Yesterday evening we went to Anias, there were the 2 *Grabbes*, Nini, Emma, Alia, *Kussov* of the *Moscov. Dragoon Regiment* (ex »*Nighegorodtzi*«) — the first time I saw him & we were quite at home together as tho' we had known each other for years — I lay working on the sopha & he quite close chatting away busily. I am going to invite him here too once, so nice to speak about all our wounded friends. —

I congratulate you with yr. Curassiers' feast — little *Vick* came with a bouquet of yellow roses in the regiments name, so touching. — The giving over of Mme Souchomlinov's (my *stores*) to me is going alright & with tact luckily — because I dont want them to suffer in this, as she really did a lot of good. — Just got a telegram from Romanovsky (why he signs G. M. *Romanov* I can't think), that he leaves the 20-th *Gal(ician) Regiment* has a nomination in the *Staff of the Army*. I suppose this is my last letter to you, unless I hear a man goes to meet you. — What joy to have you back again! You precious One, Wify is lonely & has a heavy heart. — S.'s nomination makes me sad, can't help it as he is an enemy of our Friends & that is the worst thing there can be, now more than ever.

Blessings & kisses without end & such love, love

Ever my Nicky yr. very own old

Sunny.

No. 93.

Tsarskoje Selo, June 22-nd 1915

My own beloved One,

I wonder how you got to *Bielovezh* & whether the weather is as beautiful as here. — So you have put off your return back — well, nothing is to be done; — if you could at least profit & see some troops. Cant you flie off again, as tho' to *Bielovezh* but go another way, without telling anybody. — *Nikolasha* need neither know, nor my enemy *Dzhunkovsky*. Ah dear, he is not an honest man, he has shown that vile, filthy paper (against our Friend) to Dmitri who repeated all to Paul & he to Alia. Such a sin, & as tho' you had said to him, that you have had enough of these dirty stories & wish him to be severely punished.

You see how he turns your words & orders round — the slanderers were to be punished & not he — & that at the *Headquarters* one wants him to be got rid of (this I beleive) — ah, its so vile — always liars, enemies — I

long knew *Dzhunkovsky* hates *Gregory* & that the »*Preobrazhensky*« clique therefore dislikes me, as through me & Ania he comes to the house.

In winter *Dzhunkovsky* showed this paper to *Voyeikov* asking him to give it over to you & he refused doing anything so disgusting, thats why he hates *Voyeikov* & sticks with *Drenteln* I am sorry to say these things, but they are bitter truth, & now *Samarin* added to the lot — no good can come out of it.

If we let our Friend be persecuted we & our country shall suffer for it — once a year ago one tried to kill him & one has slandered him enough. As if they would not have called the police straight in to catch him in the act — such a horror! Speak, please to *Voyeikov* about it, I wish him to know *Dzhunkovsky's* behaviour & false using of yr. words. *Voyeikov* not a fool, without mentioning names can find out more about it. It dare not be spoken about. I don't know how *Stcherbatov* will act — probably also against our Fr. therefore against us. — And the *Duma* dare not broach this subject when they meet — *Loman* says they will, so as to force one to get rid of *Gregory* & *Ania*, I am so weary, such heartache & pain fr. all this — the idea of dirt being again spread about one we venerate is more than horrible.

Ah my Love, when at last will you thump with your hand upon the table & scream at *Dzhunkovsky* & others when they act wrongly — one does not fear you — & one must — they must be frightened of you, otherwise all sit upon us, & its enough Deary — don't let me speak in vain. If *Dzhunkovsky* is with you, call him, tell him you know *(no* names) he has shown that paper in town & that you order him to tear it up & not to dare to speak of *Gregory* as he does & that he acts as a traitor & not as a devoted subject, who ought to stand up for the Friends of his Sovereign, as one does in every other country. Oh my Boy, make one tremble before you — to love you is not enough, one must be affraid of hurting, displeasing you. You are always too kind & all profit. It cannot go on like that Deary, beleive me once, its honest truth I speak. All, who really love you, long that you should be more decided & show your displeasure stronger, be more severe — things cant go well so. If your Ministers feared you, all would be better. The old man, *Goremykin* also finds you ought to be more sure of yourself & energetically speak, & show more strongly when you are displeased. — How much one hears complaints against the *Headquarters*, these surrounding *Nikolasha*.

Now another affair — don't know how to explain it well, wont mention names, so as that nobody should suffer. — The »*Erivantzi*« are perfect — where there is a difficult place — one sends them & keeps them to the last, as one is so sure of them. Now one intends taking of their own officers & putting them into other regiments to make those better. This is quite wrong & breaks their hearts. If you take their old ones away, then the regiment will no longer be what it was. They have lost enough killed, wounded (made prisoners) & cannot spare their own. Please do not let the regiment thus be ruined, & leave those officers, they love their regiment & keep up its fame. One does it with other officers of the *2-nd Brigade* & they fear their turn is coming too & it worries the Commander & all — but they dare not say anything, have no right — therefore they want their *chief* to know it, & not to allow their *Veteran officers*

to be taken fr. them into other regiments. »*We shall be able to stand up for the country's cause in the ranks of our own regiments, we will not waver about sacrificing our lives for it. This is so urgent a situation that one must hurry if our own nest is not to be broken up. I think that the regiment has some right to claim such attention (not like the others), for its fighting service in the past, and as to the present, the order to the Division is eloquent enough. All the brunt of the rearguard battles, from the 31-st of May to the 6-th of June were carried by its shoulders, which has been recognized at the top.*«

Only do not let *Nikolasha* or others guess that the regiment asks this, otherwise they will suffer f o r i t. — Do try & do something & give me an answer, they are very anxious — one sent a delightful pettyoffice fr. there with a letter here. Must end, man waits. Blessings & kisses without end fr. own

Wify.

Ania kisses your hand. — Excuse beastly dull letter

No. 94.

Tsarskoje Selo, June 22-nd 1915

My very own beloved One,

The letter I wrote in such haste to-day, I fear will have caused you little pleasure & I regret, that I had no time to add nothing nice.

It was a joy to get your telegram from *Bielovezh* — I am sure it did you good seeing the splendid forest — but yet a sad feeling seeing the old places & realising that now a terrible war is raging not so very far off from that peaceful place. —

This morning I went in my »*droshki*« with Alexei to our hospital & we remained there over two hours. Spoke to the wounded, sat in the hospital embroidering & then in the garden whilst the others played croquet. But my heart felt bad & ached so — too early probably for such a visit yet — but I was so glad to see them all. *Kolenkin* turned up after commanding the »*Alexandrovtzi*« only a month, he had to come away because of terrible abscesses in the ear — they burst the drum of the ear too, so he hears nothing on the left ear, poor fellow. —

I had Rostoftzev for an hour & a half talking over the *store* of Mme *Sukhomlinov* — all is arranging itself satisfactorily & without any scandal. — To-morrow I shall receive *Polivanov* — *Stcherbatov* leaves very great freedom to the press — *Maklakov* was far severer, but now the result is one speaks & gets too excited about the *Duma* wh. is not a good thing. —

One longs sometimes to go to sleep & to awake when all will be over & peace once more reign everywhere — external & internal. —

Everywhere *Samarin's* name is already mentioned — so disagreable before his nomination comes out — how that fills me, with d e e p e s t anxiety. I fear I aggravate you by all I write, but its only honestly & well meant, Sweetheart — others will never say anything, so old wify writes her opinion frankly, when

she feels its right to do so. One longs to help keeping of any disaster, but often ones words, alas, come too late, when already nothing can be done. Now I must try & sleep, its late. God bless yr. slumber, send you rest & strength, courage & energy, calm and wisdom. —

June 23-rd. Just got the *report* of my »*Alexandrovtzi*« you kindly sent me — thanks Deary, even an envelope is a nice thing to receive with sweet handwriting upon it. — I remain quiet to-day, as heart again enlarged, pulse rather weak & head aches.

Am lying on the balkony — all are out & away & Ania gone to *Peterhof.*

I enclose a letter from Victoria wh. you may like to read.

Css. Hohenfelsen wrote to A. asking, whether she thinks we & the children would have accepted a luncheon at their house after Church — on Paul's namesday, with the people living in their house & whomsoever we wld. wish. I told her to answer (this was to be found out in case of a refusal, so that it should not follow upon a regular invitation), that I do not know when you return & that my heart troubling me again it is doubtful I could sit at a big luncheon. So foolish & tactless to ask. If we liked we might call upon him to congratulate — but not like this, with *Babake* & *Olga Kreutz,* & the Countess! —

Sweetheart, me is so lonely without you, agoo wee one! —

Goodbye Lovebird, I bless & kiss you with fervour & great love. — Hope so much to go Friday morning to Holy Communion, if well enough, otherwise one of the last days of this Lent. — Wonder what you have settled for the day of the cross, hope you have said its to be done by *your* order. —

God bless & protect you, I cover you with kisses,

Ever yr. own old

Sunny.

Love to old Man & *N. P.* —

No. 95.

Tsarskoje Selo, June 24-th 1915

My beloved Nicky dear,

Again a splendid day. Slept little this night & at 3 looked out of the window of my mauve room. A glorious morning, one felt the sun behind the trees, a soft haze over all, such calm — the swans swimming on the pond, steam rising from the grass — oh so beautiful, I longed to be well & go for a long, long walk as in bygone days. — Sergei M. comes to tea, it seems he is quite well again & *Petia.*

Saw *Polivanov* yesterday — don't honestly ever care for the man — something aggravating about him, cant explain what — preferred *Sukhomlinov,* tho' this one is cleverer, but doubt whether as devoted. *Sukhomlinov* has made the great mistake of showing your private letter to him, right & left, & others have copies of it. Fred. ought to write him a word of reprimand. I understand he did it to show how kind you are to him to the end — but others need

not know the reasons he left, except that he told an untruth at the famous sitting at *Peterhof*, when he said that we were ready & had enough to hold out, when we had not sufficient ammunition — this is his only very great fault, the *bribe* of his wife the rest. Now others can think that public opinion is enough to clear out our Friend etc. a dangerous thing before the Duma. — You cannot imagine the cruel suffering of not being with you — I know I could help & guard off things sometimes & here I am, eating out my heart fr. far, feeling my inability of being any use, only writing disagreable letters to you, my Love. — From the outset *Goremykin* must speak to *Samarin* & *Stcherbatov* how they have to behave about our Friend, to prevent any calumnies & stories. — Alas, have nothing cheerful or interesting to tell you. Spent day & evening on balkony, to-day too as don't feel well, tho' heart not yet enlarged & can begin my medicins again. Eagerly awaiting yr. letter about *Bielovezh.* —

Its true one is completely evacuating Varsovie? (for prudence sake!) —

Hope to go to holy Communion, depends upon health, wh. day, think Sunday at early mass downstairs with Ania; when do you return? to-day two weeks — seems at least a month — (& our Friend begged for quite short, knowing things wld. not be as they ought if one kept you & profitted of your kindness). — Are you going off unaware to *Bielostok* or *Kholm* to see the troops? Do show yourself there before returning — give them & yourself the joy. The *Active Army* is not tho' *Headquarters* thank God — surely you can see some troops. *Voyeikov* can arrange all (not *Dzhunkovsky),* nobody need know, only then it will succeed — say you are going off again for a trip; — had I been there, I should have helped you going off — Sweetheart needs pushing always & to be reminded that he is the Emperor & can do whatsoever pleases him — you never profit of this — you must show you have a way & will of yr. own, & are not lead by N. & his staff, who direct yr. movements & whose permission you have to ask before going anywhere. No, go alone, without N., by yr. very own self, bring the blessing of yr. presence to them — don't say you bring bad luck — at *Lemberg* & *Przmysl* it happened, because our Friend knew & told you it was too early, but you listened instead to the *Headquarters.*

Forgive my speaking so straightforwardly, but I suffer too much — I know you — & Nikolasha — go to the troops, say not a word to N.; you have false scruples when you say its not honest not telling him — since when is he your mentor, & in what way do you disturb him? *Let* at last one see that you do after yr. own head, wh. is worth all theirs put together. Go Lovy — cheer up *Ivanov* too — such heavy battles are coming — bless the troops by your precious Being, in their name I beseech you to go — give them the *spiritual rise,* show them for whom they are fighting & dying — not for Nikolasha, but for you. 1000 have never seen you & yearn for a look of yr. beautiful, pure eyes. Such masses have moved down — one can't lie to you, that none are to be got at. Only if you say it to Nikolasha the spies that are at the *Headquarters* — who? — will at once let the Germans know & then their aeroplans will set to work. But 3 simple motors otherwise wont be seen, only wire to me something that I can understand & let our Friend know

to pray for you. Say like that: going to-morrow again for an expedition — please Lovebird. Trust me, I mean yr. good — you always need encouraging & remember, not a word to Nikolasha let him think you go anywhere, *Bielovezh* or wheresoever it pleases you. Its a false *Headquarter* wh. keeps you away, instead of encouraging you to go. But the soldiers m u s t see you, they need you, not the *Headquarters,* they want you & y o u t h e m.

Now goodbye my Sunshine, kisses & blessings without end.

Ever yr. very own

Sunny.

No. 96.

Tsarskoje Selo, June 25-th 1915

My Sweetheart,

I thank you ever so fondly for yr. dear, long letter I was overjoyed to receive. How nice that yr. expedition was so successful — tho' you were lonely without yr. »Benoitons« to keep you company.

I never knew that Neverle had died, good old man! —

What luck you saw the *Moose* & could drive through the *thick-woods.* —

Ah my love! What anguish you must have gone through when *Nikolasha* got that bad news. Here I hear nothing & live in anguish & suspension, yearning to know what is going on out there. God will help, only we shall have still much misery & heartache I fear. That ammunition question can turn ones hair grey. —

Deary, I heard that that horrid *Rodzianko* & others went to *Goremykin* to beg the *Duma* to be at once called together — oh please dont, its not their business, they want to discuss things not concerning them & bring more discontent — they must be kept away — I assure you only harm will arise — they speak too much.

Russia, thank God, is not a constitutional country, tho' those creatures try to play a part & meddle in affairs they dare not. Do not allow them to press upon you — its fright if one gives in & their heads will go up. —

You know *Gutchkov* is still *Polivanov's* friend — that was the reason there, that *Polivanov* & *Sukhomlinov* went apart. I dont like his choice — I loathe yr. being at the *Headquarters* and many others too, as its not seeing soldiers, but listening to N.'s advice, wh. is n o t good & cannot be — he has no right to act as he does, mixing in y o u r concerns. All are shocked that the ministers go with *report* to him, as tho' he were now the Sovereign.

Ah my Nicky, things are not as they ought to be, & therefore N. keeps you near, to have a hold over you with his ideas & bad councels. Wont you yet beleive me, my Boy?

Cant you realise that a man who turned simple traitor to a man of Gods, cannot be blest, nor his actions be good — well, if he must remain at the head of the army there is nothing to be done, & all bad success will fall upon

his head — but interior mistakes will be told home upon you, as who inside the country can think that he reigns besides you.

Its so u t t e r l y false & wrong. —

I fear I anger & trouble you by my letters — but I am a l o n e in my misery & anxiety & I cant swallow what I think my honest duty to tell you. —

Yesterday evening I invited *Kussov* (ex Nizhegorodetz) of the Moscou reg. from *Tver* — & I was struck how exactly he spoke as I think, & he does not know me, only second time we have met — so how many others must judge like him. He was 3 days at the *Headquarters* & did not carry away a pleasant impression, neither do *Voyeikov* & *N. P.,* who are the most devoted to you. — Remember our Friend begged you not to remain long — He sees & knows *Nikolasha* through & through & your too soft & kind heart. — I here, incapable of helping, have rarely gone through such a time of wretchedness — feeling & realising things are not done as they should be, — & helpless to be of use — its bitterly hard; & they, *Nikolasha* knows my will, & fears my influence (guided by *Gregory)* upon you; its all so clear. — Well, I must not tire you any longer, only I want my conscience to clear, whatever happens. — Is it true *Yussupov* has had the half of his duties taken fr. him, so that he plays a secondary part? —

Sergei does not look famous — we touched no subjects — he is going to *ask permission* to go on Saturday to the *Headquarters.*

Petia full of secrets & his »heart«. —

How nice you could bathe, so refreshing. Here the heat is not great, always a breeze & ideal on the balkony — don't feel well enough to drive. Paul has invited himself to tea. Girls are in hospital, lessons. —

Please answer me, are the *cross Processions* going to be on the 29-th, as such a great holiday & the end of lent? Excuse bothering you again, but so eager to know, as hear nothing. — To-day I receive the Gentlemen of my committee for our prisoners in Germany & an American (of the young Christian's men's association like our »*Mayak*«) who undertakes to bring all our things personally to the prisons. He has travelled & photogr. in many places, especially Siberia, where we keep our prisoners & wh. are well arranged, those he will exhibit in Germany, hoping it will help ours in return. —

What answer about the »*Erivantzi*«?

Now goodbye, my very own tenderly beloved one. I cover you with kisses & ask God's blessing upon you. —

Ever yr. own old Wify.

No. 97. *Tsarskoje Selo,* June 25-th 1915

My very Own,

Oh, what joy, if you really return on Sunday & the news are better. I was just so miserable, as had a telegram fr. the com. of my Siberian regiment that they had very heavy losses in the night 23—24 fr. 10—3 — & I wondered

what great battle was going on — because the wire came from a new place. — Well I saw that American fr. the young Men's Christian Association & was deeply interested by all he told me of our prisoners there & their here. I enclose his letter wh. he is also going to have printed & shown in Germany (& photos, wh. show our excellent barracks). He intends only telling the good on either side & not the bad things, & hopes thus to make all sides work humanely. This evening I got a letter fr. Vicky wh. I send you with Max letters (I fear I worry you, but you are free'er of an evening there than here please read it & you may like to mention some things there). I have let the American who leaves for Germany to-morrow know that I wish him to send the papers to Max & to go & see him & tell him all, so as to rectify all their false impressions upon the way we keep our prisoners.

I never heard about so many illnesses in Russia. — I think he said (the American) that 4000 had died at Cassel from *spotted typhus,* awful! — Chiefly read Max' English paper; & in Vickys fr. Max you will see our paper wh. my Dear is idiotically worded & without any explication — & abominable German. »Es ist befohlen die 10 ersten deutschen Kriegsgefangenen — als Erfolg (all wrong) der mörderischen Thaten, die sich einige deutsche Truppen erlauben, zu erschiessen.« One might have written it in decent German; explaining that in the spot where one finds a man had been tortured one will shoot 10 men just taken. Its badly written— Erfolg (means result — success) one says als Folge, but even that sounds wrong. Let it be decently worded in proper, grammatical German & more explanitarily written.

Then its not meant every time to shoot men down, you never meant that, its all wrong, somehow & therefore they dont understand what one means. —

Please dont mention fr. where the letters came, except to *Nikolasha* about Max, as he looks after our prisoners; — & they sent the letters through a Swede to Ania, not to a lady in waiting on purpose — nobody is to know about this, not even their embassy — don't know why this fright. I wired openly to Vicky that I thank her for her letter & beg her to thank Max fr. me for all he does for our prisoners & that he is to rest assured that one does ones best for their prisoners here. I don't compromise myself in that — I don't do anything personally & as I intend doing all for our prisoners & this American will take our things there & tell as where & what is needed & will help as much as he can. — Please, return the papers, or bring them on Sunday, if you really come then. —

I had Paul to tea & we chatted a lot. He asked whether Sergei would be relieved of his post as all are so much against him, right or wrong — & *Kchessinska* is mixed up again — she behaved like Mme *Sukhomlinov* it seams with *bribes* & the Artillery orders — one hears it fr. many sides. Only he reminded me, that it must be by your command, not *Nikolasha's* as you can only give such an order, (or hint to ask for his resignation) to a Grd. Duke who is no boy, as you are his Chief & not *Nikolasha,* that wld. make the family very displeased.

He is so devoted, Paul, & putting his personal dislike to *Nikolasha* aside, — finds too that people cannot understand his position, a sort of second Emperor, mixing into everything. How many (& our Friend) say the same thing. —

Then I enclose a letter fr. Count Pahlen, rectifying himself — *Goremykin* (or *Stcherbatov)* also found one had acted wrongly towards him (I think *Goremykin* told me; — the paper Mavra gave me). —

Look through it Deary & forgive me bothering you again. —

You will »hang her« when you get such long epistles from me — but I must write all. — I did not see the Siberian soldier, *Petia* let me know one forbade him coming to me, because he had run away from Germany — I dont understand the logic, do you? —

26-th. Then this will be my last letter to you, fear even it may not reach you before you leave, as trains so slow. — Heart enlarged so cant go to Church, hope still for to-morrow evening, so as to go Sunday at 8 or 9 to mass & holy Communion in the little Church below with Ania. Sweety, from heart & soul I beg your tender forgiveness for any word or action of mine wh. may have hurt or grieved you; & beleive it was not intentional. Am longing for this moment, to get strength & help. Am not without courage, Lovy, oh no, only such pain in heart & soul from so much sorrow all around & misery at not being able to help. —

There must be woods burning, smells strong since yesterday; & to-day very warm but no sun — shall lie out as usual if no rain. —

Fear can't meet you at station, as Church will already be a great exertion & do feel so rotten still!

What intense happiness to having you back soon — but I still tremble it may not be — God give success to our troops that you can leave there with a calmer heart. Wonder if you can manage to see troops on yr. return route. —

Xenia has announced herself to tea after her lunch at *Irina's* — am so glad to see her at last again.

Another »*Erivan*« officer had been brought to our hospital — what answer to their demand, I wonder?

Goodbye, my own beloved One, my Nicky sweet. God bless & protect you & bring you safely home again into the loving arms of your Children & your yearning old Wify.

Baby & I are going to see *Galfter* & then 3 wounded of. — Miss my hospital & feel sad not to be able to work & look after our dear wounded. — Love to old Man, *Dmitri Sh.* & *N. P.*

No. 98. *Tsarskoje Selo,* Aug. 22-nd 1915

My very own beloved One,

I cannot find words to express all I want to — my heart is far too full. I only long to hold you tight in my arms & whisper words of intense love, courage, strength & endless blessings. More than hard to let you go

alone, so completely alone — but God is very near to you, more then ever. You have fought this great fight for your country & throne — alone & with bravery & decision. Never have they seen such firmness in you before & it cannot remain without good fruit.

Do not fear for what remains behind — one must be severe & stop all at once. Lovy, I am here, dont laugh at silly old wify, but she has »trousers« on unseen, & I can get the old man to come & keep him up to be energetic — whenever I can be of the smallest use, tell me what to do — use me — at such a time God will give me the strength to help you — because our souls are fighting for the right against the evil. It is all much deeper than appears to the eye — we, who have been taught to look at all from another side, see what the struggle here really is & means — you showing your mastery, proving yourself the *Autocrat* without wh. Russia cannot exist. Had you given in now in these different questions, they would have dragged out yet more of you. Being firm is the only saving — I know what it costs you, & have & do suffer hideously for you, forgive me, I beseech you, my Angel, for having left you no peace & worried you so much — but I too well know yr. marvelously gentle character — & you had to shake it off this time, had to win your fight alone against all. It will be a glorious page in yr. reign & Russian history the story of these weeks & days — & God, who is just & near you — will save your country & throne through your firmness.

A harder battle has rarely been faught, than yours & it will be crowned with success, only believe this.

Yr. faith has been tried — your trust — & you remained firm as a rock, for that you will be blessed. God anointed you at your coronation, he placed you were you stand & you have done your duty, be sure, quite sure of this & He forsaketh not His anointed. Our Friend's prayers arise night & day for you to Heaven & God will hear them.

Those who fear & cannot understand your actions, will be brought by events to realise your great wisdom. It is the beginning of the glory of yr. reign, He said so & I absolutely believe it. Your Sun is rising — & to-day it shines so brightly. And so will you charm all those great blunderers, cowards, lead astray, noisy, blind, narrowminded & (dishonest false) beings, this morning.

And your Sunbeam will appear to help you, your very own Child — won't that touch those hearts & make them realise what you are doing, & what they dared to wish to do, to shake your throne, to frighten you with internal black forebodings — only a bit of success out there & they will change. They will (?) disperse home into clean air & their minds will be purified & they carry the picture of you & yr. Son in their hearts with them. —

I do hope *Goremykin* will agree to yr. choice of *Khvostov* — you need an energetic minister of the interior — should he be the wrong man, he can later be changed — no harm in that, at such times — but if energetic he may help splendidly & then the old man does not matter.

If you take him, then only wire to me »tail *(Khvostov)* alright« & I shall understand. —

Let no talks worry you — am glad Dmitri wont be there now — snap up *Voyeikov* if he is stupid — am sure he is afraid meeting people there who may think he was against *Nikolasha* & *Orlov* & to smoothe things, he begs you for *Nikolasha* — that would be the greatest fault & undo all you have so courageously done & the great internal fight would have been for nothing. T o o kind, don't be, I mean not specially, as otherwise it would be dishonest, as still there have been things you were discontented with him about. Remind others about Misha, the Emperor's brother & then there is war there too. —

All is for the good, as our Friend says, the worst is over. — Now you speak to the Minister of war & he will take energetic measures, as soon as needed — but *Khvostov*, will see to that too if you name him. — When you leave, shall wire to Friend to-night through Ania — & He will particularly think of you. Only get *Nikolasha's* nomination q u i c k e r done — no dawdling, its bad for the cause & for *Alexejev* too — & a settled thing quieten minds, even if against their wish, sooner than that waiting & uncertainty & trying to influence you — it tires out ones heart.

I feel completely done up & only keep myself going with force — they shall not think that I am downhearted or frightened — but confident & calm. —

Joy we went to those holy places to-gether — for sure yr. dear Father quite particularly prays for you.

Give me some news as soon as you can — now am afraid for the moment *N. P.* wiring to Ania until am sure nobody watches again.

Tell me the impression, if you can. Be firm t o t h e e n d , let me be s u r e of that otherwise shall get quite ill from anxiety.

Bitter pain not to be with you — know what you feel, & the meeting with *N.* wont be agreeable — you d i d trust him & now you know, what months ago our Friend said, that he was acting wrongly towards you & your country & wife — its not the people who would do harm to your people, but *Nikolasha* & set *Gutchkov, Rodzianko, Samarin* etc. —

Lovy, if you hear I am not so well, don't be anxious, I have suffered so terribly, & phisically overtired myself these 2 days, & morally worried (& worry still till all is done at the *Headquarters* & *Nikolasha* gone) only then shall I feel calm — near you all is well — when out of sight others at once profit — you see they are affraid of me & so come to you when alone — they know I have a will of my own when I feel I am in the right — & y o u a r e n o w — w e k n o w i t , so you make them tremble before your courage & will. G o d i s w i t h y o u & our Friend f o r y o u — all is well — & later all will thank you for having saved your country. D o n't d o u b t — believe, & a l l w i l l be w e l l & the army is everything — a few *strikes* nothing, in comparison, as can & shall be suppressed. The left are furious because all slips through their hands & their cards are clear to us & the game they wished to use *Nikolasha* for — even *Shvedov* knows it fr. there.

Now goodnight lovy, go straight to bed without tea with the rest & their long faces. Sleep long & well, you need rest after this strain & your heart needs calm hours. — God Almighty bless your undertaking, His holy

Angels guard & guide you & bless the work of your hands. — Please give this little Image of *St. John the Warrior* to *Alexeiev* with my blessing & fervent wishes. You have my Image I blessed you with last year — I give no other as that carries my blessing & you have *Gregory's* St. Nicolas to guard & guide you. I always place a candle before St. Nicolas at *Znamenje* for you — & shall do, so to-morrow at 3 o'clock & before the Virgin. You will feel my soul near you. . . . .

I clasp you tenderly to my heart, kiss and caress you without end — want to show you all the intense love I have for you, warm, cheer, console, strengthen you, & make you sure of yourself. Sleep well my Sunshine, Russia's Saviour. Remember last night, how tenderly we clung to-gether. I shall yearn for yr. caresses — I never can have enough of them. And I still have the children, & you are all alone. Another time I must give you Baby for a bit to cheer you up. —

I kiss you without end & bless you. Holy Angels guard your slumber — I am near & with you for ever & ever & none shall seperate us. —

Yr. very own wife

Sunny.

No. 99.

Tsarskoje Selo, Aug. 23-rd 1915

All my thoughts & prayers surround you in tenderest love. Such calm filled my soul (tho' terribly sad) when I saw you leave in peace and serene. Your face had such a lovely expression, like when our Friend left. God verily will bless you and your undertakings after this moral victory. Wonder how you slept — I went straight to bed, deadbeat & very lonely.

Dear Girlies proposed to sleep by turn in the room next door, as I am all alone on this floor — but I begged them not to, am quite accustomed to it & don't mind. I feel you near me, bless & kiss your cushion. Slept midling. Such a sunny morning — the three girls went at 9 to Church, as Olga & Tatiana wish to work in the hospital till 12½. — Wonder how the spirits around you are — your peace must spread itself upon them. I had a talk with *N. P.* & begged him not to heed to *Voyeikov's* varying moods. — The whole time those odious trains make a noise to-day, the wind comes from that side, but to me it seems that that big new chimney (where the electric mashenes are) makes the same noise, as it continues since a long time with intervals. — The Churchbells are ringing, I love the sound, with the windows open; I shall go at 11, as till now, tho' the heart & chest ache, it is not enlarged & I take many drops. The body feels very beaten & achy. Have got *Botkin* to allow Anastasia to sit in the sun on the balkony, where there are 20 degrees, it can only do the child good. It is 10 & Baby has not yet turned up, took a good sleep no doubt. . . . .

Such peace in the soul after those anxious days — & may you continue feeling the same. — If you have the occasion, give *N. P.* our love & give him news as I don't let A. wire now for a time, after one was so nasty, & she gave him news of my health always. — I hope old Fred. is not too gaga & wont beg for fieldmarshal etc., wh. can only be given after the war, if at all. — Remember to comb your hair before all difficult talks & decisions, the little comb will bring its help. Dont you feel calm now that you have become »sure of yourself« — its not pride or conceit — but sent by God & it will help you in the future & give strength to the others to fulfil your orders. Have let the old man know, that I want to see him today, & he is to choose the hours. — . . . .

Well, Deary, I just had the old man for half an hour. He was so glad to get your message, that you left quiet & calmly & Frederick's letter (I did not know he had written). But shocked & horrified with the ministers' letter, written by *Samarin* he says. Finds no words for their behaviour & says how awfully difficult it is for him to preside, knowing they all go against him & his ideas, but he wld. never think of asking to leave, as he knows you would tell him if it were yr. wish. He has to see them to-morrow & will mention what he thinks about this letter, wh. is so false & untrue in saying »all Russia« & so forth — I begged him to be as energetic as possible. He will also talk before with the minister of war, to know what you told him. About *Khvostov* he says better not, it is he who spoke in the *Duma* against the government & Germans (is a nephew of the minister of justice), finds him trop léger, probably not quite sure person in some respects. He will think over names and send or bring me a list for you of people he thinks might do. — Finds certainly *Stcherbatov* cannot remain, already that he took no hold on the press is a sign what an incapable person he is for that place. — He says, he would not be astonished, if *Stcherbatov* & *Sazonov* asked to be released from their places, wh. they have no right to — *Sazonov* goes about crying (the fool) & I said I was convinced, that our allies will immensely appreciate yr. action, with wh. he agreed too. —

I told him to look at all as a miasm of *St. Petersburg* & Moscou & that all need a good airing to see all with fresh eyes & hear no gossip fr. morn to night. — He says, the *Duma* cannot be dispersed before the end of the week as they have not finished their work — he & others especially fear the left may outpass the *Duma* — I begged him not to worry about it, that I am convinced its not so serious & more talking than anything else & that they wanted to frighten you & now that you have shown a strong will of your own, they will shut up. It seems *Sazonov* called them all together yesterday — fools. I told him that the ministers were all des poltrons & he agreed — thinks *Polivanov* will work well. Poor man, it hurt him reading all the *heresies* of those, who signed against him & I was so pained for him. He so rightly says, each must honestly tell you his opinion, but when you have said yr. wish, all must fulfill it & forget their own desires, they don't agree, neither did poor Serge! — . . . . . .

I tried to cheer him up, & a wee bit I think I did, as I showed him how little serious, au fond, all this empty noise is. Now the Germans & Austrians have to occupy minds & all & nothing else — & a good minister of the interior will keep order. — He says, in town good mood & quiet after yr. speech & reception — & so it will be, I told him what our Friend said. — He begged me to see *Krupensky* to hear, what he has to say about the *Duma,* as he knows everybody — do you agree, then I certainly will, & without any noise. Only wire »agree«. — I told him *Ivanov* also begged you to come, through me. —

Finds the more you *show* yr. energy, the better, to wh. I agreed, & he also found the idea good, that you should send your eyes to the fabrics, even if the suite don't understand much, but to show they come from y o u is good — not only the *Duma* who looks after all. — I went with Baby to Church & prayed so fervently for you. The Priest spoke beautifully & I only regretted the ministers were not there to hear it & the men listened with deepest interest. What this 3 days lent means — & how all must cling & work together around you & so on, beautiful & so true & all ought to have heard it. — Anastasia remained out till 4 — & I writing on the balkony. Baby returned fr. *Peterhof* & has gone to Ania, where *Olga, Tatiana* & *Maria* are. — Here is a letter from old *Damansky,* he left it at Ania's when she was out — he came with his old sister half paralised & scarcely able to speak — am so pleased you gave that honest man this happiness, it will console him in his sorrow. —

I copy out 2 telegrams from our Friend. If you have an occasion, show them to *N. P.* — one must keep him up more about our Friend, as in town he hears too much against him, & begins to heed less to His telegrams. *Goremykin* asked whether you would be back this week (to disperse the *Duma* then) I said you could not possibly yet tell. —

The Children & I went to *Znamenje* at 3¼ & I placed a very big candle, wh. will burn very long & carry my prayers to God's throne for you & before the Virgin & St. Nicolas. — Now, my love, I must end. — God bless & protect you & help you & all you undertake. Kisses without end on all dear places, for ever yr. very own trusting p r o u d

Wify.

Only a word en passant, Alia's husband returned & each time speaks against *Brussilov* as does also Keller — you enquire other opinions about him still. — The *Headquarters* has given the order, that all officers with German names serving in the staffs are to be sent out to the army, so Alia's husband too, tho' *Pistolkors* is a Swedish name & more devoted servant you scarcely have. *According to me,* it is again wrongly done — gently each general ought to have been told to hint to those to go back to their regiments, that they want others & these are to have their turn to fight. All is done so clumsily. I shall write to you always all I hear, (if think right) as may be of use to you to know now & to prevent injustices — can imagine what *Kussov* will write, so as to help the good cause.

Now I must lie down, as very tired — am feeling better & spirits up & full of trust, courage & hope — & pride in my Sweetheart. Good bless, guard & guide you. —

Hope *Voyeikov* did not tell you the rot he told A. he wld. beg you to make *Nikolasha* give his word of honour not to stop at Moscou — coward *Voyeikov*, & fool, as tho' you were jealous or frightened — I assure you I long to show my *immortal* trousers to those poltrons.

If Paul should ask to see me, can I tell him that you wish to take him next time. It will touch him & change his thoughts into the right current; he is sure to come — wire about *Krupensky* agree or don't agree I shall understand — tell Paul, or don't tell Paul. —

Smell the letter.

No. 100.

Tsarskoje Selo, Aug. 24-th 1915

My own beloved One,

Thank God all is done & that the meeting went off so well — such a relief. Bless you my Angel & yor brave undertaking & crown it with success & victory, interior & exterior. So emotioning telegram No. 01 *Imper-H.* — I have kept the envelope too as remembrance of that memorable day; Babykins is so happy, & interested in all, Ania too at once crossed herself & I directly called Nini to the telephone to quieten her, that all went off well, she had her Mother & Emma with her, & I knew it would soothe them.

The evening was so lovely, 13 degr. that I drove 20 m. with the three big girls in a half open motor. This morning it is very damp, grey & drizzling. — A. said Nini told her, that fat O. took it very decently, thats all I know about him, that Emma cried as she was fond of him, & Nini feared it was an intrigue of her husbands', but A. quietened her. —

Whilst Mitia *Den* is with you, he might also do duty, when there is no walking about to be done. Oh how I should love to see how you do all, altogether I should like a *concealing-fairy-cap* to peep into many a house & see the faces!!! — Baby enjoyed himself very much in the »little house« with *Irina Tolstoy* & *Rita Hitrovo*, they played games together. —

I went with Marie to the *Cath. S.* to mass, so nice, & from there at 12 to our hospital to sit with our wounded. Then we lunched upstairs in the corner room & remained there till 6.

Baby dear's left arm hurts & is very swollen, hurt fr. time to time in the night & to-day — the old thing, but he has not had it for very long, thank God. Mr. Gillard read aloud & then showed us the magic lantern. I received 7 wounded; & Ordin. A. was at Peterhof a few hours. Out such a drizzle. I see nothing had appeared yet in the papers, so suppose you intend telling it be known to-morrow when N. leaves. — I wonder. —

Did you appreciate *Volodia's* success in the black sea?

I got a charming letter fr. Nicolai about yr. having taken over the command & shall send it you to-morrow — this evening I must answer it. — Ania sends her love & kisses yr. hand & is always thinking of you. —

We all send our love to *N. P.*

God bless & protect you my Treasure — miss you very, very much, as you know cannot be otherwise; press you tenderly to my heart & cover you with caresses & kisses. I bless you & pray for God's help.

Ever yr. old

Wify.

Ella's prayers are with you — she is going for these last days to *Optin convent.*

This is just about another injustice *Taube*, Pss Gedroitz & our young Dr. back fr. the war were telling me.

It has just come out, that henceforth the Drs. are only to get *3 military rewards*, wh. is unfair, as they expose themselves continually to danger — & till now masses received rewards. *Taube* found quite wrong, people fr. the *ordnance* who sit behind in the *rear* should receive the same, as those under fire. The Drs. & sanitaries do marvels, are constantly killed — whilst the soldiers have to lie flat, these walk upright carrying out the wounded. —

My little Dr. *Matushkin* of the 21 *S. Regiment* has again been commanding a *company*. — One cannot recompense those enough, that work under fire. — One of your young curassiers was wounded by an officer, a quite young boy something like Minkwitz, Hessian reserve reg., such pain to hear that. — Am sure shall hear much now, hoping that I will repeat all to you. —

Longing for news from you & the war. God help you. —

This is gossip.

Aug. 24 1915. Only one word, one says, that on Wednesday in the *Duma* all parties are going to address themselves to you to ask you to change the old Man. I hope still, that when at last the change is made officially known things may get right, if not, I fear the old man cannot continue working when all are against him. He will never dare ask to leave, he said, but, alas, I don't know how things will work. To-day he sees all the ministers & intends speaking firmer to them, it can finish him off poor dear, honest Soul. —

And whom to take at such a moment firm enough? Minister of war, so as to punish them for (don't at all like the idea) a short time, as he understands nothing of interior questions, but will look like dictator ship. How is *Kharitonov?*

I don't know. But better to wait still. They of course aim at *Rodz.*, wh. wld. be the ruin & spoil all you have done & never to be trusted — but *Gutchkov* is behind *Poliv.* & you have no minister of the Interior yet. — Forgive bothering you, but its only a rumour, wiser to know. —

No. 101.

Tsarskoje Selo, Aug. 25-th 1915

My own Sweetheart,

Thanks for your dear telegram, Lovy. I am glad the country near *Mohilev* is pretty — *Glebov* always said it was very picturesque — but that was natural, as he was born there. But still I suppose you will choose a nearer place, so as that you can quicker & easier move about. When do my letters reach you? I give them out at 8 & they leave town at 11 at night. — Am anxiously awaiting when the change will be made public. It is pouring again & quite dark. — Baby's night was not famous, slept little, but pain not too strong. Olga & Tatiana sat with him fr. 11½—12½ & they kept him cheery. — In the papers, there was an article as tho' people, 2 men & a woman had been cought near Varsovie, who were going to make an attempt upon *Nikolasha's* life — people say *Suvorin* invented it to be more interesting (the censor told A. those were »*canards*«). A month ago all the redacteurs from *St. Pbg.* were at the *H.-Q.*, & *Janushkevitch* gave them his instructions, — this the military censor, under *Frolov* told A. — *Samarin* seems to be continuing to speak against me, well all the better, he too will fall into the pit he is digging for me. Those things dont touch me one atom & leave me personally cold, as my conscience is clear & Russia does not share his opinions — but I am angry, because it indirectly touches you. We shall hunt for a successor. —

How do you find work with *Alexeiev?* Pleasant & quick I am sure. Have no particular news; only *Mekk* let me know that my central *stores (Lvov, Kovno)* fr. Proskurov will probably have to move in 5 weeks to *Poltava* — I cannot grasp why, & hope it will not be necessary. Marie's ladies fr. *Jitomir* ask if one has to evacuate that town, where her hospital is to move to — all this is a bit early to decide, I think. — How very sad *Molostvov's* death is, I hear you have made Velepolsky your a. d. c. I suppose *Voyeikov* begged for him — he is not a very sympathetic man & such a »saloon« fellow. I suppose his health obliges him to leave the regiment & therefore you take him — but the Suite ought not to be a place like the *honor. curator,* where one pokes people into it. I alas, begged for my *Maslov,* but he had commanded the reg. for several months at the war already. Vel. is Olga O's sweetheart (a great secret she had to make a fausse couche fr. him a few years ago) he was not nice to her after — not a famous type, but *Vojeikov's* friend, so suppose good officer. —

The enclosed picture is for *N. P.* —

Is not this ugly, again somebody wishing to be nasty to *N. P.,* so you better tell Fred. to have printed (privately not fr. his name) that there wont be a *lieutenant* as you have now the big chancellry & *Dr.* & *Kira* remain on; it comes I am sure fr. the same source as the story of the telegr. then at the *H.-Q.* I fastened so, for you to show *Vojeikov* as easy to slip out — one need only let the military censor *Vissarionov* know what to write, as he is *Frolov's* chief censor & a good man; — its *Suvorin's* doing,

last night & this morning. — So anxious no telegram yet, cannot imagine why the change has not been officially anounced, it would have cleared & uplifted the minds & quicker have changed the current of thoughts in the *Duma.* I thought to-day was already the longest to wait as N. leaves — now yr. yesterday's wire was fr. *H.-Q.,* — on Sunday evening *Imp. H.-Q.,* it sounded so nice & promising. These are fasting days approaching fr. to-morrow on, so the news ought to have come before & the *Te Deum,* its a mistake all falling to-gether, was necessary beforehand, forgive my saying this — who again begged you put off the official anouncement, did wrong — no harm N. being there, as it will be known you were working already with *Alexeiev.* It was a bad council — how against it one party is, one sees it by this. The quicker officially known, the calmer all spirits, all get nervous awaiting the news wh. never comes — its never good such a situation & false — & only cowards can have proposed it to you, as *Voyeikov* & *Fred.* they think of N. before you — its wrong being kept secret, none think of the troops who are yearning for the good news — I see my black trousers are needed at the *H.-Q.,* too bad, idiots — & such perfection the jubilation & then fasting to pray for your success — & Tuesday passes & nothing; out of despair I wired this morning early, but got no answer & its already 7 o'clock. — Marie, A. & I went to *Cath. C.* again & then to the hospital, where I talked with the wounded. We lunched upstairs & will dine there too. The rain & darkness make one quite ramolie. Baby has much less pain & slept in the morning.

Helene & *Vsevolod* came to tea & then I received my lancer Toll with more photos. He says *Kniazhevitch* entreats to receive our brigade instead of *Schwedov.* Then I sent for the *Commandant Ossipov* to speak about the cemetry & Church I build for the dead of this war in our hospitals, to clear up that question. —

Mme *Lopukhin,* wife of the *Vologda* gov. wrote to me, because her husbands heart is so much worse again. *Botk.* & *Sirotinin* find too that his health cannot stand the strain of work he has. If you made him Senator, he could serve there & it would be a rest for a time, & perhaps later cld. get more to do if heart improves. He has served 25 years. It would be good if you could have this done. —

My Sunshine, I miss so very much, but am glad you are away. — You can let yr. ministers come by turn with their *report* — it will freshen them up too. I hope you sleep well. — Don't forget to wire to Georgie etc. when at last all is official. Goodbye my treasure, I bless & kiss you without end, every precious, dearly beloved place.

Ever, Nicky mine, yr. very own old

Wify.

The stories about *Varnava,* a monk fr. there came to let me know, are untrue. *Samarin* wants to get rid of him. —

Orlovsky is the name our Friend wld. like as gov., he is the *president* of the *Etchequer chamber* at *Perm.* You remember he gave you a book he wrote about *Tcherdyn* where a *Romanov* is buried & one considers him a saint.

No. 102. *Tsarskoje Selo,* Aug. 26-th 1915

My very own Sweetheart,

I am writing in the corner room upstairs, Mr. Gillard is reading aloud to *Alexei.* Olga & Tatiana are in town this afternoon. Oh Lovy, it was beautiful — to read the news in the papers this morning & my heart rejoyced more then I can say. Marie & I went to mass in the upper church, Anastasia came to the *Te Deum. The priest* spoke beautifully, I wish a good big crowd in town had heard him, it would have done them no end of good, as he touched the inner currents so well. With heart & soul I prayed for you my treasure. It lasted fr. 10½—12½. Then we went to Ania to meet her dear big *Lili* returning from church. She had been hunting for her mother whose husband has been killed & she was looking for his body. She could no more get to Brest, the Germans were at 18 fr. where she was. Fancy, *Mistchenko* asked her to lunch — she amongst 50 officers. She spent the night at Anias & leaves again to join her Boy; she has no news from her husband. — We lunched, took tea & shall dine here. I went for a short turn in a half opened motor with Ania & Marie to get a little air — quite like September. — Kostia comes at 6 & then I go to church — a consolation to be in church & pray with all together, for my huzy. — And *Ivanov's* good news was indeed a blessing for the beginning of your great work. God help you, Sweetheart. All seems small now, such joy reigns in my soul. — I have had no news from the old man since Sunday. — *Samarin* goes on speaking against me — hope to get you a list of names & trust can find a suitable successor before he can do any more harm. — How are the foreigners? I see Buchanan to-morrow, as he brings me again over 100,000 p. from England.

I got a letter from M-me Baharacht, who begs her husband should not be sent away till after the end of the war. He is of limit of age, but he does a lot at Bern for the Russians & tries his best — perhaps you will remember when his name may be mentioned by *Sazonov.* — The gramophon is playing in the bedroom for Marie & Anastasia. — Baby slept on the whole(?) hours — with interruptions — is cheery & suffers little. I told Fred.: it was unnecessary to arrange anything for the wounded at present at Livadia, as there are still very many empty places at *Jalta* — & now fr. all the sides fr. the Crimea one tells me all is being arranged. — Do ask Fred: why? — as I do n o t find it as yet necessary; perhaps later — soon my sanatorium, the military one, & the Livadia hosp. will be ready – enough for the present.

No. 103.

Tsarskoje Selo, Aug. 27-th 1915

My very own beloved One,

I wonder wheter you get my letters every day — pitty so far away & all the trains passing now stop the movement. — Again only 8 degrees, but the sun seems to wish to appear. Do you get a walk daily, or are you too much

occupied? Baby slept very well, woke up only twice for a moment, & the arm aches much less I am happy to say; no bruise is visible, only swollen, so I think he might be dressed to-day. When he is not well I see much more of him, wh. is a treat (if he does not suffer, as that is worse than anything). Olga & Tatiana returned after 7 from town, so I went with Marie to the lower church 6½—8. This morning I go with the two little ones upstairs at 10½, as the others have Church before 9 below. — My fasting consists now of not smoking, as I fast since the beginning of the war, & I love being in Church. I do want to go to Holy Communion & the Priest agrees, never finds it too early to go again & it gives strength — shall see. Those soldiers that care, will also go. — Saturday is the anniversary of our stone! — Css. Grabbe told Ania yesterday, that Orlov & wife were raging in town, at being sent away, turned out — wh. shocked others — he told her too that *N. P.* was going to replace him (I was sure he had had it put into the papers) an ugly trick, after his wife having begged *N. P.* to come & talked with him — such are people. Many are glad, who knew his dirty money affairs and the way he allowed himself to speak about me. — Will you find time to scrawl a line once? We get no news, as I told *N. P.* better not to wire nor write for the present, after that ugly story at the *H.-Q.*

Wonder what news. You will let them send me telegr. again, wont you, Deary. — Baby dear is up & half dressed, lunched at table with us & had the little boys to play with. He would not go out, said he did not feel strong enough, but would to-morrow — he did not write yet, because he could not hold the paper with his left hand. We dine up there again — its cosy & not so lonely as down here without you. Well, this morning I went with the two youngest at 10½ to mass & *Te Deum* with lovely prayers for you to the Virgin & St. Serafim — from there we went to our hospital, all were off to the *Te Deum* in the little *grotto church* there so we went again — & now at 6½ to evening service. I hope very much to go to holy Communion on Saturday, I think many soldiers go too, so Sweetheart please forgive yr. little wify if in any way I grieved or hurt you, & for having bored you so much these trying weeks. I shall wire if sure I go, & you pray for me then, as I for you — its for you somehow this fasting, church, daily *Te Deum*, & so Holy Communion will be a special blessing & I shall feel you one with me, my dearly beloved Angel, very, very own Huzy. — Here I enclose a pretty telegr. fr. *Volodia* I want you to read. — Paul came to tea, very quiet & nice. About himself he spoke, & I said what we had spoken about, that you hoped taking him or sending him about. He wants in no way to be pushy or forward, but longs to serve you, wont bother you with a letter, asks me to give all this over to you. Or if you wld. send him to some armycorps under a good general — ready for anything & full of good intentions. Wont you think it over & speak with *Alexeiev* & then let me know please. — We spoke about Dmitri, dont repeat it to him — it worries him awfully & he is so displeased, that he stuck for ever in the *H.-Q.*, finds he ought absolutely not to stay there, as its very bad for him, spoils him & he thinks himself then a very necessary personage. Paul was greatly discontented that he came now & sorry you did not shut him up quicker,

instead of allowing him to try & mix up in things about wh. he understands nothing. —

Best if he returned into the regiment wh. uniform he has the honour to wear & in wh. he serves. In speaking about the G. a Cheval, Paul said that he found a new commander ought to be named, this ones wound does not heal, he has received everything, done all he could & the regiment cannot get along with only youngsters & no real Commander — as he says any good one fr. the war, no matter who he is, only that he should be good, so you will perhaps also talk this over (not with Dmitri) with *Alexeiev*. Buchanan brought me over 100.000 p. again, he wishes you also every success! Cannot bear town any more. Says what difficulty to get wood, & he wants to get his provisions now already & is waiting since 2 months & now hears it wont come. One ought to get a good stock beforehand, as with these masses of refugees who will be hungry & freezing. Oh, what misery they go through, masses die on the way & get lost & one picks up stray children everywhere.

Now must be off. I bless & kiss you a 1000 times very, very tenderly, with yearning love. Ever yr. own old

Alix.

Wont the *Duma* be shut at last — why need you be here for that? How the fools speak against the military censors, shows how necessary.

All our love to *N. P.*

No. 104.

Tsarskoje Selo, Aug. 28-th 1915

My beloved Nicky dear,

How can I thank you enough for your very precious letter wh. came as a m o s t welcome surprise. I have reread it already several times & kissed the dear handwriting. You wrote the 25-th & I got it 27-th before dinner. —

All interested us immensely, the children & A. eagerly listened to some parts I read aloud — & to feel that you are at peace fills our hearts with joyful gratitude. God sent you the recompense of your great undertaking — yes, a new responsability, but one particularly dear to yr. heart, as you love all that is military & understand it. And having shown such firmness must bring blessings & success. Those that were so frightened at this change & all that nonsence, see how calmy & naturally all took place, & have grown quieter.

I shall see the old man & hear what he has to tell.

The *P. Municipal Council* needs smacking, what right have they to imitate Moscou? *Gutchkov* again at the bottom of this & the telegr. you got — would they but mind their own business, look after their wounded, fugitives, fuel, food & so forth — they need a sharp answer, to mind their own business & look after the sufferers of the war — nobody needs their opinion, cant they see to their canalisation first. I shall tell that the old man — I have no patience with these meddlesome chatterboxes. Oh Sweetheart, I am s o touched

you want my help, I am always ready to do anything for you, only never liked mixing up without being asked — only here I felt too much was at stake. —

Such glorious sunshine & 18 in the sun & cool breeze — curious weather this summer.

Certainly, its wiser you have settled down in the Governor's house if its damp for everybody in the woods — & here you have the staff close by, but still a bore being in town for you. Wont you come nearer as V. proposed, then you can be up & done here if necessary & get yr. ministers to come — this is yet further than *Baranovitchi* is it not? & there you could reach *Pskov* & sooner get at the troops. — We all go to Church again, the big ones early, we at 10½ & then to the hospital if *the priest* wont speak again, he held a sermon yesterday evening & again a good one. Then at 2 we go to the christening of *Underlieuten. Covb's* child, I christened his first child last autumn (he was our wounded & then served in Marie's train) so Marie & *Jakovlev* (ex lancer, com. of her train) christen the boy in the lower Hospital church.

Georgi met the train & gave the sisters medals — I am sure *Schulenburg* will be in despair, as they were also under fire last year. —

Then we shall drive & peep into the little house, as our Friend's wife will be there with the girls whom she has brought for their lessons. Then *Schulenburg* at 5¾ — Church — 7¾ *Goremyk.* before he has a sitting.

We have got 3 of Tatiana's lancers in our hospital & a fourth lies in the big palace — there are 25 vacant places there, happily again. —

I enclose a letter of C. Kellers you may like to read, as it shows his way of looking at things, sound & simple as the most who are not in *St. B.* & Moscou. He did not know of the change at the *H. Q.* then. To-day he returns to the army —, I fear too early — but certainly he is needed there. — Rumours say the *Novik* had a battle & successful, but I do not know what is the truth about it. —

I hope I don't make you wild with my cuttings — is this naval news true or not? I cut it out. — We had a lovely drive, divine weather & ones souls singing, surely it means good news. — In the village of the *Pavlovsk* farm we stopped at a *shop* & bought two big *flasks* with strawberry-jam & *redberries* then met a man with mushrooms & we bought them for Ania — we drove along the border of *Pavlovsk* park — such weather is a real treat, & we are having tea on the balkony — & miss you, my very own Angel, to make it perfect. — *Gr.'s* wife sends you her love & ask *Archangel Michael* to be with you — says he had no peace & worried fearfully till you left. He finds it would be good the people should be let out of prisons & sent to the war, there are a catagory, I am sure, of harmless ones sitting, whose moral saving it would be to go; I can hint it to the old man to think over — he comes at ¼ to 8 so I must send my letter off before. — His governor has quite changed towards him (has returned you), he says will have our Friend stopped as soon as he leaves. You see, that others have given him this order — more than wrong & shameful.

There is *confession in common,* so *the priest* asked us to come to it in the upper Church, as lots of soldiers are going & to-morrow morning too with all upstairs. All the Children & Baby will come too — oh, how I wish you could have been there too — but I know you will be in hearts & thoughts. Once more forgive me, my Sunshine. God bless & protect you & keep you fr. all harm & help you in everything. To-morrow the day of the stone! I kiss you without end with deepest love & devotion. Ever yr. very own

Wify.

Baby hopes to write to-morrow, he is thin & pale, been out all day. Slept till 10.5 this morning, very cheery & happy to go with us to holy Communion. Such a nice photo you bathing. A few words for you fr. A. & from me for *N. P.*

No. 105.

Tsarskoje Selo, August 28-th 1915

Beloved One,

I just saw the old man, he must see you, so will leave to-morrow. He has thought about a minister of the Interior, he finds no one except perhaps Neidhardt & I think he would not be bad (Papa *Taneiev* mentioned him too) — of Tatiana's committee, he is a splendid worker, has shown it now, most *clear-headed* energetic — that he is snob, cant he helped, his »grandness« may be effective towards the *Duma* — then you know him well, can speak as you like with him, you need not se gêner with him — hope he is only not in the *Dzhunk.* — Drent. set. I think he wld. hold the other ministers in hand & thus help the old man. He finds it almost impossible to work with the ministers who wont agree with him, but also finds like us, that now he ought not to be sent away because they wish it — & once one gives in they will become worse — if you wish, then of y o u r o w n accord a little later. You are *Autocrat* & they *d a r e n o t* forget it. He says alright shutting *Duma,* but Sunday holiday, so better Tuesday, he sees you before. F i e n d s ministers, worse than *Duma.* Infections about censure — one allows rot to be printed, also says »*canards*« about the 2 attempts against *Nikolasha.* Finds *Schtcherbatov* is impossible to keep, better quick to change him. I think Neidhardt would be possible to trust — his rather german name I dont think would matter, as one praises him everywhere about Tatianas committee. Cons. de l'Emp. can finish the question about refugees. Will do dear old *Goremyk.* good to see you —, he is such a dear. Just back fr. *confession in Common* — most emotioning, touching & all prayed so, so hard for you — Must quickly sent this off. Blessings kisses without end — pray incessantly for you — such a joy in one 's soul all these days — one feels God near you my Sweetheart. Ever Y. very own

Sunny.

No. 106.

Tsarskoje Selo, August 29-th 1915

My own beloved One,

One just now brought me your sweet letter of the 25-th. I thank you for it with all my heart, sweetest Pet. It is such a comfort to know that you are contented with *Alexeiev* & find work with him easy. Is *Dragomirov* going to be his help? A man may fall ill & its safer one who knows the affairs a little — wont it be easier if you come nearer — where there are more railway lines. — *Mohilev* is so far & with all the crowded trains passing. One ought really to do something more for the *refugees* — more *food stations* & flying hospitals — masses of children are homeless on the highroad & others die — all returning from the war — one says its bitterly painful to see. The governement is working out questions for the fugitives after the war, but its more necessary to think of them. — But God grant soon the enemy wont any more advance & then all will go on smoother. The news is most consoling wh. I read in the papers & much better editied, one feels another person writes it. — But Friend finds more fabrics ought to make amunitions, where goodies are made too. — I love all the news you give, the children & A. listen with deepest interest, as we live with you, for you from far.

Let *M. Den* be at the head of the garage for the moment, perhaps one can get him a place later in the navy again, as he loves & understands the work. Yes, do invite the foreigners, its far more interesting with them & one finds more topics for talking. I am glad Dmitry is alright — give him my love — but remember he ought not to remain there, its bad for him, of your own accord let him go, its unhealthy doing nothing, when all are at the war, & now he lives in gossip & plays a part. Only dont say Paul and I think so. Paul begs you to be more severe with him, as he gets spoilt & imagines he can give you advice. — Bless you Sweetheart for fasting.

Perhaps you better give Samarin the short order that you wish *Bishop Varnava to chant the laudation of St. John Maximovitch* because *Samarin* intends getting rid of him, because we like him & he is good to *Gr.* — We must clear out C: & the sooner the better he wont be quiet till he gets me & our Friend & A. in a mess — its so wicked & hideously unpatriotic & narrow-minded, but I know it would be so & therefore they begged you to name & I wrote in such dispair to you. Poor *Markosov* has returned I must try & see him. It was lovely in church, only two hours, masses went to Holy Communion, every sort of person, lots of soldiers, 3 cosacks, Zizi, Isa, Sonia, Ania, M-me *Dedjulin* & sister, Baby's friend, *Irina, Jonk, Shah Bagov, Jussupov, Tchebytarev, Russin, Perepelitza, Kondratiev etc.* We went below to kiss the images before service, upstairs the children found too shy work. Then we got your telegram to rejoice us & feel you with us the whole time — missed you awfully & still felt your sunny presence. Breakfast, luncheon (with Isa & Zizi) & tea on balkony. I made the *dressings* in the hospital, felt so energetic & full of inner joy. — Drove to *Pavlovsk.* Baby alright, cought wasps again. *Vict. Erast.* left to day for *Mohilev.* We are not going to church this evening, as are

tired, the services twice dayly these four days were very long, but so lovely. The day of our stone to-day! —

I saw M-me *Paretzki* & she spoke much of you — she goes over to town for winter again — I gave her our groop & said I shall ask you to sign it when you return. Have you any ideas of your plans?

This evening is a week you left — & how different are the feelings since — peace, trust & the new fresh pure beginning. That reminds me, wont you have the *com. of Kovno Grigoriev* quicker judged — it makes a very bad impression his wandering about like that, when one knows he gave up & left the fortress. *Schulenburg* hints this to me & another thing about the *Semenovtsy* — a sure thing, not gossip, *Ussov*, whom he can trust, told it him with tears — they simply bolted & therefore the *Preobr.* lost so many. Do find them a good brave commander. I hope, you do not mind my telling you all these things, they may be of use — you can have it found out & altogether make a clearing.

Many splendid, brave youngsters received no rewards — & high placed ones — having got the decorations. As *Alex.* cannot possibly do all, my weak brain imagines, some special people might see to this, to look through the immense lists & watch that injustices are not done. — In case (as I dont a bit know whether you approve of Neidhardt) you name him & he presents himself. have a strong & frank talk with him — see that he does not go *Djunk.* line. Put the position of our Friend clear to him from the outset, he dare not act like *Stcherb.* & *Sam.* make him understand that he acts straight against us in persecuting & allowing him to be evil written about or spoken of. You can catch him by his amour propre. And forbid the continuing of cutting down the Barons mercilessly, have you remembered about dispersing the *Lett.* bands amongst the regiments? Is nice *Dimka* with you? I am going to see *Maximov* who returned from Moskow. Sweety, remember to use the suite (other pen dried up) to be sent to the different fabrics in your name — please do it. it will have an excellent effect & show you watch all & not only the *Duma* pokes her nose into all — make a careful choice. Beloved, A. just saw *Andr.* & *Khvostov* & the latter made her an excellent impression (the old man is against him, I not knowing him, dont know what to say.) He is most devoted to you, spoke gently & well about our Friend to her, related that to morrow has to be a *question* about *Gr.* in the *Duma* one asked for *Khvost's* signature, but he refused & said that if they picked up that question, amnestie would not be given — they reasoned & abolished again asking about him. He related awful horrors about *Gutchk.*, was at *Gorem.* today, spoke about you, that by taking the army you saved yourself. *Khvost.* took the question about German *over powering influence* & *dearth of meat,* so as the left ones wld. not take it — now the right ones have this question it is safe — she feels taken by him & has good impression. *Gorem.* wanted to present *Kryjanovsky* but I said you would never agree. Do talk him over except Neidhardt — I did not see his article then — I mean his speech of the *Duma* its difficult to advise. Are others against him, or only the old man, as he hates all the *Duma.* Awfully difficult for you to decide again, poor Treasure — I cant say as I dont

know the man. — She had a very good impression indeed. Talk him over with *Gorem.* Now I must sent this off. Hope you will clear out the *Duma,* only who can close it, if the old man is affraid of being insulted. I long to thrash nearly all the ministers & quickly clear away *Stcherb.* & *Sam.* back to his serious evacuation questions — you see the metrop. is against him. I hope to send you a list of names to-morrow for choice of decent people. Goodbye, Lovy, God bless & protect you, I kiss you without end & press you to my breast with infinite tenderness. Ever, Nicky mine, your very, very own

Wify.

Love to old man & *N. P.* Excuse rotten writing, but am in a great hurry & pen not famous. — If you could find a place for Paul out at the front, wld. be really a good thing & would not fidget you, under a real good clever general.

Is *Bezobrasov's* story cleared up? —

No. 107.

Tsarskoje Selo, Aug. 30-th 1915

My own beloved Darling,

Again a lovely sunny morning with a fresh breeze — one appreciates the bright weather so much after the grey weather we had & darkness. With eagerness I throw myself every morning upon the *Novoje Vremia,* & thank God every day good things are to be read about our brave troops — such consolation, ever since you came God really sent His blessing through you to the troops & one sees with what new energy they fight. — Could one but say the same thing about the interior questions. *Gutchkov* ought to be got rid of, only how is the question, *war-time* — is there nothing one could hook on to have him shut up. He hunts after anarchy & against our dynasty, wh. our Friend said God would protect — but its loathsome to see his game, his speeches & underhand work. On Thursday their *questions* in the *Duma* are coming out, luckily a week late — could one not shut it before — only d o n t change the old man n o w, later when it p l e a s e s y o u, *Gorem.* agrees to this, *Andron.* & *Khvostov* — that it would be playing into their hands. They cannot get over yr. firmness, as had sworn they would not let you go — now you keep on in this *spirit.* You are still as full of energy & firmness, tell me Lovy?

Its horrid not being with you. Have so many questions to ask & things to say & alas, we have no cypher together — cannot through *Drent.* & by telegraph do not dare either — as others watch them — am sure the ministers who are badly intentioned towards me, will keep an eye upon me, & then that makes one nervous what to write. — We went to Church & then had luncheon on the balkony, Sonia too. — I received 5 of my *Alexandr.* as its their visit. — Then *Maximovitch* & we had a long talk about everything — he was glad to see my spirits up & my energy & I begged him also to pay attention, &

when he hears things that are not nice, to stop & to pay attention at the club — he has not been there for 5 months; when he is there of course nobody ventures to say anything, but he has been told, that not nice talkings were going on there & will pay attention — the same Css. Fred. told him about Orlov who before him neither dares say anything incorrect. O. now spreads that our Friend had him sent away — others say he lives at *T. S.*, as before they said we had Ernie here.

I saw Mme *Ridiger*, the widow of one of the *Georgian* officers, he is buried at Bromberg — I have asked her to look after my Sanatorium at *Massandra*. Here is wire A. got from our Friend just now. —

»*On the first news of the Ratniki being called, inquire carefully when our* (his) *government is to go. Gods will, those are the last crumbs of the whole. Gracious St. Nicolas, may he work miracles.*« — Can you find out when those of his government *(Tobolsk)* are taken & let me at once know. — I suppose in yr. staff all is marked down exactly. Does it mean his boy, but he is not a *ratnik*. So strange, when *Praskovia* left, he said she would not see her boy again. —

Maksim. found hospitals in good order, but the atmosphere needing a strong hand to keep order — he finds *Yussupov* ought to go back again & not stick here, with wh. I agree. —

Botkin told me, as *Gardinsky* (Ania's friend) was returning fr. the south, where he had been to see his mother, in the train he heard two gentlemen speaking nasty about me & he at once smacked them in the face & said they could complain if they liked but he had done his duty & would do it to all who allowed themselves to speak so. Of course they shut up. — Just energy & courage are needed, & all goes well. — Am anxious, no wire from you, whether you got my telegram last night about the Tail — *Khvostov* — he made such an excellent impression upon her, & I should like you to have read my letter before settling with *Gorem.* & did you get both letters on Saturday. — You are too far away, one cant get at you quickly. —

Only quickly shut the *Duma* before their »*question*« can come out. Continue being energetic. *Maksim.* was delighted. To *Botk.* I told a lot to make him understand things, as he is not always as I should wish — he saw I know all & could make him understand things he was unclear about. I talk away, its necessary to shake all up & show them how to think & act. —

Can you give, or send through yr. man the enclosed letter to *N. P.* — not through Dmitri only — as he wld. make remarks that we write. It will amuse you how Anastasia writes to him. — I enclose a petition from our Friend, you write your decision upon it, I think it certainly might be done. — Aeroplans are flying overhead, I am in bed, resting before dinner. — If there is anything interesting, can yr. Mama & I get the news in the evening as its long waiting till the next morning. — Now must end. Goodbye & God bless you my Beloved, my Sunshine, my life. Miss you greatly. Kiss you over & over again. Ever yr. very own wify

Alix.

Bow to old man. — It seems La Guiche when here shortly, spoke against *N.* being changed, in the club *(Sandro L.* heard it) so be a little careful what sort of man he is. — All look upon yr. new work as a great *exploit.*

A. kisses you very tenderly. Please quickly give me an answer.

No. 108.

Tsarskoje Selo, Aug. 31-st 1915

My sweet Beloved,

Again a sunny day — I find the weather ideal, but Olga freezes, its true, the »fond de l'air« is fresh. — I am glad you had a good talk with the *old one* as our Friend calls *Gorem.* — what you mention as having put off till your return, I suppose means the change of the Minister of the Interior — how good if you could see *Khvostov* & have a real talk with him & see whether he would make the same favorable, honest, loyal, energetic opinion on you as upon A. — But the *Duma,* I hope will at once be closed. —

Paul is not well, suffers, has fever, a colique wh. he has not had for many months, so is in bed — besides he is worried about D. If I could get some sort of an answer about himself, if you can make use of him at the front or *H.-Q.* & whether you are not sending D. to his regiment — I could go & tell him this. — Wont you send for Misha to stay a bit with you before he returns, would be so nice & homely for you, & good to get him away from her & yr. brother is the one to be with you. I am sure, you feel more lonely, since you left the train — alone in a house for breakfast & tea must be sad. Will you come nearer? — And when about do you think of returning for a few days — difficult to say no doubt, but I meant on account of changing *Stcherbatchev* & »macking« the Ministers, whose behaviour to the old man & cowardice, disgust me. —. I went this morning to *Znam.* with my candels, there I picked up A. & we went to the red Cross. She sat for an hour with her friend, whilst I went over both houses. The joy of the officers, that you have taken over the command, is colossal, & surety of success. Groten looks well but pale. Then I went to our hospital & sat in the different wards. After lunch I received, then went to A.'s to see Alia's husband who leaves for the war again to-morrow, & she with her Children to town. We took a nice drive — lunched & had tea on the balkony.

Now Baby has begged me to take him to Anias to see *Irina T.* & *Rita H.,* but I wont remain there & shall finish this when I return.

Well, I sat there 20 m. & then I went to pray & place candles for you my Treasure, my own sweet Sunshine. »One says« you are returning on the 4-th for a committee of ministers?! Aeroplans are flying again overhead with much noise. — Baby has written his letter quite by himself, only asked *Peter Vass.* when not sure about the spelling. *Gr.s* wife has quickly left, hoping to see her Son still is so anxious for *Gr.'s* life now. —

Goodbye my Angel. God bless, protect you & help you in all. Very tenderest kisses Nicky love, fr. yr. own old

Sunny.

How nice that you saw Keller, such a comfort to him I am sure.

No. 109.

Tsarskoje Selo, Sept. 1-st 1915

My own sweet Nicky dear,

Grey and dark & I am writing by lamp light. Slept badly. — Looked through the papers — what terrible hard work for our troups, such concentrated strength against us — but God will help on. It is pleasure to read how much clearer better the news is written now & it strikes all — it explains everything easier. — Is the *Duma* being closed? Every day articles, that its impossible one will send it away when so much needed etc. but you see the papers too — high time 2 weeks ago to have closed it. —

But they do go on persecuting the German names, *Stcherbatov,* who told me he would be just and not harm them, now bows down to the wishes of the *Duma,* clears away all German names, — poor *Gilhen* hunted away one, two, three from Bessarabia, he came crying to old Mme *Orlov.* Really he is a mad coward — all those honest people, completely Russian besides — kicked out — why, Lovy, did you give the sanction?

Change him quicker, one only gains enemies instead of loyal subjects — the mess he makes in a day will take years to correct.

A. got a charming telegram from *Kussov intensely happy* having heard the news about you. — She saw *Bezak* at Nini's, & he spoke splendidly, enchanted that *Dg. Orl.* & *Nik.* have left & Nikolai agrees too, says it right & left, & spoke so well about *Goremykin.* — One says the *prorogation of the Duma* till Oct. 15, pitty date is fixed so early again, but thank goodness it now dispersed — only one must work firmly now to prevent them doing harm when they return. The press must really be taken better in hand — they intend launching forth things soon against Ania — that means me again, our Friend was for me too, so A. sent a letter she received to *Vojeikov* to-day, that he must insist *Frolov* should forbid any articles about our Friend or A. being written, they have the military power & its easy for them — *Vojeik.* must take it upon himself, yr. name has not got to be mentioned — in his place, *V.* has to guard our lives & anything that harms us, & these articles are against us; nothing at all to be afraid of, only very energetic measures must be taken — you have shown yr. will & no slacking in any direction — once begun its easy to continue. —

The operation went off well & then I did some *dressing.* Little *Ivan Orlov* was very interesting, he has 3 St. George's crosses is presented to the officers cross & has *St. Stanislav with Swords.* He was a little contusioned & two men killed, bombs were thrown on his mashene, when it was

on the ground. He has come for another. Throws bombs & arrows & papers warning them. — *Kniazhevitch* came for a few days — looks well. —

Then we drove, became sunny & nice. Met Baby in *Pavlovsk* park in his big motor with the boys. —

Thats nice Kirill is now too at the *H.-Q.*, can have good talks with him. Egg him on to get rid of *Nic. Vass.*

I shall go with the big girls to town to-morrow to see our wounded, who returned from Germany, & then to tea to *Elagin,* & hope to place a candle at the *Saviour Church* for your. — We were yesterday evening at Anias to see *Shourik* & *Yusik.* — I have nothing interesting to tell you my Sweetheart. God bless & protect you & help you in your very hard work & send force & success to our troops. A thousand kisses, Nicky mine, fr. yr. very own deeply loving old

Wify.

Our Friend is in despair his boy has to go to the war, — the only boy, who looks after all when he is away. —

Fat Orlov says he has been told not to leave before you return & he still hopes to remain. — His amour propre is hideously wounded — forgets all he has said & done no doubt, & all his dirty money affairs. — Zinaïda one says rages, that the 3 have left, & in the next room Papa Felix tells Bezak he is delighted they have gone. —

Tell the old man I saw his wife & 2 daughters at the door & they look well & have left for *Siverskaja.* —

No. 110.

Tsarskoje Selo, September 2-nd 1915

My Own beloved One,

Such a glorious sunny morning, both windows were wide open all the night & now too. I have new ink now, it seems the other is at an end now, it was not Russian. — It always grieves me to see how bad things one makes here, all comes from abroad, the very simplest things, as nails for instance, wool for knitting, knittingneedles in metal & any amount of necessary things. God grant, that after this terrible war is ended, one can get the fabrics to make leather things, & prepare the fur themselves — such an immense country dependant upon others. Young Derfelden (the brother of the G. à cheval you know), Paul's son in law returned with G. Kaufmann; the administration sent from France, he says, was without the *key,* so that they are no good & must be arranged here, wh. will take very long, the French say we must do it, — the boy wired to France & got that answer. *Sandro* wrote such a contented letter to Olga after having seen you on his first *report* with you. Was at first too anxious & I think against you taking over the command & now sees with other eyes. *N. P.* wrote a charming letter to A. & it was agreable to see how he has grasped all, as one has frightened him too, tho' he

held his tongue till now about it, he marveled at you having gone against everybody & it has proved itself you were wise & right, his spirits are up again. Certainly being away *fr. Petr.* & *Moscou* is the best thing, pure air, other scenery, no vile gossip. — In town one says you return on Saturday? — We go to town (an aeroplane is passing, for the first time in the morning) — I want to see our poor fellows who came back from Germany & then we take tea at *Elagin* at 4½. — One says Paul keeps to his room & is in an awfull state. His boy leaves & only longs to be with you or in the army, & now is frightened you will sent for him & he is just feeling ill, so his humour is most depressing. I thought I would look in & cheer him up, only I wish I had some sort of an answer for him. The photos Hahn did of Baby were not successes, & the idiot did him sitting on the Balkony as tho' he had a bad leg, I have forbidden it to be sold & shall have him done again. Lovebird, good news again, thank God. One terrible hard fighting, they push on, but constantly beaten back again. — Now the *members of the Duma* want to meet in Moscow to talk over everything when their work here is closed — one ought energetically to forbid it, it will only bring great *troubles.* — If they do that — one ought to say, that the *Duma* will then not be reopened till much later — threaten them, as they try to the ministers — & the gouvernement. Moscow will be worse than here, one must be severe — oh, could one not hang *Gutchkov?*

You can not imagine what a joyful surprise it was to receive your sweet letter. I perfectly well understand how difficult it is for you to find time for writing therefore it touches me deeply, Sweetheart. — That is a name *Piltz!* — but at least the mushrooms are agreable to eat. — Now I understand you find *Moghilev* alright & that it does not disturb there. Just got your wire. — Thank God, news on the whole better, one feels so anxious their trying to cut off *Vilna,* but perhaps we can catch them in a trap, & then *Baranovitchi* — strange towards that place now — there too military people think in two weeks time it will be better. With much skill *Kniazhevitch* finds the losses might be less, as where the heavy firing goes on, one must quickly go under their range, as they are for great distances & cannot change quickly. The mans now are of a far less good cathegory. We just met a train going out & they waved their caps to us as we waved to them. Those heavy losses are hard — but theirs are yet worse.

Of course, you are more needed there now & Motherdear understands it perfectly. Its good you get out of an afternoon. We had divine weather to-day, like summer. I went with A. in my *droshka* to the cemetry, as I wanted to put flowers on the grave of the *Georg.* officers, who died 6 months ago to-day in the big palace — & then took her to *Orlov's* grave, where she has not been since her accident. Then to *Znamenia* I remained through half a mass & then to our hospital, where I sat with our wounded. Luncheon on the balkony, then Baby was photographed on the grass. Then at 2½ off to town to the *Hospital of Hel. P.* to see our prisoners back from Germany & Austria — the last arrived this month. Your *Mamma* had been there this morning. We saw several hundreds & 40 from another hospital, because they cried so she had not seen them. They did not look too bad on the whole,

several poor blinds, lots without legs & arms — one with galloping consumption, alas; & the joy to be back. — I told them I should write to you, that I had seen them. Then to *Elagin* — *Feodor* has grown so thin, that I at first took him for *Andriusha* & very weak. *Irina* is in bed in the Crimea, also ill with the stomack. — Motherdear looks well, *Xenia* fidgets, knowing the children not well & separated. *Feodor, Nikita, Rostislav and Vassja* are here, the other three in the Crimea. — I do wish *Yussupov* wld. go back to Moskow, Zinaïda I beleive keeps him from fright. — Masses of movement in town, one gets quite giddy. I feel tired. At Elagin, our *runner* & your Mama's (ex sailor) carried me up on their hands. — Lovely air, window wide open. We always dine in the play room, but to-day I prefer remaining down as am tired & limbs ache. Think incessantly of you my Angel, pray heart & soul for you & miss you more than I can say — but happy you are out there & know at last all. —

Now goodbye, Lovy mine, the man must leave. God bless & protect you I kiss every dear spot over & over again & hold you tight in my arms.

Ever your own very own wify

Alice.

I receive *Kulomsin, Ignatiev* to-morrow & your *Eristov* lunches with us. — Dona received our 3 Russian nurses & Motherdear said she would not the Germans & now she feels, she must & fears being rude to them. Miechen & Mara could not in consequence, but then they too will. Now, if they ask me, what shall I answer. Every kindness shown them will make them sooner ready to be kind to ours & they would never understand, if I dont see them. if they ask; — & here one will no doubt rage against me. The red cross nurses make a difference, it seems to me. What do you think, tell me Sweetheart, please; I find, I might, as they are women, & I know Ernie will or *Onor* see ours, & *Grd. Dchs. of Baden* for sure. —

How this new ink stinks, shall scent the letter again.

No. 111.

Tsarskoje Selo, Sept. 3-rd 1915

My own beloved Nicky dear,

Grey weather. Looking through the papers I saw that *Litke* has been killed — how sad, he was one of the last who had not once been wounded, & such a good officer. Dear me, what losses, ones heart bleeds — but our Friend says they are *torches* burning before God's throne, & that is lovely. A beautiful death for Sovereign & country. One must not think too much about that, otherwise it too heartrending. — Paul's Boy left yesterday evening after having taken Hòly Communion in the morning. Now her both sons are in the war, poor woman & this one is such a marvelously gifted boy, wh. makes one more anxious — he is sooner ready to be taken from this world of pain. — Wont you get *Yussupov* & give him instructions & send him

off quicker to Moscou, its very wrong his sitting here at such a time when his presence can be needed any moment — she keeps him.

But one m u s t have an eye on Moscou & prepare beforehand & be in harmony with the military, otherwise disorders will again arise. *Stcherbatchev* being a nullity, not to say worse, wont help when disorders occur, I am sure. Only quicker to get rid of him & for you to get a look a *Khvostov,* whether he would suit you, or Neidhardt. — (who is such a pedant).

Thank God, you continue feeling energetic — let one feel it in everything & in all yr. orders here *in this horrid rear.* — We take tea at Miechens.

Here are the names of Maia *Plaoutin's* sons — she entreats to get news of them — can somebody in yr. staff, or *Drenteln* try to find out their whereabouts? —

Well, I placed my candles as usual, ran in to kiss A. as she was off to *Peterhof* — then hospital, operation.

Your *Eristov* lunched with us, has grown older, limps a little, was wounded in the leg & lay at *Kiev.* Then I received *Ignatiev* (minister) & talked long with him about everything & gave him my opinion about all, they s h a l l hear my opinion of them & the *Duma.* I spoke of the old man, of their ugly behaviour towards him, & turned to him as a former *Preobr.,* what would one do to officers who go behind their commanders back & complain against him & hinder & wont work with him — one sends them flying — he agreed. As he is a good man I know, I launched forth & he I think understood some things more rightly afterwards. — Then I had Css. Adlerberg; after wh. we made *bandages* in the *stores.*

O, T. & I took tea at Miechen, Ducky came too, looking old, & ugly even, had a headache & felt cold & was badly coiffée. — We spoke much & they looked at things as one ought to; also angry at the fright & cowardice & that none will take any responsability upon themselves. Furious against the *Nov. Vremia,* finds one ought to take strong measures against *Suvorin.* Miechen knows that a correspondence goes on between *Militza* & *Suvorin,* make the p o l i c e clear this up, it becomes treachery.

I send you a cutting about *Hermogens* — again *Nicolasha* gave orders about him, it only concerned the *Synod* & you — what right had he to allow him to go to Moscou — you & Fredericks ought to wire to *Samarin* that you wish him to be sent straight on to *Nicolo* Ugretsk — as remaining with *Vostorgov,* they will again cook against our Friend & me. Please order Fred, to wire this. — I hope they wont make any story to *Varnava;* you are Lord & Master in Russia, *Autocrat* remember that. —

Then I saw Gen. *Shulmann* of *Ossovetz* — his health is still not yet good, so he cannot yet go to the army. — Uncle *Mekk* was long with me & we talked a lot about affairs — & then about all the rest. He finds *Jussupov* no good. Miechen said Felix told him his Father had sent in his demission & got no answer. —

Big *strikes* in town. God grant *Rouzsky's* order will be fulfilled energetically. — *Mekk* is also very much against *Gutchkov* — he says the other brother also talks too much.

Lovy, have that *assembly* in Moscou forbidden, its impossible, will be worse than the *Duma* & there will be endless rows. —

Another thing to think seriously about is the question of wood — there wont be any fuel & little meat & in consequence can have stories & riots.

Mekks railway gives heaps of wood to the town of Moscou, but its not enough & one does not think seriously enough about this. —

Forgive my bothering you Sweetheart, but I try to collect what I think may be of use to you. — Remember about *Suvorin's* articles wh. must be watched & damped. —

A great misfortune, one cannot get the *refugees* to work, they wont & thats bad, they expect one to do everything for them & give & do nothing in exchange. —

Now this must go. The Image is fr. *Igumen Serafim* (fr. whom St. Seraphim came, wh. you held in your hand). The goodies, toffee is from Ania. —

Weather grey & only 8 degr.

Lovy, please send of your suite to the different manufacturies, fabricks to inspect them — your eye — even if they do not understand much, still the people will feel you are watching them, whether they are fulfilling your orders conscientiously — please dear. —

Many a tender kiss, fervent prayer & blessing huzy mine, fr. yr. very own old Sunny.

God will help — be firm & energetic — right & left, shake & wake all up, & smack firmly when necessary. One must not only love you, but be afraid of you, then all will go well. —

Is it true nice Dimka also goes to *Tiflis* — a whole suite of yours follow, thats too much, & you need him with the foreigners & for sending about.

All the children kiss you. —

No. 112.

Tsarskoje Selo, Sept. 4-th 1915

My very own Sweetheart,

I have remained in bed this morning, feeling deadtired, & having slept badly. My brain continued working & talking — I had spoken so much yesterday & always upon the same subject until I became cretinized; & this morning I continued to *Botkin,* as its good for him & helps him put his thoughts to right, as they also did not grasp things as they were. One has to be the medicine to the muddled minds after the microbes from town — ouff! She got his telegram yesterday, perhaps you will copy it out & mark the date Sept. 3-rd on the paper I gave you when you left with his telegr. written down: »*Remember the promise of the meeting, this was the Lord*

showing the banner of victory, the children or those near to the heart should say, set us go along the ladder of the banner, our spirit has nothing to fear.«

And your *spirit* is up so is mine & I feel enterprising & ready to talk away. It must be alright & will be — only patience & trust in God. Certainly our losses are colossal, the guard has dwindled away, but the spirits are unflinchingly brave. All that is easier to hear than the rottenness here. I know nothing about the *strikes* as the papers (luckily) don't say a word about them. —

Ania sends her love — wont you wire to me to, »thank for letters, Image, toffee« — it would make her happy.

Aunt Olga was suddenly announced to me yesterday evening at 10½ — my heart nearly stood still, I thought already one of the boys was killed — thank God it was nothing, she only wanted to know whether I knew what was going on in town & then I had to let forth again, for the fourth time in one day, & put things clearer to her, as she could not grasp some things & did not know what to believe.

She was very sweet, dear Woman. — Here is a paper for *Alexeiev*, you will remember the same officer asked some time ago about forming a *legion;* well, you will think about it — perhaps it would do no harm to form it & keep it in reserve in case of disorders or let it replace another regiment wh. might come more back as a rest. — The *legion* of Letts, are you having it disbanded into other existing regiments, as you had intended & wh. would be safer in all respects & more correct.

The Children have begun their winter-lessons, Marie & Anastasia are not contented, but Baby does not mind & is ready for more, so I said the lessons were to last all 50 instead of 40 minutes, as now, thank God, he is so much stronger. — All day long letters & telegrams come — but its yours I await all day with intense longing. —

I want to go to Church this evening. — Ania sends you her fondest love. Got finer after luncheon & we drove. The girls had a concert. — So anxious for news. — Kiss you endlessly, my love & long for you. When you come, I suppose it will only be for a few days? — Have nothing interesting to tell you, alas. All my thoughts incessantly with you. Send you some flowers, cut the stalks a little, then they will last longer.

God bless you

Ever yr. very own old Wify.

Love to Kirill & Dmitri & Boris. —

No. 113.

Tsarskoje Selo, Sept. 5-th 1915

My own beloved Darling,

Grey weather. Again *Ivanov* & S. army had success — but how hard it is to the north — but God will help, I am sure. Are we getting over more troops there? The misery of having so few railway lines! —

I have nothing of interest to tell you, was yesterday in our lower church fr. 6½—8 & prayed much for you, my Treasure; the evening we spent knitting as usual & soon after 11 to bed. — I must get up & have my hair done before *Botkin*, as have sent for *Rostovtsev* at 10 o'clock. — Me kisses zoo. — Well I had Rostovtsev & told him we were going to town & he was to meet us at the station with *Apraxin, Neidhardt, Tolstoy, Obolensky* & so it was at 3 (& M. D. with the motors met us) & at the station *Rostovtsev* told them I wished to go & see the *refugees*. So we went, quite unexpectedly to different, 5 places to see them, a nighthouse wh. stands empty *near the Narva gate* (as people dont drink & so can find where to sleep) — & there women & children sleep in two lairs, — next a house where the men are. Many were out looking for work. Then the place they are first brought to, *bathed,* fed — written down & looked at by the Dr. Then another place, former chocolate fabric, where women & children sleep, all kissed my hands, but many could not speak being Letts, Poles. But they did not look too bad nor too dirty. The worst is to find them work when they have many children. There is an excellent new wooden building with large kitchen, dining passage, baths & sleeping rooms, built in 3 weeks near Packhouses & where the trains can be brought straight. — But now I am tired & cant go to Church. — I wonder if you understood my telegram, written in Ella's style rather — but Ania begged me do it quickly as *Massalov* spoke to her by telephone & said *Stcherbatov* would see you today. — The papers intend bringing in our Friend's name & Anias — here *Stcherbatov* promised *Massalov* that he wld. try to stop them, but as it comes fr. Moscou, he did not know how. But it m u s t be forbidden; & *Samarin* will go on for sure — such a hideous shame, & only so as to drag me in too. — B e s e v e r e. And what about *Yussupov* — he does not intend returning & gave in his demission tho' one never does during war. Is there no capable general who might replace him? — only he must be energetic indeed. All men seem to wear peticoats now! —

Mme Zizi lunched as its her namesday — & then we talked & I explained a lot, at wh. she was most grateful, as it opened her eyes upon many unclear things. You know ramoli Fredericks told Orlov (who repeated it to Zizi) that I felt he disliked me — so he went only disculpiating himself & proving his innocence. Countess Benkendorf told Ania she was delighted he leaves & ought to have long ago, as the things he allowed himself to say were awful. — It was the kind couple Benkendorf that hinted last night to Ania that I shld. go & see the *refugees,* so I at once did it, as I know meant well & may help people taking more interest in those poor creatures. —

The fabrics began working again — not so in Moscou I fear. —

Kussov wrote (he gets none of Ania's letters & feels very sad we shld. have forgotten him). Is full of the news about You & he explained it all to his men. He longs to say heaps, & things you for sure don't know & wh. are not right, but he cannot risk writing frankly. — Zizi asked me who the General *Borissov?* is with *Alexeiev* as she heard, he was not a good man in the Japanese war! —

I was half an hour in Church this morning & then at the hospital (without working) — there were 8 of yr. *3d Rifles* fr. here wounded on the 30th — one of them, the first I have ever heard, said one longs for peace; — they chattered a lot! —

Now my Sunshine, dearly beloved Angel, I kiss & bless you & long for you

Ever yr. very own old

Wify.

I told *Mitia Den*, that you thought of sending the Suite to as many fabricks & *workshops* as possible, & he found it a brilliant idea & just the thing, as then all will feel your eye is every where. — Do begin sending them off & make them come with *reports* to you. — It will make an excellent impression & encourage them working & spur them on. — Get a list of your free Suite (without German names), *Dmitri Sheremetiev* as he is free. *Komarov* (as he spoke to you), *Viazemsky, Zhilinsky, Silaiev,* those who are less »able men« send to quieter & surer places; *Mitia Den, Nikolai Mikhailovitch* (as he is in a good frame of mind), Kirill — *Baranov*. But do it now Deary. — Am I boring you, then forgive me, but I must be yr. *note-book*. Now Miechen writes about the same man as Max & Mavra, Fritzie vouches for him not being a spy & a real Gentleman. — The papers concerning him I think lie in town at the general-staff; it was *Nikolasha* ordered him to be shut up. He is since beginning of the war in a real cell with a wee window, like a culprit — only let him be kept decently like any officer we have, if one wont exchange him for Costia's a. d. c. He writes to Adini that he was auf einer Studienreise durch den Kaukasus begriffen up in the mountains he heard rumours of impending war, & so he flew off on the shortest road. He reached *Kovel* July 20 & at the station heard of the declaration of war. The train did not continue. He announced himself as officer & begged to be permitted to pass over Sweden or Odessa; instead one took him prisoner in a cell at Kiev, where he is still now, regarding him as spy. He gives his word of honour to Adini that he »was only traveling without any ugly sidedeeds, & that he kept himself far from anything like spying«. He suffers away fr. wife & children & not being able to do his duty. — He begs to be exchanged, or at least a better position. Poor Photo, if one has wrongly shut him up in a cell, the quicker one takes him out & treats him as a German officer taken as being in Russia when war was declared, that would only be decent. When Miechen enquired, one said they had *(nothing?)* against him, *Sazonov* only said that he had given out he was unmarried or on his honeymoon, in any case not correct, but that means nothing (perhaps there was a croocked novel) & when they begged again, I think *Nikolasha* or *Yanushkevitch* one answered that one did not remember why he was shut, but probably they had a reason & therefore he must remain there — that's »*weak*« as the children would say. — Ah, here Miechen sends me a letter of his wife to Adini. They wanted to travel & he wanted to show her Petrograd & Moscou & take a rest, after hard work & freshen up his Russian. They left beginning of July 1914 Stettin. For safety sake her husband took a diplomatic Pass (?). The last

moment friends in Kurland told them not to visit them, so they spent 8 days in Petrograd & 8 in Moscou & did sightseeing. There they separated because of her bad health wh. prevented her accomp. him to friends in the Caucasus. She daily got news fr. him, & fr. *Tiflis* & near there he went to a H. v. Kutschenbach, who during the war was murdered with his wife. Through the german Consul at *Tiflis* he got a ticket to Berlin over Kalish — but only reached *Kovel*. — The only red cross German sister, von Passow is his sister in law — she is now here to see the prisoners. Do have him well placed, please he can have his health for ever ruined — & Fritzy vouches for him. If you cant have him exchanged, then at least lodged & with light & good air. Excuse my writing all this, but its good you should know what Adini heard, & one cant be cruel, its not noble & after the war one must speak well of our treatment, we must show that we stand higher than they with their »kultur«. —

How I bother you, am so sorry, but its hard for others & you don't persecute as *Nikolasha* & *Yanushkevitch* did mercilessly in the Baltic provinces either, & that does not harm the war nor mean peace. —

Goremykin comes to me to-morrow at 3 — tiresome hour, but is only free then. — Tell *N. P.* that we thank him very much for his letters of thanks & — messages. —

God bless you, once more thousand warm, warm tender kisses Sweetheart. —

Cold & raining.

My love & goodwishes to Dmitri. —

My yesterday's letter I marked wrongly, it must be 344, please correct it. —

No. 114.

Tsarskoje Selo, Sept. 6-th 1915

Beloved Nicky dear,

Every morning & evening I bless & then kiss your cushion & one of your Images. I always bless you whilst you sleep & I get up to draw open the curtains. Wify sleeps all alone down here, & the wind is howling melancholy to-night. How lonely you must feel, wee One. Are your rooms at least not too hideous? Cannot *N. P.* or Drenteln photo them? All day impatiently I await your dear telegram wh. either comes during dinner or towards 11. —

So many yellow & copper leaves, & alas also many are beginning to fall — sad autumn has already set in — the wounded feel melancholy as they cannot sit out but rarely & their limbs ache when its damp — they almost all have become barometers. We send them off as quickly as possible to the Crimea.

Taube left yesterday with several others to *Yalta* as a surgeon must watch his wound & my little *Ivanov's* too. — Ania dined with us yesterday

upstairs. To-day is Isa's birthday, so I have invited her with Ania to luncheon. — Oh beloved One — 2 weeks you left, — me loves you so intensely & I long to hold you in my arms & cover your sweet face with gentle kisses & gaze into your big beautiful eyes — now you cant prevent me from writing it, you bad boy.

When will some of our dear troops have that joy? Wont it be a recompense to see you! *Navruzov* wrote, he at last tried to return to his regiment after 9 months, but only got as far as *Kars*, his wound reopened again *a fistula* & he needs *dressings*, so once more his hopes are frustrated — but he begged *Jagmin* for work & he has sent him to *Armavir* with the young soldiers to train them & look after the youngest officers.

It is so nice to feel ones dear wounded remember one & write. Madame Zizi also often hears from those that lay in the big palace. —

Have you news from Misha? I have no idea where he is. Do get him to stop a bit with you — get him quite to yourself. — *N. P.* writes so contented & spirits up — anything better than town.

It seems Aunt Olga before coming to me had flown half wild to Paul saying the revolution has begun, there will be bloodshed, we shall all be got rid of, Paul must fly to *Goremykin* & so on — poor soul! To me she came already quieter & left quite calm — she & Mavra probably got a fright, the atmosphere spread there too from *Petrograd*. —

Grey & only 5 degrees. — The big girls have gone to Church at 9 & I go with the others at 10½. — Isa has cought cold & 38 this morning, so has to keep in bed. The news is good again in the south, but they are quite close to *Vilna* wh. is despairing — but their forces are so colossal. — You wired you had written so I am eagerly awaiting your letter, Lovy — its sad only with telegrams in wh. one cannot give any news, but I know you have no time for writing, & when working hard to have still to sit down to a letter, thats dull & wearisome work; & you have every moment taken too, Sweetheart.

I had *Markozov* from 6¼ to 8 so have to write whilst eating — most interesting all he told & can be of use to abolish misunderstandings, cant write about anything of that to-night. — Old man came to me — so hard for him, ministers so rotten to him. I think they want to ask for their leave & the best thing too. —

Sazonov is the worst, cries, excites all (when it has nothing to do with him), does not come to the conseil des Ministers, wh. is an unheard of thing — Fred. ought to tell him fr. you that you have heard of it & are very displeased, I find. I call it a *strike* of the ministers. Then they go & speak of everything wh. is spoken of & discussed in the Council & they have no right to, makes him so angry. You ought to wire to the old man that you forbid one talking outside what is spoken of at the Council of Ministers & wh. concerns nobody. There are things that can & wh. are known later, but not everything. —

If in any way you feel he hinders, is an obstacle for you, then you better let him go (he says all this) but if you keep him he will do all

you order & try on his best — but begs you to think this over for when you return to seriously decide, also *Stcherbatov's* successor & *Sazonov.* — He told *Stcherbatov* he finds absolutely a person chosen by *Stcherbatov* ought to be present at Moscou at all these meetings & forbid any touching of questions wh. dont concern them — he has the right as Minister of the Interior; *Stcherbatov* agreed at first, but after having seen people fr. Moscou he changed his mind & no more agreed — he was to tell you all this, *Goremykin* told him to — did he? Do answer. — Then he begs *D. Mrazovsky.* should quickly go to Moscou, as his presence may be needed any day. — I don't admire *Yussupov* leaving (its her fault) but he was not worth much. — And now we have left *Vilna* — what pain, but God will help — its not our fault with these terrible losses. Soon is the Sweet Virgin's feast 8-th (my day, do you remember Mr. Philippe) — she will help us. —

Our Friend wires, probably after her letter his wife brought, telling about all the interior difficulties. »*Do not fear our present embarassments, the protection of the Holy Mother is over you — go to the hospitals though the enemies are menacing — have faith.*« Well I have no fright, that you know. — In Germany one hates me now too He said & I understand it — its but natural. —

How I understand, how disagreeable to change your place — but of course you need being further from the big line. But God will not forsake our troops, they are so brave. —

I must end now, Lovebird. — Alright about *Boris,* only is it the moment? Then make him remain at the war & not return here, he must lead a better life than at *Warshaw* & understand the great honour for one so young. — Its a pitty, true, that not *Misha.*

The German nurses left for Russia & Maria had no time to see them, me they did not ask to see, probably hate me. —

Oh Treasure, how I long to be with you, hate not being near, not to be able to hold you tight in my arms & cover you with kisses — alone in yr. pain over the war news — yearn over you. God bless help, strengthen, comfort, guard & guide. —

Ever yr. very own

Wify.

No. 115.

Tsarskoje Selo, Sept. 7-th 1915

Beloved Huzy dear,

Cold, windly & rainy — may it spoil the roads. I have read through the papers — nothing written that we left *Vilna* — again very mixed, success, bad luck & it cannot be otherwise, & one rejoices over the smallest success. It does not seem to me that the Germans will venture much more further, it would be great folly to enter deeper into the country — as later our turn

will come. — Is the amunition, shells & rifles coming in well? You will send people to have a look — your Suite? — Your poor dear head must be awfully tired with all this work & especially the interior questions? Then, to recapitulate what the old man said: to think of a new minister of the interior, (I told him you had not yet fixed upon Neidhardt; perhaps, when you return, you can think once more about *Khvostov);* a successor to *Sazonov,* whom he finds quite impossible, has lost his head, cries & agitates against *Goremykin,* & then the question, whether you intend keeping the latter or not. But certainly not a minister who answers before the *Duma,* as they want, — we are not ripe for it & it would be Russia's r u i n — we are n o t a Constitutional country & d a r e n o t be it, our people are not educated for it & thank God our Emperor is an *Autocrat* & must stick to this, as you do — only you must show more power & decision. I should have cleared out quickly still *Samarin* & *Krivoshein,* the latter displeases the old man greatly, right & left & excited beyond words.

Goremykin hopes you won't receive *Rodzianko.* (Could one but get another instead of him, an energetic, good man in his place wld. keep the *Duma* in Order.) — Poor old man came to me, as a »soutien« & because he says I am »l'énergie«. To my mind, much better clear out ministers who strike & not change the President who with decent, energetic, well-intentioned cooperates can serve still perfectly well. He only lives & serves you & yr. country & knows his days are counted & fears not death of age, or by knife or shot — but God will protect him & the holy Virgin. Our Friend wanted to wire to him an encouraging telegram. — *Markozov* — no I must finish about *Goremykin,* he beggs you to think of somebody for Moscou & besides get *Mrozovsky* to come quicker, as these sessions may become too noisy in Moscou & therefore an eye & voice of the Minister of Interior ought to be there, & one has the right to, as Moscou is under the minister of Interior. *Neratov* he finds no good for replace *Sazonov* (I only like that mentioned his name), he knows him since he was a boy & says he never served out of Russia, & that is not convenient at such a place. But where to get the man. We had enough of Isvolsky & he is not a very sure man — Girs is not worth much, Benk. — the name already against him. Where are men I always say, I simply cannot grasp, how in such a big country does it happen that we never can find suitable people, with exceptions! —

My conversation with *Markozov* was most interesting (a little too sure of himself) & he can tell one many necessary things & clear up misunderstandings. *Polivanov* knows him well & already he has cleared up one thing. It seems there was an order to take off of the prisoner officers their *epaulets,* wh. created an awful fury in Germany & wh. I understand — why humiliate a prisoner & that is one of those wrong orders of 1914 fr. the *Headquarters* — thank God one has now changed it. — He also understands that we must always try to be i n t h e r i g h t, as they at once otherwise repay us equally — till for that — & when this hideous war is over & the hatred abated, I long that one should say, that we were noble. The horror of being a prisoner is already enough for an officer & one wont forget

humilations or cruelties — let them carry home remembrances of christianity & honour. Luxury, nobody asks for. They are really improving the lot of our prisoners, I saw a photo, Max did of our wounded at Saalem (A. Maroussia's place) in the garden, near a Russian toy hut, Max used to play in & they look well fed & contented. Their greatest hatred has passed, & ours is artificially kept up by the rotten »*Novoye Vremya*«. — I must fly & dress, as we have got an operation & before that I want to place my candles & pray for you as usual; my treasure, my Angel, my Sunshine, my poor *much-suffering Job*. I cover you with kisses & mourn over your loneliness. —

The operation went off alright — in the afternoon we went to the big Palace hospital. *Kulomzin* came to me to present himself & bring lists, to show me what the *Romanovsky* committee has done; — most interesting talk about all sorts of questions. —

Well, Dear, here are a list of names, very little indeed, who might replace *Samarin*. Ania got them through *Andronnikov* who had been talking with the *Metropolitan* as he was in despair Samarin got that nomination, saying that he unterstood nothing about the Church affairs. Probably he saw *Hermogen* at Moscou, in any case he sent for *Varnava*, abused our Friend, & said that *Hermogen* had been the only honest man, because he was not afraid to tell you all against *Gregory* & therefore he was shut up, & that he, *Samarin* wishes *Varnava* to go & tell you all against *Gregory;* he answered that he could not, only if the other ordered him to, & as coming from him. So I wired to the old man to receive *Varnava* who would tell him all, & I hope the old man will speak to *Samarin* after & wash his head. You see, he does not heed what you told him — he does nothing in the *Synod* & only persecutes our Friend, i. e. goes straight against us both — unpardonable, & at such a time even criminal. He must leave. — Well here: *Khvostov* (minister of justice) very religious knowing much about the Church, most devoted to you & much heart. *Guriev (Director of the Chancellary of the Synod)* very honest, serves long in the *Synod* (likes our Friend). He mentioned *Makarov* ex- minister, but he would never do, & a small unknown man. —

But he goes on singing a praise of *Khvostov* & tells it to *Gregory* as he wants to bring him round to see, that this is a man ready to have himself chopped to pieces for you (will stand up for our Friend, never allow one mention him); his manque de tacte after all don't mind so much now, when one needs an energetic man who knows people in every place, & a Russian name, *Kulomzin* also hates the »*Novoye Vremya*« & finds the Moscov. Vied. & »*Russkoye Slovo*« much better. I am a bit anxious what they are producing in Moscou. The *Petrograd strikes, Andronnikov* says, are thanks to colossal gaffes of *Stcherbatov* who shut up people who had nothing to do in that respect. — I hope *Voyeikov* listens less to *Stcherbatov* — he is such a nullity & weak & by that does harm. — What dull letters I write, but me wants to help zoo so awfully, Sweetheart, & so many use me as an organ to give over things to you. —

Sonia *Den* took tea with us, she leaves for *Koreiz*, as needs a better climate, is so happy you are out there & understands perfectly well that you went now when all is so difficult. —

Yesterday we took tea at *Pavlovsk* with Mavra — Aunt Olga turned up too — she looks unwell, worked in Sunday fr. 10—2½ in the hospital — she overtires herself, but wont listen to reason. I understand her — myself of experience have realised one must do less, alas, so I work rarely, to keep my strength for more necessary things.

Yesterday evenig we were at Ania's, also *Shurik*, *Yuzik* Marie's friend & *Alexei Pavlovitch*, who told us about the *Headquarters* — he leaves for there again to-morrow. —

I enclose a letter from Ania about her brother, tho' I advised her not to send it as if the name comes to you, of yr. own accord I know you will do what is right for the boy who worked so hard. —

Now I must dress for Church. Cold, wet and rainy, — may it spoil the roads thoroughly at least. — Awfully anxious to get news — God will help. —

Goodbye & God bless you my sweetest of sweets. —

I cover your precious face with tenderest, warmest kisses & long to hold you in my arms & forget everything for a few moments.

Ever yr. very own old

Sunny.

Here is Babysweets letter too. —

No. 116.

Tsarskoje Selo, Sept. 8-th 1915

My own beloved One,

Am so anxious what news — its 10½ & the »*Novoye Vremya*« has not come & I don't know what is going on, as never get the telegr. any more as before were sent me, when you were at the *Headquarters*. So cold, 3 degr. only in the night, grey & windy. The eldest went to mass at 9 & the little ones now, I shall follow, have been reading through an immense fat *report* fr. Rostovtsev. — There is *Prince Ukhtomsky* in the 4-th rifles & his wife is terribly worried, as some of the comrades said they had seen him fallen, wounded, whereas no sanitary has yet brought him. Did *Boris* bring the lists? But it may have happened since. In town one says all the guard was surrounded, but I wont believe anything that is not official. I must dress for Church. Service was nice last night & they sang well. —

Dear one, it is so difficult when there are things one must tell you directly — & I dont know whether anybody reads our telegrams. Again I have had to wire an unpleasant thing to you, but there was no time to loose. I have asked her, as well as she can, to write out *Suslik's* conversation in the *Synod*. Really the little man has behaved with marvelous energy, standing

up for us & our Friend, & gave back slapping answers to their questions. Tho' the Metropolitan is very displeased with *Samarin,* yet at this interrogation he was feeble & held his tongue, alas. — They want to clear *Varnava* out & put *Hermogen* in his place, have you ever heard such an impudence! They dare not do it without yr. sanction, as by yr. order he was punished. Its once more *Nikolasha's* doing (egged on by the women) he made him come out of his place, without any right, to *Vilna* to live with *Agafangel* & of course this latter, *S. Philip & Nikon* (the awful harmbringer to *Athos)* attacked *Varnava* about our Friend for 3 hours; *Samarin* went to Moscou for 3 days I think, no doubt to see *Hermogen* — I sent you the cutting about his having been allowed to spend 2 days in Moscou at *Vostokov's* by *Nikolasha's* order — since when was he allowed to mix in such questions, knowing that by yr. order the punishment was inflicted upon *Hermogen!* How dare they go against yr. permission of the »*salutation*« — what have they come to, even there anarchy reigns & once more *Nikolasha's* fault, as he (purposely) proposed *Samarin,* knowing that that man would do all in his power against *Grgeory* & me, but here you are dragged in, & that is criminal, & at such a time quite particularly. Several times the old man told *Samarin* not to touch that subject, therefore he is fearfully hurt & said so to *Varnava* & that he found *Samarin* must at once leave, other-wise they will drag it into the public. I find those 2 bishops ought at once to be taken out of the *Synod* — let *Pitirim* come & sit there, as our Friend feared *Nikolasha* would harm him if he heard that *Pitirim* venerates our Friend. Get other, more worthy Bishops in. *Strike* of the *Synod* — at such a time, too unpatriotic, unloyal — what does it concern anybody — may they now pay for it & learn who is their master. Here is a cutting »again« you will say, but *V. J. Gurko* says (I will write it better out instead of sending you the paper). In Moscou, *Lvov* allowed him to speak: »*We want a strong authority — we mean an authority armed with extraordinary powers, authority with a horse-whip* (now you show it them in every way, where you can, you are their *autocrat* master) *but not such an authority which is itself under whip.* A slandering pun, directed against you & our Friend, God punish them for this; — its not Christian to write this, then better, God forgive them, but above all make them repent. —

Varnava told *Goremykin* all about the Governor — how nice he was with *Gregory* until he came here & got horrid orders fr. *Stcherbatov, i. e. Samarin.* About me he said to *Suslik* »*a foolish woman*« & about Ania abominable things wh. he cld. not even repeat. *Goremykin* says he must at once be changed. Look through my letters of about 5 days ago, there I named one, our Friend would have liked to have. Only all this must be done quickly, the effect is all the greater. *Samarin* knows yr. opinion & wishes & so does *Stcherbatov* & they don't care, thats the vile part of it. Give orders to the old man, that is then easy for him to fulfil. He told *Varnava* how hard it was to have all against him, if only you would give him new ministers to work with. — *Samarin* had ordered *Varnava* to go to you — now it would have been good, he could have told you all, only it will take

up your time & one must hurry with ones decisions. You see he is like *S. I.* incorrigible & narrowminded. He ought to think of his churches, clergy & convents & not of whom we receive. That is his bad conscience now. Once more »who digs a pit for others, falls into it himself«, like *Nikolasha.* — Quicker also change the ministers, he cannot work with them — if you give him categorical orders, then he can give them over, thats easier — but to talk with them he cant. Excellent to send several flying & keep him, serves them right, *please* think of it.

Despairing not to be with you & talk all over quietly together. —

About the war news our Friend writes (add it to yr. list of telegrams) *Sept. 8: »Don't fear it will not be worse than it was, faith and the banner will favor us.«* — I enclose a telegram of E. Witgenstein, born *Nabokova* (Groten's great friend, was in Marie's train). She wants medals, perhaps you would give Fred. the order — & the telegram too. The Images I can send her straight. — Here my love is *Khvostov's* speech in reading you will understand why Paul disapproved because he openly speaks against *Dzhunkovsky.* You better keep it, in case one makes remarks about him, you can always fall back upon it; its clever & honest & energetic — a man longing to be of use to you. — Are you having more justice done in the Baltic provinces, one would like that, I must say poor people suffer enough. — *Khvostov's* speech I have just read through, very clear & interesting, but I must say our own lazy slave natures without any initiative have been at fault, we ought to have kept the bank in hand before — earlier nobody paid attention, now all eyes hunt for the German *influence,* but we brought it on ourselves, I assure you by our lazyness. Pay attention to page 21, 22 about *Dzhunkovsky,* what right had he to telegraph such a thing, it was only possible in quite particular cases — & that sounds rotten. I think it will interest you as it shows you his ideas about the banks etc. Then Ania's paper I enclose about *Varnava* & the *Synod.* Anastasia kisses you & begs pardon for not having written but we went for a little drive (of course the girls froze) & then to the Invalid-house where it lasted 1½ hour talking to all. We picked up Ania again at Css. Schulenburg's ideal little cottage. Then they went to their hospital & after tea to Ania's to play with some young girls. — One's head is ramolished fr. conversations — but *the spirit is good,* Lovy, & ready for anything you need. *Varnava* comes to me to-morrow. Go on being energetic Sweetheart, use your broom — show them your energetic, sure, firm side wh. they have not seen enough. Now is the fight to show them who you are, & that you have enough — you tried with gentleness & kindness, but that did not take, now you will show the contrary — the Master-will. *Kussov* wrote to Ania amongst other things, sad that a man like *Miheyev* came in yr. name as he represents nothing & does not know how to represent — nor to speak.

Manny mine, Angel Sweetheart, so sorry to daily bore you with things, but I cant otherwise. — I long to kiss you & gaze into yr. beloved eyes. I bless & kiss you without end in true & deep devotion. God bless, guard, guide & protect you.

Ever yr. very own old Wify.

Are you thinking of sending Dmitri back to the regiment? Dont let him dawdle about doing nothing, its his ruin, he will be worth nothing, if his caracter does not get formed at the war — he was not out more than one or 2 months.

No. 117.

Tsarskoje Selo, Sept. 9-th 1915

My very own Sweet One,

At last a sunny morning, & »of course we go to town«, as *Olga* says; but I must go to hospitals, there is nothing to be done. Yesterday we went to the Invalid-hospital, I spoke to 120 men 1½, & the rest en gros as they stood in one room, — why I told you all this yesterday, I am quite foolish. Thank God the news is a bit better, I find, to the north, i. e. *Vilna—Dvinsk,* You said we left *Vilna* the other night, but they have not yet entered, have they? Am eagerly awaiting your promised letter to-day, such a joy always. —

There! I have got your precious letter & I thank you for it from the depths of my heart, I hold it in my left hand & kiss it, Sweetheart. Wont Mme *Plautin* be mad with joy to have news that her sons are safe, thanks so much for enquiring. What a lovely telegr. from our Friend. —

Thats good you use Kirill now after *Georgie,* so that each goes in turn, only don't send Dmitri, he is too young & it makes him conceited — wish you would send him off! — Only don't say its I who ask this. — Well, you have a lot to do. You had a better impression of *Stcherbatov,* but he is not good, I fear at all, so weak and wont work properly with the old man. Well look what they spoke about at Moscou, again those questions, wh. they had come to the conclusion to drop, & asking for an answerable minister wh. is quite impossible, even *Kulomzin* sees this clearly — did they really have the impertinence of sending you the intended telegram? How they all need to feel an iron will & hand — it has been a reign of gentleness & now must be the one of power & firmness — you are the Lord & Master in Russia & God Almighty placed you there & they shall bow down before your wisdom & firmness, enough of kindness, wh. they were not worthy of & thought they could hoist you round their finger. What they said at *Moscow* was printed yesterday. — I saw poor *Varnava* to-day my dear, its abominable how *Samarin* behaved to him in the hotel & then in the *Synod* — such cross-examination as is unheard of & spoke so meanly about *Gregory* using vile words in speaking of Him. He makes the Gov. watch all their telegrams & send them to him — vicious about the *salutation* that you have no right to allow such a thing — upon wh. *Varnava* answered him soundly & said that you were the chief protector of the Church, & *Samarin* impertinently said you were its *servant.* Colossal *insolence* & more than ungentlemanlike — lolling back in his chair with crossed legs crossexamining a Bishop about our Friend. When Peter the Great of his own accord also

ordered a »*salutation*«, it was at once done, in the place & round about. After *the salutation, the funeral services* cease (as when we were at *Sarov, the salutation & glorification,* were done together) — & they have reordered *funeral services* & said they would not heed what you said. Lovy, you must be firm & give the strict order to the *Synod* that you insist upon your order being fulfilled & the *Synod* that yr. order has to be fulfilled and the *salutation* is to continue — more than ever one needs those prayers now. They ought to know that you are most displeased with them. And please do not allow *Varnava* to be sent away, he stood up splendidly for us & *Gregory* & showed them how they on purpose go against us in all this. Old *Goremykin* was more than hurt & horrified & beyond words shocked, wenn he heard that the Gov. (whom *Dzhunkovsky* had made change his opinion & instigated) said to *Varnava* that I was a *crazy woman* & Ania a *nasty woman* etc. — how can he remain after that? You cannot allow such things. These are the devil's last trials to make a mess everywhere & he shant succeed. *Samarin* said highest praise of *Feofan* & *Hermogen,* & wants to put the latter in *Varnava's* place. You see the rotten game of theirs. Some while ago I begged you to change the Gov. he spies upon them, every step *Varnava* took at *Pokrosvk* & what our Fr. does & what telegrams are written, thats *Dzhunkovsky's* work & *Samarin's* excited on through *Nikolasha* by the black women. — *Agafangel* spoke so badly (fr. *Yaroslavl)* — he ought to be sent away *on the retiring list* & replaced by *Sergei F.* who must leave & get out of the *Synod* — *Nikon* ought to be cleaned out of the *Council of the Empire,* where he is a *member* & also out of the *Synod,* he has besides the sin of *Mt. Athos* on his soul. This *Suslik* rightly all said, so as to give the *Synod* a good lesson & strong reprimand for their behaviour, therefore quickly change *Samarin.* Every day he remains, he is dangerous & does mischief, old man is of the same opinion, it is not woman's stupidity — therefore I cried so awfully when I heard they had forced you to name him at the *Headquarters* & I wrote to you in my misery, knowing *Nikolasha* proposed him because he was my enemy & *Gregory's* & through that yours. —

In conversation Metropolitan Vladimir said (they have made him mad too), when *Varnava* said that *Samarin* was breaking his neck by behaving thus, & that he is not *Over-Procurator* yet. »*The Emperor is no boy and ought to know what he is doing*« & »that you *earnestly begged Samarin* to accept« (I told *Goremykin* then that it was wrong) — well let them see & feel that you are not a *boy* & who calumniates people you respect & insults them — insults you, that they dare not call a Bishop to account for knowing *Gregory* — I cant repeat to you all the names they gave our Friend. Pardon my boring you again with all this, but its to show you, that you must quickly change *Samarin.* — I shall have to suffer for it if he remains, as I shall get it onto my head, you heard what the Governor said, & here one is not kindly intentioned towards me in some sets & its not the time to drag ones Sovereign or his wife down. Only be firm (he begged not to remain long, you remember) & don't put him into the *Council of the Empire* as a bonbons after he behaved & spoke

openly like that about whom we receive & such a tone about you & yr. wishes — that cannot be borne, you have not the right to overlook it. These are the last fights for yr. internal Victory, show them yr. mastery.

Remember, in 6 days he kicked out old *Damansky* (because of *Gregory)* & gave 60.000 for his successor to arrange the appartments — hideous actions.

I invented to-day the aid to the new one — *Prince Zhivakha* you remember him, quite young, knows all about the Church questions, most loyal & religious *(Bari-Bielgorod)* don't you agree?

Clean out all, give *Goremykin* new ministers to work with & God will bless you & their work.

Please Lovebird, and quickly. I wrote to him to give a list, as you asked but he begged you to think of *Sazonov's* successor & *Stcherbatov* he is far too weak, tho' you liked him better this time. I am sure *Voyeikov* (his bosom friend) told him how to be — dont listen to *Voyeikov,* he has been wrong all this heavy time & a bad adviser. — it will pass, he is conceited & got a fright for his own skin. — Oh dear, humanity!

My Image of yesterday, of 1911 with the bell has indeed helped me to »feel« the people — at first I did not pay enough attention, did not trust to my opinion, but now I see the Image & our Friend have helped me grasp people quickly. And the bell would ring if they came with bad intentions & wld. keep them fr. approaching me — there, Orlov, *Dshunkovsky, Drenteln* who have that »strange« fright of me are those to have a special eye upon.

And you my love, try to heed to what I say, its not my wisdom, but a certain instinct given by God *beyond myself* so as to be your help. —

Precious one, I send you the paper one of our wounded wrote by my request, as I was afraid of giving over the wish wrongly — it wld. be good if the regiment could get that bit of ground for building a mausoleum for their fallen officers. —

Perhaps you would tell Fred. to give the order from you to *Stcherbatov* you have not the time for doing all yourself. — The little Image is fr. Ania she went to the Chapel today whilst we were visiting hospitals, both under my protection. The one for 60 officers on the *Horse. Guards Boulevard,* very nice indeed & then to the *Vyborg suburb* between the prisons (a new hospital for the prisoners) wh. was now at once used for 130 men. — so nice & clean — several *Semenovtsi* fr. *Kholm* & rifles etc. & one who had been for a year in Germany. The pavement was atrocious. You see I choose the smart & quite poor places to turn up in — they shall see that I don't care what one says & shall go about as always. Now that am feeling better, I can do it. — Such sunny weather. From *Znamenia* I went in my *Droshki* round the Boulevard to the hospital to get good air in the morning. — Is there a chance of your coming now? — I was thinking about *Novgorod* (don't tell *Voyeikov) & Ressin* is making inquiries. By boat, or motor even fr. the broad railway too far, 60 *Verst* — so one must get into the narrow gauged waggon. Sleeping here in the train — reaching there in the morning, lunching there etc. back by 10½ in the evening — because must look at the Cathedral. The new soldiers are there & that makes me doubt whether I ought not rather

await yr. return. If so, wire to me, »wait about *Novgorod*« & I shall then. — Our Friend wants me to go about more, but where to? —

Did you copy out his telegr. for yourself on the extra sheet? If not, here it is again:

»*Sept. 7, 1915. Do not fall when in trouble God will glorify by his appearance.*« — *Olga* has a committee this evening. — *Alexei's* train *(Schulenburg)* sticks at *Opukliki* since 4 days, was stopped there *until called to Polotzk;* he asked the Comm. of *Polotzk* by wire, but received no answer yet — are we cut off from there? —

My train returned, said there were lots of sanitaries waiting out there without being able to move, I hope it means that our troops are being brought up there? Then masses of women were brought to work near the lakes, but not told for how long, so that they had no time to take warm clothes, got *wages per day* for the journey, 30 *Kopeeks* & the journey lasted 5 days — are the Governors mad. N e v e r any order here, it drives me to distraction — t h a t l e s s o n we ought to learn fr. the Germans.

Sister Olga's train is bringing many wounded officers & men & 90 *refugees.* I told them always to pick them up on the way. —

Dear me, what a lot one might do — I long to poke my nose into everything (Ella does it with success) — to wake up people, put order into all & unite all forces. All goes by fits & starts — so irregular — so very little energy (my despair, as have enough, no matter if I feel ill even, wh. thank God I don't just now) — am wise & don't do too much. — Now the endless letter must be finished. Do I write too much? Courage — energy — firmness will be rewarded by success, you remember what He said, that the glory of yr. reign is coming & we shall fight for it together, as it means the glory of Russia — you & Russia are one. —

Beloved one, yes, my bed is much softer than yr. camp-bed — how I wish you were here to share it. Only when you are away I dream. 2 weeks & 1/2 since you left. I bless you & cover you with kisses, my Angel, & press you to my heart. God be with you.

For ever yr. very own old

Sunny.

No. 118.

Tsarskoje Selo, Sept. 10th 1915

My own Sweetheart,

Yes, indeed the news is better — I just looked through the papers. What a blessing if the reinforcements from the south can soon get to their destination; one prays and prays. —

The article about *Varnava* in the papers is untrue, he g a v e exact answers to all questions and showed yr. telegram about the *salutation*. Last year the *Synod* had all the papers about the miracles and *Sabler* would not have the *salutation* this summer. Your will and order count, make them f e e l it.

Varnava implores you to hurry with clearing out *Samarin* as he and *Synod* are intending to do more horrors and he has to go there again, poor man, to be tortured. Goremykin also finds one must hasten (alas, no list from him yet). One praises the redfaced *Prutchenko* too — only his brother and wife horrid about our Friend. *Goremykin* wants quickly to see you, and before any others when you return, but if you dont soon — he wants to go to you, he is ready to scream at the bishops, *Varnava* said and to send them off. You better send for the old Man. — As one wants a firm Government, instead of the old Man going; clear out the others and get strong ones in. Please, speak seriously about *Khvostov* as Minister of the Interior to *Goremykin* am sure he is the man for the moment, as fears nobody and is devoted to you.

Again an ugly thing about *Nikolasha* I am obliged to tell you. All the Barons sent to the *Headquarters* a B. Benkern to *Nikolasha.* He begged in all their names that these persecutions should cease, because they could not bear them any more. *Nikolasha* answered that he agreed with them, but could do nothing as the orders came from *Tsarskoje Selo.* Is not this too vile. S. Rebinder of the Artillery told it to Alia — Reutern was astonished to see *Suvorin* being received by *Nikolasha.* This must be cleared up, such a lie dare not lie upon you; they must be told that you are just to those that are loyal and never persecute the innocent. A man who wrote against *Nikolasha* was shut up for 8 months now, there they know how to stop the press, when it touches *Nikolasha.* — When the prayers for you were being read those 3 fasting days, fr. the *Synod,* in front of the *Kazan Cathedral,* 1000 of portraits of *Nikolasha* were being devided out to the crowds. What does that mean? They had intended quite another game, our Friend read their cards in time, and came to save you by entreating you to clear out *Nikolasha* and take over the Command yourself. One hears always more and more of their hideous, treacherous game. *M.* and *S.* spread horrors about me in *Kiev* and that I was going to be shut up in a Couvent — the married daughter of one of the Trepovs was so hurt when they spoke, that she begged to leave the room. He wrote this to the Css. Schulenburg. Oh Lovy, *Ivanov's* army (some) heard these rumours — is not that a mean scandal? I see *Dzhunkovsky* has gone for an unfixed time to the Caucasus — there: »birds of one feather flock together« what new sin are they preparing? They better take care of their skin there. —

We, i. e. *Olga, Ressin,* Ania and I went to *Peterhof* — we left her at her Parents and drove on to the *local hospital* — clean this time and no very heavy wounded — then to the tiny red cross *station* near the English Embassy, where there were a few officers — then to the new Rathhouse near the lake, where were also wounded — nothing very bad. Took a cup of coffee at the *Taneyev's* and came home. Then *Tatiana Andreievna* came to say goodbye, after wh. Mère Catherine and the Abbess, and talked without end. She brought a paper about flying machines wh. the inventor showed before at the *Headquarters* — it was *approved* and the papers now stick somewhere, so I enclose a paper about it and can you have the thing hurried up. There is a Rubinstein who has given 1000's already, who is willing to give 500.000

for this invention being made, if he receives the same as Manus — pretty these beggings at such a time, charity cant go unbought — so ugly. — Then Mary came and now I am writing and quite gaga — the road tired me in motor. The sea, my sea! Felt, oh, so sad, reminded me of happy peaceful times, our house without you — we passed it — pain in my heart and full of remembrances. — I received sweet letters from Ernie, Onor and Frl. Textor. He gave them Sister Baroness Uxkull who came — he hoped I would see and help her — yr. Mama did not receive her and then I was not asked — a great mistake of hers. These Sisters could have told us about our Prisoners. Ernie thinks so much of you too — I enclose his letter. — Frl. Textor lives at W. to give the children German and English lessons. The heather blooms and it is lovely they say — I will show you his letter, when you come — asks for nothing only full of love. Yr. regiment has better luck than the red Dragoons, who have only one officer not wounded. Moritz youngest son is slowly recovering fr. wounds. V. Giedesel (who was with Sandro in Bulgaria — a dear) has lost 3 sons already. — Onors nephew has also been killed. — The weather was divine to day. I was in the hospital this morning — another *Crimean* is coming. —

Now must send off my letter, high time. —

Every blessing and fondest, tenderest, warmest kisses and endless love fr. yr. own old

Sunny.

Am glad you will see Misha. —

Have you a list of the losses in the guard? All are so anxious, the wives anxious about their husbands — cannot somebody copy them out and send them me. — Tell Fredericksy that young Mme *Baranov* (he was just killed) is fearfully poor, you kept him in the regiment by paying him, now she looses that and *Shulgin* begged me whether something could be done for her, as he was such a good officer. Mme *Lütke* thanks for the flowers I had sent from us both. —

Maria Plautin thanks colossaly. —

No. 119.

Tsarskoje Selo, Sept. 11-th 1915

My own beloved Darling,

It was so grey, that I felt quite sad, but now the sun is trying to pierce its way through the clouds. The colouring of the trees is so lovely now, many have turned yellow, red & copper. Sad to think summer is over & endless winter awaits us soon. It was strange to see the beloved sea, but so dirty — pain filled my heart when I saw the Alexandrie from far & remembered with what joy we always saw her, knowing that she was the means for taking us to our beloved »*Standart*« & *fiords!* Now all but a dream. What are the

Bulgarians up to, why is *Sazonov* such a pancake? It seems to me that the poeple want to side with us & only the Minister & rotten Ferdinand mobilize to join the other countrys so as to squash Servia & throw themselves greedily upon Greece. Get rid of our Minister at Buccarest & the Rumaniens cld. be got to march with us, I am sure. — Is it true that they intend sending *Gutchkov* & some others from Moscou as a deputation to you? A strong railwayaccident in wh. he alone wld. suffer wld. be a real punishment fr. God & well deserved, they go too far, & that fool *Stcherbatov* gained nothing by only blotching out parts of what they said — indeed a rotten governement — wh. wont work with, but against its leader. — I am remaining in bed till luncheon, the motordrive shook me too much & I am tired from seeing i. e. visiting hospitals three days running. — Do so much wonder when you will be able to return & for how many days — how you have arranged with *Alexeiev,* when you leave? — The old man has asked to see me this evening, & as I know he must see you, I have already wired to you. He finds it absolutely indispensible *Sazonov* should at once leave, he told it to *Andronnikov* — another man they propose is *Makarov,* but that won't do, as he did not show himself at all well in the story of *Hermogen.* Now another is the *editor of the »Government Bulletin« Marshal of the Horse, Prince Urussov* an other man, very loyal to you, religious (made our Friend's acquaintance) — that would be best I think & at once. I write all this for you to have it clearly in yr. head — now I suppose he may bring yet candidates. The story of *Varnava* is going too far — he did not go again to the *Synod,* because he will not hear yr. orders mocked at — the *Metropolitan* calls yr. telegram »*foolish telegram*« — such impertinence cannot be borne — you must set yr. broom working & clear out the dirts that has accumulated at the *Synod.* — All this row about *Varnava* is only so as to drag our Friend's name into the *Duma.* When *Samarin* accepted this place he told his set at *Moscou* that he takes it only because he intends to get rid of *Gregory* & that he will do all in his power to succeed. — One betted in the *Duma,* that they would prevent you fr. going to the war. — you did go — they said nobody dare close the *Duma* — you did — now they have betted that you cannot send *Samarin* away — & you will. The Bishops too, that sat there & mocked at yr. orders — you have not had time no doubt to read the articles about the accusation against *Varnava* at the *Synod* about the *worship.* You show yourself the master. We cleared *S. I.* out & her friends shall flie too & with this ridiculous, unloyal, mad idea of saving Russia. Lots of grand words. *Goremykin* must tell him, that you chose him believing him to be a man, who would work for you & the Church & he has turned out a spy upon the doings & telegr.: of *Varnava* & *Gregory* & has posed as an accusing advocate & persecutor — & doubter of your wishes & orders. You are the head & protector of the Church & he tries to undermine you in the eyes of the Church. At once my Love, clear him out & *Stcherbatov* too. This night he sent out a circular to all the papers, that they may print anything they like against the Governement (your governement) — how dare he — only not against you. But they do all in a hidden way, des sousentendu — and he plays fast & loose a very fool indeed. — Please

take *Khvostov* in his place. Did you look through his book? He wants very much to see me, looks upon me as the one to save the situation whilst you are away (told it *Andronnikov)* & wants to pour out his heart to me & tell me all his ideas. — He is very energetic, fears no one & is colossally devoted to you, wh. is the chief thing now a days. — His gaffes, one can warn him against making them — he knows the *Duma* poeple well, will not allow them to attack one, he knows how to speak; please Sweetheart seriously think of him, he is not such a coward & rag as *Stcherbatov*. The Government must be set to right & the old man needs good, devoted & energetic men to help him in his old age working; he cannot go on like this.

You must tell him all, ask everything — he is too discreet & generally waits to be asked & then says his impressions or what he knows. Keep him up, show him you need & trust him & will give him new workers — & God will bless the work. — Take a slip of paper & note down what to talk over, last time you forgot about *Khvostov*, & then let the old man have it as a help to remember all questions. — 1) *Samarin*, 2) *Stcherbatov-Synod*, 3) *Sazonov*, 4) *Krivoshein* who is an underhand enemy & false to the old man the whole time. — 5) How to let the Barons know that it was a great untruth *Nikolasha* told them, that he got the orders from *Tsarskoje* to persecute the Barons — that must be cleared up cleverly, delicately. — The old man begs always you should hasten & be decisive; when you give him categoric answers or orders to fulfil its far easier for him & they are forced to listen. — I do bother you, poor wee one, but they come to me & I cant do otherwise for your sake, Baby's & Russias. Being out there, your mind can see all clearly & calmly — I am too calm & firm, only when changes must be made to save further horrors & filth, as that at the *Synod* headed by the soi disant »gentleman« *Samarin* — then I get wild & beg you to hasten. He dare not treat your words like dust, none of the Ministers dare behave as they do after the way you spoke to them. I told you *Samarin* is stupid *insolent fellow* — remember how impertinently he behaved to me at Peterhof last summer about the evacuation question & his opinion of Petersburg in comparison to Moscou etc., he had no right to speak to his Empress as he did — had he wished my good, he would have done all in his power for me, to take it as I wished, & he would have guided & helped me & it would have been a big & popular thing — but I felt his antagonism — as *S. I.* 's friend; & that why he was proposed to you, & not for the Churches good. — I am inconvenient to such types, because I am energetic & stick to my friends wherever they may be. When the *Duma* closed, in a private sitting there, they said filth about *Gregory* Ania & her poor father — so loathsome.

Is that devotion, I ask you? Show yr. fist, chastisen, be the master & lord, you are the *Autocrat* & they dare not forget it, when they do, as now, woe into them. — Over & over let me thank you for your very sweet & dear letter, I was overjoyed to receive it & devoured it up. How glad I am you get lots of nice telegrams. — Thats the proof & your recompense, God will bless you for it, you saved Russia & the throne by that action. — I wish you could have a real good talk with *Shavelsky* about all that has been &

about our Friend — get him to tea à 2. — Ania spoke to him once, but he had his ears filled with horrors & I am sure *Nikolasha* continued thus. —

Olga thanks *Mordvinov* for his letter. — I fear Misha will ask for his wife to get a title — she cant — she left two husbands already & he is yr. only Brother, Paul is of no consequence. — Why is Boris still with you, he ought to be back with his regiment, not so? *Gregory* wrote despairing wires about his son & begged him to be taken into the *United Regiment* wh. we said was impossible, Ania begged *Voyeikov* to do something, as he promised to before & he answered he could not. I understand the boy had to be called in, but he might have got him to a train as sanitary or anything — he always had to do with his hous in the country, an only son, its awfully hard of course. One longs to help without harming Father or Son. — What lovely telegrams he wrote again. — I had old Rauchfuss — we have got masses of *cribs* in these three last months all over Russia for our Society for Mothers & Babies — its a great joy to me to see how all have taken to it so quickly & have realised the gravity of the question, now especially every Baby must be cared for, as the losses are so heavy at the war.

One says the guard has again lost colossally now. —

We drove to *Pavlovsk*, lovely air & so sunny, the beautiful Cosacks with St. George's Crosses follow one. —

Now I must end, Sunshine my beloved One. I long for you, kiss you without end, hold you tightly clasped in my arms.

God bless you & protect you, give you strength, health, courage, surety of your opinion, wisdom & peace.

Ever Nicky mine yr. very own old Wify

Alice.

The Children's joy over your letters is intense, they are all well, thank God.

No. 120.

Tsarskoje Selo, Sept. 12-th 1915

My own beloved One,

It is pouring and dreary. Slept very badly, head aches rather, am still tired from Peterhof & feel my heart, am awaiting Becker. — How I wish the time would come for me to write only simple, nice letters, instead of bothersome ones. But things dont a t a l l go as they should, & the old Man who came to me yesterday evening, was very sad. He longs for you to come quickly, if only for three days, to see all & to make the changes, as he finds it m o r e than difficult working with ministers who make opposition. Things must be put clearly — either he leaves, or he remains & the ministers are changed, wh. of course would be best. He is going to send you a *report*

about the press — they go after orders *Nikolasha* gave in July, that one may write whatsoever one likes about the government, only not touch you. When *Goremykin* complains to *Stcherbatov* he throws the fault upon *Polivanov* & vice versa. *Stcherbatov* lied to you when he said one would not print what is said at Moscou. — They go on writing everything. Am so glad you declined seeing those creatures. They don't dare use the word constitution, but they go sneeking round it — verily it would be the ruin of Russia & against your coronation oath it seems to me, as you are a *autocrat,* thank God. — The changes must be made, cant think why the old Man is against *Khvostov* — his Uncle does not much care for him & they say he is a man who thinks he knows everything. But I explained to the old Man that we need a decided caracter, one who is not afraid, he is in the *Duma,* so has the advantage of knowing everybody & will understand how to speak to them & how to protect & defend your government. He proposes nobody, au fond, & we need a »man«. — He begged me to let *Varnava* know that he must not appear at the *Synod* but say he is ill — wh. is the best thing, tho' the papers are furious that he wont appear. But he has told them all & answered everything — great brutes, I cannot call them otherwise. If you could only come, then at once see the Metropolitan & tell him you forbid that subject to be touched & that you insist upon your instructions being fulfilled. He cried of despair when *Samarin* was appointed & now he is completely in his hands — but he must have a strong word from you. Yr. arrival here will be a *punitive expedition* & no rest, poor Sweetheart, but its necessary without delay, they go on writing without ceasing. But they cant propose anybody — *Makarov* — no good — *Arseniev* fr. M. screams against our Fr. — *Rogozin* — hates our friend. — *Prince Urussov* (don't know him) — knows our friend, one says much good of him. My head aches from hunting for men, but anybody rather than *Samarin,* who openly goes against you by his behaviour in the *Synod.*

Can you really not return soon, Lovy, things seem taking a better turn, thank God & will still. Wonder what troops you saw pass. Old man has a sitting of Ministers on Sunday, thats why he cant leave to-day. If you come Thursday, he says he need not go there before, but I find you can see him quieter now & speak over & prepare all for yr. return.

He says *Sazonov* is pitiful to behold, like »une poule mouillée« — what has happened to him? He tells *Goremykin* nothing at all & he must know what is going on. The ministers are rotten & *Krivoshein* goes on working underhand he says — all so ugly & ungentlemanly; — they need your iron will wh. you will show, won't you. You see the effect of yr. having taken over all, well do the same here, i. e. be decided, repremand them very severely for their behaviour & for not having listened to yr. orders given at that sitting here — I am more than disgusted with those cowards. — Can Alex. spare you 3 days, soon? Do answer this if you can. You cannot imagine how despairing it is not being able to wire all one would & needs too & not to get an answer. You have not time to answer my questions of wh. there are 100, but always the same ones, as they are pressing

& my head is weary from thinking & seeing things so badly — & beginning to spread in the country. Those types go talking against the government everywhere, etc. & sow the seed of discontent. Before the *Duma* meets in a month, a new strong cabinet must be formed & quicker, so as that they have time to work & prepare together beforehand. — He proposed I should see *Samarin* but what good? The man will never listen to me, & just do the contrary out of opposition & anger — I know him also but too well by his behaviour now, — wh. did not surprise me, as I know he would be thus. — *Goremykin* wants you to return & do all this, but waste no time. You are calm out there, & that is right, but still Sweetest, remember you are a bit slow too in deciding & dawdling is never a good thing. The big girls have gone to the hospital, the 3 young ones are learning, A. is going to town to Alia & her mother till 3, & I shall lie again till luncheon as heart a little enlarged & feel so tired. — Now *Yuzik* must be already al the *Headquarters*. Is it true that we are only 200 *Versts* from *Lemberg* again. Are we to hurry on so much & not come round and squash the Germans? What about Bulgaria? To have them in our flank will be more than rotten, but they have surely bought Ferdinand. —

How is Misha's humour? Kiss the dear boy from me. Have no news yet from Olga somehow her visit was sad — we scarcely got a glimps of her & she left sad & anxious. —

Just received a perfumed letter fr. *Olga Palei*. Paul is better — she at last had news fr. their boy, it took him a week to get to the *transport* of his regiment & now he hopes to find the regiment. — I beleive the lancers are not far fr. *Baranovitchi;* a river one speaks of near there, where was heavy fighting — what fighting everywhere!

Mackensen is not the one we knew. There is a Fürst Bentheim at *Irkutsk* (a sort of relation of Marie Erbachs). Ernie asks in Max name whether there would be any possibility for him to be exchanged — he seems to be the last of his family — perhaps somebody of ours cld. be returned in exchange. He only asks like that, not knowing whether its possible. I shall let Rostovtzev know the same thing, — I doubt it being possible unless he gives his word of honour not to fight any more against any of the allies — only under that condition, I find, one can change him. I shall write this to Rost. & whom it concerns will know what to do, I have no idea whom one can ask for in return, nor whether its allowed. — About the gasses Ernie is also disgusted, but he says that when he was near Reims beginning of Sept. last year, the English used the gasses there — & German chemical industries being better, they made worse gasses. — Ania was at *the Church of »Joy to all grieving«* in town & brought this little Image for you. — Fancy our surprise — suddenly *Kussov* turned up. All his cavalry is being sent down to *Dvinsk* & during their move he flew off here, arrived in town this morning, probably goes on to-morrow, meets his wife & off to *Dvinsk* to meet his regiment. He had heavy losses — is in despair with Yuri Trubetskoy who makes fault upon fault & others dare not say anything, because one says you particularly care for him (wh. Kussov doubts).

Thanks to him Kussov's men got surrounded, because Yury took the three battalions of infantry away wh. guarded them, for himself — but they got through & only many horses were taken, as it was the place where they were standing together — he told his mind rather clearly to *Trubetskoy.* He came flying off to know how things were going, as letters never reached him & he wanted to hear all. Is already disgusted with town & furious with the »rotten atmosphere«. Was sorry you sent *Mikheyev,* because he is so very unrepresentive & does not know how to collect all round him & speak & thank in yr. name. — He saw the *Kabardintsi* passing a little while ago. Asked questions without end & says the »*spirit*« in the army splendid. It does one good & refreshes one seeing such a man straight from there — one also gets musty fusty here, tho' I fully trust & believe all must go well, if God will give us the necessary wisdom & energy. — Don't you find Baby's writing is getting very nice & tidy? I remained quietly at home to-day, saw Mme Zizi too. — Why is Boris not with his regiment? 3 of our Cav. Divisions got the order to break through the Germans wh. they did & are in their rear now, *Tatiana's* regiment is there too. —

Blessings & kisses without end & tenderest love, Sweetheart, lovy mine, fr. yr. very own old

Wify.

No. 121.

Tsarskoje Selo, Sept. 13-th 1915

My very own Treasure,

I am glad you have fine weather, here it is real autumn, there was a little sun an hour ago and now there is again a grey haze. — The 4 Girls have gone to early Church — »*Engineer Mechanic*« came, so keeps me company. So you cannot come before the end of the week, I feared so, as things are still very serious near *Dvinsk* — but how brave both sides are — God help and strenghten our dear troops. — The papers continue aggravating me, discussing and groaning that there will be a censure — and that ought to have been regulised months ago. — There is a messenger leaving for England this afternoon, so I must quickly profit to write to Victoria — this I will finish later in the day, as usual. — *Sazonov* says it concerns *Alexeiev* the exchange of prisoners, so I don't know what to do about Fürst Bentheim, I cannot ask for a German (and I believe not wounded or long ago well by now) — whom could one exchange him with? — I am glad you wrote a good letter to the old Man, it will help him in his difficult task. — 3 weeks to-day that you arrived at the *Headquarters* — when is *Nikolasha* going to *Tiflis?* To-day it is put in the papers that *Dzhunkovsky* is going to the Army and not any more under *Alexeiev's* orders for Sanitary questions.

Sweet Manny mine — am always in thoughts with you, yearning to see what you look and feel like; I have no doubt much better than when you

were here. I told you about *Y. Trubetskoy* yesterday, so as that one should have an eye upon him, if he really is so very little famous and confuses them all. Am I meddling? I don't mean to, I only repeat what *Kussov* said, as I know he tells me things in the hope I give all over. — What news fr. the Black Sea and Baltic?

I spent the afternoon on my sopha in the corner of my big room and Ania read to me, tea we had at 4 and then the 5 Children went to Ania for an hour to see some Children. I have crawled into bed, so as to go to church, service to-day is from 6—8, and I shall go at about 7, more I have not the strength for, as cannot take drops and feel tired, but to-day the heart was not enlarged. A dreary day. — In Moscou Mme *Gardinsky* finds the things better than they expected, *Petrograd* she finds horrid just now and I think all agree. — I gave Zizi papers about *John Maximovitch* and how they found his tomb, and she was grateful and emotioned as it showed her all in quite another light, and now I made Ania send it to O. *Father Alex.* — I want others to understand the thing and the wrong behaviour of the *Synod.* If they choose to find you had not the right to give such an order, nevertheless, all the more they ought to have stood up for it, legalised it still from their side, instead of purposely going against your orders — and all that simply out of opposition and to harm *Varnava* and throw again a bad light on our Friend. —

My letter is dull, I have seen nobody interesting. — A. is going over to the big Palace for a week, so as to have her rooms cleaned, the shaky plafond seen to and windows arranged for winter. Danini is going to see it! She can meanwhile go through a cure of electrifying and strong light wh. we have next door in the hospital and *Vladimir Nikolaievitch* will do it, and her *Feodosia Stepanovna* works there too and does massage for the wounded officers. —

I enclose a letter fr. Olga, and am sending you flowers again — the frezia last very long and every bud will open in your vase. —

The leaves are turning very yellow and red, I see it from the windows of my big room. — Sweetheart, you never give me an answer about Dmitri, why you dont send him back to his regiment, as Paul had hoped; — he worrys so about the boy wasting his best years and at such a grave moment, doing nothing. It does not look well, no Granddukes are out, only Boris from time to time, the poor Constantins boys always ill. — I do so hope to get your letter before closing this, so I will rest and then finish it up. —

Well I must send it off. I kiss and bless you over and over again, my very own beloved Treasure, Sunshine.

I cover you with tender kisses — God bless and keep you.

A tender kiss

fr. yr. very own old

Wify.

No. 122.

Tsarskoje Selo, Sept. 14-th 1915

My own beloved Darling,

I found your dear telegram this morning upon getting up, I was so grateful as had been anxious getting no news all day. Being very tired I went to bed at 11.20. yr. wire left the *Headquarters* at 10,31 and reached here 12.10. Thank God the news is better. But what will you do for the army, so as not to have *Alexeiev* the only responsible one? Do you get *Ivanov* to come here and *Stcherbatov* to replace him out there? You will be calmer and *Alexeiev* wont have to carry the responsability all alone. — So after all you have to move to *Kaluga* — what a nuisance, tho' from here I should say the distance is less than now, only you are so far from the troops. But if *Ivanov* helps *Alexeiev* then you could go straight from here to see some troops at least. —

What has been going on at sea, I know nothing and read this morning of the losses of *the Captain of the 1-st rank, S. S. Viazemsky (heroic death in battle)* and the officers and men of the *ship* announce it, and his body is being brought *from the Baltik Station.* Then *Capt. of the 2-nd rank, Vl. Al. Svinin* also *fell as a hero.* What does this mean? *Peter Vasilievitch* told the Children some days ago that the *Novik* had been in battle, but as one keeps the naval news out of the papers, one feels anxious to know what it means. When you are not here of course I only get my news in the morning out of the »*Novoye Vremya*«. If there should be anything good, do wire it, as one hears often false news wh. of course I tell all not to believe.

How is *Voyeikov,* I cannot forget his madness here and horrid behaviour to Ania. Do take care that he does not take things too much in hand there and does not meddle, as poor old Fred. is old and, alas, becoming rather foolish, the other with his dominating spirit and being most ambitious and sure of himself, and try to fulfil functions wh. don't concern him. Don't you need somebody else still because of the foreigners, or deputations, or orders to be given over, wh. you have not the time to do yourself — a General aide de camp or something like that? — Have you got rid of useless people there? I am glad Boris has gone back again. — I hope he can get the lists of the losses as the wives are in all states. —

One says *Leichtenberg* is wounded, I forget what regiment he commands but its the Preobr. ladies especially who are nervous. — I wonder what troops you saw the other day. — Now the old Man is with you. Its stupid one prints when he comes to me, thats fr. town, my people don't know it even, as people get angry I mix in — but its my duty to help you. Even in that I am found fault with, sweet Ministers and society, who criticise all, and themselves are occupied with things not concerning them at all. Such is the unedifying world. — Still I am sure you hear far less gossip at the *Headquarters* and I thank God for it. — Church began at 6--8 yesterday, Baby and I came at 7¼.

Slept badly, am tired and my head rather aches, so keep in bed till luncheon. Paul's asked to come for tea.

Oh my sweet One, thanks and thanks ever so tenderly for yr. sweet letter of the 11-th, I received it with intensest gratitude and joy. It has been kissed over and over again and reread any amount of times. Yes indeed, when will that happy moment arrive, when we shall be cosily seated together in my mauve room! We continue drinking tea in the big room, tho' by the time Paul left at 6¼, it was already quite dark. —

Yes, the changes of ministers. In the train *Kussov* went with *Stcherbatov* and he called the old man »*crazy old man*« thats going far; some in the *Duma* want *Stcherbatov* in *Goremykin's* place, and I understand them because they could do whatsoever they like with him.

Paul was disgusted with the goings on at Moscou and the deputation that wished to present themselves to you! —

For the old woman's letter, warmest thanks — it pleased me very much and I read it aloud to Ania — Paul does not care for *Mrazovsky*, said he is such a *cad*, he remembers him fr. his service — I remember he screamed at the *Guard's Convoys* once, because a man cld. not say the words of the anthem by heart; the poor Grenadier divisions were so very little famous at the war now. Is it true *Kuropatkin*, got it, or are those gossips? Wonder how he will show himself this time — God grant alright — being in a lawer position it may go better. Paul asked why *Nikolasha* is still in the Country and whether it was true you wrote he was to rest in the Caucasus, at *Borjom* — I said yes, and that you had allowed him 10 days at *Pershino*. Lovy, order him south quicker, all sorts of bad elements are collecting round him and want to use him as their flag (God wont permit it) but safer he should be quicker in the Caucasus, and you said 10 days and to-morrow its 3 weeks he left the *Headquarters*. — Be firm in that too, please. I am so glad, that Paul has realised the game *Nikolasha* was to play — he rages about the way *Nikolasha's* a. d. c. speak. — I am glad you made *Voyeikov* understand things — he is so obstinate and selfsure and a friend of *Stcherbatov's*. — How happy I am you saw some artillery — what a recompense to them. — Keep Misha with you still, do. — Paul again repeated, that he hopes very earnestly that you will send D. to his regiment, he finds the life he now leads his ruin, as he has absolutely nothing to do and wastes his time, wh. is perfectly true. —

If ever you get any news of the hussars, do let me know, as Paul is anxious, his boy being now in the regiment. Paul is now well, but very weak, pale and thin. — Old *Aunt Sasha I.* has come to town and will take tea with us on Wednesday, Xenia and *Sandro* lunch that day with us too. —

The news to-day about our allies is splendid, if true — thank goodness if they are beginning to work now, it was hard time. And to have taken 24 artillery and made thousands of prisoners, but thats quite beautiful! — I do find it so wrong, that the Ministers do not keep to themselves all the discussions, wh. go on in the *Council of Ministers*. Once questions are decided, its early enough to know about them. But our uneducated, tho' they imagine

themselves intellectual public, read up everything, only grasp a quarter and then set to discussing all, and the papers find fault with everything — hang them!

Miechen wrote to ask again about Plotho, whether anything can be done. — I do thoroughly bore you. — In sweet *Petrograd* one said you were here some days — now — that *Gregory* is at the *Headquarters,* — they are really becoming always more cretinised, and I pitty you when you return. But we shall be wild with joy to have you back again, if ever so short — just to hear your precious voice, see yr. sweet face and hold you long, long in my yearning arms. — My head and eyes ache, so I cant write any more now. Goodbye, Sweetheart, Nicky love. God bless and protect you and keep you fr. all harm. I cover you with kisses.

Ever yr. very own old wify

Alix.

I feel quite sad without our hospital, where I have not been since Thursday. —

Ania has gone over to the big palace. — Lovy, are you sending people of your suite to the fabrics? Please don't forget it. —

My »*Alexandrovtsi*« are near *Dvinsk* and have rather heavy losses amongst the men. —

The Children all kiss you, Marie is overjoyed with your letter. —

Yuzik never went to the *Headquarters,* the children imagined it. —

I like the story about the hunt for the germans near *Orsha;* our Cosacks would have found them fast enough. Are they aiming at *Riga* again? Lovy sweet, me wants you, oh so, so much, precious Darling. Your letters and telegrams ary my life now. — Kiss dear Misha, Dmitri.

My love to the old Man and *N. F.*

Think over about *Ivanov* sweet one — I think you would feel calm — or if he were with *Alexeiev* at the *Headquarters* and then you would be free to move about — and when you remain longer at the *Headquarters* he could go round inspecting all and give you news how things are going and have an eye on all, and his presence would be good everywhere. —

Sleep well, I bless and kiss you!

No. 123.

Tsarskoje Selo, Sept. 15-th 1915

My very own precious Darling,

Grey and raining & quite cold. Am still not feeling famous & head continues aching rather — nevertheless I have a committee for our prisoners in Germany. A private society all over Russia now has begun the same thing, instigated by *Suvorin,* as he finds Pr. Galitzin does not work enough — I do not like the idea as its only so as to hinder me, instead of asking to become part of our society. —

Not feeling well, I have been unable to go to old *Arseniev's services* but shall go either to-morrow evening to the *funeral* & *service* at *Znamenia* or to the funeral there Thursday morning. I sent a cross of flowers from us both & wrote to poor little Nadinka & sent expression of your sympathy to her brothers. — A bit of old history dies with him. I at once gave over yr. order about the papers & letters he had, wh. belonged to yr. library. —

To-day it was put in the papers about the naval losses & now I understand all. And how good the French & English at last began — & with success, may they continue thus — it is as they had promised in September. But what obstinate fighting on our side, despairing feeling that taking & retaking of places & positions several times running. —

Its sad you will have to go to *Kaluga*, wh. is such a big town & yet further away — but I suppose on account of the railway line? — So strange you should have lived at different places & gone through so much there & that I do not know them & had no share on yr. life there. —

Lovy, can one have an eye upon what is going on at *Pershino* not good rumours come from there. —

How I wish I had something interesting, cheery to tell you, instead of harping always on the same subject. —

Remember to keep the Image in yr. hand again & several times to comb yr. hair with His comb before the sitting of the ministers. Oh how I shall think of you & pray for you more than ever then, Beloved One. — Ania sends you her love. — One says Theo *Nirod* has left the service so as to follow *Nikolasha*. I find he is taking far too big a suite of a. d. c. yr. g. ad. & Orlov — its not good coming with such a court & clique, & I very much dread they will try to continue making messes. — God grant only that nothing shld. succeed in the Caucasus, & the people show their devotion to you & allow no playing of a grand part — I fear Militza & her wickedness — but God will protect against evil.

Well, the sitting went off allright, 10 people. I took Olga to sit near me & then she will get more accustomed to see people & hear what is going. She is a clever child, but does not use her brains enough. Before that I had *Kussov* for an hour, because he would not go away without having seen me once more. Quite disgusted with town & so pained by everything & that my name is always mentioned, as tho' I had cleared *Orlov* & *Dzhunkovsky* away because of our Fr. etc. He began to have a constant eye upon the going on in the Caucasus, that they should not spoil everything there & to send people to find out fr. time to time to »feel the atmosphere« — he certainly, one sees, has a very bad opinion of them all. *Stcherbatov* told him in the train that *Goremykin* is a *decrepit old man* (not »mad« as Ania said) & that he finds one must make *concessions,* wh. *Kussov* said to him would be most dangerous, as one gives a finger & the whole arm is cought hold of. People want *Stcherbatov* instead of *Goremykin,* I understand them, as he is weak & one can do anything & he is like a weathercock, alas. — Benkendorf let me know, that he is sending Gerbel to Moscou on account of the demenagement — that means yours I suppose. How sad, that you really have to go so far

away & be near that rotten Moscou. — Ania went to town to her Parents till 5 — she took Groten to *Nat. Br.* and back again, he enjoyed the change after the sick room. —

Am s o anxious, how it will be with the ministers — now you cant change them once they come there & its so essential, only you must get a look at the others first. Please remember *Khvostov.* —

You know my committee will have to ask the government for big sums for our prisoners, we shall never have enough, & the number will be, alas, several millions — its most necessary, otherwise bad elements will profit & say we are not thinking of them, they are forgotten & many bad things can be inculcated into them, as amongst our prisoners for sure there are rotten red creatures.

The *organisation of the Union of Cities* are also forming a society for the same thing, that makes 3 — we must keep in contact with them. Do take everything in hand, so as to say afterwards that the government does nothing, & they everything, the same for the wounded & *refugees* — they turn up & help everywhere — & their deligates need w a t c h i n g. —

Now goodbye my love, I am tired & head & eyes ache. —

Goodbye, dear Beloved, my own sweet husband, joy of my heart — I cover you with tender longing kisses. —

Ever yr. very own old Wify.

Please, give this other letter enclosed to Misha.

My love to old man & *N. P.* How are you contented with *Vilna*, & *Dvinsk*, & *Baranovitchi*, — are things going as you wish?

Sleep well & feel my warm presence. —

No. 124.

Tsarskoje Selo, Sept. 16th 1915

My very own beloved Darling,

Ever such tender kisses and thanks for your treasure of a letter. Ah, how I love to hear fr. you, over and over I reread your letters and kiss them. Shall we really soon have you here — it seems to be too good to be true. It will then be four weeks we are separated — a rare thing in our lives, we have been such lucky creatures and therefore one feels the parting all the more. And now when times are so very hard and trying, I long quite particularly to be near you with my love and tenderness, to give you cheer and courage and to keep you up to being decided and energetic. — God help you my beloved One, to find the right issue to all the difficult questions — this is my constant earnest prayer. But I fully believe in our Friend's words that the glory of your reign is coming, ever since you stuck to your decision, against everybody's wish — and we see the good result. Continue thus, full of energy and wisdom, feeling more sure of yourself and heeding less to the

advice of others. *Voyeikov* did not rise in my opinion this summer, I thought him cleverer and less frightened. He has never been my weakness, but I appreciate his practical brain for simple affairs and orderliness. But he is too selfsure and that has always aggravated me and his mother in law. All this must have been a good lesson to him, lets hope. Only he sticks too much to *Stcherbatov,* who is a null — tho' he may be a nice man — but I fear that he and *Samarin* are one. — Heart and soul I shall be praying for you — may the committee go off well — they made me mad last time, and when I looked through the window I did n o t like their faces and I blessed you over and over again from far. God give you force, wisdom and power to impress them, and to make them realise how badly they have fulfilled your orders these three weeks. You are the master — and not *Gutchkov, Stcherbatov, Krivoshein, Nikolai III* (as some dare call *Nikolasha) Rodzianko, Suvorin* — — they are nothing and y o u a r e a l l, *anointed by God.* —

I am too happy that Misha is with you, thats why I had to write to him — your very own brother, its just his place, and the longer he stops with you, away from her bad influence the better it is and you will get him to see things with your eyes. Do speak often about Olga, when you are out together, don't let him think badly of her. As you have much to do, tell him simply to write for you to her to tell her what you are doing — that may break the ice between them. Say it naturally, as tho' you never imagined it could be otherwise. I hope he is at last nice with good *Mordvinov* and does not cut that devoted, loving soul who tenderly loves him.

I do so wonder, what the English wrote after you took over the command, I see no Engl. papers, so have no idea. They and the French really seem continuing to push forwards; thank goodness, that they at last could begin and let us hope it will draw some troops away from our side. After all its colossal what the Germans have to do, and one cannot but admire how well and systematically all is organised — did our »mashene« work as well as theirs, wh. is of long training and preparation and had we the same amount of railways, war would for sure already have been over. Our Generals are not well enough prepared — tho' many were at the Japanese war, and the Germans have had no war since ages. How much there is to learn from them, wh. is good and necessary for our nation and other things one can turn away from with horror. There was little news in the papers, and you wired last night that the news was good, so that means that we are firmly keeping them at bay. — There are 9 degr. this morning, and it is grey and rainy, not inviting weather. —

Little Nadinka Arseniev is coming to me this morning — poor girl, she was so touched by my letter and yr. sympathy I expressed them all, that she begged me to see her, as none had written so kindly. Poor, foolish child, what will become of her and her brother with all their old nurses and governesses. Her Father was everything to her in life. —

All my thoughts are with you, Sweetheart and those odious Ministers, whose opposition makes me rage — God help you to impress them with yr. firmness and knowledge of the situation and yr. great disapprouval of their behaviour — wh. at such a moment is nothing else but treacherous. But

personally I think you will be obliged to change *Stcherbatov, Samarin* probably longnosed *Sazonov* and *Krivoshein* too — they wont change and you cannot keep such types to fight against a new *Duma*.

How one is tired of all these questions — the war is quite enough and all the misery it has brought and now one must think and work to set all to rights and see that nothing is wanted for the troops, wounded, cripples, families and *refugees*. — I shall anxiously await a telegram fr. you, tho' you wont be able to put much in it. —

I am glad my long letters don't bore you and that you feel cosy reading them. I cannot not talk with you on paper at least, otherwise it would be too hard, this separation and all the rest wh. worries one. —

Gregory telegraphed that *Suslik* shld. return and then made us understand that *Khvostov* wld. be good. You remember, he went once to see him (I think by yr. wish) to *N. Novgorod*. — I do so long for at last things to go smoother and let you feel you can quite give yourself up to the war and its interests. — How do you think about what I wrote of *Ivanov* as aid, so as that *Alexeiev* wont carry all the responsability when you are off and on away, here or inspecting the troops, wh. I do wish you could soon do — en passant, without preparation by motor fr. a bigger place — nobody will watch 2 motors or 3 even and you could rejoice yr. heart and theirs. — Xenia and *Sandro* lunch, *Aunt Sasha* comes to tea and then, I think, I must go for the *carrying out of the body* of *Arseniev* as thats not long and then to-morrow to the funeral at *Znamenia*.

I am so glad the flowers arrive fresh — they cheer up the room and they come out of my vases with all my love and tenderness. — I wonder, whether you asked *Stcherbatov* what he meant by telling you that nothing wld. be printed in the papers about the speeches at Moscou, when they wrote whatsoever they wished. Coward that he is! —

I am choosing photos. I made, so as to have an album printed for Xmas (like A. Alex.'s) for charity, and I think it will sell well, as the small albums with my photos sold at once here this summer — and in the Crimea. —

Went for a drive to *Pavlovsk* with Anastasia, Marie and Ania, — the weather was lovely, the sun shone and all glittered like gold, a real treat such weather. At first I placed candles before the Virgin's Image, and St. Nicolas at *Znamenia* and prayed fervently for you. Church was being cleaned up, palms being stood and blue carpets arranged for poor Arseniev. *Aunt Sasha* took tea and chattered a lot and abused nobody, I could not keep her long as wanted to go with *Olga* to the *funeral procession* — of course because of the old woman we were late and they were just carrying him out, so we followed with Nadinka till the street and he was put on the funeral car and then we came home, as I go to-morrow to the funeral. Stepanov, — Ella had sent, — *Skariatin*, her old brother was there, Balashov; the 2 sons, *Benkendorf, Putiatin, Nebolsin* and 2 officers of the Naval corps. — Nadinka had been with me in the morning — talked a lot and did not cry, very caressing and grateful. She begs you whether she might remain on living in the little house with her poor brother, as they lived there so long with the Parents and their graves are at *Tsarskoje*.

— Perhaps one might for the present at least, don't you think so? Ella wrote and wishes me to give over how much she thinks of you and with what love and constant prayers. I send you a paper of hers wh. read through and find out the truth about it, please — *Voyeikov* can do that, or still better from your new staff. — I don't need the paper again. —

How one longs to fly away together and forget all — one gets at times so weary — my *spirit* is *good* but so disgusted with all one says. I fear *Gadon* is playing a bad part at *Elagin,* because one says the conversations there against our Friend are awfull — old Mme Orlov had heard this — she knows ladies who go there. When you see poor Motherdear, you must rather sharply tell her how pained you are, that she listens to slander and does not stop it, as it makes mischief, and others wld. be delighted, I am sure, to put her against me — people are so mean. — How I wish Misha could be a help in that. — Precious one we met some of the Cosacks riding at Pavlovsk and I loved them not only for themselves, but because they had seen and guarded you and been in battle. —

Beloved, I must end. God Almighty bless and protect, guard and guide you now and ever.

I kiss you with endless tenderness and fathomless love, ever yr. very own

Sunny.

Xenia looks better, they told nothing interesting.

So anxious how all went off.

No. 125.

Tsarskoje Selo, Sept. 17-th 1915

My very own beloved Darling,

It was with a feeling of intense relief, that I got your dear telegram telling me that the committee went off alright & that you strongly told them your opinion into their faces. God recompense you for this my treasure. You cannot imagine how hard it is not being with you, near you at such times, not knowing what is being discussed, hearing such horrors here.

Deary, *Khvostov* came to Ania again & entreated to see me, so I shall to-day. From all he told her one sees he thoroughly understands the situation & that with skill & cleverness, he thinks, one can manage to set all to rights. He knows that his Uncle & *Goremykin* are against him, i. e. they are afraid of him as he is very energetic. But he is above all devoted to you & therefore offers his services to you, to try him & see whether he cannot help. He esteems the old man very much & would not go against him. Once already now he stopped the question in the *Duma* about our Friend in time — now they intend bringing it up as one of the first questions. *Samarin* & *Stcherbatov* spread so much about *Gregory* & *Stcherbatov* showed your telegrams, our Friends & *Varnava's* to heaps of people — fancy the hideousness (about *John Maximovitch)* of such an act — private telegrams — this *Khvostov* told — &

Varnava too, how did they dare take the telegrams, when the people at the telegr. office have to take oaths — consequently it came through *Dzhunkovsky* before, the governor, *Stcherbatov* & *Samarin* (just as *Varnava* already told me) — he will put a stop to this, knows all the parties in the *Duma* & will know how to talk to them. He proposes his Uncle (Minister of Justice) instead of *Samarin* being a very religious man & knowing much about the Church, & in his place *Senator Krasheninnikov,* whom you have sent to *Moscou* to investigate things & they say everybody praises him highly. Now that *Gregory* advises *Khvostov* I feel its right & therefore I will see him. He got an awful shock as in the evening papers one said *Krizhanovsky* (is that the name) had left for the *Headquarters,* he is a very bad man & you very much always disliked him & I told the old Man so — God forbid him having advised him again.

Did you look through *Khvostov* book? only as soon as you can come & quickly make the changes, they will go on working against our Friend & that is a great evil. He will not play fast & loose with the press like *Stcherbatov* but watch it & stop whenever necessary wrong articles. Its madning not to know what you think, what you are deciding — its a cross going through this anguish fr. far — & perhaps you are making no changes until you return & I am uselessly worrying. Only wire a word to quieten me. If no ministers yet changed — simply wire »no changes yet«, & if you are thinking about Khvostov say »I remember the tail« & if not »dont need the tail«, but God grant you will think well of him — therefore I receive him as he begs for it quicker — why he believes in my wisdom & help I don't know, it only shows he wishes to serve you & yr. dynasty against those brigands & screamers. — Oh my Love, how dear you are to me, how infinitely do I long to help you & be of real use — I do so pray to God always to make me be yr. Guardian Angel & helper in everything — some look at me as that now — & others cannot find nasty enough things to say about me. Some are afraid I am meddling in state affairs (the ministers) & others look upon me as the one to help as you are not here *(Andronnikov, Khvostov, Varnava* & some others) that shows who is devoted to you in the real sense of the word — they will seek me out & the others will avoid me — is it not true, Sweetheart?

Do read the 36-th Psalm, it is so lovely & strengthening & consoling. — Ah me loves Zoo so, so, so much & so passionately.

Only 6 degrees, but such a glorious, sunny morning — a real gift of Gods. — Slept midling, got off only after 3, sad thoughts haunted me. — Why was *Kaluga* chosen, so far to the south? Do you pass by *Pskov* coming here, so as to see *Russky* & perhaps some troops?

How disgusting that *Gutchkov, Riabushinsky, Weinstein* (a real Jew for sure) *Laptev, Zhunkovsky* have been chosen into the *Council of the Empire* by all those brutes. Indeed one will have nice work with them. *Khvostov* hopes that in 2,3 months one can put all into order with cleverness & decision.

Ah, if he could but be the one to do it, even if the old man is against him — from fright. One can be sure he will act carefully, & once he intends

standing up for our Friend, God will bless his work & his devotion to you. — the others *Samarin & Stcherbatov* sell us simply — cowards!

I see also *Prince Tumanov* instead of *Frolov* will be here — thats surely a good choice. Keep always an eye on *Polivanov*, please.

The painter *Makovsky* has had a horrible accident, his horse bolted & flew into a tram — he lies in a hospital with concussion of the brain & a cut on his head. — Now I must quickly get up & dress for the *service* of old *Arseniev*.

Mass begins at 10, so we shall go at 11 — I take *Olga & Tatiana* too. — Well. Sweetie, I have talked with »the tail« for an hour & am full of the best impressions. I was honestly, rather anxious, as A. is sometimes carried off for a person — but we talked over every possible subject & I came to the conclusion, that to work with such a man would be a pleasure. Such a clear head, understanding so perfectly the gravity of the situation, & understanding h o w one must fight against it. That is much, as here one criticises & rarely proposes antedotes. He is also of course horrified that *Gutchkov & Riabushinsky* have got into the *Council of the Empire* — it is indeed a scandle — & one knows *Gutchkov's* work is against the dynasty. I wish you could get him for a good talk. — Entre autre he told me, that *Stcherbatov* shows about all yr. telegr. & our Friends to whomsoever he wishes — many are disgusted & others enchanted. W h a t right has he to potter in his E.'s private affairs & have the telegraphs shown him? How do I know if he wont watch ours to, after that you can, alas, never more call him a gentleman or honest. *Krivoshein* is too well acquainted with *Gutchkov* being married to a lady fr. Moscou (also of the merchant families & that makes one). — I have so much in my head, that I don't know what to begin with nor what to tell. —

In any case he finds you must quicker change the ministers, above all *Stcherbatov & Samarin* as the old man cannot stand with them opposite to the *Duma*. Now, having spoken with him — I can honestly advise you to take him w i t h o u t a n y fear. He talks well & does not hide this fact, wh. is a plus, as one needs people to speak easily & be ready with a word to answer back at once & to the point. He could fight that duel with *Gutchkov* & God would bless him, I think. Of course he had too much tact & was too clever to hint about himself — he only thanked me many times for having allowed him to pour out all that was on his soul, as he puts his hope & trust on me to help for the good cause for you & Baby & Russia. All is in *Moscou & Petrograd* wh. is bad — but, the government must look ahead & prepare for after the war & this question he finds one of the most serious. And if he stands in the *Duma*, he must for his country's sake say all this things & then unwillingly again he will show up the weakness & not thinking beforehand (what abominable English) of the Government. When the war is over, all those 1000 of men working in fabrics for the army will sit without work & of course be a discontented lot to do with — therefore already now that must all be thought of, all the places, fabrics written down, the quantity of working hands etc. & settled what one will give them then to do, not to leave them in the street — & that will take long to prepare & think out & is of greatest

gravity wh. of course is a b s o l u t e l y true. Then will be so many discontented elements, now they have money, then the troops return, the men to the villages, many ill & maimed, many whose patriotism & *spirit* now keep them up, will then be lowspirited & dissatisfied & act badly on the workmen, therefore it is of them one must think — & one sees he would do it. Wonderfully clever, does not matter if he is a bit selfsure, its not offensively noticed — only an energetic devoted man, who yearns to help you & his country. Then the preparations beforehand for the elections into the *Duma* (later) — the bad prepare, & so must the good »canvass«, as one says in England. — He says Mme *Stolypin* is trying hard for Tatiana's Neidhardt, hoping to play a part again herself — but he finds him quite incapable. You would enjoy working with this man & you would not have to be keeping him up, pushing him on — with you here or there, one feels he wld. work just as honestly. He got safely through in his governments during the revolution (& shot at). It seems it was he who asked to have the *relics* of *Paul Obnorsky* arranged, I had quite forgotten. — He says the old man is afraid of him because he is old & cannot bend into new ideas (as you yourself told me) & does not realise that one cannot do without new things & must count with them & cannot ignor them. The *Duma* exist — there is nothing to be done, & with such a hard worker, the old man would get on alright. — Excellent you did not see *Rodzianko,* at once their noses went down — you shut the *Duma* wh. they thought you wld. not dare to — all quite right. Now you dont, thank God, receive the Moscou deputation, all the better — again they intend asking, & don't you give in, else it looks as tho' you acknowledge their existence (whatever you may even say to them). That you went to the war was splendid, & he is horrified that people dared be so blind & unpatriotic & frightened as to be against it. Sees the way how to act with the press, & not as *Stcherbatov* has been playing with it. —

Now I must end, Lovy, its 7 o'clock — I have written all this in half an hour so excuse atrocious writing.

Really, my Treasure, I think he is the man & our Fr. hinted to A. in his wire; — I am always careful in my choice — but I have not the feeling wh. I had to *Stcherbatov* when he came to me. And he understands one must watch *Polivanov* since *Gutchkov* has got into the *Council of the Empire,* is not oversure of him. He sees & thinks like us — he did nearly all the talking. — Try him n o w , because *Stcherbatov* m u s t l e a v e , a man who openly shows about your telegrams & *Gregory's* wh. he has kidnapped & *Samarin* too — are utterly unworthy ministers & no better than *Makarov* who showed my letter to our Friend, to others too — & *Stcherbatov* is a rag & stupid. — If the old man grumbles — does not matter — wait & see how he proves himself to be, worse than *Stcherbatov* he cannot be, but I think 1000 time better, God grant, that I am not mistaken & I honestly believe I am not. I prayed before seeing him, as was rather frightened of the talk. Looks one straight into the eyes. —

I drove with my 5 girls to *Pavlovsk,* glorious weather.

Were 1½ hour in Church, Nadinka held herself well. — *Petia* hopes still to see you here, then must go South for his lungs. —

Blessings & kisses without end. *Khvostov* has refreshed me, my spirit was not down, but I yearned to see a »man« at last — & here I saw & heard him. And you together would keep each other going. —

I bless you my Angel, God bless you & the holy Virgin.

Cover you with longing, loving, tender kisses,

Ever, huzy mine, yr. very own old

Sunny.

Nobody is any the wiser I saw him. —
Anastasia intensely proud & happy with yr. letter. —
Bow to Fredericks & *N. P.*
Love to Misha & Dimitri.

No. 126.

Tsarskoje Selo, Sept. 17th 1915

My own beloved Angel,

Only a word before going to sleep. Have been so anxious all evening because I got no telegram from you, at last whilst my hair was being done it came at 5.m to 12 — think, how slow it went, it left the *Headquarters* at 9.56 & reached here 11.30, & I fool got nervous & anxious. I sent you two wires because of *Khvostov* & hoped you would mention a wee word. I asked you by letter some days ago about seeing him as he wanted it & you did not answer, & now he begged again before going to the country & therefore I wired it in the morning, & at 8.30 after seeing him. — So thankful, you say news continues good — that means very much, & people's spirits will rise. — Misha wired, to thank for my letter, from *Orsha* — thats good you will have him with you afterwards again. Marie said Dmitri wrote that he comes here with you, why Darling, Paul earnestly begs for you to send him to the regiment, he asked again when he took tea with me on Monday. — Marie looks alright, her hair is growing thick — she has worries with her chief Dr. & wants to get rid of him. — The Orlovs are still in town it seems & continue talking — Fredericks must forbid it, its disgraceful, only the old man must not use any name again. — Fancy, Stana has sent away her faithful Mlle *Peterson* — I suppose she suddenly found the name too German & will choose a Caucasian lady to help her & be popular. Oh, wont she try to charm all there! — Now I must try and sleep. I have blessed & kissed & laid my head upon your empty cushion as usual. It only can receive my kisses, but, alas, cannot respond to them. — Sleep well, Sweetheart & see wify in your dream & feel her arms caressingly around you. God bless you, holy Angels guard you, good-night my Treasure, my Sunshine, my long-suffering Job. —

18th. Good-morning wee One — grey & pouring — I found the evening so lovely, moon & stars shining, that I even opened half the window *(ventilator* always) — & then now, when I drew up the curtains, I was quite disappointed & only 6 degrees again. — As am feeling better, want to peep in to Ania in the big Palace (after *Znamenia)* on my way to a new young officer who has just come — only 20 years old, with a bad wound in the leg, *Vladimir Nikolaievitch* thinks it ought to be taken off, as blood-poisoning is setting in there & in the wound in the shoulder — he feels well, does not complain, that is always a bad sign — so difficult to decide when death is so near leave him to die in peace or risk it, I should, as there always is a flicker of hope when the organism is so young, tho' now very weak & high temp. — seems 7 days he was without having his wound dressed, wretched boy, — & so I want to have a look at the child. I have not been into that room for 6 months — no, I was there once since my poor *Grabovoy* died. — From there I will go to our hospital, as have not been there for a week & I miss them & they even old me. One says one of my lancers, a *volunteer Lüder* (something like that) has come to us — not wounded but squashed somehow, they could not explain it properly. —

With pleasure I continue thinking over *Khvostov's* talk & wish you had been there too — a man, no petticoats — & then one who will not let anything touch us, & will do all in his power to stop the attacks upon our Friend, as then he stopped them & now they intend beginning again, & *Stcherbatov* & *Samarin* wont certainly oppose, on the contrary for popularity's sake. I am bothering you with this talk, but I should like to convince you, having honestly, calmly the opinion that this (very fat young man of much experience) is the one you would approve of & that old woman who writes to you I should say too — He knows the Russian peasant well & closely having been much amongst them — & other types too & does not fear them. — He knows too that fat Priest, now *archimandrite*. I think, *Gregory's* & *Varnava* friend, as he helped him 4 years when he was governor during the bad years, & he spoke so well to the peasants & brought them to reason. He finds a good Priest's influence should always be used & he is right — & they arranged together for *St. Paul Obnorsky* & he is now at *Tobolsk* or *Tiumen* & therefore *Samarin* & company told *Varnava* they do not approve of him & will get rid of him — his body is colossal Ania says, but the soul high & clear. —

I told *Khvostov* how sad I find it, that evil intentioned have always far more courage & therefore sooner success — upon wh. he rightly answered, but the others have the *spirit* & feeling to guide them & God will be near them, when they have good intentions & guide them. —

The *Zemstvo Union*, wh. I too find has spread too far & taken too many things in hand, so as that later one can say, the Government did not enough look after the wounded, *refugees*, our prisoners in Germany etc. & the *Zemstvo* saved them, ought to have been held in bounds by *Krivoshein*, who set the things going — a good idea, only needed watching carefully as there are many bad types out at the war in their hospitals & *feeding stations*. Finds *Krivoshein* too much in contact with *Gutchkov*. — *Khvostov* in his paper never attacked german names

of the Barons or devoted servants, when they speak of this *German influence* but drew all the attention upon the banks, wh. was right, as nobody had yet — (& the Ministers saw their faults). He spoke of the food & fuel question — Gutchkov, member of the *Petrograd Duma,* even forgot that, probably intentionally so as that one should throw the fault upon the government. And it is its very criminal fault not having thought — months ago of getting big stocks of wood — we can have disorders on that account & quite comprehensible — so one must wake up & set people working. Its not your busines to go into these details — it is *Stcherbatov,* who ought to have seen to that with *Krivoshein* & *Rukhlov* — but they occupy themselves with politics — & try to eat away the old man. — Well, I was happy to receive your dear letter from yesterday, & thank you for it from the depths of my heart. I understand how difficult it is for you to find time to write, & I am therefore doubly happy, when I see your dear handwriting & read your loving words. You must miss Misha now — how nice that you had him staying with you, & I am sure that it must have done him good in every sense. — I am enchanted, if you need not have to change the *Headquarters,* I was quite sad about it, just on account of the moral side of it, and as God blesses the troops & really things seem to be going better, & we keep firm where we are — then no need for you to move. — But what about *Alexeiev* remaining alone — you wont get Ivanov to share the work & responsability with him & there you can be more free in your movements to *Pskov* or wherever you wish. — Well dear, there is nothing to be done with those Ministers, and the sooner you change them, the better. *Khvostov* instead of *Stcherbatov* & instead of *Samarin* there is another man I can recommend devoted old *N. K. Shvedov,* — but of course I do not know if you find a military man can occupy the place of *Over-Procurator of the Holy Synod.* — He has studied church history well, has a known collection of Churchbooks — in being at the head of the Accademy for Oriental studies, he studied the Church too — is very religious & devoted beyond words (calls our Friend *Father Gregory)* & spoke well of him when he saw & had occasion to speak to his former scholars in the army, when he went to see *Ivanov.* He is deeply loyal — now you know him much better than I do & can judge whether its nonsense or not — we only remembered him, because he longs to be of use to me, to make people know me & be a counterbalance to the »ugly party« — but such a man in a high place is good to have, but as I say, you know his caracter better than I do, otherwise — *Khvostov* of the justice & the other one in his place, whom I mentioned to you the other day, who clears up the stories at Moscow, but whom instead of longnosed *Sazonov,* if he will be an opponent the whole time! —

I received this from Ella to-day, as she read in the papers that *Yussupov* is *retired from the service:* — not said, that according to his petition wh. wld. have sounded prettier & this makes people probably think he did not act well. He wld. gladly (I believe) have returned, had one given him the military power he asked for, but she spoiled all. Well, he is no loss there, tho' I am sorry it was not better worded, & he meant honestly — you might have written a wee word if you had had time but its true, one does not ask

ones demission in time of war: »Just read old Felix officially *suspended,* when he wrote asking demission, must be an error, cant one do something as most painful impression, even people sent away one puts *»in accordance with request«*. I have also wired it to you, as don't know what to answer her. One must make the difference, I find, between a *Dzhunkovsky* & a *Yussupov,* the one utterly false — the other stupid but honestly devoted. —

Paul's wife was alright, but bored me with her way of saying how devoted she is etc.: Ladung's lovely daughter marries on Sunday, my Godchild, so I blessed her to-day! The afternoon I remained quiet & Ania read to me. In the morning I was with that poor boy & then in our hospital, sat knitting and talking. — Wet, grey day. — Ania had a long conversation with Mme Zizi about our Friend & Orlov & cleared up many things to her. She made her promise not to tell on the story of *Orlov* at the *Headquarters* & *N. P.* telegr.: — she was horrified & went green — and said she remembers, all the a. d. c. used daily to write their reports during the war to (she did not understand quite, to Anpapa or Motherdear). — She will see her again & clear up many more things for the old lady to know, as she is utterly devoted to us & can be of use if she sees the things rightly. I explained lots of other things the other day wh. she was, most grateful to know. — Is it true what Pss *Palei!!* says that *Bark* telegraphed he cannot make the *loan* without the *Duma* being called to-gether? That is a catch I fear. *Khvostov* entreated that one should n o t t h i n k of calling it together before 1-st of Nov: as was anounced. He knows people are working at this, but finds it would be a w r o n g *concession,* as one must have time to prepare ones actions clearly before they assemble — & be ready to meet all attacks with answers.

Fat *Andronnikov* telephoned to Ania that *Khvostov* was very contented with his talk, & other amiabilities wh. I shan't repeat. — Have you any place for my letters? I write such volumes — Baby sweet gently began speaking again, whether you would take him back to the *Headquarters* & at the same time he feels sad to leave me. But you would be less lonely — for a bit at least, & if you intended to move & see the troops, I could come & fetch him. You have *Feodorov,* so he would only need Mr. Gilliard, & you could let still one of the aide de camp accompany him out motoring. He could have his French lessons every morning & drive with you in the afternoon — only he cant take walks — he could remain behind with the motor playing about. Have you a room near you, or he could share yr. bedroom. — But that you must think over quietly. — Our Friend always wires about *Pokrov* — I am sure Oct. 1-st. will bring some particular blessing, & the Virgin help you. To-morrow its four weeks that you left us — shall we really have the intense joy of getting you back by Wednesday? Ania is mad with joy. I carry it in me. And, alas, you will have more disagreable than pleasant things to do; — but what a joy to hold you again in my arms, caress you kiss & feel your warmth & love I so long for. You don't know h o w I miss you, my Angel Dear.

Now my letter must be sent off. — God bless you. Goodbye my own sweet Nicky dear, my husband, my joy & light, the sunshine & peace of my life. I bless & kiss you over and over again. —

Ever yr. very own tenderly loving old wife

Alix.

P. S.

How are the foreigners? Is the nice young Irishman still there,? — Messages to the old man & *N. P.* Nini is now here again, reasonable & clever & still in despair at her husband's behaviour last month & anxious how is behaving now & hopes he tells you things rightly & honestly. Don't you tell him this Lovy. —

All the children kiss you. Baby bakes potatoes & apples in the garden. The girls went to hospitals.

Why Boris is again here, I do not know. —

Frolov was in despair. All abused him for allowing the articles about our Friend, tho' it was *Stcherbatov's* fault & was watching now carefully to avoid anything again, & now he has been changed. *Khvostov* also has ideas about the press. You will think, that I have now got a »tail« growing. — *Gadon* does great harm to our Friend speaking horrors about him wherever & whenever he can. —

1000 thanks for the well written cuting about the *general situation.* This morning's papers with the news fr. the *Headquarters* pleased me, not dry & explaining the situation so well to all readers. —

No. 127.

Tsarskoje Selo, Sept. 19-th 1915

My own sweet Darling,

To-day its four weeks you left us, it was a Saturday evening — Aug. 22-nd. Thank God we may hope to see you soon back again, in our midst — oh what a joy that will be!

Grey & rainy again. —

Thanks for having at once answered me about *Yussupov,* I directly telegraphed it on to Ella, it will quieten her. —

I am glad *Vorontzov's escorts* were so nice. How will it all be there now — that nest collecting again together — & *Stana* has taken there *Krupensky's* wife as her lady — her husband did the most harm in the talking set at the old *Headquarters* — & is not a good man. One must have an eye on their behaviour the whole time, they are a dangerous foe now — & as not being good people, our Friend ends your telegr.: »*In the Caucasus there is little sunshine*«. — It hurts one that he should have changed so, but those women turn their husbands round their fingers. —

I see Ducky has been to Minsk to visit hospitals & *refugees!* Boris is coming to tea. — I placed my candles at *Znamenia* & prayed so earnestly

for my Love. Then I went to our hospital & sat knitting in the different wards — I take my work so as to keep from being in the *dressing station,* wh. always draws me there. I only did one officer. — In the morning I finished Rost. papers, wh. I could not get done with before, tho' I read till 2 in the night in bed. —

I saw Dr. *Pantiukhin* fr. *Livadia* & we spoke about all the hospitals, sanatoriums, wh. he hopes can begin their work in Jan., it will be a great boon when they are ready. —

We drove to *Pavlovsk,* mild, fr. time to time rained. —

Boris told me about his new nomination, wh. has overjoyed him I think, as he will have a lot to do — then I had Isa with papers. At 7 I shall go to Church with Baby. *Grabbe* wrote to his wife that the ministers' sitting had been *stormy* & that they wont do as you bid, but that you had been very energetic, a real *Tsar* — & I was so proud when Ania told me this — ah Lovy, do you feel yr. own strength & wisdom now, that you are yr. own master & will be energetic, decisive & not let yourself be imposed upon by others. — I liked the way Boris spoke of you & the great change in the *Headquarters,* & how one always gets news there now from all sides, & how cheerful you are.

God be blessed — our Friend was right. — I had a wire fr. my *Vesselovsky,* that he is ill & had to go from the regiment to look after his health. — Perhaps you are in Church at the same time as we are, that will be a nice feeling. — My *supply* train No. 1 is at *Rovno* & fr. there goes out & with a motor column, wh. a Prince *Abamelek* (fr. Odessa) formed & gave me (he is with it) they take things linnen etc. along the whole front — & they continued without harm under heavy firing — I am so glad *Mekk* wired fr. *Vinnitsa* where my big *store* is. — *Varnava* has left for *Tobolsk,* our Friend said we were to send him back. The old man said he was no more to show himself at the *Synod.* One anounces *Samarin's* return fr. th. *Headquarters* & that he at once began the work about *Varnava* & that he must be *dismissed.* Please forbid this if it is true & should reach you. — I must end now & dress for Church. Every evening fr. 9—9½ Marie, Baby, I and either *Mr. Gillard* or *Vladimir Nikolaievitch* play »*Tishe Yedesh, Dalshe Budesh.*« — Dinner is very cosy in the middle of the playroom. — Goodnight my beloved One, God bless and protect you guard & guide you & I cover you with kisses.

Ever, Nicky, mine yr. very own loving

Wify.

I see the French people Monday at 4½, as they lunch at *Elagin.* Its such scandle — no flower to be had in town nor here — people stand in long files in the streets before the shops.

Abominably organised, Obolensky is an idiot — one must foresee the things — not wait till they happen. —

No. 128.

Tsarskoje Selo, Sept. 20-th 1915

My own beloved Darling,

I read the papers this morning with much interest — the promised explanation of our position at the war, clearly put & the work of a month that you are there keeping the enemy at bay. —

A grey, rainy morning again but not cold. — This afternoon we have a *Te Deum* in the red cross & then I give the diplomas to the ladies who have finished their courses as nurses & received the red cross. We are always in need of nurses, many get tired, ill, or wish to go out to the *front positions* to receive medals. The work here is monotonous and continual — out there, there is more excitement, constant change, even danger, uncertainty & not always much work to be done; certainly it is far more tempting. One of our Trepov's daughters worked nearly a year in our Invalid's hospital — but after her Mother's death she always felt restless, so off she went — & has already received the medal on the St. George's ribbon. — I send you a letter from *Bulatovitch* he sent you through Ania & a summary of her talk with *Beletzky* — that does indeed seem a man who could be most useful to the minister of the Interior, as he knows everything — *Dzhunkovsky* eat him out; just when one needs to have all the threads in hand. He says everywhere one complains of *Stcherbatov's* inactivity & not understanding of his work & duties. Has very bad opinion of fat Orlov & feels sure that my long lost letter from the Standart in C.(rimea) to Ania in the country is in Orlov's hands. Says *Dzhunkovsky* gave over those filthy papers about our Friend to *Maklakov's* brother, as they intend bringing up that question in the *Duma* & papers. — But God grant, if you find *Khvostov* suitable, he will put a stop to all.

Luckily he is still here & even went to *Goremykin* to place all his ideas before the old man. *Andronnikov* gave Ania his word of honour, that nobody shall know, that *Khvostov* comes to Ania (she sees him in her house, not in the palace) or *Beletzky,* so that her & my name will remain out of this. — Alas *Gadon* & *Sherv.* seem to spread very many bad things about *Gregory,* as *Dzhunkovsky's* friend of course — & knowing poor Ella's ideas & wishing to help — thus he does mischief — before others' eyes sets *Elagin* against *Tsarskoje Selo* & that is bad & wrong — & its he who ennervates *Xenia* & Motherdear, instead of keeping them up bravely & squashing gossip.

It was with deepest joy that I received your precious, tender letter — your warm words did my yearning heart good. Yes, my treasure, separation draws one yet closer together — one feels so greatly what one misses — & letters are a great consolation. Indeed he foretold most accurately the length of time you would remain out there. Still I am sure you long to have more contact with the troops, & I shall be glad for you when you will be able to move a bit. Of course this month was too serious — you had to get into your work & plans with Alexeiev & the time has been such an anxious out there — but now thank God, all seems going satisfactorily.

Tell *Grabbe* I am delighted with his proposition — *Viltchkovsky* wanted the new barracks badly & wrote I believe to him & *Voyeikov* about it — I said I could say nothing until you came. Long ago I had my eye upon it — but discreetly held my tongue — now I can only say I am enchanted — it is near the station — so big & lofty & clean, brand new & we have an *red cross station* waiting to be placed. Thank him very much from me. — The old man has asked to see me at 6 to-morrow, probably to give over things to you, or to tell about *Khvostov's* talk. — It will be interesting what he will tell about the sitting at *Moghilev*. What a beautiful telegram from our Friend & what courage it gives you to act firmly. — Certainly, as soon as *Samarin* goes, one must clear out the members of the *Synod* and get others in. Our Friend's wife came, Ania saw her — so sad & says he suffers awfully through calumnies & vile things one writes about him — high time to stop all that — *Khvostov* & *Beletzky* are men to do that. — Only one must get the 2 *Khvostov* to work well together — all must unite. But about *Sazonov* what do you think, I wonder? I believe, as he is a very good & honest (but obstinate) man, that when he sees a new collection of Ministers who are energetic, he may draw himself up & become once more a man — the atmosphere around him cought hold of him & cretinised him. There are men who become marvels in time of anxiety & great difficulties — & others show a pittiful side of their nature. *Sazonov* needs a good stimulant — & once he sees things »working well« instead of fomenting & at the same time dropping to pieces — he will feel his backbone grow. I cant believe he is as harmful as *Stcherbatov* & *Samarin* or even my friend *Krivoshein* — what has happened to him? I am bitterly disappointed in him. Lovy, if you have an occasion in the train, speak to *N. P.* & make him understand, that you are glad to make use of me. He wrote to me once very upset that one mentions my name so much & that *Goremykin* sees me etc. & he does not understand that its my duty, tho' I am a woman, to help you when & where I can, once you are away, all the more so. Don't say I mentioned it, but bring the conversation onto that topic à deux. He has a cousin's husband in the *Duma* & perhaps he sometimes tries not rightly to tell him things or influence him. He told Axel Pistolkors that I give officers *Gregory* prayer belts — such rot, one loves those belts with different prayers & I give them to every officer that leaves to the war fr. here — & two whom I never saw begged for them fr. me with a prayer to *Father Seraphim*. — One told me that those soldiers that wore them in the last war were not killed.

I see *N. P.* so rarely to talk to longer, & he is so young & I always lead him all these years — & now he suddenly comes into quite a new life — sees what hard times we are going through & trembles for us. He longs to help & of course does not know how to. I fear *Petrograd* will fill his ears with horrors — please tell him not to heed what one says, because it can make one wild — & nasty ones drag my name about a good deal. —

We were in Church this morning, later drove & after the red Cross called on *Silaiev.* — His wife is so like her son *Raftopulo,* too amusing — their little Children are sweet. Now our 5 chicks are at Ania's in the big palace, playing with *Rita Khitrovo* & *Irina Tolstaya.* —

What intense joy — on three days, God grant, we shall have you back again — its too beautiful. My love, my joy, I await you with such eagerness.

Goodbye, Sweetheart, I bless & kiss you without end with deep & true devotion, better, better, every day. Sleep well, agooweeone. — I shall still write to-morrow, if a man goes to meet you, as may have something to tell after my talk with *Goremykin.*

Ever, precious Nicky mine, yr. own, tenderly loving old wife

Alix.

No. 129.

Tsarskoje Selo, October 1-st 1915

My own Beloved,

You will read these lines when the train has already carried you from us. This time you can part with a quieter heart, things, God blessed, are going better — exteriorly as interiorly our Friend is here to bless your journey. The holy feast of *Pokrov* may it shed its blessings upon our troops and bring us victories and the holy Virgin spread her *mantle* over your whole country. —

Its always the same pain to see you leave & now Baby too for the first time in his life, its not easy, its awfully hard. But for you I rejoice, at least you wont be quite alone & wont agoo wee one be proud to travel with you without any of us women near him. Quite a big boy. I am sure the troops will rejoice, when the news reaches them that he is with you — our officers in the hospital were enchanted. If you see troops beyond *Pskov,* please, take him also in the motor, — awfully much hope you can see some no matter how few, but it will already create joy & contentement. Wire a word from *Pskov* about your plans, so that I can follow you in thoughts & prayers.

Lovy my Soul! Oh how hard it is to let you go each time, tho' now I have got the hope to see you soon, but it will make you sad as I come to fetch Alexei — but not before 10 days, I suppose. —

Its so lonely without Your caresses wh. mean everything to me — ah how me loves oo, »better better every day, with unending true devotion, deeper than I can say«. But these days have been awfully tiring for you & the last evening we could not even spend quietly together — its sad. — See that Tiny does not tire himself on the stairs, I regret that he does not sleep near you in the train — but at *Moghilew* it will be cosy — *it is not neccesary* — even, too touching & sweet. I hope you will like my

photo of Baby in the frame. *Derevenko* has got our presents for Baby — the tipe writing mashene he gets here & a big game when he returns — a bag in train. You will give him some writing paper & a silver bowl to have near his bed when he eats fruits in the evening, instead of a china saucer. — Ask him from time to time whether he says his prayers properly, please Deary. — Sweet One, I love you & wish I could never be parted from you & share everything with you. — Oh the joy it was having you here, my Sunshine, I shall feed on the remembrances. — Sleep well huzy, wify is ever near you, with & in you. When you remember the picture books think of old wify for ever & ever. —

God bless you & protect you, guard & guide you.

Ever Your very own old

Sunny.

I bless you.

I kiss & caress every tenderly beloved place & gaze into your deep, sweet eyes wh. long ago conquered me completely.

Love ever grows. —

No. 130.

Tsarskoje Selo, Oct. 1-st 1915

Sweet precious One,

It seems a messenger leaves this evening, so I profit to send you a word. Well there we are again separated — but I hope it will be easier for you whilst Sunbeam is near you — he will bring life into your house & cheer you up. How happy he was to go, with what excitement he has been awaiting this great moment to travel with you alone. I was afraid he might be sad, as when we left for the south to meet you in Dec. he cried at the station, but no, he was happy. Tatiana & I felt very hard to be brave — you dont know what it is to be without you & the wee one. I just looked at my little book & saw with despair that I shall . . . the 10-th . . . to travel & inspect hospitals the two first days I really cant, as otherwise shall get again one of my raging headaches — is it not too stupid! —

We drove this afternoon to *Pavlovsk* — the air was very autumnal — then we went into *Znamenia* & placed candles & I prayed hard for my darlings. Hereafter Ania read to me. After tea I saw Isa & then I went to the poor boy he has changed, a good deal since yesterday. I stroked his head a while & then he woke up — I said you & *Alexei* sent messages wh. delighted him & he thanked so much — then went to sleep again — that was the first time he had spoken to-day. My consolation when I feel very down & wretched is to go to the very ill & try & bring them a ray of light & love — so much suffering one has to go through in this year, it wears one out.

So *Kira* went with you, thats good & just — may he only not be stupid & sleep. Do so hope you can manage to see some troops to-morrow. Sweet Huzy mine, I kiss & bless you without end & long for your caresses — the heart is so heavy. God be with you & help you evermore. Very tenderest, fondest kisses, sweet Beloved, fr. yr. very own

Wify.

Sleep well, dream of old Sunny. —

I hope Paul will be allright & not fidgety. Did the little Admiral answer you?

No. 131.

Tsarskoje Selo, Oct. 2-th 1915

My own beloved Sweetheart,

Goodmorning my precious ones, how did you sleep, I wonder! I did not very well its always so when you are away, Lovy mine. So strange to read in the papers, that you & Baby have left for the front. I am sure you felt cosy sitting & playing with Baby, not this perpetual loneliness; for *N. P.* I too am glad, as he feels lonely there often, none are such particular friends, tho' he likes most of them & they get on splendidly but he misses us all — & now Alexei being there, it will warm him up & he will feel you nearer to him too. Mr. Gillard will enjoy all & he can speak with the French. — You did have such hard work here, that I am glad it is over now, more or less, & you see the troops to-day!

Oh, how pleased I am, the heart of a soldier's daughter & soldier's wife rejoices for you — & I wish I were with you to see the faces of those brave fellows when they see for whom & with whom they go out to fight. I hope you can take Alexei with you. — The impression will remain for his wole life & theirs.

Oh how I miss you both! The hour for his prayer, I must say I broke down, so hurried off into my room & said all his prayers in case he should forget to say them. — Please, ask him whether he remembers them daily. — What it will be to you when I fetch him! You must go off too somewhere, not to remain alone. — It seems to me as tho' you were already gone ages ago, such yearning after you — I miss you, my own Angel, more than I can say. — I went to A. this morning & took her to *Znamenia* & the big Palaces fr. whence she left for town, & I went to the poor boy — he had recognised nobody & not been able to speak, but me he did at once & even spoke a little. From there I went to our hospital. Two new officers have come. The one poor fellow has the ball or splinter in his eye — the other deep in his lungs & a *fragment* probably in the stomach — he has such a strong internal *hemorrhage* wh. has completely pushed his heart to the right side so that one clearly sees it beat, hear his right niple. Its a very serious case, & probably he must be operated to-morrow — his pulse

is 140 & he is awfully weak, the eyeballs so yellow, the stomach blown up — it will be an anguishing operation. — After luncheon we received 4 new *Alexandrovtsi* just promoted going off to the war — 2 *Elisavetgradtsi* & 4 *Vosnesentsi?* — 4 wounded & *Arseniev's* son. Then we drove, eat a pear & apple — & went to the cemetry to have a look at our wee *temporary Church* for our dead heroes. From there to the big Palace to a *Te Deum* before the Image of the Virgin, wh. I had told them to bring fr. *Znamenia* it passed through all the wards — it was nice. —

After tea I saw *Russin* & gave him letters for Victoria & Toria — then *Ressin* about our journey — only what date to settle, because of *Bekker,* wh. spoils everything. — Got your telegram at 5½ & we all enjoyed it, thank God you saw the troops, but you do not mention whether — Tiny accompanied you. — Wont you let the soldiers, wh. stand now at *Moghilev,* show you some exercises & then they can see Baby. His having gone to the army will also bring its blessing our Friend told Ania; even agoo wee one helps. He is furious with the way people go on in Moscou. — There, the Pss. of the Palace has already sent her first perfumed letter so I forward it to you. Personally I think she ought not to ask for him — what wld. it look like, both Paul's sons living lazily, comfortably at the *Headquarters,* whilst their comrades shed their blood as heroes.

I shall send you the boy's pretty verses to-morrow. If I were you, I should tell Paul about this letter, even show it to him, & explain that its too early to call him back — its bad enough one son not being out at the front & it would harm the boy in the regiment, I assure you; — after a bit of service he can be perhaps given a place as *courier* of one of the Generals, but not yet, I find. I understand her Mother's heart bleeding — but she must not spoil the boy's career — dont speak to Dmitri about it. — I must now write to Miechen & Aunt Olga, so to speak to invite them to the consecration of our microscopic Church — officially I cant, as the Church is too small, but if I don't, Miechen is sure to be offended. The Pavlovsk family (ladies) I must then too, as their soldiers are buried on our ground. —

Goodbye my Love, sweetest One, Beloved — I bless & kiss you without end.

Ever yr. very own old Wify.

Khvostov has asked to see me after the 5-th. —

No. 132.

Tsarskoje Selo, Oct. 3-rd 1915

My own beloved Darling,

A gloriously bright, sunny day — 2 degr. of frost in the night. What a pitty, nothing is written in the papers about your having seen the troops — I hope it will appear to-morrow. It is necessary to print all such things without mentioning of course what troops you saw. - Am eagerly awaiting details how it all was.

So silly, in Moscou they want to give *Samarin* an address when he returns fr. the country — it seems that horror *Vostokov* has sent him a telegram in the name of his two »*flocks*«, *Moscou* & *Kolomna* — so the dear little *Makari* wrote to the *Consistory* to insist upon a copy of *Vostokov's* telegram to *Samarin* & to know what gave him the right to forward such a telegr. — how good, if the little Metropolitan can get rid of *Vostokov*, its high time, he does endless harm & its he who leads *Samarin*. Moscou is in a rotten state, but God grant nothing at all will be — but they need feeling yr. displeasure. — Sweetheart, me misses you very, very much, I want your kisses, I want to hear your dear voice & gaze into your eyes. —

Thanks ever so much for yr. telegram — well Baby must have been pleased that he was present at the review. How cosy yr. beds must be in the same room. And a nice drive too. — I always give over by telephone all you write to *Vladimir Nikolaievitch*.

This morning I went in to the little Boy — he is fast sinking & the quiet end may come this evening. — I spoke with his poor mother & she was so brave & understood all so rightly.

Then we worked in the hospital & *Vladimir Nikolaievitch* made an injection to the new officer — probably to-morrow will be the operation.

Pss. Gedroitz has 39 & feels so ill — *eresypelis* in the head one fears, so she begged *Derevenko* to replace her for serious operations. *Nastinka* lunched, then I received generals *Prince Tumanov, Pavlov,* Benkendorf, Isa. The inauguration of the Winter-Palace hospital can only be on the 10-th as the red cross has not brought the beds etc. yet — our part is done — so you see I better keep quiet after that ceremony (& Bekker no doubt) & the 11 & 12 — if so, then I would be at *Moghilev* 15-th morning at 9 if that suits you? Thats a Thursday, just 2 weeks fr. the day you left. You let me know. That means I am the 13-th at *Tver,* 14-th other places nearing you. — A lovely bright moon, its 10 minutes past 5 & becoming rather dark, we took tea after a drive to *Pavlovsk,* so cold — the little ones are trying on & the big ones have gone to clean the instruments in our hospital. At 6½ we go to the evening service in our new little Church. —

In the evening we see our Friend at Ania's to bid goodbye. He begs you very much to send a telegram to the King of Servia, as he is very anxious that Bulgaria will finish them off — so I enclose the paper again for you to use it for yr. telegram — the sense in yr. words & shorter of course reminding them of their Saints & so on. — Make Baby show you *Peter Vassilievitch* envelope, its sweet. I shall also address my letter separatly to him, he will feel prouder. *Derevenko* has got our presents for him & can arrange them in the bedroom before your dinner. — Wonder, how you will feast the *Convoy.*

Now I must end my letter, Sweetheart. God bless & protect you & the holy Virgin guard you from all harm. Every goodwish for our sweet Sunbeam's Namesday.

I kiss you without end & hold you tightly clasped to my old heart wh. yearns for you ever, Nicky sweet, yr. very own wify

Alix.

No. 133.

Tsarskoje Selo, Oct. 4th 1915

My own beloved Darling,

With all my heart I congratulate you with our sweet Child's Namesday — — He spends it quite like a little military man. I read the telegram our Friend sends him, its so pretty. You are in Church this evening, but I was feeling too tired, so went into *Znamenia* just now to place candles for my darling instead. — A glorious sunny day, zero in the morning, 3 at night. At 10 we went off to the Consecration of the dear little Church — last nights service was also very pretty — many sisters in their white headdress give such a picturesque aspect. Aunt Olga & we both were also as sisters, as its for our poor wounded, dead we pray for there. Miechen & Mavra & *Princess Palei* & many others were there. About 200 men of the *convalescent companys* stood round the church, so they saw the *procession with the cross.* — At 1 went to our hospital & *Vladimir Nikolaievitch* performed the operation wh. went off well — then we had dressings after wh. I went to see poor *Princess Gedroitz.* She had 40.5. temp., took Communion in the evening & felt calmer later — spoke about death & gave all her orders. To-day she suffers less, but its very serious still as descending towards the ear — *eresypeles.* But our Friend promised to pray for her. — Then we fetched Ania & drove to Pavlovsk, everything looked lovely, & to the cemetry as I wanted to put flowers on poor Orlov's grave — 7 years that he is dead!

After tea fr. *Znamenia* to the big palace to the poor boy. He recognised me, extraordinary, that he is still alive, poor child. Ania & *Lili Den* come to dinner. Yesterday we saw *Gregory* at Ania's — nice — Zina was there too — he spoke so well. He begged me to tell you, that it is not at all *clear* about the stamp money, the simple poeple cannot understand, we have enough coins & this may create disagreablinesses — I think me wants to tell the tail to speak to Bark about it. — One, of course, did not accept his wire to Baby, so I send it you to read to the tiny one, perhaps you will wire to me to thank. —

How do you find the news? I was so happy to get your telegram, Baby's & Mr. *G.'s* letters to-day — they warmed me up & I cld. picture all to myself. — So strange not to be with him on his Namesday. — His letter was sweet — I also write every day — probably with many faults too. — The big girls go in the evening to clean instruments. Its quite funny to have »*for the time being*« no affairs to write about, nor to bore you with. — Your bedroom is cosy? Did he sleep quietly & the creaking boards not disturb him? — Oh, I miss you both awfully. — Now goodbye my love, God bless you, protect you. I cover you with kisses my own Beloved, & remain yr. fondly loving very own

Sunny.

Sweety, I do not think it right that Zamoisky's wife is going to take appartments at the *Headquarters.* It was known her goings on at Varsovie with Boris, in the train, at the *Headquarters* & now in *Petrograd* — it will throw a bad

light on the *Headquarters*. - Fred. admires her so wont disapprove, but please, tell *Zamoisky* its better no ladies come to settle down at the *Headquarters*. Therefore I do not either. Ania kisses yr. hand & congratulates you with *Alexei*.

No. 134.

Tsarskoje Selo, 5-th Oct. 1915

My own Sweetheart,

Once more many happy returns of this dear day — God bless our precious Child in health & happiness. I am so glad that one at last printed that you had seen troop and what you said — otherwise none out at the front would be any the wiser, as before. — And every bit of your movements to the troops, when known, will yet more raise their spirits & all will hope for the same luck. —

Glorious, sunny, cold morning.

We went to Church at 10, then I changed & we worked at the hospital till 10 m. to 2. After luncheon I drove with the girls.

Miechen came to tea, was nice & cosy, is so delighted that Plotho has been set free — now he gets transported to Siberia, but its quite different. — She goes with her train now, Ducky returned with a terrible cough — so she wishes to go, as its not far nor long — well, lets hope no bombs will be thrown upon it. — We have just returned fr. a *funeral service* in the new Church — the little boy in the big palace died peacefully this night & in *Maria's* & Anastasia's hospital one died too — so both coffins stood there — I am so glad we have got that little Church there. — I received still several officers & feel now mighty tired, so excuse a short letter. — Lili *Den* was very handsome yesterday evening & dear.

How sweet that you say prayers with Baby, he wrote it to me, the treasure — his letters are delightful. — I am so grateful, that you told *Grigorovitch* to send me every evening the papers — I eagerly read & then return them after having sealed them myself. — Sweetheart, beloved Treasure, I wish I had wings so as to fly over to you & see how you both sleep in wee bedybys — & would love to tuck you up & cover you both with kisses — very »*not necessary*«. —

Ever, my Treasure, yr. very own, tenderly loving old

Wify.

God bless & protect you.

At night 2 & 3 degr. of frost, nevertheless I sleep with the *little window* open. — Its so empty — miss you both t e r r i b l y.

How does Paul get on? —

You may like to read *Putiatin's* letter, so I send it to you. —

No. 135.

Tsarskoje Selo, Oct. 6th 1915

My own beloved Treasure,

A cold foggy morning. Have read through the papers, thank God, the news continues being good. I was glad to see, that one already speaks of changing the stamp money, thats good. — P-ss *Gedroitz* is happily better, the temperature less high. —

We have just returned from town. The school is really charming — 4 stories high so I was carried up, the lift not being ready; a part of the necessary things are at *Archangelsk*. — Really the girls have made wonderful progress.

I went through all their work-rooms weaving, carpets, embroidery, paintings, where they prepare the dyes and dye the silk threads and stuffs they make out of blackberry. — Our priest officiated the Te Deum. *Bark, Khvostov, Volzhin* and *Krivoshein* etc. were there, the later offered us 24,000 *Rubles* for keeping up the school one year. — Then we took tea at *Elagin*, — she looks well and thinks of going for a tiny visit to *Kiev* to see Olga whilst Xenia is away, wh. I find an excellent idea. — In the morning, I had much to do in the hospital. — Sweety, why did *Dzhunkovsky* receive the »*Preobrasentsi*« and »*Semenovtsi*« — too much honour after his vile behaviour — it spoils the effect of the punishment — he ought to have got army regiments. He has been continuing horrors against our F r i e n d now amongst the nobility — the tail brings me the proofs to-morrow — ah no, thats f a r too kind already to have given him such a splendid nomination — can imagine the filth he will spread in those two regiments and all will believe him. — I am sending you a very fat letter from the Cow, the lovesick creature could not wait any longer, she must pour out her love otherwise she bursts. My back aches and I feel very tired and long for my own sweet One. One keeps up alright, but there are moments when it is very difficult. — When sanitary trains pass do you sometimes have a look to them? Have you gone over the house, where all the small people of your staff work, take Baby with you and that will be a thanks to them for their hard work and serve as an encouragement; have the different officers of yr. staff been invited to lunch on Sundays? — Has the English Admiral arrived yet? — There is so much to do, people to see etc. that I feel mighty tired and fill myself with medicins. How is your health my Beloved? — Are no troops for you to see near *Orsha?* or *Vitebsk?* An afternoon you might give up to that? — You think me a bore but I long for you to see more troops and I am sure young soldiers pass by on their way to fill up regiments — they might march pass you at the station and they will be happy. You know our people often have the false idea of not telling you, as it might prevent your habitual drive as tho' one could not often combine all quite well. — What does Paul do of an evening? And what have you settled about Dmitri? — Oh Deary, how I long for you yearn after you both its horrible how I miss you. But I am sure, all seems different now the little man is with you. Go and have the regiment drill before you and let Baby see it too it will be a nice remembrance for you both my sunshine and sunbeam. The letter must leave. — Good bye my very

own Huzy heart of my heart, soul of my life — I clasp you tight in my arms and kiss you with ever such great tenderness, gentleness and devotion. God bless and protect you and keep you from all harm. A thousand kisses fr. yr. own old

Wify.

No. 136.

Tsarskoje Selo, Oct. 7-th 1915

My very Own,

Sweetest Darling, I try to picture to myself how you sat answering congratulations. I also got from some of Baby's regiments (I collect his regimental ones for him during the war) & I answered that he was at the *Head-quarters,* as I was sure it would rejoice their hearts to know Father and Son together. — Since yesterday evening it gently snows, but scarcely any remains lying — does seem so early already to have real winter beginning.

Lovy Dear, I send you two stamps (money) fr. our Friend, to show you that already one of them is false. People are very discontented — such wee papers flie away, in the darkness they cheat the *cabmen* & its not a good thing — he entreats you to have it stopped at once. — That rotten Bulgaria, now we shall have them turning against us from the south, or do you think they will only turn against Servia & then Greece — its vile. Did you wire to old King Peter, our Friend wanted it so much.

Oh my love, its 20 m. to 8 & I am absolutely cretinised have heaps to say & don't know how to begin. — 10½—12½ operation, & gips being put on — 12 — 1 *Krivoshein,* we only spoke about the *home manufactures committee* how to arrange it, whom to invite etc. Girls came late to lunch, had to choose cloaks for them, received officers — *Bark* for ½ hour, then to big palace. Then got yr. precious letter for wh. I thank you without end, you sweet One — I loved to get it & have reread it & kissed it & Tiny's too. — Our Friend is rather anxious about *Riga,* are you too? —

I spoke to Bark about the stamps — he also found the stamps wrong, wants to get the Japanese to make coins for us — & then to have the paper-money, instead of wee stamps, like the Italian lire, wh. is then really paper-money. —

He was very interesting. Then Mme Zizi, then young Lady Sibyl de Grey, who has come to arrange the English Hospital & Malcolm (whom I knew before, was at Mossy's Wedding, our Coronation as a fair curly young man in a kilt), both remained 20 minutes each.

Then Khvostov till this minute & my head buzzes from everything.

As remplacant of *Dzhunkovsky* for the Gendarmes he thought *Tatistchev* (Zizi's son in law) might do, discrete & a real gentleman — only then he ought to wear a uniform — you gave Obolensky one again & *Kurlov* & Prince Obolensky general governor of Finland — he asked me to tell

you this beforehand so as that you should think whether it would suit you. He wishes to ask to be received next week by you & he told me the different questions he will touch.

To-morrow I'll try & write more, when can calmly shape all into words — I am too idiotical this evening. — Our Friend was very contented with yr. *decree* about Bulgaria, found it well worded. —

I must then end now. Thanks again over & over for yr. sweetest letter, beloved Angel. I can see you & the wee one in the morning & be talking to you whilst you half sleep. Bad Boy wrote today: *Papa made smells much and long this morning.* Too noughty!

Oh my Angels how I love you — but you will miss him shockingly later.

Just got your telegram. What news Deary, I long to have some, it seems very difficult again, does it not?

Goodbye my Sun, I cover you with fond kisses. Bless you my Love.

Ever yr very own old

Sunny.

No. 137.

Tsarskoje Selo, Oct. 8-th 1915

My very own Love,

A grey and dreary morning. You too have cold weather, I see, its sad, as winter is so endless. — I am glad tiny behaves well, but I hope his presence does not prevent you from seeing troops or anything like that. Am I a bore, always mentioning that? Only I have such a longing you should go about & see more & be seen. Do not reserve regiments stand at Vitebsk, or are only the horses kept there? Baby writes such amusing letters & everything that passes through his head. — Does he speak with the foreigners, or has he not the courage? — I am glad his *little lamp* does not keep you from sleeping. — Well, about the Tail. I spoke to him concerning flour, sugar, wh. are scarcely & butter, wh. is lacking now in *Petrograd* when cars full are sticking in Siberia. He says its *Rukhlov* this all concerns, he has to see & give the order to let the waggons pass. Instead of all these necessary products, waggons with flowers & fruit pass wh. really is a shame. The dear man is old — he ought to have gone himself to inspect all & set things working properly — its really a crying shame, & one feels humiliated before the strangers that such disorder should exist. Could you not choose somebody & send him to revise it all & oblige those to work properly out there at the places where the waggons stand & the things rot. *Khvostov* mentioned *Gurko* as a man to send and inspect as he is very energetic & quick about all — but do you like such a type? Its true he was unjustly treated by *Stolypin* but some energetic means ought to be taken. — I wrote to you about *Tatistchev* for the gendarmes only I forgot to tell *Khvostov*

that he is terribly against our Friend, so he ought to speak to him upon that subject first, I think. — Fancy, how disgusting, the warministery has its own detective work to look out for spies, and now they spie upon *Khvostov* & have found out where he goes & whom he sees & the poor man is very much upset by it. He cannot make a row, as he found it out through a clerk (?), I think, who told him all about it, his *Uncle* also had heard things wh. came from the side of *Polivanov* — the latter continues being *Gutchkov's* friend & therefore they can harm *Khvostov*. One must have a firm watch over *Polivanov*. — *Bark* also dislikes him & gave him a smacking answer the other day. But perhaps you are satisfied with *Polivanov's* work, for the war. In any case when you find he needs changing, there is *Beliaiev* his aide, whom everybody praises as such a clever, thorough worker and real gentleman & utterly devoted to you. — All the papers against our Friend, kept in the ministery of the Interior, *Dzhunkovsky*, took copies of (he had no right to) & showed them right & left at Moscou amongst the nobility — after he was changed. — Once more Paul's wife repeated to Ania that *Dzhunkovsky* gave his word that you had given him in winter the order to have *Gregory* severely judged — he said it to Paul & his wife & repeated it to Dmitri & many others in town. I call that dishonesty, unloyalty to the higest extreme & a man who deserves no recompenses or high nominations. Such a man will continue unscrupilously doing harm & speaking against our Friend in the regiments. *Gregory* says he can never bring luck in his work, the same as *Nikolasha*, as they went against him, — against you. — What a delightful surprise, your dear letter was brought me so early — I thank you for it over & over again my Sweetheart. That is right, Dear, that you have at once ordered those 3 generals who were at fault, to be changed; such measures will be lessons to the rest & they will pay more attention to their actions. I wonder who the 3 are. —

But God grant *Riga* wont be taken, they have enough.

What an idiot I was to wrongly number your letters, please correct the fault. Tiny does love digging & working as he is so strong, & forgets that he must be careful — only watch he should now not use it — wet weather can make it ache more. I am glad he is so little shy, that is a great thing. — I am not going to the hospital this morning & shall only get up for luncheon, because my back continues aching & I feel very tired, but must still go to town, its necessary, as people are so very unfriendly & misjudge one — then one must just show oneself, tho' its tiring.— I am astonished the little Admiral did not answer yr. letter — I think a change of air will do him & his wife good; A. went to see them, as I begged her to — at first he was stiff — he had not seen her for a year & never enquired after her when she had the accident, but afterwards he got alright, talked a lot about the *Headquarters* & the good change since you are at the head.

Well, I am tired. In town I received the Baroness Uxcull of the Kaufmans hospital — it is the first time I saw her & we had a charming talk. She is very fond of our Friend. Then I went with the 2 little ones to Css. Hendrikov, whom I had not seen for a year — it was indeed »fatiguing«

with her, poor soul. — Then the big girls joined us and we went to the *Noblemen's assembly*. — By chance I fell upon a day when they were all assembled at a sitting — *well, let them,* perhaps all the better & will make them amiable. —

We had tea in the train. Upon our return I found yr. sweet telegram for wh. tenderest thanks — how glad I am that our attack near *Baranovitchi* was successful. — Ella wired that my Grodno hospital with Mme *Kaygorodova* has settled down at Moscou, in a nice, new house. —

Then I received *Volzhin* with whom I talked for 3/4 of an hour; he made me a p e r f e c t impression, God grant all his good intentions may be successful & he have the strength to bring them into life — he indeed seems the right man in the right place, very glad to work with energetic young Khvostov. — In going away he asked me to bless him, wh. touched me very much — one sees he is full of best intentions & understands the needs of our church perfectly well. How awfully difficult it was to find the right man — & you got him I think. — We touched all the most vital questions of our Priesthood *refugees Synod* etc. — Günst comes at 9 to say goodbye, she is going to *Bielgorod* to join her mother. —

Now Lovebird I must send off my letter. God bless & protect you & keep you from all harm. I kiss you my both Treasures over & over again.

Ever yr. very own old

Wify.

I send you some of the postcards I ordered to have made, they cost 3 *kopeeks* & are sold for 5, so *Massalov* proposes I should use the money for some charity organisation & it must be printed on the back, so I shall think out for what. —

No. 138.

Tsarskoje Selo, Oct. 9-th 1915

My own precious One,

It is snowing — the men were cutting the grass this morning & raking it away under the falling snow, I wonder why they waited so long. — Well, I have had again a day. The morning I had *Rostovtzev's* papers to read till 11, then dressed, went to *Znamenia* called on Ania & at 12 was at hospital till 1. *Mordvinov* lunched with us, then I had Prince Galitzin, Rauchfuss, had to see about coats — then Ania came & read to me (as I cant talk the whole time), the head is so tired as so many things to remember — *caviar,* wine, postcards to the hospital — our prisoners — Babies etc. Then Ania has heaps to tell after all her conversations & her humour today is not famous (as I go away). Then after tea officers, *Duvan* fr. *Eupatoria,* again papers & lots more people to see before leaving & all must be fitted in. Our Friend is with her, & we shall probably go there in the evening — he puts her out by saying she will probably never really walk again, poor child, better not to tell her with her caracter. —

I am going to see *Zhevakha* to-morrow — to hear all about the Image, it will be interesting to hear all — it would be good to draw him to the *Synod* as worker. — I wonder how Baby's arm is — he so easily overtires it, being such a strong child & wanting to do everything like the others — you know Lovy, I think I must bring Marie & Anastasia too, it would be too sad to leave them all alone behind. I shall only tell them on Monday morning, as they love surprises. — Mme Zizi wants to come as far as *Tver* as its her old town & she knows everybody, so she can be of much help to us. — Lovy, wont you go to *Vitebsk* with Baby, before we come, so as to see the army-corps wh. stands there, its interesting to see, *Mordvinov* says — or let us all go there together & from there you leave to the south somewhere to *Ivanov*. Think that over — it would be awfully interesting to see the troops, only 2 versts from Vitebsk by motor — our Friend always wanted me also to see troops, since last year till now he speaks of it — that it would also bring them luck. You speak it over with *Voyeikov* & let us go all together. We arrive 15th morning at 9, I think & then you say for one or 2 days. — What intense joy to meet again, I do miss you both so dreadfully! Yesterday it was a week you left us, our precious sunny ones! —

Beletzky presents himself to-morrow. It seems he spoke very energetically to *Polivanov* & told him, that he knows his detectives work & spy & so do his watch, & that rather upset him. *Mordvinov* was full of best impressions of all he had seen — oh what good it does being out there, far from these grey, nasty, gossiping towns. —

Forgive my bad writing, but I am as usual in a hurry. — Shall see our Friend this evening at 9 at her house.

Sweetheart, how are things working near Riga, who are the 3 generals you cleared out? —

I cannot imagine what *Nikolasha* does, now he has taken *Istomin* (who hates *Gregory)* who was *Samarin's* aide, as the chief of his chancellery.

Miechen is off with her train. *Igor* returned very ill, inflammation of the lungs & pleurisie — now he is out of danger, poor boy — he lies in the Marble palace — what bad health they all of them have, I pitty poor Mavra.

Now my Sunshine I must end. My longing is great for you & I eagerly count the days that remain still. God bless & protect you, guard & guide you now and ever. I cover you with tender kisses, my Treasure, & remain yr. fondly loving very Own.

I send you some flowers again. — I always kiss & bless your cushion morning & evening.

No. 139.

Tsarskoje Selo, Oct. 10-th 1915

My own beloved Darling,

Snowing and one degree of frost and grey; but still I slept with an open *window.* — What a lot of prisoners we have made against, but how is the

news near *Riga,* that point disturbs one. — Our Friend, whom we saw last night, is otherwise quiet about the war, now another subject worries him very much and he spoke scarcely about anything else for two hours. It is this that you must give an order that waggons with *flour,* butter and sugar should be obliged to pass. He saw the whole thing in the night like a vision, all the towns, railway lines etc. its difficult to give over fr. his words, but he says it is very serious and that then we shall have no *strikes.* Only for such an organisation somebody ought to be sent from you. He wishes me to speak to you about all this v e r y earnestly, severely even, and the girls are to help, therefore I already write about it beforehand for you to get accustomed to the idea. He would propose 3 days no other trains should go except these with flour, butter and sugar — its even more necessary than meat or amunition just now. He counts that with 40 old soldiers one could load in an hour a train, send one after the other, but not all to one place, but to *Petrograd* — Moscou — and stop some waggons at different places, by lines and have them by degrees brought on — not all to one place, that also would be bad, but to different stations, different buildings — if passenger trains only very few would be allowed and instead of all 4 classes these days hang on waggons with flour or butter fr. Siberia. The lines are less filled there coming towards the west and the discontentment will be intense, if the things dont move. People will scream and say its impossible, frighten you, if can be done and »will hark« as he says — but its necessary and t h o ' a r i s k , essential. In three days one could bring enough for v e r y many months. It may seem strange how I write it, but if one goes into the thought — one sees the truth of it. After all one can do anything, and one must give the order beforehand about these three days, like for a lottery or collect — so that all can arrange themselves good — now it must be done and quickly. Only you ought to choose an energetic man to go to Siberia to the big line and he can have some others who will watch at the big stations and embranchments and see the thing works properly, without unnecessary stoppages. I suppose you will see *Khvostov* before me, therefore I write all. He told me to speak it to *Beletzky* and to morrow to the old man, so as that they should think about it quicker. *Khvostov* says its Rukhlov's fault, as he is old and does not go himself to see what is going on, therefore if you send somebody quite else to see to the thing, it would be good. — If one looks at the map; one sees the branching off lines and from *Viatka.* Also one ought to get sugar from *Kiev.* — But especially the flower and butter wh. overflows in *Yalutersk* and other districts — old men, soldiers can be used as there are otherwise not enough men to pack up and load the waggons. — Make it spread like a notwork and push on them and fill up — there are sufficient waggons. — Well, p l e a s e , s e r i o u s l y think this over. — Now enough of this topic. — A. is very put out He wont let her go anywhere, *Bielgorod* for instance, whilst we are away — and when I encouraged her to go she found her house so cosy, that she did not wish to leave it; its always the same thing and it does not improve her mood and spoils ones pleasure when one rejoices to see you Darlings soon. — He finds it necessary to remain on here to watch how things are going, but if she

leaves then he will too, as he has nobody otherwise to help him. Yes, He blesses you for the arrangement of these waggons, trains. — Again I cannot go to the hospital, as have four people to receive before luncheon; and each will have a lot to talk about. At 2.20 we go to the *Winter Palace* for the opening of the hospital. — I take the 4 Girlies — Mother dear will be there too and heaps of people — if there is time I shall pass through the *Store*. At 6 I receive again — its madning. — In the train I must speak with *Ressin* about our journey. — I am so tired and M. Becker will be coming too. — Here we are back again from town. The hospital in the *Winter Palace* is really splendid — a marvel how quick all the works have been done — one does not know where one is with rooms made in rooms quite excellent, and the baths, any *amount* of them. You must come and see it some day, its certainly worth while seeing. From there we went to the *Store* right through. — *Beletzky* told me, that you are leaving to-day or to morrow for *Tchernigov, Kiev, Berditchev,* but *Voyeikov* only mentioned yr. name, therefore I wired about Baby, because he can remain in the train when necessary and appear too sometimes — the *more* you and he show yourselves together, the better it is and he does love it so, and our Friend is so happy about it; and so is your old Sunny when Sunbeam accompainies sunshine through the country. Wee God bless you, my Angels. — We think of leaving monday evening at 10½ — reaching *Tver* at 9—9½ and remaining there till 3 or 5 — the next morning, Wednesday at 8½ at *Velikia-Luki* for several hours — and in the evening 8½ at *Orsha* where we can see several establishments of *Tatiana's* committees — its too late to go on to *Moghilev* so shall spend the night there and be at 9½ at *Moghilev* Thursday morning. You will then tell us how long we are to remain. It will be such a joy! *Zhevakha* is charming and we had a thorough talk about every thing — he knows all Church questions and the clergy and Bishops à fond, so he would be good as a help to *Volzhin*. The latter spoke well at the *Synod* it seems. — *Beletzky* pleased me, another energetic man. — Now I have been talking to the American Mr. Hearte for 1 h. and 20 m. about our prisoners in Germany and Austria and he brought me photos I'll show you. He helps a lot now he goes again to visit the Germans and Austr. here. — Well my Sunshine, Goodbye and God bless you. If you see Olga kiss her tenderly from me — my prayers follow you everywhere so tenderly. —

Very tender kisses. Sweatheart fr., yr., own deeply endlessly loving old

Wify.

No. 140.

Tsarskoje Selo, Oct. 27-th 1915

My very own Sweetheart,

There off you are again my two treasures — God bless your journey & send His Angels to guard & guide you. May you only have beautiful impressions & everything go off well. What will the sea be like? Dress warmly

Lovy, its sure to be bitterly cold — may it only not be rough. — You will take Baby on some ships — but not out to sea & perhaps to the forts, depending how you find his health. I feel so much quieter for you knowing that precious child near you to warm & cheer you up with his bright spirit & by his tender presence. Its more than sad without you both. But we wont speak of that. — See that he dresses warm enough. — I wish the old man wld. stay at home — I find it a shame he goes with you as you will feel nervous on his account — but insist upon Feodorov being severe with him. — Give me news whenever you can, as shall anxiously follow your journey; I know you wont risk anything & remember what He said about Riga. — Sweet Angel, God bless & protect you — ever near & with you my own Sweets, its such pain every time & I am glad its in the evening at least, when one can go straight home to ones room.

Yr. warm caresses are my life & I always recall & remember them with infinite tenderness & gratitude. —

Sleep well, Lovebird — Holy Angels guard yr. slumber — tiny is near by to keep you warm & cheer you up. —

Ever yr. very own, endlessly loving

Wify.

No. 141.

Tsarskoje Selo, Oct. 28-th 1915

My own sweet One,

Such tender thoughts follow you both darlings everywhere. I am glad you saw so many troops, I did not think you would at Reval. How I wonder whether you will go on to *Riga & Dvinsk.* — So bitterly cold, but bright sunshine. Miss you both quite horribly, but feel much quieter for you as sunbeam is there to cheer you up & keep company. No need to motor with Fred. & *Voyeikov* now. Do have the old man always watched, our Fr. is afraid he may do something stupid before the troops. Let somebody follow & have an eye upon him. — A. gave me this paper for you — she forgot to tell it to me, probably not grasping what it would mean to us about Baby's health & the great weight lifted at last fr. ones shoulder after 11 years of constant anxiety & fright! —

Forgive me bothering you already with a paper, but Rostovtzev sent it to me — *Voyeikov* can send the answer to Rostovtzev — that would be best.

I was not long at the hospital as had much to read. We had *Valia,* Iza, Mr. Malcolm & Lady Sibyl Grey to lunch — they are such nice people (arranging the hospital in Ella's house — the operation room will be in the room of Ella's with the 3 lights wh. you used to watch). — Then I received our 3 sisters, who go to Austria & *Kazbek* my lancer. Please remember about *Kniazhevitch.* — Went straight to bed fr. the station, sad & lonely —

saw yr. sweet faces before me — my two St. George's treasures. — Goodbye Sweetheart! God bless & protect you now & ever. Cover you with kisses & yearn for yr. embrace.

Ever yr. very own old Sunny.

I wonder whether this goes to the *Headquarters* or *Pskov*, wh. wld. have been cleverest. — Am so glad I know now where & how you live & the drives, country around & Church — can follow you everywhere. All my love.

No. 142.

Tsarskoje Selo, Oct. 29-th 1915

My own beloved

I just received yr. wire from Venden, wh. came fr. 10—11.5, so now I suppose you are at Riga. All my thoughts and prayers surround you my darlings. How interesting all you saw at Reval — can imagine how enchanted the English submarines must have been that you inspected them — they know now for whom they are so valiantly fighting. The manufacteries and ship building yards are sure to work doubly hard and energetically now. Wonder whether Baby accompanied you and what you did with the old man. — Here too its a little bit warmer, 5 degree of frost and sunshine. I remain in bed till 12 as heart a little enlarged and aches as does my head (not too bad) since yesterday. Then I have several gentlemen to see with *Reports* and that is fatiguing when the head is tired. — I shall finish this later, as may have more to tell then. Sweety, again I come with a petition, wh. the widow Mme *Beliaieva* brought me to-day. — *Groten* came to *Ania* to-day, in despair to be without a place — he is well now and will go to the regiment to give it over and then he has to go to *Dvinsk* with *Reserves* — but perhaps you will think about getting him a nomination. His eldest officer got a regiment and now a brigade already. — I am quite ramolished after all the people I saw. Mlle Schneider was interesting and talked like a fountain — we just arranged with her to keep *Krivoshein* in the new *Home Manufactures* committee, as he can be most useful. Excuse such a beastly dull letter, but am incapable of writing a decent letter. I bless and kiss you over and over again — sad lonely nights and don't sleep very well. God be with you.

Ever yr. very own old Wify.

Remember about *Kniazhevitch*.

No. 143.

Tsarskoje Selo, Oct. 30. th 1915

My precious Darling,

It is thawing, raining and terribly dreary and dark this morning. Many thanks for last nights telegram again from *Venden*. I am happy you managed to go beyond Riga — it will be a consolation to the troops and make the

town inhabitants more reassured. — Was Baby excited to hear the distant shooting? How different your life is now, thank God, with nobody to keep you from traveling about and showing yourself to the soldiers. *Nikolasha* must now realise how false his ideas were and how much he personnally lost by never having shown himself anywhere. Old Mme *Beliaieva* told me yesterday, that she had a letter from her son yesterday from England (all 6 serve in the artillery). He is attached to Kitchener and has to see about our orders being executed there. — Georgie received him and spoke about you just that you are with the troops and *Kitchener* wont allow him to go wh. is a sure point. *Beliaiev* answered him, that here there is a great difference, we are fighting on our own territory wh. he would not be doing. This simple answer seemed to console him and *Kitchener* was very contented when *Beliaiev* repeated their conversation. I was sure it wld. torment Georgie — but he does visit the troops in France from time to time. —

Markosov is off to Sweden to meet Max etc. and speak over the questions of all the prisoners. M. just returned from *Tashkent* as he wanted to see how they were cared for there, and found 760 Austrians, officers, but only 15 intelligent people to look after them, to answer their questions etc. — I think he can be of use, as he is very just, wh. people are not inclined to be now. But one sends him without any instructions wh. is foolish, and its the business of the red cross who sends him to do so. — Thank goodness the *Epaulets* have been restored to the officers. — I hope, Deary, that as soon as you reach the *Headquarter* one will print in the papers where you have been and what you have seen. How does the old man get on? I hope Feodorov keeps an eye upon him and that he want gaffe before the foreigners. Strange at the *Headquarters* without us? The noisy girls not there. *Eristov* wrote to Ania, that you will be receiving a petition from *Molostvo's* widow, to receive a yearly substitute. It seems he left her scarcely a penny and she is in an awful dilemma. *He squandered his small capital sold his estate to his brother and the crumbs which remained will with difficulty cover the debts which were left after his death. Unfortunately the victims of an epidemic have not the same privileges as those who fell in Battle.* He is delighted that *Afrossimov* has been advanced as General, and in the suite, an honour to the regiment. — Would *Groten* have done for yr. lancers, how do you think? I had old *Shvedov* for 1/2 hour and I told him I shall go one day and see where the young men work. *Sazonov* is a nuisance — always jalousie de métier, but in my *Imperial academy of oriental sciences* we have to prepare good consuls who know the languages, religions, customs etc. of the east. — Isa lunched with us — then I received 3 young officers returning to the war after wh. we went to the big palace — the hospital exists since a year, so we had lots of groups taken. Later I received Joy Kantakuzen who talked a lot, her husband is delighted to command yr. curassiers. Then P-ss Galitzin of Smolna, then I read — A. went to town and returns only at 9 1/2 (with *Groten)* as they dine at Mme *Orlov's* in town. —

I do so wonder whether you reached the *Headquarters* to-day or went to *Dvinsk.* Sweet Angel, goodbye and God bless and keep you, endless passionate kisses fr. yr. old

Wify.

Massages to the old man and *N. P.*

No. 144.

Tsarskoje Selo, Oct. 31st 1915

Beloved One,

I am so glad that you saw the splendid troops at *Vitebsk* you have done a lot in these days — such joy Baby can accompany you everywhere. — Its grey thawing, raining; I remain at home as my heart more enlarged and don't feel very nice all these days. It had to come sooner or later as I had done so much and still a lot ahead to be done.

Olga only got up for a drive and now after tea she remains on the sopha and we shall dine upstairs — this is my treatment — she must lie more, as goes about so pale and wearily — the Arsenic injections will act quicker like that, you see. — All the snow has melted away.

I just heard through Rostovtzev that my lancer *Baron Tiesenhausen suddenly died on his post as a guard* — it seems to me very strange — he had no heart complaint. His young wife died this winter.

Our Fr. is happy you saw so much, says you walked all *in the clouds.* Isa lunched and bid us goodbye, she leaves to-morrow early fr. town for Copenhagen, to see her Father for 5 days, after 2 years' separation. —

Do you look at our names on the window sometimes! Paul is better but I think *Varavka* speaks of an operation wh. *Feodorov* dreaded on account of his heart. The wife says he cannot take any food, only a cup of tea. —

Alas, no Church for Olga and me — and I cannot go on Monday to the *Supreme Council,* it had to come, I had overtired myself — and I do so miss you my own Treasures. — Well Love, Goodbye and God bless you.

I cover you with tenderest kisses and remain yr. very own old

Sunny.

What is Greece up to? Does not sound very encouraging — hang those Balkans all. Now that idiotical Roumania, what will she do?

No. 145.

Tsarskoje Selo, Nov. 1st 1915

My own precious Darling,

I just got Baby's letter and enjoyed it thoroughly, he does write amusingly. What a pitty there was such rain and mud — but then at least the *Dvina* wont yet freeze.

Am so anxious about Roumania, if its true what *Vesselkin* wired *(Grigorovitch's* papers) that at *Rustchuk* one says Roumania has declared us war — I hope it is unfounded and that they only spread such news to please the Bulgarians. It would be horrid, as then Greece I fear will turn against us too. Oh, confound these Balkan countries. Russia has only been as an ever-loving helping mother to them and then they turn treacherously and fight her. — Really you never get out of worry and anxiety. —

I read the whole description of your journey in the papers — what a lot you did; and then Mr. *Gillard* explains all nicely. — Last night we dined upstairs in the corner room — horribly sad and empty without Sunbeam — I prayed in his room afterwards — no little bed! And then I remembered that where he is now he has another beloved Being lying near him. What a blessing that you can share all together, its so good for him to be your little companion it developes him quicker; — he is not too wild before guests, I hope. He writes so happy to be again at the *Headquarters*. — To-day I bid goodbye to my *Crimean, Gubariov, Vatchnadze* and *Botkin's* son, who all return to the front. The *Crimeans* all are anxious to reach the regiment as they are sent to the new front. — Grey, rainy weather. — The heart is better this morning, but does not feel nice, so I wont go out, nor to church, I must put myself to right again. — I send you a touching telegram from Alexei's *Georgians;* I answered them and said I should forward it to him — so perhaps you would thank them in his name again.

How did you find poor *Kanin,* not too bad I trust. Sister Olga wrote she is so happy in her work — Motherdear runs about all day in hospitals and finds Olgas especially cosy and nice. —

Beloved, I have popped into bed after seeing *Khvostov* who begged urgently to be received. Well, our good old Fred. had gaffed quite colossaly again, wh. shows that one must no more tell him anything serious or wh. is not to be repeated. *Khvostov* got a letter fr. (his former brother in law) *Drenteln* — he will bring it to you, for you to see in what terms it is written. He tells him that Fredericks sent for him and told him that he wishes to know why *Khvostov* judges *Dzhunkovsky* so unjustily etc. *Drenteln* furious, sees in it the result of that black force (one understands our Friend) and that he pities you and Russia if *Khvostov perverts* all *orders* in that way. — *Khvostov* told Fred. that one must beware of *Dzhunkovsky* because of his different actions, police etc. Moscou meeting of the nobility, making himself out as a martyr because of *Gregory* and so on, and finding that in the society and clubs one ought to pay attention to his talks — and not let him receive a nomination in the Caucasus. Oh, that awful gaffeur — now that runs the round of the »*Preobrazhensky*« reg. and the Governors excomerades and hinders *Khvostov* terribly. He begs you not to tell anything to Fredericks, who will make it yet worse, nor *Drenteln,* who will be furious that I saw the letter. Such an unfortunate affair and binds *Khvostov's* hands. The regiment is not, alas, famous and hates our Friend, so he hopes you will soon promote *Drenteln* — give him an army brigade, so as that he should not yet more influence the regiment. *Drenteln* writes that *Orlov* sent for

Dzhunkovsky (soit disant his brother being very ill) — *Nikolasha* proposed him to become *hetman of the Tersk troops* but *Dzhunkovsky* refused. According to »spied upon« correspondance *Nikolasha* intends proposing him to be his aide. For God's sake don't agree, otherwise we shall have the whole lot of evil doers brooding harm and mischief there. Give him any command in front rather, he is a dangerous man pretending to be a martyr.

I said in future *Khvostov* is to address himself to *Voyeikov* in stead of the old ramoli gaffeur — no its too, too bad. Tell it *Voyeikov* if he promises to hold his tongue until he has seen *Khvostov*. He begs you to receive him one of these days for affairs. He will send me his answer to *Drenteln*. — I begged him to well think it over, as many will read it, and he must still explain reasons wh. can be told. — Then as not enough waggons move, thought it wld. be good if you could at once send a senator *(Dm. Neidhardt)* who has often been — does not matter he has Miechen's committee and its not for long to make a revision about the coal in the chief place. Masses are heeped and must be moved on to the big towns and if you send him directly it wont be an offense to the new minister. He does not know *Trepov*, many are against him as being a very weak and not energetic man. Our Friend is very grieved at his nomination as He knows he is very against him, his daughter told it to *Gregory* and he is sad you did not ask his advice. I too regret the nomination, I think I told you so he is not a sympathetic man — I know him rather well. His daughters were cragg and tried to poison themselves some years ago. The *Kiev* brother is far better. Well, one must oblige this one to work hard. —

400 waggons ought to come a day with flour, but only 200 do — one must set about things quicker and more energetically — the idea of the revision I think excellent, *Senatorial Revision* for the coal — if we get that people wont freeze and keep quiet — to send him out to the chief coal places fr. where one forwards it here. — I am sorry to bother you with so many things. I enclose a petition fr. my *Galkin* for his son. He made Ania write to several Generals and all say it concerns General (cant spell his name) the little one, *Konazarovsky*. Perhaps you would tell *Kira* to give it him fr. me. He is a good officer was in the artillery academy, I believe, and Costia knew about him — so funny for *Galkin's* son. — *Leo* is better, I am glad to say — Isa lunched and bid us goodbye, she leaves to-morrow early fr. town for *Volkov* is now doing duty — I am ashamed I took him away fr. the *Headquarters*.

I do hope the dear little arm will be better by the time you get this letter and that it wont spoil the nights rest. —.

Poor Serbia is being finished off — but it was her lot, had we let Austria do it, our now all the rest — nothing to be done, probably a punishment for the country having murdered their King and Queen. Will Montenegro now be eaten up too, or will Italy help? — Oh and Greece? What shameful game is going on there and in Roumania — I wish one could see clearly. My personal opinion is that our diplomates ought to be hung — Savinsky has always been the greatest friend of longnosed Ferdinand (the same tastes

one says) that he always said before he ever went there. Then *P. Kozel* has neither performed his duty and Elim I think a fool too. Could they not have worked harder? Look how the Germans dont leave a thing untried so as to succeed.

Our Friend was always against this war, saying the Balkans were not worth the world to fight about and that Serbia would be as ungrateful as Bulgaria proved itself. —

Hate yr. having all these worries and I not with you. I find *Sazonov* might have inquired fr. the Greek Government, why they do not stick to their treaty with Servia — beastly false Greeks. —

How did all the foreigners like being out at the front? — Must quickly end. I miss and long for you q u i t e t e r r i b l y and kiss and hug you with all the tenderness I am capable off and yearn for your arms to be around me and rest and forget all that torments one. —

Endless fr. yr. old

Wify.

On Tuesday Olga will be 20.

No. 146.

Tsarskoje Selo, Nov. 2nd. 1915

My own Sweetheart,

I send you my very tenderest congratulations for our darling Olga's 20th birthday. How the time does fly! I remember every detail of that memorable day so well, that it seems as tho' — it had all taken place only yesterday. — It is grey and raining, most dreary weather. I wonder how Baby sweet's arm is, I hope no worse and does not give him too much pain, poor Agooweeone.

How anxiously one waits for news — in Athens an Austrogerman deputation was received, they work hard to attain their aim, and we always trust and are constantly deceived; — one must always be at them energetically and show our power and insistance. I foresee terrible complications when the war is over and the question of the Balkan territories will have to be settled — then I dread England's selfish politics coming in rude contact with ours — only to well prepare all beforehand, not to have nasty surprises. Now whilst they have great difficulties one must take them in hand. —

Yesterday *Andronnikov* told Ania that *Volzhin* sent for *Zhivakhov* and told that you and I wished him to be appointed, so he gave him the list of all the *officials* of the *Synod,* telling him whom wld. he wish to have sent away and replace, one with 8 children, or 6 and so on — of course *Zhivakhov* declined and the minister of the Interior will take him, not to loose such a perfect gentleman who k n o w s everything about our Church à f o n d. Its downright cowardice and hideous. Why not take him as one of his aides? He told someone he feared us, but yet more the *Duma.* Worse than Sabler,

how can one do anything with such a poltroon. If you have papers of his do write that you wish to know »whether you have already appointed *Zhivakhov*«. To you it may seem a *mere nothing,* but no Deary, he knows all the ins and outs and can be of immense help and he is decided and could support and counsel *Volzhin* tho' he is a younger man. Why send away a poor man because of him, why not as aide, only because we begged for him. Your first wish almost, and he does not fulfil it and no doubt will throw the fault upon Zhivakhov, oh, humanity, so dispisable only think of themselves, lots of beautiful words and when it comes to deeds — cowardice.

I enclose a charming telr. from the »*Erivantsi*«. I find Olga looks better since she lies more — less green and weary.

Now its snowing and raining together, such a mess. —

O Lovebird, thank you over and over again for yr. sweet letter. I was intensely happy to receive it, it means so much to me a word from you, my Angel. How interesting all you write. I am only rather anxious at Baby's arm, so asked our Friend to think about it. — He told me to let *Khvostov* know, not to answer *Drenteln's* letter, as it would only be worse, give rise to more talking, be shown about and so forth. He is not obliged, as it was an impertinence and insult writing thus to yr. minister. Ania gave it him over by telephone. She gave me a letter of Kellers for you to read through when you have a free moment; and then as usual a petition. — I am going to give Olga her presents in her bedroom as we dine upstairs. — Groten leaves in 2 days to his regiment to give it over and then will remain at *Dvinsk,* as he has been put en reserve (wh. makes him sad). He looks flourishing and young, can ride again. — To-morrow my *Vesselovsky* comes, *Vikrestov* and several petty officers who ran away. I must end now Deary, as I have heaps of papers to read through before dinner. —

Goodbye my Beloved, God bless and protect you.

I kiss you endlessly, lovingly and longingly. —

Ever yr. very own old

Sunny.

No. 147.

Tsarskoje Selo, Nov. 3-rd 1915

My very own beloved One,

Many happy returns of our big Olga's 20-th birthday. We are having a *Te Deum* at 12½ in my big room with the ladies — as it is less tiring for her & me. Such a foggy morning, Tatiana has gone off to the hospital. *Rita Khitrovo* was yesterday with Olga & touched me by saying, that the wounded are very sad I am not there to do their *dressings,* as the Dr. hurts them. I always take the worst. So stupid not to be able to work again, but I must keep quiet — one day the heart is more enlarged, the next less & I don't feel nice, so have not even smoked for days; receptions & *reports* are quite enough. —

Saw poor *Martinov* on crutches, the leg is 4 inches (!) shorter — its now soon a year & by May one hopes he may be able to serve again. Its a marvel that he is alive — how wonderfully he every time escaped, 2 horses killed under him being already wounded & crushed & both bones shot through, broken. — I spoke with Count Nirod about Easterpresents for the army — we did not use up the 3 million roubles you had given fr. the appanage & wh. have to be replaced by the cabinet. A little over 1 m. remains & with that we want to get & order things for Easter. Only each man will get much less, as everything is far more expensive & in such quantities as we need, not even to be had.

Then Mr. Malcolm came again with a proposition of a society of the suffragists, who have been working splendidly in France, to look after our refugees, especially the women who are expecting Babys — one can set them to work here under Tatiana's committee — Buchanan must still speak to *Sazonov* about it. I told Malcolm to see Olga, he is off to *Kiev* to-night & then Odessa — it would have interested you to have seen him, such a nice man & ready to help everywhere. He wrote home to Engl. begging one to collect for our prisoners — most kind, general Williams knows him. They have asked me to be the patroness of the hospital in Ella's house, it will be called after Aunt Alix I think. — Then I saw my rifles I enclose their names — 4 splendid men — one ran away before & was cought again — 50 have already returned — through Belgium & Holland — there they left one now at the Consuls to act as interprator — they were kindly cared for, fed & clothed, they went at night by the compass. They were made prisoners nov. 11 of last year — *Vikrestov's* brother is there too, but under another name & as a soldier, so as easier to run away. The one man, the *flag-bearer* says, that the bits of the flag wh. were not burned by the old *Sergeant*, different men kept — & the top too. — Then I saw Olga's commander too. And Alia came with her 2 children for 3/4 of an hour, wh. made me very tired. When you see *N. P.* alone, tell him to be careful about *Dzhunkovsky's* book, on account of *Drenteln(?)*, who may make a nasty story of it — only that should never guess it came through Ania. — The tail & *Beletzky* dine at Ania's — a pitty I find, as tho' she wanted to play a political part. O she is so proud & sure of herself, not prudent enough, but they begged her to receive them — probably something to give over again & they don't know how to do it otherwise & our Friend always wishes her to live only for us & such things.

Sweetest Treasure I must end now. God bless & protect you & give you wisdom & help. What news about Roumania & Greece? I wish our »fliers« could do something in Bulgaria on the railway lines where so much is being in time & succeed. It would be a great thing.

Endless kisses of deepest devotion & great yearning.

Ever yr. very own old

Sunny.

No. 148.

Tsarskoje Selo, Nov. 3-rd 1915

My own Beloved,

I begin my letter this evening, so as not to forget what *Khvostov* begged Ania to tell me.

I. It seems the old Man did not propose the ministery in a nice way to *Naumov,* so that he found himself obliged to refuse. *Khvostov* has seen *Naumov* since, & is sure that he would accept, or be happy if you simply named him. He is a very right man, we both like him, I fancy *Beletzky* worked with him before. Being very rich, (his wife is the daughter of Foros *Ushkov)* so not a man to take bribes — & the one, whom *Goremykin* proposes, is not worth much — have forgotten his name.

II. Then about *Rodzianko* of the *Duma* — *Khvostov* finds he ought to receive a decoration now, that wld. flatter him & he wld. sink in the eyes of the left party, for having accepted a reward from you. Our Friend says also that it would be a good thing to do. Certainly its m o s t unsympathetic, but, alas, times are such just now, that one is obliged out of wisdom sake to do many a thing one wld. rather not have. —

III. Then he begs the police master of Moscou not to be changed just now, as he has many threads in hand, having belonged to the detective force before. Our *Spiridovitch* won't do there, as it seems he has just remarried a former doubtful singer of gipsy songs — so that one proposes him a post far away of governor I believe. —

IV. Begs you not to have *Ksiunin* banished to Siberia, as 2 Generals gave him the false news about our disembarkment in Bulgaria (he will bring the names to you) — & the man writes well in the papers & a repremand might be enough. —

V. Did you get a telegram fr. a woman saying, that you must place Ella & me in a convent, as he heard something about it, &, if true, wants to have her watched & see what type she is. —

Thats all I think — he dreads meeting *Drenteln,* after such a letter finds he cannot give him his hand (ask him to show it you) — if you invite him he must — & if you dont people wld. be unkind & speak. Am s o sorry for the poor man. — He brought yr. s e c r e t marcheroute (fr. *Voyeikov)* to me & I won't say a word about it except to our Friend to guard you everywhere. If only Kiril could succeed! — One thing our Friend said, that if people offer great sums (so as to get a *decoration),* now one must accept, as money is needed & one helps them doing good by giving in to their weaknesses, & 1000 profit by it — its true, but again against all moral feelings. But in time of war all becomes different. — Speak to *Khvostov* about *Zhivakha* (do I still spell it wrongly?) *Andronnikov* did not quite give it over as it happened.

N o v. 4 - t h. Thick snow fell over night, everything white, but zero. —

You will receive this letter a few hours before you leave on your journey — God take you into His holy keeping & may your guardian Angels, St. Nicolas & the sweet Virgin watch over you and Baby sweet. Shall be near you all the time with heart & soul. How interesting it will be. If you have the chance, give over a *greeting* & blessing to my *Crimeans* & the *Nizhegorod.* officers too, if you have the chance, through *Yagmin.* How I wish we were with you — so emotioning.

I read a short description in the »*Novoye Vremya*« of an eye witness at Riga, & could not read it without tears, so what must be the feelings of those 1000, that see you & Baby together — so simple, so near to them. Can imagine how deeply you feel all this, beloved One, oh the endless blessing, that you command & are yr. own master.

Here I send you some flowers to accompany you upon your journey — they stood the day in my room and breathed the same air as your old Sunny, fresias last long in a glass. —

If you see our beloved sailors & my giants, think of us & bow to them from us if there should be an occasion. — I hope it will be nice & warm & that will do you all no end of good. For sure *Olga Evgenievna* will watch you from somewhere, as she lives at Odessa. —

If you do get any sure news about Roumania or Greece, be an Angel & let me know. *Elena* fears for her Father, because if the worst should happen, he said, he would die with his army — or he may commit suicide.

Igor told us this at luncheon — he says one cant touch the subject of Greece with poor Aunt Olga. —

Miss you both this time more than ever, such an endless yearning craving for you, to hear your sweet voice, gaze into your precious eyes & feel your beloved being near me. Thank God, you have Baby to warm you up & that he is of an age to be able to accompany you. Carry this infinite longing alone in my weary soul & aching heart — one cannot get accustomed to these separations, especially when one remains behind. But its good you are away — here the »atmosphere« is so heavy & depressing, I regret yr. Mama has returned to town, fear one will fill her poor ears with unkind gossip. Oh dear, how weary one is of this life this year & the constant anguish & anxiety — one would wish to sleep for a time & forget everything & the daily nightmare. But God will help. When one feels unwell, everything depresses one more — others dont see it tho'. — Our Friend finds *Khvostov* ought not to shake hands with *Drenteln* after such an insulting letter — but I think *Drenteln* will of his own accord avoid him — am so sorry for the poor fat man. —

Gregory has asked to see me to-morrow in the little house to speak about the old man, whom I have not yet seen. —

I must end. God bless yr. journey — sleep well, feel my presence near by in any compartment, I cover you with such soft & tender kisses, every little bit of you & lay my weary head upon yr. breast, yr. own old

Wify.

Very fondest thanks my own Sweetheart for your very dear letter, I was more than overjoyed to receive. If you cannot wire details, I can still understand. If you say you saw »ours« — that will mean *Marine of the Guard* if »yours« — »*Crimeans*« if *Yedigarov* — »*Nizhegorodtsi*«, can always understand more or less — & then what weather — I have the towns & dates, you see, fr. *Khvostov* to go by & keep it to myself. —

I did not mean you should now take the *Pr(eobrajentzi)* away fr. *Drenteln* but later on. —

Read this before you receive *Khvostov*, — he wants me to prepare you to several questions.

No. 149.

Tsarskoje Selo, Nov. 5-th 1915

My own Angel,

How charming Alexei's photos are, the one standing ought to be sold as postcard, — both might be really. — Please, be done with Baby, also for the public and then we can send them to the soldiers. — If in the south, then with cross and medal without coats and in caps and if at the *Headquarter* or on the way there, near a wood, — *overcoat* and *fur cap*. — *Fredericks* asked my opinion, whether to permit that cinema of Baby and Joy can be allowed to be shown in public; not having seen it, I can not judge, so leave it to you to decide. Baby told Mr. *Gillard,* that it was silly to see him »faisant des pirouettes« and that the dog looked cleverer than he — I like that. —

We had Mme Zizi to lunch, she had a *whole report* about all sorts off petitions and ladies, who want to see me. — *Rostchakovsky* was interesting I told him to write me a *Memorandum* for you. It concerns the railway line to *Archangelsk,* wh. he says might work 7 times more than he does. *Ugriumov* sent him for affairs concerning P. works especially, but he profitted to ask to see me to tell me how difficult it is for *Ugriumov* to do anything, as he has no official power given to him all these months.

Now one says it will be under *Military law,* so as to give him help, but thats unnecessary, as they are quiet there, no stories or disorders whatsoever. Then he asked for some formal nomination as to see to the railways, the minister of war put it on to *Rukhlov* etc., if he had a special nomination, then he could give severer orders as he is energetic, the engineers wld. be obliged to listen to him, those who dont work he cld. change, those that are good reward. He could force more goods trains leaving, could hurry on the work of the broad gage and so on. He does not ask, but *Rostchakovsky,* for the good of the work spoke to me to say a word to you... General Gov. during the war, as its such a very essential place now and much depends upon all being regulated and sent off well and hurried up. — Do I bore you very much with all these things, poor sweet? — Then of course

I add a petition. — General *Murray* has not yet arrived, but when he comes I shall certainly receive him with pleasure. — Now I had P-ce Galitzin with his *report* about our prisoners. 4 times a week we send off several waggon loads of things. How stingy the *Synod* is, I asked *Volzhin* should send more Priests and Churches to Germany and Austria — he wished us to pay, but as it was too much, he made the money be given out of the military fund — really a shame in time of war. Their convents, especially the Moscou ones are so rich and don't dream of helping. He wrote to St. Serg. for them to give us little Images and Crosses and if they wont gratis we shall pay — and they dont even answer; I shall try now through Ella; — we have sent 10,000, but what is that wee number. — I wonder, where this letter will find you!

Isa arrived at Copenhagen and had a good passage. — *Maslov* sent a *Trumpeter* with a letter telling the details, of poor Tiesenhausen death — influenza and heartfailure; — so I told one to give him food and then called him upstairs — he talked nicely. 21 years in the regiment, was on the dear *Standart* with us. I gave him an Image and the envelope of the military-post letter with my name to bring back to the Commander.

Now sweetest One, my beloved, my Soul and Sunshine, brightness of my life I must end my letter. I miss you more than words can say and yearn for you my huzy love. I cover you with kisses caresses and undying love. God bless you my A.

Ever yr. very own old Wify.

Paul continues being very ill, lost in weight very much — the Drs. wish an operation and to take out the »*Gall Bladder*«, Friend says he will die then and I remember Feodorov saying he feared an operation because of the heart being weak, with wh. I agree. She says Paul won't hear of an operation; it looks bad their wishing to take it out, is there a bad growth? I should not operate him in the state he is now. —

No. 150.

Tsarskoje Selo, Nov. 6-th 1915

My Own,

Warmest congratulations for yr. dear regiment's feast. — It was an intense joy when your dear letter was brought me this morning & I covered it with kisses — thanks ever so much for having written. So comforting to hear from you when the heart is sad & lonely & yearns for its mate.

I am sending you *Rostchakovsky's* paper — its quite private, I begged him to write all out so as to have it clearer for you, & I am sure, that you will agree with the chief points. The man is very energetic & full of best intentions & sees that things might work far better with a little help & a few changes — so please read it through. —

That is a good plan you intend sending the guards later to Bessarabia after they are reformed & rested — they will be perfection then. Well, may God help those miserable Serbians. — I fear, they are done for & we cannot reach them in time. — Those beastly Greeks, so unfair leaving them in the lurch.

Our Friend, whom we saw yesterday evening, when he sent you the telegram, was afraid that, if we had not a big army to pass through Roumania, we might be cought in a trap from behind. —

Alexeiev is worth 100 longnosed *Sazonov's,* who seems somewhat feeble, to say the least of it. —

Well Lovy, He thinks I better now see the old Gentleman & gently tell it him, as if the *Duma* hisses him, what can one do, one cannot send it away for such a reason. You thought out something with *Taneyev* for him, did you not? I feel sure he will understand it. If you get a wire from me — *all is arranged* or: its done — that means I have spoken & then you can write or, when you return, send for him. He loves you so deeply that he wont be hurt & I shall say it as warmly as I can — He is so sorry as venerates the old Man. —

But he can always be yr. help & counsellor as old *Mistchenko* was — & better he goes by yr. wish than forced by a scandle, wh. wld. hurt you & him far more. He spoke well & it did me good to have seen him. Coughs very much & worries about Greece. Your presence in the Army with Baby brings new life to all & to Russia, he was always repeating it. — He finds you ought to tell *Volzhin* you wish *Zhivakhov* to be named his aide — he is well over 40, older than *Istomin,* whom *Samarin* took, knows the Church far better than *Volzhin* & can be of the very greatest help.

Now old *Flavian* has died, ours ought to go there as highest place & *Pitirim* here, a real *worshipper.* —

I saw *Senator Krivtzov* this morning — he gave me his book — I cried reading of the horrors the Germans did to our wounded & prisoners — cannot forget the atrocities, to think that civilised people could be so cruel — during battle, when one is mad, thats another thing. I know they say our cosacks did horrors at Memel — a few cases of course there may have been out of revenge. Better to forget it, as I firmly believe they are better now — but when once we begin to advance & their needs become greater, then I fear our poor men may fare worse. —

»*Mother Elena*« sat with me for some time, she is intensely grateful that you allowed her with her 400 nuns & 200 children to live at »*Neskutchnoye*« where its so peaceful & quiet. They have only got the dining room on the midle floor as our furniture fr. *Bielovezh* & Varsovie are kept in the other rooms. —

All my tender thoughts dont leave you, Angel dear & agooweeone on your journey, oh I do hope the weather will be sunny & bright — do Baby good, dampness acts on him & makes him pale always. —

Precious One, I kiss you with deep tenderness & loving caresses, passionately love. God Almighty bless and protect you my huzy darling, my bright sunshine. —

Ever yr. very own old wify Alix.

When you are away, I always dream — shows what it is not to have Sweetheart near me. —

Bow to the old man, I do hope he wont hinder yr. movements.

Give the little Admiral & *N. P.* also my love.

Wonder, whether Dmitri is with your or not.

No. 151.

Tsarskoje Selo, Nov. 8-th 1915

My own beloved Nicky dear,

Precious one, my thoughts dont leave you. So grateful for yr. telegram yesterday evening fr. *Novomirgorod* — comforting to see so many military trains pass — God bless the brave souls!

I have nothing of interest to tell. Yesterday evening we dined at 7½ because the 3 youngest girls went at 8 to the *funeral service* of the young officer, who died in the big palace. From 9—9½ I went to our hospital to see one who is very dangerously ill & I could not bear the idea of not going to him for a little bit — & then I passed through all the wards to bid goodnight. I had not been for a week & was glad to find all the others looking & feeling much better. —

I had *Viltchkovsky* with a long *report, on account* of the year, money questions etc. & then Ania got me to sledge for ½ an hour the interior *Babol.*-park, where you walked near my little carriage — 3 degrees of frost, we went much at a footpace, as then it was easier for me to breathe. Mme *B.* has come just now!! —

Longing for a wire from Odessa, all thoughts there with you. — I feel my letter is mighty dull, but I have absolutely nothing interesting to tell. —

Sweet Angel, long to ask heaps about yr. plans concerning Roumania, our Friend is so anxious to know.

Bezobrazov is inspecting the young soldiers at Novgorod to-day. What now about poor Paul? I doubt his ever being able to take up his service, to my mind its a finished man, that does not mean that he may not continue living with care, but not at the war, & I pity him deeply.

Wont you give Dmitri over to *Bezobrazov* to use then?

Huzy mine, I long for you & love you »with unending true devotion deeper more than I can say, better better every day« — you remember that old song of 21 years ago?

God's blessing be upon you my Sweetheart, sunshine.
I cover you with kisses

Ever yr. very Own.

Its cosy to get back into the train after a tiring day? Is there still a chance of yr returning the 14-th or only later?

No. 152.

Tsarskoje Selo, Nov. 8-th 1915

My sweetest Huzy dear,

I am so glad that all went off so well at *Odessa* and that you saw so many interesting things and our dear sailors too, but what a pitty that the weather was not warmer. Here it continues, about 3 degrees and no sun. — I wired to you about poor *Echappar's* accident and operation, as I got the news this morning. I do hope he will pull through, tho' its a terribly dangerous place — oh those motors, how careful one must be. — And Fredericks keeps on alright? It costs our Friend a lot, and he finds one really must not take him another time, anything may happen — besides he might suddenly take you for somebody else (William for instance) and make a scandle — I don't know why he says this. —

Something has got wrong with my pen and my writing is queer. — Alas, again wont go to Church, but wiser not on account of B. — How glad I am, that you were so contented with all you saw at *Tiraspol* what good it must do them seeing you, and how refreshing and emotioning for you. I am sending you a telegram. He dictated to me the other day I saw Him, walking about, praying and crossing himself — about Roumania and Greece and our troops passing through, and as you will be at Reni to-morrow, he wishes you to get it before. He wanders about and wonders what you settled at the *Headquarters*, finds you need lots of troops there so as not be cut off from behind. — In the papers *Grigorovitch* sends (so grateful you let me get them as most interesting generally) one sees how many guns and troops they send to Bulgaria. Hang those submarines, who hinder ones fleet and any disembarcation and they have time to collect so much. —

When one day our troops will march into Const. he wants one of my regiments to be the first, don't know why. — I said, I hoped it wld. be our beloved sailors, tho' they are not mine, at heart they are nearest to us all. — I long for news about the Guard etc. — Ania's brother has arrived and its her mothers and Alia's birthday, so shall only see her this evening. Do send me a message once for her, she is sad to have none.

I am much grieved about *Echappar's* death. Georgi will be awfully sad and all who knew him except Minny. And for my train a great loss and I was just thinking about arranging for his train to go south, but perhaps I can let *Riman's*, wh. goes from *Kharkov*, go to *Odessa*, as one will need a good train there. — So tiresome that cannot go about again because of my

health, had wanted to do a lot during your absence. — We had Nini and Emma to tea and we talked long about their Father and how to keep him back next time. —

I am going this evening at 8½ for half an hour to our hospital to see the one who is so bad, as they say he is better since he saw me, and perhaps it may help again. I think its natural, why those who are so very ill feel calmer and better when I am there, as I always think of our Friend and pray whilst sitting quietly near them or stroking them — the soul must prepare itself when with the ill if one wishes to help — one must try and put oneself into the same plan and help oneself to rise through them, or help them to rise through being a follower of our Friends. —

Now Lovebird, I must end. God bless and protect you and keep you from all harm. Oh h o w one longs to be together at such serious times to share all.

Endless blessings, fondest, tenderest kisses Nicky sweet, fr. yr. deeply and passionately loving old Wify

Sunny.

No. 153.

Tsarskoje Selo, Nov. 9-th 1915

My own beloved Sweetheart,

Grey, thawing and very dark. Well, I went yesterday evening to our hospital, sat some time near the bed of *Smirnov* temp. still high but breath quieter — said goodevening to the others — 3 were lying on their backs playing on guitars and quite cheery. —

Xenia telegraphed, that Olga is going to her for a few days, I am glad as it will do her no end of good, as her nerves seem to me rather down, ever since she came to *Petrograd* and one filled her ears with horrors, and *Kiev*, wh. *Militza* and *Stana* had spoiled by wicked talks. —

In one of the copies of a German newspaper they write, that whilst the allies are wasting time discussing about Roumania, we and the Bulgarians are not wasting time making our preparations — yes, they never dawdle and our diplomates do most piteously. I wonder whether energetic Kitchener will manage anything with Tino. — Could one but get hold of the German submarines in the black sea, they are sending out more of them and they will paralise our fleet completely. Interesting all *Vesselkin* will have to tell you, I hope they are all well fortifying etc. all along the Roumainian-Bulgarian frontier — always better to calculate for the worst, as the Germans seem to be collecting all their forces down there now. It sounds absurd my writing all this, when you know a 1000 times better than me what to do; — I have nobody to speak with on such subjects; — but what a lot of men they send down there, wish we could hurry up a bit. — How glad I am that you are satisfied with all you saw at *Reni* and that *Vesselkin* works well, how proud he must have been

to show you his church — may it only not suffer on have to be taken away. —

I received *Altfater, Pogrebniakov, Rumella* and *Semenov* of the *1-st artillery brigade of the Body-Guards* as its their feast, and the touching people gave me 1000 — Olga 150, and Tatiana 150. — I went with *Tatiana* to the *funeral service* for *Echappar* — *Baranov* was there, *Kotzebu* grown quite grey, *Yakovlev, Schulenburg, Kaulbars,* and *Kniazhevitch* and all the ladies. As my train stands without work at *Dvinsk* have told it to bring his body. —

General Murray is enchanted with all he saw, Anias brother took him about a lot. — Excuse a dull letter, but am tired and achy as slept very badly these last 3 nights. —

Very tenderest blessings, fondest, warmest kisses, Precious One, fr. yr. very own old

Wify.

No. 154.

Tsarskoje Selo, Nov. 10-th 9115

My own beloved One,

It seems to be darker every morning — nearly all the snow gone & three degrees of warmth. — Now the letters have to leave much earlier, the trains have changed it seems. — By the by did you settle anything about a senator to inspect the railways & coaldepots & see to set all moving, because really it is a shame — in Moscou one has no butter & here still many things are scarce & prices very high, so that for rich people even it is hard living — & this is all known & rejoiced at in Germany as our bad organisation, wh. is absolutely true. —

Such a nice surprise Baby dears letter from Odessa & Mr. Gillards — of course you cant write, I can imagine how even in the train you are bothered with papers. — Perhaps, if you do send me a word, you will give a message of thanks to A. for her letter, because when I said you wired thanks for letters, she said it meant ours. — I suppose this letter will find you at the *Headquarter.* Nini understood you were probably arriving here on the 14-th, to me it does not seem very likely, as after such a journey you will for sure have lots to speak to *Alexeiev* about. — Stupid heart is enlarged again & the old pain in the legs was very strong — nevertheless have many people to receive to-day, — ex lancer *Kniazhevitch* too, don't know what shall have to tell him. —

Our Friend told me to wait about the old man until he has seen Uncle *Khvostov* on Thursday, what impression he will have of him — he is miserable about the dear old man, says he is such a *righteous man,* but he dreads the *Duma* hissing him & then you will be in an awful position. — Is the *Zemstvo reform which Nikolasha* wants to bring into the Caucasus a good thing? The people and many different nationalities, can they grasp this — or do you find a good reform? My personal weak brain does not find it yet time — you will see «*Novoye Vremya*» page 7 below of Nov. 10-th. —

What hideously dull letters I write! Forgive me sweetest.

The Austrian sisters have arrived, one is a good acquaintance of Marie Bariatinskys from Italy. Mme Zizi will beg Motherdear to see them & the Germans when they return, then I can too; & one must do such things, its for humanity's sake then they will be more willing to help our prisoners too; — & if she sees them one cannot find fault with me. —

Volzhin will need a good deal of «picking up» from you, he is weak & frightened — when all is going to be well arranged about *Varnava,* he suddenly writes to him privately that he should ask for his dismission — young *Khvostov* told him it was very wrong — but he is a coward & frightened of public opinion, so when you see him, make him understand that he serves you first of all & the Church — & that it does not concern society nor *Duma.* —

Princess *Palei* says Paul eats a lot now but looses daily in weight — he weighs less than Anastasia now, at night sometimes screams from pain & then again feels better. The *gall bladder* is becoming *atrophied* & therefore the *gall* spreads everywhere, tho' he has not become yellow . They want him to be operated at once upon yr. return, in some *hospital station* — they say its the only thing to save him, & our Friend says he will certainly then die, the heart not being strong enough. To-day *Tchigaiev* is to see him. His colour frightened me, the same as Uncle Wladimir had the last months, & Uncle Alexei before he left abroad then, & looking so like Anpapa, hollow under the eyes. He receives nobody, not wishing them to see how he has changed, but as soon as am better want absolutely to see him; am so awfully sorry for him — at last all his wishes achieved — & nothing of any avail. —

Now goodbye Lovebird, God bless — & protect you. Ever such tender, passionately, loving kisses, Nicky sweet, beloved huzy, fr. yr. very own old wife

Sunny.

How is the little Admiral? What have you settled about Dmitri? Love to the boy.

No. 155.

Tsarskoje Selo, Nov. 11-ths 1915

My own beloved Sweetheart,

I am so glad you saw the Caucasian cavalry — I got a charming telegram afterwards from *Yagmin.* — Can imagine their enchantment at last to have seen you; & the «*Tvertsi*» Baby for the first time. —

Dark, windy, snowing, 1 degree of frost — the shortest days, so dreary. —

Yesterday afternoon dear Lili *Den* came to us for tea, on her way from Helsingfors to the country. She saw her husband, & he told her many interesting episodes of their fighting, firing from sea on shore. —

Oh, my dear, I received Olga Orlov, on purpose I had Olga & Anastasia in the room & all went well, but when I got up she begged to speak to me

alone & then went off about her husband & what I had against him & that she hoped I did not believe all the calumnies spread against him etc. I was sorry for the woman, but it was horribly painful, as I could not offend nor hurt her — I got through somehow, but I dont think she went away any the wiser — I was kind & calm, did not fib — well I wont bother you with the talk & thank God its over — one has so to pick out ones words, that they should not be turned against one afterwards. —

The Russian motor sanitary *detachment* of Verolas wh. is under my protection, worked splendidly in France, a while ago I got the telegrams from him & Mme Isvolsky & today I read a description in the «*Novoye Vremya*» — the one motor got holes. —

Then I saw *Prince Gelovani* to speak about *Eupatoria* wh. he looked after for me. Now he goes for 10 days to his family to the Caucasus & then straight to the regiment. He is delighted the Css. Worontzov has been taken away as the harm she did was very great. About the *Zemstvo* he is very contented & says its obligatory to be arranged as they must see to the state of the roads & railways & so on; — he is such a nice, cosy man, with his amusing Russian.

Poor Petrovsky sat for nearly an hour with me & we talked over the question of his divorce without end all so complicated. —

A week to-day that you left us — but it seems much longer & I have such a yearning for you my two Darlings. —

Wont you have a lot to tell us!

I continue receiving daily, my heart is still enlarged so do not go out & miss my hospital, but I want to get decent for your return.

Olga looks better and less tired, I find. —

Well Deary, I saw *Kniazhevitch* & found him looking very well, fresh, good look in the eyes & nothing about him like last year. Feels well, so of course I could not say anything. He leaves at the same time as this letter for the *Headquarters*, Alexeiev told him to be there on the 14, well he will be already the 13-th. He has good complexion — his wife finds him also quite alright — so I really do not know what you will think to do with him — perhaps it was a momentary weakness — I should not personally listen to Erdeli, as he is not famous & a jealous nature — Georgi heard such strange things too — but you will see he is just now looking flourishing & bright too. — He thinks, that perhaps *Arseniev* may receive our brigade, that would be lovely. —

Goodbye, Beloved, God bless & protect you.

I cover your sweet face with kisses and tender caresses.—

Ever, Huzy love, yr. very own wify Alix.

How is the old man Fred.

In town one grumbles again so awfully against dear old *Goremykin* so despairing. To-morrow *Gregory* sees old *Khvostov* & then I see him in the evening — He wants to tell his impression, if a worthy successor to *Goremykin*, — old *Khvostov* receives him like a petitioner in the ministery.

No. 156.

Tsarskoje Selo, Nov. 12-th 1915

My own beloved Nicky dear,

Is this the last letter to you, I wonder. One says the »*Erivantsi*« are preparing for the 17-th when you go to see them — the guard awaits you too — you arrive only this evening at the *Headquarters* so, that it seems to me impossible you should leave the 13-th — besides *Bark* awaits you at *Moghilev,* and for sure heaps of work.

In case therefore if we do not see each other the 14-th, I send you my very, very tenderest loving thoughts & wishes & endless thanks for the i n t e n s e happiness & love you have given me these 21 years — oh, Darling, it is difficult to be happier than we have been, & it has given one strength to bear much sorrow. May our children be as richly blessed — with anguish I think of their future — so unknown!

Well, all must be placed into God's hands with trust & faith. — Life is a riddle, the future hidden behind a curtain, & when I look at our big Olga, my heart fills with emotions and wondering as to what is in store for her — what will her lot be.

Now about affairs again. *Groten* suddenly turned up, he bid his regiment goodbye & was touched to tears by their kindness & the regimental farewell. He went to the *Headquarters* presented himself to General *Konazarovsky,* who did not receive him over amiably & said he could not tell him anything as you were away. He, the stupid, left again for the country instead of patiently awaiting yr. return. He is perfectly well & can serve — wonder what brigade he will get? As regiment I believe the *Horse Grenadiers* are free, my fat Toll, I fancy, receives the *Pavlogradtsi* (not a beauty, but one says thorough). — Does *Dobriazin* get a brigade? *Kussov* waits for a regiment — The «*Severtsi*» are free too, I believe. Heaps of questions, you see — But get work for *Groten,* he is young & strong & its no good his sitting in the country *in the reserves.*

I sleep abominably, get off only after 3, and this night after 5 — so dull. Heart still enlarged. — Ania walked on her crutches guided by *Zhuk* from *Feodorov* hospital through our garden to *Znamenia,* of course far to much, already twice, & now feels very tired. —

I received again yesterday, to-day I have *Rostovzev* & I read already a fat *report* of his this morning. At midnight I got yr. telegram yesterday about *Kherson* and *Nikolaiev* — it took 4 hours coming & I was beginning to get anxious without any news. —

It will seem strange to live in a house again, I am sure, after your long roaming about. —

Fancy, Olga Orlova telephoned to her friend Emma (she has broken with Nini for her finding *Voyeikov* at fault in everything), that she had seen me & not spoken a word about her affairs — such a lie! And when she gave her word of h o n o u r to me she had never said anything against me, the old Css. says she did speak against me, & h e said nasty insinuations at *Livadia* against me to his friend Emma & she, *Olga Orlova* says he never

did, nor wld. try to harm a woman's reputation — one nest of lies — they don't touch me, because I know both be liars, only I hate words of honour, when one does not know how to answer. —

Now my sweetest love, I must end my scrawl. Let me know about when to expect you. God bless and protect, guard & guide you. —

I kiss you with deepest tenderness and boundless love & devotion, & long to rest my weary head upon yr. breast. —

Ever, Huzy mine, yr. very own old Sunny.

P. S.

Darling, I forgot to speak about *Pitirim, the metropolitan of Georgia* — all the papers are full of his departure fr. the Caucasus & how greatly he was beloved there — I send you one of the cuttings to give you an idea of the love & gratitude one bears him there. Shows that he is a worthy man, and a great *Worshipper,* as our Friend says. He foresees *Volzhin's* fright & that he will try to dissuade you, but begs you to be firm, as he is the only suitable man. To replace him He has nobody to recommend, unless the one who was at *Bielovezh,* I suppose thats the *Grodno* one? A good man he says — only not *S. F.* or *A. V. Hermogen,* they would spoil all with their *spirit* there. —

Old *Vladimir* already speaks with sorrow, that he is sure to be named to *Kiev* — so it would be good you did it as soon as you come, to prevent talks & beggings fr. Ella etc. —

Then *Zhivakhov* he begs you straight to nominate as help to *Volzhin,* he is older than *Istomin* so age means nothing & knows the Church affairs to perfection — its your will & you are master. —

There, that was a long post scriptom. —

W..

No. 157.

Tsarskoje Selo, Nov. 13-th 1915

My own beloved Husband,

21 years that we are 1, sweet Angel, I thank you once more for all you gave me these long years, wh. have passed like a dream — much joy and sorrow we have shared together, & love ever increased in depth and longing.

Last year, I think, we were neither together; on that day you had left for the *Headquarters* & Caucasus? Or no, you were with us at *Anitchkov?* All is so mudled up in my brain. — Congratulate you with Motherdear's birthday — our Olga's Christening day. — I shall choose a present & the children can take it to-morrow. —

I was to have gone to Paul to-day, but my heart being more enlarged it would have been unwise. I have asked *Botkin* to find out the exact truth fr.

Varavka — I always fear cancer, & the french Drs. some years ago thought, that he had the beginning of cancer. By telephone one told me that *Tchigaiev* is of the same opinion as *Varavka* & that to-morrow he is to be looked at through Röntgen rays — now that shows, that they think there is something wh. might appear, because to be fed every 2 hours & decrease in weight shows that things are bad.

Our Friend entreats there should be no operation, as he says Pauls organism is like that of a wee childs — & Feodorov then told me, that he would not like an operation, fearing for Paul's heart. Now if it is cancer in the liver, then one never, I believe, operates — in any case I fear he is a doomed man, so why shorten his days & he does not often suffer.

I only think they ought to let little Marie know how bad he is, as the Child is devoted to him & might have cheered him up. The Prss. (Palei) continues her long walks twice daily to become thin, & I do not think realises how seriously ill poor Paul is. —

I see *Bezobrazov* to-day.

What are you going to do now, you will have to think of another man now instead of Paul, as were he to recover, in any case there would be no question, alas, of his serving at the war. — Remember to nominate *Groten* somewhere. —

Well, I saw our Friend from 5½—7 yesterday at Anias. He cannot bear the idea of the old man being sent away, has been worrying & thinking over that question without end. Says he is so *very wise* & when others make a row & say he sits ramoli with his head down — it is because he understands that to-day the crowd howls, to-morrow rejoices, that one need not be crushed by the changing waves. He thinks better to wait, *according to God* one ought not to send him away.

Of course if you could have turned up for a few words, quite unexpected at the *Duma* (as you had thought to) that might change everything & be a splendid deed & it wld. later be easier for the old man — otherwise better he should be ill a few days before so as not to personally open the *Duma* not to be hissed, but he thinks better to wait until you return, and when I said I should, it was a weight lifted fr. his mind — & I know you think so too.

He saw the old tail, very dry & hard, but honest, but not to be compared with *Goremykin* — one good thing that he is devoted to the old man — but is obstinate. —

Emma saw him afterwards & like a child poured her whole heart out to him. — He thinks Greece wont move & Roumania neither, then the war will last shorter — He hopes not more than to spring. — Would to God it were true!

Do you know a Count *Tatistchev* from Moscou (banks)? — I think a son (or nephew) of the old General a. d. c., a most devoted man to you, says you know him. Likes *Gregory* much, disapproves of the Moscou nobility to wh. he belongs — is an older man already. Came to Ania to talk, sees very clearly the faults *Bark* made, about the *loan* I believe & the fatal results it may have.

Our Friend says he is a man to be trusted, very rich & knows the bank world very well — would be good, if you could have seen him & heard his opinion — says he is most sympathetic. I can make his acquaintance, only my brain I am sure would never grasp money affairs — I do dislike them so.

But he might put things clearly to you, & help you advise.

Just this moment got Mr. Gillard's letter of the 8-th describing the day at Odessa — that was nice that you rode & Baby drove with the old man — he wired home enchanted too. —

I shall have a *mass* to-morrow in the house at 12⅓ for Olgas & me, the others will go for 11 oclock to *Anitchkov*.

Now I must end.

Goodbye & God bless you, my Treasure. Live through these days 21 years ago with tender, grateful love, I kiss you without end in deepest love & devotion caressing you gently. I bless you & commend you to our Lords' care & the Holy Virgin's love.

Ever yr. very own old Wify.

Will *Bezobrazov* take Dmitri? If my Commander General *Vesselovsky* receives a brigade, please, let his successor be *Sergeiev*, he is the eldest in the reg. & commanded when *Vesselovsky* was wounded.

No. 158.

Tsarskoje Selo, Nov. 14-th 1915

My own sweet Treasure,

Every loving thoughts and prayer are with you, all my love and caresses. So sad to spend this day apart, but what is to be done, we can only thank God for the past and that up to now we spent that day always together. Foolish old wify cried a lot this night. — A bright morning, the sun rose beautifully behind the kitchen, 10 degrees of frost — a pitty the snow has all melted. — Once more, Huzy mine, thank you for all during these 21 years! What a lot you have to do for sure now after your journey — wonder how you spend this day! Is Baby-kins not too tired from all the walking? Mr. Gillard's letters are so interesting, as he relates about all you saw — and what splendid French, it makes me quite jealous. — I am sending off the 3 youngest girls with Mme Zizi to Church and lunch to *Anitchkov* and Nastinka also meets them there. The rest of us will have a *Te Deum* in my big room at 12½. I have not been to mass since you left and it makes me so sad. —

I am so glad, that you have named *Naumov* definitely and am full of hopes, that he will be the right man — he always pleased me, I like his frank eyes and he always spoke enthusiastically and eager about his governments and all the work to be done and went into all the details, so it

is knowledge he has gained personally by work. ***Bezobrazov*** came to me yesterday and we had a nice talk — you saved him as he says. — Then the Dr. of my train, who brought poor ***Eshapar's*** body, presented himself to give me all the details, and then a wounded officer returning to his Siberian regiment No. 13, wh. you must have seen near Riga. — Slept badly, again heart still enlarged and head rather aches, still shall have to go to Pauls, as he begged to see me. I asked *Ania* to invite Rita and *Shah Bagov* and *Kikinadze* and *Danelkov* for the Children at 4½, to spend a cosy afternoon, as they dont go to the hospital to-day and would have missed their friends. — I wonder how *Shvedov* is, he fell ill again at the *Headquarters* — A. wired to *Zborovsky* on his namesday, asking about *Shurik,* but got no answer — perhaps private telegrams are not let through.

Its quite strange to see the sun again after these dark days, such a consolation. —

My letter is dull and must now come to an end. God bless and protect you, my very own Darling, my Beloved, my One and All. I cover you with tender kisses and hold you tightly in my yearning arms.

Ever yr. very own old

Wify.

No. 159.

Tsarskoje Selo, Nov. 15-th 1915

My own Beloved,

Heart and soul were overjoyed to receive your dear letter, and I thank you for it ever so tenderly. Everything you wrote was most interesting and did one good to see how contented and well pleased you are with the state of the troops you inspected. Can imagine the wild joy of your »*Nizhegorodtzi*« and all the rest scampering after you — their dream fulfilled, to see you during the war! —

And perhaps you will be home on Wednesday, oh wont that be too lovely, after 3 long weeks. I have never been separated so long from Agoowee one — now it seems already such ages. —

Now, before I forget, I must give you over a message from our Friend, prompted by what He saw in the night. He begs you to order that one should advance near Riga, says it is necessary, otherwise the Germans will settle down so firmly through all the winter, that it will cost endless bloodshed and trouble to make them move — now it will take them so aback, that we shall succeed in making them retrace their steps — he says this is just now the most essential thing and begs you seriously to order ours to advance, he says we can and we must, and I was to write it to you at once. —

Then from *Khvostov.* He says *Trepov* is very much against the revision you ordered Neidhardt to do, and does not wish him to mix in his affairs,

but *Khvostov* begs you to stick to yr. order and insists upon it, because the well-thinkers and in the *Duma* too are delighted, as they see that will save the situation and clear much up. *Khvostov* read delighted telegr. about it and that will touch different commissions, entre autre *Gutchkov* will be shown up, and its absurd *Trepov* being against it. I have a paper (copy) of *Shakhovskoy's* begging *Khvostov* to take energetic measures otherwise he cannot guarantee for the result — *Trepov* ought to be glad — no fault touches him as he is new and is also trying his best. *Khvostov* thinks it wld. be very advisable if you had the pay of the *railroad men* augmented, as with the post, the result was glorious gratitude towards you, boundless, a stop to strikes — given by you personally before they had time to ask for it. He came on purpose to dine with Ania and *Beletzky*, to-night, so as that I should write this for you to read before *Trepov's report* on Monday. — Lovy, you wrote me that the railway line to Reni is old and rotten, please order it categorically to be at once improved to avoid accidents, as our sanitary trains, amunitions, provisions and troops will need it. Cannot you quickly have small lines branching off laid, to facilitate the communication, as we sorely need more lines there, otherwise our communication will stick, and that can be awful during winter battles. This I write of my own accord, because I feel sure it could be done and you know, alas, how very little iniative our people have — they never look a head until the catastrophe comes suddenly right upon us and we are taken unaware. Several short branches towards the Roumanian frontier and Austria, have sleepers for broad gages prepared beforehand, you remember what trouble it was to reach *Lemberg.*

I was at Paul's, he lay in their bedroom, is allowed to move about in the room and sit a bit on the armchair — terribly thin, but not those dark spots on his cheeks I disliked, voice stronger, talkative, interested in everything. I begged him to put off having Roentgen photo taken till Feodorov returns, as Dmitri wired *Feodorov* begged it — she hurrys things too much. He puts all his trust in *Feodorov* and leaves it to him to decide about the operation, he of course hates the idea, but if *Feodorov* insists, of course he will do it; I should not risk it. — I felt rotten all day with my heart. Received my Toll (lancer), who gets a regiment, one says yr. *Pavlograd Hussars* — but he does not know for sure. *Samoilov* is also a candidate for a regiment and *Arseniev* for our brigade. — Paul imagines he will be well enough to go, she says —; I told her I doubted it, I did not speak reassuringly when we were alone, as she was so cool about it and eyes so hard. You know its strange, the eve before he fell ill, he had a discussion with *Georgis* at the *Headquarters* about our Friend. *Georgi* said the family call him a follower of *Rasputin,* where upon Paul got furious and said very strong things — and fell ill that night. Her niece heard this from her — told it to *Gregory,* who said, that no doubt God sent it him because he ought to have stood up for a man you respect and his soul ought to have remembered that he received everything fr. you and brought a letter fr. his wife she had asked *Gregory* to write to me begging for them. — Our Friend was struck by this. —

It was a sad day without you — Sonia and *Irina* lunched, Olga fed Sonia and I lay as usual on the sopha. Your letters were then brought to me and I have reread them more than once since and kissed them tenderly — your sweet hands rested on the paper and Baby's too. —

Good old Rauchfuss died yesterday morning, a great loss for my society »*Mothers' and Infants*« as his head was marvelously fresh for his great age. —

Botkin is not well, so can't come this morning. — Ania manages to walk half an hour on crutches through our garden — how strong she is, tho' complains at being a cripple — nearly daily shaken by motor to town, climbs up to the 3rd story to see our Friend — her back aches especially in the evening. But I feel its the hope of meeting you in the mornings that gives her the strenght to walk. — *Zhuk* accompanies her now again, as it wld. be dangerous her going alone, she might fall and then, the Drs said, she wld. be sure to rebrake her leg. — Her brother returned for 6 days. —

Mavra is going to the country as she feels her nerves so shaken and cant sleep a bit, poor thing. Tatiana has gone to the Caucasus for the 6 months of her husband's death and then returns again from *Mskhed*. —

The old man is coming to me to-day, but I don't know why. — Such glorious sunshine! Remember about *Riga!*

And now goodbye and God bless you my sweetest husband, love of my soul.

Endless kisses fr. yr. own wife

Alix.

Went to sleep after 4. —

No. 160.

Tsarskoje Selo, Nov. 15-th 1915

My own beloved Darling,

I began my letter already to-day, but I saw old *Goremykin* just now & am so afraid of forgetting what I am to give over, by to-morrow. — He was to have a sitting of all the ministers this evening, but had to put it off as you sent for *Trepov* — he will have them Wednesday evening & begs to see you on Thursday. He is perfectly calm for the interior quiet, says nothing will be. The young ministers, *Khvostov & Shakhovskoy* he finds get a bit excited before anything is the matter, to wh. I answered better foresee things than sleep, as one generally does here. —

Well, its the question about calling the *Duma* together now — he is against it. They have no work to do, the budget of the minister of Finances has been presented 5 to 6 days late & they have not begun the preliminary works, wh. are needed before giving it over to the whole *Duma*. If they sit idle, they will begin talks about *Varnava* & our Friend & mix into governmental questions, to wh. they have not the right. (now *Khvostov & Beletzky*

told Ania, that the man who intended speaking against *Gregory* has taken back his paper & they say that subject won't be touched) — well, this is the old man's council after long consideration & yesterdays talk with a member of the *Duma*, whose name he begged not to mention. He would advise you writing two rescripts, one to *Kulomzin* (I find you might change him) & the other to *Rodzianko*, giving as reason that the budget has not been worked through by the commissions & therefore too early to assemble the *Duma*, that *Rodzianko* is to make his *report* to you when they are ready with their preliminary work.

I am going to ask Ania to quite privately speak of this to our Friend, who sees & hears & »knows much«, to ask what He would bless — as He thought otherwise the other day. *Goremykin* wants me to write all this to you before seeing you, so as to prepare you to his conversation. Always calm, only very wretched about his wife who suffers now from asthma beside all the rest & therefore can scarcely take her breath. —

From *Khvostov* he heard that all your orders to *Polivanov* or his papers to you are all shown to *Gutchkov* — now that cannot be stood, simply playing into yr. enemy's hands. He told me you had mentioned *Ivanov* to him — the same thing also our Fr., I believe, & *Khvostov* said — especially our Friend — then all would be perfect in the *Duma* & everything one needs, pass through. *Beliaiev* is a good worker & the old man's prestige would do the rest. And he is tired at the war — & if you have a man to replace him, perhaps it would be good now. — Then he touched other questions of less interest to you. — But our Friend said last time, that only if we have a victory, then the *Duma* should not be called in, otherwise yes, that nothing will be said so bad — that the old man must be ill a few days so as not to appear there — & that you should turn up unawares & say a few words. — Well, when we meet I'll tell you what he now says. —

Lovy mine, is this really the last letter, & are you coming on Wednesday? How lovely. — A. had a charming letter fr. *N. P.* telling all about the journey & his impressions — full of the beauty of the troops, as tho' they were fresh & never been to the war yet. — All this gives you strenght for your work & a clear mind. —

16-th. Goodmorning Lovy.

Cold & windy. Feel very tired after again a badish night & everything aches rather — so have been lying with shut eyes this morning — I have a *report* with Senator Pr. *Galitsin* about our prisoners & then see *Kolenkin* & hereafter the 3 Austrian Sisters. —

I hope your cold has passed & that the cocain helped well. Pitty no long walks for you, with the roads covered in deep snow. — I suppose you come for barely a week if you must be back again for the St. George's feast — how will that be, I wonder.

Oh what joy, God grant, if I shall have you home again in two days — to-morrow 3 weeks that you left! Such a longing for you, my Treasure. —

Well, goodbye my Love, I bless & kiss you over & over again with deepest love and tenderness,

Ever Nicky mine, yr. very own old Sunny.

P. S. I reopened my letter — she spoke to our Friend who was very sad & said, it was quite wrong, what the old man said. One must call the *Duma* together even for quite short, especially if you, unknown to others, turn up there it will be splendid, as you had thought before of doing — that there wont be any scandals, one wont make a row about him, *Beletzky* & *Khvostov* are seeing to that & that, if you do not call them together, it will create unneccessary displeasure & stories — I was sure He wld. answer so, & it seems to me quite right. Probably one frightened the old man that he would be whistled at, its people who were sorry personally for him — because I understand having sent them away when they did not expect it, one cannot again uselessly offend them — of course he loathes their existence (as do I for Russia). Well, one must see to their at once & quickly sitting to work over the Budget. I feel sure you also will agree to *Gregory* sooner than to the old man, who this time is wrong & been frightened about *Gregory* & *Varnava*.

No. 161.

Tsarskoje Selo, Nov. 25-th 1915

My own precious One,

Off you will be storming when you read this note. My tenderest prayers and thoughts will as ever follow you everywhere. Thank God, I had you 7 days — but they flew by, and again the heartache begins. Take care of Baby, don't let him run about in the train, so as not to knock his arms — I trust he will be able to bend his right arm alright by Thursday. — The idea of having to let him leave you alone afterwards, makes me sad. Before you decide speak with Mr. Gillard, he is such a sensible man and knows all so well about Alexei. —

You will be glad to get away from here with all your receptions, worries and *reports*, — here life is no rest for you, on the contrary. —

Your tender caresses warmed up my old heart — you don't know how hard it is being without you both Angels. — I am glad, that I shall go straight to Church from the station at 9½ in the darkness and pray for you — the home coming is always so particularly painful.

Sleep well and long, my Treasure, my one and all, the light of my life!

I bless you and confide you unto God's holy care — tightly I hold you in my arms and press tender kisses upon yr. sweet face, lovely eyes and all dear places.

Goodnight, rest well,

Ever yr. very own old

Wify.

No. 162.

Tsarskoje Selo, Nov. 25-th 1915

My very own beloved One,

Your sweet note, you left me, is a great consolation, I read it over and over again and kiss it and think I hear you talk. Oh I hate those goodbyes! We went straight to church, upstairs, so I remained in my *prayer-room* — service had already begun, so lasted quite short. What pain in the soul! Came home and went to bed very soon, could not want to see A. I prefer being alone when the heart is so sore.

10 degrees this morning. Wonder how Baby's arms are — am a bit anxious until he will be quite right again — only careful in his movements. — Alek is arranging something in the *People's House* for to-morrow St. George's heroes. Now I can congratulate you too, my Angel, and do so with heart and soul. You deserved the cross for all yr. hard labour and for the *rise in spirits* you bring the troops. Regret not being with you and our little St. George's cavalier, Baby sweet, to bless and kiss you that day. —

I went to *Znamenia* and placed a candle for you — service was going on and they just brought out the *cup.* Then went to the hospital and spoke to all. We are lunching and this letter must be sent at once.

Goodbye my own precious Darling, I cover you with tender kisses.

God Almighty bless and keep you —

Ever, Huzy mine, yr. very own old Sunny.

The Children kiss you. Had you an answer from Georgie. —

No. 163.

Tsarskoje Selo, Nov. 26-th 1915

My own beloved Darling,

I wonder how all is going off at the *Headquarters* to-day, great excitement, I am sure. Hope, Baby dear's arms are much better. —

Am going later to Church with Olga, last night I went alone, upstairs in my *prayer-house* — Church is my consolation. Stupid heart rather bothers me. — Saw M-me *Poguliayev,* M-me *Manskovskaya,* — fancy, her sister is young *Khvostov's* mother — he asked to see me today, I don't know why.

Our Friend dined with him yesterday & was very contented. —

5 degrees & so dark. —

Ania just got a wire fr. *N. P.* about his nomination & that he is off to Odessa. I am a w f u l l y sorry he wont be any more with you, was so quiet for you both — we shall miss him a w f u l l y — but its a splendid nomination — but you will be so lonely! — Our Friend is in all states that leaves, as one »of his« & ought to be near you, as have few such true, honest friends as He says only Ania & *N. P.* — wished me to telegraph to you, but I declined & begged Him neither to — I know what this means to him &

his comerades, tho' he will horribly suffer leaving us, who are his nearest & dearest as he always says! —

What news from Georgie? How delighted Orlov & Drenteln will be that *N. P.* leaves — their jealous hearts will be contented. — And 3 of yr. players at once gone, whom can you get?

Silaiev is quiet & nice & utterly devoted. —

Came to half of mass & *Te Deum.*

Had a long telegr. fr. *Mekk* about all my *flying stores* — M-me Hartwigs is at *Rovno* — have put our *camp.* Church & twice daily there are services for the passing troops. The I-st *disinfection unit* & motors stand also at *Rovno.* Our *flying detachment of the store is 40 versts north, on the new line near the front.* Then our *Bacteriological disinfection unit* works for all the army, another *supply train* at *Podvolotchisk,* another at *Tarnopol,* but he moves it to *Kamenetz-Podolsk* where the *Bacteriological Section* will have more work. I only tell you this in case you pass any. —

Goodbye my Lovebird, the man leaves earlier. —

Blessings & kisses without end & great yearning. God bless you.

Ever yr. very own old

Wify.

No. 164.

Tsarskoje Selo, Nov. 27-th 1915

My very own Huzy,

I am glad everything went off so well yesterday — Georgi telegraphed that it had been one of the finest sights he had ever seen in his life. How emotioning. One says it was splendid at the »*People's House*« — greatest order — 18.000 men — sat together according to the wars — got heaps of food & were allowed to take their plates & mugs home.

In each hall their was a Te Deum — *Valia* was there.

I spend yesterday afternoon reading, the Children were out & Ania only returned from town at 4.20 — but I liked the calm, only the air in my big room was stiffling they let on the hot air — & out of doors the glass on 1 of warmth. So after tea & having seen officers, I sledged for half an hour with Olga — it was mild & snowing.

This morning there are 10 degrees — those ups & downs are so bad for the ill.

A. dined with us — all worked, even she at last, then they sang churchsongs & Olga played. *Khvostov* did not come yesterday as he felt unwell.

My letters are dull, I have nothing interesting to tell you, & the thoughts are not gay — its lonely without Sweetheart & agooweeone. —

I feel my heart enlarged, but still I want to go to our lower Church, as little Metropolitan Makari is going to serve, simple, without pomp — its

the feast of *Znamenia*. So in the afternoon I hope to go in & place a candle for you & I believe our Friend wants to see me at 4 —

Just back from Church, little Metropolitan served beautifully, so quietly — looked a picture, all gold, glittering, & the golden Church round the Altar & his silver hair. I went away before the *Te Deum,* Olga to the hospital, & I to finish my letters, receive Isa & then *Valia* before luncheon. — Goodbye my Angel sweet, my Treasure, my Lovebird. God bless & protect you — 1000 of kisses, Nicky love, fr. yr. old wife

Alix.

Any idea about your plans? —

I sent for Joy & he lies at my feet — a melancholy picture, as he misses his little master.

No. 165

Tsarskoje Selo, Nov. 28th 1915

Darling Sweetheart,

Ever such very tender thanks for yr. dear letter, wh. I never expected. I am delighted that the St. George's feast was so splendid — I just read the description and all yr. lovely words in the papers. Fancy *Navruzov,* my *Hooligan* as I always call him, and *Krat.* having been there, that is nice. Well, yr. 2 *Nizhegorodtzi* must tell us about it — we shall eagerly await them.

I saw our Friend for 3/4 of an hour — asked much after you, goes to-day to see the old man. Spoke about *N. P.,* regrets terribly he wont be near you, but that God will protect him and that after the war (wh. he always thinks will be over in a few months) he must come back to you again. —

Please dear dont let *Spiridovitch* be named as *Chief of police* in *Petrograd* — I know he and *Voyeikov* (whom *Spiridovitch,* sorry to say, holds in hands) want to place him there. It wld. never do, he is not enough gentleman, has now made a useless marriage and then on account of *Stolypin's* story at *Kiev,* it would not be good.

One proposed him to be governor at *Astrakhan* (yes?) and he refused, — and one thing more, why I do not know, but *Spiridovitch* puts *Voyeikov* up against *Khvostov,* with whom everything went so well at first. Now one must get *Trepov* to work in harmony with *Khvostov* — its the only way of setting things to rights and making work go smoothely. —

The dear little Metropolitan Makari came to me after luncheon and was sweet. — *Loman* had feasted him and all the clergy — Ania and Mme *Loman* were there too. — Then I saw two German sisters; Countess Uxkull had been to Wolfsgarten before coming, but she is still going to visit more places; — the other is from Mecklenburg — she asked me whether one could not let home to Germany old men and children fr. Siberia, whom ours transported there fr. Eeast Prussia, when our troops were there. Does it concern *Beliaev* or *Khvostov?* I should say, the latter. — Can you tell me

as then I can ask about it — off course only the quite old men and tiny children — she saw them in Siberia, Samara. — I went to *Znamenia* and placed a candle for you. Then I got *Loman* so as to speak about a wee *camp.* Church, I want to send to the *Marine of the Guard* as our priest is with them. I am remaining quiet this morning, as don't feel very famous. — One of our wounded officers died last night — yesterday he was operated — he was several times at death's door — I used to go to him in the evenings when he was so bad — but I think he never could have recovered — his soldier is an Angel. —

This evening *Shavelsky* officiates in our Church. In the evening *Nik. Dm. Dem.* and *Victor Erastov.* come to Ania's at 9, to say goodbye to the latter; so sad we shant see *Shvedov* before he leaves. — All ones dear friends go off at the same time to the war!

11° of frost and thick snow.

I am sending you a paper of Rostovtzev, I think it concerns *Alexeiev* and can be quicker done through you, if you agree — I saw the wretched officer and yr. Mama too. —

Ortipo is lying on my bed and sleeping fast. —

I have sent your letter to Malcolm to give over to Georgie — he leaves to-morrow. —

Now my sweetest One, my sorely missed and deeply yearned for Huzy, Goodbye and God bless — and protect you. Endless tender kisses do I press upon yr. sweet lips and beloved eyes.

Ever yr. very own old

Sunny.

No. 166.

Tsarskoje Selo, Nov. 29th 1915

My own beloved Sweetheart,

Only the 5th day since you left, and it seems already such ages. Dark, snowing 11 degr.; last night 16. — yesterday evening *Shavelsky* served, it was so nice and I like his voice. He is kindly going to take two *Communion Cloths* with him, as I am sending the *Marine of the Guard* and 4 rifles *camp Churches* for the 6th. —

Marie P. came to tea — looked really pretty when she took off her *scarf,* her short hair had been curled. She has greatly improved and becoming so different to what she was before. To-day she returns again to *Pskov,* but does not know when Dmitri leaves. — In the evening we went to Anias and there were besides us, *Demenko* and *Zborovsky.* It seems *Alexei Konstantinovitch* has also come, so shall see him before his departure for the war. This morning *Bulpa* comes to bid us good bye: — Pss. Lolo D. lunches with us and after I see *Sandra Shuvalova* with her *Report.* —

Every day somebody to receive and affairs and nothing interesting to tell you.

My jaw has jumped out and I eat with difficulty.

I enclose a letter fr. A., perhaps you will in your wire say I am to thank her and for the present. —

Beloved one, I do wish yr. letter had come, now the man is always late. —

I bless you over and over again my one and all and kiss you with all the fervour of my love —

Ever, Nicky mine, yr. very own old

Wify.

No. 167.

Tsarskoje Selo, Nov. 29 1915

Sweet Beloved,

I begin my letter already to-day, so as to thank you ever so fondly for yours, wh. I just received. That is nice, that you will spend your namesday with the troops, tho' sad we cannot be together, am glad you will spend that big feastday in yr. army and may St. Nicolas send special blessings to all and help. — I don't like Georgie's answer, to my mind its quite wrong. —

How interesting you saw *K. Krutchkov;* its snowing so hard, A's train left an hour late from here and took a whole hour to town, she fears sticking on her way back. *Ira, Larka* and *Sandra* leave tonight for *Alupka* as the old Count had a stroke. She has four St. George's medals. It looks so strange on a smart dress. Mme Orjewsky is going to propose to your Mama that one should send her to see the prisoners here, wh. I find perfect, as there are things one must see into. Our government gives enough money for food but it seems its not given as ought to be, I fear, dishonest people keep it back and that wont do; I am glad she and I had the same idea — I have no right to mix in, and she can advise. Thank God, Baby is better, so I hope he will get through the journey alright. — Does *Drenteln* take over the regiment now, or how is he arranging?

I have got a fly buzzing round my lamp, reminds one of summer; but the wind is howling down the chimney. Oh sweet Love, I long for you so terribly — thank God you have Sunbeam to keep your heart warm. — What do you do in the evenings, have you anyone for domino?

Navruzov and *Chavtchavadze* took tea cosily with us — it was awfully nice seeing them again after so many months and to get news of you both. You see us 5 taking tea with 2 officers, but with them it seems somehow so natural. They also are enchanted that Vorontzov left the Caucasus. — I am sending *Grabbe* on Tuesday 170 Images, 170 little books, 200 ordinary *store* post-cards, 170 packets for officers — to *Zborovsky* and Shvedov I shall give the things myself. And then a small Image of St. Nicolas for the *company,* you can bless them with it, Deary.

Well, our Friend was with the old man who listened to him very attentively, but was most obstinate. He intends asking you not at all to call the *Duma* together (he loathes it) — and *Gregory* told him it was not right to ask such a thing of you, as now all are willing to try and work and as soon as their preliminary work is ready it would be wrong not to call them together — one must show them a little confidence. —

Nov. 30th.

I am lunching and writing. At 10 I went to the *memorial liturgy* for our officer, the children came for the *Requiem*. Then sat in the hospital, *Navruzov* turned up, he leaves tonight again for *Armavir*. *Ravtopolo* turned up, looks flourishing!

Its 2 of warmth and pouring. — The guard officers heard, that the promotion did not count for them. —

Do you return straight to the *Headquarters* or over *Minsk?* The *Erivantsi* were asking. *Melik Adamov* turned up fr. *Eupatoria*. —

Have to receive and so must end and swallow my food. —

I bless and kiss you over and over again with unending deep devotion.

Ever, Sweetheart, yr. very own old

Sunny.

No. 168.

Tsarskoje Selo, Dec. I-st 1915

My own Beloved,

Dark, cold, II° of frost. Sonia has fallen ill, very weak, a noise in the lungs & dozing state, scarcely speaks & when does, scarce to be understood. I had *Vladimir Nikolaievitch* to come & he will bring his brother too. *Vl. Nik.* put *cuppings* on whilst I was there — she took no notice & hung like a lump in the 2 maids' arms — pittyful sight this paralised body. In the night she was worse so they got a sister fr. the big palace to make camphor injections & then the heart got a bit better. I know she likes to take holy Communion when so ill, so shall try & get *the priest*. She only said yesterday „like Mama", she always thinks of her mother's death when feels ill. Mitia *Den* & Isa sat long next door — I shall go up soon this morning — still when ill, she is accustomed to have me near her always.

Only since yesterday morning everything, & at once so weak & *broken* & yesterday only 37.3 & pulse 140 — today 38.7 & pulse 82 — 104. — I had Pss. Gedroïtz for a *report* 1½ hour yesterday about *Eupatoria*, where I sent her to clear up things wh. were going on. — *Shurik, Victor Erastov.* & *Ravtopolo* were in the evening at Anias, — Nastasia's eyes glittered fr. joy. — I hear *Erdeli* let the staff know you have said my *Andronnikov* is to be aid to *Viltchkovsky*. Well, then we must add a place as second aid, as have already one. —

Tchitchagov was at Ania's & told her that he leads *Varnava* 's story today & that today the *Synod* issues the *glorificate decree* of *St. John Maximovitch*

Tchitchagov found a paper at the Synod, wh. the metrop. & all had forgotten (scandal), in wh. the *Synod* asked you to permit his *glorification* (a year ago or a little more) & you wrote „*agree*" on the top — so they are at fault in everything. — Shall finish this during luncheon, must go up to Sonia, when dressed. Sweetheart, m e w a n t s you. —

Are lunching in the p l a y - r o o m to be nearer to poor Sonia. Lovy, she is very bad. Inflamation of the lungs, but whats worse the paral. is creeping round the muscles of her heart wh. is very weak — there is little hope & she looks so bad. At 3 she will take holy Communion. Does not speak to-day, hears when I tell her to drink & cough. Eyes always shut — bad complexion — They say her left *eye-ball* does not react. Her Aunt *Ivanova* & a sister fr. the *Alexander hospital Station* (fr. the *convoy)* have come to look after her. —

For yr. beloved letter, endless thanks, always an intense joy, Sweetheart.

Excuse short letter, but am worried about Sonia. Our Friend says better for her she shld. go & we all feel it — I am very calm, seeing so many going off, dying, makes one realise the grandeur of it & that He knows best.

Sun shines.

Endless blessings & kisses fr. own

Wify

No. 169.

Tsarskoje Selo, Dec. 2-nd 1915

My very own sweet One,

One more true heart gone to the unknown land! For her I am glad that all over, as in the future life might have been a yet worse phisical trial to her. Want so quickly that one cannot yet realise it — she lies there like a wax all, I cannot call it otherwise, so unlike the Sonia full of bright life and roy colours we knew. God took her mercifully without any suffering. I wrote to you during luncheon yesterday, then just began *report* with *Viltchkovsky* and I was called to her, heart very weak, 39,7 and was taken Holy Communion (2½), she could not open her eyes — the only thing she said, was to me, and »forgive« — that was all and then no more heeded when one told her to swallow, the end began. I asked *the priest* to read the prayers and give her the last unction — it brings peace into the room prayers and I always think helps the parting soul. She changed rapidly. At 4¼ her Aunt begged me to go and rest — so I lay in Isa's room and there we took tea — at 5.10 they called me — *the priest* read the prayers for the dying and she quite peacefully went to sleep. God let her soul rest in peace and bless her for all her great love to me through these long years. Never did the child complain of her health — even paralised, she enjoyed life to the end. — It was the heart wh. failed, they gave her camphor and other strong injections, nothing acted upon the heart. What a great mystery life is — all waiting round for the birth of a human being — again

all awaiting the departure of a soul. Something so grand in it all and one feels how small we mortals are and how great our heavenly Father. Its difficult to express ones thoughts and feelings on paper — I felt as tho' were giving her over to God's care alone now, wanting to help her soul to be happy — a great awe and holiness of the moment overtakes one — such a secret, only to be fathomed yonder. The girls and I went at 9 to the *funeral service*. Now they are going to place her into her coffin in her sittingroom, but I shall spare my forces the evening, to accompany her out of our house to *Znamenia*. I scarcely slept — too many impressions! I am quiet — calm — numbed feeling you know fr. crushing all in. *Botkin* for the first time turned up this morning — begged me to keep quiet because of the enlarged heart. I want to go to holy Communion to-morrow morning — *Christmas Fast* and now it will be a help. — A. will go to *Pestcherny Chapel* at 9. So Sweetheart, I tenderly, lovingly beg your forgiveness for everything — word and deed — bless me Lovy. It will be a comfort, as you leave on your journey to-morrow, to pray for you there. God grant all will go well. Sad you won't see the *marine of the guard*. After your letter yesterday, we arranged to send *Popov* to Odessa with my Church and *Andreiev* with the one for the 4-th reg. to *Zhmerinka* or wherever they are. It will be interesting you go on further. — I send you a small present to-day (the letterbox awaits your return) and you open it the 5-th evening. Its a photo taken out of a group last year and enlarged. — I send it today, in case it might not reach you on the 6-th and in any case also my very tenderest blessings goodwishes and kisses for your precious Namesday. Heart and soul ever with you my beloved Angel, also a few flowers — the others must have faded, as yesterday it was a week that you left us. God grant you a good journey in every respect. — Ania kisses you. — Yr. Mama is coming to the *funeral service*, so I must go to it, because *Olga* and *Tatiana* are obliged to go to town, they cannot put off a big committee and *receipt of donations*.

God bless and protect you my Love, 1000 fond kisses fr. yr. own old Wify.

No. 170.

Dec. 3-d 1915

Sweet precious One,

It was a great consolation to go to Holy Communion this morning and I carried you in my heart. So peaceful and lovely and our singers sang beautifuly — nobody was in Church — only Olga dear came. Ania went with me — but everywhere one misses and thinks of Sonia — how I used to wheel her up to the *Czar Gates*. — We took a cup of tea, then Ania went to town and Olga and I a moment to place candles at *Znamenia*. A nun was reading, — she was covered right over and only her faithful servant stood there — so lonely.

As nobody thought, of 40 days mass, I had it ordered. — Yesterday the officers of the *United Regiment* carried her in the house down the stairs and

in Church, in the street the servants, *Tatiana* and *Maria* followed on foot I drove behind with *Olga* and *Anastasia* — snow — so quiet and quick all. But one cannot grasp that being so full of life is lying there so still — yes, the soul is gone indeed. —

Ania had confession in our bedroom too, it was simpler for *the priest.*

I had wanted to go this lent and now it came as a great consolation — one is a bit tired from more than a years suffering and that gives one new strength and help. —

To-day its the anniversery of *Botkin's* son's death. Sonia died the same day as my Mother 34 years ago; — she was much pittied and loved and heaps of people came.

During the *funeral service* in the house, I kept near the bedroom door so saw nobody, wh. was easier. Kind little Mother dear came, as she wanted to see her in her own room still, and then she told me she wants all those pictures of Zichy's taken out of the frames again and put in a map and sent to her, as they are remembrances of the journey and she says were before at *Gatchina.* I shall get *Stcheglov.* to do it, only after one has taken Sonia's things away and put order.

It's cold and snowing — I wonder how you are getting along on your journey, my sweetest sweets. Such an intense longing for you, but I am glad you are not here these sad days. *Petia* comes to tea. —

I had Mme Zizi, as there was a lot to talk about and on account of the funeral too. —

Its snowing away the whole time. Lovebird, treasure, how I think of and lovy you and my Sunbeam.

God bless you and your journey and bring you safely back again I cover you with very tenderest kisses, and remain,

Huzy Love, yr. very own old

Sunny.

No. 171.

Tsarskoje Selo, Dec. 12-th 1915

My very own,

Sweetheart, beloved Darling, its with an aching heart I let you go — no Baby sweet to accompany you — quite alone. Tho' I suffered without my Child, it was a great consolation to give him to you and to feel his sweet presence would be ever near to brighten up your life. And no *N. P.* anymore to accompany you — I was quiet when I knew him with you »*He is ours*« as our Friend says so rightly and his life is so knitted to ours since all these years, he has shared our joys and sorrows and is quite our very own and we are his nearest and dearest — he too dreads the long absence now from us all, I do hope you will see him with the battalions, it would be a blessing for his new work. —

Thank God, your heart can be quiet about Alexei and I hope, that by the time you return, you will find him as round and rosy as before. — He will be very sad to remain behind, he loved being with you alone like a big fellow already. Altogether separations are horrid things and one cannot get accustomed to them. Nobody to caress and kiss you for long now — in thoughts I will be always doing it, my Angel. Your cushion gets the morning and evening kisses and many a tear. Ones love always grows and the yearning increases.

God grant you may have fine and warmer weather there to the south. Its a pity all has to be crowded into one day — one cannot so thoroughly enjoy all one sees, nor have enough time to talk, as one would wish. — May your precious presence bring them great blessings and success. —

I wonder, whether you will return for Xmas or not, but you will let me know as soon as it is settled, now of course you cannot tell. — My own, my own, I hold you tightly clasped to my heart and cover you with kisses — feel me with and near you, holding you warm and tenderly . The first hour will be horrid in the train without Baby — so silent and you will miss the prayers too. Sweethearty mine, oh me loves so deeply, deeply »with unending true devotion deeper far than I can say«. — When you are away, there is a feeling of the chief thing in my life missing — everything has a sad note, and now I keep Agoowee one, its worse for you by far. Sleep peacefully my Love, God send you strengthning sleep and rest. —

I have given the Image for the *Chasseurs regiment,* the bag is lined with their ribbon they gave and our Friend blessed on their Feastday 1906 at Peterhof. The rest of it I have kept; but He said it would be in a war and they would do great things. Now He cannot exactly remember, but said that one must always do what he says — it has a deep meaning. Perhaps you wont wish to give it personally, not to hurt the other reg. (as this one has nothing to do with Baby or me) — then have it given them fr. me when you leave, — Remember Georgi's good idea of having all yr. a. d. c. to do service 10 days — then you will hear fresh news and they will get a rest. —

Goodbye my own Huzy, my Own, own, very Own, my Life, my Sunshine, God bless and protect you, St. Nicolos hear our prayers.

Kisses without end.

Ever yr. very

Own.

No. 172.

Tsarskoje Selo, Dec. 13-th 1915

My own Beloved,

It was a lonely night and I miss you awfully — but for you its far worse and I feel so much for you my Sweetheart. Was so hard parting! God bless and protect you now and for ever. —

I slept midling — its snowing since the evening, 12—15 degrees only, such luck and I hope you will find it much warmer on your journey. —

Just got a wire fr. *Zhukov*, very touching, before their departure and one from *N. P.* from *Podvolotchisk*, that they arrived there safely yesterday — so I hope he will still see you there. — Dined upstairs and then a letter from Paul was brought me and one to him from Marie all about *Russky*, despair etc.; after a talk of hers with *Bontch Brujevitch*, who complained of course that one protects the Barons here — that when he sent away the 2 of the red cross, *Beletski* got them back — that *Russky* is against this plan of *Alexeiev* to the south and abuse of *Alexeiev* — so, as Paul left it to me to choose, whether to send his and Maries letters to you — I returned them to him with a few explanations — as I disagree with all she writes. As tho'one simply sent *Russky* off, after his letter to *Polivanov*, wh. soi disant the latter never showed you — lots of rot. — Tiny slept well, 37, but left arm rather stiff, no pain. — As heart a little better, and not so cold, am going at 11 to mass — *Pitirim* serves and I will feel grateful to pray in Church, tho'miss you there quite awfully. —

God bless you Lovy, I must get up, and dress. I feel still your goodbye kiss on my lips and hunger for more. Goodbye my Angel, my Sunshine. I cover you with tender fond kisses. —

Ever yr. very own old Wify.

Toughts don't leave you, nor my prayers with endless yearning. —

No. 173.

Tsarskoje Selo, Dec. 13-th 1915

My own Sweetheart,

I begin my letter this evening, as shall not have much time for writing to-morrow morning, as the dentist awaits me & Ella arrived. Excuse another ink, but the other pen is empty. Baby has been quite alright — we lunched, took tea & dined with him & after seeing Benkendorf & Sonia's Aunt *Sister Ivanova*, I remained with him. The Metropolitan *Pitirim* served beautifully, & at the end said a few warm words & prayer for you, Lovy dear. *Loman* gave him a big clerical luncheon at wh. Ania also assisted. It was comforting praying in Church with our dear soldiers. — Ania, *Voronov* & wife took tea, Baby was delighted to see them. He leaves on Thursday to join the *crew* with his 160 sailors, over Moscou, as that way to *Kiev* seems quicker. —

He says poor *Melnovetz* has grown terribly thin & his lungs are in a seriously bad state. — To-morrow is already the anniversary of *Butakov's* death — how the time flies! — Then I had a Pr. Obolensky, brother of M-me *Prutchenko*, tho' she hates Ania on account of our Friend, he came to me through A. to bring me photos of the frescos in the Feropontievsky monastery, wh. he is helping to restore — they need still 38.000, so I told him he must wait to the end of the war, now all sums are needed elsewhere. Then Pr. Galitzin came with his *report* of my committee for our prisoners. —

Then I rested an hour. Ania dines too, as I shall see her less these days, tho' Ella leaves again Wednesday evening & will spend half her days in town & I with the dentist. Alas, I cannot go to the consecration of the little Church — its too tiring & I am not fit yet; in ten days Xmas & so much to be done before that. — It was warmer, so the children drove to *Pavlovsk*, — met the *Countess Palei*, son & little girls on snowshoes. Now I must try & sleep.

Dec. 14-th. 17° of frost.

Good morning, Sweetheart,

Babykins slept well, I not famously. — I wonder whether my letters catch you up on the way back or whether you will only find them upon yr. return to the *Headquarters;* well, as they are numbered, you wont make any confusions. — The pink sky behind the kitchen & the thickly covered in snow trees look quite fairylike — one longs to be an artist to paint all. — I told Benkendorf about the gospels to be sent to you through Rostovtsev.

Ella comes at ¼ to 12—3½ & then goes to town for *Acathistus* & evening service before to-morrow's consecration & dines at *Anitchkov*. And I have the dentist before 11 in consequence. —

His arm is alright again & 36.6 & gay.

All my thoughts follow you the whole time and ernest prayers — miss you greatly, my Sweetheart & long for your tender caresses to warm me up. — There, Ortipo jumped upon my bed, Tatiana has gone off to the hospital, Anastasia was at the dentists. — *Leo* is still alive — ups & downs, poor man. —

I kissed one of o u r little pink flowers & enclose it in this letter. — Now I must get up — such a nuisance — & end my letter.

Goodbye my Beloved, I bless you & kiss you without end.

Ever Husy sweet yr. very Own.

No. 174.

Tsarskoje Selo, Dec. 15-th 1915

My very own sweet Darling,

All my thoughts are with you, wondering how all is going on. — We have again 20° of frost, and glorious sunshine. — Such a fidgeting from early morning on, hundreds of questions about Xmas presents for the wounded and personal of the hospitals — the number always increases. — The 900 gospels, images and postcard-groups have been sent to Kyra. — I only saw Ella a second at 9 before she flew off to church — it is 1, and she has not yet left town again. Sat with the dentist for an hour. — Heart more enlarged this morning. — Baby slept till 11, alright, but still has a cold. — Had Sophie Fersen for nearly 2 hours yesterday and we had such a nice talk — such a pleasant, good woman. —

I send you a petition of Prince *Yurevsky's* sister-in-law, a not good person, you will do as you like with it. —

Css. *Rebinder, Kharkov,* wrote to Ania, that her brother *Kutaysov* got the news of his nomination there: »*At first he would not believe in his good fortune, and now he is aflame with the desire to prove his worth to bear the insignia of his beloved Monarch and ready to sacrifice for him all his powers, all his life.*"

She says he has become quite another man since — God bless you for what you have done to him, Sweetheart.

How glad I am you saw Xenia too. — A. sends you her tender kisses, she has left for town at 1, over night. — Must send this off now. —

Blessing and ever such warm, tender, fond kisses, Lovebird fr. yr. very own little

Sunny.

No. 175.

Tsarskoje Selo, Dec. 16-th 1915

My very own Darling,

I was so happy to receive your dear telegram last night from *Podvolotchisk* and to know, that all had been so beautiful. Our Friend prayed and blessed again from afar. — *N. P.* wired after 4 already, that you had promoted him after the review and that he was awfully happy — I am glad you saw him before the battalion. —

We made Baby tell Ella all about *Volotchisk* and your inspections there and the Pss. *Volkonskaya* — he told it very well and with lots of details. — Ella had been there a year ago in autumn. Her humour and looks are excellent, quiet and natural — of course has to rush every morning to town and receives besides here still. She leaves again to-morrow evening — to-day I am going to look at the china and drawings from the fabric with her and *Strukov.*

26⁰ of frost again, so that and my enlarged heart keep me quietly home. Ania was yesterday at the Metropolitans, our Friend too — they spoke very well, and then he gave them luncheon — always the first place to *Gregory* and the whole time wonderfully respectful to him and deeply impressed by all he said. —

You have only left us 5 days, and it seems to me such ages already Oh Lovy, Baby and I are already thinking of your loneliness at the *Headquarter* and it fills us with great sorrow »You really mustn't« I find, precious Angel mine.

Now I must dress and go to the dentist, after wh. I shall finish my letter. —

Here I am upstairs and he is arranging my (false) tooth — we spoke about the big military Sanatorium, wh. is being finished with yr. sums and now he hears the *Yalta* medical society (wh. the »*Union of Cities*« helps) wants you

to give it over to them — he finds it principally quite wrong (belongs himself to the society), therefore I warn you not to agree if you get such a petition — speak it over with me when you return, please — one needs it for those *tubercular patients,* who must be kept separately and have no place at *Yalta* — and it must be y o u r s. — Now I am sitting next to Alexei's bed and he is writing to you — *Peter Vasilievitch* watches how he spells. »*Joy*« lies sleeping in the floor. The sun shines brightly — I am giving an Image of St. Nicolas for Ella to bring Prince *Chir.-Chakhmatov* from you, as thanks for his work, — he was ill and could not be at the consecration of the Church. —

I fear my letter is very dull, but I have nothing of interest to tell you. Now it is time to go down to luncheon. —

Goodbye, my very own beloved Sweetheart. The empty house at the *Headquarters* will make you sad, poor Lovy mine and you will miss our Sunbeam. God help you, Deary.

I cover you with tenderest, fondest kisses, blessings.

Ever yr. very own old Wify.

No. 176.

Tsarskoje Selo, Dec. 17-th 1915

My own Darling,

Again no time to write even a decent letter. I had to read through any amount of *reports,* must get up at 10½ to go to the dentist — then *Viltchkovsky* with a *report,* in the evening Khvostov I don't know why, and my heart more enlarged and hurts and I ought to keep quiet. —

22⁰ of frost. — I send you a paper Ella brought from *Kursk* — she tought you would perhaps send someone with medals. The other is to remind you whom to telegraph for Xmas — it's no good my sending them, as we are not together. — Baby hopes to be up and dressed to-morrow if his temp. keeps normal to-day; the cold had thrown itself unto his tommy, so that he has to keep to a diat. — Ella leaves this evening, as has much to do — her visit was cosy, calm and homely and, I think, will have done her good. — I got a telegram fr. *N. P.* that he comes on the 20-th fr. *Kiev,* no, not true, thinks of leaving the 20-th, but why the wire comes fr. *Kiev* and he writes »*not well*«, perhaps cought cold — rather unclear. —

Ones thoughts are »out there« wondering how all are moving along. — Your lonely homecoming to the empty house makes me sad — God help you.

Blessings and v e ry tenderest kisses without end fr. yr. very own old Wify.

Excuse short letter, but really have no time — when Ella leaves and dentist finished, shall he free'r — but all is worse before Xmas wh. is in a week. —

How was and is the old Man?

No. 177.

Dec. 18-th 1915

My own beloved Sweetheart,

Glorious bright sunshine, 8 of frost in the morning — the dentist finished with me for this time & the teeth ache still. Yr. loneliness makes us sad — fancy yr. dreary walks in the garden, call *Silaiev* or *Mordvinov* to come with **you, they have always something to tell. And the empty bedroom! Come back** quicker & we shall warm you up & caress you, Lovebird tenderly longed for. — The amount I have to do these days makes me wild, so as that I have not even time to write to you quietly. I am smoking because my teeth ache so more the nerves of the face. — Alas, I must bother you with papers, a thing you dont like. I enclose Miechen's letter, its simpler than writing out all the story about Dellingshausen, & when you have read her explanation, you will see whether anything can be done for him — she is very careful whom she asks about, but also wants us to help set right things if one can, & if an injustice has been committed through people having hastily judged people. — Manus never died, it was simply a game of the bourse wh. made the papers rise & fall — an ugly trick. —

My conversation with the Tail I shall write to-morrow, to-day I have no time & my brain is too tired. —

Things to settle for Xmas are always tiring & so complicated. —

Baby has got up & will lunch in my room, looks sweet, thin with big eyes. — The girls alright. Tell me to thank her for letter & goodies & send a message. — Must end. Blessings without end & 10 000 of very, very fond kisses

Ever, Huzy mine yr. very own old

Alix.

No. 178.

Tsarskoje Selo, Dec. 19-th 1915

My own Sweetheart,

You cannot imagine what a joy & consolation your precious letter was. I miss you quite terribly, & all the more knowing how intensely lonely you must feel, & no soft kiss to warm you up, no little voice to cheer you. Its more than hard knowing you all alone & not even *N. P.* near you.

How I wonder what news you have from the front, is the move going satisfactorily — black crows croak with whys & wherefores, in winter such an undertaking — but I find we have no right to judge, you & *Alexeiev* have your calculations & plans & we only need praying with heart & soul for success — & it will come to him who knows how to wait. Its bitterly trying & hard, but without great patience, faith and trust nothing can be achieved. God always tries one & when least we expect it sends His recompense & relief. And how different all will be interiorly when once our arms are crowned with success. —

We talked a lot about the *supply question* with *Khvostov,* he says the ministers really try working together (puting *Polivanov* & Bark beside), but its the *Duma's* fault wh. hung comissions with 70 members onto them & the Minister of. Interior's powers consequently are greatly diminished & he can take no particular measures, without it having passed through the commission. Certainly with one's hands tied like that, little can be achieved — he told it at the *Duma* the other day & they held their tongues. He therefore asked me to remind you of his conversation with you when he begged you to give an o r d e r — to the Council of ministers (I think) for the people to know, that you are thinking of their needs & wont forget them — it wont be much of a help, but as a m o r a l link, to show them, that tho' you are at the war, you remember their needs. I fear, I explain things badly, but my head aches — I had such masses to read through — yesterday was dead tired 2 hours looking trough Sonia's things with her brother & choosing Xmas presents & receiving. To-day I shall only have V. Kotchubey about the Eastergifts & a fond he is thinking we might found. —

One person, whom not only the tail, but many good intentioned people are against & find not at the hight of his place is *Bark.* He certainly does not help *Khvostov* — ever so long one has asked for money for him to buy the „*Novoye Vremya*" partly (the ministers, alas, told *Bark* to do it instead of *Khvostov* who wld. certainly have succeeded, whereas *Bark* dawdles for his own reasons) — & the result is *Gutchkov* with Jews, Rubinsteins etc. buy up the paper, put in their own mendacious articles. He himself does not feel his sitting very firm since he signed that letter with the other ministers, who partly left since & so tries to get on with the party of *Gutchkov* more or less They say a clever Minister of Finance cld. easily catch *Gutchkov* a trap & make him harmless, once he wld. have no money from the Jews. Now this *Prince Tatistchev* whom I saw (was in the Cavalry school, no, Cadetcorps, I think, which *command.* is a great friend of his) is a very competent man knows & venerates our Friend deeply & gets on to perfection with *Khvostov;* a sort of relationship besides between them — a m o s t l o y a l man & only wanting yr. & Russia's good.

His name is in many mouths, as a man capable of saving the financial situation & the gaffes Bark made. He is a man with an opinion of his own & seeks nothing personal, is rich, a prince, & an enemy of the *Tjutchev* — *Samdrin set — he is one of our own men, ours, and will not betray us,* as *Khvostov* says, & l o v i n g o u r F r i e n d is certainly a blessing & gain. Do think about him & when you see *Khvostov* speak about him, as he of course has not the right to meddle in the affairs not concerning him — but they wld. work harmoniously together. He hates *Gutchkov* & those Moscow types — made a really good impression upon me. It was *Andronnikov* who spoke without any reason, nastly about *Tatistchev* to *Voyeikov,* & he confessed this afterwards — fancy, Pss. *Palei* knows even this (Ania pretended utter innocence & no knowledge of anything) — & said what good one says of *Prince Tatistchev.* — I enclose a paper about him, I asked *Khvostov* to write down for me. —

In his *Luzhskoye* estate he has just found a sulphour (?) spring & coal

this I only tell you for a point of interest. — Do see him when you come & have a quiet talk. — Certainly if the Cabinet becomes always more united, everey thing will work better & they will besides stick up for our Friend from love for you & veneration for him.

Baby has written you a French letter, you send him a telegr. it will rejoice the child.

Now I must end.

Goodbye my own precious Husband, heart of my heart, longsuffering Darling. I cannot think of you quietly, the heart draws itself together from pain. I long to see you at last relieved from worries & anxieties — seeing people honestly fulfilling yr. orders, serving you for your own precious self. You have so much to carry. —

God indeed has laid a heavy burden upon yr. shoulders — but He will not fail you, will give you the wisdom & strength you need & recompense your unfailing patience & humility. I only wish I could be of more use to you — all is so difficult, complicated & hard now — and we cannot be together, that is the worst of it.

Do you think there is a chance of yr. coming soon? —

God bless and protect you, comfort you in yr. loneliness & hearken unto yr. prayers.

I cover you with tenderest warmest kisses, press you tightly to my heart & long to rest upon yr. breast & keep quietly so, forgetting everything that tears the heart to pieces.

Ever, Sweetheart yr. very own

Sunny.

No. 179.

Tsarskoje Selo, Dec. 20-th 1915

My own Sweetheart,

Well, that was a surprise receiving yr. second dear letter, and I thank you for it with all my heart. I am glad you are off and away again, you will have less time to feel lonely and then those troops have been so long waiting to see you. It is also less cold now, wh. is a good thing for inspections. Fancy the old Sinner having ridden past at the head of his Squadron, — thank God it went off well; — but I hope he otherwise does not bother you in your active movements. —

What joy you can be here on the 24-th, then you drink tea in the train and we can light the Children's tree when you come — we shall have finished the servants and ladies trees by then too. Ones head goes round from all there is to do and I feel rotten — still I want to go for a bit to Church as *Lili Den's* Boy becomes orthodox this morning in the lowerchurch — and upstairs will stand during mass and go to Holy Communion for the first time in his life — my Godchild. As Drenteln lunches at Isa's we have asked him

to come down after, to bid him goodbye, as probably he won't think of doing it himself. —

Fancy yr. being English Fieldmarshall! That's nice. Now I am going to order a nice Image of the English, Scotch and Irish Patron Saints, St. George, St. Michel, St. Andrew for you to bless the English Army with — St. Patrick is the Irish au fond. — I saw in the papers to-day what you wrote about our advance to the south till the wire-lines and so forth. God bless the troops with success.

I wonder what *B. (Botkin?)* told you about Mama.

10⁰ — of frost this morning and the trees as thickly covered in snow as when you were here. Sunbeam is at last going out and I hope he will quickly regain his pink cheeks again. — To-day it's 20 days that Sonia died! One has no idea of time now — it seems like yesterday and then again as tho' it had happened ages ago — one day like a year at these serious times of suffering and anguish. —

Lovebird, I must be getting up to dress for Church. Goodbye my very own beloved, my joy, my life, my one and all. I bless and kiss you tenderly as it is only possible and cuddle close to you. —

Ever, Sweetheart, yr. very own old wify Alix.

How nice if you see the »*Erivantsi*« *Georgians* and the other Caucasians now — perhaps my Siberians? I got a very pretty telegram from the *Chasseurs of the Guard* thanking for the Image and ribbon.

No. 180.

Tsarskoje Selo, Dec. 21-th 1915

My own Sweetheart,

How glad I am that you were satisfied with all you saw yesterday, and that the weather was not too cold. To-day we have only 3⁰— and Baby enjoys his outing twice daily in the garden. — I went to mass yesterday — the latter half, because I wished to be present when Lili Den's boy took holy Communion for the first time — he is my Godchild. She became orthodox yesterday morning. The discription of her journey with *Groten* last time from here to the country — is delightful — please, they slept in one compartment, he over her head as there was no other place — good it was not *Ania.* —

Erdeli comes to me to-day, I don't know why, perhaps after the false order he gave in your name and wh. he wants to clear himself probably, but I don't see how he can. — Yesterday *Drenteln* took leave of us — eyes full of tears — he leaves the 26-th evening and hopes to have a chance of bidding you before goodbye. Won't yr. days here be madning, 3 days Xmastrees in the manège there are such masses!

Then I had Mitia Orbeliani to look through little Sonia's jewels and devide them according to her wish — painful work seeing all her little things she was so fond of. —

Tudels is such a bore, never remembers anything, asks hundred times the same things, and that does not make my writing better. Head and heart bother me and I am awfully tired. For the other's sakes I went to Ania's house yesterday as there were 2 of the Childrens wounded friends and Marie's fat fellow-so I had to keep Ania company. —

Beloved Darling, I must say goodbye now. Keep well, heart and soul never leave you. Blessings and kisses without end, Huzy mine, fr. yr. own old

Wify.

No. 181.

Tsarskoje Selo, Dec. 22. 1915

My own Lovebird,

I congratulate you with our little Anastasia's namesday. It was sad giving her the presents without you. We have a *mass* in my room at 12½ & perhaps after I shall go for a little airing, as there are 2° of warmth & no wind, from time to time a little snow. The first day that snow has fallen from the trees & they are quite uncovered. —

Our Friend is always praying & thinking of the war — He says we are to tell him at once if there is anything particular — so she did about the fogg, & He scolded for not having said it at once — says no more foggs will disturb. —

Alexei & Shot have just gone off into the garden, it does him such good these walks. — *Vesselovsky* telegraphed, that you saw my *Company* on the 20-th —. I am so glad for them, our wounded *Kunov* may also have been there or the other wounded *Maleiev.*

I saw *Erdeli* — well! the story is most unclear to my mind, as he protests ever having spoken to you personally about *Andronnikov* & that he never wrote such a telegr., he thinks at the telegraph they did it, to wh. I firmly protested, as they never would invent or use your name & for what reason besides. Then says its *Maslov's* fault, may be the idea was a mistake of his — but I told him to find out in the staff in town who wrote & who got the order fr. *Erdeli* & »by your order« — I honestly believe *Erdeli* did it, because he told me other words & tho' my name were mentioned — bosh, — you know I don't like him nor his shifty eyes & manners. Then he told me good things about *Groten* (looks upon him as my protégé & Ania's no doubt, as *Erdeli* was awfully rude the last years, during his great friendship with *Stana,* towards Ania).

My lancer *Guriev* sat an hour with me (also spoke well of *Groten* & *Maslov)* & was nice, interesting, excellent *spirit* — the thing for a young officer. —

How strange it must have seemed to you to see our troops in the places you knew from the old Headquarters. Do we at all advance there, or have we stuck fast since the retreat? — To the south we seem to be making lots of prisoners and slowly but firmly advance. —

I have been making up things for *N. P.* — we sowed him a silk shirt, I knitted stockings, then got india rubber basin & jug like those I gave last Xmas to *Rodionov* etc. —

Seeing the troops must be refreshing. I suppose you go by motor & walk — not possible to get your horses there. —

Sweetheart, I must now end, I bless, & kiss you without end, caress & love you beyond words. —

Ever yr. very Own.

Khvostov told Ania that he, *Naumov* & *Trepov* have made a plan for the *food distribution* for 2 months — thank God, after 15 months, these have at last worked out a plan. —

M-me *Antonova* returned from *Livadia* — I enclose a violet, snowdrop & other smelling buds from there. —

No. 182.

Dec. 30-th 1915

My very own beloved One,

Off you go again alone & its with a very heavy heart I part from you. No more kisses & tender caresses for ever so long — I want to bury myself into you, hold you tight in my arms, make you feel the intense love of mine. You are my very life Sweetheart, and every separation gives such endless heartache — a tearingaway from one, what is dearest & holiest to one. God grant it's not for long — others would no doubt find me foolish & sentimental — but I feel too deeply & intently & my love is fathomlessly deep, Lovebird! — And knowing all your heart carries, anxieties, worries, — so much that is serious, such heavy responsibilities wh. I long to share with you & take the weight upon my shoulders. One prays & again with hope & trust & patience the good will come in due time & you & our country be recompensed for all the heartache & bloodshed. All that have been taken »& burn as candles before God's throne« are praying for victory & success — & where the right cause is, will final victory be! One longs just a bit quicker for some very good news to quieten the restless minds here, to put their small faith to shame. — we have not seen each other quietly this time, alone only 3/4 of an hour on Xmas Eve, & yesterday 1/2 an hour — in bed one cannot speak, too awfully late always, & in the morning no time — so that this visit has flown by, & then the Xmastrees took you away daily — but I am grateful that you came, not counting our joy, your sweet presence delighted several thousands who saw you here. The new year does not count — but still not to begin it together for the first time since 21 years is still a bit sad. — This letter I fear sounds grumbly, but indeed its not meant to be so, only the heart is very heavy & your loneliness is a source of trouble to me. Others, who are less accustomed to family life, feel such separations far

less. — Tho' the heart is engaged, I'll still come to see you off and then go into Church & seek strenght there, & pray for your journey & victory. —

Goodbye my Angel, Husband of my heart I envy my flowers that will accompany you. I press you tightly to my breast, kiss every sweet place with gentle tender love, I, your ownlittle woman, to whom you are All in this world. God bless & protect you, guard you from all harm, guide you safely & firmly into the new year. May it bring glory & sure peace, & the reward for all this war has cost you. I gently press my lips to yours & try to forget everything, gazing into your lovely eyes — I lay on your precious breast, rested my tired head upon it still. This morning I tried to gain calm & strenght for the separation. Goodbye wee one, Lovebird, Sunshine, Huzy mine, Own!

Ever your unto death wife and friend.

( ) a big kiss imprinted here

Sunny.

This little calendar may still be of me to you.

No. 183.

Tsarskoje Selo, Dec. 31-st 1915

My own Sweetheart,

This is the last time that I write to you in the year 1915. From the depths of my heart and soul I pray God Almighty to bless 1916 quite particularly for you & your beloved country. May He crown all your undertakings with success, recompense the troops for all their bravery, send victory to us — show our ennemies of what we are capable. 5 m. the sun shone before you left, and so has even *Shah Bagov* also noticed it each time you left for the army & to-day it shines brightly, 18 of frost. And as our Friend says always to pay attention to the weather, I trust that forsooth it is a good augury.

And for interior calm — to crush those effervescing elements, wh. try to ruin the country & give you endless worry. — I prayed last night till I thought my soul wld. burst, & cried my eyes out. I cannot bear to think of all you have to carry, & all alone away from us — oh, my Treasure, my Sunshine, my Love. We went straight to *Znamenia* from the station, Baby dear also placed his candles. I don't know how we shall meet the new Year —' I likes being in Church — it bores the Children — my heart is worse, so I cannot make up my mind yet, — in any case, its very sad not to be together & I miss you quite horribly. —

And yr. empty rooms without our Sunbeam, poor Angel; such endless pitty fills my heart for you & such a craving to hold you tightly in my arms, & to cover you with kisses. — Baby has just gone off into the garden. -- Now I must end — Once more every blessing and goodwish for the coming Year.

God bless you, Lovy sweet, beloved Angel,

I kiss you without end, & remain yr. deeply, deeply loving, loving very own old Wify

Alice.

A. sends every blessings, goodwish, love & kisses for the New Year. — Just got yr. wire, so sorry you did not sleep, for sure too hot, overtired & worried & sad. My humour too is of the saddest.

No. 184.

Tsarskoje Selo, January 1-st 1916

My own beloved Angel,

The new year has begun & to you I send the first words my pen traces. Blessings & boundless love I send you. We had a *mass* in the other side of the house at 10½ & then I answered telegrams & got to my prayers before 12 — I heard the Churchbells ring lying on my knees, crying & praying with heart & soul.

Sweet Lovebird, what are you doing? Have you been to Church? Alone in yr. empty rooms, a sad sensation!

One happy man I saw this evening, that was *Volkov*, as I have named him my 3-st page, the others beeing old & so often at death's door — he cried when thanking me — we remembered how he brought us in a present at Coburg, when we were engaged & I remember him yet before at Darmstadt. — I cant write any more to-night, my eyes are too sore. Sleep well, my precious One, my Sunshine.

Goodmorning Huzy, my own!

22 of frost, bright weather. Slept badly, heart ached — this morning more enlarged so have to spend the day in bed — sorry for the children — if better, shall get over onto the sopha in the evening to have this room aired.

Got a telegram from *Sandra* from town, glad poor little Xenia not alone, as she feels so very unwell.

Longing for news from you, as only had a wire upon your arrival 24 hours ago & my thoughts dont leave you, — As Baby has a wee bit scratchy throat, he remains at home. — The others have gone to Church. — Darling treasure, I trust this bright sunshine will bring many blessings to our brave troops & dear country and shine into your life with bright hope, strength & courage. — Have any amount of telegram to answer. — Yesterday I received Mme Khvostov (wife of Minister of Justice) & pretty daughter, who marries next week, before the young Artillery officer returns to the war — he had 7 wounds. Then received 4 wounded officers, *Viltchkovsky* & a *Kalmyk* & Priest of theirs, who ask me to send wounded earlier in this year to their hospitals for *mare's milk* — they want to arrange also a *sanatorium*, wh. wld. be splendid. — Well, in bed one wont get at me & that will be perhaps

better & help getting my heart sooner into order. — A. spent the night in town, she went after 5 already — & after her telephone, by our Friend's order. She told me what to tell you at once about the trams. I know, Alek once tried to stop it & at once there were rows — what general gave the order now? It is perfectly absurd, as they have often to go great distances, & a tram takes them there in no time. It seems an officer, because of the order, kicked a man out of the tram & the soldier tried to beat him — its bitterly cold too — & really, gives rise to nasty stories — our officers are not all gentlemen, so that their ways of explaining things to the soldiers are probably often „with the fist". — Why do people always invent new reasons for discontent & scandal, when all goes smothely. — *Beletzky* got hold of a gang & brochures, wh. were being printed for the 9-th, to make filth again knowing our Friend, God will help them serve you.

The children are lunching next door & making wonderful noises. „*Engineer-Mechanic*" has arrived unexpectedly & so prevents med (icine) wh. is a bore. —

This instant, quite unexpectedly your sweetest letter was brought — oh thank you Lovy mine, thank you tenderly for yr. sweet words wh. warmed up my aching heart — the best gift for the beginning of the new year. Oh, Lovy mine, what good it does a tender word like that! you don't know, how much it means to me, nor how terribly I miss you — I yearn for your kisses, for your arms, shy Childy only gives them me in the dark & wify lives by them; I hate begging for them like Ania, but when I get them, they are my life, & when you are away, I recall all your sweet looks & every word and caress. —

Baby received a charming telegram fr. all the foreigners at the *Head-quarters* in remembrance of the little room in wh. they used to sit & chat during »*Zakuska*« (hors d'œuvres).

Ania brought a flower from our Friend for you with His blessing, love and many good wishes. —

Goodbye my Angel Dear, I bless & kiss you over & over again yr. own

Wify.

No. 185.

Tsarskoje Selo, Jan. 2-nd 1916

My own beloved Darling,

Nice bright sunshine, 20 of frost. Did not sleep well as head continues aching, so excuse short letter. Was on the sopha yesterday fr. 9—11, but the head began aching thouroughly then — therefore I remain again in bed to-day, as head & heart ache more when I move. *Maria & Anastasia* went for an hour to church, because of Ania, who takes Holy Communion the others were in the hospital & now they are lunching next door. No news from the front — shows the weather has not yet changed for the better. — I made a mistake, Sandro is not here, it's the other one who telegraphed to me. Sergei too is in town again. *Nikolasha* wired from his family. — My Beloved, my lonely

Sweetheart, my old heart aches for you, I so well understand that feeling of emptiness, tho' there are many people around — no one to give you caresses. When A. speeks of her loneliness, it makes me angry, she has Nini near whom she tenderly loves, twice a day comes to us — every evening with us four hours & you are her life & she gets daily caresses fr. us both & blessings; you have nothing now — only all in thoughts and fr. far. Oh, to have wings & fly over every evening to cheer you up with my love. Long to hold you in my arms, to cover you with kisses & feel that you are my very Own, whoever dares call you »my own«, — you nevertheless are mine, my own treasure, my Life, my Sun, my Heart! 32 years ago my childs heart already went out to you in deep love. — Of course you are your country's first of all & that you show in all your deeds, precious One. — I just read what you write to the army & the navy as New year's greeting. — have you let know about W's birthday, that they may feast it in the same way as yours was? Baby began writing his first diary yesterday, — Marie helped him, his spelling is of course queer. — Cannot write any more to-day. — Every thought is with you. I bless you fervently & sent warm »soft« kisses. Ever Huzzy mine, very own tenderly, loving, deeply devoted little Wify

I reread your letter & love it. —

No. 186.

Tsarskoje Selo, Jan. 3-d 1916

My very own Sweetheart,

This morning only 5 degrees — such a great change. Scarcely slept this night — after 4—5½ — after 7—9 — head better, heart more enlarged, so remain in bed again. Yesterday was up from 9—11 again on sopha. —

Am sorry one takes Masha's Chiffre off, but once that done, there are gentlemen who allow themselves to say things, whose golden coats and aiguillettes can now in future well be taken from them. Give *Maximovitch* the order to pay attention in the club — *Khvostov* begged Fredericks to help him, but the latter could not or did not understand the necessity. — Alas, *Bor. Vassiltchikov* has changed much for the worse and many another — oh, they need to feel yr. power — one must be severe now. —

A. was awfully happy with yr. telegram and says she wrote a rotten answer with the Parents, tho' she did not add half the official things the old man wanted her to write. —

I send you a whole collection of letters. Excuse bad writing, I don't know why I cannot write evenly with this selffilling pen, because its so hard probably. I enclose a postcard made of Baby's photo by Hahn at the *Headquarters* when we were there — it's such a good one. — It's snowing. — How dull I write. But I am squashed and humour not bright, so cannot write nicely. The Children are eating next door, chattering and firing away

with their toy pistols. — Oh, my Angel sweet — my Own, very own — do so long for your loving arms to be around me, to hold me tight. The consolation of yr. loving letter! I continue rereading it and thanking God that really I can be something for you —. I long to — I do love you so intently with every fibre of my heart. God bless you my sunshine, my one and all — I kiss and kiss you without end, pray without ceasing, that God may hearken unto our prayers send consolation, strength, success, victory, peace, peace in every sense — one is so dead tired and weary fr. all the misery. —

Ever Huzy mine, life of my life, the blessing of it, the gratitude for every second of love you have given me.

Yr. little woman, Yr. Wify.

No. 187.

Tsarskoje Selo, Jan. 4-th 1916

My own Sweetheart,

It was such an unexpected joy to receive your sweet letter yesterday afternoon, and I thank you for it with all my deeply loving heart. My day passed as usual, Ania read to me a little in the day. Got on to my sopha from 9—12, *N. P.* came to tea from 10—12 — had not seen him since last Monday, missed you, Lovy, as never had him to tea without you, but he leaves probably the 8-th, according to the day he has to meet Kirill at *Kiev.* To-night he leaves for 1 day to bid his sisters goodbye. He told us how touchingly kind Motherdear was to him; kept him half an hour, talked about the *marine of the guard,* politics, the old man whom she finds honest, but a *fool* because he offended *Buligin* — said how deeply she regretted *N. P.* was leaving her son, such a true and honest friend, fished an image out of her pocket and blessed him — he was awfully touched by her kindness. — It seems *Sablin* 3 (whom other believe, alas, to be his brother) spread the story about his being sent out there, away fr. you for having spoken against our Friend, such a beastly shame and it has made him again less willing to go to *Gregory,* as tho' now it would look as if he went to beg for himself; and he ought to see him before going to the war, his blessings can save him fr. harm, I shall see him again and then beg him to go — its a subject one has to handle gently — Manus did all the harm then. —

Ebikin saw him several times and will do all about getting the men, I think they look at them together before he leaves. K. begged *Grigorovitch* to ask *Kanin* to send officers from the »*Oleg*«. They have sent for *Kozhevnikov* to prepare the men for his *Company* — that goes together with 3 weeks leave, — then *Rod.* and so on they got no leave till now, since easter, as had to be always ready at Sebastopol and Odessa. — *Gutchkov* is very ill — wish he would go to yonder world for you and Russians blessing, so its not a sinful wish. — The Children went to the *Silaievs* yesterday, *Olga* and *Tatiana* and enjoyed them. — I slept so badly, heart enlarged and head aches rather, so remain

in bed. — *Ania* »rushes« about arranging her *refugee-home*, as wants to take some men in on the 6-th — I scrape up things for her too and order others she needs. They say the house looks so cosy, *Tatiana* went to look at it! — 15 degrees of frost to-day. Bichette wrote in despair to Mme Zizi to crave your forgiveness, that her son was not at Nieswicz when you went there. Since 17 months he had not left, and only then went for 2 days to see his mother and Grandmother, who was feeling ill. Had they known you were coming, she too would have flown to meet you. —

Baby seriously writes his diary, only is so funny about it, — as little time in the evening, he writes in the afternoon about dinner. — Yesterday as a treat he remained long with me, drew, wrote and played on my bed — and I longed for you to be with us — oh, how I want you, beloved One, but its good you are not here, as I am in bed and I should never see you, as they have the meals next door. — Very windy and cold, Baby remains in, because of his cold, and *Poliakov* says he must never go out above 15 degr. for some years still, tho' I sent him out before to 20. Olga and Anastasia also have colds, but go to hospitals and drove yesterday — sledged in a sleigh driven by three horses. *Papa-Feodorov* and *Olga Evgenievna* have come to town and hope to see her. —

How is the little Admiral, and do they get on with *Mordvinov* at domino? What news has *Grabbe* from our dear *Convoys*. The Children are eating and firing away with their rotten pistols. Xenia feels still very weak fr. her influenza — Felix has got the mumps. —

Sweety, are you seriously now thinking about *Sturmer*, I do believe its worth risking the German name, as one knows what a right man he is (I believe yr. old corespondent lady spoke of him?) and will work well with the new energetic ministers. I see they have all gone off in different directions to try and see things with their own eyes — a good thing — also that communication will soon be stopped between Moscou and *Petrograd*. I am glad you enjoy the book, am not sure; but fancy you gave it me once to read, did not *Sandro* give it you? —

Now my Sunshine, my joy, my Husband beloved, Goodbye. God bless you and protect you and help you in everything.

I cover you with tenderest gentlest and yet passionately loving kisses, Lovebird. Ever yr. own unto and beyond death Wify.

No. 188.

Tsarskoje Selo, Jan. 5-th 1916

My own Sweetheart,

What joy, I received your sweet letter from the 3-rd this morning — nice snowstorms must have retained the trains. We all 6 are intensely happy over our letters and thank you for them as tenderly as we only can.

A bright, sunny morning, 15 degrees and a very cold wind. Thats good you found a spade to work, get *Mordvinov* to come and help you, otherwise this solitude must be distracting, and I can feel how you miss sweet Sunbeam everywhere.

I slept a little better this night and my heart too is better, tho' aches a good deal and I feel still rotten, so keep to my bed. Have not yet been able to begin my medicines. — Hope poor, spineless *Valia* will soon be better — give him over my compliments. Anastasia has a cold, 37,5 and *Bekker,* and did not get to sleep till very late, Olga has a slight one too and Baby a tiny bit. —

How good the things go well in the Caucasus — what *Grigorovitch* papers say fr. German and Austrian sources of course is always different — and as tho' on the Roumanian frontier they had good luck and we terrible losses — but the latter you knew still here, yes? And not too terrible, therefore you stopped. — *Gutchkov* is better!! —

How nice that Harding wired from all — yes, how things do change in this world. —

The 3 eldest are off to church — long to go, get consolation and strength there. — Oh my Lovebird, »me loves oo« quite terribly! —

Here I send you card from Louise. — Your sweet letters are such a joy to me and I reread and kiss them incessantly.

Dearly beloved One, sunshine of my aching soul, I wish I were with you, far from all these worries and sorrows, quite by ourselves and the wee ones, to rest a while and forget all — one gets, oh, so tired!

Mita Benkendorf told at Paul's, that Masha had brought letters from Ernie, Ania said she knew nothing, and Paul said it was true — who told him? They all found it right the chiffre was taken from her (I personally find, that *S. Jv. T.* and *Lili,* who behaved so badly and were my own personal ladies ought far sooner to have suffered, and other men too) — it seems a letter fr. a Pss. Galitzin, to her was printed, a horrid one, accusing her of being a spy etc. (wh. I continue not to believe, tho' she has acted very wrongly fr. stupidity and I fear, greed of money). — Paul is still offended about Rauch — whenever I see him, I shall certainly explain things to him wh. are as clear as day. —

I saw in the papers that nice *Tkatchenko* died at *Kharkov* — am so sorry — many a remembrance of the peaceful, happy bygone are linked with his name!

An old friend of the Standarts. — *Kilhen* (I thought it was written with a »g«) has died — such a shame they cleared him out from Bessarabia because of his German name — I never heard that name before. There are german names here wh. do not, I believe, exist elsewhere. —

I read an endless letter fr. Max to Vicky, wh. he wished me to read — he tries to be just, but it was more than painful, as many things, alas, were true about here and the prisoners — I can only repeat that I find one must send a higher placed official with Mme Orjewsky to inspect our prisons, especially in Siberia. It is so far away, and certainly people, alas, in our

Country, do but rarely fulfil their duties well, when out of sight. The letter hurt me, much truth was in it and also things that were wrong, and he says ours wont believe things said against the treatment here (— neither do they, vice versa) — I saw what the sisters had told him, also about the cosacks. But all that is too painful, only I find in that he is right, when he says they have not enough food to feed their prisoners much, as all cut off their food from outside (now fr. Turkey I think its great gain for them) — and we can give more food — and more grease they need, and in Siberia the trains go alright — and warmer barracks and more cleanliness. Out of humanity sake and that one d a r e n o t speak badly of our treatment to the prisoners one longs to give severe orders, and that those who don't fulfil them will be punished — and I have not the right to mix in as a »German« — one, some brutes, persist on calling me so, probably so as to hinder my interference. Our cold is too intense, with more food one can save their lives, 1000 have died — our climate is so terribly trying. — I hope *Georgi* and *Tatistchev* will inspect on their way back and thoroughly — especially the small towns and poke their noses well into everything, as one does not notice all at first sight. — *Fredericks* might have wired a cypher to *Georgi* with yr. order, only yr. Mama and I begged him to go and look. — He must n o t say it before hand, otherwise they will prepare things on purpose — *Tatistchev* can be a help as he speaks German well and will know how to be with the German officers and found out the real truth about their treatment and whether they have really been beaten, as thats disgusting if true and may have happened out there — as better for us, they too will do things more humanely, as Max intends helping in his mother's memory — so if Georgi does, it wld. be excellent; and send someone else also here about, and Mme *Orjevsky* to Siberia to meet *Georgi,* — these are wify's ideas. — Why dont you, now that you are, free'er, prepare all for the old man's change — I am sure he feels he has not acted wisely latterly, because he long has not tried to see me — he realises he is, alas, not in the right. —

Precious One — I have sent Baby to church for the blessing of the water — he had masters before.

Such sunshine! —

I am s o glad Ania has that work to do about her »*home*«, — several times a day she goes there to see to all, to order things, and what a lot one needs for 50 invalids, sanitarys, sisters, doctors etc. *Viltchkovsky* and *Loman* and *Reshetnikov* (fr. Moscou) help her — I think she has 27,000 — all been given to her, not a penny yet of her own. Its so good a t l a s t she has something like that to do, not time to have »the blue devils« and God will bless her for this work. She has lost a pound this week in consequence, wh. delights *Zhuk.* To-morrow she takes in her first soldiers .—

So you, Sweetheart, also only got my letter this morning -- is it possible so much snow or our railways once more at fault — when will there at last be order, wh. in every sense our poor country needs and wh. is not in the Slave nature!

I read one has evacuated Cetinje and their troops are surrounded — well, now the King and sons and black daughters here, who wished so madly this war, are paying for all their sins towards you and God, as they went against our Friend knowing who He is! God avenges Himself. Only I am sorry for the people, such heroes all — and the Italians are selfish brutes to have left them in the lurch — cowards! —

Baby will write to-morrow, he slept long to-day. —

I bless you and kiss you without end, with fervent love.

yr. very own little Wify.

The Priest I hear is coming to bless the rooms, so I must put on a teagown and crawl back to bed — its nice he remembered to come, tho' Church is not in the house to-day.

No. 189.

Tsarskoje Selo, Jan. 6-th 1916.

My very own Treasure,

It was such a joy having two letters to reread ever so often yesterday and to cover with kisses. I was in bed at 2½ and only got to sleep after 3½ (as usual now) and reread them again and hovered over every tender word. The heart is again enlarged, tho' I twice took my adonis yesterday — I told *Botkin,* I need a moments fresh air — so he said I might go unto the balcony, there being only 5 degres and no wind. Poor Anastasia has 38 this morning and slept very badly. At first I feared it might be the beginning of measels, but they say that no — so I suppose only influenza — Marie will sleep this night with the big sisters, its better. They went to Church at 9 and now are in the hospital, Tiny is going there too. — I miss my hospital so much — but whats to be done. —

Ah yes! I often think how lovely it would be in your free hours to sit cosily by yr. side and chatter away calmly, with no ministers etc. to bore us — it seems as tho' all difficulties and sad things come together for you. — Our friend is sad about the people of Montenegro and that the ennemy takes everything and is so pained that such luck accompanies them — but always says the final victory will be ours but that with great difficulty as the ennemy is so strong. He regrets one began that movements I think without asking him — he wld. have said to have waited — he is always praying and thinking when the good moment will come to advance, so as not to uselessly loose men. — Please, thank General Williams in Baby's name for the pretty cards — it is interesting for him to have the collection. — Anastasia has bronchitis, head is heavy and hurts her swallowing, coughed in the night, she writes about *Ostrog(orsky)* »*Although he said that I look a litttle better than yesterday, but I am pale and my appearance is foolish in my view*« just like the »*Shvibzik*« to say such things; — such a bore I cant sit with my Beloved Darling, I think of

you so endlessly lovingly and suffer over your loneliness — Nobody young and bright near you, a thing one needs so much to keep one going when worried and hard-worked. — Just collected 10 simple Images for Ania's Invalid-house, she takes in her first men to-day. Well, I lay for 1/4 an hour on the balkony — nice air, heard the bells ringing — but was glad to get into bed again — still not feeling famous. — I send you a petition from our Friend, its a military thing, He only sent it without any word of comment and then again a letter from Ania. —

A week to-day that you left us — to me it seems very much longer, wify misses her own, her Sunshine, her one and all in Life and longs to caress and cheer him up in his loneliness, Sweetest of Sweets. I have nothing of interest to tell you, as I see nobody. Had a wire from *Miassoyedov Ivanov* yesterday thanking for pretty *Regimental book* I send them — they have moved on to *Belozorka* wherever that may be. —

Malama wrote a card to Ania saying that they leave »*for business and go on that account West. The place is not especially pleasant, to rest in a hole is also not well, but not for long. Yesterday went to the dance arranged by the detachement, the whole village »monde«, was there I enjoyed myself much and am arranging a similar affair tonight.*«

Now my Beloved, my Angel, my one and all I hold you tightly in my arms, gaze long and tenderly into your sweet loveley eyes, kiss them, and every bit of you — and »me« alone has the full right to this — true?

God bless and protect you and keep you from all harm. Ever yr. very own old

Sunny.

Lovy, you burn her letters so as that they should never fall into anybody's hands?

No. 190.

Tsarskoje Selo, Jan. 7-th 1916

My very own beloved Darling,

I received your sweet letter after having sent off mine — thanks for it with all my heart. It is lovely that you can write to me every day & I devour your letters with such endless love. —

N. P. dined with A. & then spent the evening with us. He was disgusted with Moscou & all the filth one says there & it took him lots of trouble to clear up many horrors his sisters had heard & false opinions they had. Here he avoids the clubs, but friends tell him lots of things.

The train fr. *Sebastopol* was late, so he stuck at Moscou station from 2—4 in the night, & reached *Petrograd* at 5 instead of 2. — He says about Manus its not true about his wishing to change his name, enemies of his spread things about him, because they are jealous he got that rank & he had a row with *Miliukov,* who wrote lies about him & now people want to set

the little Admiral against him out of spite. *N. P.* went in the train with old *Dubensky,* who spoke very frankly to him about the old *Headquarters* & all the stories & »nice« things about fat *Orlov* & plans he & others had, coinciding with what our Friend said, I'll tell you when we meet.

Have you any plans in view or any journeys, as you have less to do now & it must be so dull at the *Headquarters.*

Lovy, I don't know, but I should still think of Stürmer, his head is plenty fresh enough — you see *Khvostov* a tiny bit hopes to get that place — but he is too young — Stürmer would do for a bit, & then later on if you ever want to find another you can change him, only don't let him change his name »it would do him more harm than if he kept his old & venerated ones« as you remember, *Gregory* said — & He very much values *Gregory* wh. is a great thing. You know *Volzhin* is an obstinate nuisance & wont help *Pitirim* wont give into things unless he gets yr. special order — frightened of public opinion. *Pitirim* wishes *Nicon* (the brute) to be sent to Siberia, you remember & *Volzhin* wishes him to go to *Tula* & the Metropolitan finds it not good he should be in the centre of Russia, but further away, where he can do less harm. Then he has other good plans about paying the clergy & *Volzhin* wont agree & so on. Shall I ask *Pitirim* to write me a list of the things he finds neccessary & then I can give them you to order *Volzhin* to fulfill. *Pitirim* is so clever & largeminded & the other just not, fr. fright.

Anastasia's temp. in the evening was 37, she spoke with me by telephone. Alexei came to our dinner already in his dressing gown at 8.20 & wrote his diary wh. he is sweet about. Your message came in time, as he was already beginning to get a bit bored about it, not knowing when to have time to write. —

Such a craving for your caresses, yearning to hold you in my arms and rest my head upon your shoulder, as in bed & to cudle up close & lie quite still upon yr. heart & feel peaceful & at rest. So much sorrow & pain, worries & trials — one gets so tired & one must keep up & be strong to face everything. I should have liked to see our Friend, only never ask Him to the house when you are not there, as people are so nasty. Now they pretend he has received a nomination at the *F. Cathedral* wh. obliges him also to light all the *lamps* in the palace in all the rooms! One knows what that means — but that is so idiotic that any sensible person can but laugh at it; — as do I. —

You don't mind my seeing *N. P.* often now? But as he leaves in a few days (his friends left), the whole days he is occupied & in the evenings quite alone & downhearted. After all these talks here & in Moscou that he has been sent away because of our Friend — its not easy for him leaving you & us all, & for us too its horrid to have to say goodbye — one has so few real friends & he is our very nearest. He will go to our Friend, thank God. Ania spoke lots to him & then I did all about the great change this summer — he did not know that it was He who kept you & us up to the absolute necessity for you, our & Russia's sake. I had not spoken to him alone for months &

was afraid to speak about *Gregory,* as I knew he was doubting him — it has not yet quite passed I fear — but if he sees Him he will feel calmer — he believes so in Manus (I don't) & I believe he set him against ou Fr. & now he calls him *Rasputin,* wh. I don't like & I will try & get him out of this habit.

So much milder, 1° in the evening only — those changes are bad for the health. —

What do you say about Montenegro? I don't trust that old King & fear he may be up to mischief as he is most untrustworthy & above all ungrateful. What have the poor Servian troops done wh. had gone there? Italy is disgusting to my mind & so cowardly, she easily might have saved Montenegro. — Bow to nice old Po from me & to General Williams & Baby's dear Belgian. — I am sure the blessing of the waters must have been very fine — such a pretty place down by the river, the steep street & mild weather.

Anastasia is better, 36,5, feels clearer in the head & the cough already less — it seems only the tops of the bronchi were touched. —

I slept most rottenly & feel idiotic, so will go out on the balcony — 1° of warmth — & Isa will keep me company.

Am sorry to bother you with petitions, but *Bezrodny* is a good Dr. (he knows our friend already long) & only you can help, so write a word on his *memorandum* (there was no petition) to say one is to give him the divorce & sent it to *Volzhin* or *Mamantov.*

Then there is a paper from a *Georgian, Gregory* & *Pitirim* know & ask for — well you can send it to *Kotchubei,* tho' I doubt he can do anything for this *Prince David Bagration-Davidov* — or do you know him? — Then a paper from *Mamantov (Gregory* knows him many years) — it seems an injustice was done, can you just look it through & do according to what you think right with it. Sorry to bother you, but they are for you — simpler ones I send straight to our *Mamantov* without any commentary. Baby's throat is a bit red, so he wont go out — it's the real weather for catching cold — these great changes. —

Did you repeat the order about William's birthday being allowed to be feasted the same as yr. namesday was? — Did you think over again, that people of the *Duma,* such as *Gutchkov,* shld. no more be allowed to go to the front & speak to the troops? He is recovering, honestly I must say, alas! One ordered *services* for him at the *cathedral* & now he becomes yet more of a heroe in the eyes of those that admire him.

Here is a letter from *Alexei.*

Sweetheart, me thought so quite particularly of you this sleepless night & with such tender longing & compassion! — How is you?

Now Goodbye, my Sunshine, my long-loved Huzy, God Almighty bless and protect you & help you in all yr. decisions & give you great firmness of caracter.

Kisses, tender & passionate without end, fr. yr. very own fondly loving

Bow to *Mordvinov:* & *Silaiev.* Wify.

Where is Misha; no living sign fr. him since he left in Dec.

No. 191.

Tsarskoje Selo, Jan. 8-th 1916

My own Darling,

Very tenderly do I thank you for yesterday's precious letter. — The end was so sweet and full of tender meaning — lady thanks for the caress wh. she returns with great love! —

Well Babykins went up after luncheon with a heavy head, rather red throat, ached swallowing, so I told him to lie down and get a compress on. Later he had 38.4. but the head got better. I no more saw him, we only spoke to him and Anastasia by telephone, she felt better, 37.2. — Ania coughed 2 days and was feeling feverish when she came in the afternoon, so I made her measure her temperature, 37.9. so I sent her home instead of to her wounded, *Akelina* remains the night with her, the Dr. gave her medicine, she drank hot red wine blessed by our Friend — I hope she will be better by to-morrow. She wrote in a very sad mood — and begged to say she kisses you. — I remained on the sopha after the balkony till 6 — and then up for dinner again — feel weak all day and not very nice. *N. P.* came after 9 and kept us company and the children tried all sorts of music for the gramaphones I want for our, and Ania's hospital. He says one sends *Rodionov* now instead of *Kozhevnikov,* and as soon as he arrives, Saturday or Sunday, he supposes Kirill and he leave. If you are at the *Headquarters, Kirill wanted to pass* there for 2 days, then *N. P.* thought better to join him at *Kiev* so as not to look pushy at *Moghilev,* but if you are away, as *Dubensky* hinted to him you might be, then he and Kirill will go straight fr. here to-gether. He bought masses of shoes for their horses and nails etc. and things without end the others of *Kozhevnikov,* and as soon as he arrives, Saturday or Sunday, he supposes, the son of ours) Koni and the other names he had forgotten. It freshens one up to see him — its lovely — to-day a week that I am so to speak in bed and one does not feel bright nor over gay — and neither does my own Lovebird. — Its been raining and »dirty« weather. — Am so glad *Trepov's* and *Naumov's* journeys were useful and I hope they woke up everybody thoroughly — one must go about oneself and poke ones nose into everything, then people work harder and feel that one is watching them and can turn up any moment. How good you have a cinema for all the children and then they can see you nicely too.

Anastasia slept well, 36.8, *Alexei* only woke up twice in the night, 37.6, is in the playroom, in bed and very gay. I hope to go upstairs this afternoon to see them both. In the morning I am to lie on the balkony again. 2 degr. of warmth, rainy, windy, dark, dull weather shall get Isa there again to speak over affairs.

Did not sleep again very well and had nasty dreams, head aches rather, heart too, tho' just now not enlarged. Ania slept very badly, to wh. she is unaccustomed, coughed much, head aches and 38. Olga has gone there for a little and Marie will at 12 — stupid I cant. Perhaps you will tell me to give her your love to cheer her up. — All about people have influenza, rotten

thing. — Could you not have got *Sturmer* to quietly come to the *Headquarters*, you see so many people, to have a quiet talk together before you settle anything. — Look here, when you see *Dubensky* cleverly draw the question to speak about fat *Orlov* and make him tell you things about him — if he has the courage to show up the man's vileness wh. drags in others too high placed of the old *Headquarters* — *Feodorov*, I think, knows it too. Me, he always spoke of as »she« — and that he was sure I wld. not let you come soon to the *Headquarters* again after they had forced »their« ministers upon you, — ask about *Drenteln* too, who had the convent in view for me ultimately — *Dzhunkovsky, Orlov* ougt straight off to have been sent to Siberia — after the war is over you ought to have a *punishment* made — why should they go, free with good places, when they had prepared all to have you changed and me shut up, and who did all, to be nasty to yr. wife — and they wander about and other people think they were unjustly cleared out, as they went scot'-free. Its vile to think of the falseness of humanity — tho' I long knew and told you my feeling about them — thank God, *Drenteln* has also gone — now these are clean people round you, and I only wish *N. P.* were of their number. We spoke long about Dmitri — he says that he is a boy without any caracter and can be lead by anybody. 3 months he was under the influence of *N. P.* and held himself well at the *Headquarters* and when in town with him, kept himself like the other and did not go to ladies companies — but out of sight — gets into other hands. He finds the regiment perverts the boy, as their coarse conversations, jokes are horrid and before ladies too and they draw him down. Now he is used as aide de camp. —

»*Shvibzik*« *(Anastasia)* just wrote one of her funny notes — to-day she has to keep still in bed. —

I spent my time writing notes to all the invalids. Ania had a letter from dear *Otar Purtseladze* — tell it to *Silaiev*. He sends lots of good wishes, feelings, love to the *family;* — and is happy we have seen his wife and boy. Learns French and English — gets up and goes to bed early — does not say how kept or fed nor any details — only in despair to be there instead of serving at such a time.

Now Sweetheart, Beloved, my Own, My very Own, I bless you —, kiss you, press you tightly in my arms, with infinite love and gratitude for 21 years perfect happiness for wh. morn and night I thank God.

Oh, how I long for you and yr. tender caresses — I send you all, all, all, the same as you did.

Ever yr. own old Sunny.

Does the paper smell good!!!

No. 192.

Tsarskoje Selo, Jan. 9-th 1916

My own Sweetheart,

Mild, snowing, raining and dark. The 2 little ones slept well, have 36.3 and 36.4. I shall go again up to them in the afternoon. — Have

been reading *reports* and Isa came to help about a few questions and yesterday evening too. — The Children went in several times yesterday to see Ania — and Tatiana late, still after cleaning instruments in the hospital. She had people all day, her Father, then our Friend and nice Zina, then her Mother, then Axel P. who has come for 3 days, and *Zhuk*. The *Metropolitan* hearing she is ill, wants to see her too — awfully kind and she does not know what to do. Her maid last night 40.2, *Angina,* so the Dr. took her off to the hospital and her old *Zina* came in to help *Akelina*. She did not sleep the night because of her cough — now she is better no doubt, as has not let me know about her temp. — She said to kiss you and beg for yr. prayers, therefore I had to wire and also what our Fr. said about *Sturmer* not to change his name and to take him for a time at least, as he is such a decided loyal man and will hold others in hand, — let one scream if one wishes, they always will at any nomination. *N. P.* spoke by telephone: Kirill sends him off to-night to Helsingfors to see *Kashin* and the staff — because *Grigorovitch* told Kirill they make difficulties about fulfilling your orders to K. — so the quickest and best was to send *N. P.* to explain matters and that K. got the order from you, — its not *Kashin* but others in the staff and he fears *Timirev* may be disagreable as he is offended with the *Marine of the Guard,* wh. he left. — Ania slept from 8—11 and has 35.8 — so feels very weak. *Sergei* goes to the *Headquarters* soon, I hear — better not, keep him there long, as he is always a gossip, alas, and such a sharp, criticising tongue and his manners before strangers are not edifying — and then there are very unclear, unclean stories about her and *bribes* etc. wh. all speak about, and the artillery is mixed up into it. — Just got your letter, 12 o'clock nice and early, such an endless joy to have news fr. you, you cannot think what your sweet letters are to me and how I kiss and reread them ever so often. Such a treat to get them now daily, they warm me up, as I miss my Treasure quite terribly and kissing your cushion and letter is still not quite satisfying to a hungry wify. Ah, My Angel, God bless you for your marvelous love and devotion, wh. I am not near worthy enough of. — Bless you for it, sweet One. You too, Huzy mine, know what you are to me and what dephts of love my old heart is capable of — these separations kindle the fire yet more and make the great love yet more intense. — Will you be moving about to the other corps as you have less work now? Its good you let the ministers come out there to you. Oh, how I wish you could get rid of *Polivanov,* wh. means *Gutchkov* — old *Ivanov* in his stead, if honest *Beliaiev* too weak — all hearts in the *Duma* would go out to »*grandfather*«, am sure, but perhaps you have no one ready in his place. — To-day 40 days little Sonia died. — In a few days its Tatiana's namesday; to-day the famous 9-th. — How much we have lived through together and what hard times and yet God never forsook one and kept us up — and so he will now, tho' we need great patience, faith, trust in His mercy. And your work resignation and humility must be recompensed and God I feel will do so, tho' when, we cannot guess. — Yesterday evening I laid patiences, read, saw Isa and played with Marie. — Took tea with the little ones upstairs — the three then stood still and their beds were in the

middle of the room — Anastasia looks green with shades under her eyes, but he — not bad. My Love, I send you just one paper to do what you like with. —

You must get the old man out and calmly tell him yr. decision — now its easier as you dont agree quite and he did not have that circular printed (showing he is a bit old and tired and cant grasp, alas, everything, dear old man) — you have time to speak, and its better the other shld. have time before the *Duma* is called in to have sittings with the ministers and prepare himself — and *Sturmer* being an older man, won't offend *Goremykin:* and then you give him the title of old *Solsky,* not of course Count (wh. is rotten), but the other thing I should calmly do it now at the *Headquarters* and not put it off any longer, believe me Deary. —

Well, now goodbye, Sweety mine, Husband of my heart and soul, light of my life — I hold you in my arms and clasp you tightly to me, kissing yr. sweet face, eyes, lips, neck and hands with burning tender kisses, — »I love you, I love you 't is all that I can say« you remember that song at Windsor 1894? on these evenings!! God bless you Treasure.

Ever yr. very own unto death Wify.

Hope my flowers will arrive fresh and smelling good.

No. 193.

Tsarskoje Selo, Jan. 10-th 1916

My very Own,

Warm & snowing again. Our Friend's Namesday. — I am so glad, that thanks to measures having been taken, all passed quietly in Moscow & *Petrograd* & the strikers behaved themselves. Thank goodness, one sees the difference of *Beletzky* & *Dzhunkovsky* or *Obolensky.* I hope you dont mind I wired about *Pitirim,* but he wld. so much like to see you quietly (here you never have time) and tell you all his ideas & improvements he wld. like to make. He sat near Ania 's bed yesterday, kind man. She slept only for about 4 hours this night, (so did I) coughed much, 36.8, & Becker, & tired, & *Gregory* wanted her to come to-day, but she really has not the strength to go & it would be utter folly fr. the human point of view. — Anastasia slept well, 36,3. Alexei still sleeps. The big ones are off to Church. — I lay in their room yesterday fr. 4½—6½ — Baby was playing bezigue with Mr Gibbs, who spent the day with him. —

Eugeni Sergeievitch turned up, his foot was better & found my heart enlarged this morning too, but I knew that — so must take more Adonis & other drops to quieten the heartbeating. — I have absolutely nothing of interest to tell you, am so sorry — but I see nobody & hear nothing. Xenia feels still very weak and is only half dressed, & up half. —

How well our cosacks »worked« near Erzerum! —

Anastasia may get up in her rooms only on Tuesday, its a bore, but wiser & she does look still green. —

Baby slept very well till after 10, woke only once. 36.2. —

Why, there is the sun out for our Friend, that is lovely indeed, had to be so for Him! —

Ania thanks for yr. love & sends a letter, asks me whether you will be angry, I answered she must know better than me whether you allowed her to write often .—

Isa lunched with us — shall spend afternoon again quietly & alone till go up to the pets. —

Just got precious letter for wh. endless thanks, Sweetheart.

You are right about *Sturmer* & a »thunderbolt«.

Glad you will manage to see troops. Kiss & bless you without end, press you to my big, aching heart, yearn for yr. tender kisses & caresses wh. mean so much to yr. very own little Woman yr. wife, yr.

Sunny.

Who lives by you & whose Sun and light you are, purest & best One.

No. 194.

Tsarskoje Selo, Jan. 11-th 1916

My own Sweetheart,

A brighter day at last & 2 degrees of frost & the dear sun shining — its a pitty you too have such »dirty weather«. — Is the English General nice? I suppose he was sent to you from the army to welcome you as fieldmarshal? — But there is nothing you can give Georgie in exchange, as he does not command, & one cannot play with such nominations. —

I don't quite understand what has been going on in Montenegro — it says the King & Pietro left over Brindisi for Lyon, where he is to meet his wife & 2 youngest daughters & that Mirko remained to try & unite with the Montenegrian Servian & Albanian troops. Only now Italy has landed 70 000 men in Albania — an ugly game theirs. But if the King surrendered, how about his troops? Where are Jutta & Danilo? Why does one allow him to go to France — all most uncomprehensible to me. — Ania was up an hour on the sopha in the evening & spoke with quite a strong voice — she is already dreaming of coming here — what a strong health after all, to pick up in a second, after she thought she was so fearfully ill & miserable! —

Now don't think me mad for my wee bottle, but our Friend sent her one from his namesday feast, & we each took a sip & I poured this out for you — I believe its Madeira, I swallowed for his sake (like medecine), you do it too, please, tho' you dislike it — pour it into a glass & drink it all up for His health as we did — the lily of the valley & wee crust also are from Him for you, my Angel Sweet. One says heaps of people came to Him & He was beautiful. I wired congratulating *from all of us* & got this answer. »*Inexpressibly overjoyed — God's light shines on you, we will fear nothing.*«

He likes when one is not afraid to wire to Him direct, I know He was very displeased she did not go. & it worries her, but I think He goes to her to-day.

The little ex Xmas-tree smells so deliciously strong this morning! All have good temperatures this morning. —

I am sorry my letters are so dull, but I hear nothing & see nobody. — *Vassilievsky* telegraphed so happy to have received the brigade in wh. my regiment is, & *Sergeiev* enchanted to have taken the 21 reg. fr. him as he has served there so long. — I had to take another pen, as there was no more ink in the other one. — Slept better, so far heart not enlarged this morning. I shall go & lie for a bit on the balcony as had no air since two days. —

Thoughts & prayers never leave you, Sweetheart & I think of you with intense love, tenderness & longing.

God bless you, 1000 kisses fr. yr. very

Own.

Ania just writes that *N. P.* returned fr. Helsingfors & that she would like to come with him to dinner, that her Dr. has allowed her to go out in a shut carriage in the evening — I find Drs queer, or she is wonderfully strong & when she wants to do a thing she always does it & somehow succeeds — Youth & strength. —

Very tenderest thanks for sweetest letter — what joy if you come end of the week home again!!

No. 195.

Tsarskoje Selo, Jan. 12-th. 1916

My very own Treasure,

Tenderest good-wishes for our Tatiana's Namesday. She and Olga have flown off to the hospital and at 12½ we have a *mass* in my room — sad you are not with us, sweetheart. —

I can so well realise the utter boredom of your daily walks in that tiny garden, better cross the bridge in a motor and at the end of the town walk — or near the train on the big road; you indeed need air and exercise, but soon I suppose the snow will quite melt in yr. parts. — What joy if you can really come end of the week, sweet Angel mine! — the time seems long and weary when you are not here. —

Well, Ania and *N. P.* came to dinner, she remained only little over an hour, looks stout, rosy, tho' shades under her eyes. I had not seen either since last Thursday.

He had lots of difficulties at Helsingfors, they dont wish to give the quantity of officers needed, so now Kirill must work on at it. *Rodionov* arrived, and they both will come at 9, so as give *Tatiana* pleasure too on her Namesday. — Anastasia and Alexei are allowed to be dressed and up, but not to come down yet to-day — Baby slept till nearly 10 — 36.2. Its much better he us up, as felt well and did such awful nonsence in his bed and could not be kept quiet. —

The Germans are evacuating *Pinsk?* I wish one cld. »pinch« them before they have time to. —

At last 2 nights that I have slept quite nicely and the heart has not been enlarged in the morning. —

Such a surprise, both the little Ones turned up and may lunch with us — and really its much better. Both look rather thin and green still. —

Now Goodbye Sweetheart, Beloved. God bless you, kiss you ever so tenderly and fondly, and remain, Nicky mine, yr. very own old

Wify.

P. S. Just received yr. sweet letter, thanks 1000 times my very, very own Beloved, cover you with burning kisses. Oh how dull to sit with the old man!!! Wish it were me, wld. not Boyxy like lady? She wanted him frantically.

No. 196.

Tsarskoje-Selo, Jan. 13-th. 1916

My own Sweetheart,

Grey, dull weather, 2 of warmth again & very windy. — Lay out on the balkony yesterday for half an hour. The little ones are so happy to be able to come down again, but look pale. —

To-day the two eldest lunch at *Anitchkov,* have committees, *receipt of donations* & tea at Xenias. It seems Motherdear was not quite well, & so was lonely & could only go to Xenia once. —

It was cosy having *N. P.* & *V. N.* yesterday from 9¼—11.50 — they talked much about there. *N. P.* lets him live in his appartments as nearer to the *escort.* He & Kirill leave Saturday evening, I believe. There is still masses to be done — people are so obstinate & wont do things — he goes to *Grigòrò-vitch* this morning. —

How dull, poor Angel, to sit near the old man at the cinema — why, its to run up the walls. I am glad the new English general is nice. — What are the stories going on about the Montenegrians? As tho' he had sold his country to the Austrians, therefore one wld. not receive him in Rome nor in Paris — or is this all gossip — he is capable of anything for money's sake & his personal profit, tho' he loved his country I thought — in any case I understand nothing. —

I want to go in the little sledge in the garden, tho' strong wind, with Marie, & enter into *Znamenia* for the first time in 1916, & place candles there & pray for my own sweet Lovebird. — Nice Zina, who likes our Friend sat for an hour with me yesterday.

Now goodbye my Sunshine, my one & all. I bless you & cover yr. beloved face with ever such tender kisses.

Yr, very own little

Wify.

Fancy *Raftopolo* being at *Moghilev,* he wrote to *Ania* he was sent there from the regiment.

No. 197.

Tsarskoje Selo, Jan. 14-th 1916

My very own Lovebird,

Very windy, mild, sun shone a little. Feel rotten as had such pains in my tommy in the night and such faintness, even rang for Madeleine to fill up my hotwaterbottle and give me opium. Probably it comes from Adonis. But I feel so weak to-day. — *Olga Evgenjevna* lunches and then I receive *Yagmin,* who came to hurry his wife, at last. —

How nice that *Raftopolo* lunched with you — *Silaiev* will have been delighted — it was the boy's sisters namesday too on the 12-th. To-day is Williams birthday! There now its snowing. — I wonder whether this is my last letter and you return on Saturday or not? —

The Children found Motherdear rather thin, they lunched with her upstairs — then after their committees they took tea at Xenias, who neither looks flouroushing. — Yr. friend *Plevitskaya* brought *Olga* money fr. the concerts she had given. — She had sung to *Olga* at *Kiev* where by chance *Mahalov (»Rosotchka«)* was, and he accompanied her and *Rodionov* came with her here. — Ania read some stories out of yr. book to us, about Children, whilst we were laying patiences — she has brought a new book for you for yr. return. — Cannot write any more, feel too idiotic. —

Goodbye my Sweetheart, God bless and protect you now and ever and help you in all the difficult moments of your life. —

I cover you with tenderly caressing, yearning kisses, and remain, precious One, yr. very own fondly loving old wife.

Sunny.

No. 198.

Tsarskoje Selo, Jan. 15-th. 1916

Sweetheart,

Only a few lines as feel very rotten. Slept well, but head aches still, difficult to keep eyes open, feel so weak, fievrish, nasty, 37. 1, but will probably rise, heart enlarged — as tho' I were going to have influenza, so *Botkin* said I was to remain all day in bed. Yesterday also felt nasty and cretinised.

Olga Evgenjevna the same as always, begged to send her compliments. *Yagmin* has news the regiment is well into Persia now.

Ania and *N. P.* dined — I felt too rotten to fully enjoy them —

Sunny day, 6 of warmth in the sun. —

Such happiness you come Sunday, but want to be well by then.

Hope good weather — all will go off well, see dear Cosacks. —

How was it a beastly Zeppelin came as far as *Rezhitsa?*

Children well, tho' Olga was sick in the night without any reason.

Beloved, I cant write any more, eyes ache and are so heavy.

Poor Css. Worontzov — she will miss her dear old husband — but for him it must be a relief. — How is Feodorov?

Blessings and kisses without end and great longing to have you back again, Lovebird, sweetest of Sweets —

Press you tenderly to my heart —

Ever yr. own old wify

Alix.

You will get this no doubt at *Orsha.*

No. 199.

Tsarskoje-Selo, Jan. 16-th. 1916

My Own,

I hear that a messenger leaves even to-day still to worry you — so I write a few lines. Bright sunshine, calm & 2 of frost.

Went to sleep after 3, feel a bit better to-day, but still a strange feeling in my inside & I keep a hotwater bottle on my tommy — but heart by chance this morning not enlarged. —

I got up for dinner yesterday & lay on the sopha till 11 — laying patiences as usual, as less tiring than working. —

Sandra is with her mother, *Ira* & *Maia* here in town. — Such consolation you return to-morrow, lovebird. Yr. dear letter made me so happy. — But how strange *Chelnokov* having been with you — can imagine that he felt small & not sure of himself — he ought to have stood all the time, doublefaced man! —

Fancy *Voyeikov* also having fallen ill — you have had to wander from one to the other. What a dull letter! Excuse my not coming to the station, but have not the strength to stand about there. —

Kiss & bless you my own Love & am more than happy to clasp you soon to my breast again.

Ever yr. very own old

Wify.

Нацечатано и издано
Издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ.

